



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

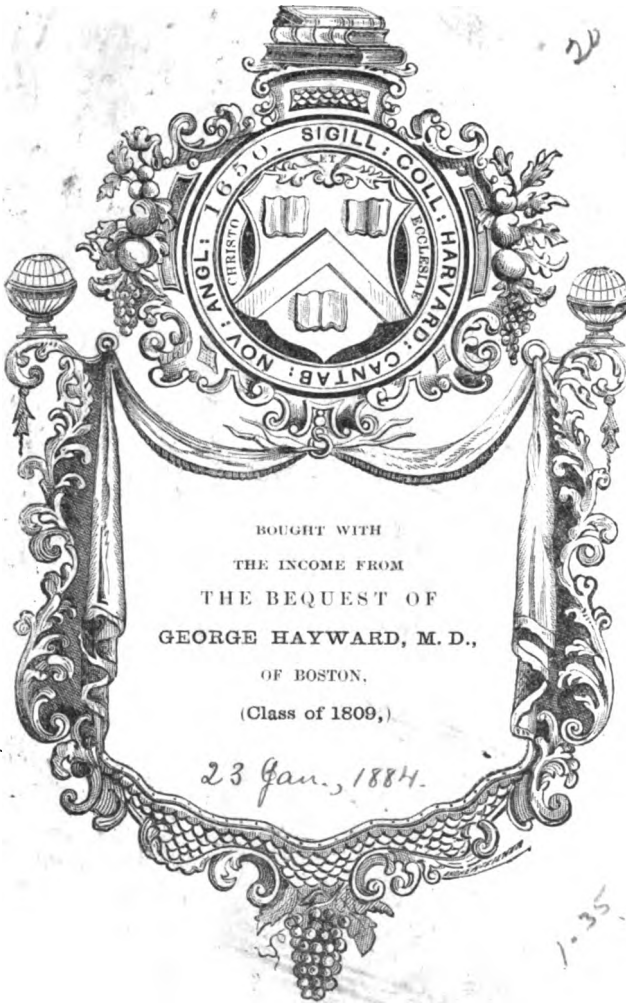
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L Soc 3983.17



ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

21
ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

(Съ пятью чертежами и однимъ литографированнымъ снимкомъ).

с.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1878.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Компн., въ С. П. Б.

Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фесса, въ Лейпцигѣ.

Цена 3 руб. 80 коп.

L Soc 3983.17

~~Stav 2013~~

JAN 23 1884

Alayman's fund.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Августъ 1878 года.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вос. Остр., 9 лин., № 12.)

29-187
1-35

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

	СТРАН.
Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1876 и 1877 годы. Читанъ Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ Б. С. Веселовскимъ, въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1877 года.	1— 30
Отчетъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1877 г., составленный академикомъ А. Θ. Бичевымъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 29-го декабря 1877 г.	31— 72
Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогожскаго Библейскаго Сотоварищества секретаремъ онаго Александромъ Никитенковымъ, 1824 года Генваря 27 дня.	73— 81
На память объ О. М. Бодянскомъ, В. И. Григоровичѣ и П. И. Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи. И. И. Срезневскаго.	82— 127
Личный составъ Императорской Академіи Наукъ 1 апрѣля 1878 г.	128—145
Новая магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Павловскѣ. Г. Вильда. (Съ четырьмя чертежами). Чitano 17 января 1878 г.	146—188
Отчетъ Комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева Безбородки за біографію Канцлера Князя А. А. Безбородки. Составленъ академикомъ Я. К. Гротомъ, и читанъ въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 6 апрѣля 1878 г.	189—222
О новомъ случаѣ дѣлимости чиселъ вида $2^{2^m} + 1$, сообщенное Академіи От. Первушинымъ. В. Я. Буяковскаго. Чitano въ засѣданіи Физико-Математическомъ Отдѣленіи 4 апрѣля 1878 г.	223—224
О развитіи цефалодій на слоевищѣ <i>Peltigera Aphthosa</i> , Hoffm. И. Бабикова. (Съ 1 таблицей рисунковъ). Чitano въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 22-го ноября 1877 года.	225—237
Предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1877 году, по порученіи Академіи, по берегамъ Подкаменной Тунгузки. И. А. Лопатина. Чitano въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 8-го ноября 1877 г.	238—243

Растительные остатки яруса Урса Восточной Сибири. И. Шмальгаузена. Извлечение из статьи, читанной въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 8-го ноября 1877 г. и напечатанной въ Бюлетенѣ.....	244—247
Объ ученыхъ трудахъ академика О. И. Сомова. Е. И. Золотарева. Представлено Физико-Математическому Отдѣленію въ засѣданіи 14 декабря 1877 г.	248—266
О двухъ новыхъ трудахъ преосвященнаго Порфирія Успенскаго. Статьи С. И. Пономарева.....	267—296
Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка. Академика Я. К. Грота.....	297—318
Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Академіи за мартъ, май, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1877 года; январь, февраль, мартъ, апрѣль и май 1878 года:	
Общее Собраніе.....	319—370
Физико-Математическое Отдѣленіе.....	370—404
Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности.....	405—413
Историко-Филологическое Отдѣленіе.....	413—420
Этимологія слова девенѣсто, неправильно — девянѣсто. Г. Франца Прусика.....	421—423
Алфавитный указатель въ XXXI-му тому Записокъ Академіи Наукъ.....	425—437

Приложенія:

№ 1. Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Академика Я. К. Грота.....	1— 67
№ 2. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I. Академика М. И. Сухомлинова.....	1—116
№ 3. Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. — Происхожденіе Екатерины I. Я. К. Грота. (Съ литографированнымъ снимкомъ).....	1— 32
№ 4. Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патерн и замѣчанія И. И. Срезневскаго.....	1—152

ОТЧЕТЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ И ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ
ОТДѢЛЕНІЯМЪ
за 1876 и 1877 годы.

Читанъ Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1877 года.

Торжественное собраніе, на которое мы, по обычаю, ско-дима ежегодно въ настоящій день, было въ минувшемъ году посвящено празднованію столѣтійнаго юбилея Академіи. Это празднество составитъ эпоху въ лѣтописяхъ нашего учрежденія: мы имѣли счастье видѣть здѣсь нашего Августѣйшаго Покровителя, Государя Императора, вмѣстѣ съ Членами Царственнаго Дома, и съ благоговѣніемъ услышали изъ устъ Монарха выраженіе Милостиваго вниманія къ трудамъ нашимъ. Среди чтеній на этомъ засѣданіи, по самому характеру своему посвященномъ воспоминаніямъ о минувшихъ судьбахъ Академіи, не оставалось мѣста для нашего обычнаго годоваго отчета.

Представляя поэтому теперь вниманію вашему, мм. гг., обзоръ дѣятельности Академіи за послѣдніе два года, мы, къ прискорбію, должны начать свою рѣчь воспоминаніемъ о тяжкихъ утратахъ, постигшихъ въ это время Академію, въ средѣ ея дѣйствительныхъ членовъ: 25 апрѣля 1876 г. смерть внезапно вырвала изъ среды нашей всѣми искренно любимаго товарища, О. И. Сомова.

Горечь этой потери была для насъ тѣмъ ощутительнѣе, что заслуженный геометръ покинулъ насъ въ то время, когда наука въ правѣ была ожидать еще столь многого отъ его любви къ труду и отъ его замѣчательнаго математическаго таланта. Утѣшеніемъ намъ можетъ лишь служить мысль, что и сдѣланнаго имъ вполне достаточно, дабы имя его навсегда осталось въ числѣ лучшихъ математиковъ нашего времени.

Въ томъ же году, 16 ноября, тихо угагло въ Дерптѣ одно изъ свѣтилъ естествознанія — К. М. Бэръ. Основатель столь важной въ настоящее время науки, эмбриологіи, стяжалъ себѣ громкую славу во всѣхъ центрахъ научной дѣятельности въ Европѣ, и гениальные труды его будутъ приобрѣтать все болѣе и болѣе цѣны въ глазахъ ученаго міра, по мѣрѣ того, какъ біологія будетъ двигаться впередъ по пути, указанному ей Бэромъ.

Наконецъ, 15 января нынѣшняго года, сошелъ въ могилу академикъ Н. И. Желѣзновъ — посвятившій себя трудамъ по части ботаники, и въ особенности тѣмъ приложеніямъ естествознанія, которыя имѣютъ въ виду пользу земледѣлія и садоводства.

Въ числѣ почетныхъ членовъ нашихъ, мы оплакиваемъ утрату Его Великогерцогскаго Высочества Герцога Георга Мекленбургъ-Стрелицкаго; графа М. А. Корфа, который своею біографіею Сперанскаго вписалъ имя свое въ число лучшихъ русскихъ литераторовъ, и оказалъ незабвенную услугу русскому просвѣщенію пересозданіемъ здѣшней Публичной Библіотеки; Эрнберга — знаменитаго берлинскаго изслѣдователя, открывшаго для ученыхъ цѣлый міръ существъ, видимыхъ только въ микроскопъ; Рунеберга — одного изъ первокласныхъ поэтовъ нашего времени, пѣвца народной жизни финскаго сѣвера.

Изъ списка нашихъ членовъ-корреспондентовъ исчезли: знаменитый Леверье, упрочившій за собою мѣсто среди первостепенныхъ астрономовъ всѣхъ временъ и народовъ; физикъ Погендорфъ; ботаникъ Броньяръ; отличнѣйшіе русскіе палеонтологи Фольбортъ и Эйхвальдъ; А. Н. Поповъ, даровитый писатель, содѣйствовавшій своими трудами успѣхамъ отече-

ственной исторіи; Бѣлевскій — ученый бібліотекаръ института Оссолинскихъ во Львовѣ, трудившійся надъ разработкою Польской исторіи; Ф. Палацкій, прославившійся своими трудами по исторіи Чешскаго народа и всего славянскаго племени; многозаслуженные ориенталисты Ласень и Петерманъ; остроумный изслѣдователь романскихъ языковъ Дицъ, и наконецъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ классической древности, графъ Конестабиле-дела-Стафа.

Приступая къ обзору занятій Академіи за послѣднее двухлѣтіе, исчислимъ прежде всего совершенныя въ это время путешествія и экспедиціи, которыми Академія старалась, по мѣрѣ предоставленныхъ ей средствъ, увеличить запасъ данныхъ для изученія нашего отечества.

Проживающій въ Красноярскѣ горный инженеръ И. А. Лопатинъ, совершивъ, по порученію Академіи, въ предыдущіе годы нѣсколько геологическихъ поѣздокъ по Енисейской губерніи, въ минувшемъ году изслѣдовалъ значительную часть береговъ Средней, или Подкаменной, Тунгузки. О результатахъ этихъ изслѣдованій Академія уже получила предварительный отчетъ ¹⁾, изъ котораго видно, что г. Лопатинъ открылъ на упомянутой рѣкѣ значительныя обнаженія верхне-силурійской системы, весьма богатая окаменѣlostями. Это открытіе поведетъ къ ближайшему познанію, въ средней части Восточной Сибири, значительнаго силурійскаго бассейна, существованіе котораго можно было предполагать на основаніи коллекцій, привезенныхъ гг. Маакомъ и Павловскимъ съ Вилюя, г. Чекановскимъ — съ Оленека и Нижней Тунгузки, и академикомъ Шмидтомъ, равно какъ и самимъ г. Лопатинымъ съ береговъ средней части Енисея. Всѣ эти коллекціи, хранящіяся нынѣ въ нашемъ музеѣ, г. Шмидтъ предполагаетъ слить въ одно цѣлое съ тѣмъ, чтобы на основаніи ихъ составить возможно полное описаніе сказаннаго бассейна, которое, безъ сомнѣнія, будетъ важнымъ приобрѣтеніемъ для науки.

¹ Чит. 25 окт. и 8 нояб. 1877 г. — Записки Академіи.

Въ интересахъ геологіи совершены также поѣздки академикомъ Г. П. Гельмерсеномъ въ Прибалтійскія губерніи и академикомъ О. Б. Шмидтомъ — по здѣшной губерніи. Цѣлью послѣдняго путешествія было—разъяснить, на сколько тѣ ярусы нижнесилурійской формаци, которые г. Шмидтъ различалъ въ Эстляндіи, простираются и въ Петербургской губерніи. Предположенія нашего сочлена оказались совершенно вѣрными: на пространствѣ отъ береговъ Волхова, чрезъ всю Петербургскую и Эстляндскую губерніи, до острова Эланда и до большихъ Шведскихъ озеръ Венернъ и Ветернъ, можно прослѣдить одни и тѣже подраздѣленія ниже-силурійской формаци, съ однѣми и тѣми же характеристическими окаменѣlostями. Наконецъ, г. Черскій, по порученію Академіи, сдѣлалъ близъ Байкала, раскопки нѣсколькихъ пещеръ, въ особенности Балаганской, богатыхъ остатками допотопныхъ и вымершихъ животныхъ.

Обогащеніе нашихъ естественноисторическихъ коллекцій матеріалами для познанія еще существующей фауны Сибири было плодомъ посылки ученаго хранителя нашего музея И. С. Полякова въ Кузнецкій крайъ, Западный Алтай, Семирѣчинскую область, въ предгорія Алатау и къ озерамъ Ала-кулю и Балхашу. Въ числѣ привезенныхъ имъ собраній, особенно цѣнными должны считаться коллекціи рыбъ изъ упомянутыхъ озеръ и пресмыкающихся изъ степей, лежащихъ между этими озерами.

Найдя нужнымъ пополнить нѣкоторыя пробѣлы въ исторіи развитія стерлядей, а также изслѣдовать новооткрытаго паразита въ стерляжьей икрѣ, академикъ Ф. В. Овсянниковъ провелъ лѣто минувшаго года на Волгѣ, въ Симбирскѣ и Самарѣ.

Юговосточная часть Петербургской губерніи была, по порученію Академіи, изслѣдована въ ботаническомъ отношеніи ученымъ хранителемъ нашего музея К. О. Мейннгаузенемъ, уже много лѣтъ занимающимся здѣшной флорой и готовящимъ къ изданію обширное сочиненіе объ этомъ предметѣ.

Въ заключеніе упомянемъ, что нашъ знатокъ финскихъ нарѣчій, академикъ Ф. И. Видеманъ, посвятилъ лѣтніе мѣсяцы обо-

ихъ послѣднихъ годовъ собранію въ Прибалтійскомъ краѣ матеріаловъ, долженствующихъ пополнить собою запасъ наблюдений этого ученаго для грамматическаго и лексикографическаго изученія эстскаго языка.

Обзоръ ученыхъ трудовъ, бывшихъ предметомъ чтенія въ засѣданіяхъ Академіи, начинаемъ отдѣломъ математики.

Нашъ многоуважаемый Вице-Президентъ, Академикъ В. Я. Буняковскій продолжалъ съ неослабною дѣятельностью разрабатывать различные любопытные вопросы, какъ въ видахъ обогащенія самой науки, такъ и для практическаго ея примѣненія къ потребностямъ жизни.

Въ одной изъ своихъ записокъ ¹⁾, нашъ ученый, пользуясь выведеннымъ имъ прежде новымъ выраженіемъ Лежандрова символа $\left(\frac{n}{p}\right)$, освободилъ опредѣляющую его формулу, въ одномъ довольно объемлющемъ случаѣ, отъ численной функціи, обыкновенно изображаемой буквою E, и такимъ образомъ получилъ возможность доказать нѣкоторыя новыя предложенія, относящіяся до означеннаго символа.

Другая записка г. Буняковскаго ²⁾ предлагаетъ такой способъ для опредѣленія размѣра пожизненныхъ пенсій, при помощи котораго вычисленія этого рода значительно упрощаются, позволяя вмѣстѣ съ тѣмъ достигать достаточную степень приближенія.

Продолжая свои занятія по усовершенствованію числительныхъ приборовъ, маститый геометръ сдѣлалъ новое улучшение въ изобрѣтенныхъ имъ лѣтъ десять тому назадъ самосчетахъ, примѣнивъ ихъ особенно къ опредѣленію среднихъ арифметическихъ величинъ ³⁾.

Академикъ П. Л. Чебышевъ сообщилъ намъ свои изслѣдованія о приближенныхъ выраженіяхъ, линейныхъ относительно двухъ полиномовъ ⁴⁾.

¹⁾ Чит. 21 сент. 1876. Bulletin, XXII, 358.

²⁾ Чит. 8 ноября 1877. Записки Акад.

³⁾ Чит. 20 апр. 1876. Записки Акад. XXVII, № 4.

⁴⁾ Чит. 8 марта 1877. Записки Акад. XXX, № 4.

Двѣ записки, читанныя Академикомъ Е. И. Золотаревымъ, имѣли своимъ предметомъ — одна ¹⁾ комплексныя числа, а другая ²⁾ — приложеніе эллиптическихъ функцій къ вопросамъ о функціяхъ, наиболѣе и наименѣе отклоняющихся отъ нуля. Въ послѣднемъ трудѣ предложено рѣшеніе нѣсколькихъ задачъ, составляющихъ новое приложеніе эллиптическихъ функцій въ алгебрѣ.

Сверхъ означенныхъ работъ, вниманіе математиковъ остановятъ на себѣ, въ нашихъ изданіяхъ, замѣчательные труды нашего почтеннаго члена-корреспондента Миндинга о нѣкоторыхъ изопериметрическихъ задачахъ ³⁾, профессора Гельсингфорскаго университета Бонсдорфа о предложенномъ имъ рѣшеніи одной задачи, весьма важной въ теоріи кривыхъ 3-го порядка ⁴⁾, и о развитіи нѣкоторыхъ формулъ, при помощи которыхъ можно одни коварианты бинарныхъ формъ выразить черезъ другіе ⁵⁾; и наконецъ наблюдателя Дерптской астрономической обсерваторіи Баклунда, предложившаго, въ сообщенной имъ запискѣ, свой способъ для замѣны функціи, часто встрѣчающейся при вычисленіи возмущеній въ движеніяхъ планетъ и кометъ, сходящимся рядомъ отдѣльныхъ членовъ ⁶⁾.

По астрономіи, Академикъ О. В. Струве въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ занимался изданіемъ 40-лѣтнихъ своихъ микрометрическихъ измѣреній двойныхъ звѣздъ. Первая часть ихъ, обнимающая собою звѣзды, открытыя отцомъ г. Струве въ Дерптѣ и самимъ г. Струве въ Пулковѣ, почти уже окончена печатаніемъ. Наблюденія эти приобрѣтутъ особенное значеніе для будущихъ вычисленій относительно движеній въ этихъ системахъ, по своей многочисленности и продолжительности, но въ особенности еще тѣмъ, что кромѣ наблюденій небесныхъ свѣтилъ производились и наблюденія искусственныхъ звѣздъ. Помощью послѣднихъ г-нъ

1) Чит. 13 сент. 1877. Bullet. XXIV, 310.

2) Чит. 5 апр. 1877. Bull. XXIV, 305, и Записки Ак. XXX, № 5.

3) Чит. 13 сент. 1877. Bullet. XXIV, 398.

4) Чит. 23 августа 1877. Bullet, XXIV, 409.

5) Чит. 23 августа 1877. Bullet, XXIV, 320.

6) Чит. 13 сент. 1877. Bullet. XXIV, 509.

Струве вывелъ систематическія погрѣшности своихъ измѣреній, и чрезъ то сообщилъ своимъ выводамъ большую степень точности.

Ученому свѣту извѣстны изслѣдованія г. Струве о нѣкоторыхъ двойныхъ звѣздахъ. Къ изслѣдованіямъ этого рода прибавилось за отчетный періодъ разсужденіе о двойной звѣздѣ $\Sigma.2120 = \text{Herculis } 210$ ¹⁾, въ которомъ авторъ доказываетъ, что многочисленныя наблюденія ея, произведенныя въ послѣднее полу столѣтіе, еще не могутъ окончательно рѣшить вопроса, физически-ли связаны между собою составляющія ее двѣ звѣзды, или же только оптически кажутся соединенными. Кромѣ того г. Струве сообщилъ Академіи главные выводы изъ своихъ изысканій о замѣчательной двойной звѣздѣ 61 Лебеда ²⁾. По изслѣдованію В. Я. Струве, относительное движеніе этой системы до 1852 г. еще можно было съ достаточною точностію представить прямою линіею, и заключеніе о физической связи обѣихъ звѣздъ могло быть основано, хотя и съ большою вѣроятностію, единственно на тождественности огромныхъ собственныхъ движеній обѣихъ звѣздъ. Наблюденія же послѣдняго 25-лѣтія, въ совокупности съ прежними, даютъ для этого движенія кривую, вогнутую къ сторонѣ общаго центра тяготѣнія, что несомнѣнно указываетъ на существованіе физической связи между обоими свѣтилами.

Наблюденія надъ планетами продолжали занимать Академика А. Н. Савича, который въ двухъ запискахъ изложилъ выводы изъ этихъ наблюденій ³⁾. Независимо отъ того, онъ предложилъ любителямъ практической астрономіи свои замѣчанія объ употребленіи пассажнаго инструмента въ вертикаль Полярной звѣзды ⁴⁾ и дополнилъ прежде изданную имъ статью о предварительномъ вычисленіи солнечныхъ затмѣній ⁵⁾.

1) Чит. 13 января 1876. *Bullet.* XXI, 350.

2) Чит. 24 февр. 1876. Напечатано въ мемуарахъ Римской Академіи dei Lincei.

3) Чит. 20 апр. 1876, *Bull.* XXII, 198;—и 8 марта 1877,—*Bull.* XXIII, 521.

4) Чит. 30 ноябр. 1876,—*Записки Акад.* XXX, 1.

5) Чит. 14 декабря 1877. — *Записки Акад.*

Пулковскою Обсерваторією въ послѣдніе два года изданъ VII-й томъ ея наблюденій, заканчивающій собою 30-лѣтній рядъ произведенныхъ меридіаннымъ кругомъ Обсерваторіи, точныхъ наблюденій надъ Брэдлеевыми звѣздами. Теперь приступлено къ обработкѣ этихъ наблюденій и къ составленію изъ нихъ окончательнаго каталога звѣздъ. Эта работа имѣетъ особенно важное значеніе въ настоящее время, когда предпринятое, по предложенію и при содѣйствіи Обсерваторіи, нашимъ членомъ-корреспондентомъ г. Ауверсомъ новое приведеніе наблюденій самого Брэдлея на столько окончено, что уже можно приступить къ печатанію этого труда ¹⁾. Съ увѣренностью можно ожидать, что, подобно тому, какъ знаменитыя *Fundamenta Astronomiae* Бесселя, опирающіяся на тѣхъ же наблюденіяхъ Брэдлея, въ теченіе истекшаго полустолѣтія служили главнымъ основаніемъ звѣздной астрономіи, такъ точно, и даже еще болѣе, издаваемый Академією трудъ г. Ауверса въ предстоящемъ столѣтіи будетъ служить исходною точкою всѣхъ изслѣдованій въ этой отрасли астрономіи.

Колоссальное предпріятіе опредѣленія всѣхъ звѣздъ сѣвернаго полушарія, до 9-ой величины включительно, задуманное международнымъ астрономическимъ обществомъ при совокупномъ содѣйствіи 15 различныхъ обсерваторій, должно быть основано на фундаментальныхъ опредѣленіяхъ, произведенныхъ въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ въ Пулковѣ. Чтобы дать различнымъ наблюдателямъ возможность скорѣе приступить къ вычисленію ихъ наблюденій, гг. Вагнеръ и Нюрень въ послѣднее двухлѣтіе посвятили себя приведенію этихъ фундаментальныхъ опредѣленій, и въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать появленія составляемаго ими новаго каталога такъ называемыхъ Пулковскихъ главныхъ звѣздъ.

Въ связи съ этою работою находится записка г. Нюрена о

¹⁾ Трудъ г. Ауверса представленъ Академіи въ засѣданіи 14 декабря 1877, и будетъ напечатанъ въ видѣ особаго изданія, въ 3-хъ томахъ.

точкахъ равноденствія для 1865 г. ¹⁾ Изъ нея видно, до какой степени тонкости доведено въ настоящее время искусство наблюденія: разности въ 3—4 сотыхъ доли секунды уже составляютъ для астронома предметъ заботъ и серьезныхъ разсужденій.

Адъюнктъ - Астрономъ Пулковской Обсерваторіи фонъ - Астенъ, какъ извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ занятъ точнѣйшими изысканіями о движеніи кометы Энке. Въ послѣднее время онъ напечаталъ въ нашихъ изданіяхъ пространную записку о нынѣшнемъ положеніи этихъ изысканій. Особенно любопытно, что въ обращеніи кометы съ 1868 по 1871 г. не представляется того ускоренія средняго движенія, которое обнаруживалось во всѣхъ предыдущихъ обращеніяхъ, какъ дѣйствіе, по мнѣнію Энке, сопротивляющейся среды, и которое снова проявляется, почти въ тѣхъ же размѣрахъ, въ двухъ слѣдовавшихъ за тѣмъ обращеніяхъ. Теперь старанія г. фонъ - Астена преимущественно направлены къ объясненію этого страннаго явленія ²⁾. Можно приписать его столкновенію кометы около 1869 г. съ какою-либо еще неизвѣстною малою планетою, или-же можетъ быть дѣйствію въ нашей солнечной системѣ до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ силъ. Можно надѣяться, что дальнѣйшія изслѣдованія г. фонъ - Астена прольютъ новый свѣтъ на этотъ темный вопросъ.

Обработка матеріала, собраннаго русскими экспедиціями для наблюденія прохожденія Венеры въ 1874 г., постепенно продолжается подъ руководствомъ В. К. Деллена. Предпринятое Академіею изданіе этихъ наблюденій будетъ состоять изъ двухъ частей: первая представитъ отчеты о наблюденіяхъ прикосновеній и другихъ телескопическихъ явленій, а также о географическихъ опредѣленіяхъ мѣстъ наблюденій; вторая же будетъ содержать въ себѣ рядъ монографій по гелиометрическимъ и гелиографическимъ наблюденіямъ. Для первой части всѣ вычисленія уже окончены, за исключеніемъ лишь наблюденій покрытій звѣздъ, имѣющихъ вто-

¹⁾ Чит. 31 августа 1876. *Mém. de l'Acad.* XXIII, № 3.

²⁾ Записка объ этомъ предметѣ чит. 21 сент. 1876; *Bull.* XXII, 560.

ростепенное значеніе. Въ составъ второй части уже вошло сочиненіе адъюнкта-астронома Пулковской обсерваторіи г. Гессельберга, заключающее въ себѣ разработку фотогелиографическихъ снимковъ, полученныхъ имъ въ портѣ Посъеть ¹⁾.

Изъ числа трудовъ по части геодезій упоминаемъ о сочиненіи Пулковскаго астронома Цингера, изложившаго въ немъ свои наблюденія надъ качаніями принадлежащаго Академіи поворотнаго маятника Репсольда ²⁾. Тщательныя изслѣдованія г. Цингера доказали, что всѣ наблюденія, произведенныя этимъ снарядомъ, какъ академикомъ Савичемъ, такъ и англійскими геодезистами въ Индіи и г. Стебницкимъ и самимъ г. Цингеромъ въ Пулковѣ, вполне согласны между собою и отличаются большою точностью. Въ настоящее время этотъ снарядъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ онъ будетъ употребленъ для опредѣленія относительнаго притяженія земли въ этомъ краѣ, столь любопытномъ по своему геологическому строенію.

Изслѣдованіе атмосферныхъ явленій на обширномъ пространствѣ Россійской Имперіи получило въ послѣдніе два года замѣчательное развитіе. Устроенное при Главной Физической Обсерваторіи въ половинѣ 1876 г. Отдѣленіе морской метеорологіи положило прочное основаніе для правильнаго изученія законовъ атмосферныхъ движеній при неощѣнимомъ пособіи, какое для этого представляютъ теперь телеграфы. Въ настоящее время, Отдѣленіе ежедневно получаетъ телеграммы о погодѣ болѣе чѣмъ изъ 90 мѣстъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, и пользуется этими данными для составленія метеорологическаго бюлетеня, для начертанія синоптическихъ картъ погоды и для посылки предостереженій о буряхъ въ порты Балтійскаго моря и на Ладожское озеро. Успѣхъ этого послѣдняго дѣла значительно увеличивается по мѣрѣ того, какъ означенныя карты даютъ возможность лучше и лучше изучать пути, по которымъ направляются бури по

¹⁾ Чит. 31 мая 1877.

²⁾ Чит. 14 декабря 1876. Записки Акад. XXIX, № 4.

поверхности Россіи. Другое учрежденіе, долженствующее въ значительной мѣрѣ обогатить собою средства къ изученію климатологіи, а именно магнитная и метеорологическая Обсерваторія въ Павловскѣ, окончена постройкою съ такою быстротою и осмотрительностью, что уже въ августѣ можно было приступить тамъ къ наблюденіямъ метеорологическимъ, а съ половины текущаго мѣсяца уже начаты всѣ предназначенныя нормальныя наблюденія.

Обработка метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, продолжалась на Главной Физической Обсерваторіи съ прежнимъ успѣхомъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, по части новѣйшихъ наблюденій, изданы три тома Лѣтописей Обсерваторіи, содержащія въ себѣ наблюденія, за 1874, 1875 и 1876 годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ шла разработка всего запаса термометрическихъ наблюденій, произведенныхъ когда либо въ Россіи. Этотъ обширный трудъ, котораго уже готова первая часть ¹⁾, посвященная суточному ходу температуры, появится въ Метеорологическомъ Сборникѣ, издаваемомъ Академіею въ смыслѣ центрального органа всего того, что дѣлается по метеорологіи въ нашемъ отечествѣ. Въ этомъ же сборникѣ нашли себѣ мѣсто изслѣдованія: г. Рыкачева—о третьемъ максимумѣ суточныхъ показаній барометра зимою въ умѣренномъ поясѣ ²⁾; Ф. Миллера—о магнитномъ наклоненіи въ Петербургѣ въ 1863 и 1864 гг. ³⁾; Штелинга—объ испареніи въ Тифлисѣ ⁴⁾, Фрелиха—о небесной теплотѣ, о температурѣ небеснаго пространства и о средней температурѣ атмосферы ⁵⁾, Барона Ф. Врангеля—о причинѣ происхожденія боты въ Новороссійскѣ ⁶⁾, Фритше о магнитномъ наклоненіи въ Пекинѣ ⁷⁾, о наблюденіяхъ во время,

1) Представлена 23 августа 1877 г. Метеор. Сборн.

2) Чит. 3 мая 1877 г. Bulletin XXIV, 168.

3) Чит. 17 августа 1876. Метеор. Сборн.

4) Чит. 21 сент. 1876. Метеор. Сборн.

5) Чит. 30 ноябр. 1876. Метеор. Сборн.

6) Чит. 10 февр 1876. Метеор. Сборн.

7) Чит. 23 марта 1876. Метеор. Сборн.

плаванія изъ Петербурга въ Китай и о климатѣ Пекина ¹⁾. Сверхъ того г. Фритше обработалъ для Амурскаго путешествія Академика Шренка всю метеорологическую часть, представляющую собою монографическое обозрѣніе климата вообще Восточной Сибири ²⁾. Рядомъ съ ученою обработкою наблюденій, заботы Главной Физической Обсерваторіи были направлены къ увеличенію числа метеорологическихъ станцій въ Россіи и къ тому, что бы наблюденія на этихъ станціяхъ производились сколь возможно правильнѣе. Съ этою цѣлью, по распоряженію Обсерваторіи, былъ сдѣланъ объѣздъ станцій въ Сибири г. Фритше, по берегу Чернаго моря г. Рыкачевымъ и на Ладожскомъ озерѣ г. Дорандомъ. Въ то же время наши физики прилагали старанія объ усовершенствованіи снарядовъ и способовъ для производства метеорологическихъ наблюденій. Къ этому разряду трудовъ относятся три записки г. Вильда, изъ которыхъ одна имѣетъ предметомъ устраненіе погрѣшности барографа, зависящей отъ волосности ³⁾, другая—нормальные барометры и ихъ сравненіе ⁴⁾, а третья нынѣшнее состояніе анемометрии и повѣрку анемометровъ ⁵⁾. Г. Тизенъ предложилъ теорію Робинсонова анемометра съ чашечками ⁶⁾, а г. Дорандъ вычислилъ постоянныя величины для того же прибора, испытаннаго на открытомъ воздухѣ ⁷⁾. Наконецъ сюда же относится опытъ профессора А. фонъ-Эттингена устроить анемографъ, для непосредственнаго графическаго изображенія составныхъ силъ вѣтра ⁸⁾.

Обращаясь къ трудамъ по прочимъ отдѣламъ физики, уномянемъ, что г. Вильдъ сообщилъ намъ продолженіе своихъ наблюденій надъ разсѣяннымъ небеснымъ свѣтомъ, произведенныхъ по-

¹⁾ Чит. 17 августа 1876. Метеор. Сборн.

²⁾ Чит. 9 марта 1876 и 19 апр. 1877.

³⁾ Чит. 8 марта 1877 Bulletin XXIII, 492.

⁴⁾ Чит. 16 ноябр. 1876. Bulletin XXIII, 86.

⁵⁾ Чит. 30 ноябр. 1876. Bulletin XXIII 139.

⁶⁾ Чит. 30 ноябр. 1876. Метеор. Сборн.

⁷⁾ Чит. 30 ноябр. 1876. Bulletin XXIII, 159.

⁸⁾ Чит. 21 сент. 1876. Метеор. Сборн.

мощью особаго, устроеннаго имъ для этой цѣли, снаряда ¹⁾, а также результаты своихъ изслѣдованій относительно магнита, сдѣланнаго изъ никкеля ²⁾. Изготовленіе новыхъ прототиповъ мѣръ и вѣсовъ на основаніи Парижской международной конвенціи, предпринятое для достиженія, въ этомъ трудномъ дѣлѣ, возможныхъ въ настоящее время точности и совершенства, возбудило многіе вопросы науки, которые должны были остановить на себѣ пытливость ученыхъ. Принимая самое живое участіе въ преобразованіи прототиповъ мѣръ и вѣсовъ, г. Вильдъ произвелъ цѣлый рядъ метрологическихъ изслѣдованій и изложилъ ихъ въ особомъ разсужденіи, напечатанномъ въ нашихъ Мемуарахъ ³⁾.

Извѣстный въ физикѣ, такъ называемый законъ Кирхгофа относительно распредѣленія тока былъ доказанъ, экспериментальнымъ путемъ, только для твердыхъ проводниковъ. Нашъ членъ корреспондентъ, професоръ Р. Э. Ленцъ, произведя рядъ опытовъ, доказалъ допускавшуюся до сихъ поръ только гипотетически, приложимость этого закона и къ жидкимъ проводникамъ ⁴⁾. Тому же ученому обязаны мы изысканіями надъ вліяніемъ температуры на электрическое сопротивленіе Сименсовой нейзильберной проволоки ⁵⁾ и надъ электрическимъ сопротивленіемъ галлоидныхъ солей ⁶⁾. Другой членъ корреспондентъ Академіи, професоръ Авенаріусъ, сообщилъ намъ свои изслѣдованія о причинахъ, обусловливающихъ собою критическую температуру. ⁷⁾ Наконецъ, молодому физику, г. Хвольсону принадлежитъ въ нашихъ изданіяхъ статья о дѣйствиіи накаиванія на гальваническое сопротивленіе твердыхъ проволокъ ⁸⁾, и описаніе опытовъ,

¹⁾ Чит. 11 январ. 1877. Bulletin. XXIII, 290.

²⁾ Чит. 3 мая 1877. Bulletin XXIV, 1.

³⁾ Чит. 9 марта 1876. Мém. de l'Acad XXIII, № 8.

⁴⁾ Чит. 5 окт. 1876. Bulletin XXII, 440.

⁵⁾ Чит. 19 апр. 1877. Bulletin XXIII, 565.

⁶⁾ Чит. 30 ноябр. 1876. Bulletin XXIII, 250.

⁷⁾ Чит. 31 августа 1876. Bulletin XXII, 378.

⁸⁾ Чит. 8 февр. 1877. Bulletin XXIII, 465.

произведенныхъ имъ въ нашемъ физическомъ кабинетѣ надъ ртутнымъ реостатомъ, построеннымъ по идеѣ покойнаго Академика Б. С. Якоби ¹⁾).

Въ числѣ трудовъ, печатаемыхъ въ нашихъ Мемуарахъ и Бюлетенѣ, съ каждымъ годомъ является все большее и большее число работъ русскихъ химиковъ, которые пользуются этими изданіями для доведенія своихъ изслѣдованій и опытовъ до свѣдѣнія иностраннаго ученаго міра. Такъ и за два послѣдніе года, мы можемъ указать на цѣлый рядъ подобныхъ трудовъ. Сюда прежде всего относятся работы Академика Н. Н. Зинина объ изолепиденѣ ²⁾ и объ амаровой кислотѣ и ея гомологахъ ³⁾, Академика А. М. Бутлерова объ изодибутиленѣ. ⁴⁾ Нашъ членъ-корреспондентъ, И. М. Сѣченовъ изслѣдовалъ поглощеніе углекислоты сѣрною кислотою и ея смѣсями съ водою ⁵⁾. Профессору здѣшняго университета Н. А. Меншуткину принадлежать четыре записки: 1) о составѣ діалурокислыхъ солей ⁶⁾, 2) о тартронаминовой кислотѣ ⁷⁾, 3) объ этил-и метилсукцинимидѣ ⁸⁾ и 4) о вліяніи изомеріи алкоголей и кислотъ на образованіе сложныхъ ээировъ ⁹⁾. Г. Вышнеградскій, въ представленномъ намъ разсужденіи, доказалъ, что тѣ амилены и амильный спиртъ броженія, которые до сихъ поръ были у химиковъ подъ руками, представляютъ собою смѣси, а также разъяснилъ въ значительной степени натуру этихъ смѣсей ¹⁰⁾. Результаты этихъ изслѣдованій должны повести къ пересмотру многихъ, прежде собранныхъ данныхъ, относящихся къ амиленамъ и амильному спирту броженія.

¹⁾ Чит. 21 сент. 1876. Bulletin XXII 409.

²⁾ Чит. 19 окт. 1876. Bulletin XXIII, 79.

³⁾ Чит. 31 мая 1877. Bulletin XXIV, 146.

⁴⁾ Чит. 5 окт. 1876. Mem. de l'Acad. XXIII, № 4.

⁵⁾ Чит. 24 февр. 1876. Bulletin XXII, 102.

⁶⁾ Чит. 24 февр. 1876. Bulletin XXI, 519.

⁷⁾ Чит. 24 февр. 1876. Bulletin XXII, 138.

⁸⁾ Чит. 24 февр. 1876. Bulletin XXII, 145.

⁹⁾ Чит. 27 сент. 1877. Mém de l'Acad XXV, № 5.

¹⁰⁾ Чит. 5 апр. 1877. Mém de l'Acad. XXIV, № 6.

Наконецъ Академиками Зиннинымъ и Бутлеровымъ представлены Академіи, для помѣщенія въ ея изданія, работы другихъ лицъ: г. Вагнера—о дѣйствиіи цинкэтила на укусный альдегидъ ¹⁾, г. Виноградова—о дѣйствиіи бромистаго бромацетила на цинкэтиль и цинкэтиль ²⁾, г. Жданова—о діэтилэтилукусной кислотѣ, новомъ изомерѣ кислоты энантовой ³⁾, г. Павлова—о дѣйствиіи кислотныхъ хлорангидридовъ на цинкорганическія соединенія ⁴⁾ и г. Лавриновича—о пинаковѣ и пинаколинѣ, получаемыхъ изъ этил-мэтилкетона. ⁵⁾

По части минералогіи, и въ ососенности кристаллографіи, наши изданія удостоились принять на свои страницы новые ученые труды нашего Августѣйшаго Почетнаго члена Его Императорскаго Высочества Герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго о микроскопическихъ свойствахъ зеленого авантюрина изъ Индіи, и Лейхтенбергита въ чистомъ видѣ и въ метаморфическомъ состояніи ⁶⁾.

Неясность и запутанность, которыя до сего времени встрѣчались въ наукѣ относительно кристаллизаціи слюды, побудили Академика П. И. Кокшарова подвергнуть внимательному пересмотру всѣ мнѣнія ученыхъ по этому предмету, высказанныя въ послѣднія 60 лѣтъ, со времени появленія знаменитыхъ работъ Брюстера и Біо объ этомъ древнѣйшемъ и наиболѣе распространенномъ минералѣ, а также произвести длинный рядъ кристаллографическихъ измѣреній надъ большимъ числомъ образцовъ слюды изъ весьма различныхъ мѣстъ находенія. Результаты этихъ изслѣдованій изложены въ обширной запискѣ, вошедшей въ составъ нашихъ Мемуаровъ ⁷⁾. Кромѣ того, нашъ уважаемый минералогъ изслѣдовалъ, въ кристаллографическомъ отношеніи,

¹⁾ Чит. 27 январ. 1876. Bulletin XXI, 366.

²⁾ Чит. 3 мая 1877. Bulletin XXIV, 11.

³⁾ Чит. 20 апр. 1876. Bulletin XXII, 170.

⁴⁾ Чит. 2 ноября 1876. Bulletin XXII, 497.

⁵⁾ Чит. 2 ноября 1876. Bulletin, XXII, 488.

⁶⁾ Чит. 23 марта 1876. Bulletin, XXI, 509 и 512.

⁷⁾ Чит. 17 мая 1877. Mém. de l'Acad. XXIV, № 9.

красносвинцовую руду ¹⁾, валуевитъ ²⁾ и перовскитъ ³⁾. Кристаллическія формы ильменорутила были предметомъ изслѣдованія нашего члена-корреспондента П. В. Еремѣева ⁴⁾. Другой корреспондентъ нашъ, знаменитый французскій ученый Дамуръ, сообщилъ намъ анализъ фитингофита, сдѣланный имъ надъ образцомъ, привезеннымъ изъ окрестностей Байкальскаго озера ⁵⁾.

Геологія Сибири, еще столь мало разработанная, получила цѣнный вкладъ въ трудѣ г. Лопатина о ледяныхъ слояхъ въ Восточной части этого края ⁶⁾. Въ этомъ трудѣ, замѣчательномъ по богатству наблюдений автора, ледъ разсматривается, какъ геологическая порода, и сообщаются изслѣдованія, сдѣланныя г. Лопатинымъ на берегахъ острова Сахалина, въ золотыхъ приискахъ Витимской системы и въ новѣйшихъ отложеніяхъ низовьевъ Енисея. Эти изслѣдованія могутъ послужить къ объясненію нѣкоторыхъ фактовъ, встрѣчающихся при изученіи явленій ледниковскаго періода.

Сомнѣнія, возникшія относительно вопроса о вулканахъ Центральной Азіи, считавшагося, послѣ трудовъ Гумбольдта, почти рѣшеннымъ, послужили для г. Мушкетова поводомъ заняться этимъ вопросомъ. На основаніи какъ своихъ непосредственныхъ наблюдений, такъ и мѣстныхъ распросовъ и изученія геологическихъ коллекцій, привезенныхъ изъ Средней Азіи, онъ пришелъ къ заключенію, что многія мѣстности этого края, предполагавшіяся вулканическими, не могутъ считаться такими ⁷⁾.

Геологія другаго интереснаго края Россіи — Кавказа, продолжаетъ питать пытливость и остроуміе почетнаго члена Академіи Г. В. Абиха, поставившаго себѣ задачею жизни изученіе своеобразнаго характера земной коры этого края. На нынѣшній

¹⁾ Чит. 8 марта 1877. Мém. de l'Acad. XXIV, № 5.

²⁾ Чит. 23 августа 1877. Мém. de l'Acad. XXV, № 4.

³⁾ Чит. 23 августа 1877. Bulletin, XXIV, 300.

⁴⁾ Чит. 25 окт. 1877. Bulletin.

⁵⁾ Чит. 8 февр. 1877. Bulletin, XXIII, 463.

⁶⁾ Чит. 18 мая 1876. Записки Акад. XXIX, № 1.

⁷⁾ Чит. 5 окт. 1876. Bulletin, XXIII, 70.

разъ, онъ подѣлился съ ученымъ міромъ своими изысканіями о минеральныхъ веществахъ, содержащихъ въ себѣ парафинъ, на Апшеронскомъ полуостровѣ¹⁾, и разсужденіемъ о геологическомъ возрастѣ юрскихъ угольныхъ песчаниковъ на сѣверномъ Кавказѣ и о встрѣчающейся въ нихъ натуральной селитрѣ въ долинѣ Кубани²⁾. Особенно же любопытно по своимъ выводамъ не только для геологіи, но и для мѣстной климатологіи, его сочиненіе о предѣлахъ вѣчнаго снѣга и о нынѣшнихъ ледникахъ Кавказскихъ горъ³⁾.

Подобнымъ же образомъ, столь же живой геологической и вмѣстѣ климатологической интересъ представляютъ изслѣдованія профессора К. Г. Шмидта и г. Доранда о количествѣ воды и содержащагося въ ней ила въ низовьяхъ Аму-Дарьи⁴⁾. Точныя наблюденія, произведенныя по этому предмету, въ связи съ выводами о силѣ испаренія воды и о количествѣ атмосферныхъ осадковъ въ тѣхъ мѣстахъ, позволили вывести, съ большою степенью вѣроятности, то заключеніе, что уровень Аральскаго моря понижается еще и въ настоящее время.

Начатый нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашихъ изданіяхъ рядъ статей Дерптскаго профессора К. Г. Шмидта законченъ теперь помѣщеніемъ двухъ записокъ, въ которыхъ представленъ химическій анализъ воды изъ различныхъ водоемовъ, какъ русскихъ, такъ и многихъ другихъ⁵⁾.

Академикъ Г. П. Гельмерсенъ, изслѣдовавъ мѣстонахожденія янтаря по Балтійскому побережью, представилъ въ особой запискѣ описаніе такихъ мѣстонахожденій въ Курляндіи, приводящее къ тому выводу, что отъ поисковъ янтаря въ этой губерніи можно ожидать большаго успѣха⁶⁾.

¹⁾ Чит. 10 февр. 1876. Bulletin, XXI, 493.

²⁾ Чит. 23 марта 1876. Bulletin, XXII, 148.

³⁾ Чит. 31 мая 1877. Bulletin, XXIV, 258.

⁴⁾ Чит. 23 августа 1877. Мém. de l'Acad. XXV. № 3.

⁵⁾ Чит. 8 мая и 23 августа 1877. Bulletin. XXIV. 177 и 419.

⁶⁾ Чит. 16 ноября 1876.

Прежде чѣмъ разстаться съ областью геологiи, мы должны упомянуть о двухъ запискахъ, которымъ имя ихъ автора придаетъ особый интересъ. Это—почти послѣднiе въ жизни литературные труды знаменитаго К. М. Бэра, разсмотрѣвшаго вопросъ о томъ, справедливо ли сравненiе Карскаго моря съ ледникомъ ¹⁾, и сообщившаго нѣсколько дополнительныхъ соображенiй о влiянiи суточного обращенiя земли на образованiе русла рѣкъ ²⁾.

Вслѣдствiе ученыхъ экспедицiй, снаряжавшихся въ разное время въ Восточную Сибирь, въ музеяхъ Академiи образовался богатый, единственный въ своемъ родѣ, запасъ палеонтологическихъ матеріаловъ для изученiя растительности этого края въ отдаленнѣйшiя эпохи существованiя земнаго шара. Заботясь объ извлеченiи изъ этого запаса возможно большихъ приобрѣтенiй для науки, Академiя съ искреннимъ удовольствiемъ воспользовалась заявленнымъ ей желанiемъ нашего члена - корреспондента, профессора Цюрихскаго университета Геера, извѣстнаго знатока ископаемой флоры, заняться обработкою означенныхъ матеріаловъ. Плодомъ этихъ занятiй были три обширныхъ сочиненiя, изъ которыхъ одно, о юрской флорѣ Иркутской губернiи и Амурскаго края ³⁾, появилось въ свѣтъ еще въ 1876 году и признано специалистами за самое полное и обстоятельное изъ всѣхъ сочиненiй, какiя были изданы о юрской флорѣ вообще. Другое сочиненiе, оконченное печатанiемъ въ 1877 году ⁴⁾, въ особенности важно по описанiю юрскихъ растений съ устья Лены, доказывающихъ связь между юрскою флорою остр. Шпицбергена и тою же флорою Иркутской губернiи и Амурскаго края. Наконецъ, третье сочиненiе нашего почтеннаго члена - корреспондента, лишь недавно представленное Академiи ⁵⁾, имѣетъ своимъ предметомъ третичную флору острова Сахалина, обработанную

¹⁾ Чит. 10 февр. 1876. Bulletin. XXI, 289.

²⁾ Чит. 24 февр. 1876. Bulletin. XXI. 426.

³⁾ Чит. 23 марта 1876. Мém. de l'Acad. XXII, № 12.

⁴⁾ Чит. 23 августа 1877. Мém. de l'Acad.

⁵⁾ Чит. 14 декабря 1877; будетъ напечатано въ Мемуарахъ Академiи.

по коллекціямъ, которыя были собраны въ 1861 и 1862 гг. Академикомъ Ѳ. Б. Шмидтомъ и г. Гленомъ. Изъ 74-хъ описанныхъ здѣсь видовъ растений, 31 — совершенно новы для науки; изъ растений же, бывшихъ извѣстными еще прежде, значительная часть оказывается тождественною съ третичными растеніями Аляски, фактъ, дающій новый вѣсъ мнѣнію, что, въ началѣ третичнаго періода, Берингова моря не существовало и Америка была соединена съ Азіей широкимъ перешейкомъ. При взглядѣ на современное распредѣленіе растений, весьма поразительнымъ представляется тотъ фактъ, что флора Восточной Азіи имѣетъ больше сходства съ флорою восточной части Сѣверной Америки, чѣмъ съ флорою западной ея части. Изслѣдованіе третичныхъ растений доказало, что въ прежнее время одна и та же флора простиралась отъ Восточной Азіи чрезъ всю Сѣверную Америку; но вслѣдствіе погруженія материка и образованія на его мѣстѣ Берингова моря, климатическія свойства западныхъ береговъ Америки измѣнились, вслѣдствіе чего флора этихъ береговъ получила иной характеръ.

Другая часть собранныхъ въ нашемъ музеѣ матеріаловъ по ископаемой флорѣ Сибири была передана для обработки И. Ѳ. Шмальгаузену, который уже и окончилъ описаніе растений нижняго яруса каменно-угольной формации Минусинскаго округа ¹⁾, а нынѣ занятъ изслѣдованіемъ юрскихъ растений съ береговъ Нижней-Тунгузки.

Въ заключеніе обзора работъ по палеонтологіи, укажемъ на обширный трудъ професора Горнаго Института В. И. Меллера о спирально свернутыхъ корненожкахъ каменноугольнаго известняка ²⁾, и на составленную А. фонъ-дербъ-Паленомъ полную монографію балтійско-силурійскихъ видовъ рода плеченогихъ *Orthosina*, весьма характернаго для нижне-силурійскихъ пластовъ Петербургской и Эстляндской губерній ³⁾.

¹⁾ Чит. 9 марта 1876. Bulletin, XXII. 477, и Записки Акад. XXVII. 133.

²⁾ Чит. 3 мая 1877; печатается въ Мемуарахъ Академіи.

³⁾ Чит. 22 февр. 1877. Mém. de l'Acad. XXIV, № 8.

По ботаникѣ, отдѣлъ систематики получилъ приращеніе въ сдѣланныхъ академикомъ К. И. Максимовичемъ опредѣленіяхъ новыхъ растений, свойственныхъ Японіи и Манчжуріи и вообще Азіятскому материку ¹⁾, а также въ мемуарѣ г. Гоби о красныхъ водоросляхъ Финскаго залива ²⁾. Физиологія растений обогатилась изслѣдованіями А. Фаминцына объ образованіи почекъ у хвоща ³⁾, Л. Ценковскаго—о морфологіи Улотрихей ⁴⁾ и Бактерій ⁵⁾, г. Шмальгаузена—о млечныхъ сосудахъ растений ⁶⁾ и г. Бабикова—о развитіи цефалодій на слоевищѣ *Peltigera aptosa* ⁷⁾.

Неизчерпаемымъ предметомъ изслѣдованій для нашихъ зоологовъ служили и по сію пору служатъ остатки огромныхъ допотопныхъ животныхъ, заселявшихъ въ началѣ потретичнаго періода сѣверъ Стараго Свѣта и преимущественно Сибирь; мы разумѣемъ мамонтовъ, допотопныхъ носороговъ и пр. Изслѣдованію ихъ въ послѣднее двухлѣтіе было посвящено два труда: академикъ Брандтъ, желая точнѣе опредѣлить мѣсто, занимаемое въ системѣ Сибирскимъ носорогомъ, подвергнувъ подробному критическому разбору все семейство носороговъ, какъ нынѣ живущихъ, такъ и вымершихъ ⁸⁾. Съ другой стороны г. Шмальгаузенъ, для рѣшенія вопроса, чѣмъ питался жившій нѣкогда въ Сибири носорогъ, произвелъ рядъ изысканій надъ веществами, выдѣленными изъ зубовъ этого животнаго, вслѣдствіе чего подтвердилось и подробнѣе выяснилось уже прежде высказанное положеніе, что въ пищу служили ему растенія и

¹⁾ Чит. 20 апр. и 2 ноября 1876 и 19 апр. 1877. Bulletin, XXII, 209; XXIII, 305 и XXIV, 26.

²⁾ Чит. 5 апр. 1877. Mém. de l'Acad. XXIV. № 7.

³⁾ Чит. 20 апр. 1876, Bulletin, XXII, 194.

⁴⁾ Чит. 23 марта 1876. Bulletin. XXI, 529.

⁵⁾ Чит. 17 мая 1877. Mém. de l'Acad. XXV, № 2.

⁶⁾ Чит. 25 янв. 1877, Mém. de l'Acad, XXIV, № 2.

⁷⁾ Чит. 22 ноября 1877; будетъ напечатано въ Запискахъ Академіи и въ Бюлетенѣ.

⁸⁾ Чит. 17 мая 1877; печатается въ Мемуарахъ Акад. (см. также Bulletin XXIV, 167.

преимущественно древесныя породы, еще и нынѣ водящіяся въ Сибири ¹⁾). Далѣе, къ специальнымъ трудамъ по фаунѣ Россіи принадлежитъ статья одного изъ хранителей Зоологическаго музея Академіи, Вольдштедта, объ ихнеймонидахъ окрестностей Петербурга ²⁾), замѣчательная особенно и потому, что знакомитъ насъ съ отдѣломъ животныхъ, который, несмотря на большое у насъ число любителей энтомологіи, до сихъ поръ оставался почти въ полномъ пренебреженіи. Въ другой статьѣ г. Вольдштедтъ разсматриваетъ тотъ же отдѣлъ насѣкомыхъ по богатой коллекціи, составленной въ Силезіи ³⁾). Говоря о трудахъ по фаунѣ Россіи, замѣтимъ, впрочемъ, что съ расширеніемъ въ послѣднее двадцатилѣтіе нашихъ азіатскихъ владѣній, и фауна Россіи приобрѣла объемъ значительно большій противъ прежняго. Такъ, на крайнемъ востокѣ, съ тѣхъ поръ, какъ въ составъ Россіи поступило длинное побережье по Японскому морю, чуждыя намъ прежде моря Желтое и Китайское стали для насъ морями пограничными и сосѣдными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и фауна ихъ получила для насъ болѣе живой интересъ. Академія потому охотно дала въ своихъ изданіяхъ мѣсто обширному труду о морскихъ кольчатыхъ животныхъ Филиппинскихъ острововъ, составленному лучшимъ въ настоящее время знатокомъ этого отдѣла животныхъ, нашимъ членомъ корреспондентомъ, профессоромъ Грубе въ Бреславлѣ ⁴⁾).

Не меньшимъ разнообразіемъ отличаются помѣщенные за послѣднее двухлѣтіе въ изданіяхъ Академіи труды по части анатоміи, гистологіи и физиологіи животныхъ и человѣка. Такъ, профессоръ Казанскаго университета Догіель, въ мемуарѣ своемъ объ анатоміи и физиологіи сердца личинки *Corethra plumicornis* ⁵⁾), составилъ полное во всѣхъ отношеніяхъ описаніе строенія этого

¹⁾ Чит. 9 марта 1876. Bulletin. XXII, 291.

²⁾ Чит. 25 янв. 1877. Bulletin, XXIII, 482.

³⁾ Чит. 21 сент. 1876. Bulletin, XXII, 390.

⁴⁾ Чит. 11 янв. 1877; печатается въ Мемуарахъ Академіи.

⁵⁾ Чит. 23 марта 1876. Mém. de l'Acad. XXIV, № 10.

органа и пояснилъ вліяніе на него разныхъ физиологическихъ условій и ядовъ. Академикъ Овсянниковъ сообщилъ результаты произведенныхъ имъ, вмѣстѣ съ г. Анфимовымъ, опытовъ надъ нервами, суживающими и расширяющими кровеносные сосуды ¹⁾. Хранитель Анатомическаго музея Академіи, Великій, сдѣлавъ рядъ опытовъ надъ кроликами и кошками, подвергнувшими дѣйствию яда кураре, вывелъ изъ нихъ заключенія о вліяніи депресорнаго нерва на количество лимфы ²⁾. Другой трудъ посвященъ изслѣдованіямъ, которыя г. Великій произвелъ вмѣстѣ съ г. Истоминымъ надъ депресорными и ускоряющими центрами спиннаго мозга ³⁾. Весьма значительный научный интересъ представляютъ статьи профессора дерптскаго университета Бетхера, объ открытомъ имъ новомъ способѣ изслѣдованія красныхъ кровяныхъ шариковъ ⁴⁾ и о сдѣланныхъ съ его помощью изысканіяхъ надъ этими гистологическими элементами у человѣка и у верблюда ⁵⁾; авторъ доказываетъ именно присутствіе въ означенныхъ шарикахъ ядра, которое гистологи въ последнее время отвергали. Здѣсь же мѣсто указать на интересный трудъ нашего члена - корреспондента Г. В. Струве, объ осмотическихъ явленіяхъ, производимыхъ дѣйствіемъ ээира въ растительныхъ и животныхъ клѣточкахъ ⁶⁾. Наконецъ упомянемъ, что и въ истекшее двухлѣтіе нашъ членъ-корреспондентъ, неутомимый анатомъ профессоръ Груберъ, пользуясь поступающимъ къ нему обильнымъ матеріаломъ, обогатилъ науку тремя обширными монографіями, изъ которыхъ одна имѣетъ своимъ предметомъ зернообразное тѣлце и добавочныя мышцы боковыхъ подъязычнощитовидныхъ связокъ ⁷⁾; другая—образованіе нижнеглазничнаго

1) Чит. 5 апрѣля 1877 г.

2) Чит. 5 апрѣля 1877. Bulletin, XXIII, 524.

3) Чит. 22 февраля 1877. Bulletin, XXIII, 460.

4) Чит. 11 янв. 1877. Bulletin, XXIII, 286.

5) Чит. 23 марта 1876. Mém. de l'Acad. XXII, № 11.

6) Чит. 5 октября 1876. Bulletin, XXII, 533.

7) Чит. 20 апр. 1876. Mém. de l'Acad. XXIII, № 2.

края безъ участія верхне-челюстной кожи ¹⁾, а третья — двойную первую клиновидную пяточную кость у человѣка ²⁾.

Отъ физико-математическихъ наукъ, переходимъ къ исторіи и филологіи.

Академикъ О. Н. Бетлингъ, едва окончивъ свой монументальный, двадцатитрехлѣтній трудъ, навсегда связавшій его имя съ Санскритской лексикографіей, тотчасъ-же приступилъ къ новой работѣ, столько же обширной, сколько и важной, а именно къ приготовленію пространной Санскритской Хрестоматіи и слѣдующаго къ ней Словаря. Хрестоматія, составляющая собственно второе, совершенно переработанное изданіе прежней Хрестоматіи г. Бетлинга, уже вышла въ свѣтъ ³⁾; она представляетъ собою, какъ по значительности объема, такъ и по разнообразію содержанія, драгоценное пособіе для занимающихся изученіемъ санскрита. Польза этого изданія еще увеличится, когда выйдетъ въ свѣтъ печатаемый нынѣ ручной словарь, назначенный служить дополненіемъ къ большому словарю г. Бетлинга и вмѣстѣ съ тѣмъ пособіемъ, болѣе доступнымъ для учащихся, чѣмъ это дорогое семитомное изданіе. Кроме того тотъ же академикъ напечаталъ дополненіе ко второму изданію своихъ Индѣйскихъ изрѣченій ⁴⁾ и сдѣлалъ переводъ одной изъ древнѣйшихъ и труднѣйшихъ для истолкованія Индѣйскихъ драмъ, приписываемой царю Судракѣ, подъ заглавіемъ: *Мрдчакатика, или глиняная тельжка* ⁵⁾. Къ этому переводу присоединено множество критическихъ примѣчаній и поправокъ санскритскаго текста. Изъ прочихъ трудовъ г. Бет-

1) Чит. 8 февр. 1877. Мém. de l'Acad. XXIV, № 3.

2) Чит. 8 мая 1877. Мém. de l'Acad. XXIV, № 11.

3) Предст. 20 янв. 1876. Напечатана особую-книгою подъ заглавіемъ: *Sanskrit-Chrestomathie*, von Otto Böhtlingk. Zweite gänzlich umgearbeitete Auflage. 1877. in 8°, стр. 372.

4) Чит. 21 дек. 1876. Bulletin, XXIII, 401.

5) Предст. 12 апр. 1877. Напечатана особую книгою, подъ заглавіемъ: *Mrdchakatika, d. i. das irdene Wägelchen, ein dem König Cādraca zugeschriebenes Schauspiel*, übersetzt von Otto Böhtlingk. S.-Petersb. 1877. 1 vol. in 8°, стр. IV и 214.

лингва, укажемъ на записку о правописаніи въ Якутскомъ языкѣ¹⁾ и на замѣчанія о древне славянскихъ корняхъ со слоогообразовательными *р и л*²⁾; эти замѣчанія были вызваны выходомъ въ свѣтъ 2-го тома сравнительной грамматики славянскихъ языковъ знаменитаго вѣнскаго слависта Миклошича, со взглядами котораго нашъ сочленъ не считаетъ возможнымъ согласиться.

Другой нашъ лингвистъ, Академикъ А. А. Шифнеръ, продолжая свои занятія по изученію древне-индѣйскаго быта, преимущественно на основаніи буддѣйскихъ источниковъ въ тибетскомъ переводѣ, издалъ цѣлый рядъ индѣйскихъ разсказовъ, переведенныхъ по тибетскому тексту Канджура³⁾. Эти тексты чрезвычайно разнообразны и относятся отчасти къ весьма древнимъ разсказамъ, извѣстнымъ изъ Дзанглуна, Павчатантры, Гитопадесы и другихъ сборниковъ. Главнѣйшій интересъ они представляютъ по встрѣчающимся въ нихъ даннымъ для сравненія съ разсказами, бывшими въ ходу у древнихъ Грековъ и Римлянъ, а за тѣмъ въ средніе вѣка у разныхъ народовъ Европы. Независимо отъ того, продолжая свои занятія надъ грамматическими особенностями Тибетскаго языка, г. Шифнеръ напечаталъ разсужденіе объ обозначеніяхъ множественнаго числа въ этомъ языкѣ, причѣмъ обратилъ особенное вниманіе на разныя формы множественнаго числа, встрѣчающіяся въ стихахъ⁴⁾.

Изданіе лингвистическихъ трудовъ Кастрена побудило г. Шифнера, въ свое время, заняться изученіемъ, въ числѣ другихъ сибирскихъ нарѣчій, также и тунгузскимъ. Въ настоящее время онъ обработалъ лексикографическіе матеріалы, собранные А. Чекановскимъ у Кондогирскихъ Тунгузовъ⁵⁾. При этомъ нашъ сочленъ воспользовался случаемъ указать на разныя словообразо-

1) Чит. 17 февр. 1876. Bulletin, XXI, 512.

2) Чит. 25 мая 1876. Bulletin, XXII, 312.

3) Чит. 17 февр., 27 апр. и 12 окт. 1876 и 15 марта 1877 года. Bulletin, XXI, 433; XXII, 123; XXIII, 1 и 529.

4) Чит. 20 сент. 1877. Мém. de l'Acad. XXV, № 1.

5) Чит. 26 апр. 1877. Bulletin, XXIV, 89.

ванія, свойственныя всѣмъ Тунгузскимъ нарѣчіямъ, извѣстнымъ намъ по матеріаламъ, которыми мы обязаны г. Мааку и Академику Максимовичу.

Къ числу трудовъ, имѣющихъ лингвистическій интересъ, относятся также печатаемые нынѣ на счетъ Академіи Курдская граматика извѣстнаго знатока иранскихъ нарѣчій профессора Юсти и обработанный имъ же Курдско-русско-французскій словарь г. Жабы¹⁾. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть объ изготовленной Академикомъ Дорномъ третьей части сборника матеріаловъ для познанія иранскихъ языковъ; эта часть заключаетъ въ себѣ гиланскіе тексты²⁾.

Извѣстно, какую замѣтную долю въ трудахъ нашихъ ориенталистовъ составляютъ такіе, которые, по связи Россіи съ Востокомъ, имѣютъ значеніе для разясненія древнѣйшихъ періодовъ отечественной исторіи. Къ трудамъ этого рода нынѣ присоединяется весьма важное изданіе, въ которыхъ профессоръ баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ извѣстія Аль-Бекри о славянахъ и ихъ сосѣдяхъ³⁾, а Академикъ А. А. Куникъ снабдилъ эти извѣстія своими примѣчаніями. Приложеніемъ къ сочиненію барона Розена служатъ кромѣ того сдѣланныя г. Гаркави извлеченія изъ Масуди, относящіяся до славянъ и руссовъ⁴⁾, и записка г. Лерха о сѣверныхъ частяхъ Европы и Азіи по Мухамеду Эль-Бируни⁵⁾.

Вышедшій въ свѣтъ за два года предъ симъ сборникъ подобныхъ же, заимствованныхъ изъ восточныхъ писателей историческихъ источниковъ, подъ заглавіемъ Каспій, подалъ поводъ г. Ламбину составить довольно обширную «Хронологическую замѣтку» о годѣ смерти Святослава Игоревича, великаго князя Кіевскаго. Она явила сь въ свѣтъ въ сопровожденіи составленныхъ

¹⁾ Представл. 12 апр. 1877; появятся въ свѣтъ въ видѣ особыхъ изданій.

²⁾ Чит. 20 янв. 1876. Напечатан. особою книгою: Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen. III Bd.

³⁾ Чит. 13 апр. 1876.

⁴⁾ Чит. 25 мая 1876.

⁵⁾ Чит. 25 мая 1876.

по ея поводу статей Академика А. А. Куника и профессора Васильевского ¹⁾.

Академикъ М. И. Броссе читалъ намъ статью объ одной Грузинской надписи на церкви въ Мцхетѣ ²⁾, содержащую въ себѣ весьма тщательное изслѣдованіе относительно перваго дня новаго года по персидскому календарю. Кроме того онъ представилъ обзоръ новѣйшей армянской исторической литературы ³⁾ и статью о грузинской романтической литературѣ ⁴⁾. Наконецъ онъ принималъ самое живое участіе какъ въ снаряженіи Академіею въ 1873 г. археологической экспедиціи г. Бакрадзе въ Гурію, такъ и въ изданіи отчета о результатахъ этого путешествія, долженствующаго вскорѣ выйти въ свѣтъ ⁵⁾.

Академикъ Б. А. Дорнъ, внимательно слѣдя за новостями восточной нумизматики, сообщилъ намъ по этой части три записки, изъ которыхъ въ одной онъ указалъ на неточности и недостатки, вкравшіеся въ извѣстное сочиненіе англичанина Раулинсона: *The seventh great Oriental Monarchy*. London. 1876, относительно Сасанидскихъ монетъ ⁶⁾. Въ другой — описана замѣчательная тимуридская монета, чеканенная около 1492 г. въ Самаркандѣ и подаренная Азіятскому Музею Академіи г. Скайлеромъ ⁷⁾. Третья записка посвящена описанію серебряныхъ монетъ съ пеглевійскими надписями, изъ колекціи московскаго нумизмата Горнунга ⁸⁾. Независимо отъ сего, г. Дорнъ описалъ въ Бюлетенѣ собраніе восточныхъ рукописей, приобрѣтенное Академіею для ея Азіятскаго музея отъ г. Фонтонна ⁹⁾.

¹⁾ Чит. 13 апрѣля 1876. Записки Академіи XXVIII, 119—182.

²⁾ Чит. 15 февр. 1877. Bulletin, XXIII, 499.

³⁾ Чит. 25 мая 1876. Bulletin, XXII, 308.

⁴⁾ Чит. 16 августа 1877. Bulletin. XXIV, 282.

⁵⁾ Донесеніе г. Броссе объ археологическомъ трудѣ г. Бакрадзе читано въ засѣданіи Истор.-Филол. Отдѣленія 2 марта 1876, и напечатано въ Bulletin, XXII, 264.

⁶⁾ Чит. 7 декабря 1876. Bulletin, XXIII, 284.

⁷⁾ Чит. 2 марта 1876. Bulletin XXI, 517.

⁸⁾ Чит. 1 марта 1877. Bulletin, XXIII, 513.

⁹⁾ Чит. 23 ноябр. 1876. Bulletin, XXIII, 279.

Копенгагенскому профессору Мерену принадлежить въ нашихъ изданіяхъ статья о медали Абу-Саида Бегадурѣ (1316—1336), найденной въ Минусинскомъ округѣ, близъ Китайской границы ¹⁾.

Желаніе разъяснить вопросъ о подлинности нѣкоторыхъ изъ памятниковъ еврейской древности, собранныхъ г. г. Фирковичами, побудило Академика А. А. Куника обнародовать обширную записку о двухъ искаженныхъ еврейскихъ надписяхъ и двухъ вымышленныхъ лѣтосчисленіяхъ ²⁾, а молодому здѣшнему гебраисту г. Гаркави изложить въ особомъ мемуарѣ обстоятельную критику древнѣйшихъ изъ памятниковъ, найденныхъ г. Фирковичемъ въ Крыму ³⁾.

Какъ любопытное приобрѣтеніе для знакомства съ исторіею, географіею и этнографіею крайняго востока Азіи, отмѣтимъ сдѣланный покойнымъ нашимъ Членомъ Кореспондентомъ Конономъ фонъ деръ-Габеленцомъ и изданный Академіею переводъ Манджурской исторіи Великихъ Ляо, династіи, царствовавшей въ Китаѣ съ 916 по 1202 годъ ⁴⁾.

Въ отдѣлѣ трудовъ почести классической археологіи, Академикъ Л. Э. Стефани представилъ объясненіе предметовъ древняго искусства, найденныхъ въ Россіи въ 1873 г. и истолковалъ значеніе изображеній на замѣчательныхъ росписныхъ вазахъ Императорскаго Эрмитажа ⁵⁾. Нѣсколько болѣе мелкихъ археологическихъ статей своихъ онъ напечаталъ въ видѣ продолженія къ ряду замѣтокъ, уже нѣсколько лѣтъ появляющихся подъ общимъ заглавіемъ *Parerga archaeologica* ⁶⁾.

Филологическіе труды Академика А. К. Наука состояли въ

¹⁾ Чит. 20 сентября 1877. Bulletin, XXIV, 317.

²⁾ Чит. 17 февр. 1876. Записки Академіи XXVII, № 3.

³⁾ Чит. 3 февр. 1876. Mém. de l'Acad. XXIV, № 1.

⁴⁾ Чит. 12 окт. 1876. Напечатано особою книгою, подъ заглавіемъ: *Geschichte der Grossen Liao, aus dem Mandschu übersetzt von H. Conon von der Gabelentz*. 1877. I т. въ 8 д. л., стр. 226.

⁵⁾ Чит. 24 мая 1877; напечат. въ Отчетѣ Имп. Археолог. комисіи за 1874 г

⁶⁾ Чит. 27 апр. и 12 окт. 1876. Bulletin, XXII, 107 и 402.

исправленіи текста Гомера и Софокла, а также въ изслѣдованіяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ о греческомъ глаголѣ, предпринятыхъ по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія профессора Курциуса по этому предмету ¹⁾.

Въ заключеніе обзора чтеній въ нашихъ засѣданіяхъ, намъ остается указать, по исторіи византійскаго права, на мемуаръ Члена Корреспондента Академіи Цахаріе фонъ-Лингентала о греческихъ номоканонахъ ²⁾, и, по международному праву, — на записку Академика В. П. Безобразова объ учрежденномъ въ Гентѣ въ 1873 году институтѣ для вспомошествованія успѣхамъ этого права ³⁾. Кромѣ этой записки, нашъ сочленъ сообщил Академіи о предпринятомъ имъ составленіи систематическаго курса науки о государственныхъ финансахъ, съ особымъ примѣненіемъ къ Россіи.

Сверхъ печатанія въ своихъ изданіяхъ спеціальныхъ изслѣдованій, какъ членовъ своихъ, такъ и постороннихъ ученыхъ, Академія оказываетъ научнымъ трудамъ поддержку янаго рода, состоящую въ наградахъ, которыя она раздаетъ, чрезъ извѣстные сроки, за лучшія изъ появляющихся новыхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ науки.

Въ истекшее двухлѣтіе происходило соисканіе почетной золотой медали и денежной преміи, учрежденныхъ въ честь К. М. Бэра. Первая была присуждена бывшему профессору Дерптскаго университета А. А. Бунге за пятидесятилѣтніе его труды по части ботаники; денежною же преміею награжденъ профессоръ Гетте за фізіологическія изысканія надъ жерлянкою.

Очередь присужденія Ломоносовской преміи въ 1876 г. принадлежала изслѣдованіямъ и открытіямъ, сдѣланнымъ въ Россіи въ области физики, химіи и минералогіи. При этомъ Академія имѣла случай отличить такою преміей химическія работы профессора здѣшняго Технологическаго института Бейльштейна надъ

¹⁾ Чит. 24 мая 1877. Bulletin, XXIV, 337.

²⁾ Чит. 20 янв. 1876. Mém. de l'Acad. XXXIII, № 7.

³⁾ Чит. 25 мая 1876. Bulletin, XXII, 173.

бензоловымъ рядомъ, какъ такіа изысканія, которыя значительно обогатили науку и могутъ послужить образцомъ для работъ подобнаго рода. Что же касается до соисканія Ломоносовской преміи въ настоящемъ году, назначеннаго, согласно правиламъ объ этой преміи, для изслѣдованій по русской и славянской филологіи, то между трудами, имѣвшими право участвовать въ этомъ конкурсѣ, не оказалось ни одного такого, который представлялъ бы въ себѣ соединеніе всѣхъ качествъ, требующихся для полученія преміи. Вслѣдствіе этого она осталась никому не присужденною и отложена, по установленному порядку, до слѣдующаго соотвѣтствующаго конкурса.

Равнымъ образомъ не нашлось ни одного сочиненія по части анатомико-микроскопическихъ изслѣдованій центральной нервной системы, которое могло бы быть удостоено преміи Рклицкаго. Эта премія также отложена до будущаго конкурса, долженствующаго происходить въ 1880 г.

За отчетный періодъ времени состоялись два соисканія наградъ графа Уварова: девятнадцатое и двадцатое. Въ первомъ участвовало 13 историческихъ сочиненій и 5 драматическихъ пьесъ, причемъ Академія имѣла удовольствіе отличить преміями, въ 500 руб. каждая, шесть произведеній, болѣе или менѣе важныхъ для русской и славянской исторіи. Къ участію же въ двадцатомъ Уваровскомъ конкурсѣ, имѣвшемъ мѣсто въ истекающемъ году, были принимаемы исключительно историческіе труды, такъ какъ учредитель наградъ призналъ умѣстнымъ отиѣнить на будущее время право участія въ конкурсахъ на нихъ драматическихъ пьесъ — въ томъ соображеніи, что положеніе нашихъ драматическихъ писателей въ настоящее время значительно измѣнилось къ лучшему сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было при учрежденіи премій, и что этотъ родъ литературныхъ произведеній уже не нуждается въ поощреніи, какъ было въ прежнее время. Принявъ такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году къ соисканію наградъ Графа Уварова 15 историческихъ трудовъ, Академія увѣчала 9 изъ нихъ меньшими преміями.

Въ заключеніе, считаемъ для себя пріятною обязанностью заявить, что число средствъ, находящихся въ распоряженіи Академіи для поддержки занятій наукою, недавно увеличилось чрезъ учрежденіе еще одной, новой преміи. По случаю происходившаго 12 января 1876 г. празднованія пятидесятилѣтія ученой дѣятельности нашего заслуженнаго сочлена, Академика *Ө. Ө. Брандта*, между его друзьями и почитателями была собрана, посредствомъ подписки, довольно значительная сумма денегъ. Одна ея часть была употреблена на выбитіе медали въ честь юбиляра, а другая образовала, съ Высочайшаго соизволенія, капиталъ, проценты съ котораго будутъ раздаваемы Академіею, въ видѣ *преміи имени Брандта*, за самостоятельныя изысканія въ области зоологіи, зоогеографіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи животныхъ. Подробныя правила, составленныя Академіею для присужденія этой преміи, были въ свое время доведены до всеобщаго свѣдѣнія. По нимъ, соисканіе ея назначено впервые въ 1881 г. и затѣмъ оно станетъ повторяться чрезъ каждое пятилѣтіе. Такимъ образомъ новоучрежденная премія Брандта будетъ служить на вѣчныя времена къ поощренію у насъ занятій тѣми отраслями науки, которыя такъ много любилъ и надъ которыми такъ много потрудился нашъ маститый зоологъ.



ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1877 годъ,

Составленный академикомъ А. Ѡ. Бычковымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ,
29-го декабря 1877 г.

Отчетъ о годовой дѣятельности ученаго учрежденія обыкновенно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, что совершено въ средѣ его въ теченіе этого времени и какіе труды и предпріятія задуманы его членами или приводятся ими въ исполненіе. Если въ лѣтописяхъ учрежденія не каждый годъ отмѣчается появленіемъ въ свѣтъ замѣчательныхъ трудовъ, если не каждый годъ приноситъ изслѣдованія, подвигающія науку впередъ: то тѣмъ не менѣе совокупность всѣхъ, даже не слишкомъ значительныхъ или выдающихся, работъ за извѣстный періодъ времени всегда представитъ утѣшительную картину поступательнаго движенія науки и усилій къ освѣщенію того, что въ ея области является загадочнымъ или неяснымъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ теченіе 1877 года продолжало трудиться по плану, предначертанному для него Высочайше утвержденнымъ положеніемъ. По этому положенію главною задачею Отдѣленія поставлено—основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка, а такое изслѣдованіе возможно только при условіи всесторонняго изученія разныхъ его говоровъ,

которые употребляются народомъ на пространствѣ бывшихъ областей и удѣльныхъ княжествъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства. Не смотря на то, что въ жизни и въ языкѣ народъ держится по преимуществу охранительнаго начала, многія и разнообразныя причины принуждаютъ его нерѣдко уступать натиску нововведеній и давать имъ право гражданства. Все-го яснѣе это замѣтно на языкѣ. Городъ постепенно все болѣе и болѣе оказываетъ вліяніе на деревню, приравниваетъ ее къ себѣ, сглаживаетъ особенности ея говора и, создавая новыя діалектическія разности, вмѣстѣ съ этимъ уничтожаетъ и важныя данныя для филолога. А между тѣмъ въ живой устной рѣчи народа, въ пѣсняхъ, сказкахъ и былинахъ, удерживаемыхъ его памятью отъ далекой старины, заключаются богатые матеріалы не только для отечественной филологіи и литературы, но и для сравнительной. Сколько словъ, встрѣчающихся въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, получили надлежащее объясненіе изъ этого источника; сколько изъ него же удовлетворительно разрѣшено особенностей въ формахъ и въ синтаксическомъ строѣ языка; какъ много данныхъ народные говоры доставили для фонетики языка; наконецъ какое неисчерпаемое богатство они дали и могутъ дать художникамъ слова!

Въ виду всего вышеизложеннаго Отдѣленіе съ готовностію приняло не одно только матеріальное участіе въ ученой командировкѣ профессора варшавскаго университета М. А. Колосова, поставившаго себѣ задачею: изучить языкъ, употребляемый въ тѣхъ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, которыя издавна заняты русскимъ населеніемъ и въ которыхъ были центры его исторической жизни, но и снабдило его инструкціею, выполненною имъ съ добросовѣстною отчетливостію.

Г. Колосовъ въ продолженіе своей поѣздки посѣтилъ 11 губерній. Особенно подробно изслѣдованъ имъ языкъ жителей Новгородской и Вятской губерній. Въ первой изъ нихъ предстояло ему разрѣшить довольно важный вопросъ: отдѣляются ли естественными границами говоры, существующіе нынѣ въ предѣлахъ

губерніи. Въ слѣдствіе разныхъ политическихъ и экономическихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на составъ населенія въ Новгородской области, вопросъ этотъ разрѣшился отрицательно, но за то изслѣдователь пришелъ къ убѣжденію, что въ отдаленное время языкъ ея представлялъ менѣе разнообразія, чѣмъ въ настоящее время, и что въ немъ не было такихъ рѣзкихъ подраздѣленій, какія существуютъ теперь. Болѣе остатковъ стариннаго языка сохранилось въ мѣстахъ, близкихъ къ Ильмену: тамъ еще въ употребленіи слова, которыя встрѣчаются въ новгородскихъ юридическихъ памятникахъ XII и XIII вѣка, и при томъ произносятся такъ, какъ они въ нихъ написаны.

Вятская губернія въ глазахъ изслѣдователя языка являлась весьма любопытною мѣстностью. До сихъ поръ принималось въ видѣ непреложной истины, что Вятскій край по отношенію къ языку представляетъ богатое хранилище далекой новгородской старины, такъ какъ онъ былъ колонизированъ изъ Новгорода. Но послѣ внимательнаго наблюденія надъ составомъ русскаго населенія Вятской губерніи оказалось, что оно дѣлится на двѣ половины, которыя рѣзко и опредѣленно отличаются одна отъ другой особенностями своего говора, что если нельзя положительно отрицать сходства этихъ говоровъ съ новгородскими, то въ то же время видна и разность между ними, прямо бросающаяся въ глаза: въ нихъ нѣтъ такихъ чертъ, которыя свойственны новгородскимъ говорамъ, и, наоборотъ, въ нихъ много такихъ, которыхъ нѣтъ тамъ. Все это, будучи еще подкрѣплено нѣкоторыми другими соображеніями, дало г. Колосову поводъ высказать предположеніе: не былъ ли Вятскій край отчасти колонизированъ жившими нѣкогда по Окѣ вятичами, быть можетъ даже ранѣе, чѣмъ произошло завоеваніе и заселеніе его новгородцами.

Въ Олонецкой губерніи, гдѣ въ недавнее время были найдены великолѣпные памятники народнаго эпоса, Отдѣленіе указало г. Колосову на городъ Каргополь, какъ на пунктъ, заслуживающій особеннаго вниманія. И дѣйствительно, нашъ изслѣдователь нашелъ въ языкѣ горожанъ и уѣздныхъ жителей много такихъ чертъ,

которыя являются важными остатками старины, уступающими, впрочемъ, по значенію народному языку Новгородской губерніи.

Разъѣзды г. Колосова по губерніямъ Владимірской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Казанской имѣли главною цѣлью опредѣлить: дѣйствительно ли *окающее* нарѣчіе подраздѣляется на сѣверное и восточное и отличительныя черты новгородскаго нарѣчія не повторяются во владимірскомъ. Хотя Даль въ статьѣ «О нарѣчіяхъ русскаго языка» привелъ признаки, отличающіе восточное нарѣчіе отъ сѣвернаго, но изслѣдованія г. Колосова наглядно доказали почти тождество этихъ двухъ нарѣчій, даже до такой степени, что онъ не усумнился высказать слѣдующій рѣшительный выводъ: «не только восточнаго нарѣчія, но даже и поднарѣчія нѣтъ: оно не отличается отъ сѣвернаго не только положительными, но даже и отрицательными признаками». Впрочемъ, изъ этого тождества языка нельзя еще заключать о тождествѣ населенія двухъ краевъ: строить на однихъ лингвистическихъ выводахъ выводы этнографическіе по меньшей мѣрѣ не прочно. Въ этомъ случаѣ исторія должна придти на помощь и сказать свое слово о томъ: было ли населеніе окающей области коренное или пришлое, и если пришлое, то опредѣлить приблизительно время его поселенія и мѣстность, откуда оно пришло. Г. Колосовъ весьма благоразумно отклонилъ отъ себя разрѣшеніе этого труднаго вопроса и предоставилъ его будущимъ изслѣдователямъ.

Что касается данныхъ объ языкѣ жителей губерній отдаленнаго сѣверо-востока, то они извлечены г. Колосовымъ преимущественно изъ доставленныхъ ему весьма обстоятельныхъ сообщеній разныхъ лицъ, такъ какъ самъ онъ въ Вологодской и Пермской губерніяхъ оставался весьма недолго, а въ Архангельской и вовсе не былъ. Данныя эти, сопоставленные и критически провѣренныя г. Колосовымъ, положительно опредѣляютъ къ какому изъ двухъ нарѣчій принадлежитъ языкъ жителей упомянутыхъ трехъ губерній.

Отчеты о результатахъ поѣздки, представлявшіеся г. Коло-

совымъ Отдѣленію, уже напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ. Они, вмѣстѣ съ присоединенными къ нимъ сборниками словъ сѣвернаго великорусскаго нарѣчія, которыя не вошли въ словарь Даля, и нѣкоторыхъ произведеній народной литературы, важныхъ какъ для изслѣдователя языка, такъ и для этнографа, свидѣлствуютъ о строгомъ отношеніи къ дѣлу молодаго ученаго, объ его трудолюбіи, наконецъ, объ его любви къ избранному предмету, не обращающей вниманія на многія неудобства и лишенія, соединенныя еще у насъ съ изученіемъ чего либо среди народа. Нѣкоторыя изъ наблюденій г. Колосова надъ звуковыми явленіями въ говорахъ сѣверныхъ губерній и надъ особенностями синтаксическаго строя этихъ говоровъ чрезвычайно важны, и безъ сомнѣнія наука о русскомъ языкѣ ими воспользуется, а въ этомъ заключается и похвала труду и награда ученому.

Отъ экспедиціи, уже оконченной и принесшей плоды для науки, я перейду къ другому, недавно начатому предпріятію, равномѣрно касающемуся изученія русскаго языка, исполнить которое вызвался П. В. Шейнъ, извѣстный собиратель великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсень. Бѣлорусское нарѣчіе уже давно начало обращать на себя вниманіе Отдѣленія по уцѣлѣвшимъ въ немъ остаткамъ стариннаго языка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Отдѣленіе издало полный словарь бѣлорусскаго нарѣчія, составитель котораго, господинъ Носовичъ, слѣдовалъ говору, господствующему въ Могилевской губерніи. Но на обширномъ пространствѣ, отъ Нѣмана и Нарева до верховьевъ Волги и отъ Западной Двины до Припети и Ипути, которое населяютъ бѣлоруссы, существуетъ нѣсколько мѣстныхъ говоровъ, которые разнятся между собою не только въ фонетическомъ отношеніи, но и въ лексическомъ, сколько можно судить объ этомъ по немногимъ изданнымъ памятникамъ устной литературы. Изслѣдовать эти различные говоры, показать ихъ отношеніе между собою и къ нарѣчіямъ великорусскаго языка — составляетъ предметъ весьма важный, тѣмъ болѣе, что подобное изслѣдованіе можетъ повести къ окончательному рѣшенію до сихъ поръ продолжающагося спора: счи-

тать ли бѣлорусское нарѣчіе съ его говорами самостоятельнымъ нарѣчіемъ русскаго языка или однимъ изъ нарѣчій великорусскаго. Предложеніе г. Шейна было весьма кстати, и Отдѣленіе поспѣшило его принять. Изъ всѣхъ мѣстностей, гдѣ слышится бѣлорусское нарѣчіе, наиболѣе интереса представляетъ Минская губернія, особенно такъ называемый Пинскій край, который, въ слѣдствіе топографическихъ условій, наименѣе подвергался разнообразнымъ вліяніямъ и гдѣ, по всему вѣроятію, бѣлорусское нарѣчіе сохранилось въ большей чистотѣ. Отдѣленіе первоначально намѣтило было изслѣдовать именно этотъ край, но, въ виду неблагоприятныхъ гигиеническихъ его условій, оно должно было отказаться отъ первоначальной мысли и предложило г. Шейну заняться изслѣдованіемъ языка въ южныхъ и сѣверо-западныхъ уѣздахъ Витебской и въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ Минской и Могилевской губерній.

Отдѣленіе въ программѣ, начертанной имъ для дѣятельности г. Шейна, просило его обратить вниманіе: 1) на характеристическія черты, отличающія бѣлорусское нарѣчіе отъ нарѣчій великорусскихъ; 2) на черты, отдѣляющія одинъ говоръ бѣлорусскаго нарѣчія отъ другаго, какъ фонетическія, такъ и грамматическія; 3) на слова, которыми можетъ пополниться словарь Носовича; 4) на собраніе сказокъ, пѣсенъ и другихъ памятниковъ устной литературы. Записанные съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ особенностей живой рѣчи народа, эти памятники послужатъ и оправданіемъ наблюденій, которыя будутъ сдѣланы г. Шейномъ, и богатымъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдованій. Сверхъ того, самъ г. Шейнъ вызвался повѣрить со стороны звуковой говоры тѣхъ мѣстностей, откуда были ему доставлены пѣсни для изданнаго имъ сборника. Изъ недавно напечатаннаго г. Шейномъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» приглашенія, обращеннаго къ мѣстнымъ ученымъ и любителямъ народной словесности и старины содѣйствовать ему въ собраніи памятниковъ народнаго творчества, видно, что онъ приступилъ къ выполненію той части программы Отдѣленія, которую оно считаетъ чрезвычайно важною въ интересахъ науки.

Членами Отдѣленія въ теченіе истекающаго года были выполнены нѣкоторыя возложенныя на нихъ порученія какъ Отдѣленіемъ, такъ и Академіею. Академикъ Гротъ для составляемой имъ біографіи Державина совершилъ поѣздку въ Тамбовъ, чтобы разсмотрѣть въ тамошнихъ архивахъ бумаги, относящіяся къ тому времени, когда авторъ «Фелиць» былъ здѣсь губернаторомъ; онъ нашелъ въ архивныхъ матеріалахъ немало любопытныхъ подробностей, дополнившихъ прежде собранныя имъ по этому предмету свѣдѣнія, что дало ему возможность довести біографію Державина до окончанія его губернаторства въ Тамбовѣ. Тотъ же академикъ присутствовалъ по порученію Академіи, въ качествѣ ея депутата, на 400—лѣтнемъ юбилеѣ упсальскаго университета. Подробный и исполненный интереса отчетъ объ этомъ праздествѣ и объ обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ и его сопровождавшихъ, напечатанъ въ изданіяхъ Академіи и вышелъ отдѣльною брошюрою.

Академикъ Сухомлиновъ былъ командированъ въ Москву съ цѣлью собрать свѣдѣнія, относящіяся къ трудамъ членовъ российской академіи, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и профессорами московскаго университета. Въ библиотекѣ университета, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ архивѣ синодальной канторы онъ нашелъ немало любопытныхъ матеріаловъ; изъ нихъ особенно важны и сравнительно многочисленны тѣ, которые относятся къ жизни и дѣятельности профессора Барсова, ученика Ломоносова и Тредьяковскаго.

Академики Срезневскій и Бычковъ были посланы въ Казань, въ качествѣ депутатовъ Академіи, на IV археологическій съѣздъ, и кромѣ того первый былъ командированъ съ ученою цѣлью въ сѣверо-восточныя губерніи Россіи. Оба они принимали живое участіе въ засѣданіяхъ съѣзда и въ обсужденіи многихъ на него представленныхъ рефератовъ. Сверхъ того, Бычковъ былъ выбранъ въ члены коммисіи для разсмотрѣнія отзывовъ ученыхъ учреждений и лицъ, доставленныхъ на записку профессора дерптскаго университета Брикнера объ ученыхъ пособіяхъ

при изученіи исторіи Россіи, а академикъ Срезневскій, выбранный председателемъ VI отдѣленія (памятниковъ языка и письма), прочелъ нѣсколько рефератовъ, и въ числѣ ихъ: «О русскихъ древностяхъ казанскихъ и средняго Поволжья до XVI вѣка». Главный предметъ этого реферата составляли древнѣйшія иконы XII и XIII вв., которыя академику посчастливилось открыть въ казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ свіяжскомъ Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ и въ Успенской церкви села Болгарь, во время посѣщенія ихъ членами съѣзда. Образокъ, хранящійся въ Благовѣщенскомъ соборѣ—изъ темнобѣраго аспіда (въ вершокъ длиною и $\frac{3}{4}$ вершка шириною). На одной сторонѣ его довольно выпукло выбитъ ликъ святаго; въ лѣвой рукѣ святой держитъ что-то въ родѣ свитка, обнявъ его поперегъ пальцами, а правую благословляетъ, приподнявъ пальцы: указательный, средній и мизинецъ, а два остальные приложивъ одинъ къ другому. Волосы довольно большіе, борода не очень длинная. По сторонамъ лика за сіяніемъ читаются нарѣзанныя буквы: андрѣас. На другой сторонѣ въ серединѣ очень маленькое изображеніе святи-теля или же Спасителя, а вокругъ него семь изображеній, еще болѣе мелкихъ, потертыхъ. На продольныхъ плоскостяхъ толщи нашлись остатки двухъ надписей, нарѣзанныхъ очень тонко и почти стершихся. Можно думать, что эти написи сдѣланы въ XIV вѣкѣ, позже самаго образка, который И. И. Срезневскій относитъ къ XIII вѣку, если не ранѣе. Образокъ, хранящійся въ свіяжскомъ женскомъ монастырѣ, также каменный и по величинѣ равенъ предъидущему; на одной сторонѣ его изображенъ святи-тель Николай, а на другой — онъ же, или какой другой святи-тель, и направо отъ него архангелъ Михаилъ, въ царской одеждѣ. Изображеніе святи-теля Николая выбито выпукло и очень тща-тельно, такъ что выразились не только подробности одежды и рукъ, но и чертъ лица и вообще головы. Лобъ святи-телю данъ большой, лысый, борода округлая. Въ лѣвой рукѣ у него еванге-ліе, а правую—онъ благословляетъ, выпрямивъ два средніе пальца, а два крайніе приложивъ къ большому. Вокругъ головы сіяніе,

а за нимъ на одной сторонѣ буквы: чи, а на другой, читая съ низу въ верхъ: коа (вм. кола или вм. коа). Изображенія святителя и архангела на другой сторонѣ образка также выпуклы и также тщательны. По начертанію буквъ этотъ образокъ отнесенъ И. И. Срезневскимъ не позже какъ къ XII вѣку. Наконецъ, въ церкви села Болгаръ хранится, какъ особенно чтимая святыня, полюбоманная рипида, между прочимъ, безъ нижняго конца, гдѣ была и втулка для дровка; впрочемъ, не только со всѣми десятью изображеніями, по пяти на каждой сторонѣ, но и вообще въ такомъ видѣ, что не трудно возстановить весь ея первоначальный очеркъ и рѣзные узоры поля. Рипида мѣдная, позолоченная, величиною въ діаметрѣ около 7 вершковъ. Изображенія вырѣзаны на особыхъ круглыхъ, нѣсколько выпуклыхъ листкахъ, въ діаметрѣ по $1\frac{1}{2}$ вершка, толщиною около $\frac{1}{10}$ вершка. Одинъ изъ пяти на каждой сторонѣ занимаетъ середину, а другіе четыре расположены вокругъ средняго крестомъ. У cadaго изображенія есть надпись по сторонамъ лика. На одной сторонѣ: Спаситель (въ серединѣ), Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча и архангелы: Михаилъ и Гавріиль; а на другой сторонѣ: Василій Великій (въ серединѣ), Козьма и Даміанъ, Кириллъ Іерусалимскій и Николай чудотворецъ. Судя по начертанію буквъ, рипиду эту можно несомнѣнно отнести къ XII вѣку. Такимъ образомъ, небольшой списокъ отечественныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ XII—XIII вѣковъ, благодаря ученымъ изслѣдованіямъ академика Срезневскаго, разомъ увеличился тремя, и притомъ найденными въ такихъ мѣстахъ, которыя вошли въ составъ Московскаго государства съ половины XVI вѣка, а это обстоятельство даетъ поводъ заключать, что эти памятники или существовали въ этомъ краѣ гораздо ранѣе присоединенія его къ Россіи, будучи принесены сюда, быть можетъ, нашими миссіонерами и тѣми, которые искали здѣсь убожища отъ разныхъ житейскихъ невзгодъ, или оставлены умершими здѣсь лицами, свѣтскими или духовными, приходившими на службу въ край изъ Россіи послѣ его завоеванія и приносившими вещи съ собою.

Во время своего путешествія по сѣверо-восточнымъ губер-

ніямъ Россіи, академикъ Срезневскій изъ числа другихъ древнихъ памятниковъ, кромѣ нѣсколькихъ церквей Ярославля и Рязани и окрестностныхъ съ Рязанью монастырей, обратилъ вниманіе на бѣдныя, но, тѣмъ не менѣе, драгоцѣнные остатки «Старой» Рязани, что на Окѣ у Спасска. До сихъ поръ и въ обширной мѣстности, окруженной высокимъ валомъ, и внѣ ея находятъ древнія вещи. Сохранились и приземные остатки древнихъ обширныхъ зданій изъ квадратнаго плоскаго кирпича, связаннаго такимъ же цементомъ, какъ въ древнѣйшихъ кievскихъ церквахъ. Кромѣ того, во время путешествія, И. И. Срезневскій старался увеличить запасъ свѣдѣній по вопросу: какъ далеко по Окѣ и Волгѣ, и по Дону простирались поселенія русскаго народа во время первыхъ завоеваній кievскихъ великихъ князей на востокъ отъ Днѣпра? Вопросъ этотъ важенъ и для исторіи русскаго языка. Наблюденія, нужныя для его рѣшенія, кромѣ показаній лѣтописей и другихъ подобныхъ свидѣтельствъ, суть этнографическія и лингвистическія. Послѣднія составляютъ: 1) русскій языкъ въ областяхъ, лежащихъ по означеннымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ, въ употребленіи народномъ и въ старинныхъ памятникахъ тамошняго происхожденія; 2) названія рѣкъ, потоковъ, озеръ, разныхъ мѣстностей и урочищъ въ тѣхъ областяхъ, сохранившіяся доселѣ отъ древности и занесенныя въ древніе памятники. Г. Срезневскому удалось нѣсколько увеличить прежній запасъ областного языка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выбрать изъ подробныхъ картъ, списковъ населенныхъ мѣстностей, лѣтописей и грамотъ и изъ живаго употребленія значительное количество названій мѣстныхъ, относящихся болѣе всего къ области притоковъ Оки до ея устья. Академикъ Срезневскій полагаетъ, что дальнѣйшія изслѣдованія приведутъ къ заключенію, что хотя въ этой мѣстности и жили инородцы, но рядомъ съ ними издревле обитали и русскіе, по крайней мѣрѣ отдѣльными, разбросанными поселками, и что сила русскихъ князей опиралась тамъ не на однихъ дружинахъ, но и на тамошнемъ коренномъ русскомъ народѣ.

Кромѣ исполненія возложенныхъ порученій, о которыхъ было

только что упомянуто, каждый изъ членовъ Отдѣленія еще трудился въ избранномъ имъ кругѣ дѣятельности.

Академикъ, высокопреосвященный архіепископъ литовскій и виленскій Макарій, не смотря на многочисленныя и разнообразныя занятія, какъ по епархіи, такъ и по званію члена св. синода, успѣлъ подарить наукѣ въ истекающемъ году VIII томъ Исторіи русской церкви, составляющей третью книгу періода раздѣленія церкви на двѣ митрополіи. Глава, трактующая о церковномъ правѣ, и глава, въ которой говорится о богослуженіи, обращаютъ на себя особенное вниманіе и полнотою и интересомъ сообщаемыхъ ими свѣдѣній.

Академикъ Гротъ по изученію царствованія Екатерины II окончилъ характеристику ея отношеній къ Густаву III и слилъ свои изслѣдованія по этому предмету въ одну статью, которая напечатана въ Запискахъ Академіи и въ тоже время издана отдѣльною книгою. Составилъ статью «Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой», читанную имъ въ общемъ собраніи историческаго общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и напечатанную въ Сборникѣ общества. По поводу найденнаго въ Швеціи и въ первый разъ изданнаго тамъ русскаго текста Орѣховскаго договора 1323 года написалъ статью, напечатанную въ изданіяхъ Академіи, съ приложеніемъ снимка съ рукописи этого договора, относящейся по почерку къ концу XVI или къ началу XVII вѣка. Сохраняющееся въ Швеціи преданіе о происхожденіи отсюда императрицы Екатерины I дало поводъ академику рассмотреть на чемъ основывается это преданіе и написать статью, въ которой, показавъ недостовѣрность его, онъ привелъ неизвѣстные до сихъ поръ документы, подтверждающіе принадлежность государыни къ роду Скавронскихъ. Прочелъ двѣ замѣтки: о филологическихъ занятіяхъ Екатерины II, именно о трудахъ Янковича де Миріево и Богдана Арндта, вызванныхъ Сравнительнымъ Словаремъ, напечатаннымъ подъ редакцію Паласа, и по поводу статьи г. Карновича о герцогинѣ Кингстонъ,

напечатанной въ журналѣ «Русская Старина», и замѣчанія неизвѣстнаго о времени смерти Чупятова. Занимался составленіемъ русской грамматики и написалъ первыя ея главы. Продолжалъ въ государственномъ архивѣ свои занятія по разбору и приведенію въ порядокъ бумагъ Екатерины II, и изъ числа ихъ печаталъ собраніе писанныхъ по-французски писемъ ея къ Гриму, которыя будутъ изданы императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ въ наступающемъ году.

Академикъ Срезневскій продолжалъ одинъ изъ многочисленныхъ своихъ трудовъ, котораго напечатанными частями пользуются съ благодарностію ученые и котораго каждый новый выпускъ составляетъ цѣнный вкладъ въ науку, — изданіе въ свѣтъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ памятниковъ древней нашей письменности. Во время своего путешествія въ истекающемъ году по Россіи, онъ нашелъ три древнія рукописи, изъ которыхъ неполный Служебникъ XIII вѣка, по мнѣнію академика, является памятникомъ важнымъ въ томъ отношеніи, что онъ пополняетъ недостатокъ, находящійся въ служебникѣ, принадлежавшемъ, основываясь на позднѣйшей впрочемъ припискѣ, св. Варлааму Хутынскому, будучи одинаковъ съ нимъ по содержанію. Служебникъ препод. Варлаама занимаетъ первое мѣсто по древности въ ряду служебниковъ доселѣ открытыхъ и отличается между однородными памятниками своимъ составомъ. Двѣ другія рукописи: Служебникъ XIV вѣка и отрывки изъ Книги Иисуса сына Сирахова заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія во многихъ отношеніяхъ. Напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ: Воспоминаніе о Павлѣ Михайловичѣ Строевѣ, въ которомъ представилъ полную картину ученой дѣятельности покойнаго академика и оцѣнку и значеніе его трудовъ. По порученію Академіи написалъ рецензіи на два сочиненія, представленныя на соисканіе уваровскихъ наградъ: Варяги и Русь, Гедеонова, которое онъ разсмотрѣлъ преимущественно со стороны находящихся въ немъ филологическихъ соображеній, и Описаніе воскресенской новоіерусалимской библиотеки, архимандрита Амфилохія. По поводу книги М. Ю. Милече-

вича: Княжество Сербія, прочелъ въ Отдѣленіи статью подъ заглавіемъ: Свѣдѣнія о современной Сербіи, которую напечаталъ въ IV томѣ Сборника государственныхъ званій. Слѣдующія замѣчательныя сочиненія, выпедшія въ славянскихъ земляхъ, дали И. И. Срезневскому поводъ сообщить въ засѣданіяхъ Отдѣленія подробныя о нихъ заявленія: Српске народне загометке (загадки) сербскаго ученаго Новаковича, трудъ, составляющій дорогой подарокъ для изучающихъ народный языкъ и народную поэзію, а отчасти и для этнографіи; Вгус (оселокъ), чешскаго ученаго Гатталы, въ которомъ доказывается, что чешскій языкъ испорченъ въ своемъ составѣ, сколько дѣйствіями безсознательными, столько же и сознательными; Корни со словами отъ нихъ происшедшими въ хорватскомъ или сербскомъ языкѣ, Даничича. Кромѣ этого, академикъ Срезневскій въ особой запискѣ сообщилъ Отдѣленію свои мысли о важности археологической энциклопедіи какъ основной части археологическаго знанія, изложивъ при этомъ въ краткомъ очеркѣ и ея содержаніе.

Академикъ Бычковъ составилъ записку о вновь найденномъ пергаментномъ евангеліи по недѣлямъ XI вѣка (1092 года), принадлежащемъ нынѣ московскому публичному музею, которую прочелъ въ Отдѣленіи и напечаталъ въ Запискахъ Академіи. Напечаталъ въ тѣхъ же Запискахъ отчетъ о разсмотрѣнныхъ имъ матеріалахъ для бібліологическаго словаря П. М. Строева, внесенныхъ въ Академію, по распоряженію покойнаго, его наслѣдниками. Приступилъ къ печатанію изъ этихъ матеріаловъ всего того, что имѣетъ интересъ и значеніе и въ настоящее время, послѣ появленія Обзора русской духовной литературы архіепископа Филарета, и того, что дополняетъ и исправляетъ въ какомъ бы то ни было отношеніи предшествовавшіе бібліографическіе труды. Представилъ въ комисію, присуждавшую уваровскія награды, написанную по ея порученію рецензію на сочиненіе Ю. В. Толстова: «Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею, 1553 — 1593». Печаталъ по званію члена археографической комисіи новгородскія лѣтописи и для императорскаго русскаго

историческаго общества томъ Сборника, въ который войдутъ документы о пребываніи нашихъ пословъ во Франціи и донесенія французскихъ дипломатическихъ агентовъ при нашемъ дворѣ съ 1681 года по конецъ царствованія Петра Великаго. Составилъ описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей, приобретенныхъ императорскою публичною библіотекою отъ г. Сокурова, которое будетъ напечатано въ Отчетѣ библіотеки за 1876 годъ. Продолжалъ занятія въ государственномъ архивѣ по собранію писемъ и бумагъ императора Петра Великаго. Въ настоящее время уже имѣется около 10.000 документовъ, писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ нашимъ державнымъ преобразователемъ, въ числѣ которыхъ находится много важныхъ и доселѣ необнародованныхъ.

Академикъ Сухомлиновъ приступилъ къ печатанію IV выпуска Исторіи российской академіи. Отпечатанная часть заключаетъ монографію о Севергинѣ. Въ многочисленномъ ряду произведеній Севергина, оригинальныхъ и переводныхъ, главное мѣсто занимаютъ труды его по естествознанію, и преимущественно по минералогіи. «Севергинъ», такъ говоритъ современный его биографъ, «былъ истиннымъ труженикомъ науки, вполне понималъ ея требованія и, будучи превосходно знакомъ съ литературою своего предмета, стоялъ на высотѣ современнаго ему развитія естествознанія въ европейскомъ ученомъ мірѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Севергинъ постоянно имѣлъ въ виду изученіе Россіи и распространеніе знаній въ русскомъ обществѣ. Онъ много содѣйствовалъ образованію и обогащенію русской научной терминологіи». Важное значеніе для своего времени имѣли его обширные труды: Опытъ минералогическаго описанія Россіи; Минералогическій словарь, и др. Онъ былъ редакторомъ повременнаго академическаго изданія «Технологическій журналъ», въ которомъ заключается множество статей не только по технологіи, но и по физикѣ, химіи, ботаникѣ, зоологіи, минералогіи. Севергинъ переводилъ на русскій языкъ сочиненія по исторіи и по словесности; онъ участвовалъ въ переводѣ Бартеlemi: Путешествіе Анахарсиса

по Греціи. Учено-литературная дѣятельность Севергина и другихъ академикомъ разсматривалась г. Сухомлиновымъ особенно подробно потому, что она составляетъ существенную часть исторіи науки въ Россіи. Напечаталъ рѣчь, произнесенную въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I. Въ этой рѣчи академикъ, изложивъ благотворныя преобразованія, совершившіяся въ Академіи Наукъ, въ царствованіе императора Александра I, и очертивъ ея ученую дѣятельность за это время, остановилъ особенное вниманіе на учрежденіи и преобразованіи университетовъ, откуда, по справедливому его замѣчанію, «преимущественно выходили и выходятъ труженики, проникнутые живою, искреннею любовью къ наукѣ, неугасающею подъ гнетомъ невзгодъ и лишений, и недоступною для приманокъ вѣшняго блеска и житейскихъ выгодъ».

Академикъ Соловьевъ напечаталъ XXVII томъ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, или 3-й томъ Исторіи Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ которомъ разсказаны событія 1766—1768 годовъ, между прочимъ, дѣйствія комисіи объ уложеніи, борьба съ Польшею за диссидентовъ и объявленіе Турціею войны, кончившейся миромъ въ Кучукъ - Кайнарджи. Ко дню празднованія столѣтняго юбилея императора Александра I издалъ сочиненіе: «Императоръ Александръ первый. Политика — дипломатія». Сочиненіе это, для котораго академикъ пользовался многими необнародованными документами, представляетъ весьма замѣчательное явленіе въ исторической литературѣ и дѣлится на двѣ части: первая обнимаетъ эпоху коалицій, вторая — эпоху конгрессовъ.

Академикъ князь Вяземскій напечаталъ при «Хроникѣ недавней старины изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго» письмо, въ которомъ сообщалъ личныя воспоминанія объ упоминаемыхъ въ хроникѣ событіяхъ и лицахъ, которыхъ онъ былъ современникомъ. Это письмо освѣщаетъ картину прошедшаго самыми живыми красками и невольно приковываетъ къ се-

бѣ вниманіе читателя мастерскимъ, образнымъ изложеніемъ. Помѣстилъ въ «Русскомъ Архивѣ» статью: «Московское семейство стараго вѣка» и стихотвореніе: «Поминки». Въ письмѣ къ академику Гроту сообщилъ нѣсколько остроумныхъ замѣтокъ о русскомъ языкѣ и объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ по поводу спора, возникшаго въ газетахъ между И. С. Тургеневымъ и критикомъ «Новаго Времени».

Въ теченіе 1877 года посторонніе ученые внесли въ Отдѣленіе слѣдующія сочиненія: братья Юшкевичи «Литовско-Русскій Словарь», который, по отзыву члена - корреспондента Академіи, профессора Потебни, его разсматривавшаго, далеко оставить за собою, и по полнотѣ и по ученой обработкѣ, словари этого языка Ширвида, Милке, Хаака, Нессельмана и др., не говоря уже о пользѣ, которую онъ принесетъ для русскихъ, намѣреющихся изучать этотъ языкъ. Молодой чешскій ученый А. О. Патера — изслѣдованіе о глоссахъ «*Mater verborum*». Этотъ латинскій словарь констанцкаго епископа Саломона, умершаго въ 920 году, при перепискѣ, нѣсколько разъ былъ дополняемъ глоссами, особенно нѣмецкими. Одинъ изъ такихъ списковъ этого словаря сохранился въ великолѣпной рукописи начала XIII вѣка, писанной Вацерадомъ, въ которой находится множество чешскихъ глоссъ, внесенныхъ въ нее разновременно. Не смотря на то, что надъ этимъ древнимъ памятникомъ чешскаго языка трудились Ганка, Юнгманъ и Шафарикъ, г. Патера занялся имъ снова, и успѣлъ не только раздѣлить всѣ глоссы на отдѣлы по времени ихъ написанія, но и разъяснить тѣ изъ нихъ, которыя считались до сихъ поръ темными. Въ виду важности изслѣдованія г. Патера, какъ для славянскои филологіи вообще, такъ и для древняго русскаго языка и быта, Отдѣленіе положило напечатать это изслѣдованіе въ своемъ Сборникѣ.

Въ истекающемъ году Отдѣленіе пополнило свой составъ выборомъ въ адъюнкты профессора с.-петербургскаго университета А. Н. Веселовскаго, стяжавшаго почетную извѣстность и уваженіе въ западномъ ученomъ мѣрѣ своими открытіями и изслѣдова-

ніями по средневѣковой словесности, преимущественно романской и германской, а между нашими учеными—многими замѣчательными трудами, въ которыхъ русскіе и славянскіе письменные и устные памятники объясняются памятниками западно и южно-европейскими. Довольно многочисленный рядъ изслѣдованій г. Веселовскаго, отличающихся несомнѣнными достоинствами, даетъ право надѣяться, что въ молодомъ ученомъ Академія приобрѣтетъ полезнаго и необходимаго ей дѣятеля.

Въ 1877 году Отдѣленіе понесло чувствительную потерю. 21-го іюля, послѣ продолжительной болѣзни, скончался ординарный академикъ А. В. Никитенко, принимавшій въ его занятіяхъ самое живое участіе въ продолженіе почти 22-хъ лѣтъ.

Жизнь человѣка, посвятившаго полвѣка на преподаваніе молодому поколѣнію живымъ словомъ теоріи и исторіи отечественной словесности, и во все это время честно стоявшаго за идеи истины, добра и прекраснаго; полвѣка вносившаго свои вклады въ отечественную литературу и науку; связаннаго разнообразными отношеніями и съ представителями литературныхъ кружковъ самыхъ противоположныхъ направленій, и съ государственными сановниками и съ практическими дѣятелями; близко стоявшаго къ дѣлу при нѣкоторыхъ предпринимавшихся государственныхъ реформахъ, — представляетъ живую картину нашей литературной и общественной жизни за послѣдніа 50 лѣтъ и заслуживала бы болѣе подробнаго и обстоятельнаго изображенія, чѣмъ предлагаемый мною краткій очеркъ жизни и трудовъ покойнаго.

А. В. Никитенко родился въ мартѣ 1805 года, въ деревнѣ, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Еще ребенкомъ онъ отличался особенною понятливостью, любилъ присутствовать въ хатѣ, когда что либо читали вслухъ, и съ восторгомъ вслушивался въ духовные гимны, которые пѣли слѣпцы, странствовавшіе по Южной Россіи. Отецъ его, принадлежавшій къ числу грамотныхъ и книжныхъ людей и стоявшій по уму и свѣдѣніямъ выше другихъ лицъ своего состоянія, пожелалъ дать сыну образованіе, и съ этою цѣлью помѣстилъ его въ воронежское уѣздное учили-

ще, гдѣ онъ и кончилъ курсъ, обративъ дарованіями и успѣхами на себя вниманіе училищнаго начальства и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ. Свѣдѣнія, приобретаемые въ то время въ уѣздномъ училищѣ, были крайне ограничены, и юноша, которому, по сложившимся обстоятельствамъ, приходилось было ими ограничиться, отдался по выходѣ изъ училища чтенію попадавшихъ подъ руку журналовъ, поэтическихъ произведеній и переводныхъ романовъ. Это чтеніе, какъ говорилъ самъ Никитенко, открыло ему новый міръ идей, непрестанно заставлявшій работать умъ, вдумываться въ явленія духовной жизни и отдавать въ нихъ отчетъ. Такъ длилось нѣсколько лѣтъ. Доступъ къ высшему образованію, казалось, былъ навсегда загражденъ А. В. Никитенкѣ, но къ нему пришло на помощь Россійское Библейское Общество. Основанное въ памятную для Россіи эпоху 1812 года, оно обнаружило необыкновенную дѣятельность и быстрое развитіе. Во многихъ губернскихъ городахъ были заведены его комитеты и отдѣленія, а въ уѣздныхъ—сотоварищества. Лучшія мѣстныя силы были призваны содѣйствовать его дѣлямъ. Подобное сотоварищество было основано и въ Острогжскѣ и секретаремъ его былъ избранъ молодой Никитенко, который произнесъ рѣчь въ публичномъ его засѣданіи, 27-го января 1824 года ¹⁾. Главнымъ лицомъ въ библейскомъ обществѣ и его ревностнымъ дѣятелемъ былъ тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, имѣвшій огромное значеніе у государя и вліяніе на дѣла общественныя. Къ нему доставлялись изъ губерній отчеты комитетовъ и сотовариществъ рѣчи въ нихъ произносимыя, и все выдающееся изъ ряда Голицынъ докладывалъ государю. Въ числѣ многихъ рѣчей дошла до князя Голицына и рѣчь секретаря острогжскаго сотоварищества; она обратила на себя вниманіе князя, понравилась ему и, соединенная съ ходатайствомъ разныхъ лицъ, рѣшила судьбу Никитенки. По желанію князя, молодой человекъ былъ вызванъ въ Петербургъ,

¹⁾ Эта рѣчь помѣщена въ приложеніи къ Отчету.

въ томъ же 1824 году. «Не смотря на свою провинціальную неуклюжесть и неразвитость, Никитенко, такъ говорить онъ самъ о себѣ, былъ принятъ княземъ съ невыразимымъ добродушіемъ, обласканъ имъ, ободренъ, удостоенъ самаго теплаго вниманія къ его внѣшнему и умственному состоянію, и, наконецъ, для довершенія его крайне недостаточнаго образованія, помѣщенъ въ университетъ. Пока не упрочилось нѣсколько его положеніе, князь заботился о его матеріальныхъ нуждахъ, и впослѣдствіи, при его содѣйствіи, ему назначено было отъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ примѣръ другимъ, денежное пособіе для окончанія университетскаго курса, такъ какъ онъ не пожелалъ вступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ». Факультетъ, избранный Никитенкою, былъ философско-юридическій, между профессорами котораго не находилось лицъ, особенно выдававшихся. Но сближеніе съ товарищами, слушавшими профессоровъ, удалившихся изъ университета послѣ постигшаго его погрома, должно было плодотворно дѣйствовать на воспримчивую натуру Никитенки. Еще будучи студентомъ, Никитенко выступилъ въ печать. Въ «Сынѣ Отечества» 1826 года былъ помѣщенъ его первый трудъ: «О преодолѣніи несчастій». Этюды по нравственной философіи въ первой четверти настоящаго столѣтія особенно часто появлялись въ нашей современной литературѣ; большая часть ихъ не отличалась самостоятельностью изслѣдованій, сообщала истины всѣмъ извѣстныя и была располагаема по правиламъ хриі. Къ числу такихъ принадлежалъ и оконченный 30-го октября 1825 года трудъ Никитенки, подъ которымъ онъ подписался: «Александръ Никитенковъ», какъ подписывался въ дѣловыхъ бумагахъ и его отецъ. Въ этомъ разсужденіи, изложенномъ языкомъ цвѣтистымъ и нѣсколько многословно, недостатки, замѣчаемые отчасти и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ трудахъ покойнаго академика, изображалась неизбѣжность несчастій на землѣ и указывалось, что ихъ можетъ ослабить: самосознаніе, гармоническое развитіе душевныхъ силъ, наконецъ, мужество, независимость и чистота духа. «Не о томъ должно заботиться, сказалъ Никитенко въ одномъ

мѣстѣ этого этюда, чтобы провести жизнь безбѣдно, но чтобы провести ее съ честью»—и эти слова молодого человѣка остались девизомъ всей его жизни.

Другой трудъ Никитенки изъ временъ его студенчества — разсужденіе, которое онъ читалъ на актѣ 1827 года: «О политической экономіи вообще, и въ особенности о производимости, какъ главномъ предметѣ оной», явилось результатомъ выслушанныхъ имъ лекцій профессора россійской словесности Бутырскаго, на котораго было возложено читать студентамъ политическую экономію и который умѣлъ ее, вмѣстѣ съ наукою о финансахъ, излагать толково и занимательно.

Въ 1828 году Никитенко кончилъ курсъ наукъ въ университетѣ кандидатомъ, пятымъ изъ семи товарищей, получившихъ эту степень, и въ томъ же году, благодаря расположенію къ нему тогдашняго попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, К. М. Бороздина, человѣка просвѣщеннаго, имѣвшаго обширныя познанія въ русской исторіи и отличавшагося душевною добротою и прямодушіемъ, и продолжавшемуся вниманію князя А. Н. Голицына, къ которому имѣлъ постоянный доступъ, опредѣленъ на службу въ канцелярію попечителя округа младшимъ письмоводителемъ. Въ слѣдующемъ году онъ сопровождалъ Бороздина при обзорѣнннхъ учебныхъ заведеній округа, а въ 1830 году, по избранію совѣта университета, началъ преподавать въ немъ теорію о народномъ богатствѣ по Адаму Смиту. Каѳедру политической экономіи онъ занималъ два съ половиною года (съ 24-го февраля 1830 г. по 4-е августа 1832 г.), и въ послѣднее полугодіе уже въ званіи адъюнкта по каѳедрѣ этой науки, написавъ сочиненіе: «О главныхъ источникахъ народнаго богатства».

Почти одновременно съ приглашеніемъ въ университетъ, Никитенко началъ преподавать русскую словесность въ высшихъ классахъ института ордена св. Екатерины (съ 10-го декабря 1830 г. по 12-е марта 1844 г.). Живая и одушевленная рѣчь, стремленіе снять оковы, наложенныя на предметъ устарѣлыми правилами риторики и піитики, и положить въ его основаніе эсте-

тическія начала сдѣлали вскорѣ извѣстнымъ въ Петербургѣ имя молодого преподавателя. О немъ заговорили и въ средѣ педагогической, и въ высшихъ слояхъ общества. Этимъ весьма естественно объясняется переходъ его съ кафедры политической экономіи на кафедру русской словесности, послѣ выхода въ отставку профессора Толмачева и послѣ окончательнаго перемѣщенія Бутырскаго на кафедру политической экономіи. 26-го августа 1832 года, въ присутствіи небывалаго до того на университетскихъ чтеніяхъ множества посѣтителей, А. В. Никитенко прочелъ вступительную лекцію: «О происхожденіи и духѣ литературы». Имѣя въ рукахъ конспектъ лекціи въ нѣсколько строкъ, даровитый профессоръ импровизировалъ лекцію, длившуюся, впрочемъ, вмѣсто двухъ часовъ, менѣе трехъ четвертей часа и сразу раздѣлившую слушателей на два противоположные лагеря, которые продолжали существовать во все время профессорской его дѣятельности въ университетѣ. Въ лекціи, которая была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1833 года и вышла потомъ отдѣльно, разбросано много свѣтлыхъ, здравыхъ мыслей, составлявшихъ у насъ для того времени новизну. Еще немногіе тогда сознавали, что «постигнуть духъ языка значитъ постигнуть таинственное отношеніе его къ духу народа и что исторія перваго можетъ служить исторіею глубокой внутренней жизни втораго»; что «не искусства образуются по теоріи, но теорія по искусствамъ»; что на преподавателѣ теоріи словесности лежитъ обязанность распространять чистыя понятія о сущности изящнаго и о высокомъ значеніи литературы, чтобы съ одной стороны поднять ея уровень, а съ другой — по достоинству оцѣнить и лжеименныя дарованія, и людей, вторгающихся въ храмъ чистой красоты съ предвзятыми цѣлями. Эту обязанность, при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, А. В. Никитенко всегда имѣлъ въ виду и строго выполнялъ ее какъ на лекціяхъ, такъ и въ печатномъ словѣ. Вотъ какъ характеризовалъ П. А. Плетневъ лекціи Никитенки: «При изложеніи теоріи словесности онъ обратился къ основнымъ началамъ природы и человѣческой жизни, извлекая ихъ изъ психологіи и

исторіи; для доставленія же общимъ началамъ несомнѣнной примѣняемости, вводилъ ихъ въ область русской народности, уравнивая правила мышленія съ требованіями нашего языка и успѣхами литературы». Если припомнить, что такого характера чтенія происходили 45 лѣтъ тому назадъ, то нельзя ихъ не поставить въ заслугу профессору, особенно въ виду того вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ слушателей. Во время службы своей въ университетѣ, А. В. Никитенко въ 1834 году (17-го января) былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1837 году удостоенъ степени доктора философіи, по представленіи разсужденія, носящаго заглавіе: «О творящей силѣ въ поэзіи, или о поэтическомъ геніѣ», а въ 1850 г. (6-го февраля) получилъ званіе ординарнаго профессора по кафедрѣ русской словесности. Чтеніе лекцій въ университетѣ А. В. Никитенко окончилъ 1-го іюня 1864 года. О томъ, какой характеръ и какое значеніе имѣли эти лекціи и его занятія съ студентами мы не беремъ на себя опредѣлить, и предоставляемъ слово историку с.-петербургскаго университета за первыя 50 лѣтъ его существованія, лицу, болѣе чѣмъ мы, компетентному въ этомъ случаѣ: «Проводя въ чтеніяхъ своихъ, путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое,—такъ говоритъ г. Григорьевъ,—и ограждая самостоятельность его въ средѣ другихъ дѣйствующихъ элементовъ человѣческой природы, профессоръ Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣль обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто интересъ чувства, услаждающагося красотой, а великую образовательную силу, одного изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія. Такимъ образомъ, лекціи его «объ изящномъ», сверхъ развитія эстетическаго вкуса въ слушателяхъ, философскою стороною своею, восполняли еще, насколько было это возможно, тотъ въ высшей степени важный пробѣлъ, какой оказывался въ университетскомъ преподаваніи съ 1850 года, въ слѣдствіе исключенія изъ него философіи. Сверхъ того, съ

1850 года, принялъ Никитенко отъ Плетнева и преподаваніе исторіи отечественной словесности, изъ которой, впрочемъ, въ 1852—1853 гг. излагалъ лишь періодъ ея отъ Петра Великаго до нашихъ дней. На немъ же лежало и руководствованіе студентовъ въ практическихъ занятіяхъ русскою стилистикою по предметамъ, относящимся къ теоріи и исторіи литературы, съ критическимъ разборомъ ихъ работъ».

Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что Никитенко въ лекціяхъ объ изящномъ, сколько можно судить по сохранившимся запискамъ его слушателей, умѣлъ соединить интересъ предмета и основательность взглядовъ съ живымъ краснорѣчивымъ изложеніемъ; что часто указывалъ на совершенно новыя стороны въ предметѣ, который былъ, какъ казалось, совершенно извѣстенъ и изслѣдованъ; что, не владѣя вполне новыми языками и потому не имѣя возможности черпать свѣдѣнія изъ иностранныхъ сочиненій, онъ, тѣмъ не менѣе, силою своего ума и своихъ дарованій, до того становился въ уровень съ своимъ предметомъ, что молодые люди, отправлявшіеся, по окончаніи курса въ здѣшнемъ университетѣ, за границу, для слушанія лекцій, возвращаясь оттуда, говорили, что иностранные эстетки не прибавили ничего новаго къ свѣдѣніямъ, полученнымъ ими отъ Никитенки.

Сверхъ многихъ порученій и назначеній отъ университета, Никитенко нѣсколько разъ являлся ораторомъ на университетскихъ актахъ. Въ 1836 году онъ произнесъ рѣчь «О необходимости теоретическаго или философскаго изслѣдованія литературы». Актъ 1838 года остался памятнымъ по блестящему, произнесенному имъ, похвальному слову Петру Великому. Проникнутый удивленіемъ, благоговѣніемъ и благодарностью къ создателю новой Россіи, сознавая, что его могучая воля живетъ въ каждомъ актѣ нашей жизни и продолжаетъ управлять событіями, что все вокругъ насъ и въ насъ самихъ исполнено святынею его мысли, все даръ ея, Никитенко успѣлъ стать на высоту предмета и рассыпать въ своемъ словѣ много мѣстъ, проникнутыхъ истиннымъ одушевленіемъ и исполненнымъ ораторскаго движенія. Значеніе

Петра Великаго было опредѣлено Никитенкою чрезвычайно вѣрно и, сказавъ, что преобразователь Россіи столько же гений нашей будущности, сколько гений настоящаго, онъ выразилъ истину, которую едва ли кто будетъ теперь оспаривать. Актъ 1841 года открылъ Никитенку рѣчью «О современномъ направленіи отечественной литературы», въ которой старался доказать, что литература того времени, обнаруживая стремленіе къ истинѣ и самобытности, не можетъ достигнуть полного и удовлетворительнаго развитія по отсутствію почвы, приготовляемой наукою, и указывалъ, что литература изъ шаткаго и печальнаго ея положенія можетъ быть выведена на прямую дорогу единственно наукою, которая только одна въ состояніи оградить ее «отъ варварскаго набѣга надменныхъ полу-мыслей и бѣдныхъ содержаніемъ идей». Въ 1842 году Никитенко произнесъ рѣчь «О критикѣ», вопросъ, весьма близкомъ къ жизни. Опредѣливъ, въ общемъ смыслѣ, что критика есть судъ разума надъ творчествомъ, профессоръ указалъ «три источника, изъ которыхъ черпаются всевозможныя понятія объ искусствѣ: личное убѣжденіе каждаго или тѣхъ, которые считаютъ себя знатоками и судьями въ области искусства; разсматриваніе произведеній со стороны дѣйствующихъ въ немъ силъ—генія художника, вѣка, духа народа—и, наконецъ, всеобщія идеи красоты». По этимъ источникамъ авторъ раздѣлил критику на личную, аналитическую и философскую или, по преимуществу, художественную. Особенности каждой изъ этихъ критикъ весьма тонко подмѣчены Никитенкою, который при этомъ указалъ вредъ первой, пользу второй и необходимость послѣдней, какъ для общества, такъ и для самаго искусства. Нельзя не остановить вниманія на нѣсколькихъ весьма справедливыхъ словахъ, опредѣляющихъ личную критику, а именно тотъ ея видъ, который можно назвать пристрастнымъ и который скорѣе слѣдуетъ отнести къ злоупотребленію критики. «У всякаго, безъ сомнѣнія—говорить Никитенко—есть враги, друзья, покровители; гдѣ, какъ не въ критикѣ удобный случай заклеить врага позоромъ самымъ глубокимъ, самымъ вождѣннымъ для ненависти, потому что онъ

падаетъ на нѣжнѣйшую часть человѣческаго самолюбія — на умственную славу, друзьямъ оказать услугу, не требующую никакихъ жертвъ, потому что она вся состоитъ изъ словъ, и покровителямъ принести дань глубокой лести, не касаясь ногою даже порога ихъ прихожей? Личная критика для того и сдѣлана, чтобы, подъ видомъ литературы, говорить о своихъ нуждахъ, о своихъ великихъ дарованіяхъ, о своей книжной торговлѣ, друзьяхъ и недругахъ, о всемъ, что не составляетъ литературы. Къ чему же ей и стремиться къ приобрѣтенію уваженія публики? Но публика столь снисходительна, что не только не требуетъ уваженія, а готова даже простить неуваженіе къ себѣ. Къ великимъ дѣламъ искусства? Но тогда не была бы она лично, тогда старалась бы она возвыситься до чистыхъ идей красоты и истины, она стала-бы дѣйствовать въ духѣ разума — и погибла бы. Известно, что разумъ уважаетъ только интересы всеобщіе, гармонію силъ, правду, законность: маленькіе эгоизмы тонуть, какъ пылинки, въ широтѣ его безмѣрнаго горизонта». Рѣчь Никитенки о критикѣ, исполненная глубокаго интереса и важная по содержанию, въ которой онъ смѣло, проникнутый благороднымъ негодованіемъ, бросилъ перчатку господствовавшему направленію въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, вызвала въ повременныхъ изданіяхъ того времени общее одобреніе, хотя они и не безусловно соглашались съ нѣкоторыми его положеніями, какъ главными, такъ и частными. Въ 1854 году Никитенко послѣдній разъ явился ораторомъ на университетскомъ актѣ, и прочелъ рѣчь: «О началѣ изящнаго въ наукѣ», въ которой краснорѣчиво и убѣдительно возсталъ противъ укоренившагося весьма вреднаго предразсудка, будто наука, по природѣ своей, вовсе не причастна міру изящнаго. Къ трудамъ Никитенки, какъ профессора университета, принадлежатъ еще «Опытъ исторіи русской литературы». Этого опыта вышла только первая книга, заключающая въ себѣ лишь введеніе, въ которомъ авторъ, какъ онъ самъ говорилъ, старался установить основныя идеи литературы, и этому своему намѣренію придавалъ особенную важность и значеніе. Сочиненіе

это было встрѣчено въ печати похвальными отзывами, со стороны публики холодностью, а отъ лицъ компетентныхъ жесткими порицаніями, не переходившими, впрочемъ, за предѣлы дружеской переписки, если не считать помѣщенной въ «Современникѣ» критики Плетнева, весьма деликатно и съ непрерывными оговорками указавшей слабыя стороны труда. Но едва ли и похвалы, и порицанія не представляются по отношенію къ «Опыту» крайностями. Въ немъ, какъ и во всякомъ трудѣ А. В. Никитенки, можно указать много прекрасныхъ, свѣтлыхъ и справедливыхъ мыслей, но, къ сожалѣнію, онѣ скрыты среди цвѣтистыхъ фразъ, которыми не восполняется замѣтное иногда отсутствіе фактовъ. Впрочемъ, позднѣе, самъ Никитенко смотрѣлъ на этотъ трудъ какъ на подробный конспектъ своихъ лекцій, требовавшій значительныхъ измѣненій и дополненій.

Мы уже говорили, что Никитенко пріобрѣлъ извѣстность въ Петербургѣ, какъ отличный преподаватель. Учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ наперерывъ старались приглашать его къ себѣ, предлагая самыя выгодныя условія и предоставляя ему всевозможныя удобства и льготы, чтобы только получить его согласіе. Это послѣднее обстоятельство давало ему возможность, кромѣ университета и екатерининскаго института, одновременно преподавать еще въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Онъ былъ послѣдовательно преподавателемъ и профессоромъ въ слѣдующихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нашей столицы: въ верхнихъ классахъ аудиторскаго училища (съ 1-го января 1833 по 15-е мая 1839 года); въ офицерскихъ классахъ артиллерійскаго училища (съ 8-го января 1835 по 8-е апрѣля 1838 года); въ старшихъ классахъ общества благородныхъ дѣвицъ (съ февраля 1838 по 5-е января 1844 года); въ римско-католической духовной академіи (съ 28-го января 1843 года по свою смерть); въ институтѣ корпуса путей сообщенія (въ 1844 г.) и въ специальномъ педагогическомъ классѣ для образованія наставницъ при с.-петербургскомъ александровскомъ училищѣ (съ 27-го мая 1848 по 1857 годъ). Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, а равно и въ лицахъ, имѣв-

шихъ удовольствіе слушать его лекціи, А. В. Никитенко оставилъ самыя пріятныя воспоминанія.

Педагогическая служба его была оцѣняема по достоинству и не разъ удостоивалась высочайшихъ наградъ; о ней вспоминали заведенія съ благодарностью при каждомъ своемъ особенномъ торжествѣ, не смотря на то, что Никитенко уже давно ихъ оставилъ.

Если, съ одной стороны, учебныя заведенія пользовались знаніями А. В. Никитенки, который охотно посвящалъ имъ свое время, убѣжденный, что его живое слово приноситъ пользу, вводя молодое поколѣніе въ свѣтлый міръ изящнаго, то, съ другой стороны, высшія военное и морское начальства нерѣдко обращались къ его педагогической опытности и приглашали къ дѣятельному участию въ устройствѣ заведеній. Мы знаемъ, что практическіе совѣты Никитенки нерѣдко были принимаемы и, приложенные къ дѣлу, всегда приносили полезные результаты. Его участіе въ комитетѣ устройства учебной части въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (съ 27-го іюня 1855 по день закрытія комитета), въ комитетѣ для обозрѣнія морскихъ учебныхъ заведеній (въ 1855 г.) и въ комитетѣ, учрежденномъ для устройства учебныхъ заведеній по военному министерству (съ 10-го января 1857 по 1-е сентября 1858 г.) осталось не безъ слѣда.

Почти одновременно съ переходомъ въ университетѣ съ кафедръ политической экономіи на кафедру русской словесности, А. В. Никитенко былъ назначенъ цензоромъ при с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ (24-го апрѣля 1833 г.), и въ этой должности оставался 15 лѣтъ (до 11-го апрѣля 1848 г.). Должность цензора въ то время была нелегкою и весьма отвѣтственною. Малѣйшій недосмотръ, намекъ самаго невиннаго свойства на лицъ, облеченныхъ какою либо властію, самое добродушное указаніе на недостатки въ администраціи, наконецъ, неловко употребленное слово имѣли послѣдствіемъ взысканія, и нерѣдко весьма строгія, иногда исходившія даже отъ высочайшей власти. И Никитенко не избѣгъ ни замѣчаній, ни выговоровъ; но, не смотря на всѣ эти непріятности, онъ, тѣмъ не менѣе, постоянно

оставался самымъ доброжелательнымъ, самымъ снисходительнымъ цензоромъ, и это объясняется тѣмъ, что наука и литература были близки его сердцу. Преслѣдуя только вредныя крайности, онъ, въ засѣданіяхъ цензурнаго комитета, всегда являлся защитникомъ разумной свободы слова, въ которой видѣлъ средство не только къ успѣшному, самостоятельному движенію въ нашемъ отечествѣ наукъ и литературы, но и къ правильному развитію строя государственной жизни. Мы знаемъ, что многія произведенія обязаны А. В. Никитенкѣ своимъ появленіемъ въ свѣтъ: одни благодаря его горячему, твердому заступничеству предъ предсѣдателемъ и членами цензурнаго комитета, другія — его искусству склонять авторовъ на измѣненіе того, что могло дать поводъ къ какимъ либо недоразумѣніямъ. Изъ этого уже видно, что А. В. Никитенко исполнялъ не одну только официальную обязанность цензора, но во многихъ случаяхъ являлся добрымъ совѣтникомъ и умнымъ наставникомъ. Последнее могутъ засвидѣтельствовать и нѣкоторые наши писатели и ученые, выступившіе впервые во время его цензорства на ученое и литературное поприще и пользовавшіеся его указаніями и замѣчаніями.

Никитенко нерѣдко съ удовольствіемъ вспоминалъ, что поэма Гоголя «Похожденія Чичикова или Мертвыя души», послѣ разныхъ мытарствъ и переходовъ изъ рукъ въ руки, была имъ разрѣшена къ печати, не смотря на грозившую ему за то отвѣтственность.

Съ этого времени у А. В. Никитенки завязались связи со многими литераторами и учеными, которыя, начавшись послѣ написанія на сочиненіи обычной цензурной формулы: «печатать дозволяется», перешли потомъ въ искреннюю дружбу. Такимъ же просвѣщеннымъ и гуманнымъ характеромъ отличались отношенія А. В. Никитенки къ литературѣ и писателямъ и позднѣе, когда онъ состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія поступающихъ на театр драматическихъ пьесъ (съ октября 1856 г.), и когда былъ назначенъ директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ книгопечатанія, а потомъ членомъ главнаго

управленія цензуры и членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія (съ 23-го марта 1862 по 30-е августа 1865 г.). Во всѣхъ этихъ должностяхъ и при всякомъ представлявшемся случаѣ онъ являлся то ходатаемъ за произведенія литературы, то ихъ оберегателемъ и защитникомъ. Намъ особенно памятны многія прекрасныя, исполненныя ума и теплоты чувства, рѣчи Никитенки въ комисіи, учрежденной для обработки проекта устава о книгопечатаніи, членомъ которой онъ былъ назначенъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ этой комисіи онъ почти всегда стоялъ на сторонѣ тѣхъ членовъ, которые въ благоразумной свободѣ слова видѣли залогъ будущаго развитія литературы и благосостоянія Россіи.

А. В. Никитенко несъ и административно ученныя обязанности: онъ въ теченіе года былъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ вѣшной торговли (съ 15-го мая 1849 года по 3-е августа 1850 года) и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія для исполненія особенныхъ порученій по встрѣчающимся дѣламъ ученой и учебной администраціи министерства (съ 12-го декабря 1853 г.). О послѣднемъ назначеніи необходимо сказать нѣсколько словъ. Никитенко принялъ его по желанію А. С. Норова, съ которымъ онъ находился уже давно въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Ихъ связывала и общность литературныхъ занятій, и любовь къ наукѣ и поэзіи, и то уваженіе, которое они питали другъ къ другу за прямодушный взглядъ на людей и дѣла. Норовъ, при вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, искалъ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы по душѣ дѣлиться своими взглядами на предстояшія ему занятія, въ которомъ находилъ бы онъ не только искуснаго выразителя своихъ мыслей, но полезнаго совѣтника и еще болѣе строгаго судью. Такого человѣка Норовъ нашелъ въ Никитенкѣ. Въ исторіи русскаго просвѣщенія останутся навсегда памятными первые годы министерства Норова, въ которое состоялось нѣсколько чрезвычайно важныхъ постановленій. Въ это время было испрошено высочайшее соиз-

воленіе на увеличеніе нормы числа студентовъ въ университетахъ московскомъ и с.-петербургскомъ; постановлено отправлять за границу молодыхъ людей для замѣщенія вакантныхъ каедръ въ университетахъ; возстановлено правило на полученіе пенсій на службѣ сверхъ жалованья служащими въ учебныхъ заведеніяхъ; обращено вниманіе Государя Императора на неудобства существованія комитета 2-го апрѣля 1848 года, учрежденнаго для высшаго наблюденія надъ произведеніями книгопечатанія, и составленная по этому поводу записка, отличавшаяся истинно-просвѣщеннымъ воззрѣніемъ на цензуру, содѣйствовала къ закрытію этого комитета; испрошено разрѣшеніе представлять въ опредѣленные сроки краткій отчетъ о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ науки и литературы, являвшихся въ промежутки этого времени, съ указаніемъ ихъ достоинствъ, что нерѣдко имѣло послѣдствіемъ удостоеніе ученыхъ и литераторовъ знаками монаршаго вниманія; совершено торжественное празднованіе юбилея столѣтняго существованія московскаго университета, на которомъ Никитенко былъ депутатомъ отъ с.-петербургскаго университета и произнесъ отъ его имени замѣчательную рѣчь. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ постановленіяхъ самое дѣятельное участіе принималъ Никитенко; многія изъ нихъ своимъ появленіемъ обязаны его инициативѣ; для другихъ, получившихъ утвержденіе, онъ писалъ обстоятельныя записки, убѣдительныя по силѣ доводовъ его краснорѣчія; о многихъ онъ велъ съ министромъ оживленныя бесѣды и споры. Однимъ словомъ Никитенко былъ душою министерства въ первые годы управленія имъ Норовымъ, и потому совершенно справедливо долженъ раздѣлять съ министромъ тѣ похвальные отзывы, которые безпристрастная исторія произноситъ объ этомъ времени. На ней лежитъ обязанность отдавать должное и тѣмъ дѣятелямъ, которые до сихъ поръ оставались въ тѣни или которыхъ проходили молчаніемъ.

Не смотря на всѣ свои занятія, на которыя у человѣка, одареннаго меньшими способностями, положительно не достало бы времени, Никитенко находилъ возможность писать статьи въ раз-

ныя повременныя изданія и быть редакторомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Бесѣдовать съ публикою въ какой бы то ни было формѣ объ общихъ вопросахъ литературы и передавать ей свои впечатлѣнія и сужденія о наиболѣе выдающихся литературныхъ явленіяхъ было потребностью для Александра Васильевича. Мы уже упомянули объ его первомъ учено-литературномъ трудѣ, появившемся на страницахъ «Сына Отечества». Въ 1832 году, въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» и въ «Невскомъ альманахѣ» Аладьяна, Никитенко (въ послѣднемъ онъ подписался подъ статью «Никитенковъ») помѣстилъ отрывки изъ романа: «Леонъ или идеализмъ», въ которомъ онъ хотѣлъ показать, что человекъ тогда только знакомится съ самимъ собою, когда начинаетъ изучать внутреннюю жизнь духа. Судить о достоинствѣ романа по этимъ отрывкамъ довольно трудно, но они важны въ томъ отношеніи, что представляютъ много біографическихъ чертъ о самомъ Никитенкѣ, преимущественно о годахъ его молодости.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1835 года Никитенко помѣстилъ біографію Елисаветы Кульманъ — этого необыкновеннаго явленія въ нравственномъ и умственномъ мірѣ, отмѣченнаго печатью несомнѣнной гениальности и промчавшагося по нашему литературному небосклону лучезарною звѣздою. Владѣвъ нѣсколькими новыми языками и обоими классическими, Кульманъ свободно переводила съ одного языка на другой, и кромѣ переводовъ, мастерски исполненныхъ, оставила нѣсколько самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній, художественную оцѣнку которыхъ Никитенко присоединилъ къ свѣдѣніямъ объ ея жизни. Этотъ очеркъ, въ которомъ прекрасно изображена свѣтлая личность Кульманъ, съ ея фантастическою мечтательностью, возвышеннымъ благородствомъ и любовію къ природѣ, въ которомъ, подъ перомъ біографа, она является передъ читателемъ какъ бы живою, съ ея желаніями, мечтами и видѣніями, безспорно принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Никитенки.

Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1836 года Никитенко помѣстилъ разборъ стихотвореній Жуковскаго,

въ которомъ старался опредѣлить его значеніе и мѣсто въ нашей литературѣ. Признавая художественное значеніе за переводами Жуковскаго, въ которыхъ онъ является великимъ мастеромъ, Никитенко замѣчаетъ, что во всѣхъ произведеніяхъ поэта, переводныхъ и оригинальныхъ, проглядываетъ жизнь и истина, что вездѣ въ нихъ является человѣкъ съ его страстями и съ его возвышенными упованіями и что, вслѣдствіе этого, всѣ его произведенія носятъ характеръ идеально-дѣйствительный. Ни ложно-классическое, ни французское направленіе не могли удовлетворить Жуковскаго; онъ искалъ новаго, и нашелъ его въ томъ направленіи, въ которомъ человѣкъ изображался такъ какъ онъ есть въ дѣйствительности; отъ этого направленія было не только легко, но и неизбежно перейти къ направленію народному. Зародыши самобытной русской поэзіи уже встрѣчаются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Жуковскаго, и ихъ то мы должны особенно цѣнить. Что касается прозы Жуковскаго, то, по мнѣнію Никитенки, она проникнута тѣмъ же духомъ, какъ и его поэзія — стремленіемъ къ безконечному, къ чистѣйшей идеальной красотѣ. Всѣ эти положенія Никитенко подробнѣе развилъ и подкрѣпилъ вѣскими доказательствами въ обширной статьѣ: «Василій Андреевичъ Жуковскій со стороны его поэтического характера и дѣятельности», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 года и написанной по случаю истеченія полулѣтка со времени появленія его перевода Греевой элегии: «Сельское кладбище». Статья эта, представляющая характеристику литературной дѣятельности Жуковскаго и значеніе, какое онъ имѣетъ въ нашей словесности и образованіи, составляетъ живо написанный отдѣлъ, иногда только въ формѣ конечныхъ результатовъ, исторіи новой нашей литературы.

Въ 1839 году, Никитенко написалъ и напечаталъ «Воспоминаніе о Карлѣ Федоровичѣ Германѣ», бывшемъ нашимъ сочленомъ и профессоромъ с.-петербургскаго университета. Въ этой біографіи онъ немногими чертами, но чрезвычайно вѣрно, обрисовалъ эту симпатическую личность, съ которой начинается исторія статистики въ нашемъ отечествѣ. Въ томъ же 1839 году Никитенко

помѣстилъ въ альманахѣ «Утренняя Заря»: «Маленькіе великіе люди». Это—остроумно и граціозно написанный очеркъ тѣхъ людей, «которыхъ — по словамъ автора — природа съ избыткомъ одарила силою желать и силою стремиться, но которымъ отказала она въ силѣ сосредоточиваться и устанавливать себя среди своего поприща на прочной мысли и опредѣленной цѣли»; людей, «величіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они всѣ малыя вещи дѣлаютъ какъ великія, а нѣкоторая безполезность въ томъ, что великія вещи они хотятъ дѣлать какъ малыя, и отъ того ихъ не дѣлаютъ; людей, которые не имѣютъ никакого опредѣленнаго предмета дѣятельности, а, между тѣмъ, кипятъ чувствами святыми; смотрятъ на жизнь съ высшей точки зрѣнія, и презираютъ жизнь; любятъ пламенно человѣчество, и ни во что ставятъ людей!».

Въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изданномъ Н. А. Некрасовымъ въ 1846 году, мы находимъ статью Никитенки: «О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ». Предметъ этотъ былъ избранъ потому, что идея народности въ искусствахъ, по своей новизнѣ въ то время, требовала, по мнѣнію Никитенки, нѣкотораго ограниченія.

Въ «Библиотекѣ для Чтенія» 1846 года Никитенко велъ отдѣлъ критики, и въ довольно обширныхъ статьяхъ разсмотрѣлъ слѣдующія книги: «Сочиненія Державина»; «Замѣтки за границею, Ф. П. Лубяновскаго», въ двухъ статьяхъ; «Петербургскій Сборникъ», Некрасова 1846 года, въ двухъ статьяхъ, изъ которыхъ первая посвящена разбору «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, а во второй разсмотрѣна «Машенька», поэма Майкова; «Столѣтіе Россіи съ 1745 до 1845 года», Полеваго, причемъ, сказавъ нѣсколько словъ о книгѣ, представилъ довольно полный очеркъ жизни Н. А. Полеваго, съ критическою оцѣнкою его трудовъ; «Брынскій лѣсъ», М. Н. Загоскина и «Московскій литературный и ученый Сборникъ», изъ статей котораго преимущественно обратилъ вниманіе на статью Хомякова: «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ». Эта послѣдняя критика сблизила Никитенку съ нѣкоторыми лицами изъ славянофильскаго кружка.

Въ 1857 году Никитенко въ первый разъ поѣхалъ за границу. Впечатлѣніе, произведенное на него перломъ дрезденской картинной галлерей, онъ передалъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Рафаэлева Сикстинская Мадонна». Это дивное произведеніе кисти Рафаэля производитъ на каждаго зрителя неотразимое вліяніе; но покойный академикъ съумѣлъ не совершенно ему подчиниться и, взглянувъ на картину какъ эстетикъ, чрезвычайно тонко и вѣрно передалъ чарующую ея прелесть и всю художественную ея красоту. Теперь мы имѣемъ два описанія этой картины, Жуковского и Никитенки, и трудно сказать которому слѣдуетъ отдать первенство.

Въ 1866 году Никитенко напечаталъ небольшой сборникъ, подъ заглавіемъ: «Три литературно-критическіе очерка», въ который вошли критическіе разборы: трагедіи Писемскаго: «Самоуправцы», комедіи Потѣхина: «Отрѣзанный ломоть» и трагедіи графа Толстаго: «Смерть Іоанна Грознаго».

Въ «Домашней Бесѣдѣ» 1867 года Никитенко помѣстилъ статью: «Молодое поколѣніе». Эта статья, очень сочувственная къ молодому поколѣнію, показываетъ, что роль его обуславливается потребностями общества, духомъ и законами возраста, что хотя этому поколѣнію и принадлежитъ будущее, но оно должно идти впередъ чрезвычайно осторожно, не позволяя напускать на себя туманы умозрѣній и доктринъ.

Въ томъ же 1867 году вышелъ біографическій очеркъ М. П. Вронченки, переводчика Гамлета и Фауста.

Въ 1869 году Никитенко издалъ біографію Галича, подъ заглавіемъ: «Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета». Это — чрезвычайно любопытный, содержательный и живой очеркъ жизни даровитаго профессора. Въ этой біографіи нашли мѣсто и исторія развитія философіи въ Россіи, и нѣкоторые эпизоды изъ исторіи с.-петербургскаго университета.

Въ 1872 году явилась брошюра Никитенки: «Мысли о реализмѣ въ литературѣ». Въ ней авторъ, между прочимъ, разсма-

триваетъ вопросъ: отъ чего современная художественная литература въ большинствѣ ея явленій не находятся на высотѣ своего призванія, и отвѣтъ этому находить въ томъ, что реальный элементъ, который служитъ и содержаніемъ и формою для произведеній, она понимаетъ въ слишкомъ тѣсномъ смыслѣ.

Много мелкихъ статей, какъ-то: «Адъ Данта» въ переводѣ Мина, «Еще замѣтка объ университетахъ» и др., Никитенко помѣщалъ въ повременныхъ изданіяхъ; не смотря на свой ограниченный объемъ, всѣ онѣ отличаются болѣе или менѣе жизненнымъ содержаніемъ, неотъемлемою принадлежностью всего, что выходило изъ-подъ его пера.

Участвуя своими трудами въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, Никитенко нѣсколько разъ былъ приглашаемъ принять не только дѣятельное, но и самостоятельное участіе въ редакціи этихъ изданій. Въ 1840 году, по убѣдительной просьбѣ Смирдина, онъ согласился быть редакторомъ «Сына Отечества». Эту обязанность онъ несъ въ продолженіе двухъ лѣтъ (1840 — 41), и если бы не недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ издателя, журналъ несомнѣнно занялъ бы весьма почетное мѣсто въ нашей журналистикѣ.

Въ «Сынѣ Отечества» 1840 года Никитенко помѣстилъ «Литературныя замѣтки и наблюденія, статья первая. Три способа литературной дѣятельности» и, безъ всякаго сомнѣнія, разборы нѣкоторыхъ книгъ, и именно тѣ разборы, въ которыхъ отсутствовалъ духъ журнальныхъ партій и каждому литературному произведенію отдавалось должное на основаніи коренныхъ законовъ искусства, а не по мелкимъ личнымъ увлеченіямъ. Въ томъ же журналѣ 1841 года Никитенко помѣстилъ критическіе разборы стихотвореній Лермонтова и стихотвореній графини Е. П. Ростопчиной.

По переходѣ, въ концѣ 1846 года, изданія «Современника» отъ Плетнева къ Панаеву и Некрасову, редакторомъ его былъ избранъ Никитенко и оставался имъ до половины 1848 года. Благодаря умѣнью Александра Васильевича и дружнымъ усиліямъ

сплотившагося кружка даровитыхъ литераторовъ и ученыхъ, «Современникъ» не замедлилъ занять видное мѣсто въ нашей журналистикѣ. Въ немъ Никитенко помѣстилъ разсужденіе: «О современномъ направленіи русской литературы» и очень подробный разборъ курса теоріи словесности Чистякова.

Статья «О современномъ направленіи русской литературы» была подробно разсмотрѣна въ «Москвитянинѣ» Ю. Ф. Самаринымъ, который видѣлъ въ ней литературное исповѣданіе новаго журнала и поэтому старался указать, безъ всякаго увлеченія, какъ вѣрные, такъ и ошибочные взгляды и мнѣнія, высказанныя въ ней Никитенкою, и успѣлъ, надо сказать, съ достоинствомъ выполнить принятую на себя задачу.

Вскорѣ послѣ назначенія А. С. Норова министромъ народнаго просвѣщенія, Никитенко былъ опредѣленъ, 24-го января 1856 года, редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и оставался въ этой должности до 18-го января 1860 года. За время его редакторства въ журналѣ были въ первый разъ помѣщены беллетристическія произведенія: оригинальная трагедія О. Ф. Миллера: «Конрадинъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ», и въ переводѣ Водовозова: «Ифигенія въ Тавридѣ», Гёте, и двѣ оды Пиндара; довольно часто помѣщались также статьи по предметамъ, наиболѣе любимымъ редакторомъ, по философіи и теоріи словесности. Въ редакторской дѣятельности Никитенко оставался недолго. Въ концѣ 1861 года (3-го ноября), онъ принялъ на себя обязанность главнаго редактора издававшейся отъ министерства внутреннихъ дѣлъ газеты «Сѣверная Почта» и несъ эти обязанности до 6-го іюля 1862 года. Кромѣ редакторства повременныхъ изданій, Никитенко былъ въ числѣ редакторовъ «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара и двухъ сборниковъ: «Складчина» (1874) и «Братская помощь» (1876). Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» всѣ статьи по части исторіи и теоріи словесности, русской и всеобщей, помѣщенные въ одиннадцати томахъ, обработаны, а многія написаны Никитенкою; въ «Складчинѣ» онъ помѣстилъ отрывокъ изъ приготовлявшагося

къ печати собранія критическихъ этюдовъ о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ нашей литературы, именно «Объ исторической драмѣ Островскаго: Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».

Многообразная и полезная литературно-ученая дѣятельность А. В. Никитенки обратила на себя вниманіе Академіи Наукъ. 5-го ноября 1853 года она избрала его членомъ-корреспондентомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а 20-го января 1855 г. ординарнымъ академикомъ по тому же Отдѣленію. Съ этого времени большую часть своей дѣятельности онъ посвящалъ Академіи. Ежегодно Никитенко былъ избираемъ въ члены комиссіи по присужденію уваровскихъ наградъ, и ему постоянно былъ поручаемъ разборъ представлявшихся на конкурсъ драматическихъ произведеній. Черезъ его руки прошли десятки пьесъ, и о каждой онъ далъ подробный и правдивый отзывъ. Изъ всѣхъ пьесъ, которыя онъ признавалъ заслуживающими уваровской преміи, были удостоены таковой двѣ: драма Островскаго: «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» и комедія Минаева: «Разоренное гнѣздо», явившаяся въ печати подъ заглавіемъ: «Слѣтая пѣсня». Подробныя рецензіи этихъ пьесъ, написанныя Никитенкою, вмѣстѣ съ отчетами по присужденію, имъ же составленными, напечатаны въ отчетахъ о присужденіи уваровскихъ наградъ. Совокупность всѣхъ рецензій, написанныхъ Никитенкою на драматическія пьесы, представитъ богатый матеріалъ для будущаго историка драматической поэзіи въ Россіи и для выводовъ о состояніи драматическаго искусства у насъ за два послѣднія десятилѣтія.

Въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи, которыми она воздавала должный почетъ лицамъ, записавшимъ свои имена въ лѣтописи русской науки и словесности, А. В. Никитенко всегда находилъ возможность сказать слово, проникнутое и теплымъ сочувствіемъ къ лицу, въ честь котораго устраивалось торжество, и отличающееся вѣрною оцѣнкою заслугъ, оказанныхъ имъ литературѣ. Такъ, въ 1865 году, при празднованіи столѣтія отъ дня кончины Ломоносова онъ произнесъ рѣчь: «Значеніе Ломоносова

въ отношеніе къ изящной русской словесности», а въ 1868 году, въ день празднованія столѣтняго юбилея И. А. Крылова: «О басняхъ Крылова въ художественномъ отношеніи».

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ теченіе многихъ лѣтъ поручало Никитенкѣ составленіе отчета о своей дѣятельности. Въ этихъ отчетахъ (за 1856, 58, 61—63, 66—76 гг.), кромѣ погодной лѣтописи о занятіяхъ членовъ Отдѣленія, Никитенко сообщилъ нѣсколько некрологовъ, или точнѣе сказать воспоминаній о почетныхъ и дѣйствительныхъ членахъ Отдѣленія, изъ которыхъ съ одними онъ находился въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, а къ другимъ питалъ уваженіе за ихъ литературные и ученые труды. Въ этомъ скорбномъ помяникѣ нашли мѣсто: В. Г. Бенедиктовъ, П. С. Билярскій, А. Ѳ. Вельманъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, Н. И. Гречъ, В. И. Даль, М. А. Коркуновъ, М. А. Максимовичъ, А. Н. Муравьевъ, К. И. Невоструевъ, А. С. Норовъ, Г. П. Павскій, П. П. Пекарскій, М. П. Розбергъ, К. С. Сербиновичъ, графъ М. М. Сперанскій, графъ А. К. Толстой, Ѳ. И. Тютчевъ, Черниговскій архіепископъ Филаретъ, Московскій митрополитъ Филаретъ. Какая плеада именъ болѣе или менѣе извѣстныхъ и славныхъ! Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній, какъ напр. о Муравьевѣ, Норовѣ, Тютчевѣ, графѣ А. К. Толстомъ, дышутъ неподдѣльною теплотою чувства.

Членамъ Императорской Академіи Наукъ памятна задуманная, искренняя рѣчь Никитенки, содержавшая въ себѣ воспоминаніе о бывшемъ ея президентѣ графѣ Д. Н. Блудовѣ, произнесенная въ общемъ собраніи Академіи, 6-го марта 1864 года, въ которомъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ нынѣшній ея президентъ, и отличающаяся такимъ же характеромъ рѣчи, которою онъ привѣтствовалъ, 19-го мая 1875 года, академика В. Я. Буныковского въ день празднованія докторскаго его юбилея.

Сверхъ ученыхъ занятій по Академіи, Никитенко несъ въ ней и административныя обязанности. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 18-го января 1858 по 1-е февраля 1860), онъ велъ дѣлопроизводство по Отдѣленію русскаго языка и словесности,

а съ 27-го апрѣля 1865 года по день своей кончины былъ членомъ комитета правленія Академіи отъ того же Отдѣленія. Въ 1874 году, по порученію Академіи, принималъ участіе въ трудахъ высочайше учрежденной комиссіи для обсужденія предположеній о сліяніи сенатской и другихъ казенныхъ типографій въ одну общую.

Предлагаемый мною очеркъ жизни и дѣятельности А. В. Никитенки былъ бы весьма не полонъ, если бы я не упомянулъ о нравственныхъ и душевныхъ качествахъ покойнаго академика.

Натура любящая и восторженная, Никитенко отъ самыхъ юныхъ дней былъ неизмѣннымъ поклонникомъ прекраснаго, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, и таковымъ остался до конца своихъ дней, вѣря, что человѣчество постепенно идетъ къ совершенству и стремится утвердить повсюду идеи истины и изящнаго.

Будучи въ высшей степени нравственно-правдивымъ, онъ возмущался каждою ложью, каждымъ безчестнымъ поступкомъ, и вслѣдствіе этого былъ иногда рѣзокъ въ своихъ приговорахъ о лицахъ, уклонявшихся съ прямой дороги. Отъ семьи, на которой были сосредоточены всѣ его заботы и которой онъ былъ безгранично преданъ, Никитенко переносилъ свою любовь на народъ, изъ котораго самъ вышелъ, и на Россію. Привѣтствовавъ съ восторгомъ зарю освобожденія нѣсколькихъ миллионныхъ душъ отъ крѣпостной зависимости, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось на ихъ пользу, и по этому становится понятнымъ то расположеніе и уваженіе, которымъ онъ одѣлялъ лицъ, хлопотавшихъ объ образованіи этой темной массы и принимавшихъ мѣры къ улучшенію ея быта, и та почти непримиримая вражда къ лицамъ, которыя такъ или иначе тому препятствовали. Честный гражданинъ отечества, которое было для него святынею, онъ жилъ его жизнію, близко принималъ къ сердцу всѣ событія, и внутреннія и внѣшнія, радовался хорошему, болѣлъ за дурное, и, въ мѣрѣ своихъ силъ, старался отвращать отъ него все вредное, и поэтому искренно презиралъ лицъ бездѣйствующихъ и не приносящихъ ни малѣйшей пользы родинѣ.

Готовый дѣлиться со всякимъ своими знаніями и опытностію, онъ не отказывалъ никому, кто обращался къ нему за совѣтомъ; а къ нему, зная его изящный вкусъ и силу воображенія, обращались всѣ: отъ начинающаго живописца до Брюллова, отъ молодаго стихотворца до Жуковскаго.

Сочувствуя молодому поколѣнію, возлагая на него лучшія надежды, Никитенко старался помогать ему и дѣломъ и словомъ, и отсюда завязались у него многія сношенія, кончившіяся пріязнію и дружбою.

Невыскательный къ житейскимъ условіямъ, радушный хозяинъ, Никитенко собиралъ вокругъ себя въ назначенные дни кружокъ ученыхъ и литераторовъ и оживлялъ его своею бесѣдою, въ высшей степени остроумною и наставительною.

Однимъ словомъ, свѣтлый, нравственный образъ Никитенки, съ его чистою любовью ко всему прекрасному, съ его сочувствіемъ ко всему современному, лишь бы оно носило зародыши добра для будущихъ поколѣній, сохранится навсегда въ его друзьяхъ и въ лицахъ его близко знавшихъ.

Соединивъ въ одно все сказанное нами о литературно-ученой дѣятельности А. В. Никитенки, послѣ просмотра всего имъ напечатаннаго, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что это былъ человекъ глубоко уважавшій науку, повсюду отводившей ей почетное мѣсто и въ ней одной искавшій подтвержденія и подкрѣпленія высказываемыхъ имъ мыслей. Полвѣка бывъ глашатаемъ идей изящнаго и истины, полвѣка стоявъ на ихъ охранѣ, онъ успѣлъ во многихъ изъ своихъ слушателей поселить это же направленіе, которое они теперь, въ свой чередъ, съ успѣхомъ проводятъ въ жизнь и съ каедръ и съ мѣстъ, занимаемыхъ ими въ администраціи. Сторонникъ свободы мысли, онъ никогда не набрасывалъ на нее стѣснительныхъ оковъ, когда былъ убѣжденъ, что она можетъ принести пользу обществу, и преслѣдовалъ только напыщенную бездарность, очевидно вредную ложь. Если труды покойнаго академика и не двигали науку впередъ, то они несомнѣнно расширяли кругъ познаній, и въ этомъ

отношенія имя А. В. Никитенки, связанное съ именами лучшихъ представителей нашей литературы, будетъ произноситься съ благодарностію, какъ просвѣщеннаго и честнаго литератора и ученаго, имѣвшаго большое вліяніе на общественную среду, что откроется и еще яснѣе опредѣлится изъ обширной оставшейся послѣ него переписки съ разными лицами и изъ посмертныхъ его записокъ, которыми онъ занимался даже въ дни тяжелой болѣзни.

Отдѣленіе утратило еще члена-корреспондента, бывшаго профессора московскаго университета, О. М. Бодянскаго, скончавшагося 6-го сентября. Бодянскій принадлежалъ къ тому небольшому кружку даровитыхъ лицъ, избравшихъ въ началѣ сороковыхъ годовъ впервые славянство предметомъ изученія, отъ котораго, въ настоящее время, остался одинъ, И. И. Срезневскій. Ему принадлежитъ право и сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о Бодянскомъ и двухъ другихъ товарищахъ, водворявшихъ славяновѣдѣніе въ нашемъ отечествѣ, и оцѣнить значеніе ихъ трудовъ, многочисленныхъ и несомнѣнно важныхъ. Мы можемъ только сказать, что съ именемъ Бодянскаго тѣсно соединяются имена: Шафарика, Юнгмана, Зубрицкаго, Крижанича, сочиненія которыхъ онъ передалъ русской наукѣ или въ переводахъ, или въ изданіяхъ; что съ его именемъ останется навсегда связано московское общество исторіи и древностей и большая часть его изданій, составляющихъ памятники его неусыпнаго и безкорыстнаго трудолюбія; наконецъ, можно надѣяться, что его имя будетъ красоваться на многихъ предпринятыхъ имъ изданіяхъ, остановившихся по разнымъ обстоятельствамъ, и преимущественно по желанію, такъ извинительному въ ученомъ, придать своимъ трудамъ окончательное совершенство. Бодянскій трудился цѣлую жизнь для науки, ей жертвовалъ всѣмъ, но только не истиною, за которую приходилось неоднократно ему дорого платиться.

Оба лица, которыхъ въ истекающемъ году потеряло Отдѣленіе, а вмѣстѣ съ нимъ Академія и наука, въ продолженіе всей дѣятельной и полезной жизни полагали всѣ свои силы на распро-

страненіе знаній въ нашемъ отечествѣ, на утвержденіе въ молодомъ поколѣніи высокой любви къ челобку и правдѣ. Подъ этимъ святымъ знаменемъ совершенствуется общественная жизнь, совершаются великіе подвиги, исполняется историческое предназначеніе народовъ. Да поможетъ Провидѣніе тому, кто у насъ милліоны призвалъ къ свободной жизни, водворить челобческія и гражданскія права въ соплеменныхъ намъ странахъ, гдѣ нѣкогда цвѣли наука и письменность, къ намъ оттуда перешедшія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогскаго Виблейскаго Сотоварищества секретаремъ онаго Александромъ Никитинковымъ, 1824 года Генваря 27 дня.

Почтеннѣйшее собраніе!

Уже три года протекло, какъ, внявъ гласу благодати, раздающейся по всей вселенной во услышаніе всѣмъ, и волѣ всеавгустѣйшаго Монарха нашего, вы ревностно пожелали раздѣлять благородные труды вашихъ соотечественниковъ въ сѣяніи слова Божія. Нѣтъ достойнѣе жертвы, какъ та, которую мы приносимъ истинѣ: она заключаетъ въ себѣ сущность всякаго бытія и исполненіе судебъ Божіихъ. Въ мятежныхъ премѣнахъ міра, въ быстромъ теченіи вѣковъ, когда все волнуется и волнуется чело-вѣчество, она единая пребываетъ неподвижно; она единая въ игрѣ счастья и кажущемся безпорядкѣ случая раскрываетъ предъ нами картину нашего жребія—величественную картину вѣчности и совершенства. Чистѣйшая добродѣтель есть ея стяжаніе, а блаженство — вѣнецъ. Она ограждаетъ общества, служитъ свѣ-тильникомъ политической мудрости: ибо, среди безчисленнаго разнообразія и противоборства чело-вѣческихъ цѣлей, средствъ и страстей, она поставляетъ для народовъ единою цѣлію — общее благо; единымъ средствомъ онаго — святость и силу власти державной; единую страсть производитъ — пламенную любовь къ порядку и справедливости. Нѣтъ инаго добра въ мірѣ, кромѣ любви къ истинѣ, и нѣтъ инаго зла, кромѣ пренебреженія оной.

Сіе-то самое къ ней чувство, почтеннѣйшіе посѣтители, виною и настоящаго вашего собранія, въ которомъ вы не только исповѣдуете ее единымъ сердцемъ и едиными усты; но и дѣятельнымъ участіемъ споспѣшествуете повсемственному ея распространенію. Коль прекрасенъ, коль благороденъ, коль величественъ сей союзъ истины, коего цѣль не временныя блага, не тлѣнное міра стяжаніе, но чистѣйшее, божественное стяжаніе вѣчности. Не вотще гласъ ея воззвалъ къ вамъ въ гласѣ всеавгустѣйшаго Монарха нашего и отечества. Подобно птенцамъ, собирающимся подъ крыль матери своя по ея заботливому клику, вы соединились подъ святой ея кровъ, да тако пребудете безопасны отъ разрушительнаго нападенія духа времени.

Но да будетъ слава Тому, отъ Коего единаго проистекають помышленія и дѣла благія; Который ниспосылаетъ сердцамъ ревность къ труду и труду даетъ поспѣшеніе; Коего святой промыслъ толь дивно хранитъ божественное слово свое и вѣрныхъ его чадъ отъ ухищреній лжемудрыхъ!

И по истинѣ, почтеннѣйшіе посѣтители, взирая на событія, предъ нами совершающіяся, нельзя не воскликнуть отъ глубины сердца съ вѣнценоснымъ Пророкомъ: *Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ!* Дивна премудрость Его, самая мятежныя приключенія міра направляющая къ концу благому! Въ непокорливой человѣческой волѣ, въ буйныхъ страстяхъ, оную волнующихъ, она находятъ средства къ сохраненію вѣчнаго своего порядка и святой своей истины. Жестокимъ путемъ зла ведетъ она насъ къ своей цѣли, полагая въ горькомъ возчувствованіи пагубныхъ его слѣдствій первое сѣмя исправленія. Человѣчество, руководимое лжемудрыми, буйными міра сего, восхотѣло познать силу свою—и познало только свою слабость. Оно искало независимости отъ вѣры—и нынѣ съ вящимъ смиреніемъ признаетъ законность и необходимость ея власти. Оно искало *пути, истины и живота* въ самомъ себѣ и чрезъ самого себя—и забыло, что путь нашъ, истина и животь суть дѣянія столь преславныя для самого Бога, что не могутъ быть уже твореніемъ рукъ нашихъ. Оно забыло, что въ

одной самобытности заключается возможность самостоятельнаго дѣйствованія — и что все несовершенное находитъ силу свою въ Источникѣ совершенства, такъ какъ всякій лучъ свѣта почерпаетъ въ единомъ солнцѣ свою теплоту и блескъ.

Сіе заблужденіе есть чадо гордости и мрачнаго ума софистовъ XVIII вѣка. Прославленные и сами себѣ удивляющіеся знатоки природы человѣческой, они обманули и себя и другихъ, стараясь возвысить ее на развалинахъ вѣры. Въ ихъ дерзкихъ системахъ, сооруженныхъ на зыбкихъ началахъ разума, мы видимъ только печальную исторію заблужденій его и человѣка, стонущаго подъ тяжкимъ бременемъ человѣческой своей мудрости. Обѣщая намъ обойтись безъ религіи, не должны ли они были превзойти ее въ дѣяніяхъ благихъ? Ибо принятіе чего нибудь новаго на мѣсто прежняго ничѣмъ инымъ не можетъ быть оправдано, какъ превосходствомъ перваго, — и самая та переменна есть уже великое зло, въ коей одно добро поставляется на мѣсто другаго. Это ничто иное, какъ пища непостоянству человѣческаго духа, пища, въ коей подъ видомъ пріятнаго и необходимаго разнообразія скрывается ядъ, разслабляющій постепенно крѣпость нравовъ и разсудка. Но они какое добро оказали человѣку своимъ преобразованиемъ? «Мы создаемъ царство разума, — говорили они — всякой, кто только человѣкъ, есть гражданинъ его! Приидите всѣ «изъ рукъ нашихъ вкусятъ плоды истины, плоды, взрощенные «слезами и кровію вашею». Такимъ образомъ, будучи не менѣе хитры, сколько дерзки, они замѣшали народъ въ свои метафизическія бредни, доканчивая руками его ту нравственную анархію, коей не въ состояніи были окончить ихъ умы. Мнѣнію дали оружіе и мечтамъ существенность. Простые, невинные люди, коихъ всѣ познанія ограничивались кругомъ ихъ должностей, захотѣли вдругъ раздѣлять славу мудрыхъ и начали слѣдовать тому, чего не понимали: искать въ системѣ истины; въ познаніи — вѣры; въ безначаліи — правленія. Все стало переменяться: законы испроверглись, какъ скоро каждый гражданинъ возмнилъ, что онъ самъ мудрѣе законодателя; правительства потеряли силу, какъ

скоро люди вообразили себѣ, что безъ ихъ охраненія они могутъ быть счастливыми, безопасны — и свободны; религія утратила свою святость, когда всякой началъ подвергать суду своему тѣ предметы, которые выше его понятій, и захотѣлъ раздѣлять съ Богомъ власть и управленіе міромъ. Всякой, кто только почиталъ себя мыслящимъ, желалъ мыслить иначе; кто только имѣлъ въ обществѣ голосъ, провозглашалъ новый порядокъ вещей: Платову республику на землѣ и равенство въ общежитіи; всякой, кто только надѣялся заслужить титуло мудраго, желалъ быть мудрымъ по своему. Общія, единыя основанія разума, искаженные въ школѣ новыхъ софистовъ, раздробились на толь безчисленные, странные, одна другой противорѣчащія секты, что самые сіи софисты, собравшись вмѣстѣ, были бы похожи на строителей Вавилонской башни, коихъ безумная гордость была наказана тѣмъ, что они перестали понимать другъ друга. И чѣмъ напоследокъ кончили они славныя свои преобразованія? Лишивъ чело-вѣка чуждой, необходимой ему помощи, не могли дать своей, бросили въ жертву естественной его слабости и естественному поврежденію, назвавъ ихъ сущностію его природы.

Въ самомъ дѣлѣ, чело-вѣкъ самъ по себѣ есть нѣчто странное, непостижимое. Его пороки и его добродѣтели; гнусныя страсти, его обезображивающія, и возвышенный духъ, надъ ними торжествующій; постыдныя предразудки и пламенное пареніе разума — сіи странныя противности, заключающіяся въ одномъ и томъ же существѣ, дѣлають его смѣшною, непонятною загадкою для самого себя. Посмотрите на его положеніе: плачетъ и смѣется въ одно мгновеніе, смѣется и плачетъ; несчастенъ посреди очаровательнѣйшихъ удовольствій, блаженъ посреди всѣхъ ужасовъ и злключеній! Любитъ добро — и дѣлаетъ зло; одною рукою пронзаетъ сердце друга, а другою подьмлетъ врага падшаго. Ищетъ истины, признаетъ слабость своего разума, — и требуетъ божескаго поклоненія какой нибудь глупой мечтѣ, которую ему угодно назвать истиною. Жаждетъ возвышеннаго, постояннаго блага, — и устремляется на первую бездѣлку, попадающуюся его глазамъ;

украшаетъ ее по своему, любитъся ею, чрезъ минуту бросаетъ ее съ презрѣніемъ, и опять ее ищетъ.... Какая бездна противорѣчій! Какое странное и несчастное, какое низкое и высокое существо человѣкъ! Смѣмся ему и плачемъ о немъ; презираемъ его—и удивляемся ему!...

Откуда жъ сіи противорѣчія? Такъ ли онъ созданъ? Конечно такъ,—говорятъ софисты—потому что онъ таковъ есть. И такъ это игра природы, чадо своенравія ея и странныхъ капризовъ, которому она въ глаза смѣется, смѣшавъ въ немъ одномъ всѣ свои противорѣчія? И такъ это мечта, привидѣніе, коего все отличие состоитъ въ томъ, что оно умѣетъ дѣлать себя несчастнымъ и умѣетъ то чувствовать? И такъ дѣйствительно справедливо это, что первое благо для человѣка не рождается, а второе какъ можно скорѣе умереть?...

Здѣсь мудрый бросаетъ свою истину, правитель уничтожаетъ свои законы, праведникъ забываетъ свою добродѣтель. Ибо къ чему все это? Философы говорятъ намъ, что въ человѣкѣ нѣтъ человѣка, что странныя его противорѣчія доказываютъ, что въ немъ нѣтъ ничего положительнаго; что крайности добра и зла въ немъ сугъ ничто иное, какъ случайныя послѣдствія случайныхъ причинъ; что минутное соглашеніе людей есть ихъ законъ и добродѣтель и что, наконецъ, на свѣтѣ существуетъ та единая истина, что нѣтъ никакой истины!

Сіи-то слѣпцы, толь худо знавшіе, толь худо судившіе и еще хуже чувствовавшіе, провозгласили себя наставниками и путеводителями человѣческаго рода, — и человѣкъ, возмущенный ими противу самого себя и противу неба, нося отчаяніе въ сердцѣ своемъ, приблизился къ самому краю пропасти, которую гордыня разума начала руками праотца нашего и расширила мудрованіями софистовъ. И чтожь осталось дѣлать ему, чтобы найти основаніе самого себя и разрѣшить непонятную загадку своей природы? Просить совѣта у собственнаго своего разума? Увы! это значитъ искать помощи у того самаго путеводителя, который, вода людей по дебрямъ и пропастямъ безпредѣльныхъ, нескончаемыхъ

умствованій, столько невѣждъ содѣлалъ глупѣйшими, столько умныхъ заблудшими и столько мудрецовъ посмѣшищемъ свѣта! Прибѣгнуть къ совѣсти? Совѣсть больше объясняетъ намъ противорѣчія нашего духа; она всегда постоянно и рѣшительно внушаетъ намъ, что справедливое, хорошее и честное есть цѣль человеческой природы и благо ея; а пороки и страсти, возникающіе при самомъ рожденіи нашемъ, составляютъ то зло и тѣ противорѣчія въ насъ, которыя столько насъ обезображиваютъ и которыя подали прекрасную мысль остроумнымъ философамъ XVIII вѣка сказать для утѣшенія человеческого рода, что онъ бѣдная игрушка злой мачихи-природы. Слѣдовательно совѣсть уже освѣщаетъ насъ нѣсколько на пути жизни нашей; но увѣ! она есть слабая опора посреди трудныхъ пропастей и горъ, наполняющихъ оныя. Если бъ человѣкъ не былъ естественно поврежденъ, то конечно бы достаточно было для него сего внутреннего убѣжденія; но разслабленному недостаточно собственныхъ своихъ силъ къ возстанію, и одна посторонняя рука можетъ воздвигнуть его съ одра мученія и болѣзни. Совѣсть показываетъ намъ то, что мы должны исполнять, и, обращая насъ къ самимъ себѣ, сама, кажется, страшится великости нашихъ обязанностей, высоты нашей цѣли и ничтожества нашихъ силъ и способствъ. Не могли дать намъ никакого удостовѣренія тамъ, гдѣ необходимость должности сталкивается съ побужденіями пожертвованія, она вдругъ оставляетъ насъ во мракѣ между робкою, хотя и непреступною, недѣятельностію и между величайшею добродѣтелию — и велитъ намъ дѣлать то, для чего не стоятъ и труда быть человѣкомъ. Совѣсть обращаетъ насъ къ Богу; но Богъ ея есть только всемогущій Зиждитель и праведный Судія, а не отецъ нѣжный и милосердый. Онъ, кажется, принялъ на Себя трудъ сотворить насъ разумными и свободными; но не принялъ никакого средства къ отвращенію тѣхъ золъ, которыя происходятъ отъ нашего ограниченія и нашей свободы. Здѣсь нѣтъ любви чистѣйшей, содѣлывающей Бога отцемъ человѣка и человѣка — приснымъ его духу. Здѣсь нѣтъ союза между совершенствомъ и слабостію: ибо

я не признаю благодати въ томъ, что я есмь; но исповѣдую ее въ томъ, чѣмъ могу быть чрезъ непостижимое, но вѣрное ея содѣйствіе. Будучи такимъ образомъ презрѣны, оставлены на произволъ самимъ себѣ, мы снова впадаемъ во всѣ тѣ противности, коихъ недавно были злополучною жертвою.

И такъ разумъ пресмыкается и падаетъ; нравственное чувство осуждаетъ наши страсти, но не можетъ укротить ихъ, — а сердце стонетъ! Ахъ! почто жъ не ищеть оно опоры, когда слабо? Гордость, суемудріе, призраки истины ободряютъ его; но почто быть мудрыми, когда не можемъ быть счастливы? Я слѣдую одному высочайшему закону, я прошу у неба единой истины: спасенія и блага! Гдѣ же она — сія прекрасная дочь любви божественной, которой жаждетъ сердце мое отъ самой колыбели и которую бѣшенныя страсти представляютъ мнѣ въ толь многихъ видахъ презрѣнныхъ земныхъ радостей? Кто покажетъ мнѣ ее въ полномъ сіяніи и красотѣ? Кто сдѣлаетъ ее присущною сердцу моему, жребіемъ временнаго моего бытія и обѣтованіемъ вѣчности?...

Единый Тотъ, Кто могъ сказать: *Азъ есмь путь, истина и животъ*; Кто въ крови своей омылъ природу человѣческую, возвратилъ ей первобытную ея чистоту; Кто рабу естества отдалъ права неба и поврежденнаго сына совѣсти исправилъ, укрѣпилъ, возвысилъ гениемъ вѣры. Здѣсь-то человѣкъ, по долгомъ, утомительномъ странствованіи, по тяжелой борьбѣ съ заблужденіями и страстями міра, отряпши съ себя гнусный прахъ ихъ, повергается на лоно вѣчной любви и, въ сладостной чистѣйшей вѣрѣ, объемля самого Бога, объемлетъ духомъ своимъ вселенную, вѣчность — и судьбу свою! Это не наука, не система; это гласъ нашего опредѣленія, переданный намъ безконечною благодію чрезъ шпостасное слово ея. Дивное преобразование, тайна непостижимая совершается: человѣкъ дѣлается христіаниномъ! Онъ не познаетъ уже, но видитъ ясно свои обязанности, свое назначеніе. Противорѣчія, сомнѣнія исчезаютъ; онъ рождается вновь; чувствуетъ себя съ восхищеніемъ, подобно тому разслабленному, который, послѣ

долговременнаго, тяжкаго страданія, въ первый разъ услышалъ изъ устъ вѣчнаго милосердія сладостный глаголь цѣленія и жизни, — и въ томъ сердцѣ, гдѣ обитали мракъ, неизвѣстность и ужасъ, сіяеть вѣчная, единая, несомнѣнная истина; укрѣпляется неразрушимое звѣно, соединяющее землю съ небесами, сына персти съ безконечною вѣчностію. Стремленія престаи казаться мечтами; съ будущаго снята завѣса; предчувствіе содѣлалось упованіемъ; блаженство собственностію, — и гробъ возвращаетъ добычу свою въ объятія вѣчной жизни!

И се дни, почтеннѣйшіе посѣтители, въ которые торжествуетъ евангеліе; въ которые посрамленная человѣческая мудрость, сокрывъ чело свое въ прахѣ, бѣжитъ съ лица земли предъ побѣднымъ знаменемъ побѣдителя грѣха, ада и смерти. Европа, Азія, Африка и Америка внимаютъ призыванію благодати; вѣчный промыслъ повсюду очищаетъ плевелы разума, сбѣетъ сѣмена спасенія и жизни, — и добрыя земли, принявшія оныя въ нѣдра свои, цвѣтутъ и богатѣютъ богатствомъ нетлѣннымъ. Что древле изступленный фанатизмъ хотѣлъ утвердить мечемъ и огнемъ, то нынѣ дѣятельность библейскихъ обществъ производитъ кротостію и любовію. Нѣтъ нужды говорить здѣсь о великихъ дѣлахъ, совершенныхъ російскимъ библейскимъ обществомъ: его подвиги суть его похвальное слово, а благодарность сердець, напоенныхъ отъ него водою жизни, суть прекраснѣйшій памятникъ его существованія — памятникъ, долженствующій въ роды родовъ возвѣщать славное торжество истины. Мудрымъ его попеченіемъ существуетъ и наше сотоварищество; и вы, почтеннѣйшіе господа члены и благотворители, содѣлались участниками священной и чистой его ревности ко благу человѣческаго рода. Вашимъ дѣятельнымъ участіемъ и подкрѣпленіемъ мы были въ состояніи постоянно продолжать наши сношенія съ высшимъ комитетомъ, — и сей отчетъ, нынѣ вамъ представляемый, есть токмо новое свидѣтельство вашихъ великодушныхъ пожертвованій. Состояніе и посты, вами занимаемые въ обществѣ, доказываютъ познаніе ваше тѣхъ истинъ, на коихъ зиждется благо общественное, и въ семъ случаѣ

вы имѣете нужду не столько въ наставленіи, сколько въ назиданіи вѣры; но тысячи низшихъ братій вашихъ ходили бы пагубными путями заблужденій, если бь челоѡколюбивое сердце ваше не сообщало имъ сего свѣта, коего цѣну вы столь глубоко возчувствовали, не взирая на тьму, воздвигнутую суемудріемъ. Да будетъ же свѣтъ сей, подобно лучамъ солнечнымъ, отражаясь на васъ, просвѣщать сердца кроткія, и да возвѣститъ владычество его въ примѣръ и подражаніе временамъ грядущимъ русское благочестіе столько же, сколько славное царствованіе Александра I долженствуетъ возвѣщать имъ русскую храбрость!

НА ПАМЯТЬ

ОБЪ О. М. БОДЯНСКОМЪ, В. И. ГРИГОРОВИЧЪ И
П. И. ПРЕЙСЪ.

ПЕРВЫХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЯХЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Почти одновременно Академія Наукъ а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русская научная литература лишились двухъ замѣчательныхъ сподвижниковъ ихъ дѣятельности, достойныхъ благодарной памяти современниковъ и потомства: 19 декабря 1876 г. скончался В. И. Григоровичъ, а 6 сентября 1877 г. О. М. Бодянский.

Какъ ни различны стали направленія ихъ занятій въ послѣдніе годы ихъ жизни и ожиданія людей науки отъ трудовъ каждаго изъ нихъ, многое заставляло всегда смотрѣть на нихъ, какъ на сподвижниковъ, идущихъ къ одной цѣли. Такими сподвижниками они показали себя съ перваго выступленія на путь научныхъ работъ.

Въ тѣ давно прошлые годы, когда они начали работать оба какъ люди молодые, былъ у нихъ и еще сподвижникъ шедшій по одному пути съ ними, не менѣе ихъ надежный и потому съ самаго начала дѣятельности привлекшій на себя уважительное вниманіе, — П. И. Прейсъ. Его давно не стало: онъ скончался 11 мая 1846 года.

Остается еще одинъ, послѣдній изъ этого случайно образовавшагося товарищества: на долю его досталось быть свидѣтелемъ передъ новыми поколѣніями о томъ, чѣмъ были въ своей дѣятельности его бывшіе сотоварищи. И онъ исполняетъ эту обязанность тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ, что не можетъ

не чтить ихъ заслу́гъ независимо отъ всякихъ случайностей сближенія, какъ соучастниковъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, не только первыхъ по времени, но и сильныхъ рвеніемъ.

26 іюля 1835 года утвержденъ былъ тотъ новый уставъ Русскихъ университетовъ, который, введши очень много новаго въ строѣ университетскаго научнаго быта, въ ряду другихъ новооткрытыхъ кафедръ далъ мѣсто и кафедрѣ Славянской филологіи, или, какъ въ уставѣ было названо, исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій. Тѣ, которые понимали нужды Русской науки, не могли не сознавать важности этой кафедры, тѣмъ болѣе, что нѣсколько замѣчательныхъ Русскихъ дѣятелей своимъ личнымъ усердіемъ въ разработкѣ нѣкоторыхъ важныхъ задачъ Славянской филологіи въ связи съ задачами собственно Русской филологіи и археологіи уже успѣли доказать необходимость сравнительнаго изслѣдованія всего народно-Русскаго съ народно-Славянскимъ западнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указать на кое-что очень занимательное въ западномъ Славянствѣ по словесности, народной и письменной, по научной дѣятельности, и проч. Ученыхъ, приготовленныхъ къ занятію этой новой кафедры, не было, и потому министерство народнаго просвѣщенія предложило университетамъ выбрать молодыхъ людей, для этого пригодныхъ, и дать имъ средства приготовиться къ исполненію обязанности. Три университета, Московскій, Харьковскій и Петербургскій, а позже и еще одинъ, Казанскій, нашли возможность исполнить это предложеніе, и четыре молодыхъ труженика вышли на новый путь.

Двое изъ нихъ, послѣ домашняго свободнаго приготовленія, начали свои занятія прямо путешествіемъ по Славянскимъ землямъ. Двое другихъ нашли болѣе выгоднымъ, начать обязательныя занятія въ самой Россіи и затѣмъ уже отправиться въ западныя Славянскія земли. Одинъ изъ первыхъ двухъ былъ О. И. Бодянский; двое другихъ были: П. И. Прейсъ и В. И. Григоровичъ.

Я начну воспоминаніями объ этихъ двухъ какъ о ранѣ другихъ окончившихъ посѣщенія университетскихъ аудиторій.

I.

Петръ Ивановичъ Пре́йсъ родился въ 1810 году. Рано лишившись отца, бывшаго учителемъ музыки, онъ долженъ былъ принять самъ на себя обязанности собственнаго образованія и попеченій о матери. Тяжкій недугъ ея вызвалъ его въ Псковъ, гдѣ она тогда находилась, въ то время, когда ему было бы необходимо остаться въ Петербургѣ для окончанія курса наукъ въ университетѣ и для полученія первой ученой степени. И остаться въ Псковѣ онъ долженъ былъ такъ долго, что выйдти изъ университета со степенью кандидата онъ уже не могъ, не начиная вновь студентства съ первыхъ курсовъ. На это послѣднее онъ не рѣшился, хотя и былъ еще очень молодъ, едва 18-ти лѣтъ, сталъ искать себѣ прямо службы, и получилъ мѣсто младшаго учителя Русскаго языка въ Дерптской гимназіи: утвержденіе Пре́йса въ этой должности, съ Высочайшаго соизволенія, состоялось 12 мая 1828 г. Разъ поселившись въ Дерптѣ, Пре́йсъ остался въ немъ на цѣлые десять лѣтъ, до іюня 1838 г., и только за годъ передъ тѣмъ, будучи повышенъ въ должность старшаго учителя той же гимназіи, сталъ менѣе терпѣть отъ житейскихъ лишеній. Это не мѣшало ему однако, при усердномъ исполненіи обязанностей учителя, заниматься и дома, при помощи Дерптскихъ добрыхъ ученыхъ, изученіемъ языковъ древнихъ, а равно и Славянскаго, древняго и новаго Нѣмецкаго, и болѣе замѣчательныхъ научныхъ трудовъ особенно по Германской и Славянской филологіи — въ обширномъ смыслѣ этого слова. Изъ трудовъ его, относящихся къ этому времени, извѣстны статьи: О Волохахъ Нестора (Журн. Мин. Нар. Просв. XIX: 213) и Изображеніе Чернобога въ Бамбергѣ по Шафаріку (Жур. Мин. XVIII: 227). Своимъ добрымъ нравомъ, мирною прямою отношеній, свѣтлымъ умомъ и основательными знаніями онъ приобрѣлъ себѣ въ Дерптѣ

общее уваженіе людей науки, молодыхъ и старыхъ, какъ тамошнихъ такъ и прїѣзжихъ Русскихъ. Дружественно сблизился онъ тамъ и съ тѣми молодыми Русскими учеными, которые были приняты въ такъ называвшійся профессорскій институтъ, основанный въ 1828 г. Между ними было и нѣсколько воспитанниковъ Петербургскаго университета, въ послѣдствіи занявшихъ въ немъ профессорскія каѳедры. Эти молодые Русскіе ученые, сохранивъ уваженіе къ дарованіямъ, преданности наукѣ и знаніямъ Прейса и зная его научныя стремленія, не забыли о немъ, когда явилась возможность достойно удовлетворить потребности Петербургскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ вывести самого Прейса на его прямую дорогу. Когда, въ слѣдствіе предложенія министра, Совѣтъ Петербургскаго университета долженъ былъ позаботиться о пріисканіи молодого ученаго, способнаго готовиться къ занятію новооткрытой каѳедры исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій, друзья Прейса представили его, какъ самаго способнаго, и Прейсъ былъ выбранъ единогласно. Попечитель округа и министръ со своей стороны одобрили выборъ. Прейсъ принялъ вызовъ съ благодарностью, но не совершенно безусловно. Въ то время, какъ и долго послѣ, приготовленіе къ занятію каѳедры и начиналось и заканчивалось путешествіемъ за границу въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ предполагалось устроить и приготовленіе къ занятію новооткрываемой Славянской каѳедры. Такой порядокъ въ отношеніи къ этой каѳедрѣ былъ даже пригоднѣе, чѣмъ ко всякой другой; но Прейсу онъ не показался пригоднымъ. Онъ находилъ необходимымъ, до путешествія по Славянскимъ землямъ, провести по крайней мѣрѣ годъ въ Петербургѣ, что бы предварительно потрудиться подъ руководствомъ Востокова, — и просилъ объ этомъ. Министръ народнаго просвѣщенія — это былъ С. С. Уваровъ — справедливо оцѣнилъ желаніе Прейса, и увольняя его отъ должности учителя Дерптской гимназіи, велѣлъ его причислить къ Петербургскому университету и поручить ближайшему надзору Востокова. Это желаніе Прейса рѣзко обозначаетъ его научныя убѣжденія и направленіе его дѣятель-

ности. Востоковъ былъ тогда, какъ остался и до конца жизни, лучшимъ знатокомъ древняго Славянскаго языка и письменной древности Славянской, лучшимъ изслѣдователемъ памятниковъ Славянскаго языка и самого языка по памятникамъ. Это понималъ Прейсъ, и не могъ не понуждаться въ наставленіяхъ Востокова—такъ же какъ понуждался бы въ наставленіяхъ Я. Гримма, если бы его дѣломъ было изученіе Германства а не Славянства. И Прейсъ нашелъ въ Востоковѣ наставника столько же и радужнаго, какъ сильнаго знаніемъ. Подъ его руководствомъ Прейсъ занимался памятниками хранящимися въ Императорской публичной библіотекѣ и въ Румянцевскомъ музеѣ около года. Въ то же время, въ часы свободы отъ занятій памятниками Славянскаго языка продолжалъ онъ изучать Славянскія древности въ связи съ иноплеменною но родственною Славянамъ древностью Германскою, и началъ занятія Литовскимъ языкомъ на сколько это было тогда возможно, по книгамъ. Какими произведеніями научнаго труда онъ занимался въ то время, видно отъ части изъ его статей о Нѣмецкихъ книгахъ по Славянской исторіи и древностямъ (Жур. мин. нар. проsv. XXI: VI: 85—108. XXIII: VI: 219—236)¹⁾.

¹⁾ Передъ выѣздомъ за границу, Прейсъ по порученію факультета составилъ предположительный планъ путешествія, который, будучи одобренъ Факультетомъ и Совѣтомъ Университета, посланъ былъ на разсмотрѣніе министра, а министромъ переданъ Востокову, отъ котораго потребованъ былъ отзывъ не только о планѣ путешествія, но и объ успѣхахъ Прейса. Записка, излагавшая планъ путешествія, найдена была Востоковымъ «очень основательно написанною и совершенно соотвѣтствующею своему назначенію. Ему казался только срокъ путешествія не достаточнымъ: въ запискѣ назначенъ былъ годъ на путешествіе «по Пруссіи, Бранденбургіи, Силезіи, Саксоніи, Лужиціи, Моравіи и Богеміи», и полтора года на путешествіе «по Иллирійскимъ землямъ, Галиціи и царству Польскому»; Востоковъ думалъ, что «срокъ могъ бы быть и увеличенъ поугодомъ». Объ успѣхахъ занятій Прейса, Востоковъ выразился такъ: «При порученіи сего молодого человѣка моему руководству въ іюлѣ прошлаго 1838 г., я нашелъ его уже весьма хорошо приготовленнымъ, и потому мнѣ легко было руководить его къ приобрѣтенію дальнѣйшихъ познаній ему нужныхъ. Онъ прилѣжно занимался въ И. П. Б.—кѣ и въ Рум. Муз. по моему указанію чтеніемъ древнѣйшихъ Слав. рукописей и выписками изъ оныхъ, и надѣюсь, что въ сіи девять мѣсяцевъ онъ не мало приумножилъ свой запасъ Славянскаго языкознанія».

Только уже осенью 1839 года Прейсъ началъ свое путешествіе по Славянскимъ землямъ, — и оно продолжилось съ небольшимъ три года (съ сентября 1839 г. по декабрь 1842 г.). Путешествуя, онъ занимался смотря по обстоятельствамъ, или древними памятниками, или остатками древности и старины въ народѣ, или же живыми нарѣчіями. Какъ министру такъ и совѣту университета онъ посылалъ подробные отчеты о своихъ занятіяхъ и изслѣдованіяхъ. Отчеты эти, давая ясное понятіе о научной требовательности, руководившей Прейса во время путешествія, вмѣстѣ съ тѣмъ представили по изученію Славянства столь драгоценныя сообщенія, что ими нельзя было не пользоваться какъ важнымъ пособіемъ. Не утратили они своего достоинства и теперь, не смотря на множество открытій по всѣмъ отраслямъ науки, въ нихъ затронутымъ. Такъ въ одномъ изъ отчетовъ Прейсъ даетъ свои выводы изъ наблюденій надъ Литовскимъ языкомъ, которымъ онъ продолжалъ заниматься въ Кенигсбергѣ; въ другомъ сообщилъ свѣдѣнія о нарѣчій Кашебовъ или Кашубовъ, которымъ онъ занимался въ Данцигѣ и въ Берлинѣ, и за тѣмъ о занятіяхъ своихъ памятниками Польской старины въ Гнѣзнѣ и въ Познани; въ третьемъ представилъ свои соображенія объ именахъ языческихъ боговъ, занесенныхъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ и въ нѣкоторые другіе памятники, и общіе выводы изъ этихъ соображеній, а за тѣмъ данныя о памятникахъ, имъ разсмотрѣнныхъ въ Галле, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Прагѣ; еще въ одномъ — о памятникахъ, которыми онъ занимался въ Вѣнѣ и объ отношеніяхъ между древнимъ Церковнославянскимъ и новымъ Болгарскимъ нарѣчіями; еще въ одномъ о глаголической письменности. Многіе изъ отчетовъ Прейса напечатаны въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія и высоко цѣнятся знатоками дѣла. Столько же цѣнились начитанность, наблюдательность и трудолюбивая изслѣдовательность Прейса и тѣми людьми науки, съ которыми онъ сближался во время путешествія. Составитель этой записки, путешествуя по Славянскимъ землямъ одновременно съ Прейсомъ и частію вмѣстѣ съ нимъ, можетъ лично свидѣтельствовать объ

уваженіи, которое Прейсъ оставлялъ всюду за собою, какъ ученый, столько же богатый запасами знаній и наблюденій, сколько и осторожный въ соображеніяхъ и выводахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ провели мы вмѣстѣ съ нимъ въ Прагѣ, сходясь съ Пражскими учеными. Всѣ они дорожили указаніями и мнѣніями Прейса. Шафарикъ между прочимъ обильно пользовался его извлеченіями изъ древнихъ Церковно-славянскихъ памятниковъ и указателями его къ Славянскимъ древностямъ самого Шафарика и къ нѣкоторымъ трудамъ Я. Гримма. Пользовался его указаніями и Челяковский, и Палацкій, и нѣкоторые другіе. Ему и я обязанъ, какъ первому совѣтнику, узнаніемъ первыхъ приемовъ, какъ заниматься древними рукописями. Вмѣстѣ съ нимъ я началъ и кончилъ путешествіе по Истріи, Далмаціи съ Черной горой и Хорватской землѣ, работая между прочимъ и надъ памятниками письменности, тамъ нами замѣченными. Вмѣстѣ съ нимъ думалъ я продолжать путешествіе и далѣе; но болѣзнь Прейса помѣшала исполненію этого предположенія — такъ-же какъ и составленію одного общаго нашего отчета о сдѣланномъ вмѣстѣ путешествіи (причина, по которой ни отъ него ни отъ меня не было отдѣльныхъ отчетовъ объ этой долгѣ нашихъ заграничныхъ занятій). Болѣзнь Прейса, непокидавшая его со времени нашей разлуки въ Загребѣ, т. е. съ осени 1841 года, если развилась и не исключительно подъ вліяніемъ душевныхъ заботъ, то все таки отъ нихъ сильно зависѣла. Прейсъ сталъ задумываться все чаще, чѣмъ болѣе приближалось время его возвращенія домой. Какая судьба ожидала его безъ состоянія, безъ умѣнья считать копейки — и безъ той первой ученой степени, которая необходима для достиженія другихъ высшихъ и для полученія которой испытаніе становилось ему тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе обособлялъ онъ свои научныя работы! Профессоромъ онъ сдѣлаться не можетъ, и останется вѣчнымъ безкласнымъ и безгласнымъ лекторомъ. Зная по сравненію съ другими свои достоинства, онъ былъ гордъ и честолюбивъ; безвыходное, жалкое положеніе, безъ возможности сдѣлать шагъ въ передъ, его пугало и ослабляло. Еще при переселеніи изъ Дерпта въ Петербургъ и

потомъ передъ выѣздомъ за границу онъ хлопоталъ, чтобы ему было позволено держать экзаменъ прямо на степень магистра, а отъ него требовали предварительнаго испытанія на степень кандидата, т. е. изъ всѣхъ факультетскихъ предметовъ. Последнее рѣшеніе министра было: отправить Прейса въ чужіе края не подвергая его никакому испытанію; что же касается до освобожденія его отъ кандидатскаго экзамена, то министръ, не видя въ этомъ необходимости, предоставилъ себѣ сообразить сей вопросъ съ обстоятельствами, въ которыхъ Прейсъ будетъ находиться въ послѣдствіи, и съ правилами, какія по возвращеніи его будутъ по сему предмету въ дѣйствиіи (Предложеніе 10 авг. 1839 г.). Известно, что никакихъ правилъ, которыми бы могъ воспользоваться Прейсъ, не было издано. Увлечшись научными трудами, Прейсъ забылъ было обо всемъ подобномъ; но съ наступленіемъ послѣдняго полугодія его путешествія, воспоминанія ожили въ немъ тревожно и сокрушительно для его силъ, и безъ того ослаблявшихся непрерывнымъ трудомъ, да и вообще не очень надежныхъ. Преодолявая себя онъ сдѣлалъ еще поѣздку изъ Загреба въ Сербію, потомъ по Венгріи черезъ Новый Садъ, Пештъ и Шемницъ; но нигдѣ уже не могъ работать такъ, какъ работалъ прежде — въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Берлинѣ, Познани, Дрезденѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Триестѣ, Дубровникѣ, Макарскѣ, Загребѣ. Болѣзнь не позволила ему воротиться къ сроку. Онъ пробылъ за границею еще болѣе полугодя, — и все таки воротился больной.

Болѣзнь была виною, что и чтенія, вмѣсто начала января 1843 г. онъ началъ только во второй половинѣ марта. Успокоенный нѣсколько назначеніемъ порядочнаго оклада (1000 р.) съ званіемъ преподавателя и увлекшись приготовленіемъ университетскихъ чтеній, онъ по видимому оправился отъ болѣзни, и разъ начавъ чтенія, продолжалъ ихъ ревностно, не забывая о здоровьи. Общій распорядокъ чтеній имъ предложенныхъ, — былъ имъ приготовленъ еще во время путешествія, и потому записка о немъ была имъ представлена въ факультетъ скоро по возвращеніи.

Чтенія свои онъ раздѣлилъ на три отдѣла:

1. Введеніе съ отвѣтами на вопросы: о древнѣйшихъ жилищахъ Славянъ въ Европѣ, объ ихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и повелителямъ, объ эпохѣ ихъ переселеній, ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ, объ образованіи самостоятельныхъ Славянскихъ государствъ, о принятіи Славянами христіанства, о внутреннемъ бытѣ Славянъ — по положительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ и по выводамъ сравнительнаго изученія древностей Славянскихъ.

2. Историческое разсмотрѣніе cadaго изъ важныхъ народовъ Славянскихъ: Болгарь, Сербовъ съ Хорватами, Хорутанъ, Чеховъ со Словаками, Поляковъ съ Балтійскими и Лужицкими Славянами—въ отношеніи къ судьбамъ политическимъ, языку и литературѣ.

3. Сравнительная грамматика Славянскихъ нарѣчій съ изложеніемъ главнѣйшихъ результатовъ сравнительной филологіи вообще и отношеній Русскаго языка къ прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ.

Этотъ стройный, многообъемлющій и вмѣстѣ самостоятельный распорядокъ чтеній по кафедрѣ новой, не давшей ничего ни для подражанія, ни для исправленія, не могъ не быть одобренъ факультетомъ, и долженъ остаться памятникомъ въ исторіи Славянской филологіи ¹⁾.

Преѣсъ не побоялся затруднить себя веденіемъ за разъ четырехъ курсовъ чтеній, т. е. всего, имъ назначеннаго, кромѣ сравнительной грамматики, вмѣсто которой долженъ былъ излагать Церковнославянскую грамматику для студентовъ не-филологическаго факультета: каждый годъ онъ излагалъ, кромѣ введенія, одному курсу исторію, литературу и нарѣчія южныхъ Славянъ съ грамматикой Церковнославянскаго языка; другому исторію и литературу Чехо-Славянскую; третьему исторію и литературу Польскую съ замѣчаніями о Лужичанахъ и Полабахъ. Мнѣ удалось слышать отзывы нѣкоторыхъ изъ лучшихъ слушателей

¹⁾ Богѣ полное изложеніе его сохранилось въ архивѣ университета.

Прейса: отзывы эти совершенно совпадали съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое Прейсъ оставилъ во мнѣ своимъ умомъ, живымъ и яснымъ, своими знаніями, искренностью и вмѣстѣ сдержанностью рѣчи. Онъ не производилъ восторга и не хотѣлъ этого, но умѣлъ возбуждать любознательность, и возбужденныхъ умѣлъ увлекать не собою, а дѣломъ ¹⁾ Нельзя не скорбѣть, что ему не пришлось дѣйствовать долго.

Приготовленіе разнообразныхъ чтеній должно было требовать много времени; а между тѣмъ нужно было оно и на изслѣдовательныя работы, къ которымъ онъ привыкъ изъ давна, и на чтеніе вновь являвшихся произведеній по Славянству и по филологіи средневѣковой.

Прейсъ трудился много. Многимъ запасался для выработки задуманныхъ трудовъ. Писалъ мало, кромѣ частныхъ замѣтокъ.

Черезъ полтора года послѣ возвращенія изъ путешествія, по ходатайству министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, сообразно съ мнѣніемъ комитета министровъ (13 и 27 іюля 1844 г.), соизволилъ «по вниманію къ особеннымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится Прейсъ, дозволить ему подвергнуться испытанію прямо на степень магистра». То было новое успокоеніе для его души, новая забота для его труда. Прейсъ сталъ заниматься собираніемъ запасовъ для диссертациі—особенно съ тѣхъ поръ, какъ окончилъ рѣчь, которую долженъ былъ произнести на университетскомъ торжественномъ собраніи 8 февраля 1845 г. Рѣчь эта заключаетъ въ себѣ разсужденіе объ эпической народной поэзіи Сербовъ (напечатана въ книгѣ Акта Спб. унив. 1845 г. стр. 133—167). Предметомъ диссертациі онъ избралъ Богумильскую ересь, и работалъ надъ нимъ неуспѣшно въ продолженіе всего 1845 года. Вопросъ о ереси Богумиловъ еще не былъ въ то время никѣмъ тронутъ, кромѣ тѣхъ

¹⁾ Отъ одного изъ слушателей я получилъ въ даръ Записки, сдѣланныя по чтеніямъ Прейса. Пересматривая ихъ теперь, слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ ихъ написанія, все таки видимъ въ нихъ достоинства изложенія, не общія и въ это послѣднее время.

историковъ, которые вносили въ свои сочиненія данныя объ Албигойцахъ. Исслѣдователю нужно было дѣлать очень разнообразныя изысканія, церковноисторическія и литературныя, читать многія произведенія богословскихъ писателей Греческихъ и Латинскихъ, доискиваться недостающаго или и новаго, непредполагаемаго въ рукописяхъ. Эти работы и увлекали Прейса и ослабляли его силы. Не успѣвъ довести свой трудъ до конца, онъ заболѣлъ; продолжалъ заниматься и больной, лежа, — и все болѣе слабѣлъ, видимо таялъ. Нѣсколько толстыхъ тетрадей труда его о Богумилахъ приготовлены были имъ на бѣло прежде нежели онъ лишился силы писать. Дѣло еще не было однако окончено, или по крайней мѣрѣ не было обработано окончательно, успокоительно для больного, и онъ старался пользоваться послѣдними усиліями. Друзья, посѣщавшіе его въ это время, за нѣсколько дней до смерти, заставляли его за работой. Такъ, не дописавъ своего труда, который безъ сомнѣнія былъ бы драгоценнымъ вкладомъ въ научную литературу, Прейсъ умеръ — 11 мая 1846 г. Не стало вмѣстѣ съ нимъ и труда его о Богумилахъ: кто-то овладѣлъ имъ, до сихъ поръ безслѣдно, на первыхъ же порахъ послѣ его кончины.

Прейсъ умеръ тридцати шести лѣтъ отъ рожденія, въ томъ возрастѣ жизни и научной зрѣлости, когда отъ него можно было ожидать трудовъ необходимыхъ для дальнѣйшихъ успѣховъ науки. Бумаги, послѣ него оставшіяся, перешли въ руки его близкаго товарища М. С. Куторги. Незначительная часть ихъ перешла въ собственность Академіи; почти все другое лежитъ не тронутое, неизвѣстное. Говорю почти все, а не все, потому что очень многія замѣтки, малаго и не малаго объема, при продажѣ книгъ его библіотеки, достались тѣмъ, кто купилъ книги, въ которыя онѣ были вложены. Взявъ во вниманіе то, что изъ его бумагъ стало хотя кому нибудь доступно, и то, о чемъ съ достовѣрностью по несомнѣннымъ даннымъ можно сказать какъ о написанномъ имъ, должно внести въ списокъ ихъ слѣдующее:

— Вымѣтки и выписки изъ рукописей, имъ разсмотрѣнныхъ

до выѣзда за границу въ Петербургѣ и потомъ за границей преимущественно въ Прагѣ и Вѣнѣ, съ описаніями рукописей. О нѣкоторыхъ изъ нихъ упомянуто имъ въ отчетахъ; на другія есть у него ссылки въ словарныхъ выпискахъ; нѣкоторыя остались на листкахъ въ книгахъ его — въ томъ числѣ и въ купленныхъ мною.

— Собранія словъ на карточкахъ и въ тетрадахъ: — по Церковнославянскому языку — особенно изъ рукописей Сербскихъ и такъ называемыхъ средне-Болгарскихъ; — по Сербскому народному — изъ пѣсенъ и пословиць; по Болгарскому — изъ новыхъ печатныхъ книгъ; — по именослову мѣсть, лицъ и народовъ разныхъ Славянъ — изъ различныхъ источниковъ, между прочимъ и изъ народныхъ пѣсенъ.

— Библиографическія замѣтки на карточкахъ и въ тетрадахъ касательно источниковъ и изслѣдованій по Славянскимъ древностямъ, исторіи, литературѣ, народной поэзіи и т. п.

— Черновыя тетради отчетовъ министру нар. просв. и соѣзту университета, и отчеты переписанные на бѣло и посланные — послѣднія въ архивахъ министерства и университета.

— Записки по курсамъ университетскихъ чтеній.

— Черновыя тетради изслѣдованія о Богумильской ереси — если не всё, то хоть нѣкоторыя, или по крайней мѣрѣ выписки изъ источниковъ, по которымъ дѣлались изслѣдованія.

— Переписка, т. е. по крайней мѣрѣ письма писанныя Прейсу и дѣловыя бумаги имъ полученныя. (Прейсъ берегъ письма, къ нему написанныя, и во время путешествія; тѣмъ легче было ему сохранять ихъ послѣ. Между письмами должны быть и отъ ученыхъ Славянскихъ и Нѣмецкихъ, между прочимъ и научнаго содержанія).

Нельзя не желать, чтобы все, уцѣлѣвшее отъ Прейса, было собрано и сдѣлалось собственностью какого-нибудь государственнаго учрежденія, Академіи Наукъ, Императорской Публичной библиотеки или другого подобнаго. Все это дорого, какъ память о замѣчательномъ научномъ дѣятелѣ, одномъ изъ первыхъ —

если не по времени, то по достоинству — учениковъ Востокова, умѣвшемъ соединить въ себѣ уваженіе къ заслугамъ другихъ и полную самостоятельность мысли и работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ научно важный источникъ свѣдѣній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть ничѣмъ незамѣнимый. Собственныя письма Прейса дороги еще и потому, что дають понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ, глубоко нравственномъ, добромъ по природѣ и по выработкѣ характера въ помыслахъ и въ дѣйствіяхъ.

II.

Викторъ Ивановичъ Григоровичъ родился въ 1815 году въ Балтѣ, воспитывался до восьми лѣтъ дома — подѣ болѣе сильнымъ вліяніемъ матери Польки, чѣмъ отца, Малорусскаго помѣщика, чиновника, а потомъ въ Уманскомъ уніатскомъ училищѣ, подѣ вліяніемъ монаховъ василіанъ. Юношею по 16-му году вступилъ онъ въ студенты Харьковскаго университета по словесному факультету, и оставшись въ немъ три года, окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ въ 1833 г. Скромный, застѣнчивый, можно сказать, боязливый, онъ хотя и не удалялся отъ товарищей, но сближался съ очень немногими изъ нихъ, и даже сблизившись оставался робкимъ въ отношеніяхъ съ ними, какъ будто скрытнымъ, недовѣрчивымъ. Это была недовѣрчивость не къ товарищамъ, а къ самому себѣ, къ каждому своему поступку, къ каждому слову. Такимъ онъ былъ и въ той семьѣ, гдѣ по близости съ сыномъ доброй матери былъ принятъ родственно радушно. Еще рѣзче выказывалась эта сторона его нрава въ отношеніяхъ къ профессорамъ; передъ ними онъ былъ еще болѣе робокъ: нерѣшительный, постоянно сомнѣвающійся въ отвѣтахъ, онъ не рѣдко выказывалъ на испытаніи даже полное незнаніе того, что зналъ и зналъ лучше другихъ. Эта особенность его нрава, происшедшая можетъ быть отъ воспитанія, была главною причиною неблистательнаго окончанія имъ университетскихъ курсовъ, тогда какъ товарищи его пользовались его помощію, чтобы выдерживать испытанія съ большимъ, чѣмъ онъ, успѣхомъ. Не только профессорамъ, но и товарищамъ, кромѣ двухъ-трехъ, не была извѣстна его склонность увлекаться историческими и поэтическими образами, складностью и звучностью рѣчи, особенно стиховъ.

Осталась почти неизвѣстною и его любознательность, дававшая ему такія свѣдѣнія вѣнъ круга факультетскихъ предметовъ, какихъ никто изъ его товарищей не имѣлъ. Вѣроятно эта любознательность съ желаніемъ большихъ успѣховъ повлекла его въ Дерптскій университетъ, гдѣ его ожидала, между прочимъ, возможность освоиться болѣе съ Греческимъ языкомъ и Греческою литературою, чего онъ не могъ достигнуть въ Харьковскомъ университетѣ по слабости преподавателя. Ожидала его тамъ и возможность ознакомиться съ Нѣмецкой философіей, которая въ Харьковѣ уже издавна была не въ ходу, уступивъ свое мѣсто философіи Шотландской и Французской, и проникала въ умы молодежи только изъ случайно попадавшихъ ей подъ руку книгъ — и то не столько въ своей новѣйшей Гегелевской постановкѣ, сколько въ Шеллинговской. Григоровичъ увлекся философіей Гегеля. Въ Дерптѣ онъ получилъ степень кандидата и сблизился съ нѣкоторыми изъ молодыхъ Русскихъ ученыхъ, приготовлявшихся къ профессорскому званію, всего болѣе съ И. Я. Горловымъ, умѣвшимъ оцѣнить его внутреннія достоинства. И. Я. Горловъ, сдѣлавшись профессоромъ Казанскаго университета, былъ главнымъ виновникомъ и того, что въ Казанскомъ университетѣ нашлось мѣсто и Григоровичу, прежде всего какъ преподавателю Греческаго языка, въ 1839 г. Уже не Греціей однако увлекался онъ душою въ то время. Онъ пользовался знаніемъ Греческаго языка, какъ средствомъ для жизни; а любознательность его витала въ другомъ мірѣ, въ Славянскомъ. Григоровичъ занялся Славянствомъ еще въ Дерптѣ. Знаніе Польскаго языка, которое онъ усвоилъ съ дѣтства, само по себѣ было слишкомъ незначительно, какъ притягательная сила для его перехода изъ древняго міра въ Славянскій; занятія въ Дерптѣ сами по себѣ такъ же не могли дѣйствовать на его душу въ этомъ отношеніи. Всего легче могло быть это слѣдствіемъ вліянія такого труженика, преданнаго занятіямъ Славянской филологіи, какимъ былъ въ то время въ Дерптѣ П. И. Прейсъ; но едва ли они были даже знакомы другъ съ другомъ, не только близки.

Какъ бы то ни было, только Григоровичъ и вызванъ былъ въ Казань для приготовленія себя къ занятію каведры исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій, занимался въ Казани Славянствомъ, приготовлялся къ испытанію на степень магистра по Славяно-русской филологіи, изучалъ подробности древней Славянской литературы для диссертациі на эту степень. Она вышла подъ названіемъ: «Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ, часть I: 1 и 2 эпохи» (напечатана въ Учен. Запискахъ Казанскаго университета: 3-я книга 1842 г. и отдѣльно въ 1843 г.). Это было явленіе очень замѣчательное для своего времени. До его выхода въ свѣтъ былъ изданъ только одинъ трудъ такого рода: *Geschichte der Slawischen Sprache nach und Literatur aller Mundarten*, П. Шафарика, вышедшее въ свѣтъ въ 1826 году, слишкомъ за четверть вѣка передъ тѣмъ, могшее для Григоровича быть важнымъ только по соображенію открытій, сдѣланныхъ до 1825 года. Григоровичъ долженъ былъ самъ трудиться для отысканія свѣдѣній, обнародованныхъ послѣ книги Шафарика, и успѣлъ найти почти все, что было нужно. Можетъ быть Григоровичъ даже и книги Шафарика не имѣлъ подъ рукою, такъ какъ ни разу не сослался на нее, и слѣдовательно долженъ былъ выработать свой трудъ при значительно бѣльшихъ усиліяхъ подбора данныхъ изъ частныхъ пособій и изъ источниковъ. Пособій у него было много, и все такія, на которыя нельзя было не положиться, между прочимъ и сочиненія Шафарика позже вышедшія, Мацѣвскаго, Копитара, Вишневскаго и другихъ западно-Славянскихъ изслѣдователей, а равно и Русскихъ. Двумя особенными чертами отличается опытъ Григоровича отъ другихъ Русскихъ и не Русскихъ трудовъ по исторіи литературы того и прежняго времени. Во первыхъ онъ оживленъ философскимъ направленіемъ, въ силу котораго всѣ явленія, взятая во вниманіе, представлены не только въ систематически стройномъ порядкѣ, но и философски развитою связью причинъ и послѣдствій. Во вторыхъ, въ этомъ опытѣ литература Славянъ представлена не отдѣльно сама по себѣ, а въ связи съ политическими судьбами народа и вмѣстѣ съ

тѣмъ въ связи съ ходомъ событій политическихъ и литературныхъ въ другихъ странахъ Европы. Кромѣ того она замѣчательна и по подбору данныхъ о важнѣйшихъ древнихъ памятникахъ, тогда извѣстныхъ, и объ особенностяхъ ихъ языка. Опытъ доведенъ до конца XIV вѣка, и временемъ раздѣла двухъ «эпохъ» какъ называлъ сочинитель, взята половина XI вѣка.

Покончивъ съ магистерскою степенью Григоровичъ приглашенъ былъ читать лекціи въ университетѣ по Славянской каедрѣ и читалъ годъ — съ осени 1843 до лѣта 1844 года. Уже приготовленный домашними учеными занятіями и выработкою своихъ знаній для своихъ слушателей, Григоровичъ отправился въ путешествіе по Славянскимъ землямъ. Проѣздомъ черезъ Харьковъ онъ остановился въ немъ, и мы сошлись, какъ товарищи, уже подвизавшіеся на новооткрытой каедрѣ. Мы были знакомы и прежде, когда онъ былъ близкимъ товарищемъ моего брата по студенчеству, и былъ у насъ принятъ какъ родной. Затѣмъ мы сблизились болѣе, когда онъ уже выдержавши испытаніе на степень магистра Славянской филологіи, ѣздилъ черезъ Харьковъ на родину, и по возвращеніи въ Казань долженъ былъ начать свои Славянскія чтенія. Тогда мы лучше поняли другъ друга, и я не могъ не оцѣнить его, какъ увлеченнаго труженика науки, очень начитаннаго и много думавшаго. Теперь явился онъ мнѣ еще въ новомъ свѣтѣ, какъ ученый, предпринимающій путешествіе со строго обдуманною цѣлю, понятою совершенно самостоятельно, совершенно отличною отъ тѣхъ цѣлей, какія имѣли въ виду всѣ мы другіе, прежде него ѣздившіе въ Славянскія земли, важною, тяжело исполнимою, но для его рѣшимости неизмѣнною.

Онъ выбралъ для своего путешествія путь открытій памятниковъ, остававшихся никому неизвѣстными, и потому рѣшился начать путешествіе съ земель Турецкихъ. И долго послѣ путешествіе для Русскаго по Турціи было затруднительно; тяжело оно было въ то время. Тяжелѣе, чѣмъ кому оно должно было быть для Григоровича, робкаго, нерѣшительнаго, ненаходчиваго. Такимъ оно и было.

Онъ вытерпѣлъ столько, что его ненапрасно «мученикомъ» называлъ послѣ Надеждинъ, съ которымъ онъ встрѣчался на пути раза два или три. Нѣкоторыя черты своихъ страданій онъ отмѣтилъ въ своихъ отчетахъ университету, которые потомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ появились отдѣльною книгой подъ названіемъ Очерка путешествія по Европейской Турціи (и въ 3-й книжкѣ Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета за 1848 годъ). Но страдалъ онъ ненапрасно: онъ домогся таки до памятниковъ, никѣмъ изъ изслѣдователей дотогѣ невидѣнныхъ и никому неизвѣстныхъ, сдѣлалъ описи ихъ, вымѣтки изъ нихъ, а нѣкоторые и приобрѣлъ въ собственность. вмѣстѣ съ тѣмъ собралъ такъ же, какъ новости, много свѣдѣній мѣстныхъ—частію о народѣ и народныхъ преданіяхъ, частію о разныхъ мѣстностяхъ, важныхъ для древней исторіи Славянъ и для Славянскаго языка. Книга его о путешествіи по Турціи остается и вѣроятно еще на долго останется важнымъ источникомъ первоначальныхъ свѣдѣній по политической исторіи, по исторіи христіанства и письменности, по палеографіи и дипломатикѣ южныхъ Славянъ. Путь его изъ Одессы и Константинополя направился въ Солунь, въ монастыри Аѳонской горы, Битоля, Охриду, монастырь св. Наума на Охридскомъ озерѣ, Слѣнченскій монастырь, Трескавецкій монастырь, Велесь, Сереть, Рыльскій монастырь, Софію, Филиппополь, Казанлыкъ, Шипку, Габрово, Терново, Свиштово, Рушукъ. Въ свой «Очеркъ» Григоровичъ внесъ очень много драгоцѣнныхъ указаній, которыми нельзя не пользоваться какъ важнымъ источникомъ. Дальнѣйшее путешествіе Григоровича по Валахіи, Венгріи, въ Вѣну и изъ нее въ Краину, Венецію, Далмацію и Черногорію, изъ Далмаціи въ Кроацію и Славонію и опять въ Вѣну, потомъ въ Моравію и Чехію, хотя и продолжалось довольно долго, не было и не могло быть такимъ важнымъ по послѣдствіямъ какъ путешествіе по Турціи: Григоровичъ останавливался большею частію въ городахъ и въ нихъ обозрѣвалъ важные памятники, сближался съ учеными и съ мѣстными наблюдателями, запасался рѣдкими книгами, останавливался на нѣкоторыхъ за-

мѣстныя рукописяхъ, частію и на нѣкоторыхъ особенностяхъ мѣстныхъ нарѣчій; но едва ли не болѣе былъ полезенъ другимъ своими сообщеніями, чѣмъ самъ пользовался ихъ сообщеніями. Нѣкоторыя изъ его сообщеній были напечатаны въ Западно-Славянскихъ изданіяхъ: Болгарскія пѣсни, имъ сообщенныя, изданы въ Хорватскомъ повременникѣ «Kolo» 1847 года (IV: 37—56, V: 24—57); свѣдѣнія и изслѣдованія о Климентѣ Болгарскомъ въ Чешскомъ *Časopisu Českého Museum* 1847 года (I: 508—521), и др. Въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ П. П. Шафарика (какъ на пр. въ изслѣдованіи о мѣстныхъ названіяхъ Болгарскихъ (*Čas. Čes. Mus.* 1847, II: 572) видны слѣды свѣдѣній, сообщенныхъ Григоровичемъ.

Онъ воротился въ Россію весною 1847 года, пробывъ въ путешествіи за границей нѣсколько болѣе 2½ лѣтъ. Въ Петербургѣ мы опять сошлись, и видались, какъ въ Харьковѣ, почти ежедневно. Онъ уже не былъ такъ застѣнчивъ, какъ былъ прежде, и сталъ гораздо болѣе общителенъ, хотя иногда и съ недовѣрчивостью — то къ самому себѣ, то къ другимъ. Собранныя имъ сокровища онъ не скрывалъ, даже позволялъ ими пользоваться. По его рукописямъ я почти что началъ заниматься глаголическою письменностью и при этомъ пользовался его указаніями и объясненіями. Онъ съ радостною готовностью, можно сказать, съ увлеченіемъ отвѣчалъ на всѣ распросы и самъ вызывалъ вопросы на отвѣты, по которымъ былъ богатъ свѣдѣніями. Онъ былъ преданъ глаголицѣ какъ религіозной святынѣ, готовъ былъ всякого вводить въ ея таинства. Не ею впрочемъ одною занятъ былъ умъ его. Не съ меньшимъ увлеченіемъ онъ высказывалъ и свои домыслы о древнѣйшемъ времени литературной дѣятельности Славянъ — особенно въ Болгаріи, и свои взгляды на новѣйшіе изслѣдовательные труды по этому предмету западно-Славянскихъ и Русскихъ ученыхъ, воздавая каждому свое. Часть его разысканій, сюда относящихся, издана тогда же (въ *Журналѣ* мин. нар. проsv. 1847: *Изысканія о Славянскихъ апостолахъ въ Европейской Турціи*). Кромѣ этого занимали его

умъ и нѣкоторыя другія стороны историко-литературныхъ изслѣдованій, и между другимъ, болѣе всѣхъ другихъ связи Византійской Греціи со Славянствомъ и Византійская древность и исторія вообще. Это было мнѣ тогда почти совершенно чуждо и становилось дорого — по увлеченію, оживлявшему его бесѣду объ этомъ, по огромному запасу его знаній, по смѣлости соображеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по труду надъ нѣкоторыми Византійскими памятниками совмѣстно съ Н. И. Надеждинымъ. Часть его работъ этого отдѣла появилась въ печати (въ Журналѣ мин. нар. проsv. 1847: Протоколы Константинопольскаго патріархата).

Въ томъ же 1847 году Григоровичъ приступилъ въ Казани къ чтеніямъ по своей кафедрѣ, и сколько мнѣ извѣстно, одновременно читалъ и о древностяхъ и о литературѣ Славянъ, занимая при томъ слушателей какъ чтеніями образцовъ древняго и новаго языка, такъ и разборомъ древнихъ памятниковъ по подлинникамъ и снимкамъ приготовлявшимся самими слушателями. И въ Казани какъ и въ другихъ университетахъ того времени отъ очень и очень немногихъ можно было ожидать хоть небольшой рѣшимости заниматься изученіемъ Славянства какъ дѣломъ научно важнымъ; тѣмъ не менѣе Григоровичъ своимъ личнымъ увлеченіемъ, своею готовностью всякому желающему заняться помогать всѣмъ, чѣмъ только могъ, привлекалъ слушателей не только къ себѣ но и къ предметамъ, его занимавшимъ. Въ концѣ 1848 г. по особеннымъ обстоятельствамъ Григоровичъ переведенъ былъ профессоромъ въ Московскій университетъ и остался тамъ слишкомъ годъ; а за тѣмъ опять воротился въ Казань, гдѣ и оставался до 1864 г., преподавая Славянскую филологію по той программѣ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія, по которой введено было преподаваніе этого предмета въ Петербургѣ еще въ 1847 году, но совершенно самостоятельно какъ относительно частныхъ содержанія, такъ и относительно убѣжденій.

Не лишнимъ будетъ дать здѣсь мѣсто нѣсколькимъ небольшимъ выдержкамъ изъ воспоминаній о Григоровичѣ какъ преподавателѣ Казанскомъ. Одно изъ нихъ, и сочувственное и вмѣстѣ

безпристрастное (Древ. и Нов. Россія. III: 11: 75) даетъ свѣдѣнія о Григоровичѣ, какъ о преподавателѣ начинающемъ:

«Григоровичъ началъ читать свои лекціи по Славянскимъ нарѣчіямъ третьему курсу словеснаго факультета. Онъ ознакомилъ насъ съ этнографіей и весьма кратко съ исторіей Славянскихъ народовъ, и потомъ изложилъ въ главныхъ чертахъ особенности языковъ Чешскаго, Сербскаго, Болгарскаго, Лужицкаго и Хорватскаго. Для переводовъ онъ выбиралъ статьи и отрывки преимущественно изъ народной поэзіи. Студентамъ, желавшимъ ближе познакомиться со Славянскими языками, онъ охотно давалъ книги изъ своей библіотеки. Изъ бывшихъ на нашемъ курсѣ одиннадцати человѣкъ только двое-трое интересовались лекціями Григоровича и онъ радовался даже этому скудному числу внимательныхъ слушателей.... Непривлекательная внѣшность чтенія вполнѣ и съ лихвой искупалась внутреннимъ достоинствомъ его лекцій. Онъ читалъ съ искреннею любовью къ своему предмету, съ полной готовностью дѣлиться со своими слушателями всѣми своими знаніями и помочь имъ въ занятіяхъ. Онъ относился къ студентамъ, какъ къ любимымъ товарищамъ, искренно радовался каждому, даже незначительному ихъ успѣху. Скромность и добросовѣстность истиннаго ученаго проявлялась въ каждой его лекціи, даже можно сказать въ каждой его фразѣ. Если ему случалось, припоминая что на лекціи, сдѣлать какую-нибудь ошибку, онъ на слѣдующій разъ объявлялъ о томъ слушателямъ, откровенно сознаваясь въ промахѣ. У себя онъ принималъ каждого студента радушно, снабжалъ его книгами, давалъ совѣты въ занятіяхъ, съ полной готовностью дѣлалъ для него все, что могъ сдѣлать».

Подобные отзывы о Григоровичѣ случалось мнѣ слышать и послѣ отъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ его слушателей— между прочимъ и отъ тѣхъ, которые, перейдя въ здѣшній университетъ, становились моими слушателями: ихъ уваженіе къ нему выражалось въ нихъ между прочимъ и въ бережи, съ какою сохраняли они записки по его курсамъ и особенно его собственноручныя замѣтки.

Григоровичъ занималъ своихъ слушателей и палеографиче-

скими работами. Читалъ ли онъ въ университетѣ цѣльный курсъ палеографіи, мнѣ неизвѣстно; но, приглашенный именно для этого Духовною академіей, онъ преподавалъ Славянскую палеографію студентамъ Академіи въ продолженіи двухъ лѣтъ. Вотъ что между прочимъ сообщилъ объ этомъ И. Я. Порфирьевъ (Правосл. Соб. 1877: № 78). Григоровичъ преподавалъ палеографію въ Духовной академіи (въ 1854—1856 гг.) безмездно. Для миссіонерской цѣли, конечно, достаточно было сообщить студентамъ только самыя простыя и краткія палеографическія свѣдѣнія; но В. И. придалъ своему преподаванію болѣе широкія рамки, чѣмъ требовалось указанною цѣлію. Онъ хотѣлъ не только научить студентовъ пользоваться старинными рукописями и книгами важными въ полемическомъ отношеніи, но и приготовить ихъ вообще къ разбору, изученію и изданію памятниковъ древне-Славянской письменности, и потому читалъ палеографію подробно въ связи со Славянскими нарѣчіями вообще и особенное вниманіе обращалъ на древне-Славянскій языкъ ¹⁾. Что касается до характера преподаванія

¹⁾ И. Я. Порфирьевъ сообщилъ и извлеченіе изъ программы В. И. Григоровича: — «1. Замѣчанія о письменности Славянъ вообще. Черты, рѣзы. Глаголита. Кириллица. Связь спора о кириллицѣ и глаголитѣ съ вопросомъ объ органическомъ образованіи древне-славянскаго языка. Возможность рѣшить этотъ вопросъ на основаніи палеографіи. Труды ученыхъ славянистовъ основаны преимущественно на палеографіи: І. Добровскій, А. Х. Востоковъ, митр. Евгеній, Копитаръ, Шафарикъ и Миклошичъ. Изданія палеографическія. 2. Рукописи глагольскія и кирилловскія 1-го разряда. Отличія глаголиты отъ кириллицы. Знаки на древнѣйшихъ рукописяхъ; ударенія; просодія. Откуда вышли древнѣйшія рукописи? Замѣчанія о Болгарскомъ языкѣ; чтеніе Болгарское. 3. Рукописи со знаками ъ и ь, смѣшиваніе ж и ѡ, ѣ и я; съ какихъ рукописей онѣ переписаны? Ихъ древность. Ютированье, удареніе. Предположеніе, что древній Славянскій языкъ есть Хорутанскій (Паннонскій), Сербскій, Болгарскій. Замѣчанія о Сербскихъ и Хорутанскихъ звукахъ. Чтеніе Сербское. 4. Рецензіи. Болгарская средняя рецензія. Попытка возстановить древнѣйшую рецензію въ Терновѣ; ударенія. Сербская рецензія; чтеніе Сербское. 5. Когда возникла Болгарская средняя рецензія, когда Сербская? Русская рецензія; ея древность; слѣды ея въ Остромировомъ евангеліи, въ Сборникѣ Святослава. Ея признаки. Могла ли быть еще рецензія Южно-Русская, Чешская? ... Чтеніе Чешское. 6. Способъ опредѣлять древность и мѣстность рукописей. Начертаніе, употребленіе буквъ.... Чтеніе Польское. Угровлахійскія рукописи.

В. И. и его вліянія на студентовъ, то объ этомъ излишне было бы распространяться: кто зналъ В. И., для котораго не было въ жизни ничего дороже и важнѣе его науки и который въ ея преподаваніе вносилъ всю силу своей страстной любви къ ней, тотъ можетъ представить, какое сильное впечатлѣніе на студентовъ производили его лекціи... Нѣкоторые студенты такъ сильно заинтересовались палеографіей и Славянскими нарѣчіями, что пожелали изучать ихъ специально и предпочитали многимъ другимъ предметамъ... Въ тоже время онъ своимъ преподаваніемъ возбуждалъ въ молодомъ поколѣніи Академіи интересъ и къ Славянской наукѣ вообще и развилъ въ немъ вкусъ къ памятникамъ древне-Славянской письменности».

Часть его чтеній и нѣкоторые изъ памятниковъ, на которые онъ обращалъ вниманіе въ чтеніяхъ, появлялись въ Московскихъ и Петербургскихъ повременныхъ изданіяхъ и въ Казани. Прежде другихъ вышли: Памятники XV вѣка (Временникъ 1850: V), Чтеніе о древней письменности Славянъ (въ присутствіи министра 17 сент. 1857 г. Журн. мин. нар. проsv. 1852: 3), Записка о древнѣйшихъ памятникахъ церковно-Славянскихъ (Извѣстія 2-го Отд. Импер. Акад. Наукъ 1: 86—), Статьи касающіяся древняго Славянскаго языка (Казань 1852), гдѣ, кромѣ рѣчи о значеніи церковно-Славянскаго языка, и выше отмѣченной Записки, помѣщенъ обзоръ трудовъ касающихся древняго Славянскаго языка, а за тѣмъ предварительныя свѣдѣнія о литературѣ Церковно-Славянской. Эта статья была особенно важна въ то время и не потеряла значенія до сего времени — по самостоятельному взгляду на глаголицу, которая въ то время никому не была и не могла быть такъ хорошо извѣстна какъ Григоровичу, пользовавшемуся своими драгоценными руко-

7. Уставъ и его время, его происхожденіе. Полууставъ. Скоропись. Матеріалы, на которыхъ писали. Палимпсесты. Что такое книга, буквы, дѣска, скрижаль? Переходъ къ книгопечатанію: Глаголитское и кирилловское книгопечатаніе; буква. Важность первопечатныхъ книгъ для палеографіи. Болгарская, Сербская, Русская рецензія первопечатныхъ книгъ... Чтеніе Сербское и Чешское».

писями — тогда какъ другимъ изслѣдователямъ, кромѣ немногаго изданнаго и того, что сообщено было самимъ Григоровичемъ, неизвѣстными оставались и тѣ глаголическія памятники, которые хранились въ западно-Европейскихъ хранилищахъ. Въ 1853 году вышло его описаніе глаголическаго четвероевангелія съ выписками (Извѣстія. II: 241). Въ 1854 году вышло его изданіе Посланія Рус. митрополита Іоанна II — въ Греческомъ подлинникѣ (Ученыя Записки 2-го Отд. Акад. Наукъ 1).

Къ 1858 году относится его превосходная рѣчь о Сербіи и отношеніяхъ къ ней сосѣднихъ державъ преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ (изд. въ Казани въ 1859 г. см. о ней въ Изв. VIII: 122). О другихъ трудахъ и нѣкоторыхъ предметахъ своихъ изслѣдованій того времени онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія въ особенномъ письмѣ (которое тогда же мною издано въ Извѣстіяхъ VII: 219—223).

Въ 1862 г. Григоровичъ издалъ въ Казани Древне-Славянскій памятникъ, дополняющій житіе Славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія, т. е. каноны имени ихъ съ примѣчаніями (другое изданіе вышло въ Кирилло Меѳодіевскомъ Сборникѣ 1865 г.: стр. 235 и ц.).

Въ 1863 г. литографически изданы нѣкоторыя части его университетскихъ лекцій: о Славянскихъ нарѣчіяхъ и о церковно-Славянскомъ языкѣ.

Въ 1864 г. Григоровичъ перешелъ на службу въ Одессу въ новый Новороссійскій университетъ. Желалъ онъ этого для своего здоровья, чтобы быть ближе къ родинѣ, быть можетъ и въ надеждѣ найти на новомъ полѣ болѣе обильную жатву. Эта надежда впрочемъ, если она была, скоро исчезла: въ Одессѣ пришлось ему сойтись и съ такими южными Славянами, въ которыхъ онъ не нашелъ ни малѣйшей искры сочувствія къ тому, что занимало его умъ и чувство; да и въ слушателяхъ своихъ онъ не могъ пробудить того рвенія къ труду, которое было необходимо для поддержанія его собственнаго рвенія. Недостатокъ высшаго сочувствія къ нему едва ли не былъ главною причиною,

что въ немъ стали опять развиваться внутренняя недовѣрчивость и къ себѣ и къ другимъ.

И прежде увлекавшійся то тѣмъ то другимъ частнымъ вопросомъ, онъ въ Одессѣ жилъ самодовольнѣе только тогда, когда могъ увлечься чѣмъ нибудь; но не находя близъ себя никого, съ кѣмъ бы могъ подѣлиться своимъ увлеченіемъ, онъ и самъ сталъ увлекаться научными работами все менѣе и не столько задачами Славянской филологіи, сколько другими, случайно ему встрѣчавшимися. Только по поводу нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, каковы были пріѣздъ нѣкоторыхъ ученыхъ изъ западныхъ Славянъ, археологическіе съѣзды, и другихъ подобныхъ, Григоровичъ или личными заявленіями или сообщеніемъ памятниковъ, которые онъ привозилъ съ собою, ворочался къ тому, чѣмъ не могъ онъ не дорожить какъ Славянскій филологъ. Такъ во время пріѣзда Славянъ а потомъ на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ Григоровичъ далъ возможность пользоваться нѣкоторыми изъ своихъ рукописей (Нѣкоторыя изъ нихъ вошли своими частями въ мой сборникъ Древнихъ памятниковъ юсоваго письма и въ Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ).

Труды послѣднихъ лѣтъ Григоровича, имъ изданные были:

— Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и на южные побережья Днѣпра и Днѣстра. (Одесса, 1874 съ картою).

— Отчетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1875 г. (Записки Новороссійскаго университета XX томъ): изъ этого отчета видно, что Григоровичъ продолжалъ заниматься землею и населеніемъ южной Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ о началіи фотолитографическаго изданія части своихъ памятниковъ.

— Записка о пособіяхъ къ изученію южно-Русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба (Записки Новорос. унив. XX т. и отдѣльно въ 1876 съ картой).

— Записка объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ (Записки Новорос. унив. XXI, и отдѣльно въ 1876 г.).

Въ 1875 г. Григоровичъ былъ выбранъ на новое пятилѣтїе профессорской службы въ Новороссійскомъ университетѣ; но скоро, недовольный и собою и другими, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и уединенно поселился въ Елисаветградѣ съ мыслию продолжать свои ученыя занятія. Не долго ему пришлось попользоваться этимъ уединеніемъ, если только онъ, разстроенный душевно а затѣмъ и тѣлесно, могъ имъ пользоваться: 19-го декабря 1876 г. онъ скончался.

Остались послѣ него рукописи: онѣ приобрѣтены Московскимъ публичнымъ музеемъ. Остались книги: онѣ конечно тоже будутъ пущены въ продажу, и жаль, если будутъ проданы безъ разбора, потому что у Григоровича были и очень рѣдкія. Тѣмъ болѣе жаль, если не найдутъ себѣ уютнаго мѣста для сохраненія оставшіяся послѣ него начатыя или и законченные труды, или какія нибудь собранія ученыхъ замѣтокъ. Изъ нѣкоторыхъ сообщеній видно впрочемъ, что не должно пропасть почти ничто цѣнное изъ его научнаго достоянія.

Здѣсь къ стати привести свѣдѣніе о бумагахъ В. И. Григоровича, которыя приняты на храненіе въ Московскій публичный музей, сообщенное мнѣ нашимъ заслуженнымъ ревнителемъ сохраненія древнихъ и старинныхъ памятниковъ письменности и всякаго рода посмертныхъ останковъ дѣятельности людей науки, А. Е. Викторовымъ. Вотъ что хранится теперь въ музеѣ:

1. Черновыя записки путешествія Григоровича по Европейской Турціи и Славянскимъ землямъ: 4^о: около 200 лл.
2. Изслѣдованія по исторіи Славянъ—большею частію въ отрывкахъ: 4^о: около 200 лл.
3. Университетскія лекціи по Славянской исторіи и филологіи, рукописныя и литографированныя: 4^о: около 500 лл.
4. Записныя книги по ученымъ работамъ, преимущественно по филологіи и библіографіи: 16 книжекъ 8^о и двѣ 4^о: до 1,000 лл.
5. Отрывки изъ ученыхъ работъ по Славянской филологіи и библіографіи: 4^о: около 400 лл.

6. Копи съ памятниковъ по Славянской исторіи и письменности: 8°: около 300 лл.

7. Копи съ памятниковъ Славянской литературы письменной и народной: 4°: около 250 лл.

8. Переписка Григоровича, относящаяся къ его путешествію: 8°: до 200 лл.

9. Черновыя письма Григоровича къ ученымъ, роднымъ и другимъ лицамъ: 8°: до 150 лл.

Изъ этого перечня не видно, сохранилась ли въ бумагахъ Григоровича переписка его съ учеными послѣ путешествія, и видно, что въ этихъ бумагахъ нѣтъ бѣловаго списка Очерка путешествія Григоровича по Европейской Турціи, приготовленнаго имъ для изданія, списка, которымъ пользовались нѣкоторые ученые. Уже ли его постигнетъ такая же судьба, какая постигла изслѣдованіе Прейса о Богумилахъ? Нельзя не желать, что бы тотъ, у кого какъ нибудь случайно остался этотъ списокъ, внесъ его на храненіе туда, гдѣ хранится уже лучшая доля достоянія, оставшаяся отъ Григоровича. Нельзя не желать, чтобы все это не только временно хранилось; но и на всегда осталось въ Московскомъ музеѣ, — и желать это позволительно тѣмъ болѣе, что все это, за исключеніемъ древнихъ рукописей, не представляетъ собою цѣнности, годной для продажи.

Нельзя не желать такъ же, что бы по крайней мѣрѣ кое что изъ обозначенныхъ бумагъ, наиболѣе важное, было издано. Важны и многіе домыслы Григоровича; еще важнѣе его наблюденія, и всякаго рода матеріалы, имъ собранные. То и другое сообщал онъ разнымъ людямъ науки въ письмахъ; то и другое входило и въ составъ его университетскихъ чтеній; то и другое сохранилось, какъ видно, и въ отдѣльномъ видѣ. При этомъ нельзя терять изъ виду, что Григоровичъ предупредилъ многихъ другихъ въ поискахъ древнихъ памятниковъ Славянской письменности и памятниковъ народнаго языка и словесности, и отмѣтилъ между прочимъ то, что не только прежде не было отмѣчено, но и послѣ ушло отъ внимательности наблюдателей. Къ стати вспомнить объ его.

Очеркъ путешествія по Европейской Турціи: этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ научной наблюдательности едва ли когда перестанутъ дорожить Славянскіе филологи и археологи; но остаться въ такомъ видѣ съ такимъ множествомъ всякаго рода опечатокъ (а можетъ быть и случайныхъ описокъ) оно не должно. Очеркъ долженъ быть переизданъ съ возможно болѣе тщательнымъ устраненіемъ всего, мѣшающаго имъ пользоваться съ довѣренностію. Не знаю, и найденъ ли будетъ бѣловой списокъ Очерка, приготовленный самимъ Григоровичемъ; но если бы онъ и не былъ найденъ, все таки возстановленіе Очерка, въ достойномъ видѣ, нисколько не невозможно. Все, что изъ отмѣченнаго Григоровичемъ сдѣлалось извѣстно по трудамъ преосв. Порфирія, П. И. Савостьянова, арх. Леонида, Авраамовича, Гильфердинга и нѣкоторыхъ другихъ, можетъ быть провѣрено по этимъ трудамъ, большею частію изданнымъ или же по крайней мѣрѣ извѣстнымъ въ хорошихъ снимкахъ и спискахъ; все остальное можетъ быть провѣрено по рукописямъ и бумагамъ, хранящимся въ Московскомъ музеѣ, а можетъ быть частію и по тѣмъ, которыя Григоровичемъ пожертвованы въ бібліотеку Новороссійскаго университета. Я бы думалъ, что къ возстановленію Очерка слѣдуетъ приступить не ожидая того, что найдется бѣловой списокъ Григоровича, даже для того, что бы можно было легче провѣрить самый бѣловой списокъ, въ которомъ такъ же могли какъ нибудь проскользнуть кое какія невѣрности: Очеркъ долженъ быть изданъ не только какъ памятникъ дѣятельности Григоровича, но и какъ настольная книга для изслѣдователей.

Такъ или иначе должна быть доиздана и та часть глаголическаго четвероевангелія, которую Григоровичъ поручилъ картографическому заведенію для печатанія фотолитографическимъ способомъ. Нельзя не желать, чтобы хоть эта частичка его драгоценнаго собранія рукописей была издана такъ, какъ онъ могъ желать.

Григоровичъ умеръ на 62-мъ году жизни. Кто видѣлъ его не задолго до смерти, въ 1874 и 1875 гг., не могъ этого ожидать, глядя на его здоровое полное лице и слушая живую, одушевленную бесѣду его, приковывавшую къ нему его слушателей домыслами умнаго и ученаго изслѣдователя, поэтическими образами и свободнымъ богатствомъ изложенія, какъ это было на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ. Можно было напротивъ того надѣяться, что дѣятельность его, которою ознаменовались первые годы его научныхъ работъ по Славянской филологіи, возобновится опять, и что онъ додѣластъ то, что онъ могъ бы сдѣлать лучше всѣхъ своихъ собратій.

III.

Осипъ Максимовичъ Бодянской, скончавшійся 6 сент. 1877 года, родился 3-го ноября 1808 года въ мѣстечкѣ Варвѣ (Лохвицкаго уѣзда Полтавской губерніи) сыномъ священнослужителя.

Получивъ приготовительное образованіе въ Переяславской семинаріи, Бодянской вступилъ студентомъ въ Московскій университетъ по историко-филологическому факультету (въ 1831 г.) въ такомъ возрастѣ (почти 23 лѣтъ), когда другіе оканчиваютъ или уже и окончили университетское образованіе, но за то съ такими знаніями по философіи и древнимъ языкамъ, какія въ то время получали немногіе не только въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ большей части семинарій, стоявшихъ тогда въ этомъ отношеніи значительно выше свѣтскихъ, и съ такимъ навыкомъ къ терпѣливому и стойкому труду и съ такою любовательностію, что университетскіе преподаватели не могли его не отмѣтить какъ одного изъ наиболѣе достойныхъ уваженія слушателей. Его успѣхи упрочили за нимъ доброе вниманіе наставниковъ: черезъ три года по вступленіи въ университетъ, въ 1834 г. Бодянской получилъ степень кандидата; черезъ два года послѣ этого выдержалъ испытанія на степень магистра и въ 1837 г., въ слѣдъ за защищеніемъ диссертациі, утвержденъ въ этой степени.

Эта диссертациія была первымъ звѣномъ въ длинной цѣпи его трудовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указала опредѣлительно, въ какомъ кругѣ работъ думалъ сосредоточить свою дѣятельность новый труженикъ науки. Она была посвящена разработкѣ предмета въ то время совершенно новаго, можно сказать неизвѣстнаго. «О народной поэзіи Славянскихъ племенъ»: подъ такимъ заглавіемъ она вышла какъ довольно обширная книга, имѣя передъ собою только

нѣсколько отдѣльныхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ Русскихъ, Сербскихъ, Чешскихъ, Словацкихъ, Польскихъ, одинъ сводный сборникъ народныхъ пѣсенъ разныхъ Славянъ, выданный Чешскимъ поэтомъ Челяковскимъ въ подлинникѣ и въ Чешскомъ переводѣ (*Slovanské národní písně. V Praze. 1822—1827, въ 3-хъ книжкахъ*) и нѣсколько легкихъ статей о народной поэзіи, навѣянныхъ неопредѣленнымъ чувствомъ потребности уважать все народное, и болѣе ничего. Даже и позже еще долго самые страстные поклонники народной поэзіи оставались съ нею въ очарованномъ кругѣ мечтаній, заступавшихъ мѣсто изслѣдованій, не зная, какъ взяться за дѣло, какъ за дѣло науки. Немудрено, что первый научный опытъ Бодянскаго довольно долго оставался съ значеніемъ строго ученаго разбора и рѣшенія знатока. Нельзя сказать, что онъ уже утратилъ совершенно это значеніе — если не по частнымъ выводамъ, то по способамъ ихъ достиженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ по нѣкоторымъ основнымъ убѣжденіямъ. Таковы на пр. о поэзіи вообще: «всякая поэзія, чтобы быть самостоятельною, истинною поэзіей, должна быть народною; всякая народная поэзія съ достоинствами общечеловѣческаго искусства соединяетъ еще особенныя, свойственныя ей какъ достоянію одного особеннаго народа, и выдѣляется отъ другихъ разными чертами, сводящимися въ одно цѣлое, изображающими и характеръ этой поэзіи и характеръ народа, которому она принадлежитъ; и т. д.

Выборъ задачи для магистерской диссертациі не былъ рѣшеніемъ только частнаго пристрастія къ ней самого Бодянскаго: онъ былъ первымъ литературнымъ послѣдствіемъ одного изъ нововведеній Университетскаго устава 1835 года, которымъ въ числѣ каедръ историко-филологическаго факультета дано мѣсто каедрѣ исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій. Почти непосредственно за преобразованиемъ Московскаго Университета на каедру эту вошелъ одинъ изъ главныхъ представителей исторической Русской науки того времени, М. Т. Каченовскій, бывшій до того въ продолженіи двадцати семи лѣтъ профессоромъ то археологіи, то словесности, то исторіи и статистики Русской,

то исторіи и статистики всеобщей, приготовленный къ новому назначенію болѣе всѣхъ своихъ товарищей и все таки очень мало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вступившій тогда въ седьмой десятокъ лѣтъ жизни. На виду у Каченовскаго какъ будущій помощникъ его по кафедрѣ, былъ Бодянскій, ученикъ имъ любимый и по познаніямъ, и по трудолюбію, и какъ землякъ. Каченовскій сталъ поддерживать Бодянскаго въ занятіяхъ Славянскими нарѣчіями и былъ главнымъ виновникомъ выбора предмета для диссертациі — если не въ частности, то по крайней мѣрѣ вообще.

Когда съ открытіемъ кафедры Славянской предложено было университетамъ выбрать молодыхъ ученыхъ для путешествія по Славянскимъ землямъ, съ цѣлію приготовляться къ занятію этой кафедры, отъ Московскаго университета, непосредственно за утвержденіемъ Бодянскаго въ степени магистра, представленъ былъ онъ для этого путешествія, и съ соизволенія Государя Императора отправленъ въ путешествіе на два года, а за тѣмъ частію по ученымъ занятіямъ частію по болѣзни — остался за границею еще три года. Бодянскій былъ первый изъ отправленныхъ въ то время молодыхъ ученыхъ въ Славянскія земли и пробылъ въ путешествіи болѣе всѣхъ другихъ. Какъ дѣятеленъ былъ онъ во время этого путешествія, какъ старался воспользоваться всѣмъ, что представлялось ему нужнымъ для его научныхъ цѣлей, и знакомствами, и библіотеками, и пособіями для изученія нарѣчій и словесности, и источниками по исторіи Славянъ, это выражалось въ уважительныхъ отношеніяхъ къ нему Западно-Славянскихъ ученыхъ того времени. Къ сожалѣнію нѣтъ на виду достаточнаго числа подробностей о томъ, какъ расположилось все его путешествіе, когда чѣмъ и какъ онъ занимался, чего когда искалъ и достигалъ. Въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія напечатано только два его отчета: одинъ отъ 23 марта 1838 г., (XVIII: 323), а другой отъ 1 февраля 1839 г., (XXIII: IV: 15). Изъ перваго видно, что Бодянскій выѣхалъ за границу черезъ Южно-русскія земли. Остановившись въ Переяславлѣ, онъ занялся двумя харатейными евангеліями, изъ которыхъ одно (написанное

въ 1656 г.) съ особенностями Малорусскаго говора дало ему поводъ высказать нѣсколько убѣжденій о Старославянскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ онъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя изъ рукописей тамошнихъ библіотекъ. Изъ Кіева черезъ Варшаву и Бреславль, онъ пріѣхалъ въ Прагу, гдѣ въ первые четыре мѣсяца занимался «исключительно — систематическимъ усовершенствованіемъ себя въ старомъ и новомъ Чешскомъ, Словацкомъ, Верхне- и Нижне-Лужицкомъ языкахъ, ихъ исторіи литературы и исторіи народа». Изъ втораго отчета узнаемъ, что Бодянский пробылъ въ Прагѣ еще болѣе полугода, и съ апрѣля занимался древними Чешскими памятниками — по подлинникамъ. Лѣто до сентября онъ лѣчился въ Карлсбадѣ и Теплицѣ; сентябрь провелъ въ перѣздахъ по Чехіи для наблюденія надъ языками Чешскимъ въ устахъ самого народа. Въ октябрѣ онъ переѣхалъ въ Моравію, и посѣтилъ тамъ Оломуць, Брно и Райградъ, знакомясь съ дѣятелями и съ нѣкоторыми изъ памятниковъ. Въ числѣ памятниковъ съ полною довѣренностью въ подлинность онъ занялся монетами съ записью ПЕГННΣΕ (пенизе: пенязи) и Райградской Латинской рукописью, гдѣ Палацкимъ отмѣчены кирилловскія приписки какъ очень древнія. Переѣхавъ въ Вѣну, онъ сблизился съ тамошними дѣятелями, и изъ памятниковъ занялся исключительно Октоихомъ Ганкенштейна и «сдѣлалъ изъ него огромныя извлеченія и нѣсколько снимковъ». Изъ Вѣны Бодянский поѣхалъ въ Венгрію, гдѣ останавливался въ Пресбургѣ, потомъ, переѣхавъ черезъ сѣверные комитаты, спустился въ Пештъ и тамъ остался на зиму, сблизаясь съ дѣятелями и осматривая библіотеки. Изъ Пешта Бодянский предполагалъ проѣхать въ южную Венгрію, населенную Сербамъ, потомъ въ Турцію и именно въ Сербію и въ Болгарію, потомъ въ Седмиградію (Трансильванію), Буковину, Галицію, земли Венгерскихъ Русиновъ и Словаковъ, за тѣмъ къ Словинцамъ. «Заключая донесеніе — писалъ Бодянский — считаю обязанностию присовокупить, что въ теченіе годоваго моего пребыванія за границей, кромѣ ближайшаго знакомства съ исторіей и литературой Чешской, Польской, Словац-

кой и Сербской, я успѣлъ усвоить себѣ и языки этихъ четырехъ соплеменныхъ намъ народовъ, и имѣю твердую надежду то же сдѣлать и съ остальными Славянскими языками, т. е. Булгарскимъ, Словинскимъ, Лужицкимъ». Чтò именно исполнено Бодянскимъ изъ имъ предложеннаго, мнѣ остается неизвѣстнымъ. Знаю только, что долгая болѣзнь не могла не отнять у него много времени — если не по домашнимъ занятіямъ, то по крайней мѣрѣ по задачамъ путешествія. Въ своемъ послѣднемъ отчетѣ, вышедшемъ въ видѣ отдѣльной статьи (О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій. Журн. мин. нар. просв. за 1843 г. XXXVIII: II: 130) Бодянскій упомянулъ, что послѣ долговременнаго пребыванія въ Судетахъ, у Присница, возстановленный въ здоровьи, онъ прибылъ во Вратиславль (Бреславль) въ исходѣ апрѣля 1842 г. и оттуда думалъ поѣхать въ Лужицы; но прежде этого рѣшился заняться во Вратиславлѣ. Здѣсь, почти въ концѣ лѣта, подъ самый конецъ путешествія, мы сошлись съ нимъ, когда и онъ и я передъ возвратомъ на родину имѣли въ виду только нѣкоторыя изъ Польскихъ мѣстностей. вмѣстѣ мы поѣхали въ Познань и потомъ въ Варшаву, вмѣстѣ приѣхали и въ Вильну, откуда онъ направился въ Москву, а я, желая хоть нѣсколько ознакомиться съ Бѣлоруссами, поѣхалъ на югъ. Жили мы вмѣстѣ въ одной комнатѣ и работали въ Познани; а въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, живя стѣна объ стѣну, видались очень часто. Вездѣ, гдѣ мы останавливались, онъ находилъ себѣ работу, и работалъ изо дня въ день цѣлый день, вставая рано и ложась поздно. Особенно занимался онъ выписками изъ рукописей, которыя мы получали на домъ: чтò онъ выписывалъ, я большею частію не зналъ, но выписывалъ онъ цѣлыми тетрадами. Позже оказалось — для чего онъ дѣлалъ выписки, хотя едва ли и доселѣ не осталось многое, имъ выписанное безъ употребленія.

Когда Бодянскій воротился въ Москву (въ сентябрѣ 1842 г.), Каченовскаго уже не было въ живыхъ (онъ умеръ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ), — и Бодянскій занялъ каведру исторіи и

литературы Славянскихъ нарѣчій какъ самостоятельный преподаватель въ званіи экстраординарнаго профессора — въ то же время, когда два другіе его товарища по цѣли путешествія начали такъ же преподаваніе въ двухъ другихъ университетахъ.

Какъ каждый изъ нихъ понялъ свои обязанности, какъ распредѣлилъ свое преподаваніе: знать это еще важнѣе, чѣмъ знать какъ каждый изъ отправленныхъ въ ученое путешествіе по Славянскимъ землямъ, совершилъ его съ цѣлію приготовиться къ занятію каѳедры. Этими новыми преподавателями начиналось университетское изложеніе науки новой не только для Россіи, но и вообще, науки по которой нельзя было университетскому преподавателю отвѣчать на неизбѣжный въ то время вопросъ «какихъ руководствъ придерживается онъ въ изложеніи предмета». Не было не только руководствъ, но даже ни одного опредѣлительно высказаннаго мнѣнія, что должно входить въ составъ курсовъ по этой новой каѳедрѣ. Не было оспариваемо только то, что преподаватели должны помочь своимъ слушателямъ въ изученіи главныхъ Славянскихъ нарѣчій и ознакомить ихъ съ достояніемъ западно-Славянскихъ литературъ; по какъ, въ какой степени, это оставалось на рѣшеніи доброй воли преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ самими преподавателями находимо было нужнымъ дать мѣсто и исторіи Славянъ, и этнографическому обзору Славянскаго племени, и Славянскимъ древностямъ, и грамматикѣ древняго Церковнаго-Славянскаго языка, и т. д. Министерство народнаго просвѣщенія не посылало отъ себя преподавателямъ никакихъ наставленій, какъ бы предоставляя выработать содержаніе преподаваемой новой науки самимъ преподавателямъ. Не могло бы, казалось, остаться безъ пользы для этого отбираніе отъ каждаго изъ преподавателей программъ ихъ курсовъ и сообщеніе ихъ для свѣдѣнія всѣмъ другимъ; но и этого дѣлано не было. Что, въ какомъ порядкѣ и какъ излагалъ проф. Бодянский оставалось извѣстнымъ только однимъ слушателямъ, — и уже отъ нихъ переходило по частямъ и случайно къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые желали имѣть объ этомъ свѣ-

дѣнія. Такъ между прочимъ сдѣлалось извѣстно, что, начиная съ перваго года преподаванія, проф. Бодянский постоянно посвящалъ часть своихъ изложеній объяснительному чтенію образцовъ нарѣчій Сербскаго, Чешскаго и Польскаго, и что эти чтенія при постоянномъ участіи самихъ слушателей были самыя полезныя. Еще извѣстно, что въ кругъ его преподаванія входили, кромѣ Славянскаго народоописанія по книжкѣ П. Шафарика, самимъ Бодянскимъ переведенной и изданной, разныя части исторіи литературы Сербской, Чешской и Польской, части политической исторіи Славянъ, части общесравнительной грамматики Славянскихъ нарѣчій, что всѣ или почти всѣ эти части преподаванія излагались пр. Бодянскимъ очень подробно, и по крайней мѣрѣ нѣкоторыя совершенно самостоятельно. Извѣстно такъ же, что проф. Бодянский усердно помогалъ заниматься изученіемъ Славянства тѣмъ изъ своихъ слушателей — студентамъ и окончившихъ студентскія курсы, которые избирали Славянство главнымъ предметомъ своихъ занятій, руководилъ ихъ учеными трудами, и т. п. Нѣкоторые изъ его слушателей отзывались объ его участіи въ ихъ трудахъ съ живою признательностью. На память объ этой дѣятельности проф. Бодянскаго осталось нѣсколько напечатанныхъ, очень замѣчательныхъ изслѣдованій, между прочимъ разборъ Сербо-лужицкихъ нарѣчій г. Новикова, Исторія Сербскаго языка г. Майкова и др.

Дѣятельнымъ и полезнымъ преподавателемъ, съ небольшимъ перерывомъ въ 1848—1849 гг., онъ оставался въ должности ординарнаго профессора до 1855 г., а потомъ въ званіи ординарнаго профессора, до 1868, когда принужденъ былъ выйти въ отставку. Въ послѣдніе годы жизни его исключительнымъ занятіемъ, кромѣ чтенія, было веденіе дѣлъ Общества исторіи и древностей, сосредоточивавшихся въ его рукахъ, и изданіе Чтеній этого общества, гдѣ онъ помѣщалъ и свои труды.

Что касается до литературной дѣятельности Бодянскаго, то она такъ обильна плодами, что стойкое трудолюбіе Бодянскаго можетъ быть поставляемо въ образецъ другимъ научнымъ дѣяте-

лямъ Русскимъ и не Русскимъ. Законченныхъ изслѣдованій и вообще изслѣдовательныхъ работъ имъ издано сравнительно не много; но за то число переводовъ и изданій памятниковъ и его собственныхъ, и имъ вызванныхъ и вышедшихъ подъ его надзоромъ — безъ преувеличенія можно сказать — огромно.

Непосредственно по возвращеніи изъ за границы Бодянской занялся переводомъ книжки извѣстнаго Чешскаго ученаго Шафарика, незадолго передъ тѣмъ изданной подъ названіемъ *Slovanský národopis* — Славянское народоописаніе, и издалъ ее въ Москвитинѣ и отдѣльно (1843). Нѣсколько позже Бодянской принялся за полный переводъ другаго, гораздо болѣе важнаго произведенія Шафарика, его Славянскихъ древностей (*Slovanské starožitnosti*). Еще до выѣзда своего за границу въ 1837 г. Бодянской предпринялъ изданіе своего перевода этого важнаго произведенія; но тогда напечатано было только начало его въ двухъ книгахъ. Въ 1848 году явился полный переводъ всего произведенія въ пяти книгахъ. Еще позже были имъ приготовлены и изданы переводы нѣсколькихъ частныхъ изслѣдованій Шафарика. Вообще говоря, Русскія цѣнители заслугъ этого Чешскаго ученаго, не знающіе Чешскаго нарѣчія, обязаны знакомствомъ съ его трудами болѣе всего Бодянскому и почти ему одному. Нельзя при этомъ забыть, что Бодянской, оставаясь въ постоянно близкихъ сношеніяхъ съ Шафарикомъ, оставался постоянно и горячимъ читателемъ его заслугъ и мнѣній, какимъ могъ быть только безусловный его послѣдователь.

Вмѣстѣ съ Шафарикомъ Бодянской уважалъ и Палацкаго, не менѣе извѣстнаго Чешскаго дѣятеля, — и не только другихъ поощрялъ къ изученію и переводу его произведеній, но и самъ перевелъ нѣсколько его статей, которыя послѣ и напечаталъ.

Въ ряду западно-Славянскихъ писателей, съ которыми Русскихъ читателей познакомилъ Бодянской въ первые годы по возвращеніи изъ-за границы, былъ еще Д. Зубрицкій, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей изъ Галицкихъ Русиновъ: отдѣльныя статьи его по исторіи Галицкой Руси, написанныя и напе-

чатанныя по Польски, были Бодянскимъ подобраны, переведены и изданы подъ названіемъ: Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси (М. 1845 г.).

Изъ своихъ собственныхъ изслѣдовательныхъ работъ онъ въ эти годы издалъ статью о Церковно-Славянскомъ языкѣ и въ ней сказаніе монаха Храбра по особому списку (Жур. мин. нар. просв. XXXVIII: 130—168) и другую о собраніи Словацкихъ народныхъ пѣсенъ, изданныхъ Я. Колларомъ.

Съ 1846 г. начался новый періодъ дѣятельности Бодянского, продолжившійся до самой смерти и только случайно разбившійся на двѣ части въ 1848—1857 гг. Въ 1845 г. Бодянской избранъ былъ секретаремъ Общества исторіи и древностей, и съ 1846 г. сталъ издавать повременникъ подъ названіемъ: Чтенія въ засѣданіяхъ общества: въ первый годъ изданія вышло 4 книги, во второй и въ третій по 9-ти; столько же должно было выдти и въ четвертомъ году, но по особеннымъ обстоятельствамъ это изданіе было приостановлено на 2-й невышедшей книгѣ 4-го года. Заступившій мѣсто Бодянского Бѣляевъ продолжалъ это повременникъ общества, подъ особеннымъ названіемъ Временника, въ продолженіи 10 лѣтъ: отъ 1848 до 1858 вышли 25 большихъ томовъ такого же содержанія, какъ и вышедшіе передъ тѣмъ 23 книги Чтеній. Въ 1858 г. возобновилась дѣятельность Бодянского по обществу, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и изданіе Чтеній. Съ тѣхъ поръ каждый годъ выходило по 4 книги, только въ истекшемъ году Бодянской успѣлъ приготовить къ изданію двѣ книги. Такимъ образомъ Бодянскимъ издано всего на все 97 книгъ Чтеній. Прибавивши къ этому 25 книгъ Временника, отличающагося отъ Чтеній только названіемъ, мы получимъ 112 книгъ, изданныхъ въ теченіи 31 года. До 1846 г. Общество издавало Труды и лѣтописи, Русскія достопамятности, Русскія историческій сборникъ и кромѣ того отдѣльныя книги. Съ 1815 года до 1846 издано 8 книгъ Трудовъ, 3 книги Достопамятностей, 7 книгъ Истор. Сборника и 20 книгъ отдѣльныхъ, всего на все 38 книгъ — такъ же въ чтеніи 31 года, т. е. въ три

раза менѣе, если взять во вниманіе число книгъ, а сравнивъ тѣ и другія книги по величинѣ, можно безъ преувеличенія положить, что со времени Бодянскаго печатная дѣятельность Общества увеличилась болѣе чѣмъ въ 5 разъ. Увеличеніе печатной дѣятельности общества обыкновенно указываетъ не на увеличеніе дѣятельности его членовъ, а всего чаще на увеличеніе заботъ того, кто завѣдываетъ изданіями общества. И едва ли гдѣ и когда это выразилось рѣзче чѣмъ въ Обществѣ исторіи и древностей. Общество это не только сосредоточивалось въ лицѣ Бодянскаго но — по крайней мѣрѣ иногда — оно все покоило увѣренность въ свою жизненность и въ свое значеніе — на умѣ

волѣ Бодянскаго, какъ секретаря, въ дѣйствіяхъ его признавая свой умъ и свою волю. Имѣя въ виду непоколебимую стойкость Бодянскаго, какъ главную силу его характера, и его незамѣнимость какъ дѣятеля, неустаннаго и вполне преданнаго Обществу, нельзя себѣ и представить, чтобы могло быть иначе. Взявшись за изданіе Чтеній Бодянской придумалъ для этого повременнаго изданія такіе отдѣлы содержанія, и такой порядокъ помѣщенія вносимаго, что было мѣсто всему — и изслѣдованіямъ, и описаніямъ памятниковъ и самимъ памятникамъ, и запискамъ современниковъ прежняго и новаго времени, и всякимъ сборникамъ, и всякимъ замѣчаніямъ, всему, сколько нибудь подходящему подъ кругозоръ вниманія Общества, какъ бы оно велико или мало ни было, въ подлинникѣ ли или въ переводѣ. Не могло быть помѣщено только то, что почему нибудь Бодянской находилъ неумѣстнымъ; но Бодянской же хлопоталъ, болѣе чѣмъ кто другой могъ бы хлопотать, объ обогащеніи Чтеній всѣмъ достойнымъ вниманія и поощренія, — притомъ же какъ, издатель добросовѣстный, всегда давалъ преимущество тому, что получалъ отъ другихъ, передъ тѣмъ, что могъ бы дать отъ самого себя, и надъ этимъ чужимъ не рѣдко трудился по исправленію не только опечатокъ, но такъ же вольныхъ и невольныхъ ошибокъ переписи или и изложенія. Не говоря о сотняхъ статей разнаго рода малого объема, въ Чтеніяхъ изданы очень обширныя сочиненія новыя и старыя, многія записки

современниковъ, и подлинныя Русскія, и иностранныя въ переводѣ, и сборники пѣсенъ и пословицъ, и памятники древніе, и т. д. Такимъ образомъ Чтенія составили библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только Русской, но и западно-Славянской.

Своихъ собственныхъ изслѣдованій Бодянский помѣстилъ въ Чтеніяхъ очень немного и то только въ первые годы изданія. Значительно чаще являлись его случайныя замѣтки и объясненія, еще чаще его предисловія къ изданіямъ памятниковъ, записокъ и нѣкоторыхъ сочиненій. Записки, объясненія и предисловія Бодянскаго очень разнообразны не только по содержанію, но и по величинѣ, и большею частію богаты свѣдѣніями и указаніями.

Въ его переводѣ вышло въ Чтеніяхъ:

П. Шафарика О древне Славянскихъ Кирилловскихъ типографіяхъ въ южно-Славянскихъ и сосѣднихъ земляхъ. Чт. 1846. 3.

— О Сварогѣ. Чт. 1846. 1.

— Объ имени и положеніи города Винеты. Чт. 1847. 7.

— Разцвѣтъ Слав. письменности въ Булгаріи. Чт. III. 7.

— Ф. Палацкаго. Сравненіе законовъ ц. Стефана Душана Сербскаго и древнѣйш. земск. постановленій Чеховъ. Чт. 1846. 2.

— О Рус. князѣ Ростиславѣ. Чт. 1846. 3.

Собственныя его изслѣдованія и замѣчанія вышли въ Чтеніяхъ слѣдующія:

— О поискахъ моихъ въ Познанской публич. биб. Чт. 1846. 1.

— Объ одномъ прологѣ 6-ки Москов. дух. типографіи и тождествѣ Хорса и Дажь-бога. Чт. 1846. 2. Переписка съ Сабининымъ по этому выводу. Чт. 1847. 9.

— Замѣчанія на проектъ положенія объ ученыхъ степеняхъ 1860. 4.

*

- Замѣчанія о Каразинѣ. 1861. 3.
- Замѣчанія на проектъ университетскаго устава. 1862: 2.
- Польское дѣло. Записка. 1863. 2.
- Нужно ли преобразование календаря? 1864. 2.
- Объясненія. 1859: 1, 1864: 3, 1865: 2, 3, 1866: 2, 4, 1867: 1, 3, 1870: 1, 1870: 3, 1872: 1, 2: 1873. 1.
- О проектѣ устава Академіи наукъ. 1865. 2, 1866. 2.
- Рѣчь къ Славянамъ въ Москвѣ 1867. 2.
- Изображенія Слав. первоучителей на поляхъ образа святителя Николая со снимками 1868. 1.
- Замѣтки. 1869. 1, 1871. 1, 1873. 3, 1873. 4, 1874. 4, 1875. 2.

Главные памятники, изданные самимъ Бодянскимъ въ Читаніяхъ, суть :

- Исторія Руссовъ или Малой Россіи *Георгія Коннискаго*. 1846. (стр. 265 + IV + 45) съ указателемъ.
- Винодольскій законъ въ подлинникѣ съ примѣчаніями, переведенными съ Сербскаго. 1846. 4.
- Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи *А. Рителмана*. 1847., съ указателемъ.
- Исторія о Козакахъ Запорожскихъ. 1847. 6.
- Прѣніе митр. Данила съ Максимомъ святогорцемъ. 1847. 7—9.
- Повѣсть о прихожденіи короля Стефана на в. Псковъ. 1847. 7.
- Выпись изъ грамоты о сочтаніи второго брака Паисія святогорца. 1847. 8.
- Сказаніе и повѣсть о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ 1847. 9.
- Паралипомень Зонаринъ III. 1.
- Переписка и др. бумаги Карла XII, Станислава Лещинскаго и др. III. 1.
- Краткое описаніе о козацкомъ Малороссійскомъ народѣ П. Симоновскаго. III. 2., съ указателемъ.

- Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. III. 3.
- Краткое историческое описаніе о Малой Россіи III. 6.
- Написаніе Георгія Скрипицы о вдовствующихъ попѣхъ III. 6.
- Славяно-русскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ купца Царскаго III. 7. съ большимъ предисловіемъ.
- Лѣтопись монастыря Густынскаго. III. 8.
- Описаніе о Малой Россіи и Украйны С. Зарульскаго III. 8.
- Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія. IV. 2.
- Граматично изказаніе обрускомъ језіку попа *І. Крижа-нища*. IV: I. 1859. 4.
- Діаріушъ генер. хор. 4. Д. Ханенка. 1858. 1.
- Розыскъ Висковатого. 1859. 2.
- Житіе Θεодосія Почерскаго, списаніе Нестора. 1858. 3.
- Источники Малорос. исторіи, собр. Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. 1859. 1.
- Чтеніе Нестора о Борисѣ и Глѣбѣ. 1859. 1.
- Московскіе глагольскіе отрывки. 1859. 1. съ введеніемъ и снимками.
- Разсужденіе инока князя Вассіана объ отчинахъ монастырскихъ 1859. 3.
- Житіе Θεодосія Терновскаго, списано куръ Калистомъ 1860. 1.
- Переписка между Россіей и Польшей. 1860. 4, 1861. 1, 1863. 4.
- Путѣшество въ Іерусалимъ Іероодея іеромон. Рачанинскаго. 1861. 4.
- Журналъ Г. М. Кречетникова и письма къ нему 1862.
- Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собраніе Я. Θ. Головацкаго, изд. Бодянскаго съ его предисловіемъ. 1862. 3 и далѣе.
- Проекты объ уничтоженіи Греко-Рос. вѣроисповѣданія въ отторженныхъ Польшею отъ Россіи областяхъ. 1862. 4.

— Кириллъ и Меодій. Собраніе памятниковъ до дѣятельности сс. первоучителей Славянскихъ племенъ относящихся. I. Памятники отечественные. 1863. 2; 1864. 2; 1865. 1, 2; 1866. 2; 1873. 1.

— Хорватская хроника XII в. 1867: 3.

— Записки Ѳедора Бродовича о 1789 г. съ предисловіемъ 1868. 3, 4.

— Мнѣніе о разности между восточн. и западною церковью А. Н. Голицына. 1870. 1.

— Житіе сс. мм. Бориса и Глѣба, по сп. XII и XIV в. 1870. 1; съ больш. предисловіемъ и снимками.

— Латыши г. Меркеля съ больш. предисловіемъ 1870. 1.

— Правила о единовѣрцахъ со вступленіемъ 1870. 2.

— Матеріалы для исторіи Россіи изъ рукописей Британскаго музея, съ предисловіемъ. 1870. 3.

— Дѣло Гадацкаго полковника М. Милорадовича 1716 г. 1870. 3.

— Физика, выбранная М. Сперанскимъ. 1797 г. съ предисловіемъ. 1871. 3. 1872 1.

— Актъ Зографскаго монастыря 980—981., со снимкомъ. 1873. 1.

— Записки Меербеера съ предисловіемъ. 1873. 3, 1874. 1.

— Путешествіе въ Иммеретію А. Е. Соколова, съ предисловіемъ. 1874. 4.

— Реестра войска Запорожскаго. 1874. 2.

— Письма Иннокентія еписк. Пенз. и Саратов., съ предисловіемъ. 1874. 4.

— Донесеніе о Московіи Іоанна Пернштейна. 1575 г. 1876. 2, съ предисловіемъ.

Въ Читеніяхъ всего драгоцѣннѣе памятники приготовленные къ изданію самимъ Бодянскимъ, между прочимъ—Житія Кирилла и Меодія, Похвальныя слова имъ и пр. во множествѣ списковъ, Житія Бориса и Глѣба, Житіе Ѳеодосія Печерскаго, Московскіе

глагольскіе отрывки, и другіе менѣе древніе памятники; за тѣмъ огромное число матеріаловъ для исторіи Малороссіи и пр. и пр. Не мало важныхъ памятниковъ, приготовлявшихся Бодянскимъ къ изданію въ Чтеніяхъ, остались не изданными.

Неутомимость Бодянского въ изданіи Чтеній невольно поражала всякого столько же, какъ и стойкость его характера, и самостоятельность возрѣній на всѣхъ и все, соединяемая нерѣдко и съ самоинѣіемъ. Издавая Чтенія, Бодянскому приходилось и искать запасовъ, для этого годныхъ, и выбирать и подбирать ихъ, и перечитывать корректуры, начиная съ первой, много со второй, и хлопотать въ типографіи, наблюдая за печатаніемъ. Не мудрено, что ему иногда не доставало времени ни для чего другого, что онъ не успѣвалъ продолжать своихъ собственныхъ начатыхъ трудовъ, и тѣмъ менѣе могъ успѣвать строго оцѣнить то, что приносилось ему для изданія въ Чтеніяхъ, и всегда одинаково быть внимательнымъ къ частнымъ ошибкамъ содержанія и къ опечаткамъ, какъ дѣлалъ бы непременно — даже по желанію придать Чтеніямъ какъ можно болѣе значенія.

Самое важное изслѣдованіе Бодянского издано имъ не въ Чтеніяхъ и не во Временникѣ, какъ бы могло случиться по времени напечатанія (1855 г.), а отдѣльно. Это была большая книга «О времени происхожденія Славянскихъ племенъ», гдѣ въ первый разъ подобраны и разобраны всѣ источники, пособія и мнѣнія, касающіеся этой задачи, и гдѣ обширныя знанія и особенности изслѣдовательнаго направленія Бодянского высказались въ полномъ свѣтѣ. Все изслѣдованіе раздѣлено на четыре главы. Первая заключаетъ въ себѣ обзоръ свидѣтельствъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: къ одному отнесены источники (Греческіе, Западныя и отечественныя), ко второму пособія, т. е. свидѣтельства проложныя и лѣтописныя, какъ пересказы источниковъ. Во второй главѣ данъ разборъ свидѣтельствъ съ мыслію объяснить, какія и почему заслуживаютъ болѣе уваженіе. Третья глава, самая живая по увлеченію сочинителя, самая замѣчательная для того кто желаетъ познакомиться съ главными его убѣжденіями,

*

есть переборъ мнѣній относительно разбираемаго вопроса, начиная отъ старѣйшихъ, XVII вѣка, до послѣднихъ современныхъ. Въ четвертой главѣ еще разъ перебраны сравнительно и объяснительно главныя показанія, и дано общее рѣшеніе: Славянскія письма созданы Кирилломъ философомъ въ Цареградѣ въ 862 году. Къ этому обширному изслѣдованію приложены не менѣе обширныя примѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть цѣнными какъ отдѣльныя изслѣдованія: таковъ на пр. разборъ Житія Вячеслава князя Чешскаго (стр. 76—88).

Не въ изданіи же Общества, а въ Русскомъ вѣстникѣ (1856 г.) явилась и его работа о новыхъ открытіяхъ въ области глаголицы. Позже появился его разборъ книги П. А. Лавровскаго Кириллъ и Меѳодій (Седьмое присужденіе Уваровскихъ премій 1864 г.); а еще позже его рѣчь о Ломоносовѣ (Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова (М. 1865 г. 80 114).

Изъ изданій памятниковъ, приготовлявшихся личнымъ трудомъ самого Бодянскаго, съ наибольшимъ нетерпѣніемъ ожидаемы были два: изданіе Святославова списка Изборника 1073 года и изданіе твореній Іоанна екзарха Болгарскаго. Изборникъ принадлежащій въ списокѣ 1073 года къ числу драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ древняго Русскаго письма и оказавшійся по изслѣдованію Востокова простымъ переводомъ Греческой книги, а по открытію Шевырева переводомъ времени Симеона Болгарскаго, достоинъ былъ самого тщательнаго ученаго изданія, и Бодянскій предпринялъ именно такое изданіе его: Славянскій переводъ долженъ былъ явиться съ Греческимъ подлинникомъ, съ Латинскимъ переводомъ и съ объяснительнымъ словаремъ-указателемъ; къ сожалѣнію отпечатано 23 л., т. е. 184 стр.—и если нѣтъ продолженія и окончанія этого труда въ бѣловомъ списокѣ, то едва ли можно надѣяться на допечатаніе всего памятника. Творенія Іоанна екзарха Болгарскаго, именно Шестодневъ и Богословіе Іоанна Дамаскина, приготовлялись по древнѣйшимъ спискамъ Синадальной бібліотеки, съ которыми какъ и вообще съ Іоанномъ екзархомъ въ первые познакомилъ подробно изслѣдователей

Калайдовичъ слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, и кажется въ полнѣ отпечатаны: нельзя не надѣяться, что этотъ трудъ Бодянскаго появится въ непродолжительномъ времени. Очень было бы желательно найти въ бумагахъ Бодянскаго и затѣмъ въ изданіи какія нибудь объяснительныя примѣчанія къ напечатанному тексту объ отличіяхъ другихъ списковъ и т. п.

Едва ли этими двумя изданіями можетъ быть завершено все, что нужно и можно издать изъ того, что осталось послѣ Бодянскаго. По свѣдѣніямъ А. Е. Викторова и въ томъ, что передано въ Общество исторіи и древностей, и въ томъ, что осталось у вдовы покойнаго, есть по крайней мѣрѣ кое что замѣчательное— между прочимъ описанія рукописей съ выписками и ученая переписка.

Если бы впрочемъ не оказалось возможности издать и ничего изъ неизвѣстныхъ трудовъ Бодянскаго, то довольно и изданнаго имъ, чтобы оцѣнить его заслуги.

Не много было у насъ такихъ самоотверженныхъ дѣятелей, какимъ былъ Бодянскій, нельзя не признавать его заслугъ, какъ заслугъ важныхъ, достойныхъ благодарности общей.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1 АПРѢЛЯ 1878 ГОДА.

КОНОФЕРЕНЦІЯ АКАДЕМІИ.

ПРЕЗИДЕНТЪ:

Генералъ-Адъютантъ, Адмиралъ Графъ Федоръ Петровичъ
Литке (съ 23 февраля 1864 г.).

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ:

Ординарный Академикъ ДТС. Викторъ Яковлевичъ Буняков-
скій (съ 10 августа 1863 г.).

НЕПРЕМЪННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Ординарный Академикъ ТС. Константинъ Степановичъ Ве-
селовскій (съ 1 ноября 1857 г.).

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМІИ.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

По Чистой Математикѣ: Орд. Акад. ДТС. Викторъ Яков-
левичъ Буняковскій (онъ же Вице-Президентъ).

Экстраорд. Акад. ДСС. Дмитрій Матвѣевичъ Перевощи-
ковъ.

По Прикладной Математикѣ: Орд. Акад. ТС. Пафнугій
Львовичъ Чебышевъ.

Адъюнктъ НС. Егоръ Ивановичъ Золотаревъ.

По Астрономіи: Ординар. Акад. ТС. Отонъ Васильевичъ
Струве.

Орд. Акад. ТС. Алексѣй Николаевичъ Савичъ.

По Физикѣ: Орд. Акад. СС. Генрихъ Ивановичъ Вильдъ.

Экстраорд. Акад. Генераль-Лейтенантъ Аксель Вильгель-
мовичъ Гадолинъ.

По Химіи: Орд. Акад. ДСС. Александръ Михайловичъ Бут-
леровъ.

*По Технологіи и Химіи, приспособленной къ искусствамъ и
ремесламъ*: Орд. Акад. ТС. Николай Николаевичъ Зининъ.

По Минералогіи: Орд. Акад. Генераль-Маіоръ Корпуса
Горныхъ Инженеровъ Николай Ивановичъ Кокшаровъ.

По Геогнози и Палеонтологіи: Орд. Акад. Генераль-Лейте-
нантъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Григорій Петровичъ Гель-
мерсенъ.

Экстраорд. Акад. КС. Ѳедоръ Богдановичъ Шмидтъ.

По Ботаникѣ: Орд. Акад. ДСС. Карлъ Ивановичъ Макси-
мовичъ.

По Зоологіи: Орд. Акад. ТС. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Брандтъ.

Орд. Акад. ДСС. Леопольдъ Ивановичъ Шренкъ.

Экстраорд. Акад. СС. Александръ Александровичъ Штраухъ

По Сравнительной Анатоміи и Физиологіи: Орд. Акад. ДСС.
Филиппъ Васильевичъ Овсянниковъ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Ординарные Академики: Оберъ-Шенкъ Двора Его Импе-
раторскаго Величества Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

ТС. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

Преосвященный Макарій, Архіепископъ Литовскій и Виленскій (въ Вильнѣ).

ТС. Яковъ Карловичъ Гротъ.

ТС. Ѳеодоръ Ивановичъ Буслаевъ (въ Москвѣ).

ТС. Аѳанасій Ѳеодоровичъ Бычковъ.

ТС. Сергій Михайловичъ Соловьевъ (въ Москвѣ).

ДСС. Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ.

КС. Александръ Николаевичъ Веселовскій.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

По Статистикѣ и Политической Экономіи: Орд. Акад. ТС. Константинъ Степановичъ Веселовскій (онъ же Непремѣнный Секретарь).

Экстраординар. Акад. ТС. Владиміръ Павловичъ Безобразовъ.

По Исторіи и Древностямъ Русскимъ: Экстраорд. Акад. ДСС. Аристъ Аристовичъ Кунникъ.

По Классической Филологіи и Археологіи: Орд. Акад. ТС. Лудольфъ Эдуардовичъ Стефани.

Орд. Акад. ДСС. Августъ Карловичъ Наукъ.

По Литературѣ и Исторіи Азіятскихъ народовъ: Орд. Акад. ТС. Марій Ивановичъ Броссе.

Орд. Акад. ТС. Борисъ Андреевичъ Дорнъ.

Орд. Акад. ТС. Отонъ Николаевичъ Бетлингъ.

Экстраорд. Акад. ДСС. Антонъ Антоновичъ Шифнеръ.

По языкамъ и Этнографіи Финскихъ племенъ: Орд. Акад. ТС. Фердинандъ Ивановичъ Видеманъ.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. 1826.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Александровичъ. 1865.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Николай Александровичъ. 1876.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Владимиръ Александровичъ. 1875.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Алексій Александровичъ. 1875.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Сергій Александровичъ. 1876.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ. 1844.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. 1855.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. 1855.

Его Императорское Высочество Князь Романовскій Герцогъ Николай Максимилиановичъ Лейхтенбергскій. 1865.

Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій. 1834.

Его Величество Вильгельмъ I Императоръ Германскій и Король Прусскій. 1876.

Его Величество Донъ-Педро I Императоръ Бразиліи. 1876.

Генер.-Адъют. Генер.-отъ-Кав. Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ 1-й. 1827.

Генер.-Адъют. Адмиралъ Графъ Федоръ Петровичъ Литке. 1855. (Онъ же Президентъ.)

Генер.-Адъют. Адмиралъ Графъ Евѣймъ Васильевичъ Путьинъ. 1855.

Генер.-Адъют. Инж.-Генер. Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. 1855.

Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ. 1856.

Генер.-Адъют. Генер.-отъ-Инфант. Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ 1-й. 1856.

ДТС. Свѣтлѣйшій Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. 1856.

Генер.-Адъют. Генераль-отъ-Инфантеріи Графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ 1-й. 1856.

ДТС. Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ. 1856.

Высокопреосвященный Исидоръ, Митрополитъ Новгородскій, С.-Петербуржскій и Финляндскій. 1857.

Высокопреосвященный Иннокентій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій. 1857.

Генер.-Адъют. Генер.-отъ-Инфант. Баронъ Вильгельмъ Карловичъ Ливень. 1857.

ДТС. Ромуальдъ Михайловичъ Губе. 1857.

ДСС. Графъ Алексѣй Сергіевичъ Уваровъ. 1857.

Генер.-Адъют. Генер.-отъ-Инфант. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій. 1858.

ТС. Станиславъ Валеріановичъ Кербедзъ. 1858.

Инженеръ-Генер.-Лейтенантъ Павелъ Петровичъ Мельниковъ. 1858.

Генер.-Фельдм. Генер.-Адъют. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. 1859.

ДТС. Иванъ Давыдовичъ Деляновъ. 1859.

Генер.-Адъют. Ген.-отъ-Инф. Свѣтл. Князь Италійскій, Графъ Александръ Аркадіевичъ Суворовъ-Рымникскій. 1861.

ТС. Александръ Васильевичъ Головинъ. 1861.

ДТС. Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ. 1863.

- ДТС. Владиміръ Петровичъ Бутковъ. 1863.
 Гофмейстеръ Степанъ Александровичъ Геденовъ. 1863.
 ТС. Александръ Федоровичъ Миддендорфъ. 1865.
 ДСС. Германъ Вильгельмовичъ Абихъ. 1866.
 Гофмейстеръ Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. 1866.
 Генер.-Адъютантъ Генер.-отъ-Инфантеріи Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. 1866.
 ДТС. Петръ Александровичъ Валуевъ. 1867.
 Генер.-Адъют. Инженеръ-Генералъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ. 1873.
 Адмиралъ Семеновъ Ильичъ Зеленый. 1873.
 ТС. Петръ Петровичъ Семеновъ. 1873.
 ДСС. Александръ Андреевичъ Бунге. 1875.
 Преосвященный Антоній, Архіепископъ Казанскій и Свѣяжскій. 1876.
 Генералъ-Адъютантъ, Генер.-отъ-инфантеріи Графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ 2-й. 1876.
 ДТС. Князь Сергій Николаевичъ Урусовъ. 1876.
 ДТС. Александръ Аггѣевичъ Абаза. 1876.
 Генералъ-Адъютантъ, Подп. Генералъ Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ. 1876.
 ДТС. Николай Карловичъ Гирсъ. 1876.
 ТС. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. 1876.
 Петръ Аркадіевичъ Качубей. 1876.
 Петръ Александровичъ Чихачевъ. 1876.
 Э. Лёнротъ. 1876.
 ТС. Карлъ Карловичъ Людерсъ. 1877.

-
- Маркизь де-Піетра-Кателла, въ Неаполѣ. 1846.
 Сарко-дель-Валле, Президентъ Акад. Наукъ въ Мадридѣ. 1851.

Принцъ Луи Люсиенъ Бонапартъ. 1858.
 Фельдмаршалъ Графъ Мольтке, въ Берлинѣ. 1871.
 Лесепсъ, Членъ Института, въ Парижѣ. 1876.

СЕКРЕТАРИАТЪ КЪ АКАДЕМИИ.

(ASSOCIÉ HONORAIRE ÉTRANGER.)

Сэбинъ, въ Лондонѣ. 1826.

ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

I. ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

РАЗРЯДЪ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

(Положенное число мѣстъ 32).

ДСС. Оома Клаус. Клаусенъ, въ Дерптѣ. 1856.
 ТС. Маріанъ Альбертов. Ковальскій, въ Казани. 1862.
 ДСС. Ферд. Готл. Миндингъ, въ Дерптѣ. 1864.
 ДСС. Александръ Ѳеодоровичъ Поповъ, въ Казани. 1866.
 Лоренцъ-Лео Линделёфъ, въ Гельсингфорсѣ. 1868.
 ДСС. Василій Карл. Делленъ, въ Пулковѣ. 1871.
 ДСС. Карлъ Христ. Кнорре, въ Берлинѣ. 1828.
 СС. Ѳед. Александр. Бредихинъ, въ Москвѣ. 1877.
 Ліувиль, въ Парижѣ. 1840.
 Эри, въ Гриничѣ. 1840.
 Петерсъ, въ Альтонѣ. 1849.
 Ивонъ-де-Виларсо, въ Парижѣ. 1855.
 Эрмитъ въ Парижѣ. 1857.
 Байеръ, въ Берлинѣ. 1858.
 Бертранъ, въ Парижѣ. 1859.
 Шаль, въ Парижѣ. 1861.
 Кумеръ, въ Берлинѣ. 1862.

- НС. Авг. Оед. Виннеке, въ Страсбургѣ. 1864.
 Вейерштрасъ, въ Берлинѣ. 1864.
 Адамсъ, въ Кембриджѣ. 1864.
 Варенъ Деларю, въ Лондонѣ. 1864.
 Росъ Кларкъ, въ Соутгэмптонѣ. 1867.
 Келе, въ Кембриджѣ. 1870.
 Кронекеръ, въ Берлинѣ. 1872.
 • Сильвестръ, въ Лондонѣ. 1872.
 Ауверсъ, въ Берлинѣ. 1873.
 Біенеме, въ Парижѣ. 1874.
 Скіапарелли, въ Миланѣ. 1874.
 С. Ньюкомбъ, въ Вашингтонѣ. 1875.
 Б. Гульдъ, въ Кордобѣ (Арг. респ.). 1875.

РАЗРЯДЪ ФИЗИЧЕСКІЙ.

(Положенное число мѣстъ 40).

- Иос. Рудольфъ Германъ, въ Москвѣ. 1831.
 Гофмейстеръ Графъ Александръ Андр. фонъ-Кейзерлингъ,
 въ Ревелѣ. 1858.
 ТС. Александръ Абрам. Воскресенскій, въ Спб. 1864.
 ДСС. Карлъ Генриховичъ Шмидтъ, въ Дерптѣ. 1873.
 ДСС. Павелъ Влад. Еремѣевъ, въ Спб. 1875.
 ДСС. Дмитр. Иван. Менделѣевъ, въ Спб. 1876.
 ДСС. Артуръ Александровичъ Эттингенъ, въ Дерптѣ.
 1876.
 СС. Михайлъ Петр. Авенариусъ, въ Кіевѣ. 1876.
 СС. Робертъ Эмил. Ленцъ, въ Спб. 1876.
 КС. Генр. Вас. Струве, въ Тифлисѣ. 1876.
 ДСС. Никол. Никол. Бекетовъ, въ Харьковѣ. 1877.
 Нейманъ, въ Кенигсбергѣ. 1838.
 Дове, въ Берлинѣ. 1842.
 Дюма, въ Парижѣ. 1845.

Шеврель, въ Парижѣ. 1853.
 Велеръ, въ Геттингенѣ. 1853.
 Веберъ, въ Геттингенѣ. 1853.
 Рисъ, въ Берлинѣ. 1856.
 Фреми, въ Парижѣ. 1856.
 Гофманъ, въ Берлинѣ. 1857.
 Дана, въ Нью-Гевнѣ. 1858.
 Добре, въ Парижѣ. 1861.
 Кирхгофъ, въ Берлинѣ. 1862.
 Бунзенъ, въ Гейдельбергѣ. 1862.
 Миллеръ, въ Кембриджѣ. 1864.
 Кобель, въ Мюнхенѣ. 1867.
 Генрихъ Сентъ-Клеръ-Девиль, въ Парижѣ. 1869.
 Эдлундъ, въ Стокгольмѣ. 1870.
 Деклуазо, въ Парижѣ. 1871.
 Кагуръ, въ Парижѣ. 1873.
 Вюрцъ, въ Парижѣ. 1873.
 Ремеръ, въ Бреславѣ. 1874.
 Бертело, въ Парижѣ. 1876.
 Франкландъ, въ Лондонѣ. 1876.
 Бейрихъ, въ Берлинѣ. 1876.
 Гееръ, въ Цюрихѣ. 1876.
 Дамуръ, въ Парижѣ. 1876.
 Сэръ Уильямъ Томсенъ, въ Глазгоу. 1877.
 Юакимъ Барандъ, въ Прагѣ. 1877.

РАЗРЯДЪ БИОЛОГИЧЕСКІЙ.

(Положенное число мѣсть 40).

ТС. Рудольфъ Эрнестов. Траутфеттеръ, въ Спб. 1837.
 ТС. Николай Ивановичъ Пироговъ, въ Каменецъ-Подоль-
 ской губ. 1846.
 ДСС. Фридрихъ Эрнест. Биддеръ, въ Дерптѣ. 1857.
 ДСС. Карлъ Евген. Мерклинъ, въ Спб. 1864.

- ДСС. Венцель Леопольд. Груберъ, въ Спб. 1866.
ДСС. Ив. Мих. Сѣменовъ, въ Спб. 1869.
ТС. Карлъ Оедоров. Кеслеръ, въ Спб. 1874.
ДСС. Эдуардъ Людов. Регель, въ Спб. 1875.
Гемаръ, въ Парижѣ. 1839.
Оэнь, въ Лондонѣ. 1839.
Мильнъ-Эдварсъ, въ Парижѣ. 1846.
Бишофъ, въ Мюнхенѣ. 1846.
Рейхертъ, въ Берлинѣ. 1850.
Шлейденъ, въ Висбаденѣ. 1850.
Гепертъ, въ Бреславѣ. 1853.
Зибольдъ, въ Мюнхенѣ. 1855.
Бурмейстеръ, въ Буэносъ-Айресѣ. 1855.
Кёликеръ, въ Вюрцбургѣ. 1858.
Алф. Декандоль, въ Женевѣ. 1858.
Юсифъ Дальтонъ Гукеръ, въ Лондонѣ. 1859.
Гиртъль, въ Вѣнѣ. 1859.
Ловенъ, въ Стокгольмѣ. 1860.
Лейкартъ, въ Лейпцигѣ. 1861.
Стенструпъ, въ Копенгагенѣ. 1861.
Аза-Грей, въ Бостонѣ. 1862.
Генле, въ Геттингенѣ. 1863.
Гукслей, въ Лондонѣ. 1864.
Негели, въ Мюнхенѣ. 1865.
Дарвинъ, въ Лондонѣ. 1867.
Гельмгольцъ, въ Берлинѣ. 1868.
Фанъ-Бенеденъ, въ Левенѣ. 1869.
Э. Веберъ, въ Лейпцигѣ. 1869.
Шлегель, въ Лейденѣ. 1871.
Людвигъ, въ Лейпцигѣ. 1871.
Дж. Бентамъ, въ Лондонѣ. 1872.
Эд. Грубе, въ Бреславѣ. 1874.
Жоз. Декэнъ, въ Парижѣ. 1876.
Петерсъ, въ Берлинѣ. 1876.

РАЗРЯДЪ МЕДИЦИНЫ.

Гренвиль, въ Лондонѣ. 1826.

II. ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

(Положенное число мѣстъ 40).

ДСС. Аполонъ Ник. Майковъ, въ Спб. 1853.

Вацлавъ Александръ Мацеіовскій, въ Варшавѣ. 1856.

ДСС. Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, въ Оренбургѣ.
1856.

Иванъ Серг. Тургеневъ, въ Парижѣ. 1860.

ДСС. Иванъ Алекс. Гончаровъ, въ Спб. 1860.

ТС. Дмитрій Васильев. Полѣновъ, въ Спб. 1861.

КС. Петръ Павл. Дубровскій, въ Варшавѣ. 1862.

Ник. Савичъ Тихонравовъ, въ Москвѣ. 1863.

Александръ Ник. Островскій, въ Москвѣ. 1863.

ТС. Алексѣй Дмитриев. Галаховъ, въ Спб. 1868.

Архимандритъ Амфилохій, въ Москвѣ. 1868.

ДСС. Конст. Николаев. Бестужевъ-Рюминъ, въ Спб..
1872.

ДСС. Павелъ Ив. Саввантовъ, въ Спб. 1872.

КС. Андрей Николаевичъ Поповъ, въ Москвѣ. 1873.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. 1873.

СС. Алексѣй Степановичъ Павловъ, въ Москвѣ. 1873.

ДСС. Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, въ Казани. 1873.

ДСС. Серг. Конст. Смирновъ, въ Москвѣ. 1874.

ДСС. Иларіонъ Алексѣев. Чистовичъ, въ Спб. 1874.

КС. Александръ Аван. Потебня, въ Харьковѣ. 1875.

СС. Александръ Александр. Котляревскій, въ Кіевѣ.
1875.

ДСС. Николай Иванов. Костомаровъ, въ Спб. 1876.

Федоръ Михайл. Достоевскій, въ Спб. 1877.

- Ив. Кукулевичъ-Сакцинскій, въ Аграмѣ. 1855.
 Фр. Миклошичъ, въ Вѣнѣ. 1856.
 И. Гаттала, въ Прагѣ. 1862.
 Юрій Данишичъ, въ Бѣлградѣ. 1863.
 Игнатій Викент. Ягичъ, въ Берлинѣ. 1868.
 Алоисъ Шембера, въ Вѣнѣ. 1868.
 Фр. Рачскій, въ Аграмѣ. 1869.
 Эмлеръ, въ Прагѣ. 1876.
 Новаковичъ, въ Бѣлградѣ. 1876.
 Лескинъ, въ Лейпцигѣ. 1876.
 Рамбо, въ Нанси. 1876.
 Миланъ Миличевичъ, въ Бѣлградѣ. 1877.
 Адольфъ Патера, въ Прагѣ.

III. ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНЮ.

РАЗРЯДЪ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

(Положенное число мѣстъ 25).

- ДСС. Мих. Сем. Куторга. 1848.
 ТС. Юлій Андр. Гагемейстеръ, въ Спб. 1855.
 ДТС. Андр. Парф. Заблоцкій-Десятовскій, въ Спб. 1856.
 ДСС. Апол. Александров. Скальковскій, въ Одессѣ.
 1856.
 ТС. Ник. Вас. Калачовъ. 1858.
 ТС. Николай Христ. Бунге, въ Кіевѣ. 1859.
 ТС. Евгений Ивановичъ Ламанскій, въ Спб. 1859.
 НС. Василій Григор. Васильевскій, въ Спб. 1876.
 Полковн. Николай Ѳеодор. Дубровинъ, въ Спб. 1877.
 Сахаріе фонъ-Лингенталь, близъ Мерзебурга. 1856.
 Гильдебрантъ, въ Стокгольмѣ. 1859.
 Ренанъ, въ Парижѣ. 1860.
 Ранке, въ Берлинѣ. 1860.
 М. Шевалье, въ Парижѣ. 1861.

СС. Карлъ Карл. Ширренъ, въ Килѣ. 1864.
 Ворсо, въ Копенгагенѣ. 1866.
 Томасъ, въ Мюнхенѣ. 1866.
 Бэнкрофтъ, въ Берлинѣ. 1867.
 Михаэлисъ, въ Берлинѣ. 1868.
 А. Мори, въ Парижѣ. 1872.
 М. Амари, въ Римѣ. 1873.
 Л. Штейнъ, въ Вѣнѣ. 1874.
 Э. Фриманъ, въ Оксфордѣ. 1875.
 Фердинандъ Гиршъ, въ Берлинѣ. 1877.

РАЗРЯДЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ.

(Положенное число мѣстъ 20).

ДСС. Фрид. Фрид. Нейе, въ Штутгартѣ. 1848.
 Визелеръ, въ Геттингенѣ. 1856.
 Кобе, въ Лейденѣ. 1857.
 Генценъ, въ Римѣ. 1860.
 Лерсъ, въ Кенигсбергѣ. 1860.
 Брунъ, въ Мюнхенѣ. 1861.
 Гальмъ, въ Мюнхенѣ. 1865.
 Мюллеръ, въ Копенгагенѣ. 1867.
 Мадвигъ, въ Копенгагенѣ. 1871.
 Г. Зауппе, въ Геттингенѣ. 1874.
 Баронъ Де-Витъ, въ Парижѣ. 1875.
 Адольфъ Кирхгофъ, въ Берлинѣ. 1876.
 Эгже, въ Парижѣ. 1876.
 Гельбигъ, въ Римѣ. 1876.
 Ньютонъ, въ Лондонѣ. 1876.
 Фиорелли, въ Неаполѣ. 1876.
 Хр. Фрѣнеръ, въ Парижѣ. 1877.
 Генр. Кейль, въ Галле, 1877.

РАЗРЯДЪ ВОСТОЧНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Положенное число мѣстъ 20).

- ТС. Осипъ Мих. Ковалевскій, въ Варшавѣ. 1837.
 ТС. Николай Владимір. Ханыковъ, въ Парижѣ. 1852.
 ТС. Вас. Вас. Григорьевъ, въ Спб. 1853.
 ДСС. Данилъ Авраам. Хвольсонъ, въ Спб. 1858.
 ДСС. Васил. Павлов. Васильевъ, въ Спб. 1866.
 ДСС. Николай Ивановичъ Ильминскій, въ Казани. 1870.
 ДСС. Осипъ Федоровичъ Готвальдъ, въ Казани. 1870.
 Флейшеръ, въ Лейпцигѣ. 1849.
 Ротъ, въ Тюбингенѣ. 1855.
 Гарсенъ де-Таси, въ Парижѣ. 1856.
 Веберъ, въ Берлинѣ. 1860.
 Дефремери, въ Парижѣ. 1860.
 Ольсгаузенъ, въ Берлинѣ. 1864.
 Штенцлеръ, въ Бреславѣ. 1867.
 Шпигель, въ Эрлангенѣ. 1870.
 Торнбергъ, въ Лундѣ. 1873.
 Вюстенфельдъ, въ Геттингенѣ. 1874.
 Ф. Невъ, въ Левенѣ. 1875.
 У. Райтъ, въ Кембриджѣ. 1876.
 Кернъ, въ Лейденѣ. 1876.

РАЗРЯДЪ ЛИНГВИСТИКИ.

(Положенное число мѣстъ 6).

- Авг. Альквистъ, въ Гельсингфорсѣ. 1875.
 Потъ, въ Галле. 1855.
 Кунъ, въ Берлинѣ. 1863.
 У. Уитней, въ Нью-Гевнѣ. 1875.
 Асколи, въ Миланѣ. 1876.
 Буденць, въ Будапештѣ. 1876.

ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ КЪ АКАДЕМІИ УЧРЕЖДЕНІЯ ПО УЧЕНОЙ ЧАСТИ.

1. *Библіотека.* Отд. I. (книгъ на русск. яз. и др. славянскихъ нарѣчійхъ): Библіотекаръ, Экстр. Акад. ДСС. Аристъ Аристовичъ Куникъ. — Старшій помощникъ Библіотек. (испр. должн. приватно). НС. Борисъ Петр. Ламбинъ. — Младшіе Помощники Библіотек. ГСр. Влад. Петр. Ламбинъ и ТтС. Ѳеодоръ Николаевичъ Михайловскій. — Отд. II. (кн. на иностр. языкъ): Библіотекаръ, Экстр. Акад. ДСС. Ант. Ант. Шифнеръ. — Помощники: Старш. НС. Алексѣй Иванов. Першечскій; младшіе: ТтС. Юлій Карлов. Фабриціусъ и КСр. Артуръ Юліевичъ Белендорфъ.

2. *Физическій Кабинетъ.* Директоръ: Орд. Акад. СС. Генр. Ив. Вильдъ. — Механикъ (испр.-должн.-приватно) Э. Прагстъ.

3. *Химическая Лабораторія.* Директ., Орд. Акад. ТС. Никол. Никол. Зининъ. — Лаборанты: Лекаръ Александръ Алекс. Загуменный и КА. Леонтій Леонтьев. Эклонъ.

4. *Минералогическій кабинетъ.* Директ. Экстраор. Акад. КС. Ѳеодоръ Богдановичъ Шмидтъ. — Ученый хранитель НС. Адольфъ Фридр. Гебель.

5. *Ботанический музей.* Директ., Орд. Акад. ДСС. Карлъ Иванов. Максимовичъ. — Ученый хранитель (приватно) Карлъ Ѳеодоров. Мейнсгаузенъ.

6. *Зоологическій музей.* Директоръ, Ордин. Акад. ТС. Ѳеодоръ Ѳеодоров. Брандтъ. — Ученые хранители: КА. Александръ Ѳеодоров. Брандтъ, Кандидатъ университета Августъ Фердинандов. Моравицъ и ГСр. Валеріанъ Фридриховичъ Руссовъ; Сверхъ штата: И. С. Поляковъ и Ф. Вольдштедтъ. — Старшіе препараторы: (приватно) Константинъ Приходко и Юлій Анановъ. Младшіе препараторы: (приватно) Иванъ Тереньевъ и Павелъ Десятовъ.

7. *Анатомическій музей и Физиологическая лабораторія.* Директ., Орд. Акад. ДСС. Филиппъ Васил. Овсянниковъ. — Препар-

раторъ КСр. Петръ Адексѣев. Перщетскій. — Лаборантъ Физіологической лабораторіи КСр. Владиміръ Николаев. Великій.

8. *Азіятскій музей.* Директоръ, Орд. Акад. ТС. Борисъ Андр. Дорнъ. — Ученый хранитель СС. Робертъ Христіан. Френъ.

9. *Музей Класической Археологій.* Директ., Орд. Акад. ТС. Лудольфъ Эдуард. Стефани. — Ученый хранитель (приватно) Иванъ Давыдовичъ Дель.

10. *Русскій Нумизматическій Кабинетъ.* — Завѣдующій Экстр. Акад. ДСС. Аристъ Аристовичъ Куникъ.

11. *Этнографическій музей.* Директ., Экстр. Акад. ДСС. Антонъ Антонов. Шифнеръ. — Ученый хранитель (приватно) НС. Ѳедоръ Карл. Руссовъ.

12. *Главная Физическая Обсерваторія.* Директоръ, Орд. Акад. СС. Генрихъ Иван. Вильдъ. — Помощн. Директ., Капитанъ-Лейтенантъ Михайлъ Александр. Рыкачевъ 3-й. — Старшіе наблюдатели: КА. Ферд. Богд. Дорандъ и ТтС. Абельсъ. — Младшіе наблюдатели: КА. Дмитр. Тим. Горбаченко и ТтС. Влад. Никол. Муратовъ. — Вычислители: (приватно) Г. Лоренцсонъ и Ѳ. Лоренцсонъ. — Письмоводитель ТтС. Эдуардъ Васильевичъ Штеллингъ. — Механикъ (приватно) Генрихъ Абрам. Шейреръ. — Въ Отдѣленіи Морской Метеорологіи: Помощникъ Директора, Кап.-Лейт. Мих. Александров. Рыкачевъ 3-й. — Адъюнктъ КР. К. Мильбергъ 2-й. — Вычислитель, Павелъ Александров. Зимиховъ. — Физикъ, Кандидатъ Брауновъ.

13. *Магнитная и Метеорологическая Обсерваторія въ Павловскъ.* Завѣдывающій Обсерваторіей КА. Иванъ Мильбергъ 1-й. — Старшій наблюдатель ТтС. Рудольфъ Траутфеттеръ. — Младшіе наблюдатели: ТтС. Рудольфъ Ассафрей и К. Даниловъ. — Механикъ Дерингъ.

14. *Магнитная и Метеорологическая Обсерваторія въ Пекинъ.* Директоръ Германъ Александр. Фритше.

15. *Астрономическая Обсерваторія въ Вильнъ:* Директоръ,

Полк. Корпуса Военн. Топографовъ Петръ Михайл. Смысловъ.
— Помощникъ Директ. НС. Ѳедоръ Карл. Бергъ.

КОМИТЕТЪ ПРАВЛЕНІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Президентъ, см. выше.

Вице Президентъ, см. выше.

Члены: отъ Физ.-Матем. Отд. Академіи: Орд. Акад. ДСС. Леопольдъ Иван. Шренкъ; отъ Отд. Русск. яз. и слов.: Орд. Акад. ТС. Яковъ Карловичъ Гротъ; отъ Истор. - Филол. Отд.: Орд. Акад. ТС. Конст. Степ. Веселовскій. — *Совѣтники*: СС. Николай Андр. Ланге и СС. Матвѣй Ив. Дмитріевъ.

Канцелярія Комитета. Секретарь НС. Александръ Петров. Елизаровъ. — Столоначальникъ ТтС. Петръ Алек. Перщетскій. — Бухгалтеръ и Контролеръ КС. Петръ Сергѣевичъ Яковлевъ. — Касиръ НС. Михайлъ Иван. Лавровъ. — Испр. должн. Экзекутора КСр. Влад. Ник. Ѳедоровъ. — Исправл. должн. Архитектора ГСр. Ѳедоръ Карлов. Болтенгагенъ. — Архивариусъ ГСр. Павелъ Павловичъ Фусъ.

ВЪДОМСТВА НЕПРЕМЪННАГО СЕКРЕТАРЯ.

1. *Канцелярія Конференціи*. Старшій Письмоводитель НС. Андр. Ив. Сомовъ. — Испр. должн. Младш. Письмов. ГСр. Эваристъ Станиславовичъ Багенскій.

2. *Архивъ Конференціи*. Архивариусъ КСр. Влад. Петров. Шеміотъ.

ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ БЪ АКАДЕМИИ УСТАНОВЛЕНІЯ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЧАСТИ.

1. *Типографія.* Факторъ Августъ Ив. Гельдъ.
2. *Книжный магазинъ Академіи.* Хранитель (приватно) КСр. Владим. Петров. Шеміотъ.

3. *Комисіонерство по продажъ изданій Академіи.* Комисіонеры: Потомств. Почетн. Гражд. Иванъ Ильичъ Глазуновъ (въ С.-Петербур. и Москвѣ); Еггерсъ и К^о (въ С.-Петербур.); Яковъ Алексѣев. Исаковъ (въ С.-Петербур.); Никол. Вас. Калачовъ (въ С.-Петербургѣ); Н. Киммель (въ Ригѣ); Леоп. Фоссъ (въ Лейпцигѣ).

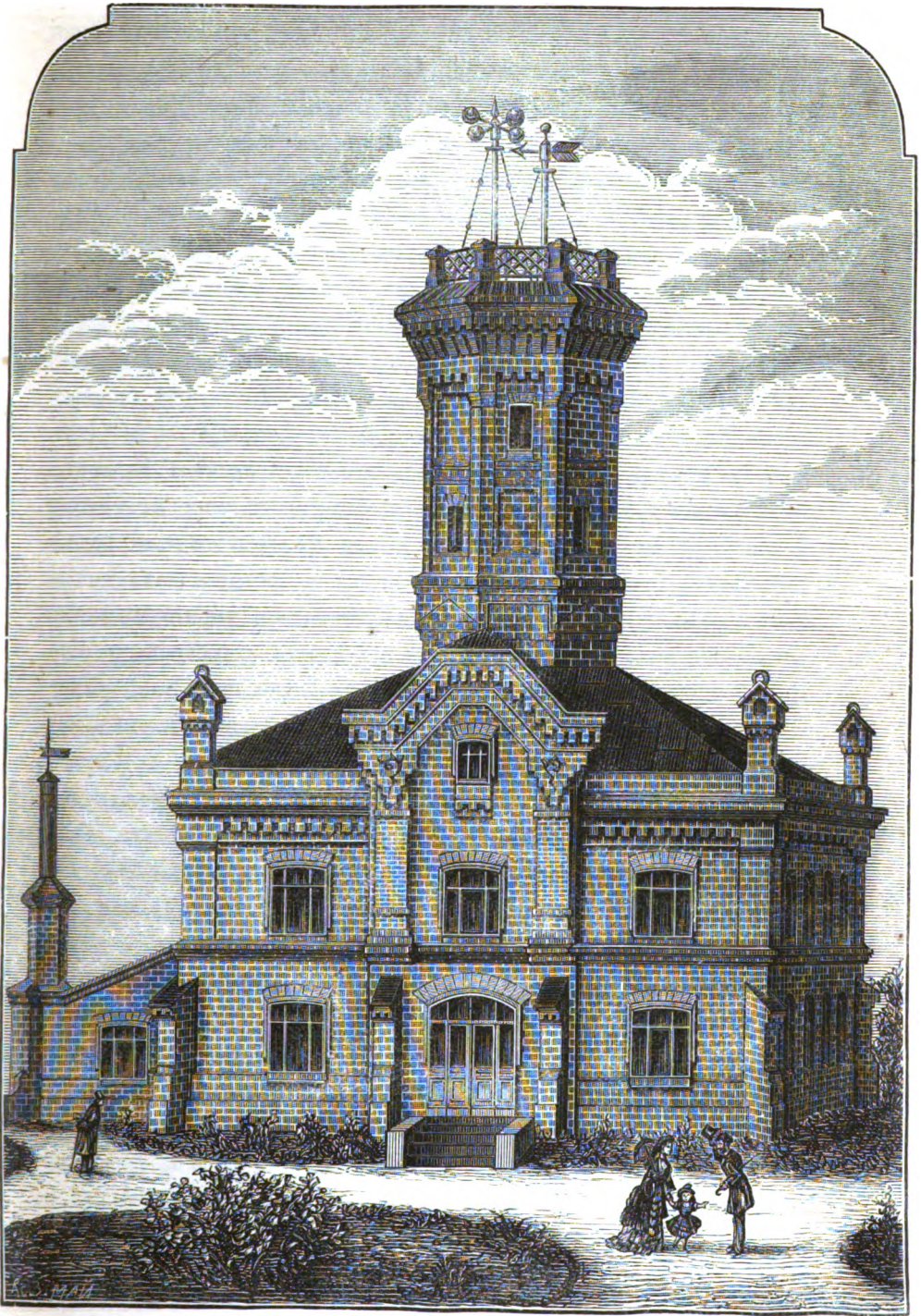
Комисіонеръ при I Отд. Библіотеки: Ив. Прокофьев. Каратаевъ.

НОВАЯ МАГНИТНАЯ И МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ ВЪ НАВЛОВСКѢ.

Г. Вильда.

(Читано 17 Января 1878 г.)

Еще въ 1830 году, по предложенію академика Купфера, построена была въ С.-Петербургѣ отдѣльная магнитная обсерваторія при Императорской Академіи Наукъ. Она была расположена на глазисѣ Петропавловской крѣпости и состояла только изъ небольшого деревяннаго домика, въ которомъ не было желѣза; въ ней не имѣлось помѣщенія для веденія постоянныхъ наблюденій, но производились только, время отъ времени, абсолютныя опредѣленія элементовъ земнаго магнетизма, но и эти измѣренія продолжались лишь до 1835 г. Собственно магнитная и метеорологическая обсерваторія въ С.-Петербургѣ была основана только въ 1840 г., одновременно съ учрежденіемъ магнитныхъ и метеорологическихъ обсерваторій при горныхъ заводахъ въ Екатеринбургѣ, Барнаулѣ и Нерчинскѣ; она находилась на открытомъ дворѣ бывшаго Горнаго Корпуса (нынѣ Горнаго Института), между 22 и 23 линіями, на Васильевскомъ острову. Также какъ и другія обсерваторіи, она построена по плану Купфера; она состояла изъ небольшого зданія, построеннаго безъ желѣза и назначеннаго для абсолютныхъ магнитныхъ измѣреній и для опредѣленія времени, и другаго дома, бѣльшихъ размѣровъ, для варіаціонныхъ магнитныхъ а также и для метеорологическихъ наблюденій. Въ этой обсерваторіи, также какъ и въ другихъ обсерваторіяхъ горнаго вѣдомства, велись, съ неболь-



шими пропусками, болѣе 20 лѣтъ, съ 1841 до 1862 г., ежечасныя метеорологическія и магнитныя наблюденія, которыя были бы драгоцѣннѣйшимъ вкладомъ въ науку, еслибы значеніе ихъ, къ сожалѣнію, не было уменьшено тѣмъ обстоятельствомъ, что вслѣдствіе недостатка личнаго состава, не только въ отдаленныхъ городахъ, но даже въ Петербургской обсерваторіи не было достаточнаго контроля надъ наблюдателями и инструментами, по которымъ велись наблюденія. Такъ, напримѣръ, въ Петербургской обсерваторіи абсолютныя опредѣленія, необходимыя для контроля варіаціонныхъ наблюденій, велись только съ 1841 до 1845 г., а съ тѣхъ поръ до 1862 года, ихъ вовсе не производили. Съ учрежденіемъ, въ 1848 г., Главной Физической Обсерваторіи, ея вѣденію была подчинена и магнитная и метеорологическая обсерваторія горнаго института, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, на ея землѣ, на Васильевскомъ островѣ, между 23 и 24 линіями, построена новая магнитная и метеорологическая обсерваторія болшихъ размѣровъ; она, повидимому, предназначалась первоначально Купферомъ какъ для абсолютныхъ, такъ и для варіаціонныхъ магнитныхъ наблюденій, поэтому ее строили безъ желѣза. Метеорологическія наблюденія перенесены въ это зданіе въ 1862 г., а обсерваторія горнаго института, въ которой они велись до того времени, по ветхости была разобрана. Магнитныя, варіаціонныя и абсолютныя наблюденія начались въ новой обсерваторіи лишь въ 1868 г., причеиъ тотчасъ же было замѣчено, что масса желѣза въ окружающихъ постройкахъ все еще оказывала значительное вліяніе на абсолютныя опредѣленія. Поэтому, когда въ 1869 г. я установилъ и привелъ въ дѣйствіе магнитографы, выписанные Купферомъ, то необходимыя для нихъ абсолютныя опредѣленія производились сначала на открытомъ воздухѣ, на каменномъ столбѣ, установленномъ посреди сосѣдняго участка земли, а впослѣдствіи, когда этотъ участокъ былъ подаренъ городомъ обсерваторіи, наблюденія эти дѣлались внутри небольшой деревянной будки (шириною и высотой въ 3 метра), построенной безъ желѣза вокругъ того же каменнаго столба. При суровости нашего климата такое

состояніе помѣщеній Петербургской магнитной и метеорологической обсерваторіи уже само по себѣ на долгое время было бы невыносимымъ; но оно еще болѣе ухудшилось стеченіемъ различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ; ѣзда по вымощеннымъ улицамъ, прилегающимъ къ обсерваторіи, изъ года въ годъ усиливается и производитъ сотрясенія, весьма вредныя для всѣхъ инструментовъ вообще, и въ особенности для магнитныхъ; затѣмъ, вслѣдствіе постройки фабрикъ, заводовъ и проч., въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ обсерваторіею скопляются временныя или постоянныя массы желѣза; наконецъ и устройство зданія уже не соотвѣтствуетъ измѣнившимся требованіямъ точныхъ магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій, въ особенности относительно сохраненія постоянной температуры въ помѣщеніи самопишущихъ приборовъ.

Такимъ образомъ перенесеніе Петербургской магнитной и метеорологической обсерваторіи въ болѣе удобную мѣстность, въ окрестностяхъ столицы, составляло лишь вопросъ времени; но осуществленіе такого предположенія оказалось возможнымъ только тогда, когда для этой цѣли, въ 1874 г. Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ пожаловать обсерваторіи большой и весьма удобно расположенный участокъ земли, въ принадлежащемъ Его Высочеству паркѣ въ Павловскѣ.

1 іюня 1875 г., по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственного Совѣта, повелѣно учредить при Главной Физической Обсерваторіи подчиненную ей магнитную и метеорологическую обсерваторію въ Павловскѣ, согласно съ проектомъ внесеннымъ министромъ народнаго просвѣщенія по представленію Академіи Наукъ. На слѣдующій годъ, 20 мая, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича была совершена закладка зданій новой обсерваторіи, а 15 августа слѣдующаго года, морской инженеръ Чикалевъ, завѣдывавшій постройками, и подрядчикъ Сакулинъ уже сдали обсерваторіи всѣ строенія, такъ что къ концу 1877 г. была

окончена внутренняя отдѣлка помѣщеній и всѣ инструменты установлены на своихъ мѣстахъ, а съ 1 января 1878 г. (нов. стил.) открылась по всѣмъ частямъ правильная дѣятельность новой обсерваторіи.

Послѣ этого краткаго историческаго очерка возникновенія новой обсерваторіи, приступаю къ описанію самого учрежденія.

Участокъ земли, отведенный обсерваторіи, занимаетъ $7\frac{1}{2}$ десятинъ и имѣетъ почти ромбоидальный видъ; онъ окруженъ канавою и обнесенъ заборомъ. Меньшія стороны ромба (длиною среднимъ числомъ 117,5 сажень = 250 метрамъ) прилегаютъ къ двумъ дорогамъ, изъ которыхъ одна ведетъ изъ Павловска въ колонію Этиопъ, а другая изъ Павловска же въ Ѳедоровскій посадъ; ѣзда по нимъ очень незначительна; за этими дорогами и вдоль одной изъ длинныхъ сторонъ ромба (135 сажень = 288 метрамъ) тянется паркъ Его Императорскаго Высочества, въ которомъ не допускаются никакія постройки. Вдоль другой большой стороны участка (длиною 175 сажень = 373^м) пролегаетъ проселочная дорога, за которою лѣсъ занимаетъ полосу только въ 20 сажень шириною (42^м), а далѣе идутъ поля. Слѣдовательно нашъ участокъ расположенъ на самомъ краю парка, вблизи полей, потому нѣтъ повода опасаться, что онъ обладаетъ лѣснымъ климатомъ. Ближайшія отъ него строенія находятся въ колоніи Этиопъ, гдѣ всего 2 или 3 дома покрыты желѣзомъ; это селеніе лежитъ въ разстояніи болѣе 200 сажень (427 метровъ) отъ участка обсерваторіи; ближайшія дачи въ Павловскѣ удалены отъ насъ до 350 сажень (747^м) а дачи воксала желѣзной дороги не менѣе 2-хъ верстъ (2,1 километровъ). Такимъ образомъ здѣсь наблюденія на долго обезпечены отъ вреднаго вліянія какъ желѣзныхъ масть, такъ и сотрясеній, производимыхъ проѣздомъ экипажей или воевъ.

Строеніе почвы, по буровымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ трехъ мѣстахъ участка, оказалось вездѣ почти одинаковымъ, а именно подъ слоємъ чернозема, глубиною отъ 4 до 5 дюймовъ (10 сантиметровъ), лежитъ слой чистаго песку, тол-

щиною въ 1 сажень (2¹), дагѣ подъ нимъ слѣдуетъ тонкій слой галекъ и затѣмъ глина. Поверхность земли отъ Федоровской дороги къ Этюпу понижается до 2 сажень (4³); по тому же направленію но нѣсколько меньшее паденіе оказалось и въ глиняномъ слоѣ, такъ что вода стекаетъ въ сторону къ Этюпу и съ этой стороны образуетъ мѣстами болотистую почву, которая, впрочемъ, теперь совершенно осушена, даже въ самыхъ низменныхъ частяхъ, благодаря тому обстоятельству, что при добычѣ земли для насыпи, сдѣланной надъ магнитнымъ варіаціоннымъ павильономъ, былъ вырытъ обширный прудъ, глубиною до глинянаго слоя; здѣсь собирается вода, которая отсюда стекаетъ въ канаву, окружающую участокъ; осушкѣ почвы много способствовала также вырубка значительной части лѣса, который прежде сплошь покрывалъ обсерваторскую землю.

Для ученыхъ цѣлей обсерваторіи служатъ три зданія, а именно: одно, каменное съ башнею, преимущественно для метеорологическихъ наблюдений; другое, каменное же съ двойнымъ сводомъ, покрытое землею, для варіаціонныхъ магнитныхъ наблюдений, и наконецъ деревянный павильонъ, построенный совершенно безъ желѣза—для абсолютныхъ магнитныхъ измѣреній и для опредѣленія времени. Планы этихъ зданій составлены, по моимъ указаніямъ, архитекторомъ Академіи Наукъ г. Больтенгагеномъ. Остальныя четыре деревянныхъ строенія назначены подъ квартиры должностныхъ лицъ, а также подъ хозяйственныя принадлежности, конюшню, сарай, погребъ, прачешную, дровяной сарай и проч.

Жилыя и хозяйственныя помѣщенія, также какъ и главное зданіе, расположены на участкѣ около вѣзда въ обсерваторію со стороны Федоровской дороги, а магнитные павильоны, напротивъ того, построены посреди участка.

Эти павильоны находятся въ разстояніи около 75 сажень (160 метровъ) отъ каждой изъ упомянутыхъ дорогъ и въ разстояніи 40 сажень (85 метровъ) другъ отъ друга, при чемъ почти на столько же каждый изъ нихъ удаленъ отъ ближайшей гра-

ницы участка. Такъ какъ при этомъ, они удалены не менѣе 60 сажень отъ главнаго зданія и остальныхъ построекъ обсерваторіи, которыя къ тому же покрыты всѣ *не жельзомъ*, но кровельнымъ толемъ, то можно быть совершенно спокойнымъ, что здѣсь магнитныя наблюденія не будутъ подвержены никакому вредному вліянію отъ близости желѣзныхъ массъ или отъ сотрясеній, производимыхъ ѣздой экипажей. Дѣйствительно, до сихъ поръ, мы не замѣтили ни малѣйшихъ признаковъ сотрясеній или другихъ постороннихъ вліяній на наблюденія. Даже и въ главномъ зданіи, которое находится только въ 30 саженьяхъ (64^м) отъ дороги, сотрясеній до сихъ поръ не было замѣчено.

Главное зданіе, подобно прочимъ постройкамъ обсерваторіи, въ точности ориентировано по меридіану; оно имѣетъ въ планѣ форму почти квадрата, сторона котораго равна около 8 саженьямъ (17^м); зданіе это двухъ-этажное съ башнею, которая подымается до 11 сажень высоты (23,5^м). Нижній этажъ лишь немного поднять надъ землею; кромѣ части его, занятой сѣнями и лѣстницею, въ немъ помѣщаются: механическая и столярная мастерскія, физическая лабораторія съ необходимыми вспомогательными средствами для измѣренія мѣръ длины, для взвѣшиванья, для намагничиванія стальныхъ магнитовъ и для ихъ изслѣдованія; здѣсь же стоятъ инструменты для опредѣленія электродвигательной силы и сопротивленія гальваническихъ элементовъ, также какъ приборы для измѣренія сопротивленія въ проволочныхъ проводникахъ; воздушные насосы для выкачиванія воздуха и проч.; затѣмъ, въ томъ же этажѣ находится химическая лабораторія, въ которой помѣщается также дистилляторъ; непосредственно къ этой комнатѣ примыкаетъ особая фотографическая лабораторія съ темною комнатою для изготовленія фотографической бумаги для магнитографа; между физическою и химическою лабораторіями находится небольшое помѣщеніе для гальваническихъ батарей, съ приспособленіями для ихъ чистки. Сверхъ того, въ нижнемъ же этажѣ отведена комната для сто рожа этого зданія, и въ особой пристройкѣ къ мастерской,

помѣщается насосъ, накачивающій воду изъ колодца въ систерну, установленную въ башнѣ, откуда вода по трубамъ проведена въ лабораторію главнаго зданія и въ жилья помѣщенія. Наконецъ въ центральной части нижняго этажа помѣщены печи, которыя, помощью нагрѣтаго воздуха, проведеннаго въ трубахъ, отапливаютъ все зданіе. Непосредственно надъ этимъ помѣщеніемъ, въ торомъ этажѣ, находится круглый залъ со сводомъ; въ немъ поставлены тѣ инструменты, для которыхъ особонно важно сохранять постоянную температуру, а именно: регуляторъ Вирена съ ртутною компенсаціею маятника; два хронометра въ ящикахъ, которые идутъ по среднему времени; два карманныхъ хронометра, ходъ которыхъ регулированъ по звѣздному времени; часы съ электрическимъ, замыкающимъ, секунднымъ маятникомъ; здѣсь же установленъ самопишущій барографъ съ компенсаціею отъ температуры. Вокругъ этого круглаго зала расположены: рабочіе кабинеты директора и завѣдующаго обсерваторіею, далѣе залъ, въ которомъ помѣщается библіотека, подаренная обсерваторіи статсъ-секретаремъ А. В. Головиннымъ; затѣмъ слѣдуетъ кабинетъ съ ученою ручною библіотекою, большая комната для вычислителей и, наконецъ, комната для дежурнаго наблюдателя, въ которой помѣщены два ртутныхъ барометра и анероидъ для прямыхъ отсчетовъ; электрической счетчикъ нормальнаго анемометра, установленнаго на башнѣ, Эттингена, печатный приборъ анемографа, работы Дерптскаго механика Шульца; стѣнные часы, замыкающіе черезъ каждыя 10 минутъ токъ въ электрически-самопишущихъ приборахъ; хронографъ, и, наконецъ, телефонная станція для переговоровъ съ магнитными павильонами. Небольшая винтовая лѣстница ведетъ изъ дежурной комнаты внизъ, въ помѣщеніе гальваническихъ батарей, откуда наблюдатель черезъ двойныя стеклянныя двери выходятъ въ построенный съ сѣверной стороны зданія, деревянный павильонъ, въ которомъ установлены термометръ и гигрометръ. Этотъ довольно обширный деревянный павильонъ, въ 16,5 ф. (5^м) высотой и въ 17,5 ф. (5,3^м) шириною и длиною, съ сѣверной стороны совер-

шенно открытъ, а сверху покрытъ двойною крышею, имѣющею весьма малый уклонъ; сторона, обращенная къ дому, также открыта, за исключеніемъ входнаго коридора, отъ котораго павильонъ отдѣленъ стекляннымъ окномъ и дверью; внизу, до высоты 5 футъ (1⁵/₅) надъ землею всѣ стороны павильона также совершенно открыты, а выше боковыя стѣнки состоятъ изъ подвижныхъ жалюзи. Отсчеты по термометрамъ, можно дѣлать черезъ упомянутое окошко, помощью зрительной трубы, или наблюдатель можетъ также подойти для этого къ каждому отдѣльному инструменту, для чего устроенъ къ нимъ рѣшетчатый ходъ. Всѣ эти инструменты утверждены на отдѣльныхъ столбахъ, врытыхъ въ землю; въ числѣ ихъ находятся: термометрическая клѣтка для непосредственныхъ наблюденій надъ температурою и влажностью воздуха съ психрометромъ, волоснымъ гигрометромъ, максимумъ-и минимумъ-термометромъ, совершенно того образца, который введенъ на всѣхъ нашихъ метеорологическихъ станціяхъ; далѣе электрической термо-и гигрографъ Гаслера и Ешера, построенный по моимъ указаніямъ, съ контрольными инструментами для непосредственныхъ отсчетовъ; изъ шкафа, въ которомъ стоитъ этотъ приборъ, проведена для вентиляціи труба высотой до 15 футовъ (4⁶/₆), проходящая сквозь крышу павильона; затѣмъ, здѣсь же установленъ фотографическій самопишущій психрометръ Эди (стараго устройства) и, наконецъ мой вѣсовой эвапорометръ для непосредственныхъ отсчетовъ. Шарика всѣхъ термометровъ находятся на одинаковой высотѣ, около 8 футовъ (2⁴/₄) надъ поверхностью земли (покрытой травкою).

Дополненіемъ къ этому термометрическому павильону, служить, установленные посреди обширнаго открытаго луга, въ 24 саженьяхъ (51²/₂) къ сѣверу отъ зданія, радіаціонный термометръ съ чернымъ шарикомъ въ пустомъ стеклянномъ резервуарѣ и обыкновенный спиртовой минимумъ-термометръ для наблюденій температуры на самой поверхности земли. Здѣсь же установлены два дождемѣра различныхъ системъ для непосредственныхъ наблюденій (на высотѣ 2 метровъ надъ поверхностью зем-

ли); а также электрическіе самопишущіе дожде-и аетрографъ и омбро-и анемографъ, установленные въ отдѣльных будкахъ оба эти прибора построены, по моимъ указаніямъ, Гаслеромъ; они соединены подземнымъ телеграфнымъ канатомъ съ часами и гальваническою батареею въ главномъ зданіи. Тутъ же предполагается впоследствии опустить въ землю термометръ для наблюдений температуры почвы и установить второй электрическій самопишущій термо-и-гигрографъ, который будетъ перевезенъ сюда изъ Главной Физической Обсерваторіи. Наконецъ, на пруду мы полагаемъ устроить, въ 1878 г., пловучій евапорометръ.

Упомянутый анемографъ, устроенный вмѣстѣ съ дождеграфомъ, назначенъ только для того, чтобы показывать различіе вѣтра вблизи земной поверхности и на высотѣ. Для нормальныхъ наблюдений надъ вѣтромъ служатъ слѣдующіе анемометры, установленные на платформѣ, на верху башни: мой малый флюгеръ съ доскою-указателемъ силы вѣтра для непосредственныхъ наблюдений, такого же устройства, какъ и на обыкновенныхъ метеорологическихъ станціяхъ; онъ возвышается на 12,5 футъ (3⁷/₈) надъ крышею башни и слѣдовательно, находится на высотѣ 89,5 футъ (27³/₈) надъ поверхностью земли; анемографъ Эттингена, работы Шульца, въ которомъ Робинзоновы анемометрическія чашки возвышаются на 16 ф. (4⁹/₈) надъ платформою и на 93 ф. (28³/₈) надъ поверхностью земли; его разложитель скоростей, установленный въ верхнемъ этажѣ башни, даетъ въ тоже время возможность получать непосредственные отсчеты направленія и скорости вѣтра, какъ въ обыкновенныхъ анемометрахъ. (Принадлежащій къ нему печатный приборъ для отмѣтки составляющихъ скоростей вѣтра находится въ дежурной комнатѣ и соединенъ проводниками съ разложителемъ скоростей въ башнѣ). Второй анемографъ, работы Лондонскаго механика Мунро, устроенъ по образцу анемографовъ системы Кью. Робинзоновы чашки этого прибора находятся на 11 ф. (3³/₈) выше платформы башни; слѣдовательно, онѣ возвышаются на 88 ф. (26⁸/₈) надъ поверхностью земли.

Пишущая часть анемографа находится въ верхнемъ этажѣ башни; стержень, соединяющій ее съ приемникомъ, также какъ и въ анемографѣ Этингена, проходитъ сквозь крышу башни. Вслѣдствіе высокой установки Робинзоновыхъ чашекъ и флюгеровъ, чистка ихъ дѣлается затруднительною; тѣмъ не менѣе, мы принуждены были ихъ поднять достаточно высоко надъ крышею башни, чтобы съ одной стороны устранить вредное вліяніе ближайшихъ деревьевъ, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ высоты башни, а съ другой стороны, чтобы по возможности избѣгнуть вліянія удара вѣтра о самую башню. Наконецъ, для повѣрки анемографовъ, на башнѣ поставленъ еще одинъ переносный нормальный анемометръ Робинзона, работы Шульца; инструментъ этотъ, по желанію, можетъ быть поднять на одинаковую высоту съ тѣмъ или другимъ приборомъ; электрическій счетчикъ его, какъ упомянуто выше, находится въ дежурной комнатѣ.

Если прибавимъ къ этому, что въ подземномъ магнитномъ павильонѣ установленъ еще одинъ барографъ, отмѣчающій помощью фотографіи перемены въ атмосферномъ давленіи, то увидимъ отсюда, что не только всѣ метеорологическіе инструменты для прямыхъ наблюдений, но и всѣ самопишущіе метеорологическіе приборы имѣются и находятся въ дѣйстви въ двойныхъ экземплярахъ; такимъ образомъ съ одной стороны устраняется возможность какой либо случайной ошибки въ прямыхъ отсчетахъ, а съ другой обезпечена непрерывная запись всѣхъ элементовъ, въ случаѣ временнаго поврежденія того или другаго прибора. На доброкачественность инструментовъ можно вполне положиться, такъ какъ подобные экземпляры, испытанные въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ С.-Петербургѣ, дали совершенно удовлетворительный результатъ. Едва ли нужно говорить, что, для полученія точныхъ абсолютныхъ величинъ, барометръ здѣшней обсерваторіи былъ сравненъ, помощью переноснаго первокласнаго барометра, съ нормальнымъ барометромъ Главной Физической Обсерваторіи; точно также всѣ здѣшніе термометры повѣрены

по ся нормальному термометру. Наконецъ и коэффициенты нормального анемометра были вновь опредѣлены на вращающемся приборѣ Главной Физической Обсерваторіи.

Такимъ образомъ, какъ относительно мѣстныхъ условій, такъ и относительно инструментовъ приняты всѣ мѣры для того, чтобы съ достаточною точностью опредѣлять обыкновенныя метеорологическіе элементы и вести непрерывныя наблюденія надъ ними.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію зданій, построенныхъ для магнитныхъ наблюденій, считаю не лишнимъ изложить въ нѣсколькихъ словахъ тѣ общія основанія, которыми я руководствовался при составленіи плана расположенія и установки магнитныхъ инструментовъ. Прежде всего, очевидно, что для абсолютныхъ магнитныхъ опредѣленій необходимъ отдѣльный павильонъ, безъ желѣза, достаточно удаленный отъ всѣхъ прочихъ зданій, въ которыя могло войти желѣзо. Затѣмъ, я считалъ наиболее удобнымъ, подобно тому какъ это было и въ прежнихъ обсерваторіяхъ, отдѣлить въ этомъ же зданіи помѣщеніе для опредѣленія времени, такъ какъ во всякомъ случаѣ здѣсь необходимы астрономическія наблюденія для опредѣленія азимута миры, которую пользуются при измѣреніи магнитнаго склоненія.

Напротивъ того, относительно помѣщенія для варіаціонныхъ магнитныхъ приборовъ вопросъ не представлялся столь опредѣленнымъ. Для нихъ требуется не столько совершенное отсутствіе желѣза въ строеніи, сколько неизмѣняемость въ распредѣленіи того, во всякомъ случаѣ незначительнаго, количества его, которое можетъ находиться въ зданіи; другими словами, необходимо, чтобы вліяніе его на магниты оставалось совершенно постояннымъ. Въ такомъ случаѣ это вредное вліяніе, также какъ и дѣйствіе одного магнита на другой въ варіаціонныхъ приборахъ, совершенно устраняется въ результатахъ при помощи абсолютныхъ опредѣленій. На этомъ основаніи, и имѣя въ виду необходимость сохранять постоянную температуру въ помѣщеніи варіаціонныхъ приборовъ, обыкновенно ихъ устанавливали въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ находятся и метеорологическіе инструменты, или даже

въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Поддерживать постоянную температуру въ этихъ приборахъ особенно важно потому, что перемены ея оказываютъ цѣлый рядъ разнообразныхъ вліяній, которыя принять въ расчетъ весьма затруднительно.

Съ этою цѣлью въ нѣкоторыхъ обсерваторіяхъ, какъ напримеръ въ Гринвичѣ и въ Кью и отчасти въ Мюнхенѣ, Утрехтѣ и Вѣнѣ, варіаціонные магнитные приборы установлены въ подвалахъ. Вначалѣ я также думалъ помѣстить нашъ магнитографъ и варіаціонный магнитометръ въ подвалѣ главнаго зданія, что было бы весьма удобно для надзора за инструментами, для прямыхъ наблюденій, для перемены фотографической бумаги и проч. Однако, я скоро долженъ былъ оставить эту мысль, принявъ въ соображеніе, что на разстояніи 8²/₅ (4 сажень) т. е. половины ширины или глубины главнаго зданія, даже небольшой стальной магнитъ, вѣсомъ въ 70 граммовъ, своимъ постояннымъ магнетизмомъ, или маса мягкаго желѣза вѣсомъ въ 2³/₄ килограмма своею индукцією производятъ отклоненія стрѣлки въ магнитографѣ склоненія на 0,1 минуты въ дугѣ. Между тѣмъ водопроводная труба, бакъ для воды въ башнѣ, насосъ, столярный станокъ, кузнечная наковальня, слесарные тиски въ механической мастерской, электромагнитная машина и воздушный насосъ въ физической лабораторіи заключаютъ въ себѣ общую масу желѣза и стали, вліяніе которой на магнитъ превышаетъ по крайней мѣрѣ во 100 разъ указанный предѣлъ. Хотя большая часть этого желѣза и стали утверждена неподвижно и, слѣдовательно, значительная часть вреднаго вліянія ихъ остается постоянною, тѣмъ не менѣе въ мастерскихъ и въ рабочихъ комнатахъ главнаго зданія находится еще столько переносныхъ желѣзныхъ инструментовъ и вещей, что и ихъ вліяніе на магниты варіаціонныхъ приборовъ въ томъ же зданіи было бы весьма ощутительнымъ. При такихъ обстоятельствахъ, оказалось необходимымъ построить отдѣльное зданіе для магнитныхъ варіаціонныхъ приборовъ.

Каждому, кто только занимался наблюденіями надъ земнымъ магнетизмомъ, извѣстно какое затрудненіе при этомъ представ-

ляютъ переменны температуры въ помѣщеніи варіаціонныхъ приборовъ, въ особенности при опредѣленіи горизонтальнаго и вертикальнаго напряженія. Подъ колпаками или въ ящикахъ, въ которыхъ установлены магниты, вслѣдствіе разности температуръ возбуждаются воздушные токи; вліяніе этого обстоятельства, также какъ и вліяніе перемены магнитнаго состоянія стрѣлки при измѣненіи температуры ея, весьма трудно устранить или принять въ расчетъ; вслѣдствіе этого въ значительной степени утрачивается въ результатѣ та точность, которая достигается въ самыхъ наблюденіяхъ по варіаціоннымъ приборамъ, при отсчетахъ помощью зрительной трубы и шкалы отраженной въ зеркалѣ. Слѣдовательно въ этихъ приборахъ необходимо устранить быстрыя и значительныя переменны температуры. Вліяніе медленнаго и постепеннаго измѣненія температуры этихъ приборовъ, какъ на примѣръ, въ теченіе года, можетъ быть надежнѣе опредѣлено посредствомъ абсолютныхъ измѣреній; но и въ этомъ отношеніи было бы весьма важнымъ усовершенствованіемъ, еслибы удалось достигнуть вообще совершеннаго постоянства температуры въ рассматриваемомъ помѣщеніи. (Въ магнитныхъ варіаціонныхъ приборахъ, подобно тому какъ въ стѣнныхъ часахъ и въ хронометрѣ, пытались устроить компенсацію отъ температуры, но безъ такого успѣха, который былъ достигнутъ въ послѣднихъ инструментахъ). При большихъ годовыхъ амплитудахъ температуры воздуха въ Петербургѣ, для достиженія означенной цѣли, если только это окажется возможнымъ, необходимо было принять особыя мѣры, тѣмъ болѣе, что на мѣстѣ, избранномъ для этого зданія, нельзя было устроить подземнаго помѣщенія, такъ какъ на глубинѣ менѣе 1 сажени (2 метровъ) уже показывалась грунтовая вода. Такимъ образомъ приходилось построить зданіе надъ землею, а для замедленія и уменьшенія перемены температуры засыпать его землею. Толщина этого землянаго покрова должна бы быть около 9 метровъ, для того чтобы годовыя колебанія средней температуры воздуха (28° Ц.) уменьшить въ нашемъ зданіи до 1° Ц.; но такъ какъ на дѣлѣ

оказалось возможнымъ насыпать слой не болѣе 1¹/₂ толщиной, причемъ годовая амплитуда температуры уменьшается только до 15° Ц., то для сохраненія постоянной температуры необходимо было прибѣгнуть къ искусственному нагрѣванію или охлажденію зданія внутри. Мы избрали первое, какъ наиболѣе удобное исполнимое; при томъ нагрѣваніе даетъ возможность избѣгнуть сильнаго осажденія влаги на стѣнахъ зданія, вслѣдствіе притока къ нимъ лѣтомъ теплаго и влажнаго наружнаго воздуха; принимая при этомъ въ соображеніе, что температура ночью на глубинѣ 1¹/₂ достигаетъ минимума, около 0°, въ апрѣлѣ, и максимума, около 15°, въ августѣ, оказывается необходимымъ поддерживать постоянную температуру выше 15°. Если же примемъ во вниманіе, что пламя трехъ лампъ магнитографовъ производитъ также весьма сильное нагрѣваніе, то постоянную температуру придется поднять еще выше и едва ли возможно будетъ установить ее ниже 20° Ц. Столь высокая температура представляетъ еще и то удобство, что при этомъ приближеніе наблюдателя, или лампы для освѣщенія того или другаго прибора, во время прямыхъ наблюденій, нарушаетъ въ меньшей степени равномерное распредѣленіе температуры. Такимъ образомъ это зданіе, во всякомъ случаѣ, должно быть отапливаемо зимою и лѣтомъ, что впрочемъ, необходимо и для вентиляціи. Затѣмъ, при устройствѣ печей слѣдовало озаботиться, чтобы помѣщеніе не нагрѣвалось преимущественно только съ одной какой либо стороны, а также, чтобы даже при всей неосторожности истопника не могло произойти внезапнаго повышенія температуры. Для соблюденія этого условія необходимо было избрать отопленіе помощью нагрѣтаго воздуха, такъ какъ нагрѣваніе и охлажденіе при этомъ происходятъ очень медленно; для достиженія равномернаго распредѣленія температуры я счелъ за лучшее нагрѣтый воздухъ не впускать непосредственно въ комнату магнитографовъ, но провести въ коридоръ, окружающій со всѣхъ сторонъ это помѣщеніе, и въ пространство между двумя сводами, составляющими потолокъ; отсюда воздухъ входитъ во внутреннее помѣ-

щеніе, гдѣ снизу, на полу, воздухъ втягивается въ вентиляціонную трубу и оттуда выходитъ наружу.

Согласно съ изложенными условіями составленъ планъ и по немъ выстроено особое зданіе для магнитныхъ варіаціонныхъ приборовъ, которое для краткости мы будемъ называть «подземнымъ магнитнымъ павильономъ». Оно состоитъ изъ двухъ, покрытыхъ сводомъ, залъ, въ 3 сажени (6^м4) шириною и длиною каждый; эти залы отдѣлены одинъ отъ другаго коридоромъ въ 6 ф. (1^м8) шириною, и имѣютъ каждый полукруглую форму; въ серединѣ свода высота залъ = 16 ф. (4^м8). Надъ этимъ сводомъ построенъ второй сводъ, образующій внизу коридоръ, въ 4 ф. (1^м2) ширины, который окружаетъ оба зала и находится съ обѣихъ сторонъ въ сообщеніи съ среднимъ коридоромъ, отдѣляющимъ одинъ залъ отъ другаго. Печь устроена на входномъ концѣ коридора, откуда нагрѣтый воздухъ по трубамъ проведенъ въ коридоръ, на противоположномъ, закрытомъ концѣ котораго сдѣлано большое отверстіе сквозь внутренній сводъ; черезъ это воздухъ вступаетъ въ залы, затѣмъ онъ черезъ вентиляціонную трубу, проведенную вблизи дымовой трубы, выходитъ наружу. Дымовая и вентиляціонная трубы проходятъ сквозь наружный сводъ и сквозь земляную насыпь и, для усиленія тяги, поднимаются надъ нею еще слишкомъ на сажень. Земляная насыпь образуетъ собою холмъ, который весь покрытъ дерномъ. Все зданіе, включая и тунелеобразный входъ въ него, построено изъ обыкновеннаго (краснаго) кирпича и цемента; такъ какъ въ этомъ кирпичѣ попадаются желѣзныя частицы, то зданіе нельзя признать совершенно свободнымъ отъ желѣза; но всѣ подвижныя части, какъ-то замки и ручки у дверей, заслонка вентилятора, заслонки у печки, кочерга и проч., сдѣланы изъ желтой или красной мѣди. Каждый изъ залъ отдѣленъ отъ коридора закрытою дверью; сверхъ того, со стороны входа находятся въ довольно значительномъ разстояніи одна отъ другой три двери, которыя задерживаютъ прямое сообщеніе наружнаго воздуха съ внутреннимъ и затрудняютъ обмѣнъ температуръ.

Въ одномъ изъ залъ установленъ магнитографъ (Лондонскаго механика Эди, по образцу магнитографовъ системы Кью); онъ только въ декабрѣ перевезенъ изъ Главной Физической Обсерваторіи въ Павловскъ. Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы ввести въ немъ различныя усовершенствованія. Какъ въ однопитномъ, такъ и въ двупитномъ магнитометрахъ мы удвоили высоту нитей, на которыхъ подвѣшены магниты; такимъ образомъ уменьшено вліяніе крученія нити и, слѣдовательно, достигается большее постоянство въ состояніи прибора. Затѣмъ у всѣхъ 3-хъ инструментовъ магнитографа (однопитнаго, двупитнаго и Лойдовыхъ вѣсовъ) прежніе стеклянные колпаки замѣнены новыми, лучшими и болѣе высокими, причемъ мы успѣли достигнуть, чтобы эти помѣщенія для магнитовъ могли дѣйствительно герметически быть закрытыми; поэтому, въ случаѣ если то потребуется, воздухъ изъ нихъ можетъ быть вытянутъ. Для того, чтобы и теперь уже уменьшить вліяніе возможныхъ воздушныхъ токовъ подъ колпакомъ, демферы, окружающіе магниты, съ одной стороны закрыты стеклянными пластинками. Размѣры зала дозволили раздвинуть на большія разстоянія другъ отъ друга и отъ пишущей части прибора всѣ три магнитометра; черезъ это запись перемѣнъ всѣхъ магнитныхъ элементовъ производится въ болѣемъ масштабѣ; зрительныя трубы и шкалы для прямыхъ отсчетовъ также можно было расположить удобнѣе, чѣмъ прежде. Каменные тумбы, на которыхъ установленъ магнитографъ, стояли въ Петербургѣ просто на мозаиковомъ полу; теперь же онѣ утверждены на отдѣльномъ каменномъ фундаментѣ, такъ что инструментъ здѣсь установленъ болѣе прочно. Какъ въ Петербургѣ, такъ и здѣсь надъ 3-мя лампами, которыя горятъ днемъ и ночью и служатъ для фототрафической записи, устроены жестяныя трубы, которыя выносятся въ вентиляторъ продукты горѣнія.

Кромѣ магнитографа, въ томъ же залѣ находится выше упомянутый фотографическій барографъ, работы Эди. Мы его поставили здѣсь въ виду постоянства температуры въ этой комнатѣ.

Магнитные вариационные приборы для непосредственныхъ отсчетовъ установлены во второмъ залѣ, также на отдѣльныхъ гранитныхъ столбахъ, врытыхъ въ землю. Они состоятъ изъ одного однонитнаго, одного двунитнаго магнитометровъ, Лойдовыхъ вѣсовъ и вариационнаго инклинатора. Первые два инструмента построены по моимъ указаніямъ механикомъ Едельманомъ въ Мюнхенѣ.

Главное ихъ отличіе отъ другихъ приборовъ этого рода заключается въ бѣльшей прочности каждой части; затѣмъ при длинѣ нитей около 1 метра мы окружили подвѣшенные на нихъ небольшіе магниты (вѣсомъ всего въ 33 грама) сильными демферами; далѣе, камеры, въ которыхъ помѣщаются магниты, устроены такъ, чтобы изъ нихъ можно было выкачать воздухъ и удержать ихъ въ этомъ состояніи, причемъ магниты остаются видными снаружи, такъ что во всякое время можно убѣдиться въ ихъ исправности.

Лойдовы вѣсы устроены изъ совершенно передѣланнаго стараго инструмента этого рода, находившагося въ Главной Физической Обсерваторіи; этотъ приборъ теперь снабженъ сильнымъ демферомъ, а главное, мы примѣнили къ нему отсчеты помощью шкалы, отраженной въ зеркалѣ, на тѣхъ же основаніяхъ какъ это введено мною для вѣсовъ вообще, причемъ не смотря на вращеніе магнита около горизонтальной оси, отсчеты дѣлаются по горизонтальной шкалѣ, какъ въ магнитометрахъ, что гораздо удобнѣе, чѣмъ отсчеты по вертикальной шкалѣ; при устройствѣ этого прибора мы озаботились и о томъ, чтобы придать надлежащую прочность всѣмъ его частямъ. Шкалы и зрительныя трубы къ этимъ тремъ инструментамъ также установлены весьма прочно на каменныхъ столикахъ; сверхъ того, для удостовѣренія въ неизмѣняемости положенія зрительныхъ трубъ служатъ неподвижныя зеркальныя миры у каждаго изъ приборовъ. Для того, чтобы самыя шкалы оставались неизмѣнными, онѣ нанесены на стеклѣ, что даетъ въ то же время возможность въ этой совершенно темной комнатѣ очень просто и хорошо освѣщать дѣленія

шкалы; для этого наблюдатель ставитъ на столикъ позади шкалы ручной фонарь, устроенный безъ желѣза и снабженный собирательнымъ стекломъ, которое направляется на зеркало; тогда въ зрительной трубѣ весьма отчетливо видны отраженныя черныя дѣленія шкалы на яркомъ свѣтломъ фонѣ.

Вариационный инклинаторъ установленъ здѣсь тотъ самый, который былъ изготовленъ Гамбеемъ въ Парижѣ по указаніямъ Купфера; послѣдній представилъ его Академіи Наукъ въ зазданіи ея 25 августа 1830 г. и описалъ въ своемъ собраніи магнитныхъ наблюденій, произведенныхъ въ Петербургѣ (*Recueil d'observations magnétiques faites à St. Pétersbourg*, стр. 99 и слѣд). Такъ какъ по этому инструменту, сохранявшемуся въ физическомъ кабинетѣ Академіи, были произведены первыя наблюденія надъ перемѣнами магнитнаго наклоненія, и такъ какъ онъ найденъ вполне исправнымъ, то я счелъ интереснымъ провѣрить, изъ болѣе длиннаго ряда наблюденій, на сколько его показанія согласуются съ наклоненіями, получаемыми на основаніи наблюденій по двунитному магнитометру и по Лойдовымъ вѣсамъ. Всѣ четыре инструмента такъ расположены, чтобы вліяніе ихъ одного на другой было наименьшее; наибольшее вліяніе оказываетъ магнитная стрѣлка вариационнаго инклинатора на магнитъ Лойдовыхъ вѣсовъ; но и въ этомъ случаѣ, когда упомянутую стрѣлку вынули изъ прибора и унесли изъ павильона, то положеніе магнита Лойдовыхъ вѣсовъ измѣнилось только на 2,4 дѣленія = 1' 24".

Въ этой же комнатѣ, прямо передъ каменнымъ столикомъ, на которомъ установлены зрительныя трубы, находятся стѣнные часы, которые помощью электромагнитнаго привода соединены съ электрическими часами въ главномъ зданіи такъ, что маятники ихъ совершаютъ колебанія одновременно; поэтому эти часы идутъ совершенно одинаково съ находящимися въ главномъ зданіи; они служатъ для отмѣтокъ точныхъ моментовъ каждаго наблюденія. Тѣ же часы, помощью особаго привода, ежечасно замыкаютъ гальванической элементъ и тѣмъ сообщаютъ токъ, который, проходя по соленоидамъ, устроеннымъ вокругъ каждаго

изъ магнитовъ, отклоняетъ на короткое время магниты отъ ихъ нормальнаго положенія, вслѣдствіе чего на фотографическихъ кривыхъ получаютъ отмѣтки часовъ. Наконецъ, надъ часовымъ шкафомъ находится электрическій звонокъ, которымъ наблюдателю варіаціонныхъ приборовъ сообщаются сигналы изъ павильона абсолютныхъ опредѣленій, для производства одновременныхъ отсчетовъ. Сверхъ того, помощью другаго электрическаго звонка, въ коридорѣ, сюда могутъ быть сообщаемы сигналы изъ главнаго зданія; наконецъ, изъ каждаго зала можно переговариваться какъ съ главнымъ зданіемъ, такъ и съ павильономъ абсолютныхъ измѣреній посредствомъ телефоновъ и электрическихъ звонковъ.

Если при постройкѣ подземнаго магнитнаго павильона и не было вполнѣ устранено присутствіе нѣкотораго незначительнаго количества желѣза, то это, какъ мы видѣли, не можетъ оказывать вреднаго вліянія на точность наблюденій; напротивъ того, зданіе для абсолютныхъ магнитныхъ измѣреній, которое для краткости я назову «деревяннымъ магнитнымъ павильономъ», построено совершенно безъ желѣза; всѣ металлическія части, какъ то замки, крючки, гвозди, винты, печныя заслонки и проч. — сдѣланы изъ желтой или красной мѣди и были, сверхъ того, помощью чувствительнаго магнитометра тщательно испытаны, не заключаютъ ли они въ себѣ желѣза. Точно также были испытаны известковые камни, вошедшіе въ фундаментъ, бѣлые кирпичи, изъ которыхъ сложены печи и дымовыя трубы и гранитные камни, которые служатъ фундаментомъ для установки инструментовъ. Во все время постройки съ нашей стороны весьма строго наблюдалось, чтобы работники, согласно съ отданнымъ имъ приказаніемъ, не забивали ни одного желѣзнаго гвоздя даже въ лѣсахъ, возведенныхъ на время вокругъ зданія. При весьма тщательномъ осмотрѣ зданія, по совершенномъ окончаніи его, но прежде чѣмъ стѣны были выкрашены масляною краскою и крыша покрыта смолою, мы не открыли въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ желѣза. Главный залъ этого зданія, также какъ и весь

павильонъ, имѣеть форму креста. Надъ серединою креста возвышается квадратный фонарь, въ 9 ф. (2^м;7) шириною и длиною, съ тройными рамами. Фонарь на столько высокъ, что, при самомъ высокомъ положеніи солнца, лучи его падаютъ только на стѣны фонаря и непосредственно не проникаютъ внутрь зданія. На сѣверномъ и южномъ концахъ зала подъ потолкомъ находятся 2 низкихъ окна, изъ которыхъ южное можетъ быть закрыто шторою; часть зала, составляющая восточный выступъ креста, сообщается черезъ двойныя стеклянныя двери съ пристройкою, назначенною для опредѣленія времени; западный же выступъ зала находится въ сообщеніи съ сѣнями, также черезъ двойныя двери и окна; по сторонамъ сѣней расположены помѣщенія для печей обсерваторіи. Отопленіе главнаго зала производится подобно тому, какъ и въ подземномъ павильонѣ; изъ обѣихъ печей нагрѣтый воздухъ вступаетъ сначала въ коридоры, которые съ сѣверной и южной сторонъ окружаютъ залъ и оттуда уже, пройдя всю длину коридоровъ, онъ входитъ въ восточный конецъ зала, откуда вытекаетъ наружу черезъ вентиляціонныя трубы, устроенныя на западномъ концѣ зала. Такимъ образомъ, мы достигли того, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе времени пока производятся абсолютныя опредѣленія, т. е. около 2-хъ часовъ, можно рассчитывать на сохраненіе въ залѣ постоянной температуры. Пристройка для опредѣленія времени, кромѣ упомянутыхъ дверей въ залъ, имѣеть свой отдѣльный наружный выходъ; само собою разумѣется, что она не отапливается; однако въ случаѣ внезапнаго наступленія оттепели послѣ мороза, во избѣжаніе конденсаціи, помѣщеніе это можно нѣсколько нагрѣть открывъ двери, ведущія въ отапливаемый залъ. Въ этой пристройкѣ находятся 2 гранитныхъ столба, утвержденныхъ на каменныхъ фундаментахъ, врытыхъ въ землю. На одномъ изъ нихъ, подъ серединою меридіональнаго разрѣза, поставленъ пассажный инструментъ, построенный безъ желѣза Писторомъ и Мартинсомъ въ Берлинѣ; на другомъ столбѣ, подъ свѣтлымъ люкомъ, стоитъ магнитно-астрономическій универсальный теодолитъ, построенный

по моимъ указаніямъ Брауеромъ. Первый изъ этихъ инструментовъ служитъ для опредѣленія, обыкновеннымъ способомъ, поправокъ часовъ, по прохожденію звѣздъ черезъ меридіанъ; второй пока, главнымъ образомъ, предназначенъ для абсолютнаго опредѣленія магнитнаго склоненія; такъ какъ въ этомъ помѣщеніи зимою и лѣтомъ температура остается почти одинаковою съ наружнымъ воздухомъ, то здѣсь избѣгаются мѣшающія наблюденіямъ колебанія воздуха, которыя происходятъ при открытіи отверстія, обращеннаго на миру, въ случаѣ значительной разности температуръ наружнаго воздуха и комнаты. Такихъ миръ двѣ; онѣ установлены совершенно точно въ астрономическомъ меридіанѣ пассажнаго инструмента, къ сѣверу и къ югу отъ него, и служатъ для повѣрки его азимута. Каждая изъ нихъ находится въ разстояніи около 140 метровъ (66 сажень) отъ пассажнаго инструмента и состоитъ изъ мѣдной доски, загнутой подъ прямымъ угломъ и прочно укрѣпленной на каменномъ столбѣ; по срединѣ вертикальной части доски вырѣзано квадратное отверстіе шириною въ 20 миллиметровъ. Для защиты каменныхъ столбовъ отъ дождя, снѣга и проч. надъ каждымъ изъ нихъ построена квадратная деревянная будка, ширина и длина которой = 1 сажени (2 м.); въ каждой изъ этихъ будокъ въ стѣнкѣ, обращенной къ магнитному павильону, на высотѣ упомянутой мѣдной доски вставлено окошечко съ зеркальнымъ стекломъ, а въ крышѣ будки надъ миромъ находится другое окно, болѣе широкое. Последнее днемъ служитъ для освѣщенія отверстія въ мѣдной доскѣ посредствомъ зеркала, которое поставлено за нею и отражаетъ въ себѣ свѣтъ неба; ночью, для освѣщенія мира, позади отверстія ставится масляная лампа съ матовымъ стекломъ. Обѣ будки съ мирами съ южной стороны окружены деревьями, которыя защищаютъ ихъ отъ солнца.

Хотя упомянутый магнитный универсальный инструментъ можетъ служить также и для опредѣленія магнитнаго наклона и горизонтальнаго напряженія, но, обыкновенно, эти элементы опредѣляются въ отапливаемомъ главномъ залѣ. Наблюденія

надъ магнитнымъ наклоненіемъ производятся по обыкновенному инклинатору Довера изъ Лондона, служившій и прежде, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, для этихъ наблюденій въ С.-Петербурѣ; онъ установленъ, разъ на всегда, въ южномъ выступѣ зала на гранитномъ столбѣ, который, какъ и остальные столбы въ этомъ зданіи, утвержденъ на каменномъ фундаментѣ, поднимающемся съвозъ мозаиковый полъ зала. На такомъ же столбѣ, въ западномъ выступѣ, стоитъ новый магнитный теодолитъ Брауера, который временно служитъ для опредѣленія горизонтальнаго напряженія, обыкновеннымъ способомъ, помощью наблюденій надъ качаніями и отклоненіями магнита.

Хотя, вслѣдствіе такого раздѣленія въ размѣщеніи приборовъ, назначенныхъ для абсолютнаго опредѣленія каждаго изъ трехъ элементовъ зѣмнаго магнетизма и вслѣдствіе неподвижной прочной установки инструментовъ, наблюденія, безъ сомнѣнія, производятся надежнѣе, чѣмъ то было въ Петербургѣ, однако, все же ихъ нельзя считать безусловно вѣрными; такъ — въ инклинаторѣ большое значеніе имѣетъ индивидуальность инструмента и въ особенности его стрѣлокъ; слѣдовательно остается сомнѣніе въ абсолютной вѣрности результата; въ универсальномъ инструментѣ и магнитномъ теодолитѣ присутствіе въ мѣдныхъ частяхъ, близкихъ къ магниту, даже ничтожнаго количества желѣза, которое не можетъ быть открыто обыкновенными изслѣдованіями, все же въ состояніи произвести чувствительную, хотя и незначительную погрѣшность въ получаемыхъ абсолютныхъ величинахъ магнитнаго склоненія и напряженія. Постоянныя индивидуальныя погрѣшности этихъ инструментовъ будутъ опредѣлены помощью слѣдующихъ инструментовъ, въ которые, по ихъ устройству, упомянутыя погрѣшности входить не могутъ.

Подъ фонаремъ, по срединѣ зала, около 1 метра къ сѣверу отъ его центра, установленъ на кругломъ гранитномъ столбѣ пассажный инструментъ Эртеля съ большимъ горизонтальнымъ кругомъ, по которому, помощью четырехъ верньеровъ, съ увѣренностью можно дѣлать отсчеты съ точностью до 5". Нижняя часть

этого, вообще весьма прочно построеннаго, инструмента не заключаетъ въ себѣ ничего желѣзнаго; на ней утверждены подставки, на которыя для магнитныхъ наблюдений кладется прямая астрономическая труба также безъ желѣза; для астрономическихъ же наблюдений ее замѣняютъ преломленною астрономическою трубою съ отражательною призмю, со стальными цапфами и малымъ вертикальнымъ кругомъ для отысканія звѣздъ. Астрономическія наблюденія ограничиваются исключительно опредѣленіемъ азимута сѣверной миры, которая отсюда также можетъ быть видима черезъ отверстія, сдѣланныя въ обѣихъ стѣнахъ павильона и закрываемыя пробками. Для опредѣленія азимута надъ осью астрономической трубы въ крышѣ вставлена деревянная широкая труба параллельно земной оси; труба эта выступаетъ выше крыши и снаружи и внутри закрывается клапанами; отверстие ея таково, что даетъ возможность наблюдать полярную звѣзду на всемъ ея пути.

Само собою разумѣется, что эти наблюденія должны производиться преимущественно лѣтомъ, если не хотятъ подвергать зимою внезапному охлажденію температуру воздуха въ залѣ, что особенно нежелательно для остальныхъ инструментовъ, здѣсь установленныхъ. Тоже самое можно сказать относительно наведеній на миру другой трубы для абсолютныхъ опредѣленій склоненія, такъ какъ при большой разности температуръ наружнаго и комнатнаго воздуха, вслѣдствіе возникновенія воздушныхъ токовъ въ отверстіи, получается весьма неспокойное изображеніе миры. Та же труба, во всякое время года, можетъ быть наведена на магнитъ-склоненія, установленный въ сѣверномъ выступѣ зала. Магнитъ этотъ состоитъ изъ пустаго стального цилиндра, длиною въ 150 мм., снабженнаго коллиматоромъ; онъ подвѣшенъ на коконовой нити, верхній конецъ которой, на высотѣ 3-хъ метровъ надъ поломъ, прикрѣпленъ къ головкѣ съ кругомъ крученія; эта послѣдняя часть прибора утверждена на двухъ прочныхъ брускахъ, положенныхъ на двухъ алебастровыхъ столбахъ, поставленныхъ по обѣ стороны прибора, на гранитномъ

фундаментѣ. Во избѣжаніе воздушныхъ токовъ, магнитъ окруженъ ящичкомъ изъ стекла и дерева, поставленнымъ на отдѣльномъ алебастровомъ столбѣ; въ остальныхъ отношеніяхъ его устройство такое же, какъ и въ другихъ приборахъ этого рода; онъ можетъ быть повернуть въ своей оправѣ на 180° , или замѣненъ мѣдною стрѣлкою, назначенною для раскручиванія нити и проч. Такимъ образомъ въ непосредственной близости магнитъ не подвергается здѣсь никакимъ вреднымъ вліяніямъ; а такъ какъ и въ окрестностяхъ павильона нигдѣ нѣтъ скопленія большихъ массъ желѣза или стали, которыя могли бы оказывать чувствительное вліяніе на упомянутый магнитъ, то абсолютныя величины магнитнаго склоненія, получаемыя этимъ приборомъ, можно считать вполне вѣрными.

Для исполнѣ надежныхъ опредѣленій горизонтальнаго напряженія, вдали отъ всякаго вліянія желѣза, служитъ тотъ же стальной магнитъ; прежде всего наблюдаютъ въ трубу время его качанія (магнитъ снабженъ также всѣми принадлежностями для опредѣленія его момента инерціи); затѣмъ, подъ него подводятъ микрометрически стулъ, вставленный въ центрѣ горизонтальнаго круга; когда магнитъ упрется на стулъ, его можно поворачивать ровно на 90° въ одну и другую сторону, т. е. приводить въ положеніе перпендикулярное магнитному меридіану. По направленію его оси въ этомъ положеніи, на тѣхъ же подпорныхъ деревянныхъ брускахъ подвѣшивается другой маленькій магнитъ съ зеркаломъ; отклоненія этого послѣдняго, подъ вліяніемъ перваго магнита, наблюдаются въ трубу того же Эргелева круга, при помощи укрѣпленной надъ нею стеклянной шкалы, раздѣленной на миллиметры. Маленькій магнитъ также окруженъ стекляннымъ ящичкомъ и приспособленъ для замѣщенія мѣдною стрѣлкою, употребляемою при раскручиваніи нити; приборъ этотъ снабженъ особымъ механизмомъ для успокоенія магнита. Разстояніе между двумя магнитами опредѣляется отъ одной нити до другой, немного пониже верхнихъ точекъ привѣса ихъ. Для этого служитъ мѣдная линейка съ дѣленіями, которая положена горизонтально на четы-

рехъ раульсахъ, расположенныхъ соотвѣтственно длинѣ линейки и утвержденныхъ также на упомянутыхъ деревянныхъ брускахъ; линейка можетъ быть придвинута вплотную до прикосновенія къ коконовымъ нитямъ; тогда помощью микроскоповъ, снабженныхъ микрометрами, можетъ быть измѣрено съ большою точностью разстояніе между каждою нитью и ближайшимъ дѣленіемъ на линейкѣ. Для того, чтобы дѣлать эти измѣренія, сзади приборовъ, отъ стѣны до стѣны, устроенъ мостикъ, на который ведетъ лѣстница. На упомянутыхъ деревянныхъ брускахъ подвѣшены всего 4 такихъ нити съ зеркалами и мѣдными стрѣлками одинаковаго вѣса съ маленькимъ магнитомъ; онѣ расположены въ разстояніяхъ 32 и 42 дюймовъ по одну и по другую сторону отъ магнита склоненія, такъ что для полнаго ряда наблюденій надъ отклоненіями достаточно, по очередно, въ каждую подвѣшенную оправу вставлять, взаимѣнъ мѣдной стрѣлки, магнитъ. Стекланные ящики этихъ 4-хъ приборовъ отклоненій устроены на дубовыхъ столахъ, которые окружаютъ упомянутые каменные столбы; на этихъ же столахъ, между столбами и стѣною, установлено съ каждой стороны по мультипликатору. Магниты обоихъ мультипликаторовъ подвѣшены на коконовыхъ нитяхъ къ тѣмъ же деревяннымъ брускамъ и каждый изъ нихъ снабженъ зеркаломъ, положеніе котораго опредѣляется помощью стекляннoй шкалы и трубы.

Одинъ изъ этихъ мультипликаторовъ принадлежитъ индукціонному инклинатору, изготовленному Лейзеромъ въ Лейпцигѣ; другой — новѣйшему нѣсколько усовершенствованному подобному же прибору, работы Мейерштейна въ Геттингенѣ. Индукціонныя катушки этихъ приборовъ съ ихъ станками установлены на отдѣльныхъ фундаментахъ на противоположномъ концѣ зала, слѣдовательно въ возможно бѣльшемъ удаленіи отъ мультипликаторовъ; катушки расположены по обѣ стороны отъ столба, на которомъ установленъ инклинаторъ. Эти приборы должны служить для опредѣленія, время отъ времени, абсолютной поправки обыкновеннаго инклинатора. Электромагнитное

дѣйствіе, которымъ мы пользуемся въ этихъ инclinаторахъ для точнаго опредѣленія абсолютной величины магнитнаго наклоненія, должно въ послѣдствіи послужить также и для болѣе простаго, а можетъ быть, и болѣе точнаго измѣренія абсолютнаго горизонтальнаго напряженія по способу, предложенному Нейманомъ и Веберомъ. Для этой цѣли въ восточномъ выступѣ зала, на гранитномъ столбѣ, поставлена тангентъ-бусоль съ зеркаломъ для отсчета отраженной шкалы, а на другомъ столбѣ, на западномъ концѣ зала, повѣшенъ двунитный соленоидъ, также съ зеркаломъ для отсчетовъ шкалы. Принадлежащія къ этимъ приборамъ зрительныя трубы со стеклянными шкалами утверждены на гранитныхъ столбахъ по срединѣ залы подъ фонаремъ, который служитъ для освѣщенія шкалъ. Впрочемъ настоящіе приборы для этихъ наблюдений еще не готовы; установленные же на ихъ мѣстахъ тангентъ-бусоль и электро-динамометръ, взятые изъ физическаго кабинета Академіи Наукъ, служатъ болѣе для практическаго упражненія и подготовки къ такого рода наблюдениямъ. Поэтому я и не распространяюсь болѣе объ этихъ инструментахъ.

По той же причинѣ, т. е. потому что инструменты еще не окончены и не установлены — я только вкратцѣ упомяну, что на другихъ двухъ гранитныхъ столбахъ, ближе къ срединѣ залы, будутъ поставлены вспомогательные инструменты для опредѣленія коэффициентовъ температуры магнитовъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ изъ двунитнаго магнитометра, который, помощью окружающаго его резервуара съ водою, можетъ быть охлажденъ или нагрѣтъ до различныхъ температуръ; другой представляетъ собою родъ магнитнаго теодолита и имѣетъ назначеніе для наблюдений отклоненій по способу Вебера; онъ можетъ также употребляться для опытовъ какъ варіаціонный инclinаторъ при помощи индукціи желѣза. Оба инструмента будутъ приспособлены для отсчетовъ помощью шкалы, отраженной въ зеркалѣ. Для опредѣленія времени въ томъ же залѣ, почти по срединѣ его, вблизи Эртелева пассажнаго инструмента, установлены на отдѣльномъ

педесталѣ стѣнные часы, которые, также какъ и часы подземнаго павильона, имѣють синхроническій ходъ съ электрическими часами главнаго зданія. Для этой цѣли изъ главнаго зданія въ деревянный павильонъ и оттуда въ подземный проложенъ подъ землею кабель, состоящій изъ семи мѣдныхъ проволокъ, изолированныхъ, помощью гутаперчи, и защищенный отъ вѣшнихъ вліяній мѣдною оболочкою. Одна изъ этихъ проволокъ служитъ проводникомъ для тока регулирующаго часы, другія три для подачи сигналовъ посредствомъ электрическихъ звонковъ изъ главнаго зданія въ каждый изъ павильоновъ и обратно; пятая проволока соединяетъ телефонъ главнаго зданія съ телефонами павильоновъ, шестая даетъ возможность изъ деревяннаго павильона отмѣчать моменты наблюденій на хронографѣ въ главномъ зданіи; помощью тока, который проходитъ по седьмой проволокѣ, подаются сигналы изъ деревяннаго павильона въ подземный для производства отсчетовъ варіаціонныхъ приборовъ одновременно съ абсолютными измѣреніями. Въ деревянномъ павильонѣ тѣмъ же токомъ пользуются для успокоенія магнита помощью солсноида.

Какъ у столбовъ съ зрительными трубами для наблюденій въ главномъ залѣ деревяннаго павильона, такъ и у инструментовъ меридіональной комнаты устроены прерыватели, помощью которыхъ замыкается и размыкается токъ для подачи сигналовъ и знаковъ.

Само собою разумѣется, что всѣ магниты различныхъ приборовъ, установленныхъ въ деревянномъ павильонѣ, обыкновенно хранятся въ главномъ зданіи, откуда берутся, въ случаѣ надобности, для наблюденій по тому или другому прибору. Едва ли надо добавлять, что коэффициенты прибора для измѣренія напряженія опредѣлены въ единицахъ нормальныхъ мѣръ длины и вѣса Главной Физической Обсерваторіи. Изъ всего сказаннаго видно, что и относительно магнитныхъ наблюденій мы воспользовались всѣми зависящими отъ насъ средствами, чтобы достигнуть въ нихъ возможной точности; въ особенности были приняты мѣры къ тому, чтобы каждый элементъ, какъ варіаціонными наблюде-

ніями, такъ и при абсолютныхъ измѣреніяхъ, опредѣлялся различными инструментами и такимъ образомъ возможно было изслѣдовать индивидуальныя погрѣшности каждаго изъ приборовъ и принимать ихъ въ расчетъ въ окончательныхъ результатахъ.

Всѣ эти инструменты, какъ метеорологическіе, такъ и магнитные, установлены на свои мѣста и повѣрены подъ моимъ непосредственнымъ надзоромъ. Въ устройствѣ ихъ и установкѣ мнѣ помогали гг. Шейеръ, механикъ Главной Физической Обсерваторіи, и Дерингъ, механикъ обсерваторіи въ Павловскѣ; при повѣркѣ и опредѣленіи коэффициентовъ всѣхъ приборовъ мнѣ содѣйствовалъ г. Мильбергъ, какъ завѣдующій обсерваторіею. Я не могу также обойти молчаніемъ, что инженеръ г. Чикалевъ и подрядчикъ г. Сакулинъ, при возведеніи разныхъ построекъ для установки приборовъ, оказали намъ совѣтомъ и дѣломъ всевозможное содѣйствіе, далеко выходящее изъ предѣловъ ихъ обязанностей.

Описанные инструменты и устройство обсерваторіи должны удовлетворять всѣмъ требованіямъ обыкновенныхъ нормальныхъ наблюдений надъ тѣми метеорологическими явленіями и элементами земнаго магнетизма, для которыхъ уже имѣются точные способы наблюденій; такимъ образомъ, прежде всего мы озаботились объ организаціи тѣхъ наблюдений, производство которыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ, доставитъ несомнѣнно важный матеріалъ для науки. Какъ только изслѣдованія другихъ ученыхъ, или наши собственныя доставятъ намъ подобные же способы для производства правильныхъ наблюдений надъ остальными элементами, какъ напр. надъ воздушнымъ электричествомъ, земными токами, термическими, оптическими и химическими лучами солнца и неба и проч. — тогда мы введемъ ихъ немедленно въ число нашихъ нормальныхъ наблюдений. Впослѣдствіи это будетъ тѣмъ удобнѣе, что къ тому времени работа по прежнимъ наблюденіямъ, вслѣдствіе приспособленій и практики, должна значительно упроститься и уменьшиться.

Координаты обсерваторіи въ Павловскѣ.

Такъ какъ до сихъ поръ всѣ силы обсерваторіи были, главнымъ образомъ, направлены на устройство ея, то координаты ея могли быть опредѣлены пока только приближенно, при случаѣ; слѣдовательно, впоследствии, на основаніи болѣе точныхъ наблюденій, ниже слѣдующія, первоначально полученныя величины, могутъ нѣсколько измѣниться.

Географическая широта: $59^{\circ} 41' 13''$ сѣверная

Географическая долгота: $30^{\circ} 29' 0'' = 2^{\text{h}} 1^{\text{m}} 56^{\text{s}}$ восточная отъ Гринвича.

Высота барометра надъ уровнемъ моря: 37,6 метровъ.

Широта опредѣлена помощью Эртелева вертикальнаго круга, снабженнаго четырьмя верньерами, дающими отсчеты съ точностью до 5 секундъ; инструментъ этотъ былъ установленъ въ меридіональной комнатѣ деревяннаго павильона подъ прорѣзомъ въ крышѣ; для означенной цѣли наблюденія производились надъ λ Малой Медвѣдицы, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Вслѣдствіе недостаточно прочной установки инструмента точность результата достигаетъ только $\pm 5''$.

Долготу я опредѣлилъ по одной перевозкѣ хронометра изъ Петербурга въ Павловскъ 1 января 1878 г.; поэтому точность результата я считаю въ предѣлахъ лишь $\pm 1^{\circ}$.

Наконецъ высота обсерваторіи опредѣлена барометрически, на основаніи слѣдующихъ ежемѣсячныхъ наблюденій надъ барометромъ, температурою и влажностью въ Петербургѣ и Павловскѣ, съ августа по декабрь 1877 г.:

	Августъ		Сентябрь	
	С.-Петербургъ	Павловскъ	С.-Петербургъ	Павловскъ
Барометръ	757 ^{мм} ,19	754 ^{мм} ,13	753 ^{мм} ,51	750 ^{мм} ,35
Температура	14 [°] ,6	13 [°] ,4	7 [°] ,7	6 [°] ,7
влажность	9 ^{мм} ,5	9 ^{мм} ,4	6 ^{мм} ,5	6 ^{мм} ,4

	Октябрь		Ноябрь	
	С.-Петербургъ	Павловскъ	С.-Петербургъ	Павловскъ
Барометръ	758 ^{мм} ,46	755 ^{мм} ,51	757 ^{мм} ,29	754 ^{мм} ,31
Температура	4°,8	3°,9	4°,2	3°,4
Абсолютная влажность	5 ^{мм} ,6	5 ^{мм} ,6	5 ^{мм} ,4	5 ^{мм} ,5

Декабрь

	С.-Петербургъ	Павловскъ
Барометръ.....	766 ^{мм} ,84	763 ^{мм} ,61
Температура.....	—4°,5	—5°,0
Абсолютная влажность	3 ^{мм} ,1	3 ^{мм} ,0

Высота барометра въ Петербургѣ принята 4,5 метра.

Изъ этихъ данныхъ, помощью таблицъ Рюльмана, высота барометра Павловской обсерваторіи надъ уровнемъ моря получается:

въ августѣ.....	38 ^{мм} ,7
» сентябрѣ.....	39,1
» октябрѣ.....	36,2
» ноябрѣ.....	36,5
» декабрѣ.....	37,7
средняя.....	37 ^{мм} ,6 ± 1 ^{мм} ,0

Поправка барометра въ Павловскѣ была опредѣлена какъ изъ непосредственнаго сравненія его съ нормальнымъ барометромъ Главной Физической Обсерваторіи, такъ и помощью переноснаго барометра, съ точностью по крайней мѣрѣ до $\pm 0^{\text{мм}}04$; такъ какъ при этомъ оба эти опредѣленія и послѣдующія сравненія обоихъ барометровъ показываютъ постоянство поправки барометра въ Павловскѣ, то необычайно большія колебанія въ получаемой разности высотъ подтверждаютъ только, что ненадежность барометрически опредѣленныхъ высотъ зависитъ не столько отъ недостатка точности инструмента и дѣлаемыхъ по немъ наблюденій, сколько отъ измѣнчивости въ состояніи атмосферы.

Предварительное сравненіе климата Павловска съ С.-Петербургомъ.

Въ Главной Физической Обсерваторіи, въ С.-Петербургѣ, всѣ метеорологическія и магнитныя наблюденія и записи самопишущихъ приборовъ продолжались въ прежнихъ размѣрахъ до конца 1877 (нов. стилия); только записи магнитографа пришлось прекратить по случаю перевозки этого прибора, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Павловскѣ. Для того чтобы, избѣгнуть прерыва въ нашей новой серіи, по крайней мѣрѣ ежечасныхъ магнитныхъ наблюденій, съ 1 по 31 декабря, въ Петербургской обсерваторіи производились ежечасныя наблюденія по старымъ варіаціоннымъ приборамъ, при добровольномъ участіи въ нихъ гг. Траутфетера, Валена, Асафрея, Горбаченко, Муратова и Мильберга младшаго. Уже съ 29 декабра возобновилось правильное дѣйствіе магнитографа въ Павловскѣ; непосредственные же отсчеты по тамошнимъ варіаціоннымъ приборамъ велись уже съ 15 декабря и съ этого же времени произведено нѣсколько соответствующихъ имъ абсолютныхъ опредѣленій всѣхъ трехъ элементовъ земнаго магнетизма; такимъ образомъ мы имѣемъ для сравненія по крайней мѣрѣ въ теченіе 14 дней магнитныя наблюденія, произведенныя одновременно въ Павловскѣ и С.-Петербургѣ; результаты этихъ данныхъ я сообщу въ другой разъ; что касается до метеорологическихъ наблюденій, которыя въ Павловскѣ ведутся регулярно уже съ 1 августа, я считаю интереснымъ представить теперь же вкратцѣ сравненіе ихъ съ С.-Петербургскими, тѣмъ болѣе, что этотъ матеріалъ уже вполне обработанъ.

Мы начнемъ съ суточного хода метеорологическихъ элементовъ. Средніе мѣсячныя выводы записей барографа, какъ и слѣдовало ожидать, дали суточный хода барометра въ Павловскѣ за сентябрь и октябрь совершенно согласный съ полученнымъ ходомъ барометра въ Петербургѣ, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующей таблицы:

Суточные колебанія барометра въ С.-Петербургѣ и Павловскѣ.

Сентябрь 1877			Октябрь 1877			
	Пав- ловскъ	С.-Петер- бургъ	Раз- ность	Пав- ловскъ	С.-Петер- бургъ	Раз- ность
	мм	мм	мм	мм	мм	мм
1 ^{у.}	753,39	753,40	—0,01	758,54	758,53	+0,01
2	53,30	53,29	+0,01	58,49	58,46	+0,03
3	53,25	53,20	+0,05	58,42	58,43	—0,01
4	53,17	53,15	+0,02	58,37	58,31	+0,06
5	53,12	53,10	+0,02	58,30	58,26	+0,04
6	53,16	53,15	+0,01	58,26	58,22	+0,04
7	53,20	53,19	+0,01	58,27	58,28	—0,01
8	53,27	53,24	+0,03	58,39	58,46	—0,07
9	53,38	53,31	+0,07	58,52	58,55	—0,03
10	53,49	53,45	+0,04	58,57	58,62	—0,05
11	53,50	53,47	+0,03	58,60	58,62	—0,02
полдень	53,51	53,53	—0,02	58,56	58,57	—0,01
1 ^{в.}	53,57	53,61	—0,04	58,51	58,56	—0,05
2	53,55	53,58	—0,03	58,46	58,49	—0,03
3	53,56	53,59	—0,03	58,38	58,43	—0,05
4	53,58	53,59	—0,01	58,37	58,39	—0,02
5	53,61	53,63	—0,02	58,34	58,30	+0,04
6	53,64	53,64	±0,00	58,36	58,36	±0,00
7	53,69	53,72	—0,03	58,35	58,33	+0,02
8	53,75	53,83	—0,08	58,32	58,30	+0,02
9	53,72	53,75	—0,03	58,34	58,35	—0,01
10	53,66	53,67	—0,01	58,34	58,35	—0,01
11	53,69	53,70	—0,01	58,35	58,31	+0,04
полночь	53,70	53,66	+0,04	58,35	58,30	+0,07
			мм			мм
			Средняя = ±0,03			Средняя = ±0,03

Въ этой таблицѣ къ показаніямъ барометра въ Павловскѣ при- дана постоянная величина, равная разности между средними суточными величинами въ Петербургѣ и Павловскѣ, такъ что среднія высоты барометра въ томъ и другомъ мѣстѣ даны одинаковыми; слѣдовательно разности указываютъ непосредственно величины отклоненій одного результата отъ другаго, за каждый отдѣльный часъ. Мы видимъ, что эти отклоненія въ среднемъ выводѣ находятся совершенно въ предѣлахъ среднихъ ошибокъ соотвѣтственныхъ мѣсяцевъ. Чтобы дать понятіе о степени согласія въ ходѣ барометра въ томъ и другомъ мѣстѣ въ отдѣльные дни я привожу въ слѣдующей таблицѣ еже- часныя наблюденія, снятыя съ обѣихъ записей барографовъ за 22 сентября — когда погода была почти совершенно тихая и за 30 сентября — когда дулъ сильный NW (со скоростью отъ 5 до 10 метровъ въ секунду).

Показанія барографовъ Гаслера

22 Сентября 1877.				30 Сентября 1877.			
Время	Пав- ловскъ	С.-Петер- бургъ	Раз- ность	Время	Пав- ловскъ	С.-Петер- бургъ	Раз- ность
1ч.	745,0	748,4	3,4	1ч.	745,6	749,0	3,4
2	44,7	48,0	3,3	2	46,0	49,2	3,2
3	44,6	47,9	3,3	3	46,3	49,7	3,4
4	44,3	47,8	3,5	4	46,5	50,1	3,6
5	44,0	47,5	3,5	5	46,9	50,5	3,6
6	43,9	47,2	3,3	6	47,7	51,2	3,5
7	43,5	47,1	3,6	7	48,4	51,9	3,5
8	43,2	46,7	3,5	8	48,9	52,6	3,7
9	43,1	46,3	3,2	9	49,7	53,2	3,5
10	43,1	46,4	3,3	10	50,4	53,8	3,4
11	42,9	46,0	3,1	11	51,1	54,5	3,4
Полдень	42,6	45,9	3,3	Полдень	51,7	55,5	3,8

22 Сентября 1877.

Время	Пав- ловскъ	С.-Петер- бургъ	Раз- ность
1 ^ч в.	742,6	45,8	3,2
2	42,6	45,7	3,1
3	42,6	45,7	3,1
4	42,6	45,8	3,2
5	42,6	46,0	3,4
6	42,6	46,0	3,4
7	42,8	46,2	3,4
8	43,1	46,3	3,2
9	43,3	46,8	3,5
10	43,6	47,0	3,4
11	44,0	47,2	3,2
12	44,3	47,6	3,3

Средняя 743,40 746,72 3,32
±0,11

30 Сентября 1877.

Время	Пав- ловскъ	С.-Петер- бургъ	Раз- ность
1 ^ч в.	752,5	56,0	3,5
2	53,1	56,6	3,5
3	53,6	57,3	3,7
4	54,2	57,9	3,7
5	54,9	58,6	3,7
6	55,6	59,2	3,6
7	56,1	59,8	3,7
8	56,5	60,0	3,5
9	57,0	60,4	3,4
10	57,3	60,6	3,3
11	57,7	61,0	3,3
12	57,9	61,1	3,2

Средняя 751,90 755,40 3,50
±0,13

Отсюда видимъ, что даже въ бурный день среднее отклоненіе одного барографа отъ другаго въ отдѣльные часы лишь немного превышаетъ предѣлы точности каждой отдѣльной отмѣтки прибора ($\pm 0^{\text{мм}} 11$). Слѣдовательно на будущее время нѣтъ надобности въ Петербургѣ продолжать записи барографа. Обсерваторія въ Павловскѣ находится въ разстояніи только 27 верстъ (29 километровъ) по прямому направленію отъ Петербурга; разность высотъ обѣихъ обсерваторій не превышаетъ 100 футовъ (30 метровъ); вся мѣстность между ними плоская; вообще и въ дальнѣйшихъ окрестностяхъ встрѣчаются лишь незначительные холмы, изъ которыхъ наиболѣе высокіе едва достигаютъ 570 футовъ (134^м), тѣмъ не менѣе суточный ходъ температуры и влажности воздуха въ обонхъ мѣстахъ весьма различенъ.

Видъ и амплитуда суточного хода температуры указываютъ на значительно болѣе континентальный климатъ Павловска, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы среднихъ выводовъ -ъ августа по ноябрь:

1877

	Августъ		Сентябрь	
	С.-Петербургъ	Павловскъ	С.-Петербургъ	Павловскъ
Амплитуда.....	5,9	8,8	4,1	5,9
Время наступленія максимума.....	3 ^ч 15 ^м веч.	4 ^ч 0 ^м веч. *)	2 ^ч 35 ^м веч.	2 ^ч 45 ^м веч.
Промежутки времени } утр. средн.	6 45	7 40	5 30	5 50
между максимумомъ и } веч. средн.	5 25	4 30	5 50	5 15
Приведеніе средней изъ суточныхъ наблюдений $\frac{1}{8}$ (7 + 1 + 9) къ истинной средней	-0,24	-0,24 (?)	-0,11	-0,06

1877

	Октябрь		Ноябрь	
	С.-Петербургъ	Павловскъ	С.-Петербургъ	Павловскъ
Амплитуда.....	2,5	3,6	0,7	1,2
Время наступленія максимума.....	2 ^ч 30 ^м веч.	2 ^ч 40 ^м веч.	1 ^ч 15 ^м веч.	1 ^ч 35 ^м веч.
Промежутки времени } утр. средн.	4 55	5 40	3 40	4 35
между максимумомъ и } веч. средн.	6 10	4 5	4 20	3 25
Приведеніе средней изъ суточныхъ наблюдений $\frac{1}{8}$ (7 + 1 + 9) къ истинной средней	-0,09	-0,05	-0,08	-0,06

*) Весьма значительное запаздываніе максимума въ этомъ мѣсяцѣ, конечно, отчасти зависить и отъ того обстоятельства, что шкафа, въ которомъ стоитъ термометръ, не былъ еще тогда снабженъ вентиляторомъ; вслѣдствіе чего показанія инструмента отставали отъ действительныхъ перемѣнъ температуры. Это видно и изъ сравненія съ наблюденіями по термометру, установленному въ цилиндрической цинковой клеткѣ.

Слѣдовательно въ Павловскѣ амплитуда суточныхъ колебаній температуры значительно болѣе, чѣмъ въ С.-Петербургѣ; максимумъ наступаетъ гораздо позже, чѣмъ въ послѣднемъ; сверхъ того въ Павловскѣ особенно замѣтно необычайно быстрое пониженіе температуры вслѣдъ за наступленіемъ максимума. Еще болѣе поразительно различіе въ суточномъ ходѣ абсолютной и относительной влажности. Въ Петербургѣ во всѣ три мѣсяца весьма отчетливо выдѣляются два нормальныхъ минимума абсолютной влажности, — одинъ изъ нихъ, наиболѣе значительный, рано утромъ, и другой — около времени высшей температуры; утренній и вечерній максимумы здѣсь почти одинаковы; между тѣмъ въ Павловскѣ обнаруживается лишь слабый признакъ втораго минимума во время наивысшей температуры, такъ что кривая абсолютной влажности почти непрерывно подымается отъ минимума, наступающаго раннимъ утромъ (4 ч. — 5 ч. у.), до вечерняго максимума (8 ч. в. — въ августѣ, 6 ч. в. — въ сентябрѣ, 4 ч. — въ октябрѣ). Соотвѣтственно этому и относительная влажность возрастаетъ въ Павловскѣ гораздо быстрѣе отъ времени ея минимума, не много спустя послѣ полудня, до ея максимума, наступающаго вскорѣ послѣ полуночи. Сверхъ того, подобно температурѣ, и амплитуды суточныхъ колебаній абсолютной и относительной влажности въ Павловскѣ гораздо болѣе, нежели въ Петербургѣ. Вслѣдствіе такого различія оказывается необходимымъ продолжать въ Петербургѣ записи термо- и гигрографа, въ теченіе цѣлаго года, для сравненія съ такими же наблюденіями, производимыми одновременно въ Павловскѣ.

Среднія ежемѣсячныя величины различныхъ элементовъ, необходимыя для объясненія вышеприведенныхъ данныхъ, помѣщены въ слѣдующей таблицѣ:

	Барометръ			Температура			Абсолютная влажность			Относительная влажность			Облачность									
	Средн.	Наиб.	Наим.	7	1	9	Средн.	Наиб.	Наим.	7	1	9	Средн.	Наиб.	Наим.	7	1	9				
С.-Петербургъ	757,2	773,9	745,3	12,7	16,9	14,0	14,6	23,4	8,5	9,4	9,6	9,5	86	67	81	78	45	6,3	6,6	4,9	5,9	
Павловскъ....	754,1	770,6	741,5	11,6	17,0	11,6	13,4	22,4	5,5	9,3	9,6	9,4	91	66	92	83	43	6,3	7,5	5,1	6,3	
С.-Петербургъ	753,5	761,7	739,3	6,2	9,5	7,3	7,7	16,6	—	0,4	6,4	6,5	6,4	89	72	84	82	42	7,8	7,7	6,5	7,3
Павловскъ....	750,4	758,6	736,0	5,0	9,6	5,6	6,7	18,2	—	0,4	6,2	6,5	6,4	93	72	91	85	52	8,4	8,2	6,6	7,7
С.-Петербургъ	758,5	781,3	742,2	3,8	6,1	4,6	4,8	10,6	—	3,2	5,5	5,6	5,6	90	79	86	85	50	8,1	8,1	7,2	7,8
Павловскъ....	755,5	778,0	739,3	2,9	5,8	3,0	3,9	11,9	—	6,0	5,5	5,8	5,5	91	86	94	91	48	8,3	8,9	7,3	8,2
С.-Петербургъ	757,3	776,9	744,0	4,0	4,6	3,9	4,2	9,6	0,8	5,4	5,5	5,4	5,4	89	86	89	88	76	9,5	9,2	9,3	9,3
Павловскъ....	754,3	773,6	741,1	3,1	4,2	2,9	3,4	9,8	0,7	5,5	5,6	5,4	5,5	95	90	94	93	72	9,3	9,1	9,0	9,1
С.-Петербургъ	766,8	783,2	750,0	—4,6	—4,0	—4,8	—4,5	2,5	—19,8	3,1	3,2	3,1	3,1	91	91	91	91	64	9,4	9,2	8,6	9,1
Павловскъ....	763,6	779,9	746,9	—5,1	—4,4	—5,5	—5,0	2,2	—20,7	3,0	3,1	3,0	3,0	93	92	98	93	69	9,2	9,5	8,8	9,2

	Метеорные осадки			Число дней съ:										Облачность									
	Сумма	Наиб.	Число	Осад- ная	*	▲	□	Зен.	Паск.	Температура Max. \leq 0 Min. \geq 0	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Ю	З			
С.-Петербургъ	71,2	16,8	23	19	—	1	6	3	9	—	—	—	—	3	9	6	9	11	11	16	16	12	12
Павловскъ....	72,0	20,5	5	20	—	1	4	4	10	—	—	—	—	5	8	6	8	17	20	12	8	9	9
С.-Петербургъ	84,7	24,7	8	22	—	—	1	1	14	—	1	—	—	17	7	10	9	7	9	12	12	7	7
Павловскъ....	67,3	21,0	8	24	—	—	—	—	13	—	2	—	—	8	7	4	10	7	19	9	16	10	10
С.-Петербургъ	40,2	8,5	29	27	4	—	—	—	1	19	—	—	—	1	1	5	8	23	23	14	12	6	6
Павловскъ....	39,6	5,7	29	24	3	1	—	—	2	18	—	—	—	2	2	3	8	22	35	12	6	3	3
С.-Петербургъ	31,7	6,4	9	21	—	—	—	—	1	26	—	—	—	—	—	1	27	82	15	9	5	1	1
Павловскъ....	29,2	4,4	9	19	—	—	—	—	1	24	—	—	—	—	—	—	19	36	27	6	1	1	1
С.-Петербургъ	8,1	3,6	15	21	20	—	—	—	1	27	26	—	—	1	—	—	6	34	40	8	—	1	3
Павловскъ....	16,2	5,0	15	21	21	—	—	—	1	27	26	—	—	—	—	—	2	28	51	12	—	1	1

Отсюда видно, что средняя температура Павловска, въ особенности въ теплое время года, ниже чѣмъ въ Петербургѣ болѣе нежели на 1° Ц., и такъ какъ при этомъ абсолютная влажность въ обоихъ мѣстахъ почти одинакова, то тѣмъ самымъ объясняется значительно бблшая относительная влажность въ Павловскѣ. Это послѣднее явленіе обнаруживается и наблюденіями надъ облачностью, которая въ среднемъ выводѣ, въ особенности около полудня, въ Павловскѣ покрываетъ большую часть неба, чѣмъ въ Петербургѣ. Далѣе, изъ приведенной таблицы оказывается, что средняя температура въ 1 ч. полудн. въ Павловскѣ лишь зимою немного ниже, чѣмъ въ Петербургѣ, а лѣтомъ почти одинакова съ нимъ; напротивъ того въ 7^ч утра, и въ особенности въ 9^ч вечера, температура въ Павловскѣ гораздо ниже, чѣмъ въ С.-Петербургѣ; такъ напримѣръ, въ Петербургѣ, въ августѣ температура въ 9^ч вечера на $1,3$ выше, чѣмъ въ 7^ч утра, между тѣмъ какъ въ Павловскѣ въ эти часы температура почти одинакова. Совершенно соответственные этому результаты получаютъ и изъ сравненія С.-Петербургскихъ наблюдений съ наблюденіями станціи Лисино, лежащей еще на 27 верстъ далѣе въ глубь материка, (см. Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи за 1876 г., стр. 487 и за 1875, стр. 480).

Изъ всего сказаннаго видно, что въ Павловскѣ, несмотря на то что онъ болѣе удаленъ отъ моря, воздухъ заключаетъ въ себѣ почти одинаковое количество водяныхъ паровъ, какъ и въ С.-Петербургѣ, и слѣдовательно большая степень насыщенія, т. е. болѣе относительная влажность въ Павловскѣ зависитъ единственно отъ болѣе низкой температуры его. Этой послѣдней причинѣ слѣдуетъ приписать и различіе въ суточномъ ходѣ относительной влажности, которая около полудня почти одинакова въ обоихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ утромъ и вечеромъ въ Павловскѣ воздухъ приближается гораздо болѣе къ насыщенію, нежели въ С.-Петербургѣ. Болѣе низкая температура и болѣе суточные колебанія температуры въ Павловскѣ могутъ быть объяснены многими причинами. Близость моря

можетъ оказывать вліяніе на согрѣваніе воздуха въ Петербургѣ и умѣрять въ немъ суточные колебанія температуры, по крайней мѣрѣ во второй половинѣ года. Затѣмъ, болѣе чистый воздухъ въ Павловскѣ способствуетъ сильнѣйшему нагрѣванію и лучеиспусканію теплоты изъ земной поверхности; наконецъ, скученіе домовъ въ Петербургѣ можетъ имѣть также вліяніе на его температуру. Для теоріи суточного хода температуры, которая до сихъ поръ еще не вполне установлена, было бы весьма важно точнѣе опредѣлить, при помощи этихъ наблюденій, степень вліянія каждаго изъ приведенныхъ факторовъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ, вслѣдствіе близости обѣихъ станцій, устраняются многія усложненія, которыя могли бы затруднить такое сравненіе, какъ на примѣръ различіе въ широтѣ и общемъ положеніи обоеихъ мѣстъ, неодинаковыя условія облачности и вѣтра и проч. Конечно для этого недостаточно 4-хъ или 5-ти мѣсячныхъ наблюденій, но необходимо имѣть ихъ по крайней мѣрѣ за цѣлый годъ. Между тѣмъ и теперь полезно для разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ сравнить съ Петербургомъ многолѣтнія наблюденія, произведенныя въ Кронштадтѣ (на островѣ) и въ вышеупомянутой станціи, въ Лисинѣ.

Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, съ декабря по мартъ, когда воды въ окрестностяхъ Петербурга и почти во всемъ Финскомъ заливѣ покрыты твердою ледяною оболочкою, вліяніе водныхъ массъ на температуру совершенно уничтожается, такъ что остаются только другіе два фактора—чистота воздуха и скопленіе домовъ, которые могутъ объяснять причины упомянутого различія въ температурѣ. Нечистый, пропитанный болѣе или менѣе дымомъ, воздухъ и туманно-облачное небо, столь обыкновенное въ большихъ городахъ въ холодное время года, задерживаютъ въ длинныя ночи лучеиспусканіе теплоты изъ земной поверхности и дѣйствуютъ на температуру такимъ же образомъ, какъ и вліяніе отапливаемыхъ строеній; слѣдовательно трудно отдѣлить дѣйствіе одной изъ этихъ причинъ отъ другой; мы можемъ указать только на совокупное ихъ вліяніе. Сравненіе средних темпез-р

туръ Кронштадта, Петербурга и Лисина, данныхъ въ Лѣтописяхъ 1874, 1875 и 1876 гг. показываетъ, что во всѣ упомянутые мѣсяцы въ Лисинѣ температура была наинисшая, въ Кронштадтѣ наивысшая, а въ Петербургѣ промежуточная, но всегда ближе къ Кронштадту; отсюда, не отдѣляя одной причины отъ другой, мы можемъ только заключить, что причину сравнительно высокой температуры Петербурга слѣдуетъ приписать большей облачности и скопленію домовъ. Напротивъ того, въ остальные 8 мѣсяцевъ, съ апрѣля по ноябрь, повидимому преобладающее вліяніе принадлежитъ морю. Въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ, когда температура воды значительно ниже температуры воздуха, средняя температура трехъ названныхъ мѣстъ распределяется совершенно обратно чѣмъ зимою, а именно наиболѣе низкая температура оказывается въ Кронштадтѣ, расположенномъ на островѣ; въ Лисинѣ, станціи наиболѣе удаленной отъ моря, температура наивысшая, а въ Петербургѣ, который лежитъ на границѣ моря и суши, она промежуточная между этими двумя пунктами; въ іюлѣ температуры моря и воздуха сравниваются, и съ этого времени распределеніе температуры опять переходитъ въ прежнее состояніе, разность между высокою температурою морской станціи и сравнительно низкою сухопутной усиливается въ послѣдующіе мѣсяцы, когда море становится значительно теплѣе воздуха. Такимъ образомъ, средняя температура въ Кронштадтѣ, съ августа по ноябрь постоянно отъ 1° до 2° выше, чѣмъ въ Лисинѣ.

Различное вліяніе моря по временамъ года, въ которыя оно свободно или покрыто льдомъ, обнаруживается и въ суточномъ ходѣ температуры, по крайней мѣрѣ на сколько объ этомъ можно судить по срочнымъ наблюденіямъ въ 7^ч у., 1^ч и 9^ч в. Съ декабря по мартъ включительно суточный ходъ этого элемента въ Петербургѣ и Кронштадтѣ почти одинаковъ, а въ Лисинѣ онъ отличается только тѣмъ, что суточные амплитуды температуры тамъ болѣе, нежели въ первыхъ двухъ мѣстахъ, вѣроятно вслѣдствіе болѣе чистаго воздуха и вслѣдствіе притупленія крайнихъ

температуръ въ Петербургѣ подъ вліяніемъ большаго числа отапливаемыхъ строеній. Съ мая по октябрь, подъ вліяніемъ умѣряющаго дѣйствія моря, не только значительно увеличивается разность суточныхъ амплитудъ въ Лисино и Кронштадтѣ, но и замѣчается весь чувствительная разность между амплитудами Кронштадта, окруженнаго со всѣхъ сторонъ водою, и Петербурга, который только одною стороною прилегаетъ къ морю. Но видъ кривыхъ суточного хода температуры въ обоихъ послѣднихъ пунктахъ остается одинаковымъ; такъ напримѣръ, въ томъ и другомъ — температура въ 9^ч вечера значительно выше, чѣмъ въ 7^ч утра; напротивъ того, въ Лисинѣ, въ эти самые мѣсяцы, температура въ 9^ч вечера одинакова съ температурою въ 7^ч утра, или даже ниже послѣдней.

Этотъ выводъ совершенно согласуется съ тѣми правилами, которыя я изложилъ въ другомъ трудѣ, говоря о вліяніи физическаго устройства земной поверхности въ данномъ мѣстѣ на суточный ходъ температуры.

Сравнивая выше сообщенныя температуры Павловска и Петербурга, съ августа по декабрь 1877 года, съ соотвѣтственными температурами въ Кронштадтѣ, видимъ, что отношеніе температуръ въ этихъ трехъ мѣстахъ совершенно такое же, какъ въ Лисинѣ, Петербургѣ и Кронштадтѣ. (Въ Лисинѣ съ января 1877 г. наблюденія прекратились). Поэтому мы вправѣ заключить, что условія температуры въ Павловскѣ сходны съ Лисинымъ; слѣдовательно можно ожидать, что съ января по мартъ и въ іюлѣ среднія ежемѣсячныя температуры въ Павловскѣ также, какъ и въ Лисинѣ, должны быть нѣсколько ниже, а въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ выше, нежели въ Петербургѣ; средняя же годовая температура Павловска, на основаніи нижеслѣдующихъ данныхъ, должна быть приближенно на 0,5 Ц. ниже, чѣмъ въ Петербургѣ.

	1874	1875	1876	1877
Кронштадтъ	4,6	1,7	3,0	3,1
Петербургъ	4,4	1,6	3,1	3,1
Лисино	4,0	1,1	2,6	—

Средняя годовая температура Петербурга изъ 90 лѣтнихъ наблюдений найдена:

3°,6;

отсюда температура Павловска должна быть около

3°,1.

Если приведенные выводы оправдаются наблюдениями слѣдующихъ годовъ, то на основаніи вышеизложеннаго, мы уже въ скоромъ времени въ состояніи будемъ, посредствомъ Петербургскихъ многолѣтнихъ среднихъ, опредѣлять съ большою точностью нормальныя климатическія данныя Павловска.

Мы не можемъ пока дать никакихъ результатовъ относительно сравненія анемометрическихъ наблюдений, производимыхъ въ Павловскѣ и Петербургѣ, такъ какъ только съ января 1878 коэффициенты анемометра въ Павловскѣ могли быть опредѣлены съ достаточною точностью. Поэтому анемометры Петербургской обсерваторіи останутся по прежнему въ дѣйствиіи и записи ихъ будутъ обрабатываться, по крайней мѣрѣ, еще въ теченіе всего нынѣшняго года.

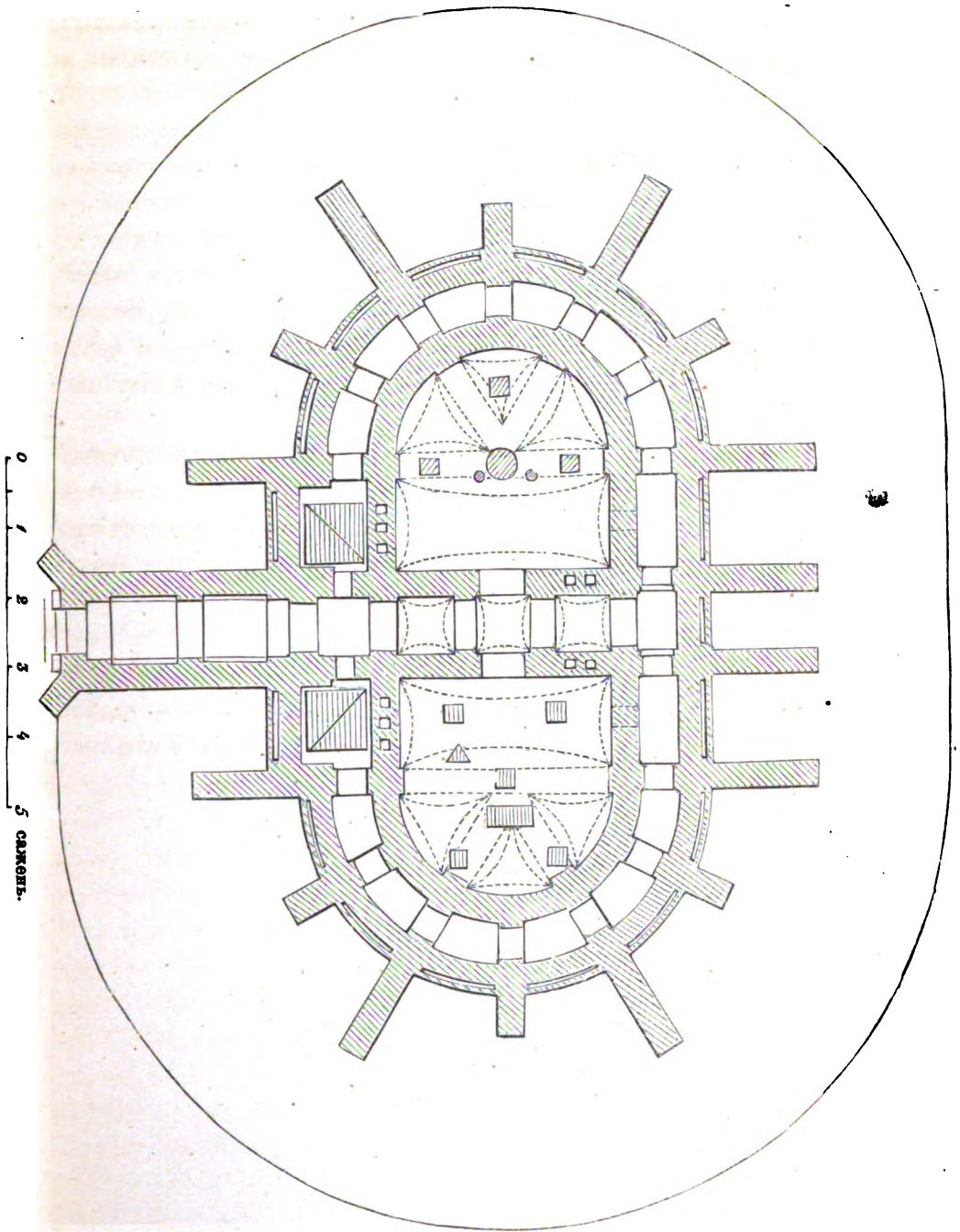
Въ заключеніе предварительныхъ результатовъ наблюдений, произведенныхъ до сихъ поръ въ Павловскѣ, мнѣ остается еще упомянуть, что постоянство температуры въ подземномъ магнитномъ павильонѣ, на сколько можно судить по опыту нѣсколькихъ мѣсяцевъ, достигается наилучшимъ образомъ, даже въ высшей степени, чѣмъ мы того могли ожидать. Съ 5 сентября по 5 декабря, за исключеніемъ 3-хъ дней, когда при низкой внѣшней температурѣ всѣ двери оставались долгое время открытыми, температура зала въ этомъ павильонѣ удерживалась неизмѣнно на 23° Ц. съ колебаніями всего до $\pm 0,5$, между тѣмъ какъ температура наружнаго воздуха въ это время измѣнялась отъ + 18° до — 6° Ц.; при этомъ, должно еще замѣтить, что топка печей производилась только однажды въ сутки и безъ особенныхъ предосторожностей. Только при наступленіи холода съ декабря мѣсяца, когда

температура воздуха понизилась до -23° (21 декабря), въ залѣ, при прежней топкѣ печей, температура, наконецъ, опустилась до $19^{\circ},5$. Поэтому, регулируя топку печей, нетрудно было съ 31 декабря поддерживать лишь съ небольшими колебаніями постоянную температуру 20° Ц. Въ какой степени и какимъ образомъ возможно будетъ сохранить и на будущее время эту постоянную температуру укажетъ опытъ цѣлаго года. До сихъ поръ, для достиженія этой цѣли залъ магнитографовъ, отчасти нагрѣваемый 3-мя лампами, горящими днемъ и ночью, отопливается лишь однажды въ день и весьма слабо; залъ съ другими варіаціонными приборами отопливается два раза въ день и нѣсколько сильнѣе.

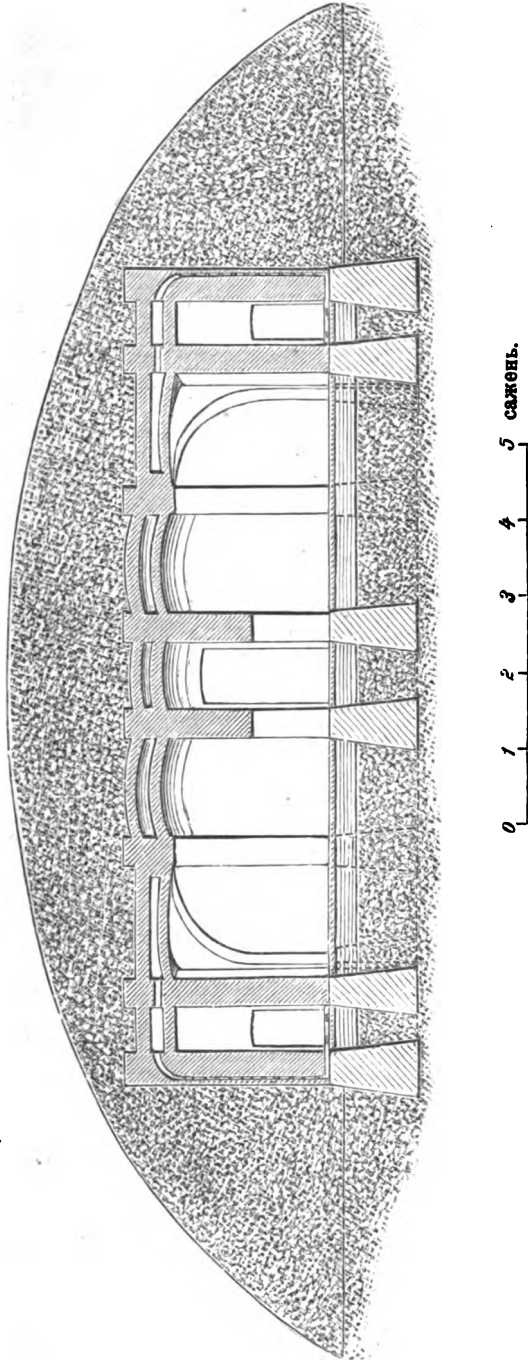
Въ деревянномъ магнитномъ павильонѣ эта система нагрѣванія наружныхъ стѣнъ также оказалась вполне удовлетворительною. Не только во всемъ залѣ получается ровная температура, но ее легко удержать и постоянною, въ предѣлахъ нѣсколькихъ десятыхъ долей градуса въ теченіе 2-хъ часовъ.

Одинъ изъ приложенныхъ чертежей изображаетъ ситуационный планъ всего учрежденія, остальные два, какъ легко видѣть, представляютъ планъ и продольный разрѣзъ подземнаго магнитнаго павильона.

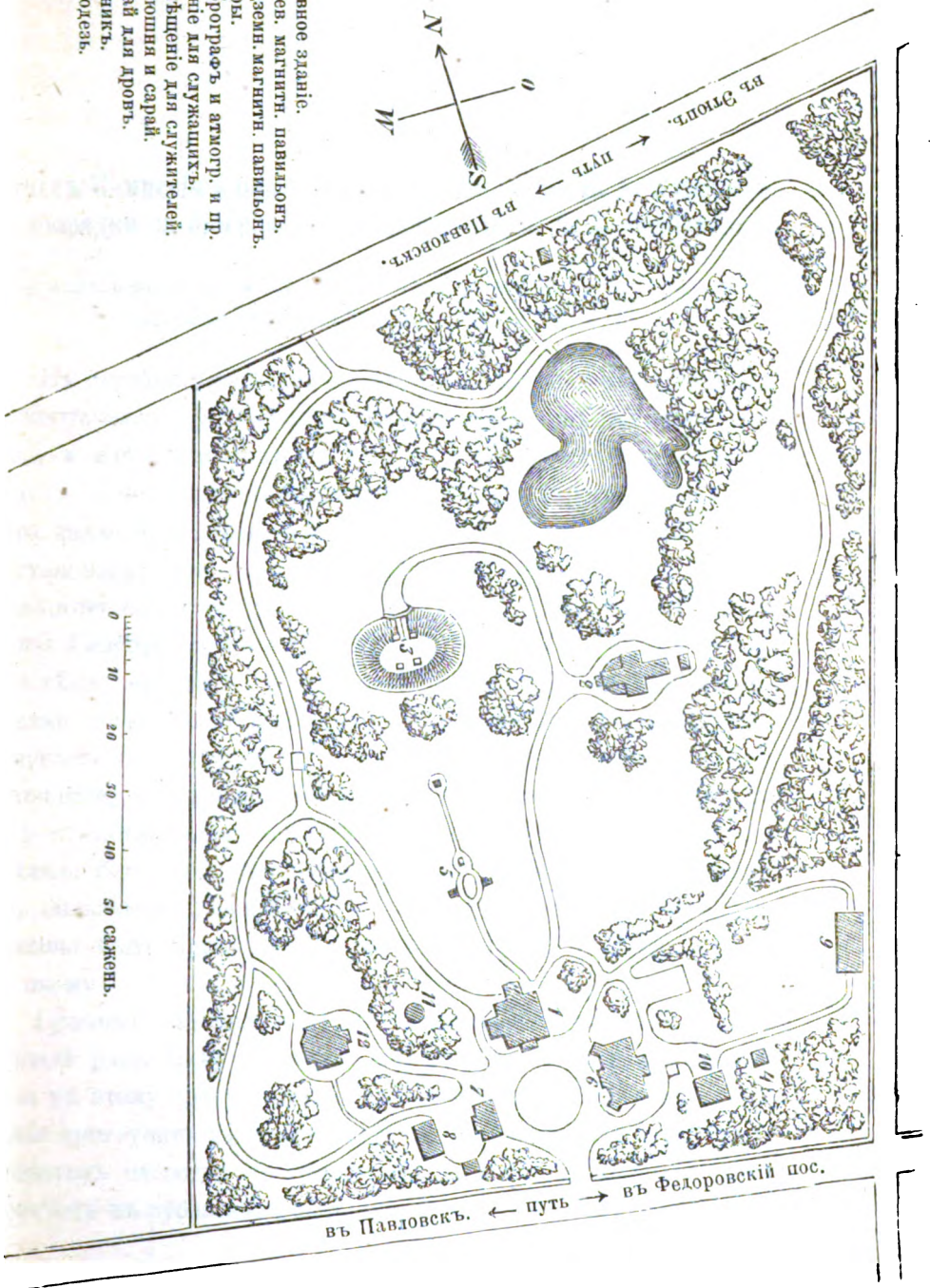
С.-Петербургъ, 12 (24) января 1873 г.



Таб. III.



1. Главное здание.
2. Дерев. мачитн. павильонъ.
3. Подземн. мачитн. павильонъ.
4. Миръ.
5. Орографъ и атмостр. и пр.
6. Зданіе для служащихъ.
7. Пожщеніе для служащихъ.
8. Конюшня и сарай.
9. Сарай для дровъ.
10. Лѣтникъ.
11. Колодезь.



Отчетъ Комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева Безбородки за біографію Канцлера Князя А. А. Безбородки.

(Составленъ академикомъ Я. К. Гротомъ, и читанъ имъ въ публичномъ
засѣданіи Академіи Наукъ 6 апрѣля 1878 г.).

Въ октябрѣ 1856 года графъ Н. А. Кушелевъ-Безбородко пожертвовалъ 5,000 руб., съ тѣмъ чтобы какъ изъ этого капитала, такъ и изъ процентовъ съ него учреждена была при Академіи Наукъ премія за лучшее жизнеописаніе государственнаго канцлера князя Александра Андреевича Безбородки. При этомъ было постановлено, что въ сочиненіи должно быть изложено, съ надлежащею полнотою, все что касается не только частной жизни князя Безбородки, но и дѣятельности его какъ государственнаго человѣка, въ связи съ духомъ времени и съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился: авторъ долженъ принять въ основаніе своего труда не одни печатные, русскіе и иностранные, источники, но и архивные и вообще еще неизданные матеріалы. Всѣ представленныя авторомъ главные факты и соображенія должны быть подкрѣплены указаніемъ на источники, которыми онъ пользовался. Важнѣйшіе же изъ неизданныхъ документовъ должны быть присоединены къ сочиненію, въ видѣ приложенія къ оному.

Срокомъ для представленія сочиненій на этотъ конкурсъ на первый разъ было назначено 1-е декабря 1874 г. Въ случаѣ, если къ этому сроку будетъ доставлено хотя одно сочиненіе, Академія приступитъ къ его разсмотрѣнію, и буде оно признается достойнымъ награды, то отчетъ объ этомъ присужденіи будетъ прочтенъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 6-го апрѣля 1875 г.,

въ память дня кончины канцлера князя А. А. Безбородко, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1799 года. Въ случаѣ же неполученія Академіею къ вышеозначенному сроку ни одного сочиненія или неудовлетворительности представленныхъ ей сочиненій, конкурсъ будетъ возобновляться ежегодно до тѣхъ поръ, пока не явится сочиненіе, которое удостоится преміи.

Вся сумма, какая составитъ изъ капитала, пожертвованнаго для сей цѣли покойнымъ графомъ Н. А. Куселевымъ-Безбородкою въ 1856 году, и изъ процентовъ, которые съ того времени нарастутъ на этотъ капиталъ по день присужденія преміи, назначается автору въ награду за его трудъ и на покрытіе расходовъ по изданію въ свѣтъ сочиненія и приложенныхъ къ нему документовъ; она будетъ уплачена автору не прежде, какъ по представленіи имъ въ Академію печатнаго экземпляра его сочиненія.

Князь Безбородко, не смотря на роль, которую онъ игралъ въ событіяхъ и политикѣ царствованія Екатерины II, до сихъ поръ обращалъ на себя мало вниманія въ нашей исторической литературѣ. Можно даже сказать, что заслуги его и значеніе еще не были вполне оцѣнены. О немъ ходило нѣсколько анекдотовъ, которые приводились въ доказательство его необыкновенной памяти и находчивости, говорилось о его участіи въ присоединеніи Крыма и въ заключеніи яскаго мира, но обстоятельства его жизни не были достаточно извѣстны и, кромѣ двухъ-трехъ краткихъ и поверхностныхъ очерковъ его жизнеописанія, не было ни одной посвященной ему монографіи. Н. И. Григоровичъ, рѣшившись пополнить этотъ недостатокъ свѣдѣній объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи Россіи за вторую половину XVIII столѣтія, употребилъ около 10-ти лѣтъ на самое тщательное изученіе его жизни и характера. Такимъ образомъ произвелъ объемистый трудъ, представленный на судъ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: *Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени*. Рукописный текстъ этого изслѣдованія занимаетъ два большіе тома въ листъ, къ кос

торымъ присоединяются еще приложенія въ трехъ такихъ же томахъ. Комиссія, назначенная Академіею Наукъ для разсмотрѣнія его и состоявшая изъ академиковъ: А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, А. А. Куника, И. И. Срезневскаго и М. И. Сухомянова, нашла трудъ г. Григоровича вполне соответствующимъ условіямъ, постановленнымъ учредителемъ преміи за лучшее жизнеописаніе князя Безбородки. Заключение это было одобрено общимъ собраніемъ Академіи въ засѣданіи 31 минувшаго марта.

Благодаря труду г. Григоровича, нравственный и политическій обликъ знаменитаго государственнаго мужа является намъ теперь въ весьма полномъ и опредѣленномъ очертаніи; это цѣльный, очень характерическій образъ, возникающій изъ подробнаго разсмотрѣнія общественной и частной его жизни. Чтобы показать, какъ авторъ выполнилъ свою задачу, мы представимъ обзоръ какъ плана, которому онъ слѣдовалъ, такъ и содержанія его монографіи. Но прежде остановимся на источникахъ, которыми онъ пользовался.

Само собою разумѣется, что для доставленія возможной полноты и достовѣрности своимъ изслѣдованіямъ, г. Григоровичъ старался не упустить ни одного изъ тѣхъ матеріаловъ, которые ему представляли не только печатные документы на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, но и въ особенности хранящіеся въ архивахъ государственныхъ и частныхъ. Ему были открыты архивы сената, синода, государственнаго совѣта, министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, почтоваго вѣдомства, главнаго штаба въ обѣихъ столицахъ и императорскаго кабинета. Изъ частныхъ архивовъ онъ имѣлъ доступъ къ бумагамъ: кн. Сергѣя Викт. Кочубея, гр. Григ. Александр. Кушелева-Безбородки, гр. Алексѣя Ив. Мус.-Пушкина, гр. Григорія Александр. Милорадовича и Петра Аркад. Кочубея.

Изъ архивовъ частныхъ лицъ первое мѣсто, по общему извлеченныхъ свѣдѣній, занимаетъ Диканьскій, принадлежащій князю Кочубею, внуку кн. Безбородки. Посѣтивъ въ 1869 г. Диканьку по приглашенію просвѣщеннаго хозяина, г. Григоровичъ нашелъ

въ немъ драгоценныя письма Безбородки къ отцу и матери, также къ другимъ родственникамъ и къ графамъ Александру и Семену Романовичамъ Воронцовымъ. Интимное содержаніе этихъ писемъ, говоритъ г. Григоровичъ, ставятъ ихъ въ рядъ весьма важныхъ источниковъ для обоихъ царствованій 2-й половины XVIII стол. Политика наша въ ту эпоху и придворныя интриги живо и откровенно описаны кн. Безбородкою, что и заставляло его весьма нерѣдко просить того или другого изъ братьевъ Воронцовыхъ сжигать его письма; но къ счастью, участь эта миновала ихъ. Изъ писемъ же графовъ Воронцовыхъ къ нему сохранились весьма немногія. Большая часть ихъ вѣроятно сожжена самимъ Безбородкою, который чистосердечно сознавался въ этомъ графу Семену Романовичу. Столь же важное историческое значеніе имѣютъ письма Безбородки къ Потемкину, особенно за время когда послѣдній былъ вдали отъ двора, т. е. за время 2-й турецкой войны и шведской кампаніи. Изъ писемъ, адресованныхъ къ Безбородкѣ, особенно интересны писанныя Викт. П. Кочубеемъ изъ Турціи, гдѣ онъ занималъ постъ посланника. Въ пополненіе сокровищъ, почерпнутыхъ изъ Диканьскаго и Рѣшетиловскаго архивовъ, г. Григоровичъ имѣлъ возможность снять копіи съ писемъ и бумагъ канцлера, хранящихся у гр. А. И. Мусина-Пушкина, доставшихъ ему послѣ смерти гр. Г. А. Куселева-Безбородко, графа Г. А. Милорадовича и кн. П. В. Кочубея.

Кромѣ того, г. Григоровичу были доставлены: весьма важныя письма князя Безбородки, адресованныя къ другу его Николаю Александровичу Львову, — составителемъ этого отчета; матеріалы, собранныя изъ государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, — сенаторомъ А. А. Половцовымъ; изъ Рѣшетиловскаго архива — вице-предсѣдателемъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей Н. Н. Мурзакевичемъ, а также академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, М. И. Семевскимъ, Н. Ѳ. Дубровинимъ, Г. Н. Александровымъ, П. И. Бартевымъ и П. В. Киселевымъ.

Можно надѣяться такимъ образомъ, что изъ доступныхъ

въ настоящее время въ предѣлахъ Россіи рукописныхъ источниковъ для біографіи Безбородки, весьма немногіе развѣ не были въ рукахъ г. Григоровича. Всѣ документы, которые служили ему источниками, указаны имъ и отчасти сообщены въ извлеченіяхъ или цѣликомъ въ приложеніяхъ къ біографіи, тщательно собранныхъ въ заключеніи труда, вмѣстѣ съ дополнительными къ тексту примѣчаніями. Изданіе однихъ этихъ документовъ, представляющихъ между прочимъ цѣлыя коллекціи писемъ, государственныхъ актовъ, докладовъ и другихъ трудовъ Безбородки, само по себѣ составило бы уже немалую заслугу для пополненія источниковъ русской исторіи прошлаго вѣка.

Г. Григоровичъ не имѣлъ возможности воспользоваться только тѣми извѣстіями о кн. Безбородкѣ, которыя разбросаны въ заграничныхъ архивахъ; но такъ какъ извлеченіе свѣдѣній изъ этихъ отдаленныхъ родниковъ исторіи всегда бываетъ сопряжено съ особенными затрудненіями для частныхъ лицъ, то отсутствія ихъ и нельзя ставить въ упрекъ автору настоящаго изслѣдованія, которое, и при этомъ недостаткѣ, всетаки представляетъ на первый случай значительную степень полноты по богатству собранныхъ въ отечествѣ и въ иностранной литературѣ матеріаловъ.

Біографія, разработанная г. Григоровичемъ, состоитъ изъ 23-хъ главъ, расположенныхъ частью въ хронологическомъ порядкѣ обстоятельствъ жизни Безбородки, частью по различнымъ отраслямъ его дѣятельности и сторонамъ жизни. Къ послѣднему роду отдѣловъ относятся напримѣръ слѣдующіе: отношенія къ писателямъ и къ просвѣщенію, — домашняя жизнь въ Петербургѣ. Одно краткое оглавленіе сочиненія г. Григоровича даетъ уже понятіе о высокомъ интересѣ его содержанія, и надо отдать справедливость автору, что ожиданіе, возбуждаемое этимъ оглавленіемъ, вполне удовлетворяется прочтеніемъ самаго изслѣдованія.

Прослѣдимъ нѣкоторые моменты дѣятельности Безбородки по труду г. Григоровича, большею частью собственными словами біографа.

Въ годъ празднованія въ Москвѣ Кучукъ-кайнарджискаго ми-

ра, Безбородко былъ опредѣленъ ко двору Екатерины II, на должность секретаря ея для принятія челобитныхъ. По пріѣздѣ его изъ Москвы въ Петербургъ, въ январѣ 1776 года, трудолюбіе и способность на лету схватывать распоряженія Императрицы и облекать ихъ въ форму высочайшихъ повелѣній, скоро доставили Безбородкѣ видное положеніе.

Въ концѣ 1778 года о служебныхъ занятіяхъ своихъ онъ писалъ къ отцу въ Малороссію: «Служба наша пріятна и видна, но нескоро полезна бываетъ, а представляютъ у двора приличную функцію фигуру довольно надобно иждивенія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ что шагъ ступить, то и платить надобно. Впрочемъ, я не могу довольно нахвалиться пребываніемъ своимъ здѣсь. Ея Императорское Величество отъ дня въ день умножаетъ ко мнѣ свою повѣренность. Для собственнаго вашего знанія скажу, дабы не причли сего въ самохвальство, что тамо вся публика и дворъ видятъ меня, яко перваго ея секретаря, потому черезъ мои руки идутъ дѣла: сенатскія, синода, иностранной коллегіи, не исключая и самыхъ секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и большая часть дѣлъ собственныхъ». Современники Безбородки: дипломаты и лица, близко стоявшія къ дѣламъ, видѣли въ немъ дѣльца, выходявшаго изъ ряда тогдашнихъ секретарей Екатерины.

Обильная служебная дѣятельность Безбородки за первые годы жизни его въ столицѣ не отвлекала его и отъ ученыхъ занятій. Въ періодъ съ 1776 по 1779 годъ онъ составилъ а) обширную историческую записку о Татарахъ; б) участвовалъ въ составленіи лѣтописи Малой Россіи, изданной Рубаномъ, и в) составлялъ, по повелѣнію Государыни, «Хронологическую таблицу замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II», которая, къ сожалѣнію, составителемъ біографіи не отыскана.

Въ концѣ 1780 года Безбородко подалъ Государынѣ записку, извѣстную подъ названіемъ «Меморіала по дѣламъ политическимъ». По словамъ С. М. Соловьева, «записка эта имѣла весьма важное дипломатическое значеніе: въ авторѣ высказался тонкій и

дальновидный дипломатъ; она, почти слово въ слово, была переслана въ Вѣну, въ формѣ предложенія нашего двора».

Въ запискѣ Безбородко говоритъ, что, при условіи заключенія договора съ императоромъ Іосифомъ II, для Россіи нужно имѣть: 1) Очаковъ, 2) Крымскій полуостровъ и 3) одинъ или два острова въ Архипелагѣ. Австрія могла получить: Бѣлградъ съ частію Сербіи и Босніи, но въ томъ случаѣ, если бы вѣнскій дворъ согласился относительно дальнѣйшаго жребія Оттоманской Порты. При этомъ предполагалось, что «ежели обѣ державы, находя продолженіе войны для себя весьма убыточнымъ, а завоеванія ненадежными, предпочли бы заключеніе мира безъ разрушенія Турецкаго государства, въ такомъ случаѣ, сверхъ обоестороннихъ приобрѣтеній, полезно было бы имъ условиться и постановить, чтобъ Молдавія, Валахія и Бессарабія, подъ именемъ своимъ древнимъ Дакии, учреждена была областію независимою, въ которую владѣтель назначенъ былъ бы закона христіанскаго, тамъ господствующаго, если не изъ здѣшняго Императорскаго дома, то хотя другая какаѣ-либо особа, на которой вѣрность оба союзника могли бы положиться; новая сія держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи».

Въ концѣ того же 1780 г. Безбородко былъ причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ «полномочнаго для всѣхъ негодіацій», и въ тотъ же день произведенъ въ генералъ-маіоры.

Вскорѣ послѣ причисленія къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ онъ приобрѣлъ полное, обстоятельное знакомство съ внѣшними политическими дѣлами и сталъ оказывать на ходъ ихъ вліяніе. Это какъ нельзя лучше подтверждаютъ депеши англійскаго посланника Гарриса.

Изъ многихъ его отзывовъ достаточно привести здѣсь одинъ, чтобы видѣть какое Безбородко имѣлъ значеніе въ политикѣ при началѣ вступленія своего на дипломатическое поприще. «Единственный человѣкъ, доносилъ Гаррисъ своему двору, отъ кого я могъ надѣяться получить нѣкоторую выгоду, былъ частный секретарь Императрицы, и то только потому,

что это личность честная и незараженная предразсудками, и съ нимъ, съ однимъ, Императрица разсуждаетъ объ иностранныхъ дѣлахъ. Безбородко ежедневно возвышается въ ея уваженіи».

Въ концѣ 1782 года Екатерина, оцѣнивъ многообразныя заслуги своего секретаря, отличила его вмѣстѣ съ первѣйшими сановниками государства: 22-го сентября Государыня, празднуя годовщину двадцатилѣтія своего коронованія и въ память этого дня учредивъ орденъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра, статуть котораго былъ составленъ Безбородкою, сама возложила на него звѣзду и ленту ордена.

Обширныя предпріятія Екатерины, какъ по распространенію предѣловъ Россіи, такъ и по внутреннимъ учрежденіямъ, истощали государственныя доходы, которыми далеко не покрывались расходы. Государственный дефицитъ правительство обыкновенно покрывало новыми выпусками ассигнацій; но уже въ концѣ 1782 года было замѣчено, что ассигнаціи вымѣнивались съ платежемъ лажы, что возбудило опасеніе и принудило изыскивать другія, болѣе разумныя мѣры для улучшенія финансовъ.

Для достиженія этой цѣли была образована особая коммиссія изъ членовъ, которымъ больше другихъ сановниковъ были знакомы наши финансы. Выборъ этихъ лицъ, какъ кажется, возложенъ былъ на Безбородку, и вскорѣ онъ сдѣлался въ этой коммиссіи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Еще не кончила своихъ работъ финансовая коммиссія, какъ онъ призванъ былъ къ новому труду по изысканію лучшихъ мѣръ къ переселенію въ Россію ногайскихъ ордъ.

Въ то самое время, когда обсуждался финансовый вопросъ и вопросъ о Татарахъ, 31-го марта 1783 года, умеръ графъ Н. И. Панинъ, еще за два года до кончины своей удалившійся отъ дѣлъ по разногласію съ княземъ Потемкинымъ. Мѣсто умершаго занялъ графъ И. А. Остерманъ съ званіемъ вице-канцлера. Всѣ иностранные агенты видѣли въ новомъ вице-канцлерѣ «только занимаемое имъ мѣсто». Кауницъ называлъ его «автоматомъ», императоръ Іосифъ — «соломенной чучелой» (*homme de paille*).

Именемъ вице-канцлера управляла его канцелярія, во главѣ которой стоялъ талантливый и дѣятельный Безбородко, при поддержкѣ князя Потемкина, любившаго вмѣшиваться во всѣ политическія дѣла. Съ удаленіемъ Панина, Потемкинъ сталъ дѣйствовать еще самостоятельнѣе и вмѣстѣ съ Безбородкою приготовить присоединеніе къ Россіи Крыма. Мысль о присоединеніи Крыма, какъ было сказано, секретарь Екатерины высказалъ еще въ 1776 г., въ исторической запискѣ своей о Татарахъ. «Остался одинъ только Крымъ,—писалъ тогда Безбородко,—и подвластные ему Татары, отъ которыхъ Россія уже съ двѣсти тому лѣтъ какъ страдаетъ и раззоренія претерпѣваетъ». Эти обстоятельства побудили его совѣтовать правительству: «принять добрыя мѣры противъ сихъ нашихъ вѣчныхъ непріятелей, дабы единожды навсегда привести себя отъ нихъ въ безопасность и чрезъ то доставить отечеству нашему надежное навсегда спокойствіе». Послѣдующія событія и разсказъ Безбородки въ автобіографической запискѣ его о дипломатическихъ трудахъ за первые годы своей службы при Екатеринѣ и о дѣятельности по присоединенію Крыма, ясно наводятъ на мысль, что «Записка его о Татарахъ» была извѣстна Императрицѣ, и что мысли его, выраженные въ ней, достигли блестящихъ, небывалыхъ въ исторіи результатовъ. «Еще въ концѣ 1777 года», читаемъ въ автобіографической запискѣ, «когда Государынѣ угодно было употребить меня въ дѣла политическія, я предлагалъ г. Бакунину, которому отъ Ея Величества поручено было сочиненіе наставленія фельдмаршалу, что независимость Татаръ въ Крыму ненадежна для насъ и что надобно помышлять о присвоеніи сего полуострова; тогда еще о Кубани не было дѣла. Идея наша отчасти апробована была, и близко было дѣлать исполненіе. Все однакоже осталось не по нашимъ желаніямъ, для того что мы, отложивъ попеченіе о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, вмѣшались въ постороннія. Французы захватили въ руки нашу негоціацію, много испортили, однако насъ изъ хлопотъ вывели. Съ перваго момента понялъ я, что намѣреніе Государыни о Греческой монархіи серьезно и ощутилъ въ полной мѣрѣ, что сей

проектъ достоинъ великаго духа, а при томъ, что онъ конечно и исполненъ быть можетъ, ежели не стануть выпускать его изъ виду, будутъ принаравливать всѣ дѣйствія и пользоваться счастливыми обстоятельствами. Для сего я сошлюся на самую Государыню. Когда Порта сдѣлала затрудненіе въ разныхъ выгодахъ по торговлѣ и въ дѣлѣ консула бухарестскаго, я, спрося Ея Величество, серьезно ли держаться того вида, и получа на то ея повелѣніе съ повтореніемъ, чтобъ вездѣ дѣйствовать гласомъ твердости ей свойственнымъ, присвоилъ себѣ всѣ сін дѣла, велъ ихъ такъ, какъ съ волею Монаршею было сходно и для интересовъ Россіи полезно, чѣмъ нажилъ неудовольствіе многихъ. Въ системѣ нейтральной, въ недопущеніи ввести ее въ морскую войну, немало я участвовалъ; а что принадлежитъ до связи съ Австрійскимъ домомъ, то въ архивѣ секретномъ и теперь служить документомъ планъ мой, данный три дня спустя послѣ извѣстія о смерти императрицы-королевы (Маріи-Терезіи). Онъ былъ апробованъ, и вся перемена нынѣшняя есть слѣдствіе его. Сколько моего труда было по коммерческому съ Портою трактату и по Крымскому дѣлу! Скажутъ, что я только исполнялъ волю Государыни и дѣйствовалъ по ея генеральнымъ видамъ и намѣреніямъ; тутъ ясно, что были прежде меня министры, но было и то, что или не умѣли, или не очень хотѣли то приводить къ исполненію. Собственныя уваженія оныхъ превозмогли надъ всѣмъ прочимъ, а я боролся съ трудностями, не уважалъ непріятелей, не боялся, что много и страха, и всего было. Я посылаюсь на князя Потемкина, сколько моихъ стараній и работы было въ дѣлахъ нынѣшнихъ; онъ не запирался, что мысль о Крымѣ была наша общая и что къ исполненію ея были мы равными побудителями».

Въ октябрѣ 1783 года Безбородко избранъ былъ членомъ Россійской Академіи. Этимъ объясняется, что въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ находится портретъ Безбородки, копія съ подлинника Лампи.

12 октября 1784 г. Екатерина писала своему довѣренному секретарю: «Труды и рвеніе привлекають отличіе. Императоръ»

даетъ тебѣ графское достоинство. Будешь *comes*! Не уменьшитъся усердіе мое къ тебѣ. Сіе говоритъ *Императрица. Екатерина* же дружески тебѣ совѣтуетъ и проситъ не лѣниться и не спѣсиваться за симъ».

Преимущественному вліянію Безбородки на дѣла немало способствовало также и то, что онъ, занимая должность секретаря, ближе и ранѣе могъ знать о существѣ дѣлъ, нежели Остерманъ, и прежде послѣдняго могъ слышать о нихъ мнѣнія Государыни. Перевѣсь его надъ вице-канцлеромъ былъ такъ замѣтенъ, что сдѣлался извѣстенъ самой Екатеринѣ, которая однакожь не отдаляла отъ себя Безбородку, какъ способнѣйшаго и преданнаго ей дипломата. Недаромъ, она въ письмахъ своихъ къ Гримму, часто упоминая о его участіи въ исполненіи ея порученій, постоянно называетъ его не иначе какъ *factotum*.

Такъ смотрѣли на него и всѣ близко знакомыя съ дѣлами того времени лица. Министръ Гевуэзской республики, патрицій Риварола, говоритъ: «Наибольшимъ вліяніемъ пользуется графъ Безбородко, секретарь кабинета Ея Величества: онъ ежедневно въ положенные часы докладываетъ ей о текущихъ дѣлахъ по всѣмъ министерствамъ и вмѣстѣ съ ней предварительно разбираетъ ихъ. Въ отсутствіе вице-канцлера онъ принимаетъ иностранныхъ посланниковъ и ведетъ съ ними переговоры. Онъ бы могъ быть вице-канцлеромъ при возвышеніи въ канцлеры графа Остермана; но пользуясь одинаковымъ содержаніемъ, предпочитаетъ свое положеніе блеску вице-канцлерскому. Дѣятельный, мягкаго характера, старающійся, по мѣрѣ возможности, угодить всякому, онъ считается искуснымъ дипломатомъ и ловкимъ царедворцемъ».

Графъ Сегюръ, посоль Франціи при нашемъ дворѣ, свидѣтельствуешь что, политическія тайны того времени оставались въ вѣдѣніи Екатерины, Потемкина и Безбородки. Рассказывая затѣмъ, что Екатерина, «диктуя своимъ министрамъ важнѣйшія бумаги, обращала ихъ въ простыхъ секретарей», онъ говоритъ между прочимъ о Безбородкѣ, что «онъ скрывалъ тонкій умъ подъ тяжелою наружностью» и болѣе другихъ пользовался довѣріемъ

Императрицы». Еще точнѣе отозвался о графѣ Безбородкѣ Сардинскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, маркизъ де-Парело. Въ донесеніяхъ своему двору онъ писалъ, что «относительно дѣлъ важныхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, все состоитъ въ зависимости отъ трехъ, много четырехъ лицъ, пользующихся полнымъ довѣріемъ монархини, именно: отъ князя Потемкина, графа Безбородки, князя Вяземскаго и Бакунина.» Окончивъ рассказъ о Потемкинѣ, маркизъ сравниваетъ его съ Безбородкою и при этомъ говоритъ, что послѣдній ровностью своего характера, кротостью и даже, можетъ быть, застѣнчивостью, какъ и небрежною простотою костюма, представляетъ странный контрастъ съ пышностью, самоувѣренностью и горделивою осанкою упомянутаго министра. Судя по наружности, можно бы подумать, что графъ пользуется второстепеннымъ кредитомъ при дворѣ и играетъ роль подчиненнаго, но если всмотрѣться поглубже, нельзя не замѣтить тотчасъ, что онъ стоитъ выше въ мнѣніи Государыни, чѣмъ первый, вся сила котораго зависитъ единственно отъ убѣжденія ея въ томъ, что онъ необходимъ... Изъ всѣхъ однакожъ лицъ, находящихся въ составѣ министерства, я гораздо больше вѣрю въ его честность, чѣмъ всякаго иного, и если бы у меня было какое либо важное дѣло, мнѣ кажется, лучше всего было бы обратиться къ нему. Онъ умѣетъ цѣнить такое доказательство довѣрія, и это средство помогло уже многимъ, имъ пользовавшимся».

Въ первую половину царствованія Екатерины почтовое дѣло Россіи вѣдалось «Почтовымъ Департаментомъ», однимъ изъ трехъ департаментовъ «Публичной экспедиціи коллегіи иностранныхъ дѣлъ». Безбородко сталъ въ близкое отношеніе къ почтовымъ дѣламъ съ самаго опредѣленія своего ко двору. Уже съ этой поры онъ докладывалъ дѣла почтоваго Императрицѣ, о чемъ свидѣлствуютъ резолюціи, писанныя его рукою на докладахъ по почтовымъ дѣламъ, и указы. Во время своихъ докладовъ Безбородко, вѣроятно, хорошо ознакомился съ состояніемъ почтъ въ Россіи, а потому и былъ назначенъ завѣдывать

непосредственно этимъ вѣдомствомъ: указомъ 20 декабря 1781 года Почтовый Департаментъ порученъ былъ «въ точное вѣдѣніе и наблюденіе генераль-маіору Безбородкѣ». Сослуживецъ его Малиновскій, въ рукописномъ своемъ сочиненіи говоритъ, «что для Безбородки почтовое правленіе, всегда зависѣвшее отъ вице-канцлеровъ, отдѣлилось отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ».

До него почтовое управленіе въ Россіи складывалось и расширялось подъ вліяніемъ отдѣльныхъ и притомъ случайныхъ указаній опыта, да и въ такомъ видѣ оно удовлетворяло лишь самымъ общимъ потребностямъ государственной и частной жизни. Безбородко внесъ въ почтовое управленіе систему обдуманнаго усовершенствованія. Онъ произвелъ въ немъ весьма важныя улучшенія и измѣненія, какихъ требовало быстрое развитіе, сообщенное Екатериною II всѣмъ отраслямъ государственнаго быта, и которыя послужили началомъ преобразованій, отчасти продолжающихся и въ наше время.

Г. Григоровичъ посвятилъ трудамъ его по почтовому вѣдомству отдѣльную главу.

Съ наступленіемъ 1786 года, почти одновременно, состоялись два высочайшія повелѣнія, изъ которыхъ однимъ графъ Безбородко назначался членомъ «Комиссіи о дорогахъ въ государствѣ», а другимъ—«Совѣта при Ея Императорскомъ Величествѣ». Разсматривая дѣятельность Безбородки по званію члена Совѣта, нельзя не замѣтить, что дѣятельность эта была обширна и касалась предметовъ первостепенной государственной важности. Но, важная по предметамъ, къ которымъ относилась, она представляется еще болѣе вліятельною по тому значенію, какое графъ Безбородко имѣлъ въ Совѣтѣ, какъ членъ и въ особенности какъ постоянный докладчикъ верховной власти со дня поступленія своего въ него по день смерти.

Почти за годъ до поѣздки въ Крымъ Императрицы, начались приготовленія къ этому «историческому путешествію въ Таври-

ду». Главнымъ, чуть ли не единственнымъ исполнителемъ повелѣній Екатерины былъ опять Безбородко.

Труды, предпринятія имъ по этому поводу, были непрерывны и разнообразны. Большая часть указовъ, подписанныхъ Екатериною въ теченіе полугодоваго путешествія, были писаны самимъ Безбородкою. Даже мелочи проходили чрезъ его руки. Особенное вниманіе къ своему ближайшему секретарю, исполнявшему обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, путешествующая Императрица выражала тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ удостоивала своимъ посѣщеніемъ его имѣнія. И теперь, 3 іюня, она остановилась ночевать въ слободѣ Анновкѣ, принадлежавшей Безбородкѣ. Затѣмъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ, наканунѣ выѣзда изъ нея въ Петербургъ, Императрица пожаловала ему домъ графа Бестужева-Рюмина.

Тревожныя политическія обстоятельства во всей Европѣ, особенно крайне неблагоприятное отношеніе къ намъ Турціи, которая не могла забыть блестящихъ побѣдъ Румянцова-Задунайскаго и видѣть равнодушно отложеніе Крыма отъ ея владычества, заставляли Россію зорко слѣдить за событіями въ Портѣ. Безбородко, понимавшій тогдашнее положеніе дѣлъ, нерѣдко писалъ о нихъ князю Потемкину и лондонскому послу нашему графу Воронцову.

Наши первые шаги въ войнѣ съ Турціею были неудачны: севастопольскій флотъ былъ разбитъ бурей, Потемкинъ упалъ духомъ, медилъ осадой Очакова и молчалъ. Последнимъ обстоятельствомъ Безбородко весьма тревожился. Свои мысли о тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ высказалъ въ письмѣ къ графу Воронцову: «Ваше сіятельство съ симъ нарочнымъ получите довольно важную экспедицію, а могу сказать и трудную, потому что у насъ часто не легко отгадать чего мы желаемъ; теперь же еще къ сожалѣнію и больше оказывается, что и во внѣшнихъ дѣлахъ думаютъ такъ точно править, какъ во внутреннихъ. Я полагаю, что графъ Фалькенштейнъ, разговаривая со мною въ 780 году, въ Смоленскѣ, и по новости своей, а отчасти и ми-

нистра своего, считая меня въ связи съ покойнымъ графомъ Панинымъ, превознося сего послѣдняго похвалами, сказалъ, что управленіе иностранныхъ дѣлами тѣмъ труднѣе предъ внутренними, что тутъ имѣемъ дѣло съ подчиненными и подданными, а тамъ съ людьми, которые эдиктовъ не слушаютъ, и коихъ ни краснорѣчіемъ, ни нравоученіемъ никогда съ собою не согласимъ. У насъ напротивъ того считаютъ, что всѣ по нашей дудкѣ плясать должны, и если бы не привычка иногда и съ огорченіемъ переносить все и воздерживать первую пыль съ твердостію, то Богъ знаетъ какъ бы иное и пошло. Надежда вся на ваше искусство въ поручаемыхъ вамъ объясненіяхъ; а я долгомъ службы и дружества поставлю сказать вамъ все искренно, что въ мое понятіе вмѣщается... Не смотря на всѣ ласкательства Франціи, здѣсь, конечно, неохотно поддадутся на какую-либо тѣсную съ ними связь, развѣ бы настали два обстоятельства: первое, возможность исполнить извѣстный большой планъ, и второе, явное недоброжелательство Англіи къ намъ или союзнику нашему; но первое я считаю вещью совсѣмъ удаленною, не столько еще по политическимъ соображеніямъ, сколько по нашему состоянію нѣкоторыхъ внутреннихъ частей, а прямо сказать, одной военной. Второе можетъ быть вамъ удастся объясненіями вашими удалить также, и потому есть надежда, что мы войну нынѣшнюю успѣемъ кончить, не связавшись и не имѣвъ нужды связаться ни съ Версальскимъ, ни съ Лондонскимъ дворами. Дружественные поступки, взаимные между нами и Франціею, и самое оказательство податливости нашей наружное на ихъ предложеніе, не должны бы были беспокоить Англію, если она къ интересамъ нашимъ добροхотна; а что мы, конечно, не рѣшимся противъ ея иначе, какъ по ея развѣ вызову, въ томъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія. Самъ Императоръ, который имѣетъ меньше насъ нужды менажировать Англію, того мнѣнія, чтобъ удержать Францію въ благихъ расположеніяхъ, не дѣлать ей слишкомъ дальнихъ откровеній, а болѣе заставлять ее говорить; да и въ крайнемъ случаѣ нужды съ нею связаться, поставить себя и насъ ней-

тральными противъ Англіи, хотя, въ замѣну нейтралитета Франціи въ войнѣ турецкой. Мы располагаемся на сихъ дняхъ сдѣлать отвѣтъ Франціи учтивый, не отгоняющій ихъ, но и насъ ничѣмъ не обязующій.

«Съ императоромъ у насъ также происходятъ перекоры, чтобъ онъ зачалъ дѣйствія, а онъ говоритъ, чтобъ мы зачали, какъ воюющіе, а онъ тотчасъ и свои откроетъ; но, между тѣмъ, надѣлалъ онъ, правду сказать, много лишннихъ и новыхъ вопросовъ. У него есть точныя съ нами условія; на случай диверсій Прусскаго короля, вздумалъ онъ предложить еще случай, буде король рѣшится чѣмъ-либо овладѣть изъ Польши. Что мы тутъ пассивны не останемся, и что составимъ общее дѣло, за симъ отвѣтомъ не стало бы; но онъ требуетъ, какія мѣры мы возьмемъ тогда, какія войска и гдѣ они, да еще чтобъ и постановить о томъ актѣ. Вопросы и сами по себѣ затруднительны, а настояніе объ актѣ и для того неудобнымъ считаю, что самъ же бы онъ, увѣрся въ мѣрахъ, зачалъ бы заирать Прусскаго короля, котораго удерживать пассивнымъ на время войны нашей требуетъ наша польза. Я постараюсь составить тутъ отвѣтъ, сходный съ доброю вѣрою Государыни, съ достоинствомъ и пользою Имперіи, и который бы отчасти успокоилъ Вѣнскій дворъ на всѣ случаи. Мнѣніе мое и въ Совѣтѣ и у Ея Величества уже апробовано, и я теперь работаю надъ сего матеріею, неся тягость, что сочиненіе русское никто со мною не раздѣляетъ.

«Ваше сіятельство согласится со мною, конечно, что весьма нужно, дабы нынѣшняя война скорѣе кончилась. Думали прежде, что финансы наши всего менѣе ее вынесутъ; но тутъ теперь оказалось, что два года можемъ вести войну, не прибѣгая къ налогамъ. О, ежели бы и военная часть могла равняться съ сею частію! Тогда не уважали бы мы на всѣ другія околичности. Но полгода слишкомъ проходитъ въ приуготовленіяхъ. Взявъ со ста душъ рекрута, наполнили только армію, а болѣе 30.000 недостаетъ въ пограничныхъ однихъ гарнизонахъ. Теперь еще только готовымъ имѣемъ порохъ и снаряды, довольствуясь тѣмъ,

что одной полевой большой артиллеріи въ одной арміи 200, а въ другой 90 орудій, да осадной въ одной 128, въ другой 40 орудій. Что мѣшало, я не говорю объ Очаковѣ, сдѣлать какое либо покушеніе или поискъ? Даже и теперь сущей дряни за Бугомъ и по Днѣстру премного, которую побивъ, дали бы лучшей покой и себѣ и Польшѣ, да и на весну себя много бы облегчили. Вы сами хорошо знаете сію часть и здраво объ ней судили.

«Слухи о начальникахъ напрасныя. Они все тѣ же и переимѣны нѣтъ. Графъ Румянцовъ бодрствуетъ и дѣлами военными править, какъ человекъ, который не впервые командуетъ. Имя его ободрило въ Молдавіи, гдѣ насъ ждутъ нетерпѣливо, и гдѣ Арнауты Турковъ хорошо поколотили. Союзникъ нашъ на него весьма считаетъ и, кажется, хочетъ комбинировать свои операціи съ его арміею. Я видѣлъ о семъ письма Принца де-Лянйя.

«Трудно себѣ представить мои работы. Я разумѣю не то, чтобъ или времени, или силъ недостаетъ, но то, что о многомъ надобно брать *ad referendum* (на донесеніе, т. е. посылать за совѣтомъ къ князю Потемкину) въ Новороссійскую губернію, а оттуда ни на что не добьешься не скорого, но уже и никакого отвѣта. Время близится къ высылкѣ флота нашего, а дѣло стало за войсками и генераломъ. По мѣсяцу почти курьеровъ не имѣемъ. Въ случаѣ неудачъ ожидаю навѣрное, что тутъ и негодованіе на насъ, а главнѣйшее на меня обратится, при пособіи всякихъ коварныхъ происковъ, кои опять здѣсь умножаться стали. Я истинно ихъ не уважаю, но нельзя не заботиться, что подобныя происшествія публикою и свѣтомъ относимы будутъ на недосмотрѣніе министерства, у котораго ни силы, ни способовъ дѣлать лучше недостаетъ. Если бы можно было только вершить войну безъ потери и хотя съ весьма умѣренными выгодами, направилъ бы я тогда всю возможность свою не допускать разрушать покой иногда легкомысленно, вѣдая, что онъ для насъ всего полезнѣе, а при упрямствѣ, по крайней мѣрѣ, пожелая добраго успѣха, своимъ покоемъ поспѣшу воспользоваться». Попросивъ затѣмъ Воронцова принять «все сіе за опытъ искренней предан-

ности и сжечь письмо», Безбородко прибавляетъ: «Если бы я не крѣпко корячился, во многихъ случаяхъ, не уважая, что и сердятся, не огрызался и не слаживалъ дѣла, то система наша съ Вѣнскимъ дворомъ въ ничто бы обратилася. Государыня не склонна къ Прусской системѣ, но меньшей дворъ въ рукахъ тамъ совершенно. Вице-канцлеръ, слѣдуя вездѣ за Англією, не прочь и теперь съ Берлиномъ чтобъ сойтися, лишь бы Англія хотѣла».

Когда обнаружились приготовленіе Швеціи къ войнѣ съ Россією, на графа Безбородко легла новая тяжесть. 4 апрѣля 1788 года онъ писалъ между прочимъ гр. С. Р. Воронцову: «Трудъ я несу тотъ же, и одинъ всю тягость бремени выдерживаю, съ тою разницею, что и положеніе дѣлъ гораздо заботливѣе, чѣмъ то, ко-ему вы были свидѣтелемъ въ 1783 году. Прибавьте къ сему, что я, который шелъ всегда прямою дорогою и, кромѣ службы, не зналъ иного пути приобрѣсть и имя значущее и благосостояніе не послѣднее, теперь долженъ заботиться обороною противу интригъ самыхъ пакостныхъ, противъ нападеній клеветливыхъ и противъ всѣхъ усилій людей случайныхъ. Сперва хотѣли сложить на насъ подозрѣніе, будто мы употребляемъ разные провъски противу князя Потемкина; но когда сей послѣдній засвидѣтельствовалъ, что онъ мною совершенно доволенъ и свою довѣренность даже до собственныхъ видовъ ко мнѣ имѣеть, тогда напали на насъ съ графомъ Александромъ Романовичемъ (Воронцовымъ) образомъ самымъ оскорбительнымъ. Дѣла и дѣйствія самыя насъ оправдали, но клевета на насъ была ясная, а оправданіе безъ явной репарациі можетъ ли удовлетворить чести оскорбленныхъ? Я буду ждать конца войны и тѣмъ кончивъ время свое, не втуне употребленное, примуся за собственные дѣла, оставляя всѣ пакости съ презрѣніемъ».

Пока шли разсужденія о войнѣ и о необходимости заключенія мира съ одною изъ воюющихъ державъ, при дворѣ явилось новое лицо, оказавшее вліяніе на послѣдующую судьбу графа Безбородки, — секундъ-ротмистръ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Объ этомъ событіи не замедлилъ и Безбородко сообщить своему

другу С. Р. Воронцову: «О вступившемъ на мѣсто его сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобъ былъ долговѣченъ на своемъ мѣстѣ. Но меня сіе не интересуеъ. Дѣла наши идутъ не слишкомъ хорошо». Возвышеніе Зубова росло съ каждымъ днемъ и, подобно случаю Мамонова, было неблагоприятно для графа Безбородки.

Интриги двора и политическія событія шли своимъ чередомъ. Миръ съ враждебными державами представлялся необходимымъ для Россіи, тѣмъ болѣе, что Австрійскій и Берлинскій дворы существенно затрогивали интересы наши и Польшу, въ которой, дѣла казались, принимали тревожное для Россіи направленіе.

Пушечный громъ сраженія при островѣ Сескаръ, въ маѣ 1790 г., послышался въ самомъ Петербургѣ. Храповицкій въ своемъ Дневникѣ свидѣтельствуетъ о тревожномъ состояніи Екатерины и ея ближайшаго секретаря, съ которымъ она раздѣляла трудныя минуты. «Великое безпокойство, почти ночь не спали. Графъ Безбородко плакалъ». «Таятся и не веселы». Однако Екатерина не теряла присутствія духа и утѣшала Безбородку, которому писала, «чтобы взяли примѣръ съ покойнаго короля Прусскаго, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ».

Во время приготовленій нашего флота къ новымъ нападеніямъ на шведскій, въ августѣ 1790 г., было получено извѣстіе о заключенномъ мирномъ «оборонительномъ и наступательномъ союзѣ» съ королемъ Шведскимъ, подписанномъ 3 августа въ Верельской долинѣ, на берегахъ Кюмени. Густавъ обязался не вмѣшиваться въ дѣла Россіи съ Турціею; Екатерина съ своей стороны согласилась признать установленный имъ въ Швеціи образъ правленія и заплатить ему значительную сумму, въ видѣ вспоможенія, чтобъ отвлечь его отъ союза съ Пруссіею.

По поводу этого мира Безбородко сказалъ: «Мы свое кончили, пусть князь Потемкинъ свое кончитъ.»

За труды по шведской войнѣ Екатерина наградила Безбо-

родку со свойственною ей щедростію. Въ росписи наградъ, подписанной ею 8 сентября 1790 года, между прочимъ сказано: «Гофмейстеру графу Безбородку, котораго труды и упражненія въ отправленіи порученныхъ ему дѣлъ Ея Величество ежедневно сама видитъ, всемилоостивѣйше жалуется чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и оставаться ему при его должностяхъ» 29 декабря въ Петербургѣ было получено столь же радостное, какъ заключеніе мира съ Швеціею, извѣстіе, о взятіи крѣпости Измаила. Съ извѣстіемъ этимъ являлась прочная надежда на скорый миръ и съ Турціею.

Неожиданная вѣсть о кончинѣ Потемкина достигла столицы 12 октября, въ 5 часовъ пополудни, а къ 8 часамъ вечера члены Совѣта приглашались повѣстками собраться во дворецъ. Необыкновенный часъ собранія указывалъ, что случилось что-то чрезвычайное. Въ началѣ засѣданія Безбородко объявилъ, что Императрица въ этотъ самый вечеръ «получила нечаянное извѣстіе о кончинѣ генераль-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, и потому указать изволила, чтобы Совѣтъ представилъ свое мнѣніе относительно распоряженій по этому случаю, какъ по начальству надъ арміею, такъ и по мирной съ Турками негціаціи». Къ этому Безбородко присовокупилъ, что еще до своей смерти фельдмаршалъ поручилъ начальство надъ войскомъ генераль-аншефу Каховскому, и что относительно мирныхъ переговоровъ онъ, Безбородко, «осмѣлился представить Ея Величеству готовность свою отправиться въ Яссы для руководства и произведенія оныхъ въ дѣйство чрезъ уполномоченныхъ отъ покойнаго фельдмаршала, которое представленіе Ея Величество и изволила принять за благо». Совѣтъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, относящіяся до войска; а о посылкѣ Безбородки опредѣлили: «что возложеніе на него означеннаго столь важнаго служенія есть тѣмъ удобнѣе, что онъ здѣсь, подъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества руководствомъ, сіи дѣла производилъ; но, дабы подъ присмотромъ его могли мирные переговоры безъ упущенія времени принять надлежащее теченіе, то нужно

его туда немедленно отправить и, снабдя его полною мочью и сославшись на данныя покойному фельдмаршалу инструкціи, подтвердить о неотложномъ доведеніи къ концу той негоціаціи, дабы заранѣе знать можно было, какія потомъ мѣры, сходно достоинству Ея Императорскаго Величества и благу государства, своевременно принять надлежитъ».

Данный по этому случаю Безбородкѣ рескриптъ поименовываемъ прежніе рескрипты по этой негоціаціи на имя князя Потемкина и подтверждаетъ неотлагательно кончить мирныя переговоры съ удержаніемъ въ пользу Императрицы «всего возможнаго на основаніи ультимата» и часто увѣдомлять о ходѣ дѣла для принятія надлежащихъ мѣръ, согласныхъ съ ея достоинствомъ». Сообщая за тѣмъ о распоряженіяхъ данныхъ генералу Каховскому, назначенному начальникомъ «надъ арміею и надъ морскими на Черномъ морѣ силами», рескриптъ заканчивается словами: «Да управитъ Всевышній путь вамъ и да поможетъ вамъ совершить подвигъ вашъ ко благоугодности нашей и на добро Отечеству».

На поѣздки и на издержки Императрица собственноручнымъ указомъ назначила Безбородкѣ «десять тысячъ золотою и серебряною монетою». 14 октября Екатерина подписала ему «полномочіе», при чемъ назвала Безбородку «нашъ любезновѣрный», а 16 октября 1791 г. передъ полуднемъ преемникъ Потемкина по заключенію мира съ Турціею выѣхалъ изъ Петербурга. Какъ ни поспѣшенъ былъ отъѣздъ Безбородки въ Яссы среди неожиданныхъ обстоятельствъ, которыми онъ былъ вызванъ, враги обвинили его въ медлительности и провозглашали его «тяжелымъ и бесполезнымъ». Не такъ судила Екатерина. Вскорѣ по отъѣздѣ его, въ письмѣ къ В. С. Попову, она говоритъ: «О содержаніи турецкихъ полномочныхъ, по представленію Лошкарева, я писала къ графу Безбородку сегодня и надѣюсь, *«что тутъ ничего не будетъ пророчено»*. Неаполитанскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, дюкъ де-Серра Каприола, въ письмѣ къ графу Лудольфу, отъ 1 (12) ноября, ласкаетъ себя надеждою,

«что новое открытіе конгресса вскорѣ воспослѣдуетъ; а какъ сей министръ (Безбородко) соединяетъ къ себѣ тысячу хорошихъ свойствъ, къ тому жъ чрезъ его руки проходили всѣ производимыя здѣсь негоціаціи, то и можно ожидать, что онъ не замедлитъ рѣшить разныя спорныя статьи». Съ отъѣздомъ Безбородки въ Яссы, между нимъ и Императрицею начинается частая переписка, раскрывающая и великія мысли Екатерины, и дѣятельность ея ревностнаго секретаря. Ознакомившись съ ходомъ переговоровъ, которые, на двухъ конференціяхъ, состоявшихся до его пріѣзда въ Яссы, ведены были Самойловымъ, Рибасомъ и Лопкаревымъ, Безбородко убѣдился, что дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ: уполномоченные строго и точно выполняли лишь всѣ церемоніи этикета и исключительно трактовали объ устраненіи этихъ церемоній изъ будущихъ засѣданій. «Метода негоціаціи, — писалъ Безбородко Екатеринѣ, — тутъ употребленная, совсѣмъ не надежна для послѣднѣйшаго ея окончанія. Сообщая Туркамъ артикулъ за артикуломъ, теряется лишь время, и особливо ежели они, по трудности своей, или по недостатку наставленій, должны будутъ брать на донесеніе къ визирю, цѣлые мѣсяцы, и по крайней мѣрѣ до срока перемирія, будутъ потеряны. Въ отвращеніе сего, собравъ сегодня полномочныхъ нашихъ на совѣтъ ко мнѣ, преподавъ я имъ ту самую методу, которая уже не одинъ разъ съ пользою употреблена была и которая, являя рѣшимость нашу на скорое однимъ или другимъ образомъ дѣло, произведетъ въ Туркахъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Я разумѣю, чтобъ на будущей въ субботу (т. е. 8 ноября) конференціи предложить вдругъ всѣ артикулы мирнаго договора и, давъ имъ нѣсколько дней на размышленіе, потомъ рѣшительно съ ними разобрать всѣ оныя. Тутъ, хотя и могутъ они взять на донесеніе къ визирю, но меньше трехъ недѣль отвѣтъ получать, и тогда ясно учинится, чего ожидать должно. Два главныя примѣчанія дѣлаю я полномочнымъ: *Первое*, чтобъ въ разговорахъ и пересылкахъ остерегались касаться до перемирія и срока оному, для того, что оно покойнымъ фельдмаршаломъ, по точной волѣ Вашего Величества, не было

утверждено; слѣдовательно намъ должно и оставить себя господами рѣшиться, въ случаѣ разрыва, по обстоятельствамъ и по усмотрѣніямъ и возможностямъ со стороны главнаго военнаго начальства, такъ какъ, напротивъ того, и угрозы, что мы не почитаемъ сильнымъ перемиріе, безвременно дѣлать не полезно. *Второе*, чтобъ держалися основаній, на каковыхъ покойный фельдмаршалъ изъяснялся съ визиремъ въ перепискѣ его, при удобномъ случаѣ внушая Туркамъ, чтобъ они отнюдь не считали настоящихъ переговоровъ за обыкновенно производимые на конгрессахъ, но чтобъ вѣдали заранѣе, что противу объявленнаго всему свѣту ультимата вашего ни малѣйшее смягченіе мѣсто имѣть не можетъ. Если турецкіе министры сами собою на подписаніе договора не рѣшатся, а представятъ визирю, я долженъ буду тогда написать къ нему письмо, доказывающее основательность нашихъ требованій, крайнюю черту составляющихъ и, для внушенія ѣ на словахъ тому сообразнаго, отправлю подполковника Бароцци. Въ домѣ, гдѣ конференціи производятся, назначилъ я себѣ возлѣ залы конференціи особую камеру, гдѣ бы я могъ быть во время переговоровъ инкогнито и удобнѣе преподавать наставленія полномочнымъ».

Крѣпко настаивая на денежномъ удовлетвореніи и на принятіи турецкими уполномоченными сепаратнаго артикула, оставленнаго ими на столѣ конференціи, Безбородко не считалъ однако денежнаго удовлетворенія существеннымъ пунктомъ переговоровъ: онъ придавалъ ему первенствующее значеніе въ ряду мирныхъ пунктовъ съ разсчитанною цѣлію — сосредоточить на немъ все упорство турецкихъ уполномоченныхъ и отвлечь это ихъ упорство отъ другихъ важнѣйшихъ пунктовъ. Первый уполномоченный Россіи, получивъ утвердительный отвѣтъ турецкихъ уполномоченныхъ на вопросъ: принята ли статья или нѣтъ, попросилъ ихъ подождать немного, вышелъ и, возвратясь, объявилъ, что сейчасъ придетъ графъ Безбородко». Съ этого момента зала конференціи обращается для Безбородки въ мѣсто дипломатическаго торжества. Моменты этого торжества сжато и официально запи-

саны въ протоколѣ, а Безбородко оживленно передаетъ ихъ въ донесеніи къ Императрицы отъ 29 декабря. «Какъ скоро мнѣ донесено было (что Турки приняли и обѣщали подписать врученный имъ Русскими артикулъ о кубанскихъ границахъ), то я велѣлъ просить ихъ, чтобы дождались меня въ залѣ конференціи. Вошедъ въ оную, въ сопровожденіи многочисленнаго собранія, при растворенныхъ дверяхъ въ залѣ, сказалъ я имъ, въ изумленіи на ногахъ бывшихъ, что я радуюся, видя благоразумное ихъ соглашеніе на артикулъ, мною предложенный, отвращающій разрывъ и дальнее пролитіе крови, и что въ доказательство великодушія и рѣдкаго въ свѣтѣ безкорыстія, каковымъ Ваше Величество обыкли руководствоваться, объявляю имъ, что главныя Ваши намѣренія были одержать пункты необходимо нужные для безопасности предѣловъ Вашихъ и способствующіе отдаленію ссоръ и самой войны; что, окончивъ теперь всѣ пункты сего рода, не требуете никакого денежнаго удовлетворенія и даруете миръ многочисленнымъ милліонамъ людей, Вашу и Оттоманскую имперію населяющимъ. Едва успѣлъ драгоманъ Порты сказать имъ мои слова, какъ всѣ полномочные турецкіе и секретари ихъ въ одинъ голосъ заговорили, прославляя великодушіе Ваше. Присовокупивъ, чтобъ теперь приступили они къ окончанію, обще съ товарищами ихъ, сего спасительнаго дѣла, я вышелъ въ свою камеру; а они, условився подписать 29 декабря трактатъ, попросили у меня дозволенія войти въ мою комнату и повторить чувствуемое ими удовольствіе. Сіе они исполнили съ великимъ вниманіемъ, и второй изъ нихъ, духовная особа, между прочими привѣтствіями сказалъ, что Ваше Величество велики въ войнѣ и мирѣ и во всѣхъ Вашихъ дѣлахъ. Удовольствіе всеобщее разнеслося по всему городу въ мгновеніе». 1 февраля, въ письмѣ къ Я. И. Булгакову, Безбородко извѣщалъ, что размѣнъ взаимныхъ государскихъ ратификацій учиненъ 29 минувшаго января. «Дней черезъ десять—продолжаетъ Безбородко—отправляюся въ Петербургъ, имѣя дозволеніе для собственныхъ моихъ надобностей заѣхать въ Москву».

Къ этому письму Безбородко присоединилъ списокъ подарковъ, которыми Русскіе разиѣнялися съ Турками.

Пока Безбородко былъ занятъ этой перепиской, 30 января въ Петербургъ изъ Яссъ пріѣхалъ генераль-поручикъ Самойловъ, еще только съ ратификаціями главноуполномоченныхъ. «Это было во время собранія (въ Эрмитажѣ). Всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали», записалъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ. Въ этотъ же самый день Государыня наградила Безбородку 50-ю тысячами рублей денегъ и орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Здѣсь нѣтъ надобности долго останавливаться на разъясненіи услугъ, оказанныхъ графомъ Безбородкою Екатериной и Россіи заключеніемъ Ясскаго мира. Безбородко, съ одной стороны, вполне зналъ сущность тогдашнихъ политическихъ отношеній и потребностей а съ другой, при такомъ знаніи, былъ неусыпенъ до конца, устраняя самыя трудныя и самыя сложныя препятствія. Масса собственноручныхъ бумагъ, написанныхъ Безбородкою во время заключенія Ясскаго мира, способна изумить своею громадностью всякаго изслѣдователя давноминувшихъ событий. Кромѣ того, отличаясь точностью и замѣчательной для своего времени чистотою изложенія, приближающагося мѣстами къ складу нынѣшней рѣчи, каждая изъ множества бумагъ Безбородки носитъ на себѣ печать строгой обдуманности и разносторонней сообразительности, приложенныхъ авторомъ къ ея содержанію. «Труды и искусство», оказанные Безбородкою при заключеніи Ясскаго мира», говоря словами Екатерины, «въ полной мѣрѣ оправдали ея къ нему довѣренность, явили отечеству знаменитую услугу и пріобрѣли по всей справедливости вящее благоволеніе къ нему» Императрицы. Эти слова великой Екатерины, сказанныя среди разгара сильной придворной интриги противъ Безбородки, служатъ вѣскимъ подтвержденіемъ доставляемаго изученіемъ историческихъ памятниковъ факта, что заключеніе почетнаго и выгоднаго мира съ Турціею въ Яссахъ вполне принадлежитъ дипломатическому искусству графа Безбородки. Безбородко возвратился въ Петербургъ 10 марта 1792 г. На другой же день Импера-

трица поручаетъ ему написать указъ о пожалованіи П. А. Зубова въ генераль-поручики и генераль-адъютанты. Храповицкій объяснялъ это порученіе «дѣйствіемъ графскаго пріѣзда». И дѣйствительно, въ Зубовѣ Безбородко нашелъ полного и притомъ окрѣпшаго соперника по влиянію при дворѣ. Всѣ дѣла, которыя, до отъѣзда Безбородки въ Яссы, производились въ его канцеляріи, теперь шли черезъ руки Зубова. Зубовъ сдѣлался такимъ же могущественнымъ совѣтникомъ Екатерины, какимъ прежде былъ Безбородко, съ тою разницею, что тотъ заслужилъ довѣренность своими многолѣтними трудами, а Зубову въ то время было всего 26 лѣтъ отъ роду. Не обладая ни опытностью, ни государственнымъ умомъ, Зубовъ, по необходимости, долженъ былъ отдаться, въ веденіи дѣлъ, чьему нибудь руководству. Такимъ совѣтникомъ сталъ для него А. И. Морковъ, бывшій пріятель и сослуживецъ Безбородки по коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто П. В. Бакунина, т. е. третьяго члена. Въ новыхъ рукахъ дѣла не могли идти тѣмъ твердымъ и разумнымъ порядкомъ, какъ они шли при Безбородкѣ: обнаружались колебанія и противорѣчія. Такъ, по польскому дѣлу, для котораго съ такою поспѣшностью Безбородко отозванъ былъ изъ Яссъ, чтобы «учинить съ польскими вельможами рѣшительное положеніе», у Зубова пущены были въ ходъ и давно оставленный планъ князя Потемкина, и измышленія самого Моркова. Зубовъ стѣснялся Безбородкою, избѣгалъ его, но по наружности отдавалъ ему первенство и помимо его никого не опредѣлялъ ко двору. Собственно говоря, положеніе дѣлъ было такое, какого Безбородко давно желалъ для себя. Изъ его вѣдѣнія оказалась изъятою хлопотливая обязанность докладовъ по всѣмъ дѣламъ, что взялъ на себя Зубовъ; а за нимъ осталась честь являться въ важнѣйшихъ случаяхъ къ Государынѣ, въ тѣхъ именно, когда требовались испытанный государственный умъ и преданнѣйшая вѣрность. Естественно въ то же время допустить, что Безбородко, увидѣвъ свои дѣла и обязанности въ рукахъ Зубова, почувствовалъ невольное огорченіе. Въ слѣдъ за Зубовымъ выдвинулись при дворѣ и новые люди,

которые не раздѣляли воззрѣній Безбородки и его друзей. Это обстоятельство уже не могло не возбуждать въ немъ сожалѣнія о прежнемъ значеніи и непріязни къ сопернику. Сдержанная вражда между молодымъ фаворитомъ и заслуженнымъ секретаремъ усилилась и перешла въ открытую борьбу. Можно предполагать, что дѣло уладилось бы само собою, если бы одинъ изъ соперниковъ подалъ другому руку. Но Зубовъ, не смотря на свою неопытность, не хотѣлъ первый обратиться за совѣтомъ къ Безбородкѣ. Послѣдній, въ свою очередь, считалъ для себя унижительнымъ обнаружить искательство передъ новымъ любимцемъ придворнаго счастья, когда и къ покойному князю Потемкину «не учащаль», даже во время «самаго тѣснаго согласія съ нимъ». Между тѣмъ Екатерина искренно желала, чтобы старый преданный дѣлецъ Безбородко взялъ подъ свое руководство молодаго царедворца, изъ котораго она хотѣла создать энергическаго дипломата: она не разъ намеками предлагала графу поговорить съ Зубовымъ о томъ или другомъ дѣлѣ. Но соперники были уже непримиримы. Понятно, что такая сильная борьба, поведенная Безбородкою противъ порядковъ, установленныхъ новымъ фаворитомъ въ его отсутствіе, не могла быть пріятна Екатеринѣ. Какъ ни скромнень и уклончивъ, даже какъ ни правдивъ, по словамъ Воронцова, былъ Зубовъ, но при своихъ близкихъ и постоянныхъ отношеніяхъ къ Императрицѣ онъ едвали воздерживался отъ переговоровъ на Безбородку. Сама Екатерина, по всей вѣроятности, была тревожима тѣмъ, что старый царедворецъ отказывался уступить свое мѣсто молодому ея фавориту и безъ сомнѣнія чувствовала досаду на отсутствіе въ Безбородкѣ прежней безусловной поспѣшности къ исполненію ея приказаній. Всѣ эти обстоятельства послужили поводомъ къ тому, что у Екатерины зародилось неудовольствіе на своего стариннаго совѣтника и довѣреннѣйшаго секретаря.

Наступившій 1793 годъ Безбородко рѣшился провести въ Москвѣ, служившей убѣжищемъ для недовольныхъ вельможъ. Пока онъ ѣздилъ въ Москву, въ Петербургѣ разнесся слухъ, что

онъ намѣренъ даже уѣхать за границу. Поѣздка въ Москву оказалась неудачной для Безбородки: четыре недѣли онъ провелъ здѣсь въ тяжелой болѣзни, отъ которой едва оправился. По возвращеніи въ Петербургъ Безбородко ясно увидѣлъ, что онъ находится, выражаясь его словами, «въ весьма непристойной роли, которую онъ составляетъ въ публикѣ». Интрига враговъ его дошла до крайнихъ предѣловъ: «дискредитированіе» пытались нанести тѣмъ на честное имя Безбородки, на его свѣтлый умъ и его извѣданную добросовѣстность. Въ такомъ критическомъ положеніи онъ прибѣгнулъ къ послѣдней мѣрѣ для разъясненія своихъ отношеній съ Екатериною. Онъ рѣшился чистосердечно изложить Государынѣ свои мысли по поводу «тѣсно ограниченной сферы дѣлъ», въ которой онъ очутился. Съ этою цѣлію Безбородко представилъ Государынѣ обширную записку, обозначивъ на заглавномъ ея листѣ: «Къ собственному Вашего Императорскаго Величества прочтенію». Эту записку графъ Безбородко подалъ 30 іюня 1793 г., въ Царскомъ Селѣ, по совѣту Храповицкаго, чрезъ камердинера Зотова. На другой день, 1 іюля, Храповицкій записалъ: «Поутру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана, и съ отвѣтомъ на трехъ страницахъ запечатана, и къ графу Безбородку возвращена. Зотовъ сказывалъ, что ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была примѣтна. Графъ, получа сей отвѣтъ, уѣхалъ въ городъ».

Содержаніе отвѣта Екатерины занесено Храповицкимъ въ дневникъ его: «Графъ Безбородко далъ мнѣ прочитатъ отвѣтъ на записку его собственноручный Ея Величества. Въ немъ изображена: ласка, похвала службы и усердія». Отвѣтъ, которымъ Екатерина удостоила записку Безбородки, далъ ему почувствовать, что положеніе его Государыня вполне понимаетъ и находитъ естественнымъ, а обидчивость его на стѣсненіе предоставленной ему сферы дѣлъ несправедливою; но въ этомъ же отвѣтѣ ясно слышится тонъ старинной высокой покровительницы, считающей Безбородку столь къ себѣ близкимъ, что передъ нимъ и

можно и стоить оправдывать себя въ новомъ, непривычномъ и тяжеломъ для него положеніи. Екатерина продолжала цѣнить и дарованія и службу Безбородки, и интригѣ не удалось поколебать ея взглядовъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, въ отвѣтъ такъ же ясно просвѣчивался намекъ на то, что приближеннѣйшимъ къ себѣ лицомъ, и даже по дѣламъ, Императрица имѣетъ еще другого человѣка.

Вполнѣ милостивое расположеніе Екатерины къ Безбородкѣ обнаружилось 2-го сентября 1793 года, въ день, когда, совершилось давно уже предназначенное празднованіе заключеннаго Безбородкою съ Турками Яскаго мира. Въ росписи наградъ, объявленныхъ по случаю этого празднованія, между прочимъ, читаемъ: «Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородку, за службу его въ заключеніи мира, всемилостивѣйше жалуется похвальная грамота и масляная вѣтъ, да притомъ деревня».

Въ послѣдующіе годы царствованія Екатерины хотя и возстановились прежнія отношенія Безбородки къ Императрицѣ, но уже довѣренный секретарь не имѣлъ того вліянія на дѣла, хотя и видимо былъ отличаемъ отъ другихъ царедворцевъ. Екатерина поручила ему быть шаферомъ великой княжны Александры Павловны, сдѣлала его оберъ-гофмейстеромъ, и наконецъ предсѣдителемъ комитета по перечеканкѣ мѣдной монеты, учрежденнаго по проекту Зубова.

Насколько имѣлъ графъ Безбородко вліянія на внутреннія дѣла, видно уже изъ огромнаго количества актовъ и документовъ, прошедшихъ черезъ его руки. Безъ преувеличенія можно повторить слова академика Устрялова, что «рѣдкое изъ внутреннихъ учреждений въ Имперіи было издаваемо безъ совѣта и поправокъ Безбородки».

Манифестъ 6 ноября 1796 года возвѣщалъ Русскому народу, что «къ крайнему прискорбію всего императорскаго дома, отъ сея временныя жизни, по 34-хъ лѣтнемъ царствованіи, переселилась въ вѣчность Императрица Екатерина II», и что на престолъ возшелъ ея сынъ и наслѣдникъ Императоръ Павелъ I. Обласканный

новымъ государемъ, Безбородко не переставалъ оплакивать Монархиню: ни увѣренія Павла въ благосклонности, ни лестный его отзывъ о немъ, конечно, переданный ему Растопчинымъ, не могли утѣшить убитаго горемъ оберъ-гофмейстера.

Павелъ вступилъ на престолъ на 43-мъ году отъ роду, съ накопившеюся жаждою къ работѣ, съ стремленіемъ къ педантической исполнительности и съ рыцарскою честностію. Качества эти онъ выработалъ въ гатчинскомъ уединеніи, отстраненный совершенно отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ зналъ, что ими управляли сановники его матери, утомленные дѣлами, привыкшіе къ покою и сибаритству. Явились, потому, новые любимцы и довѣренные лица: Куракины, Ростопчинъ, Нелидова, Кутайсовъ и еще нѣсколько человѣкъ, не боявшихся гатчинской скуки. Ближе другихъ стали къ Государю Нелидова, Ростопчинъ и Безбородко. Прочія лица пользовались непродолжительнымъ довѣріемъ Павла. За новыми назначеніями на высшія должности быстро слѣдовали увольненія отъ нихъ. Причина такихъ быстрыхъ перемѣнъ заключалась, безъ сомнѣнія, въ горячности характера Государя, а быть можетъ; и въ интригахъ лицъ, окружавшихъ его. И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ именно говоритъ, что царедворцы строили ковы другъ противъ друга, выслуживались тайными доносами и возбуждали недовѣрчивость въ Государѣ. Жизнь двора и высшаго круга столицы совершенно измѣнилась съ воцареніемъ новаго Императора: нѣжившіеся до полудня въ будуарахъ вельможи въ 7-мъ часовъ утра должны были являться къ Государю. Роскошная и праздная жизнь, къ которой особенно привыкли царедворцы въ послѣдніе годы жизни Екатерины, замѣнилась скрытностію и опасеніемъ за одно слово попасть изъ дворца въ деревню и въ Сибирь. Одинъ только графъ Безбородко умѣлъ сохранить довѣріе Павла до самой своей смерти. Государь цѣнилъ въ немъ его короткое знакомство съ государственными дѣлами.

9 ноября 1796 г. Павелъ возвелъ Безбородку въ первый классъ и повелѣлъ остаться ему при прежнихъ должностяхъ.

Очутившись такимъ образомъ вновь въ кругу самой разнообразной дѣятельности, Безбородко сталъ теперь приближенныйшимъ къ престолу паредворцемъ. По словамъ Болотова, «говорили и писали около сего времени, что при Государѣ только два человѣка, Безбородко и Трощинскій: одинъ министръ, а другой секретарь, что всѣ другіе докладчики замолчали», и что Безбородко, какъ «первый министръ», долженъ былъ являться къ Государю всякое утро. Въ концѣ марта дворъ переѣхалъ въ Москву. Торжественный въѣздъ Павла изъ Петровскаго дворца въ Кремль и оттуда въ Слободской дворецъ совершился въ Вербное Воскресенье. Безбородко употребилъ всѣ усилія къ блистательному приему высочайшихъ особъ, избравшихъ его московскій домъ мѣстомъ для своего пребыванія. «За недѣлю до коронаціи», писалъ Безбородко къ своей матери, «когда Ихъ Величества имѣли торжественный въѣздъ въ Москву и въ мой домъ на пребываніе прибыли, пожаловали мнѣ: Его Величество портретъ на голубой лентѣ, а Государыня Императрица перстень съ ея портретомъ».

На коронаціи, 5-го апрѣля, въ первый день Пасхи, Безбородко былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ письмѣ къ своей матери, Безбородко рассказывалъ, что онъ получилъ по этому случаю еще значительную недвижимую собственность, прибавляетъ: «Когда я пришелъ на тронъ для принесенія всеподданнѣйшей благодарности, то былъ пораженъ новымъ и всякую мѣру превосходящимъ знакомъ монаршаго благоволенія, о которомъ я предваренъ я не былъ. Тутъ прочтенъ былъ указъ Сенату, коимъ Его Величество возводитъ меня въ княжеское Россійской имперіи достоинство, присвоивъ мнѣ титулъ свѣтлости и жалуетъ, сверхъ того, еще 6 т. душъ въ потомственное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ выберу».

Въ началѣ апрѣля 1797 года 72-лѣтній канцлеръ графъ Остерманъ былъ уволенъ въ отставку, а на его мѣсто былъ назначенъ князь Безбородко. Борьба съ Наполеономъ западной Европы поглощала въ то время политику нашего двора, которая не мало

обязана дипломатическому гению князя Безбородки. Онъ въ правѣ былъ потому сказать молодымъ дипломатамъ: «не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ, безъ позволенія нашего, выпалить не смѣла».

Усилившаяся болѣзнь привела Безбородку къ необходимому убѣжденію, оставить службу и ѣхать за границу; среди сборовъ онъ скончался на 52 году своей жизни, 6-го апрѣля 1799 года, въ своемъ петербургскомъ домѣ, въ которомъ теперь помѣщается Почтовый Департаментъ.

Авторъ біографіи въ заключеніе своего труда говоритъ: «Разсказъ мой о жизни канцлера князя Безбородки конченъ. Эта жизнь полна дѣяній замѣчательныхъ, важныхъ, полезныхъ и славныхъ. Говоря полнѣе, Безбородко былъ гениально-умный человекъ, научно и художественно образованный царедворецъ, искуснѣйшій дипломатъ, прекрасно понимавшій тогдашнія международныя отношенія, и находчивый министръ, ясно видѣвшій положеніе Россіи, любящій родственникъ, преданный другъ, всѣмъ доступный сановникъ, всегдашній радѣтель о благѣ отечества, неутомимый работникъ на службѣ и изящный сибаритъ въ часы отдыха. Нельзя его потому ставить идеаломъ нравственности для будущихъ поколѣній, но по неутомимости въ работѣ, по сочувствію къ наукѣ и искусствамъ и по государственнымъ заслугамъ онъ всегда будетъ звѣздой, къ которой пристально будетъ присматриваться потомство».

Уже эти немногія извлеченія изъ составленной г. Григоровичемъ біографіи могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ много этотъ трудъ представляетъ новыхъ драгоценныхъ свѣдѣній. Правда что значительная часть заключающихся въ этомъ трудѣ свѣдѣній сообщена авторомъ подлинными словами документовъ, особенно писемъ Безбородки, но это, по нашему мнѣнію, никакъ не составляетъ недостатка, а напротивъ придаетъ представленнымъ фактамъ особенный интересъ, и мы не можемъ не согласиться съ приведенными въ предисловіи г. Григоровича словами кн. Вяземскаго, что «письмо—это самая жизнь, которую за-

хватываешь по горячим слѣдамъ», и что «самыя полныя, самыя искреннія записки (мемуары) не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышать и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, или по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающеюся рукою». Поэтому-то, прибавимъ мы, живой интересъ, заключающійся въ подобныхъ документахъ, никакъ не можетъ быть замѣненъ какимъ бы ни было тщательно и умно обработаннымъ изложеніемъ содержащихся въ нихъ фактовъ и мыслей. И авторъ біографіи совершенно правъ, говоря: «Въ письмахъ своихъ Безбородко выскзывается весь, со всею накопившеюся на его сердцѣ болью и горечью жизни; только изъ нихъ можно уяснить до нѣкоторой степени привлекательный образъ и своеобразный отличительный отъ другихъ личностей характеръ Безбородки».

Мы признаемъ весьма существенною заслугою г. Григоровича неутомимыя старанія, благодаря которымъ ему удалось собрать такое множество писемъ и другихъ писанныхъ самимъ Безбородкою бумагъ, хотя онъ и сознается, что имъ не выяснено и не найдено многое для подтвержденія фактовъ, очевидно совершившихся. Нѣтъ сомнѣнія, что будущимъ изслѣдователямъ остается дополнить тѣ пробѣлы, которые не могутъ не оказаться въ трудѣ г. Григоровича и на которые самъ онъ въ разныхъ мѣстахъ его добросовѣстно указываетъ; но мы полагаемъ, что имъ сдѣлано все, чего въ настоящее время можно справедливо требовать, для выполненія предпринятой имъ задачи.

Г. Григоровичъ своею монографіей съ одной стороны положилъ твердое прочное и начало дальнѣйшему изученію плодотворной жизни и дѣятельности Безбородки, а съ другой внесъ важный вкладъ въ литературу исторіи Россіи XVIII вѣка. Поэтому Академія считаетъ особенно отраднымъ обстоятельствомъ представляющійся нынѣ случай увѣнчать разсмотрѣнное сочиненіе премією гр. Кушелева-Безбородки. Въ ожиданіи появленія въ свѣтъ этого труда, къ изданію котораго г. Григоровичъ обѣщаетъ приложить портретъ канцлера и нѣкоторыя другія иллюстраціи, а

также указатель, нельзя въ заключеніе не пожелать ему полного успѣха въ довершеніи предпріятія, веденнаго имъ съ такимъ примѣрнымъ тщаніемъ и постоянствомъ, и не присоединить къ тому еще и другого желанія: чтобы въ нашей ученой литературѣ являлось болѣе и болѣе тружениковъ, оживленныхъ такою же любовью къ наукѣ и такимъ же серьезнымъ стремленіемъ къ обогащенію ея основательными трудами.



**О новомъ случаѣ дѣлимости чиселъ вида $2^m + 1$,
сообщенномъ Академіи От. Первушинымъ.**

В. Я. Буняковского.

(Читано въ засѣданіи Физ.-Мат. Отд. 4 Апр. 1878.)

Священникъ І. Первушинъ, въ запискѣ отъ 18 ноября 1877 года, сообщилъ Академіи о новомъ открыто мѣ имъ случаѣ дѣлимости чиселъ вида

$$2^{2^m} + 1,$$

и именно для показателя $m = 12$, при которомъ имѣемъ

$$2^{2^{12}} + 1 \equiv 0 \pmod{114689}.$$

Сообщеніе объ этомъ результатѣ напечатано въ *Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg* (Tome XXIV, 1878, стр. 559).

Нынѣ узнаемъ, что, съ своей стороны, Г. Э. Люкасъ, хорошо извѣстный своими изслѣдованіями въ теоріи чиселъ, помѣстилъ въ *Atti della Reale Accademia delle Scienze di Torino*, Vol. XIII (Засѣданіе 27 января 1878 г.) Записку, въ которой находимъ указаніе на этотъ самый случай; должно впрочемъ замѣтить, что сообщеніе Г. Люкаса появилось почти двумя мѣсяцами позже заявленія отца Первушина. Несомнѣнно однакожь, что оба математика приведены были къ одному и тому же результату независимо одинъ отъ другаго.

Въ новой своей Запискѣ, отъ 24 января сего года, отецъ Первушинъ сообщаетъ Академіи о другомъ случаѣ дѣлимости выше приведенной формулы, еще болѣе примѣчательномъ по значительности числа, подвергнутому имъ испытанію. Онъ нашелъ, что число

$$2^{2^{23}} + 1,$$

состоящее изъ 2 525 223 цифръ, дѣлится нацѣло на простой модуль

$$167\ 772\ 161 = 5 \cdot 2^{25} + 1.$$

Нашъ уважаемый товарищъ, Академикъ Е. И. Золотаревъ принялъ на себя утомительный по длиннотѣ своей трудъ провѣрить этотъ интересный результатъ, и подтвердилъ его вѣрность.



О РАЗВИТИИ ЦЕФАЛОДИЙ НА СЛОЕВИЩЪ PELTIGERA ARRHOSA, HOFFM.

И. Бабикова.

(Съ 1 таблицей рисунковъ).

Читано въ засѣданіи Физ. Мат. Отд. 22 ноября 1877.

Цефалодіями называютъ особенные выростки на слоевищахъ нѣкоторыхъ лишаяевъ, имѣющіе видъ шариковъ, маленькихъ желваковъ или бородавочекъ. Онѣ имѣютъ клѣтчатое строеніе и по своей окраскѣ рѣзко отличаются отъ коры самого лишая. Что касается ихъ строенія, то оно извѣстно для немногихъ формъ, а относительно исторіи ихъ развитія еще нѣтъ точныхъ данныхъ по настоящее время; существуютъ одни только предположенія, хотя и правдоподобныя, но еще не подтвержденныя фактами. Цефалодіи встрѣчаются у весьма многихъ формъ лишаяевъ, но всего лучше онѣ изслѣдованы у рода *Stereoscaulon*; поэтому я постараюсь изложить краткій обзоръ литературы только относительно цефалодій этого послѣдняго: Ниландеръ ¹⁾ находитъ въ нихъ сходство съ почколуковицами: «*forte bulbillis comparanda*», потомъ дѣлаетъ такое опредѣленіе: «настоящія цефалодіи *Stereoscaulon* являются въ видѣ выростковъ различной формы, состоящихъ изъ троякаго рода тканей, которыя соотвѣтствуютъ ча-

¹⁾ Ann. de sc. nat. 4-e série T. XI, pag. 252.

Зад. И. А. Н., т. XXXI.

стямъ прочихъ лишавъ: 1) *systema corticale*, 2) *systema gonimon* и 3) *systema medullare*. Что касается гонидій, заключающихся въ цефалодіяхъ, то онъ различаетъ также три типа: «1) *Stratum gonimon sirosiphonoideum*, 2) *Stratum gonimon scytonemoideum* и 3) *Stratum gonimon e modulis gonimicis formatum*».

Эти три типа гонидій приняты Ниландеромъ за специфическіе признаки при описаніи различныхъ видовъ рода *Stereocaulon*.

Затѣмъ занимался этимъ вопросомъ Фрисъ¹⁾, который показалъ, что различные типы гонидій часто встрѣчаются не только въ отдѣльныхъ цефалодіяхъ одного и того же лишая, но также въ одной и той же цефалодіи, напр. у *St. ramulosum*. На основаніи этого онъ не считаетъ три Ниландерскіе типа гонидій характерными признаками для опредѣленія видовъ *Stereocaulon*. Фрисъ также находилъ на подеціяхъ *St. proximum*, *mixtum* и на другихъ формахъ лишавъ, паразитирующія подушечки *Sirosiphon*, которыя ничѣмъ не отличаются отъ *gonidia sirosiphonoidea*, заключенныхъ въ цефалодіяхъ. На основаніи этого онъ считаетъ названныя гонидіи непринлежащими самому лишая, а рассматриваетъ ихъ какъ паразитныя водоросли, живущія внутри коры лишая и причиняющія ненормальныя образованія у *Stereocaulon*, которыя обыкновенно и называютъ цефалодіями. Далѣе, Фрисъ думаетъ, что найденныя на *Stereocaulon* паразитныя водоросли представляютъ различныя стадіи развитія одного и того же организма. Швенденеръ²⁾ согласенъ со взглядами Фриса, за исключеніемъ превращенія одной формы водоросли въ другую. Онъ принимаетъ три типа гонидій Ниландера за три различныя водоросли, а именно за *Sirosiphon*, *Scytonema* и *Nostoc*, которыя, находясь въ видѣ гонидій, являются весьма мало или совсѣмъ неизмѣненными.

¹⁾ Fries, in Flora. 1866. Pag. 17.

²⁾ Die Algentypen der Flechtengonidien.

Потомъ Швенденеръ говоритъ, что цефалодіи, въ которыхъ находится одна какая нибудь изъ названныхъ водорослей, бываютъ въ видѣ выростковъ различной формы, покрытыхъ корою; послѣдняя состоитъ изъ плотной, не заключающей въ себѣ промежутковъ, мелкоклѣтной ткани. Siro-siphon, находящійся въ цефалодіи, принимаетъ видъ развѣтвленныхъ цѣпочекъ, то слабо оплетенныхъ снаружи весьма тонкими гифами, то, часто, заключенныхъ въ довольно толстыя фиброзная или волокнистыя оболочки (Faserhülle); мѣстами встрѣчается Siro-siphon также въ видѣ отдѣльныхъ, несоединенныхъ въ цѣпочки, клѣтокъ, которыя бываютъ собраны въ кучки, оплетенныя гифами. Величина клѣтокъ у слабооплетеннаго Siro-siphon представляетъ едва замѣтное измѣненіе, сильно же оплетенныя клѣтки его напротивъ часто имѣютъ меньшую величину сравнительно съ нормальной. Вообще измѣненіе въ величинѣ клѣтокъ бываетъ не на столько сильно, чтобы невозможно было опредѣлить, къ какой водоросли онѣ относятся. Что касается исторіи развитія цефалодій, то Швенденеру она вовсе неизвѣстна; онъ только дѣлаетъ одно предположеніе: «Ihre Entstehung lässt sich indess kaum anders denken, als dass Siro-siphonkeime, wenn sie auf jugendlichen Thallomstrahlen aufliegen, hier eine locale Wucherung der peripherischen Fasern bedingen, welche späterhin zu einer vollständigen Ueberwölbung und Umrindung führt.» Потомъ характернымъ считаетъ Швенденеръ, что не только названныя водоросли, но и представители другихъ семействъ способны производить подобныя же образованія на молодыхъ частяхъ слоевища.

Послѣ изслѣдованій Швенденера появилась работа Борнэ¹⁾, въ которой говорится о строеніи цефалодій и также высказывается предположеніе о ихъ образованіи. Вотъ что въ ней говорится (стр. 33): «У Stereocaulon gamulosum между развѣтвленіями слоевища находятся шаровидныя вздутія, такъ называемыя цефалодіи. Онѣ заключаютъ гонидіи совершенно различныя отъ

¹⁾ Bornet. Annales des sciences nat. 5-e série T. XVII.

гонидій самая лишая, потому что бываютъ окрашены фикохромомъ, между тѣмъ какъ послѣднія окрашены хлорофиломъ. Сверхъ того гонидіи бываютъ неодинаковой формы, не только у различныхъ видовъ одного и того же рода, но даже у цефалодій одного и того же индивидуума. Такое обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ мнѣніе, что цефалодіи нужно рассматривать какъ случайныя образованія. Если сдѣлать черезъ цефалодію разрѣзы такимъ образомъ, чтобы они проходили черезъ мѣсто ея прикрѣпленія, то можно увидѣть, что она состоитъ какъ будто бы изъ кармашка, котораго полость выполнена губчатою тканью, а стѣнки образованы изъ плотно соединенныхъ между собой клѣтокъ. Въ губчатой ткани заключаются гонидіи сизоголубаго цвѣта, представляющіеся въ видѣ длинныхъ извилистыхъ нитей; послѣднія имѣютъ всѣ признаки *Scytonema*, которая также попадаетъ въ видѣ маленькихъ пучковъ на почвѣ при основаніи лишая. По мѣрѣ приближенія къ периферіи цефалодіи, гдѣ ткань гифовъ бываетъ болѣе плотною, нити гонидій дѣлаются болѣе короткими и являются въ видѣ отдѣльныхъ кусковъ, состоящихъ не болѣе какъ изъ трехъ или четырехъ клѣтокъ. Найти сходство такихъ кусковъ съ *Scytonema* было бы весьма трудно или даже невозможно, если бы нельзя было прослѣдить постепенныя ихъ видоизмѣненія въ ткани самой цефалодіи.»

Въ цефалодіяхъ *Stereoscaulon alpinum* Борнэ нашелъ *Glaeocarpa*: «На поверхности губчатыхъ развѣтвленій слоевища встрѣчаются отдѣльныя колоніи *Glaeocarpa*. Однѣ изъ колоній бываютъ совершенно свободны, другія же покрыты тонкой сѣткой или даже плотнымъ слоемъ гифъ; но послѣднія не проникаютъ черезъ студенистую оболочку колоній до клѣтокъ гонидій, а только распространяются на ея поверхности.» У *Stereoscaulon furcatum* Борнэ нашелъ на вѣтвяхъ слоевища цѣлыя пучки *Stigonema* на различныхъ степеняхъ оплетенія: «Нѣкоторыя гифы лишая, начинаясь у гонидіальнаго слоя, проникаютъ въ одни изъ этихъ пучковъ до самой ихъ середины и раздвигаютъ нити водоросли, вслѣдствіе чего пучки при своемъ основаніи дѣлаются раздутыми;

другіе же пучки встрѣчаются почти голыми и только при болѣ сильномъ увеличеніи обнаруживается, что тѣ нити ихъ, которыя прикасаются къ корѣ лишая, бываютъ оплетены ея гифами.» На основаніи такого соединенія гифъ слоевища съ водорослью Борнэ не принимаетъ цефалодіи лишая за самостоятельныя образованія, просто приложенныя къ его поверхности: «Ces excroissances, dont la connexion avec l'hypha du Stereocaulon m'a paru si claire, que je ne saurais les regarder comme des productions autonomes simplement appliquées sur ce lichen, donnent, si je ne me trompe, la clef de la formation des Spilonema Epebe et de leurs alliés». Вотъ все, что извѣстно въ настоящее время о строеніи и исторіи развитія цефалодій. Относительно послѣдней, какъ мы видѣли, были найдены только различныя степени оплетенія водорослей гифами коры лишая, но постепенное образованіе цефалодій не было прослѣжено отъ начала до конца. Слѣдовательно только на основаніи однихъ отрывочныхъ данныхъ, упомянутые авторы дѣлаютъ предположеніе, что цефалодія представляютъ ненормальныя образованія, зависящія отъ мѣстнаго разростанія слоевища лишая подъ вліяніемъ случайно попадающихъ на него водорослей. Такое предположеніе, до сихъ поръ недоказанное, совершенно подтверждается наблюденіями надъ развитіемъ цефалодій на слоевищѣ *Peltigera arthosa*, у которой мнѣ удалось, подъ руководствомъ А. С. Фаминцина, прослѣдить ихъ образованіе, съ самаго начала оплетенія водоросли гифами до окончательнаго сформированія цефалодій.

Хотя цефалодія *Peltigera arthosa* давно описаны Аcharіусомъ ¹⁾, однако послѣ него, за исключеніемъ Швенденера ²⁾, на сколько мнѣ извѣстно, никто не обращалъ на нихъ вниманія; только послѣдній при описаніи анатомическаго строенія слоевища этого лишая упоминаетъ: «Rinde 30 Mik. dick, häufig mit warzenför-

¹⁾ Acharius: Lichenographia universalis.

²⁾ Schwendener. Beiträge zur wissenschaftlichen Botanik. 8 u. 13 d. Pag. 175.

migen Prolifikationen, die aus interstitienlosem, meist undeutlich parenchymatischem Gewebe bestehen.»

Ахариусъ (стр. 99 и 516) даетъ болѣе подробное описаніе цефалодій у разсматриваемаго лишая: «У *Peltigera arphthosa* поверхность слоевища часто бываетъ покрыта зубчатыми прижатыми бородавками, которыя по мѣрѣ приближенія къ краю слоевища принимаютъ порошковатый видъ.» Потомъ при описаніи продольнаго разрѣза черезъ цефалодію (стр. 100) онъ говоритъ: «Паренхима походить на студень и заключаетъ въ себѣ голыя гонидіи; коровое вещество цефалодіи не переходитъ съ верхней поверхности на нижнюю». На изображенномъ у него рисункѣ (Т. X. Ф. 8) представленъ разрѣзъ такой цефалодіи, на которомъ можно видѣть сердцевинную ткань лишая, проходящую сплошнымъ поясомъ подъ цефалодіей и гонидіальнымъ слоемъ его слоевища и выше названныя части цефалодіи.

Только въ этой одной работѣ и можно было найти скольконибудь подробное описаніе строенія цефалодій *Peltigera arphthosa*.

Описаніе внѣшней формы цефалодій сдѣлано Ахариусомъ совершенно вѣрно; что же касается анатомическаго ихъ строенія, то внутри ихъ не существуетъ паренхимы, которая походила бы на студень, а находится ткань гифъ, заключающая въ себѣ гонидіи. Затѣмъ у совершенно развитыхъ цефалодій не замѣчается никакого перехода сердцевинной ихъ ткани въ ткань лишая: этотъ переходъ встрѣчается, какъ это мы увидимъ ниже, только у неразвитыхъ цефалодій.

На приготовленныхъ мною продольныхъ разрѣзахъ черезъ вполне взрослую цефалодію *Peltigera arphthosa* (Рис. 9), можно было ясно видѣть, что середина ея состоитъ изъ не очень плотно переплетенной гифеновой ткани, между нитями которой располагаются довольно равномерно группы гонидій сизоголубаго цвѣта; периферія же ея образована изъ сплошнаго слоя коры, окрашенной въ бурый цвѣтъ, которая на верхней сторонѣ цефалодіи несравненно толще, чѣмъ на нижней и состоитъ изъ ложно

паренхиматической ткани. Отъ нижней поверхности цефалодіи идетъ рядъ темнокоричневыхъ корневыхъ волосковъ съ сильно утолщенными стѣнками, которыя проникаютъ къ почвѣ черезъ отверстіе на слоевищѣ лишая и перепутываются съ подобными же волосками этого послѣдняго. Самое тѣло цефалодіи, подобно крышечкѣ, прилегаетъ своими краями къ краямъ отверстія на слоевищѣ, не имѣя съ послѣдними уже никакой органической связи. Смотри на общую форму цефалодіи, но не зная исторіи ея развитія, можно подумать, что это гомемерный лишай, живущій на *Peltigera arphthosa*, который весьма походитъ на *Rapparia triptophylla*, изображенную у Борнэ (ibid. Pl. XIV ф. 1). Гонидіи цефалодій, какъ я уже сказалъ, окрашены въ сизоголубой цвѣтъ, слѣдовательно принадлежатъ къ фиксированнымъ водорослямъ; между тѣмъ гонидіи самого лишая свѣтлозеленаго цвѣта, хлорофилоносныя ¹⁾. Кромѣ того онѣ различаются величиной: величина первыхъ достигаетъ не болѣе 0,010 Мм., а величина вторыхъ 0,006 Мм. Форма тѣхъ и другихъ гонидій большею частью бываетъ продолговатая, часто треугольная или четырехугольная, рѣдко совершенно круглая (Рис. 1. — ab.). Смотри на форму гонидій, находящихся въ цефалодіяхъ, трудно сказать, къ какому роду водорослей онѣ принадлежатъ. Для рѣшенія этого вопроса, я воспользовался методомъ культуры, употребленнымъ Фаминцинымъ и Баранецкимъ при изслѣдованіи го-

¹⁾ Нельзя рѣшить, къ какому роду хлорофилоносныхъ водорослей относятся зеленныя гонидіи слоевища *Peltigera arphthosa*, такъ какъ мнѣ самому не удалось прослѣдить исторіи ихъ развитія. Швенденеръ говоритъ (Beitr. z. wiss. B. T. III P. 174), что гонидіи у рода *Peltigera* маленькія голубоватозеленыя или грязножелтоватыя, всегда окрашенныя фиксированномъ; Борнэ (Recherches sur les gonidies d. lichens. Pag. 81), нашелъ у изслѣдованныхъ видовъ рода *Peltigera* также только глаукогонидіи, т. е. гонидіи окрашенныя фиксированномъ.

Сомнѣваясь, чтобы оба названные автора могли ошибиться въ опредѣленіи окраски гонидій у столь обыкновеннаго лишая и желая убѣдиться, что онѣ окрашены дѣйствительно хлорофилломъ, я приготовилъ спиртовую вытяжку изъ слоевища *Peltigera arphthosa*, предварительно удаливъ съ него цефалодіи, и подвергнулъ ее спектральному анализу, причемъ получился совершенно чистый спектръ хлорофила, безъ всякой примѣси фиксирова-

нидіи *Collema pulposa* и *Peltigera canina* (Beiträge z. Kenntniss d. selbstständigen Lebens d. Flechtengonidien. Jahrbücher für wissenschaft. Botanik. T.—P.—).

Подобно послѣднимъ я посѣялъ нѣсколько ломтиковъ цефалодій на прокипяченную почву, предварительно изслѣдовавши ихъ подъ микроскопомъ, чтобы убѣдиться въ отсутствіи постороннихъ организмовъ; потомъ перенесъ приготовленную культуру подъ колпакъ во влажную атмосферу. Спустя двѣ съ половиной недѣли, когда гифы цефалодій совершенно разрушились, на поверхности разрѣзовъ можно было найти громадное количество студенистыхъ шариковъ, заключавшихъ по одной, по двѣ, по четыре сизоголубыя клѣтки (Рис. 2 б.). Еще спустя недѣлю шарики увеличились въ размѣрахъ и количество названныхъ клѣтокъ, содержащихся въ шарикахъ, тоже увеличилось; причеиъ клѣтки эти оказались расположенными въ видѣ изогнутыхъ цѣпочекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже содержали гетероцисты, характерныя для Ностока (Рис. 2. б.). Черезъ пять недѣль послѣ посѣва находились на почвѣ колоніи Ностоковъ, уже вполне сформированныя, состоящія изъ многочисленныхъ цѣпочекъ съ совершенно развитыми гетероцистами; цѣпочки были погружены въ общую слизь, ограниченную рѣзкими контурами (Рис. 2. с.).

И такъ изъ культуры гонидій оказалось, что онѣ произошли отъ Ностока, совершенно измѣнившись подъ влияніемъ оплетающихъ его гифъ. Желая узнать, какимъ образомъ свободные Ностоки перешли въ состояніе гонидій и дали начало образованію цефалодій, я постарался прослѣдить исторію развитія послѣднихъ, которую и изложу здѣсь. На поверхности слоевища *Peltigera arphosa*, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго описанія, находятся бородавчатыя цефалодіи, которыя по мѣрѣ приближенія къ краю лишая, дѣлаются все меньше и меньше, вмѣстѣ съ тѣмъ и моложе и наконецъ являются для невооруженнаго глаза въ видѣ порошка. Между цефалодіями, часто встрѣчается синеватосизый налетъ, который состоитъ исключительно изъ Ностоковъ, находящихся на различныхъ степеняхъ развитія; рѣдко

бываютъ примѣшаны къ нимъ другія водоросли. Если сдѣлать поперечные разрѣзы черезъ самыя молодыя части совершенно свѣжаго лишая, то можно видѣть при весьма сильномъ увеличеніи, что его поверхность покрыта многочисленными волосками, состоящими изъ одной, двухъ или трехъ клѣтокъ; между волосками очень часто встрѣчаются цѣлыя колоніи Ностоковъ. Однѣ изъ этихъ колоній бывають совершенно свободныя, т. е. просто прилегаютъ къ поверхности волосковъ и при надавливаніи покровнымъ стеклышкомъ легко сдвигаются со своего мѣста; напротивъ, другія колоніи тѣсно срастаются съ волосками и только при сильномъ надавливаніи отрываются вмѣстѣ съ ними отъ разсматриваемыхъ разрѣзовъ.

Волоски, сросшіеся съ колоніями, бываютъ раздѣлены на большое число клѣтокъ и образуютъ вѣтви, которыя проникаютъ внутрь ихъ студени и извиваются между нитями отдѣльныхъ Ностоковъ (Рис. 3). Это есть начало образованія цефалодіи. На тѣхъ же самыхъ разрѣзахъ или на разрѣзахъ, сдѣланныхъ изъ болѣе старыхъ частей лишая, попадаютъ колоніи Ностоковъ, гдѣ уже начинается происходить оплетаніе ихъ. На препаратахъ ясно видно, какъ однѣ вѣтви проникаютъ внутрь студени, а другія только прикасаются къ ея поверхности и многочисленнымъ образованіемъ вторичныхъ вѣточекъ и срастаніемъ ихъ между собою даютъ начало корѣ. При этомъ кора покрываетъ еще не всю колонію. мѣстами выдается ея студенистое вещество, принявшее болѣе темный цвѣтъ. Внутри этого вещества располагаются клѣтки Ностоковъ, но уже не въ видѣ нитей, а сплошною массой (Рис. 4). Если раздавить такой препаратъ, то между клѣтками Ностока замѣчаются переплетающіеся гифы, проходящіе отъ клѣтокъ коры. На разрѣзахъ, приготовленныхъ изъ болѣе старыхъ частей лишая, можно найти совершенно оплетенныя колоніи Ностоковъ, гдѣ кора образована изъ плотнаго слоя клѣтокъ, происшедшихъ отъ срастанія варужныхъ вѣтвей волосковъ. Такія образованія съ перваго взгляда можно было бы принять за зачатокъ плодоношенія Пиреномицетовъ, если бы были

неизвѣстны исторія ихъ развитія и анатомическое строеніе. На рисункѣ 5-мъ представлено такое шаровидное, клѣтчатое тѣло, сидящее на волоскахъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ поверхности лишая. Если приготовить самыя тонкіе разрѣзы черезъ описанныя шаровидныя тѣла, то бываетъ видно, что они образованы изъ одно или двуслойной коры, которая окружаетъ гонидіальную ткань, состоящую изъ гонидій и сѣти гиѣ (Рис. 6). Кора образована изъ ложно паренхиматической ткани, а гонидіи такъ плотно соединены съ гиѣми, что на разрѣзѣ контуры тѣхъ и другихъ большею частію сливаются; при этомъ гонидіи уже имѣютъ неправильную форму и большую величину сравнительно съ первоначальными клѣтками Ностока. По мѣрѣ совершеннаго обрастанія колоніи Ностока, клѣтки коры и гиѣ гонидіальнаго слоя лишая начинаютъ сильно разрастаться вверхъ и мало по малу образуютъ съ цефалодіей одну непрерывную ткань (Рис. 7). Гонидіи же лишая, находящіяся подъ цефалодіей, отмираютъ и резорбируются окружающей тканью, вслѣдствіе чего онѣ уже болѣе не располагаются подъ ней сплошнымъ слоемъ, а бываютъ прерваны. При болѣе позднемъ развитіи, цефалодія сильно разрастается въ направленіи параллельномъ поверхности лишая и принимаетъ чечевицеобразную форму. На этой самой стадіи развитія Ахаріусъ описалъ и изобразилъ ее на своемъ рисункѣ (Т. X ф. 8). Когда цефалодія сильно разрослась въ упомянутомъ направленіи, то ткань лишая находящаяся подъ ней не представляется болѣе въ видѣ ложно паренхиматической коры и совсѣмъ не заключаетъ подъ собой гонидій, а состоитъ изъ перепутанныхъ гиѣ; только еще на мѣстахъ, находящихся около краевъ цефалодій, замѣчается постепенный переходъ отъ болѣе круглыхъ клѣтокъ коры къ вполне развитымъ гиѣамъ, которыя постепенно переходятъ въ корневые волоски, окрашенные въ бурый цвѣтъ (Рис. 8). Съ окончательнымъ превращеніемъ ткани коры въ ткань гиѣовъ, прекращается всякая связь цефалодіи съ слоевищемъ лишая. Клѣтки коры лишая, гдѣ произошло отдѣленіе отъ него цефалодіи, принимаютъ бурый цвѣтъ; подъ ними лежатъ

слой гонидій, которыя прикасаются къ нѣкоторымъ корневымъ волоскамъ цефалодіи, но не находятся съ ними въ связи; за гонидіями слѣдуетъ сердцевинный слой, гифы котораго рѣзко отличаются отъ корневыхъ волосковъ своимъ цвѣтомъ и толщиной нитей. Слой гифъ цефалодіи, лежащій подъ ея гонидіями, снизу переходя въ корневые волоски, превращается въ остальной своей верхней части въ дву или однорядную кору, которая покрываетъ ея нижнюю сторону. Цефалодія, теперь совершенно отдѣлившись отъ лишая, начинаетъ все болѣе и болѣе разрастаться въ горизонтальномъ направленіи, вслѣдствіе чего принимаетъ продолговатую или округлую сплюсненную форму, съ которой я и началъ свое описаніе.

Вотъ вся исторія развитія цефалодій на слоевищѣ *Peltigera arthosa*. Исторія эта показываетъ, что онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ паразитизму Ностока, изобилующаго всегда во влажныхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно встрѣчается этотъ лишай. Что касается того, одинъ ли Ностокъ принимаетъ участіе въ образованіи цефалодій или, можетъ быть, также и другія водоросли участвуютъ въ этомъ процесѣ, подобно тому какъ Швенденеръ и Борнэ находили ихъ у *Stereocaulon*, то я долженъ сказать, что при всѣхъ моихъ изслѣдованіяхъ даннаго предмета я всегда встрѣчалъ одинъ только Ностокъ; но вѣроятно удалось бы наблюдать, если бы *Peltigera arthosa* была собрана въ другой мѣстности, что въ исторіи развитія цефалодій этого лишая участвуютъ и другія водоросли.

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

- Рис. 1. а.** Фикохромовыя гонидіи, извлеченныя изъ цефалодіи
б. хлорофилоносныя гонидіи, извлеченныя изъ слоевища *Peltigera arphthosa*. — Увелич. въ 900 разъ.
- Рис. 2.** Различныя степени развитія фикохромовыхъ гонидій: **а.** гонидіи культивируемыя двѣ съ половиной недѣли; **б.** гонидіи спустя три съ половиной недѣли послѣ культуры получили форму изогнутыхъ цѣпочекъ, изъ нихъ нѣкоторыя заключаютъ гетероцисты; **с.** гонидіи послѣ пятинедѣльной культуры окончательно превратились въ Ностоки. Увелич. значительное.
- Рис. 3.** Начало развитія цефалодіи: развѣтвленный волосокъ поверхности слоевища прикасается къ колоніи Ностока; нѣкоторыя вѣтви волоска проникаютъ внутрь студени колоніи и извиваются между нитями Ностока. — Увелич. значительное.
- Рис. 4.** Однѣ вѣтви волосковъ проникаютъ внутрь студени колоніи, другія же изъ нихъ только прикасаются къ ея поверхности и образованіемъ вторичныхъ вѣточекъ и взаимнымъ ихъ срастаніемъ между собою даютъ начало корѣ. — Увелич. значительное.
- Рис. 5.** Сферическое тѣло, происшедшее отъ окончательнаго оплетенія волосками колоніи Ностока, походитъ съ перваго взгляда на плодоношеніе *Пиреномицетовъ*. — Увелич. значительное.
- Рис. 6.** Разрѣзъ приготовленный черезъ подобное сферическое тѣло: оно образовано изъ ложнопаренхиматической коры, которая облекаетъ гонидіальную ткань, состоящую изъ гонидій и нитей гифъ; гифы такъ плотно соединены съ гонидіями, что контуры тѣхъ и другихъ большею частію сливаются. — Увелич. въ 650 разъ.
- Рис. 7.** Разрѣзъ приготовленный черезъ болѣе взрослую цефалодію: гифы коры и гонидіальнаго слоя лишая сильно разрастаются вверхъ и образуютъ съ цефалодіей одну непрерывную ткань; хлорофилоносныя гонидіи лишая являются прерываемыми подъ цефалодіей. — Увелич. въ 650 разъ.

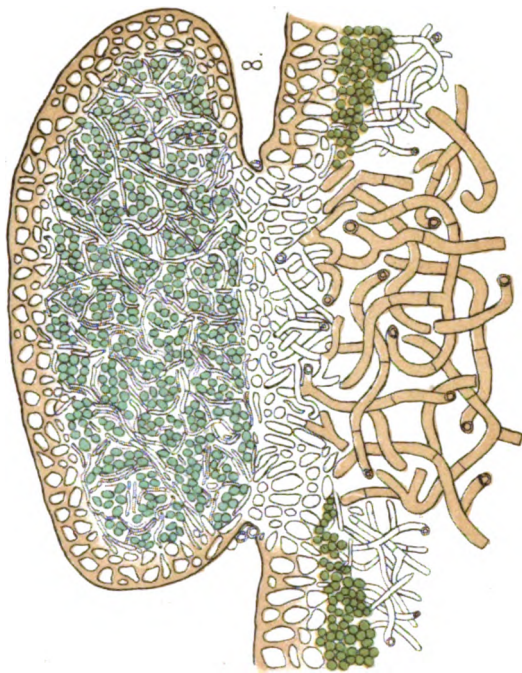
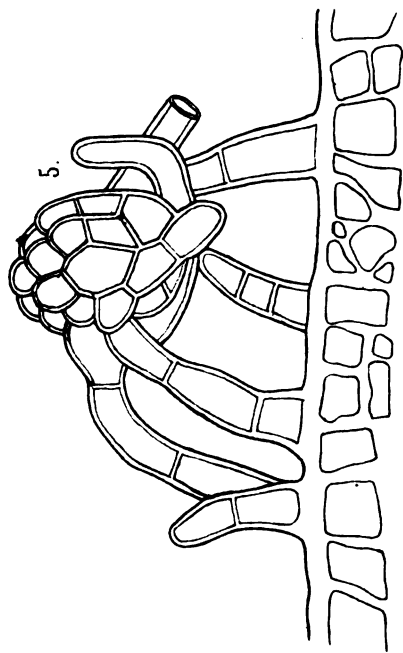
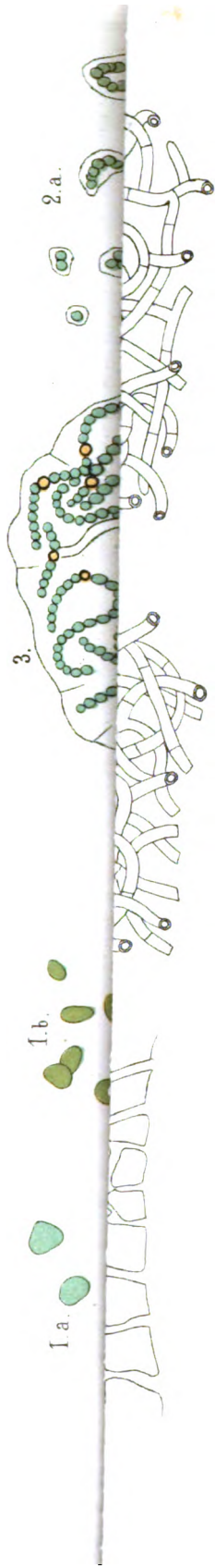


Рис. 8. Разрѣзь приготовленный черезъ цефалодію, находящуюся на еще болѣе поздней стадіи развитія, чѣмъ предыдущая: цефалодія получила чечевицеобразную форму; ткань лишая, находящаяся подъ ней, не является уже болѣе въ видѣ ложнопаренхиматической коры и не заключаетъ въ себѣ гонидій, а состоитъ изъ переплетенныхъ гифъ; только на частяхъ, расположенныхъ около краевъ цефалодіи наблюдается переходъ округлыхъ клѣтокъ коры въ нити гифъ, которыя внизу превращаются въ корневые волоски (rhizines). — Увелич. въ 480 разъ.

Рис. 9. Разрѣзь черезъ окончательно развившуюся цефалодію: Всякая связь ея со слоевищемъ лишая прекратилась; клѣтки гифъ цефалодіи, расположенныя подъ ея гонидіями, образуютъ псевдопаренхиматическую кору, которая въ видѣ сплошнаго слоя съ нижней стороны, гдѣ выходятъ изъ нея корневые волоски, постепенно переходитъ на верхнюю. — Увелич. въ 480 разъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ О ГЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНИЯХЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ВЪ 1877 ГОДУ, ПО ПОРУЧЕНІЮ АКАДЕМІИ, ПО БЕРЕГАМЪ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУЗКИ.

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 8 ноября 1877 г.

Отправивъ послѣднее мое письмо въ Академію отъ 20-го іюня 1877 года, я отплылъ изъ Енисейска, на большой лодкѣ, еще осенью 1876 г. заказанной мною нарочно на Ангарѣ. Осматривая преимущественно правый берегъ Енисея, я прибылъ 5-го іюля къ устью р. Подкаменной Тунгузки, гдѣ, въ деревнѣ Подкаменно-Тунгузскѣ, провелъ двое сутокъ. Отправившись затѣмъ, 7-го іюля, въ верхъ по Подкаменной Тунгузкѣ, я достигъ 11-го августа до устья р. Чуны, крайняго пункта моего путешествія въ этомъ году.

Въ какомъ разстояніи устье Чуны находится отъ впаденія Подкаменной Тунгузки въ Енисей—свѣденія очень разнорѣчивы. Прикащики купца Фунтусова, плававшіе по этой рѣкѣ въ 1875 году, насчитываютъ 550—580 верстъ; на картѣ же, составленной покойнымъ Чекановскимъ, приложенной къ выпуску 5-му тома XII извѣстій Географическаго Общества 1876 г., это же пространство указано равнымъ болѣе 1100 верстамъ.

Главнѣйшее препятствіе при этомъ плаваніи представляли 6 пороговъ и 14 шиверъ, изъ которыхъ самая легкая для прохода

шивера труднѣе, чѣмъ Осиновскій порогъ на Енисеѣ, о которомъ упоминаетъ г. Миддендорфъ (*Свергъ и Востокъ Сибири* глав. I стр. 85). Но всѣ эти препятствія не особенно трудно преодолимы; моя лодка, на которой устроено было небольшое помѣщеніе для меня съ чертежникомъ Потылицынымъ и 6-ти человекъ рабочихъ и вмѣщавшая кромѣ того около 60 пуд. груза, была поднята черезъ пороги при помощи всѣхъ насъ 8-ми человекъ, при чемъ тянуло только 5. Проводникъ, крестьянинъ, ходившій съ означенной выше партіей Фунтусова, оказался обманщикомъ, ничего не помнящимъ и незнающимъ, и я обязанъ тѣмъ, что вышелъ здоровъ и невредимъ съ Подкаменной Тунгузки нанятому моими знакомыми на Ангарѣ кормщику, крестьянину с. Кежмы Ивану Кокоряну, привыкшему на ихъ родной рѣкѣ плавать по порогамъ; здѣсь хотя онъ и не бывалъ, но знаніе общихъ свойствъ воды, текущей между утесами по значительнымъ склонамъ, помогло ему благополучно провести насъ и по Подкаменной Тунгузкѣ. Обратный путь совершенъ былъ нами гораздо скорѣе, хотя опасность на порогахъ и шиверахъ была едва ли не большая, и 29-го августа вечеромъ я прибылъ къ устью Подкаменной Тунгузки, а 8-го сентября въ гор. Енисейскъ, откуда и отправляю это письмо.

Въ передній путь по Подкаменной Тунгузкѣ я осматривалъ наиболѣе утесистые берега этой рѣки, а въ обратный изслѣдовалъ берега противоположащіе и также заполнялъ пробѣлы и дѣлалъ добавочныя наблюденія. По Енисею въ обратный путь я шелъ днемъ и ночью, такъ какъ путь мой лежалъ вдоль лѣваго берега рѣки, осмотрѣннаго мною въ 1866 году, да и почти не представляющаго обнаженій твердыхъ породъ, а состоящаго болшею частію изъ новѣйшихъ наносовъ.

Говоря о научныхъ результатахъ моего путешествія, я начну съ пространства ниже Енисейска, гдѣ до устья Подкаменной Тунгузки, на правомъ берегу я, въ обнаженіяхъ, видѣлъ преимущественно метаморфическія породы: слюдистые сланцы,

гвейсы и пр., а также граниты и другія изверженныя породы, а кое гдѣ въ видѣ исключенія, обнаженія перемежаемости доломитовъ и известняковъ съ глинистыми породами, подобныя встрѣченныя мною въ значительномъ развитіи на Ангарѣ во время путешествія, по порученію Академіи, въ 1874 году.

Свѣденія о нахожденіи богатыхъ ископаемыми остатками обнаженій по Подкаменной Тунгузкѣ, доставленныя въ 1871 году г. Мерло, оказались совершенно справедливыми. Но г. Мерло нашелъ ископаемые остатки верстахъ въ 150 отъ устья Подкаменной Тунгузки, мною же открыты кромѣ многихъ мѣстностей выше по рѣкѣ, богатѣйшее мѣстонахожденіе силурійскихъ *Spongiae*, *Polypi*, *Crinoidea*, *Bryozoa*, *Brachiopoda* и проч., всего около 25 верствъ отъ устья рѣки. Это послѣднее мѣстонахожденіе, между устьями рѣч. Сѣверной и Малой Лебяжьей на лѣвомъ берегу, замѣчательно тѣмъ, что ископаемые остатки, находимые здѣсь, на плоской части побережья рѣки, водою изъяты и отмыты отъ заключающей ихъ породы, что рѣдко встрѣчается выше по рѣкѣ.

По Подкаменной Тунгузкѣ въ большей части посѣщеннаго мною пространства, развиты по всей вѣроятности ярусы одной и той же силурійской формации, о чемъ впрочемъ умѣстнѣе разсуждать лицамъ, кои будутъ разрабатывать палеонтологическіе матеріалы, кои мною собраны въ это путешествіе. Я могу сказать только, что и петрографическіе признаки здѣсь совершенно совмѣстны съ находимыми въ породахъ ископаемыми, обиліе которыхъ въ нѣкоторыхъ напластованіяхъ довольно замѣчательно. Эти осадочнаго происхожденія напластованія пересѣчены во многихъ мѣстахъ выходами трапповъ, составляющихъ мѣстами на разстояніи десятковъ верствъ исключительную, обнажающуюся твердую породу. Всѣ пороги и шиверы совмѣстны тамъ съ появленіемъ утесовъ трапповъ. Траппы, во многихъ мѣстахъ перемежаются съ пластами осадочныхъ породъ, въ другихъ же мѣстностяхъ проходятъ чрезъ нихъ жилами. Кромѣ того, что здѣшнія осадоч-

ныя породы, песчаники, известняки и глинистые сланцы, отъ соприкосновения съ траппами претерпѣли метаморфозъ, но они еще содержатъ въ этихъ мѣстностяхъ многочисленныя скопленія минераловъ и рудъ, каковыхъ я въ такомъ размѣрѣ въ прочія мои многолѣтнія поѣздки по Восточной Сибири не встрѣчалъ. Между полезными ископаемыми, встрѣченными мною въ дали отъ выходовъ трапповъ, замѣчательны нѣсколько мѣсторожденій гипса, залегающаго совершенно въ тѣхъ же глинахъ, что и по Ангарѣ; но здѣсь, на Подкаменной Тунгукѣ есть полная возможность стратиграфическими соображеніями опредѣлить геологическій возрастъ ихъ.

Вышеозначенный характеръ напластованій, распространенныхъ на Подкаменной Тунгукѣ, относится къ большей части мѣстности по этой рѣкѣ, но не безъ исключеній. Такъ при устьѣ Подкаменной Тунгузки и на 12 верстѣ выше, видна перемежаемость бурога и свѣтло-сѣраго цвѣта глины съ песчаникомъ, содержащимъ въ себѣ каменный уголь и оруденѣлыя деревья. Эта серія породъ похожа на развитую около Красноярска и по Чулыму, которую я полагаю возможнымъ отнести къ третичной формаци. Затѣмъ въ противоположность этой относительно новѣйшей формаци, на другомъ концѣ посѣщенной мною части теченія Подкаменной Тунгузки, именно въ разстояніи около 20 верстѣ ниже устья р. Чуны, среди песчаниковъ ¹⁾, ниже по рѣкѣ не содержащихъ ископаемыхъ остатковъ, появились пропластки известняка и известковаго песчаника, заключающаго въ себѣ многочисленныя остатки раковинъ, сходныхъ (если я не ошибаюсь) съ *Orgicula*. Подобныя же пласты въ значительномъ развитіи я встрѣчалъ въ 1874 году на Ангарѣ; но тамъ органическіе остатки ограничивались почти этими только ископаемыми, тогда какъ здѣсь встрѣчаются въ известнякахъ, хотя не ясныя и плохо сохранные, другіе окаменѣлыя организмы.

¹⁾ Подлежащихъ пластамъ известняковъ и глины, обильныхъ вѣроятно верхне-силурійскими окаменѣlostями.

Обнаженій наносовъ, кромѣ новѣйшихъ, мнѣ мало удалось осмотрѣть; причину крайней ихъ скудности сравнительно съ обиліемъ утесовъ болѣе древнихъ осадочныхъ и изверженныхъ породъ я надѣюсь объяснить въ полномъ отчетѣ.

Вообще замѣчу, что многочисленныя и частью хорошія обнаженія напластованій по Подкаменной Тунгузкѣ дали мнѣ возможность составить себѣ ясное понятіе о взаимномъ отношеніи ихъ. Сходство же въ литологическомъ и стратиграфическомъ, а частью и въ палеонтологическомъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ пластовъ съ развитыми по Ангарѣ и Енисею, вѣроятно позволитъ опредѣлить и древность распространенныхъ по этимъ рѣкамъ горныхъ породъ. Геологическимъ маршрутомъ, который я буду имѣть честь представить при отчетѣ о поѣздкѣ сего года, свяжутся подобныя же изслѣдованія мои въ Минусинскомъ округѣ, на Чулымѣ и Ангарѣ, а если принять въ расчетъ свѣденія о строеніи береговъ Енисея выше дер. Означенной, сообщенныя г. Шварцемъ и ниже Подкаменной Тунгузки, собранныя мною и Ф. Б. Шмидтомъ въ 1866 году, то можно будетъ, при помощи всѣхъ этихъ давныхъ, получить довольно точное представленіе о строеніи береговъ Енисея въ русскихъ предѣлахъ.

Къ вышеозначенному имѣю честь присовокупить, что мною собрана въ это путешествіе колекція горныхъ породъ и окаменѣлостей въ 1570 номеровъ, при чемъ иногда на одинъ номеръ до 100 отдѣльныхъ экземпляровъ. Распространеніе горныхъ породъ будетъ означено точно на картѣ изслѣдованныхъ мною береговъ Подкаменной Тунгузки.

Сопровождавшій меня чертежникъ Енисейской губернской чертежной К. Е. Потылицынъ при помощи бусоли (частью астролябіи) и часовъ заполнилъ пробѣлы карты теченія Енисея отъ Красноярска до устья Подкаменной Тунгузки, которую можно было бы составить на основаніи подлинныхъ межевыхъ плановъ, хранящихся въ Енисейской губернской чертежной. Теченіе же Подкаменной Тунгузки, отъ впаденія въ нее р. Чуны до устья въ Енисей, свято исключительно при помощи астролябіи и часовъ, при-

чемъ, скорость хода лодки неоднократно измѣрялась въ передній и обратный путь. Кромѣ того, г. Потылицынъ надѣется представить на благоусмотрѣніе Академіи болѣе 200 экземпляровъ растений, собранныхъ имъ по берегамъ Подкаменной Тунгузки въ путешествіе этого года.

10-го сентября 1877 года,
Енисейскъ.

И. А. Лопатинъ.

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ ЯРУСА УРСА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

И. Шмальгаузен.

Извлеченіе изъ статьи, читанной въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 8-го ноября 1877 г. и напечатанной въ Бюлетенѣ.

Въ 1876 году мною описаны растительные остатки, собранные горнымъ инженеромъ Лопатынымъ въ руслѣ рѣчки Огурь, притока Енисея, въ Ачинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи. Эти остатки состояли изъ ядеръ стволовъ Кноррій и отпечатковъ коры Лепидодендровъ и Циклостигмы; кромѣ того были найдены стебли и черешки листьевъ папоротниковъ и неясные слѣды Каламита (*Bornia radiata* Schmp.) и Стигмарій. По этимъ немногочисленнымъ формамъ, преимущественно-же по присутствію Циклостигмы — растенія, найденнаго до сихъ поръ исключительно въ самыхъ нижнихъ отложеніяхъ каменноугольной формаціи, причисляемыхъ нѣкоторыми авторами еще къ Девонской формаціи, я пришелъ къ заключенію, что это растенія яруса Урса и что слѣдовательно упомянутые валуны изъ русла рѣчки Огурь происходятъ изъ слоевъ этого яруса.

Вскорѣ за этимъ г. Лопатынымъ были доставлены въ Академію Наукъ образцы съ растительными остатками того-же яруса изъ разныхъ мѣстностей Минусинскаго округа той-же губерніи. Эти образцы собраны непосредственно изъ горныхъ породъ и слѣдовательно указываютъ на коренное мѣстонахождение слоевъ древнѣйшаго яруса каменноугольной формаціи, названнаго О. Гееромъ ярусомъ Урса.

Г. Лопатинъ говоритъ, въ своемъ отчетѣ Географическому Обществу (*Извѣстiя* 1876 стр. 42), что онъ уже въ 1873 году нашелъ отложенiя по Енисею, между деревнями Караульной и Огурь, которые имъ тогда по растительнымъ отпечаткамъ были причислены къ каменноугольной формаци. Теперь-же, въ 1875 году, имъ собраны растительные остатки немного выше, подъ 55° с. ш., близъ деревни Трифонова. Эти остатки совершенно сходны съ тѣми, которые найдены въ валунахъ рѣчки Огурь. Они состоятъ изъ обломковъ ядеръ стволовъ Кноррiй, рѣдкихъ стеблей папоротника, отпечатковъ стеблей Лепидодендровъ (*Lepidodendron Veltheimianum*) и рѣдкихъ кусочковъ коры Циклостигмы. Эти остатки заключены въ такомъ-же грубомъ песчаникѣ и ихъ способъ сохраненiя такой-же, какъ въ валунахъ рѣчки Огурь.

На другiя мѣстонахожденiя органическихъ остатковъ этого-же яруса въ Минусинскомъ округѣ впервые обратилъ вниманiе г. Лопатина управляющiй вольной Минусинской аптекой Н. М. Мартьяновъ, и г. Лопатинъ получилъ отъ Академiи Наукъ порученiе изслѣдовать также и эти мѣстонахожденiя. Они находятся около 53° с. ш., по теченiю р. Абакана, притока Енисея съ лѣвой стороны.

Самое богатое изъ нихъ представляетъ гора Изыкъ, по правому берегу Абакана, близъ впаденiя его въ Енисей. Изъ отчета г. Лопатина видно, что гора Изыкъ состоитъ изъ приподнятыхъ песчаниковъ, причемъ на нижнiе краснобурые налегаютъ выше свѣтлосѣрые песчаники; по склонамъ горы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на песчаники налегаютъ еще песчаники и глинистые сланцы съ пластами каменныхъ углей. Въ песчаникахъ и въ глинистыхъ сланцахъ найдены отпечатки растений, которые мнѣ доставлены для опредѣленiя. Одна изъ коллекцiй этихъ остатковъ, собранная г. Мартьяновымъ, принадлежитъ Казанскому университету, другая собрана г. Лопатинымъ и находится въ Академiи Наукъ.

Песчаники съ горы Изыкъ заключаютъ въ себѣ тѣ-же уже знакомые намъ остатки: Кноррiй, Лепидодендры въ видѣ дихотоми-

чески развѣтвленныхъ вѣтвей, черешки папоротниковъ; Циклостигмы здѣсь до сихъ поръ не находили, но есть хорошіе куски Камалита *Vornia radiata*, характернаго для нижнихъ ярусовъ каменно-угольной формаци; кромѣ того есть лентообразныя листовыя части, извѣстныя подъ именемъ *Cordaites*. Судя по этимъ остаткамъ намъ кажется несомнѣннымъ, что упомянутые песчаники принадлежать къ тому-же ярусу «Урса».

Растительныя части, найденныя въ глинистыхъ сланцахъ, большею частью сохранились въ превосходномъ видѣ. Но между ними нѣтъ вовсе *Кноррій* и *Лепидодендровъ*, а есть только одно растение характерное для ниже-каменноугольныхъ отложений — *Vornia radiata*; прочія-же формы всѣ новы и только нѣкоторыя изъ нихъ аналогичны формамъ яруса Урса. Одинъ изъ найденныхъ здѣсь г. Лопатинымъ папоротниковъ я называю *Triphyllopteris Loratini*, въ честь извѣстнаго горнаго инженера. Этотъ папоротникъ имѣлъ большія многократно-перистыя вайи. Перья послѣдняго порядка супротивныя, продолговато-ланцетной формы и надрѣзаны на цѣльнокрайніе сегменты; сегменты продолговато-обратно-яйцевидные, спереди тупо-закругленные, у основанія клиновидные и низбѣгающіе. Они бываютъ много въ 2 с. м. длины и снабжены большимъ числомъ равносильныхъ жилокъ, выходящихъ изъ основанія и развѣтвляющихся дихотомически. На нѣкоторыхъ перьяхъ самыя нижніе сегменты слегка трехлопастные. По своему виду и по нерваціи этотъ папоротникъ напоминаетъ собою папоротники, характерные для ниже-каменноугольныхъ ярусовъ, именно изъ родовъ *Palaeopteris* и *Triphyllopteris*.

Другой, тоже новый, папоротникъ и который я называю *Neuropteris Cardiopteroides* имѣетъ крупныя, до 6 с. м. длинныя, косые сердцевидныя у основанія листочки. Листочки сидѣли въ два ряда на толстомъ стержнѣ листа. Они у глубоко-сердцевиднаго основанія снабжены двумя ушками очень неравной величины; меньше — переднее ушко. Листочки продолговато-яйцевидной формы и снабжены большимъ числомъ жилокъ расходящихся изъ основанія и развѣтвляющихся раздваиваніемъ. По виду и по

нервации этот папоротник напоминает родъ *Cardiopteris*, характерный для ниже-каменноугольных ярусовъ; по несимметричной-же формѣ и по глубоко-сердцевидному основанію листочковъ — родъ *Neuropteris*, найденный въ Америкѣ тоже въ ниже-каменноугольных ярусахъ, но преимущественно развитый въ продуктивномъ ярусѣ.

Не говоря о неопредѣлимыхъ кусочкахъ папоротника изъ рода *Sphenopteris*, остается еще упомянуть о листьяхъ *Cordaites*, находящихся тоже въ глинистыхъ сланцахъ горы Изыкъ и о двухъ плодникахъ, одинъ *Cyclocarpus* и одинъ *Samaropsis*, изъ которыхъ первый напоминаетъ собою плоды саговыхъ растений, второй — плоды гнетоваго растенія (*Welwitschia*).

Судя по залеганію глинистыхъ сланцевъ и пластовъ углей надъ песчаниками и судя по недостатку въ нихъ *Кнопрій* и *Лепидодендровъ*, можно думать, что эти пласты горы Изыкъ, можетъ быть, уже болѣе не принадлежатъ къ ярусу Урса; но по присутствію *Bornia radiata* они непременно принадлежатъ еще къ нижнимъ ярусамъ каменноугольной формаци.

Въ Минусинскомъ округѣ есть еще нѣсколько мѣстностей, гдѣ г. Лопатинъ собралъ растительные отпечатки сходные съ уже упомянутыми. Изъ горы у сѣвернаго берега Бейскаго озера есть дихотомически развѣтвленная вѣтвь *Лепидодендра* (*Lepidodendron Veltheimianum*); такія-же вѣтви найдены по берегу р. Бей въ урочищѣ Щена, въ 9 верстахъ отъ Бейска. По правую сторону Енисея въ 7 верстахъ отъ Минусинска у Майдашинской горы найдены листья *Cordaites* и кусочки стеблей *Knoppia*. Эти мѣсто-нахожденія слѣдовательно принадлежатъ къ тому-же ярусу каменноугольной формаци, къ которому мы отнесли растительные остатки валуновъ рѣчки Огуръ и песчаники съ Трифонова и Изыкъ.

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ АКАДЕМИКА О. И. СОМОВА.

Е. И. Золотарева.

Представлено Физико-Мат. Отдѣленію въ засѣданіи 14 декабря 1877 г.

Въ прошедшемъ году Императорская Академія Наукъ понесла чувствительную утрату въ лицѣ умершаго академика О. И. Сомова, одного изъ самыхъ видныхъ представителей математики въ Россіи. Ту же потерю оплакиваетъ и здѣшній университетъ, которому покойный математикъ принадлежалъ какъ профессоръ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ и только не задолго до своей смерти вышелъ въ отставку.

Въ настоящемъ очеркѣ я постараюсь очертить заслуги Сомова въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. При этомъ я остановлюсь преимущественно на ученыхъ трудахъ покойнаго математика. Что же касается его высокихъ душевныхъ качествъ, снискавшихъ ему глубокое уваженіе его сослуживцевъ и учениковъ, то они были уже вполне вѣрно оцѣнены въ краткой біографіи Осипа Ивановича, появившейся въ газетахъ вскорѣ послѣ его смерти.

Я счастливъ тѣмъ, что въ настоящую минуту могу, хотя отчасти, исполнить долгъ признательности, лежащій на мнѣ какъ на одномъ изъ учениковъ покойнаго академика.

Осипъ Ивановичъ Сомовъ родился въ 1815 году въ селѣ Отрада Клинскаго уѣзда Московской губерніи, въ старинномъ дворянскомъ семействѣ. Начальное образованіе онъ получилъ въ Московской гимназіи.

Отецъ Сомова желалъ избрать для своего сына военную карьеру. Только благодаря совѣтамъ московскаго профессора Брашмана, скоро замѣтившаго склонность молодаго Сомова къ изученію математическихъ наукъ, послѣдній предпочелъ университетъ военной службѣ. Не задолго передъ тѣмъ въ Московскомъ университетѣ начали свою профессорскую карьеру въ то время еще молодые математики Брашманъ и Зерновъ.

Всякій интересующійся исторіей развитія математики въ нашемъ отечествѣ, не можетъ остановиться безъ благодарности на этихъ двухъ, богатыхъ заслугами, дѣятеляхъ Московскаго университета, уже теперь сошедшихъ въ могилу. Оба извѣстные своими учеными трудами, они еще болѣе обращаютъ на себя вниманіе своею полезною педагогическою дѣятельностью. Многочисленные ученики ихъ, сдѣлавшіеся въ свою очередь учителями, разсѣяны по всей Россіи. Нѣкоторые же изъ нихъ достигли вполне заслуженной славы. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Сомовъ.

Въ 1835 году онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата и съ той же поры сталъ трудиться надъ составленіемъ сочиненія по теоріи уравненій, которое появилось въ свѣтъ въ 1838 году подъ заглавіемъ: «Теорія опредѣленныхъ алгебраическихъ уравненій» и положило начало извѣстности его автора въ ученomъ мѣрѣ. За это сочиненіе Сомовъ былъ награжденъ отъ Академіи Наукъ половиною Демидовской преміей. За него же позже онъ получилъ орденъ Св. Анны 3-ей степени, по статуту, какъ за сочиненіе классическое. Чтобы дать понятіе о достоинствахъ этого сочиненія и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какъ сочувственно отнеслись наши математики къ этому труду молодаго геометра, я позволю себѣ здѣсь привести извлеченіе изъ отзыва, доставленнаго въ 1846 г. въ Физико-Математическій факультетъ С.-Петербургскаго уни-

верситета нашимъ многоуважаемымъ Вице-Президентомъ, академикомъ В. Я. Буняковскимъ, въ то время профессоромъ университета. Въ этомъ отзывѣ очерчено состояніе математики въ Россіи въ то время и указано значеніе труда Сомова.

«Еще недавно» говорится въ отзывѣ, «основательное изученіе высшей математики внѣ университетовъ было сопряжено у насъ съ большими затрудненіями по неимѣнію, на русскомъ языкѣ, не только оригинальныхъ сочиненій, но даже и переводовъ по высшимъ отраслямъ точныхъ наукъ. Этотъ недостатокъ, конечно, ошутителенъ и теперь, но далеко не въ той степени какъ было прежде, благодаря заботливости нѣкоторыхъ отечественныхъ математиковъ, обогатившихъ нашу ученую литературу трудами, которые много способствовали къ распространенію разныхъ вѣтвей положительныхъ знаній. Въ этомъ отношеніи преимущественно можно указать на послѣднее десятилѣтіе, въ теченіе котораго русская математическая литература получила значительныя приращенія. Тщательное изученіе алгебраическаго анализа, во всей его полнотѣ, составляетъ первое, необходимое условіе для успѣшнаго изученія математики, какъ чистой, такъ и прикладной. Независимо отъ массы свѣдѣній, почерпаемыхъ въ этой отрасли, въ ней математикъ знакомится съ тонкими соображеніями, съ остроумными, иногда глубокомысленными приѣмами, научается располагать понятія въ строгомъ систематическомъ порядкѣ и слѣдить, шагъ за шагомъ, за усиліями великихъ геометровъ, усовершенствовавшихъ науку. Такое многостороннее значеніе алгебраическаго анализа достаточно свидѣтельствуетъ объ его пользѣ и значительности въ ряду математическихъ знаній. И такъ, сочиненіе по этой наукѣ, на русскомъ языкѣ, было, безспорно, первою потребностью и для молодыхъ людей, посвятившихъ себя обстоятельному изученію математики, и для самихъ преподавателей, понимающихъ свое призваніе».

Переходя затѣмъ собственно къ сочиненію Сомова, авторъ отзыва говоритъ:

«Это сочиненіе по полнотѣ своей, вѣрности взглядовъ, современности содержанія, по изложенію, отличающемуся особенною ясностью, простотою и отчетливостью, также по новымъ развитіямъ разныхъ алгебраическихъ теорій, собственно принадлежащихъ автору, обратило на себя справедливое вниманіе всѣхъ отечественныхъ математиковъ. Что же касается до пользы, которую оно принесло изучающимъ математическій анализъ, то въ этомъ отношеніи всѣ наши математики, и въ особенности занимающіеся преподаваніемъ высшихъ частей точныхъ наукъ, единогласно засвидѣтельствуютъ, что распространеніемъ у насъ новыхъ алгебраическихъ теорій и пріятельныхъ трудовъ Фурье, Штурма, Абеля, Коши и Остроградскаго мы обязаны преимущественно книгѣ Сомова».

Педагогическая дѣятельность Сомова началась съ 1839 года, когда онъ получилъ мѣсто учителя математики въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ, а вскорѣ послѣ того и въ дворянскомъ институтѣ.

Въ то же время онъ продолжалъ и свои ученыя занятія, выдержалъ экзаменъ на магистра математики и къ 1841 году приготовилъ магистерскую диссертацию «Объ интегралахъ алгебраическихъ ираціональныхъ дифференціаловъ».

Между тѣмъ какъ предъидущее сочиненіе было плодомъ глубокаго изученія алгебраическаго анализа, новое сочиненіе доказало, что авторъ его также мастерски владѣетъ и главнѣйшею частью трансцендентнаго анализа—интегральнымъ исчисленіемъ. Ему весьма хорошо были извѣстны не только геніальныя открытія математиковъ XVIII-го вѣка, но и весьма недавнія, для того времени, усовершенствованія интегральнаго исчисленія, раздвинувшія далеко предѣлы этой отрасли математическихъ наукъ.

Надобно замѣтить, что первая четверть нынѣшняго столѣтія, а также начало второй—эпоха весьма знаменательная въ исторіи интегральнаго исчисленія. Это — время знаменитыхъ открытій Абеля и Якоби. Изложенію ихъ отчасти и посвящена книга Сомова. Въ ней уже содержится краткое изложеніе основаній теорій

эллиптическихъ функций—теоріи, которую изложить вполне удалось нашему математику только гораздо позже, уже по переселеніи его въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ защищенія магистерской диссертации Сомовъ получилъ приглашеніе занять мѣсто адъюнкта въ С.-Петербургскомъ университетѣ, сдѣлавшееся вакантнымъ вслѣдствіе отъѣзда Чижова за границу.

Инициативой этого дѣла мы обязаны нашему многоуважаемому сочлену, академику А. Н. Савичу, знавшему въ то время Сомова только по его ученымъ трудамъ.

Съ переездомъ Сомова въ Петербургъ началась его педагогическая дѣятельность въ здѣшнемъ университетѣ, непрерывавшаяся почти до самой смерти.

Въ различное время онъ преподавалъ: высшую алгебру, обѣ тригонометріи, аналитическую и начертательную геометріи, дифференціальное исчисленіе, и, наконецъ, аналитическую механику съ гидростатикой и гидродинамикой.

Съ какимъ вниманіемъ относился нашъ математикъ къ своимъ лекціямъ видно уже изъ того, что почти по всѣмъ только что названнымъ предметамъ изданы имъ, на основаніи его лекцій, печатные курсы, составляющіе цѣнные вклады въ математическую литературу. Съ переездомъ же въ Петербургъ замѣчается также и перемѣна въ направленіи самостоятельныхъ ученыхъ работъ Сомова. Онъ началъ заниматься преимущественно прикладной математикой—аналитической механикой и математической физикой. Въ этой области точныхъ наукъ, онъ прежде всего обратилъ свое вниманіе на волнообразное движеніе ээира, служащее для объясненія оптическихъ явленій.

Послѣ работъ Френеля и Араго, теорія волненій, въ которой свѣтовые явленія объясняются волнообразнымъ движеніемъ упругой среды—ээира, окончательно вытѣснила теорію истеченій, развитую Ньютономъ, въ которой принималось существованіе особенныхъ свѣтовыхъ частицъ, истекающихъ изъ свѣтящихся тѣлъ.

Въ теоріи Френеля всѣ главнѣйшія оптическія явленія были объяснены при помощи частныхъ гипотезъ и догадокъ. Нужно было много остроумія, даже гениальность, чтобы при помощи тѣхъ средствъ, которыми пользовался Френель, создать теорію свѣта.

Но, для того чтобы дать этой теоріи желаемое совершенство, нужно было вывести законы оптическихъ явленій изъ общихъ уравненій движенія системы частицъ эфира, подчиненныхъ дѣйствию внутреннихъ силъ. Эту задачу и рѣшилъ извѣстный математикъ Коши.

Она представляла большой интересъ въ томъ отношеніи, что одно изъ основныхъ положеній Френеля, относительно перпендикулярности колебаній частицъ къ направленію луча зрѣнія, горячо оспаривалось знаменитымъ Пуассономъ. Послѣдній видѣлъ въ этомъ допущеніи противорѣчіе съ основными законами механики. Дѣйствительно, разсматривая волнообразное движеніе упругой жидкости, онъ доказалъ, что при достаточномъ удаленіи колеблющейся частицы отъ центра, изъ котораго распространяются колебанія, эти послѣднія будутъ какъ угодно мало отличаться своимъ направленіемъ отъ луча зрѣнія, а не перпендикулярны къ нему. Противорѣчіе это Коши объяснилъ тѣмъ, что уравненія, которыми пользовался Пуассонъ, не приложимы къ настоящему случаю. Онъ составилъ новыя уравненія на основаніи ихъ подтвердилъ уже мнѣніе Френеля.

Въ своихъ работахъ, относящихся къ оптикѣ, Коши не обращалъ вниманія на дѣйствіе эфирныхъ частицъ на частицы вѣсомой матеріи и наоборотъ. Это было замѣчено Сомовымъ въ его работѣ о волнообразномъ движеніи эфира, составившей собою докторскую диссертацию. Онъ дополнилъ уравненія движенія частицъ эфира новыми членами, зависящими отъ взаимнаго дѣйствія частицъ эфира и вѣсомой матеріи, и вывелъ изъ нихъ слѣдствія, аналогичныя тѣмъ, которыя были получены Коши.

Это сочиненіе доставило Сомову во второй разъ Демидовскую премію.

Говоря о заслугахъ Сомова, мы должны упомянуть о томъ, что онъ первый ввелъ въ здѣшнемъ университетѣ преподаваніе началъ теоріи эллиптическихъ функцій и самъ преподавалъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ виду важнаго значенія этой теоріи какъ для чистаго анализа, такъ и для аналитической механики, а въ особенности того, что въ то время не существовало никакихъ сочиненій по этой части интегральнаго исчисленія, которыми бы могъ пользоваться всякій начинающій изучать математическія науки, нельзя не поставить въ заслугу Сомову введеніе краткаго обзора теоріи эллиптическихъ функцій въ кругъ предметовъ университетскаго преподаванія.

Плодомъ его лекцій по этому предмету было изданіе отличнаго руководства «Основанія теоріи эллиптическихъ функцій».

Уже геометры прошлаго столѣтія замѣтили, что спрямленіе дугъ коническихъ сѣченій требуетъ изученія особенныхъ трансцендентныхъ функцій. Безсмертный Эйлеръ открылъ ихъ основное свойство, можно сказать ключъ къ изслѣдованію этихъ трансцендентныхъ, извѣстныхъ въ настоящее время въ наукѣ подъ именемъ эллиптическихъ функцій. Важное значеніе ихъ видно уже изъ того, что такой первокласный французскій математикъ, какъ Лежандръ занимался ими въ продолженіе всего своего ученаго поприща. Но это значеніе еще болѣе возрасло послѣ гениальныхъ открытій Абеля и Якоби, принадлежащихъ къ числу самыхъ блестящихъ въ нашемъ столѣтіи и навсегда прославившихъ имена ихъ авторовъ. Только благодаря этимъ работамъ Абеля и Якоби, позднѣйшіе геометры установили тѣсную связь между нѣкоторыми отдѣлами математики, которую прежде никто не могъ и подозрѣвать. Если кто приметъ на себя трудъ въ настоящее время составить полный курсъ теоріи эллиптическихъ функцій, тотъ встрѣтитъ затрудненіе, развѣ, во множествѣ источниковъ, съ которыми ему придется справляться. Но и тутъ значительную помощь ему окажутъ различные учебники и сборники по этой части анализа, существующіе въ литературѣ.

Не то было лѣтъ тридцать тому назадъ. Въ то время открытія Абея и Якоби были еще новинкой для математиковъ. Кромѣ классическаго сочиненія Лежандра, большая часть котораго появилась еще раньше работъ Абея и Якоби, ни въ нашей, ни въ иностранной литературѣ совсѣмъ не существовало учебника по этому предмету ¹⁾.

Математикъ, дѣятельность котораго мы здѣсь разсматриваемъ, задумалъ издать сочиненіе, на русскомъ языкѣ, по теоріи эллиптическихъ функцій, въ которомъ были бы изложены главныя основанія этой теоріи. По единодушному отзыву нашихъ математиковъ онъ выполнилъ эту задачу самымъ блестящимъ образомъ. Изложеніе Сомова отличается полною ясностью и систематичностью. Прекрасно написанный историческій обзоръ предмета служитъ введеніемъ въ его сочиненіе. Затѣмъ изложены основныя свойства эллиптическихъ функцій и методы для ихъ вычисленія, съ нѣкоторыми подробностями, принадлежащими самому автору, и, наконецъ, указаны главнѣйшія приложенія къ геометріи и механикѣ.

За свой курсъ эллиптическихъ функцій Сомовъ въ третій разъ былъ награжденъ отъ Академіи половинной Демидовской преміей. Лучшая похвала этому сочиненію состоитъ въ томъ, что даже и въ настоящее время, болѣе двадцати пяти лѣтъ послѣ его появленія, оно смѣло можетъ быть рекомендовано всякому, начинающему знакомиться съ теоріею эллиптическихъ функцій. Оно и до сихъ поръ остается украшеніемъ русской математической литературы.

Полное обладаніе теоріею эллиптическихъ функцій дало Сомову возможность не только составить курсъ по теоріи этихъ функцій, но и рѣшить вопросъ о вращеніи вѣсмага твердаго

¹⁾ Сочиненіе Якоби «Fundamenta nova» нельзя причислять къ учебникамъ.

тѣла около одной изъ своихъ точекъ для того случая, въ которомъ эта задача рѣшается при помощи эллиптическихъ функций.

Въ 1855 году онъ представилъ Академіи Наукъ особый мемуаръ, посвященный этому вопросу (*Solution rigoureuse du problème de la rotation autour d'un point fixe d'un corps solide pesant, lorsque ce corps a deux moments d'inertie principaux égaux et que le point fixe est situé sur l'axe, auquel repond le troisième moment*). Этотъ мемуаръ замѣчательнъ разборомъ частныхъ случаевъ, имѣющихъ особенный интересъ, такъ какъ выведенныя заключенія даютъ объясненіе любопытныхъ явленій, замѣчаемыхъ въ гироскопѣ и машинкѣ Боненбергера.

Труды, о которыхъ мы говорили, на столько установили репутацію Сомова, какъ ученаго и профессора, что онъ былъ приглашенъ въ преподаватели нѣсколькими высшими учебными заведеніями Петербурга. Кромѣ университета, Сомовъ преподавалъ еще въ Пажескомъ корпусѣ (1842—1849), въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ съ (съ 1849 — 1862), въ бывшихъ офицерскихъ класахъ морскаго корпуса, переименованныхъ въ академическій курсъ морскихъ наукъ, и въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія (1849—1869).

Кромѣ того на него возлагались различныя порученія: онъ былъ нѣкоторое время инспекторомъ частныхъ пансіоновъ и школъ; составилъ конспектъ аналитической геометріи для военно-учебныхъ заведеній; участвовалъ въ комисіи для обзора морскихъ военно-учебныхъ заведеній, въ комисіи для пересмотра положенія объ эмеритальной кассѣ морскаго вѣдомства и проч.

Имѣя въ виду потребности нашихъ учебныхъ заведеній, какъ среднихъ такъ и высшихъ, Сомовъ составилъ курсы аналитической и начертательной геометріи, а также и начальной алгебры. Первые два выдержали по два изданія, а послѣдній четыре.

Въ 1862 году, послѣ смерти Остроградскаго, наша Академія Наукъ избрала Сомова прямо въ ординарные академики.

Съ тѣхъ поръ въ изданіяхъ Академіи непрерываясь идетъ рядъ его трудовъ, посвященныхъ преимущественно разработкѣ различныхъ вопросовъ аналитической механики. Мы остановимся здѣсь только на главнѣйшихъ изъ этихъ работъ.

Къ числу ихъ, безспорно, принадлежитъ мемуаръ о малыхъ колебаніяхъ (*Sur l'équation algébrique à l'aide de laquelle on détermine les oscillations très petites d'un système*). Одна изъ интереснѣйшихъ главъ знаменитаго творенія Лагранжа «*Mécanique analytique*» посвящена вопросу о малыхъ колебаніяхъ матерьяльныхъ точекъ около ихъ положеній равновѣсія. Предположеніе этихъ колебаній малыми не только позволяетъ упростить рѣшеніе вопроса, но и разрѣшить его окончательно. Это рѣшеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что встрѣчаетъ замѣчательныя приложенія въ небесной механикѣ и въ математической физикѣ. Несмотря на всю общность и глубину анализа Лагранжа, другимъ геометрамъ удалось сдѣлать по этому вопросу нѣкоторыя развитія и замѣчанія, имѣющія важное значеніе. Изъ этихъ математиковъ я назову Вейерштрасса, члена Берлинской Академіи Наукъ, и Сомова. Мемуары ихъ появились почти одновременно. И тотъ и другой исправляютъ различнымъ образомъ одну неточность, встрѣчающуюся у Лагранжа, и прибавляютъ нѣкоторыя развитія вопроса со стороны какъ алгебры, такъ и интегральнаго исчисленія.

Затѣмъ я укажу на замѣтку Сомова о спрямленіи дугъ кривыхъ (*Note sur la rectification approximative des courbes quelconques*). Въ ней онъ далъ формулу для приблизительнаго вычисленія малыхъ дугъ кривыхъ линій, замѣчательную по простотѣ, по степени точности и по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она составлена. Эта замѣтка обратила на себя вниманіе извѣстнаго парижскаго геометра Эрмита. Послѣдній въ 1874 году посвятилъ одну изъ своихъ лекцій въ политехнической школѣ доказательству формулы Сомова.

Далѣе особеннаго вниманія заслуживаютъ мемуары «*Sur un*

moyen algébrique de démontrer le principe de Hamilton relatif à l'intégration des équations de la dynamique» и «Sur la solution donnée par Abel d'un problème de mécanique, какъ содержащія въ себѣ интересныя развитія, относящіяся къ важнымъ вопросамъ механики.

Нѣкоторые изъ другихъ мемуаровъ Сомова вошли въ его послѣднее сочиненіе «Раціональная механика». Главнымъ матерьяломъ для этого сочиненія послужили лекціи, читанныя авторомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, причемъ эти лекціи значительно дополнены и еще болѣе разработаны. Первая часть этого обширнаго труда вышла въ свѣтъ въ 1872 году; въ ней излагается кинематика, часть механики, въ которой движеніе разсматривается геометрически, независимо отъ силъ его производящихъ. Кромѣ статей, излагаемыхъ обыкновенно въ этой части механики, Сомовъ ввелъ нѣсколько новыхъ, посвященныхъ главнымъ образомъ изложенію свойствъ геометрическихъ производныхъ, криволинейныхъ координатъ и дифференціальныхъ параметровъ, свойствъ, которыми онъ постоянно пользуется при рѣшеніи различныхъ вопросовъ геометріи и механики. Кромѣ того Сомовъ успѣлъ окончить большую часть 2-го отдѣла механики — статики.

Упомянемъ здѣсь о тѣхъ главахъ книги Сомова, въ которыхъ ему удалось сдѣлать особенно значительныя развитія. Въ главѣ о перемѣщеніяхъ несвободнаго твердаго тѣла онъ предложилъ общій способъ опредѣлять возможные перемѣщенія и изучилъ ихъ свойства. Въ статикѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи о варьяціи массъ, гдѣ значительно упрощены и обобщены выводы формулъ, имѣющихъ важное значеніе въ математической физикѣ, и о потенциалѣ силъ, гдѣ между прочимъ сохранился измѣненный и упрощенный авторомъ, способъ Гауса для вычисленія притяженія однороднаго эллипсоида.

Послѣдняя глава втораго выпуска статики посвящена вопросамъ о силахъ, приложенныхъ къ твердому тѣлу и сохраняющихъ свои направленія и величины при всякихъ перемѣщеніяхъ этого тѣла. Къ силамъ подобнаго рода, кромѣ силы тяжести, можно

отнести также и силу земнаго магнетизма, если пренебречь измѣненіями магнитнаго склоненія и наклоненія для даннаго мѣста. Вопросы этого рода съ успѣхомъ занимались Мёбиусъ и Миндингъ. Послѣ нихъ Сомовъ въ своемъ мемуарѣ (*Mémoire sur les forces qui ne changent pas d'intensité et de direction, quand leurs points d'application forment un système invariable, récoivent un déplacement fini quelconque*) поставилъ и рѣшилъ два общихъ вопроса, къ которымъ сводятся всѣ вопросы о силахъ подобнаго рода. Мы прибавимъ, что эти вопросы можно разсматривать какъ обратные обыкновеннымъ вопросамъ статики твердаго тѣла. Въ послѣднихъ предполагаютъ положеніе тѣла заданнымъ и ищутъ силы уравновѣшивающіяся, въ первыхъ же даютъ силы и опредѣляютъ какое положеніе нужно дать тѣлу, чтобы силы уравновѣшивались. Если бы мы пожелали обратить вниманіе на всѣ развитія различныхъ вопросовъ механики, принадлежащія Сомову, то намъ пришлось бы перечислить большую часть главъ его сочиненія. Неожиданная смерть автора положила конецъ этому труду, который по богатству своего содержанія занялъ бы безъ сомнѣнія одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей математической литературѣ.

Въ 1866 году, вскорѣ послѣ смерти Брашмана, появились въ печати письма, писанныя къ нему академикомъ Остроградскимъ. Въ нихъ возбуждено сомнѣніе относительно точности анализа, которымъ пользовался Лагранжъ при выводѣ уравненій динамики изъ начала наименьшаго дѣйствія. Послѣ этого въ нашей литературѣ появилось нѣсколько статей, имѣвшихъ цѣлью разъясненіе этого начала механики. Сомовъ принялъ также участіе въ обмѣнѣ мыслей по этому вопросу, напечатавъ въ московскомъ Математическомъ Сборникѣ статью о началѣ наименьшаго дѣйствія. Въ ней, формулируя весьма опредѣлительно этотъ законъ, онъ соглашается съ тѣми, которые не видятъ въ анализѣ Лагранжа никакой не точности.

Разсмотрѣвъ въ главныхъ чертахъ ученія работы Сомова, постараемся сдѣлать общее заключеніе.

Зорко наблюдать за усовершенствованіями математическихъ наукъ во всемъ ихъ объемѣ и обогащать нашу математическую литературу главнѣйшими изъ этихъ усовершенствованій, пополнивъ ихъ собственными развитіями— вотъ девизъ Сомова.

Такъ, вскорѣ послѣ того какъ Абель, Штурмъ, Фурье и Коши усовершенствовали алгебраическій анализъ, Сомовъ издалъ сочиненіе объ алгебраическихъ уравненіяхъ и тѣмъ пополнилъ важный пробѣлъ, существовавшій въ нашей литературѣ.

Затѣмъ, когда математическій міръ былъ удивленъ открытіями Абеля и Якоби въ интегральномъ исчисленіи, Сомовъ распространилъ въ нашемъ отечествѣ главнѣйшія изъ этихъ открытій при помощи сначала своей магистерской диссертациі, а потомъ и особаго сочиненія, посвященнаго специально теоріи элитическихъ функцій.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ математической физикѣ обратили на себя особенное вниманіе изслѣдованія Коши въ оптикѣ, и мы видѣли, что Сомовъ, принявши во вниманіе изслѣдованія Коши, рассмотрѣлъ тѣже вопросы совершенно самостоятельно.

Наконецъ, сравнительно въ недавнее время выдвинулись изысканія Ламе относительно криволинейныхъ координатъ, которымъ онъ предсказалъ блестящую будущность. Сомовъ съ большою любовью обратился къ изысканіямъ по этому же предмету, которыя потомъ и положилъ въ основаніе своего курса механики.

Сомовъ былъ врагъ всякой рутины, всякаго педантизма въ наукѣ. Новая математическая мысль, даже новое обозначеніе всегда обращали на себя его вниманіе. Каждая сколько нибудь выдающаяся работа принималась имъ съ большимъ сочувствіемъ, а иногда и находила въ немъ ревностнаго распространителя. Эта черта характера приводила его даже къ увлеченіямъ. Такъ, когда Остроградскій предложилъ особенный знакъ для изображенія корней алгебраическихъ уравненій, рассматривая эти корни какъ функціи коэффициентовъ, Сомовъ ввелъ этотъ знакъ въ свое

сочиненіе объ алгебраическихъ уравненіяхъ, хотя впоследствии самъ Острогадскій отказался отъ этого знака, какъ бесполезнаго.

Лекціи Сомова, отличаясь богатствомъ содержанія, могли конечно, нравиться только тѣмъ слушателямъ, которые, занимаясь самостоятельно, были въ состояніи усвоивать ихъ себѣ и слѣдовать за профессоромъ.

Несмотря на это Сомовъ принадлежалъ къ числу самыхъ любимыхъ и уважаемыхъ профессоровъ. Особенно привлекалъ онъ къ себѣ симпатіи своихъ слушателей своею постоянною готовностью помогать имъ своими познаніями, своими совѣтами и даже библіотекой. Значительная часть библіотеки Осипа Ивановича была всегда въ рукахъ студентовъ.

Научные успѣхи Сомова, высокія качества его души и преданность своему дѣлу доставили ему любовь и уваженіе не только учениковъ, но и товарищей по службѣ. Послѣ того какъ окончился двадцатипятилѣтній срокъ службы его въ университетѣ, послѣдній единогласно избиралъ его три раза на новыя пятилѣтія; а при выходѣ Сомова въ отставку избралъ его въ свои почетные члены.

Только преждевременная смерть положила конецъ тѣснымъ узамъ, связывавшимъ его съ университетомъ. Сомовъ скончался 25-го апрѣля 1876 года отъ апоплексическаго удара. До чего эта смерть была для него неожиданною, видно уже изъ того, что Сомовъ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ просилъ Совѣтъ университета о разрѣшеніи ему пользоваться книгами и журналами университетской библіотеки.

Изъ предъидущаго видно, сколь важны и разнообразны ученые труды покойнаго академика, а также и его педагогическая дѣятельность. Онъ оставилъ послѣ себя имя, которое не будетъ забыто интересующимися успѣхами математики въ Россіи.

*Списокъ ученыхъ трудовъ академика О. И. Сомова*¹⁾.

1. Теорія опредѣленныхъ алгебраическихъ уравненій высшихъ степеней. Москва 1838.
2. Разсужденіе объ интегралахъ алгебраическихъ, ирраціональныхъ дифференціаловъ съ одною перемѣнной. Москва. 1841.
3. Аналитическая теорія волнообразнаго движенія ээира. Часть I. О распространеніи свѣтовыхъ волнъ въ срединахъ, не имѣющихъ двойнаго преломленія. С.-Петербургъ. 1847.
4. Основанія теоріи эллиптическихъ функций. С.-Петербургъ. 1850.
5. Аналитическая геометрія. Курсъ старшихъ юнкерскихъ классовъ училищъ: Николаевскаго, Инженернаго, Михайловскаго Артиллерійскаго и прочихъ специальныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ. С.-Петербургъ 1857. Второе изданіе 1866.
6. Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. С.-Петербургъ. 1861.
7. Начертательная геометрія. С.-Петербургъ. 1862. Второе изданіе.
8. Начальная алгебра. (4 изданія. Последнее 1875).
9. Раціональная механика. Часть I Кинематика. С.-Петербургъ. 1872. Часть II. Статика (два выпуска).

Мемуары, опубликованные въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ.

10. Note sur la rectification graphique de l'ellipse (Bull. phys. math. T. IX, p. 97—100. Mém. math. et astron. T. I p. 172—176). 1850.
11. Démonstration de quelques formules elliptiques de C. G. J. Jacobi (Mélanges math. et astron. tirés du Bull. de l'Acad.

¹⁾ Считаю своимъ долгомъ принести здѣсь мою искреннюю благодарность брату покойнаго академика, А. И. Сомову, за сообщеніе списка ученыхъ трудовъ О. И. Сомова.

- Imp. des sciences. T. I, p. 359—369. Bull. phisico math. de l'Acad. Imp. des sciences. T. X, p. 64—72). 1851.
12. Mémoire sur les axes et les moments principaux des corps homogènes (Bull. phys. math. de l'Acad. T. XII, p. 177—197. Mélanges math. et astron. T. II, p. 5—32). 1853.
13. Solution rigoureuse du problème de la rotation autour d'un point fixe d'un corps solide pesant, lorsque ce corps a deux moments d'inertie principaux égaux et que le point fixe est situé sur l'axe, auquel repond le troisième moment. (Bull. phys. math. de l'Acad. T. XIV, p. 113—135. Mélanges math. et astron. T. II, p. 669—690). 1855.
14. Sur l'équation algébrique à l'aide de laquelle on détermine les oscillations très petites d'un système de points matériels. (Mémoires de Academie VII Série. T. I, № 14, 30 p.). 1859.
15. Mémoire sur un cas particulier de l'homographie plane (Mémoires de l'Acad. VII Série. T. V, № 9, 22 p.). 1862.
16. Mémoires sur les accélérations de divers ordres. (Mémoires de l'Acad. VII Série. T. VIII, № 5, 54 p.). 1863.
Таже работа помѣщена въ «Запискахъ Академіи» т. V, прилож. № 5.
17. Moyen d'exprimer directement en coordonnées curvilignes quelconques, orthogonales ou obliques, les paramètres différentiels du premier et du second ordres et la courbure d'une surface. (Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences VII Série T. VIII № 16. 45 p.) 1864.
Тотъ же мемуаръ помѣщенъ въ «Запискахъ Академіи» т. VIII, приложение № 4).
18. Sur les accélérations de divers ordres dans le mouvement relatif (Bull. de l'Acad. T. IX p. 469—477. Mélanges math et astron. T. III p. 669—680). 1865.
На русскомъ языкѣ въ «Запискахъ Академіи» т. IX стр. 121—132.
19. Note sur la transformation des coordonnées rectilignes rectangulaires en coordonnées elliptiques (Bull. de l'Acad. t. X,

p. 41—48. *Mélanges math. et astron. t. IV p. 1—10*
1866.

На русскомъ языкѣ въ «Запискахъ Академіи» т. XI стр.
295—305.

20. Note sur l'attraction exercée par une couche matérielle
très mince sur un point de sa surface (*Bull. de l'Acad.*
t. XIII p. 1—3. Mél. math. et phys. t. IV p. 274—280).
1867.

21. Note sur la solution, donnée par Abel d'un problème de mé-
canique (*Bull. de l'Acad. t. XIII, p. 469—472. Mél. math.*
et phys. t. IV, p. 338—342). 1868.

На русскомъ языкѣ въ «Запискахъ Академіи», т. XV, ст.
247—251.

22. Note relative à une démonstration donnée par Cauchy des
équations générales de l'équilibre (*Bull. de l'Acad. T. XIV*
p. 381—392. Mélanges math. et astronom. t. IV p. 472—
488). 1869.

Таже работа помѣщена въ «Запискахъ Академіи» т. XVII
стр. 83—98.

23. Note sur la rectification approximative des courbes quel-
conques (*Bull. de l'Acad. t. XV p. 257—261. Mélanges*
math. et astron. t. IV) 1870.

Таже замѣтка помѣщена въ «Запискахъ Академіи» т. XVIII
стр. 25—30.

24. Sur un moyen algébrique de démontrer le principe de Hamil-
ton relatif à l'intégration des équations de la Dynamique
(*Bull. de l'Acad. T. XVII p. 87—97*) 1871.

Тоже изслѣдованіе напечатано въ «Запискахъ Академіи»
T. XIX. стр. 119—133.

25. Sur les vitesses virtuelles d'une figure invariable, assujetties
à des équations de conditions quelconques de forme li-
néaire (*Bull. de l'Acad. T. XVIII p. 161—184*). 1872.

26. Simplification de la méthode de Gauss pour déterminer
l'attraction d'un point par un ellipsoïde homogène et exten-

sion de cette méthode à un ellipsoïde hétérogène (Bull. de l'Acad. T. XIX p. 215—225.) 1873.

Таже работа напечатана въ «Запискахъ Академіи» Т. XXIII стр. 221—234.

27. Note relative au moyen employé par Gauss dans la méthode des moindres carrés pour réduire une fonction homogène quadratique a une somme de carrés. (Bull. de l'Acad. T. XVIII p. 442—448). 1873.

Таже работа помѣщена въ «Запискахъ Академіи» Т. XXIII стр. 26—34.

28. Théorème barycentrique qui donne un moyen d'exprimer la durée d'un mouvement quelconque d'un point par le rapport de deux droites (Bull. de l'Acad. T. XX p. 258—263). 1874.

29. Mémoire sur les forces qui ne changent pas d'intensité et de direction, quand leurs points d'application formant un système invariable, reçoivent un déplacement fini quelconque (Mémoires de l'Acad. VII Série. F. XXII № 9, 41 p.) 18, 5.

30. Очеркъ жизни и ученой дѣятельности Михаила Васильевича Остроградскаго. (Записки Академіи т. III стр. 1—29. 1863).

31. Разборъ сочиненія г-на Бугаева. Сходимость безконечныхъ рядовъ по ихъ внѣшнему виду (отчетъ о XXXII присужденіи Демидовской преміи. Стр. 187—192.

32. Разборъ сочиненія г-на Алексѣева: начала интегральнаго исчисленія (отчетъ о XXXII присужденіи Демидовской преміи).

Мемуары, помѣщенные въ друиыхъ математическихъ журналахъ.

33. Démonstration de formules de M. Jacobi relatives à la théorie de la rotation d'un corps solide (Journal für reine und angewandte Mathematik von Crelle. T. XLII. 2 Heft).

34. Méthode du calcul des fonctions elliptiques de troisième espèce. (Ib. T. XLVII p. 269—289).
35. Construction des axes de l'ellipse au moyen d'un système de diamètres conjugués sans tracer la courbe (Nouv. Annales de mathém. rédigées par Terquem et Gerono).
36. Элементарный способъ вычисления части поверхности или объема шара, заключающейся между плоскостями, непроходящими черезъ центръ (Математическій Сборникъ т. III ст. 79 — 84) 1868.
37. Замѣчанія, относящіяся къ началу наименьшаго дѣйствія (ib. т. V ст. 303—322).
38. О способѣ Гаусса для вычисления междупредѣльныхъ интеграловъ (Журналъ Министерства Путей Сообщенія 1854 г. Томъ XIX стр. 205).
39. Разборъ сочиненія г-на Редера: Приложение начертательной геометріи къ рисованію. Часть I. Теорія тѣней, блестящія точки и правила тушеванія. 1859 (ib. Томъ 30. Библиографія стр. 27).



О ДВУХЪ НОВЫХЪ ТРУДАХЪ ПРЕОСВ. ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

Востокъ христіанскій. Первое путешествіе въ Аернскіе монастыри и ски-ты архимандрита, нынѣ епископа, Порфирія Успенскаго въ 1845 году. Кіевъ. 1877. Въ 6. 8 д. Часть 1-я въ 2-хъ отдѣлахъ, 886 и 841 стр.

Исторія Аюна, его же. К. 1877. 3 тома. Аюонъ языческій; Аюонъ христіанскій, мірскій; Аюонъ монашескій по 1204 годъ. IV, 228; 179; 383.

Статья С. И. Пономарева.

Преосвященный Порфирій, первый викарій кievской митрополіи, давно уже извѣстенъ въ мірѣ ученомъ, какъ глубокій изслѣдователь христіанскаго Востока. Его два «Путешествія на Синай и по Египту» (изд. въ 1856 и 1857 г.) пользуются почетною извѣстностію. Его указатель актовъ, хранящихся на Аюонѣ, былъ первымъ обстоятельнымъ описаніемъ почти 500 письменныхъ тамошнихъ памятниковъ. Разнородные труды его по исторіи Востока (помѣщавшіеся преимущественно въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи») доставили ему отъ с.-петербургскаго университета степень доктора еллинской словесности. Его «Исторія Аюона», появившаяся первоначально въ томъ же Кіевскомъ журналѣ (1871—1873), была первымъ серьезнымъ трудомъ объ Аюо-

нѣ и обратила на себя справедливое вниманіе ученыхъ; нынѣ она издана особо, въ трехъ томахъ, *исправленная и дополненная*. Его библіотека на языкахъ восточныхъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ собраній въ свѣтѣ. Академикъ И. И. Срезневскій, осматривавшій ее еще въ 1867 году, пришелъ къ тому убѣжденію, что ради ея одной археологу необходимо поѣхать въ Кіевъ. И дѣ нынѣ маститый архипастырь, великій трудолюбецъ, продолжаетъ неутомимо работать для науки и приготовилъ ученыхъ трудовъ столько, что для одного изданія ихъ потребовалось бы нѣсколько лѣтъ. Къ сожалѣнію, досужаго времени у него, отъ служебныхъ занятій, мало, и потому-то медленно выходятъ его обширныя сочиненія. Но эта запоздалость ихъ появленія нисколько не умаляетъ достоинства ихъ. Лучшимъ примѣромъ тому служить его «Путешествіе въ Афонскіе монастыри», о которомъ мы хотимъ говорить. Совершенное въ 1845 году, оно и нынѣ, чрезъ 32 года, имѣетъ полную цѣну и важность для науки, какъ это видно будетъ даже изъ нашего сжатаго обзора. Тѣмъ, кто любитъ многосодержательный трудъ, весь проникнутый исторической истиной, мы горячо рекомендуемъ эту книгу.

Характеръ этой книги и вообще ученой дѣятельности своей авторъ самъ очерчиваетъ стихами Лафатера:

«Отыскивать истину въ путаницѣ понятій,
«Предъощущать ее, находить ее,
«Исправлять свои ошибки —
«Вотъ моя утѣха, мое стремленье».

И онъ вполне остается вѣренъ этому девизу. Служеніе истинѣ, гдѣ бы то ни было, проникаетъ собою всю его книгу. Мало того: это путешественникъ вовсе не односторонній; богомольная сторона у него занимаетъ скромное мѣсто и никогда не выставляется на показъ. Это по преимуществу путешественникъ - историкъ и археологъ, путешественникъ - критикъ. Приводя какую нибудь легенду, онъ сейчасъ же провѣряетъ ее несомнѣнными

историческими данными. Вслѣдствіе этого онъ нерѣдко отрицаетъ преданія аеонцевъ, ихъ исторію, ихъ филологію; вмѣсто ихъ повѣрій и объясненій, приводитъ свои, добытые всестороннимъ изученіемъ предмета: и правда всегда на его сторонѣ; здравый смыслъ самихъ аеонцевъ заставляетъ ихъ соглашаться съ нимъ (аеонцевъ, конечно, добросовѣстныхъ и любящихъ правду). Историкъ въ немъ смѣняется изслѣдователемъ нравовъ, даровитымъ рассказчикомъ, поэтомъ даже. Короче сказать, онъ подобенъ тому евангельскому книжнику, который, какъ сокровищница, выдаетъ и старое и новое.

Въ доказательство этого прослѣдимъ, хотя кратко, его путь до Аеона.

Въ іюлѣ 1845 года, авторъ, тогда еще архимандритъ, выѣзжаетъ изъ Константинополя на Аеонъ чрезъ Солунь. По дорогѣ онъ разрѣшаетъ себѣ вопросъ о причинахъ разрозненности славянъ, отчего они доселѣ не сплотились въ одинъ народъ и подпали подъ власть грековъ, турковъ и разныхъ нѣмцевъ (с. 1—2); описываетъ свой путь; видя издали съ разныхъ сторонъ Аеонъ, представляетъ нѣсколько его рисунковъ (стр. 4, 17, 22); очерчиваетъ Солунь; ѣдучи на конѣ, по дорогѣ на Аеонъ, чертитъ путевую карту, съ обозначеніемъ на ней ближнихъ и дальнихъ мѣстностей, и ихъ разстоянія; указываетъ слѣды древнѣйшихъ городовъ; описываетъ сѣрные ключи, металлическія руды; обозначаетъ слѣды славянскихъ поселеній, приводитъ образцы славянизмовъ въ языкѣ тамошнихъ жителей (стр. 15, 19 и 36); описываетъ и срисовываетъ костюмы (15); представляетъ исторію замѣчательнѣйшихъ мѣстъ по пути, пользуясь для этого первыми источниками, греческими и латинскими — и трудами древнихъ и авторитетныхъ путешественниковъ; описываетъ и срисовываетъ остатки древностей; снимаетъ надписи; замѣчаетъ направленіе дороги, характеръ мѣстности; представляетъ обширный историческій очеркъ Сидирокавсіи (Халкидики), приводя значительныя выписки изъ Геродота, Фукидида, Діодора Сицилійскаго и Демосфена; говоритъ о началѣ и судьбѣ христіанства въ попутныхъ

епархіяхъ Кассандрійской и Ериссовской; рассказываетъ о Ксерксовомъ каналѣ; при описаніи разныхъ мѣстъ, онъ нерѣдко излагаетъ миеологическія сказанія о нихъ, о божествахъ языческихъ, и раскрываетъ ихъ смыслъ физическій, религіозно-нравственный и историческій. Вообще, по всему труду его широкою струею разливается классицизмъ, вполне усвоенный имъ въ Петербургѣ, Одессѣ и Вѣнѣ ¹⁾. Серьезный рассказъ свой онъ освѣжаетъ разговорами, характеристиками и анекдотами.

Таково содержаніе первыхъ 57 страницъ его книги.

Прибывъ на Аеонъ, онъ проживаетъ въ монастыряхъ отъ 5 до 16 дней въ каждомъ и описываетъ ихъ всесторонно, за исключеніемъ развѣ богослужебной и обрядовой стороны, которой касается онъ изрѣдка. Свои описанія монастырей онъ располагаетъ по слѣдующему плану:

1. Справедливо признавая замѣчательно-тѣсную связь языческой миеологіи съ христіанствомъ на Аеонѣ и приходя къ убѣжденію, что безъ знанія миеологіи нельзя понять Аеона многобожнаго, авторъ въ начало исторіи всякаго монастыря ставитъ сказанія о встрѣчѣ язычества съ христіанствомъ на данной мѣстности; затѣмъ излагаетъ *первоначальную* судьбу монастыря или скита, предполагая сдѣлать цѣльную исторію каждого изъ нихъ предметомъ особаго сочиненія.

2. Описаніе мѣстоположенія обитателей, ихъ святынь, живописи, утварей; снимки надписей на вещахъ, зданіяхъ, стѣнахъ монастырей; описаніе замѣчательнѣйшихъ рукописей, съ выдержками нерѣдко весьма обширными. Особенно много предлагаетъ онъ матеріаловъ для исторіи иконописи и просвѣщенія. Говоря объ иконахъ, онъ опредѣляетъ ихъ вѣкъ, достоинство работы, типичность и племенные особенности фигуръ и прихо-

¹⁾ Классицизмъ сослужилъ ему великую службу, особенно въ его «Исторіи Аеона»; безъ него многое осталось бы для автора темнымъ и совершенно неразгаданнымъ во всѣхъ періодахъ аеонской жизни.

дѣтъ иногда къ важнымъ и новымъ выводамъ, какъ напр. тотъ, что христіанство вошло въ Россію по Дону и Волгѣ изъ Египта и Сиріи ранѣе, чѣмъ по Днѣпру изъ Византіи (I, 224). Съ обширными выписками его по исторіи просвѣщенія подробно ознакомимся ниже.

и 3. Замѣтки о числѣ монаховъ въ каждой обители, объ ихъ преданіяхъ и толкахъ, о монастырскихъ имѣніяхъ и доходахъ съ нихъ и пр. При этомъ онъ дѣлаетъ характеристики настоятелей ихъ и другихъ властныхъ и почетныхъ старцевъ, и характеристики эти весьма мѣткі, какъ можетъ свидѣтельствовать пишущій эти строки, самъ прожившій на Аѳонѣ немалое время.

Все замѣченное по такому плану онъ немедленно вносилъ въ дорожный дневникъ свой, въ *домикъ памяти*, какъ онъ выражается (стр. 167), и потому описанія его свѣжи, ярки, безукоризненно точны.

Такъ онъ описалъ въ настоящихъ книгахъ девять монастырей и три скита. Тогда же онъ сдѣлалъ множество рисунковъ со всего замѣчательнаго, что встрѣчалъ онъ на Аѳонѣ; но всѣ они войдутъ въ особое его «Живописное обозрѣніе Аѳона», и только часть рисунковъ и снимковъ (около 60) вошла и въ его «Путешествіе». Здѣсь вы встрѣтите виды, иконы, древности, планы, надписи, костюмы, ноты.

Описаніе обителей онъ сопровождаетъ частыми выписками изъ извѣстнаго путешествія Барскаго и Проскинитарія аѳонскаго 1772 года, сопровождая ихъ своими дополненіями и поясненіями. Обширныя выписки изъ актовъ монастырскихъ и разныхъ историческихъ рукописей вошли отчасти и въ настоящую книгу, отчасти въ его «Исторію Аѳона», а большею частію войдутъ въ особое изданіе его «Статистику Аѳона». Кромѣ актовъ и указанныхъ книгъ, источниками ему служили — весьма дѣльное описаніе Аѳона (въ рукописи) есфигменскаго игумена Θεодорита (1805 — 1817) и критическое разсужденіе о началѣ монашества

на Аеоиѣ (тоже въ рукописи) какого то Филооеята (стр. 154, 333, и II, 127).

Пойдемъ же теперъ за нимъ изъ монастыря въ монастырь, останавливаясь лишь на томъ, что онъ расскажетъ намъ самаго замѣчательнаго.

По случайнымъ обстоятельствамъ, онъ сначала рассказываетъ нѣчто объ Иверѣ, но полное описаніе этой обители у него слѣдуетъ далѣе; тогда мы выслушаемъ его объ Иверѣ разомъ. Теперъ начнемъ съ *Русика*.

Въ *Русикѣ* онъ перечиталъ и переписалъ почти всѣ акты монастыря, начиная съ 1030 года ¹⁾. Изъ нихъ онъ заключаетъ, что первоначальное поселеніе русскихъ на Аеоиѣ, послѣ препод. Антонія, было въ обители Ксилургу (Древодѣля), между 1060 — 1081 г. Когда число ихъ умножилось, имъ данъ былъ, по указу императора Алексѣя Комнина, монастырь Фессалоникійцевъ (нынѣ Старый Русикъ). Но русскіе недолго жили на Аеоиѣ: отъ жившихъ тамъ же семействъ Валахскихъ произошло на Аеоиѣ *скоромное зло*, о которомъ стыдно говорить и слышать; разнесся слухъ, что по этому поводу патріархъ наложилъ на монастыри прещеніе и проклялъ даже дерева и воду; вслѣдствіе этого, игумены, монахи, безмолвники ушли полнымъ домою съ Аеоиа,—изъ 180 монастырей тогда бывшихъ на Аеоиѣ опустѣло 120, а въ прочихъ остались только хромые да слѣпые старики; покинули тогда и русскіе монастырь свой и обитель Ксилургу (весьма въ плохомъ состояніи) и ушли, принеся съ собою поговорку: «*иди чертъ не возьметъ, туда бабу пошлетъ*». Мѣсто русскихъ заняли въ 1143 — 1169 г. другіе Россы — далматскіе сербы, отъ которыхъ и обитель получила названіе обители Русовъ. Изъ уцѣлѣвшихъ актовъ видно, что этотъ монастырь съ 1169 г. по 1705 принадлежалъ монахамъ сербскимъ, которыхъ

¹⁾ Они недавно изданы самимъ Русикомъ, съ пояснительными примѣчаніями. Кіевъ 1873, въ 8-о. VIII, 24 и 618 стр.

игумены всегда подписывались *по сербски*. Здѣсь, какъ *въ родномъ достояніи*, постриженъ былъ въ монашество сынъ великаго Жупана Сербіи, впоследствии св. Савва, архіепископъ сербскій. Но память о первыхъ насельникахъ монастыря изъ *нашихъ* Россовъ держалась въ немъ. И когда Сербія пала, то, по просьбѣ сербской деспотицы Ангелины (1509 г.), великій князь Василій Іоанновичъ принялъ подъ свое покровительство Аѳеонорусскій монастырь, какъ отчину свою. Съ тѣхъ поръ небольшія милостыни шли изъ Москвы въ Русикъ, но наши монахи въ немъ не жили. Въ 17 вѣкѣ онъ было сдѣлался жилищемъ птицъ и звѣрей. Потомъ, въ 1705 году властные святогорцы порѣшили было учредить на Аѳеонѣ одинъ монастырь русскій; но попытка не удалась: въ 1744 г. уже не было тамъ ни одного русскаго монаха. И монастырь исчезъ бы, если бы не поддержали его господа молдовлахійскіе и иноки греческіе. Въ 1812 г. онъ съ основанія построенъ кн. Калимахи на новомъ мѣстѣ, у морскаго берега. Такимъ образомъ Русикъ вовсе не искони и не постоянно принадлежалъ русскимъ. И только съ октября 1840 года, заботами духовника русскихъ аѳеонцевъ, о. Іеронима, монастырь заселился русскими, возвеличился и обогатился, такъ что нынѣ въ немъ и самый игумень изъ русскихъ (*второй* за все время существованія монастыря ¹⁾).

Въ нынѣшнемъ Русикѣ авторъ немного нашелъ замѣчательнаго, но не опускаетъ ничего, стоящаго вниманія. Между прочимъ, представляя рисунокъ двубедреннаго наоя (с. 90), составленнаго въ видѣ четырехъ змѣй, онъ трактуетъ о змѣевидныхъ буквахъ, послужившихъ началомъ всякой письменности. Всего

¹⁾ Издатели вышеупомянутыхъ «Актовъ» (К. 1873) и книги «По поводу вопроса объ Аѳеонскомъ монастырѣ св. Пантелеимона» (Спб. 1874 г., 8-о, 187) не раздѣляютъ этихъ выводовъ преосв. Порфирія, вѣроятно, потому, что у нихъ не было подъ руками всѣхъ тѣхъ источниковъ, какіе были у него. Преосв. Порфирій зналъ объ эти книги и тѣмъ не менѣе остался при своихъ выводахъ. Онъ любитъ Аѳеонъ, но истину еще больше.

болѣ авторъ обращаетъ вниманіе на бібліотеку монастыря и въ ней на старинныя рукописи; онѣ для него лучше всѣхъ въ мірѣ профессоровъ. Здѣсь онъ вполне въ своей сферѣ. Весьма серьезно образованный, превосходно знающій древніе и новѣйшіе языки, онъ свободно читаетъ, изучаетъ, переводитъ и многое переписываетъ изъ разныхъ рукописей. Все хорошее и достойное онъ обѣщаетъ помѣстить въ особомъ каталогѣ аеонскихъ рукописей, а теперь передаетъ только нѣчто, интересное для науки, особенно богословской. Такимъ образомъ, онъ приводитъ выписки изъ рукописей Свящ. Писанія, богословскихъ книгъ, твореній св. отецъ, законовѣдѣнія, сборниковъ, писемъ, медицины, языковѣдѣнія. Изъ рукописей Свящ. Писанія онъ разсматриваетъ псалтирь, по изданію Святоградца, 1194 г. и другую — XIII в., и третью, въ стихахъ, еписк. Аполлинарія, 370 года. При этомъ говоритъ о ихъ особенностяхъ, приводитъ объясненіе надписей надъ псалмами, находитъ, что у грековъ былъ акаѳистъ Иисусу еще въ XIII в. Особенно заинтересовываетъ его Новый Заветъ X в. (переписанный съ изданія Козмы Индоплателя), своею замѣчательною припиской. Историки церкви, конечно, обратятъ вниманіе на тщательный анализъ ея и другой подобной приписки 14 в., сдѣланный авторомъ (с. 108 — 113). Любуясь точностію греческихъ рукописей св. писанія, онъ настоятельно предлагаетъ издать ихъ, чтобы имѣть наконецъ текстъ св. писанія найдревнѣйшій (115). Тоже потомъ говоритъ онъ и касательно твореній отцовъ Церкви (125, 227, 229) и по этому поводу сильно возстаетъ противъ изданій нѣмцевъ (см. также II, 144 — 145). По отношенію къ св. Писанію, онъ считаетъ замѣчательною рукопись «*Амфилохія* или толкованіе рѣченій св. писанія и отвѣты патр. Фотія на разные вопросы м. Амфилохія». Подобная ей рукопись напечатана монахами Аеонской Лавры въ Аѳинахъ и посвящена нашему Государю (стр. 116).

На богослужебныхъ книгахъ Русика остановимся на минуту по слѣдующему обстоятельству. Когда-то *Искандеръ* печатно упрекалъ русское духовенство, что оно изъ словъ литургійныхъ

«*Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите*» эскамотировало слово «*любовію*» (вѣрою и любовію приступите). Но вотъ въ рукописи 1409 года, читанной преосв. Порфиріемъ, этого слова вовсе нѣтъ (с. 116), и прибавка эта у грековъ — недавняя. Какъ иногда легковѣрны умные люди!

По объясненію Твореній отцевъ церкви замѣчательны, по словамъ автора: Изъясненія къ словамъ Григорія Богослова, драгоценная рукопись XI в., гдѣ найдешь всю ученость того времени. Вышнимъ образомъ замѣчательны «слова царя Льва Мудраго, *говоренныя имъ въ разныхъ церквахъ*; — впрочемъ, въ словахъ этихъ говорливости много, а мудрости мало, по мнѣнію преосв. Порфирія. Изъ писемъ укажемъ на письма Ефрема (патріарха іерусал. 1761 г.), который насчитываетъ 170 разностей между католиками и православными. Любопытно, что въ XI вѣкѣ настоятель Ивера, св. Георгій, въ бесѣдѣ съ царемъ Константиномъ Дукою, говорилъ: нѣтъ у насъ *никакой* разности съ римлянами, *только бы вѣра была правая* ¹⁾.

Изъ рукописей по Медицинѣ (которую авторъ называетъ *кладбищною наукой*), онъ извлекаетъ длинный трактатъ по исторіи медицины греческой (128 — 141).

По языковѣденію — онъ списываетъ изъясненіе египетскихъ іероглифовъ, составленное Оромъ Аполлономъ; думы автора надъ содѣлательностію іероглифовъ привели его къ мысли, что іероглифы — не первоначальное письмо, и вотъ онъ предлагаетъ выработанные имъ изъ найдревнѣйшихъ памятниковъ образцы письма первобытнаго (с. 145 — 154). Отсылая читателя къ этому любопытному трактату, мы здѣсь замѣтимъ только, что глаголитскую азбуку авторъ считаетъ весьма древнею, что она первоначально читалась отъ правой руки къ лѣвой, стало быть выдумана въ Азійскихъ Рассамахъ или Россамъ, принадлежавшими къ найдревнѣйшему племени арійскому, что она старше Кириллицы и

¹⁾ Исторія Алона, ч III, стр. 193.

что изъ нея заимствовалъ Кириллъ, апостолъ славянскій, буквы: ж, ч, ш, щ, ъ, ы, ъ. Съ любопытнымъ памятникомъ глаголицы встрѣтимся мы далѣе.

Изъ Русика авторъ нашъ отправляется *въ Лавру св. Аѳанасія*. Истинный классикъ, онъ не только въ библіотекахъ, но и по дорогѣ всякій разъ касается миеологіи, когда представляется необходимость объяснить историческую судьбу той или другой мѣстности. О чемъ ни говоритъ онъ, ко всему принизываетъ классическія воспоминанія, «какъ жемчугъ къ рубинамъ, изумрудамъ, топазамъ, яхонтамъ» (с. 167). Но пылкая любовь къ классицизму нисколько не мѣшаетъ ему сознавать и выразить такое убѣжденіе: «Да, Религія — сила животворящая! А что такое классицизмъ? Что такое философія? Это — бѣлила и румяна для лица, и золотой порошокъ, насыпаемый въ черные волосы и нимаю не позлащающій ихъ» (169). Прекрасны здѣсь страницы, гдѣ онъ описываетъ свое восхожденіе на вершину Аѳона и виды оттуда (168—172); поэтъ смѣняется историкомъ, съ вершины онъ чертитъ карту всего Аѳона и передаетъ краткую исторію Аѳона отъ 2500 года до Р. Хр. по 1520 годъ по Р. Хр. (с. 173—176). Далѣе — описанія мѣстности, рассказы о жизни подвижниковъ, историческія воспоминанія о заселеніи Аѳона монахами перевиваются миеологическими преданіями о мѣстности. Религіозность побуждаетъ его сказать подобающее слово о христіанскихъ святыхъ; наука требуетъ отъ него воспоминаній о миеахъ, чтобы объяснить то или другое. И благочестивое чувство читателя не смущается словами автора, что на вершинѣ Аѳона нѣкогда стояла статуя Зевеса, изъ чистаго золота, съ діамантовыми глазами, что на мысѣ Нимфейскомъ были чтимы свѣтолѣпныя, красивыя и нагія красавицы-нимфы, какъ образцы дѣвческаго цѣломудрія.

Въ библіотекѣ лаврской авторъ выбралъ 60 рукописей, древнихъ, съ означенными на нихъ годами появленія ихъ, и новыхъ, замѣчательныхъ по содержанію, и выписалъ изъ нихъ все замѣчательное. Полная опись и каталогъ ихъ войдутъ въ его

«Статистику Аѳона»; здѣсь онъ передаетъ только содержаніе рукописи 1708 г., заключающей въ себѣ ученіе св. Григорія Паламы и борьбу его съ врагами Церкви; предлагаетъ существенную характеристику Паламы, какъ писателя, его богословской школы и приводитъ краткія, кристаллизованныя изреченія отцовъ (229—262). При этомъ онъ характеризуетъ и себя: «Люба мнѣ священная краткость Богословія, но возлюбленнѣе *simplicitas sancta* (святая простота) нашего Символа Вѣры. Этотъ Символь есть насущный хлѣбъ души, безъ котораго она не можетъ жить вѣчноблаженно; а Богословіе есть *веле утѣшеніе на братской трапезѣ*, безъ котораго можно обойтись, какъ обходятся милліоны неграмотныхъ людей» (262). Изъ лаврскаго архива извлекаетъ онъ матеріалы для исторіи церкви русской и сношеній ея съ Востокомъ, при Θεодорѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Великомъ (265).

На пути изъ Лавры, онъ указываетъ мѣсто Амальфинскаго монастыря, построеннаго итальянцами въ X вѣкѣ, но исторію его онъ еще не уяснилъ себѣ во всей полнотѣ (с. 314—317).

Въ описаніи *Филоеевскаго* монастыря, отмѣтимъ мнѣніе автора объ иконахъ, приписываемыхъ св. апостолу Лукѣ (321—326). Сущность его та, что св. апостоль постоянно въ древнѣйшихъ памятникахъ называется врачомъ, а не иконописцемъ, что объ иконахъ его не вѣдали ни историки, ни отцы Церкви до IX вѣка, что онъ живо изобразилъ пресв. Дѣву, но не красками, а словомъ, не на доскѣ, а въ своемъ евангеліи, что онъ живописецъ душевной красоты и внутренняго величія ея. — Въ библіотекѣ *Филоеевскаго* монастыря авторъ нашелъ двѣ славянскія рукописи XIV в., «*Номоканонъ*» и «*Патерикъ*», и приводитъ изъ нихъ выписки любопытныя по содержанию, указывая ихъ особенности въ правописаніи и языкѣ (326—332). На основаніи ихъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что миссійскіе (болгарскіе) славяне древле, чтó писали, то писали буквами греческими, и потому привыкли къ ихъ просодійнымъ придыханіямъ и къ знакамъ пре-

пинанія, и эту давнюю вѣковую привычку свою не оставили даже и тогда, когда имъ пришлось писать книги Кириллицею. Съ другой стороны, славяне миссійскіе и сербохорватскіе долго жили подъ владычествомъ латинъ и потому привыкли латинословить и переводить глаголы амау(i)егам — *любилъ бытъ*, dedi(e)sses — *далъ еси* (333).

Въ обители *Ксиропотамской* авторъ не нашелъ никакихъ рукописей, но въ ней онъ встрѣтилъ три рѣдкія печатныя книги, изъ коихъ одна, «*Стефана Византійскаго о городахъ*» (1678, Амстердамъ), послужила ему источникомъ для исторіи Аѳона. Въ архивѣ обители онъ обнаруживаетъ замѣчательнѣйшій подлогъ въ двухъ спискахъ съ хрисовула царя Романа, писанныхъ на пергаментѣ (стр. 350—368). Списки эти разнятся и противорѣчатъ другъ другу, исторіи и хронологіи, и авторъ разбираетъ ихъ остроумно, неумолимо-строго, и приходитъ къ тому выводу, что подлинный хрисовулъ едва-ли существовалъ. Такой же подлогъ раскрываетъ онъ и въ хрисовулѣ царя Андроника. Оба они сочинены въ концѣ 17 вѣка малоученымъ аѳонцемъ. Съ блестящимъ остроуміемъ разбираетъ нашъ авторъ такой же подложный хаттишерифъ султана Селима (стр. 372—376). Прочитавъ его разборы, невольно скажешь — справедливо восклицаетъ авторъ словами Ювенала: *pendax Graecia! Лживая Греція!* Исторія Ксиропотамскаго монастыря — самая запутанная, и авторъ основательно радуется, что ему удалось ее разъяснить. Этимъ кончается первая часть книги.

Въ монастырѣ *св. Павла* авторъ возстановляетъ подлинную біографію основателя его, которую аѳонцы превратили чуть не въ мифъ, и скромно говоритъ, что свѣдѣнія его о судьбѣ обители скудны. «Примите и малое. Гривенникъ не рубль, однако и за него можно купить немного хлѣба и утолить голодь» (2, 12). За то здѣсь ему посчастливилось сдѣлать два замѣчательныя открытія въ бібліотекѣ. Надо сказать сначала, что монастырь этотъ съ 1354 г. заселили сербскіе монахи, которые и жили тамъ до 1740-хъ годовъ. Этимъ объясняется то, что авторъ

встрѣтилъ здѣсь *древній Ресаавскій переводъ свящ. Писанія* съ греческаго языка на славянскій, именно Апостолъ, рукопись 1638 г.; авторъ приводитъ изъ нея отрывки и предлагаетъ свои объясненія (с. 16—22). Ресава — округъ въ с.-в. Сербіи, между рѣками Великою Моравою и Млавою; тамъ былъ монастырь Раваница, котораго монахи, по порученію деспота Сербіи Стефана Высокаго (1389 — 1427), явились *пръводниками* св. Писанія и мастерами *добрыхъ книжныхъ изводовъ* (изданій); объ ихъ трудахъ съ похвалою отзывался Константинъ, философъ Костеньчскій. На основаніи этого перевода, преосв. Порфирій заключаетъ, что въ наилучшихъ церковно-славянскихъ переводахъ свящ. Писанія рѣчь не сербская и не болгарская, а словенорусская, и что лучший церковный языкъ есть тотъ, которымъ славословимъ Бога мы. Переводъ сдѣланъ съ греческой рукописи не позже IX в. Кромѣ этой богословской новости, авторъ оповѣщаетъ и другую — *четырнадцать проповѣдей* російскаго митрополита Григорія Цамблака (сконч. 1420 г.). Авторъ всѣ ихъ переписалъ для себя и въ книгѣ приводитъ обширные отрывки изъ нихъ и свое мнѣніе объ этомъ замѣчательномъ ораторѣ (с. 22 — 64). Важное значеніе этихъ двухъ открытій оцѣнить историки Церкви, филологи и историки литературы. Въ той же обители онъ нашелъ «Лѣтовникъ Георгія Амартола» на славянскомъ языкѣ (с. 88), но не сообщаетъ о немъ никакихъ извѣстій.

На пути къ малому Аеону, въ развалинахъ церкви онъ замѣчаетъ черепичныя трубки, вставленныя одна въ другую, и угадываетъ въ нихъ *юлосники*, которые вставлялись въ стѣны церквей для того, чтобы голоса пѣвцовъ громче раздавались по всему храму (с. 89 — 90). Нахожденіе подобныхъ голосниковъ и въ другихъ развалинахъ, относящихся къ 5 вѣку, показываетъ, что древніе христіане были большіе любители пѣнія. Въ церкви монастыря *Діонисіатскаго* онъ останавливаетъ свое вниманіе на иконѣ, на которой архимандритъ сирійскихъ монаховъ изображенъ въ бѣломъ клубкѣ; и такъ, вотъ откуда бѣлые кло-

буки, изъ Сиріи! (стр. 98). Смотрите рисунки этихъ клубуковъ въ 1-й книгѣ, стр. 223.

Въ *Григоріатской* обители (также бывшей славянской) авторъ находить въ одной рукописи извѣстіе, что нѣкоторые наши корабли и полки въ 1805 г. содѣйствовали ея обновленію, а поминать вкладчиковъ едва-ли кто поминалъ, по незнанію русскаго языка, такъ какъ обитель стала уже греческою (с. 126 — 127). Другая рукопись содержитъ въ себѣ вѣрное и отчетливое описаніе монастырей аеонскихъ и ихъ мѣстностей, составленное игуменомъ Есфигменской обители Θεодоритомъ (1805 — 1817); это драгоценный матеріалъ для исторіи Аеона. «Цѣны ей нѣтъ!» восклицаетъ авторъ и переписываетъ ее всю. Изъ третьей рукописи онъ излагаетъ жаркіе споры аеонцевъ между собою о времени поминовенія усопшихъ, споры, которые въ 1770 — 1809 годахъ волновали весь Аеонъ, всѣхъ его богомольцевъ и даже Церковь Константинопольскую. Среди этихъ споровъ одни аеонцы говорили о другихъ «еретики, фармасоны: они учатъ, что І. Христосъ былъ ремесленникомъ, они унижаютъ Его божественность» (стр. 127 — 131). Внимательно же читали Евангеліе эти аеонцы! — Замѣченныя авторомъ здѣсь приходо-расходныя тетради монаховъ, длинныя и узкія, даютъ ему поводъ сказать, что такія книги греки понынѣ называютъ *дифтерами*, что ихъ-то и разумѣлъ св. апостолъ Павелъ, когда одному изъ учениковъ своихъ велѣлъ принести ему *дифтеры*, и потому напрасно хотятъ видѣть въ нихъ походную библіотеку сего вселенскаго учителя, глаголавшаго всегда по вдохновенію отъ Духа Божія и не нуждавшагося въ книжной мудрости человѣческой (136). Конечно, такъ; но дѣло въ томъ, что въ греческомъ текстѣ Новаго Завѣта эти книги называются не дифтерами, а *мем-еранами*.

Въ м. *Симонетръ*, исчисляя святыхъ его, авторъ дѣлаетъ слѣдующую любопытную замѣтку: «Много св. мощей на Аеонѣ, очень много. Но жаль, что здѣшніе монастыри не имѣютъ запи-

сей о происхожденіи ихъ, такъ-что не знаешь: кто и когда принесъ эти святыни, за исключеніемъ немногихъ изъ нихъ, которыхъ датели извѣстны. Впрочемъ, «*любы всему стру емлетъ*». Огонь же предъ общимъ воскресеніемъ всѣхъ людей испепелить и св. мощи; а изъ праха Всемогущій возсоздастъ новыя тѣла духовныя» (138). — Въ библиотекѣ монастыря онъ встрѣчаетъ рукописи св. Писанія XII и XIV в., которыя называетъ *основными*, и снова горячо рекомендуетъ ихъ для возстановленія подлиннаго текста, и снова нападаетъ на нѣмецкихъ книгопродавцевъ, которые, по слѣпности и скупости, допустили разночтенія въ сдѣланныхъ ими изданіяхъ. «Ужь мнѣ эти нѣмцы! — восклицаетъ онъ. Ищутъ истины, а найти ее не умѣютъ, и потому напоминаютъ собою разбойничьихъ коней, которые непрестанно порываютъ-сворачивать съ большой дороги въ сторону. Счастливы имъ оставаться тутъ» (с. 145).

Въ описаніи м. *Иверскаго*, гдѣ авторъ былъ два раза, онъ между прочимъ предлагаетъ классическія замѣтки о зеленомъ мраморѣ, изъ котораго изсѣчены колонны и полъ въ обители; съ любовью говоритъ о греческомъ пѣніи, которое далеко не такъ монотонно, какъ инымъ кажется. Авторъ изучилъ греческую церковную музыку, и въ монастырѣ его, въ Кіевѣ, разъ въ году поется обѣдня по греческимъ нотамъ. Образецъ руладъ греческихъ онъ приложилъ въ книгѣ (ч. I, стр. 72). Тогда же записываетъ онъ образецъ греческой архіерейской проповѣди (73). Посѣтивъ во второй разъ Иверъ, авторъ представляетъ критическое изслѣдованіе явленія Иверской иконы Божіей Матери, образъ которой такъ уважается у насъ въ Москвѣ (ч. II, стр. 159—171). Существованіе иконы авторъ относитъ къ началу IX вѣка, къ г. Никеи; тамъ благочестивая вдова, опасаясь гоненій отъ иконоборцевъ, пустила по морю образъ Богоматери, и онъ 170 лѣтъ держался на морѣ у какого-то никѣмъ непосѣщаемого и тихаго берега морскаго на о. Лимносѣ, и отсюда морскимъ теченіемъ въ 999 году принесенъ былъ къ Аѳону, гдѣ увидѣли его монахи и приняли, и вотъ онъ существуетъ въ монастырѣ уже

877 лѣтъ. — Съ особенною похвалою и неразъ отзывается авторъ объ обычаѣ аеонцевъ устраивать придѣлы въ западной части церкви, съ боковъ ея, со внутренними входами съ сѣвера и юга, и считаетъ его весьма разумнымъ, ибо въ такихъ придѣлахъ можно совершать, какія нужно, священнодѣйствія *въ одну часъ* съ священнодѣйствіемъ, совершаемымъ въ главной церкви, чего не можемъ дѣлать мы, ставящіе придѣльные алтари въ части храма восточной. Многое заняли мы у аеонцевъ, но не переняли у нихъ искусства строить церкви разумно, знаменательно и удобно для священнослуженія и здоровья (ч. II, 182; I, 202). Большое вниманіе обращаетъ онъ на иконы Иверской обители, которыя подробно описываетъ и прилагаетъ рисунки съ нихъ. На одной изъ этихъ иконъ, «Упованіе христіанъ», въ лѣвой рукѣ Богоматери виситъ хартія, на которой начертана слѣдующая превосходная надпись, въ видѣ разговора Богоматери съ Ея Сыномъ-Человѣколюбцемъ (стр. 200 — 201):

«Пріими прошеніе
Твоей матери, Милостиве.
— Чего просишь, Мати?
«Людамъ спасенія.
— Они прогнѣвали Меня.
«Помилуй ихъ, Сыне мой.
— Но они не обращаются.
«Спаси ихъ благодатно.
— Получать избавленіе. —

Въ бібліотекѣ Иверской авторъ съ особеннымъ усердіемъ изучаетъ два толстые рукописные сборника, одинъ XVII в., другой 1514 года, въ которыхъ всѣ статьи взяты изъ разныхъ рукописей. Подобные сборники — говоритъ онъ — у грековъ называются *куварасами*. А кувар - ась тоже, что у насъ кубарь или клубокъ, на который наматываются нитки, ленты, сурки. Въ

самомъ дѣлѣ сборники походятъ на такіе клубки. Въ нихъ помѣщены разныя разности, богословскія, философскія, историческія, каноническія, географическія и пр. и проч. Перелистываешь ихъ, и словно *кубаремъ катишься* по тропамъ человѣческаго знанія (102). Сборники эти называются и *паноектами*, а паноектъ можно перевести по русски такъ: *Все тутъ есть* (стр. 204). Изъ этихъ - то сборниковъ авторъ приводитъ разнообразныя и обширнѣйшія выписки (204—310). Изъ нихъ вниманію классиковъ предлагаемъ неизвѣстныя стихотворенія Θεокрита (с. 219—247), сочиненныя такъ, что расположеніе стиховъ изображаетъ въ одномъ свирѣль, въ другомъ крыло, въ третьемъ сѣкиру, въ четвертомъ жертвенникъ, въ пятомъ — яйцо. Въ видѣ подобныхъ рисунковъ авторъ и приводитъ стихотворенія, говоритъ о самомъ Θεокритѣ и предлагаетъ объясненія къ дикувиннымъ его піесамъ, составленныя въ XIV вѣкѣ. Онъ такъ усердно сообщаетъ все это, что его умъ отъ этой поэзіи и наипаче отъ толкованія ея *зацѣпъ* (с. 239). А въ другомъ мѣстѣ прямо говорить: «Наскучила она мнѣ» (247), и отказывается «сварить, облупить и въ ротъ положить *яйцо* Θεокрита». И намъ кажется, что многія выписки могли бы спокойно войти въ Статистику Аэона, а въ описаніи путешествія они — излишняя роскошь; они слишкомъ отвлекаютъ вниманіе и отъ Ивера и отъ Аэона. Несравненно болѣе интересны образцы греческой словесности, называемой имъ *плакущей* (по примѣру ивы плакущей). Это, во 1-хъ, плачь Іоанна діакона Евгеника о взятіи Константинополя (с. 247—256). Дѣйствительно, вопли его и долгія заунывныя причитанья щемятъ сердце. Въ нихъ дышетъ чувство истинной скорби, отчаянія, любви къ павшему городу. Болѣе сжать и едва ли не болѣе потрясающій другой плачь — плачь евреевъ по Іерусалимѣ (257—258). Пламенные слезы чуются и въ плачѣ патріарха Фотія, когда россы осаждали Константинополь въ 864 г. (259—261). Святитель особенно горько рыдаетъ при мысли, что можетъ пасть храмъ св. Софіи, «недреманное око *вселенной*», и призываетъ къ рыданію дѣвъ, юношей, матерей, дѣ-

тей. Чисто-историческимъ характеромъ, многими ужасными подробностями отличается плачь неизвѣстнаго автора о Солунѣ, и о томъ, что происходило въ Солунѣ, предъ взятіемъ его турками (264 — 268). Любители церковной поэзіи обратятъ вниманіе на плачи духовные, покаянныя (273 — 277), и на изъясненіе разговора между Спасителемъ и Матерію Его на бракъ въ Канѣ (278), и на изъясненіе нѣкоторыхъ ирмосовъ (283 — 286). Для историковъ церкви интереснымъ будетъ вѣроисповѣдное посланіе Святгорцевъ къ царю Михаилу Палеологу, спѣшившему соединить съ ними латинцевъ (с. 288 — 301). Пастыри Церкви обратятъ вниманіе на древніе церковные обычаи при литургіи и рукоположеніи (с. 305, 306 и 308). Наконецъ въ Иверскомъ же монастырѣ авторъ находитъ судебное Солунское дѣло 982 г., которое неожиданно показываетъ ему давнюю давность глаголицы. Здѣсь онъ усмотрѣлъ и прочелъ глаголитскія буквы въ 4 ряда около креста, служащаго въ дѣлѣ свидѣтельскимъ знакомъ; онъ снялъ точную копію съ нихъ, рассмотрѣлъ всѣ обстоятельства дѣла и пришелъ къ выводу, что эта подпись старше всѣхъ извѣстныхъ памятниковъ глаголицы. Изъ судебного дѣла и изъ современнаго ему хрисовула царя Романа 960 г. оказывается, что въ 960 году, подлѣ города Териссо, жили рабы болгары, что глаголитское письмо было имъ извѣстно уже въ 10 вѣкѣ, что глаголитскую письменность признавали и солунскіе судьи, что буквы подписи такія же, какими писались и богослужебныя книги; стало быть, богослуженіе у этихъ славянъ совершалось по книгамъ глаголическимъ (стр. 310 — 316).

Поѣздка автора въ *Иверо-предтеченскій* скитъ познакомила его съ диковиннымъ мученикотворцемъ. Надо при этомъ сказать, что всѣ авоины вѣрятъ и учатъ, что христіане потурчившіеся могутъ спастись только тогда, когда раскаются, примутъ св. муропомазаніе и послѣ чрезвычайныхъ пощеній, многихъ слезъ, земныхъ поклоновъ (отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ въ сутки, а поясныхъ безъ счету), пойдутъ къ мусульманскому судѣ, проклянутъ предъ нимъ Магомета, исповѣдаютъ Христа какъ Бога,

заушаты судью или слугу его и будутъ замучены турками. Поэтому аеонцы ищутъ такихъ несчастливцевъ, готовятъ ихъ, какъ сказано, и провожаютъ ихъ къ вольной смерти за Христа; потомъ они покупаютъ ихъ тѣла у турецкихъ стражей, дробятъ ихъ на части, привозятъ въ свою обитель (вмѣстѣ съ разными тряпками и веревками) и собираютъ дань съ темнаго, но набожнаго люда. Примѣры такого мученичества были въ 1814—1818 годахъ; скоро они стали извѣстны въ Европѣ, и Порта, по настоянію посланниковъ, особенно лорда Коулея, предписала всѣмъ помѣстнымъ властямъ — не лишать жизни христіанъ потурчившихся и опять обратившихся ко Христу. Авторъ отнесся сначала къ такому самозванному мученичеству неблагопріятно, бесѣдовалъ объ этомъ съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ (с. 338); владыка, не одобряя выставки мощей для наживы, защищалъ аеонцевъ и ихъ мучениковъ, ссылаясь на примѣры древнихъ страстотерпцевъ, которыхъ Церковь признала святыми, и признавалъ въ новыхъ мученикахъ силу ихъ покаянія, ихъ любви ко Христу, ихъ рѣшимости умереть за Христа. Авторъ глубже вникнулъ въ значеніе этого мученичества и нашелъ въ немъ двѣ примиряющія стороны — во 1-хъ, энтузіазмъ всего греческаго народа, съ коимъ онъ присутствовалъ при смерти сихъ мучениковъ, намачивалъ полотенца и платки кровью ихъ, пригоршнями собиралъ землю, обагренную ею, цѣловалъ самую лодку, отвозившую останки мученика на глубину моря. Этотъ энтузіазмъ былъ геройскимъ отвѣтомъ народа тиранству турковъ, которые угнетали христіанство, насильственно забирали христіанскихъ дѣтей въ янычарскіе полки и обращали ихъ въ магометанство. Греки на мѣстахъ кончины мучениковъ *не юворя* говорили туркамъ: не поколебать вамъ нашей вѣры во Христа, не стереть вамъ всѣхъ насъ съ лица земли! Если мы умѣемъ умирать героями, — то съумѣемъ и жизнь нашу и дѣтей нашихъ защитить отъ васъ. Кровь мучениковъ нашихъ возопіетъ къ Богу и будетъ отмщена Имъ. Другая сторона — строгое приготовленіе къ смерти за Христа, дабы она явилась чистѣйшею жертвою любви

къ Нему, раздача милостыни бѣднымъ и нищимъ и горячія мольбы христіанъ, чтобы кончина мучениковъ была доблестна.

Этимъ оканчивается изданная половина Путешествія преосв. Порфирія. «Всего не опишешь — говорятъ онъ въ заключеніе — надобно пожить и для Неба. Кто не впусьтъ вѣчность въ земное бытіе свое, тотъ — не знаю — что будетъ дѣлать въ раю вѣчномъ» (341).

Мы прослѣдили всю книгу преосв. Порфирія, останавливаясь преимущественно на предметахъ, имѣющихъ интересъ научный и на крупныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ ею. Но въ ней еще есть множество предметовъ, интересныхъ въ другихъ отношеніяхъ, хотя, быть можетъ, не общезанимательныхъ и притомъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ его книги. Чтобы яснѣе показать содержательность ея, приведемъ еще нѣсколько мѣстъ, не чуждыхъ современнаго интереса.

Вотъ каковы были отношенія турокъ къ Аеону въ 1821 году, во время возстанія грековъ. Вмѣстѣ съ другими греками, поднялись было и аеонцы, снарядили судно и поѣхали воевать; но въ первомъ же столкновеніи съ турками были, конечно, побиты; тогда военные отряды турокъ заняли всѣ монастыри, покинутые монахами и стояли тамъ десять лѣтъ, стрѣляли въ св. образа, выдирали изъ рукописей листы для закуриванія трубокъ и приготовленія ружейныхъ пыжей, раскрывали свинцовыя кровли и изъ листовъ ихъ отливали себѣ пули, выкалывали глаза на иконахъ и такимъ образомъ попортили всѣ лица, наконецъ зажгли лѣсъ на значительномъ пространствѣ (I, 82; II, 198). Плохо было отъ турокъ и потомъ. Авторъ, путешествуя уже въ 1845 — 46 году по многимъ областямъ Турціи, говоритъ: «гдѣ

турокъ станетъ, тамъ все вянетъ, и гдѣ онъ поселится, тамъ все лучшее валится» (I, 10).

По удаленіи турокъ съ Аѳона, на святогорцевъ пали другія тяжести — увеличеніе податей и строгій таможенный надзоръ. Удивительно ли, что монахи чувствуютъ это иго, среди самаго глубокаго самоотверженія. Вотъ строгій подвижникъ, духовникъ пяти монастырей и архіереевъ, прерываетъ бесѣду съ авторомъ скорбными словами: «Россія, по пречествамъ, уже должна бы взять себѣ Константинополь, но вѣроятно, чей-то грѣхъ препятствуетъ ей совершить сіе дѣло. Что вы думаете объ этомъ?» (I, 179). Авторъ не могъ утѣшить подвижника. На Аѳонѣ, какъ и вездѣ на Востокѣ, глубоко вѣрятъ въ паденіе Турціи; эта вѣра выражается и въ книгахъ и на картинахъ. При входѣ въ лаврскую библіотеку, авторъ увидѣлъ прилѣпленный на стѣнѣ большой листъ бумаги, на которомъ бойко написана характеристика каждаго государства въ Европѣ и замѣчено, что предъ паденіемъ Турціи сокрушится и исчезнетъ одно старое государство (Австрія) (I, 226).

Не всѣ монахи Аѳона — подданные Турціи; монахи Павловскаго монастыря — англійскіе подданные; монахи же Лавры, Ивера въ 40-хъ годахъ хлопотали было принять покровительство Франціи, лишь бы она обезпечила неприкосновенность святогорскихъ имѣній въ Валахіи и Молдавіи, но затѣя ихъ скоро улетучилась.

Напуганные неудачнымъ исходомъ греческаго возстанія, аѳонскіе монахи стали крайне остерегаться самизъ грековъ, ихъ политическаго и вооруженнаго нашествія на св. гору. Объ этомъ нашествіи дѣйствительно думали въ Аѳинахъ, но монахи аѳонскіе, узнавъ объ этомъ, извѣстили Порту и просили ее усилить стражу на Аѳонѣ (I, 186).

Въ 1845 г. греческое правительство послало было на Аѳонъ своего консульскаго агента, подъ тѣмъ предлогомъ, что туда заходятъ греческія суда для торговли. Появленіе агента встревожило всѣ обитатели. Опасаясь зарожденія революціонной гречес-

кой *етерн*, мрачнаго подозрѣнія Порты, внутренняго разстройства въ монастыряхъ, присылки агентовъ со стороны прочихъ державъ, всѣ монастыри единодушно стали хлопотать — поскорѣе устранить греческаго агента, и достигли своей цѣли. Незванный, непрощенный агентъ скоро удалился съ Аеона.

Можетъ быть, тотъ же страхъ преслѣдованій турецкихъ заставилъ грековъ опасаться и русскихъ. Въ 1837 г. русскіе монахи (астраханскій архим. Евгеній, іеромонахъ Амвросій, настоятель нашей посольской церкви въ Константинополѣ) домогались овладѣть однимъ монастыремъ на Аеонѣ, дабы въ немъ жили исключительно одни русскіе. Но аеонскіе монахи не пожалѣли дать туркамъ и фанаріотамъ 200 тысячъ піастровъ (10 т. рубл.), только бы не было русскихъ хозяевъ на св. горѣ (I, 341). Всѣ подобныя столкновенія едва-ли устранились бы тѣмъ проэктомъ, который предлагаетъ нашъ авторъ своимъ рѣшеніемъ Восточнаго вопроса. Онъ говоритъ: «намъ нуженъ Дарданельскій проливъ для того, чтобы не громили насъ флоты соединенныхъ державъ — у нашихъ береговъ Чернаго моря, и преимущественно для того, чтобы Константинополь, съ придачею къ нему частицы Фракіи и Малой Азіи до Никомидійскаго залива, сдѣлать городомъ Божиимъ, городомъ постояннаго вселенскаго собора, въ которомъ должны присутствовать мудрые и святые мужи изъ всѣхъ народовъ, не одни духовные, а и мірскіе, и давать направленіе всемірнымъ дѣламъ (!?), судя гражданскія правительства, если онѣ въ чемъ либо будутъ виноваты предъ Богомъ и предъ народами (?)» (I, 3). Намъ кажется, что мысль о подобномъ соборѣ совершенно неосуществима; да если бы и исполнилась, соборъ имѣлъ бы ту же участь, какую имѣла недавняя константинопольская конференція.

Выслушаемъ лучше простой анекдотъ, сообщаемый авторомъ:

«Одинъ султанъ отъ скуки позвалъ къ себѣ главнаго жидовскаго раввина, чтобы поговорить съ нимъ о раѣ, и предлагалъ ему свои вопросы, выслушивалъ его отвѣты.

«Кто будетъ въ раю?»

— Мы держимъ старый законъ Моисея: такъ мы и будемъ въ раю.

«А гяуры греки гдѣ будутъ?»

— За воротами рая, потому что они придерживаются нашего стараго закона.

«Гдѣ же мѣсто для турковъ?»

— Вы на чистомъ полѣ будете жить въ палаткахъ.

«*Пеки, пеки*, хорошо, хорошо, сказалъ султанъ. Принесите же мнѣ 200 милліоновъ пастровъ на покупку палатокъ.

Раввинъ, испуганный такимъ внезапнымъ оборотомъ разговора, упалъ къ ногамъ султана и издохъ» (II, 152).

Помимо такого историческаго характера своей книги, авторъ изрѣдка касается духовной стороны Аеона, его богослуженія, жизни монаховъ и высказываетъ свое мнѣніе обо всемъ. Въ Иверѣ напр. онъ останавливается на всѣхъ особенностяхъ богослуженія, какихъ въ Россіи онъ не видалъ и не слышалъ (I, 68—73). Въ Лаврѣ онъ развиваетъ взглядъ свой на иконную живопись (I, 195—196). Много разъ высказываетъ свое мнѣніе о монашествѣ и монахахъ. Лучшіе монахи, по его мнѣнію, тѣ, которые кормятся трудами рукъ своихъ; таковы насельники Подъаеонья: они работаютъ, безмолвствуютъ, молятся Богу, платятъ подати за землю, огороды и кельи свои. Такіе самоотверженные труженики достойны полнаго уваженія нашего. Они-то, на взглядъ мой, и суть божьи люди и истинные монахи на Аеонѣ. Тамошніе монастырники, беззаботно проживающіе въ обителяхъ, гдѣ имъ и покойно, и хлѣбно, при всѣхъ внутреннихъ достоинствахъ ихъ, стоятъ ниже оныхъ тружениковъ. Причину живучести монашества авторъ объясняетъ такъ: она кроется въ глубинѣ нашей души, скорбящей о грѣхахъ, сознающей временность своего пребыванія на землѣ, чающей жизни будущаго вѣка и порывающей къ самоусовершенствованію (I, 286, 290, 298; II, 117). Для многихъ, вѣроятно, новостью будетъ то, что святогорцы смотрятъ на монаховъ какъ на мірянъ, но уже от-

служившихъ міру и служащихъ Богу, и не причисляютъ ихъ къ церковному клиру, т. е. къ пресвитерству и діаконству, какъ это дѣлаемъ мы (I, 339. А все таки и на Аѳонѣ монахи постоянно титулуютъ другъ друга «*отецъ, отецъ*»; отчего же не «*братъ?*»).

Служитель религіи и науки, авторъ глубоко чтить ту и другую и въ разысканіяхъ своихъ всегда стремится идти путемъ истины, не уклоняясь ни на право, ни на лѣво. На св. Аѳонѣ правда должна имѣть мѣсто главное и вѣчное, и нашъ авторъ служить истинѣ въ высшей степени честно. Онъ довѣрчиво относится только къ сказаніямъ древнихъ писателей, сказаніямъ единственнымъ, незамѣнимымъ, коихъ нечѣмъ ни провѣрить, ни пополнить. Но ко всѣмъ не первымъ источникамъ онъ относится всегда критически, пользуется ими осмотрительно и скупю, исправляетъ ошибки; о самомъ почтенномъ преданіи онъ говоритъ: вложимъ это золото въ раскаленное горнило исторической критики, дабы узнать качество его (II, 166). Самыя житія святыхъ онъ читаетъ разсудительно, съ разборомъ содержащихся въ немъ подробностей, со взвѣшиваніемъ нѣкоторыхъ выраженій его, и съ повѣркою его другими мѣстными же извѣстіями (2, 115). Житіями же — сочиненіями риторическими — онъ пользуется съ большею осторожностію и скупостію. Въ разсказѣ о древнихъ дняхъ Аѳона, онъ допускаетъ и соображенія, коль скоро нѣтъ ни прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, ни надписей, ни тому подобнаго. При такихъ приѣмахъ, его изысканія имѣютъ всю силу точности и полны неотразимыхъ доназательствъ. Прочитайте напр. его изслѣдованія о скитѣ Кавсокалива (I, 290 — 291), объ икономствѣ Богоматери въ Лаврѣ (299 — 306), о захватѣ Лаврою Амальфійской мѣстности (316 — 317), о хрисовулахъ Ксиропотамскихъ (349 — 376) и пр. и пр., и вы согласитесь, что авторъ имѣлъ право воскликнуть: «О критика! ты — вѣрная подруга моему разуму! Не разстанусь я съ тобою, пока хожу по Аѳону, какъ громовержецъ» (2, 116). «Громовержецъ», вѣроятно, и назовутъ его аѳонскіе иноки, но это будетъ

неосновательно. Авторъ безпристрастно относится и къ ученымъ и къ мопхамъ. Онъ откровенно рассказываетъ напр. о болтовнѣ многоученаго наставника своего архим. Иннокентія Борисова, который училъ, что мы, по воскресеніи своемъ, будемъ летать, и что для этого волосы подъ мышками нашихъ рукъ преобразятся въ крылья (I, 93); такъ же свободно замѣчаетъ онъ вообще объ ученой братіи: «иной профессоръ съ виду — такой важный и величавый Акимъ Семенычъ, что хоть въ пророки записывай его, а мелеть такой вздоръ, что уши вянутъ» (94 и 101). Отзывъ его о нѣмецкихъ ученыхъ мы уже знаемъ. Съ тою же прямою и откровенностью относится авторъ и къ монахамъ. Это — не святогорецъ, умилявшійся до нельзя предъ всѣмъ аеонскимъ, а спокойный, прямодушный наблюдатель. Онъ откровенно рассказываетъ все, что видитъ. Вотъ какіе-то старцы подъ монотонные звуки церковнаго пѣнія преспокойно засыпаютъ вмѣстѣ съ задремавшими на нихъ клопами (90). Вотъ стѣнные изображенія восточныхъ мучениковъ-воиновъ, русскою кистью написанныя такъ, какъ будто эти воины родились въ Россіи и выросли среди нашихъ дебелоплотныхъ мѣщанъ и купцовъ (90). Вотъ икона святаго, на которой лицо написано такъ молодежаво и миловидно, что самъ греческій архимандритъ называетъ икону Фрейлиною (92). Вотъ аеонскій іеродіаконъ, который полученіе и раздачу св. огня іерусалимскаго называетъ *драматургією* (121). Вотъ главный проэстосъ обители, отлично знающій славянскую брань, которая не печатается (160). Вотъ арендаторъ-монахъ, который заѣдаетъ 24,000 р. с. доходу обители (2, 151). Вотъ аеонскій писатель скучной схоластики, у котораго голосъ деревянный, да и слогъ дубовый, и разсужденія его такъ же вкусны, какъ желуди (I, 59). Вотъ скимпикъ съ предлинной, окладистой, пушистой бородой, кислоовато-любезный и разсыпчатый, тяжело вздыхающій, подлѣ котораго ощущается въ воздухѣ кисловатый запахъ водки (II, 317, 318). Но довольно отдѣльныхъ личностей; вотъ общія черты: Въ 1845 г. вселенскій патріархъ, во время великаго поста, строгойше повелѣлъ выслать съ Аэона всѣхъ

малолѣтковъ и юношъ для прекращенія педерастіи; но повелѣніе его осталось безъ исполненія (2, 85). — Монастыри спорятъ и тягнутся по судамъ за границы своихъ владѣній. — Споры святогорцевъ о частомъ и нечастомъ причащеніи св. Тавнъ, безъ приготовленія и съ приготовленіемъ къ нему, продолжаются (2, 136). Монахи общежительныхъ обителей нерѣдко причащаются безъ строгаго поста, такъ что наканунѣ ѣдятъ даже сыръ и масло; отшельники этого не одобряютъ, конечно, помня слово Златоустаго, что причащающійся тѣла и крови Христовой долженъ быть чище солнечнаго луча. А были на Аеонѣ и такіе монахи, которые воображали, что они въ св. Причащеніи принимаютъ въ себя не всего Христа, а только частицу его, кто ушко, кто глазокъ, кто носокъ, пальчикъ и проч. За эту ересь властные старцы утопили въ морѣ 70 человѣкъ, и такимъ способомъ прекратили распространеніе заблужденія. «Грекамъ — говоритъ авторъ — давно надоѣли ереси; они не любятъ ихъ и хоронятъ въ морѣ. Туда имъ и дорога» (1, 342). Да, если бы можно было отвлеченную ересь утопить въ морѣ, но если топятъ несчастнаго заблуждающагося человѣка, то храни Богъ съ этимъ соглашаться. Вотъ хрисовулы подложные, описи лживыя, книги торопливыя утопить слѣдовало бы. А монахи аеонскіе ихъ неразъ поддѣлывали, стяжанія ради, какъ это доказываетъ авторъ особенно въ своей Исторіи Аеона (см. и здѣсь I, 317, 369).

Не мало интереснаго сообщаетъ авторъ и о монастырскихъ имѣніяхъ, доходахъ съ нихъ; но мы не станемъ группировать его свѣдѣній, какъ уже устарѣвшихъ. Событія въ Молдавіи и Валахіи, болгарскій вопросъ сильно измѣнили составъ монастырскихъ доходовъ. Турки также много отняли владѣній у аеонцевъ. Какъ ни богаты монастыри теперь, но прежде они были гораздо богаче. Многія свѣдѣнія автора по этому предмету имѣютъ несомнѣнный интересъ для исторіи Аеона; мы приведемъ ихъ здѣсь два — три. Монастырь Ватопедъ получалъ ежегодно со всѣхъ имѣній своихъ 600 тысячъ піастровъ (30 т. р.). Лавра имѣетъ

на Аеонѣ самыя обширныя владѣнія и въ разныхъ мѣстахъ *тридцать* сборщиковъ милостыни. Монахи держатъ на откупѣ имѣнія и поглощаютъ половину доходовъ (I, 185; II, 84, 151). Турецкій ага, полицейскій на Аеонѣ, получаетъ жалованья отъ монаховъ 1,000 р. (341).

Разсказывая спокойно о многомъ, авторъ увлекается только тогда, когда любитъ природою, когда погрузится въ классицизмъ. Читайте его поэтическое описаніе Солунскаго залива (1, 5) ¹⁾, дорогу отъ Кареи до Ивера (61), восходъ на вершину Аеона (168 — 172), описаніе водопада Друванисти (II, 3, 90); монастыря Симопетры (140 — 141), мѣстность Морфино (I, 313), которая понравилась ему такъ, что онъ купилъ бы его у лавры и тутъ, неотмѣнно тутъ, построилъ бы монастырь для своихъ соотечественниковъ. (Другому путешественнику по Аеону — извѣстному архим. Антонину болѣе всего нравилась Керася, см. его «Замѣтки», с. 230).

Увлечение свое классицизмомъ и миеологіею авторъ объясняетъ, кромѣ указанной выше причины, еще слѣдующею: «На Аеонѣ, гдѣ на столъ подаютъ тебѣ овощи вареные и печеные, жареные и пареные, тамъ только и посластись чтеніемъ Омистра, Есхила, Теокрита, Пиндара, Аполливарія (I, 108). Міеы — загадки, но мудренныя. Отгадывайте ихъ, и вы узнаете глубокія истины, и подивитесь древней мудрости, умѣвшей выдумывать дивныя міеы (310).

Часто авторъ нашъ является и филологомъ и неологомъ, хотя не всѣ неологизмы его можно назвать удачными. *Привысь* (отрогъ, холмистая мѣстность (?) стр. 9); *ушельцы* (въ противоположность пришельцамъ, 78); *костовница* (кладбищная церковь, 93); *емъ, вытокъ* (русло, истокъ, 165); *обрамія* (края оклада на иконахъ, 193); *увясла* (клубуки, 223); *щупало* (критеріумъ, 233); *провидѣнчество* (провидѣніе, способность провидѣть, 237); *памяти* (памятники, 301); *яйность* (субъективность, II, 20); *то-*

¹⁾ Одну изъ надписей онъ переводитъ даже стихами. I, 225.

варка (подобный предметъ 65); *свѣтотѣнь* (свѣтлое и темное въ описаніи чего либо, 153); *омонашился* (поступилъ въ монахи, 157); *разгласіе* (отчего же не разногласіе? 101, 162 и ч. I, 238); *вольникъ* (прихотливый, 220); *отподобить* (снять копию, срисовать, 180); *отобразить* (тоже, 91); *укромники* (монастыри, 252); *отрокованіе* (обученіе отроковъ, 269); *втюрмилиъ* (посадилъ въ тюрьму, 324) и друг.

Для оживленія своего разсказа, авторъ передаетъ иногда повѣрья и анекдоты (I, 16, 54, 93, 157, 180, 324; II, 64, 132, 137, 152, 308 и друг.).

Сдѣлавши такъ много, авторъ нерѣдко указываетъ, чего не успѣлъ сдѣлать онъ и что надо сдѣлать другимъ, о чемъ онъ настоятельно и просить всякаго путешественника. Мы обозначимъ эти страницы, какъ серьезное указаніе другимъ полезнаго труда: I, 11, 26, 99, 107, 118, 183, 199, 275, 280, 286, 296; II, 9, 63, 125, 144, 279, 325).

При такомъ многостороннемъ содержаніи своего сочиненія, при такомъ безпристрастномъ исполненіи его; авторъ имѣлъ полное право сказать, что Аeonъ въ его описаніи будетъ представленъ въ истинномъ видѣ его, въ естественной свѣтотѣни его и съ выраженіемъ его тысячелѣтной жизни и дѣйствій и вмѣстѣ разныхъ скорбей, бѣдствій и соблазновъ II, 153).

Къ подобной содержательной книгѣ необходимъ былъ бы указатель предметный и указатель личныхъ именъ. Гдѣ говорится о многихъ сотняхъ предметовъ, интересныхъ для ученаго, любознательнаго, тамъ необходимо пособіе читателю, для удобнѣйшаго пользованія книгою. А сбережь время другаго значитъ продлить жизнь его.

Языкъ «Путешествія» — живой, своеобразный, мѣткій, прямой, сжатый, энергическій. Намъ показались излишними только нѣкоторые приемы автора; напр. вотъ онъ ѣдетъ на пароходѣ и говоритъ: «Наступила ночь. Море спокойно. Небо мирно. Мѣсяцъ свѣтитъ. Мертвый ѣдетъ, горя, дымя, дрожа. Порфирій, не бо-

ипись ли? Я испугался бы только тогда, когда бы небо начало падать на землю» (1 стр.). Но въ другомъ мѣстѣ неустрашимый авторъ говоритъ: «Смотрю внизъ (съ вершины Аѳона) и вижу одно синее море. А вѣтеръ бушуетъ; и я начинаю робѣть, вообразивъ, что онъ сброситъ меня въ Эгейскую пучину. Робѣю и говорю своему домочадцу: Иванъ, боюсь я, какъ бы вѣтеръ не снесъ меня въ море. А онъ покачалъ головою и отвѣтилъ мнѣ: да развѣ вы хлопчатая бумага? Признаюсь: такой отвѣтъ пристыдилъ меня, но и ободрилъ (171). Или: «чтобы видѣть паденіе водопада, я ничкомъ прилегъ къ самому краю утеса, а ноги свои велѣлъ держать Ивану, боясь, какъ бы не помutilа меня робость при видѣ ужасной стремнины, и какъ бы не ринула меня туда вмѣстѣ съ водопадомъ (2, 91). Но это еще не такъ странно, а вотъ: «Вы скажете, что тѣ (змѣи) напоминаютъ евангельскія слова: *будите мудры яко змѣя*. А я вамъ скажу: извините, не угадали! Тутъ иная мудрость, великая мудрость, старинная мудрость! Вонмемъ. Слушайте» (91). «Я переписалъ для себя завѣщаніе св. Аѳанасія Аѳонскаго, хорошо владѣя скорописнымъ перомъ и твердо зная греческое правописаніе (186). «Объясняю. Слушайте» (306). «Теперь у меня въ рукахъ другое перо; и имъ я пишу иное повѣствованіе» (376). «Готовъ. Ёду. Поѣхалъ» (II, 1). «Въ эти три дня мнѣ нездоровилось: тружусь для науки, а сердце ноетъ и голова вздрагиваетъ отъ какихъ-то ударовъ въ лѣвой полости живота моего» (II, 85). «Какъ? спросите вы; да въ 829 г. развѣ были монастыри на Аѳонѣ? ... Совопросники мои, не сомнѣвайтесь въ этомъ, и знайте твердо, что» и пр. (167). Намъ кажется, что подобная бесѣда на распахку и нѣкоторая кичливость излишни и возбуждаютъ улыбку.

А пуще всего досадно, что опечатокъ въ книгѣ море великое и пространное, имъ же нѣсть числа. Немного найдется страницъ безъ одной, безъ двухъ и трехъ опечатокъ. Есть и описки: «въ 383 г. построена была *первая* на Аѳонѣ клирикальная обитель въ Ватопедіонѣ» (с. 42); нѣтъ, это не первая, а *вторая* (см.

Исторію Аеона, т. II, с. 109). Приходъ преп. Антонія Печерскаго въ Кіевъ относятся обыкновенно къ 1028 (Русскіе Святые, архіеп. Филарета, май, стр. 69), а не къ 1051 г., какъ показано у автора (с. 74). Одно и то же событіе — устраненіе вселенскаго патріарха Іоасафа — показано въ 1560 и 1564 годахъ (I, 40, 51), и проч.

Да извинитъ насъ высокоуважаемый авторъ за эти замѣчанія: намъ хотѣлось всесторонно и съ внимательной любовью поговорить о его многосодержательной книгѣ, тѣмъ болѣе, что о ней молчатъ наши духовные и свѣтскіе журналы, какъ будто у насъ такими книгами поле засѣяно.

Двумя вышедшими книгами не оканчивается описаніе путешествія преосв. Порфирія по Аеону. Это только одна часть, въ двухъ отдѣленіяхъ, въ которой описаны 9 монастырей и 3 скита; остаются еще 11 монастырей и 7 скитовъ, въ которыхъ предстоитъ болѣе обильная жатва. Авторъ скромно называетъ свою книгу *incultus*; точно, въ ней есть нѣкоторая топорность, а все-таки, дай намъ Богъ побольше такихъ необработанныхъ книгъ! Мы будемъ очень рады, если читатель изъ нашей статьи на столько ознакомился съ любопытнымъ, полезнымъ и разнообразнымъ трудомъ преосв. Порфирія, что вмѣстѣ съ нами пожелаетъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ его окончанія. Съ такимъ мастеромъ дѣла, съ такимъ прямымъ, здравомыслящимъ человекомъ и добрымъ христіаниномъ пріятно встрѣчаться какъ можно почаще.

1877. Октябрь.
Ковтопъ.

ЗАМѢТКИ О СУЩНОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Академика Я. К. Грота.

Фонетика, опирающаяся на физиологію звуковъ, есть вообще отрасль науки, еще мало разработанная; тѣмъ болѣе нова она въ области славянскихъ языковъ. Въ своихъ *Филологическихъ Разысканіяхъ* (томъ II) я старался поставить русскую фонетику на это единственно надежное основаніе и показать, какъ не вполне правильное пониманіе сущности звуковъ языка приводило даже нѣкоторыхъ изъ лучшихъ филологовъ къ разнымъ недоразумѣніямъ. Германскіе ученые хотя ранѣе насъ сознали необходимость обозначенной мною точки зрѣнія и примѣняли физиологическій методъ отчасти и къ славянскимъ языкамъ, но по недостатку практическаго съ ними знакомства, изучая ихъ звуки главнымъ образомъ по книгамъ, впадали въ ошибки другого рода. Мы, Русскіе, обладая однимъ изъ богатѣйшихъ по звукамъ языковъ и приобретаая съ дѣтства навыкъ въ иностранной рѣчи или по крайней мѣрѣ слыша ее вокругъ себя, имѣемъ въ этомъ отношеніи значительное передъ другими Европейцами преимущество; но авторитетъ, какимъ пользуется у насъ западная наука, былъ причиною, что иногда наши ученые, принявъ безъ надлежащей критики положенія Нѣмцевъ по нашей фонетикѣ, повторяли и до сихъ поръ повторяютъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторые ихъ ошибочные взгляды.

Къ этимъ мыслямъ привело меня чтеніе появившагося недавно въ Кіевѣ труда профессора А. С. Будиловича: *Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія*, труда, помѣщеннаго въ 1-мъ выпускѣ «Извѣстій Нѣжинскаго Историко-Филологическаго института» и напечатаннаго также отдѣльными оттисками. Это собственно не изслѣдованіе, а отдѣлъ лекцій автора, распадающійся на три части: 1) Ученіе о строеніи славянскихъ корней; 2) Ученіе объ образованіи основъ, и 3) Ученіе объ образованіи словъ. Нельзя не быть благодарнымъ автору за такое изложеніе въ сжатомъ систематическомъ видѣ выводовъ современной науки относительно разсматриваемаго предмета. Этотъ еще молодой профессоръ успѣлъ уже, въ немногіе годы своей дѣятельности, обратить на себя вниманіе нѣсколькими замѣчательными трудами, особенно же своимъ изслѣдованіемъ о древне-славянскомъ переводѣ 13-ти словъ Григорія Богослова (1871) и самымъ изданіемъ текста ихъ, напечатаннымъ въ *Сборникъ* II-го Отдѣленія Академіи Наукъ (1875). Хотя въ настоящее время языковѣдѣніе въ собственномъ смыслѣ и не составляетъ главнаго предмета занятій г. Будиловича, посвящающаго себя преимущественно славянской этнографіи, тѣмъ не менѣе новый трудъ его обнаруживаетъ обстоятельное знакомство и съ избранною имъ здѣсь областью филологіи. Болѣе слабую сторону его представляетъ фонетика, которая, правда, только мимоходомъ входитъ въ его разсмотрѣніе, но тѣмъ не менѣе не можетъ не составлять одного изъ самыхъ существенныхъ основаній всего трактата.

Въ самой терминологіи автора по этой части хотѣлось бы видѣть болѣе точности. Такъ, принимая извѣстное дѣленіе звуковъ на *momentaneae* и *continuae*, онъ по-русски называетъ послѣдніе (стр. 58) *протяжными*; очевидно, что это названіе не соответствуетъ особенностямъ артикуляціи звуковъ *v*, *φ*, *z*, *s* и др., которые слѣдуетъ называть *длительными* или *продолжительными* (*Dauerlaute*, а не *gedehnte*). Далѣе, г. Будиловичъ еще держится мнѣнія объ эвфоніи (благозвучіи), какъ источникѣ происхожде-

нiя многихъ звуковыхъ измѣненiй и переходовъ, хотя уже давно Брюкке въ своемъ сочиненiи *Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprachlaute* показалъ, что звуки измѣняются не ради благозвучiя, а въ слѣдствiе требованiй самыхъ органовъ рѣчи. Взглядъ этотъ сдѣлался господствующимъ въ современной филологiи. Правда, и г. Будиловичъ признаетъ (стр. 28), что «въ наукѣ часто злоупотребляли терминомъ эвфонiя», но не смотря на то, онъ объясняетъ этимъ началомъ разныя явленiя въ языкѣ: такъ на стр. 11 онъ говоритъ объ эвфоническихъ вставкахъ въ составѣ корней, на стр. 15—что въ древнихъ арiйскихъ языкахъ первый членъ редупликацiи сокращался по требованiямъ эвфонiи; на стр. 28 считаетъ способомъ устраненiя зiянiя вставку эвфонич. согласныхъ *й, е*; такую же считаетъ онъ вставку *с* (стр. 54).

Далѣе, не совсѣмъ удаченъ терминъ *придыхательный*, которымъ авторъ означаетъ звуки: *й* (стр. 33), *е* (35) и др. За неизмѣнимъ вполне утвердившагося русскаго термина для передачи названiя *spirant*, лучше было бы взять этотъ готовый латинскiй терминъ; слово же *придыхательный* нужно намъ и незамѣнимо для означенiя звуковъ, извѣстныхъ въ санскритѣ и древне-греческомъ языкѣ подъ именемъ *aspiratae*. Придыханiемъ можно называть только: 1) *Spiritus asper* у Грековъ и 2) звукъ, являющiйся въ санскритѣ послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, какъ въ слогахъ *ба, да, та*. Мы въ точности не знаемъ какъ Греки нѣкогда произносили свои *з, ф, х*, но судя потому, что Римляне на письмѣ изображали ихъ *th, ph, ch*, можемъ заключать, что въ греческомъ языкѣ были первоначально такiя же, хотя не столь распространенныя придыханiя, какъ въ санскритѣ, почему и осталось за этими звуками названiе придыхательныхъ; славянскiе же языки, какъ и почти всѣ остальные европейскiе, по крайней мѣрѣ, новѣйшия, не знаютъ придыханiй въ послѣднемъ значенiи.

Но всего болѣе слѣдуетъ остановиться на томъ, что г. Будиловичъ безусловно присталъ къ нѣкоторымъ германскимъ филологамъ въ теорiи о согласной натурѣ звука *й* (*jot*). По примѣру

Миклошича, Шлейхера и другихъ онъ признаетъ за аксіому что *j* (*й*) есть согласный звукъ, и принимая формулы: *бойз*, *мойз*, рассуждаетъ такимъ образомъ (стр. 27): «Отсутствіе *z* въ формахъ: *бой*, *покой*, *мой* не должно возбуждать въ насъ сомнѣній касательно суффикса этихъ формъ. Косвенные падежи показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою основы, образованныя суффиксомъ *a* (*з*). Форма *бойз* не встрѣчается въ памятникахъ древнеславянскаго языка; однако она не заключаетъ въ себѣ ничего несообразнаго съ его фонетикой, такъ какъ *й* (*іотъ*) есть звукъ согласный, слѣдовательно не только могъ, но и долженъ былъ имѣть послѣ себя гласный пазвукъ, подобно всѣмъ остальнымъ согласнымъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр. *o* въ вышеприведенныхъ случаяхъ) ничуть не отличны по силѣ своего согласнаго характера отъ *іота*. Причина опущенія этого *z* послѣ *й* могла быть двоякая: 1) ложный взглядъ не только славянскихъ, но и другихъ древнихъ, а отчасти и новыхъ писателей на звукъ *й* (*j*), который по своей близости къ гласному *и* (*i*) самъ казался гласнымъ, не будучи такимъ въ сущности; 2) общая слабость вокальныхъ пазвуковъ *z*, *z* въ древнеславянскомъ уже языкѣ, обнаруживающаяся въ частомъ ихъ опущеніи на письмѣ, особенно въ предложныхъ префиксахъ».

Изъ этихъ строкъ, парафразирующихъ сказанное Шлейхеромъ (Kirschenl. Formenlehre, стр. 85), видно, что главнымъ основаніемъ вышеприведенныхъ искусственныхъ формулъ (*бойз* и проч.) служатъ косвенные падежи (*бой-а*, *бой-у* и т. д.) и что слѣдовательно *z* въ именительномъ придуманъ для симметріи. Еслибъ послѣдователи этой орфографіи пристальнѣе обратили вниманіе на сущность звуковъ, на физиологическую сторону дѣла, то можетъ-быть убѣдились бы въ невозможности предполагать послѣ *й* въ древнемъ произношеніи гласный пазвукъ, т. е. нѣчто похожее на *o* или *y*. Иначе почему же тогдашніе писцы не стали бы означать на письмѣ этого добавочнаго звука, который они ставили во всѣхъ другихъ случаяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальное правописаніе было чисто-фонетическое. Итакъ причина

того, что послѣ *й* не ставили *ера*, была конечно попросту та, что его и не слышали. Въ доказательство того, что формула *бой-з* не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго древне-славянской фонетикѣ, приводятъ только одно: «*й* есть согласный звукъ», но спрашивается: изъ чего же это видно? Займемся этимъ вопросомъ.

Физиологическое различіе между гласными и согласными заключается существенно въ томъ, что при произнесеніи первыхъ устный проходъ остается открытымъ, для артикуляціи же послѣднихъ двѣ части рта образуютъ между собой затворъ или по крайней мѣрѣ суженіе. Замѣчается ли такая разница при произношеніи *и* и *й*? Если станемъ произносить *и* не переводя дыханія, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напр. къ *а* или *о*, то непосредственно передъ нею *и* (*i*) непременно обратится въ *й*, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ *й* (*j*) надо будетъ опять произнести *и* (*i*), какъ напр. въ англ. словѣ *уеаг* или въ русскомъ *ишъ*, *имъ*, *ручѣи*, то нельзя отрицать, что при переходѣ *и* въ *й* (которое у насъ тутъ не пишется), языкъ нѣсколько приближается къ нѣбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ всю разницу въ произношеніи обоихъ звуковъ составляетъ только бѣльшая или меньшая продолжительность того и другого, такъ что *й* несомнѣнно оказывается полугласнымъ. Но и при артикуляціи *йи* суженіе между языкомъ и небомъ не настолько значительно, чтобы можно было слышимый при этомъ звукъ назвать согласнымъ.

Еще явственнѣе обнаруживается это, если взять слово, оканчивающееся на *й* (напр. *край*) и продолжать произносить послѣдній звукъ, который при этомъ сейчасъ обращается въ чистое *и*: звуковое различіе между *край* и *краи* заключается только въ томъ, что первое слово односложно, а второе состоитъ изъ двухъ слоговъ. Въ слогѣ *ай*, какъ и во всякомъ другомъ дифтонгѣ, обѣ составныя части сохраняютъ свою первоначальную натуру. Чтобы доказать противное, г. Будиловичъ, какъ дѣлали и другіе до него,

приравниваетъ къ *и* звукъ *е*; но это невѣрно, ибо въ составѣ дифтонга звуку *й* соответствуетъ не *е*, а *у*: если вмѣсто *й* поставимъ *у* рядомъ съ другимъ гласнымъ и соединимъ оба звука въ одинъ слогъ, то при этомъ *у* не сдѣлается согласнымъ, а сохранитъ свою гласную натуру и по краткости своей будетъ признанъ за полугласный, напр. въ англ. *we, wege, word* ¹⁾ или *how, pow*; въ нѣм. *bau, lau*. Въ собственно-русскихъ словахъ *у* никогда не является полугласнымъ членомъ дифтонга, и при сложеніи двухъ словъ въ одно (*за-утра*), гдѣ бы онъ могъ играть эту роль, отвергается въ *е*; то же бываетъ въ нѣкоторыхъ чужезычныхъ словахъ, каковы напр. *асторъ, аврора, евангеліе*; но въ другихъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, напр. *гауптвахта, цейтлаузъ, бау-адъютантъ*, *у* и *у* насъ остается полугласнымъ, и Русскіе прекрасно справляются съ произношеніемъ дифтонга *ау*. Въ русскихъ же по происхожденію словахъ, изъ всѣхъ гласныхъ только *и* можетъ сокращаться въ полугласный для образованія дифтонга, при чемъ вторымъ членомъ можетъ служить каждый изъ прочихъ гласныхъ нашихъ, т. е. мы имѣемъ дифтонги: *йа* (*я*), *йэ* (*е, ѣ*), *йо* (*ѳ*), *йу* (*ю*) и *ай, эй, ой, уй* ²⁾.

Къ недоразумѣнію относительно натуры *й* способствовали два обстоятельства:

1) Не всегда точная и послѣдовательная орфографія, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ разсматриваемый звукъ изображается то чрезъ *j*, то чрезъ *i*, а прежде означаемъ былъ и чрезъ *u*, напр. *jahrg, jung, bei, ein, zwey, seyn*. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ словахъ слабѣйшій звукъ дифтонга — одинъ и тотъ же, соответствующій русскому *й*, а едва ли кто захочетъ утверждать, что буква *i* въ *ein, dein* и проч. есть согласная. Такъ же непослѣдовательны и Русскіе, когда они перваго звука своихъ диф-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ англійскихъ словахъ начальное *w* звучитъ не какъ чистое *у*: передъ этимъ звукомъ слышится еще какъ будто нѣчто среднее между *у* и *е*, но всетаки еще не *е*, т. е. не согласный звукъ, хотя суженіе губного отверстия и нѣсколько болѣе нежели при образованіи *у*.

²⁾ Излишне было бы останавливаться здѣсь на томъ, что звуки *йи, ей, юй*, собственно говоря, *трифтонги*, почему о нихъ здѣсь и не упоминается.

тонговъ *йа, ѡэ, йо, ѡу* совсѣмъ не пишутъ, превращая древнiя *га, ꙗ* въ *я, е*, и вмѣсто *йо, ѡу* начертывая *е, ю*, отчего многiе и не сознають присутствiя йота въ этихъ начертанiяхъ. Только въ иностранныхъ словахъ начали въ новѣйшее время употреблять *й* въ началѣ и въ срединѣ словъ (*йоркз, майорз*); но во множествѣ случаевъ пишутъ еще по старому *і* вмѣсто *й*, напр. *Йорданз*, или даже ставятъ лишнее *і* передъ буквою, которая уже сама по себѣ образуетъ дифтонгъ: *Иерусалимз, июнь, июль*. Одни Англичане и Шведы остаются вѣрны себѣ въ означенiи звука *jot*: первые всегда употребляютъ на то *y* (*whyе*), а послѣднiе *j*; Англичане пишутъ: *yes, yacht, youг; boy, eye*; Шведы: *ja, jul, hjerta, nej, koja, olja, familj*.

2) Для образованiя слога слабѣйшiй членъ дифтонга дѣйстви-тельно получаетъ назначенiе (*функцию*) согласнаго, играетъ роль его, почему древнiе грамматикѣ и дали йоту названiе *i consonans* (или *i consona*), но по натурѣ своей этотъ звукъ, какъ было показано, остается гласнымъ.

У Нѣмцевъ *jot* все еще составляетъ камень преткновенiя фонетикѣ. Большая часть филологовъ ихъ считаетъ его, въ слѣдствiе сейчасть объясненнаго обстоятельства, согласнымъ звукомъ; но въ словаряхъ Гримма и Вейганда онъ принимается за полугласный; Лепсіусъ разсматриваетъ его въ разрядѣ согласныхъ, но называетъ его полугласнымъ ¹⁾. Брюкке, прiобрѣтшiй сильный авторитетъ въ физиологiи звуковъ, въ отношенiи къ *jot* впалъ въ странное недоразумѣнiе и, утративъ свою обычную проникательность, утверждаетъ (*Grundzüge*, 2-е изд., 91) что при произнесенiи *jot* не пропадаетъ гласный *i*, но слышатся одновременно и онъ и согласный *jot*. На несообразность этого мнѣнiя я обратилъ уже вниманiе въ *Филологическихъ Разысканiяхъ* (т. II, стр. 30). Недавно въ такомъ же смыслѣ отозвался объ этомъ взглядѣ г. Крейтеръ (*Kräuter*) въ приложенiи къ своему изслѣдованiю *Zur Lautverschiebung* (см. стр. 115). Какъ г. Крейтеръ, такъ и выступив-

¹⁾ Das allgemeine linguistische Alphabet, стр. 29.

шій рядѣ его г. Сиверсъ (последній въ сочиненіи *Die Grundzüge der Lautphysiologie*) значительно содѣйствовали къ разъясненію спорнаго вопроса о натурѣ звука *jot*, и я считаю полезнымъ представить здѣсь нѣсколько выписокъ изъ ихъ замѣчаній по этому предмету. Г. Сиверсъ различаетъ два звука *jot*, изъ которыхъ одинъ, по его мнѣнію, согласный, а другой полугласный. О первомъ онъ говоритъ (стр. 33): «Если во время образованія і усилить выдыхательное давленіе, не измѣняя гортанной артикуляціи, то постепенно производится проточный звукъ *j*, какъ его произносятъ въ сѣверной Германіи». Далѣе (стр. 73) авторъ распространяетъ качество спиранта *j* и на среднюю Германію и прибавляетъ: «необходимо отличать его отъ полугласнаго *i*, который часто встрѣчается напр. въ южной Германіи». Такъ какъ полугласный большею частью является въ дифтонгахъ, то посмотримъ напередъ, какъ г. Сиверсъ понимаетъ подобную звуковую группу. «Подъ дифтонгомъ, говоритъ онъ (стр. 86), разумѣютъ сочетаніе двухъ, однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ производимыхъ, т. е. образующихъ одинъ лишь слогъ, простыхъ, обыкновенно краткихъ гласныхъ, изъ коихъ первый носитъ болѣе сильный акцентъ.» Гласный, который по отсутствію на немъ акцента ослабѣлъ до функціи согласнаго, признаётся г. Сиверсомъ за *полугласный*, но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ замѣчено, что такая смѣна функціи случается только передъ гласнымъ, имѣющимъ болѣе сильное удареніе. «Поэтому, прибавляетъ г. Сиверсъ, (стр. 88) можно, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ дифтонговъ, сказать также, что полугласный происходитъ при соединеніи двухъ гласныхъ, изъ которыхъ *второй* носитъ удареніе.» Сознаюсь однакожь, что мнѣ непонятно, почему послѣдующій гласный не можетъ, наравнѣ съ предшествующимъ, исполнять роль согласнаго: мнѣ напротивъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ, т. е. что какъ въ *je* (йэ), такъ и въ *ej* (эй) звукъ *jot* (й) по своей природѣ остается гласнымъ, но имѣетъ функцію согласнаго. Весьма справедливо замѣчаетъ въ этомъ отношеніи г. Крейтеръ (стр. 117): «Прежде (всего) предосудителенъ произволь, съ которымъ сочетанія *ai*, *oi*, *au* и т. д.

разсматриваются совершенно иначе, нежели \widehat{ia} , $\widehat{i\ddot{o}}$, \widehat{ua} и т. д.; это то же самое, что напр. смотрѣть на l въ al не такъ, какъ въ la . Для краткости не продолжаю этой выписки, но всякому, интересующемуся занимающими насъ вопросами, совѣтую прочесть и слѣдующія за симъ страницы небольшой книги г. Крейтера. Вниманія заслуживаетъ и то, что гораздо ранѣе его сказалъ г. Таузингъ въ дѣльномъ своемъ сочиненіи: «Das natürliche Lautsystem» (стр. 90 и сл.): онъ очень основательно принимаетъ два вида дифтонговъ, смотря по тому, имѣютъ ли они *нисходящій* характеръ (какъ въ нѣмец. *Haar, heiss*), или *восходящій* (какъ во франц. *goi, lui*). Но замѣчательно, что несмотря на это вѣрное пониманіе дѣла, и г. Таузингъ не замѣчаетъ двугласности слоговъ ja , je и т. п., и въ слѣдствіе того равнымъ образомъ видитъ въ jot согласный по его натурѣ. Между тѣмъ отъ этого изслѣдователя можно было бы ожидать болѣе проницательнаго взгляда, такъ какъ онъ нѣсколько далѣе вполне правильно рассуждаетъ: «Если возлѣ гласнаго, образующаго слогъ, дать мѣсто еще другому гласному, то этотъ послѣдній въ силѣ и продолжительности тона долженъ ослабѣть до степени согласнаго, будетъ ли онъ принадлежать къ тому или другому разряду звуковъ» (т. е. хотя бы онъ по своей природѣ оставался гласнымъ).

Къ выпискамъ, дающимъ понятіе о выводахъ г. Сиверса, прибавлю еще слѣдующее его замѣчаніе: «Со спирантами j и w , которые часто отъ болѣе сильныхъ суженій (въ устномъ каналѣ) развиваются изъ i и u , не должно смѣшивать этихъ послѣднихъ» (Grundzüge, стр. 89). Но г. Крейтеръ съ своей стороны говорить (Lautverschiebung, 149, 150): «Нигдѣ въ Германіи я не слышалъ, чтобы j произносили не какъ полугласное i ; люди, утверждающіе что j другой звукъ чѣмъ i , приводятъ въ подкрѣпленіе этого только такіе доводы, которые показываютъ, что j Mitlauter (созвучникъ), а не Selbstlauter (самогласъ)». Чтобы понять эти слова въ настоящемъ ихъ смыслѣ, надобно знать различіе, устанавливаемое г. Крейтеромъ между названіями Mitlauter и Consonant (созвучащій и согласный) и явствующее уже изъ заглавія

статьи, приложенной къ книгѣ его, именно: «Vokalische Mitlauter und Konsonantische Selbstlauter» (гласные созвучники и согласные самогласы). Съ его точки зрѣнія (стр. 113) терминъ «Konsonant» (σύνφωνον) обозначаетъ не натуру звуковъ, а способъ ихъ употребленія въ языкѣ, слѣдовательно основывается на совершенно другомъ началѣ дѣленія, нежели «Vokal». «Названіе Konsonant, продолжаетъ онъ, придали подлежащимъ звукамъ, потому что они у Грековъ одни, сами по себѣ, не служатъ къ образованію слога, но всегда являются въ немъ только спутниками другихъ звуковъ. Та же склонность обращать вниманіе болѣе на роль, какую звукъ играетъ въ языкѣ, нежели на существо его, обнаруживается позднѣе и у Римлянъ». Для большаго еще разъясненія дѣла, г. Крейтеръ замѣчаетъ: «Когда симитскіе грамматики рассматриваютъ *двугласные* (Doppellaute), какъ сочетаніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, то это по формѣ выраженія конечно неправильно, потому что *i* и *u* нисколько не измѣняютъ своего звука, своей физиологической натуры, слѣдовательно считаются гласными; но по смыслу это совершенно вѣрно, ибо подъ согласнымъ тутъ разумѣется не что иное, какъ то же самое, чтб я называю Mitlauter (созвучникомъ)». Наконецъ, г. Крейтеръ справедливо вызываетъ (стр. 119) одного рецензента разъяснить, въ чемъ же заключается разница между такъ называемымъ двугласнымъ *ai* и и слогомъ *aj*, въ которомъ *j* будто бы выговаривается какимъ-то особеннымъ, нѣмецкимъ способомъ. Обычное выраженіе: «*j* вокализируется», когда оно должно означать различіе между *aj* и односложнымъ *ai*, изобличаетъ жалкую зависимость отъ правописанія». Сказанное г. Крейтеромъ на той же страницѣ, что «Славяне въ своихъ *oi*, *ai*, *ei*, *ui* и т. д. видятъ совершенно то же, что въ *oi*, *ai*, *ei*, *ui* и т. д.» сохраняетъ свою вѣрность и въ обратномъ смыслѣ, т. е.: *oi*, *ai*, *ei*, *ui* значать то же что *oi*, *ai*, *ei*, *ui*, съ тою только разницею, что первый способъ начертанія указываетъ на возможно-краткую продолжительность звука *u*, который точно такъ же произносится въ нѣмецкихъ словахъ *ei*, *sei*, *hai*, *ein*, *sein*, *hain*, не будучи на письмѣ отличаемъ отъ полнаго

и. Но что въ такихъ случаяхъ славянское *й* совершенно тождественно съ нѣмецкимъ *й*, что слѣдовательно нѣтъ никакого основанія предполагать за нимъ въ концѣ слова (даже и въ древнемъ языкѣ) еще какой-то пазвукъ и означать этотъ послѣдній на письмѣ *еромъ*, этого конечно не станетъ отрицать ни одинъ безпристрастный читатель.

Правильный взглядъ на *й* находится въ тѣсной связи съ истиннымъ пониманіемъ тѣхъ двухъ звуковыхъ отгѣнковъ, которые означаются *еромъ* и *еремъ* и противоположность которыхъ проходитъ черезъ всю систему русскихъ звуковъ, составляя исконную особенность славянскихъ языковъ. Такъ какъ отмѣчаемый этими полугласными выговоръ почти безслѣдно исчезъ въ большей части названныхъ языковъ, то естественно, что западному Европейцу чрезвычайно трудно составить себѣ ясное понятіе о сущности этихъ двухъ звуковъ. Мы лишь приблизительно можемъ уразумѣть древнее значеніе обѣихъ полугласныхъ въ серединѣ словъ, имѣя въ виду неопредѣленный звукъ Англичанъ (напр. въ *but*), французское *e muet* или произношеніе у Чеховъ и Сербовъ нѣкоторыхъ слоговъ, которые пишутся безъ гласныхъ. Но значеніе *ера* и *еря*, какъ двоякаго пазвука при согласныхъ, сохранилось въ русскомъ языкѣ: въ каждомъ изъ этихъ двухъ полугласныхъ слышится какъ бы приступъ къ произношенію либо широкаго гласнаго (а, о, у), либо тонкаго (э, и)¹⁾. Отличаемая знаками *ъ* и *ь* артикуляція согласныхъ зависитъ отъ особеннаго

¹⁾ У насъ по большей части представляютъ себѣ букву *э* какъ представительницу широкаго звука, что выражается особенно въ томъ, что въ заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ именахъ ее употребляютъ послѣ согласной не иначе какъ для замѣщенія франц. *è, é* или *ai*, нѣмецк. *ä* и т. п., напр. *тѣма, мѣръ, Раблѣ, Беръ*, но при этомъ теряютъ изъ виду, что въ русскомъ языкѣ буква *э*, такъ же какъ и *е, ъ*, означаетъ двоякій звукъ, какъ легко замѣтить всякій одаренный не слишкомъ грубымъ слухомъ, при сравненіи напр. словъ *э-ти* и *э-та, э-рикъ* и *э-ра*. Такъ какъ всякая согласная можетъ имѣть у насъ только двоякій звукъ, т. е. одинъ, означаемый *еромъ*, и другой *еремъ*, то очень не трудно убѣдиться, каковѣ гласная, т. е. широкая ли она, или тонкая; для этого стоитъ только приставить ее къ согласной и посмотрѣть, какъ произнесется эта послѣдняя—съ *еромъ* или съ *еремъ*; напр. въ словахъ *Раблѣ, атлѣтъ* *а*, не смотря на видимую широкость гласной *э*, будетъ произнесенъ

выговора русскихъ гласныхъ, значительно отступающаго отъ произношенія тѣхъ же звуковъ у западныхъ Европейцевъ. Такъ напр. наши слоги ра, ро, ру, ре, ри звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ французскіе или нѣмецкіе га, го, гу, ге, гі; та же разница замѣчается и при измѣненномъ порядкѣ звуковъ (ар, ор, ур и т. д.). Если возьмемъ въ этихъ трехъ языкахъ нѣсколько словъ, по-видимому составленныхъ изъ тѣхъ же звуковъ, напр. нѣмецкія koth, pott, gad, gath, nie; французскія: cote, cotte, gate, nid, и русскія: котъ, потъ, радъ, ни, то найдемъ, что два первые ряда словъ почти однозвучны, послѣдній же звучитъ совершенно иначе. Всего поразительнѣе эта разница при л, но она ощутительна и при всякой другой согласной, и происходитъ отъ того, что мы отличаемся отъ прочихъ европейскихъ народовъ какъ самымъ растворомъ рта и движеніемъ органовъ рѣчи, которые точнѣе опредѣлить могутъ лишь физиологи, такъ и большею силой выдыханія. Обстоятельство что ъ и ь никогда не являлись въ началѣ слога, указываетъ на то, что они всегда служили только вспомогательными звуками при согласныхъ, опорю ихъ, хотя быть-можетъ нѣкогда и подходили ближе къ полнымъ гласнымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, считающіе и ѣ и ь за сокращенное і (Шлейхеръ, Ksl. Form. стр. 9 и 154), не обращаютъ вниманія на различную продолжительность и разное значеніе этихъ двухъ краткостей и употребляютъ одинакую транскрипцію, напр. для словъ: краіъ и коніъ. Они не замѣчаютъ, что ь въ этомъ отношеніи занимаетъ середину между и и ѣ, что ѣ есть такъ-сказать удлиненіе еря или наоборотъ ь есть сокращеніе ѣ ¹⁾. Оттуда превратное мнѣніе, будто отонченныя согласныя (бъ, въ и проч.) составляютъ «mouillirte Laute» или «согласныя дифтонги». Первое выраженіе примѣнилъ къ этимъ славянскимъ

какъ ѡ, а не какъ ѡ; слѣдов. э есть гласная тонкая или, если вы предпочтаете болѣе употребительный терминъ, — мягкая гласная. Не говорю уже о томъ случаѣ, когда э и безъ того представляетъ француз. é или нѣмецкій сжатый звукъ e, напр. въ именахъ *Эмилія, поэзія*.

¹⁾ Даже Востоковъ впалъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ изслѣдованій, въ этотъ промахъ, сказавъ, что ѣ и ѣ одно и то же (См. его Филолог. наблюденія, стр. 18).

звукамъ Брюкке (Grundzüge ¹, стр. 98), второе находимъ у Шлейхера (Ksl. Fl., стр. 34). На невѣрность теоріи Брюкке я указалъ уже прежде ¹⁾, такъ какъ у Французовъ l и n mouillés слышатся каждый какъ два звука (lj, nj), тогда какъ въ нашихъ ль, мь, нь и т. д. тонкій пазвукъ совершенно сливается съ согласною въ одинъ звукъ, изъ котораго никакъ нельзя выдѣлать jot. Впрочемъ, говоря объ этомъ предметѣ, я тѣмъ болѣе могу быть краткимъ, что уже г. Сиверсъ (Grundzüge, стр. 105) выяснилъ его и справедливо назвалъ русскій ѣ редуцированнымъ йотомъ. Смѣшеніе jot съ еремз повторяется и у г. Лескина: по его мнѣнію, ль, рь, нь, пишется вмѣсто ѣль, рѣ, нѣ и по-настоящему ѣ должно быть всегда читаемо какъ jі (т. е. jь) ²⁾. Но дѣло въ томъ, что такія слова, какъ напр. голубь, червь, лебедь, князь, гость вовсе не имѣютъ j въ концѣ, ибо иначе предшествующіе ерю согласныя б, в, д, з, т непремѣнно умягчились бы въ бл, вл, ж или жд, ч или щ, какъ это дѣйствительно произошло въ другомъ разрядѣ словъ, именно въ такихъ словахъ, какъ корабль, журавль, ложь, вождь, кличь, плащь, которыхъ первоначальную форму можно представить себѣ такъ: корабѣй, журавѣй, логѣй, водѣй и т. д., т. е. въ послѣднемъ рядѣ словъ смягченіе было двойное и оттого произошло измѣненіе согласныхъ въ ихъ окончаніяхъ; ясно что здѣсь j (ѣ) дѣйствительно имѣлъ физиологическое значеніе ³⁾. Въ первомъ ряду, напротивъ, не видно ничего подобнаго, и нельзя не признать мнѣніе о присутствіи въ этихъ словахъ йота лишеннымъ основанія. Только при переходѣ звука въ другой можно сказать, что ему предшествовало то, что Нѣмцы называютъ Mouillierung. Что касается начертанія jь (jі), то оно представляетъ еще

¹⁾ Филол. разыск., т. II, стр. 24.

²⁾ Handbuch der altbulg. Sprache стр. 15; также Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen (Leipzig 1876), стр. 9, 10, 84 и проч.

³⁾ Присутствіе ѣ при двойномъ, или полномъ умягченіи звуковъ очевидно особенно въ звукахъ губного органа: л послѣ б, п, в, ф, м есть не что иное, какъ замѣна йота, который и въ другихъ языкахъ легко подвергается такимъ превращеніямъ или становится на мѣсто другихъ звуковъ. Ср. итал. pianto, piegare, bianco, фламша съ франц. plante, plier, blanc, flamme.

и тотъ абсурдъ, что если въ самомъ дѣлѣ ъ значить јь, то произойдутъ слѣдующія, до безконечности простирающіяся формулы: конь=конјь=конјѣ=конјѣѣ и т. д.

Ничѣмъ-инымъ, какъ такимъ же смѣшеніемъ еря съ йотомъ, можно объяснить, какъ могъ такой геніальный филологъ какъ Шлейхеръ не одѣнить вѣрности различія, указаннаго Миклошичемъ между произношеніемъ е, ё, я, ю въ началѣ слога (праејотирте Laute) и произношеніемъ этихъ же буквъ послѣ согласныхъ (праејерирте Laute): увлеченный своею теоріею цетадизма, онъ въ своей грамматикѣ слав. языка (стр. 84) рѣшительно высказался противъ этого взгляда.

Но и г. Миклошичъ, кажется, не совсѣмъ правъ, находя, что *мои, твои, краи*, въ древнихъ памятникахъ должны быть всегда произносимы какъ *моји, твоји, краји*. Въ общеупотребительномъ русскомъ языкѣ не слышно въ такихъ словахъ йота, и нѣтъ основанія предполагать этотъ звукъ и въ древней ихъ формѣ, такъ какъ правописаніе не подаетъ къ тому повода. Русскіе (оставляю въ сторонѣ возможные различія въ діалектическихъ говорахъ) выговариваютъ *и* за *ѣи* только въ личномъ мѣстоменіи: *ицѣ, имѣ, ими* и въ такихъ случаяхъ, какъ *чьи, соловьи, Натальи*. Востокъ замѣчаетъ: «Надъ *и* древніе писцы не ставили знака краткости, а писали равно именит. ед. и именит. множ. *мои, твои, свои*; однакожь вѣроятно произносили въ первомъ случаѣ *мой, твой, свой*, а въ второмъ *мои, твои* и пр., какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ». (Фил. Набл., стр. 21).

Показавъ отношеніе между *ѣ* и *ъ*, перейду теперь къ *еру*. Прежде всего надобно замѣтить, что произношеніе согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ (отмѣчается ли оно или нѣтъ на письмѣ), напрасно оставляется изслѣдователями безъ вниманія и они занимаются только *еремѣ*. Выше уже, при общемъ разсмотрѣніи обѣихъ полугласныхъ, я замѣтилъ, что по причинѣ элемента *ъ* у насъ звуки, какъ согласные, такъ и гласные, слышатся совсѣмъ иначе, нежели въ западно-европейскихъ языкахъ. Г. Миклошичъ полагаетъ (Lautl. стр. 379), что «ъ въ

произношеніи безслѣдно исчезаетъ, такъ какъ предшествующій ему согласный сохраняетъ свой звукъ». Это выраженіе не только не точно, такъ какъ здѣсь ѣ трактуется лишь какъ знакъ, а не какъ звуковой элементъ, но и не совсѣмъ отвѣчаетъ истинѣ: ибо каждый отмѣченный *еромъ* согласный имѣетъ именно тотъ звукъ, который онъ можетъ имѣть передъ широкими гласными или передъ приступомъ къ ихъ произношенію. Что значатъ слова: согласная *сохраняетъ* свой звукъ? Ей свойственны два звука, смотря по тому, который изъ двухъ элементовъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. Что ѣ въ произношеніи безслѣдно не исчезаетъ, видно изъ того, что если непосредственно за словомъ, кончающимся на ѣ, произнести другое, начинающееся съ и, то этотъ послѣдній звукъ превращается въ ы, напр. *идетъ изъ* звучитъ какъ *идетъизъ*, *зналъ имя* какъ *зналъымя*. Всего яснѣе это обнаруживается при предлогахъ въ, съ, объ, подъ и др., ибо *подъ именемъ*, напр., слышится *подыменемъ*, что особенно наглядно является въ сложныхъ словахъ, гдѣ ы даже и пишется, напр. въ *обыскъ*, *предыдущій*, *сызнова*. Широкое произношеніе и послѣ ѣ есть физиологическая необходимость. Поэтому-то для западнаго Европейца такъ же трудно усвоить себѣ настоящее произношеніе ы, какъ и звуковой элементъ ѣ: еслибъ было справедливо (какъ часто утверждаютъ), что русскія согласныя, отмѣченныя *еромъ*, звучатъ точно такъ же, какъ согласныя другихъ европейскихъ языковъ, то Нѣмцу было бы столь же естественно звукъ и послѣдующаго слова произносить какъ ы, и «er ist» слышалось бы какъ: эрыстъ.

Подобно еру, и *еры* составляетъ для большей части германскихъ филологовъ звукъ неразгаданный. Г. Миклошичъ полагаетъ, что ы въ древне-славянскомъ всегда было двугласнымъ (Lautl. стр. 112) и что въ односложныхъ русскихъ словахъ онъ звучитъ какъ *ый* (тамъ же, стр. 382). Послѣднее мнѣніе лишено всякаго основанія, а что касается перваго, то едва ли можно сомнѣваться, что ы было у славянскихъ народовъ однимъ изъ исконныхъ звуковъ, такъ какъ оно въ тѣсной связи съ *еромъ*: если этотъ послѣдній никогда не былъ яснымъ, полнымъ гласнымъ (что

признано почти всѣми), то *зи* должно было естественно звучать простою гласной; на это указываетъ какъ присутствіе его, такъ и названіе въ кириллицѣ. Поэтому Шлейхеръ, кажется, правъ, ограничивая двугласность ера двумя случаями (Ksl. Formenl. стр. 60). Но о произношеніи *еры* и онъ повидимому не имѣлъ яснаго понятія, приравнивая его не разъ къ нѣмецкому *ü*. Такъ въ «Транскрипціи Кириллицы» (Beiträge I, стр. 31) онъ говоритъ объ этомъ: «можетъ быть, надо произносить его какъ *ÿj*, какъ оно и пишется въ кириллицѣ (*ÿi*), а можетъ быть и какъ нѣмецкое *ü*. Но что сказалъ бы Нѣмецъ, еслибъ онъ изъ устъ Русскаго услышалъ свое слово *Müh* выговореннымъ какъ *мы?*» Стоитъ только обратить вниманіе на различное положеніе рта при произношеніи этихъ двухъ звуковыхъ комплексовъ, чтобы убѣдиться, какъ неудачно это сравненіе.

Г-ну Брюкке (Grundzüge ² стр. 30) въ *еры* также слышится не вполне образованный звукъ *и*¹. Правильное пониманіе звука *ы* находимъ мы только у г. Лепсіуса: онъ признаетъ, что *ы* дѣйствительно какъ *ï* представляетъ сліяніе *у* съ *і*, но вмѣстѣ съ тѣмъ остроумно разъясняетъ разницу между *ï* и *ы*. Вся теорія его объ этомъ послѣднемъ звукѣ такъ интересна, что я считаю полезнымъ привести ее цѣликомъ: «Гласная *е*, говоритъ онъ, не столько занимаетъ середину между *а* и *і*, сколько *и* между *у* и *і*; ибо движеніе отъ *а* къ *і* есть простое, равно устремленное къ одному пункту; движеніе же отъ *у* къ *і*, или обратно, есть двойное, обоюдно перебивающееся. Если сравнимъ, какъ образуются *і* и *у*, то увидимъ, что при образованіи *у* губы кругло протягиваются впередъ, языкъ же отдергивается на самого себя, такъ что въ передней части рта образуется пустое пространство, котораго діаметръ больше нежели входъ и выходъ его, и отъ резонанса котораго происходитъ глухой тонъ этого звука. Для произнесенія *и* дѣлятся функціи обоихъ органовъ: языкъ сохраняетъ то же положеніе, какъ при *і*, губы же принимаютъ положеніе, нужное для *у*. Если слѣдовательно оба эти положенія органовъ рѣчи признаются равно существенными, то *и* дѣйствительно занимаетъ середину

между обоими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что между *i* и *y* должна быть еще *другая середина*, столь же законная. Ибо мы можемъ образовать и такой звукъ, при которомъ губы имѣютъ широкое положеніе для *i*, языкъ же—укороченное положеніе для *y*. Этотъ звукъ не только возможенъ, но и на самомъ дѣлѣ развитъ во многихъ языкахъ, какъ звукъ важный и характеристическій для ихъ фонетики. Это тотъ самый звукъ, который всего болѣе извѣстенъ изъ славянскихъ языковъ, русское *еры*, называемое дебелимъ *i* (*das harte i*) и означаемое въ польскомъ чрезъ *y*. Но этотъ звукъ, по моему мнѣнію, всего первобытнѣе въ татарскихъ языкахъ, какъ то въ турецкомъ, татарскомъ, якутскомъ, гдѣ онъ составляетъ существенную принадлежность соотвѣтствія гласныхъ (*Vokalharmonie*) и повидимому вызванъ главнымъ образомъ послѣдовательностію этого закона. Слѣды *еры* можно указать и въ родственныхъ съ названными дравидскихъ языкахъ Индіи. Невходя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что различеніе заднихъ, низкихъ и глухихъ гласныхъ *a o y* отъ переднихъ, высокихъ и звонкихъ *e, q, ц, i* существуетъ во всѣхъ языкахъ и обнаруживается въ разнообразныхъ явленіяхъ и вліяніяхъ. Его значеніе особенно важно въ тѣхъ языкахъ, гдѣ, какъ въ манджурскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, турецкомъ, якутскомъ, мадьярскомъ, финскомъ, оно служитъ основаніемъ свойственнаго имъ соотвѣтствія гласныхъ. Такъ называемымъ дебелимъ (*harten*) гласнымъ *a o y*, произносимымъ съ *отдернутымъ назадъ* языкомъ, соотвѣтствуютъ въ томъ же порядкѣ произносимыя съ *протянутымъ впередъ* языкомъ такъ называемыя мягкія (*weichen*) гласныя *e, q, ц*. Четвертому мягкому гласному *i* не было бы соотвѣтствующаго дебелаго, если бъ въ правильную систему звуковъ не было принято выше описанное *ы*, т. е. такое *i*, которое выговаривается съ *отдернутымъ* до нѣбнаго пункта языкомъ. Теперь другъ другу отвѣчаютъ *a o y ы* и *e, q, ц, i* ¹⁾.

¹⁾ Abhandlungen der Königl. Akademie des Wissenssch. zu Berlin 1861, «Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift», стр. 150.

Сверхъ широкаго и (ы, поль. у) есть въ польскомъ еще широкое е, которое особенно ясно слышится послѣ дебелаго л (лъ), какъ напр. въ *leb, lecht, lew, lezka* (что по-русски слѣдовало бы писать: лѣэбъ, лѣэхтъ, и пр.), — звукъ, на который германскіе филологи до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Правда, и Русскіе произносятъ его при встрѣчѣ двухъ словъ, изъ которыхъ первое кончается *еромъ*, а второе начинается съ широкаго э, какъ напр. въ словахъ: *зналъ это*; но въ серединѣ словъ это э у насъ невозможно. Въ началѣ слова это э можетъ образоваться въ русскомъ языкѣ вообще послѣ широкихъ согласныхъ (отмѣченныхъ *еромъ*), напр. *объ этомъ, съ этого, двухъэтажный*, въ коихъ слоги *бэ, сэ, хэ* звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ въ такихъ сочетаніяхъ: *объ этимъ, съ этимъ*, гдѣ э, несмотря на предшествующій з, произносится узко, сообразно съ послѣдующимъ мягкимъ звукомъ (ти).

Это различіе основывается на законѣ, давно уже и не разъ указанномъ мною, но до сихъ поръ еще не всѣми признаваемомъ (см. мои Филол. Разысканія, т. I, стр. 265 и т. II, стр. 31, 315). Впрочемъ г. Миклошичъ (Lautl., стр. 374) уже упомянулъ объ этомъ двойкомъ произношеніи звука э (е, ѣ) по наблюденію нашего академика Бетлинга, который независимо отъ меня также замѣтилъ эту разницу. Люди, еще сомнѣвающіеся въ справедливости нашего наблюденія, которое подтвердить всякій не лишенный сколько-нибудь тонкаго слуха, могутъ для повѣрки послушаться особенно въ произношеніе азбучныхъ названій *эръ* и *эръ*.

Едва ли кто, произнеся ихъ, можетъ не замѣтить поразительной разницы въ выговорѣ не только *р*, но и *е* въ томъ и въ другомъ словѣ: для этого стѣбитъ только, произнеся *е* для *рѣ*, вдругъ попробовать приложить къ гласной звукъ *рѣ* и на оборотъ, т. е. какъ *рѣ* не придется къ *ѣ*, такъ и *рѣ* не придется къ *ѣ*.

Ограничусь на этотъ разъ изложенными замѣчаніями. Само собою разумѣется, что мое несогласіе съ германскими филологами по нѣкоторымъ вопросамъ нашей фонетики нисколько не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить услуги, оказанныя ими изученію славянскихъ языковъ, къ оживленію и успѣхамъ котораго они много

содѣйствовали не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи. Не менѣе благодарности заслуживаютъ и тѣ изслѣдователи, которые оказываютъ этому изученію косвенную пользу трудами по физиологіи звуковъ. Изъ новыхъ дѣятелей по этой части я не разъ ссылаюсь на гг. Сиверса и Крейтера. Книга перваго *Grundzüge der Lautphysiologie* явилась въ 1876 г. какъ введение въ бібліотеку индо-европейскихъ грамматикъ, изданіе, принятое въ Лейпцигѣ обществомъ ученыхъ.

О сущности взглядовъ г. Крейтера, выступившаго съ своею *Lautverschiebung* годомъ позже Сиверса, читатели могли уже судить по сдѣланнымъ мною выпискамъ изъ приложенія къ этому труду.

Г. Сиверсъ, съ своей стороны, находя старинное раздѣленіе звуковъ на гласные и согласные, не вполне удовлетворительнымъ, предлагаетъ новое: смотря по тому, на какой звукъ падаетъ главное удареніе слога, онъ дѣлитъ звуки на *сонанты* и *консонанты*, разумѣя подъ послѣдними такіе вообще звуки, которыми только сопровождаются носящіе главное удареніе. Основаніемъ этого дѣленія служитъ функція (роля), исполняемая звуками въ словѣ. Изъ этого видно, что г. Крейтеръ только развилъ далѣе теорію, созданную его предшественникомъ.

Въ отношеніи къ самой сущности звуковъ и ихъ акустическому характеру г. Сиверсъ принимаетъ слѣдующіе разряды:

I. Звонкіе (*Sonore*), подраздѣляемые имъ на:

1. Гласные.
2. Плавные.
3. Носовые.

II. Шумящіе (*Geräuschlaute*), и именно:

1. Смычные или взрывочные (*Verschluß-oder Explosivlaute*).
 - а. Шопотные (*tenues, tonlose mediae*).
 - б. Голосовые (*tönende mediae*).
2. Спиранты или проточные:
 - а. Шопотные (напр. ф, с, х, ш).
 - б. Голосовые (напр. в, з, ж).

На ряду съ германскими изслѣдователями, способствовавшими въ недавнее время успѣхамъ физиологiи звуковъ, надо поставить молодого шведскаго ученаго, доцента Упсальскаго университета Лефлера (L. F. Leffler), который въ своемъ трудѣ: *Några ljudfysiologiska undersökningar rörande konsonantljuden*¹⁾ занялся разсмотрѣнiемъ двухъ вопросовъ: 1) дѣйствительно ли артикулируется дважды согласная, удвоаемая на письмѣ, напримѣръ въ словѣ *труппа*; и 2) въ чемъ собственно заключается физиологическое различiе между такъ называемыми твердыми (*mutae tenues*: п, т, к) и мягкими мгновенными звуками (*mutae mediae*: б д г).

Не касаясь второго вопроса, разрѣшенiе котораго представляеть большiя трудности, я здѣсь укажу только на выводы, къ которымъ г. Лефлеръ приходитъ по первому, и на употребленные имъ остроумные приемы для разрѣшенiя его. Но прежде надо упомянуть о господствующемъ въ наукѣ, согласно съ заключенiемъ Брюкке, взглядѣ на этотъ предметъ, принятомъ и мною въ моихъ *Филологическихъ Разысканiяхъ*. «Въ физиологическомъ смыслѣ, сказано тамъ (т. II, стр. 249), удвоенiя одного и того же согласнаго звука въ словѣ не бываетъ, а есть только способъ произношенiя его, который на письмѣ такъ означается. Когда мы пишемъ: *труппа*, *матта*, *Мекка*, то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды исполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, что должно бы слышаться, если бъ мы написали: *труппъ-па*, *матъ-та*, *Меккъ-ка*. Цѣль двойнаго начертанiя согласной—только показать, что при артикулованiи звука должно произойти его удлиненiе, или, точнѣе, что раздѣленiе слога должно пасть не между гласною и согласною (*тру-па*), не передъ согласною, а на самую эту букву. При этомъ артикуляцiя звука, если онъ мгновенный (п, б; т, д; к, г), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положенiе, нужное для образованiя преграды, а потомъ, послѣ неболь-

¹⁾ Upsala Universitets Årsskrift на 1874 годъ.

шой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (в ф, з с, ж ш, м н р л) просто протягивается. Г. Леффлеръ утверждаетъ, что мнѣніе Брюкке относительно мгновенныхъ согласныхъ въ этомъ случаѣ несправедливо, что звукъ дѣйствительно удвоится, съ тою только разницею, что сперва мы образуемъ его *затворомъ*, а потомъ, во второй разъ, *растворомъ*, т. е. что когда мы произносимъ напр. *труп-*, *мат-*, *мек-*, то хотя преграда еще не разрѣшена, однакожь звукъ уже вполне образованъ. Чтобы доказать это, г. Леффлеръ предварительно пересматриваетъ всю теорію смычныхъ звуковъ (Verschlusslaute), иначе мгновенныхъ, которые онъ называетъ *klusela ljud*; по его опредѣленію, это такіе звуки, которые для своего образованія требуютъ прегражденія (afsprægging) воздушнаго тока совершеннымъ затворомъ какъ носового канала (посредствомъ небной занавѣски), такъ и полости рта (посредствомъ губъ или языка). Эти смычные звуки онъ раздѣляетъ на два разряда:

1) Звуки, которые происходятъ при образованіи затвора, т. е. когда выдыхаемый воздушный токъ преграждается закрытіемъ носового канала и полости рта: это *затворные* (*implosiva*) смычные звуки; въ типической системѣ знаковъ буквы для этихъ звуковъ должны бы имѣть особую примѣту, наприм. горизонтальную черточку съ лѣвой стороны: $\bar{п}$, $\bar{т}$, $\bar{к}$; $\bar{б}$, $\bar{д}$, $\bar{г}$.

2) Звуки, происходящіе, когда вогнанный въ полость рта и здержанный преградою воздухъ выпускается открытіемъ загражденнаго пути; это *растворные* (*explosiva*) смычные звуки; для отличія ихъ отъ предыдущихъ слѣдовало бы отмѣчать ихъ черточкою съ правой стороны: $\bar{п}$, $\bar{т}$, $\bar{к}$; $\bar{б}$, $\bar{д}$, $\bar{г}$.

Эта теорія отличается отъ установленной профессоромъ Брюкке и принятой другими физиологами тѣмъ, что они для полнаго образованія смычного звука считаютъ оба акта необходимыми, и потому даютъ звукамъ этого рода еще другое названіе, обнимающее какъ приготовительный затворъ, такъ и разрѣшеніе его, — названіе *explosivae* (взрывочные). Съ перваго взгляда мнѣніе г. Леффлера представляется совершенно основательнымъ, но

при ближайшей повѣркѣ его однакожь оказывается, что звуки п б, т д, к г, образованные только затворомъ, напр. въ словахъ: труп, аб, мат, Ад, Мек, Баг, не могутъ считаться вполне образованными пока они не опредѣлятся окончательно растворомъ; безъ этого послѣдняго они такъ неясны, что трудно и распознать ихъ по одному слуху, т. е. не слѣдя за самыми движеніями устныхъ органовъ. Слѣдовательно нельзя не согласиться съ г. Брюкке, что для полного образованія звука затворъ долженъ быть дополненъ растворомъ, какъ видно напр. въ словахъ: *трупъ, абъ, матъ, адъ, мекъ, Багъ*. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ: труп-па, аб-батъ, мат-га, Ад-да, Мек-ка, Баг-ге, чѣмъ отличается произношеніе этихъ звукосочетаній отъ выговора слѣдующихъ: тру-па, а-батъ, ма-га, Ме-ка, ба-ге? Въ обоихъ случаяхъ полный звукъ образуется одинакимъ образомъ, но разница въ томъ только, что во второмъ случаѣ мы не отдѣляемъ затвора отъ раствора; въ первомъ же относимъ затворъ къ предъидущему слогу, а растворъ отдѣляемъ отъ него и относимъ къ послѣдующему.

Г. Леффлеръ въ своемъ разсужденіи не касается славянскихъ языковъ, и только однажды, мимоходомъ, замѣчаетъ о ихъ письмѣ, что оно не точно передаетъ произношеніе, не означая начертаніями удвоенія звуковъ. На это слѣдуетъ возразить, что такъо дѣйствительно обычай въ письменности нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, напр. Чеховъ и Сербовъ, но у насъ преобладаетъ однакожь правило означать и на письмѣ слышимое въ выговорѣ удвоеніе звуковъ.



ИЗВЛЕЧЕНІЕ
ИЗЪ ПРОТОКоловъ ЗАСѢДАНІЙ АКАДЕМІИ.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 7 Октября 1877 года.

Доведено до свѣдѣнія Собранія, что 6-го минувшаго сентября въ Москвѣ скончался членъ-корреспондентъ Отдѣленія русскаго языка и словесности О. М. Бодянской.

Академикъ Я. К. Гротъ читалъ отчетъ о своей поѣздкѣ въ Швецію, для присутствія, въ качествѣ делегата Академіи, на четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. — Этотъ отчетъ будетъ напечатанъ въ Запискахъ Академіи.

Е. К. Огородниковъ, при письмѣ отъ 4-го октября, доставилъ изданныя имъ сочиненія, подъ заглавіями: 1) *Мурманскій и Терскій берега по Книгѣ большаго чертежа. СПб. 1869* и 2) *Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей съ ихъ притоками, по Книгѣ большаго чертежа. СПб. 1877.*

Тайный Совѣтникъ Ю. В. Толстой, письмомъ отъ 28-го сентября, и профессоръ А. Г. Брикнеръ, письмомъ отъ 26-го сентября, благодарятъ за Уваровскія преміи, присужденныя первому — за его сочиненіе: *Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россією и Америкой*, а второму — за изданное имъ сочиненіе: *Иванъ Посошковъ, часть I.*

Полковникъ Н. Ѳ. Дубровинъ (письмомъ отъ 19-го сентября), членъ-корреспондентъ Академіи А. А. Потемня (письмомъ изъ Харькова отъ 23-го сентября) и профессоръ И. Д. Мансветовъ (письмомъ изъ Москвы отъ 28-го сентября) благодарятъ за золотыя медали, присужденныя имъ на XXI соисканіи Уваровскихъ наградъ.

Академія естественныхъ наукъ въ Девенпортѣ (въ Сѣверо-Америк. Соедин. Шт.) доставила первый томъ отчетовъ объ ея засѣданіяхъ и проситъ объ установленіи взаимнаго обмѣна изданіями между нею и Академіею наукъ. — Положено доставлять въ Девенпортскую Академію Бюлетень, начиная съ перваго выпуска печатаемаго нынѣ тома.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленныя имъ изданія Академіи: 1) Лицей естественной исторіи въ Нью-Йоркѣ (отношеніями отъ 15-го іюля 1874, 8-го ноября 1875 и 10-го января 1876 г.), 2) Американское Географическое Общество въ Нью-Йоркѣ (отн. отъ 2-го февраля и 13-го марта 1877 г.), 3) Американское Философское Общество въ Филадельфін (отн. отъ января 1876 и февраля 1877), 4) Библіотека Вирцбургскаго университета (отн. отъ 23-го іюля 1877) и 5) Институтъ Осолинскихъ въ Львовѣ (отн. отъ 19-го сентября 1877).

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланныя Академіи въ даръ:

Отъ Императорскаго Общества Испытателей природы.

Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou, 1877 № 2.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ.

Полное Собраніе постановленій и распоряженій по православному духовному вѣдомству, т. III и IV.

Отъ Императорской Академіи Художествъ.

Отчетъ Императорской Академіи Художествъ за 1875 — 1876 годъ. СПб. 1877.

Отъ Курляндскаго Общества литературы и искусства, въ Митавѣ.

Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst für 1876.

Отъ Кіевской Духовной Академіи.

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1877 Августъ № 8.

Руководство для сельскихъ пастырей. № 36.

Поторжинскій, М. А. Святоотеческая христоматія (Пособіе къ изученію исторіи христіанской церковной проповѣди). Кіевъ 1877.

Отъ Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества по свеклосахарной промышленности.

Записки Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества по свеклосахарной промышленности. 1877 Іюль и Августъ. Томъ VII. Выпускъ 4.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Христіанское Чтеніе. 1877. Сентябрь — Октябрь,
Церковный Вѣстникъ. 1877. №№ 28 — 30, 34 — 39.

Отъ Университета Св. Владимира въ Кіевѣ.

Университетскія Извѣстія. № 8. Августъ 1877.

Отъ Варшавскаго Университета.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1877. № 3.

Отъ Харьковскаго Университета.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета. 1876 года.
Т. III.

Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
1877. Томъ XIII. Выпускъ 3-й.

Отъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и
сводъ привилегій, издаваемыхъ по департаменту торговли и ману-
фактуръ. 1877 годъ. Выпускъ 4-й.

Отъ Директора Лейденской Обсерваторіи.

Van de Sande Bakhuyzen, H. G. Verslag van den staat der
sterrenwacht te Leiden en van de aldaar volbrachte werkzaamhe-
den, in het tijdvak van den eersten Juli 1875 tot dee laatste dagen
der Maand Juni 1876. Amsterdam. 1876.

Van de Sande Bakhuyzen, Catalogus van de boeken op 1.
Januari 1877 aanwezig in de bibliotheek der sterrenwacht te Lei-
den, 'sGravenhage. 1877.

Отъ Географическаго Общества въ Антверпенѣ.

Bulletin de la Société de géographie d'Anvers. Tome I. 2^o fasci-
cule.

Отъ Редакціи журнала «L'Investigateur».

L'Investigateur. Mars—April 1877.

Отъ Князя Бонкомпаньи.

Bulletino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e
fisiche. Tome X. Giugno, Luglio, Agosto 1877.

Отъ Этномонологическаго Общества въ Брюсселѣ.

Compte-Rendu de l'Assemblée mensuelle du 1^{or} Septembre 1877.
Série II. № 42.

Отъ Редакціи журнала «Nature».

Nature. Vol. 16. №№ 411—415.

Отъ Редакціи журнала «La Nature».

La Nature. 1877. №№ 225 — 227.

Отъ Статистическаго Бюро въ Франкфуртъ на Майнъ.

Statistische Mittheilungen über den Civilstand der Stadt Francfurt am Main im Jahre 1876.

Отъ Академіи Наукъ въ Мюнхенъ.

Sitzungsberichte der philosophisch - philologischen und historischen Classe der K. b. Akademie der Wissenschaften zu München. 1877. Heft. II.

Отъ Географическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société de géographie. Août 1877.

Отъ Географическаго Общества въ Бременъ.

Westsibirische Forschungsreise, 1876 unter Führung von Dr. O. Finsch. Catalog der Ausstellung ethnographischer und naturwissenschaftlicher Sammlungen.

Отъ Северо-Американскаго Департамента Внутреннихъ Дѣлъ.

Report on the rocky mountain locust and other insects new injuring or likely to injure field and garden crops in the western states and territories. By A. S. Packard, Jr. M. D.

Отъ Нѣмецкаго Геологическаго Общества въ Бременъ.

Zeitschrift der Deutschen geologischen Gesellschaft. XXIV Band. 2 Heft.

Отъ Общества Естественной Исторіи и Медицины въ Гейдельбергъ.

Verhandlungen des Naturhistorisch-Medicinischen Vereins zu Heidelberg. Neue Folge. 2 Band. 1 Heft.

Отъ Ватландскаго Общества Естественныхъ Наукъ въ Лозаннъ.

Bulletin de la société Vandoise des sciences naturelles. 2° S. Vol. XV. № 78.

Отъ Редакціи журнала «Le Mouvement médical».

Le mouvement médical. № 37. 15 Septembre 1877.

Отъ Американскаго Философскаго Общества въ Филадельфіи.

Proceedings of the American Philosophical society. Vol. VII. July — December, 1859. № 62.

Proceedings of the American Philosophical society. Vol. X. 1865. № 74.

Отъ Зоологическаго Общества въ Лондонъ.

Transactions of the zoological society of London. Vol. X. Part. 2. Proceedings of the scientific meetings of the zoological society of London. For the year 1877. Part. II.

Отъ Общества Спектроскопистовъ въ Палермо.

Memorie della società degli spettroscopisti italiani. Dispensa 8^o.
 Agosto 1877. Dispensa 9^o Settembre 1877.

Отъ Геологическаго Общества въ Лондонѣ.

The quarterly journal of the geological society. Vol. XXXIII. Part.
 3. № 131. 1877.

Отъ Папской Линцейской Академіи въ Римѣ.

Atti dell' Accademia pontificia de' nuovi Lincei. Anno XXX. Sessione
 III^a del 18 febbraio 1877.

Отъ Геологическаго Общества въ Корнуэль.

Transactions of the royal Geological Society of Corn-Wall. Vo-
 lume the ninth. Part the third.

The sixty-third annual report of the council, with the presi-
 dent's address, and treasurer's and librarian's reports, etc. etc.

Отъ Геологическаго Общества въ Парижѣ.

Bulletin de la société géologique de France. 3^o. Série. Tome 4^o.
 1876. № 12.

Отъ Университета въ Бреславлѣ.

Диссертации и другія сочиненія, числомъ 42.

Отъ Общества Искусствъ и Древностей въ Ульмѣ и Верхней Швабии.

Korrespondenzblatt des Vereins für Kunst und Alterthum in Ulm
 und Oberschwaben. № 9. 1877.

Отъ Асторозъ.

Puscariu, Johann Ritter von. Das Stereometer, privilegiertes
 Körper-Messinstrument. Budapest, 1877.

Trafford, T. W. C. Amphiorama ou la vue du monde. Phénomène
 inconnu pour la première fois observé et décrit par T. W. C. Trafford.
 Lausanne 1877.

Berg, Carlos. Untersuchungen über die Gattung *Mimallo* Hübner's
 und ihre Arten.

Berg, Carlos. Patagonische Lepidopteren, beobachtet auf einer
 Reise im Jahre 1874.

Berg, Carlos. Estudios lepidopterológicos acerca de la fauna
 argentina oriental y brasilera (Articulos publicados en los «Anales
 de la Sociedad científica Argentina») (con lancina). Buenos Aires.
 1877.

Berg, Carlos. Enumeracion de las plantas europeas que se hal-
 lan como silvestres en la provincia de Buenos Aires y en Patagonia.
 Buenos Aires. 1877.

Berg, Carlos. Orugas acuáticas de la familia de Bombycidae, Palustra Azollae y Palustra tenuis. Buenos Aires 1876.

Berg, Carlos. Beiträge zu den Pyralidinen Südamerika's.

v. Moor, Conradin. Bündnerische Geschichtschreiber und Chronisten. 10. Publication. Cur. 1877.

Kirchhoff, Th. Ein Beitrag zur Aphasie im Sinne der Localisation psychischer Functionen. Kiel. 1877. (5 экземпляръ).

Lorenzoni, Giuseppe. Giovanni Santini. La sua vita e le sue opere. Padova. 1877.

Schuermans, H. Inscriptions romaines d'Arlon. Liège. 1876.

Schuermans, H. Inscriptions belges à l'étranger (Suite). Liège (Extrait du Bulletin des Commissions royales d'art et d'archéologie).

Schuermans, H. Sur les horae belgicae du D' Fr. X. Kraus. Liège. 1872 (Extrait du Bulletin des Commissions royales d'art et d'archéologie).

ЗАСѢДАНІЕ 7 НОЯБРЯ 1877 ГОДА.

Почетный членъ А. Ѳ. Миддендорфъ сообщилъ, что получивъ порученіе посѣтить съ учено-прикладною цѣлью, на шесть мѣсяцевъ, Ферганъ, онъ отправляется туда въ началѣ января будущаго 1878 года. Выбѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ Академіи, не найдетъ ли она нужнымъ поручить ему исполненіе какихъ-либо ученыхъ порученій во время этого путешествія, причемъ присовокупляетъ, что въ случаѣ, если бы Академія заблагоразсудила прикомандировать къ его экспедиціи, пользующейся уже участіемъ двухъ сотрудниковъ, еще одно лицо, которое могло бы заниматься собираніемъ предметовъ для академическихъ музеевъ, то онъ не преминулъ бы распространить и на это лицо полное содѣйствіе, обѣщанное экспедиціи со стороны г. Туркестанскаго генераль-губернатора. — Общее Собраніе, принявъ съ благодарностью предложеніе г. Миддендорфа относительно исполненія имъ порученій Академіи, положило: пригласить каждое изъ трехъ Отдѣленій Академіи обсудить тѣ вопросы, которыхъ могли бы касаться таковыя порученія. По Физико-Математическому Отдѣленію — члены біологическаго разряда заявили, что они представляютъ свое донесеніе по этому дѣлу Отдѣленію въ ближайшемъ засѣданіи онаго; по Отдѣленію же Историко-Филологическому, подобное заявленіе сдѣлано членами разряда Восточныхъ языковъ и словесности.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Общаго Собранія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія сочиненія Академика Я. К. Грота: 1) *Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилей Упсальскаго Университета* и 2) *Екатерина II и Густавъ III* (Приложенія № 6 къ XXX тому и № 1 къ XXXI тому Записокъ Академіи).

Членъ-корреспондентъ А. Ф. Поттъ, письмомъ изъ Галле отъ 6-го ноября н. ст., благодаритъ за поздравительный адресъ, полученный имъ отъ Академіи по случаю празднованія пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности.

При этомъ читано отношеніе г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 3-го ноября, о томъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Государственнаго Канцлера, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 8 (20) день октября, пожаловать г. Потта кавалеромъ ордена св. Станислава 1-й степени.

Профессоръ Э. Фортинскій, письмомъ изъ Кіева отъ 5 октября, благодаритъ за золотую Уваровскую медаль, присужденную ему за составленіе рецензій на сочиненіе г. Геденова «Варяги и Русь».

Читано донесеніе Академика А. А. Куника слѣдующаго содержаніе:

«Въ августѣ сего года отставной полковникъ сербской службы Димитрій Вуковичъ Караджичъ представилъ въ Академію каталогъ библіотеки, оставшейся послѣ отца его, Вуки Стефановича, знаменитаго сербскаго патріота и литератора, и заявилъ готовность уступить оную Академіи за сумму въ 600 рублей.

«Библіотека эта, будучи перевезена въ Петербургъ, находилась въ Комитетѣ Иностранной Цензуры, откуда, согласно постановленію Общаго Собранія 4-го октября сего года, вытребована Академіей для разсмотрѣнія. Исполняя возложенное на меня Академіею порученіе, имѣю честь донести, что при сличеніи самыхъ книгъ съ рукописнымъ каталогомъ оказалось, что послѣдній составленъ лицомъ малосвѣдущимъ; такъ между прочимъ составитель каталога нерѣдко принималъ имена переводчиковъ или издателей за имена авторовъ, опуская годъ и мѣсто изданія и т. д.

«Затѣмъ хотя библіотека не очень многотомна, однако она представляетъ собою собраніе книгъ весьма разнообразнаго содержанія. Почему я призналъ необходимымъ составить новый каталогъ Вукова собранія, руководствуясь при этомъ потребностью нашей академической библіотеки. За краткостью времени невозможно было довести составленіе новаго каталога до конца, такъ что пришлось

ограничиться описаніемъ отобранныхъ мною книгъ, приобрѣтеніемъ которыхъ представляется благопріятный случай значительно пополнить существующіе пробѣлы въ Академическомъ небольшомъ собраніи книгъ, напечатанныхъ на нарѣчійхъ южно-славянскихъ народовъ и въ особенности на сербскомъ нарѣчій.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ родился въ Сербіи въ 1787 г., стало быть въ тѣ времена, когда, подъ гнетомъ турецкаго владычества, число грамотныхъ людей въ собственной Сербіи было весьма незначительно. Вукъ принадлежалъ къ этимъ немногимъ представителямъ тогдашней сербской интеллигенціи внѣ предѣловъ Австрійской монархіи. Какъ молодой человекъ онъ, во время первой борьбы за независимость, исправлялъ должность секретаря у различныхъ (неграмотныхъ) народныхъ вождей, между прочимъ у извѣстнаго Кара-Георгія, съ которымъ ему пришлось искать въ 1813 г. убѣжище въ Австрійскихъ владѣніяхъ. Съ того времени Вукъ постоянно жилъ въ Вѣнѣ, изрѣдка объѣзжая для литературныхъ цѣлей области, занимаемыя Сербами въ Венгріи, Турціи и Далмаціи. Въ 1819 г. онъ посѣтилъ Москву и Петербургъ и тогда-то императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ ему пожизненную пенсію въ 100 червонцевъ.

Въ исторіи народнаго возрожденія Сербовъ Вукъ на всѣ времена сохранить свою славу. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы Сербы, отказываясь отъ искусственнаго церковно-литературнаго языка, снова писали на чисто народномъ говорѣ. Въ связи съ этимъ стремленіемъ было усердіе собирать изъ устъ народа пѣсни, сказки и пр. Обнародованіе этихъ пѣсней, особенно эпического содержанія, обратило на себя гдѣтъ 60 тому назадъ всеобщее вниманіе литературныхъ знаменитостей тогдашней Европы. Съ той поры молодое поколѣніе стало смотрѣть на Вука какъ на литературнаго патріарха сербскаго племени и до самой смерти онъ пользовался непритворнымъ уваженіемъ всѣхъ выдающихся личностей на сербскомъ литературномъ горизонтѣ. Подобное же уваженіе онъ снискалъ себѣ и у другихъ славянскихъ народовъ.

Ограниченность матеріальныхъ средствъ покойнаго Вука препятствовала ему, конечно, составить болѣе обширную бібліотеку по предмету любимыхъ имъ занятій, такъ что большая часть предлагаемаго намъ собранія Вука, повидимому, состоитъ изъ сочиненій, поднесенныхъ ему въ періодъ съ 1814 по 1864 г., многочисленными почитателями его, преимущественно же сербскими литераторами Венгріи, Кроаціи, Далмаціи, Бѣлграда и Черной Горы.

Эти то подаренныя ему сочиненія составили, въ совокупности, богатый литературный вкладъ. Извѣстно, что торговля сербскими книгами и по нынѣ въ плохомъ состояніи, а въ бывшя времена сербскіе литераторы, и въ томъ числѣ самъ Вукъ, обыкновенно приступали къ печатанію своихъ сочиненій не иначе, какъ собравъ предварительно извѣстное число подписчиковъ, и затѣмъ сочиненія выпускались въ свѣтъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, которые впослѣдствіи было уже трудно приобрѣтать покупкою, почему въ собраніи книгъ Вука встрѣчается много библиографическихъ рѣдкостей.

Число имѣющихся въ Академической Библіотекѣ сочиненій на южно-славянскихъ нарѣчіяхъ не велико, и потому приобрѣтеніемъ коллекціи Вука обогатилась бы наша Библіотека, въ особенности изданіями двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ чемъ у насъ ощущается недостатокъ. При составленіи каталога мною уже выбрано 400 названій, которыхъ у насъ вовсе не имѣется; въ это число не вошли журналы и болѣе двухъ сотъ брошюръ не описанныхъ еще, изъ коихъ я полагаю отобрать еще до ста названій.

Что касается до періодическихъ изданій, то Библіотека Вука ими не богата. Недостають даже тѣхъ сербскихъ газетъ, въ которыхъ онъ состоялъ сотрудиномъ.

Въ Академической Библіотекѣ вовсе нѣтъ учено-литературнаго журнала: *Сербско-Далматински Магазинъ*, изъ котораго имѣется у Вука 18 «книжгъ»; затѣмъ у насъ недостають первыхъ годовъ имѣющагося у Вука, учено-литературнаго журнала, издававшагося венгерскими Сербами, съ 1825 г., подъ заглавіемъ: *«Сербске Литотиси»*. Далѣе извѣстнаго журнала *«Коло»* я приобрѣлъ для Библіотеки только первые три выпуска, остальные же имѣются въ собраніи Вука.

Сочиненій на польскомъ и чешскомъ, новоболгарскомъ и крайно-словенскомъ языкахъ въ коллекціи Вуковыхъ книгъ встрѣчается весьма мало. Изъ русскихъ книгъ я пока могъ выбрать только двѣ, которыхъ въ нашей Библіотекѣ нѣтъ. Изъ книгъ, напечатанныхъ на нѣмецкомъ и италіянскомъ языкахъ, я, отдѣливъ 100 съ небольшимъ названій, передалъ ихъ предварительно во второе Отдѣленіе академической Библіотеки.

По выслушаніи сего донесенія, Общее Собраніе положило приобрѣсти для академической Библіотеки тѣ изъ книгъ В. Караджича, которыя не составляютъ для нея дублетовъ.

Слѣдующія учреждения благодарятъ за доставленныя имъ изданія Академіи: 1) Королевская Обсерваторія въ Кигѣ (отношеніемъ отъ 12-го ноября н. ст.), 2) Нидерландское Зоологическое Общество въ Лейденѣ (отъ 1-го ноября), 3) Королевско-Велико-герцогскій Институтъ въ Люксембургѣ (отъ 31-го октября), 4) Университетская бібліотека въ Бреславѣ (отъ 7-го ноября), 5) Королевское Общество въ Эдинбургѣ (отъ 6-го ноября), 6) Гарвардскій коллегій въ Кембриджѣ Масас. (отъ 13-го октября) и 7) Смитсовіанскій Институтъ въ Вашингтонѣ (отъ 27-го сентября).

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланны Академіи въ даръ:

Отъ Кіевскаго Общества Естествоиспытателей.

Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ V (2).
Выпускъ 2.

Отъ Редакціи журнала «Филологическія Записки».

Филологическія Записки. Выпускъ IV. 1877.

Отъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеринбургѣ.

Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. Томъ II, Выпускъ II.

Отъ Кіевской Духовной Академіи.

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1877. Сентябрь. № 9.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Церковный Вѣстникъ. 1877. №№ 40—42.

Отъ Университета св. Владиміра въ Кіевѣ.

Университетскія Извѣстія. Годъ 17. № 9. Сентябрь.

Отъ Новороссійскаго Университета въ Одессѣ.

Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета. Томъ 23.

Отъ Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества.

Медицинскій Сборникъ. № 25. Годъ 14.

Протоколъ Засѣданія Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества. 1-го іюня 1877 года, № 5, и 16-го сентября 1877 № 6.

Отъ Орловскаго Статистическаго Комитета.

Адресь-Календарь Орловской губерніи.

Отъ Губернской Земской Управы.

Сборникъ Бессарабскаго Земства. 1877. № 2.

Отъ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи.

А. Шашкинъ, Къ вопросу объ уменьшеніи вреднаго дѣйствія засухъ на растительность. Москва 1877.

Отъ Директора Ботаническаго Сада.

Труды Императорскаго Ботаническаго Сада, томъ V, выпускъ I.

Отъ Гиссенскаго Университета.

Семь сочиненій, изданныхъ Университетомъ.

Отъ Фрейбургскаго Университета.

Тридцать-семь сочиненій и диссертаций, изданныхъ Университетомъ.

Отъ Естественноисторическаго Общества въ Копенгагенъ.

Videnskabelige Meddelelser fra Naturhistorisk Forening i Kjøbenhavn for Aaret 1877.

Отъ Редакціи журнала «La Nature».

La Nature. 1877. №№ 229, 230, 231, 232

Отъ Редакціи журнала «Nature».

Nature. 1877. №№ 416, 417, 418. Vol. 17.

Отъ Геологическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société géologique de France. 3^{me} Série. T. V. 1877. № 6.

Отъ Венгерскаго Геологическаго Института въ Будапештѣ.

Mittheilungen aus dem Jahrbuche der Kön. Ungarischen geologischen Anstalt. VI Band. 1 Heft. Bemerkungen zu der «Neue Daten zur geologischen und palaeontologischen Kenntniss des südlichen Bakony» betitelten Arbeit von Johann Böckh. Budapest. 1877.

A Magyar kir. földtani intézet évkönyve. VI kötet. 1 füzet. Megjegyzések az «Uj adatok a déli Bakony föld. és őslénytani ismeretéhez» czimü munkához Böckh Jánostól. Budapest. 1877.

Отъ Академіи Наукъ въ Берлинѣ.

Monatsbericht der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1877. Juni, Juli.

Отъ Географическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société de géographie. Septembre 1877.

Отъ Редакціи журнала «La Revue polyhistore».

La Revue polyhistore (На армянскомъ языкѣ).

Отъ Общества Любителей Естествознанія въ Берлинѣ.

Sitzungs-Berichte der Gesellschaft Naturforschender Freunde zu Berlin. Jahrgang 1876.

Отъ Редакціи журнала «Revue Africaine».

Revue Africaine. № 124. Juillet—Août 1877.

Отъ Редакціи журнала «Archiv der Mathematik und Physik».
Archiv der Mathematik und Physik. 81 Theil. 1^o Heft.

Отъ Князя Бонкомпаньи.

Bulletino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche. Tomo X. Settembre 1877.

Отъ Великогерцогской Библиотекъ въ Веймаръ.

Zuwachs der Grossherzoglichen Bibliothek zu Weimar in den Jahren 1874, 1875 und 1876.

Отъ Математическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société mathématique de France. T. V. № 6 et dernier.

Отъ Редакціи журнала «Journal Asiatique».

Journal Asiatique. 7^{me} Série. Tome IX. № 3. Avril — Mai — Juin 1877. Tome X. № 1. Juillet 1877.

Отъ Этномологическаго Общества въ Брюссель.

Compte-rendu de l'Assemblée mensuelle du 13 octobre 1877. Série II. № 43.

Отъ Университета въ Упсаль.

Диссертации и другія сочиненія, изданныя университетомъ.

Отъ Королевской Академіи общественныхъ Наукъ въ Эрфуртѣ.

Jahrbücher der königlichen Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt. Neue Folge. Heft VIII, IX.

Отъ Медицинской Академіи въ Брюссель.

Mémoires couronnés et autres mémoires. Tome IV (Deuxième fascicule).

Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique. Année 1877. 3^{me} Série. Tome XI. № 8.

Отъ Члена-Корреспондента Эжже.

Monuments grecs publiés par l'association pour l'encouragement des études grecques en France. № 5. 1876. Paris.

Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France. 10 Année, 1876. Paris. 1876.

Отъ Авторовъ.

Egger, E. Etudes historiques sur les traités publics chez les grecs et chez les Romains depuis les temps les plus anciens jusqu'aux premiers siècles de l'ère chrétienne. Nouvelle édition. Paris. 1866.

Egger, E. Aristote. Poétique. Avec des extraits de la politique et des problèmes. Traduction française par E. Egger. Paris. 1875.

Egger, E. *Notions élémentaires de grammaire comparée*. Paris. 1876.

Kjerulf, Theodor, D^r. *Om Stratifikationens Spor*. Christiania. 1877.

Todd, D. P. *A continuation of de Damoiseau's tables of the satellites of Jupiter, to the year 1900*. Washington. 1876.

Feistmantel, Ottokar, Dr. *Ueber das Verhältniss gewisser fossilen Floren und Landfaunen untereinander und zu den gleichzeitigen Meeresfaunen in Indien, Africa und Australien*.

Donato Tommasi, *Ricerche fisico-chimiche sui differenti stati allotropici dell' idrogeno*.

Marsh, O. C. *Introduction and succession of vertebrate life in America*.

Weihrauch, Karl, D^r. *Zehnjährige Mittelwerthe (1866 bis 1875) nebst neunjährigen Stundenmitteln (1867 bis 1875) für Dorpat*. 1877. Dorpat.

Holmgren, F. *De la cécité des couleurs dans ses rapports avec les chemins de fer et la marine*. Stockholm.

ЗАСѢДАНІЕ 2 ДЕКАБРЯ 1877 ГОДА.

Надворный Совѣтникъ Н. Григоровичъ, при письмѣ отъ 1-го декабря, представилъ рукописное свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ отечественными событіями 1747—1799 и.*, и просить о допущеніи этого сочиненія къ соисканію учрежденной при Академіи графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородко преміи за лучшее жизнеописаніе князя А. А. Безбородки, согласно программѣ, опубликованной Академіею въ 1870 году. — Положено, принявъ это сочиненіе къ означенному соисканію, рассмотреть его поручить Комисіи изъ Академикомъ: И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомлинова и А. А. Куника.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Общаго Собранія отпечатана и выпущена свѣтъ книжка 2-ая тома XXX-го *Замисокъ Академіи*, съ приложеніями: № 4, П. Чебышева, *О приближенннхъ выраженіяхъ, линейныхъ относительно двухъ полиномовъ*; № 5, Е. Золотарева, *Приложеніе эллиптическихъ функций къ вопросамъ о функцияхъ, наиболее и наименѣе отклоняющихся отъ нуля*; № 6, Я. Грота, *Екатерина II и Густавъ III*, и № 7, Г. Вильда, *Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1875 и 1876 годы*.

Непремѣнный Секретарь сообщилъ, что вслѣдствіе исключенія драматическихъ произведеній изъ числа сочиненій, имѣющихъ право

на соисканіе наградъ графа Уварова (см. засѣданіе Общаго Собраніе 8-го октября 1876 г.), оказывается необходимымъ измѣнить, соотвѣтственно сему, Положеніе объ этихъ наградахъ, утвержденное Конференціею Академіи 7-го ноября 1858 года. Посему онъ входилъ въ совѣщаніе съ учредителемъ Уваровскихъ наградъ и узнавъ его желанія и намѣренія по этому дѣлу, составилъ проектъ новаго о нихъ Положенія. вмѣстѣ съ тѣмъ Академикъ К. С. Веселовскій представилъ Собранію означенный проектъ.— Положено препроводить этотъ проектъ графу А. С. Уварову, съ просьбою о сообщеніи Академіи его заключенія относительно онаго.

Академикъ Я. К. Гротъ представилъ, въ даръ для Библіотеки Академіи, полученный имъ отъ Упсальскаго университета экземпляръ исторіи этого учрежденія, составленной К. Анерстедтомъ и изданной по случаю празднованія четырехстолѣтняго юбилея университета (*Claas Annerstedt, Upsala Universitets Historia, Upsala 1877, 2 тома*).

Академикъ Я. К. Гротъ, отъ имени Отдѣленія Русскаго языка и словесности, заявилъ, что въ настоящемъ году Ломоносовская премія никому нѣ присуждается, вслѣдствіе чего премія нынѣшняго года должна быть, на основаніи § 13 Положенія объ оной, отложена до конкурса 1879 года.

Распорядительный Комитетъ Британскаго Общества преуспѣанія наукъ, отношеніемъ отъ 1-го ноября н. ст., увѣдомляетъ, что будущій съѣздъ Общества назначенъ въ Дублинѣ, 14-го августа н. ст. 1878 г., и приглашаетъ членовъ Академіи, буде кто изъ нихъ пожелаетъ, присутствовать на этомъ съѣздѣ.

Читано представленіе, подписанное Академиками О. В. Струве, К. С. Веселовскимъ и Г. И. Вильдомъ, слѣдующаго содержанія:

«Имѣемъ честь предложить къ избранію въ почетные члены Академіи г. Директора телеграфовъ и Телеграфнаго департамента тайн. совѣтн. К. К. Людерса. Свое живое участіе къ наукѣ г. Людерсъ доказалъ не только постояннымъ содѣйствіемъ Телеграфнаго вѣдомства разнымъ ученымъ предпріятіямъ, какъ то: астрономическимъ опредѣленіямъ, передачѣ метеорологическихъ телеграмъ и т. п., но и въ собенности тѣмъ, что онъ съ успѣхомъ отстоялъ передъ телеграфными дирекціями другихъ государствъ тотъ принципъ, что телеграфы, обязанные своимъ происхожденіемъ наукѣ, должны и съ своей стороны оказывать ей всякую возможную помощь. Мы полагаемъ по этому, что представители

науки исполнять лишь свой долгъ, если избраніемъ г. Людерса въ почетные члены Академіи публично изъявить признательность къ услугамъ, оказаннымъ имъ наукѣ».

По произведенной затѣмъ балотировкѣ шарами, оказалось, что г. Людерсъ соединилъ въ свою пользу все число голосовъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ Конференціи. Вслѣдствіе сего онъ признанъ единогласно избраннымъ въ почетные члены Академіи и положено имя его провозгласить въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря и препроводить къ нему дипломъ на означенное званіе.

Доведено до свѣдѣнія Собранія, что въ засѣданіяхъ Физико-Математическаго Отдѣленія 22-го ноября, Отдѣленія русскаго языка и словесности 2-го декабря и Историко-Филологическаго Отдѣленія 29-го ноября, въ члены-корреспонденты Академіи избраны слѣдующія лица:

I. По Физико-Математическому Отдѣленію.

1) По разряду математическихъ наукъ.

Ст. Совѣтн. **Ө. А. Бредихинъ**, директоръ Московской Обсерваторіи.

А. Секки, директоръ Римской Обсерваторіи.

2) По разряду физическихъ наукъ.

Н. Н. Бекетовъ, профессоръ химіи въ Харьковскомъ Университетѣ.

Сэръ У. Томсонъ.

І. Баррандъ, въ Прагѣ.

II. По Отдѣленію русскаго языка и словесности.

Ө. М. Достоевскій, въ С.-Петербургѣ.

М. И. Миличевичъ, старшій секретарь Сербскаго министерства народнаго просвѣщенія, въ Бѣлградѣ.

А. О. Патера, помощникъ директора Чешскаго музея, въ Прагѣ.

III. По Историко-Филологическому Отдѣленію.

1) По разряду историко-политическихъ наукъ.

Ф. Гиршъ, профессоръ въ Берлинѣ.

Полковникъ Н. Ө. Дубровинъ, въ С.-Петербургѣ.

2) По разряду классической филологіи и археологіи.

Х. В. Фрѣнеръ, въ Парижѣ.

Г. Кейль, въ Галле.

Положено имена исчисленныхъ лицъ провозгласить въ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря и затѣмъ препроводить имъ дипломы на званіе членовъ-корреспондентовъ.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленные имъ издавія Академіи: 1) Физическое Общество въ Берлинѣ (отношеніемъ отъ 3-го іюня 1877 г.), 2) Музей естественной исторіи въ Генуѣ (отн. отъ 15-го ноября за № 479), 3) Итальянское Общество естественныхъ наукъ въ Пизѣ (отн. отъ 12-го ноября), 4) Университетъ въ Боннѣ (отн. отъ 16-го ноября), 5) Физическое Общество во Франкфуртѣ на М. (отн. отъ 29-го марта), 6) Велико-герцогскій институтъ въ Люксембургѣ (отн. отъ 6-го декабря), 7) Національный музей въ Будапештѣ (отн. отъ 27-го ноября), 8) Институтъ Осолинскихъ во Львовѣ (отн. отъ 14-го ноября) и 9) Смитсоніанскій Институтъ въ Вашингтонѣ (отн. отъ 17-го марта и 31-го октября).

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланные Академіи въ даръ:

Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Краткое извлеченіе изъ отчета экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на Лобъ-Норъ и на низовья рѣки Тарима. СПб. 1877.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1877. Выпускъ 4-й.

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Извлеченіе изъ отчета Императорскаго Казанскаго Университета за 1876 годъ. Казань 1876.

Извѣстія и Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Годъ XLIV. 1877. № 4. (Іюль — Августъ).

Отъ Демидовскаго Юридическаго Музея.

Временникъ Демидовскаго Юридическаго Музея. Книга XV.
Отъ Правленія Россійскаго Страховаго отъ огня Общества, учрежденнаго въ 1827 г.

Историческія и статистическія свѣдѣнія о дѣятельности Россійскаго Страховаго отъ огня общества, учрежденнаго въ 1827 г., въ теченіи 50-ти лѣтъ. СПб. 1877.

Отъ Кіевской Духовной Академіи.

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1877. Октябрь. № 10.
Отъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ VIII. №№ 3, 4-й 1877 г.

Отчетъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ 10-й.

Отъ Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества.

Протоколы засѣданій Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества 3-го Октября 1877 года, № 7. 1877/8 г. и 17-го октября 1877 года, № 8. 1877/8 г.

Отъ Казанской Духовной Академіи.

Православный Собесѣдникъ. 1877, Іюль, Августъ.

Извѣстія по Казанской епархіи. 1877 г. №№ 17 — 20.

Систематическій Каталогъ книгъ фундаментальной библіотеки Казанской Духовной Академіи.

Отчетъ о дѣятельности братства Св. Гурія за десятый братскій годъ. Отъ 4-го октября 1875 года по 20 декабря 1876 года.

Положеніе о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и лицъ, получившихъ ученія богословскія степени и званія.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Церковный Вѣстникъ. 1877. №№ 43 — 46.

Христіанское Чтеніе. 1877. Ноябрь — Декабрь.

Отъ Редакціи Журнала «Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ».

Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ Минеральныхъ водъ. 1877. №№ 19, 20.

Отъ Братства Свм. Кукши въ г. Миенскѣ.

Празднество Братства Свм. Кукши и отчетъ за 1876 годъ.

Отъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и Сводъ привилегій, издаваемыхъ по департаменту торговли и мануфактуръ. 1877 годъ. Выпускъ 5-й.

Отъ Университета Св. Владимира въ Кіевѣ.

Университетскія Извѣстія. 1877. № 10. Октябрь.

Отъ Общества Спектроскопистовъ въ Палермо.

Memorie della società degli spettroscopisti italiani. Dispensa 10^o. Ottobre 1877.

Отъ Редакціи журнала «Nature».

Nature. Vol. 17. №№ 419, 420, 421, 422, 423.

Отъ Ботаническаго Общества въ Парижѣ.

Bulletin de la société botanique de France. Tome 23. 1876.

Отъ Редакціи журнала «La Nature».

La Nature. 1877. №№ 233. 234. 235. 236.

Отъ Нѣмецкой Обсерваторіи въ Киль.

Monatliche Übersicht der Witterung. Juni. 1877.

Отъ Королевскаго Венеціанскаго Института наукъ, литературы и искусства.

Tomi di premio proposti dal reale istituto veneto di scienze, lettere ed arti nella solenne adunanza del 15 agosto, 1877.

Отъ Бюро береговыхъ измѣдованій въ Вашингтонѣ.

Methods, discussions and results. Meteorological researches for the use of the coast pilot. Part. I.

Отъ Академіи Наукъ въ Берлинѣ.

Monatsbericht der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. August. 1877.

Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrich II. Erster Bnad.

Отъ Князя Бонкомпаньи.

Bollettino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche. Tomo X. Ottobre 1877.

Отъ Энтомологическаго Общества въ Брюсселѣ.

Compte-rendu de l'assemblée mensuelle du 3 novembre 1877. Série II. № 44.

Отъ Медицинской Академіи въ Брюсселѣ.

Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique. 3^me Série. Tome XI. № 9. 1877.

Отъ Штутгардскаго Статистическаго Бюро.

Württembergische Jahrbücher für Statistik und Landeskunde. Jahrgang 1877. III Heft.

Отъ Геологическаго Общества въ Манчестерѣ.

Transactions of the Manchester geological society. Part. XIV. Vol. XIV. Session 1877 — 1878.

Отъ Линнеевскаго Общества въ Бордо.

Actes de la société Linnéenne de Bordeaux. Tome XXXI. 4^me Série. Tome I. 5^e Livraison. 1877. Avec un atlas.

Отъ Городской Библиотеки въ Марсель.

Catalogue de la Bibliothèque de Marseille. Ouvrages relatifs à la Provence. Essai d'introduction et de classement méthodique par V. Lientaud.

Отъ Постояннаго Комитета Международнаго конгресса въ Будапештъ.

Mémoire sur la commission permanente rédigé sur l'invitation du président par Ch. Hérich.

Отъ Линнеевскаго Общества въ Лондонъ.

List of the Linnean society of London. 1877.

Отъ Папской Линнейской Академіи въ Римъ.

Atti dell' accademia pontificia de' nuovi Lincei. Anno XXX. Sessione IV del 18 Marzo 1877.

Отъ Астрономическаго Общества въ Лондонъ.

Monthly notices of the Royal Astronomical society. Vol. XXXVII. № 9. Supplementary Number.

Отъ Географическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société de géographie. Octobre. 1877.

Отъ Геологическаго Общества въ Лондонъ.

The quarterly journal of the geological society. Vol. XXXIII. November 1, 1877. Part. 4. № 132.

List of the geological society of London. November 1st, 1877.

Отъ Общества Наукъ и Древностей въ Ульмъ и Верхней Швабіи.

Korrespondenzblatt des Vereins für Kunst und Alterthum in Ulm und Oberschwaben. №№ 10, 11. 1877.

Отъ Бюро Делъ въ Парижъ.

Connaissance des temps ou des mouvements célestes à l'usage des astronomes et des navigateurs pour l'an 1879.

Отъ Лорда Линдсея.

Dun Echt Observatory Publications. Vol. I. Dun Echt. Aberdeen. 1877. 4^o.

Отъ Королевской Академіи Исторіи въ Мадридъ.

Boletin de la real Academia de la Historia. Tomo I. Cuaderno 1, Novembre 1877.

Отъ Нѣмецкой Обсерваторіи въ Киль.

Monatliche Übersicht der Witterung. Juli. 1877.

Отъ Авторъ.

Тилло, Алексѣй. Описаніе Арало-Каспійской нивелировки, произведенной въ 1874 году, по порученію Императорскаго Общества и Оренбургскаго его отдѣла. С.-Петербургъ. 1877.

Стрѣкаловскій, И. С. Сборникъ узаконеній о частныхъ золотомъ и горномъ промыслахъ и проч. Часть 1. Иркутскъ, 1877.

Kundrat, Hanns, Dr. Die Selbstverdauungs-Processe der Magenschleimhaut. Graz. 1877.

Barboza du Bocage, J. V. Ornithologie d'Angola. Première partie. Lisbonne. 1877.

Ross, William Alexander. Pyrology, or fire chemistry; a science interesting to the general philosopher, and an art of infinite importance to the chemist, mineralogist, metallurgist, geologist, agriculturist, engineer (mining, civil and military), etc. etc. London, 1875.

Bouvet, M. A. Etude sur la dissociation ou decomposition de l'eau placée en vase clos, produite par l'action électrochimique d'un courant suffisamment énergique, liquéfaction de l'oxygène et de l'hydrogène; production de pressions illimitées.

Airy, G. B. Copy «of the Report on the Telescopic Observations of the *Transit of Venus*, 1874, made in the Expedition of the British Government, and on the Conclusion derived from those Observations». 1877.

Belt, Thomas. The Drift of Devon and Cornwall. (From the Quarterly Journal of the Geological Society for February 1876).

Belt, Thomas. The Steppes of Siberia. (From the Quarterly Journal of the Geological Society for November 1874).

Belt, Thomas. On the Loess of the Rhine and the Danube. (Reprinted from the Quarterly Journal of Science, January 1877). London.

Belt, Thomas. Geological age of the deposits containing flint implements at Hoxne, and the relation that palaeolithic man bore to the glacial period. (Reprinted from the Quarterly Journal of science, July 1876). London.

Krehl, Ludolf. Beiträge zur Charakteristik der Lehre vom Glauben im Islâm. Leipzig. 1877.

Отъ Общества естествоиспытателей Нидерландской Инди, въ Батавию.

Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch-Indie. Deel 34.

Отъ Физическаго Общества, въ Берлинъ.

Pr. Schwalbe, Die Fortschritte der Physik im Jahre 1872. Berlin 1877.

Отъ Общества соединенныхъ естественныхъ наукъ, въ Бернъ.

Denkschriften der Schweizerischen Gesellschaft für die gesammten Naturwissenschaften. Bd. XXVII. Lief. 2.

Отъ Медицинскаго Общества во Франкфуртъ на М.

Jahresbericht über die Verwaltung des Medizinalwesens für das Jahr 1876. Frankfurt am M. 1877.

Отъ Национальнаго Музея въ Будапештъ.

Természetrzaji füzetek. 1877. Bd. I. Heft II — IV.

ЗАСЪДАНІЕ 13 ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

Доложено, что со времени послѣдняго-засѣданія Общаго Собранія окончены печатаніемъ и выпущены въ свѣтъ: 1) М. И. Сухомлинова, *Рѣчь въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I* (Приложеніе къ XXXI тому Записокъ Академіи, № 2), 2) *Библиографическія и историческія замѣтки. Орловскій договоръ. Происхожденіе Екатерины I*, Я. А. Грота (Приложеніе къ XXXI тому Записокъ Академіи, № 3) и 3) *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности*. Томъ семьнадцатый.

Непремѣнный Секретарь представилъ серебряную медаль, выбитую въ память двукратнаго посѣщенія Государемъ Императоромъ юбилеевъ Академіи въ 1826 и 1876 годовъ, причемъ сообщилъ, что золотые экземпляры этой медали г. Президентъ имѣлъ счастье поднести Ихъ Императорскимъ Величествамъ, благоволившимъ выразить Его Сіятельству Высочайшую благодарность за оныя; по серебряному же экземпляру поднесено Членамъ Августѣйшей Фамиліи, а бронзовые экземпляры разосланы университетамъ и ученымъ обществамъ въ Имперіи, почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ Академіи, служащимъ при ней лицамъ и пр. — Положено представленную Непремѣннымъ Секретаремъ медаль передать Академику А. А. Кунику, для храненія въ Русскомъ Минцъ-Кабинетѣ Академіи.

Доложенъ списокъ сочиненій, доставленныхъ до 1-го января на XXII сонсканіе наградъ графа Уварова. Всего представлено 13 сочиненій. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и для присужденія премій, на основаніи § 12 Положенія о наградахъ графа Уварова, Общимъ Собраніемъ назначена Компісія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: М. И. Броссе, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника и А. Н. Веселовскаго.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленные имъ изданія Академіи: 1) Финское Общество наукъ въ Гельсингфорсѣ

(отношеніемъ отъ 9-го іюня 1877 г.), 2) Библиотека Вюрцбургскаго Университета (отъ 23-го іюля 1877 г.), 3) Астрономическая Обсерваторія въ Килѣ (отъ 13-го декабря 1877 г.), 4) Астрономическая Обсерваторія въ Вѣнѣ (отъ 4-го января 1876 г. и отъ 22-го Февраля, 30-го марта, 21-го мая и 1-го сентября 1877 г.), 5) Физическое Общество во Франкфуртѣ на М. (отъ 30-го декабря), 6) Королевское Общество наукъ въ Копенгагенѣ (отъ 12-го января 1878 г.), 7) Институтъ Осолинскихъ въ Львовѣ (отъ 14-го января 1878 г.), 8) Академія въ Мецѣ (отъ 15-го ноября 1877 г.), 9) Пикардійское Общество антикваріевъ въ Аміенѣ (отъ 14-го іюля 1877 г.), 10) Королевская Линнейская Академія въ Римѣ (отъ 22-го февраля 1877 г.), 11) Королевское Общество наукъ въ Упсалѣ (отъ 15-го октября 1877 г.), 12) Линнеевское Общество въ Лондонѣ (отъ 20-го октября 1877 г.), 13) Философское Общество въ Кембриджѣ, 14) Королевское Общество наукъ въ Эдинбургѣ (отъ 10-го декабря 1877 г.), 15) Карацинская бібліотека въ Симбирскѣ (отъ 11-го декабря 1877 г.).

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланныя Академіи въ даръ:

Отъ Кіевского Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества по свеклосахарной промышленности.

Записки Кіевского Отдѣленія Императорскаго Русскаго Общества по свеклосахарной промышленности. Годъ VII. 1877. Сентябрь и Октябрь.

Отъ Редакціи журнала «Морской Сборникъ».

Морской Сборникъ. № 12. Декабрь 1877.

Отъ Кіевской Духовной Академіи:

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1877. № 11. 12.

Отъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства.

Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства. № 7. Ноябрь 1877.

Отъ Харьковскаго Университета.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета. 1876 года Т. IV.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Церковный Вѣстникъ. 1877. №№ 47—49.

Отъ Университета Св. Владимира въ Кіевѣ.

Университетскія Извѣстія. 1877. № II.

Отъ Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества.

Протоколы засѣданій Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества отъ 1-го ноября 1877 года, № 9, и 16 ноября 1877 года, № 10.

Отчетъ о болѣзненности и смертности въ Кавказской арміи, за сентябрь 1877 г. (Приложение къ Прот. № 10). Зас. Имп. Кавк. Мед. Общ., 16-го ноября 1877 г.

Отъ Казанскаго Университета.

Извѣстія и ученые записки Императорскаго Казанскаго Университета. 1877. № 5 (Сентябрь—Октябрь), и № 6 (Ноябрь—Декабрь).

Отъ Четвертаго Археологическаго съѣзда въ Казани.

Извѣстія о занятіяхъ Четвертаго Археологическаго съѣзда въ Казани. № 6.

Отъ Математическаго Общества въ Москвѣ.

Математическій Сборникъ. Томъ 8-й. Выпускъ 4-й.

Отъ Варшавскаго Университета.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1877. № 4.

Отъ Губернской Земской Управы въ Кишиневѣ.

Сборникъ Бессарабскаго Земства. 1877. № 4.

Отъ Казанской Духовной Академіи.

Годичный Актъ въ Казанской Духовной Академіи 8-го ноября 1877 г.

Православный Собесѣдникъ. 1877. Сентябрь, Октябрь и Ноябрь

Отъ Редакціи журнала «Филологическія Записки».

Филологическія Записки. Выпускъ V—VI. 1877.

Отъ Русскаго Энтомологическаго Общества.

Notae Societatis Entomologicae Rossicae. t. XII, №№ 2—4.

Отъ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы.

Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou. 1877. № 3.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Журналы засѣданій С.-Петербургской Духовной Академіи за 1876—1877 учебный годъ.

Отъ Королевской Линцеевской Академіи въ Римѣ.

Atti della Società regia dei Nuovi Lincei. Serie 2. Vol. 3 part 3.

Отъ Королевскаго Общества Наукъ въ Упсаль.

Nova acta Regiae Societatis scientiarum Upsalensis, ad celebranda solemnia quadringenaria Universitatis Upsalensis, Volumen extraordinum editum, 1877.

Отъ Королевскаго Общества въ Брюссель.

Annales de l'Observatoire royal de Bruxelles, tt. XXIII, XXIV et XXX.

Annuaire de l'Observatoire pour 1877.

Extraits des annuaires pour 1875 et 1876.

Отъ Силезскаго Общества отечественнаго просвѣщенія въ Бреславль.

54. Jahresbericht der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Cultur. Breslau 1877.

Отъ Ботаническаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société botanique de France. Tome 23. 1876. Tome 24. 1877.

Отъ Редакціи журнала «La Nature».

La Nature. №№ 237—240. 1877.

Отъ Редакціи журнала «Nature».

Nature. №№ 414—429. Vol. 17.

Отъ Статистическаго Бюро города Будапешта.

Untersuchungen über die Einkommen- und Hauszinssteuer für Budapest. I. Einkommensteuer für die Jahre 1873 und 1874. II. Hauszinssteuer für die Jahre 1873, 1874, 1875 und 1876. Von Josef Körösi. XII.

Die Sterblichkeit der Stadt Budapest in den Jahren 1874 und 1875 und deren Ursachen. Von Joseph Körösi.

Отъ Энтомологическаго Общества въ Брюссель.

Annales de la société entomologique de Belgique. Tome XX. Fascicule II.

Отъ Редакціи армянскаго журнала «La Revue Polyhistore».

La Revue Polyhistore (На армянскомъ языкѣ). T. XXXV, livr. 4. Venise 1877.

Отъ Члена-корреспондента Курюфа.

Corpus inscriptionum Atticarum consilio et auctoritate academiae litterarum regiae Borussicae editum. Voluminis quarti supplementa complexi fasciculus prior.

Отъ Королевской Медицинской Академіи въ Брюссель.

Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique. Année 1877. 3^{me} Série. Tome XI. № 10.

Отъ Редакціи журнала «Archiv der Mathematik und Physik».

Archiv der Mathematik und Physik. 61. Theil. 3. Heft.

Отъ Астрономическаго Общества въ Лейпцигъ.

Vierteljahrsschrift der Astronomischen Gesellschaft. 12. Jahrgang. 3. Heft.

Отъ Геологическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société géologique de France. 3^me Série. Tome V. 1877. № 7, et Tome IV.

Отъ Математическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société mathématique de France. Tome VI. № 1.

Отъ Геологическаго Общества въ Берминъ.

Zeitschrift der Deutschen geologischen Gesellschaft. XXIX. Band 3. Heft. Juli bis September 1877.

Отъ Общества Наукъ въ Нанси.

Bulletin de la société des sciences de Nancy. Série II. Tome III. Fascicule VI. 1877.

Отъ Князя Бонкомпаньи.

Bullettino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche. Tomo X. Novembre 1877.

Отъ Чешскаго Химическаго Общества въ Прагъ.

Zprávy spolku chemikův českých. Rediguje Professor V. Šafařík. Ročník III Sešit 1.

Отъ Академіи Наукъ въ Берминъ.

Monatsbericht der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. September und October 1877.

Отъ Общества Естественныхъ Наукъ въ Гамбургъ.

Verhandlungen des Naturwissenschaftlichen Vereins von Hamburg-Altona in den Jahren 1875 und 1876. Neue Folge 1.

Отъ Лифляндской Гимназіи въ Феллинъ.

Einladungs-Programm zu dem am 17. December 1877 im livländischen Landesgymnasium zu Fellin stattfindenden festlichen Redeact.

Отъ Геологическаго и Географическаго Института Территорій въ Вашингтонъ.

Department of the interior. Preliminary report of the Field-Work of the U. S. geological and geographical Survey of the territories for the season of 1877.

Отъ Этномологическаго Общества въ Брюссель.

Compte-rendu de l'Assemblée mensuelle du 1^{er} décembre 1877. Série II. № 45.

Отъ Тосканскаго Общества Естественныхъ Наукъ въ Пизъ.

Atti della società toscana di scienze naturali residente in Pisa. Vol. III. fasc. 1.

Отъ Нѣмецкой Обсерваторіи въ Киль.

Monatliche Übersicht der Witterung. August 1877.

Отъ Королевскаго Велико-Герцогскаго Института въ Люксембургъ.

Publications de l'institut royal grand-ducal de Luxembourg, section des sciences naturelles. Tome XVI.

Отъ Общества Комерческой Географіи въ Бордо.

Bulletin. № 1. 2.

Отъ Създа Садоводственной Ботаники въ Брюссель.

Actes du Congrès de botanique horticole réuni à Bruxelles le 1^{er} Mai 1876, redigés par M. Édouard Morren, secrétaire du Congrès.

Отъ Института Оссолинскихъ.

Katalog Museum imienia Lubomirskich.

Katalog broni w museum imienia Lubomirskich.

Sprawozdanie z czynności zakładu narodowego imienia Ossolińskich za rok 1877.

Hirschberg Aleksander, D^r. Dyaryusz legacyi Jerzego Ossolińskiego posła polskiego na sejm rzeszy niemieckiej w Ratyzbonie w r. 1626 (Biblioteka Ossolińskich. Zbiór materiałow do historyi Polskiej. Zeszyt IV.

Отъ Общества Искусствъ и Древностей въ Ульмъ и Верхней Швабii.

Korrespondenzblatt des Vereins für Kunst in Ulm und Oberschwaben. № 12. 1877.

Отъ Академіи Наукъ въ Копенгагенъ.

Oversigt over det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs Forhandling og dets Medlemmers Arbejder i Aaret 1877. № 2.

Det saakaldte Hagekors's Anvendelse og Betydning i Oldtiden af Ludvig Müller. Avec un résumé en français. 1877.

Отъ Географическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société de géographie. Novembre 1877.

Отъ Спектроскопистовъ въ Палермо.

Memorie della società degli Spettroscopisti italiani. Dispensa 11. Novembre 1877.

Отъ Физико-Медицинскаго Общества въ Вюрцбургъ.

Verhandlungen der Physical.-Medicin. Gesellschaft zu Würzburg. Neue Folge. XI. Band. 3. und 4. Heft.

Отъ Редакціи журнала L'Investigateur.

L'Investigateur. Septembre—Octobre. Novembre—Décembre. 1877.

Отъ г. Эдуарда Татона.

Collin de Plancy, V. Note sur les insectes diptères parasites des batraciens. Paris 1877.

Taton, Edouard. Sur les diptères parasites de la rana esculenta L. Paris 1877.

Отъ Автороузъ.

Шёне, Э. Б. Къ вопросу о нахожденіи въ атмосферномъ воздухѣ озона и перекиси водорода. Москва. 1877.

Милићевић, М. Ђ. Славе у срба. У Београду 1877.

Quetelet, Ern. Mémoire sur la température de l'air à Bruxelles 1833 — 1872 (Supplément). Bruxelles 1876.

Quetelet. Sur la période de froid du moi de décembre 1875 (Extrait des Bulletins, 2^{me} série. T. XL, № 12. 1875).

Quetelet. Quelques nombres caractéristiques relatifs à la température de Bruxelles (Extrait des Bulletins, 2^{me} série, T. XXXIV, № 2. 1875).

Deydier. La Locomotion aérienne. — Oran.

Zachariä von Lingenthal, D^r Karl Eduard, Geschichte des Griechisch-römischen Rechts. Zweite Auflage. Berlin 1877.

Garcin de Tassy. La langue et la littérature hindoustaniens en 1877. Revue annuelle. Paris 1878.

Melsens. Ville de Bruxelles. Des paratonnerres à pointes, à conducteurs et à raccordements terrestres multiples. Description détaillée des paratonnerres établis sur l'hôtel de ville de Bruxelles en 1865. Exposé des motifs des dispositions adoptées. Bruxelles. 1877.

Boldú, Roberto. Della libertà ed eguaglianza dei culti. Firenze. 1877.

Frankland, E. Frankland's experimental researches in pure, applied, and physical chemistry. London. 1877.

Tomaschek, Wilhelm. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana Wien. 1877.

Lemaire, Enrico. Problema della trisezione geometrica di un angolo o di un arco dato. Risolto dall'ingegnere Cav. Enrico Lemaire Napoli. 1877.

Tommasi, Donato. Riduzione dei clorati in cloruri senza l'intervento del preteso stato nascente dell'idrogeno. Parte seconda.

Orth. Ueber die Anforderungen der Geographie und der Land- und Forstwirtschaft an die geognostische Kartographie des Grund und Bodens (Aus den Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1877, № 9).

Plantamour, E. Résumé météorologique de l'année 1876 pour Genève et le Grand Saint-Bernard. Genève. 1877.

Plateau, J. Bibliographie analytique des principaux phénomènes subjectifs de la vision depuis les temps anciens jusqu'à la partie écoulée du siècle actuel.

ЗАСѢДАНІЕ 3 ФЕВРАЛЯ 1878 ГОДА.

Вдова коллежскаго совѣтника Анна Троицкая, письмомъ отъ 17 января, увѣдомляетъ, что по смерти сестры ея, Е. Е. Остенекъ-Востоковой, осталось нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ мужу покойной, бывшему академику А. Х. Востокову, и что послѣ тщательнаго пересмотра этихъ книгъ, по большей части малозначительныхъ, между ними нашлись слѣдующія три изданія съ собственноручными замѣтками Востокова: 1) *Словарь Академіи Россійской*. СПб. 1779—94 (6 томовъ in-4°), 2) *Церковный Словарь, или истолкованіе рѣченій славенскихъ, сочиненный Петромъ Алексѣевымъ и напечатанный вторымъ тисненіемъ съ перваго изданія*. СПб. 1794 (3 тома) и 3) *Древнія русскія стихотворенія*. Москва. 1804. (1 томъ). Доставляя эти изданія въ Академію, г-жа Троицкая проситъ принять ихъ въ даръ для академической Библіотеки. — Положено книги сдать въ Библіотеку, а г-жу Троицкую благодарить именемъ Академіи.

Общество искусствъ и наукъ въ Батавіи (Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen), отношеніемъ отъ 16-го декабря н. ст. 1877 г., сообщаетъ, что 24-го апрѣля настоящаго года оно будетъ праздновать столѣтіе своего существованія, и проситъ Академію принять участіе въ этомъ празднествѣ. — Положено привѣтствовать Батавское Общество искусствъ и наукъ, по случаю его юбилея, поздравительнымъ адресомъ за подписью членовъ Академіи.

Комисія, учрежденная при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ, при отношеніи отъ 30-го января, доставила присланныя для Академіи, слѣдующія сочиненія: 1) Comte de Saint-Priest, *Mémoires sur l'ambassade de France en Turquie et sur le commerce des Français dans le Levant. Paris 1877*. 2) Baron de Watteville, *Rapport à M. Waddington, ministre de l'instruction publique et des beaux-arts sur le service des missions et voyages scientifiques en 1876. Paris 1877*. 3) Capitaine Roudaire, *Rapport à M. le Ministre de l'instruction publique sur la mission des Chotts. Etudes relatives au projet de mer intérieure. Paris 1877*. и 4) *Mémoire de l'Académie des sciences et lettres de Montpellier. Sciences—t. IX, Fasc. 1.; Lettres—t. VI, Fasc. II*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комисія увѣдомляетъ, что въ случаѣ, если бы Академія пожелала доставлять свои изданія французскимъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ чрезъ посредство

Комисіи, то она можетъ присылать оныя въ нее, откуда всѣ посылки, назначенныя во Францію, отправляются 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца. — Положено полученные книги сдать въ Библіотеку и увѣдомить Комисію, что Академія съ благодарностью воспользуется ея предложеніемъ для доставки академическихъ изданій во Францію.

Королевская Академія Наукъ въ Вѣнѣ (отношеніемъ отъ 15-го и 22-го февраля н. ст. 1877 г.), Королевское Геологическое Общество въ Дублинѣ (отн. отъ 2-го октября н. ст. 1877 г.) и Королевскій Велико-Герцогскій Институтъ въ Люксембургѣ (отн. отъ 27-го декабря н. ст. 1877 г.) благодарятъ за доставленные имъ изданія Академіи.

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланныя Академіи въ даръ:

Отъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ.

Обзоръ внѣшней торговли по Европейской и Азіятской границамъ за 1876 году. СПб. 1877.

Отъ Олонецкаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Путешествіе Императора Александра I по Олонецкой губерніи въ 1819 году.

Отъ Московской Духовной Академіи.

Годичный актъ въ Московской Духовной Академіи 1-го октября 1877 года. Москва 1877.

Отъ Областнаго Статистическаго Комитета Войска Донскаго.

Памятная книжка Области войска Донскаго на 1878 годъ. Новочеркасскъ 1878.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Христіанское Чтеніе, 1878. Январь—Февраль.

Церковный Вѣстникъ. 1877. №№ 50, 51, и 1878. №№ 1, 2, 3, 4.

Отъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства.

Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства. 1877. Декабрь. № 8.

Отъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1877. № 2. Томъ V.

Отъ Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербурѣ.

Протоколы засѣданій Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербурѣ за 1876—1877 годъ. (Годъ сорокъ-шестой).

Отъ Варшавскаго Университета.

Годичный актъ Императорскаго Варшавскаго Университета
30-го Августа 1877 года.

Отъ Новороссійскаго Университета.

Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета. Томъ
24-й.

Отъ Университета Св. Владиміра въ Києвъ.

Университетскія Извѣстія. № 12. Декабрь.

Отъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и
Сводъ привилегій, выдаваемыхъ по Департаменту Торговли и
Мануфактуръ. 1877 годъ. Выпускъ 6-й.

Отъ Киевской Духовной Академіи.

Руководство для сельскихъ пастырей. 1878. №№ 4, 5.

Слово Высокопреосвященнѣйшаго Софоніи Архіепископа Тур-
кестанскаго и Ташкентскаго, при окончаніи пятидесятилѣтняго
служенія церкви и отечеству исполнившаго 16-го сентября 1877
года.

Отъ Князя Бонкомпаньи.

Bulletino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e
fisiche. Tomo X. Dicembre 1877.

Отъ Редакціи журнала «Revue Africaine».

Revue Africaine. № 125. Septembre — Octobre. 1877.

Отъ Редакціи журнала «Nature».

Nature. №№ 430, 431. Vol. 17.

Отъ Редакціи журнала «La Nature».

La Nature. №№ 243, 244, 245. 1878.

Отъ Издателя.

VIII Издаѣ Чупићеве Задужбинѣ. Годишњица Николе Чупића.
Издаје његова задужбина. Година 1. У Београду. 1877.

Отъ Королевской Медицинской Академіи въ Брюссель.

Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique. Année
1877. 3^{me} Série. Tome XI. № 11.

Отъ Геологическаго Общества въ Манчестеръ.

Transactions of the Manchester Geological society. Session 1877—8.
Vol. XIV. Part XIV, XV.

Отъ Обсерваторіи въ Брюссель.

Bulletin météorologique. Septembre 1877.

Отъ Общества Комерческой Географіи въ Бордо.

Bulletin (2^{me} Série). № 3.

Отъ Тосканскаго Общества Естественныхъ Наукъ.

Processi verbali. Adunanza del di 13 gennaio 1878.

Отъ Геологическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société géologique de France. 3^{me} Série. T. V. 1877.
№ 8.

Отъ Математическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société mathématique de France. T. VI. № 2.

Отъ Папской Линцейской Академии въ Римъ.

Atti dell' accademia pontificia de' nuovi Lincei. Anno XXX. Sessione V del 15 aprile 1877. Sessione VI del 27 maggio 1877.

Отъ Энтомологическаго Общества въ Брюссель.

Compte-Rendu de l'Assemblée générale du 26 décembre 1877.
Série II. № 46.

Отъ Венгерской Академии Наукъ.

Természetrizsi füzetek az állat-, növény-, asvány és földtan köréből. Évnyegyedes folyóirat. Második kötet. 1. Füzet (Január—Márczius).

Отъ Астрономическаго Общества въ Лондонъ.

Monthly notices of the royal astronomical society. Vol. XXXVIII.
№ 2. December 1877.

Отъ Академии Наукъ въ Берлинъ.

Monatsbericht der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. November 1877.

Отъ Академии Наукъ въ Мюнхенъ.

Sitzungsberichte der mathematisch-physikalischen Classe der k. b. Akademie der Wissenschaften zu München. 1877. Heft. II.

Отъ Академии Наукъ въ Коннектикутъ.

Transactions of the Connecticut academy of arts and sciences
Volume IV, Part 1.

Отъ Асторовъ.

Boldú, Roberto D^r. Ragione e fede nel moto sociale, studi del D^r Roberto Boldú. Firenze. 1878.

Wolf, Rudolf, D^r. Mémoire sur la période commune à la fréquence des taches solaires et à la variation de la déclinaison magnétique.

Gould. Discurso del Doctor Gould al recibir del gobernador de la provincia de Cordoba los premios acordados en la esposicion centenaria de Filadelfia al Observatorio Nacional y a el mismo por Fotografías lunares y estrellares. Cordoba. 1877.

Abecedă rumână compusă pentru scólele elementare de Joannú Donceví. Румынская азбука. Kiginéú 1865.

Cursulú primitivú de limba rumână, compusú pentru schólele elementare si IV classe gimnasiale de Joannú Donceví. Начальный курсъ румынскаго языка, составленный для низшихъ училищъ и IV классовъ гимназiи. И. D. Kiginéú. 1865.

Thomsen, Vilhelm, D^r. The relations between ancient Russia and Scandinavia, and the origin of the russian state. 1877. Oxford and London.

Scacchi, Arcangelo. Dell' anglesite rinvenuta sulle lave Vesuviane. Napoli 1878.

Scacchi, Arcangelo. Sopra un masso di pomici saldate per fusione trovato in Pompei. Lettera del prof. A. Scacchi al Socio M. Ruggiero. Napoli. 1877.

Budenz József. Magyar - ugor ősszehasonlító szótár. III. Füzet (28 — 38 IV). Budapest, 1877.

ЗАСѢДАНІЕ 3 МАРТА 1878 ГОДА.

Доложено, что всеподданнѣйшій адресъ съ изъявленіемъ вѣрно-подданическихъ чувствъ членовъ Академіи по случаю заключенія мира съ Турціею подписанъ членами Конференціи и 22-го февраля препровожденъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія для представленія на всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества.

Затѣмъ читано отношеніе г. Министра отъ 25-го февраля за № 2600 о томъ, что означенный адресъ былъ представленъ имъ Государю Императору и что Его Величеству благоугодно было начертать на всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ г. Министра: «Искренно благодарю».

Изъявленіе всеподданнѣйшихъ чувствъ членовъ Академіи Наукъ по случаю заключенія мира съ Турціею, представленное Государю Императору Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Священная борьба, предпринятая ВАШИМЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ для освобожденія единовѣрныхъ братьевъ Русскаго народа отъ исконнаго ига, увѣнчалась желаннымъ миромъ. При благословеніи Божиемъ неимовѣрные подвиги, совер-

шенные по манію МОНАРХА доблестнымъ воинствомъ ЕГО подъ предводительствомъ Братьевъ и Сыновъ Царевыхъ, привели къ событіямъ, которыя неизгладимыми чертами будутъ вписаны въ скрижали отечественной исторіи.

ГОСУДАРЫ! Академія Наукъ, раздѣляя восторженную радость, съ какою весь Русскій народъ, въ достопамятный и уже столь славный день воцаренія ВАШЕГО, встрѣтилъ вождедѣнную вѣсть о мирѣ, осмѣливается повергнуть къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА благоговѣйныя поздравленія свои съ блестящимъ торжествомъ, которымъ Провидѣнію угодно было осуществить мудрыя предначертанія ВАШИ. — Да пошлетъ Оно ВАМЪ на многіе и многіе годы отраду пожинать на лонѣ мира плоды великихъ дѣяній достославнаго царствованія! Да усладится преисполненное благодати сердце ВАШЕ счастіемъ благословляющихъ ВАСЪ, съ пламенною любовью и безграничнымъ довѣріемъ приверженныхъ къ своему милосердому МОНАРХУ народовъ, готовыхъ по первому призыву не щадить никакихъ новыхъ жертвъ для упроченія добытыхъ столь дорогою цѣною успѣховъ и благъ.

Подписали Президентъ и члены Академіи.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 23-го февраля, сообщаетъ, что Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, отъ 15-го февраля за № 3, экстраординарный професоръ С.-Петербургскаго университета коллежскій совѣтъ. Веселовскій утвержденъ адъюнктомъ Академіи по Отдѣленію русскаго языка и словесности, со 2-го декабря 1877 г., съ оставленіемъ на службѣ въ семъ университетѣ, а экстраординарный академикъ дѣйст. ст. совѣтъ. Вельяминовъ-Зерновъ уволенъ, по прошенію, отъ этой должности, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, сей должности присвоенный.

Професоръ Н. Н. Бекетовъ (письмомъ изъ Харькова отъ 28-го февраля), професоръ Ѳ. А. Бредихинъ (письмомъ изъ Москвы отъ 22-го февраля), Ѳ. М. Достоевскій (письмомъ отъ 8-го февраля), професоръ Г. Кейль (письмомъ изъ Галле отъ 7-го марта н. ст.) и професоръ І. Баррандъ (письмомъ изъ Праги отъ 4-го марта н. ст.) благодарятъ за избраніе ихъ въ члены-корреспонденты Академіи.

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланныя Академіи въ даръ:

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Церковный Вѣстникъ. 1878. №№ 4—6.

Отъ Кіевской Духовной Академіи.

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1878. № 1.

Отъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства.

Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства. Январь. № 1. 1878.

Русская номенклатура наиболѣе извѣстныхъ въ нашей флорѣ и культурѣ и нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ растений Н. П. Семенова, 1878.

1878. Тринадцатый списокъ сортамъ плодовыхъ, древесныхъ, кустарныхъ и многолѣтнихъ растений, находящихся въ Помологическомъ саду и питомникѣ для акклиматизаціи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ д-ра Э. Л. Регеля и Я. Кесельринга.

Продажа семяннаго картофеля, огородныхъ, цвѣточныхъ и луговыхъ сѣмянъ, рассады, спаржи и шампиньонной грибницы въ огородничествѣ потомственнаго почетнаго гражданина Е. А. Грачева.

Отъ Варшавскаго Университета.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1877. № 5.

Отъ Кіевскаго Общества Естествоиспытателей.

Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ V (1). Выпускъ 2.

Отъ Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ.

Университетскія Извѣстія. Годъ XVIII. № 1. Январь 1878.

Отъ Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества по свеклосахарной промышленности.

Записки Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества по свеклосахарной промышленности. 1877 г. Ноябрь и Декабрь.

Отъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ VIII. № 5, 6-й.

Отъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи.

Извѣстія Общества, т. XXIV, вып. 2, т. XXVII, т. XXVIII, т. XXX, вып. 1.

Отъ Гобъ-маклера при С.-Петербуржскомъ портѣ.

Товарные прейскуранты С.-Петербуржской Биржи за 1877 годъ.

Отъ Германскаго Посольства при Высочайшемъ Дворѣ.

Archiv für Literaturgeschichte. Bd. VI, 4; VII, 1, 2.

Mittheilungen aus dem Zoologischen Museum in Dresden. Heft 2

Отъ Академіи Наукъ въ Берлинѣ.

Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrich's II. Bd. I.

Отъ Академіи Наукъ, Словесности и Искусствъ въ Лионѣ.

Mémoires de l'Académie des sciences, belles-lettres et arts de Lyon. Section des sciences. I, 22. Section des belles-lettres, I, 17.

Отъ Фердинандеума въ Инсбрукѣ.

Zeitschrift des Ferdinandeums. III Folge, 21 Heft.

Отъ Королевскаго Общества въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ.

Transactions of the Philosophical Society of New South Wales. 1862, № 5.

Transactions and Proceedings of the Royal Society of New South Wales. 1875.

Mineral Map and Statistics, New South Wales.

Resources of New South Wales. 1876.

Mines and Mineral Statistics.

Annual Meteorological Report, Sydney Observatory.

Отъ Марбургскаго Университета.

Тридцать сочиненій и диссертаций, изданныхъ университетомъ.

Отъ Вюрцбургскаго Университета.

Сто-пятьдесятъ одно сочиненіе и диссертаций, изданныхъ университетомъ.

Отъ Ботаническаго Общества въ Парижѣ.

Bulletin de la société botanique de France. Tome 24. 1877. Comptes-Rendus des séances. 2.

Отъ Редакціи журнала «Nature».

Nature. №№ 433, 434, 435, 436. Vol. 17.

Отъ Редакціи журнала «La Nature».

La Nature. №№ 246, 247, 248, 249. — 1878.

Отъ Князя Бонкомпаньи.

Genocchi, Angelo, Sopra la pubblicazione fatta da B. Boncompagni di undici lettere di Luigi Lagrange a Leonardo Eulero (Особый оттискъ изъ Bullettino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche. Tomo X. Dicembre 1877).

Treutlein, Pietro. Scritti inediti relativi al calcolo dell' abaco (Особый оттискъ изъ Bullettino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche. Tomo X. Novembre e dicembre 1877).

Bullettino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche. Tomo XI. Gennaio 1878.

Отъ Королевскаго Института Высшихъ Практическихъ Наукъ во Флоренци.

Severini, A, e Puini, C. Repertorio sinico-giapponese. Fascicolo III — mamoru — sentou.

Отъ Королевской Обсерватори Брера въ Миланъ.

Publicazioni del Reale osservatorio di Brera in Milano. № XII. XIII.

Frisiàni, Paolo. Su alcuni temporali osservati nell' Italia superiore. (Estate 1876).

Sopra alcuni scandagli del cielo eseguiti all' osservatorio reale di Milano, e sulla distribuzione generale delle stelle nello spazio. Annotazioni del prof. Giovanni Celoria.

Отъ Королевской Линцейской Академи въ Римъ.

Atti della R. accademia dei Lincei. 1877—78. Serie terza. Transunti. Volume II. Fasciocolo 1°. Dicembre 1877. Fasciocolo 2°. Gennaio 1878.

Отъ Общества Любителей Естествознанія въ Берлинъ.

Sitzungs-Berichte der Gesellschaft Naturforschender Freunde zu Berlin. Jahrgang 1877: vom 16. Januar, 20. Februar, 20. März, 17. April, 15. Mai, 19. Juni, 17. Juli, 16. October, 20. November und 18. December 1877.

Отъ Управления Герцогскихъ Коллекцій замка Фриденштейна.

Bericht über die im Jahre 1877 den herzoglichen Sammlungen des Schlosses Friedenstern zugegangenen Geschenke.

Отъ Общества Комерческой Географіи въ Бордо.

Bulletin. 2° Série. № 4. 5. 1877.

Отъ Библиотеки въ Оксфордъ.

Donations to the Bodleian library during the year ending Nov. 8. 1877.

Отъ Императорской Академи Наукъ, Искусствъ и Литературы въ Дижонъ.

Mémoires de l'Académie Impériale des sciences, arts et belles lettres de Dijon. Deuxième Série: Tome 14, Années 1866 — 1867. Tome 15^{me}, Années 1868 — 1869. Tome 16^{me}, Année 1870. 3^{me} Série: Tome 1^{er}, Années 1872 — 1873. Tome 2^{me}, Année 1874. Tome 3^{me}, Années 1875 — 1876.

Отъ Географическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société de Géographie. Décembre 1877. Janvier 1878.

Отъ Медицинской Академіи въ Брюссель.

Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique. Année 1878. 3^me Série. Tome XII. № 1.

Отъ Общества Спектроскопистовъ въ Палермо.

Memorie della società degli spettroscopisti italiani. Dispensa. I. Gennaro 1878.

Отъ Энтомологическаго Общества въ Брюссель.

Compte-Rendu de l'Assemblée mensuelle du 2 février 1878. Série II. № 48.

Annales de la société entomologique de Belgique. Tome XX. Fascicule III.

Отъ Геологическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société géologique de France. 3^me Série. Tome 6^me. № 1. 1878.

Отъ Редакціи журнала «Archiv der Mathematik und Physik».

Archiv der Mathematik und Physik. 61 Theil. Viertes Heft.

Отъ Югославянской Академіи Наукъ и Искусствъ въ Загребъ.

Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga XLI.

Ljetopis jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Prva svezka (1867 — 1877).

Stari pisci hrvatski. Knjiga IX. Djela Iva Frana Gundulića. 1877.

Starine. Knjiga IX.

Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Volumen VII. Commissiones et relationes Venetae. Tomus II.

Fauna kornjašah trojedne kraljevine. Od D^r Josipa Krasoslava Schlossera Klekovskoga. Svezak prvi.

Отъ Общества Физическихъ и Естественныхъ Наукъ въ Бордо.

Mémoires de la société des sciences physiques et naturelles de Bordeaux. 2^e Série. Tome II. 2^e Cahier.

Отъ Общества Естественныхъ Наукъ въ Шербуръ.

Mémoires de la société nationale des sciences naturelles de Cherbourg. Tome XX (2^me Série. — Tome X).

Отъ Университета въ Галле.

Verzeichniss der auf der königlichen vereinigten Friedrichs-Universität Halle-Wittenberg im Sommer-Halbjahr vom 29. April bis 15. August 1878 zu haltenden Vorlesungen und der daselbst vorhandenen öffentlichen Institute und Sammlungen.

Index scholarvm in vniuersitate litteraria Fridericiana Halensi cum Vitebergensi consociata per aestatem anni MDCCCLXXVIII a die XXIV m. aprilis ad diem XV m. avgvsti pvblice privatimqve habendarvm.

Отъ Обсерватори въ Цюрихъ.

Astronomische Mittheilungen von D^r Rudolf Wolf. XLV. Januar 1878.

Отъ Опытнo-Химико-Земледѣльческой стацин въ Римъ.

Briosi, Giovanni. Il marciume od il bruco dell' uva (Albinia Wockiana Briosi). 1878.

Briosi, Giovanni. Ancora sul marciume dell' uva. (Albinia Casazzae Briosi). (Извлеч. изъ III serie Vol. II dei Transunti della R. Accademia dei Lincei.)

Отъ Астрономическаго Общества въ Лондонъ.

Monthly notices of the royal astronomical society. Vol. XXXVIII. № 3. January 1878.

Отъ Редакцин журнала «Journal Asiatique».

Journal Asiatique. 7^m Série. Tome XI. № 1. 1878.

Отъ Геологическаго Общества въ Лондонъ.

The quarterly journal of the geological society. Vol. XXXIV. Par 1. № 133. 1878.

Отъ Бюро Долготъ въ Парижъ.

Annales du Bureau des longitudes et de l'observatoire astronomique de Montsouris. Tome premier. 1877.

Отъ Католическаго Университета въ Левентъ.

Annuaire de l'Université catholique de Louvain. 1877. 41^e Année. Thys, Josephus. De peccato originali.

Müller, Augustinus. De placito regio.

Тезисы числомъ 20.

Отъ Академии Наукъ въ Мюнхенъ.

Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der K. B. Akademie der Wissenschaften zu München. 1877. Heft III.

Отъ Королевской Академии Наукъ въ Туринъ.

Annuario dell'Accademia reale degli scienze di Torino per l'anno 1877—1878. Anno I.

Отъ Авторовъ.

Велишскій, Ф. Ф. Бытъ Грековъ и Римлянъ. Переводъ съ Чешскаго членомъ Кіевскаго Отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики. Выпускъ I. Прага 1878.

Oppert, J. La chronologie de la Genèse. Paris 1878.

Plantamour, E. Recherches expérimentales sur le mouvement simultané d'un pendule et de ses supports. Genève, Bale, Lyon. 1878.

Ecker, A. XXI. Zur Kenntniss der quaternären Fauna des Donauthales. Von E. Rehmann und A. Ecker. Zweiter Beitrag von A. Ecker.

Listing, Johann Benedict. Neue geometrische und dynamische Constanten des Erdkörpers. Eine Fortsetzung der Untersuchung über unsere jetzige Kenntniss der Gestalt und Grösse der Erde. Göttingen 1878.

Loewy et Perrier. Détermination télégraphique de la différence de longitude entre Paris et l'Observatoire de Dépôt de la Gerre à Alger (colonne Voirol). (Особый оттискъ изъ «Comptes rendus des séances de l'Académie des sciences, t. LXXXVI. Séance du 4 février 1878»).

Omboni, G. Le Marocche, antiche morene mascherate de frane. Nota del socio Prof. G. Omboni (Seduta de 27 gennaio 1878).

ЗАСѢДАНІЕ 31 МАРТА 1878 ГОДА.

По открытіи засѣданія доведено до свѣдѣнія Собранія печальное извѣстіе о кончинѣ Почетнаго Члена Академіи, бывшаго Вице-Президента, князя Сергѣя Ивановича Давыдова.

Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, письмомъ отъ 9-го марта, увѣдомляетъ, что экземпляры XXVI—XXIX томовъ Записокъ Академіи Наукъ были представлены Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Алексѣю Александровичу и Его Высочество изволилъ поручить передать Академіи искреннюю Его Высочества благодарность.

Академикъ Я. К. Гротъ, отъ имени Комисіи, назначенной Общимъ Собраніемъ изъ него и гг. Срезневскаго, Бычкова, Сухомлинова и Куника, читалъ донесеніе о рассмотрѣнномъ Комисіею, рукописномъ сочиненіи г. Григоровича, представленномъ для соисканія преміи графа Н. А. Купалева-Безбородко. Комисія признала означенное сочиненіе соответствующимъ условіямъ программы конкурса и рѣшающимъ предложенную задачу на столько удовлетворительно, что авторъ его, надворный совѣтникъ Никол. Ив. Григоровичъ, начальникъ Архива Святѣйшаго Синода, вполне достоинъ, по мнѣнію Комисіи, награды, обѣщанной за составленіе полной біографіи государственнаго канцлера, князя А. А. Безбородки. — Общее

Собрание, одобривъ заключеніе Комисіи, положило присудить г. Григоровичу за представленное имъ въ рукописи сочиненіе премію въ 5000 руб. со всѣми наросшими на нее съ 1856 года процентами, съ тѣмъ, чтобъ самая выдача этихъ денегъ, согласно условіямъ программы, была произведена не прежде, какъ по представленіи авторомъ въ Академію, печатнаго экземпляра его сочиненія.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Общаго Собранія отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ *«Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи награды графа Узарова 25-го сентября 1876 года.»*

Секретарь Сербскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія, М. И. Миличевичъ, письмомъ изъ Бѣлграда отъ 9-го марта 1878 г., благодарить за избраніе его въ члены-корреспонденты Академіи и увѣдомляетъ о полученіи диплома на это званіе.

Слѣдующія учрежденія благодарятъ за доставленныя имъ изданія Академіи: 1) Общество естествоиспытателей въ Ригѣ (отношеніемъ отъ января 1878 г.), 2) Королевское Общество наукъ въ Копенгагенѣ (отн. отъ 4-го апрѣля н. ст.), 3) Общество естественныхъ наукъ въ Невшатель (отн. отъ 3-го января), 4) Общество антикваріевъ въ Лондонѣ (отн. отъ 8-го апрѣля) и 5) Королевское Азіятское Общество въ Лондонѣ (отн. отъ 8-го апрѣля).

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланныя Академіи въ даръ:

Отъ Кавказскаю Медицинскаго Общества.

Протоколы засѣданія Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества. 1878. №№ 13 и 14.

Отъ Императорскаю Новороссійскаю Университета.

Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета. Т. XXV.

Отъ Императорскаю Варшавскаю Университета.

Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1877. № 6.

Отъ Кіевской Духовной Академіи.

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1878. № 2.

Отъ Императорскаю Россійскаю Общества Садоводства.

Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства, 1878. № 2.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Христіанское Чтеніе. 1878. Мартъ—Апрѣль.

Церковный Вѣстникъ. 1878. №№ 7—11.

Отъ Казанской Духовной Академіи.

Извѣстія по Казанской епархіи 1877. № 24. 1878. №№ 1—3.

Православный Собесѣдникъ. 1877, Декабрь. 1878, Январь.

Отъ Университета Св. Владимира въ Кіевѣ.

Университетскія Извѣстія. № 2. 1878.

Сорокинъ, Андрей. — О бракоборномъ ученіи безпоповщинскаго Θεодосеевскаго толка имѣющаго главное основаніе и разсадникѣ въ преображенскомъ богодѣльномъ домѣ, въ Москвѣ.

Мальшевскій, Ив. Игн. О церковно-приходскихъ попечительствахъ. 1878.

Сольскій, С. М. Объ участіи Императора Александра Перваго въ изданіи Библии на рускомъ языкѣ. 1878.

Пѣнкевичъ, С. Топографія нынѣшней Кіевской епархіи въ XVII вѣкѣ по Андрею Целларію. Съ картою Кіевской епархіи. 1877.

Трагедо-комедія, нарицаемая Фотій, учителя пштики въ Кіевской Академіи Георгія Щербачкаго 18 мая 1849 г. Изъ рукописи Т. В. Кибальчича съ предисловіемъ проф. Н. И. Петрова о южнорусской драматической литературѣ XVII — XVIII вв.

Слово въ день празднованія столѣтія рожденія Государа Императора Александра I Благословеннаго, произнесенное 12-го декабря 1877 года экстраординарнымъ професоромъ Кіевской Академіи, протоіереемъ А. М. Воскресенскимъ. 1878.

Отъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества.

Обзоръ дѣятельности состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ съ начала нынѣшней войны. 1877.

Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ по Главному Управленію Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, пожертвованныхъ въ помощь дѣйствующимъ войскамъ, по 31 декабря 1877 г.

Приложеніе къ Отчету по 31 декабря 1877.

Уставъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. 1876.

Отъ Редакціи журнала «Филологическія Записки».

Филологическія записки. Выпускъ 1. — 1878.

Отъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и Своды привилегій, издаваемыхъ по департаменту торговли и мануфактуръ. 1878 годъ. Выпускъ 1.

Отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея. Кн. XVI.

Отъ Николаевской Морской Академіи.

Описание празднованія 50-тилѣтняго юбилея Николаевской Морской Академіи.

Обзоръ перваго академическаго года, 1876-1877 г. Николаевской Морской Академіи.

Отъ Редакціи журнала «Nature».

Nature. №№ 437. 438. 439. 440. Vol. 17.

Отъ Редакціи журнала «La Nature».

La Nature. 1878. №№ 250. 251. 252. 253.

Отъ Афинскаго Университета.

Αναγραφή των επί το ακαδημαϊκών ετος 1877—78 αρχών του εν Αθήναις εθνικού πανεπιστημίου. Εν Αθήναις 1877.

Отъ Редакціи журнала «La Lancette belge».

La Lancette belge, Journal de médecine et d'hygiène. 1878. №№ 15. 16. 17.

Отъ Католическаго Университета въ Левенъ.

Revue catholique. Nouvelle série. tt. XVII et XVIII.

Société littéraire de l'Université de Louvain. Choix de mémoires. t. XII.

Отъ Академіи Наукъ, Надписей и Словесности въ Тулузѣ.

Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions et belles-lettres de Toulouse. tt. VIII et IX.

Отъ Королевскаго Университета въ Кенигсбергъ.

Деятнадцать диссертаций, изданныхъ Университетомъ.

Отъ Общества Комерческой Географіи въ Бордо.

Bulletin (2° Série) 1878. №№ 6. 7.

Отъ Обсерваторіи въ Киль.

Monatliche Übersicht der Witterung. October 1877.

Отъ Этномологическаго Общества въ Брюссель.

Compte-rendu de l'Assemblée mensuelle du 2 mars 1878. Série I № 49.

Отъ Спектроскопистовъ въ Палермо.

Memorie della società degli spettroscopisti italiani. Dispensa 2° 1878. Febbraro. Dispensa 3° Marzo.

Отъ Астрономическаго Общества въ Лондонъ.

Monthly notices of the royal astronomical society. Annual report of the council. Vol. XXXVIII. № 4. 1878.

Отъ Издателя.

Revista euskara. Año primero. Número 1° de Febrero de 1878. Número 2° Marzo de 1878. Pamplona.

Отъ торгово-библиотечнаго Общества въ Санъ-Франциско.

Twenty-fifth annual report of the president, treasurer and librarian of the Mercantile Library Association of San-Francisco. 1877.

Отъ Князя Бонкомпаньи.

Bullettino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche. Tomo XI. Febbraio 1878.

Отъ Редакціи журнала «L'Investigateur».

L'Investigateur. 41^m Année. Janvier—Février 1878.

Отъ Академіи Наукъ въ Берлинъ.

Monatsbericht der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. December 1877.

Отъ Медицинской Академіи въ Брюссель.

Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique. Année 1878. 3^m Série. Tome XII. № 2.

Mémoires couronnés et autres mémoires. Tome IV (Troisième fascicule).

Отъ Тосканскаго Общества Естественныхъ Наукъ.

Processi verbali. Adunanza del di 10 marzo. 1878.

Отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Брюссель.

Annuaire statistique de la Belgique. 1877.

Отъ Королевской Линцеевской Академіи въ Римъ.

Atti della r. accademia dei Lincei, anno CCLXXV. 1877—78. Serie terza. Transunti. Volume II. Fascicolo 3°. Febbraio 1878.

Отъ Комитета выставки Галлера.

Katalog zur Haller-Ausstellung am 11, 12 und 13 December 1877 im grossen Saale der Stadtbibliothek in Bern.

Отъ Малакологическаго Общества въ Брюссель.

Procès-verbaux des séances de la société malacologique de Belgique. 1877. Tome VI.

Отъ Академіи Наукъ въ Мюнхенъ.

Sitzungsberichte der mathematisch-physikalischen Classe der k. b. Akademie der Wissenschaften zu München. 1877. Hefte I—III.

Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der k. b. Akademie der Wissenschaften zu München. 1877. Hefte III. IV.

Отъ Нассаускаго Общества Естествоиспытателей въ Висбаденъ.

Jahrbücher des Nassauischen Vereins für Naturkunde. Jahrgang XXIX u. XXX.

Отъ Института Филологіи и Этнографіи Нидерландскихъ владѣній въ Индіи.

Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde von Nederlandsch-Indië. Vierde Volgreeks. Eerste deel. 1^o Stuk.

Отъ Общества Естественныхъ и Экономическихъ Наукъ въ Палермо.

Bullettino della società di Scienze Naturali ed Economiche di Palermo. № 4. Seduta del 17 marzo 1878.

Отъ Общества Краснаго Креста, состоящаго подъ Высочайшемъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Aperçu des travaux de la société depuis le commencement de la guerre.

Statuts de la société de secours aux militaires malades et blessés placée sous l'auguste patronage de S. M. l'Impératrice.

Отъ Академіи Наукъ въ Чикаго.

Annual address. 1878.

John Dean Caton. Artesian Wells.

Отъ Общества Естествоиспытателей въ Лейпцигъ.

Sitzungsberichte der Naturforschenden Gesellschaft zu Leipzig. Vierter Jahrgang. 1877. №№ 2, 3, 4, Februar, März, April. №№ 5, 6, 7, Mai, Juni, Juli. №№ 8, 9, 10, October, November, December.

Отъ Королевскаго Общества Наукъ въ Лиежъ.

Mémoires de la société royale des sciences de Liège. 2^{me} Série. Tome VI.

Отъ Академіи Наукъ въ Копенгагенъ.

Mémoires de l'Académie Royale de Copenhague. 5^{me} Série. Classe des lettres. Vol. V. № 2. Det ioniske Kapitaels Oprindelse og Forhistorie En Studie i sammenlignende Kunstforskning af Julius Lange. 1877.

Отъ Математическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société mathématique de France. Tome VI. № 3.

Отъ Авторозъ.

Ernst, A. Estudios sobre las deformaciones, enfermidades y enemigos del árbol de café en Venezuela. Con una lamina. 1878. Caracas.

Willems, P. Le Sénat de la république romaine, sa composition et ses attributions. Louvain, Paris. 1878.

Tommasi, Donato. Sull' azione della così detta forza catalitica spiegata secondo la teoria termodinamica.

Warren de la Rue and Hugo W. Müller. Experimental re-

searches on the electric discharge with the chloride of silver battery.—
Part. I.

Antoine, Ch. Des propriétés mécaniques des vapeurs. 5^m Mémoire. Analyse des expériences faites par M^r Regnault sur les tensions de la vapeur d'eau. Brest. 1878.

Wolf, Rudolf, D^r. Astronomische Mittheilungen. XLVI März 1878.

Rossetti, Francesco. Relazione su alcune esperienze telefoniche. Venezia. 1878.

Rossetti, Francesco. Sulla temperatura delle fiamme, 2^a comunicazione. Venezia. 1878.

Rossetti, Francesco. Sulla temperatura del Sole. Indagini sperimentali del prof. Fr. Rossetti.

Kowalski, M. Recherches sur la réfraction astronomique. Kasan. 1878.

Отъ Іенскаго Университета.

Сорокъ пять сочиненій и диссертаций, изданныхъ университетомъ.
*Отъ Королевскаго Зоологическаго Общества Nature artis magistra,
въ Амстердамп.*

Linnaeana, in Nederland aanwezig.

Aanwijzningen voor bezoekers van de Tentoonstelling van Linnaeana, in Nederland aanwezig.

Plechtige herdenking van Linnaeus' leven en werken (Cantate).

Oudemans Rede ter herdenking van het sterfdag van Carolus Linnaeus.

Отъ Геологическаго Института въ Калькутп.

Mémoires of the Geological Survey of India, Vol. XIII, Parts 1—2.
Palaeontologia Indica, Series II, part. 2.

Records of the Geological Survey of India, Vol. X, Parts 1—2.

Отъ Католическаго Университета въ Левенп.

Собрание тезисовъ и прочихъ сочиненій, изданныхъ университетовъ.

ЗАСЪДАНІЕ 5 МАЯ 1878 ГОДА.

Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 1-го апрѣля, увѣдомляетъ, что препровожденные Академію томы XXVI, XXVII, XXVIII и XXIX издаваемыхъ ею Записокъ были представлены Его Императорскому Высочеству Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, и Его Высочество извоилъ поручить передать Академіи искреннюю Его благодарность за доставленіе этихъ книгъ.

Непрежвннй Секретарь обратилъ вниманіе Собранія на то, что

изъ числа ученыхъ учреждений, которымъ Академія доставляетъ безвозмездно свои изданія, нѣкоторыя уже съ давнихъ поръ не высылаютъ ей, въ обмѣнъ на эти изданія, печатаемыхъ ими сочиненій, причеиъ предложилъ не признаеть Конференція справедливымъ прекратить высылку академическихъ изданій въ такія учреждения. — Общее Собраніе, одобрявъ это предложеніе, поручило библиотечарю II-го Отдѣленія библиотеки Академіи составить въ означенныхъ видахъ и сообщить Непремѣнному Секретарю списокъ тѣхъ изъ находящихся въ списокѣ взаимнаго обмѣна изданіями съ Академіею учреждений и обществъ, которыя издають ученые сочиненія, но не присылали ихъ въ даръ Академіи въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ.

Слѣдующія учреждения благодарить за доставленные имъ изданія Академіи: 1) Дерптская астрономическая Обсерваторія (отношеніемъ отъ апрѣля), 2) Королевская Публичная библиотека въ Мюнхенѣ (отн. отъ 8-го мая н. ст.), 3) Геттингенское Общество наукъ (отн. отъ 20-го апрѣля н. ст.), 4) Насаусское Общество естествознанія въ Висбаденѣ (отн. отъ 1-го февраля н. ст.), 5) Королевская Метрологическая Обсерваторія въ Килѣ (отн. отъ 17-го марта, 12-го и 26-го апрѣля н. ст.), 6) Институтъ Осолинскихъ во Львовѣ (отн. отъ 29-го марта н. ст. за № 148), 7) Королевская Обсерваторія въ Гриничѣ (отн. отъ 10-го апрѣля н. ст.) 8) Королевскій Хирургическій Колегій въ Лондонѣ (отн. отъ 9-го апрѣля н. ст.), 9) Музей естественной исторіи въ Лионѣ (отн. отъ 13-го апрѣля н. ст.), 10) Городской Музей естественной исторіи въ Генуѣ (отн. отъ 13-го апрѣля и 12-го мая н. ст.) и 11) Библиотека св. Марка, въ Венеціи (отн. отъ 13-го апрѣля н. ст.).

Представлены Собранію слѣдующія сочиненія, присланныя Академіи въ даръ:

Отъ Кіевской Духовной Академіи.

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1878 № 3.

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Годичный актъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1878 году (17-го февраля).

Церковный Вѣстникъ №№ 12, 13, 14, 15. 1878.

Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1877. Выпускъ шестой.

Отъ Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества по свеклосахарной промышленности.

Записки Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техни-

ческаго Общества по свеклосахарной промышленности 1878 г. Январь и Февраль. Томъ VIII. Выпускъ 1.

Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи въ Москвѣ.

Антропологическая выставка Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи. Томъ 2-ой. Выпускъ первый.

Отъ Казанскаго Университета.

Извѣстія и Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Январь — Февраль. 1878 г.

Отъ Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ.

Университетскія Извѣстія № 3. 1878.

Отъ Бессарабской Земской Управы.

Сборникъ Бессарабскаго Земства. 1877. № 6.

Отъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства.

Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства № 3. 1878.

Отъ Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества.

Медицинскій Сборникъ № 26.

Протоколъ засѣданія Императорскаго Кавказскаго Медицинскаго Общества. 1-го марта 1878 года. 187⁷/₈ г. № 17.

Франсуа, Жюль. Планы и Чертежи къ общей программѣ работъ развѣдочныхъ и улучшенія источниковъ и ваннъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Тифлисъ. 1878.

Отъ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи.

Журналъ засѣданій совѣта Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи за 1875—76 учебный годъ.

Отъ Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ за 1878 г.

Отъ Московской Духовной Академіи.

Н. Троицкій, О происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. Опытъ разбора гипотезъ Г. Эвальда и Ю. Гольмана. Москва 1878.

Отъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ.

Отчетъ о таможенныхъ сборахъ и о результатахъ внѣшней торговли за 1877 годъ. . .

Отъ Грейфсвальденскаго Университета.

Собрание диссертаций, представленныхъ университету съ 1-го января 1877 года.

Отъ Университета въ Грацѣ.

Vorlese-Ordnung an der K. K. Karl-Franzens-Universität in Graz für das Sommer-Semester. 1878.

Отъ Редакціи журнала «La Nature».

La Nature. №№ 254, 255, 256, 257, 258, 259. — 1878.

Отъ Редакціи журнала «Nature».

Nature. №№ 441, 442, 443. 444. Vol. 17. №№ 445, 446. Vol. 18.

Отъ Редакціи журнала «La Revue Polyhistore».

La Revue Polyhistore (На армянскомъ языкѣ). 1878. Т. XXXVI, livr. I.

Отъ Северо-Американскаго Геологическаго и Географическаго Управленія Территорій въ Вашингтонѣ.

Bulletin of the United States geological and geographical Survey of the territories. Volume III. № 4.

Bulletin of the United States Entomological Commission. № 2.

Hayden, F. V. Ninth annual report of the United States geological and geographical Survey of the territories, embracing Colorado and parts of adjacent territories: being a report of progress of the exploration for the year 1875.

Elliot Coues. Fur-bearing animals: a monograph of North American Mustelidae. 1877.

Washington Matthews. Ethnography and philology of the Hidatsa Indians. 1877.

List of elevations principally in that portion of the United States West of the Mississippi river. Fourth edition. Collated and arranged by Henry Gannett. 1877.

Отъ Редакціи Американскаго журнала Наука и Искусствъ въ Нью-Хевенѣ.

The American journal of science and arts. Third series. Vol. XIV №№ 79—83.

Отъ Академіи Искусствъ и Наукъ въ Бостонѣ.

Proceedings of the American Academy of Arts and sciences. New series Vol. IV. Whole series Vol. XII. 1877.

Отъ Американскаго Общества прусульмія Наукъ.

Proceedings of the american association for the advancement of science, twenty-fifth meeting, held at Buffalo. N. Y. August 1876. Sabem 1877, 8 August. 1876.

Отъ Общества Естественной Исторіи въ Бостонъ.

Proceedings of the Boston society of natural history. Vol. XVIII.
Part. III. January—April, 1876. Part IV. April—Juli, 1876.

Memoirs of the Boston society of natural history. Volume II. Part.
IV. Number V.

Alpheus Hyatt. Revision of the North American Poriferae; with
remarks upon foreign species. Part. II.

Отъ Американскаго Общества въ Филадельфій.

Proceedings of the American Philosophical society. Vol. XVI.
№ 99. — 1877.

Отъ Академіи Естественныхъ Наукъ въ Филадельфій.

Members and correspondents of the Academy of natural sciences
of Philadelphia. 1877.

Отъ Северо-Американской Морской Обсерваторіи въ Вашингтонъ.

Narrative of the north-polar expedition. U. S. Ship Polaris, captain
Charles Francis Hall commanding. 1876.

Отъ Геодезическаго Института въ Берлинъ.

Das rheinische Dreiecksnetz. II. Heft. Die Richtungs-Beobachtungen.
Berlin 1878.

Отъ Геологическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société géologique de France. 3^me Serie. Tome 6.
1878. № 2.

Отъ Общества Комерческой Географіи въ Бордо.

Bulletin № 8. 1878. 2^e Série.

Отъ Общества Исторіи и Древностей въ Ригъ.

Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthums-
kunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1876.

Отъ Нѣмецкаго Геологическаго Общества въ Берлинъ.

Zeitschrift der Deutschen geologischen Gesellschaft. XXX. Band.
4. Heft. October bis December 1877.

Отъ Редакціи журнала «La Lancette Belge».

La Lancette Belge. Journal de médecine et d'hygiène № 18.—
1878.

Отъ Академіи Наукъ въ Берлинъ.

Monatsbericht der königlich-preussischen Akademie der Wissen-
schaften zu Berlin. Januar 1878.

Отъ Редакціи журнала «Revue Africaine».

Revue Africaine. № 126. Novembre—Décembre 1877.

Отъ Ботаническаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société botanique de France. Tome 24. — 1877.

Отъ Князя Бонкомпаньи.

Bulletino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche. Tome XI. Marzo, Aprile 1878.

Отъ Королевской Линццейской Академии въ Римъ.

Atti della r. Accademia de' Lincei. Anno CCLXXIV 1876—77. Serie terza. Memorie della classe di scienze fisiche, matematiche e naturali. Volume I. Dispensa prima e seconda. Memorie della classe di scienze morali, storiche e filologiche. Vol. I. Anno CCLXXV. 1877—78. Serie terza. Transunti. Volume II. Fascicolo 4°. Marzo 1878.

Отъ Международнаго Комитета мѣръ и вѣсовъ въ Парижѣ.

Procès-verbaux des séances de 1877.

Отъ Общества Земледѣльи, Естественной Исторіи и Полезныхъ Искусствъ въ Лионѣ.

Annales de la société d'agriculture, histoire naturelle et arts utiles de Lyon. 4^m Série. Tome 8. — 1875.

Отъ Энтомологическаго Общества въ Брюсселѣ.

Compte-rendu de l'Assemblée mensuelle du 6 avril 1878. Série II. № 50.

Отъ Общества Естественныхъ и Экономическихъ Наукъ въ Палермо.

Bulletino della società di scienze naturali ed economiche di Palermo. № 5. Seduta de 14 aprile 1878.

Giornale di scienze naturali ed economiche. Anno 1876—1877. Volume XII.

Отъ Наварскаго Евскаровскаго Общества.

Revista Euskara. Anno primero. Numero 3. Abril de 1878.

Отъ Музея Естественныхъ Наукъ въ Лионѣ.

Lortet D^r. Rapport à M. le préfet sur les travaux exécutés pendant l'année 1877. VI.

Отъ Венгерскаго Национальнаго Музея въ Пештѣ.

Természeti füzetek az állat-, növény-, ásvány-és földtan köréből. Évnegyedes folgóirat. II és III füzet. 1878 (Aprilis—September).

Отъ Издателя.

Biblioteca matematica italiana per P. Riccardi. Appendice alla parte prima. Modena 1878.

Отъ Общества Спектроскопистовъ въ Палермо.

Memorie della società degli spettroscopisti italiani. Dispensa 4. Aprile 1878.

Отъ Астрономическаго Общества въ Лондонъ.

Monthly notices of the royal astronomical society. Vol. XXXVII
№ 5. — 1878.

Отъ Королевскаго Великобританскаго Института въ Лондонъ.

Proceedings of the Royal Institution of Great Britain. Vol. VIII.
Part. III. № 66. Part. IV. № 67.

List of the members, officers and professors 1877.

Отъ Королевской Астрономической Обсерватори въ Брюссель.

Observations météorologiques faites aux stations internationales
de la Belgique et des Pays-Bas. 2^m Année. 1878. Observations
internationales. 1877. Résumé.

Отъ Географическаго Общества въ Парижъ.

Bulletin de la société de Géographie. Mars 1878.

Отъ Линнеевскаго Общества въ Новомъ Верхнемъ Валлисъ.

The proceedings of the Linnean society of New South Wales. Vol.
II. Part. The second.

Отъ Общества Художествъ и Наукъ въ Батавию.

Verhandelingen van het bataviaasch Genootschap van Kunsten en
Wetenschappen. Deel XXXIX. 1 Stuk.

Tijdschrift voor indische Taal-, Land- en Volkenkunde. Deel XXIV.
Aflivering 4 en 5.

Notulen van de Algemeene en Bestuurs-Vergaderingen van het
bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen. Deel XV.
1877. № 1.

Tweede vervolg-catalogus der bibliotheek van het bataviaasch
Genootschap van Kunsten en Wetenschappen.

Отъ Медицинской Академи въ Брюссель.

Bulletin de l'Académie royale de médecine de Belgique. Année
1878. 3^m Série. Tome XII. № 3.

Mémoires couronnées et autres mémoires. Tome IV (4^m fascicule).
Programme des questions mises au concours.

Отъ Общества Естественныхъ Наукъ въ Лозаннъ.

Bulletin de la société vaudoise des sciences naturelles. 2^o Série.
Vol. XV. № 79.

Отъ Папской Линцейской Академи въ Римъ.

Atti dell'accademia pontificia de' nuovi Lincei. Anno XXX. Sessione
VII del 17 Giugno 1877.

Отъ Общества Комерческой Географи въ Бордо.

Bulletin. 2^o Série. № 9. 1878.

Отъ Музея Сравнительной Зоологии въ Кембриджъ.

Agassiz, Alexander (Letter №1). To C. P. Patterson, Superintendent Coast Survey, Washington, D. C., from Alexander Agassiz, on the Dredging Operations of the United States Coast Survey, Steamer «Blake», during parts of January and February, 1878.

Отъ Королевской Шведской Академіи въ Штокгольмъ.

Edlund, E. Recherches sur l'induction unipolaire, l'électricité atmosphérique et l'aurore boréale.

Отъ Асторовъ.

Богдановъ, А. П. Антропологическая физиогномика. Предварительная замѣтка. Москва 1878.

Defrémercy, M. C. Examen de la nouvelle édition de Noël du Fail. Paris 1875.

Worsaae, J. J. A. Nordens Forhistorie. Efter samtidige Mindesmaerker of J. J. A. Worsaae.

Thomson, William. Reprint of papers on electrostatics and magnetism. London, 1872.

Rossetti, Francesco. Sui telefoni senza lamina (Извлеч. изъ «Vol. IV, Ser. V degli Atti del R. Istituto veneto di scienze, lettere ed arti»).

Ausiaume, Auguste. De la rotation diurne de la terre. Avec réponses à diverses réfutations. Deuxième édition. Paris. 1868.

Lomeni. A. Di alcune riflessioni sopra la dispersione della luce. Milano.

Palteau, J. Bibliographie analytique des principaux phénomènes subjectifs de la vision, depuis les temps anciens jusqu'à la fin du XVIII siècle, suivie d'une bibliographie simple pour la partie écoulée du siècle actuel. Deuxième section. Couleurs accidentelles ordinaires de succession. Troisième section. Images qui succèdent à la contemplation d'objets d'un grand éclat ou même d'objets blancs bien éclairés.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

ЗАСѢДАНІЕ 11 ОКТЯБРЯ 1877 ГОДА.

Гг. Академики Г. И. Вилъдъ и А. В. Гадолинъ представили, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ, записку г. Авенаріуса объ измѣненіи объема жидкости отъ вліянія температуры и давленія (*Volumenveränderung einer Flüssigkeit durch Temperatur und Druck*).

Непрежѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатанъ и вышелъ въ свѣтъ второй выпускъ четвертаго тома Амурскаго путешествія Акад. Л. И. Шренка, содержащій въ себѣ климатологію Восточной Азіи и въ особенности Амурскаго края, Китая и Японіи.

Департаментъ Внутреннихъ Сношеній, при отношеніи отъ 20-го іюля, доставилъ сообщенныя ему Россійскимъ посольствомъ въ Парижѣ письмо инженера французской службы Юдицкаго на имя генералъ-адъютанта князя Орлова отъ 26-го іюня, и слѣдующую къ этому письму литографированную записку г. Юдицкаго, подъ заглавіемъ: *Origine des combustibles minéraux d'après le mode de gisement du carbone et de ses composés*. Въ означенномъ письмѣ г. Юдицкій проситъ о передачѣ этой записки на судъ Академіи. — Академикъ Г. П. Гельмерсенъ принялъ на себя рассмотретьъ сказанную записку и, если окажется нужнымъ, представить о ней донесеніе Отдѣленію.

Вице-Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, отношеніемъ отъ 8-го октября увѣдомляетъ, что гѣ-томъ 1876 года дѣйствительный членъ Общества, капитанъ генеральнаго штаба М. В. Пѣвцовъ совершилъ, по порученію своего непосредственнаго начальства, путешествіе по Сѣверо-Западной Монголіи отъ пограничнаго Зайсанскаго поста до Китайскаго города Гученя. Г. Пѣвцовъ воспользовался этою поѣздкою для того, чтобы произвести цѣлый рядъ научныхъ изысканій и результаты своихъ трудовъ, а именно естественно-историческія коллекціи, предоставилъ въ собственность Географическаго Общества. Озабочиваясь строгонаучною разработкою названныхъ коллекцій, согласно ходатайству г. Пѣвцова, Совѣтъ Географическаго Общества просилъ академикомъ Ѳ. Б. Шмидта и К. И. Максимовича и ученаго хранителя Зоологическаго Музея Академіи И. С. Полякова рассмотретьъ эти коллекціи. Въ тоже время, сознавая всю важность коллекцій г. Пѣвцова, какъ новаго матеріала для пополненія богатыхъ коллекцій Академіи Наукъ, Совѣтъ Общества постановилъ: согласно бывшимъ примѣрамъ, передать коллекціи г. Пѣвцова въ полную собственность Академіи. Къ сему тайный совѣтникъ П. П. Семеновъ присовокупляетъ, что эта коллекція состоитъ изъ предметовъ геологическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ, и что первые переданы г. Шмидту, вторые — г. Максимовичу, а третьи — г. Полякову, принявшимъ на себя трудъ рассмотретьъ эти предметы. — Положено выразить Совѣту

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества признательность Академіи.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что согласно опредѣленію, состоявшемуся въ засѣданіи онаго 16-го декабря 1875 г., ходатайство г. Лорте о доставленіи въ Ліонскій музей естественной исторіи скелета и шкуры зубра изъ Бѣловѣжской пуши, было въ свое время представлено на усмотрѣніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Нынѣ г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 29-го іюля, увѣдомляетъ, что по означенному предмету было сдѣлано сношеніе съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, отъ котораго въ настоящее время получено увѣдомленіе, что со стороны этого Министерства предложено Гродненскому Управленію Государственныхъ Имуществъ о доставленіи въ Ліонскій музей шкуры и скелета зубра изъ Бѣловѣжской пуши. Къ этому сенаторъ кн. А. П. Ширинскій-Шихматовъ присовокупляетъ, что всѣ расходы по пересылкѣ означенныхъ предметовъ въ Ліонъ приняло на себя Министерство Народнаго Просвѣщенія.

засѣданіе 25 октября 1877 года.

Членъ-корреспондентъ П. В. Еремѣевъ представилъ записку о нѣкоторыхъ новыхъ кристаллическихъ формахъ ильменорутила (*Ueber einige neue Krystallformen des Ilmenorutils*). — По предложенію Г. П. Гельмерсена и Н. И. Кокшарова, положено напечатать ее въ Бюлетенѣ.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ: 1) *Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1875 и 1876 годы*, — Прилож. къ XXX тому Записокъ Академіи; и 2) L. Cienkowski, *Zur Morphologie der Bacterien* (Mém. de l'Acad. XXV, № 2).

Читано письмо дворянина А. П. Бобровскаго съ приложеніемъ описанія и чертежей разныхъ его изобрѣтеній. — Положено передать, для разсмотрѣнія, г. Академику П. Л. Чебышеву.

Читано письмо горнаго инженера Лопатина, изъ Енисейска, отъ 10-го сентября, съ изложеніемъ, въ общихъ чертахъ, отчета объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ имъ въ нынѣшнемъ году по порученію Академіи. — Положено передать, для разсмотрѣнія, академику Ѳ. В. Шмидту.

Г. Шефлеръ, при письмѣ изъ Брауншвейга, отъ 25-го сентября, доставилъ, для библіотеки Академіи, два первыхъ тома, въ четырехъ выпускахъ, издаваемаго имъ сочиненія о законахъ природы: *Die Naturgesetze und ihr Zusammenhang mit den Principien der abstracten Wissenschaften*. Leipzig. 1877.

Г. Эрикссонъ (*Jon Ericsson*) доставилъ экземпляръ сочиненія, изданнаго имъ въ Нью-Йоркѣ въ 1876 году подъ заглавіемъ: *Contributions to the Centennial Exhibition*, и содержащаго въ себѣ описаніи его различныхъ изслѣдованій и изобрѣтеній въ области физики и механики. — Положено благодарить автора.

Г. Вейпрехтъ доставилъ печатный экземпляръ програмы для занятій полярной международной экспедиціи, предложенной имъ, г. Вейпрехтомъ, и графомъ Вильчекомъ. Эта програма была составлена для обсужденія ея на предполагавшемся въ маѣ 1877 международномъ метеорологическомъ конгрессѣ въ Римѣ, и отложенномъ по причинѣ политическихъ событій.

Непремѣнный Секретарь представилъ списки Членовъ-корреспондентовъ Академіи, по разрядамъ Математическому, Физическому и Биологическому, съ указаніемъ имѣющихся вакансій. — Разряды Отдѣленія приглашены составить собою комисіи для обсужденія о вопроса замѣщенія имѣющихся вакансій.

ЗАСѢДАНІЕ 8 НОЯБРЯ 1877 ГОДА.

Вице-Президентъ Академикъ В. Я. Буняковскій представилъ записку о приближенномъ вычисленіи пожизненныхъ рентъ (*Sur le calcul approximatif des rentes viagères*), при чемъ сообщилъ изустно слѣдующія объясненія:

Вопросъ объ упрощеніи утомительнаго по длиннотѣ своей вычисленія тарифныхъ таблицъ пожизненныхъ пенсій не мало занималъ специалистовъ-вычислителей. При явной невозможности выразить законъ смертности аналитическою формулою, эта задача могла представиться только въ слѣдующемъ видѣ: *найти, съ достаточною степенью приближенія и при возможномъ сокращеніи выкладокъ, величину пожизненной пенсїи, обуславливаемую возрастомъ пенсионера, разсмотрѣть его взноса и нормою процентовъ*. — Было предложено нѣсколько рѣшеній этого вопроса, но ни одинъ изъ придуманныхъ приемовъ не приводилъ къ выводамъ на столько близкимъ къ точнымъ результатамъ, насколько это требовалось, почему приемы эти и не вошли въ употребленіе. Между тѣмъ, нѣтъ

сомнѣнія, что облегченіе вычисленій очень желательно, если не для составленія новыхъ пенсіонныхъ таблицъ, то какъ вспомогательное средство для предварительныхъ соображеній при учрежденіи новыхъ пенсіонныхъ кассъ. Дѣйствительно, положимъ, что составляется проэктъ подобнаго учрежденія для такого рода вкладчиковъ, для которыхъ, по какимъ либо особымъ условіямъ, расчеты должны быть основаны на специальной таблицѣ смертности, или, если и на существующей, но требующей измѣненія. Въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ приступить къ многосложнымъ выкладкамъ, неизбѣжнымъ при употребленіи прямого способа, конечно полезно предварительно произвести приблизительныя вычисления, чтобъ удостовѣриться въ возможности или невозможности учрежденія кассы на предполагаемыхъ основаніяхъ и при тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми она располагаетъ. Если осуществленіе проэкта окажется невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, будетъ сбережено много времени, которое пришлось бы употребить на излишнія точныя вычисления. Съ другой стороны, если изъ приближенныхъ величинъ обнаружится возможность учрежденія кассы на проэктированныхъ основаніяхъ, то найденныя приближенныя цифры будутъ не бесполезны для контролированія въ общихъ чертахъ результатовъ, полученныхъ изъ вычисленій по прямому способу.

Представляемая нынѣ записка, подъ заглавіемъ: *Note sur le calcul approximatif des rentes viagères*, есть извлеченіе изъ болѣе подробной статьи, на русскомъ языкѣ, о томъ же предметѣ, которую, въ свое время, г. Буцяковскій сообщилъ Отдѣленію. Въ этой запискѣ излагается легкій способъ для опредѣленія, съ достаточною степенью приближенія, размѣровъ пожизненныхъ пенсій при извѣстномъ возрастѣ пенсіонера, при данной величинѣ вкладочнаго капитала и при опредѣленной нормѣ процентовъ. Способъ этотъ примѣнимъ къ опредѣленію величинъ пенсій какъ одиночнымъ пенсіонерамъ, такъ и группамъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ лицъ. Вообще, приемъ можетъ быть приложенъ очень просто къ приближенному рѣшенію многоразличныхъ вопросовъ, относящихся къ *пожизненнымъ доходамъ*, какъ то къ доходамъ *временнымъ, отстроченнымъ, переходящимъ (rentes en reversion)* и проч.

Означенная записка будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академики К. И. Максимовичъ и Ф. Б. Шмидтъ представили, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ, записку г. Шмальгаузена подъ заглавіемъ: *Ein fernerer Beitrag sur Kenntniss der Ursastu-*

fe Ost-Sibiriens. Это есть продолженіе работы, которая была представлена Академіи въ прошломъ году, въ засѣданіи 24 февраля и напечатана въ Бюлетенѣ. Исслѣдованія г. Шмальгаузена основываются на матеріалахъ, доставленныхъ И. А. Лопатинымъ въ музей Академіи въ нынѣшнемъ и въ прошломъ годахъ изъ Минусинскаго округа Енисейской губерніи. Прежде описанныя г. Шмальгаузенюмъ остатки растений состояли въ валунахъ, найденныхъ также г. Лопатинымъ на р. Огурѣ, впадающей въ Енисей. Нынѣшніе же взяты уже изъ кореннаго мѣсторожденія на берегу Енисея, около селенія Трифионовой (недалеко отъ Огура) и изъ горы Изыхъ на Абаканѣ, куда г. Лопатинъ ѣздилъ по порученію Академіи въ 1876 г. По этому и новая работа г. Шмальгаузена заслуживаетъ особеннаго вниманія. — Записка г. Шмальгаузена будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академикъ Ѡ. Б. Шмидтъ, рассмотрѣвъ по порученію Отдѣленія письмо г. Лопатина, донесъ, что въ этомъ письмѣ г. Лопатинъ даетъ предварительный отчетъ о поѣздкѣ своей по порученію Академіи вверхъ по Подкаменной Тунгукѣ до впаденія р. Чуны (по крайней мѣрѣ на 600 верстѣ). Во время этой поѣздки составленъ геологическій маршрутъ и снята карта береговъ р. Подкаменной Тунгукки и части Енисея отъ Красноярска до устья Подкаменной Тунгукки. Геологическая коллекція состоитъ изъ 1570 нумеровъ, изъ которыхъ самыя интересныя относятся къ хорошо развитой здѣсь Силурійской формации. Окаменѣлости изъ этой формации, отлично сохранившіяся, были найдены во многихъ мѣстахъ по самому берегу рѣки. Такъ какъ р. Подкаменная Тунгукка протекаетъ по совершенно неизвѣстной до сихъ поръ въ научномъ отношеніи мѣстности, то г. Шмидтъ предложилъ напечатать этотъ предварительный отчетъ въ Запискахъ Академіи, такъ какъ на изготовленіе полнаго отчета потребуется еще время. — Одобрено.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ мемуаръ гг. Шмидта и Доранда, подъ заглавіемъ: *Wassermenge und Suspensionsschlamm des Amu-Darja in seinem Unterlaufe* (Mém. de l'Acad. XXV, № 3).

Академикъ О. В. Струве представилъ только-что отпечатанный 7-й томъ Пулковскихъ наблюдений, содержащій въ себѣ наблюдения, сдѣланныя меридіаннымъ кругомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ, для бібліотеки Академіи, нѣмецкій переводъ отчета Обсерваторіи за 1876 годъ.

Академикъ А. Н. Савичъ представилъ отъ имени г. Тилло изданное имъ *Описание Арало-Каспійской низемировки, произведенной въ 1874 году, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Оренбургскаго ея Отдѣла.* •

Гражданскій инженеръ Авг. Буве (*Bouvet*), при письмѣ изъ Парижа, отъ 25-го октября, доставилъ экземпляръ мемуара, напечатаннаго въ *Comptes-Rendus* Парижской Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: *Etude sur la dissociation ou décomposition de l'eau placée en vase clos, produite par l'action électrochimique d'un courant suffisamment énergique; liquéfaction de l'oxygène et de l'hydrogène; production de pressions illimitées.* — Положено благодарить автора за присылку его мемуара.

Читано письмо г. Лорте, изъ Ліона, отъ 13-го ноября, съ изъясненіемъ благодарности за содѣйствіе, оказанное Академію къ обогащенію Ліонскаго музея скелетомъ и шкурою бизона изъ Бѣловѣжской пуши.

Читано представленіе Академикомъ Ф. Ф. Брандта, Л. И. Шренка и А. А. Штрауха, слѣдующаго содержанія:

«Въ послѣднемъ засѣданіи Общаго Собранія почетный членъ Академіи А. Ф. Миддендорфъ заявилъ, что въ началѣ будущаго года отправляется съ научно-практическою цѣлью въ Туркестанскій край и, предлагая Академіи свои услуги относительно разнаго рода порученій, выразилъ также желаніе, чтобы Академія, если найдетъ удобнымъ и возможнымъ, прикомандировала къ его экспедиціи зоолога, преимущественно для составленія коллекціи водящихся въ упомянутомъ краѣ животныхъ. Оцѣнивая вполне важность и пользу сдѣланнаго нашимъ сочленомъ предложенія и желая воспользоваться столь удобнымъ и рѣдкимъ случаемъ для обогащенія нашихъ коллекцій, честь имѣемъ представить на обсужденіе Отдѣленія слѣдующее предложеніе:

«Туркестанскій край, какъ вообще почти всѣ южныя окраины нашего отечества, отличается не только весьма богатою, но и наиболѣе интересною фауною; тамъ именно встрѣчаются, вмѣстѣ съ обыкновенными сѣверными животными, распространенными по болѣе или менѣе обширнымъ областямъ Имперіи, чисто южныя формы, близкія къ Гималайскимъ, и отчасти даже съ ними тождественныя, и придають всей фаунѣ въ зоогеографическомъ отношеніи весьма важное значеніе.

«Между тѣмъ нашъ Музей, столь богатый русскими животными, крайне бѣденъ относительно Туркестанскихъ. За исключеніемъ со-

бранныхъ почти сорокъ лѣтъ тому назадъ покойнымъ Леманомъ коллекцій на пути въ Самаркандъ и въ окрестностяхъ этого города, въ нашемъ Музеѣ имѣется еще небольшая часть собранныхъ Н. А. Сѣверцовымъ на Сырь-Дарьѣ предметовъ, а также нѣсколько десятковъ разныхъ животныхъ изъ Ходжента, приобретенныхъ отъ полковника Кушакевича. Въ особенности чувствительно отсутствіе въ нашемъ Музеѣ Туркестанскихъ млекопитающихъ и птицъ, тѣмъ болѣе, что и покойный Федченко, изслѣдовавшій съ столь большимъ успѣхомъ названную область, этими двумя отдѣлами, какъ кажется, не занимался; по крайней мѣрѣ въ описаніи его путешествія ни млекопитающія, ни птицы не изданы и какъ видно изъ проспекта, никогда не издадутся. Правда докторъ Сѣверцовъ недавно напечаталъ обширное сочиненіе о позвоночныхъ животныхъ Туркестана, преимущественно о млекопитающихъ и птицахъ; но въ этомъ сочиненіи авторъ занимается болѣе общими вопросами, именно горизонтальнымъ и вертикальнымъ распространеніемъ видовъ, и только о нѣсколькихъ новыхъ или мало извѣстныхъ видахъ говоритъ подробно и въ систематическомъ отношеніи, такъ что многія изъ его видовыхъ опредѣленій требуютъ еще провѣрки. Подобныя провѣрки однако произвести трудно, или, лучше сказать, невозможно, такъ какъ только небольшая часть млекопитающихъ находится въ публичномъ Музеѣ въ Москвѣ, птицы-же составляютъ частную собственность г. Сѣверцова, и слѣдовательно доступны по крайней мѣрѣ не для всякаго.

«При такихъ обстоятельствахъ предложеніе нашего почетнаго члена приходится какъ нельзя болѣе кстати, и смѣемъ надѣяться, что Отдѣленіе одобритъ наше предложеніе—прикомандировать къ экспедиціи А. Ѳ. Миддендорфа, въ качествѣ зоолога, ученаго хранителя Зоологическаго музея Валеріана Руссова. Г. Руссовъ, страстный охотникъ и превосходный знатокъ орнитологіи, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершилъ путешествіе въ Туркестанъ и несмотря на короткое время и на почти безпрестанныя переѣзды на почтовыхъ изъ одного мѣста въ другое, собралъ весьма значительную коллекцію разныхъ животныхъ, хранящуюся въ Зоологическомъ музеѣ Дерптскаго университета. Изучивъ такимъ образомъ до нѣкоторой степени край, г. Руссовъ при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ безъ сомнѣнія соберетъ несравненно большую коллекцію животныхъ, такъ что издержки на его командировку конечно вполнѣ оплатятся. — Одобрено.

засѣданіе 22 ноября 1877 года.

Академикъ К. И. Максимовичъ представилъ, съ одобреніемъ для напечатанія въ «Запискахъ» и въ «Бюлетенѣ», записку г. Бабикова «*О развитіи цефалодій на слоевищѣ Peltigera aptosa Hoffm.*» Цефалодіями называютъ бородавковидныя образования на слоевищѣ различныхъ лишаяевъ, которыя рассматриваются какъ произведенія разныхъ водорослей, паразитирующихъ въ корѣ лишая и притомъ часто до того измѣняющихся, что дѣлаются трудно узнаваемыми. Взглядъ этотъ былъ доселѣ основанъ на изученіи строенія уже вполне законченныхъ цефалодій, но не доказанъ исторіей развитія этихъ образований. Именно этотъ пробѣлъ и пополняется трудомъ г. Бабикова, который не только прослѣдилъ всѣ стадии развитія цефалодій изъ попавшихъ на лишай клѣточекъ водоросли, но и узналъ, какой именно водоросли эти клѣтки принадлежали, посѣявъ содержимое цефалодіи и воспитавъ изъ него вполне удобо-узнаваемыя молодыя особи водоросли *Nostoc'a*, дѣйствительно растущаго въ изобиліи около изслѣдуемаго лишая.

Академики К. И. Максимовичъ и Ф. Б. Шмидтъ представили и предложили напечатать въ Запискахъ Академіи извлеченіе изъ статьи г. Шмальгаузена о растительныхъ остаткахъ яруса «Урза» въ Сибири. — Одобрено.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатано и выпущено въ свѣтъ разсужденія Н. И. Кокшарова: *Ueber Walnuewit* (Mém. de l'Acad. XXV, № 4).

Академикъ Ф. Б. Шмидтъ сообщилъ Отдѣленію, что профессоръ Гееръ, письмомъ изъ Цюриха отъ 15-го ноября, извѣстилъ его о томъ, что новый его трудъ, о міоценовой флорѣ острова Сахалина, по коллекціямъ Академическаго Минералогическаго музея, оконченъ и рукопись сдана на почту.

засѣданіе 14 декабря 1877 года.

Академикъ А. Н. Савичъ представилъ и прочелъ записку о *предварительномъ вычисленіи солнечныхъ затмѣній*; она составляетъ собою дополненіе къ статьѣ о томъ же предметѣ, напечатанной въ Запискахъ Академіи (Томъ XXVII).—Этотъ трудъ появится въ Запискахъ.

Академикъ Е. И. Золотаревъ представилъ записку объ уче-

ныхъ трудахъ Академика О. И. Сомова. — Она будетъ напечатана въ Запискахъ Академіи.

Академикъ О. В. Струве представилъ готовую къ печати рукопись сочиненія корреспондента Академіи, г. Ауверса, о новомъ, произведенномъ имъ приведеніи Брэдлеевыхъ наблюденій (*Neue Reduction der Bradleyschen Beobachtungen*), — сочиненія, объ изданіи котораго въ свѣтъ на счетъ Академіи уже состоялось опредѣленіе Отдѣленія 13-го января 1876 года. При этомъ г. Струве объяснилъ, что означенное сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ томовъ, изъ которыхъ первый главною частью будетъ содержать въ себѣ подробныя изслѣдованія о фундаментальныхъ опредѣленіяхъ, наблюденія солнца, опредѣленія равноденствій и широты Гринвича и т. п. Второй томъ дастъ отдѣльныя наблюденія неподвижныхъ звѣздъ, приведенныя къ началу года наблюденій, и критическій разборъ самыхъ наблюденій; наконецъ третій томъ будетъ заключать въ себѣ окончательный каталогъ звѣздъ по Брэдлеевымъ наблюденіямъ и сравненіе его съ новѣйшими опредѣленіями. По существу этого труда, желательно, чтобы печатаніе его началось со втораго тома, который въ печатномъ видѣ значительно облегчитъ производство послѣднихъ изслѣдованій о предметахъ, входящихъ въ составъ двухъ остальныхъ томовъ, и для котораго вся рукопись уже доставлена г. Ауверсомъ.

Положено, согласно предложенію г. Струве, означенное сочиненіе г. Ауверса напечатать въ форматѣ, въ которомъ издаются Пулковскія наблюденія, особою книгою.

Академикъ О. В. Струве и А. Н. Савичъ представили, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Мемуарахъ Академіи, новое сочиненіе г. фонъ Астена объ Энковой кометѣ (*Untersuchungen über die Theorie des Encke'schen Cometen. II. Resultate aus den Erscheinungen 1819 — 1875*). Въ этомъ трудѣ авторъ изложилъ ходъ своихъ вычисленій о возмущеніяхъ, которыя дѣйствовали на комету Энке между 1848 и 1868 годами, соглашеніе ихъ съ предыдущими вычислениями самого Энке для періодовъ обращенія между 1819 и 1848 годами, и результаты, къ которымъ онъ пришелъ какъ относительно теоріи кометы, такъ и относительно массы планетъ Меркурія, Земли и Юпитера.

Академикъ Ф. В. Шмидтъ представилъ и предложилъ напечатать въ Мемуарахъ Академіи разсужденіе члена корреспондента, профессора Геера объ ископаемыхъ растеніяхъ съ острова Сахалина (*Primitiae florum fossilis Sachalinensis. Miocene Flora der Insel Sachalin*)

При этомъ г. Шмидтъ пояснилъ, что этимъ трудомъ пока оканчивается обработка тѣхъ ископаемыхъ растений, которыя посланы были г. Гееру изъ Минералогическаго музея Академіи. Третичныя растения острова Сахалина были собраны большею частью въ окрестностяхъ поста Дуиг. Шмидтомъ и покойнымъ П. П. Гленомъ еще въ 1860 и 61 годахъ. Впослѣдствіи академической музей получилъ еще коллекцію изъ той же мѣстности отъ горнаго инженера А. П. Кеппена. Кромѣ того, по порученію бывшаго губернатора Приморской области адмирала Фуругъельма, была составлена коллекція, которую г. Гееръ получилъ для обработки отъ профессора Норденшюльда. Эта коллекція, теперь находящаяся въ Стокгольмскомъ музеѣ, состоитъ изъ 19 видовъ, изъ которыхъ шести нѣтъ въ нашей коллекціи. Г. Гееръ насчитываетъ всего 74 вида изъ третичной флоры Сахалина; изъ нихъ 43 вида уже раньше извѣстны изъ другихъ третичныхъ флоръ, а 31 вида составляютъ новое приобрѣтеніе для науки; 27 видовъ тождественны съ арктическою третичною флорою, 14 видовъ съ миоценовою Балтійскою флорой въ восточной Пруссіи, 25 съ миоценовою Швейцарскою флорой и 18 видовъ съ миоценовою флорой Аляски. Изъ Аляски извѣстны около 50 видовъ третичныхъ растений, которые уже раньше описаны Гееромъ. Тождественныя 18 формъ принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ въ обѣихъ мѣстностяхъ ископаемымъ формамъ. Это сильно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что въ миоценовый періодъ третичной формаціи не существовало Берингова моря, а Азія съ Америкой были соединены широкимъ перешейкомъ. По всему сѣверному берегу Тихаго океана распространены миоценовыя отложения съ остатками растений, которыя сопровождаются болѣе новыми, миоценовыми, морскими отложениями съ остатками раковинъ, которыя свидѣтельствуютъ о значительномъ погруженіи береговъ сѣверной части Тихаго океана со временъ окончанія миоценоваго періода. Въ новѣйшее время берега эти опять стали подниматься, такъ какъ миоценовыя морскія пласты мѣстами встрѣчаются на довольно значительныхъ высотахъ.

Если принять во вниманіе существованіе прежняго непрерывнаго материка отъ восточной Азіи до Америки, то довольно просто объясняется тотъ странный фактъ въ нынѣшней географіи растений, что флора восточной Азіи имѣетъ больше сходства съ флорой восточной части сѣверной Америки, чѣмъ съ флорой западной части. Во время миоценоваго періода флора была одинакова по всему матеріку; потомъ часть, занимаемая нынѣшнимъ Беринговымъ моремъ,

погрузилась въ море и вслѣдствіе измѣненія климатическихъ условій флора западныхъ береговъ Америки перемѣнилась, тогда какъ условія растительности по восточнымъ берегамъ Азіи и Америки остались болѣе одинаковыми. И Европейская третичная флора до сихъ поръ носить явно американскій характеръ.

Весьма интересно то явленіе, что третичная флора Сахалина также, какъ и теперешняя, имѣетъ болѣе сѣверный характеръ, чѣмъ западно-Европейская третичная флора тѣхъ же и даже болѣе сѣверныхъ широтъ. Несмотря на то миоценовая Сахалинская флора имѣла болѣе южный видъ, чѣмъ нынѣшняя тамошняя флора. Хотя число древесныхъ растений окрестностей Дуи теперешней и третичной флоры почти одинаково, около 60 видовъ, однако характеръ растительности былъ совершенно другой. Теперь преобладаютъ хвойныя деревья, а прежде преобладали лиственные, въ числѣ которыхъ попадаются и тропическіе роды изъ группъ н. пр. Sterculiaceae и Sapindaceae. Весьма интересенъ и тотъ фактъ, что въ числѣ третичныхъ Сахалинскихъ растений встрѣчается два вида рода *Nilssonia* (изъ группы *Cycadeae*), прежде извѣстнаго только изъ юрской формации. Это подобно тому, что нынѣ въ Японіи еще растетъ одинъ видъ рода *Ginkgo* или *Salisburgia*, который въ юрской формации встрѣчался въ весьма разнообразныхъ формахъ.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени его послѣдняго засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія: 1) N. Menschoutkine, *Recherches sur l'influence exercée par l'isométrie des alcools et des acides sur la formation des éthers composés*, Mém. de l'Acad. XXV, № 5; и 2) B. Hasselberg, *Bearbeitung der photographischen Aufnahmen des Venusdurchganges 1874 im Hafen Possiet*.

Пермской епархіи, Шадринскаго уѣзда Знаменской церкви священникъ Іоаннъ Первушинъ представилъ записку о дѣлимости числа $2^{2^{12}} + 1 = 2^{4096} + 1$ на простое число $114689 = 7 \times 2^{14} + 1$. — Вице-Президентъ В. Я. Буняковскій принялъ на себя рассмотретьъ эту записку.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ письмо, полученное имъ отъ директора Гриничской обсерваторіи, члена-корреспондента Академіи, г. Эйри, отъ 11-го декабря 1877, относительно устройства наблюдений самопишущимъ приборомъ надъ приливами въ одномъ изъ острововъ Балтійскаго моря. — Положено передать это письмо для рассмотрѣнія въ комисію изъ гг. Академикомъ: Г. П.

Гельмерсена, О. В. Струве, А. Н. Савича, Г. И. Вильда и А. В. Гадолина.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ оконченный нынѣ печатаніемъ томъ *Лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи*, содержащій въ себѣ наблюденія, произведенныя въ Россіи въ теченіе 1876 года. При этомъ онъ замѣтилъ, что въ этомъ томѣ содержатся, какъ и въ томѣ за 1875 годъ, нормальныя наблюденія 98 станцій, тогда какъ съ 1870 по 1875 это число постоянно возрастало. Да и за 1877 годъ число станцій, отъ которыхъ ожидаются удовлетворительныя наблюденія, едва ли будетъ больше. Изъ этого, по видимому нужно заключить, что, несмотря на всѣ старанія Главной Физической Обсерваторіи объ устройствѣ новыхъ станцій, возрастаніе числа дѣйствующихъ станцій остановилось потому, что ежегодно число станцій, прекращающихъ свои дѣйствія, равняется числу вновь заводимыхъ. Это явленіе еще не представляло бы собою большаго неудобства, если бы достигнутое нынѣ число дѣйствующихъ станцій можно было признать достаточнымъ. Но таковымъ оно не можетъ быть признано. Г. Вильдъ полагаетъ, что это число составляетъ едва половину того, какое необходимо для сколько нибудь удовлетворительнаго изслѣдованія атмосферныхъ явленій въ Россіи. Поэтому онъ представилъ Отдѣленію, не сочтетъ ли оно умѣстнымъ поручить той же Комисіи, которая въ 1868 году обсуждала вопросы о преобразованіи метеорологической части въ Россіи, войти въ обсужденіе средствъ, которыми можно было бы достигнуть дальнѣйшаго разширенія нашей сѣти метеорологическихъ станцій. — Одобрено и положено поручить Комисіи изъ гг. Академикомъ Г. П. Гельмерсена, К. С. Веселовскаго, Л. И. Шренка, Г. И. Вильда и А. В. Гадолина обсудить и представить Отдѣленію соображенія о средствахъ по достиженію вышеозначенной задачи.

засѣданіе 3 января 1878 года.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатано и выпущено въ свѣтъ: *Mélanges biologiques*, Tome IX, livr. 5 et 6^e (dernière).

Читано письмо, изъ Берлина, отъ 7-го января, которымъ членъ-корреспондентъ Ауверсъ благодаритъ Академію за пріемъ, ему оказанный, сочиненію его о Брадлеевыхъ наблюденіяхъ, которое будетъ издано отъ имени Академіи.

Г. Ортъ, профессоръ Берлинскаго университета, при циркулярномъ письмѣ отъ декабря 1877 года, доставилъ печатный экземпляръ своей записки: *Ueber die Anforderungen der Geographie und der Land- und Forstwirtschaft an die geognostische Kartographie des Grund und Bodens.*

ЗАСѢДАНІЕ 17 ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ и прочелъ записку о новой магнитной и метеорологической Обсерваторіи въ Павловскѣ (*Das neue meteorologisch-magnetische Observatorium in Pawlowsk*). — Положено напечатать ее въ Бюлетенѣ и въ Запискахъ Академіи.

Вице-Президентъ Академикъ В. Я. Буняковскій, рассмотрѣвъ записку священника Іоанна Первушина (см. засѣданіе 14 декабря 1877), сообщилъ Отдѣленію, что занимающимся теоріею чиселъ хорошо извѣстно, что Ферматъ считалъ всѣ числа вида $2^{2^m} + 1$ простыми, оговариваясь при томъ, что ему не удалось найти полное доказательство этого предложенія. Впослѣдствіи Л. Эйлеръ показалъ ошибочность утвержденія Фермата замѣтивъ, что при $m = 5$, число

$$2^{2^5} + 1 = 4294967297$$

дѣлится на-цѣло на простое число 641.

Сколько извѣстно, о видѣ $2^{2^m} + 1$ для дальнѣйшихъ значеній показателя m не было опубликовано ни чьихъ изысканій. Нынѣ священникъ Іоаннъ Первушинъ, въ присланной имъ въ Академію запискѣ, указываетъ на новый случай дѣлимости сказаннаго выраженія, именно при показателѣ $m = 12$; онъ нашелъ, что число

$$2^{2^{12}} + 1,$$

состоящее изъ 1234 цифръ какъ легко въ томъ удостовѣриться помощью логарифмическихъ таблицъ, дѣлится на-цѣло на простое число 114689.

Вычисленія священника Первушина, вкратцѣ обозначенныя въ его запискѣ, г. Буняковскій тщательно передѣлалъ, и нашелъ, что они совершенно вѣрны.

По этому онъ полагаетъ, что фактъ о новомъ случаѣ дѣлимости чиселъ вида $2^{2^m} + 1$ не лишенъ интереса для занимающихся теоріею чиселъ, и желательно, чтобы онъ получилъ гласность.

По приглашенію Отдѣленія, г. Буняковскій принялъ на себя составить, для напечатанія въ Бюлетенѣ, краткое сообщеніе объ открытіи А. Первушина.

Г. Мережковскій представилъ на судъ Академіи записку о губкахъ Бѣлаго моря (*Etudes sur les éponges de la mer Blanche*). — Положено передать, для рассмотрѣнія, въ комисію изъ Академиковъ Ѳ. Ѳ. Брандта, Ф. В. Овсянникова, Л. И. Шренка, К. И. Максимовича и А. А. Штрауха.

Непрежѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Академіи: 1) А. Ѳ. Миддендорфа, *Путешествіе на северъ и востокъ Сибири*, выпускъ 7-й части II отдѣла VI (окончаніе всего сочиненія; 2) *Mélanges mathématiques et astronomiques*, Tome V, livr. 3 et 4.; и 3) *Mélanges physiques et chimiques*, tom. X, livr. 3.

Князь Бонкомпаньи, при письмѣ изъ Рима отъ 18 января, доставилъ изданныя имъ сочиненія:

- 1) *Intorno alla parola Cumulo usata da Francesco dal Sole in senso di mille milioni.*
- 2) *Intorno alla somma delle quarte potenze dei numeri naturali notati di B. Boncompagni.* Roma 1877.
- 3) Riccardi (P^o), *Intorno ad uno opuscolo di Francesco dal Sole.* Roma 1877.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ А. Г. Жомини, при письмѣ отъ 12 января, доставилъ присланный Россійскимъ посольствомъ въ Парижѣ, полученный онымъ отъ Предсѣдателя Международнаго Комитета мѣръ и вѣсовъ, экземпляръ перваго отчета сказаннаго Комитета (*Comité international des poids et mesures. Premier Rapport aux Gouvernements signataires de la convention du mètre sur l'exercice de 1876—1877*).

засѣданіе 31 января 1878 года.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія печальное извѣстіе о кончинѣ Реньо, члена-корреспондента Академіи по разряду физическихъ наукъ, умершаго въ Парижѣ 19-го января н. ст. сего года.

Академики Ѳ. Ѳ. Брандтъ, Ф. В. Овсянниковъ, Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ, рассмотрѣвъ записку г. Мережковскаго о губкахъ Бѣлаго моря (*Etudes sur les éponges de la Mer Blanche*), предложили напечатать ее въ Мемуарахъ Академіи. — Одобрено.

Исправляющій должность Директора Усть-Медвѣдицкой гимназіи, при отношеніи отъ 12-го января, доставилъ дневники метеорологическихъ наблюденій, приведенныхъ въ Усть-Медвѣдицкой и Урюпинской станицахъ Области войска Донскаго въ теченіе 1877 года. — Эти дневники переданы въ Главную Физическую Обсерваторію.

ЗАСѢДАНІЕ 14 ФЕВРАЛЯ 1878 ГОДА.

По открытіи засѣданія Непремѣнный Секретарь сообщилъ печальное извѣстіе о кончинѣ Членовъ-корреспондентовъ Академіи: Клодъ Бернара, умершаго въ Парижѣ 10 февраля н. ст., и профессора Фриса въ Упсалѣ, умершаго 8 февраля н. ст.

Академикъ А. Н. Савичъ представилъ и прочелъ записку о противостояніяхъ планетъ въ 1877 года (*Oppositions des planètes en 1877*). — Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академикъ Ѡ. Б. Шмидтъ читалъ свое донесеніе о полученной въ Минералогическомъ музеѣ Академіи коллекціи г. Кипріянова. Въ этомъ донесеніи онъ выразился слѣдующимъ образомъ:

«Вскорѣ послѣ засѣданія Отдѣленія 31-го января сего года, я получилъ изъ Зоологическаго музея Академіи коллекцію ископаемыхъ эналиозавровъ, доставленную туда г. Кипріяновымъ, и присоединилъ ее къ коллекціямъ Минералогическаго музея.

Коллекція, принесенная въ даръ Академіи, послужила г. Кипріянову матеріаломъ для большаго его труда объ ископаемыхъ эналиозаврахъ Россіи, о которомъ я уже имѣлъ случай довести до свѣдѣнія Академіи и который въ скоромъ времени, какъ видно изъ письма г. Кипріянова къ Академику Ѡ. Ѡ. Брандту отъ 22-го января, будетъ представленъ Академіи въ окончательно обработанномъ видѣ.

Всѣ экземпляры опредѣлены самимъ авторомъ съ возможною тщательностью, какъ сообщаетъ г. Кипріяновъ въ упомянутомъ сейчасъ своемъ письмѣ, и сверхъ того всѣ отдѣльныя кости одного и тогоже животнаго или принадлежащія одной части скелета, связаны вмѣстѣ и снабжены этикетками, такъ что со стороны жертвователя сдѣлано все, чтобы привести коллекцію въ такой порядокъ, при которомъ она больше всего можетъ принести пользы для науки.

Коллекція костей пресмыкающихся изъ отдѣла эналиозавровъ, принесенная въ даръ Академіи г. Кипріяновымъ, состоитъ

приблизительно из ста номеров и представляет весьма желанное обогащение коллекций музея, пополняя важный пробѣлъ, замѣчавшійся въ нихъ до сихъ поръ, такъ какъ въ собраніи нашемъ не существовало до сихъ поръ никакихъ остатковъ позвоночныхъ животныхъ изъ крайне интересныхъ слоевъ центральной Россіи, извѣстныхъ подъ названіемъ Сѣверскаго остеолита. Остатки, принесенные въ даръ г. Кипріяновымъ, заключаются въ нѣсколькихъ десяткахъ превосходно сохранившихся позвонковъ и костей скелета двухъ самыхъ важныхъ представителей класса пресмыкающихся мезозойской эпохи: Ихтіозаура и Плезиозаура; изъ хорошо сохранившихся зубовъ ихъ, равно какъ изъ небольшого числа костей и зубовъ, принадлежащихъ двумъ или тремъ менѣе извѣстнымъ родамъ, какъ то *Polyptychodon* и, можетъ быть, *Leiodon*.

Правда, при взглядѣ на отдѣльныя, часто поврежденныя кости, находящіяся въ этой коллекціи, значеніе ихъ можетъ показаться намъ въ невыгодномъ свѣтѣ по сравненіи съ превосходно сохранившимися полными скелетами Ихтіозауровъ и Плезиозауровъ, которыми такъ богаты иностранные музеи, благодаря двумъ классическимъ мѣстонахожденіямъ такихъ костей: Болю въ Виртембергѣ и Лэимъ-Риджесу на южномъ берегу Англіи; но это первое впечатлѣніе изгладится, если мы примемъ во соображеніе возрастъ слоевъ, изъ которыхъ получены доставленные г. Кипріяновымъ остатки. Оба рода пресмыкающихся, Ихтіозауръ и Плезиозауръ, имѣютъ свое главное распространеніе въ самыхъ нижнихъ юрскихъ слояхъ, въ Ляйасѣ, и постепенно вымираютъ, по мѣрѣ перехода въ верхніе слои юрской эпохи. Присутствіе этихъ же родовъ въ мѣловомъ періодѣ долгое время считалось сомнительнымъ, пока въ Англіи не было найдено нѣсколько хорошо сохранившихся остатковъ въ верхнемъ зеленомъ песчаникѣ, которые позволили констатировать присутствіе ихъ обоихъ въ мѣловую эпоху.

Однако всѣ найденные до сихъ поръ въ мѣловыхъ слояхъ остатки Плезиозауровъ и Ихтіозауровъ чрезвычайно скудны, отрывочны и сохранены такъ дурно, что самое опредѣленіе ихъ оставалось въ многихъ случаяхъ сомнительнымъ. Въ виду этого коллекція г. Кипріянова, содержащая въ себѣ много превосходно сохранившихся частей скелета, опредѣленіе которыхъ не представляетъ никакихъ затрудненій, пріобрѣтаетъ большое значеніе. Вообще, всѣ имѣющіяся до сихъ поръ остатки этихъ обоихъ важныхъ

родовъ изъ мѣловаго періода такъ скудны и дурно сохранены, что мы не преувеличивая можемъ сказать, что коллекція, собранная г. Кипріяновымъ, представляетъ собою рѣшительно лучшее, что только извѣстно относительно Ихтіозавровъ и Плезіозавровъ мѣловой эпохи.

Это мнѣніе, высказанное мною, подтверждается и извѣстнымъ палеонтологамъ нашимъ, В. О. Ковалевскимъ, который хорошо знакомъ съ теперешнимъ состояніемъ музеевъ Западной Европы по части позвоночныхъ животныхъ.

Нельзя также не упомянуть о томъ, на сколько важна услуга, оказанная наукѣ г. Кипріяновымъ собраніемъ и сохраненіемъ этихъ ископаемыхъ костей, особенно въ такое время, въ пятидесятихъ годахъ, когда интересъ къ этому дѣлу былъ значительно слабѣе, нежели въ настоящее время. Достаточно указать на то, что, хотя въ послѣднее двадцатилѣтіе вся центральная Россія пересѣчена сотнями, если не тысячами верстъ желѣзныхъ дорогъ, при проведеніи которыхъ всегда представляются самые благоприятные случаи къ отысканію окаменѣлостей, не нашлось однако никого, чтобы счумѣлъ собрать и сохранить ихъ, и наши музеи не получили почти никакого приращенія, такъ какъ, по всей вѣроятности, на находимые при работахъ остатки не обращалось никакого вниманія.— Тѣмъ большею благодарностью мы обязаны г. Кипріянову, который, даже при сравнительно незначительныхъ земляныхъ работахъ, пятидесятихъ годовъ, собралъ столь много важнаго и интереснаго для науки и этотъ драгоценный матеріалъ, обработанный имъ самимъ со всею тщательностью, безкорыстно представилъ для обогащенія нашихъ коллекцій».

Отдѣленіе, по выслушаніи этого донесенія, положило выразить г. Кипріянову искреннѣйшую признательность Академіи за услуги, оказанныя имъ наукѣ и Академическому музею, и сообщить ему копию съ донесенія г. Шмидта.

Директоръ Гидрографическаго Департамента, отношеніемъ отъ 10-го февраля, увѣдомляетъ, что Начальникъ отдѣльной съемки Онежскаго озера, полковникъ Андреевъ, производа гидрографическія работы въ Онежскомъ озерѣ, представилъ собранныя имъ образцы антрацита, найденнаго въ томъ озерѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, въ погостѣ Шунга, а также грунты со дна озера, около мѣстности, гдѣ найденъ антрацитъ.

Предполагая, что эти образцы можетъ быть послужать съ нѣкоторою пользою при какихъ нибудь соображеніяхъ объ упомянутой

мѣстности, вице-адмиралъ Кригеръ препровождаетъ ихъ въ Академію въ дополненіе къ подобнымъ же образцамъ, собраннымъ въ Каспійскомъ морѣ и на Ладожскомъ озерѣ, препровожденнымъ въ Академію Наукъ въ 1861 и 1864 годахъ, прося по разсмотрѣніи препровождаемыхъ образцовъ, если будетъ что либо замѣчено, на что Начальникъ Онежской съемки долженъ обратить особенное вниманіе, не оставить о томъ сообщеніемъ.

Положено доставленные образцы, при описи, передать для разсмотрѣнія въ комисію изъ Академиковъ Г. П. Гельмерсена, Н. И. Кокшарова и А. М. Бутлерова.

ЗАСѢДАНІЕ 28 ФЕВРАЛЯ 1878 ГОДА.

По открытіи засѣданія Непремѣнный Секретарь заявилъ о горестной утратѣ, понесенной Академіею, въ лицѣ ея члена-корреспондента, патера Анджело Секки, скончавшагося 14-го февраля, въ Римѣ, на 60 году жизни.

Гг. Академики О. В. Струве и А. Н. Савичъ представили, съ одобреніемъ для Бюлетеня, записку г. Нюрена о сотрясеніи земли, которое было наблюдаемо помощью весьма чувствительнаго ватерпаса 10-го мая 1877 (*Erderschütterung, beobachtet an einem feinen Niveau, 1877, Mai 10*).

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что со времени послѣдняго засѣданія вышелъ въ свѣтъ 1-й выпускъ X-го тома сборника: *Mélanges biologiques, tirés du Bulletin de l'Académie Imp. des sc.*

Г. Паллизенъ, письмомъ отъ 27-го февраля, увѣдомляетъ, что чрезъ посредство академика Л. И. Шренка имъ были доставлены въ Зоологическій музей Академіи, для разсмотрѣнія, три ящика съ ископаемыми костями, присланными отъ А. Кноблоха, изъ Сарепты. По показанію г. Кноблоха, эти кости были выловлены содна Волги, у деревни Лучки, лежащей въ 15 верстахъ къ югу отъ Сарепты. Такъ какъ между этими костями оказался полный, хорошо сохранившийся черепъ эламотерія, представляющій большой интересъ для Академическаго музея, то г. Паллизенъ, по просьбѣ г. Шренка, входилъ въ сношеніе съ г. Кноблохомъ относительно условій, на которыхъ эта рѣдкость могла бы быть имъ передана музею. Вслѣдствіе сего г. Кноблохъ поручилъ нынѣ г. Паллизену просить Академію принять сказанный черепъ въ даръ для ея коллекціи. Къ сему г. Паллизенъ присовокупляетъ просьбу о томъ, чтобы

прочія доставленныя имъ кости были возвращены ему, а также чтобы ему былъ выданъ, для г. Кноблоха, слѣпокъ съ черепа эластомерія, въ случаѣ, если таковой будетъ сдѣланъ изъ гипса или изъ бумажной массы. — Положено передать на разсмотрѣніе Комисіи изъ гг. Академиковъ: Ф. Ф. Брандта, Л. И. Шренка, А. А. Штрауха и Ф. Б. Шмидта.

Комисія, назначенная Отдѣленіемъ въ засѣданіи 14-го декабря 1877 г. для обсужденія вопроса объ устройствѣ на Балтійскомъ морѣ самопишущаго прибора (лимниграфа) для наблюденій надъ приливами и отливами, представила слѣдующее донесеніе:

«Весьма вѣроятно, что мѣсячный періодъ высоты уровня воды, выведенный г. Эри изъ показаній лимниграфа въ Средиземномъ морѣ, долженъ быть замѣтенъ и въ Балтійскомъ морѣ, подобнымъ же образомъ соединяющемся съ океаномъ лишь посредствомъ пролива. По этому ближайшее доказательство существованія этого періода, полученное изъ наблюденій надъ самопишущимъ футштокомъ въ этомъ, лежащемъ на сѣверѣ морѣ, можетъ имѣть важное значеніе для теоріи приливовъ и отливовъ и слѣдовательно большой научный интересъ. Тѣмъ не менѣе комисія, быть можетъ, не рѣшилась бы предложить Академіи, только для этой, во всякомъ случаѣ ограниченной цѣли, сопряженную съ нѣкоторыми расходами установку подобнаго лимниграфа въ какомъ либо пунктѣ нашихъ Балтійскихъ береговъ, если бы чрезъ это не представлялось возможнымъ рѣшить другой, болѣе близкій намъ и важный вопросъ, а именно о причинахъ повышенія и пониженія поверхности Невы въ ея устьѣ, — вопросъ, для котораго требуется, въ дополненіе къ наблюденіямъ надъ уровнемъ этой рѣки, произведеннымъ помощью лимниграфа Главной Физической Обсерваторіи, установка въ Балтійскомъ морѣ втораго такогоже прибора, показанія котораго не были бы въ зависимости отъ напора воды вслѣдствіе вѣтровъ и т. п. Этимъ же самымъ условіямъ должна удовлетворять мѣстность, гдѣ слѣдовало бы помѣстить лимниграфъ для наблюденія явленій, занимающихъ г. Эрп.

«Сверхъ того должно ожидать, что установка втораго самопишущаго футштока въ пунктѣ, мало подвергающемся мѣстнымъ вліяніямъ, не преминетъ возбудить и у насъ общій интересъ къ важнымъ и въ научномъ, и въ практическомъ отношеніи наблюденіямъ надъ футштокомъ, уже съ давнихъ поръ введеннымъ на Балтійскомъ морѣ, и вызвать такую же обработку нашихъ наблюденій, какая въ недавнее время сдѣлана Форсманомъ для

Шведскихъ и Гагеномъ для Нѣмецкихъ береговъ. Наблюдения на берегахъ Финляндіи уже обработаны отчасти г. Мобергомъ.

«Таковы преимущественно причины, на основаніи которыхъ Комисія предлагаетъ установить второй лимниграфъ въ Балтійскомъ морѣ, и при томъ въ такомъ пунктѣ, гдѣ менѣе всего можно опасаться измѣненій нормальнаго уровня воды, зависящихъ отъ дѣйствія вѣтровъ.

«Само собою разумѣется, что вслѣдствіе этого условія, мѣста, лежащія въ Финскомъ заливѣ, не годятся для сказанной цѣли; но и кромѣ этихъ мѣстъ, на нашихъ берегахъ найдется цѣлый рядъ пунктовъ, удовлетворяющихъ означенному условію. Если же принять во вниманіе, что лимниграфъ можетъ удовлетворительно дѣйствовать только тамъ, гдѣ возможны прочная, вполне обезпеченная его установка, частое контролированіе его показаній и наконецъ исправное производство наблюдений, въ назначенные для того моменты времени, то чрезъ это, число мѣстъ, которыя могутъ быть избраны, окажется весьма ограниченнымъ. По внимательномъ разсмотрѣніи мѣстныхъ условій различныхъ пунктовъ, на основаніи подробныхъ береговыхъ картъ, изданныхъ Гидрографическимъ Департаментомъ, и вообще имѣвшихся подъ рукою свѣдѣній, Комисія нашла лишь одно мѣсто, соответствующее всѣмъ указаннымъ условіямъ, а именно *Ганго*, на юго-западной оконечности Финляндіи.

«Городъ и гавань Ганго лежатъ на косѣ, далеко вдающейся въ Балтійское море, такъ что тамъ отнюдь нельзя опасаться повышеній уровня вслѣдствіе напора воды отъ дѣйствія вѣтра. Морской берегъ состоитъ здѣсь изъ гранитныхъ скалъ и потому весьма удобенъ для прочной, неизмѣнной установки лимниграфа. Сверхъ того, Ганго соединенъ съ желѣзнодорожною сѣтью Финляндіи и имѣетъ телеграфную станцію, такъ что здѣсь очень легко повѣрять точное время наблюдений и производить ихъ частое контролированіе. Наконецъ, при посредствѣ Финскаго Общества наукъ, подполковникъ Аппельбергъ въ Ганго изъявилъ готовность, независимо отъ метеорологическихъ наблюдений, которыми онъ уже занимается принять на себя и попеченіе о лимниграфѣ, съ тѣмъ только, чтобы расходы на очистку льда вокругъ футштока зимою не падали на его счетъ.

«И такъ, если Академія признаетъ желательнымъ установить лимниграфъ въ Балтійскомъ морѣ, то Комисія предлагаетъ назначить мѣстомъ этой установки Ганго.

«Подобный приборъ будетъ стоить приблизительно 250 руб., и

почти столько же, по нашимъ соображеніямъ, потребуется на перевозку и установку онаго въ небольшой будкѣ. Такимъ образомъ сумма въ 500 — 600 руб. была бы во всякомъ случаѣ вполне достаточна для единовременнаго расхода на это предпріятіе.

«Что касается до издержекъ по содержанию аппарата, каковы прорубка льда и т. п., то Гидрографическій Департаментъ Морскаго Министерства, отпускающій обыкновенно по 15 руб. въ мѣсяцъ на наблюденія футштока въ гаваняхъ, безъ сомнѣнія не откажется назначить такую же сумму и г. Апельбергу для покрытія его расходовъ, если онъ возьметъ на себя присмотръ за лимниграфомъ.

«Наконецъ, собраніе и обработка наблюденій могли бы быть возложены на Отдѣленіе морской метеорологіи при Главной Физической Обсерваторіи.»

По выслушаніи этого донесенія, Отдѣленіе одобрило заключенія онаго и положило привести ихъ въ исполненіе.

ЗАСѢДАНІЕ 14 МАРТА 1878 ГОДА.

Академикъ $\Theta.$ $\Theta.$ Брандтъ представилъ и прочелъ записку объ Эластомеріи (*Mittheilungen über die Gattung Elasmotherium, besonders den Schädelbau desselben*). — Эта записка будетъ напечатана въ Мемуарахъ Академіи.

Академики О. В. Струве и А. Н. Савичъ представили съ одобреніемъ для Бюлетеня, записку г. Астена объ элементахъ и эфемеридахъ Энковой кометы для 1878 года (*Elemente und Ephemeriden des Encke'schen Cometen für das Jahr 1878*).

Священникъ Іоанъ Первушинъ, письмомъ отъ 24-го января, сообщаетъ о новомъ случаѣ дѣлимости числа формы $2^{2^m} + 1$. — Положено передать для разсмотрѣнія Академику Е. И. Золотареву.

Г. Тайлоръ, письмомъ изъ Ливерпуля, отъ 19-го марта, сообщаетъ записку о методахъ для геометрическихъ изслѣдованій (*Methods for making geometrical discoveries*). — Положено передать для разсмотрѣнія Академику О. В. Струве.

Читано донесеніе, подписанное гг. Академиками $\Theta.$ $\Theta.$ Брандтомъ, Л. И. Шренкомъ, А. А. Штраухомъ и $\Theta.$ В. Шмидтомъ, слѣдующаго содержанія:

«28-го февраля сего года г. Кноблохъ принесть въ даръ Академіи, для ея Зоологическаго музея, черепъ допотопнаго животнаго

Эласмотерія, найденный на днѣ Волги, около деревни Лучки, въ 15 верстахъ къ югу отъ Сарепты. Назначенная для разсмотрѣнія этого приношенія комисія, исполнивъ свое порученіе, имѣетъ честь представить Отдѣленію слѣдующія свои соображенія:

«Въ исторіи Зоологическаго музея Академіи нѣтъ до сихъ поръ примѣра столь крупнаго и важнаго пожертвованія, какъ то, которое сдѣлано ему нынѣ г. Кноблохомъ. Нашъ Музей справедливо гордится хранящимися въ немъ скелетами мамонта, сибирскаго носорога и Стелеровой морской коровы, предметами не имѣющими себѣ равныхъ ни въ одномъ изъ Музеевъ ни Европы, ни другихъ частей свѣта. Но какъ они ни драгоцѣнны для науки, а все-таки, относительно рѣдкости, они безспорно уступаютъ первое мѣсто полученному нынѣ Музеемъ черепу Эласмотерія, животнаго современнаго сибирскимъ носорогамъ и еще болѣе ихъ крупнаго. Остатки вышеназванныхъ животныхъ, менѣе полные, имѣются и во многихъ другихъ Музеяхъ,— черепъ же Эласмотерія въ томъ видѣ, какъ онъ, благодаря г. Кноблоху, составляетъ теперь собственность нашего Музея, совершенная новостъ для науки; его нигдѣ нѣтъ, его вообще до сихъ поръ еще не видали и не знали. Единственные, до сихъ поръ имѣвшіеся остатки Эласмотерія состояли изъ обломка затылочной части черепа и изъ нижней челюсти, — остатки, не позволявшіе, однако, составить себѣ ни малѣйшаго понятія о всемъ черепѣ животнаго, который на самомъ дѣлѣ оказался поразительно-страннаго по своей формѣ образованія. Кругъ нашихъ понятій о формѣ и строеніи допотопныхъ млекопитающихъ животныхъ такимъ образомъ значительно расширяется.

«Въ научномъ отношеніи, слѣдовательно, принесенный намъ въ даръ черепъ Эласмотерія, какъ совершенно новый и единственный въ своемъ родѣ предметъ, неоцѣнимаго достоинства. Если прибавить къ этому, что онъ находится въ превосходно сохранившемся состояніи, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что большіе Музеи Европы, какъ напримѣръ Британскій, или Соединенныхъ штатовъ, не отказались бы приобрести его и за самую высокую цѣну. Считаемъ долгомъ замѣтить, что г. Кноблоху, какъ видно изъ сопровождающей его приношеніе записки г. Паллизена, было вполне известно, что жертвуемый имъ Музею Академіи черепъ Эласмотерія предметъ крайней рѣдкости, не имѣющійся еще ни въ одной коллекціи. Тѣмъ не менѣе, онъ предоставилъ его нашему Музею совершенно безвозмездно, отказавшись даже отъ возврата ему издержекъ, понесенныхъ имъ на приобретение черепа отъ мѣстныхъ

рыбаковъ и на пересылку его изъ Сарепты въ Петербургъ. Желательно было бы почаще встрѣчать у насъ столь безкорыстное и патріотическое отношеніе къ интересамъ науки и нашихъ отечественныхъ Музеевъ.

«Много важныхъ, драгоцѣнныхъ для науки остатковъ животныхъ кроется еще въ пластахъ, изъ которыхъ слагаются обширныя степныя пространства южной Россіи. Нѣкоторые изъ этихъ остатковъ время отъ времени и безъ раскопокъ, случайно, вслѣдствіе береговыхъ обваловъ или при земляныхъ работахъ, появляются на свѣтъ, но, конечно, пропадаютъ, за неимѣніемъ на мѣстѣ лицъ, которыя сочли бы ихъ достойными своего вниманія. Тяжело подумать, что и черепъ Эласмотерія, не попадись онъ въ руки г. Кноблоха, подвергся бы, можетъ быть, такой же участи, или, пожалуй, вслѣдствіе своей рѣдкости и матеріальной цѣнности, со дна Волги переселился бы въ Британскій Музей.

«На основаніи вышеизложеннаго, комисія имѣетъ честь предложить изъявить г. Кноблоху благодарность отъ имени Академіи за безкорыстное и патріотическое пожертвованіе имъ нашему Музею предмета такой научной важности, крайней рѣдкости, а потому и значительной матеріальной цѣнности.

«Кромѣ того комисія предлагаетъ благодарить отъ имени Академіи и г. Паллизена, чрезъ посредство котораго былъ доставленъ ей означенный черепъ».

По выслушаніи сего донесенія, Отдѣленіе одобрило заключенія онаго.

Академикъ К. И. Максимовичъ донесъ, что Дж. Биссетъ собиравшій растенія въ Японіи и представлявшій ихъ доселѣ въ Англію (въ Кью), обратился къ нему съ предложеніемъ, принять на себя опредѣленіе его коллекцій и описаніе могущихъ оказаться въ нихъ новыхъ породъ, если эти растенія будутъ присланы сюда, въ полное распоряженіе г. Максимовича. При этомъ г. Биссетъ выразилъ намѣреніе сообщить по возможности только растенія болѣе рѣдкія, и высылать г. Максимовичу только такія, какія ему самому не удастся опредѣлить, прося вмѣстѣ съ тѣмъ снабдить его нѣкоторыми неимѣющимися у него сочиненіями о флорѣ восточной Азіи. Вслѣдствіе этого, г. Максимовичъ, отобравъ имѣвшіяся у него книги для отсылки ихъ г. Биссету, обратился къ Отдѣленію съ просьбою, не найдетъ ли оно возможнымъ, въ виду выгоды предложенія г. Биссета, предоставить ему еще слѣдующія сочиненія: 1) Maximowicz, *Primitiae Florae Amurensis* (Mém. d. sav. étr.

t. IX), 2) Regel, *Tentamen Florae Ussuriensis* (Mém. VII. série, t. IV, № 4) и 3) F. Schmidt, *Reisen im Amur-Lande und auf Sachalin* (Mém. VII. série, t. XII, № 2), — съ тѣмъ, чтобы эти издания были высланы г. Биссету по почтѣ, на счетъ Ботаническаго музея, по адресу: I. Bisset Esq. Howford Cottage. Inverurie near Aberdeen, Scotland. Виѣстѣ съ тѣмъ г. Максимовичъ заявилъ, что онъ, съ своей стороны, не преминетъ донести Конференціи о приращеніяхъ, какія можно ожидать для Ботаническаго музея отъ посылокъ г. Биссета. — Одобрено.

Ректоръ Королевскаго университета въ Павіи, отношеніемъ отъ 9-го марта н. ст. за № 412, увѣдомляетъ, что 28-го апрѣля въ означенномъ городѣ будетъ происходить торжественное открытіе памятника Александру Вольтѣ, сооруженнаго на средства, пожертвованныя для сей цѣли кав. К. Ф. Нокка.

ЗАСѢДАНІЕ 28 МАРТА 1878 ГОДА.

Академикъ Бутлеровъ заявилъ Отдѣленію о результатахъ своихъ работъ надъ *изотрибутиленомъ*.

Академикъ Ф. Б. Шмидтъ представилъ, для напечатанія въ Мемуарахъ Академіи, начало новаго труда, занимавшаго его уже нѣсколько лѣтъ: это первый выпускъ монографіи трилобитовъ здѣшней силурійской формаціи, подъ заглавіемъ: *Revision der ostbaltischen silurischen Trilobiten*. При этомъ г. Шмидтъ пояснилъ, что до сихъ поръ было не мало писано о нашихъ трилобитахъ, между прочимъ гг. Фольбортомъ, Эйхвальдомъ, С. С. Куторгой и пр. Но всѣ эти ученые имѣли въ своихъ рукахъ только отдѣльныя коллекціи и не могли пользоваться всѣмъ существующимъ матеріаломъ. Поэтому и результаты, къ которымъ они приходили, были весьма различны между собою, такъ что до сихъ поръ трудно сдѣлать вѣрное сравненіе трилобитовъ русской силурійской почвы съ силурійскими же трилобитами другихъ странъ, обработанными гораздо полнѣе, на основаніи болѣе богатыхъ матеріаловъ. Обстоятельства поставили г. Шмидта въ весьма счастливое положеніе, давъ ему возможность пользоваться всѣми матеріалами, собранными въ разное время о нашей силурійской формаціи и хранящимися въ разныхъ музеяхъ Петербурга, Дерпта и Ревеля. Кромѣ того, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ шведскими учеными, онъ получаетъ отъ нихъ матеріалъ, необходимый для сравненій нашихъ трилобитовъ съ силурійскими окаменѣlostями Швеціи.

Вся монографія составитъ собою 4 или 5 выпусковъ и будетъ содержать въ себѣ описаніе около 120 трилобитовъ, найденныхъ въ силурійской почвѣ Петербургской и Эстляндской губерній. Первый, представленный нынѣ выпускъ, заключаетъ въ себѣ описаніе группы *Phacopidae*, въ числѣ 20 видовъ, вмѣстѣ съ краткимъ изложеніемъ геологическаго строенія силурійской системы въ названныхъ двухъ губерніяхъ.

Академикъ Г. И. Вильдъ прочелъ свое изслѣдованіе о температурѣ земли въ Петербургѣ и Нукусѣ (*Ueber die Bodentemperaturen in St. Petersburg und Nukuss*). — Положено напечатать этотъ трудъ въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

Академикъ О. В. Струве представилъ записку г. Гасельберга подъ заглавіемъ: *Zur Reduction der Kirchhofschen Spectralbeobachtungen auf Wellenlängen*. — Согласно предложенію г. Струве, положено передать для разсмотрѣнія Академію А. В. Гадолину.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ, отъ имени члена-корреспондента Академіи Г. В. Струве, изданное имъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *О винодѣліи. Четыре бесѣды, читанныя въ Кавказскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства. Тифлисъ 1878*.

Професоръ университета въ Глазговѣ I. Томсенъ, письмомъ отъ 2-го апрѣля н. ст., благодаритъ за избраніе его въ члены-корреспонденты Академіи.

Читано представленіе, подписанное гг. Академиками Ф. Ф. Брандтомъ, Г. П. Гельмерсенемъ, Л. И. Шренкомъ и Ф. Б. Шмидтомъ, въ которомъ они, принимая въ соображеніе, что въ прошедшемъ засѣданіи Отдѣленія, по поводу сдѣланнаго г. Кноблохомъ въ музей Академіи пожертвованія черепа Эласмотерія, было выражено желаніе, чтобы Академія приложила старанія о систематическомъ изслѣдованіи береговъ Волги въ Саратовской губерніи, изобилующихъ, какъ уже было извѣстно и раньше, остатками послѣ-третичныхъ животныхъ, объясняютъ, что главною потребностью для осуществленія этого желанія представляется, конечно сверхъ денежныхъ средствъ, достаточно подготовленное лицо, которое согласилось бы принять на себя подобное порученіе Академіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, названные академики доносятъ, что въ настоящее время д-ръ В. О. Ковалевскій, извѣстный своими работами о послѣтретичныхъ млекопитающихъ, изъявилъ желаніе подробно изслѣдовать берега Волги въ упомянутой губерніи съ спеціальною цѣлью изученія фауны ископаемыхъ млекопитающихъ этого края, если такое изученіе будетъ поручено ему Академіею.

Присовокупивъ къ сему, что г. Ковалевскій готовъ начать эту работу уже лѣтомъ нынѣшняго года и затѣмъ продолжать ее и въ слѣдующемъ году, по усмотрѣнiю Академіи, гг. Брандтъ, Гельмерсенъ, Шренкъ и Шмидтъ предложили Отдѣленію, не найдетъ ли оно полезнымъ поручить особой комисіи, при участіи самого г. Ковалевскаго, составить планъ для будущихъ работъ сего ученаго и изыскать необходимыя средства для оныхъ. — Отдѣленіе, одобривъ это предложеніе, назначило членами сказанной комисіи гг. Брандта, Гельмерсена, Шренка и Шмидта.

ЗАСѢДАНІЕ 4 АПРѢЛЯ 1878 ГОДА.

Вице-Президентъ Академикъ В. Я. Буныковскій представилъ и прочелъ записку о новомъ случаѣ дѣлимости чиселъ вида $2^{2^m} + 1$; этотъ новый случай открытъ священникомъ І. Первушинымъ. Записка объ этомъ предметѣ будетъ напечатана въ Бюлетенѣ и въ Запискахъ Академіи. Выѣстъ съ тѣмъ положено благодарить отца Первушина за его любопытное сообщеніе.

Академикъ А. В. Гадолинъ, рассмотрѣвъ (см. засѣданіе 28-го марта 1878) записку г. Гасельберга: *Zur Reduction der Kirchhofschen Spectralbeobachtungen auf Wellenlängen*, предложилъ напечатать ее въ Бюлетенѣ Академіи. — Одобрено.

Г. Тюменцовъ, исправляющій должность директора Томскаго Реального училища, при отношеніи отъ 2-го марта, доставилъ Академіи коллекцію насѣкомыхъ, собранныхъ преимущественно въ окрестностяхъ г. Томска, а также нѣсколько рыбъ и другихъ животныхъ въ спирту, заявилъ, что онъ, Тюменцовъ, и преподаватели Реального училища, гг. Суховъ, Богомоловъ и Кошаровъ, а также преподаватель Томской Маріинской женской гимназіи, г. Туполевъ, условились собирать коллекціи животныхъ и растений въ окрестностяхъ города Томска и въ другихъ мѣстностяхъ Томской губерніи. Животныя и растенія будутъ собираемы въ нѣсколькихъ экземплярахъ съ тѣмъ, что полная коллекція будетъ выслана въ Академію Наукъ, при Реальномъ же училищѣ будутъ оставлены лишь дублеты. Въ случаѣ согласія на это предложеніе, г. Тюменцовъ проситъ снабдить его подробными инструкціями для собиранія вышепоименованныхъ коллекцій, а также сообщить ему опредѣленіе, какъ высланныхъ уже животныхъ, такъ и тѣхъ, которые будутъ впредь высылаемы. Къ этому г. Тюменцовъ, присовокупяетъ, что гербарій, собранный въ прошломъ году, будетъ

высланъ въ Академію въ апрѣлѣ. Наконецъ, кремѣ высылки инструкции г. Тюменцовъ проситъ Академію, выслать для Реального училища слѣдующія сочиненія: 1) *Pallas. Zoographia Russo-Asiatica*, 2) его же *Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства*, 3) *Записки Академіи Наукъ* (по примѣру гимназій), а также 4) *Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи за 1874, 75 и 76 года*, которыхъ не имѣется въ библіотекѣ Томской гимназіи, между тѣмъ, какъ въ Томскѣ есть личности, занимающіяся изученіемъ климата Западной Сибири.

Отдѣленіе, выслушавъ съ удовольствіемъ это сообщеніе, положило: 1) отвѣчать г. Тюменцову, что она съ благодарностью принимаетъ предложеніе его и поименованныхъ имъ лицъ; 2) доставленныя имъ коллекціи передать въ Зоологическій музей, 3) поручить членамъ Біологическаго разряда составить просимыя г. Тюменцовымъ инструкціи для собиранія предметовъ естественной исторіи и 4) выслать въ Томскую гимназію просимыя книги.

Членъ - корреспондентъ Академіи, профессоръ Миндингъ, въ письмѣ на имя г. Вице-Президента отъ 30 марта, изъ Дерпта, и въ приложенной при немъ запискѣ, сообщилъ свои новыя изслѣдованія въ теоріи кривыхъ наименьшаго периметра (*Zur Theorie der Curven kürzesten Umfangs bei gegebenem Flächenraum*). — Положено передать для разсмотрѣнія Академику Е. И. Золотареву.

Академикъ Ѳ. Ѳ. Брандтъ донесъ, что въ Зоологическомъ музеѣ Академіи получена коллекція птичьихъ яицъ, собранная известнымъ специалистомъ по части оологии, надворнымъ совѣтникомъ Гебелемъ въ Уманскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Эта коллекція состоитъ изъ 342 превосходно приготовленныхъ экземпляровъ, относящихся къ 52 различнымъ видамъ, и составляетъ существенное обогащеніе для названнаго музея, такъ какъ изъ 52 видовъ не менѣе 47-ми сего времени въ Академической коллекціи не имѣлось

засѣданіе 2 мая 1878 года.

Академикъ О. В. Струве представилъ и прочелъ записку о произведенныхъ въ Пулковѣ наблюденіяхъ прохожденія Меркурія 6-го мая (*Mercurdurchgang [Eintritt] 1878, Mai 6, beobachtet in Pulkowa*). — Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академикъ А. Н. Савичъ представилъ и прочелъ записку о наблюденіи прохожденія Меркурія, сдѣланномъ на Академической Обсерваторіи. — Эта записка появится въ Бюлетенѣ.

Академикъ К. И. Максимовичъ представилъ разсужденіе г. Гоби о водоросляхъ Бѣлаго Моря (*Die Algenflora des Weissen Meeres und der demselben zunächstliegenden Theile des Nördlichen Eismeers*). — Положено напечатать въ Мемуарахъ Академіи.

Академики О. В. Струве и А. Н. Савичъ представили, съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ, записку г. Линдемана о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ надъ цвѣтомъ звѣздъ (*Verzeichniss von 42 neuen rothen Sternen*).

Академикъ Г. И. Вильдъ сообщилъ продолженіе изслѣдованій г. Дорандта о показаніяхъ анемометра (*Bestimmung der Anemometer-Constanten*). — Этотъ трудъ будетъ напечатанъ въ Метеорологическомъ Сборникѣ.

Академики Н. Н. Зининъ и А. М. Бутлеровъ представили съ одобреніемъ для помѣщенія въ Бюлетенѣ, три записки: 1) г-жи Ю. Лермонтовой, о дѣйствіи іодистаго третичнаго бутила на изобутиленъ въ присутствіи металлическихъ окисей (*Action de l'iodeure de butyle tertiaire sur l'isobutylène en présence des oxydes métalliques*); 2) Д. Павлова, о тетраметилэтиленѣ и его производныхъ и о химическомъ строеніи пинакона (*Ueber das Tetramethylaethylen und dessen Derivate und über die chemische Structur des Pinacons*); и 3) Л. Явейна, о гексиленахъ, получаемыхъ изъ третичныхъ гексильныхъ спиртовъ и объ ихъ уплотненіи (*Ueber die aus den tertiären Hexylalkoholen entstehende Hexylene und über deren Polymerisation*).

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ Отдѣленію новый сифонный барометръ, устроенный по его указаніямъ Женевскимъ Механическимъ заведеніемъ Туретини. Этотъ снарядъ имѣетъ назначеніемъ, служить для точнаго сравненія между собою такъ-называемыхъ нормальныхъ или первокласныхъ барометровъ удаленныхъ одна отъ другой обсерваторій, и можетъ по этому быть названъ первокласнымъ повѣрочнымъ барометромъ (*Controlbarometer erster Classe*). — Онъ имѣетъ тѣже преимущества, какъ и сифонный барометръ, уже прежде представленный и описанный г. Вильдомъ, и кромѣ того представляетъ еще то удобство, что въ путешествіи онъ можетъ быть весь разбираемъ, безъ всякаго измѣненія его поправки. — Г. Вильдъ предоставляетъ себѣ представить вслѣдъ за симъ описаніе этого прибора, для напечатанія въ Бюлетенѣ.

Членъ-корреспондентъ, профессоръ В. Груберъ представилъ три записки подъ слѣдующими заглавіями: 1) *Vorläufige Anzeige über das Vorkommen des Musculus peroneo-tibialis auch bei den Quadrumanen*, 2) *Ueber die ungewöhnlichen Musculi tensores fasciae suralis beim Men-*

schen (Nachträge), и 3) *Ueber eine neue Art von Ossiculum supernumerarium carpi beim Menschen*. — Положено передать для разсмотрѣнія въ Комисію изъ гг. Академиковъ: Ф. Ф. Брандта, Ф. В. Овсянникова, Л. И. Шренка и А. А. Штрауха.

Г. Путята представилъ Академіи записку о скорости вращенія Марса (*Note sur la vitesse rotatoire de Mars, comparée à l'aplatissement de la planète et aux durées des révolutions sidérales de ses satellites; conclusions que l'on doit déduire de cette comparaison*). — Положено передать для разсмотрѣнія гг. Академикамъ О. В. Струве и А. Н. Савичу.

Академикъ А. А. Штраухъ представилъ отъ имени доктора А. Ф. Брандта его сочиненія: 1) *Ueber das Ei und seine Bildungsstätte. Ein vergleichend-morphologischer Versuch mit Zugrundelegung des Insecteneies*. Leipzig. 1878. и 2) *Сравнительныя изслѣдованія надъ яйцевыми трубочками и яйцомъ насекомыхъ*. М. 1876 (изъ Извѣстій Имп. Общества Любит. Естествозн., Антроп. и Этнографіи), — въ двухъ экземплярахъ каждое, и заявилъ, что авторъ проситъ о включеніи его сочиненій въ число тѣхъ, которыя будутъ состязаться на премію Бэра въ 1879 году.

Непремѣнный Секретарь напомнилъ, что 1-го сего мая кончился срокъ для приѣма отъ самихъ авторовъ математическихъ сочиненій на соисканіе преміи имени В. Я. Буныковского, — и что нынѣ. предстоитъ назначить комисію для присужденія сказанной преміи въ нынѣшнемъ году. — Въ такую комисію долженствующую, по § 15 правилъ состоять подъ предѣтельствомъ В. Я. Буныковского, Отдѣленіемъ назначены: гг. Академики П. Л. Чебышевъ и Е. И. Золотаревъ.

Академикъ Л. И. Шренкъ представилъ, отъ имени горнаго инженера А. П. Келпена, напечатанныя имъ статьи: *Очеркъ пятидесятилетней ученой дѣятельности Гр. Петр. Гельмерсена, и Zum fünfzigjährigen Jubiläum des Akademikers Gregor von Helmersen*. — (*Separat-Abdr. aus der Russ. Revue*). — Положено благодарить автора, а статьи помѣстить въ Библіотеку.

Академикъ Л. И. Шренкъ сообщилъ, что датскій консулъ г. Пализенъ принесъ въ даръ Зоологическому музею Академіи весьма интересный палеонтологическій предметъ, полученный имъ отъ г. Кноблоха изъ Сарепты: это огромный костяной щитъ допотопной рыбы. — Положено благодарить г. Пализена отъ имени Академіи.

Статскій совѣтникъ М. Н. Паруновъ сообщаетъ, что 6-го

апрѣля сего года, при рытьѣ колодца въ принадлежащемъ ему домѣ въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, на углу Введенской и Пушкарской улицѣ, № 5—7, найденъ остовъ огромнаго звѣря, ребра котораго имѣютъ до $1\frac{1}{4}$ длины, а тазъ — очень большіе размѣры. Присовокупляя къ сему, что только часть этого остова вынута изъ земли, а остальные кости оставлены въ ней впредь до научнаго изслѣдованіе находки, г. Паруновъ просить Академію рассмотреть найденный остовъ, который онъ съ удовольствіемъ готовъ представить Зоологическому музею Академіи. — Положено изслѣдованіе означенной находки поручить Академику А. А. Штрауху.

Г. Лорте, директоръ естественно-историческаго музея въ Лионѣ, письмомъ отъ 19-го апрѣля н. ст., увѣдомляетъ о полученіи скелета и шкуры зубра, предоставленныхъ для названнаго музея Русскимъ Правительствомъ, причемъ изъявляетъ благодарность города Лиона за доставленіе этого скелета и шкуры (см. засѣданія 16-го декабря 1875 г., 11-го октября и 8 ноября 1877 г.). — Положено сообщить это письмо, въ копіи, г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

ЗАСѢДАНІЕ 16 МАЯ 1878 ГОДА.

Академики Г. И. Вильдъ и А. В. Гадолинъ представили, съ одобреніемъ для Мемуаровъ Академіи, записку Члена-корреспондента Р. Э. Ленца о гальваническомъ сопротивленіи растворовъ калия натрія, амонія и водородныхъ соединений (*Ueber den galvanischen Widerstand verdünnter Lösungen von Kalium, Natrium, Ammonium und Wasserstoffverbindungen*).

Академикъ Е. И. Золотаревъ, рассмотрѣвъ записку Члена-корреспондента Миндинга о кривыхъ наименьшаго периметра на кривыхъ поверхностяхъ (*Zur Theorie der Curven kürzesten Umrings auf krummen Flächen*), донесъ, что въ этой запискѣ изложены весьма важныя дополненія къ прежнимъ изслѣдованіямъ автора о томъ же предметѣ. — Эта записка будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академики Ѳ. Ѳ. Брандтъ, Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ представили и предложили помѣстить въ Бюлетенѣ записку д-ра О. Бетхера о находимыхъ въ Россіи представителей рода *Clausilia* Drap. (*Beitrag zu einem Katalog der innerhalb der Gränzen des russischen Reichs vorkommenden Vertreter der Landschnecken-Gattung Clausilia Drap.*)

Академики Ѳ. Ѳ. Брандтъ, Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ, рассмотрѣвъ три записки Члена-корреспондента В. Грубера (см.

засѣданіе 2-го мая 1878), предложили напечатать ихъ въ Бюлетенѣ, съ приложеніемъ слѣдующихъ къ нимъ рисунковъ — въ гравюрѣ на деревѣ. — Одобрено.

Преподаватель математики стат. сов. Полѣсскій-Щипило представилъ на судъ Академіи записку подъ заглавіемъ: *Теорія корней сравненій по модулю простому и составному, примѣнительно къ теоріи арифметической прогрессіи, съ изложеніемъ свойствъ кадровыхъ чиселъ и видового скаленія простыхъ чиселъ.* — Положено передать, для разсмотрѣнія, Академику Е. И. Золотареву.

Поручикъ Кормановъ, при письмѣ изъ Тавастгуса, отъ 12-го мая, доставилъ записку о воздухо-плаваніи. — Положено передать для разсмотрѣнія Академику А. В. Гадолину.

Священникъ Іоаннъ Первунинъ, при письмахъ отъ 15-го и 28-го апрѣля, сообщилъ свои изслѣдованія о дѣлимости чиселъ вида $2^n \mp 1$. — Положено передать для разсмотрѣнія Академику Е. И. Золотареву.

Г. Марксъ, при письмѣ отъ 30-го марта, изъ Енисейска сообщаетъ, что горный инженеръ И. А. Лопатинъ, на возвратномъ пути изъ поѣздки своей на р. Подкаменную Тунгузку, просилъ его подвергнуть обработкѣ барометрическія наблюденія, произведенныя имъ въ разныхъ мѣстахъ на этой рѣкѣ, а также анализировать воду минеральнаго ключа, на лѣвомъ ея берегу, между порогами, ниже р. Вельме. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Марксъ представляетъ результаты этихъ, исполненныхъ имъ работъ. — Положено передать на разсмотрѣніе Академику Ф. В. Шмидту.

Читано донесеніе Академиковъ Г. П. Гельмерсена и Н. И. Кокшарова о разсмотрѣнныхъ ими образцахъ антрацита, собранныхъ полковникомъ Андреевымъ на Онежскомъ озерѣ въ погостѣ Шунга, Повѣнецкаго уѣзда, и образцахъ грунта со дна озеръ, около мѣстности, гдѣ найденъ этотъ антрацитъ (см. засѣданіе Отдѣленія 14-го февраля 1878 г.). — Отдѣленіе, одобривъ это донесеніе, положило сообщить оно г. Директору Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства.

Р. Прендель доставилъ напечатанное имъ въ мемуарахъ Шербургскаго общества естественныхъ наукъ описаніе метеорита, упавшаго 7-го іюня 1876 г. въ Вавилонкѣ, Херсонск. губер. — Положено эту записку передать, для храненія, въ Минералогической музей.

Академикъ Г. И. Вильдъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что Прусское правительство командировало въ Петербургъ д-ра Гель-

мана, изъ Берлина, для дальнѣйшаго совершенствованія при Главной Физической Обсерваторіи преимущественно въ экспериментальной метеорологіи, и что г. Гельманъ, прибывъ сюда нѣсколько дней тому назадъ, уже началъ заниматься въ сказанной Обсерваторіи.

ЗАСѢДАНІЕ 30 мая 1878 года.

Академики О. В. Струве и А. В. Гадолинъ представили записку г. Гассельберга объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ имъ въ области спектровъ поглощенія (*Studien auf dem Gebiete der Absorption-Spectralanalyse*). При этомъ они объяснили, что для спектральныхъ изслѣдованій весьма важно имѣть средство для точнаго опредѣленія наблюдаемыхъ спектральныхъ полосъ. Для этой цѣли были употребляемы различныя условныя шкалы, значеніе которыхъ однако измѣняется, даже для одного и того же прибора, въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ, какъ напр. отъ температуры призмъ. Вслѣдствіе этого точное опредѣленіе полосъ какого либо спектра посредствомъ этихъ шкалъ можетъ быть сдѣлано лишь при непосредственномъ сличеніи положеній ихъ съ близкими къ нимъ фраунгоферскими линіями, для которыхъ длина волнъ нынѣ опредѣлена съ большею точностью, нежели для какого либо другаго источника свѣта. По результатамъ такого сличенія можно опредѣлять длины волнъ, соответствующія изслѣдуемымъ линіямъ, получая такимъ образомъ единственную точную для нихъ характеристику. Между тѣмъ многія спектральныя изслѣдованія, а въ томъ числѣ наблюденія надъ небесными свѣтилами, приходится дѣлать при отсутствіи солнечнаго свѣта; для замѣны же его могъ бы служить только такой свѣтъ, который очень богатъ линіями, распределенными безъ большихъ промежутковъ по всему спектру, и длина волнъ которыхъ опредѣлена съ такою же точностью, какъ для линій солнечнаго спектра. Недостатокъ точныхъ опредѣленій этого рода заставилъ г-на Гассельберга, астронома Пулковской Обсерваторіи, позаняться детальнымъ изслѣдованіемъ спектровъ поглощенія паровъ азотнатовой кислоты и брома, и результаты его работы изложены въ представляемой нынѣ запискѣ. Опредѣленіе длины волнъ сдѣлано по непосредственному сличенію, при помощи микрометрическихъ измѣреній, положенія ихъ съ одновременно наблюдаемыми линіями Фраунгофера, для которыхъ введены въ расчетъ длины волнъ, опредѣленные Онгстрёмомъ. Хотя такимъ образомъ по существу дѣла къ погрѣшностямъ опредѣленій Онг-

стрѣма присоединяются еще и погрѣшности новыхъ наблюдений, но точность сихъ послѣднихъ столь велика, какъ это можно судить по результатамъ двухъ независимыхъ другъ отъ друга рядовъ наблюдений, что врядъ ли можно считать точность опредѣленія длины волнъ существенно измѣненною противъ опредѣленій Онгстрѣма. Вслѣдствіе этого мы считаемъ, что отнынѣ пары азотноватай кислоты и брома могутъ служить, при искусственномъ освѣщеніи, для замѣны солнечнаго свѣта при ночныхъ наблюденияхъ и пасмурной погодѣ для опредѣленія длины волнъ полосъ какого либо изслѣдуемаго свѣта.

Въ виду такой важности работы г. Гассельберга, гг. Струве и Гадолинъ обратили на нее вниманіе Отдѣленія и предложили помѣстить ее въ Мемуарахъ Академіи. Можно было бы конечно выразить сожалѣніе о томъ, что служившіе для изслѣдованія пары можетъ быть не были достаточно испытаны въ отношеніи отсутствія въ нихъ постороннихъ примѣсей, влияющихъ на спектръ, къ чему лабораторія Пулковской Обсерваторіи не имѣетъ достаточныхъ средствъ; тѣмъ не менѣе, при принятыхъ мѣрахъ къ полученію возможной чистоты этихъ паровъ, надобно полагать, что постороннія въ нихъ примѣси могли только быть причиною появленія нѣкоторыхъ лишнихъ линій, и такое обстоятельство нисколько не можетъ уменьшить пригодность сдѣланной работы для указанной выше цѣли. Если бы дѣло шло о полномъ изслѣдованіи спектровъ упомянутыхъ тѣлъ, то можно было бы ожидать еще многого, какъ то: изслѣдованія зависимости вида спектра отъ плотности паровъ и отъ пробѣгаемаго лучемъ въ нихъ пространства, а также и отъ температуры паровъ. Но и относительно этихъ обстоятельствъ мы находимъ въ мемуарѣ нѣкоторыя отрывистыя данныя, изъ которыхъ мы считаемъ полезнымъ указать на то, что посредствомъ наблюдений болѣе точныхъ противъ прежде извѣстныхъ удалось окончательно опровергнуть мнѣніе Вейса о перемѣщеніи линій спектра въ зависимости отъ измѣненія плотности газа. При справедливости такого мнѣнія, пользование спектромъ поглощенія для точныхъ спектральныхъ измѣреній было бы крайне затруднительно, а потому весьма важно было доказать невѣрность его. Не смотря на вышеуказанные пробѣлы, которые впрочемъ авторъ имѣетъ въ виду отчасти устранить послѣдующими работами, гг. Струве и Гадолинъ полагаютъ, что произведенныя имъ нынѣ точныя измѣренія и изображенія спектровъ представляютъ научный интересъ и сами по себѣ и не

только какъ вспомогательное средство для производства другихъ спектральныхъ наблюденій.

Записка г. Гассельберга будетъ помѣщена въ Мемуарахъ Академіи.

Академикъ Г. И. Вильдъ представилъ описаніе повѣрочнаго барометра (*Controll-Barometer*), объясненіе котораго онъ предложилъ Отдѣленію въ засѣданіи 2-го мая. — Положено напечатать это описаніе въ Бюлетенѣ.

Свящ. о. Первушинъ доставилъ первую половину записки о дѣлимости чиселъ вида $2^{2^m} + 1$. — Положено передать для разсмотрѣнія Академику Е. И. Золотареву.

Академикъ О. В. Струве представилъ копию съ годоваго отчета, читаннаго имъ 20-го мая сего года, въ собраніи Комитета Пулковской Обсерваторіи. — Положено хранить при дѣлахъ.

Академикъ Ѡ. Б. Шмидтъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что въ Минералогическомъ музеѣ Академіи получена отъ г. Кипріянова коллекція микроскопическихъ препаратовъ, служившихъ ему оригиналами при описаніи и изображеніи строенія зубовъ и вообще костяныхъ частей ископаемыхъ ящерицъ изъ северскаго остеолита. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что г. Кипріяновъ въ непродолжительномъ времени представитъ въ Академію свой трудъ, въ переработанномъ видѣ, объ ископаемыхъ пресмыкающихся, найденныхъ въ Россіи.

Академикъ Ѡ. Б. Шмидтъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что въ Минералогическомъ музеѣ получена, черезъ посредство Академика А. В. Гадолина, коллекція окаменѣлостей (примѣрно около 25 экз.) третичнаго и мѣловаго періодовъ, собранныхъ на Устьуртѣ полковникомъ Бонсдорфомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ готовность, продолжать геологическіе поиски въ помянутой мѣстности. — Положено благодарить г. Бонсдорфа.

Исправляющій должность Директора Международнаго Бюро мѣръ и вѣсовъ, г. Пернетъ, письмомъ отъ 25-го мая, выражаетъ благодарность за изданія Академіи, предоставленныя въ распоряженіе означеннаго Бюро (см. засѣданіе 14-го февраля 1878).

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Августъ — Декабрь 1877 года.

Академикъ Гротъ доложилъ: 1) что онъ по порученію Отдѣленія въ минувшемъ юнѣ мѣсяцѣ занимался въ Тамбовѣ разсматриваніемъ сохранившихся въ тамошнихъ архивахъ бумагъ относительно времени губернаторства Державина и нашелъ въ нихъ не мало любопытныхъ подробностей для дополненія прежде собранныхъ имъ по этому предмету свѣдѣній, за что считаетъ себя особенно обязаннымъ дѣятельной помощью какъ нынѣшняго Тамбовскаго Губернатора Князя М. В. Шаховскаго-Стрѣшнева и Вице-Губернатора Ф. В. Кривцова, такъ и предсѣдателя земской управы Л. В. Вышеславцева и управляющаго Казенной Палатою А. Д. Сирицы. Кромѣ того онъ не можетъ не упомянуть о радужномъ содѣйствіи, встрѣченномъ имъ со стороны подчиненныхъ этимъ лицамъ чиновниковъ, а также Ректора Тамбовской Духовной Семинаріи, архимандрита Димитрія, и учителя Елисаветинскаго Института и Александровскаго училища И. И. Дубасова; 2) что онъ, по порученію Академіи Наукъ, въ концѣ минувшаго августа мѣсяца присутствовалъ, въ качествѣ депутата ея, на 400-лѣтнемъ юбилей Упсальскаго Университета, при чемъ имѣлъ случай испытать на себѣ много знаковъ какъ сочувствія къ Россіи вообще, такъ и уваженія къ высшему ея ученому учрежденію. Описаніе относящихся къ юбилею обстоятельствъ его пребыванія въ Швеціи напечатано въ Запискахъ Академіи и отдѣльно. Въ связи съ этимъ Я. К. Гротъ доложилъ объ изданныхъ по случаю означеннаго юбилея и полученныхъ имъ отъ Упсальскаго Университета книгахъ, а также о принесенномъ ему въ даръ издателемъ О. С. Рюдберггомъ, сочиненіи: «*Traité de la Suède, Sverges traktater med främmande magter. Stockholm, 1877*», вмѣстѣ съ особымъ изъ этой книги оттискомъ объ Орѣховецкомъ договорѣ 1323 г., гдѣ въ первый разъ напечатанъ сохранившійся только въ Швеціи русскій текстъ этого знаменитаго трактата. По поводу названной книги г. Гротомъ написана замѣтка, которая появится въ академическомъ изданіи вмѣстѣ со снимкомъ съ найденной рукописи договора.

Академикъ Срезневскій: 1) читалъ доставленное въ рукописи начало труда пражскаго ученаго А. О. Патеры, подъ заглавіемъ: «Чешскія глоссы въ *Mater Verborum*». Положено напечатать этотъ трудъ въ Запискахъ Академіи Наукъ и въ Сборникѣ Отдѣленія;

2) обратилъ вниманіе сочленовъ на изданное профессоромъ Будловичемъ изслѣдованіе его «Анализъ славянскихъ словъ съ точки зрѣнія морфологіи»; 3) заявилъ о выходѣ въ свѣтъ новаго заслуживающаго вниманія труда сербскаго ученаго, корреспондента Академіи Наукъ Ю. Даничича подъ заглавіемъ: «Korijeni s riječima od njih postalijem u Hrvatskom ili srpskom jeziku» (Корни со словами отъ нихъ происшедшими въ хорватскомъ или сербскомъ языкѣ).

Академикъ Гротъ доложилъ о доставленномъ ему письмѣ г. Dewhurst изъ Лондона съ просьбою извѣстить его о происхожденіи слова *моржъ*. Письмо это было прислано въ Петербургъ подъ слѣдующимъ адресомъ: «Mr. le professeur à l'Académie pour avancer la langue russe. St.-Pétersbourg». По связи вопроса съ предметомъ его занятій, академикъ сообщилъ г. Дьюгереру имѣющіяся у него свѣдѣнія и предположенія объ означенномъ словѣ.

Академикъ Сухомлиновъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія что, во время пребыванія своего нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москвѣ съ цѣлью собранія матеріаловъ, относящихся къ трудамъ членовъ Россійской Академіи, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ профессорами Московскаго Университета, онъ занимался преимущественно въ бібліотекѣ Университета, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и въ архивѣ синодальной конторы. Изъ числа собранныхъ матеріаловъ особенно важны и сравнительно многочисленны тѣ, которые относятся къ жизни и дѣятельности профессора Барсова, ученика Ломоносова и Тредьяковскаго. Съ особенною признательностью академикъ заявилъ о содѣйствіи, оказанномъ ему профессоромъ Тихонравовымъ, который съ радушіемъ истиннаго ученаго далъ полную возможность пользоваться всѣми, уцѣлѣвшими въ Московскомъ Университетѣ, произведеніями Барсова, какъ печатными, составляющими бібліографическую рѣдкость, такъ и рукописными.

Читано письмо командированнаго Отдѣленіемъ въ Бѣлорусскій край учителя Калужскаго реальнаго училища Шейна къ академику Гроту, въ которомъ объясняетъ, что срокъ, назначенный ему для исполненія даннаго ему порученія и оканчивающійся въ исходѣ будущаго ноября мѣсяца, вслѣдствіе нѣкоторыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ оказывается не вполне достаточнымъ. Главное изъ этихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что дождливое лѣто и ненастная осень долѣе обыкновеннаго задержали весь рабочій сельскій людъ въ полѣ, такъ что еще въ концѣ сентября въ иныхъ мѣстахъ косили даже сѣно, не говоря о яровыхъ, и потому г. Шейнъ гораздо позже нежели предполагать, могъ приступить

къ собранію матеріаловъ для изученія народнаго языка и словесности. А такъ какъ, сверхъ того, наблюденія надъ прозаическою рѣчью и записываніе сказокъ всего удобнѣе могутъ производиться во время святокъ, когда бесѣды и вечеринки наиболѣе въ ходу и вѣковыми обычаями запрещается работать, то весьма желательно было бы воспользоваться и этимъ благопріятнымъ временемъ для достиженія ожидаемыхъ результатовъ. Отдѣленіе, найдя эту просьбу вполне уважительною и полагая, что и въ педагогическомъ отношеніи отсутствіе г. Шейна изъ училища до конца года не могло бы имѣть вредныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе что можетъ быть для цѣльности преподаванія было бы даже полезно дать заступающимъ его мѣсто окончить полугодіе, опредѣлило ходатайствовать предъ Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа о продленіи г. Шейну срока его командировки до 1-го января наступающаго года.

Академикъ Срезневскій обратилъ вниманіе сочленовъ на трудъ профессора Кіевской Духовной Академіи А. Воронова: «Главнѣйшіе источники для исторіи Св. Кирилла и Меодія. Кіевъ 1877».

Академикъ Гротъ читалъ статью, написанную имъ по поводу появленія въ шведской газетѣ Aftonbladet документа, подтверждающаго будто бы преданіе о происхожденіи Императрицы Екатерины I отъ шведской фамиліи Рабе. Въ этой статьѣ сообщена г. Гротомъ между прочимъ неизвѣстная до сихъ поръ, относящаяся къ 1726 году, переписка кабинетъ-секретаря Макарова съ рижскимъ Генералъ-Губернаторомъ кн. А. И. Репнинымъ о двухъ сестрахъ государыни изъ рода Сковронскихъ, содержавшихся съ ихъ семействами въ Ригѣ подъ стражею, а потомъ перевезенныхъ по ея приказанію въ Петербургъ.

Я. К. Гротъ доложилъ, что братъ извѣстнаго сербскаго писателя Вука Ст. Караджича, умершаго въ 1860-хъ годахъ, предлагаетъ Академіи Наукъ купить оставшуюся послѣ покойнаго бібліотеку и что А. А. Куникъ, препровождая въ Отдѣленіе каталогъ этой бібліотеки вмѣстѣ съ своимъ отзывомъ о ней, представляетъ, не сочтетъ ли Отдѣленіе возможнымъ принять участіе въ уплатѣ просимой за нее суммы. При семъ г. Куникъ объясняетъ, что онъ, занявшись составленіемъ каталога этому собранію книгъ и отобравъ уже 370 названій, полагаетъ, что наберется до 500 томовъ, которыхъ приобрѣтеніе весьма желательно. Отдѣленіе, признавая и съ своей стороны такое приращеніе академической бібліотеки суще-

ственно-важнымъ, изъявило полное свое согласіе на участіе въ издержкахъ по приобрѣтенію собранія книгъ Караджича.

Академикъ Сухомлиновъ читалъ рѣчь, составленную имъ по случаю предстоящаго празднованія столѣтія со дня рожденія Императора Александра Павловича. Положено напечатать ее въ Запискахъ Академіи и въ Сборникѣ Отдѣленія.

Академикъ Гротъ внесъ доставленную С. И. Пономаревымъ въ рукописи библиографическую статью о двухъ сочиненіяхъ Пресвященнаго Порфирія: «Востокъ христіанскій» и «Исторія Аеона», которую и положено напечатать.

Читано отношеніе Попечителя Московскаго Учебнаго Округа къ Я. К. Гроту о послѣдовавшемъ по представленію кн. Мещерскаго разрѣшеніи г. Министра Народнаго Просвѣщенія на продленіе учителю Калужскаго реальнаго училища Шейну срока командировки въ Бѣлоруссію до 1 января 1878 года.

Январь — май 1878 г.

Академикъ Срезневскій доложилъ: 1) о выходѣ въ свѣтъ книги *Grammaire française-russe, par Ch. Ph. Reiff, revue, corrigée et refondue par L. Léger. 1878.* 2) Объ извѣстіи, ему сообщенномъ профессоромъ Л. Лежеромъ, о Слав. рукописи, найденной въ библиотекѣ Гренадскаго университета. Она озаглавлена такъ: «Сіа книга имѣетъ свѣтцы а иметъ ѿць вѣ а недель ѿв». Основываясь на бумагѣ на которой рукопись написана, отнесли ее къ XIV или XV вѣку Судя по образцу письма и языка, И. И. Срезневскій думаетъ, что она принадлежитъ къ числу очень недревнихъ, т. е. что едва ли ее можно отнести и къ XV вѣку. 3) О письмѣ, имъ полученномъ отъ Я. Ѳ. Головацкаго съ приложеніемъ небольшого лоскутка изъ древне-пергаментной рукописи; вмѣстѣ съ тѣмъ И. И. Срезневскій заявилъ, что въ непродолжительномъ времени надѣется сообщить свѣдѣніе о содержаніи этого лоскутка.

Академикъ Гротъ читалъ доставленную директоромъ реальной гимназіи въ Раудницѣ (въ Чехіи) г. Прусикомъ замѣтку о происхожденіи слова *девьясто*, которую и положено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколу.

Академикъ Срезневскій читалъ составленную имъ записку о жизни и трудахъ трехъ первыхъ нашихъ славистовъ: Бодянскаго, Прейса и Григоровича. Записка будетъ напечатана.

Онъ же сообщилъ свои соображенія касательно поддѣльныхъ

гlossъ чешскаго памятника *Mater Verborum*, печатаемыхъ нынѣ съ изслѣдованіемъ г. Патеры въ академическомъ изданіи.

Академикъ Гротъ читалъ статью свою: «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка», написанную по поводу помѣщеннаго въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института» труда профессора А. С. Будиловича *Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія*. Въ статьѣ своей Я. К. Гротъ разбираетъ главнымъ образомъ взгляды нѣкоторыхъ, особенно германскихъ филологовъ, на различные звуки древнеславянскаго и русскаго языковъ. Преимущественно онъ, на основаніи физиологическихъ доводовъ, опровергаетъ убѣжденіе тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ jot (нашъ ѣ) согласнымъ звукомъ и потому принимаютъ начертанія *бойъ, крайъ*, какъ болѣе правильныя чѣмъ *бой, край*. Въ подтвержденіе своего взгляда академикъ ссылается между прочимъ на новыя изслѣдованія гг. Сиверса и Крейтера; далѣе онъ рассматриваетъ физиологическое значеніе нашихъ звуковыхъ элементовъ ъ, ь, ы, критически повѣряя мнѣнія Брюкке, Шлейхера, Миклошича и Лепсіуса, и въ заключеніе разбираетъ выводы наблюденій шведскаго филолога Леффлера надъ удвоеніемъ согласныхъ звуковъ.

Академикъ Бычковъ, возвращая просмотрѣнный имъ краткій отчетъ г. Шейна о путешествіи по Бѣлоруссіи, отозвался, что сколько можно заключать по этой запискѣ, главный результатъ его командировки составлять собранные имъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ памятники народной словесности, но что для окончательнаго сужденія о сдѣланномъ имъ необходимо дожидаться приготавлиаемаго имъ болѣе подробнаго отчета, при чемъ желательно, чтобы онъ съ возможною точностію обозначалъ мѣстности гдѣ собраны были наблюденія о языкѣ, сообщенныя ему лицами учебнаго вѣдомства, которыя откликнулись на его обращеніе къ ихъ содѣйствію и которыхъ имена по бывшимъ примѣрамъ полезно было бы опубликовать.

Академикъ А. Н. Веселовскій читалъ представленную однимъ ученымъ покойному князю Черкасскому записку о снаряженіи въ Болгарію экспедиціи для изученія края въ историко-этнографическомъ отношеніи. Отдѣленіе, выслушавъ эту записку съ полнымъ сочувствіемъ какъ къ самой идеѣ, такъ и къ предлагаемымъ подробностямъ выполненія ея, опредѣлило приступить къ обсужденію мѣръ для осуществленія проекта означенной экспедиціи какъ скоро положеніе Болгаріи выяснится болѣе опредѣленнымъ образомъ.

Академикъ Гротъ заявилъ о вышедшемъ въ свѣтъ новомъ замѣчательномъ и обширномъ трудѣ профессора Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института Будиловича, напечатанномъ во II-й книгѣ «Извѣстій» этого учрежденія и отдѣльными оттисками подѣ заглавiемъ: *Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятiяхъ по даннымъ лексикальнымъ*. Цѣль автора посредствомъ данныхъ языка собрать матеріалы для возсозданiя, въ возможной степени, картины древнѣйшаго быта славянскаго племени. «Первой задачей лингвистической палеонтологiи, говоритъ онъ, является выдѣленіе древнѣйшихъ словъ языка отъ старыхъ, а послѣднихъ отъ новыхъ». Для опредѣленiя на этомъ основанiи приблизительной хронологiи славянскихъ словъ, г. Будиловичъ при изслѣдованiи ихъ принялъ слѣдующiя четыре категорiи: 1) слова, которыя, будучи распространены во всѣхъ славянскихъ нарѣчiяхъ, встрѣчаются и въ другихъ арійскихъ языкахъ—слова *доисторическаго* періода жизни первыхъ; 2) слова, которыя встрѣчаются во всѣхъ главныхъ представителяхъ славянской семьи языковъ—слова *православянскiя*; 3) слова, свойственныя двумъ основнымъ группамъ славянскихъ нарѣчiй, но неизвѣстныя въ третьей—слова *древнеславянскiя*; 4) слова, свойственныя отдѣльнымъ нарѣчiямъ или немногимъ ближайшимъ членамъ этой семьи языковъ,—слова *областныя*. Для своихъ наблюденiй по этимъ правиламъ авторъ положилъ въ основу отъ 3-хъ до 4000 словъ, выбранныхъ имъ изъ лексикологическихъ пособiй; это славянскiя названiя важнѣйшихъ предметовъ и явленiй, качествъ, дѣйствiй и отношенiй, которыя затѣмъ распределены по группамъ: 1) именъ существительныхъ, 2) прилагательныхъ, 3) глаголовъ и 4) частицъ. Въ вышедшую нынѣ 1-ю часть труда вошелъ только одинъ отдѣлъ существительныхъ: изъ круга конкретныхъ названiй выдѣлены въ особую рубрику тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ естествознанiю; ихъ оказалось до тысячи; они распределены въ слѣдующiя шесть группъ:

- 1) Космографiя, метеорологiя, физика, географiя.
- 2) Геологiя, минералогiя, металлургiя.
- 3) Ботаника.
- 4) Зоологiя.
- 5) Анатомiя и физиологiя животныхъ.
- 6) Медицина.

Тѣснѣйшія группы словъ соединены въ отдѣльные параграфы, при чемъ представляется слѣдующая схема анализа:

1) Слово въ его русской формѣ, а при отсутствіи ея въ формѣ церковно-славянской и другой основной.

2) Латинскій терминъ, соответствующій древнѣйшему, либо основному значенію слова въ славянщинѣ.

3) Опредѣленіе приблизительнаго возраста слова однимъ изъ установленныхъ выше терминовъ.

4) Забѣжанія объ этимологіи слова съ параллелями изъ языковъ родственныхъ или указаніемъ источниковъ заимствованія.

5) Образцы даннаго слова по всеѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ.

Авторъ, какъ самъ онъ замѣчаетъ въ своемъ вступленіи, далеко отъ мысли о непогрѣшимости всеѣхъ частныхъ избраннаго метода, всеѣхъ подробностей его примѣненія и выводовъ. Послѣдніе онъ часто предлагаетъ только въ видѣ предположеній.

При такой оговоркѣ нельзя не отдать полной справедливости важности и высокому интересу предпринятаго г. Будиловичемъ изслѣдованія. Хотя оно и не можетъ быть названо первымъ опытомъ въ этой отрасли славянскаго языковѣданія (авторъ самъ называетъ своихъ предшественниковъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ), но никто еще не предпринималъ подобнаго труда въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Даровитость и трудолюбіе автора позволяютъ надѣяться, что трудъ его, приведенный къ окончанію, составитъ важное дополненіе къ изслѣдованіямъ въ области не только славянской, но и вообще арійской филологіи.

Академикъ Срезневскій прочелъ по тому же поводу слѣдующую записку: «Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій нашей современной филологической литературы долженъ сдѣлаться трудъ А. Будиловича, котораго первый выпускъ явился теперь въ Извѣстіяхъ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко за 1878 г. и отдѣльно — подъ названіемъ: «Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ» (Кіевъ 1878 г. бол. 8, XXII + 265). Все богатство славянскаго языка по всеѣмъ нарѣчіямъ, насколько это возможно, должно быть разобрано и систематически подобрано, какъ итогъ свидѣтельствъ объ образованности древнихъ Славянъ. Та же мысль, которою задакъ слишкомъ за сто лѣтъ передъ этимъ докторъ Антонъ въ своей книгѣ «*Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse*», является теперь въ трудѣ г. Будиловича въ полной выработкѣ и постановкѣ — съ гораздо болѣе опредѣленнымъ пониманіемъ задачи и несравненно большимъ подборомъ данныхъ. Подборъ данныхъ такъ

обширенъ, что подобнаго не было до сихъ поръ не только въ словаряхъ сравнительныхъ, но и въ словаряхъ отдѣльныхъ нарѣчій потому что составитель этого обширнаго труда выбиралъ слова не только изъ словарей, но и изъ самыхъ памятниковъ. Что касается общаго распорядка и вопросовъ, на которые этотъ трудъ долженъ дать отвѣты, то онъ еще не ясенъ; потому что первый выпускъ заключаетъ въ себѣ только начало — и то только перваго лингвистическаго отдѣла. Изданы только шесть главъ этого отдѣла: I. Космографія, метеорологія, физика, географія, II. Геологія, минералогія, металлургія III. Ботаника, IV. Зоологія, V. Анатомія и физиологія животныхъ, VI. Медицина. Въ какомъ порядкѣ разбираться будетъ дѣло далѣе, это не указано. Можно подумать, судя по началу, что общій порядокъ статей взять почти такой же, какой принять А. Пиктетомъ въ его *Origines indo-européennes* (P. 1859); но слѣдующій выпускъ книги г. Будиловича, можетъ быть, заставить отказаться отъ этого предположенія. Во всякомъ случаѣ видно, что планъ обдуманъ внимательно и доводитъ свои требованія до подробностей. Нельзя не желать, чтобы это новое произведеніе неутомимой дѣятельности молодаго слависта, заслужившаго себѣ общее уваженіе уже многими прежними трудами, шло впередъ безъ замедленія, — произведеніе очевидно очень важное въ отношеніи къ исторіи славянскаго языка и народа».

Читано полученное на имя академика Грота письмо инспектора и профессора Р.-К. Духовной Семинаріи каноника Антонія Барановскаго съ изложеніемъ его мыслей относительно составленія литовско-русскаго словаря по поводу переданнаго на разсмотрѣніе его опыта этого рода. Положено выразить г. Барановскому искреннѣйшую благодарность Отдѣленія за столь обстоятельно и съ такимъ знаніемъ дѣла составленный трудъ, который и напечатать въ академическомъ изданіи.

Академикъ Срезневскій, сообщивъ, что въ 1865 году начато О. Кольбергомъ изданіе сборника подъ названіемъ «*Lud. jego zwyszaże, sposób życia, mowa, rodania, przystowia, obrzędy, gusta, zabawy, pieśni, muzyka i tańce*, прочелъ объ этомъ изданіи слѣдующій отзывъ»: Въ первой книгѣ подобрано все, что можно было собрать относительно народа въ области Сандомирской: вышелъ томъ почти въ 300 страницъ, богатый всякаго рода описаніями и указаніями. Въ 1867—1869 гг. вышли двѣ книги такого же разнообразнаго содержанія относительно народа въ Куявахъ; въ 1871—1875 появились четыре книги объ области Краковской; въ 1875—1877

вышли еще три книги объ области Познанской. Изданіе, очевидно, не окончено, а напротивъ того, все болѣе ускоряется, и съ этимъ вмѣстѣ по внутреннему своему богатству становится все болѣе важнымъ, а по внѣшности все болѣе расширяется, такъ что послѣднія книги объемистѣ первыхъ. Можно надѣяться, что и усердіе собирателя доможется счастливо довести свое обширное предпріятіе до желаннаго конца. Нельзя не вспомнить, что О. Кольбергъ не этимъ изданіемъ началъ свою многозначительную дѣятельность. Слишкомъ за 35 лѣтъ онъ сталъ собирать въ народѣ пѣсни, обрашая тщательное вниманіе между прочимъ на напѣвы, и прекрасное изданіе своего собранія пѣсенъ выдалъ еще въ 1842 году. Въ 1857 г. вышли его *Pies'ni ludu polskiego* новымъ изданіемъ очень увеличеннымъ и очень богатымъ. Это-то собраніе пѣсенъ и сдѣлалось началомъ того сборника, который со слѣдующей книги сталъ выходить подъ названіемъ *Lud* и проч. Нельзя не цѣнить предпріятія О. Кольберга какъ важнаго и для изученія Польскаго народа, и для сравнительнаго изученія Славянскихъ народовъ, и вмѣстѣ какъ образецъ для подобныхъ предпріятій. Счастливое соединеніе любви къ народностямъ и необходимыхъ знаній съ знаніями музыки и пониманіемъ ея народныхъ особенностей ставятъ Кольберга въ очень не большой рядъ дѣятелей по народностямъ — не въ одномъ Славянствѣ, но и вообще въ Европѣ.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

засѣданіе 4 октября 1877 года.

Членъ-корреспондентъ И. В. Ягичъ доставилъ третій выпускъ втораго тома сборника: *Archiv für Slawische Philologie*, издаваемаго имъ вмѣстѣ съ гг. Лескиномъ и Нерингомъ.

засѣданіе 18 октября 1877 года.

Академикъ А. А. Шифнеръ представилъ и прочелъ продолженіе своихъ *Индійскихъ разказовъ* (*Indische Erzählungen*. XLV — XLVII). — Оно появится въ Бюлетенѣ.

Должено, что со времени послѣдняго засѣданія Отдѣленія окончено печатаніемъ и выпущено въ свѣтъ сочиненіе Академика А. А. Шифнера, подъ заглавіемъ: *Ueber Pluralbezeichnungen im Tibetischen* (*Mémoires de l'Acad., VII série, tome XXV, № 1*).

Историческая Комисія Мюнхенской Академіи Наукъ, при циркулярѣ отъ 6-го октября, сообщаетъ отчетъ о восемнадцатомъ общемъ собраніи своемъ, происходившемъ 27 — 29 сентября н. ст. сего года.

ЗАСѢДАНІЕ 1 НОЯБРЯ 1877 ГОДА.

Д-ръ Гольмбое, бывший профессоръ восточныхъ языковъ въ Норвежскомъ университетѣ, при письмѣ изъ Христианіи отъ 6-го ноября, представилъ въ особой запискѣ описаніе и объясненіе одной золотой брактеаты, находящейся въ Стокгольмѣ въ національномъ музеѣ. — Положено передать, для разсмотрѣнія, г. Академику А. А. Шифнеру.

Непремѣнный Секретарь представилъ списки членовъ-корреспондентовъ Академіи по различнымъ разрядамъ Отдѣленія, съ назначеніемъ имѣющихся вакансій. — Разряды Отдѣленія приглашены составить собою комисіи для обсужденія вопроса о замѣщеніи вакансій.

ЗАСѢДАНІЕ 15 НОЯБРЯ 1877 ГОДА.

Академикъ А. К. Наукъ представилъ для бібліотеки Академіи изданный подъ его редакціей томъ твореній Софокла, содержащій въ себѣ трагедію *Электра* (изданіе 7-ое), въ собраніи греческихъ и латинскихъ писателей Гаупта и Зауппе.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Отдѣленія отпечатано и выпущено въ свѣтъ сочиненіе Академика О. Н. Ветлинга, подъ заглавіемъ: *Mrk k hakaŕika, d. i. das irdene Wägelchen, ein dem König Cüdraka zugeschriebenes Schauspiel.*

Академикъ А. А. Куникъ донесъ, что генералъ-лейтенантъ гр. Е. Е. Сиверсъ принесть въ даръ Нумизматическому Кабинету отъ имени своего дяди барона К. Е. Рамма, слѣдующія три медали: 1) серебряную медаль, выбитую по случаю смерти короля Шведскаго Карла XII, 1719 года; 2) серебряную медаль на коронацію сестры Карла XII, Ульрики-Элеоноры, 1719 г., и 3) медаль на празднество стрѣлковъ въ Хурѣ, въ Швейцаріи, 1842 г. — Положено благодарить бар. Рамма именемъ Академіи.

ЗАСѢДАНІЕ 29 НОЯБРЯ 1877 ГОДА.

Непремѣнный Секретарь сообщилъ печальное извѣстіе о смерти члена-корреспондента Академіи А. Н. Попова, скончавшагося въ Петербургѣ, 16-го сего ноября.

Академикъ А. К. Наукъ представилъ и прочелъ записку, содержащую въ себѣ дополнительные замѣчанія о второмъ томѣ книги г. Курціуса о греческомъ глаголѣ (*Nachtrag zu den Bemerkungen über G. Curtius' Verbum*, Bd. II). — Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Академикъ М. И. Броссе сообщилъ письмо, полученное имъ изъ Тифлиса отъ г. Бакрадзе съ изложеніемъ плана работы, которую онъ желалъ бы исполнить для разбора Грузинскихъ историческихъ актовъ (гуджаровъ и сигилей). При этомъ г. Броссе заявилъ, что онъ представитъ Отдѣленію донесеніе по содержанию сказаннаго письма г. Бакрадзе.

Академикъ Б. А. Дорнъ представилъ отъ имени профессора Лудольфа Креля (*L. Krehl*) экземпляръ сочиненія, издавнаго имъ подъ заглавіемъ: *Beiträge zur Charakteristik der Lehre vom Glauben im Islam*. Leipzig. 1877. in-4^o, 44 стр.

ЗАСѢДАНІЕ 20 ДЕКАБРЯ 1877 ГОДА.

Непремѣнный Секретарь довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что современи послѣдняго засѣданія отпечатаны и выпущены въ свѣтъ: *Mélanges asiatiques*, t. VIII, livr. 1 et 2.

Временно исправляющій должность начальника главнаго управления Намѣстника Кавказскаго, отношеніемъ отъ 26-го ноября, увѣдомляетъ, что, согласно желанію Академіи, патріархъ Католикосъ Кеворкъ IV приказалъ сдѣлать списокъ съ имѣющейся въ Эчміадзинской патріаршаго престола Библиотекѣ рукописи — *Сказанія объ Иосифѣ и Варлаамѣ* — и приносить его въ даръ въ Библиотеку Академіи. — Приложенная при этомъ отношеніи рукопись передана Академику М. И. Броссе, для внесенія оной въ Азіатскій Музей, и положено просить г. Исправляющаго должность Начальника Главнаго Управления Намѣстника Кавказскаго засвидѣтельствовать предъ патріархомъ Католикосомъ Кеворкомъ IV глубочайшую благодарность Академіи за его приношеніе.

Г. Президентъ сообщилъ бронзовый экземпляръ медали, выбитой въ память празднованія столѣтія со дня рожденія Императора Александра I. — Положено передать эту медаль Академику Кунику для помѣщенія въ Русскомъ Минцъ-Кабинетѣ Академіи.

Г. Фисерингъ, при письмѣ изъ Лейдена отъ 29-го іюня, доставилъ Академіи экземпляръ сочиненія, издавнаго имъ о Китайскихъ монетахъ и бумажныхъ деньгахъ, подъ заглавіемъ: *On chinoise*

currency. Coin and paper money. With facsimile of a banknote. Leiden 1877.

Г. Томашекъ, профессоръ географіи въ Грацкомъ университетѣ, при письмѣ изъ Вѣны отъ 13-го декабря, доставилъ свое сочиненіе: *Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien. 1877.*

ЗАСѢДАНІЕ 10 ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

Доложено, что со времени послѣдняго засѣданія Отдѣленія отпечатана и выпущена въ свѣтъ книжка 3-я тома IV сборника. *Mélanges gréco-romains.*

Академикъ М. И. Броссе, продолжая заниматься изслѣдованіемъ объ армянской редакціи сказанія объ Иосафѣ и Варлаамѣ, проситъ ходатайствовать объ изготовленіи, на счетъ Академіи, нужнаго ему для этихъ занятій списка съ рукописи означеннаго сказанія, принадлежащей Эчмиадзинскому монастырю.

Полковникъ Н. Ф. Дубровинъ, письмомъ отъ 4-го января, благодаритъ за избраніе его въ члены-корреспонденты Академіи.

ЗАСѢДАНІЕ 24 ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

Академикъ О. Н. Бетлингъ, письмомъ изъ Іены отъ 17-го (29-го) января, сообщаетъ прискорбное извѣстіе о послѣдовавшей въ названномъ городѣ въ этотъ день кончинѣ профессора Бруно Гильдебранда, члена-корреспондента Академіи по разряду историко-политическихъ наукъ.

Др-ъ В. Томсенъ, профессоръ сравнительной филологіи въ Копенгагенскомъ университетѣ, доставилъ изложеніе трехъ лекцій, читанныхъ имъ въ Тейлоровскомъ институтѣ въ Оксфордѣ, въ маѣ 1876 г., изданное подъ заглавіемъ: *The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin of the Russian State. Oxford and London. 1877.* — Положено это сочиненіе передать въ бібліотеку и за его доставленіе благодарить.

Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, при отношеніи отъ 13-го января, доставилъ возвращенную Россійскою Мисіей въ Бернѣ, бывшую во временномъ пользованіи пастора Штраумана рукопись арабскаго поэта *Хасанъ Ибнъ-Табитъ*, принадлежащую Азіятскому музею Академіи. Къ сему тайн. совѣтникъ князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ присовокупляетъ, что по увѣдомленію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, г. Штрауманъ и Президентъ

Швейцарскаго Союза изъявляютъ сказанному музею признательность за сообщеніе этой рукописи.

Академикъ Л. Э. Стефани донесъ, что въ концѣ минувшаго года онъ приобрѣлъ для Археологическаго музея Академіи отъ академика Императорской Академіи Художествъ П. В. Тутукина за 100 рубл. восемь фрагментовъ древне-римскихъ барельефовъ, принадлежавшихъ прежде къ коллекціи архитектора Монферана, и изъ числа которыхъ шесть изданы въ VI томѣ Мемуаровъ здѣшняго Археологическаго Общества. Къ сему г. Стефани присовокупилъ, что эти фрагменты уже приняты въ упомянутый музей.

ЗАСѢДАНІЕ 21 ФЕВРАЛЯ 1878 ГОДА.

Академикъ М. И. Броссе представилъ и прочелъ записку о двухъ армянскихъ редакціяхъ сказанія о святыхъ Варлаамѣ и Иосафатѣ (*Sur deux rédactions arméniennes, en vers et en prose, de la légende des Saints Varlam = Varlaam et Joasaph = Josaphat*). — Она будетъ напечатана въ Бюлетенѣ Академіи.

Академикъ Л. Э. Стефани представилъ, отъ имени Предсѣдателя Императорской Археологической Комисіи графа С. Г. Строганова, Отчетъ Комисіи за 1875 годъ (*Compte-rendu de la Commission Archéologique pour l'année 1875*), вмѣстѣ съ слѣдующимъ къ нему Атласомъ таблицъ. Приложеніями къ этому отчету служатъ двѣ записки Академика Стефани, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ объясненія нѣкоторыхъ произведеній искусства, найденныхъ ювѣжной Россіи въ 1874 году, другая — объясненіе нѣкоторыхъ художественныхъ предметовъ, находящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ и въ другихъ собраніяхъ.

Академикъ В. П. Безобразовъ представилъ вышедшій нынѣ 5 томъ издаваемаго подъ его редакцію *Сборника Государственныхъ Знаній*.

Г. Гиршъ, избранный въ декабрѣ 1877 года въ Члены-корреспонденты Академіи по разряду историко-политическому, письмомъ изъ Берлина, отъ 24-го февраля, благодарить за это избраніе и увѣдомляетъ о полученіи имъ диплома на это званіе.

ЗАСѢДАНІЕ 21 МАРТА 1878 ГОДА.

Непремѣнный Секретарь сообщилъ печальное извѣстіе о горестныхъ утратахъ, понесенныхъ Академіей, въ лицѣ ея двухъ Членовъ-корреспондентовъ по разряду классической филологіи и архео-

логія: профессора Руле, скончавшагося въ Гентѣ 18-го марта на 72 году жизни, и Р. Герхера, въ Берлинѣ, скончавшагося 28-го марта н. ст.

Г. Вилемсъ, профессоръ Левенскаго университета и членъ Бельгійской академіи наукъ, при письмѣ отъ 21-го марта, изъ Левена, доставилъ первый томъ сочиненія, изданнаго имъ подъ заглавіемъ: *Le Sénat de la République Romaine, sa composition et ses attributions*. Louvain. 1878. 1 vol. in-8°.

Г. Френеръ, письмомъ изъ Парижа отъ 27-го марта н. ст., увѣдомляетъ о полученіи имъ диплома члена-корреспондента, и благодарить за избраніе его въ это званіе.

Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, при отношеніи отъ 16-го марта, сообщилъ ноту Италіанскаго посла въ Петербургѣ, по предмету снабженія профессора Эмиля Теза, на нѣкоторое время, принадлежащимъ Азіятскому музею экземпляромъ изданія *Сутры* XLII положеній, на Тибетскомъ, Манджурскомъ, Монгольскомъ и Китайскомъ языкахъ (92 листка, № 12^b тибетско-монгольскаго каталога Азіятскаго Музея).—Положено предоставить г. Тезѣ, для его пользованія, означенное изданіе на трехмѣсячный срокъ.

ЗАСѢДАНІЕ 4 АПРѢЛЯ 1878 ГОДА.

Академикъ А. А. Шифнеръ представилъ и прочелъ записку о собраніи будійскихъ изреченій (*Ueber Vasubandhu's Gāthāsaṃgraha*). При этомъ онъ объяснилъ, что еще въ прошломъ году ему удалось открыть въ Канджурѣ собраніе будійскихъ изреченій, подъ названіемъ *Уданаварта*, соответствующее подобному сборнику на Палийскомъ языкѣ «*Dhammapadam*», изданному еще въ 1855 Фаусбелемъ въ Копенгагенѣ. Теперь, въ Лондонѣ, синологъ Билъ (Beale) печатаетъ сочиненіе того же рода, сохранившееся въ китайской будійской литературѣ. Всѣ три сборника содѣйствуютъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ достовѣрны рассказы о разныхъ случаяхъ, которымъ приписывается происхожденіе отдѣльных изреченій. Такъ какъ сборникъ *Уданаварта* довольно объемистъ — онъ заключаетъ въ себѣ больше 1000 изреченій — то Академикъ Шифнеръ только чрезъ нѣсколько времени можетъ приступить къ его печатанію, а теперь представляетъ, для помѣщенія въ Бюлетенѣ, небольшое собраніе будійскихъ изреченій, составленное знаменитымъ будійскимъ ученымъ Васубанду, вмѣстѣ

съ объясненіями. — Записка г. Шифнера будетъ напечатана въ Бюлетенѣ.

Заслуженный профессоръ, дѣйств. стат. сов. Д. І. Чубиновъ, при письмѣ отъ 4-го апрѣля, представилъ въ рукописи новую обработку своего *Грузино-Русско-Французскаго Словаря*. Послѣ того какъ Академія въ 1840 году издала Грузино-Русско-Французскій словарь г. Чубинова и наградила его полною Демидовскою премією, авторъ не переставалъ трудиться надъ собираніемъ матеріаловъ для болѣе полного и обстоятельнаго Грузинскаго Словаря. Представляемый имъ нынѣ трудъ есть плодъ его сорокалѣтнихъ занятій по этому предмету. По объясненію автора, въ настоящемъ Словарѣ, значительно пополненномъ и улучшенномъ противъ перваго изданія, заключаются: 1) объясненіе Грузинскихъ словъ на грузинскомъ языкѣ съ переводомъ на русскій и французскій языки; 2) при каждомъ словѣ и выраженіи — цитаты изъ книгъ и грамотъ, древнихъ и новыхъ, съ цѣлью указать на исторію каждого слова, на значеніе его въ древнихъ книгахъ и употребленіе въ настоящемъ живомъ языкѣ; 3) при каждомъ грузинскомъ глаголѣ, каждая форма особо, съ объясненіемъ его значенія на грузинскомъ языкѣ съ переводомъ на русскій и французскій языки; сверхъ того при каждой формѣ глагола — коренныя времена, и всѣ неправильности глагола съ точнымъ обозначеніемъ книгъ, гдѣ таковыя неправильности допущены.

Отдѣленіе положило передать новый словарь г. Чубинова Академику М. И. Броссе для разсмотрѣнія.

Академикъ М. И. Броссе представилъ полученное имъ отъ Д. В. Бакрадзе изъ Тифлиса сдѣланное по порученію г. Броссе для Азіятскаго музея Академіи рукописное извлеченіе изъ грузинскаго манускрипта, привезеннаго въ 1877 г. въ Тифлисъ изъ Афонскаго Иверскаго монастыря и содержащаго въ себѣ житіе св. Ефимія и списокъ агановъ основанныхъ означеннымъ монастыремъ въ память его вкладчиковъ.

засѣданіе 2 мая 1878 года.

Непремѣнный Секретарь сообщилъ о горестной утратѣ, понесенной Академією, въ лицѣ ея члена-корреспондента по разряду историко-политическихъ наукъ, статсъ-секретаря, тайн. совѣтн. Ю. А. Гагемейстера, скончавшагося въ Ригѣ, 23-го апрѣля 1878 г.

Академикъ Ф. И. Видеманъ представилъ въ рукописи оконченный имъ составленіемъ — *Зыряно-Нѣмецкій Словарь*. Этотъ

трудъ обнимаетъ собою не только Зырянскій языкъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и относящійся къ нему, какъ нарѣчіе его, Пермскій языкъ, а въ особомъ приложеніи нѣсколько далѣе отъ него стоящій Вотяцкій языкъ, такъ что въ этомъ словарѣ содержится весь лексикальный составъ всей біармской, или пермской, группы финской семьи языковъ.—Положено напечатать этотъ словарь въ видѣ особой книги.

Академикъ А. К. Наукъ представилъ и прочелъ записку, на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *De epicorum Graecorum fragmentis a G. Kinkelo editis*.—Положено напечатать ее въ Бюлетенѣ.

засѣданіе 23 мая 1878 года.

Академикъ В. П. Безобразовъ представилъ 6-й томъ издаваемого подъ его редакціей *Сборника Государственныхъ Знаній*.

Академикъ Б. А. Дорнъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что Мухаммедъ-Гасанъ-Ханъ, сопровождающій Шаха Персидскаго въ нынѣшнемъ его путешествіи по Европѣ, посѣтивъ его, г. Дорна, 15-го сего мая, изъявилъ свою готовность содѣйствовать къ приобрѣтенію въ Тегеранѣ для Азіятскаго Музея Академіи рѣдкихъ персидскихъ сочиненій. При этомъ г. Дорнъ поднесъ Мухаммеду-Гасанъ-Хану собраніе своихъ сочиненій, относящихся до Персія.

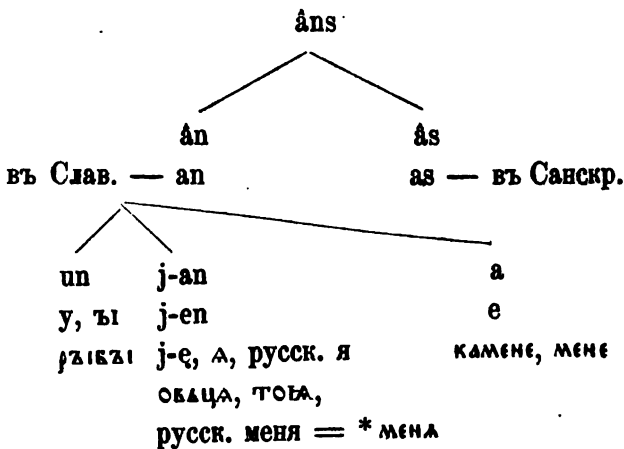
Академикъ Б. А. Дорнъ просилъ разрѣшенія подписаться, для Азіятскаго музея, на счетъ суммы, положенной для онаго, на два экземпляра издаваемого за границую продолженія сочиненія Марсдена *Numismata orientalia*. — Разрѣшено.

Г. Управляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, статсъ-секретарь кн. С. Г. Урусовъ, при письмѣ отъ 16-го мая, доставилъ, отъ имени Итальянскаго адвоката Фанти, изданное имъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Studi sull' ultimo progetto del nuovo codice penale italiano, con raffronto di 54 legislazioni straniere. Imola 1877.* (три тома).

Этимологія слова девенѣсто, неправильно — девянѣсто.

Г. Франца Прусика.

Въ русскій языкъ вошли нѣкоторыя особенности, которыхъ нѣтъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; я приведу въ примѣръ род. пад. един. ч. меня, тебя, себя — при древнеславянскихъ формахъ мене, тебе, себе, которыя поразительно согласуются съ лит. manės, tavės, savės, и ясно свидѣтельствуютъ о первоначальномъ — *ans* въ род. пад. ед. ч. Это *ans* составляетъ основу всѣхъ законныхъ окончаній род. пад., при чемъ оно могло раздвоиться, а слѣдовательно ослабѣть (какъ *an* до *in*) слѣдующимъ образомъ:



Къ такимъ же особенностямъ относится и слово девенѣсто; его неправильное написаніе девянѣсто еще болѣе затемняетъ происхожденіе замѣчательной формы и конечно произошло отъ стремленія по возможности приурочить это числительное къ формѣ девять,

чему—по крайней мѣрѣ въ новѣйшемъ русскомъ языкѣ—не мало помогло произношеніе, такъ какъ вѣдь я (безъ ударенія) вообще произносится, какъ *e*, *ā*: срв. Вячеславъ въ произношеніи вм. правильной ф. Вячеславъ. Смѣшеніе въ правописаніи есть явленіе, какъ извѣстно, слишкомъ часто порождаемое такъ называемой народной этимологіей.

Прежде чѣмъ перейду къ изложенію своего взгляда на этимологию спорной формы числительной, я долженъ замѣтить, что мнѣ правда не удалось найти въ древнерусскихъ источникахъ, которыми я располагалъ, единственно вѣрную форму девенѣсто, такъ какъ въ нихъ встрѣчается или дѣкѣтѣ дѣсѣтѣ, или еще чаще ѣ; но я однако не сомнѣваюсь въ ея существованіи, а долженъ только предоставить найти ее другимъ, которымъ доступно большее количество источниковъ.

Правильная форма девенѣсто всего легче объясняется съ помощью латинскаго и греческаго языка. Первый для 90 представляетъ форму *pōna-gintā* изъ *ponā-*, *poventa-gintā*, второй—*ἑνευή-χοντα* изъ *ἑνευή-χοντα* вм. *ἑνευή-χοντα* (какъ я доказываю въ другомъ мѣстѣ). Обѣ эти формы восходятъ до формы *navanā-katā*, которая обращается, по выпаденіи *n* во второй части (срв. Санскр. и зенд. *viñsati*, *vī-śaiti*; *triñ-sat*, *thri-śata* и т. д.), въ ф. *navanā-katā*, съ сокращеніемъ средн. р. *ā* въ *a* въ *navanā-katā*, или въ слѣдствіе аттракціи перваго *ā* съ окончаніемъ *a* въ *navanā-katā*.

Отсюда въ славянскомъ языкѣ возникаетъ совершенно правильно ф. **некена'-сѣто*, вслѣдствіе аттракціи **некено'-сѣто*, а съ новѣйшимъ *đ* вм. *n*, какъ въ дѣкѣтѣ сравнительно съ *navan*, *дѣкена'-сѣто* (мож. б. русск. діалект. *девенѣ-сто?*), *дѣкено'-сѣто*, русск. *девенѣ-сто*; при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что русское удареніе въ точности сходится съ греческимъ, что доказываетъ древность не только данной русской формы, но и вообще русскаго ударенія.

Девенѣ-с(ъ)то, гдѣ *s* замѣнило *k* (-*хонта*) совершенно такъ же, какъ въ *сѣто* (санскр. зенд. *śata*, лит. *šimtas* — въ отношеніи

къ *ε-χατόν septim*), есть сочетание, которое тѣмъ замѣчательнѣе, что въ его первой составной части сохранилась первоначальная прилагательная форма числительнаго, еще не обращенная посредствомъ та въ существительное, и встречающаяся во всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ. Это явленіе—не единственное въ славянскомъ языкѣ; рядомъ съ нимъ, какъ показано мною въ другомъ мѣстѣ (срв. мои *Přísrěvku I*, 16), существуютъ еще нѣкоторыя другія формы, изъ которыхъ я упомяну чешск. *devadesáte* (= древ. слав. *дѣка-дѣсатѣ). Однакожъ эта форма отличается отъ той тѣмъ, что въ ней первая составная часть *pačap(i)* несклоняема, какъ на пр. *sedm, osm* въ чеш. *sedm-desáte, osm-desáte*, или какъ лат. *novem*, тогда какъ въ данной формѣ эта часть склоняема, и притомъ такимъ образомъ, что она съ потерей *i* (въ ф. *pačap(i)*) какъ въ зенд., греч. и лат., перешла къ *a* = склоненію (сравн. вторую часть: зенд. — *śata*, — гр. *χούτα*, лат. — *gintá* при санскр. — *śati*); но такъ какъ во второй части окончаніе средн. р. множ. *á* рано уже ослабѣло до *a*, какъ это видно изъ зенд. — *śatā*, греч. — *χούτᾱ* сравнительно съ лат. — *gintá*, и эта часть приняла — *o* вмѣсто ожидаемаго — *a* (сто), то въ слѣдствіе того и—*a* первой составной части (= **novenā* —, **νεβενή* —, *βενενή* —) по аттракціи перешло въ — *o* (деveno).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОМУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ АКАДЕМІИ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ XXXI ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

А.

- Авенариусъ, см. Вильдъ.
Адресъ всеподданнѣйшій членовъ Академіи, по случаю заключенія мира съ Турціею, стр. 350—351.
Андреевъ, см. Гельмерсенъ.
Аверстедтъ, см. Гротъ.
Астенъ, см. Струве.
Ауверсъ, въ Берлинѣ, членъ-кор., сочиненіе его о Брамлеевыхъ наблюденіяхъ издается отъ имени Академіи, стр. 382.
— см. Струве.

В.

- Бабиновъ, И. «О развитіи цефалодій на слоевищѣ *Peltigera arphthosa*, Hoffm.», стр. 225—237.
— см. Максимовичъ.
Бакрадце, см. Броссе.
Барановскій, Антоній, проф. Р.-К. Духовной Семинаріи, сообщаетъ свое мнѣніе, относительно составленія литовско-русскаго словаря, стр. 412.
Баррандъ, І., въ Прагѣ, избирается въ члены-кор. по разряду физическихъ наукъ, стр. 333 и 351.
Безобразовъ, Владиміръ Павловичъ, акад., представляетъ 5-й и 6-й томы издаваемого подъ его редакціею «Сборника Государственныхъ Знаній», стр. 417 и 420.
Бекетовъ, Николай Николаевичъ, профессоръ химіи въ Харьковскомъ университетѣ, избирается въ члены-кор. по разряду физическихъ наукъ, стр. 333 и 351.

Бернаръ, Клодъ-, въ Парижѣ, членъ-кор. по биологическому разряду. Извѣстіе о его смерти, стр. 385.

- Бетхеръ, см. Брандтъ.
Биссетъ, см. Максимовичъ.
Бобровскій, см. Чебышевъ.
Бодянский, Осмиъ Максимовичъ, членъ-кор., по Отдѣленію Русскаго языка и словесности. † въ Москвѣ, 6 сентября 1877 г.; стр. 71 и 319.
— см. Срезневскій.

Бонкомпаньи, князь, доставляетъ три изданныя имъ сочиненія, стр. 384.

- Бонсдорфъ, см. Шмидтъ.
Брандтъ, А. Ѳ., см. Штраухъ.
Брандтъ, Теодоръ Теодоровичъ, акад. «Mittheilungen über die Gattung *Elastmotherium*, besonders den Schädelbau desselben», стр. 391.

— членъ комисіи, по вопросу о командированіи д-ра В. О. Ковалевскаго для палеонтологическаго изслѣдованія береговъ Волги, стр. 395—396.

— доноситъ о полученной въ Зоологическомъ музеѣ Академіи, коллекціи птичьихъ яицъ, собранныхъ надв. совѣтн. Гебелемъ, стр. 397.

— Г. П. Гельмерсенъ, Л. И. Шренкъ и Ѳ. Б. Шмидтъ предлагаютъ поручить особой комисіи составить планъ для будущихъ работъ д-ра В. О. Ковалевскаго, по изслѣдованію береговъ Волги въ Саратовской губерніи и изыскать необходимыя для этого средства, стр. 395—396.

— предлагаютъ напечатать въ Мемуарахъ Академіи записку г. Ме-

режковского: «Études sur les éponges de la Mer Blanche», стр. 384.

Ф. В. Овсянниковъ, Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ разсматриваютъ три записки, представленныя членомъ-кор. проф. В. Груберомъ, стр. 399, 400 и 401.

Л. И. Шренкъ и А. А. Штраухъ предлагают прикомандировать ученаго хранителя Зоологическаго музея Валеріана Руссова къ экспедиціи А. Ф. Миддендорфа въ Туркестанскій край, стр. 377.

представляютъ записку д—ра О. Бетхера: «Beitrag zu einem Katalog der innerhalb der Grenzen des russischen Reichs vorkommenden Vertreter der Land Schnecken-Gattung Clausilia Drap.», стр. 400.

и Ф. Б. Шмидтъ разсматриваютъ доставленные г. Паллизономъ, отъ имени А. Кноблоха, ископаемыя кости, стр. 389.

доносятъ о черепѣ Эласмотерія, принесенномъ въ даръ Академіи г. Кноблохомъ, стр. 391—398.

Бредихинъ, Федоръ Александровичъ, директоръ Московской Обсерваторіи, избирается въ члены-кор. по разряду математическихъ наукъ, стр. 333 и 351.

Брикверъ, А. Г., проф., благодаритъ за присужденную ему Уваровскую премию, стр. 319.

Броньяръ (Adolphe-Théodore Brongniart), въ Парижѣ, членъ-кор. по разряду ботаники. † 1876, стр. 2.

Броссе, Марій Ивановичъ, акад., членъ комисіи для присужденія награды графа Уварова, стр. 339.

сообщаетъ письмо г. Бакрадзе, относительно предпринятаго имъ разбора Грузинскихъ историческихъ актовъ, стр. 415.

проситъ объ изготовленіи списка съ армянской рукописи сказанія объ Иосафѣ и Варлаамѣ, стр. 416.

«Sur deux rédactions arméniennes, en vers et en prose, de la légende des Saints Varalam = Varlaam et Joazarph = Josaphat», стр. 417.

разсматриваетъ рукопись «Грузино-Русско-Французскаго Словаря», вновь обработаннаго Д. І. Чубиновымъ, стр. 419.

представляетъ полученное имъ отъ Д. В. Бакрадзе рукописное извлечение изъ одного грузинскаго манускрипта, стр. 419.

Буве (Bouvet), въ Парижѣ, доставляетъ экземпляръ своего мемуара, напечатаннаго въ Comptes-Rendus Парижской Академіи Наукъ, стр. 376.

Будиловичъ, см. Гротъ.

см. Срезневскій.

Буняковский, Викторъ Яковлевичъ, акад., вице-президентъ. «Sur le calcul approximatif des rentes viagères», стр. 373—374.

«О новомъ случаѣ дѣлимости чиселъ вида $2^n + 1$, сообщенномъ Академіи От. Первущинымъ», стр. 223, 224, 381, 383, 384 и 396.

предсѣдательствуетъ въ комисіи для присужденія премии своего имени, стр. 399.

Бутлеровъ, Александръ Михайловичъ, акад., заявляетъ о результатахъ своихъ работъ надъ изотрибутиленомъ, стр. 394.

см. Гельмерсенъ.

см. Зининъ.

Бычковъ, Аванасій Федоровичъ, акад., «Отчетъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1877 годъ», стр. 31—72.

членъ комисіи для присужденія премии графа Н. А. Кушелева-Безбородко, стр. 331.

членъ комисіи для присужденія премии графа Уварова, стр. 339.

Отзывъ его объ отчетѣ г-на Шейна о путешествіи послѣдняго по Бѣлоруссіи, стр. 409.

Бэръ, Карлъ Максимовичъ, почетный членъ. Извѣстіе о его смерти, стр. 2.

Бѣлевскій, въ Львовѣ, членъ-кор. по разряду историко-политическихъ наукъ. † 1876 г.; стр. 3.

В.

Вейпрехтъ доставляетъ экземпляръ программы для занятій полярной международной экспедиціи, предложенной имъ и графомъ Вильчекомъ, стр. 373.

Вельяминовъ-Зерновъ, Владиміръ Владиміровичъ, акад., выбываетъ изъ Академіи, стр. 351.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ, экстраординарный профес. С.-Петербургскаго университета, утверждаетъ адъюнктомъ Академіи по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, стр. 351.

членъ комисіи для присужденія награды графа Уварова, стр. 339.

- сообщает представленную однимъ ученымъ покойному князю Черкасскому записку о снаряженіи въ Болгарію экспедиціи для изученія края въ историко-этнографическомъ отношеніи, стр. 409.
- Веселовскій, Константинъ Степановичъ, акад., непремѣнный секретарь. «Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1876 и 1877 годы», стр. 1—80.
- представляет составленный имъ проектъ новаго положенія о наградахъ графа Уварова, стр. 331—332.
- членъ комисіи для присужденія награды графа Уварова, стр. 339.
- представляет серебряную медаль, выбитую въ память двукратнаго посѣщенія Государемъ Императоромъ юбилеевъ Академіи, стр. 389.
- предлагает прекратить высылку академическихъ изданій въ такія учрежденія, которыя съ давнихъ поръ не выкупаютъ Академіи, въ обмѣнъ на ея изданія, печатаемыхъ ими сочиненій, стр. 363—364.
- представляет списки членовъ-корреспондентовъ Академіи, съ указаніемъ имѣющихся вакансій, стр. 373 и 414.
- см. Гельмерсенъ.
- см. Струве.
- Видеманъ, Фердинандъ Ивановичъ, акад., представляет, въ рукописи, составленный имъ «Зырюно-Нѣмецкій Словарь», стр. 419—420.
- Вилемсъ, въ Левенѣ, доставляетъ первый томъ изданнаго имъ сочиненія: «Le Sénat de la République Romaine, sa composition et ses attributions», стр. 418.
- Вильдъ, Генрихъ Ивановичъ, акад., «Новая магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Павловскѣ», стр. 146—188.
- представляет письмо члена-кор. г. Эйри, относительно устройства наблюденій самопишущимъ приборомъ надъ приливами, стр. 381.
- представляет оконченный печатаніемъ томъ Лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи за 1876 г., стр. 382.
- «Das neue meteorologisch-magnetische Observatorium in Pawlowsk», стр. 383.

- «Ueber die Bodentemperaturen in St.-Petersburg und Nukuss», стр. 395.
- представляет, отъ имени члена-кор. Г. В. Струве, изданное имъ сочиненіе: «О винодѣліи. Четыре бесѣды, читанныя въ Кавказскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства», стр. 395.
- сообщает продолженіе изслѣдованій г. Дорандта: «Bestimmung der Anemometer-Constanten», стр. 398.
- представляет новый сифонный барометръ, устроенный по его указаніямъ, стр. 398.
- сообщает, что Прусское правительство командировало въ Петербургъ д-ра Гельмана, изъ Берлина, для дальнѣйшаго совершенствованія при Главной Физической Обсерваторіи, стр. 401—402.
- представляет описаніе повѣрочнаго барометра, стр. 404.
- см. Гельмерсенъ.
- см. Струве.
- и А. В. Гадолинъ представляютъ записку г. Авенариуса: «Volumenveränderung einer Flüssigkeit durch Temperatur und Druck», стр. 370.
- представляютъ записку члена-корр. Р. Э. Ленца: «Über den galvanischen Widerstand verdünnter Lösungen von Kalium, Natrium, Ammonium und Wasserstoffverbindungen», стр. 400.
- Вольтъ, Александръ; открытіе сооруженнаго ему въ Павліи памятника, стр. 394.
- Вороновъ, см. Срезневскій.
- Востоковъ, см. Троицкая.

Г.

- Гагемейстеръ, Юлій Андреевичъ, статсъ-секретарь, членъ-кор. по разряду историко-политическихъ наукъ. † въ Ригѣ, 23 апрѣля 1878. Стр. 419.
- Гадолинъ, Аксель Венцелевичъ, акад., рассматриваетъ записку г. Гассельберга: «Zur Reduction der Kirchhofschen Spectralbeobachtungen auf Wellenlängen», стр. 395 и 396.
- рассматриваетъ записку поручика Корманова о воздухоплаваніи, стр. 401.
- см. Вильдъ.
- см. Гельмерсенъ.

- см. Струве.
 Гассельберг см. Гадолинъ.
 — см. Струве.
 Гебель, см. Грандтъ.
 Гееръ, см. Шмидтъ.
 Гельманъ, см. Вильдъ.
 Гельмерсенъ, Григорій Петровичъ, акад., рассматриваетъ записку г. Юдицкаго: «*Origine des combustibles minéraux d'après le mode de gisement du carbone et de ses composés*», стр. 371.
 — членъ комисіи по вопросу о палеонтологическомъ изслѣдованіи береговъ Волги въ Саратовской губерніи, стр. 396.
 — см. Грандтъ.
 — К. С. Веселовскій, Л. И. Шренкъ и Г. И. Вильдъ назначаютъ въ члены комисіи по вопросу о разширеніи сѣти метеорологическихъ станцій въ Россіи, стр. 382.
 — и Н. И. Кокшаровъ предлагаютъ напечатать въ Бюллетенѣ Академіи записку члена-кор. П. В. Еремѣева: «*Ueber einige neue Krystallformen des Ilmenorutilis*», стр. 372.
 — и А. М. Бутлеровъ рассматриваютъ образцы антрацита, собранные полковникомъ Андреевымъ на Онежскомъ озерѣ, стр. 388 и 401.
 — О. В. Струве, А. Н. Савичъ, Г. И. Вильдъ и А. В. Гадолинъ рассматриваютъ письмо члена-кор. Эйри, относительно устройства наблюдений самопишущимъ приборомъ надъ приливами, стр. 381—382.
 Герхеръ, (Rudolf Hercher) въ Берлинѣ, членъ-кор. по разряду классической филологіи и археологіи. Извѣстіе о его смерти, стр. 418.
 Гильдебрандтъ, Бруно, проф. въ Іенѣ, членъ-кор. по разряду историко-политическихъ наукъ. † въ Іенѣ, 17 января н. ст. 1878; стр. 416.
 Гиршъ, Ф., проф. въ Берлинѣ, избирается въ члены-кор. по разряду историко-политическихъ наукъ, стр. 383 и 417.
 Гоби, см. Максимовичъ.
 Головацкій, см. Срезневскій.
 Гольмбое, см. Шифнеръ.
 Григоровичъ, В. И., см. Срезневскій.
 Григоровичъ, Н., награждается премією графа Н. А. Кушелева-Безбородко за рукописное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ*

связи съ отечественными событіями 1747—1799 г.», стр. 357—358.

— см. Гротъ.

Гротъ, Яковъ Карловичъ, акад. «Отчетъ Комиссіи о присужденіи премии графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію Канцлера князя А. А. Безбородки», стр. 189—222.

— «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка», стр. 297—318 и 409.

— отчетъ его о поѣздкѣ въ Швецію, стр. 319.

— членъ комисіи для присужденія премии графа Н. А. Кушелева-Безбородко, стр. 331.

— представляетъ, въ даръ для Библиотеки Академіи, экземпляръ исторіи Упсальскаго университета, составленной К. Аперстедтомъ, стр. 332.

— заявляетъ, отъ имени Отдѣленія Русскаго языка и словесности, о несостоявшемся присужденіи Ломоносовской премии, стр. 332.

— членъ комисіи для присужденія награды графа Уварова, стр. 339.

— сообщаетъ о своихъ занятіяхъ въ августѣ — декабрѣ 1877 года, стр. 405.

— сообщаетъ о доставленномъ ему письмѣ г. Дьюгерста (Dewhurst), изъ Лондона, съ просьбою извѣстить его о происхожденіи слова «моржъ», стр. 406.

— статья, написанная имъ по поводу появленія въ шведской газетѣ Aftonbladet документа, относительно происхожденія Императрицы Екатерины I, стр. 407.

— сообщаетъ, что братъ Вука Ст. Караджича предлагаетъ Академіи купить оставшуюся послѣ покойнаго Караджича бібліотеку, стр. 407—408.

— представляетъ доставленную С. И. Пономаревымъ біографическую статью о двухъ сочиненіяхъ преосв. Порфирія, стр. 408.

— сообщаетъ доставленную г. Прусникомъ замѣтку о происхожденіи слова «девятисто», стр. 408.

— заявляетъ о вышедшемъ въ свѣтъ трудѣ проф. Будиловича, подъ заглавіемъ: «Первобытныя Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ», стр. 410—411.

— «Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго уни-

верситета». Приложение къ XXXI-му тому Записокъ, № 1.

«Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. — Происхождение Екатерины I». Приложение къ XXXI-му тому Записокъ, № 3.

Груберъ, см. Брандтъ.

Д.

Давыдовъ, князь Сергій Ивановичъ, почетный членъ, бывший вице-президентъ Академіи. Извѣстіе о его смерти, стр. 357.

Даничичъ, см. Срезневскій.

Дипъ, Фридрихъ, въ Боннѣ, членъ-кор. по разряду лингвистики. † въ Боннѣ, 29 мая н. ст. 1876; стр. 3.

Дорандтъ, см. Вильдъ.

Дорнъ, Борисъ Андреевичъ, акад., представляеть, отъ имени проф. Лудольфа Креля, экземпляръ изданнаго имъ сочиненія: «Beiträge zur Charakteristik der Lehre vom Glauben im Islam», стр. 415.

заявляетъ о готовности Мухаммеда - Гассавъ - Хана содѣйствовать къ приобретению въ Тегеранѣ, для Азіятскаго Музея Академіи, рѣдкихъ персидскихъ сочиненій, стр. 420.

Достоевскій, Федоръ Михайловичъ, избирается въ члены-кор. по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, стр. 333 и 351.

Дубровинъ, Николай Федоровичъ, полковникъ, избирается въ члены-кор. по разряду историко-политическихъ наукъ, стр. 333 и 416.

благодарить за присужденную ему на XXI совскавіи Уваровскихъ наградъ золотую медаль, стр. 319.

Дьюгерстъ (Dewhurst), см. Гротъ.

Е.

Еремѣевъ, см. Гельмерсенъ.

Ж.

Желѣзновъ, Николай Ивановичъ, акад. † въ С.-Петербургѣ, 15 января 1877 г.; стр. 2.

З.

Зининъ, Н. Н., и А. М. Бутлеровъ представляютъ три записки: 1) г-жи Ю. Лермонтовой «Action de l'iodure de

butyle tertiaire sur l'isobutylène en présence des oxydes métalliques»; 2) Д. Павлова — «Ueber das Tetramethyläthylen und dessen Derivate und über die chemische Structur des Pinacons», и 3) Л. Явейна — «Ueber die aus den tertiären Hexylalkoholen entstehende Hexylene und über deren Polymerisation», стр. 398.

Золотаревъ, Егоръ Ивановичъ, акад. «Объ ученыхъ трудахъ академика О. И. Сомова», стр. 248—266, 378—379.

разсматриваетъ записку свящ. Іоанна Первушина о новомъ случаѣ дѣлимости числа формы $2^{2^m} + 1$; стр. 391 и 404.

разсматриваетъ записку члена-кор. проф. Миндинга: «Zur Theorie der Curven kürzesten Umfangs bei gegebenen Flächenraum», стр. 397 и 400.

членъ комисиіи для присужденія преміи В. Я. Буняковскаго, стр. 399.

разсматриваетъ изслѣдованія свящ. Іоанна Первушина о дѣлимости чиселъ вида $2^n \mp 1$, стр. 401.

разсматриваетъ записку преподавателя математики г. Полѣскаго-Щинилло: «Теорія корней сравненій по модулю простому и составному»... и проч., стр. 401.

И.

Изданія Академіи вышедшія въ свѣтъ, стр. 325, 381, 399, 358, 371, 372, 375, 376, 381, 382, 384, 388, 413, 414, 415 и 416.

доставляются въ Академію Наукъ въ Девенпортъ, въ обмѣнъ на изданія сей послѣдней, стр. 320.

въ Томскую гимназію, стр. 397.

присланныя въ даръ Академіи, стр. 339, 340—370, 373, 376, 384, 399, 414—416, 418 и 420.

К.

Караджичъ, см. Гротъ.

см. Куникъ.

Кеворкъ IV, католикосъ, приноситъ въ даръ Академіи списокъ рукописи: «Сказанія объ Юсифѣ и Варлаамѣ», стр. 415.

Кейль, проф. въ Галле, избирается въ члены-кор. по разряду классической

филологія и археологія, стр. 333 и 351.

Кешпентъ, см. Шренкъ.

Кипріяновъ, см. Шмидтъ.

Кноблохъ, см. Брандтъ.

Ковалевскій, см. Брандтъ.

Комисія для присужденія преміи графа Н. А. Куселева-Безбородко, стр. 331.

— для присужденія наградъ графа Уварова, стр. 339.

— учрежденная при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ, стр. 346.

— для обсужденія вопроса объ устройствѣ на Балтійскомъ морѣ самопишущаго прибора, для наблюденій надъ приливами и отливами, стр. 389—391.

— для присужденія преміи В. Я. Буяковскаго, стр. 399.

Кокшаровъ, см. Гельмерсенъ.

Кольбергъ, см. Срезневскій.

Констабле-дела-Стафа, графъ, въ Перуджіи, членъ-кор. по разряду классической филологіи и археологіи; † близъ Перуджіи, 21 іюня н. ст. 1877 г.; стр. 3.

Кормановъ, см. Гадолинъ.

Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ, почетный членъ; † въ С.-Петербурѣ, 2 января 1876 г.; стр. 2.

Крель, см. Дорнъ.

Куникъ, Аристъ Аристовичъ, акад., доноситъ о бібліотекѣ, принадлежавшей покойному Вуку Стефановичу Караджичу, и предлагаемой въ продажу сыномъ его Дмитріемъ Вуковичемъ, стр. 325—327.

— членъ комисіи для присужденія преміи графа Н. А. Куселева-Безбородко, стр. 331.

— членъ комисіи для присужденія наградъ графа Уварова, стр. 339.

— доноситъ о принесенныхъ въ даръ Нумизматическому Кабинету Академіи гр. Е. Е. Северсомъ, отъ имени его дяди, барона К. Е. Рамма, трехъ медалей, стр. 414.

Л.

Лассенъ (Lassen), въ Боннѣ, членъ-кор. по разряду восточной литературы. † въ Боннѣ, 9 мая н. ст. 1876 г.; стр. 3.

Леверье (Urbain-Jean-Joseph Le Verrier), членъ Парижскаго Института, членъ-кор. Академіи по разряду

астрономіи. † въ Парижѣ, 23 сентября н. ст. 1877; стр. 2.

Лежерь, см. Срезневскій.

Ленцъ, Р. Э., см. Вильдъ.

Лермонтова, Ю., см. Занинъ.

Линдеманъ, см. Струве.

Литке, графъ, Федоръ Петровичъ, президентъ, сообщаетъ бронзовый экземпляръ медали, выбитой въ память празднованія столѣтія со дня рожденія Императора Александра I, стр. 415.

Лопатинъ, И. А. «Предварительный отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1877 году, по порученію Академіи, по берегамъ Подкаменной Тунгузки», стр. 238—243.

— см. Шмидтъ.

Лорте, директоръ Ліонскаго музея естественной исторіи, ходатайствуетъ о доставленіи въ означенный музей скелета и шкуры зубра изъ Бѣловѣжской пущи, стр. 372, 376 и 400.

Людерсъ, Карлъ Карловичъ, директоръ телеграфовъ и Телеграфнаго департамента, избирается въ почетные члены Академіи, стр. 332 и 333.

М.

Максимовичъ, Карлъ Ивановичъ, акад., представляетъ записку г. Бабикова «О развитіи цефалодій на слоевищѣ *Peltigera aptosa Hoffm.*», стр. 378.

— доноситъ, что Дж. Биссетъ, собиравшій растенія въ Японіи, предлагаетъ ему принять на себя опредѣленіе его коллекцій, стр. 393—394.

— представляетъ разсужденіе г. Гоби: «Die Algenflora des Weissen Meeres und der demselben zunächstliegenden Theile des Nördlichen Eismeeers», стр. 398.

— см. Брандтъ.

— и Ѳ. Б. Шмидтъ представляютъ записку г. Шмальгаузена: «Ein fernerer Beitrag zur Kenntniss der Urastufe Ost-Sibiriens», стр. 374—376 и 378.

Мансвотовъ, И. Д., проф., благодаритъ за золотую медаль, присужденную ему на XXI соисканіи Уваровскихъ наградъ, стр. 319.

Марксъ, см. Шмидтъ.

Марсденъ, см. Дорнъ.

Мекленбургъ-Стрелицкій, Его Величественое Высочество Герцогъ Георгъ, Почетный членъ Академіи, стр. 2.

Мережковский, см. Брандтъ.

Миддендорфъ, Александръ Федоровичъ, почетный членъ, отправляясь въ экспедицію въ Ферганъ, предлагаетъ Академіи исполненіе какихъ либо ученыхъ порученій, стр. 324.

Миличевичъ, Миланъ Ивановичъ, старшій секретарь Сербскаго министерства народнаго просвѣщенія, въ Бѣлградѣ, избирается въ члены-кор. по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, стр. 333 и 338.

Миндингъ, см. Золотаревъ.

Мухаммедъ-Гассанъ-Ханъ, см. Дорнъ.

Н.

Наблюденія метеорологическія, произведенныя въ Усть-Медвѣдицкой и Урюпинской станицахъ Области войска Донскаго, стр. 385.

Наукъ, Августъ Карловичъ, акад., представляетъ изданный подъ его редакцію томъ твореній Софокла, стр. 414.

— «Nachtrag zu den Bemerkungen über G. Curtius Verbum», стр. 415.

— «De episcopo Graecorum fragmentis a G. Kinkello editis», стр. 420.

Никитенко, Александръ Васильевичъ, акад., биографическій очеркъ, стр. 44—72.

— Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогжскаго Библейскаго Сотоварищества секретаремъ онаго Александромъ Никитиновымъ, 1824 года Генваря 27 дня, стр. 73—81.

Нюрень, см. Струве.

О.

Огородниковъ, Е. К., доставляетъ два изданныя имъ сочиненія, стр. 319.

Ортъ, проф. Берлинскаго университета, доставляетъ печатный экземпляръ своей записки: «Ueber die Anforderungen der Geographie und der Land- und Forstwirthschaft an die geognostische Kartographie des Grund und Bodens», стр. 388.

Отношенія благодарственныя за академическія изданія, стр. 320, 323, 384, 389, 340, 347, 357, 358, 363, 364 и 404.

Отчетъ, см. Бычковъ.

— см. Веселовскій.

— см. Гротъ.

П.

Павловъ, см. Зининъ.

Палацкій, Францъ, въ Прагѣ, членъ-кор. по разряду историко-политическихъ наукъ. † въ Прагѣ, 26 мая н. ст. 1876 г.; стр. 3.

Паллашевъ, см. Брандтъ.

— см. Шренкъ.

Паруновъ, см. Штраухъ.

Патера, А. О. помощникъ директора Чешскаго музея, въ Прагѣ, избирается въ члены кор. по Отдѣленію русскаго языка и словесности, стр. 133.

— «Чешскія глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительные замѣчанія И. И. Срезневскаго». Приложеніе къ XXXI т. Записокъ. № 4.

— см. Срезневскій.

Первушинъ, см. Буяковский.

— см. Золотаревъ.

Петерманъ, въ Берлинѣ, членъ-кор. по разряду восточной литературы. † въ Наугеймѣ, 10 июня н. ст. 1876 г. стр. 3.

Погтендорфъ, Іоаннъ Христіанъ, въ Берлинѣ, членъ-кор. по физическому разряду. † въ Берлинѣ, въ 1877 г. стр. 2.

Полѣвскій-Щипило, см. Золотаревъ.

Пономоревъ, С. И. «О двухъ новыхъ трудахъ преев. Порфирія Успенскаго», стр. 267—296.

— см. Гротъ.

Поповъ, Александръ Николаевичъ, членъ-кор. по разряду историко-политическихъ наукъ. † въ С.-Петербургѣ, 16 ноября 1877 г.; стр. 2 и 414.

Потебня, А. А., членъ-кор., благодарить за присужденную ему, на XXI сессіи Уваровскихъ наградъ, золотую медаль, стр. 319.

Поттъ, А. Ф., въ Гамбѣ, членъ-кор., пятидесятилѣтній юбилей его ученой дѣятельности, стр. 325.

Прейсъ, см. Срезневскій.

Премія В. Я. Буяковского, стр. 399.

— графа Кушелева—Безбородко; см. Гротъ.

— Ломоносовская, стр. 332.

Прендель, Р. доставляетъ описаніе метеорита, упавшаго въ Вавилонкѣ, Херсонской губ., стр. 401.

- Протоколы. Извлечение изъ протоколовъ засѣданій Академіи за октябрь, ноябрь, декабрь 1877 и за январь, февраль, мартъ, апрѣль и май 1878 г.
 ———— Общее Собраніе, стр. 319—370.
 ———— Физико-Математическое Отдѣленіе, стр. 370—404.
 ———— Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, стр. 405—413.
 ———— Историко-Филологическое Отдѣленіе, стр. 413—420.
 Прусикъ, Францъ. «Этимологія слова девенѣсто, неправильно — девянѣсто», стр. 421—423.
 ———— см. Гротъ.
 Путята, см. Струве.
 Пѣвцовъ, см. Семеновъ.

P.

- Раммъ, баронъ, см. Куникъ.
 Рейфъ, см. Срезневскій.
 Реньо, (Henri Victor Regnault), членъ Парижскаго Института, членъ-кор. Академіи по разряду физическихъ наукъ. † въ Парижѣ, 19 января и ст. 1878 г.; стр. 884.
 Руле, (Roulez), въ Гентѣ, членъ-кор. по разряду классической филологіи и археологіи; † въ Гентѣ, 18 марта и ст. 1878 г.; стр. 418.
 Рунебергъ, проф. въ Борго, въ Финляндіи, почетный членъ; † въ Борго, 24 апрѣля 1877 г.; стр. 2.
 Руссовъ, см. Брандтъ.

C.

- Савичъ, Алексій Николаевичъ, акад., представляеть, отъ имени г. Тилло, изданное имъ «Описаніе Арало-Каспійской нивелировки», стр. 376.
 ———— «О предварительномъ вычисленіи солнечныхъ затмѣній», стр. 378.
 ———— «Oppositions des planètes en 1877», стр. 385.
 ———— представляеть записку о наблюденіи прохожденія Меркурія, сдѣланномъ на Академической Обсерваторіи, стр. 397.
 ———— см. Гельмерсенъ.
 ———— см. Струве.
 Секки, Анджело, директоръ Римской Обсерваторіи, избирается въ члены-кор. по разряду математическихъ наукъ, стр. 333.
 ———— Извѣстіе о его смерти, стр. 388.
 Семеновъ, П. П., вице-предсѣдатель Имп. Русскаго Географическаго Общества, увѣдомляеть о передачѣ

въ Академію естественно-историческихъ коллекцій, собранныхъ М. В. Пѣвцовымъ, во время его путешествія по Сѣверо-Западной Монголіи, стр. 371—372.

- Сверсъ, графъ, см. Куникъ.
 Сомовъ, Осипъ Ивановичъ, акад. † 25 апрѣля 1876, стр. 1.
 ———— см. Золотаревъ.

Составъ личный Академіи 1 апрѣля 1878 г.; стр. 128—145.

- Срезневскій, Измаиль Ивановичъ, акад. «На память объ О. М. Бодянскомъ, В. И. Григоровичѣ и П. И. Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи», стр. 82—127 и 408.

——— членъ комисіи для присужденія преміи графа Кухелева-Безбородко, стр. 331.

——— членъ комисіи для присужденія Уваровскихъ наградъ, стр. 389.

——— сообщаетъ о новыхъ трудахъ А. О. Патеры, проф. Будиловича, Ю. Даничица и проф. А. Воронова, стр. 405—406 и 407.

——— сообщаетъ 1) о выходѣ въ свѣтъ книги: «Grammaire française-russe, par. Ch. Ph. Reiff, revue, corrigée et refondue par. L. Léger», 2) Объ извѣстии, сообщенномъ ему проф. Л. Лежеромъ, о славянской рукописи, найденной въ бібліотекѣ Гренадскаго университета, 3) о письмѣ Я. Θ. Головацкаго, съ приложеніемъ лоскутка изъ древне-пергаменной рукописи, стр. 408.

——— сообщаетъ свои соображенія касательно поддѣльныхъ глоссъ чешскаго памятника Mater Verborum, стр. 408—409.

——— записка его по поводу предпринятаго г. Будиловичемъ изслѣдованія, подъ заглавіемъ: «Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ», стр. 411—412.

——— отзывъ его объ издаваемомъ О. Кольбергомъ сборникѣ, стр. 412—413.

Стефани, Лудольфъ Эдуардовичъ, акад. представляеть, отъ имени графа С. Г. Строганова, Отчетъ Имп. Археологической Комисіи за 1876 годъ, стр. 417.

——— доноситъ о приобретенныхъ имъ, для Археологическаго музея Академіи, отъ П. В. Тутукина, фрагментахъ древне-римскихъ барельефовъ, стр. 417.

- Струве, Г. В., см. Вильдъ.
- Строгановъ, графъ С. Г., см. Стефани.
- Струве, Оттонъ Васильевичъ, акад., представляетъ 7-й томъ Пулковскихъ наблюдений и нѣмецкій переводъ отчета Обсерватори за 1876 г., стр. 375.
- представляетъ трудъ члена-кор. г. Ауверса; «Neue Reduction der Bra-dleyschen Beobachtungen», стр. 379.
- рассматриваетъ записку г. Тайлора: «Methods for making geometrical discoveries», стр. 391.
- представляетъ записку г. Гаспельберга: «Zur Reduction der Kirch-hofschens Spectralbeobachtungen auf Wellenlängen», стр. 395.
- «Mercurdurchgang (Eintritt) 1878, Mai 6, beobachtet in Pulkowa», стр. 397.
- представляетъ копию съ годоваго отчета Пулковской Обсерватори, стр. 404.
- см. Гельмерсенъ.
- К. С. Веселовскій и Г. И. Вильдъ предлагаютъ къ избранію въ почетные члены Академіи директорате-леграфовъ и Телеграфнаго департа-мента тайн. сов. К. К. Людерса, стр. 332 и 333.
- и А. В. Гадолинъ представля-ютъ записку г. Гаспельберга: «Stu-dien auf dem Gebiete der Absorbtion-Spectralanalyse», стр. 402—404.
- и А. Н. Савичъ представляютъ сочиненіе г. фонъ Астена: «Untersuchungen über die Theorie des Encke'schen Cometen. II. Resultate aus den Erscheinungen 1819—1875», стр. 379.
- представляетъ записку г. Нюрена: «Erderschütterung, beobachtet an einem feinen Niveau, 1877, Mai 10», стр. 388.
- представляютъ записку г. Астена: «Elemente und Ephemeriden des Encke'schen Cometen für das Jahr 1878», стр. 391.
- представляютъ записку г. Линдемана: «Verzeichniss von 42 neuen rothen Sternen», стр. 398.
- рассматриваютъ записку г. Путята: «Note sur la vitesse rota-toire de Mars...» стр. 399.
- Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, акад., членъ комисіи для присужде-нія премии графа Кущелева-Безбо-родко, стр. 331.
- сообщаетъ о своихъ занятіяхъ во время пребыванія лѣтомъ 1877 г. въ Москвѣ, стр. 406.

— «Рѣчь въ торжественномъ соб-раніи Имп. Академіи Наукъ, по слу-чаю столѣтняго юбилея Александра I», Приложение къ XXXI-му тому Записокъ Академіи, № 2 и стр. 408.

Съездъ Британскаго Общества пре-успѣянна наука, стр. 332.

Т.

- Тайлоръ, см. Струве.
- Теза, Эмиль, проф., проситъ о доста-вленіи ему, на нѣкоторое время, при-надлежащаго Азіатскому музею Ака-деміи экземпляра изданія «Сутры», стр. 418.
- Тилло, см. Савичъ.
- Толстой, Ю. В., награждается Уваров-скою преміею за сочиненіе, подъ за-главіемъ: «Первыя сорокъ лѣтъ сно-шеній между Россіею и Англіей», стр. 319.
- Томашекъ, проф. въ Грацѣ, доставля-етъ свое сочиненіе: «Centralasiatische Studien», стр. 416.
- Томсонъ (Sir William Thomson), проф. университета въ Глазговѣ, избирает-ся въ члены-кор. по разряду физиче-скихъ наукъ, стр. 333 и 395.
- Томсенъ, д-ръ В., въ Копенгагенѣ, до-ставляетъ изложеніе трехъ лекцій, читанныхъ имъ въ Тайлоровскомъ институтѣ, въ Оксфордѣ, стр. 416.
- Троицкая, Анна, вдова кол. сов., при-носитъ въ даръ для академической Библіотеки три изданія съ собствен-норучными замѣтками Востокова, стр. 346.
- Тузукинъ, см. Стефани.
- Туменцовъ, исправляющій должность директора Томскаго реальнаго учи-лища, заявляетъ о готовности своей и нѣкоторыхъ преподавателей до-ставлять въ Академію коллекціи жи-вотныхъ и растений изъ окрестно-стей города Томска и изъ другихъ мѣстностей Томской губерніи, стр. 396 — 397.

У.

- Урусовъ, князь С. Г., доставляетъ, отъ имени г. Фанти, изданное имъ сочи-неніе: «Studi sull'ultimo progetto del nuovo codice penale italiano, con raf-fronto di 54 legislazioni straniere», стр. 420.
- Успенскій, см. Пономаревъ

Ф.

- Фанги, см. Урусовъ, кн.
 Фисерингъ, въ Лейденѣ, доставляетъ экземпляръ изданнаго имъ сочиненія: «On chinese currency. Coin and paper money», стр. 415—416.
 Фольборгъ, Александръ Федоровичъ, членъ-кор. по разряду физическихъ наукъ. † въ С.-Петербургѣ, 5 марта 1876 г.; стр. 2.
 Фортинскій, Ф., проф., благодаритъ за присужденную ему золотую Уваровскую медаль, стр. 325.
 Фрэннеръ (Christian Wilhelm Fröhner), въ Парижѣ, избирается въ члены-кор. по разряду классической филологии и археологии, стр. 333 и 418.
 Фрисъ, проф. въ Упсалѣ, членъ-кор. по биологическому разряду. † въ Упсалѣ, 8 февраля н. ст. 1878 г.; стр. 385.

Ч.

- Чебышевъ, П. Л., акад., рассматриваетъ описанія и чертежи разныхъ изобрѣтеній А. П. Бобровскаго, стр. 372.
 — членъ комисіи для присужденія преміи В. Я. Буняковскаго, стр. 399.
 Чубиновъ, см. Бросса.

III.

- Шейнъ, учитель Калужскаго реальнаго училища, проситъ о продленіи срока его командировки, для изученія народнаго языка и словесности, стр. 406—407 и 408.
 — см. Вычковъ.
 Шеелеръ, въ Брауншвейгѣ, доставляетъ, для Библіотеки Академіи, два первыхъ тома издаваемаго имъ сочиненія, стр. 373.
 Шифнеръ, Антонъ Антоновичъ, акад., рассматриваетъ записку д-ра Гольмбова, содержащей описаніе и объясненіе одной золотой брактеаты, стр. 414.
 — «Indische Erzählungen. XLV—XLVII», стр. 413.
 — Ueber Vasubandhu's Gāthāsamgraha», стр. 418—419.
 Шмальгаузенъ, И. «Растительные остатки яруса Урса Восточной Сибири», стр. 244—247.
 — см. Максимовичъ.
 Шмидтъ, Федоръ Богдановичъ, акад.,

рассматриваетъ отчетъ г. Лопатина объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ имъ по порученію Академіи, стр. 372 и 375.

— представляетъ разсужденіе члена-кор. проф. Геера: «Primitiae florae fossilis Sachalinensis», стр. 379—381.

— доноситъ о полученной въ Минералогическомъ музеѣ Академіи коллекціи г. Кипріянова, стр. 386—387.

«Revision der ostbaltischen silurischen Trilobiten», стр. 394—395.

— членъ комисіи по вопросу о командированіи д-ра В. О. Ковалевскаго для изслѣдованія береговъ Волги въ Саратовской губерніи, стр. 396.

— рассматриваетъ обработанныя г. Марксомъ барометрическія наблюденія, произведенныя И. А. Лопатинымъ во время его путешествія, стр. 401.

— сообщаетъ о полученной въ Минералогическомъ музеѣ Академіи коллекціи микроскопическихъ препаратовъ отъ г. Кипріянова, стр. 404.

— сообщаетъ о полученной, чрезъ посредство акад. А. В. Гадюлина, коллекціи окаменѣлостей, собранныхъ полковникомъ Бонсдорфомъ, стр. 404.

— см. Брандтъ.

— см. Максимовичъ.

Шренкъ, Леопольдъ Ивановичъ, акад. членъ комисіи по вопросу о командировкѣ д-ра В. О. Ковалевскаго, стр. 396.

— представляетъ, отъ имени А. П. Кеппена, двѣ напечатанныя имъ статьи, стр. 399.

— сообщаетъ о костяномъ щитѣ допотопной рыбы, принесенномъ въ даръ Зоологическому музею Академіи, датскимъ консуломъ г. Паллизономъ, стр. 399.

— см. Брандтъ.

— см. Гельмерсенъ.

Штраухъ, Александръ Александровичъ, акад., представляетъ сочиненія д-ра А. Ф. Брандта: 1) «Ueber das Ei und seine Bildungstätt»... и 2) «Сравнительныя изслѣдованія надъ яйцевыми трубочками и яйцомъ насѣкомыхъ», стр. 399.

— дѣлаетъ изслѣдованіе остова неизвѣстнаго животнаго, найденнаго г. Паруновымъ, стр. 400.

— см. Брандтъ.

Э.

Эйри, см. Вильдъ.

—— см. Гельмерсенъ.

Эйхвальдъ, Эдуардъ Ивановичъ, членъ-кор. по биологическому разряду. † въ С.-Петербургѣ, 4 ноября 1876 г.; стр. 2.

Эренбергъ, въ Берлинѣ, почетный членъ. † въ Берлинѣ, 27 июня н. ст. 1876 г.; стр. 2.

Эриссонъ, въ Нью-Йоркѣ, доставляетъ экземпляръ заданнаго имъ сочиненія: «Contributions to te Centennial Exhibition», стр. 378.

Ю.

Юбилей столѣтній Общества искусствъ и наукъ въ Батавіи, стр. 346.

Юдицкий, см. Гельмерсенъ.

Я.

Явейнъ, см. Зиминъ.

Ягичъ, И. В., членъ-кор., доставляетъ выпускъ издаваемого имъ, вмѣстѣ съ гг. Лескиномъ и Нерингомъ, сборника «Archiv für Slawische Philologie», стр. 419.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ЧЕТЫРЕХСОТЛѢТНЕМЪ ЮБИЛЕѢ

УПСАЛЬСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXXI^{му} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1877.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. Глазуова, въ С. П. Б. Эггерса и Коми., въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б. Н. Кннмеля, въ Ригѣ.
Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цена 30 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь, 1877 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ВОСПОМИНАНІЯ

О ЧЕТЫРЕХСОТЛѢТНЕМЪ ЮБИЛЕѢ

УПСАЛЬСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(Записка Академика Я. К. Грота)¹.

1.

Въ протоколѣ общаго собранія Академіи наукъ за 6-е мая 1877 года записано: «Королевскій университетъ въ Упсалѣ циркуляромъ отъ 21 апрѣля н. ст. увѣдомляетъ, что 5-го сентября сего года будетъ праздноваться четырехсотлѣтіе его существованія, и проситъ Академію принять участіе въ этомъ празднествѣ. Положено привѣтствовать Упсальскій университетъ по случаю предстоящаго его юбилея поздравительнымъ адресомъ за подписью членовъ Конференціи и поручить академикамъ Я. К. Гроту и А. В. Гадолину быть представителями Академіи на этомъ торжествѣ».

¹ Въ нѣсколькихъ нумерахъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ сентябрѣ нынѣшняго года, напечатана была статья объ упсальскомъ юбилеѣ, большою частью извлеченная изъ настоящей записки, которая здѣсь является въ полномъ видѣ.

Недавно возвратясь изъ путешествія, предпринятаго мною вслѣдствіе этого порученія, считаю долгомъ изложить главныя обстоятельства моего нынѣшняго пребыванія въ Швеціи, гдѣ мнѣ пришлось быть участникомъ одного изъ самыхъ блестящихъ и по своимъ размѣрамъ необыкновенныхъ международныхъ празднествъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло однакоже совершенно національный характеръ. Столь замѣчательное въ лѣтописяхъ европейской науки событіе заслуживаетъ подробнаго съ нимъ ознакомленія.

Уже въ теченіе лѣта я узналъ изъ финляндскихъ газетъ многое о предстоявшихъ празднествахъ и приготовленіяхъ къ нимъ въ Упсалѣ. Юбилей долженъ былъ продолжаться три дня, начиная отъ 24 августа по нашему календарю (5-го сент. нов. ст.). Желая прежде того пробить нѣсколько дней въ давно знакомомъ мнѣ Стокгольмѣ, я уже въ первыхъ числахъ августа пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь нашелъ присланное на мое имя изъ Упсалы письмо слѣдующаго содержания ¹:

¹ Вотъ оно въ переводѣ:

«Юбилей Упсальскаго Университета.

«Распорядительная контора.

«Упсала, іюль 1877.

«М. г. Организационный комитетъ имѣетъ честь препроводить къ вамъ прилагаемые билеты, предоставляющіе вамъ право пользоваться пониженіемъ цѣнъ на правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

«Комитетъ покорно проситъ васъ дать приклеить посылаемые при семъ же номера на билеты ваши для избѣжанія возможныхъ ошибокъ при вашемъ прібытіи въ нашъ городъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ васъ, что изъ Стокгольма въ Упсалу отправится экстренный поѣздъ 4 сентября въ 4 часа 15 минутъ по полудни (по стокгольмскимъ часамъ).

«Комитетъ увѣдомляетъ васъ также, что графъ А. Гамильтонъ будетъ имѣть честь принять васъ къ себѣ на время вашего пребыванія въ нашъ городъ и что онъ сочтетъ за удовольствіе ожидать васъ на желѣзно-дорожной станціи.

«Всѣ свѣдѣнія, какія могутъ вамъ понадобится, будутъ вамъ съ полною готовностью сообщены въ Стокгольмѣ распорядительною конторой, которая съ этою цѣлью будетъ помѣщаться 4-го сентября на центральной станціи.

«Отъ имени распорядителей

«Предсѣдатель Роб. Шульцъ, Д-ръ Мед.»

Jubilé de l'Université d'Upsala.
Bureau des Commissaires
(Marskalkskontoret).

Upsala, Juillet 1877.

Monsieur,

Le Comité d'organisation a l'honneur de vous adresser les cartes ci-inclues, qui vous donnent droit à une réduction de prix sur les chemins de fer de l'Etat.

Le comité vous prie de vouloir bien faire appliquer les numéros ci-joints *sur* vos bagages, afin d'éviter tout embarras à votre arrivée en notre ville, et vous informe qu'un train spécial partira de Stockholm pour Upsala le 4 septembre à 4 heures 15 m. du soir (heure de Stockholm).

Le comité vous informe également que M. le comte A. Hamilton aura l'honneur de vous recevoir pendant votre séjour en notre ville et qu'il se fera un plaisir de vous attendre à la gare.

Tous les renseignements qui pourraient d'ailleurs vous être nécessaires vous seront fournis avec empressement à Stockholm, au *Bureau des commissaires* («*Marskalkskontoret*») établi spécialement à cet effet, le 4 septembre, dans la gare Centrale même.

Au nom des Commissaires,

Le président

Rob. Schultz, M. D.

Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до Гельсингфорса, и потомъ до Або, я здѣсь пересѣлъ на пароходъ *Dagmar*, одинъ изъ самыхъ большихъ и удобныхъ, какіе существуютъ для сообщенія между Петербургомъ и Стокгольмомъ. Моимъ каютнымъ товарищемъ былъ доцентъ гельсингфорскаго университета по зоологіи г. Рейтеръ¹, который также отправлялся на юбилей. Говорили, что въ Стокгольмѣ, по необыкновенному наплыву путешественниковъ, трудно

¹ Авторъ еще печатающагося обширнаго сочиненія по энтомологіи.

будетъ найти помѣщеніе. Содержатель отеля Kung Karl заранѣе разослалъ ко всѣмъ депутатамъ свой адресъ, который былъ полученъ и мною; но такъ какъ этотъ отель лежитъ внутри города, то я предпочелъ отправиться въ Grand Hôtel, стоящій на берегу залива противъ дворца, и тамъ къ счастью нашлась еще свободная комната. Этотъ недавно построенный отель — одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ въ цѣлой Европѣ. Хозяинъ его, г. Cadier, бывший нѣкогда поваромъ нашего посланника въ Стокгольмѣ, покойнаго Я. А. Дашкова, уже содержитъ тамъ съ давняго времени другой первоклассный отель (Rydberg).

Въ Grand Hôtel всѣ коридоры носятъ названіе кого-нибудь изъ знаменитыхъ шведскихъ дѣятелей; въ началѣ того коридора, гдѣ находилась отведенная мнѣ комната, читалась надпись «улица *Тегнера*» (Tegnér's gata); впоследствии, по возвращеніи изъ Упсалы, чтобы имѣть видъ на заливъ, я занялъ другой номеръ въ «Линнеевой улицѣ».

Во время трехдневнаго пребыванія въ Стокгольмѣ я между прочимъ обратилъ вниманіе на тамошнія газеты. Въ способѣ ихъ сбыта есть разныя особенности. Прежде всего надо замѣтить, что онѣ большею частью не посылаются на домъ, и на улицахъ разносчиками не продаются: каждая газета имѣетъ свою особую контору, гдѣ можно получать ее, и кромѣ того, въ городѣ есть нѣсколько конторъ, гдѣ продаются *все* газеты. Продажею ихъ вездѣ занимаются женщины, къ которымъ за ними и посылаютъ или приходятъ желающіе, платя свои 7—10 эре (öre)¹ за номеръ. Назову главныя изъ нихъ. По утрамъ выходятъ ежедневно двѣ газеты: Stockholms Dagblad («Поденный листокъ») и Dagens Nyheter («Новости дня»); подъ вечеръ, часовъ въ 6, появляются еще двѣ: Aftonbladet («Вечерній листокъ») и Nya Dagligt Allehanda («Новая ежедневная мѣшанина»). Два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, издается оппозиціонная сатирическая газета

¹ Сто öre составляютъ крону (прежній риксдалеръ), равняющуюся приблизительно русскому полтиннику.

съ политипажами Fäderneslandet («Отечество»). Кромѣ того существуетъ еще официальная газета Post-och Inrikes-Tidning («Почтовые и внутреннія Извѣстія»); изъ провинціальныхъ газетъ, которыхъ въ Швеціи очень много, въ Стокгольмѣ получается превосходная готенбургская Handels-och Sjöfarts-Tidning («Газета торговли и мореплаванія»). Нынѣшняя газетная литература въ Швеціи, по содержанію, вообще бѣднѣ чѣмъ у насъ; самостоятельныя передовыя статьи довольно рѣдки; большею частью въ газетахъ повторяется одно и то же, и часто онѣ заимствуютъ извѣстія одна изъ другой безъ ссылокъ, почти дословно. Въ отношеніи къ извѣстіямъ съ театра войны шведскія газеты вообще держатъ себя безпристрастно, пользуясь иностранными органами разныхъ партій; телеграммы помѣщаются въ нихъ скоро и исправно. Противъ Россіи не только не замѣтно вражды, но напротивъ, большею частью выражается явное къ ней сочувствіе, хотя однако въ сужденіяхъ слышатся и отголоски нерасположенной къ намъ заграничной печати. О борьбѣ партій, которая должна отражаться въ шведской публицистикѣ, говорить не буду, потому что съ этой ея стороной я, во время своего краткаго пребыванія въ Стокгольмѣ, не успѣлъ достаточно ознакомиться.

О состояніи народныхъ школъ въ Швеціи было говорено мною довольно подробно послѣ моего путешествія въ 1873 году¹; въ нынѣшній разъ бывшій тамъ одновременно со мною докторъ В. Ф. Дьяковскій, изъ Петербурга, доставилъ мнѣ случай осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторыя другія образцовыя заведенія Стокгольма. Я назову ихъ. Это, во 1-хъ, вдовій домъ, основанный покойною († 1876) вдовствующей королевой Йозефиною; во 2-хъ, женская учительская семинарія, находящаяся подъ управленіемъ доктора Сандберга; въ 3-хъ, нормальная школа для дѣвицъ и въ 4, механико-врачебное заведеніе доктора Цандера (Mediko-Mekaniskt institut). Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ нельзя было

¹ См. Записку мою о путешествіи въ Швецію и Норвегію лѣтомъ 1873 г. въ *Запискахъ Ак. Наукъ*, т. XXIII, кн. 2, и въ *Сборникъ Отд. р. яз. и сл.*, т. XI.

не удивляться благоустройству, порядку и опрятности въ соединеніи съ величайшею простотою и отсутствіемъ всякой излишней роскоши. Особенно замѣчательно, по геніальности изобрѣтенія, заведеніе г. Цандера, требующее нѣкотораго объясненія. Занимаясь долгое время преподаваніемъ обыкновенной врачебной гимнастики, г. Цандеръ убѣдился, что при производствѣ движеній руками невозможно въ точности соразмѣрять ихъ съ силами паціента, которыхъ степень также остается недостаточно опредѣленною. Рука гимнаста утомляется, и притомъ сила ея бываетъ въ разные дни неодинакова вслѣдствіе различнаго расположенія тѣла. Чтобы устранить эти неудобства ручной гимнастики, г. Цандеръ сталъ придумывать, для производства тѣхъ же движеній, машины, и мало по малу изобрѣлъ аппараты для самаго разнообразнаго дѣйствія на тѣ или другія группы мускуловъ и различныя части тѣла. Видя какъ просто и удачно воспроизводятся этимъ путемъ всевозможныя манипуляціи врачебной гимнастики, невольно удивляешься изобрѣтательности и остроумію этого рѣдкаго механическаго генія. Заведеніе г. Цандера было открыто въ Стокгольмѣ въ началѣ 1865 года съ весьма незначительнымъ числомъ машинъ; въ настоящее же время оно имѣетъ уже болѣе 70-ти аппаратовъ, расположенныхъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ каждый, въ просторныхъ залахъ, и число посѣтителей обоого пола, ежегодно возрастающее, приближается уже къ полуторѣ тысячѣ. Сперва снаряды приводились въ движеніе руками, а теперь движутся паровой машиной. Преимущество этой такъ называемой механической гимнастики заключается въ томъ, что силы паціента въ каждомъ направленіи могутъ быть предварительно измѣрены съ математическою точностью и затѣмъ всѣ движенія—въ такой же точности рассчитываемы по его организму. Само собою разумѣется, что эта новизна возбудила сильное противодѣйствіе со стороны представителей ручной гимнастики, и вызвала горячую полемику. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ мнѣній той и другой стороны. Довольно замѣтить, что врачи, сначала съ недовѣріемъ смотрѣвшіе на это изобрѣтеніе, теперь единогласно отдаютъ ему справедливость. Не-

льзя кажется сомнѣваться, что оно должно приобрести въ медицинѣ большое значеніе. Заслуга изобрѣтателя болѣе и болѣе признается. На выставкѣ въ Филадельфій его аппараты обратили на себя особенное вниманіе, а на упсальскомъ юбилеѣ г. Цандеръ удостоенъ былъ званія почетнаго доктора. Въ настоящее время такія же заведенія, но разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ, существуютъ уже въ Гельсингфорсѣ и въ Або, а въ будущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ подобное будетъ открыто г. Дьяковскимъ и въ Петербургѣ.

2.

Предстоящія празднества, за нѣсколько дней до начала ихъ, были общимъ предметомъ разговоровъ и газетныхъ статей. Мнѣ любопытно было взглянуть на Упсалу посреди ея приготовленій, и наканунѣ дня, назначеннаго для сбора гостей, я рѣшился съѣздить туда. Въ Упсалу изъ Стокгольма можно попасть или на пароходѣ, по озеру и потомъ по рѣкѣ Фюрисъ, славной воспоминаніями древности, или по желѣзной дорогѣ. Я избралъ послѣдній, какъ самый удобный и скорый способъ переѣзда. Въ 10 часовъ утра на центральной станціи желѣзной дороги въ Стокгольмѣ толпились сотни пассажировъ: тутъ были и Шведы изъ разныхъ частей края, и множество иностранцевъ, между которыми мнѣ указали на корреспондента газеты Times. Въ полтора часа съ небольшимъ курьерскій поѣздъ доставилъ насъ въ Упсалу, гдѣ на станціи собралось множество зрителей. Иностранцы, незнакомые съ шведскою провинціальною жизнью, надѣялись найти передъ вокзаломъ экипажи; не тутъ то было: здѣсь ихъ можно нанимать только на дворахъ, гдѣ живутъ извозчики (*hyrkuskar*). Пришлось отправляться въ городъ пѣшкомъ. Тамъ всюду было движеніе и суета; вездѣ шевелились группы то любопытныхъ, то серьезно занятыхъ приготовленіями. Главное зданіе университета *Carolina Rediviva*, гдѣ помѣщаются парадная зала и бібліотека, стоитъ на горѣ, къ которой ведетъ длинная, прямая улица *Drottninggata* (Королевина). На половинѣ протяженія этой улицы, гдѣ она пересѣкается съ Садовою, довершали родъ массивныхъ триум-

фальныхъ воротъ изъ зеленыхъ древесныхъ вѣтвей. Вдоль всей улицы, но особенно ближе къ горѣ, множество людей, большею частью студентовъ, заняты были развѣшиваніемъ разноцвѣтныхъ флаговъ, при чемъ пробовали, какой эффектъ они будутъ производить, развѣваясь въ ту или другую сторону. Всѣхъ болѣе хлопоталъ тутъ какой-то морякъ, пользующійся, какъ легко было замѣтить, общимъ уваженіемъ. По поводу участія, принимаемаго всѣми жителями Упсалы въ приготовленіяхъ къ университетскимъ праздникамъ, корреспондентъ газеты Aftonbladet говоритъ:

«Нѣтъ ни одной лачужки въ самыхъ отдаленныхъ переулкахъ, хозяинъ которой не понатужился бы, чтобъ убрать и украсить свою маленькую собственность, а на болѣе значительныхъ улицахъ нѣтъ дома, гдѣ бы не принято было мѣрѣ, чтобы достойно отпраздновать университетское торжество. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, трогательнымъ образомъ обнаруживается та любовь къ университету, то участіе въ его славѣ, которыя кроются въ душѣ каждаго упсальскаго жителя. Вчера, стоя въ сѣняхъ зданія Каролины, я смотрѣлъ какъ маршалы (распорядители)¹ раздавали знамена и флаги всѣхъ цвѣтовъ, полученные займы изъ флотскихъ запасовъ въ Карлскронѣ. Тамъ у всѣхъ стѣнъ и колоннъ лежали цѣлыя груды еще свернутыхъ знаменъ и цѣлые еще не развязанные мѣшки съ тѣмъ же добромъ. Но если запасъ былъ обилень, то обильно было и усердіе взять на свою отвѣтственность частицу этихъ пестрыхъ сокровищъ. Тутъ были и ученые и неучи, и люди всякаго сорта. Я видѣлъ тутъ и блѣдныхъ богослововъ и дородныхъ кумушекъ, портныхъ и сапожниковъ и студентовъ, и всѣ они перебивали другъ у друга дорогу съ узлами флаговъ подъ мышкой. Чѣмъ болѣе кто могъ достать, тѣмъ онъ былъ довольнѣе. Всѣ наперерывъ старались какъ бы въ убранствѣ своего дома перещеголять другъ друга. Изъ чердаковъ и оконъ торчали дровки; между разставленными матчами висѣли

¹ Большею частью студенты, нынѣшніе или бывшіе; всѣхъ ихъ было сорокъ человекъ.

гирлянды вымпеловъ; связанные между собою такимъ образомъ дrevки тянулись цѣлыми аллеями».

Въ группахъ, двигавшихся по улицамъ, замѣтно было много дамъ и молодыхъ, цвѣтущихъ дѣвицъ съ довольными и счастливыми лицами: онѣ шли изъ залы Вестготской націи (т. е. общества студентовъ Вестготской провинціи), гдѣ плели лавровые вѣнки для новыхъ докторовъ, которые будутъ увѣнчаны въ одинъ изъ слѣдующихъ дней¹. Онѣ направлялись въ соборъ, гдѣ цѣлое утро происходила репетиція торжественныхъ кантатъ: на хорахъ спѣвались пѣвцы и пѣвицы подъ управленіемъ профессора Йозефсона.

Между тѣмъ другого рода работа кипѣла въ ботаническомъ саду, гдѣ для юбилейныхъ обѣдовъ и бала былъ построенъ особый, громадныхъ размѣровъ и изящныхъ формъ павильонъ. Входы въ садъ для публики были заперты, и только по особенной протекціи можно было туда проникнуть. Деревянное зданіе (которому подобное было тутъ же выстроено въ 1875 г. для сѣзда студентовъ изъ всей Скандинавіи) прислоняется къ южной сторонѣ каменнаго дома, вмѣщающаго въ себѣ извѣстный залъ Линнея. Во временномъ зданіи могутъ свободно помѣститься отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человекъ. Оно построено по плану архитектора Изеуса (Isaeus) и имѣетъ сводообразную конструкцію. Длина залы 215 фуговъ, ширина 60 слишкомъ. Стѣны выкрашены свѣтло-шоколадной краской. Внутри надъ входомъ государственный гербъ, и подъ нимъ имена трехъ шведскихъ ученыхъ, между которыми всѣхъ знаменитѣе Линней. Противъ входа, на другомъ концѣ залы, балдахинъ и кресло для короля, а по обѣ стороны кресла высокія лавровыя деревья и другія рѣдкія растенія. Вправо идутъ на щитахъ гербы шведскихъ и скандинавскихъ провинцій; влѣво гербы иностранныхъ государствъ. Подъ гербами читаются имена достопамятныхъ ученыхъ Швецовъ. «Ими, говоритъ газета, гордится Упсальскій университетъ; это герои знанія и духовныхъ стремлений, наши герои, распространившіе имя своей родины по всему

¹ Ниже читатель найдетъ объясненіе этого обычая.

свѣту безъ стука оружія, но въ яркомъ сіяніи науки». Съ потолка висятъ шесть большихъ газовыхъ люстръ и вдоль стѣнъ множество газовыхъ рожковъ, отданныхъ въ распоряженіе университета безвозмездно однимъ изъ стокгольмскихъ рестораторовъ (г. Бланшъ). Все это предполагалось зажечь уже въ началѣ обѣдовъ, на случай если они не кончатся засвѣтло; освѣщеніе однакожь оказалось нужнымъ только позднѣе.

Кромѣ Линнеева зала (такъ названнаго по воздвигнутой въ немъ статуѣ знаменитаго ботаника), въ каменномъ зданіи находится еще «frigidarium», большая прохладная оранжерея въ южномъ флигелѣ, гдѣ приготовлены столы для нѣкотораго числа обѣдненныхъ гостей. Статуя Линнея обставлена дорогими растеніями; кругомъ стѣны вновь выкрашены. Передъ заломъ и колонадою, на воздухѣ, устроена кафедра для ораторовъ, которые захотятъ говорить въ четвергъ послѣ обѣда. Въ серединѣ сада, по дорогѣ къ городскому замку, дѣлаются приготовленія для фейерверка; снарядъ съ такимъ же назначеніемъ помѣщенъ на горѣ, гдѣ высится этотъ замокъ, на крышѣ котораго зажжется электрическое солнце. Второе такое же явится у статуи Густава Вазы, передъ замкомъ. Такимъ образомъ вся Упсала готовится къ необыкновенному торжеству: все рядится, все убирается; чуть ли не всѣ дома, заборы, тумбы вновь выкрашены или подкрашены, — но не для того чтобы заслужить чью-нибудь благосклонную улыбку или награду, а единственно для того чтобы достойно отпраздновать дорогую всей странѣ годовщину, принести, по сознанію общаго долга, и свою лепту признательности за благо просвѣщенія святилищу, откуда оно льется на всю націю.

3.

Здѣсь кстати оглянуться на происхожденіе и прошлую судьбу Упсальскаго университета. Городъ Упсала (Up-sala, высокая палата), лежащій къ сѣверозападу отъ Стокгольма близъ бере-

говъ озера Мелара, издревле былъ мѣстопребываніемъ королей и архіепископовъ. Еще и по введеніи въ Швецію христіанства, въ Упсалѣ короли долго короновались и были погребаемы; въ XIII столѣтіи, въ правленіе Биргера ярла, тутъ была при соборѣ высшая школа, куда соборныя церкви изъ другихъ мѣстностей посылали своихъ учениковъ для усовершенствованія въ наукахъ. Но шведское духовенство оставалось всетаки безъ достаточнаго образованія, и молодые люди издавна въ большомъ числѣ отправлялись учиться въ заграничныя университеты, сперва въ Парижъ, потомъ въ Прагу, въ Лейпцигъ, а позднѣе въ новоучрежденные университеты сѣверной Германіи, Ростокъ и Грейфсвальдъ. Чтобы устранить неудобства такихъ далекихъ путешествій, духовенство не разъ принимало мѣры для вызова преподавателей изъ чужихъ краевъ, и при упсальскомъ соборѣ дѣйствительно былъ опредѣленъ иностраннѣйшій учитель. Но такъ какъ и это средство оказывалось недѣйствительнымъ, то уже около середины XV вѣка положено было завести въ Швецію свой университетъ. Исполнителемъ этой мысли былъ архіепископъ Яковъ Ульфсонъ: въ 1476 году онъ, чрезъ нарочно отправленнаго въ Римъ посла, выпросилъ у папы Сикста IV буллу на учрежденіе въ Упсалѣ, по образцу Болонскаго университета, *Studium generale* подъ управленіемъ архіепископа въ званіи канцлера. Въ Швецію въ то время не было короля. Карлъ VIII умеръ въ 1470 г., назначивъ правителемъ государства знаменитаго Стуре старшаго, при которомъ и послѣдовало открытіе университета. Долго однакожъ это учрежденіе стояло на очень низкой степени развитія; при Іоаннѣ III, сынѣ Густава Вазы, оно было переведено въ Стокгольмъ; но Карломъ IX, отцомъ Густава Адольфа, возстановлено въ Упсалѣ. Въ 1600 году происходила первая докторская промоція (возведеніе въ ученую степень) по философскому, а въ 1617 г. по богословскому факультету, при чемъ промоторомъ (лицомъ, раздававшимъ степень) былъ прославившійся потомъ своими государственными заслугами Аксель Оксеншерна. Программу тогдашняго ученаго праздника писалъ на латинскомъ языкѣ самъ царство-

вавший въ то время Густавъ II Адольфъ. Этотъ великій король оказывалъ особенное покровительство Упсальскому университету, какъ и вообще народному образованію. Чтобы навсегда обезпечить матеріальное благосостояніе университета, онъ особенною грамотою пожаловалъ ему изъ своихъ собственныхъ вотчинъ въ вѣчное владѣніе 350 участковъ земли со всѣми ихъ доходами, и притомъ съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ податей и повинностей. Кроме того, онъ далъ университету первый правильный уставъ и неусыпно заботился объ успѣшномъ ходѣ ученія, требуя чтобы сыновья знатныхъ вельможъ, составлявшіе въ Упсалѣ особый привилегированный классъ студентовъ, подвергались экзаменамъ наравнѣ съ прочими молодыми людьми, а въ пользу немущихъ учреждены были стипендіи. Съ тѣхъ поръ на скамьяхъ университетскихъ аудиторій сравнивались люди всѣхъ сословій и наука для всѣхъ сдѣлалась необходимымъ условіемъ поступленія въ государственную службу. Уже въ исходѣ XVI-го столѣтія въ Упсалѣ было около 1000 студентовъ; но для объясненія этого нужно знать, что у тогдашнихъ Шведовъ вошло въ обычай записывать своихъ дѣтей въ число учащихся при университетѣ (какъ у насъ позднѣе въ военную службу) еще малолѣтними: были студенты моложе 8 лѣтъ, какъ оказывается между прочимъ изъ сохранившагося въ архивѣ свѣдѣнія, что въ 1600-хъ годахъ случайно былъ застрѣленъ одинъ студентъ, которому омазалось 7 лѣтъ отъ роду. Въ настоящее время число упсальскихъ студентовъ простирается до 1400, раздѣленныхъ на 13 *націй* или, собственно говоря, отдѣловъ по мѣстностямъ, откуда они родомъ (Стокгольмъ, Упландія, Остготія, Вестготія, Готенбургъ и т. д.), Многія изъ этихъ націй имѣютъ свои собственные дома, другія собираются въ наемныхъ; каждая имѣетъ свою отдѣльную кассу, свою бібліотеку, свои сходки. Во главѣ каждой націи находится, по ея же выбору, одинъ изъ профессоровъ (обыкновенно къ ней же принадлежащій по происхожденію) въ званіи инспектора, а подъ его высшимъ наблюденіемъ непосредственный надзоръ за ходомъ дѣлъ имѣютъ кураторы, опять уроженцы той же провинціи,

избираемые обыкновенно изъ младшихъ преподавателей или старшихъ студентовъ. Студенты каждой націи раздѣляются на старшихъ (seniores) и младшихъ (juniores). Кроме того, въ каждую зачислено большее или меньшее число почетныхъ членовъ, частью изъ университетскихъ преподавателей, частью изъ высокопоставленныхъ или вообще заслуженныхъ лицъ, разсѣянныхъ по всему королевству. Въ вермландской націи первымъ почетнымъ членомъ состоитъ кронпринцъ, какъ герцогъ Вермландіи; онъ самъ посѣщаетъ лекціи и во время учебныхъ семестровъ живетъ въ Упсалѣ, въ особо наняемомъ для него домѣ. Эти студенческія націи произошли не вслѣдствіе какого-нибудь распоряженія, а сами собой, мало по малу и незамѣтно. Естественное было, что молодые люди, переселявшіеся изъ провинціи въ незнакомый городъ, часто безъ всякихъ средствъ къ жизни, группировались по тѣмъ областямъ, гдѣ была ихъ родина; другъ въ другѣ они искали поддержки и помощи, сближались между собою тѣснѣе нежели съ остальными и собирались, между прочимъ, на общія пирушки. Такъ образовались студенческіе кружки изъ земляковъ; въ организованныя корпораціи они сплотились не прежде какъ около середины XVII столѣтія. Во всякомъ случаѣ, это учрежденія старинныя, имѣющія свои традиціи и даже архивы, такъ что по случаю нынѣшняго юбилея многія изъ націй издали отдѣльными книгами свою исторію. Самоуправленіе ихъ, при участіи степенныхъ людей и наставниковъ, не могло не способствовать къ развитію между шведскими студентами серьезнаго пониманія своихъ отношеній и обязанностей, основательности и зрѣлости, какихъ мы въ большинствѣ случаевъ не видимъ въ студенческихъ корпораціяхъ другихъ странъ. Замѣчательно, между прочимъ, что у шведскихъ студентовъ никогда не бывало дуэлей. Такимъ образомъ, студенческая корпорація въ Швеціи имѣетъ особенное общественное положеніе: къ популярности членовъ ея, къ почетной роли, которую они играютъ въ публикѣ, много содѣйствовали конечно и образовавшіеся между ними прекрасные гѣвческіе хоры, которые въ послѣднее время приобрѣли европейскую славу. Многія изъ

студенческих пѣсенъ сдѣлались народными ¹. Вся корпорація студентовъ (Student-korps) имѣетъ опять свою правильную организацію и свое особенное помѣщеніе; у ней есть предсѣдатель (нынѣ доцентъ правъ АФцелиусъ), вице-предсѣдатель, секретарь и дирекція, состоящая изъ депутатовъ всѣхъ 13 націй; наконецъ, казначей и завѣдывающій дѣлами комитетъ. Само собою разумѣется, что сюда относятся такія дѣла, которыя касаются всей корпораціи студентовъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго легко понять, какое національное значеніе долженъ былъ приобрести для Швеціи ея долгое время единственный, а впослѣдствіи древнѣйшій университетъ. Но кромѣ того, онъ сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ университетовъ, возникшихъ позднѣе какъ во владѣніяхъ самой Швеціи (въ Дерптѣ, въ Або, въ Лундѣ), такъ и въ другихъ скандинавскихъ земляхъ (въ Копенгагенѣ и въ Христіаніи). Всѣ эти университеты смотрятъ на Упсальскій какъ на своего почтеннаго прадѣда. Въ Швеціи, болѣе нежели гдѣ-либо, эти учрежденія сохраняютъ особенности своего древняго быта, начиная съ того, что они еще по старому часто называются то академіями, то высшими училищами. Управление ихъ также остается неизмѣннымъ. Главный начальникъ, *канцлеръ*, избирается самимъ университетомъ; въ нынѣшнемъ столѣтіи должность эту несъ обыкновенно кронпринцъ; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ выборъ палъ на славнаго своими государственными и уче-

¹ Такова напр. слѣдующая: «Sjungom studentens lyckliga dag»... Вотъ переводъ ея словъ: «Пойте о счастья студенческихъ дней. Будемъ радоваться веснѣ юности; Еще сердце бьется у насъ живо, И свѣтлая будущность—наша. Еще никакихъ бурь нѣтъ въ нашей душѣ. Надежда—нашъ другъ, И мы вѣримъ ея объѣтамъ, Заключая братскій союзъ Въ той рошѣ, Гдѣ растутъ чудные лавры. Ура!»—Роща, о которой здѣсь упомянуто, находится между двумя главными университетскими зданіями и называется Одиною (Odinslund); это святыня упсальскихъ студентовъ.—Народный шведскій гимнъ въ честь короля «Ur svenska hjertans djup» («Изъ глубины шведскихъ сердецъ») также принадлежитъ къ числу студенческихъ пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сочинены профессорами, напримѣръ покойнымъ историкомъ Гейеромъ, который былъ вмѣстѣ замѣчательный поэтъ и композиторъ.

ными заслугами, престарѣлаго графа Геннинга *Гамильтона*¹. Канцлеръ обыкновенно не живетъ въ Упсалѣ; въ его отсутствіи должность эту исправляетъ находящійся здѣсь постоянно архіепископъ, въ званіи *проканцлера*; нынѣ это извѣстный своею ученостью и краснорѣчіемъ, членъ шведской Академіи *Сундберга*. За нимъ въ университетской іерархіи слѣдуетъ *ректоръ*; который прежде избирался только на полгода, потомъ на годъ, а теперь, кажется, уже на два года; нынче въ этой должности находится профессоръ философіи *Салинъ* (*Sahlin*); проректоръ—профессоръ медицины *Гедениусъ* (*Hedenius*).

4.

Пробывъ въ Упсалѣ часа два посреди суеты приготовленій къ юбилею, я вернулся въ Стокгольмъ. На другой день (23 авг.—4 сент.) назначенъ былъ въ 4 часа по полудни экстренный курьерскій поѣздъ для доставленія всѣхъ депутатовъ и приглашенныхъ лицъ въ университетскій городъ. При отъѣздѣ нашемъ изъ Стокгольма вся станція желѣзной дороги, вся площадь передъ нею и ближайшія части улицъ были запружены народомъ; вездѣ по дорогѣ собирались любопытные у оконъ, на балконахъ, даже на крышахъ и, когда поѣздъ двинулся, махали намъ платками. Но что же дѣлалось между тѣмъ въ Упсалѣ? Тамъ въ началѣ 6-го часа послѣ обѣда къ желѣзно-дорожной станціи стали направляться массы людей. На большой городской площади собиралась студенческая корпорація со своимъ знаменемъ, окруженнымъ значками отдѣльныхъ націй, и вскорѣ также двинулась по тому же направленію. Между тѣмъ площадь передъ вокзаломъ была окружена кордономъ, внутри котораго стали располагаться студенты и квартирные хозяева ожидаемыхъ гостей, т. е. профессора и другія лица, приготовившія у себя помѣщенія для

¹ Последнее, недавно изданное имъ сочиненіе: *Германія и Франція* рассматриваетъ бывшую между этими двумя державами борьбу съ новой точкой зрѣнія, именно въ отношеніи къ дипломатіи. Графъ Гамильтонъ предсѣдатель первой камеры шведскаго сейма.

пріема почетныхъ пріѣзжихъ. Тутъ же собрались должностныя лица для встрѣчи короля, котораго ожидали къ 6-ти часамъ: его величество Оскаръ II ѣздилъ на торжественное открытіе новой желѣзной дороги и теперъ долженъ былъ прибыть въ Упсалу нѣсколько ранѣе юбилейнаго поѣзда. Все было готово ко встрѣчѣ обоихъ поѣздовъ. Студенческій хоръ, человекъ до двухъ сотъ, стоялъ полукругомъ передъ крыльцомъ вокзала, а далѣе въ кордонѣ толпились тѣсными рядами прочіе студенты, которыхъ бѣлыя фуражки, какъ могло казаться издали, образовали одну сплошную массу. Около нихъ волновались пестрыя толпы любопытныхъ, между которыми сновали распорядители (большею частью университетскіе же юноши) въ своихъ желто-голубыхъ перевязяхъ черезъ плечо. Полиція также являлась вездѣ, но повидимому совершенно напрасно.

Въ 6 часовъ салютъ съ горы замка возвѣстилъ приближеніе королевскаго поѣзда. Его величество привѣтствовали университетскіе чины, офицеры мѣстнаго полка, губернаторы упсальскій и стокгольмскій (въ мундирахъ) и проч. Когда король съ кронпринцемъ и свитою вышелъ на крыльцо, хоръ студентовъ грянулъ народный гимнъ: «Изъ глубины шведскихъ сердець». По окончаніи пѣнія, старшій распорядитель, докторъ капитанъ Шульцъ провозгласилъ «да здравствуетъ король», и вслѣдъ за тѣмъ раздалось четыре раза повторенное ура! Король, произнеся нѣсколько словъ въ изъявленіе своей призывательности, сѣлъ въ карету и отъѣхалъ съ сыномъ въ домъ, занимаемый послѣднимъ.

Теперъ всѣ ждали юбилейнаго поѣзда. Онъ долженъ былъ прибыть въ четверть 7-го, но былъ задержанъ въ Стокгольмѣ. Наконецъ раздался свистокъ локомотива, и въ то же время съ горы грянула пушка. Толпа зашевелилась: «ѣдутъ, ѣдутъ», слышалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ взоры устремились къ вокзалу. Все готово къ приему гостей, распорядители смотрять въ оба—и чтоже? Оказалось, что это обыкновенный поѣздъ, и честь, приготовленная намъ, досталась ему. Пришлось еще долго ждать; наконецъ уже около 7-ми часовъ, сигналы и полковая музыка съ

открытаго вагона возвѣстили приближеніе гостей. Когда они показались на крыльцѣ, хоръ студентовъ пропѣлъ первый куплетъ пѣсни: «Нашъ край» Рунеберга (музыка Йозефсона). Корреспондентъ одной изъ шведскихъ газетъ слѣдующимъ образомъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него прибывшими: «По смѣшенію языковъ можно было заключить, что вся образованная Европа выслала своихъ представителей на празднества древнѣйшаго скандинавскаго университета. Появленіе гостей не отличалось тою бойкостью движеній, которая была замѣтна на студенческомъ сѣздѣ 1875 года, когда Норвежцы первые высыпали на площадь. Нынѣшніе гости явились съ серіознымъ видомъ, но посѣдѣлые въ наукѣ ветераны смотрѣли однакожь радостными глазами на шведскую молодежь, которая уже и наружностью своею производитъ хорошее впечатлѣніе: казалось, пріѣзжіе съ истиннымъ наслажденіемъ слушали живыя, чудныя пѣсни». Губернаторъ графъ А. Гамильтонъ (родственникъ канцлера) именемъ города Упсалы привѣтствовалъ, въ краткихъ, но сердечныхъ словахъ, сперва шведскихъ почетныхъ гостей, по-шведски, потомъ иностранныхъ—по-французски. Послѣ того пропѣтъ былъ еще куплетъ пѣсни: «Нашъ край», и четыре раза провозглашено «вивать» въ честь новоприбывшихъ. Когда водворилось молчаніе, одинъ изъ маршаловъ, ставъ на верхней ступени крыльца, объявилъ по-французски, чтобы всѣ пріѣзжіе направились къ развѣвавшимся впереди бѣлымъ знаменамъ и по начальнымъ буквамъ, на нихъ вышитымъ, искали своихъ хозяевъ. У знамени *D—H* ждалъ любезный и въ высшей степени симпатической губернаторъ. Кромѣ меня, онъ готовился принять у себя еще трехъ лицъ: шведскаго статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ Тюселюса и двухъ депутатовъ: сэра Вайвиля Томсона, профессора зоологіи при Эдинбургскомъ университетѣ, и Лавелэ (Laveleye), профессора политической экономіи, изъ Люттиха. Мы всѣ четверо сѣли въ губернаторскую карету, которая и отвезла насъ въ главное зданіе Упсалы, древній замокъ оригинальной архитектуры съ двумя на углахъ башнями, живописно расположенный на горѣ.

Замокъ этотъ былъ построенъ Густавомъ I Вазою; но послѣ двухъ постигшихъ его пожаровъ, никогда не былъ вполнѣ восстановленъ внутри, такъ что большая часть его до сихъ поръ остается необитаемою: только въ нижнемъ этажѣ помѣщается прекрасно устроенная, просторная квартира губернатора упсальской провинціи, да нѣсколько комнатъ занято присутственными мѣстами. Графъ Гамильтонъ прежде всего представилъ насъ своимъ дамамъ, а потомъ, по внутренней витой лѣстницѣ, повелъ насъ въ назначенныя каждому отдѣльно комнаты. Онъ обладаетъ не всѣмъ обыкновеннымъ въ Швеціи преимуществомъ практическаго знакомства съ главными иностранными языками и потому могъ свободно объясняться съ лицами, которымъ далъ у себя пріютъ.

Вскорѣ, въ тотъ же вечеръ, всѣмъ депутатамъ хозяева ихъ предложили собраться въ университетскомъ зданіи для обсужденія вопроса: какъ на слѣдующій день поступить при передачѣ университету торжественныхъ поздравленій, чтобы церемонія эта, при многочисленности депутацій, не потребовала слишкомъ много времени. Всѣхъ представителей разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, было уже 63: могли пріѣхать еще другіе. Мѣстомъ собранія служила большая зала, вѣроятно комната совѣта; когда мы всѣ расположились около длиннаго стола, въ концѣ его съ предѣдательскаго мѣста всталъ очень благообразный, среднихъ лѣтъ, бѣлокурый мужчина, который на правильномъ французскомъ языкѣ объяснилъ намъ цѣль собранія. Всѣ думали сначала, что это былъ ректоръ или проректоръ университета; но потомъ оказалось, что это профессоръ новѣйшей лингвистики и литературы г. Гагбергъ (Hagberg), братъ извѣстнаго, уже умершаго переводчика Шекспира. Онъ изложилъ составившееся въ университетѣ мнѣніе, что цѣль сокращенія времени всего лучше была бы достигнута, еслибъ иностранныя депутаціи раздѣлились по національностямъ на группы и каждая группа избрала одного изъ своей среды органомъ, который въ болѣе или менѣе краткой формѣ передалъ бы поздравленіе всей группы. Одинъ изъ депутатовъ, не возражая на это предложеніе, замѣтилъ, что былъ бы

еще другой равносильный способъ, именно тотъ, чтобы высказаться могъ *каждый* депутатъ, но только самымъ законическимъ образомъ. Послѣ недолгаго обмѣна мыслей предпочтеніе было отдано университетскому предложенію. Но такъ какъ и *одинъ* ораторъ по иной группѣ могъ бы сдѣлать это рѣшеніе бесполезнымъ, еслибъ сверхъ мѣры далъ волю своему краснорѣчію, то благоразумно былъ предложенъ еще вопросъ: не нужно ли опредѣлить максимумъ продолжительности каждаго привѣтствія? Одни полагали назначить для этого не болѣе 5-ти минутъ, другіе считали достаточнымъ 4. Рѣшеніе было предоставлено г. Гагбергомъ самимъ депутатамъ, почему онъ и предложилъ имъ избрать для совѣщанія о томъ предсѣдателя изъ своей среды и указалъ на депутата Болонскаго университета, какъ старѣйшаго изъ европейскихъ учреждений этого рода, имѣвшихъ тутъ представителей. *L'ancienneté*, сказалъ онъ, *est un principe qui est partout volontiers reconnu*. Итакъ мѣсто предсѣдателя занялъ профессоръ греческаго языка при названномъ университетѣ, г. Пелличіони, открывшій разсужденія также на французскомъ языкѣ. Послѣ преній, относительно довольно долгихъ, принято было за максимумъ 5 минутъ. Но надо было рѣшить еще одинъ вопросъ, возбужденный г. Гагбергомъ. «На предстоящихъ обѣдахъ, сказалъ онъ, не достанетъ времени на рѣчи депутатовъ; но за то имъ предоставляется свобода слова послѣ обѣда, во второй день, вслѣдъ за привѣтствіемъ, съ которымъ канцлеръ университета обратится ко всѣмъ представителямъ иностранныхъ учреждений; тогда каждый депутатъ будетъ имѣть возможность говорить на какомъ языкѣ угодно. На обѣдѣ же перваго дня ректоръ университета привѣтствуетъ васъ, милостивые государи, латинскою рѣчью: не угодно ли вамъ избрать изъ своей среды одного, который по-латыни же отвѣчалъ бы на привѣтствіе ректора?» — Вотъ этотъ - то выборъ и предстоялъ рѣшенію депутатовъ, и они безъ долгихъ разсужденій единодушно остановились на знаменитомъ латинистѣ Мадвигѣ, профессорѣ Копенгагенскаго университета, который и принялъ это порученіе. Этимъ кон-

чились общія совѣщанія депутатовъ. Затѣмъ они, по принятому соглашенію, раздѣлились на отдѣльныя по національностямъ депутаціи, чтобъ каждой избрать себѣ своего оратора. Русская депутація состояла изъ представителей — Академіи наукъ, университетовъ: Петербургскаго (гг. Менделѣевъ и Янсонъ), Харьковскаго (г. Лагермаркъ), Дерптскаго (гг. Мейеръ и Шварцъ), Тифлисской метеорологической обсерваторіи (г. Морицъ), и общества петербургскихъ врачей (г. Берглиндъ). Товарищъ мой по академіи, А. В. Гадолинъ, еще не пріѣхалъ, бывъ задержанъ обстоятельствами въ Петербургѣ. Такъ какъ Петербургскій и Дерптскій университеты прислали, каждый, по два уполномоченныхъ, то всѣхъ насъ было 8 человекъ. Какъ старшій, и притомъ представитель высшаго ученаго учрежденія въ Россіи, я былъ избранъ органомъ русской депутаціи. Тутъ кѣмъ-то поднять былъ вопросъ: на какомъ языкѣ я буду говорить? Шведскій, какъ туземный, былъ рѣшительно отвергнутъ. Затѣмъ оставался выборъ между русскимъ и французскимъ: употребить тотъ или другой изъ нихъ предоставлено было на мою волю. Мнѣ казалось, что въ настоящемъ случаѣ было бы не совсѣмъ любезно — пригласившихъ насъ на свои празднества и столь внимательныхъ къ намъ хозяевъ привѣтствовать на языкѣ имъ не понятномъ, и потому я рѣшился въ пользу французскаго, какъ общеизвѣстнаго и такъ-сказать международнаго языка.

5.

Объ университетскомъ зданіи *Carolina Rediviva*, въ которомъ на другое утро собрались всѣ депутаты для составленія процессіи, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. На мѣстѣ его въ старину былъ другой домъ, въ которомъ при Карлѣ IX (1604—1611) устроены были аудиторіи, почему онъ и назывался *Academia Carolina*; въ концѣ прошлаго вѣка этотъ домъ сгорѣлъ; въ 1819 году начато было здѣсь новое строеніе для библіотеки,

и такъ какъ первый камень его былъ положенъ Карломъ XIV Иоанномъ (Бернадотомъ), то въ честь его восстановлено было прежнее имя и домъ былъ названъ *Carolina Rediviva* (воскресшая). Оконченъ онъ былъ не прежде 1841 года; помѣщающаяся въ немъ библіотека содержитъ около 200,000 томовъ и 7000 рукописей. Это лучшее изъ университетскихъ зданій; здѣсь находится также парадная зала, въ которой любопытно то обстоятельство, что хотя домъ принадлежитъ казнѣ, но полъ ея составляетъ собственность студентовъ, такъ что, въ случаѣ общественныхъ баловъ или концертовъ, они имѣютъ право отдавать его, въ пользу своей кассы, внаймы. Это однакожь простой, некрашенный полъ, да и все зданіе носитъ на себѣ печать большой простоты; такова и вообще вся внѣшняя сторона жизни въ Швеціи и даже въ Стокгольмѣ, сравнительно съ нравами и привычками другихъ столицъ Европы.

Изъ этой-то залы, въ среду утромъ, часовъ въ десять, 24 августа (5 сент.), депутаты и почетные гости отправились въ соборъ процессіей по два человѣка въ рядъ. Эта величайшая въ королевствѣ церковь была заложена около 1260 года и вскорѣ приобрѣла особенную важность вслѣдствіе перенесенія въ нее мощей св. Эрика, патрона Швеціи, останки котораго и покоятся здѣсь въ серебряной ракъ. Тутъ же за алтаремъ погребены: Густавъ Ваза, сынъ его Иоаннъ III съ Екатериной Ягеллоновной; также шведскій реформаторъ, первый лютеранскій архіепископъ Лаврентій Петри. Въ одномъ изъ склеповъ стоитъ порфиновая пирамида въ память Линнея. Теперь воздвигается здѣсь памятникъ архіепископу Якову Ульфсону, основателю Упсальскаго университета. Въ ризницѣ хранится множество драгоценныхъ древностей. Соборный органъ — лучший въ Швеціи.

Тому, кто самъ находился въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, невозможно было видѣть все, что представлялось въ этотъ день стороннему зрителю. Поэтому я буду вынужденъ дополнять свой рассказъ подробностями, почерпнутыми изъ свѣдѣній, сообщенныхъ репортерами лучшихъ стокгольмскихъ газетъ.

Въ 7 часовъ утра раздалась пушечная пальба со стороны замка. Уже въ это раннее время на улицахъ было большое движеніе. Всѣ радовались ясному, хотя и довольно холодному утру. Вездѣ, съ крышъ, со стѣнъ и изъ оконъ развѣвались знамена. Со всѣхъ сторонъ видны были зеленые вѣнки, длинныя вѣзы дубовыхъ вѣтвей, цвѣты и ленты яркихъ цвѣтовъ. Никогда еще Упсала не являлась въ такомъ праздничномъ убранствѣ. Изнутри собора музыка также слышна была уже съ 7-ми часовъ. Черезъ часъ могучій колоколъ загудѣлъ торжественнымъ звономъ, и вскорѣ на всѣхъ улицахъ показались дамы въ праздничныхъ нарядахъ. Большая часть ихъ стремилась въ церковь, чтобы попасть туда какъ скоро отворять двери. Другія смотрѣли изъ оконъ. По Каролининской горѣ мужчины въ парадныхъ одеждахъ шли въ зданіе библіотеки, гдѣ собирались готовившіеся участвовать въ процессіи. По всей ведущей туда Королевиной улицѣ толпились группы студентовъ, каждая нація (провинція) вокругъ своего знамени. Въ 10-мъ часу всѣ депутаты и приглашенные, числомъ болѣе тысячи, считая и лицъ, принадлежащихъ къ университету, собрались въ названномъ зданіи. Въ залѣ маршалы скоро принялись устанавливать порядокъ, въ какомъ, по печатному церемониалу, должна была двинуться торжественная процессія въ соборъ, назначенный мѣстомъ юбилейныхъ церемоній. Депутаты были расположены по группамъ, въ алфавитномъ порядкѣ французскихъ названій странъ, которыя они представляли, т. е. *Allemagne, Autriche, Belgique, France, Hollande* и т. д. Въ десять часовъ процессія тронулась по слѣдамъ корпораціи студентовъ, стоявшей со знаменами на скатѣ горы. Послѣ продолжительно непостоянной небо наконецъ прояснилось; пестрое шествіе, тянувшееся отъ вершины горы почти до самаго собора, представляло единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. По всему пути, улицы, окна, балконы были унизаны волнующимися массами зрителей.

Уже съ 9-ти часовъ всѣ дамы, имѣвшія билеты для входа въ церковь, сидѣли на устроенныхъ амфитеатромъ хорахъ по обѣ

стороны ковчега. Вскорѣ и корреспонденты газетъ заняли приготовленные для нихъ скамьи подъ хорами. Это были весьма удобныя для наблюденія мѣста съ просторными столами; ихъ было два съ каждой стороны возлѣ стульевъ, назначенныхъ для гостей. Тутъ были представители почти всѣхъ стокгольмскихъ, готенбургской и др. шведскихъ газетъ, нѣсколькихъ датскихъ и норвежскихъ, одной финляндской, англійской *Times* и парижской *Monde illustré*. Главный соборный ковчегъ былъ украшенъ большими шведскими знаменами; весь полъ передъ алтаремъ устланъ синимъ ковромъ съ золотою бахромой, стѣны убраны зеленью и цвѣтами. Вправо отъ алтаря (отъ зрителей влѣво) стояло подъ балдахиномъ большое золотое кресло, обитое синимъ бархатомъ; это было мѣсто для короля; влѣво отъ него было другое такое же, только немного меньше, для кронпринца. Въ срединѣ алтаря возвышалась большая дубовая, нарочно къ юбилею заказанная кафедра, передъ которою виденъ былъ длинный столъ, покрытый синею съ золотомъ скатертью; на немъ лежали касающіеся университета старинные документы; сюда же потомъ клались подносимые университету адреса, книги и т. п. Влѣво отъ алтаря, т. е. противъ королевскихъ креселъ, стояли три парадныя сѣдалища для канцлера университета, архиепископа-проканцлера и ректора. Подъ сводомъ передъ алтаремъ были стулья для университетскихъ чиновъ. Все это пространство было обставлено свѣжими растеніями. Надъ алтаремъ горѣли газовые огни въ солнцеобразныхъ кругахъ. Въ четверть одиннадцатаго началъ входить процессія, и съ хоровъ раздались звуки торжественнаго марша. Впереди шелъ университетскій служитель съ своею большою тростью съ серебрянымъ набалдашникомъ, но безъ всякаго наряда, за исключеніемъ желтаго жилета: старинныхъ костюмовъ уже нѣтъ въ Упсалѣ. За нимъ слѣдовали два маршала, потомъ большое студенческое знамя, и всѣ провинціи («націи») съ своими знаменами. Прекрасно и знаменательно, подъ высокими сводами древняго, почтеннаго собора (замѣчаетъ одна газета), было зрѣлище этой толпы молодежи со знаменами, напоминающими обо всѣхъ краяхъ отечества, которые присылаютъ сюда своихъ сы-

новъ для образованія. Студенты расположились въ церкви на скамьяхъ по обѣ стороны главнаго ковчега, и знамена ихъ были приставлены къ скамьямъ.

Слѣдующее отдѣленіе начиналось опять двумя маршалами, за которыми несли малое знамя студенческой корпораціи; потомъ шли ея дирекція и почетные гости (студенты же сосѣднихъ странъ). За ними шло новое отдѣленіе со своими маршалами и многочисленными уполномоченными шведскихъ академій и ученыхъ обществъ; между ними можно было видѣть множество лицъ, которыя приобрѣли громкую извѣстность въ области науки, литературы и искусствъ. Рѣдко бывало собрано такое большое число ихъ въ одномъ мѣстѣ, и никогда еще не собирались они съ такою цѣлю. Послѣ замѣчательныхъ Шведовъ шли иностранцы. Это было блестящее во многихъ отношеніяхъ собраніе, не только по ученымъ заслугамъ, знаменитости и вообще по внутреннимъ сторонамъ, но и по своимъ необыкновеннымъ костюмамъ. Тутъ были и темныя и свѣтлыя бархатныя мантии, малиновыя епанчи и шапки, и другіе наряды посреди черныхъ фраковъ и шитыхъ золотомъ мундировъ. За иностранцами, которые всѣ расположились въ главномъ ковчегѣ, шли депутаты шведскаго сейма. Потомъ слѣдовали еще четыре отдѣленія, каждое имѣя впереди двухъ маршаловъ, а первое кромѣ того двухъ *курсоровъ* (университетскихъ рассыльныхъ). Секретарь университета несъ на подушкѣ древнѣйшую его грамоту, а за нимъ шли канцлеръ и проканцлеръ, ректоръ, деканы факультетовъ и другіе университетскіе преподаватели и чины. Слѣдовали королевскіе статсъ-секретари и серафимовскіе кавалеры ¹, а далѣе разные высшіе сановники, военные и придворные, члены сеймовыхъ палатъ, юбилейные и почетные доктора и другія лица, выдающіяся по разнымъ отраслямъ общественной дѣятельности; наконецъ, упол-

¹ Словомъ «статсъ-секретари» я перевожу шведское названіе Statsråd (собственно государственные совѣтники), означающее лицъ, которыя составляютъ совѣщательное собраніе (государственный совѣтъ) при королѣ; ихъ всего десять; семеро изъ нихъ имѣютъ министерскіе портфели. Орденъ серафимовъ дается только высшимъ государственнымъ сановникамъ за особенныя заслуги.

номоченные отъ города, корпорація офицеровъ, духовные, училищныя и земскіе чины. Когда всѣ расположились по своимъ мѣстамъ, ректоръ и деканы вышли изъ алтаря на встрѣчу подѣхавшему къ церкви королю, который и занялъ вмѣстѣ съ кронпринцемъ приготовленные для нихъ сѣдалища. Оба были въ мундирахъ съ голубыми лентами ордена Серафимовъ. При появленіи ихъ соборъ огласился псалмомъ, по окончаніи котораго архіепископъ - проканцлеръ взошелъ на кафедру, и открывъ празднество молитвой, обозрѣлъ въ крупныхъ чертахъ прошлыя судьбы университета, выставляя особенно отношеніе его къ церкви, которая, въ лицѣ выше названнаго святителя ея Ульфсона, положила начало этому учрежденію. Когда замолкъ краснорѣчивый и сильный голосъ архіепископа, съ хоровъ пропѣта была торжественная контата, замѣчательно хорошо исполненная при участіи нѣсколькихъ превосходныхъ мужскихъ и женскихъ соло. Послѣ привѣтственной латинской рѣчи ректора начались поздравленія. Прежде всего всталъ графъ Г. Гамильтонъ, какъ представитель первой камеры, и съ нѣсколькими депутатами сейма подошелъ къ кафедрѣ, гдѣ произнесъ краткое привѣтствіе отъ сейма. Потомъ произошло движеніе въ рядахъ иностранцевъ, и представители заграничныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ стали приносить свои поздравленія въ порядкѣ, противоположномъ тому, который принятъ былъ для процессіи. Трудно было слышать ихъ слова, такъ какъ говорившіе становились бокомъ къ публикѣ, обращая лицомъ къ ректору, остававшемуся на кафедрѣ. «Прежде всѣхъ», говоритъ шведская газета, подошелъ профессоръ Бернскаго университета Кенигъ, потомъ проф. Дондерсъ изъ Утрехта, представлявшій также Амстердамскую академію наукъ; затѣмъ проф. Пелличони, представитель Болонскаго и Римскаго университетовъ; послѣ того приблизились семь или восемь Русскихъ, въ болѣе или менѣе красивыхъ мундирахъ, подъ предводительствомъ академика Грота, говорившаго отъ имени своихъ соотечественниковъ»¹. За этимъ

¹ Мое привѣтствіе было очень коротко. Отъ имени такихъ-то учреждений, сказалъ я (всѣ они были мною перечислены) имѣю честь, какъ представи-

тронулось нѣсколько пунцовыхъ мантій. Это были Англичане и Шотландцы, за которыхъ говорилъ проф. Бальфуръ изъ Эдинбурга. Послѣ Британцевъ явились Французы, изъ которыхъ профессоръ Буассье (Boissier) и Жеффуа (Geffroy)¹ носили одежду французскаго Института — темный фракъ съ широкимъ свѣтло-зеленымъ шитьемъ на воротникѣ, обшлагахъ и сзади. Ихъ органомъ былъ Жеффуа. Затѣмъ высказалась Бельгія устами проф. Лавелэ, представителя Люттихскаго университета, а вслѣдъ за нимъ выступили Австрійцы, предводимые проф. Гешлемъ (Heschl) изъ Вѣны. Отъ германскихъ университетовъ было около пятнадцати депутатовъ, и нѣкоторые явились въ оригинальныхъ нарядахъ. Во главѣ ихъ былъ проф. Вейэрштрасъ изъ Берлина; особенное вниманіе обращалъ на себя проф. Хютеръ (Hüter), ректоръ Грейфсвальдскаго университета, своею великолѣпной пурпуровой спанчой, съ богатымъ шитьемъ и широкой золотой бордюрой, и беретомъ того же цвѣта. Потомъ подошли представители университета Христиани, который чрезъ посредство своего ректора Обѣра выразилъ братское сочувствіе къ Упсалѣ, гелсингфорскіе депутаты со своимъ органомъ, ректоромъ Топелиусомъ, и представители Копенгагенскаго университета, за которыхъ говорилъ ректоръ его Панумъ. Послѣдними были два извѣстные Исландца: проф. Гисласонъ и д-ръ Вигфуссонъ; ими окончился рядъ поздравителей отъ иностранныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ. Почти всѣ депутаты передавали стоявшему передъ

тель Императорской Академіи наукъ и какъ выборный органъ остальныхъ русскихъ депутацій, принести древнему и почтенному Упсальскому университету самыя сердечныя поздравленія и искреннія пожеланія о продолженіи его благоденствія и счастливомъ развитіи всѣхъ отраслей его организаци. Да продолжаетъ онъ съ честію и славою свое плодотворное стремленіе къ высокой цѣли содѣйствовать приращенію знаній въ человечествѣ!» Къ числу русскихъ учрежденій, депутаты которыхъ были на лицѣ, я прибавилъ Московскій университетъ по слѣдующему поводу: въ самое утро праздника полученъ былъ въ Упсалѣ адресъ этого университета, и профессоръ Фрисъ, на имя котораго онъ былъ доставленъ, просилъ меня включить Москву въ число русскихъ городовъ, приславшихъ поздравленія.

¹ Г. Жеффуа давно знаетъ Швецію и извѣстенъ тамъ по сочиненію, которое издалъ объ этой странѣ.

кафедрой секретарю университета письменные адреса въ изящныхъ футлярахъ, а нѣкоторые, кромѣ того, и другіе подарки, особенно книги въ роскошныхъ переплетахъ; ихъ клали на стоявшій передъ кафедрой столъ, который наконецъ весь былъ покрытъ этими приношеніями. Послѣ стало извѣстно, что французскими депутатами Упсальскому университету поднесено такихъ подарковъ на 15,000 франковъ.

Послѣ иностранцевъ къ кафедрамъ подходили съ поздравленіями еще болѣе многочисленные представители шведскихъ академій и другихъ учреждений, и нѣкоторые изъ нихъ читали по рукописямъ весьма длинныя привѣтствія, — между прочимъ проф. и ректоръ Льюнгренъ отъ Лундскаго университета, проф. Беттигеръ отъ Шведской академіи, проф. Гласъ отъ Упсальскаго ученаго общества.

Въ заключеніе ректоръ вторично взошелъ на кафедру и прочелъ на шведскомъ языкѣ рѣчь «о могуществѣ знанія», которая, къ сожалѣнію, такъ же мало слышна была, какъ и прежняя, латинская рѣчь его. Наконецъ пропѣтъ былъ финалъ кантаты. Весь актъ окончился только въ два часа слишкомъ.

Сколько именно человекъ было въ этотъ день въ соборѣ, трудно опредѣлить съ точностью; увѣряли, что число однѣхъ дамъ простиралось отъ 1200 до 1300. Около 600 мѣстъ было предоставлено частнымъ лицамъ, а если прибавить студентовъ и участвовавшихъ въ процессіи, то можно навѣрное сказать, что всѣхъ присутствовавшихъ было отъ 3,500 до 4000.

6.

Въ началѣ 4-го часа всѣ депутаты и другіе почетные гости собрались, въ тѣхъ же парадныхъ костюмахъ, на обѣдъ въ описанный выше обширный повильйонъ ботаническаго сада. При входѣ въ столовую, одинъ изъ маршаловъ вручалъ всякому гостю печатный листъ, на которомъ очень остроумнымъ способомъ, однѣми надписями именъ, означено было какъ расположеніе сто-

ловъ, такъ и мѣсто, назначенное каждому изъ трехсотъ приглашенныхъ. Все устройство по съѣстной части взялъ на себя лучший упсальскій рестораторъ г. Сванфельтъ по цѣнѣ 20 кронъ съ куверта, включая и вино. Справедливость требуетъ упомянуть, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ вполне оправдалъ довѣріе, оказанное ему университетомъ и городомъ, на счетъ которыхъ было угощеніе.

Въ верхнемъ концѣ залы поставленъ былъ столъ въ формѣ подковы съ сорока двумя приборами. Въ серединѣ на главномъ мѣстѣ сидѣлъ король; вправо отъ него: кронпринцъ, графъ Де-Геръ (первый министръ), датскій министръ Неллеманъ, оберштатгалтеръ Уггласъ, статсъ-секретари Фальсенъ и Ловѣнъ. Между послѣднимъ и президентомъ гофгерихта Бергомъ было мое мѣсто, а послѣ г. Берга сидѣли депутаты: двухъ германскихъ и Гельсингфорскаго университетовъ. По лѣвую сторону короля сидѣли: государственный маршалъ Спарре, министръ Бьёрншерна, два статсъ-секретаря, а за ними депутаты: Пелличioni, Буассе́, Льюнгренъ, Панумъ (три ректора университетовъ) и Мадвигъ. По другую, вогнутую сторону стола, противъ короля, было мѣсто ректора между канцлеромъ и проканцлеромъ университета, а вправо и влѣво отъ нихъ сидѣли сперва статсъ-секретари, а потомъ профессоры университетовъ Христіанія, Страсбурга (оба послѣдніе — ректоры), Кембриджа и проректоръ Упсальскаго. Только что сѣли, сквозь стеклянный потолокъ неожиданно засіяло солнце, и какъ нарочно лучи его падали на короля и большую часть сидѣвшихъ за тѣмъ же столомъ. Пришлось уклоняться отъ этого рѣдкаго въ дни юбилея гостя, котораго появленія въ эту минуту никто не предусмотрѣлъ и потому не было принято никакихъ мѣръ для защиты отъ его безпокойнаго, хотя въ другое время и отраднаго посѣщенія. Впрочемъ оно потревожило насъ не надолго. Во время стола я могъ вести весьма интересную бесѣду съ моими двумя любезными и словоохотными сосѣдями. Ближе къ концу обѣда одинъ изъ нихъ шепнулъ мнѣ, что его величество, поднявъ свою рюмку, по шведскому обычаю пьетъ мое здоровье, что было знакомъ особеннаго вниманія къ представителю Россіи, тѣмъ бо

лѣе что я еще не былъ представленъ королю. Представилъ меня послѣ обѣда министръ иностранныхъ дѣлъ, бывшій прежде въ Петербургѣ шведскимъ посланникомъ г. Бьёрншерна.

Остальные гости и члены университета расположились за четырьмя другими мѣньшими столами, которые были поставлены параллельно одинъ къ другому вдоль залы.

Когда пришла пора тостовъ, то ректоръ Упсальскаго университета проф. Салинъ провозгласилъ здоровье короля. Въ сказанной при этомъ рѣчи онъ припомнилъ милости, оказанныя его величествомъ университету, и особенно даръ, пожалованный ему въ этотъ самый день (40,000 кронъ на стипендію)¹. Оркестръ сыгралъ народный гимнъ и съ горы замка раздался салютъ. Въ то же время разносимы были стихи въ честь короля, написанные деканомъ философскаго факультата проф. Ньюбломомъ.

Затѣмъ король Оскаръ II, поднявшись съ своего кресла, произнесъ, въ отвѣтъ ректору, слѣдующую рѣчь²:

«Какъ всякій отдѣльный человѣкъ въ продолженіе своей жизни собираетъ сокровища опыта, такъ и народы. Это ихъ исторія.

«Изъ груди матери младенецъ почерпаетъ свою первую пищу. Почти инстинктивная любовь къ «alma mater», которую мы зовемъ родиной, даетъ начало общественной жизни.

¹ Вотъ рескриптъ, послѣдовавшій на имя университета:

Въ изъявленіе моихъ чувствъ при празднованіи 400-лѣтняго юбилея Упсальскаго университета, признательно вспоминая все сдѣланное этимъ высшимъ училищемъ для отечественной науки и въ залогъ моего намѣренія содѣйствовать будущему развитію университета, я жалую ему въ даръ 40.000 коронъ.

Этою суммою академическая коѣсисторія имѣетъ располагать какъ неприкосновеннымъ капиталомъ, съ котораго проценты должны быть употребляемы на пособія авторской дѣятельности молодыхъ ученыхъ, на основаніяхъ, какія, по истребованію о томъ мнѣнія канцлера, будутъ впослѣдствіи мною опредѣлены.

Упсала, 5 сентября 1877.

Оскаръ.

² Она напечатана въ подлинникѣ по копіи, испрошенной у самого короля Оскара II. Это относится и къ приводимымъ ниже другимъ двумъ рѣчамъ его.

«Ребенокъ любитъ слушать чудесную сказку изъ устъ матери. Первыя воспоминанія человѣческихъ обществъ бывають одѣты въ яркій нарядъ героическихъ преданій и народныхъ сказокъ.

«Подрастающее дитя выноситъ изъ школы познанія и уроки болѣе опредѣленнаго свойства, сообщаемыя по правильному плану, отвѣчающія уже, лучше сказокъ, его возрасту и будущему назначенію. Такъ и опытность народовъ, сбрасывая покровъ сказочнаго міра, выводитъ болѣе ясныя руны на страницахъ гѣтописи. Всѣ общественныя отношенія принимаютъ болѣе опредѣленныя и правильныя формы.

«Созрѣвая для самостоятельной дѣятельности, юноша вступаетъ въ свѣтъ. Многимъ при этомъ дается счастье расширять предѣлы своего образованія болѣе свободнымъ университетскимъ ученіемъ и такимъ образомъ довершать трудъ своего юношескаго воспитанія. Такъ и народы въ теченіе столѣтій болѣе и болѣе растутъ въ силѣ мужественнаго самосознанія и зрѣютъ къ подвигамъ цивилизаціи.

«Этой-то степени своего историческаго развитія, какъ я полагаю, достигъ шведскій народъ въ то время, къ которому сегодняшнее многозначительное торжество естественно переноситъ мысли наши.

«Сказочный періодъ давно миновался. Свѣтъ христіанства загорѣлся и на дальнемъ Сѣверѣ, разсѣвая мракъ язычества, умиротворяя его дикую вражду, смягчая его грубые нравы, неся въ своихъ нѣдрахъ новыя сѣмена человѣческой культуры. Все далѣе основывались новыя селенія, пролагались новые пути черезъ лѣса и горы, раздѣлявшіе первоначально-воздѣланныя поля.

«Этимъ самымъ рушилась преграда между отдѣльными провинціями и уничтожено было главное жизненное условіе стариннаго союзнаго устройства. Государство незадолго передъ тѣмъ получило свое первое общее законодательство. Народъ сталъ чувствовать себя взрослымъ и единымъ. Однакожь—или, лучше,

именно поэтому — онъ чувствовалъ, что ему недоставало *чего-то* для засвидѣтельствованія и довершенія единства. Такъ возникла и созрѣла мысль объ основаніи въ Швеціи высшаго училища.

«Чѣмъ оно стало, что оно дѣлало то для дорогого отечества, о томъ неопровержимо свидѣлствуютъ бытописанія. О томъ твердятъ такія имена, какъ Эрикъ Олаи, Іоаннъ Шитте, Олавъ Рудбекъ, Карлъ Линней, Эрикъ Густавъ Гейеръ и многія иныя дорогія имена, которыя вокругъ насъ украшаютъ стѣны этой залы. Всѣ эти знаменитые мужи живутъ въ благодарной памяти потомства, и славный примѣръ ихъ призываетъ сыновъ Швеціи довершать дѣло, ими начатое.

«Пусть же Упсальскій университетъ, празднуя свой 400 лѣтній юбилей, одушевляется этою высокою мыслию. Изъ глубины души я, отъ имени Швеціи, высказываю это желаніе, убѣжденный, что его исполненіе составляетъ важное условіе славы отечества и счастья народа. Господь, отъ котораго исходитъ всякое благое дѣяніе, да ниспошлетъ на то Свое благословеніе!

«На этомъ праздникѣ я поднимаю свой бокалъ въ память 400 лѣтняго существованія Упсальскаго университета, за его постоянное усовершенствованіе въ наши дни, за его честь и благоденствіе въ грядущіе вѣки!»

Эта рѣчь, произнесенная твердымъ и яснымъ голосомъ, произвела на слушателей сильное впечатлѣніе, и раздавшіяся по окончаніи ея взрывы *ура* были совершенно искренни. Сосѣди мои, шведскіе государственные люди, удивлялись, какъ это король, имѣвшій такъ мало времени посреди суеты этихъ дней, послѣ утомительнаго путешествія, успѣваетъ приготовить такія рѣчи, отличающіяся не только своимъ содержаніемъ, но и литературною отдѣлкой.

Послѣ этого ректоръ привѣтствовалъ иностранныхъ гостей краткою латинскою рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ: «*Vos saluto, mecum omnes Sueci vos salutant*» (я, а со мною и всѣ Шведы привѣтствуемъ васъ). На этотъ тостъ, по состоявше-

муся наканунѣ опредѣленію всѣхъ депутацій, отвѣчалъ по-латыни же датскій профессоръ, конференцъ-совѣтникъ Мадвигъ, показавшій при этомъ, какъ ловко и искусно можно безъ всякаго педантизма выразаться на языкѣ Цицерона и Виргилія. Въ своей отчасти юмористической рѣчи, принятой слушателями съ частыми изъясненіями одобренія и веселости, онъ привелъ отзывы Тацита о грубости древнихъ Германцевъ и суровости ихъ страны, въ противоположность съ нынѣшнею привѣтливостію скандинавскаго Сѣвера. Иностранные депутаты, замѣтилъ онъ, просили меня отвѣчать за нихъ; но по-мѣому я не совсѣмъ гожусь на это: «neque mihi videor peregrinus esse neque alienigena» (мнѣ кажется, что я ни пришлецъ, ни чужеземецъ). Но южане по-своему представляютъ себѣ положеніе вещей на Сѣверѣ и медвѣжьи шкуры сѣверныхъ жителей (pelles ursinae). Иноземцевъ, по его словамъ, привлекла сюда не одна слава, пріобрѣтенная Швеціею въ ученомъ мірѣ, не одни знаменитыя имена ея представителей въ наукѣ, но и радушіе, которымъ отличаются Шведы. Въ заключеніе ораторъ предложилъ по-французски тостъ въ честь шведскаго гостепріимства.

Тостъ за туземныхъ почетныхъ гостей былъ провозглашенъ, въ довольно длинной шведской рѣчи, проректоромъ Упсальскаго университета профессоромъ Геденіусомъ. Отвѣчалъ первый министръ графъ Де-Геръ, при чемъ выразилъ, какъ много всѣ присутствующіе соотечественники должны считать себя обязанными университету, и кончилъ желаніемъ, чтобъ и позднѣйшія поколѣнія имѣли причину ликовать, что у Швеціи есть — Упсала.

7.

Одновременно съ почетными представителями ученыхъ учреждений всей Европы пировали и упсальскіе студенты со своими гостями, съѣхавшимися въ званіи представителей студенческихъ корпорацій всѣхъ другихъ скандинавскихъ университетовъ, также Грейфсвальдскаго, Финляндскаго и Дерптскаго, нѣкогда принадле-

жавшихъ Швеціи. За немѣнѣемъ достаточно просторный залы, столы должны были размѣститься въ разныхъ этажахъ и комнатахъ клуба (Gillet); хозяева и гости по необходимости раздѣлились на группы, въ которыхъ бесѣда могла развиваться тѣмъ дружиѣ и сердечнѣе. Во все время стола игралъ оркестръ лейбъ-драгунскаго полка. Послѣ обѣда всѣ отправились со знаменами и пѣснями въ изящный ресторанъ *Флюстретъ* (имя это значитъ: входъ въ улей), гдѣ назначено было провести остальную часть вечера. Здѣсь расположились частью въ комнатахъ, частью на воздухѣ, гдѣ передъ фонтаномъ устроена была эстрада для хора университетскихъ пѣвцовъ. Когда они пропѣли пѣснь: «Послушай насъ, Свевя», начались тосты и рѣчи. Первое блестящее привѣтствіе гостямъ сказалъ предсѣдатель корпораціи студентовъ доцентъ Афцеліусъ; онъ кончилъ тостомъ за университетъ и выразилъ желаніе, чтобы всѣ его члены старались быть достойными своей 400 лѣтней *Alma mater* по примѣру предковъ. Потомъ начались тосты за другіе имѣвшіе здѣсь своихъ представителей университеты, за всѣ вмѣстѣ и за каждый отдѣльно, а затѣмъ пропѣта была финляндская народная пѣснь «Нашъ край». По окончаніи этой части пира, въ половинѣ 7-го, студенты со своими знаменами и съ пѣснями отправились въ ботаническій садъ привѣтствовать почетныхъ гостей университета. Тамъ они заняли обширное полукружіе передъ сѣнями оранжереи, гдѣ расположились гости. Говорилъ опять доцентъ Афцеліусъ; послѣ короткаго отвѣта, сказаннаго по-французски однимъ изъ иностранныхъ депутатовъ (представителемъ Рима и Болоньи, проф. Пелличіони), упсальскіе студенты пропѣли нѣкоторые изъ лучшихъ своихъ пѣсень. Въ девять часовъ они разошлись по отдѣльнымъ помѣщеніямъ каждой націи въ разныхъ частяхъ города; всѣмъ иностранцамъ открытъ былъ доступъ въ эти студенческія собранія, и здѣсь-то они могли ознакомиться съ одною изъ самыхъ своеобразныхъ сторонъ быта шведскихъ студентовъ, который, развившись подъ вліяніемъ особенныхъ домашнихъ преданій, представляетъ, какъ самую отличительную изъ своихъ чертъ, со-

единеніе полнаго самоуправленія и большой свободы съ соблюденіемъ удивительнаго порядка и благочинія. Здѣсь многіе изъ пріѣзжихъ, переходя отъ одной націи къ другой вмѣстѣ съ канцлеромъ университета и ректоромъ, съ особеннымъ интересомъ увидѣли студентовъ въ ихъ внутренней, домашней жизни, — видѣли, какъ они веселятся и поютъ, не позволяя себѣ никакихъ крайностей, и слышали ихъ рѣчи, одушевленные патриотизмомъ и горячею любовью къ своей древней духовной кормилицѣ. Въ залѣ одной изъ націй самъ ректоръ, въ присутствіи иностранныхъ посѣтителей, засвидѣтельствовалъ, какъ благородно держатъ себя упсальскіе студенты. Къ объясненію этого служить отчасти тѣсная связь, существующая между всѣми сословіями Швеціи и ея главнымъ университетомъ. Въ такомъ же отношеніи къ нему находятся самъ король, нѣкогда посѣщавшій его аудиторіи, и кронпринцъ, который и теперь принадлежитъ, въ званіи почетнаго члена, въ корпораціи студентовъ.

Въ этотъ вечеръ онъ посѣтилъ свою Вермландскую націю, гдѣ его привѣтствовалъ кураторъ ея, доцентъ Гейэръ. Его высочество выразилъ свою благодарность за тоску и надежду, что связь, образовавшаяся въ прошлый семестръ между нимъ и упсальскими студентами, еще укрѣпится въ наступающій академическій годъ. Потомъ кронпринцъ заходилъ и къ нѣкоторымъ другимъ націямъ. Тѣ изъ нихъ, которыя еще не имѣютъ своихъ отдѣльных помѣщеній или которыя помѣщаются слишкомъ далеко, собраны были въ клубѣ; онѣ между прочимъ принесли овацію бывшему министру просвѣщенія Веннербергу (который самъ поэтъ и композиторъ): сперва пропѣли его пьесу «Послушай насъ, Свея», а потомъ въ триумфѣ носили его на рукахъ вокругъ залы, при чемъ пѣли пѣснь: «Пойте про счастье студенческихъ дней».

Въ числѣ посѣтителей собраній студентовъ въ этотъ вечеръ находился нашъ почтенный сочленъ О. В. Струве, который, бывъ передъ тѣмъ на астрономическомъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ, присутствовалъ также, въ качествѣ гостя, на упсальскихъ празд-

нествахъ. Корреспондентъ газеты «Aftonbladet», упоминая о встрѣчавшихся въ собраніяхъ «націй» именитыхъ иностранцахъ, говоритъ между прочимъ: «Я слышалъ какъ въ одной изъ залъ т. сов. Струве, знаменитый астрономъ, начальникъ Пулковской обсерваторіи, въ нѣмецкой рѣчи, сказанной прекрасно и вмѣстѣ просто, изобразилъ неизгладимыя воспоминанія, связывающія Дерптскій университетъ, гдѣ ораторъ получилъ свое ученое образованіе, съ болѣе древнимъ Упсальскимъ училищемъ. Въ залѣ другой націи проф. Бугге, изъ Христіаніи, говорилъ о красотѣ и достоинствѣ шведскаго языка; въ третьей директоръ училищъ Гіэртсенъ, оттуда же, сказалъ блестящую рѣчь объ исторической почвѣ, которую норвежець, сынъ юной націи, встрѣчаетъ вездѣ въ Швеціи, и о томъ вліяніи, какое великія имена и памятники минувшихъ столѣтій должны оказывать на молодыя поколѣнія».

Во весь вечеръ до самой полуночи Упсала была какъ будто залита огнями; во всѣхъ безъ исключенія окнахъ горѣли свѣчи, что особенно поразило Французовъ, не видавшихъ прежде этого рода иллюминаціи; даже и самый бѣдный студентъ, говоритъ одна стокгольмская газета, зажегъ въ своей каморкѣ лампу, при которой работалъ по ночамъ. Одинова роца сіяла яркимъ свѣтомъ; соборъ и церковь Троицы были также освѣщены. Между тѣмъ въ паркѣ замка, при свѣтѣ разноцвѣтныхъ фонарей, гремѣла полковая музыка. Всѣ улицы были унизаны шкаликами, и толпы народа не переставали двигаться во всѣхъ направленіяхъ.

8.

Торжественный актъ второго дня, 25-го августа (6-го сентября), посвященъ былъ *промоціямъ*. Такъ называется въ скандинавскихъ странахъ сопровождаемое извѣстными обрядами возведеніе въ ученую степень магистра и доктора. Въ шведскихъ университетахъ, Упсальскомъ и Лундскомъ, обѣ степени соединены, и потому всякая промоція бываетъ докторскою. На этотъ разъ

раздача докторской степени, обыкновенно повторяющаяся через каждые четыре года, должна была происходить въ тотъ же день по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Она всегда поручается декану или кому-нибудь изъ старшихъ профессоровъ, который и называется *промоторомъ*; за нѣсколько времени до самаго акта, онъ обязанъ напечатать и разослать такъ называемую программу промоціи съ какимъ-нибудь ученымъ разсужденіемъ или изслѣдованіемъ. Философскій факультетъ, довершающій гуманитарное образованіе, которое должно быть предварительно приобрѣтено для исканія степени по другимъ специальнымъ факультетамъ, соблюдаетъ при промоціяхъ свои особенные обряды: промоторъ, стоя на кафедрѣ, надѣваетъ на подходящихъ къ нему по очереди докторантовъ лавровый вѣнокъ и вручаетъ имъ кольцо, какъ знакъ окончательнаго обрученія ихъ съ наукою. По другимъ факультетамъ промоторъ раздаетъ, вмѣсто этого, докторскія шляпы; напередъ же самъ, послѣ сказанной имъ рѣчи, надѣваетъ себѣ на голову такую же шляпу, въ свое время имъ полученную. Кто, послѣ подобнаго возведенія въ степень, проживетъ 50 лѣтъ, тотъ при первой затѣмъ промоціи приглашается къ возобновленію этой почести, и, какъ «юбилейный докторъ» (*jubeldoktor*), снова получаетъ вѣнокъ или шляпу. Давно уже и неоднократно была рѣчь объ отмѣнѣ этихъ средневѣковыхъ обрядовъ, но мнѣніе людей, которые видятъ въ нихъ поэтическую сторону и нравственное значеніе, до сихъ поръ одерживало верхъ. Говорятъ, однакожь, что съ нынѣшнимъ юбилеемъ они навсегда прекратятся. Какъ бы ни было, на этотъ разъ положено было отпраздновать унсальскія промоціи въ полномъ ихъ блескѣ. По случаю юбилея, онѣ должны были имѣть мѣсто въ храмѣ, куда, къ 10 часамъ утра, и направилась безконечная процессія, собравшаяся тамъ же и такимъ же образомъ, какъ вчера, послѣ такого же предварительнаго возвѣщенія торжества пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Только порядокъ шествія и размѣщенія въ церкви нѣсколько отличался отъ вчерашняго, т. е. послѣ студенческой дирекціи и почетныхъ гостей слѣдовали, вмѣ-

сто депутатовъ, промоторы всѣхъ 4-хъ факультетовъ, доктора юбилейные, почетные и докторанты; къ тому же составлявшія процессію лица шли теперь не по два, а по три въ рядъ. Промоторы расположились вокругъ кафедры, а на парнасѣ (эстрадѣ) помѣстились вправо отъ нея доктора философіи, а влево — другихъ факультетовъ. Шестіе заканчивали университетскіе члены, статсъ-секретари, кавалеры ордена Серафимовъ и проч. Въ соборѣ процессія была встрѣчена великолѣпнымъ маршемъ. Вскорѣ вошелъ король съ кронпринцемъ и свитою, въ которой главное мѣсто занимали вышедшіе опять на встрѣчу къ нимъ университетскіе чины. Король на этотъ разъ былъ во фракѣ съ голубою лентой Серафимовъ по жилету. На бархатномъ воротникѣ была лира (мундирная форма профессоровъ), а на груди его величество, какъ и всѣ доктора философіи, носилъ въ этотъ день маленькій лавровый вѣнокъ. Такимъ же образомъ былъ одѣтъ и кронпринцъ. По вступленіи ихъ въ церковь, съ хоровъ грянула сочиненная на этотъ случай прекрасная кантата. Музыка ея принадлежала капельмейстеру, профессору Іозефсону, а слова одному изъ наиболѣе популярныхъ въ настоящее время шведскихъ писателей, Виктору Рюдбергу, который самъ долженъ былъ въ этотъ день получить здѣсь званіе почетнаго доктора. Наканунѣ ему оказана была студентами особенная почеть: депутація изъ 5 кандидатовъ докторской степени явилась къ нему и поднесла отъ имени прочихъ магистерское кольцо (значеніе этой эмблемы объяснено уже выше).

По общему восторгу, который кантата г. Рюдберга возбудила въ Швеціи, она заслуживаетъ перевода, хоть въ прозѣ; поэтическая сторона ея при этомъ конечно пропадетъ, но смыслъ останется, а онъ очень характеризуетъ господствующее въ Швеціи вообще и въ университетѣ настроеніе.

Хоръ.

«Изъ ночного мрака временъ, о человѣчество, ты въ теченіе вѣковъ идешь по тропамъ пустыни къ сокрытой для тебя цѣли.

Твой день—одна полоска тусклаго и слабого свѣта, за ней ты видишь туманъ, а далѣе ночь! И тамъ, гдѣ ты проходишь, валятся поколѣнія, и ты съ трепетомъ спрашиваешь: Господь всемогущій! Куда ведетъ мой путь?

«Въ явленіяхъ земли намъ видно, что все здѣсь непрочно, а когда твой пытливый взоръ устремляется къ небу, ты открываешь и тамъ, что пути звѣздъ сокращаются и гибнуть міры и солнечныя системы потухаютъ въ пучинахъ эфира. Ты слышишь кликъ: все тлѣнно; и время и пространство — ужасная, безпредѣльная темница.

Речитативъ.

«И однакожь, погрузившись въ сомнѣніе и въ мрачной думѣ пріостановясь въ пути, ты снова хватаешь знамя и безстрашно несешь его чрезъ пустыню. Ну, чтоже въ томъ, что передъ глазами наблюдателя солнца тысячами сметаются съ тверди? Что же въ томъ, что жатвы звѣздъ, какъ золотое жито, скашиваются косою времени? То, что ты мыслилъ правдиво, чего желалъ съ любовью, прекрасное, о чемъ мечталъ, не можетъ быть уничтожено временемъ: это жатва, которая у него отнимается, ибо она принадлежитъ царству вѣчности. Иди же впередъ, человѣчество! Радуйся, утѣшайся, ибо ты носишь въ груди своей вѣчность!

Аріозо.

«Каждая душа, томимая стремленіемъ къ тому, что благородно и истинно, носить и чувствуетъ въ глубинѣ своей залогъ вѣчности. Если ты забудешь все своекорыстное, если образъ Божій съ каждымъ поколѣніемъ будетъ въ тебѣ становиться совершеннѣе, то какъ бы ни далеко простиралась пустыня, ты наконецъ достигнешь Іордана.

Богословіе.

«Сомнѣваешься ли ты, что тамъ вдали ждетъ обѣтованная земля? Изнуренъ ли ты жаждою, падаешь ли безнадежно на го-

рячій песокъ? Посмотри, жезлъ Моисея извлекаетъ воду изъ каменной скалы: — итакъ впередъ по пустынѣ, Израиль человѣчества! Эта скала — о чудо! — слѣдуетъ за тобой куда ты ни идешь. Преклони колѣно при ея потокахъ, радуйся, какъ ея чистая струя освѣжаетъ тебя дивной силой на твоёмъ странствіи!

Правовѣдніе.

«Какъ предъгорячимъ вѣтромъ пустыни крутятся облака пыли, такъ Израиль отъ Хорева неся разрозненными толпами. Можеть ли шествіе достигнуть Иордана, когда въ немъ нѣтъ порядка? Посмотри, вонъ къ небу подьмется озаренный молніями Синай! Горы и долины оглашаются гуломъ грома и голосомъ закона, и отзвукъ изъ груди изумленнаго человѣка отвѣчаетъ: аминь. И съ тѣхъ поръ какъ явился глашатай закона, разрозненныя толпы растутъ, вырастаютъ въ прекрасное царство, въ священный народъ.

Медицина.

«Уже вокругъ скинии закона объединенный народъ продолжаетъ свой путь, пробивается мечемъ и копьемъ къ Иордану свободы. Но отчего же блѣднѣютъ толпы бойцовъ? Отчего пало знамя? Коварные змѣи недуга опустошаютъ ряды войска. Гдѣ же спасеніе? Вотъ спасеніе! Взгляни на данное Господомъ знаменіе; посмотри, какъ блещетъ мѣдный змѣй, обвиваясь вокругъ жезла пророка! И какъ Израиль избавленъ священнымъ символомъ, пусть идетъ здоровое, крѣпкое племя къ цѣли человѣчества!

Философія.

«Иди, мудрое, прекрасное племя, къ цѣли, предназначенной Господомъ! Но какъ найти истинный путь сквозь видѣнья марева и мракъ ночи? Посмотри, огненный столпъ указываетъ дорогу, когда ее скрываетъ мракъ: это свѣтъ мысли, свѣтящій народу сквозь царство ночи. Посмотри, въ знойный день передъ нами движется облачный столпъ; но облако соткано изъ идеаловъ; въ

нѣмъ духъ Господень. Пророкъ стоитъ на горѣ поэзіи, и ликуя возглашаетъ съ вершины: Іерусалимъ виденъ вдали. Впередъ къ отечеству!» —

Когда замолкла музыка, началась промоція докторовъ богословія. Надобно замѣтить, что по одному этому факультету докторская степень дается не иначе, какъ съ утверженія верховной власти, и на этотъ разъ король пожаловалъ въ доктора 38 пасторовъ. Стоитъ также припомнить, что первая промоція по этому факультету происходила въ 1617 году, и что программа къ ней составлена была по-латыни знаменитымъ королемъ-героемъ Густавомъ II Адольфомъ, а обрядъ промоціи совершалъ славный Оксеншерна. Въ нынѣшній разъ промоторомъ, по назначенію короля, былъ архіепископъ. Вступивъ на кафедру, стоящую въ серединѣ пространства передъ алтаремъ, онъ сказалъ небольшую латинскую рѣчь, относившуюся къ исторіи дѣла; потомъ, въ знакъ исполненія своей обязанности, при пушечныхъ выстрѣлахъ накрылся докторскою шляпой и приступилъ къ самому акту промоціи, надѣвая такія же шляпы на подходившихъ къ нему пасторовъ. Каждый изъ нихъ, получивъ, сверхъ того, изъ рукъ промотора дипломъ, сходилъ съ эстрады и, поровнявшись съ кресломъ короля, снималъ шляпу и кланялся, при чемъ удостоивался въ отвѣтъ то легкаго наклоненія головы, то привѣтливой улыбки, то даже милостиваго слова.

Когда затѣмъ пропѣта была строфа кантаты г. Рюдберга, посвященная богословію, на кафедру взшелъ промоторъ юристовъ; послѣ него тотъ же актъ былъ поочередно совершаемъ по двумъ остальнымъ факультетамъ, медицинскому и философскому. По каждому являлись прежде почетные доктора, потомъ заслужившіе степень узаконеннымъ путемъ; въ числѣ первыхъ по юридическому факультету было болѣе двадцати высшихъ шведскихъ сановниковъ, также нѣсколько государственныхъ людей и ученыхъ изъ Норвегіи, Финляндіи и Даніи. По факультетамъ медицинскому и философскому было, кромѣ того, довольно много юбилейныхъ докторовъ, съ которыхъ и начиналась церемонія. Изъ этихъ ста-

риковъ однакоже многихъ не было на лицо; изъ присутствовавшихъ особенное вниманіе обращалъ на себя маститый, но еще вовсе не дряхлый, пасторъ Гумелиусъ, изъ города Эребро: онъ получилъ степень доктора философіи въ 1815 году, и уже на промоціи 1866-го былъ вторично увѣнчанъ, а теперь въ третій разъ принималъ лавровый вѣнокъ. Кстатѣ надо здѣсь прибавить, что всѣ участвовавшіе въ процессіи, даже иностранные депутаты имѣвшіе званіе доктора, передъ выходомъ изъ зданія Carolina Rediviva, получили и съ тѣхъ поръ въ остальное время юбилея носили на груди по маленькому лавровому вѣнку. Сверхъ того, къ одеждѣ каждаго участника празднествъ приколота была особая желто-голубая розетка. Эти знаки имѣли на себѣ и король съ кронпринцемъ. Всѣ, только что произведенные или обновленные доктора, подобно богословамъ, проходили съ поклономъ передъ его величествомъ. Во время раздачи вѣнковъ почетнымъ докторамъ философіи, промоторъ г. Ньюбломъ, даровитый профессоръ эстетики (впрочитавшій потомъ прекрасные, имъ написанные къ этому дню стихи), произвелъ большой эффектъ одною неожиданной выходкой: въ числѣ предназначавшихся къ возведенію въ почетные доктора былъ недавно умершій въ Финляндіи, чрезвычайно популярный у Шведовъ поэтъ Рунебергъ; сказавъ о немъ вѣсколько сочувственныхъ словъ, г. Ньюбломъ высоко поднялъ и потомъ отложилъ въ сторону приготовленный для него вѣнокъ. Это всемъ очень понравилось.

По окончаніи промоцій, одинъ изъ университетскихъ богослововъ, взошедъ на ту же кафедру, прочелъ молитву. Послѣ возобновленной музыки и пропѣтаго на хорахъ, при участіи всѣхъ присутствовавшихъ, псалма, уже въ 3-мъ часу, стали выходить изъ храма.

9.

Теперь опять предстоялъ обѣдъ въ ботаническомъ саду, куда многіе и отправились прямо изъ церкви. По множеству приглашенныхъ, которыхъ число на этотъ разъ достигало 2,500,

приготовлено было до 53-хъ столовъ, и для выигранія мѣста они были разставлены иначе, нежели въ предыдущій день. За главнымъ, стоявшимъ поперекъ зала, опять сидѣли король съ кронпринцемъ почти въ той же обстановкѣ, какъ наканунѣ. Само собою разумѣется, что въ оба дня во время обѣда играла музыка. Удивительно было, какъ при такомъ множествѣ гостей господствовалъ полнѣйшій порядокъ: сотня слугъ исполняла свое дѣло, какъ по командѣ. Рѣчей на этомъ обѣдѣ не полагалось; были только тосты въ честь короля, за здравіе канцлера, проканцлера и ректора университета. Свобода говорить была отложена до времени послѣ обѣда; депутатамъ, еще при общемъ ихъ совѣщаніи по приѣздѣ (какъ выше упомянуто) было заявлено, что въ этотъ день, послѣ стола, канцлеръ обратится ко всѣмъ имъ съ привѣтствіемъ и что тогда приѣзжимъ представляется произносить рѣчи на какомъ языкѣ кто пожелаетъ.

Еще всѣ сидѣли за столомъ, когда входы въ ботаническій садъ открылись для народнаго гулянья, съ иллюминаціей и фейерверкомъ. Вдоль аллея горѣли разноцвѣтные фонари, стояли столы съ напитками; скоро по саду зашевелились въ разныхъ направленіяхъ массы людей, которыхъ число, какъ полагаютъ, составляло отъ 6 до 7000. Болѣе всего, однакожь, толпы сосредоточивались передъ зданіемъ, гдѣ пировали гости; тамъ же, по окончаніи обѣда, тѣснились густыми рядами студенты въ своихъ бѣлыхъ фуражкахъ и пѣли пѣсни въ ожиданіи живого слова, которое должно было раздаться съ устроенной передъ фасадомъ бѣлой кафедры. Между тѣмъ передъ нею расположилось стоя множество лицъ, пришедшихъ съ едва кончившагося пира; на самомъ первомъ планѣ, въ сторонѣ, стояли король съ кронпринцемъ. Послѣ краткаго привѣтствія проканцлера, стали всходить на эту кафедру, одинъ за другимъ; многіе изъ приѣзжихъ иностранцевъ: Лавелэ изъ Люттиха, Жеффрау изъ Парижа, Кенигъ изъ Берна, Дондерсъ изъ Утрехта, Панумъ изъ Копенгагена, Оберъ изъ Христіаніи, Топеліусъ изъ Гельсингфорса, Пелличіони изъ Болоньи, Брехъ изъ Христіаніи.

Вскорѣ послѣ начала этихъ рѣчей мнѣ было заявлено кѣмъ-то изъ университетскихъ властей желаніе, чтобы я сказалъ что-нибудь по-шведски. Взошедъ на кафедру послѣ г. Кенига, я произнесъ на этомъ языкѣ слѣдующее:

«Какъ скоро петербургская Академія наукъ получила дружелюбное приглашеніе Упсальскаго университета, тотчасъ ею были избраны два представителя, знакомые съ шведскимъ языкомъ. Этимъ Академія желала не только доказать свое давнишнее уваженіе къ заслугамъ великихъ ученыхъ Швеціи, способствовавшихъ къ развитію наукъ въ Европѣ, но также засвидѣтельствовать то высокое мнѣніе, которое вообще господствуетъ въ русскомъ обществѣ относительно шведской образованности.

«Извѣстно, что еще Петръ Великій умѣлъ цѣнить общественное устройство Швеціи и что оно послужило ему образцомъ при учрежденіи коллегій, которыя продолжали существовать до начала нынѣшняго столѣтія. Вслѣдствіе космополитическаго направленія нашей литературы съ середины XVIII вѣка, мы постепенно начали знакомиться съ мифологіей и героическими сказаніями скандинавскихъ народовъ; наши поэты стали часто заимствовать свои образы изъ этого новаго для нихъ, величественнаго міра поэзіи. Около сорока лѣтъ тому назадъ въ нашихъ журналахъ начали появляться образчики исландской литературы, опыты переводовъ изъ древней Эдды, изъ Сагъ, изъ Эленшлегера, Тегнэра, Стагнелиуса, Францэна, Рунеберга. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе замѣчательныхъ поэтовъ, Жуковский, который сопровождалъ нынѣ царствующаго Государя въ его путешествіи по Швеціи, изобразилъ въ яркомъ очеркѣ эту чудную страну съ ея своеобразными красотами природы и памятниками древности. Такимъ образомъ недавно оказалось возможнымъ предпринять въ русскомъ переводѣ изданіе сборника произведеній скандинавской литературы, первая часть котораго, довольно объемистый томъ, уже вышла въ свѣтъ.

«Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того уваженія, какое приобрѣла у насъ шведская культура, можетъ служить покрови-

тельство, оказываемое нашими великодушными монархами, съ самаго присоединенія Финляндіи, законамъ, правамъ и образованности этой страны, которымъ отдаеть справедливость всякій, кто безпристрастно судить о нихъ. Да, Русскіе, въ послѣднее время понявшіе многіе изъ недостатковъ своего общественнаго строя и такъ неутомимо стремящіеся къ своему соціальному и нравственному усовершенствованію, откровенно сознають, что они многому въ этомъ отношеніи могутъ поучиться у своихъ сосѣдей, ранѣе ихъ вступившихъ на поприще просвѣщенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы позволяемъ себѣ думать, что еслибъ наши сосѣди захотѣли покороче ознакомиться съ тѣмъ, что у насъ дѣлается, то они стали бы еще сочувственнѣе относиться къ доброму, даровитому, идущему впередъ русскому народу.

«Пользуюсь случаемъ высказать отъ имени моихъ соотечественниковъ искреннѣйшее желаніе, чтобы оба разноплеменные народа Сѣвера тѣснѣе между собой сблизились, чтобы между ними установился болѣе живой обмѣнъ мыслей и знаній, произведеній искусствъ и промышленности. При этомъ позвольте мнѣ выразить еще разъ самыя сердечныя и горячія пожеланія древнему, но еще полному жизни и силы uppsальскому высшему училищу. Да продолжаетъ онъ успѣшно свою славную дѣятельность, непрерывно совершенствуя всѣ отрасли наукъ и свое общественное благоустройство!»¹.

10.

Между другими произнесенными тутъ рѣчами особенно любопытны и знаменательны были тѣ, которыя исходили отъ представителей странъ, родственныхъ съ Швеціей по населенію или общимъ историческимъ воспоминаніямъ. Надо помнить, что между Датчанами, Норвежцами и Шведами нѣкогда господствовала упорная вражда, и попытки политическаго объединенія этихъ трехъ народовъ никогда не удавались. Присоединеніе Норвегіи къ Швеціи послѣ наполеоновскихъ войнъ долго не улучшало отно-

¹ Въ подлинникѣ эта рѣчь въ первый разъ была напечатана въ *Nya Dagligt Allehanda* 3—15 сентября.

пений между націями по обѣ стороны Кѣлена (Сканд. горъ). Но свойственное нашему вѣку стремленіе къ признанію выше всего правъ національности не могло не отозваться и на скандинавскихъ племенахъ. Взаимныя посѣщенія, въ громадныхъ размѣрахъ, студенческихъ корпорацій Стокгольма, Копенгагена и Христіаніи, къ которымъ, два года тому назадъ, позволено было присоединиться и гельсингфорскимъ студентамъ, были только выраженіемъ общаго настроенія образованныхъ сословій, стремящихся къ возможно тѣсному объединенію этихъ странъ въ отношеніи къ языку, къ литературѣ и вообще къ духовнымъ интересамъ. Это стремленіе сильно выказалось и на упсальскихъ празднествахъ. Въ послѣбѣдненныхъ рѣчахъ второго дня ректоръ университета Христіаніи, профессоръ правъ Оберъ, съ большимъ жаромъ и краснорѣчіемъ говорилъ, какъ необходимо младшему изъ скандинавскихъ университетовъ братски примкнуть къ старѣйшему, во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности. Таковъ же былъ смыслъ сказанной тогда же рѣчи ректора Копенгагенскаго университета, проф. физиологіи Панума. Между прочимъ, онъ припомнилъ любопытное обстоятельство: что датскій и шведскій университеты чуть не *близнецы*, т. е. возникли почти одновременно — между первою и второю скандинавскою уніей, среди ужасовъ племенной борьбы. «Я не историкъ, а физиологъ», сказалъ онъ, «я потому знаю, какъ иногда трудно и даже невозможно въ точности опредѣлить возрастъ новорожденнаго ребенка, и всякому извѣстно, что часто еще труднѣе узнать, сколько лѣтъ немолодой женщины». Поэтому неудивительно было бы, еслибъ оказалось не совсѣмъ легкимъ безошибочно опредѣлить возрастъ нашихъ университетовъ. Я читалъ, что король Эрикъ Померанскій, въ 1449 году, получилъ папскую буллу съ позволеніемъ основать въ Копенгагенѣ университетъ, однакожь безъ богословскаго факультета; но этимъ позволеніемъ онъ не воспользовался, а Христіанъ I, будучи въ Римѣ, въ 1474 г., выпросилъ у папы Сикста другую буллу, съ разрѣшеніемъ учредить въ Копенгагенѣ полный университетъ. Это разрѣшеніе и было приведено въ дѣйствіе, только не прежде

1479 года. Между тѣмъ въ Швеціи правитель государства Стуре, по старанію архіепископа Якова Ульфсона, въ 1477 году получилъ отъ папы Сикста позволеніе основать университетъ въ Упсалѣ. Тамъ за это дѣло принялись съ такою энергіей, что Упсальскій университетъ могъ быть освященъ въ томъ же году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ даннаго на то разрѣшенія».

Въ Финляндіи Гельсингфорскій (прежній Абоскій университетъ), основанный въ 1640 году, справедливо считаетъ себя сыномъ Упсальскаго, отъ котораго онъ заимствовалъ не только свои первоначальныя постановленія, льготы и обычаи, но получилъ и первыхъ своихъ наставниковъ; отчасти и питомцевъ. Хотя коренное и преобладающее населеніе Финляндіи совсѣмъ другого племени, чѣмъ Скандинавы, однакожь этотъ край съ благодарностью сознаетъ, что онъ всею своей культурой обязанъ Швеціи, и не можетъ забыть, что столько вѣковъ дѣлилъ ея политическія судьбы. «Поэтому естественно, говоритъ одна финляндская газета, что всякое событіе, возбуждающее радость и ликваніе по одну сторону Ботническаго залива, бываетъ встрѣчаемо тѣми же чувствами и на другомъ берегу». Взаимное сочувствіе между Шведами и Финляндцами можно уподобить тому, какое у насъ существуетъ между Русскими и другими Славянами. Извѣстно, однакожь, что рядомъ съ такимъ настроеніемъ въ Финляндіи, особенно между университетскою молодежью, есть весьма сильная партія такъ называемыхъ фенномановъ, которая не хочетъ знать шведской цивилизаціи и стремится создать, на самостоятельной почвѣ, свою отдѣльную національную культуру, стараясь ввести въ общее употребленіе финскій языкъ и образовать финскую литературу. Борьба обихъ направленій въ послѣднее время до такой степени усилилась, что она вноситъ серьезный разладъ повсюду и даже иногда между членами одного и того же семейства. На упсальскій юбилей были посланы представители обѣихъ сторонъ, но только шведская партія на немъ высказалась. Главнымъ органомъ ея былъ ректоръ Гельсингфорскаго университета, профессоръ исторіи и извѣстный писатель-поэтъ Топеліусъ, ко-

торый пользуется въ Швеціи такую популярностью, что получилъ особое приглашеніе отъ упсальскаго философскаго факультета и былъ въ числѣ промовированныхъ на юбилей почетныхъ докторовъ. Вотъ цѣликомъ рѣчь, произнесенная имъ въ день промоцій:

«Голосъ мой не довольно силенъ для такого обширнаго пространства, но родина моя не должна оставаться безъ органа на этой трибунѣ, которая сдѣлалась международною и тѣмъ свидѣтельствуесть о европейскомъ значеніи шведской науки и центральномъ положеніи Упсальскаго университета для скандинавской культуры. Прошу позволенія выразить Швеціи и Упсалѣ горячія пожеланія отъ Финляндіи и ея университета.

«Мы пришли отъ нашихъ могилъ въ Борго¹ и отъ пушечнаго гула съ Балкановъ, чтобы порадоваться процвѣтанію Швеціи и славнымъ воспоминаніямъ Упсальскаго университета. Мы пришли отъ народа, который трудится надъ началомъ своего развитія, къ народу, который уже имѣетъ древнюю исторію, древнюю культуру, и который съ честью сохранилъ эти сокровища для грядущихъ поколѣній. Прекрасная будущность, представлявшаяся вашимъ и нашимъ отцамъ, какъ марево или далекій сонъ, — время, когда воинъ опуститъ въ ножны свой кровавый мечъ, когда уврачуются раны и духъ человѣческой свободно будетъ стремиться къ высокимъ идеальнымъ цѣлямъ, — это счастливое время уже 60 лѣтъ переживается Швеціею подъ покровомъ просвѣщенныхъ королей, при содѣйствіи твердаго и доблестнаго народа. Мы благодаримъ Швецію и Упсальскій университетъ за отраднѣйшій и поучительнѣйшій примѣръ богатаго и всесторонняго развитія, который эта страна подаетъ окрестнымъ народамъ, особливо намъ, имѣвшимъ нѣсколько вѣковъ честь итти рука объ руку со Швеціей. Мы, университетскіе граждане, принадлежимъ къ тому царству духа, которое не знаетъ географическихъ предѣловъ, не раздѣляется морями, и потому-то я прошу позволенія высказать благожеланіе за великій совокупный трудъ нашего и всѣхъ на-

¹ Гдѣ недавно похоронены поэтъ Рунебергъ и епископъ Шауманъ.

родовъ для успѣховъ европейской культуры, для усовершенствованія человѣчества. Пусть мирныя побѣды одного народа всегда служатъ къ чести, радости и пользѣ всѣхъ, и съ этимъ желаніемъ я, отъ имени моихъ соотечественниковъ, горячо и почтительно привѣтствую древнюю Швецію, древнюю Упсалу».

Слабый голосъ оратора терялся въ воздухѣ, но тѣмъ не менѣе его рѣчь, какъ уже и самое появленіе его на кафедрѣ, вызвала громкія рукоплесканія. По смерти Рунеберга, имя г. Топелюса чуть ли не самое уважаемое изъ современныхъ шведскихъ писателей. Понятно, что литературная слава этихъ двухъ Финляндцевъ должна была много способствовать къ усиленію старинной связи Швеціи съ ихъ отечествомъ. Финляндскій народный гимнъ Рунеберга «Vårt land» (Нашъ край) усвоенъ и Шведами, и во время юбилея былъ пѣтъ нѣсколько разъ студентами. Ходилъ слухъ, что пока Рунебергъ былъ еще живъ, то предполагалось выразить ему особенное вниманіе тѣмъ, чтобы выбить къ юбилею только двѣ золотыя медали и изъ нихъ одну поднести королю, а другую знаменитому поэту.

Послѣ иноземныхъ ораторовъ, шведскій статсъ-секретарь Мальмстенъ съ большимъ одушевленіемъ высказалъ желаніе, чтобы Упсальскій университетъ всегда оставался на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ (т. е. никогда не былъ переводимъ въ Стокгольмъ, о чемъ уже были предположенія), а въ заключеніе всѣхъ рѣчей, архіепископъ Сундбергъ, вступивъ на кафедру, выразилъ отъ имени короля и всѣхъ пріѣзжихъ благодарность городу Упсалѣ за оказанное имъ блистательное гостепрѣитство. Наконецъ, съ той же кафедры, профессоромъ Фрисомъ прочитаны были полученныя изъ разныхъ мѣстъ поздравительныя телеграммы, именно: отъ московскаго общества естествоиспытателей, отъ собранія разныхъ членовъ норвежскаго университета, отъ гофгерихта финляндскаго города Вазы, отъ общества учителей въ Умео и Карлстадѣ, отъ пирующихъ въ Парижѣ 50 уроженцевъ Скандинавіи, отъ трехъ финляндскихъ полковыхъ врачей съ подошвы Арарата, наконецъ, отъ какого-то ученаго общества въ Познани.

Внезапно съ высоты крыши Линнеева зала (того зданія въ ботаническомъ саду, къ которому примыкалъ выстроенный для юбилея павильонъ) электрическое солнце освѣтило всю массу толпившихся впереди студентовъ и публики. Всѣ прочіе, въ томъ числѣ и король, оставались на крыльцѣ въ ожиданіи фейерверка, но фейерверкъ долго не начинался. Вдругъ кучка студентовъ подошла къ королю, стоявшему задумчиво съ сигарою во рту, и подхвативъ его при кликахъ *ура*¹, понесла на рукахъ и обошла съ нимъ нѣсколько разъ густые ряды своихъ товарищей. Наконецъ, вдали, на темномъ фонѣ облачнаго неба, съ трескомъ взвился и разсыпался огненнымъ дождемъ огромный ракетный букетъ. Фейерверкъ, впрочемъ, не былъ особенно блистателенъ и ограничился всего тремя нумерами; главный состоялъ изъ храма съ числами годовъ 1477—1877, а другой изъ креста съ вензелемъ Оскара II.

По программѣ, этотъ второй день юбилея долженъ былъ заключиться факельною процессіей въ честь короля. Мѣсто для приѣма ея было назначено передъ фасадомъ упсальскаго замка. По этому поводу живущій въ этомъ замкѣ губернаторъ, графъ А. Гамильтонъ, пригласилъ къ себѣ на вечеръ его величество съ кронпринцемъ и много другихъ почетныхъ гостей обоего пола, между прочимъ нѣсколько статсъ-секретарей, нѣсколько упсальскихъ профессоровъ и иностранныхъ депутатовъ. Шествіе по горѣ въ темную ночь длинной, растянувшейся на большое пространство процессіи, по три человекъ въ рядъ, со знаменами, съ безконечною цѣпью огней, представляло что-то таинственное². Когда студенты выстроились передъ окнами замка и пропѣли народный гимнъ, старшина ихъ, доцентъ Афцеліусъ, громкимъ голосомъ произнесъ, отъ имени всей корпораціи, привѣтственную рѣчь вышедшему къ нимъ королю. Отвѣтъ короля былъ слѣдующій:

¹ Эти клики у Шведовъ тѣмъ отличаются отъ нашихъ, что быстро и отрывисто слѣдуютъ одинъ за другимъ.

² По газетнымъ свѣдѣніямъ, всѣхъ факеловъ было триста.

«Упсальскіе студенты! Я скажу вамъ немного словъ, но они выльются у меня изъ глубины души. Въ Писаніи сказано: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будешь на земли». Мы всѣ это знаемъ, но надо помнить, что эта заповѣдь не должна быть принимаема только въ собственномъ смыслѣ, а имѣть весьма обширное значеніе. Она велитъ намъ чтить все, что есть отеческаго и материнскаго въ понятіяхъ: родина, государство, церковь, училище—и во многихъ другихъ общественныхъ отношеніяхъ. Мы здѣсь въ эти дни исполняли долгъ почтенія къ своимъ предкамъ, но чтобы настоящимъ образомъ выполнить эту обязанность, мы должны поддержать и подвинуть ихъ дѣло. Упсальскій университетъ вступаетъ въ пятый вѣкъ своего существованія. Это столѣтіе не должно быть недостойно предшествовавшихъ. Кому же въ будущемъ предстоитъ продолжать и довершать дѣло предковъ? Это лежитъ на васъ. Кто со славою будетъ дописывать въ грядущемъ отечественныя руны? Это предстоитъ вамъ. Какъ же вы будете ихъ дописывать? Бойтесь Бога — и ничего иного вамъ не нужно будетъ бояться. Ищите правды, любите ее, служите ей: она дастъ вамъ силу побѣды, она же увѣнчаетъ васъ и лаврами побѣды. Да, будьте всегда рыцарскою стражею свѣта вокругъ знаменъ отечества, сплотитесь щитами вокругъ моего сына!»

Послѣ этой рѣчи король Оскаръ II возвратился къ собранному въ покояхъ губернатора истинно-блестящему обществу. Ужинъ накрытъ былъ въ двухъ комнатахъ: въ одной для большинства гостей, въ другой—для короля съ его свитою и немногими избранными. Любезный хозяинъ былъ такъ внимателенъ, что пригласилъ меня во вторую. Передъ ужиномъ (*à la fourchette*) его величество милостиво посадилъ меня возлѣ себя на диванѣ и удостоилъ продолжительной бесѣды на французскомъ языкѣ. Онъ замѣтилъ между прочимъ, что въ факельной процессіи вмѣстѣ со студентами участвовалъ и кронпринцъ; затѣмъ Оскаръ II, произнеся нѣсколько словъ по-русски, вспоминалъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ о своемъ путешествіи по Россіи, о восторженномъ

пріемъ, вездѣ ему у насъ оказанномъ, и о томъ, какъ высоко онъ цѣнитъ свое избраніе въ почетные члены Московскаго университета. Онъ заключилъ желаніемъ имѣть въ своей библіотекѣ русскій переводъ Фритіофссаги и сообщилъ только что полученную, еще нераспечатанную телеграмму о впечатлѣніи, произведенномъ на лондонскую печать взятіемъ Ловчи. Съ своей стороны я имѣлъ случай рассказать, что много лѣтъ тому назадъ видѣлъ его величество, бывшаго еще принцемъ, вмѣстѣ съ его братьями въ университетской аудиторіи на одной изъ лекцій. Это была лекція изъ новой исторіи, которую читалъ еще молодой въ то время профессоръ Карлсонъ, бывший вмѣстѣ съ тѣмъ наставникомъ принцевъ, нынѣ статсъ-секретарь духовныхъ дѣлъ.

Факельною процессіей студентовъ закончился второй день упсальскаго юбилея. Она немного запоздала и послѣдовала не ранѣе 11-ти часовъ вечера, такъ что многіе стокгольмскіе жители принуждены были, не дождавшись ея, уѣхать изъ Упсалы. Послѣ рѣчи короля, студенты тронулись въ обратный путь и въ Одиновой роцѣ, около зданія *Carolina Rediviva*, потушивъ свои факелы при помощи начинавшагося дождя¹, разошлись по домамъ.

11.

Третій день празднествъ былъ весь посвященъ музыкѣ и танцамъ: въ теченіе дня было два концерта, а вечеромъ балъ. Оба концерта были даны пѣвческимъ обществомъ студентовъ въ зданіи *Carolina Rediviva*. Первоначально назначенъ былъ только одинъ концертъ; но такъ какъ розданныхъ для посѣщенія его 2000 билетовъ оказалось далеко недостаточно, то въ послѣднюю минуту рѣшено было устроить въ тотъ же день, въ 5 часовъ, еще другой концертъ по той же программѣ. Я буду говорить здѣсь только о первомъ, какъ главномъ и притомъ един-

¹ Въ письмѣ одного корреспондента говорится о двухъ приготовленныхъ для этого кадкахъ съ водою.

ственномъ, на которомъ мнѣ, какъ и бѣльшей части пріѣзжихъ, удалось быть. Онь начался въ половинѣ 12-го, тотчасъ по прибытіи короля и кронпринца, которые и заняли мѣста противъ самой эстрады, окруженные государственными сановниками, вчерашними докторами и университетскими гостями. Дамъ было еще болѣе нежели мужчинъ. Тутъ были играны и пѣты наиболѣе популярныя у Шведовъ пѣсни и романсы, а также и другія пьесы болѣе обширнаго объема, пользующіяся въ музыкальномъ мѣрѣ общею извѣстностью. Иностранцы были поражены прелестью и величіемъ національныхъ произведеній скандинавскихъ композиторовъ. Вообще концертъ бытъ необыкновенно удаченъ и безпрестанно вызывалъ самыя оживленныя рукоплесканія; нѣкоторые нумера были повторяемы. Старые знатоки и почитатели студенческихъ хоровъ утверждали, что никогда еще ни одинъ концертъ этого рода не достигалъ такого совершенства. Между тѣмъ, вся лѣстница и большое пространство на горѣ передъ зданіемъ были заняты студентами. По окончаніи концерта они составили хоръ и отправились по городу со своими знаменами. Передъ обелискомъ Густава Адольфа въ Одиновой роцѣ шествіе остановилось; предводитель хора со знаменемъ взошелъ на ступени его, и тутъ пропѣта была пѣсня въ память славнаго короля.

Обѣдали въ этотъ день, такъ-сказать, вразсыпную. Шведскіе и вообще скандинавскіе представители, почетныя духовныя лица и др., всего человекъ 70, были приглашены къ архіепископу на обѣдъ, данный имъ королю и кронпринцу. Иностранцы же депутаты оставались или дома у своихъ хозяевъ, которые воспользовались случаемъ оказать имъ гостепрїимство у себя, или были угощаемы нѣсколькими хозяевами вмѣстѣ въ городскомъ ресторанѣ «Флюстретъ», какъ видно между прочимъ изъ разсказа Д. И. Менделѣева, напечатаннаго въ «Голосѣ» (№ 204). Добрый и радушный губернаторъ графъ А. Гамильтонъ далъ жившимъ у него тремъ иностраннымъ депутатамъ (русскому, бельгійскому и эдинбургскому) обѣдъ въ своемъ семейномъ кругу и въ концѣ стола къ каждому изъ нихъ обратился съ особою рѣчью на ан-

гійскомъ языкѣ, стараясь выставить поочередно ученія и литературныя заслуги всѣхъ троекъ. Само собою разумѣется, что эти привѣтствія не остались безъ отвѣтовъ, въ которыхъ встрѣтившіеся съ запада и востока гости высказали свою сердечную признательность за ласки и вниманіе, оказанныя имъ въ этомъ домѣ какъ роднымъ или старымъ знакомымъ. Графиня Гамильтонъ—дочь упомянутаго выше геніальнаго историка Швеціи, поэта и композитора Гейэра; прелестная 18-тилѣтняя Эбба наслѣдовала талантъ своего дѣда къ музыкѣ и по вечерамъ пѣла шведскіе романсы; два брата ея, студенты, во время юбилея были оба маршалами; старшій любитъ поэзію и написалъ привѣтствіе къ студентамъ Лундскаго университета, въ которомъ дядя его графъ Гамильтонъ, гостившій также у брата, занимаетъ профессорскую кафедру.

Вечеромъ былъ балъ въ павильонѣ ботаническаго сада. Говорятъ, что здѣсь присутствовало не менѣе 4,000 человекъ¹. Король и кронпринцъ приняли участіе въ польскомъ: первый прошелъ туръ съ супругою архіепископа, второй—съ дочерью ректора; но его величество часовъ въ 11 уже удалился, между тѣмъ какъ кронпринцъ еще долго оставался въ числѣ танцующихъ. Въ залѣ было конечно тѣсно, однакоже двигаться было можно. Нельзя сказать, чтобы между дамами блистало особенно много красавицъ. Одною изъ наиболѣе привлекавшихъ къ себѣ взоры была жена названнаго выше профессора и поэта Нюблома, который, по окончаніи юбилея, вмѣстѣ съ нею успѣлъ уже отправиться въ Италію. Опять всюду мелькали желтоголубые шарфы маршаловъ, которые и здѣсь умѣли поддержать свою репутацію отличныхъ распорядителей. Многіе жалѣли однакожъ, что на балѣ газовое освѣщеніе было немножко слабо, и вдоль стѣнъ не

¹ Въ четвергъ, день этого бала, по желѣзной дорогѣ изъ Стокгольма въ Упсалу проѣхало не менѣе 2,637 человекъ. Число всѣхъ пассажировъ, воспользовавшихся желѣзною дорогою для переѣзда изъ столицы въ Упсалу въ теченіе трехъ юбилейныхъ дней, простиралось до 6050. Сверхъ обыкновенныхъ поѣздовъ было въ эти дни десять экстренныхъ, не считая того, который во вторникъ вечеромъ доставилъ университетскихъ депутатовъ и другихъ гостей.

было устроено эстрадъ, на которыхъ дамы, не принимавшія участія въ танцахъ, лучше могли бы «другихъ видать, себя казать». Рядомъ съ павильономъ, служившимъ для танцевъ (столовою въ дни обѣдовъ), вдоль фригидаріума, что возлѣ Линнеева зала, тянулись столы съ разными напитками, съ бутербродами и сладостями; тутъ всякій могъ получать пуншъ, пиво, чай и проч. Гости разошлись въ 3-мъ часу ночи, что, по шведскимъ обычаямъ, было уже очень поздно. Поутру оказалось на полу множество растерянныхъ дамами бантовъ, лентъ, шиніоновъ, колець, брошекъ, серегъ и т. п., изъ которыхъ образовались цѣлыя груды обрывковъ туалета и драгоценныхъ вещей.

Кончая рассказъ о балѣ, нельзя не упомянуть, что только на немъ въ первый разъ явилось нѣсколько лицъ, которыя не успѣли къ предшествовавшимъ празднествамъ. Это были: во-первыхъ, второй представитель нашей Академіи наукъ, генералъ-майоръ А. В. Гадолинъ, который, какъ уже было замѣчено мною, не могъ вовремя выѣхать изъ Петербурга, а во-вторыхъ, четыре дерптскіе студента, назначенные депутатами отъ корпорации своихъ товарищей, но также задержанные неожиданными препятствіями: они поздно получили приглашеніе и притомъ пароходу, на которомъ они прибыли, пришлось выдержать бурю¹. Тѣмъ съ большимъ радушіемъ приняты были какъ эти наконецъ отыскавшіеся юноши, такъ и запоздавшій депутатъ Академіи наукъ, на пріѣздъ котораго уже мало разсчитывали.

Въ Упсалѣ король Оскаръ II занималъ домъ, гдѣ живетъ его сынъ во время своего пребыванія при университетѣ. Баломъ кончились собственно упсальскія празднества, и на слѣдующее затѣмъ утро, въ 10 часовъ, его величество, вмѣстѣ съ кронпринцемъ, отправился въ Дротнинггольдъ, загородный дворецъ на озерѣ Меларѣ. По приглашенію моего обязательнаго хозяина, губернатора, я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ на станцію желѣзной дороги, прово-

¹ Два дерптскіе студента, которые до сихъ поръ участвовали въ упсальскихъ собраніяхъ, были не официальные депутаты, а частные гости.

дять его величество. Здѣсь собрались съ тою же цѣлю высшіе чины университета, городскія власти и нѣсколько государственныхъ людей. Король подходилъ ко многимъ изъ присутствовавшихъ и между прочимъ изъяснилъ университету свое удовольствіе за прекрасное поведеніе студентовъ во время юбилея. Меня онъ тоже удостоилъ нѣсколькихъ словъ и любезно напомнилъ о предстоящемъ въ Дротнинггольмѣ вечерѣ. Здѣсь же графъ А. Гамильтонъ представилъ меня кронпринцу. Въ Дротнинггольмѣ приглашены были на вечеръ, въ этотъ день, всѣ какъ иностранные, такъ и шведскіе депутаты, университетскіе чины и маршалы, новые и юбилейные доктора, упсальскіе почетные и студенческіе гости, высшіе государственные сановники, дипломатическій корпусъ и многія другія лица, всего человекъ 700. Въ 2 часа пополудни всѣ гости и многіе изъ хозяевъ юбилея оставили Упсалу; огромные два поѣзда, изъ которыхъ одинъ—экстренный, почти разомъ перевезли въ Стокгольмъ цѣлую массу бывшаго на празднествахъ временного населенія. Быстро столичныя отели наполнились постояльцами, которые заняли въ нихъ большею частью удержанныя за собою, при отъѣздѣ въ Упсалу, комнаты, что было необходимо въ виду опасности вдругъ очутиться безъ крова. Въ 7 часовъ пять пароходовъ отчалили отъ риддаргольмской пристани со всѣми приглашенными, для доставленія которыхъ они были назначены по повелѣнію короля: изъ нихъ одинъ (Sköldmöן — «Щитоносица») принадлежалъ его величеству, а остальные наняты на его счетъ. Почти во все время плаванія не прекращался дождь. Общество укрывалось въ каютахъ, и, благодаря обилію воспоминаній о недавно прожитыхъ вмѣстѣ дняхъ, было о чемъ вести живую бесѣду даже мало знакомымъ между собою случайнымъ сосѣдямъ.

Дротнинггольмъ (въ переводѣ: «Королевиный островъ»), лучший изъ загородныхъ дворцовъ около Стокгольма, верстахъ въ 10 оттуда, обязанъ своимъ названіемъ супругѣ Іонна III, сына Густава Вазы, Катеринѣ Ягеллоновнѣ; но нынѣшній каменный дворецъ заложенъ позднѣе Гедвигой Элеонорой, вдовою Карла

Х, по плану Никодима Тессина старшаго; исполнѣ оконченъ онъ только при Густавѣ III. Особенно замѣчательна въ немъ зала, украшенная при Оскарѣ I портретами его современниковъ; въ одномъ изъ угловъ ея всѣхъ поражаютъ стоящія рядомъ изображенія императора Николая и папы Пія IX. Въ этой-то залѣ былъ, и въ описываемый вечеръ, главный приѣмъ. Здѣсь король (въ адмиральскомъ мундирѣ) и кронпринцъ, обходя ряды гостей, привѣтливо бесѣдовали, то съ однимъ, то съ другимъ. Между тѣмъ, разносимъ былъ чай, а вскорѣ за нимъ нослѣдовало мороженое. Изъ числа принадлежащихъ къ университету лицъ можно было замѣтить нѣсколько новопожалованныхъ кавалеровъ; между ними обращалъ на себя вниманіе одинъ молодой человекъ въ военномъ мундирѣ. Это былъ городской упсальскій врачъ, капитанъ и докторъ философіи и медицины, Шульцъ, который, какъ бывшій студентъ, исполнялъ на юбилей обязанности главнаго маршала, нося, какъ и другіе распорядители, бѣлую фуражку, а на груди извѣстную двухцвѣтную перевязь: онъ безпрестанно былъ у всѣхъ на глазахъ и много способствовалъ къ поддержанію образцоваго порядка на празднествахъ. Король пожаловалъ ему орденъ Вазы.

Весь дворецъ сіялъ яркими огнями: кругомъ его и садъ былъ освѣщенъ шкаликами, насмолеными бочками и цвѣтными фонарями; изъ оконъ открывался чудный видъ на озеро Меларъ, зеркальная поверхность котораго отражала тысячи огней. Въ 9 часовъ гости приглашены были въ столовую вслѣдъ за перешедшими туда королемъ и кронпринцемъ. Тамъ приготовленъ былъ ужинъ à la fourchette¹. Къ концу его, король Оскаръ II, поднявъ бокалъ, обратился ко всѣмъ иностраннымъ депутатамъ съ слѣдующею, сказанною на французскомъ языкѣ, рѣчью²):

¹ Вотъ «меню» этого ужина, напечатанный въ готенбургской газетѣ:

«Lait. — Consommé. — Sandwiches. — Salade à l'italienne. — Saumon froid, sauce mayonnaise. — Jambon de Bayonne, à la gelée. — Gelatine de gibier, haricots verts. — Pain de foie en aspic. — Grenadins de veau aux champignons. — Râble de cerf piqué, sauce, gelée. — Poulets rôtis, salade. — Petits pois à la française. — Bavaroise à la Doria. — Nougat à la parisienne. — Dessert.»

² Въ подлинникѣ эта рѣчь была напечатана сперва въ шведскихъ газе-

«Милостивые государи! Принявъ съ такую любезностью посланное вамъ Упсальскимъ университетомъ приглашеніе присутствовать на его юбилей, вы конечно имѣли въ виду принести дань уваженія древнему училищу скандинавскаго Сѣвера и сочувствія Швеціи. Это чрезвычайно льститъ нашему патріотизму, и я чувствую потребность выразить вамъ мою благодарность.

«Но едва ли я ошибаюсь, предполагая, что еще другое важное побужденіе помогло вамъ преодолѣть всѣ трудности столь далекаго путешествія. Я разумѣю то чувство солидарности между различными національностями, которое порождается истиннымъ просвѣщеніемъ и здравою наукою, — то братское чувство, которое вполне совмѣстно съ патріотизмомъ въ настоящемъ его значеніи, но выводитъ его изъ предѣловъ отдѣльныхъ странъ и объемлетъ весь міръ.

«Мы гордимся, милостивые государи, тѣмъ, что сливаемся съ вами въ этомъ общечеловѣческомъ чувствѣ.

«Когда вы возвратитесь домой, засвидѣтельствуйте своимъ согражданамъ о нашемъ желаніи не только жить всегда въ доб-

тахъ, а потомъ въ Journal de St.-Pétersbourg 14 сентября, № 242. Вотъ ея французскій текстъ:

«Messieurs! En vous rendant avec une si grande courtoisie à l'invitation que vous envoya l'Université d'Upsala d'assister à son jubilé, vous avez sans doute tenu à rendre un témoignage d'estime à l'antique Haute école du Nord scandinave et de sympathie à la Suède. Notre patriotisme s'en trouve extrêmement flatté, et je tiens à vous en remercier.

«Je ne crois cependant pas me tromper en devinant encore un autre motif important, qui a su vaincre toutes les difficultés s'opposant contre ce long voyage. Je veux parler du sentiment de solidarité entre les diverses nationalités qu'engendre la véritable civilisation et la science réelle, de ce sentiment fraternel qui est parfaitement compatible avec tout patriotisme bien compris, mais qui l'étend au delà des frontières de chaque pays, et embrasse tout l'univers.

«Nous sommes fiers, Messieurs, de nous unir avec vous dans ce sentiment humanitaire.

«Quand vous serez de retour dans vos foyers, témoignez bien à vos concitoyens de notre désir non seulement de vivre toujours en bonne harmonie avec tous les peuples civilisés, mais encore de coopérer, selon nos moyens, aux travaux et aux progrès de la civilisation et de la science.

«Je porte un toast de remerciement et de bons souhaits pour les envoyés des Universités et des sociétés scientifiques au jubilé d'Upsala!»

ромъ согласіи со всѣми образованными народами, но и содѣйствовать, по мѣрѣ нашихъ средствъ, трудамъ и успѣхамъ цивилизаціи и науки!

«Провозглашаю тость признательности и благожеланій представителямъ университетовъ и ученыхъ обществъ на упсальскомъ юбилеѣ!»

Эта простая и возвышенная по основной мысли рѣчь просвѣщеннаго короля была достойно оцѣнена собраніемъ. Отвѣчать на нее пришлось мнѣ. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Послѣ чаю канцлеръ Упсальскаго университета, графъ Г. Гамильтонъ, заявилъ академику О. В. Струве и мнѣ, что за ужиномъ король обратится къ иностраннымъ депутатамъ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, и было бы желательно, чтобы одинъ изъ насъ двоихъ принялъ на себя трудъ отвѣчать его величеству за всѣхъ на томъ же языкѣ. Переговоривъ объ этомъ между собой, а потомъ съ графомъ, мы нашли, что такъ какъ Отгонъ Васильевичъ находится здѣсь хотя и почетнымъ гостемъ, но не въ качествѣ депутата, то приличнѣе мнѣ взять на себя это дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ графа Гамильтона принять во вниманіе краткость остающагося времени. Успѣвъ однакожь, среди разговоровъ, нѣсколько приготовить и ставъ за столомъ на указанное мнѣ противъ его величества мѣсто, я отвѣчалъ на рѣчь его въ выраженіяхъ, которыя по-русски могутъ быть переданы такъ ¹:

¹ Эта рѣчь по-французски была напечатана сперва въ *Nya Dagligt Allehanda*, а потомъ въ означенномъ номерѣ *Journal de St. Pétersbourg*. Прилагаю ее и въ подлинникѣ:

«Sire,

«En prenant la parole pour répondre, au nom de tous les députés étrangers, au toast gracieux que Votre Majesté vient de leur adresser, je sens bien toute la difficulté de cette tâche, mais ce qui m'encourage à l'entreprendre malgré cela, c'est la profondeur et la vivacité des sentiments dont nous sommes tous également animés. Quelque différentes que soient les nationalités auxquelles nous appartenons, quelles que soient les distances qui séparent les pays d'où nous venons, nous emportons tous les mêmes impressions et les mêmes souvenirs.

«Nous avons été vivement émus à la vue des belles cérémonies qui accompagnent en Suède les fêtes de la science, et il nous a été facile de nous persuader

«Государь! Принимая на себя обязанность отвѣчать, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депутатовъ, на милостивый тость, обращенный къ нимъ вашимъ величествомъ, я вполне сознаю трудность этой обязанности, но меня одобряетъ увѣренность, что всѣ мы равно одушевлены однимъ глубокимъ и живымъ чувствомъ. Какъ ни различны національности, къ которымъ мы принадлежимъ, какія разстоянія ни отдѣляютъ страны, откуда мы прибыли, — всѣ мы уносимъ отсюда одни и тѣ же впечатлѣнія, одни и тѣ же воспоминанія.

«Мы были сильно поражены зрѣлищемъ прекрасныхъ обрядовъ, сопровождающихъ въ Швеціи празднества науки, и намъ легко было убѣдиться, что эти обряды имѣютъ не одно внѣшнее только, но и весьма опредѣленное внутреннее значеніе, существенно дополняя особенности умственной жизни скандинавскихъ университетовъ.

«Мы удостовѣрились, что университетъ Упсальскій, вступая при столь благопріятныхъ предзнаменованіяхъ въ пятый вѣкъ своего существованія, имѣетъ право ожидать еще болѣе счастли-

que ces cérémonies, loin d'être des formes purement extérieures, renferment un sens très marqué et complètent essentiellement ce qu'il y a d'original dans la vie intellectuelle des universités scandinaves.

«Nous avons eu lieu de nous convaincre que celle d'Upsal, qui commence son cinquième siècle sous des auspices aussi heureux, a droit de compter sur un avenir bien plus prospère encore que n'a été son passé, et que le rôle éminent qu'elle joue déjà dans le monde scientifique doit devenir de plus en plus significatif.

Nous comprenons en même temps, Sire, que l'effet produit par les solennités dont nous avons été témoins, a été, en grande mesure, dû à la part active que Votre Majesté a daigné y prendre non seulement de fait, mais encore par Sa parole, vigoureuse, éloquente, énonçant des principes et des leçons qui font la base de la prospérité des états, ainsi que des seuls progrès vraiment solides de la jeunesse dans la science. Mais nous avons encore un sujet particulier de reconnaissance envers Votre Majesté: c'est la bienveillance personnelle, l'affabilité gracieuse, l'hospitalité enfin dont Elle a bien voulu nous honorer.

«Les jours que nous avons passés en Suède ont été pour nous de véritables fêtes, et le souvenir en sera pour la vie profondément gravé dans nos coeurs. Je demande donc à Votre Majesté la permission de Lui offrir ici, au nom de tous les députés étrangers, nos remerciements les plus vifs et les plus sincères, et de porter un toast qui sera sans doute chaleureusement accueilli par tous ceux qui sont ici présents. Messieurs, à la santé de sa Majesté! Vive le Roi!»

вой будущности, и что важное мѣсто, уже занимаемое имъ въ ученомъ мірѣ, будетъ становиться болѣе и болѣе почетнымъ.

«Виѣстѣ съ тѣмъ для насъ повятно, Государь, что успѣхъ происходившихъ на нашихъ глазахъ празднествъ много завистѣлъ отъ того дѣятельнаго участія, которое ваше величество благоволили въ нихъ принимать не только дѣломъ, но и энергическимъ, краснорѣчивымъ словомъ вашимъ, высказывая мысли и наставленія, составляющія основу благоденствія государствъ и единственныхъ истинно-прочныхъ успѣховъ молодежи въ наукѣ. Но мы имѣемъ еще особый поводъ быть признательными вашему величеству—за личное благоволеніе, за милостивый привѣтъ, наконецъ за гостепримство, какими вамъ угодно было почтить насъ.

«Дни, проведенные нами въ Швеціи, были для насъ настоящими праздниками, и воспоминаніе о нихъ будетъ на всю жизнь запечатлѣно въ сердцахъ нашихъ. Итакъ я прошу у вашего величества позволенія принести вамъ, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депутатовъ, нашу живѣйшую и искреннѣйшую благодарность и провозгласить тостъ, на который, безъ сомнѣнія, горячо отзовутся всѣ здѣсь присутствующіе. Мм. гг., за здоровье его величества! Да здравствуетъ король!»

Въ словахъ этой рѣчи не было ничего преувеличеннаго: она была сочувственно принята не только Шведами, но и всѣми иностранцами, что многіе изъ нихъ тутъ же заявили говорившему. Одно только не было высказано въ произнесенныхъ словахъ: это постоянно шевелившаяся въ глубинѣ души у всѣхъ русскихъ депутатовъ смутная, горькая мысль о страданіяхъ единовѣрныхъ братьевъ — тамъ, на далекомъ, залитомъ потоками крови Югѣ. И не одни Русскіе были подъ вліяніемъ этой тяжелой мысли: часто доводилось слышать и отъ туземцевъ, и отъ западныхъ пришельцевъ выраженіе того же грустнаго чувства; ни разу не пришлось замѣтить ни въ комъ малѣйшаго признака сочувствія нашимъ врагамъ или недоброжелателямъ. Но тѣмъ не менѣе въ эту минуту примѣшивать къ выраженію общей признательности намекъ на нашу народную скорбь было бы не совсѣмъ умѣстно.

Вскорѣ послѣ ужина гости, возвратясь на ожидавшіе ихъ у пристани близъ дворца пароходы, отплыли при звукахъ музыки и при свѣтѣ бенгальскихъ огней. Густыя тучи, прежде покрывавшія небо, успѣли между тѣмъ разсѣяться, и звѣзды привѣтливо сіяли на темномъ его сводѣ. Около полуночи всѣ пять пароходовъ высадили своихъ пассажировъ на Риддаргольмъ, гдѣ, не смотря на поздній часъ, ихъ встрѣтила огромная толпа людей; берегъ былъ иллюминированъ; съ крыши одного дома разлился по площади свѣтъ электрическаго солнца; впереди раздалось пѣніе собравшихся здѣсь членовъ пѣвческаго общества. При такихъ-то любезныхъ проводахъ гости разбрелись — и на этотъ разъ уже окончательно — въ разныя стороны. Послѣдній актъ юбилея завершился.

12.

Если гости Упсальскаго университета вынесли изъ пребыванія при немъ одни пріятныя впечатлѣнія, то и онъ могъ быть вполне доволенъ успѣхомъ празднествъ, устройство которыхъ должно было потребовать долговременныхъ и большихъ усилій. Вниманіе всего европейскаго ученаго міра, пріѣздъ избранныхъ представителей множества университетовъ и другихъ научныхъ учреждений, — представителей, между которыми было немало общеизвѣстныхъ и славныхъ именъ, — уваженіе, высказанное ими въ произнесенныхъ привѣтствіяхъ и рѣчахъ, все это не могло не быть лестнымъ для Швеціи и ея древняго университета. Готенбургская газета, разсуждая о значеніи бывшаго юбилея, говоритъ между прочимъ: «Въ то время, когда ужасы войны омрачаютъ одну изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей нашей части свѣта, когда другія страны потрясены внутренними раздорами, которые легко могутъ привести къ кровопролитію, — наше счастливое отечество великолѣпно отпраздновало память важной эпохи своего мирнаго развитія. Упсальскаго юбилея нельзя считать празднествомъ одного только университета: онъ обратился въ праздникъ всей нашей страны, — можно даже сказать: всей Европы. На-

шему отдаленному краю привелось сдѣлаться сборнымъ мѣстомъ представителей высшаго образованія всѣхъ европейскихъ народовъ. Швеція стала извѣстнѣе и приобрѣла болѣе уваженія, а при этомъ возникли и личныя дружескія связи на многіе и многіе годы. Иностранцы увидѣли вблизи, собственными глазами, народъ, которому дѣроги наука, искусство, общее образованіе, и вмѣстѣ народъ, который, при полномъ обладаніи политической и гражданскою свободою, любитъ и чтитъ законъ и порядокъ. И посреди этого народа стоитъ король, который могучимъ словомъ выражаетъ завѣтныя думы его». Упомянувъ потомъ о скрѣпленіи, на этомъ съѣздѣ, узъ Швеціи съ единоплеменными націями, газета продолжаетъ: «Нѣтъ на землѣ ни одного народа, съ которымъ населеніе Скандинавскаго полуострова не могло бы и не должно было бы жить добрыми друзьями, и мы должны признать за счастье, что имѣли случай высказать и услышать это въ такихъ словахъ, что никакія недоразумѣнія невозможны. Шведскій народъ долженъ быть благодаренъ Упсальскому университету — и преподавателямъ, и студентамъ — за то, что онъ такъ достойно выразилъ народныя чувства и мысли. Шведскій народъ можетъ свободно и радостно почитать своего короля за то, что онъ такъ высоко и прекрасно умѣлъ быть, въ полномъ смыслѣ слова, представителемъ народа. Гости съ Востока и Запада, внутри и внѣ нашихъ предѣловъ, возвращаются теперь въ свои родныя жилища. Они, конечно, будутъ рассказывать и долго помнить про упсальскіе праздники. И эти воспоминанія въ однихъ освѣжаютъ и укрѣпляютъ любовь къ родинѣ, въ другихъ возбуждаютъ или усиливаютъ уваженіе и сочувствіе къ народу, который на дальнемъ Сѣверѣ совершаетъ дѣло просвѣщенія мужественно, свободно и съ покорностью закону».

Безъ сомнѣнія, пріѣзжіе были рады многимъ встрѣчамъ и новымъ знакомствамъ. Нельзя было однакожъ не чувствовать, что такими встрѣчами и знакомствами можно было бы гораздо болѣе воспользоваться, еслибъ официальные торжества были не такъ длинны и не слѣдовали такъ близко одно за другимъ. При той про-

граммѣ, которой держались, трудно было найти минуту, чтобы отыскать именно того, съ кѣмъ хотѣлось познакомиться или вновь повидаться. Поэтому встрѣчи были большею частью только на мигъ; отыскать другъ друга въ толпѣ было чрезвычайно трудно, а навѣстить кого-нибудь, чтобы побесѣдовать на свободѣ, — еще труднѣе. Со стороны университета было бы чрезвычайно любезно, еслибъ онъ между днями, назначенными для официальныхъ празднествъ, оставилъ хоть одинъ совершенно свободный для отдыха или обмѣна мыслей между собравшимися въ такомъ множествѣ людьми науки. Вѣроятно, были причины, почему это не было признано удобнымъ. Повсему видно, что предварительныя распоряженія дѣлались съ большою обдуманностью; учреждены были два комитета: одинъ — юбилейный (*jubelkomité*), другой — квартирный (*in-quarteringskomité*). Заботою послѣдняго было только — заблаговременное распредѣленіе всѣхъ ожидавшихся гостей по квартирамъ; этотъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Фриса, состоялъ, кромѣ его, изъ шести лицъ разныхъ сословій. Г. Фрисъ, сынъ извѣстнаго ботаника и изслѣдователя грибовъ, былъ въ 1872 г. въ Москвѣ, на политехнической выставкѣ, очень полюбилъ Россію и недавно получилъ званіе почетнаго члена Московскаго университета. Юбилейный комитетъ имѣлъ предсѣдателемъ проректора, профессора Геденіуса. Въ немъ засѣдали еще три профессора, два доцента и университетскій казначей. Въ устройствѣ юбилея дѣятельно участвовали также городскія власти Упсалы и многіе изъ ея жителей. Оберъ-маршалу Шульцу подчинены были другіе маршалы, частію уже служащія лица изъ бывшихъ студентовъ, частію еще принадлежащія къ студенческой корпораціи. Всѣхъ ихъ было около 40. Они заслужили общія похвалы не только своею неутомимою заботливостью о порядкѣ и распорядительностью, но и постоянною внимательностью ко всякой просьбѣ, готовностью давать во всякое время всевозможныя справки, наконецъ, величайшею вѣжливостью въ обращеніи съ публикою. Трудно представить себѣ, до какой степени эти молодые люди должны были напрягать силы для исполненія своихъ

обязанностей, не зная усталости, а иногда отказываясь даже и отъ сна. Особенную благодарность выразили имъ издатели газетъ, корреспондентамъ которыхъ, какъ я уже сказалъ, отведены были въ соборѣ весьма просторныя и удобныя мѣста вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнъ, недалеко отъ алтаря. На ихъ вопросы и недоразумѣнія маршаламъ часто приходилось давать разъясненія и справки.

Для удобства гостей и лучшаго соблюденія порядка изданы были разнаго рода брошюры, реестры, слова пѣсенъ и т. п., притомъ, кромѣ шведскаго языка, еще и на французскомъ, напимѣръ: Programme du jubilé (родъ церемоніала), Invitation des promoteurs aux promotions de docteurs, также алфавитный списокъ присутствовавшихъ гостей. Въ соборѣ розданы были листки со словами кантатъ и другихъ музыкальныхъ пѣсень, которыя тутъ пѣлись: на концертѣ въ Carolina Rediviva у всѣхъ были въ рукахъ книжечки съ текстомъ на четырехъ языкахъ: шведскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Такимъ образомъ приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы удовольствіе слушателей и порядокъ были полные.

Въ день дротнинггольскаго вечера, поутру, хотѣли доставить гостямъ возможность воспользоваться близостью рудниковъ Даннеморы, до которыхъ по желѣзной дорогѣ около двухъ часовъ ѣзды, и для того туда устроенъ былъ экстренный поѣздъ. Но такъ какъ надо было очень торопиться, чтобы все совмѣстить въ одинъ день, и притомъ погода была ненадежная, то охотниковъ на эту поѣздку нашлось немного. Въ Даннеморѣ приѣзжіе приняты были чрезвычайно радушно директоромъ и однимъ изъ блжайшихъ помѣщиковъ, которые приготовили для нихъ экипажи для переѣзда до самой шахты. Кромѣ того, гости встрѣчены были двумя стами выстрѣловъ изъ глубины земли. Но одинъ только студентъ Грейфсвальдскаго университета рѣшился туда спуститься въ приготовленной для того бочкѣ. Послѣ обильнаго завтрака въ мѣстной гостиницѣ, хозяинъ которой говорилъ на всѣхъ языкахъ, путешественники пустились обратно и въ 3-мъ часу вернулись въ Упсалу, чтобы тотчасъ же продолжать путь до Стокгольма.

Не одна Упсала ликовала по поводу юбилея: онъ праздновался и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Швеціи, напримѣръ, въ Сундсваллѣ, въ Нортелье, особенно же въ Лундѣ. Въ Парижѣ по этому случаю пировало цѣлое общество выходцевъ изъ Скандинавіи, устроившее роскошный обѣдъ съ концертомъ, литературнымъ и танцевальнымъ вечеромъ.

По поводу упсальскаго юбилея явилось множество новыхъ сочиненій, изъ которыхъ напечатанныя по распоряженію университета были розданы всѣмъ депутатамъ. Вотъ главныя изъ нихъ: «Основныя этическія понятія Канта, Шлейэрмахера и Бострема», соч. проф. Саліна. — «Архіепископъ Яковъ Ульфсонъ, основатель Упсальскаго университета», соч. архіеп. Сундберга. — «О давности по шведскому имущественному праву», соч. Нордлинга. Эти три сочиненія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, составили одинъ большой томъ, изданный подъ заглавіемъ: «Upsala Universitets Årsskrift». Далѣе: «О слѣпотѣ къ цвѣтамъ въ примѣненіи къ желѣзнодорожному движенію и къ мореплаванію», соч. Гольмгрена. — «О народныхъ болѣзняхъ въ Швеціи», соч. Бергмана. — «Исторія Упсальскаго университета», отъ 1477 до 1654 г., 2 большіе тома, соч. Аннерстедта. — «Новыя Записки упсальскаго ученаго общества», съ изслѣдованіями по части математики и естественныхъ наукъ, на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, и т. д. Теперь, по порученію университета, одинъ изъ преподавателей его, доцентъ Бюгдѣнъ, собираетъ матеріалы для составленія подробнаго описанія юбилея, въ которое войдутъ и всѣ произнесенныя на бывшихъ празднествахъ рѣчи.

Здѣсь сверхъ того надобно упомянуть о сочиненіи, изданномъ также къ этому юбилею въ Гельсингфорсѣ профессоромъ медицины Оттономъ Ельтомъ (Hjelt) подъ заглавіемъ: «Карлъ Линней, какъ врачъ, и его значеніе для врачебной науки въ Швеціи»¹.

¹ Для тѣхъ, кто желалъ бы приобрѣсти ту или другую книгу, изданную въ Швеціи или въ Финляндіи, нелишнимъ считаю замѣтить, что въ Петербургѣ недавно открытъ шведскій и финскій книжный магазинъ г. Валленіуса (Малая Конюшенная, 10).

Бывшіе въ Упсалѣ представители Гельсингфорскаго университета, по возвращеніи въ Финляндію, отправили на имя ректора Саліна слѣдующее, подписанное всѣми ими письмо:

«Возвратясь съ достопамятнаго, радостнаго и превосходно устроеннаго празднества, на которое мы имѣли честь быть приглашенными, просимъ позволенія принести нашу признательность за отнѣнное дружелюбіе, оказанное намъ въ Упсалѣ, какъ университетскою администраціей и избранными хозяевами празднества, такъ и многими частными лицами не только въ университетскихъ кругахъ, но и внѣ ихъ. Мы считаемъ себя счастливыми, что вмѣстѣ съ представителями многихъ другихъ университетовъ были свидѣтелями того единодушнаго и справедливаго уваженія, какое король и народъ Швеціи оказали своему древнѣйшему источнику образованія, и что мы могли при этомъ выразить и отъ нашего края и университета сознаніе значенія Упсалы въ культурной исторіи какъ нашей, такъ и всего скандинавскаго Сѣвера. Примите, г. ректоръ, изъявленіе нашей живѣйшей благодарности; вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляемъ васъ съ достойнымъ отпразднованіемъ юбилея и просимъ передать наши признательныя привѣтствія и остальнымъ членамъ Университета. Пребываемъ съ искреннимъ почтеніемъ» и проч.

«Топеліусъ, Эрстремъ, Форсманъ, Монтгомери».

«Гельсингфорсъ, 22 сентября (н. ст.) 1877».

Къ этому заявленію конечно присоединились бы съ удовольствіемъ и представители всѣхъ другихъ учреждений Европы, присутствовавшіе на упсальскихъ празднествахъ.

Оглядываясь на все, что мы видѣли въ Упсалѣ, на эти блестящія церемоніи и процессіи, вообще довольно чуждыя духу нашего вѣка, на которыя однакожъ стеклись представители всей Европы (за исключеніемъ Пиренейскаго и Балканскаго полуострововъ), невольно задаешь себѣ вопросъ: отчего въ такое

время, когда всё старыя учрежденія рушатся, и едва ли что остается отъ средневѣковыхъ обычаевъ, — возникшія въ столь отдаленную эпоху университеты продолжаютъ держаться безъ коренныхъ измѣненій, сохраняя многіе изъ своихъ первоначальныхъ порядковъ? Не показываетъ ли такое исключеніе изъ общаго хода вещей, что духъ среднихъ вѣковъ, создавая университеты, угадалъ не временную только, но вѣчную потребность человѣчества и положилъ въ основаніе ихъ такую вѣрную идею, такія живучія начала, что они противостоятъ и дѣйствию времени и нападеніямъ всякихъ враждебныхъ элементовъ? Празднества Упсальскаго университета, совершившіяся на глазахъ и, можно сказать, при сочувственномъ участіи всей Европы, еще разъ доказали, какъ тверды эти учрежденія и какое значеніе они сохраняютъ въ смыслѣ органовъ общечеловѣческаго стремленія къ высшему и всестороннему образованію путемъ науки.

РЪЧЬ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО СЛУЧАЮ

СТОЛЪТНЯГО ЮБИЛЕЯ

АЛЕКСАНДРА I.

Академика М. И. Сухомлинова.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXXI-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1877.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Н. Книппеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цена 45 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1877 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Е. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Столѣтіе, истекшее со дня рожденія императора Александра I ознаменовано многими достопамятными явленіями въ исторіи русской литературы и науки. Ровно четверть этого столѣтія принадлежитъ эпохѣ Александра I, имѣющей въ высшей степени важное значеніе въ умственной и общественной жизни русскаго народа.

Рожденіе Александра I вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, не мало торжественныхъ одъ, авторы которыхъ заплатили самую щедрую дань тогдашнему литературному обычаю¹⁾.

Лирикъ Петровъ, слывшій нѣкоторое время соперникомъ Ломоносова, въ одѣ на рожденіе Александра I говоритъ:

Возникла нова въ міръ планета!
Знать были созданы не всѣ?
Отнынѣ совершенство свѣта;
Днесъ, днесъ во полной онъ красѣ....
Ему (новорожденному) поклонятся язныки,
Его почтутъ земны владыки....
Днесъ станутъ ранѣ цвѣсть древа,
Волковъ уже не будетъ болѣ....

Въ одѣ Майкова предсказывались побѣды надъ мусульманами и водвореніе правосудія, и такое пророчество основывалось единственно на томъ, что великій князь Александръ Павловичъ родился тогда, когда *луна* проходила черезъ знакъ *отсоез*²⁾.

Звѣзда первой величины тогдашняго литературнаго міра, знаменитый лирикъ Державинъ написалъ стихотвореніе на рожденіе на сѣверѣ порфирароднаго отрока. Пьеса Державина, начинающаяся словами: «съ бѣлыми Борей власами и съ сѣдою

бородой» долгое время была весьма популярною, чему немало содѣйствовало самый размѣръ ея. Всего замѣчательнѣе въ ней стихъ: «будь на тронѣ *человѣкъ*».

Слова Державина могутъ служить девизомъ того направленія, которое дано воспитанію будущаго государя. Стремленіе Екатерины II достигнуть того, чтобы Александръ былъ на тронѣ *человѣкомъ* выразилось и въ выборѣ наставника и въ преобладающемъ свойствѣ воспитанія. Избранный Екатериною II воспитатель ея внука, просвѣщенный гражданинъ швейцарской республики, Лагарпъ, ознакомилъ своего питомца съ идеями энциклопедистовъ о правахъ и обязанностяхъ чловѣка, о происхожденіи гражданскихъ обществъ, объ отношеніяхъ между властителями и подвластными, и т. д. Было бы нелѣпо предполагать, — говорилъ Лагарпъ будущему властителю — чтобы Творецъ безчисленнаго множества свѣтилъ, сіяющихъ на тверди небесной, далъ нѣкоторымъ изъ людей право располагать по своему произволу судьбою всего остальнаго чловѣчества, и можно ли допустить божественное происхожденіе власти Нероновъ, Калигулъ, Филипповъ II, Людовиковъ XI, Чингисхановъ — этихъ чудовищъ, рожденныхъ къ стыду и несчастію чловѣчества. Грубая сила создала власть; чтобы сохранить эту власть, потребовалась иная, разумная сила: надо было прибѣгнуть къ закону, водворяющему порядокъ и основы справедливости; властитель, попирающій законъ и его требованія, заставляетъ вспоминать о нечистомъ источникѣ, откуда произошла его власть. Лучшая слава государя заключается въ исполненіи имъ обязанностей *чловѣка* и гражданина, и т. д. — Подобный образъ мыслей заслужилъ полное одобреніе Екатерины II. Сочувственно отзывались слова Лагарпа и въ душѣ его царственнаго питомца, считавшаго крѣпостное право позоромъ для чловѣчества, и глубоко скорбѣвшаго о господствѣ произвола въ дѣйствіяхъ властителей.

Но въ нѣкоторой части нашего общества слышалось неудовольствіе на черезчуръ будто бы либеральное направленіе и учителя и ученика. Въ запискахъ современниковъ встрѣчаются и

такого рода замѣтки: «имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ молодымъ царемъ, имѣвшимъ по несчастію наставникомъ своимъ француза Лагарпа, внушавшаго ему таковыя же понятія».

Обвиненіе гораздо болѣе вѣское, идущее также отъ современниковъ, заключается въ томъ, что воспитаніе образовало изъ Александра космополита въ полномъ смыслѣ слова, и нисколько не содѣйствовало развитію живаго, говорящаго душѣ, сознанія нуждъ и потребностей Россіи и русскаго народа. Писатель, передавшій потомству, подъ видомъ простодушныхъ басенъ, множество чертъ современной ему общественной жизни, указалъ и на существенный по его мнѣнію недостатокъ въ воспитаніи Александра I. Крыловъ такимъ образомъ рассказываетъ о воспитаніи льва: Когда стали не шуткой думать «кого бы попросить, нанять или заставить» принять на себя воспитаніе царевича, то оказалось, что между тѣми, кого можно было попросить, нанять или даже заставить не было подходящаго, и пришлось отдать царевича на выучку въ чужую сторону. Тамъ стали учить его всякой мудрости, недоступной въ дѣтскомъ возрастѣ, но сообщаемой царевичу единственно потому, что «у нихъ не какъ у насъ, и годовалый львенокъ давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ». Извѣстно, что и Лагарпъ свои философскія идеи объ основахъ общественнаго союза развивалъ передъ слушателями, изъ которыхъ старшему не было полныхъ двѣнадцати лѣтъ. Результатомъ чужеземной педагогики для крыловскаго львенка было то, что онъ хотѣлъ «звѣрей учить вить гнѣзда». Основная мысль басни-памфлета выражается въ заключительныхъ словахъ:

Важнѣйшая наука для царей —
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Въ доказательство же, что наука эта не вполне была усвоена Александромъ, ссылаются на то, что въ его политикѣ отвлеченныя соображенія космополитическаго свойства иногда одерживали

верхъ надъ прямыми и существенными потребностями Россіи, и что даже въ средѣ самой близкой къ нему и самой вліятельной появлялись иногда лица, желавшія дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи и въ явный ущербъ русскому народу.

Но каковы бы ни были воззрѣнія современниковъ и потомства на воспитаніе Александра I, несомнѣнно то, что при первомъ проявленіи этого воспитанія на дѣлѣ, съ восшествіемъ императора Александра I на престолъ, всѣ возлагали самыя свѣтлыя надежды на молодаго государя, въ которомъ видѣли не ученика иностранныхъ учителей, а питомца Екатерины II, русской по своей дѣятельности и по своимъ сочувствіямъ.

Восшествіе императора Александра I на престолъ привѣтствуемо было въ литературѣ дружнымъ хоромъ торжественныхъ одъ. Въ числѣ ихъ авторовъ были и ветераны нашей словесности — Державинъ и Херасковъ; и профессора московскаго университета — Сохацкій и Мерзляковъ; были и князья и княжны, и гвардейскіе офицеры и священники; былъ и писатель, которому суждено впоследствии составить литературную славу эпохи Александра I — Н. М. Карамзинъ. Какъ ни безцвѣтны повидимому многія изъ произведеній, вызванныхъ воцареніемъ Александра I, въ совокупности они служатъ живымъ памятникомъ своего времени, знакомятъ съ настроеніемъ тогдашняго общества и съ понятіями и требованіями образованнѣйшей его части. Всѣ эти оды привѣтствуютъ воспитанника *Екатерины II*, государя-человѣка, уважающаго законъ и ненавидящаго рабство. Такое представленіе вытекало изъ жизни: оно сложилось очевидно подъ вліяніемъ порядка вещей, господствовавшаго со времени кончины Екатерины, и невольно пробуждавшаго воспоминаніе о той счастливой порѣ, когда съ высоты престола говорили о святости закона и рѣзко осуждали злоупотребленіе власти.

Впечатлѣніе, произведенное на современниковъ восшествіемъ императора Александра I на престолъ, просто и вѣрно представлено въ запискахъ Шишкова, близко знакомаго съ тогдашними событіями. Этотъ честный морякъ и замѣчательный писатель го-

ворить слѣдующее: «Александръ первый, государь молодой и кроткій, воцарился. Радость была всеобщая. Безпрестанные слухи о заточеніяхъ и наказаніяхъ, всякаго рода страхи и опасности, чтобъ нечаянно не провиниться, исчезли. Всѣхъ умы и сердца успокоились. Крѣпость опустѣла огъ заключенныхъ въ ней, и на вратахъ ея неизвѣстною рукою написано было: *свободенъ отъ постоа*. Всѣ ожидали возстановленія прежняго (т. е. екатерининскаго) въ правительствѣ духа и устройства. Троципскій поднесъ къ подписанію манифестъ, въ которомъ государь торжественно обѣщала идти по стопамъ великой своей бабки. Въ тысячи стихотвореніяхъ на разныхъ языкахъ, повторялись восторги и похвалы сему обѣщанію. Самый поворотъ отъ холодной зимы къ яснымъ и теплымъ днямъ весны, казалось, предвѣщала, съ уничтоженіемъ худо-введенныхъ новизнъ, оборотъ на старыи, благотворный образъ правленія».

Какъ ни старались писатели умалчивать о событіи, утаить которое, говоря словами Шишкова, было такъ же трудно, какъ и спрятать солнце и луну отъ людскаго глаза, тѣмъ не менѣ намеки, и весьма прозрачныя, невольно срывались съ пера. Державинъ вздумалъ было оправдываться и доказывать, что слова его оды: «умолкъ ревъ норда сиповатыи; закрылся грозный, страшный взглядъ»—простая риторическая фигура; но этимъ самымъ далъ новый поводъ искать въ нихъ реального смысла, ради котораго ода и была запрещена цензурою.

Воцареніе Александра I привѣтствовали не только русскіе, но и иностранныя поэты, и во главѣ ихъ одинъ изъ корифеевъ тогдашней нѣмецкой литературы, авторъ мессіады, Клопштокъ. На своемъ мистическомъ языкѣ Клопштокъ изображаетъ появленіе въ міръ человѣчности (*menschlichkeit*) въ лицѣ русскаго государя Александра, который одержитъ прекрасную побѣду надъ грубою силою, и смоетъ позоръ, лежащій на имени *Александра* со времени Александра македонскаго³⁾. Подобныя же мысли и образы встрѣчаются и въ произведеніяхъ русскіихъ писателей:

Такъ два извѣстны Александра:
 Одинъ всю землю возжигаль;
 Объятнй заревоиъ пожара,
 Въ громахъ и молнйяхъ леталь.
 Другой спокойство всѣмъ даруетъ,
 Любовью нѣжной торжествуетъ,
 И ею побѣждаетъ мйръ.
 Тотъ богъ войны, тотъ богъ свирѣпства,
 А сей творецъ добра, блаженства. . . . 4).

Изъ ряда торжественныхъ одъ выдѣляются два произведенія Карамзина: на восшествіе на престолъ и на коронованіе императора Александра I. Карамзинъ говоритъ:

Воспитанникъ Екатерины!
 Тебя Господь Россіи далъ.
 Ты урну нашея судьбины
 Для дѣлъ великихъ воспріялъ.

Эти великія дѣла обнаружатся въ заботахъ о просвѣщеніи и правосудіи:

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья —
 Наукой счастливъ человекъ —
 И блескомъ твоего правленья
 Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
 Се музы, къ трону приступая,
 И черныи крепы съ себя снимая,
 Твоей улыбки милой ждуть. . . .
 Когда не всѣ законы ясны,
 Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
 Когда же въ смыслѣ несогласны,
 Ты ихъ премудро согласишь.
 Законъ быть долженъ какъ зеркало,
 Гдѣ бъ солнце истины сіяло

Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
 Великъ какъ Богъ законодатель,
 Онъ мирныхъ обществъ основатель
 И благодѣтель всѣхъ вѣковъ....

Но для достиженія великихъ цѣлей — умственного и нравственного блага, необходимо оградить себя отъ лукавыхъ совѣтовъ:

Есть родъ людей царю опасный:
 Имъ имя — хитро лстецы;
 Снаружи ангеламъ подобны,
 Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
 И въ возняхъ адскихъ мудрецы.
 Они отечества не знаютъ,
 Они не любятъ и царей;
 Но быть любимцами желаютъ;
 Корысть ихъ богъ: лишь служить ей....

Внутренняя связь между временами Екатерины II и Александра I открывается и въ сходствѣ воззрѣній замѣчательнѣйшихъ представителей этихъ двухъ эпохъ. Свобода, основанная на законѣ и изъ него истекающая была идеаломъ лучшихъ людей вѣка Екатерины II. Водворенія свободы и законности искренно желали поэты и мыслители Александровскаго времени. Державинъ говорилъ:

Рабъ и похвалить не можетъ,
 Онъ лишь можетъ только лстять.

Таже мысль заключается въ словахъ Карамзина, обращенныхъ къ императору Александру:

Короны блескомъ ослѣпленный,
 Другой въ подвластныхъ зрить — рабовъ;
 Но ты, душою просвѣщенный,
 Не терпишь стука ихъ оковъ.

Тебѣ одна любовь прелестна,
 Но можно ли рабу любить?
 Любовь со страхомъ несовмѣстна;
 Душа свободная одна
 Для чувствъ ея сотворена.
 Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
 Тамъ рабство, гдѣ законы нѣтъ. . . .

Идею закона и отношеніе его къ власти, управляющей народами, Державинъ выразилъ ясно и опредѣленно, сказавши:

Царей они подвластны волѣ,
 А Богу правосудну болѣ,
 Живущему въ законахъ ихъ.

Такое же высокое уваженіе къ закону было неоднократно выражаемо и императоромъ Александромъ. Я отнюдь не считаю себя выше закона, — говорилъ императоръ Александръ — и признаю справедливою только ту власть, которая истекаетъ изъ закона; на миѣ болѣе, нежели на комъ другомъ, лежитъ обязанность быть строгимъ блюстителемъ закона⁵⁾.

Признаніе правъ закона произвело оживляющее дѣйствіе на умы. Рѣшимость править Россіею по законамъ Екатерины II, выраженная Александромъ I при вступленіи его на престолъ, какъ нельзя болѣе удовлетворяло тогдашнему настроенію общества и положенію вещей: у всѣхъ передъ глазами были печальные слѣды упорнаго желанія идти противъ теченія, дѣйствовать наперекоръ законамъ и стремленіямъ Екатерины. И впоследствии не одна личная воля, подлежащая колебаніямъ и измѣненіямъ, заставляла Александра обращаться ко временамъ Екатерины мыслию и дѣломъ при рѣшеніи многихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Геніальный умъ Екатерины работалъ для настоящаго и будущаго, и хотя будущее приносило новыя нужды и требованія, связь съ прошлымъ не разрывалась иногда даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда личная воля новыхъ людей требовала

разрыва. Сама исторія словно позаботилась о томъ, чтобы сблизить въ сознаниі потомства двѣ эпохи, связь между которыми такъ живо чувствовалась современниками, пережившими первую изъ нихъ и видѣвшими наступленіе второй.

Сила историческихъ обстоятельствъ привела къ тому, что эпоха Екатерины II и эпоха Александра I ознаменованы событіями, представляющими много общаго по своей основной идеѣ и по своему вліянію на умственную и общественную жизнь русскаго народа. Первостепенный ученый своего времени, историкъ Шлецеръ замѣтилъ, что изъ всѣхъ событій, прославившихъ царствованіе Екатерины II, по своимъ послѣдствіямъ и по высокому историческому значенію особенно важны: побѣды Румянцова надъ турками и учрежденіе народныхъ училищъ. Съ такою же справедливостью исторія имѣетъ право сказать, что главнѣйшими событіями царствованія Александра I должны быть признаны: война 1812 года и учрежденіе цѣлаго ряда училищъ съ университетами во главѣ.

Мы не будемъ говорить о войнѣ 1812 года. Память о ней воскресаетъ съ новою силою въ настоящую годину, когда русскій народъ приноситъ столько кровавыхъ жертвъ, и чѣмъ выше эти жертвы, чѣмъ несокрушимѣе храбрость и отвага русскихъ воиновъ, тѣмъ живѣе благодарность Провидѣнію, пославшему ихъ доблестнымъ предкамъ достойныхъ ихъ вождей: Кутузова, Барклая-де-Толли, и ихъ сподвижниковъ, имена которыхъ дороги для русскаго народа «священной памятью двѣнадцатаго года». Предоставляя правдивому и безпристрастному суду исторія опредѣленіе заслугъ Александра I передъ Россіею въ отношеніи къ войнѣ 1812 года и ея политическимъ слѣдствіямъ, обратимъ вниманіе на подвиги другаго рода — на явленія въ обширной области просвѣщенія народа.

Просвѣщеніе народа, содѣйствіе успѣхамъ науки и литературы было однимъ изъ прекрасныхъ стремленій, завѣщанныхъ Александру I его геніальною воспитательницею. Воспитанникъ Екатерины съ самаго вступленія своего на престолъ выражалъ

свое уваженіе къ наукѣ и литературѣ и свое сочувствіе къ ихъ представителямъ. Многіе научныя и литературныя труды явились въ свѣтъ только благодаря вниманію къ нимъ государя; многія сочиненія представляемы были государю въ рукописи, печатались по его приказанію на счетъ кабинета, и всѣ экземпляры отдавались авторамъ въ ихъ полную собственность. Втеченіи одного 1802 года на счетъ кабинета напечатано книгъ на 160,000 руб. Всѣ выдающіеся ученые того времени: академики Румовскій, Иноходцевъ, Палласъ, Георги, Озерецковскій, Севергинъ, и др., были такъ или иначе почтены вниманіемъ государя. Но что всего замѣчательнѣе — Александръ I обнаруживалъ желаніе приблизить къ себѣ людей мысли и науки, и считалъ своею обязанностію прислушиваться къ ихъ правдивому голосу даже и тогда, когда они рѣшались высказывать горькія истины. При этомъ невольно приходятъ на мысль отношенія императора Александра I къ его знаменитому современнику Карамзину. Справедливо замѣчаютъ, что эти отношенія дѣлаютъ честь какъ писателю, незапятнанному себя лестью, и смѣло говорившему правду, такъ и государю, понимавшему благородный источникъ смѣлости челоуѣка, никогда и ни передъ кѣмъ неизмѣнявшаго своей любви къ Россіи. До конца жизни своей Александръ сохранилъ высокое уваженіе къ Карамзину, какъ это торжественно засвидѣтельствовалъ императоръ Николай, выражая «и за покойнаго государя, и за себя сѣмого, и за Россію признательность Карамзину, которую онъ заслужилъ и своею жизнію какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель». Безспорное значеніе для характеристики Александра I имѣетъ та черта, что передъ нимъ могъ свободно высказывать свой образъ мыслей гражданинъ-писатель,

Умѣвпій все совокупить
 Въ ненарушимомъ, полномъ строѣ
 Все челоуѣчески-благое
 И русскимъ чувствомъ закрѣпить;
 Умѣвпій, не сгибая выи

Предъ обявляюмъ вѣнца,
 Царю быть другомъ до конца
 И вѣрнопопдааннымъ Россіи 6).

По убѣжденію Карамзина, лучшею похвалою Александру I служить то, что онъ былъ *человѣкъ*: «у насъ на тронѣ человѣкъ», говоритъ Карамзинъ, и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ этому считаетъ основанную на уваженіи къ правамъ человѣчества систему народнаго образованія, возвышающаго умственное и нравственное достоинство человѣка. По замѣчанію Карамзина, выработанный при Александрѣ «великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и государя ея, но и для самого вѣка; не только Россія, но и Европа, и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой державѣ своей 7).

Начало царствованія императора Александра I ознаменовано учрежденіемъ университетовъ въ Казани и въ Харьковѣ; преобразованіемъ университетовъ: московскаго, виленскаго и дерптскаго; открытіемъ по всей Россіи гимназій, уѣздныхъ училищъ и приходскихъ школъ; устройствомъ учебныхъ округовъ, и т. п. Тогда же данъ новый уставъ и академіи наукъ. Всѣ эти мѣры, будучи связаны единствомъ основной мысли, составляютъ стройное цѣлое, дополняя и объясняя одна другую. Дѣятельность по устройству университетовъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія бросаетъ новый свѣтъ и на времена отдаленныя, на событіе, совершившееся почти за цѣлое столѣтіе, именно на учрежденіе академіи наукъ. Многое изъ того, что было неизбѣжно при основаніи академіи, повторилось и при учрежденіи университетовъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всей системы народнаго образованія, ограничимся въ настоящемъ очеркѣ нѣсколькими данными, относящимися къ академіи наукъ и отчасти къ университетамъ.

Преобразование академіи наукъ при Александрѣ I находится

въ неразрывной связи съ тогдашнимъ состояніемъ русской образованности и съ предшествующими судьбами академіи.

При самомъ учрежденіи академіи наукъ и много разъ впоследствии возникалъ вопросъ о томъ, не было ли это дѣйствіе Петра Великаго преждевременнымъ, и соответствовало ли оно существеннымъ потребностямъ Россіи. Одинъ изъ образованнѣйшихъ современниковъ Петра Великаго, историкъ Татищевъ, говорилъ, что прежде надо было бы приготовить почву, а потомъ уже бросать въ нее сѣмена науки. Представитель другаго поколѣнія, академикъ Шлецеръ, не могъ, говоря его словами, постигнуть, какимъ образомъ такой великій государь, какъ Петръ I основалъ академію наукъ, а не подумалъ о народныхъ школахъ⁸). Но при внимательномъ и разностороннемъ обсужденіи дѣла открытіе въ Россіи академіи наукъ по мысли Петра Великаго представляется въ иномъ свѣтѣ. Если перенестись мыслию въ тѣ времена, когда жилъ и дѣйствовалъ Петръ Великій; если вникнуть въ условія тогдашняго быта, въ складъ понятій, господствовавшихъ въ обществѣ, и т. д., нельзя не отдать должной справедливости тому, что наукѣ предоставлено, такъ сказать, право гражданства въ русскомъ обществѣ, и учреждена академія не исключительно для примѣненія наукъ къ насущнымъ, матеріальнымъ потребностямъ, а одною изъ существенныхъ ея цѣлей поставлено расширять область знанія новыми изслѣдованіями и открытіями — «чрезъ новые инвенты совершать и умножать науки». Въ этомъ сознаніи правъ науки заключался вѣрный залогъ для ея водворенія въ Россіи. Чѣмъ выше стоитъ наука, тѣмъ разумнѣе и плодотворнѣе ея примѣненіе; чѣмъ обширнѣе знанія людей, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія, тѣмъ сильнѣе вліяніе ихъ просвѣтительной дѣятельности. Судьбы народнаго просвѣщенія въ эпоху Александра I доказываютъ это самымъ положительнымъ образомъ.

Что касается отношенія академіи, при самомъ ея открытіи, къ нуждамъ и потребностямъ Россіи, то на это имѣются самыя точныя указанія. Утвержденный Петромъ Великимъ проэктъ ясно

и опредѣленно говоритъ, что академія наукъ учреждается съ двумя цѣлями, изъ которыхъ одна имѣетъ въ виду настоящее, а другая — будущее.

Первая цѣль состояла въ томъ, чтобы «слава государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась», т. е. чтобы Россія приобрѣла во всей Европѣ славу государства, заботящагося о развитіи наукъ. Довольно вспомнить славныя имена Леонарда Эйлера и Бернулли, чтобы видѣть, какъ блистательно достигнута одна изъ цѣлей академіи — повліять на общественное мнѣніе Европы. Конечно, призвать въ Россію иностранныхъ знаменитостей отнюдь не значило еще водворить науку въ Россію; но начало было положено, и произвело свое впечатлѣніе въ образованныхъ кругахъ европейскаго общества. Вѣдь и наказъ Екатерины II вовсе не служилъ ручательствомъ въ томъ, что просвѣтительныя идеи примѣняются во всей своей силѣ въ русскихъ судахъ и администраціи; тѣмъ не менѣе обнародованіе наказа сильно подѣйствовало на общественное мнѣніе Европы, и возбудило въ иностранцахъ желаніе ближе ознакомиться съ умственною жизнью Россіи. Желаніе это было однимъ изъ главныхъ поводовъ къ появленію превосходнаго труда Бакмейстера — «русской библіотеки для познанія современнаго состоянія литературы въ Россіи».

Но мысль Петра Великаго не могла удовлетвориться блескомъ, хотя бы и ослѣпительно-яркимъ, но тѣмъ не менѣе временнымъ. Петръ Великій желалъ, чтобы свѣтъ наукъ, зажженный въ его родной землѣ, не только свѣтился въ ней, но и просвѣщалъ и согрѣвалъ ее, питая и поддерживая живыя умственныя силы русскаго народа. Вторая цѣль учрежденія академіи заключалась въ томъ, чтобы науки разрались и размножились въ русскомъ народѣ — чтобы «чрезъ обученіе и распложеніе наукъ польза народа впредь была». Въ сущности въ словахъ этихъ заключается таже самая мысль, которая впоследствии неоднократно выражалась въ проэктахъ и разсужденіяхъ лицъ, наиболѣе знакомыхъ съ ходомъ академической жизни и съ существенными задачами и потребностями академіи наукъ.

Какое же средство придумалъ Петръ Великій для того, чтобы открыть русскимъ путь для самостоятельныхъ занятій наукою, сосредоточенныхъ тогда въ академіи? Единственнымъ средствомъ оказалось учрежденіе университета, хотя въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Исторія просвѣщенія въ Россіи показываетъ, до какой степени необходимо было учрежденіе при академіи наукъ университета и гимназій. Всѣ русскіе академики восемнадцатаго столѣтія, за весьма незначительными исключеніями, получили свое образованіе въ академической гимназій и университетѣ. Даже въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, во время преобразованія академіи наукъ при Александрѣ I, признано необходимо учредить при академіи училище, которое служило бы разсадникомъ будущихъ русскихъ ученыхъ. Лица, специально призванныя для обсужденія академическаго устава, въ числѣ которыхъ были и товарищъ министра народнаго просвѣщенія и непремѣнный секретарь академіи наукъ, не придумали другаго средства, кромѣ того, которое указано было еще Петромъ Великимъ: они предлагали учредить академическое училище съ раздѣленіемъ учениковъ, по мѣрѣ прохожденія курса, на два разряда — на *питомцевъ* и на *студентовъ*. Въ уставѣ академіи наукъ, утвержденномъ Александромъ I, говорится: «Какъ науки, коихъ усовершенствованіемъ академія должна заниматься, преподаются только до нѣкоторой степени ихъ во всѣхъ заведеніяхъ, для образованія юношества учрежденныхъ, даже и въ самыхъ университетахъ, то дабы академія обезпечена была со стороны способовъ наполнить со временемъ мѣста академиковъ россійскими учеными, мы повелѣваемъ ей содержать, подъ именемъ академическихъ воспитанниковъ, известное число молодыхъ людей изъ россійскихъ уроженцевъ, выбранныхъ съ надлежащею осмотрительностію. Сіи воспитанники, числомъ 20, будутъ избираемы изъ университетскихъ студентовъ и учениковъ гимназій, имѣющихъ постоянную склонность и отмѣнную способность къ одной изъ тѣхъ наукъ, коими академія занимается. Каждый изъ воспитанниковъ препоручается академику той науки, которой онъ посвятилъ себя. Академикъ, взявъ

воспитанника подъ свое управленіе и непосредственный надзоръ, преподаетъ ему наставленіе вмѣстѣ съ своимъ адъюнктомъ, поручая ему утверждать его въ началахъ науки, и предоставляя себѣ труднѣйшія и высшія части оной». Не тѣже ли самое говорится и въ проэктѣ, утвержденномъ Петромъ Великимъ: потребнѣе всего, чтобы академія наукъ состояла «изъ самолучшихъ ученыхъ людей», и чтобы они «наукамъ молодыхъ людей публично обучали, и чтобъ они нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы молодыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли».

Для вѣрной оцѣнки дѣйствій и воззрѣній Петра Великаго необходимо строго держаться историческаго мѣрила и не терять изъ виду послѣдовательности явленій, въ которой одни изъ нихъ смѣнялись другими. Во времена, ближайшія къ эпохѣ Петра Великаго, занятія науками цѣнились исключительно по степени ихъ практической пригодности въ примѣненіи къ ремесламъ, фабрикамъ, заводамъ и т. д. На академію наукъ смотрѣли какъ на канцелярію ученыхъ дѣлъ, а на академикомъ — какъ на чиновниковъ этой канцеляріи. Всѣ государства, а особенно руссійское — говорилось въ регламентѣ, дѣйствовавшемъ съ половины восемнадцатаго столѣтія — нуждаются въ изученіи и въ открытіяхъ въ травахъ, деревьяхъ, соляхъ, рудахъ и пр., словомъ во всемъ томъ, что внутри и на поверхности земли находится. И какъ всѣхъ этихъ вещей не только свойства и пригодности, но часто и имена неизвѣстны, то надо имѣть ботаника, анатомика и химика. Такъ какъ въ государствѣ, въ которомъ есть и администрація, и флотъ, и мануфактуры, и т. д., необходимы матерія, краски, машины, пушки, и т. п., то необходимъ академикъ по экспериментальной физикѣ и другой — по механикѣ. Академикъ по механикѣ обязанъ изобрѣтать всякія машины, которыя были бы полезны въ гражданской и военной архитектурѣ и въ прочемъ. Польза отъ академикомъ слѣдующая: если понадобится проэктъ или что другое адмиралтейству или полиціи, то академики должны рассмотреть или изобрѣсти... Если кто изъ академикомъ сдѣлаетъ изобрѣтеніе,

которое может служить или къ пользѣ полиціи (т. е. администраціи) или къ силѣ военной, долженъ сейчасъ донести канцеляріи, и т. п. Академикамъ Ломоносову и Тредьяковскому приказано было сочинить по трагедіи, и приказъ этотъ объявленъ имъ въ канцеляріи, и т. д. ⁹⁾

Съ воцареніемъ Екатерины II настали лучшія времена для умственной жизни Россіи, для русской литературы и науки; начался и новый и блистательный періодъ академіи наукъ. Покойный академикъ Бэръ находилъ, что именно въ этотъ періодъ академія наша наиболѣе приблизилась къ своему истинному назначенію. По живой связи эпохи Екатерины II съ эпохою Александра I позволяю себѣ привести слова знаменитаго ученаго, который еще такъ недавно составлялъ красу и гордость нашей академіи.

Въ сохранившемся въ рукописи, замѣчательномъ отзывѣ своемъ по поводу открытія новой каѳедры академикъ Бэръ говоритъ: Мнѣ всегда казалось, что наша академія должна устремлять свою ученую пытливость преимущественно на тѣ особенности, которыя представляетъ Россія, и расширять область знанія такими вкладами, которые можно добыть преимущественно въ Россіи. Но при первомъ устройствѣ академіи не обратили на это должнаго вниманія. Выборъ академическихъ каѳедръ въ такой же мѣрѣ соотвѣтствовалъ Петербургу, какъ и Парижу или Палермо. Не было даже учреждено ни каѳедры русской исторіи, ни каѳедры русскаго языка. По духу того вѣка заботились только о томъ, чтобы перенести въ Россію науку, научное изслѣдованіе, простирающееся на различныя области знанія. Въ царствованіе Екатерины II порядокъ вещей измѣнился. Россія приобрѣла подобающее ей мѣсто въ средѣ цивилизованныхъ государствъ, и ученый міръ, признавшій за Россією право голоса, долженъ былъ ожидать, что она возвыситъ свой голосъ преимущественно по тѣмъ отраслямъ знанія, которыя съ особеннымъ успѣхомъ могли разрабатываться въ Россіи. Это превосходно понимала Екатерина II, и снаряженные ею ученые путешествія для всесторонняго изученія Россіи соста-

вили истинную, неотрицаемую славу нашей академіи. Отдавая должную справедливость великой мысли Екатерины, Бэръ выражаетъ сожалѣніе, что академія не была тогда же преобразована согласно съ тѣми требованіями, которыя предъявляла наука въ отношеніи къ изученію и изслѣдованію Россіи. Но то, что неудобно было сдѣлать вдругъ, совершалось постепенно. Условія, къ которымъ не могла оставаться равнодушною наука, заключались въ слѣдующемъ: обширное пространство Россіи, разнообразіе климата и естественныхъ произведеній, сношенія съ азіятскими народами, разноплеменное населеніе Россіи и преобладаніе въ ней славянской расы, и т. д. По мнѣнію Бэра, отвѣтами на эти жизненные требованія науки служили: учрежденіе російской академіи; открытіе каедръ азіятскихъ языковъ и проэктъ азіятской академіи; обширныя изслѣдованія по климатологіи; предложеніе открыть двѣ каедры для языковъ такъ называемыхъ инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, и заявленіе о необходимости призвать въ академическую среду ученаго изъ западныхъ славянъ. Бэръ энергически поддерживалъ это заявленіе, указывая на связь его съ прямыми потребностями Россіи не только въ научномъ, но и въ политическомъ отношеніи ¹⁰⁾.

Императоръ Александръ I, приступая къ преобразованію академіи, объявилъ во всеуслышаніе, что академія наукъ рядомъ подвиговъ и въ особенности славными путешествіями академикомъ въ царствованіе Екатерины II доказала ту пользу, которую подобныя учрежденія приносятъ государству. Потребность преобразования всего живѣе сознаваема была въ ученой средѣ самой академіи. Привѣтствуя новаго президента, непремѣнный секретарь академіи наукъ Фуссъ высказалъ отъ имени всей ученой корпораціи общее, единодушное и завѣтное желаніе всѣхъ ея членовъ, состоявшее въ томъ, чтобы академія была преобразована. Къ участию въ этомъ дѣлѣ призваны были всѣ члены ученаго собранія; каждому предоставлено было право высказать свое мнѣніе о нуждахъ и потребностяхъ академіи. Отовсюду слышались жалобы на крайнюю недостаточность научныхъ посо-

бій, которыми могла располагать академія, неимѣвшая ни инструментовъ для производствъ наблюдений, ни матеріальныхъ средствъ для ученыхъ предпріятій въ обширныхъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ академики жаловались на свое, какъ выражались они, порабощеніе вслѣдствіе полнѣйшаго господства бюрократіи въ управленіи академическими дѣлами. Представлено было нѣсколько проектовъ устава академіи наукъ, заключающихъ въ себѣ любопытныя черты умственной и общественной жизни того времени. Для разсмотрѣнія проектовъ и начертанія устава составленъ былъ комитетъ, членами котораго назначены: Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, графъ Северинъ Потоцкій, профессоръ московскаго университета Баузе и непремѣнный секретарь академіи наукъ Николай Ивановичъ Фуссъ. М. Н. Муравьевъ соединялъ въ себѣ двѣ знаменательныя эпохи: принадлежа къ числу просвѣщеннѣйшихъ писателей вѣка Екатерины II, онъ былъ и однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ области просвѣщенія въ первые года царствованія императора Александра I. Графъ Северинъ Потоцкій памятенъ въ исторіи русской образованности своею разумною дѣятельностью по устройству харьковскаго университета и харьковскаго учебнаго округа. Профессоръ Баузе приобрѣлъ почетную извѣстность своими учеными трудами, между которыми видное мѣсто занимаютъ изысканія, касающіяся внутренней жизни Россіи и знакомящія съ историческимъ движеніемъ народнаго образованія. Отъ академика Фусса, по самому его званію, комитетъ въ правѣ былъ ожидать наиболѣе точныхъ и подробныхъ указаній на нужды академіи и на ходъ академическихъ дѣлъ вообще.

Въ проектѣ, выработанномъ названными лицами, назначеніе академіи опредѣляется слѣдующими замечательными чертами: «Санктпетербургская академія наукъ, полагая во основаніе главное назначеніе всѣхъ ученыхъ обществъ — распространять предѣлы человѣческихъ знаній откровеніями, присоединяетъ къ тому особенную и ей свойственную обязанность — прилагать ихъ непосредственно къ государственной пользѣ: испытывать есте-

ственныхъ произведенія во всемъ пространствѣ Россіи, и неослабными попеченіями назидать собственную ученость, чтобы она обратилась наконецъ въ природное произведеніе отечества»¹¹⁾.

Въ официальной редакціи, мысль эта, ослабленная подробностями, давшими ей нѣсколько иной видъ, выражена такимъ образомъ: «Главнѣйшія обязанности академіи слѣдуютъ изъ самой цѣли ея назначенія, общей со всѣми академіями и учеными обществами: — расширять предѣлы знаній человѣческихъ; усовершенствовать науки; обогащать ихъ новыми открытіями; распространять просвѣщеніе; направлять, колико возможно, познанія ко благу общему, приспособляя къ практическому употребленію теоріи и полезныя слѣдствія опытовъ и наблюденій, — се въ краткихъ словахъ книга ея обязанностей. Къ обязанностямъ, общимъ ей съ другими академіями, присоединяется должность непосредственно обращать труды свои въ пользу Россіи, распространяя познанія естественныхъ произведеній имперіи, изыскивая средства къ умноженію такихъ, кои составляютъ предметъ народной промышленности и торговли, къ усовершенствованію фабрикъ, мануфактуръ, ремеслъ и художествъ, — сихъ источниковъ богатства и силы государствъ»¹²⁾.

Для достиженія существенной, основной цѣли академіи, такъ опредѣленно выраженной въ лучшемъ изъ всѣхъ проэктвъ, т. е. для того, чтобы содѣйствовать расширенію человѣческихъ знаній, необходимо было расширить самый кругъ ученыхъ занятій академиковъ посредствомъ открытія новыхъ кафедръ. Втеченіе долгаго и весьма долгаго періода въ академіи существовали кафедры только по математическимъ и естественнымъ наукамъ, и вовсе не было ни историческаго, ни филологическаго отдѣленій. Даже такія ученыя работы, какъ изданіе древнихъ памятниковъ исторіи и словесности, требующее спеціальной подготовки, было поручаемо математикамъ и анатомамъ.

Въ одномъ изъ проэктвъ начала девятнадцатаго столѣтія, представленномъ, по всей вѣроятности, президентомъ академіи наукъ барономъ Николаи, полагалось всего девять кафедръ, а именно:

- 1) математики,
- 2) астрономіи,
- 3) физики,
- 4) механики,
- 5) зоологій,
- 6) ботаники,
- 7) минералогій,
- 8) химіи,
- 9) анатоміи и фізіологій¹⁸⁾.

По нѣкоторымъ изъ этихъ кафедръ полагалось по два и по три члена на томъ основаніи, чтобы въ случаѣ путешествія академикомъ въ отдаленныя области Россіи академія не оставалась безъ ученыхъ людей.

По проэкту Муравьева и его сотрудниковъ, число кафедръ увеличено до двѣнадцати, и притомъ сдѣлана оговорка, что такое ограниченное число полагается при самомъ введеніи устава; впоследствии же число академическихъ кафедръ не только можетъ, но и должно быть постепенно увеличиваемо.

На первое время избраны слѣдующія кафедры:

- 1) математики,
- 2) астрономіи,
- 3) химіи,
- 4) физики,
- 5) механики,
- 6) минералогій,
- 7) ботаники,
- 8) зоологій,
- 9) анатоміи,
- 10) умственной и дѣятельной философіи,
- 11) политической экономіи, комерціи и технологій,
- 12) исторіи и статистики.

На каждую кафедру полагалось по два академика или по одному академику и по одному адъюнкту, и для полученія званія адъюнкта по философіи, политической экономіи и исторіи, сверхъ

познавій въ избранной специальности, требовались основательныя свѣдѣнія какъ въ словесности древнихъ народовъ, греческой и римской, такъ и въ русской словесности или, какъ называли тогда, въ *письменахъ російскихъ* (lettres, belles-lettres).

Прямо въ академики могли быть избираемы только лица, снискавшія уже славу своими сочиненіями или научными открытіями и изобрѣтеніями. Для выбора въ адъюнкты требовалась также извѣстность въ ученомъ мірѣ, приобретенная какимъ-либо ученымъ трудомъ или курсомъ какой-либо науки. Въ противномъ случаѣ, желающій вступить въ академію наукъ адъюнктомъ обязанъ былъ представить въ академію одно или два сочиненія и сверхъ того подвергнуться испытанію.

Еще требовательнѣе въ этомъ отношеніи былъ другой проэктъ того же времени. Только такіе ученые, — говорилось въ этомъ проэктѣ — которые стоятъ въ наукѣ на одной высотѣ съ Бургавами, Альбинами, Линнеями, имѣютъ право на званіе академика. Всѣ другія лица безъ исключенія могутъ вступить въ академію только адъюнктами и не иначе, какъ посредствомъ баллотировки, причемъ если окажется хоть одинъ неизбирательный шаръ, кандидатъ въ адъюнкты подвергается весьма строгому испытанію: онъ долженъ доказать свою ученость шестью диссертациями. . . .

Въ проэктѣ, представленномъ въ подлинной рукописи Фусса на французскомъ языкѣ, и наиболѣе подходящемъ въ цѣломъ къ утвержденному уставу, полагалось также двѣнадцать кафедръ и семнадцать ординарныхъ академикомъ, по два на кафедрѣ:

- 1) математикѣ,
- 2) астрономіи,
- 3) химіи,
- 4) минералогіи,
- 5) зоологіи,

и по одному академику на кафедрѣ:

- 6) экспериментальной физики,
- 7) механики,

- 8) гидравлики,
- 9) ботаники,
- 10) анатоміи,
- 11) политической экономіи,
- 12) исторіи.

Регламентъ, не допуская раздѣленія наукъ на классы, постановлялъ, чтобы въ академіи имѣли своихъ представителей слѣдующія науки:

- 1) вышняя астрономія,
- 2) математика,
- 3) химія,
- 4) зоологія,
- 5) технологія,
- 6) механика твердыхъ и жидкихъ тѣлъ,
- 7) физико-математика,
- 8) анатомія и физиологія,
- 9) ботаника,
- 10) минералогія,
- 11) политическая экономія и статистика,
- 12) исторія.

Для первыхъ шести кафедръ полагалось по два, для остальныхъ шести по одному академику на каждую кафедру. Общее число обязательныхъ членовъ академіи по регламенту полагалось 38; изъ нихъ—ординарныхъ академиковъ 18 и адъюнктовъ—20.

Первая обязанность академиковъ, по регламенту, состояла въ томъ, чтобы «употреблять всѣ силы свои къ усовершенствованію своей науки, къ обогащенію ея новыми открытіями и къ умноженію такимъ образомъ познаній человѣческихъ». Сообразно съ этою цѣлію запрещалось предлагать на мѣста академиковъ «людей неизвѣстныхъ и посредственныхъ: ученый, ищущій чести быть академикомъ, — сказано въ регламентѣ — долженъ быть извѣстенъ въ ученомъ свѣтѣ своими сочиненіями или полезными открытіями».

Вторая обязанность, возложенная регламентомъ на академикъ, состояла въ томъ, чтобы каждый изъ нихъ, имѣя у себя одного воспитанника, руководилъ его научными занятіями, и всѣми мѣрами способствовалъ ему къ приобрѣтенію познаній, дающихъ воспитаннику право на званіе адъюнкта, а впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи его ученой дѣятельности, и на званіе академика.

Къ общей всѣмъ академіямъ чисто-ученой цѣли проекты александровскаго времени присоединяютъ и другую, имѣющую въ виду примѣнять знанія непосредственно къ пользѣ Россіи и къ просвѣщенію русскаго народа. Въ умахъ просвѣщеннѣйшихъ представителей александровской эпохи любовь къ наукѣ и любовь къ Россіи сливались въ одно нераздѣльное цѣлое, чуждое крайностей и незатемняемое никакими пристрастіями. По убѣжденію этихъ людей, академія должна стремиться къ тому, чтобы наука сдѣлалась у насъ природнымъ отечественнымъ произведеніемъ. Тоже самое утверждаютъ и современные намъ ученые. Почтенный сочленъ нашъ, г. непремѣнный секретарь академіи К. С. Веселовскій, доказывая, что академія наукъ есть въ настоящее время необходимость для Россіи, говоритъ: «Чѣмъ яснѣе обозначается мѣсто, принадлежащее великому народу русскому среди другихъ народовъ, тѣмъ болѣе мы должны желать, чтобы голосъ его слышался не только въ вопросахъ войны и мира Европы, но и въ вопросахъ ея цивилизаціи и науки. Отказаться отъ самостоятельныхъ занятій въ области расширенія человѣческихъ знаній мы не можемъ, ибо это значило бы осудить себя на постоянную зависимость отъ иностранной науки, а такое положеніе было бы несовмѣстно съ значеніемъ Россіи» ¹⁴).

При преобразованіи академіи наукъ во времена Александра I полагали возможнымъ согласить чисто-ученыя стремленія академіи съ участіемъ ея въ распространеніи знаній въ Россіи. Отъ академіи наукъ ожидали двоякаго рода поврежденныхъ изданій, изъ которыхъ одно имѣло бы въ виду строгую науку, а другое — ея общепользное примѣненіе. Между обоими изданіями

могла и должна была существовать живая внутренняя связь, и предпринимаемая их, академія отнюдь не уклонялась от своего назначенія. Обстоятельство это старался выяснить академикъ Фуссъ въ запискѣ, составленной имъ по поводу предпринимаемыхъ изданій. Если прослѣдить — говорить Фуссъ — содержаніе мемуаровъ академій и ученыхъ обществъ Европы съ конца семнадцатаго столѣтія и до настоящаго времени, то нельзя не замѣтить взаимнаго и благотворнаго дѣйствія академій и ученыхъ обществъ на духъ времени и духа времени на ученые общества и академіи. Такое взаимодействіе выражается съ одной стороны въ расширеніи круга научныхъ изслѣдованій и въ возрастаніи числа ученыхъ, съ другой стороны — въ выборѣ предметовъ и въ самомъ способѣ ихъ изложенія. Ученныя корпораціи мало по малу выходили изъ своей замкнутости, обращая добытые ими результаты въ общее достояніе образованнаго міра. Посредствомъ этого академіи содѣйствовали распространенію знаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно доказывали значеніе науки не только теоретическое, но и практическое. Безъ свѣта науки практика ходитъ ощупью, и обращается въ эмпиризмъ, самый печальный по своимъ послѣдствіямъ. Часто разысканія, свиду мелочныя и безплодныя, приводятъ къ обширнымъ и важнымъ примѣненіямъ, и т. д. ¹⁵). Записка Фусса показываетъ, какъ внимательно обдумывалась каждая черта академическаго устава, и какъ заботились о томъ, чтобы не возлагать на академію обязанностей, несообразныхъ съ ея достоинствомъ и съ современными требованіями науки. Изъ мотивовъ, приведенныхъ академикомъ Фуссомъ, видно, что не случайно, а на основаніи близкаго знакомства съ литературною дѣятельностію европейскихъ академій и ученыхъ обществъ, внесена въ регламентъ слѣдующая статья: «Академія продолжаетъ, по примѣру другихъ ученыхъ обществъ, ежегодно издавать одинъ томъ умозрительныхъ изслѣдованій своихъ какъ на руссійскомъ, такъ и на латинскомъ или другомъ изъ известнѣйшихъ европейскихъ языковъ. Равнымъ образомъ она должна ежегодно издавать на руссійскомъ языкѣ одинъ томъ записокъ,

достоинныхъ примѣчанія по своей практической пользѣ, подъ именемъ Технологическаго журнала».

Отвѣтомъ на первое требованіе этой статьи послужили поврежденные изданія академіи наукъ:

- 1) Mémoires de l'académie impériale des sciences de St.-Petersbourg—собраніе академическихъ мемуаровъ съ 1803 по 1822 годъ, и
- 2) Умозрительныя изслѣдованія императорской санктпетербургской академіи наукъ.

Для выполненія втораго требованія издавались:

- 3) Технологическій журналъ или собраніе сочиненій и извѣстій, относящихся до технологіи и приложенія учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію.
- 4) Прибавленіе къ технологическому журналу, заключающее въ себѣ извѣстія по математикѣ, физикѣ, химіи, минералогіи, зоологіи, ботаникѣ и др., и
- 5) Продолженіе технологическаго журнала, состоящее изъ ученыхъ извѣстій, имѣющихъ предметомъ приложеніе учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію.

Дѣятельнымъ участникомъ въ преобразованія академіи былъ любимецъ государя Новосильцовъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа и президентъ академіи наукъ. Новосильцовъ повелъ дѣло съ обычною своею энергіею и нелюбовью къ проволочкамъ и выжиданіямъ. 14 февраля 1803 г. данъ былъ сенату указъ, въ которомъ говорится: «внимая ревностнымъ трудамъ по части народнаго просвѣщенія двора нашего дѣйствительнаго камергера Новосильцова, всемилостивѣйше опредѣляемъ его президентомъ академіи наукъ». 17 февраля Новосильцовъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго всѣ бумаги касательно приведенія академіи наукъ въ лучшее состояніе, а 15 іюня представилъ проэктъ устава, причемъ пояснилъ, что сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны относительно внутренняго управленія академіи, числа академиковъ, предметовъ ихъ занятій, и т. п. ¹⁸⁾.

25 іюля 1803 года былъ утвержденъ новый уставъ академіи наукъ. Привѣтствуя ученое собраніе съ этимъ достопамятнымъ событіемъ въ академической жизни, Новосильцовъ обратился къ академикамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Прежде, нежели приступимъ къ слушанію журнала, позвольте, почтенные сочлены, съ чувствомъ живѣйшей радости объявить вамъ высочайшую милость, оказанную его императорскимъ величествомъ сей академіи. Достославный подвигъ монарха нашего, о которомъ спѣшу васъ увѣдомить, утверждая сей знаменитый и древній въ Россіи храмъ наукъ на незыблемомъ и высокому предназначенію его пристойномъ основаніи, открываетъ вамъ новые способы быть полезными отечеству, новыя средства достигать вышней степени совершенства и славы, и тѣмъ самымъ изъяснить достойную благодарность великому его преобразителю.

«Чуждый пагубнаго мнѣнія, которое, къ стыду послѣднихъ времянь, заставляя мрачное невѣжество предпочитать уснѣхамъ наукъ и художествъ, заграждало путь къ распространенію оныхъ, и увѣренъ будучи, что познаніе истинъ въ естественномъ ихъ порядкѣ и въ надлежащемъ между собою отношеніи, предметъ всѣхъ наукъ составляющее, обогащаетъ и украшаетъ разумъ, возвышаетъ духъ, чувствованія и добродѣтели челоуѣка, и убѣжденіемъ въ собственной пользѣ побуждаетъ чтить законы, любить отечество, быть вѣрнымъ подданнымъ и добрымъ гражданиномъ,—мудрый монархъ нашъ начерталъ правила народнаго просвѣщенія, которыя пребудутъ незабвенны въ лѣтописяхъ имперіи російской, и, движимый собственнымъ побужденіемъ великой души своей, вскорѣ потомъ обратилъ вниманіе на главнѣйшій источникъ онаго—императорскую академію наукъ, разсмотрѣлъ ея регламентъ, изслѣдовалъ ея обязанности, измѣрилъ кругъ дѣятельности, исчислилъ средства ей предоставленныя, вникнулъ въ ея потребности, сравнилъ состояніе ея съ обстоятельствами времени, и наконецъ торжественнымъ актомъ, запечатлѣннымъ безпримѣрными щедротами его, утвердилъ ее, преобразилъ, возвысилъ.

«Почтенные члены! Теперь, осыпанные благодареніями монаршими, устремимся совокупными силами, единымъ духомъ, единымъ сердцемъ въ знаменитое поприще, намъ подлежащее, и потщимся оправдать предъ нашими согражданами и цѣлымъ свѣтомъ ожиданія всеавгустѣйшаго Александра и отечества» 17).

Новый регламентъ заключалъ въ себѣ несомнѣнныя доказательства вниманія императора Александра I къ нуждамъ и потребностямъ академіи и уваженія къ ея ученому достоинству. Средства академіи болѣе нежели удвоены; дано торжественное обѣщаніе вспомоствовать ученымъ путешествіямъ по Россіи; въ знакъ особеннаго сочувствія къ наукѣ и просвѣщенію выражено желаніе посѣщать ежегодныя торжественныя собранія академіи наукъ, и т. п. Академія получала прежде 53,298 рублей въ годъ; императоръ Александръ I повелѣлъ отпускать ей ежегодно 120,000 рублей. Касательно ученыхъ путешествій въ регламентъ сказано слѣдующее: «Какъ усовершенствованіе географіи и физическаго познанія имперіи должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вниманія академіи, то она по временамъ должна отправлять астрономовъ и натуралистовъ для путешествія по тѣмъ губерніямъ, коихъ географическое положеніе и естественныя произведенія недовольно еще извѣстны или описаны. Мы обѣщаемъ всегда вспомоствовать ей въ такихъ полезныхъ предпріятіяхъ и содѣйствовать исполненію оныхъ тѣми мѣрами, кои не зависятъ отъ самой академіи». Объ академическихъ собраніяхъ, раздѣляющихся на торжественныя, экстраординарныя и обыкновенныя, сказано въ регламентѣ: «Торжественныя собранія имѣютъ быть ежегодно въ день преобразованія академіи по новому ея регламенту. Академія извѣщаетъ о томъ въ вѣдомостяхъ, и приглашаетъ въ торжественное свое собраніе не только почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, но и другихъ ученыхъ и отличныхъ любителей наукъ. Обращая особенное вниманіе на полезныя знанія, Мы сами за удовольствіе себѣ поставимъ посѣщать таковыя собранія», и т. д.

При вступленіи императора Александра I на престолъ въ

академической средѣ были еще ученые, прославившіеся во времена Екатерины II: Румовскій, Палласъ, Лепехинъ, Иноходцевъ, Озерецковскій и другіе. Лепехинъ и Иноходцевъ умерли въ началѣ царствованія Александра I, Румовскій и Палласъ—въ срединѣ его. Озерецковскій и Севергинъ дожили до слѣдующаго царствованія. Въ александровскій періодъ, съ 1802 по 1823 годъ, вступило въ академію 30 дѣйствительныхъ членовъ; но къ сожалѣнію, академія лишилась ровно половины своихъ новыхъ членовъ втеченіе того же самаго періода. Шесть изъ нихъ умерли и девять покинули академію по разнымъ причинамъ. Изъ этихъ девяти пять пробыли въ академіи отъ тринадцати до девяти лѣтъ; одинъ—шесть лѣтъ; одинъ—четыре года; одинъ—два года, и одинъ—всего одинъ годъ. Въ александровскій періодъ вступили въ академію слѣдующіе академики:

По *математикѣ*: Висковатовъ (1803—1812).

Коллинсъ (съ 1814).

Фуссъ (съ 1818).

По *астрономіи*: Вишневскій (съ 1804).

Горнеръ (1806—1808).

Тархановъ (съ 1822).

По *химіи*: Волковъ (1803—1809).

Шереръ (1805—1824).

Кирхгофъ (1809—1818).

По *зоологіи*: Адамсъ (1805—1809).

Пандеръ (съ 1821).

По *технологіи*: Нассе (1805—1817).

По *экспериментальной физикѣ*: Петровъ (съ 1807).

По *анатоміи и физиологіи*: Загорскій (съ 1805).

По *естественной исторіи*: Тилезіусъ-фонъ-Тилезау (1806—1817).

По *ботаникѣ*: Смѣловскій (1802—1815).

Рудольфъ (1804—1809).

Редовскій (1805—1807).

Лангсдорфъ (съ 1808).

Тривіусъ (съ 1823).

По *минералогіи*: Шлегельмильхъ (1808—1820).

По *статистикѣ и политической экономіи*:

Шторхъ (съ 1804).

Германъ (съ 1805).

По *исторіи*: Кругъ (съ 1805).

Лербергъ (1807—1813).

По *греческой и римской словесности и древностямъ*:

Келеръ (съ 1817).

Грефе (съ 1820).

По *восточнымъ языкамъ*: Клапротъ (1804—1817).

Френъ (съ 1817).

Ярцовъ (1818—1819).

Выбыли изъ академіи: Клапротъ, Шлегельмильхъ, Нассе, Тилезіусъ-фонъ-Тилезау, Кирхгофъ, Волковъ, Адамсъ, Горнеръ и Ярцовъ. Умерли: Смѣловскій, Висковатовъ, Рудольфъ, Шереръ, Редовскій и Лербергъ.

Несмотря на такія потери и на другія неблагопріятныя обстоятельства, академія продолжала свою ученую дѣятельность, обогащая науку новыми и важными данными. Продолжалось и завѣщанное Палласомъ и Лепехинымъ ихъ ученымъ преемникамъ всестороннее изученіе Россіи, особенностей ея природы, нравовъ и обычаевъ ея жителей, и т. п. Озерецковскій совершилъ путешествіе по петербургской и новгородской губерніямъ, къ верховьямъ Волги и на озеро Селигеръ, Севергинъ путешествовалъ по западному краю Россіи и по Финляндіи. Редовскій палъ жертвою своей любознательности во время ученаго путешествія по Сибири. По замѣчанію академика Фусса, «путешествія Озерецковскаго, Редовскаго, Адамса, нашедшаго во льдахъ свѣжее тѣло мамонта, также путешествія Тилезіуса и Лангсдорфа, ученыхъ естествоиспытателей, участвовавшихъ въ славной экспедиціи Крузенштерна, равно обогатили естественныя науки и зоологическій кабинетъ нашъ»¹⁸⁾.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ ученыхъ принадлежалъ безспорно академикъ Вишневскій. Въ запискѣ, представленной въ конференцію академіи наукъ въ 1815 году, ближайшіе свидѣтели трудовъ Вишневскаго, вполне понимавшіе значеніе ихъ для науки, говорили о немъ слѣдующее: «Впродолженіе уже девяти лѣтъ Вишневскій путешествуетъ по Россіи, отрекаясь отъ всѣхъ житейскихъ удобностей и наслажденій, переноса великія тягости, подвергаясь опасностямъ, и жертвуя здравіемъ и цвѣтущими лѣтами своей жизни службѣ государственной и чести академіи. Опредѣливъ безчисленными астрономическими наблюденіями географическое положеніе болѣе 300 мѣстъ, Вишневскій приобрѣлъ себѣ неоспоримое право на признательность правительства, коему онъ доставилъ способы къ составленію точныхъ картъ російской имперіи, и на благодарность академіи, которая обязана ему честию, что могла государству оказать сію услугу. Во время сихъ путешествій, съ толикими трудностями сопряженныхъ, Вишневскій успѣлъ еще отыскать большую комету 1811 года и сдѣлать надъ оною 29 наблюденій, по вторичномъ ея появленіи въ 1812 году, въ такое время, когда во Франціи и Италіи, подъ яснымъ небомъ сихъ странъ и при гораздо достаточнѣйшихъ способахъ, астрономы тщетно отыскивали сіе свѣтило, — каковое открытіе толикою же какъ ему, такъ и академіи приноситъ честь, колико оно важно для астрономіи»¹⁰).

И въ другой отрасли знаній — въ наукахъ, каедры которыхъ открыты въ академіи при Александрѣ I, заслуги академиковъ не подлежатъ сомнѣнію. Въ исторіи нашей академіи и научной дѣятельности въ Россіи вообще навсегда сохраняются имена Круга, Лерберга, Френа, Шторха, и другихъ ученыхъ. Критическія разысканія Круга о древнихъ русскихъ монетахъ; изслѣдованія Лерберга, служащія къ объясненію русской исторіи, и многіе другіе труды нашихъ ученыхъ давно уже оцѣнены по достоинству. Въ историческомъ обзорѣніи трудовъ академіи наукъ на пользу Россіи находимъ слѣдующій отзывъ о дѣятельности академика Френа: «Съ воодушевленіемъ, подобнымъ тому, какое овладѣло

отличѣйшими умами на западѣ при возрожденіи эллинскаго классицизма, Френъ принялся за водвореніе въ Россіи изученія мусульманскаго востока въ историческомъ, географическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Посвятивъ всю свою жизнь этому предмету, обладая самъ глубокими и обширными познаніями въ арабской, персидской и турецкой словесностяхъ, Френъ пролилъ новый свѣтъ на всю эту отрасль литературы. Обогадивъ или даже учредивъ собственными усиліями восточныя библіотеки, собранія восточныхъ рукописей и монетъ не только при академіи, но и въ разныхъ другихъ нашихъ центрахъ научной дѣятельности, онъ облегчилъ и другимъ пониманіе востока, его народовъ и ихъ своеобразной словесности. Френъ, можно сказать, создалъ совершенно новую науку — мусульманскую нумизматику. Важны также услуги, оказанныя имъ отечественной исторіи и географіи изданіемъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ восточныхъ писателей и относящихся до Россіи» и т. д. ²⁰).

При всемъ желаніи нашемъ ограничиться самыми краткими замѣтками, мы не можемъ не упомянуть о замѣчательномъ трудѣ, явившемся въ началѣ нашего столѣтія и сохраняющемъ до сихъ поръ свое важное значеніе: онъ служитъ въ высшей степени цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ для изученія эпохи Александра I. Мы говоримъ о трудѣ академика Шторха: Россія въ царствованіе Александра I ²¹). Будучи свидѣтелемъ событій, совершавшихся въ Россіи въ первые года царствованія императора Александра I, Шторхъ рѣшился представить живую и вѣрную картину дѣйствій и преобразованій, происходившихъ какъ въ государственной, такъ и въ умственной жизни русскаго народа. Онъ заносилъ на страницы своего изданія каждое замѣчательное и любопытное явленіе въ области наукъ, искусствъ, народнаго просвѣщенія, торговли, государственнаго управленія, и т. д.; каждую черту, ярко и мѣтко рисующую время, которое переживала тогда Россія. Чтобы видѣть, какъ добросовѣстно относился Шторхъ къ предпринятой имъ работѣ, и какое значеніе имѣетъ она для знакомства съ изображаемою эпохою, укажемъ на тотъ отдѣлъ,

который посвященъ русской литературѣ и изданъ подъ заглавіемъ: Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи втеченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ. Независимо отъ точнаго указанія книгъ, вышедшихъ на русскомъ языкѣ въ первое пятилѣтіе царствованія Александра I, а также отдѣльных статей и рецензій, весьма любопытны заключительные выводы, дающіе наглядное понятіе о литературной производительности того времени. Всего втеченіе пятилѣтія вышло 756 оригинальныхъ сочиненій и 548 переводовъ. Особенно много издано богословскихъ сочиненій и романовъ. По богословію вышло 213 сочиненій, изъ которыхъ 175 оригинальныхъ и только 38 переводныхъ. Наоборотъ, изъ числа 210 романовъ—175 переводныхъ и только 35 оригинальныхъ. По естественнымъ наукамъ вышло 33 сочиненія, по математикѣ 32, по военнымъ наукамъ 20, по законовѣдѣнію 19, и т. д. Переводовъ съ французскаго появилось почти столько же, сколько со всѣхъ остальныхъ языковъ. Съ нѣмецкаго вышло 194 перевода, съ англійскаго 24, съ греческаго 22, съ латинскаго 20, съ шведскаго 2, съ итальянскаго 1, и т. д. Наибольшее число переводовъ сдѣлано изъ сочиненій Вольтера, Монтескье, Руссо, Августа Лафонтена, госпожи Жанлисъ, Мейснера, Экартсгаузена, и др. Особенно много переводилось изъ Вольтера: выходили и отдѣльныя повѣсти, романы и поэмы, и собраніе сочиненій, и отрывки и извлечения, и переписка Вольтера съ Екатериною II и переписка его съ д'Аламберомъ. Переписка съ Екатериною II вышла въ трехъ переводахъ. Изъ Руссо переведены: новая Элоиза, отрывки изъ Эмиля, ефραίмскій левитъ, избранныя мысли, исповѣдь. Изъ Монтескье: духъ законовъ, поэма: храмъ Венеры на островѣ Квидѣ, рѣчь по случаю возобновленія бордоскаго парламента, и др.

Любопытную черту того времени представляютъ статистическія данныя, показывающія, говоря словами Шторха, изъ какихъ классовъ гражданскаго общества составлена была республика писателей alexandrovskaго времени. Извѣстно, что въ семнадцатомъ столѣтіи вельможи и сановники весьма недруже-

любно смотрѣли на людей, занимающихся литературою. Это обстоятельство заставило русских писателей подать Екатерину II челобитную, въ которой говорилось, что многіе знатные невѣжды, жалуемые въ умные люди по разнымъ торжественнымъ днямъ, считаютъ литературныя занятія чуть не уголовнымъ преступленіемъ. Редакція Собесѣдника убѣждала Екатерину продолжать свое сотрудничество въ этомъ журналѣ, чтобы обезоружить начальниковъ, преслѣдовавшихъ всякаго, въ комъ замѣчали умъ и любовь къ литературѣ²²). Собственный примѣръ Екатерины II, ея непосредственное, всѣмъ извѣстное участіе въ литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ, въ значительной степени ослабили предразсудки родовой знати и выслужившагося чиновничества. Въ первые года царствованія питомца Екатерины II большая часть писателей принадлежала, по замѣчанію Шторха, къ дворянству, т. е. къ природному дворянству, ибо если разумѣть заслуженное дворянство, то почти всѣ писатели оказались бы дворянами. Изъ росписи, составленной Шторхомъ, оказывается, что въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ числѣ русскихъ писателей были: 10 князей, 6 графовъ, 3 министра, 2 посланника, 1 генералъ, 2 адмирала, 2 митрополита, 6 архіепископовъ, 4 епископа, 7 архимандритовъ, 4 сенатора, 2 губернатора, 6 дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, 10 тайныхъ совѣтниковъ, многіе начальники департаментовъ, и т. д. «Если бы нужно было еще доказывать, — прибавляетъ Шторхъ — что науки въ Россіи уважаются, то такое первѣйшихъ чиновниковъ участіе въ учености могло бы служить достаточнѣйшимъ доказательствомъ».

Преобразовывая академію наукъ, императоръ Александръ I обратилъ вниманіе и на другое учрежденіе, слившееся въ послѣдствіи съ академіею наукъ, но болѣе полувѣка существовавшее самостоятельно, именно на русскую академію. Въ возстановленіи русской академіи особенно ярко выразилось уваженіе Александра I къ памяти Екатерины II: Русская академія была

любимымъ созданіемъ государыни - писательницы, такъ искренно дорожившей успѣхами русскаго языка и словесности. Сочувствіе къ академіи выразилось въ дѣйствіяхъ Екатерины II, и какъ писательницы, и какъ государыни: Екатерина охотно принимала на себя литературныя работы, собирала матеріалы для академическаго словаря; предоставила въ распоряженіе академіи весьма значительныя суммы; назначила президентомъ ея своего друга — также русскую писательницу, княгиню Дашкову, и т. п. Россійская академія являлась живымъ памятникомъ временъ Екатерины II и господствовавшихъ тогда понятій и стремленій. Преемникъ Екатерины, императоръ Павелъ I, какъ извѣстно, неособенно цѣнилъ подобнаго рода памятники: вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ онъ сослалъ президента руссійской академіи въ ссылку, и лишилъ академію денежныхъ ея средствъ, а вслѣдъ за тѣмъ и помѣщенія, передавъ принадлежавшіе ей дома въ другое вѣдомство. Любопытно, что офиціальное извѣстіе объ отнятіи академическихъ суммъ произвело на академиковъ весьма пріятное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что академики, зная образъ мыслей государя, съ часу на часъ ожидали закрытія академіи; въ объявленномъ же имъ повелѣніи говорилось, что академіи предоставляется содержать себя своими собственными средствами, слѣдовательно признавалось за нею право на существованіе. Въ протоколѣ академическаго собранія записано, что повелѣніе, прекратившее отпускъ назначенныхъ академіи суммъ, «подтверждающее существованіе руссійской академіи, принято съ достоюжнымъ благоговѣніемъ»²⁸). Императоръ Александръ I, по вступленіи своемъ на престолъ, повелѣлъ снова отпускать на содержаніе руссійской академіи сумму, назначенную ей Екатериною II, и далъ средства для постройки зданія, въ которомъ и помѣщалась съ тѣхъ поръ академія. Члены руссійской академіи александровскаго времени выбрали своимъ президентомъ то самое лицо, которое избрано было Екатериною II при самомъ учрежденіи академіи. . . .

Не останавливаясь на дальнѣйшей судьбѣ руссійской ака-

деміи, скажу только, что въ числѣ членовъ ея во времена Александра I находился знаменитый филологъ Востоковъ, бывший и тогда и въ послѣдующій періодъ однимъ изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ нашей академіи и русской науки вообще.

Изъ всѣхъ событій, совершившихся въ началѣ царствованія Александра I въ области народнаго просвѣщенія, особенно выдается по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ — учрежденіе и преобразованіе университетовъ. И въ этомъ великомъ дѣлѣ Александръ I является до нѣкоторой степени продолжателемъ Екатерины II. Извѣстно, что Екатерина II имѣла твердое намѣреніе учредить въ Россіи университеты: выбраны были мѣста для нихъ — Черниговъ, Пенза и Псковъ; составленъ общій планъ университетовъ, и внесена въ государственный банкъ весьма значительная сумма именно съ этою цѣлью — для открываемыхъ въ Россіи университетовъ.

Исторія учрежденія русскихъ университетовъ напоминаетъ нѣкоторыя черты изъ исторіи нашей академіи наукъ въ первыя времена ея существованія. И для университетовъ оказалась также необходимость пригласить на первыхъ порахъ не мало иностранныхъ ученыхъ; возникалъ тотъ же роковой вопросъ — не преждевременно ли открывать высшіе разсадники наукъ, когда еще нѣтъ самаго главнаго — народныхъ школъ, и т. д.

Какъ ни кажется убѣдительною мысль, что университеты и академіи долж ны служить вѣнцомъ, а не началомъ просвѣтительной дѣятельности, при болѣе глубокомъ изученіи дѣла открывается, что система, принятая при Александрѣ I, заключаетъ въ себѣ не кажущійся, а дѣйствительный и прочный залогъ дальнѣйшаго движенія образованности въ Россіи.

Въ планѣ университетовъ, составленномъ екатерининскою комиссіею о народныхъ училищахъ, читаемъ слѣдующее: «По расположенію самой природы начальное ученіе долженствуетъ всегда предшествовать ученію вышнихъ школъ. Вышнія училища какъ бы хорошо устроены ни были, но если нѣтъ въ томъ же государствѣ

достаточнаго числа нижнихъ школъ, въ коихъ бы юношество приобрѣтало первоначальныя въ наукахъ знанія, то науки неминуемо останутся токмо въ университетахъ и академіяхъ, а народъ пребудеть въ невѣжествѣ. Университеты и всѣ вышнія училища вообще, существующія въ другихъ государствахъ, приносятъ ожидаемую пользу, и распространяютъ успѣшно въ народѣ просвѣщеніе и потому, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ коихъ учреждены порядочные университеты и академіи, учреждены также въ великомъ числѣ и народныя школы, въ которыхъ юноши приобрѣтаютъ познаніе языковъ и первоначальныхъ наукъ, слѣдственно приходятъ въ университеты приуготовленными и сдѣлавшись способными къ приобрѣтенію знанія въ вышнихъ школахъ. Нынѣ не можетъ уже недостатокъ въ народныхъ школахъ препятствовать вышнимъ заводимымъ училищамъ приносить Россіи пользу и распространять отъ себя въ народѣ просвѣщеніе, ибо ея величество прежде устройства университетовъ повелѣтъ изволила учредить народныя училища, которыя уже и учреждены въ 26 губерніяхъ имперіи. Слѣдовательно, россиянамъ открыты нынѣ пути къ просвѣщенію, чрезъ которые желающіе приобрѣсти знаніе вышнихъ наукъ могутъ доходить и до ученія университетскаго»²⁴).

Въ статьѣ своей о новомъ и обширномъ планѣ народнаго образованія, написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, Карамзинъ говоритъ: «Петръ Великій учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый университетъ, великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ! Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи моральнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бывають только личною славою монарховъ, не отечества, не народа. . . . Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Между людьми, кото-

рые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума, и т. д. ²⁵).

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ писателей, и во главѣ ихъ извѣстный нѣмецкій историкъ Гервинусъ, считаютъ реформы александровскаго времени болѣе или менѣе призрачными, и указываютъ на то, что были построены блестящія верхушки — академіи и университеты, а необходимыя основы знанія едва, едва закладывались: народныя школы существовали только на бумагѣ. ²⁶)

Но чѣмъ важнѣе, по существу своему, учрежденіе народныхъ школъ, тѣмъ необходимѣе дать этому дѣлу твердую опору и призвать къ участию въ немъ людей вполне приготовленныхъ и дѣйствительно способныхъ быть распространителями знаній въ обществѣ и народѣ. Откуда же добыть подобныхъ людей и кому ввѣрить ихъ образованіе? Основательное рѣшеніе этого вопроса бросаетъ свѣтъ на тѣсную, неразрывную связь училищъ, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. Ученые и писатели, какъ только изъ области теоріи обращались къ условіямъ дѣйствительной жизни, приходили къ такому же заключенію, къ какому пришли и знаменитые сподвижники Александра I въ дѣлѣ народнаго образованія. По замѣчанію Шторха, удивляться тому, что дѣло это начато съ университетовъ, можетъ только тотъ, кто незнакомъ съ настоящимъ положеніемъ вещей: чтобы устроить школы на прочномъ основаніи и обезпечить дальнѣйшее развитіе учебнаго дѣла, необходимо учрежденіе университетовъ, которые одни въ состояніи организовать послѣдовательный рядъ училищъ, удовлетворяющихъ какъ научнымъ требованіямъ, постепенно возрастающимъ, такъ и разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ. Самъ Карамзинъ, будучи горячимъ приверженцемъ народныхъ школъ, является въ тоже время защитникомъ университетовъ, какъ проводни-

ковъ образованія въ народныя массы. Опровергая возраженія скептиковъ, онъ указываетъ на университеты какъ на единственный источникъ для образованія учителей, необходимыхъ для уѣздныхъ и губернскихъ школъ. Ученики университетскихъ питомцевъ могутъ въ свою очередь быть учителями въ народныхъ школахъ. Для этой цѣли слѣдуетъ умножить число «народныхъ или государственныхъ» воспитанниковъ при гимназiи, и т. д. ²⁷⁾

Лица, призванныя императоромъ Александромъ къ устройству университетовъ, останутся навсегда памятными въ исторiи русской образованности и русской общественной жизни. Академія наукъ съ справедливою гордостью можетъ занести въ лѣтописи свои тотъ фактъ, что внутреннее управленіе русскихъ университетовъ устроено по плану, составленному академикомъ Озерецковскимъ. Свѣтлымъ умомъ своимъ понимая весь вредъ бюрократiи, пустившей со временъ бироновщины цѣпкіе корни во многія учрежденія, Озерецковскій былъ энергическимъ защитникомъ выборнаго начала. По уставу, утвержденному императоромъ Александромъ I, *соотѣ* университета являлся средоточіемъ университетской жизни и охранителемъ научнаго и нравственнаго достоинства ученой корпораціи. Совѣту университета законъ предоставлялъ и выборъ профессоровъ и выборъ ректора. Самъ императоръ Александръ цѣнилъ и уважалъ выборное начало, что положительно доказываютъ не только утвержденныя имъ постановленія, но и собственноручныя помѣтки его на нѣкоторыхъ докладахъ. А какъ отнеслись къ устройству университетовъ въ духѣ выборнаго начала лучшіе люди тогдашней Россiи, видно изъ сужденій Карамзина, высказанныхъ имъ по этому поводу. «Ученныя мѣста—говоритъ онъ—должны зависѣть только отъ ученыхъ. Довѣренность, изъясняемая монархомъ къ собранію профессоровъ еще болѣе возвышаетъ сей истинно-благородный санъ. Лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ». ²⁸⁾

Устройство александровскихъ университетовъ замѣчательно и въ другомъ отношеніи. Оно узаконивало тотъ порядокъ вещей, начало котораго восходитъ къ учрежденію перваго университета

въ Россіи, въ восемнадцатомъ столѣтіи. Открывая свои аудиторіи для всѣхъ ищущихъ свѣта науки, университеты содѣйствовали ослабленію сословной розни, постепенно вели къ тому признанію человѣческаго достоинства, которое проявилось въ наше время въ освобожденіи крестьянъ, въ учрежденіи суда присяжныхъ, выбираемыхъ изъ всѣхъ сословій, и т. п. Такое допущеніе всѣхъ въ университетскія аудиторіи шло въ разрѣзъ съ упорными предразсудками нѣкоторой части общества. Въ печати того времени высказывалось, иногда весьма наивно, желаніе примѣнить сословную рознь и къ наукамъ и къ искусствамъ. Въ законахъ нашихъ, по замѣчанію одного автора, права и выгоды идутъ въ восходящемъ порядкѣ, и образуютъ пирамидальную лѣстницу съ двумя противоположностями: внизу — крѣпостные крестьяне, вверху — дворяне-помѣщики. Съ этою градаціею должна сообразоваться архитектура. Дома дворянскихъ собраній должны строиться съ такимъ великолѣпіемъ, которое бы производило военное или грозное впечатлѣніе; окна въ домахъ дворянскихъ собраній должны имѣть видъ оконъ Соломонова храма. Умѣренность и скромность должна быть какъ въ нравахъ, такъ и въ постройкахъ средняго сословія; надъ магистратомъ необходима башня съ часами, чтобы лица средняго сословія, во всякое время зная часы, могли вести жизнь однообразную, наиболѣе свойственную ихъ сословію. Изба для крестьянскихъ сходокъ должна строиться въ одинъ, а отнюдь не въ два этажа; необходимая ея принадлежность — тюрьма для заключенія строптивыхъ, и т. п. ²⁹⁾

Подобныя измышленія вызывали улыбку даже у тѣхъ, которымъ сословная лѣстница съ восходящими выгодами и преимуществами приходилась по сердцу. Другіе поступали осторожнѣе наивнаго автора, и придавали своимъ любимымъ взглядамъ менѣе рѣзкую оболочку. Преодолѣть давніе предразсудки было нелегко. Дворяне предпочитали военную службу, не отказывались и отъ гражданскихъ мѣстъ, какъ на примѣръ отъ должности судьи, но упорно избѣгали ученаго званія. Почти всѣ русскіе академики восемнадцатаго столѣтія вышли изъ крестьянскаго сословія; почти

всѣ профессора русскихъ университетовъ начала девятнадцатаго вѣка происходили изъ духовнаго званія. Публицисты времени учрежденія университетовъ въ Россіи вынуждены были доказывать, что ученое званіе есть званіе благородное, не унижающее, а возвышающее дворянина: «Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человекъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человека. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и преступленій: какъ же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно и приближать счастливую эпоху порядка, мира, благоденствія». . . . ⁸⁰⁾

Не внѣшнимъ блескомъ, не случайностію происхожденія, а внутреннею силою таланта и знаній отличались люди, съ честію послужившіе наукѣ и много сдѣлавшіе для распространенія и знаній въ Россіи.

Слова великаго писателя: «лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ» — вполне оправдались въ примѣненіи къ университетамъ.

Университеты, заключавшіе въ самомъ устройствѣ своемъ прекрасные задатки, дорожили своимъ достоинствомъ, и опытъ доказалъ, сколько добра принесло выборное начало, предоставленное университетскимъ совѣтамъ. Какъ ясно понимали они требованія науки, и какъ высоко цѣнили званіе ученаго, видно уже изъ того, что на кафедре русской исторіи избранъ былъ исторіографъ Карамзинъ, а на кафедре древнихъ литературъ Фридрихъ Августъ Вольфъ, труды котораго составляютъ эпоху въ классической филологіи. Вольфъ избранъ совѣтомъ харьковскаго университета въ тотъ самый годъ, когда явился его очеркъ науки древности (*darstellung der alterthumswissenschaft*)—сочиненіе, которое и теперь, спустя ровно семьдесятъ лѣтъ, признается классическимъ, и представляетъ лучшій отвѣтъ на одинъ изъ самыхъ

живыхъ вопросовъ современной науки³¹⁾. Лица, съ честію занимавшія кафедры въ университетахъ александровскаго времени, приобрѣли себѣ вполне заслуженную извѣстность и въ Россіи и въ иностранномъ ученomъ мѣрѣ. Профессора казанскаго университета Бартельса Лапласъ признавалъ однимъ изъ первыхъ математиковъ своего времени. Профессоръ харьковскаго университета Осиповскій обладалъ рѣдкимъ математическимъ дарованіемъ, какъ утверждаютъ академики Остроградскій и Сомовъ, близко знакомые съ трудами Осиповскаго и цѣнившіе весьма высоко ихъ научное достоинство; труды харьковскаго профессора обратили на себя вниманіе парижской академіи, весьма строгой въ своихъ приговорахъ, особенно въ отношеніи къ иностранцамъ. Профессоръ Мерзляковъ занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи русской словесности, и справедливо признается основателемъ русской критики; слушатели его университетскихъ лекцій отзывались о нихъ съ восторгомъ; его произведенія служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ заслугъ его и какъ ученаго и какъ писателя. Не исчисляемъ ни именъ, ни заслугъ первыхъ представителей науки въ нашихъ университетахъ: мы уже имѣли случай подробно говорить о научной дѣятельности русскихъ университетовъ въ эпоху Александра I.

Духъ науки, внесенный въ наши университеты ихъ первыми дѣятелями, развивался все сильнѣе и сильнѣе, оказывая благотворное вліяніе на всѣ послѣдующія поколѣнія. Исторія русской литературы и просвѣщенія подтверждаетъ это многими доказательствами. Изъ университетовъ, и преимущественно изъ университетовъ, выходили и выходятъ труженники, проникнутые живою, искреннею любовью къ наукѣ, неугасающею подъ гнетомъ невзгодъ и лишеній, и недоступною для приманокъ внѣшняго блеска и житейскихъ выгодъ. Предоставляя статистикѣ народной образованности опредѣлить число научныхъ дѣятелей по различнымъ отраслямъ знанія, вышедшихъ изъ университетовъ, позволяю себѣ замѣтить, что между членами академіи наукъ постоянно увеличивается число лицъ, обязанныхъ своимъ образованіемъ рус-

скими университетами. Изъ 37 дѣйствительныхъ членовъ академіи наукъ настоящаго времени только 7 получили свое образованіе исключительно за границею, въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ остальные получили образованіе въ Россіи, преимущественно въ университетахъ и отчасти въ другихъ заведеніяхъ, учрежденныхъ или только преобразованныхъ также при императорѣ Александрѣ I. Изъ числа 30 академиковъ, — одинъ началъ свое образованіе въ Москвѣ, а довершилъ въ Парижѣ, гдѣ и пріобрѣлъ ученую степень доктора въ избранной имъ спеціальности; одинъ, родившійся въ Москвѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, хотя и не вступалъ въ студенты, но учился подъ руководствомъ профессоровъ московскаго университета, и пользовался ихъ лекціями; одинъ воспитывался въ кievской духовной академіи; одинъ въ горномъ корпусѣ; одинъ въ артиллерійскомъ училищѣ; четыре въ царскосельскомъ лицейѣ, учрежденномъ Александромъ I, и 21 въ пяти русскихъ университетахъ, а именно:

- 8 — въ дерптскомъ,
- 5 — въ московскомъ,
- 3 — въ казанскомъ,
- 3 — въ петербургскомъ и
- 2 — въ харьковскомъ.

Академія наукъ соединяетъ въ себѣ ученыхъ различныхъ поколѣній, и служитъ живою связью двухъ достопамятныхъ эпохъ въ жизни русскихъ университетовъ: учрежденія и преобразованія университетовъ при Александрѣ I и дарованія имъ новаго устава императоромъ Александромъ II. Старѣйшій изъ нашихъ академиковъ вступилъ въ университетъ при самомъ учрежденіи его Александромъ I, и кончилъ курсъ въ 1808 году. Самый младшій изъ академиковъ поступилъ въ университетъ при первомъ введеніи новаго устава, дарованнаго Александромъ II, и окончилъ курсъ въ 1867 году.

Великое, непреходящее значеніе и несокрушимая сила тѣхъ благотворныхъ началъ, которыя внесены въ университетскую

жизнь при первомъ ея устройствѣ, доказываются всею послѣдующею судьбою русскихъ университетовъ. Начавши свою дѣятельность при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, напущенные сочувствіемъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей русскаго общества, университеты наши выдержали впоследствии весьма тяжкое испытаніе. Не напрасно благородный и проникательный Карамзинъ предостерегалъ Александра I отъ злыхъ совѣтниковъ, недостойныхъ довѣрія государя, но желавшихъ быть его любимцами. Подъ благовиднымъ предлогомъ усердія къ религіи и къ пользамъ государства, но въ дѣйствительности руководимые своекорыстными расчетами, враги науки и просвѣщенія возстали противъ университетовъ, и думали наложить оковы на человѣческую мысль, забывая, что

Надъ вольной мыслью Богу негодны

Насиліе и гнетъ:

Она, въ душѣ рожденная свободна,

Въ оковахъ не умретъ. . . . ⁸²⁾.

И она не умерла. Университеты побѣдоносно вышли изъ борьбы, которая еще болѣе возвысила ихъ нравственное достоинство, и дала имъ новыя силы продолжать свою просвѣтительную дѣятельность. Начало этой дѣятельности восходитъ къ первымъ годамъ царствованія императора Александра I, и какого бы развитія не достигли наши университеты въ настоящемъ и въ будущемъ, какъ бы ни были велики заслуги ихъ и передъ наукою и передъ Россіею, никогда не померкнетъ слава и не умалится значеніе полной историческаго смысла, создавшей систему народнаго образованія, эпохи Александра I.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Съ давнихъ временъ оды по случаю рожденія пишутся на одинъ и тотъ же ладъ: все тѣже желанія и предсказанія, тѣже обращенія къ природѣ, измѣняющей свои непреложные законы — вѣтры перестаютъ дуть, зимой появляются весенніе цвѣты, съ лица земли исчезаетъ печаль и горе, и водворяется общая радость и веселье. Первообразомъ подобнаго рода стихотвореній служитъ эклога Виргилія, въ которой онъ воспѣваетъ рожденіе сына у римскаго вельможи, возвратившаго поэту отнятое у него имѣніе. Признательный поэтъ не поскупился на выраженіе своихъ чувствъ, и изобразилъ новорожденнаго въ такомъ необыкновенномъ свѣтѣ, что комментаторы терялись въ догадкахъ о чудесномъ младенцѣ: одни видѣли въ немъ сына императора Августа; другіе и весьма многіе искали въ эклогѣ таинственнаго смысла — пророчества о рожденіи Иисуса Христа. Вотъ нѣсколько строкъ эклоги Виргилія въ русскомъ переводѣ писателя Александровскаго времени.

Астрея на земли! Сатурнъ свой тронъ вознесъ,
И племя новое низводится съ небесъ.
. Зло кругъ земной оставить,
Младенецъ путь боговъ въ путяхъ своихъ прославить. . .
Погибнетъ всякъ недугъ, всѣ язвы, всякій ядъ,
Погибнетъ! здѣсь востокъ раскроетъ пышный садъ. . .

(Подражаніе и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ. А. Мерзлякова. 1826. Часть II, стр. 211—219.)

Въ подлинникѣ въ четвертой эклогѣ Виргилія (Pollio);

...Magnus al integro saeculorum nascitur ordo,
 Jam redit et virgo; redeunt Saturnia regna;
 Jam nova progenies coelo demittitur alto....
 Te duce, si qua manent, sceleris vestigia nostri
 Irrita perpetua solvent formidinc terras.
 Ille deum vita acciperet.....
 Ipsae lacte domum referent distenta capellae
 Ubrae; nec magnos metuent armenta leones.
 Ipsa tibi blandos fundent cunabula flores.
 Occidet et serpens, et fallax herba veneni
 Occidet; assyrium vulgo nascetur amomum....

Ср. Проперція, кн. III, элегія X (на рожденіе Цинтіи),
 ст. 5—10;

....Transeat hic sine nube dies, stent aere venti,
 Ponat et in sicco molliter unda minas.
 Aspiciam nullos hodierna luce dolentes,
 Et Niobe lacrymas supprimat ipse lapis.
 Halcyonum positis requiescant ora querelis.
 Increpet absumptum nec sua mater Ityn...

Съ легкой руки Виргилія поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ прославляли новорожденныхъ, почему бы то ни было выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ. Чѣмъ выше былъ новорожденный по общественному положенію родителей, тѣмъ громче возвышали свой голосъ панегиристы, тѣмъ безцеремоннѣе обращались они съ законами природы, искажая ихъ по собственной фантазіи. Не одна только насмѣшка, но и близкое знакомство съ обычными приѣмами стихотворцовъ слышится въ словахъ Дмитріева:

У льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
 Во всѣхъ его странахъ,
 Потѣшны огни, веселье, жертвы, оды.

Махнати пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:
 Скачи земля, выг्राйте воды,
 У льва родился сынъ. . . .

Настройвая свои лиры на общій господствующій тонъ хвалебныхъ пѣснопѣній стихотворцы наши семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія воспѣвали «всевождедѣльное» рожденіе великаго князя Александра Павловича.

2) Сочиненія и переводы В. И. Майкова. 1867, стр. 155—159.

Намъ небо счастье предвѣстило,
 Когда свершался Павловъ бракъ:
 Вѣсовъ вступало солнце въ знакъ. . . .
 Теперь, во радостные часы,
 Когда младенецъ въ свѣтъ раждался,
 Луна текла черезъ вѣсы
 Во знакъ, что Россіе герои
 Низложатъ луноносны строи;
 Что правосудія законы
 Не будутъ колебимы въ вѣкъ;
 Что счастливъ будетъ человѣкъ. . . .

«Къ колыбели новорожденнаго Александра» Johann Julius Ungebauer принесъ «жертву» такого рода стихами, напечатанными въ Петербургѣ, въ 1777 году:

...Vergnügen herrscht an allen Orten,
 Die Freude, die der Herr uns gab,
 Die trifft so Thron, als Schäfer-Horden,
 Den Zepter, und den Bettelstab;
 Belebt des Alters grauen Haare,
 Die Milch, flöst sie dem Säugling ein,
 Vom Flügelkleide, bis zur Bahre,
 Ertönt ein frohes Jubelschrein. . . .

3) Klopstocks sämtliche werke. Leipzig. 1839. Fünfter band. s. 36—37.

Kaiser Alexander.

Erscheinen sah dich, heilige Menschlichkeit,
 Mein wonnetruncknes Auge. Begeisterung
 Durchglühte mich, als in dem stillen
 Tempel ich sahe der Wohlfahrt Mutter,

Zur Zeit der Längnung dessen, der schuf, zur Zeit
 Der nur verheissnen, neuen Beseligung
 Der Nationen, in den stummen
 Hallen ich sah die Gottbelohnte.

Allein die Stille floh; in dem Tempel scholl's
 Von frohen Stimmen. Eine der Stimmen sprach:
 Euch wägt die Menschlichkeit, Gebieter,
 Staub ist der Ruhm auf der ersten Wage,

Wenn eure Schale sich nur ein wenig hebt:
 Weh' euch alsdann schon! Wie auch die Vorwelt, sprach
 Der Stimmen eine, wie die spätern
 Völker vergötterten Alexander,

Ist Schmach doch dieser Name den Herrschenden,
 Die er uns nennet. Eine der Stimmen sprach:
 Her von der Ostsee bis gen Sina's
 Ocean herrschet ein edler Jüngling.

Der hat des Namens Flecke vertilgt; der ist
 Des Streiters am Granikus, bei Arbela,
 Des Streiters in den Wäldern Issos,
 Aber in schöneren Kampf, Besieger.

Der hat gesehn der heiligen Menschlichkeit
 Erscheinung. Thaten folgten dem Blick! Nun scholl's
 Von Melodien, und tausend Stimmen
 Feierten Russiens Alexander. —

4) Стихи его императорскому величеству, Александру первому, самодержцу всероссійскому, при восшествіи на престоль.

Москва. 1801. Въ концѣ стиховъ подпись: Владиміръ Измайловъ.
Москва. 1801 года 15 марта.

5) Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch. 1804. Vierter band. s. 362—365.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1864—1865. Т. II. стр. 47 (Храповицкому). Т. I, стр. 141 (Фелица).

6) Стихотворенія Ѳ. Тютчева. М. 1868. На юбилей Н. М. Карамзина, стр. 232.

7) Вѣстникъ Европы. 1803. № 5. О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. стр. 59. Статья эта написана Карамзинымъ по поводу обнародованія Предварительныхъ правилъ, народнаго просвѣщенія, утвержденныхъ государемъ 24 января 1803. Что помѣщенныя въ Вѣстникъ Европы 1802 — 1803 гг. статьи: О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи; О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей и О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи, — принадлежатъ Карамзину, видно изъ точнаго свидѣтельства самого Карамзина. Оканчивая изданіе Вѣстника Европы, Карамзинъ говоритъ (Вѣстникъ Европы 1803. Декабрь, стр. 283—284): «Любопытные желали знать, кто сочинялъ нѣкоторыя піесы въ Вѣстникѣ? Кромѣ *Смерти Шелехова*, *Портрета любезной женщины*, *Мыслей о русскихъ комедіяхъ*, *Прогулки молодой россиянки*, *Сказки господина Измайлова*, *Храма Свѣтовидова*, *Объявленія о путешествіи въ Малороссію князя Ш.*, *Письма о законодательствѣ въ отношеніи къ Россіи*, другога отъ господина Фой-Визина къ г. N. N. о сочиненіи русскаго лексикона; *рѣчи* господина Карамзина, разныхъ извѣстій о великодушныхъ дѣлахъ, описанія геттингенскаго университета, и повѣсти *Вадима*, — все остальное въ прозѣ писано издителемъ. Удовольствіе читателей казалось мнѣ важнѣе авторскаго хвастовства, и для того я не подписывалъ своего имени подъ сочиненіями».

8) Stats-Anzeigen, gesammelt und zum druck befördert von August Ludwig Schlözer. Göttingen. 1783. Dritter band. s. 258. Отзывъ Шлепера въ этомъ случаѣ несправедливъ: Петръ Великій думалъ о народныхъ школахъ, что доказываютъ открытыя по волѣ его епархіальныя училища, школы для солдатскихъ дѣтей, и т. д.

9) Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны экстраординарнымъ академикомъ Билярскимъ. 1865, стр. 145.

10) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 79. — Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Мнѣніе академика Бэра, представленное въ конференцію академіи наукъ 5 марта 1842 года.

Zu der Proposition der historisch-philologischen Klasse, eine Stelle für vergleichende Sprachkunde bei der Akademie zu St. Petersburg zu begründen.

Es hat mir immer geschienen, dass die Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg ihre Aufmerksamkeit vorzüglich auf die eigenthümlichen Verhältnisse des Russischen Reiches zu richten habe, und sich bestreben müsse dem Gebiete der Wissenschaften diejenigen Bereicherungen zu bringen, welche man vorzüglich von Russland erwarten muss, oder welche nur in dem Russischen Reiche gewonnen werden können.

Es ist wahr, dass wenn man die Stiftungs-Geschichte der Akademie zu St. Petersburg durchgeht, eine solche Rücksicht nicht hervortritt. Vielmehr ist der ersten Organisation der Akademie keine andere Beziehung zum Russischen Reiche zu erkennen, als dass sie berathende Behörde und Unterrichts-Anstalt zugleich sein sollte. Es waren nicht einmal Stellen für die Russische Geschichte und Sprache creirt. Der Inbegriff der Akademischen Stellen und der dadurch vorgeschriebene Kreis wissenschaftlicher Beschäftigungen ist bloss nach dem damaligen Umfange der Wissenschaften berechnet und hätte auf Paris oder Palermo ungefähr so gepasst, wie auf St. Petersburg. Der Grund

ist auch leicht einzusehen. Es galt damals nur, streng wissenschaftliche Forschung in mannigfaltiger Richtung nach Russland zu versetzen. Anders wurden die Verhältnisse unter der Regierung der Kaiserin Catharina. Das Russische Reich hatte seinen Platz unter den civilisirten Staaten eingenommen, und die gelehrte Welt, welche dieses Reich für stimmfähig erkannt hatte, musste erwarten, dass es seine Stimme vorzüglich über Aufgaben erhob, die besonders in Russland mit Erfolg zu untersuchen waren. Dieses hatte die Kaiserin Catharina sehr wohl erkannt, indem sie an der Untersuchung des Durchganges der Venus so wesentlichen Antheil zu nehmen beschloss, ja vielleicht die Veranlasserin der so allgemeinen Theilnahme an diesen Beobachtungen wurde, indem sie die vielfach verzweigten Reisen zur Untersuchung der Natur- und Völker-Verhältnisse des Reiches anordnete und im eigenen Cabinette die Grundlage eines vergleichenden Wörterbuches der Sprachen anlegte. Ich brauche nicht an die Anerkennung zu erinnern, welche diese Unternehmungen in ganz Europa fanden, ich will nur bemerken, dass man darin einen Fehler beging, dass man, trotz dieser Anerkennung nicht die Organisation der Akademie nach den wissenschaftlichen Aufgaben, zu welchen das Russische Reich auffordert, umgestaltete. Wahrscheinlich gedachte man nicht der wachsenden Anforderungen der Wissenschaft und glaubte für immer den Anforderungen, welche das gelehrte Europa machen kann, entsprochen zu haben — oder man überliess es der Zukunft, künftigen Forderungen zu genügen. Diese haben denn auch nicht unterlassen, in der neuesten Zeit sich geltend zu machen. Die eigenthümlichen Verhältnisse des Russischen Reiches, seine vorherrschend Slavische Bevölkerung, seine weite Ausdehnung, seine Berührungen mit vielen Völkern Asiens von eigenthümlicher Bildung, die grosse Mannigfaltigkeit seiner eigenen Bewohner und ihrer Bildungs-Stufen, der klimatischen Verhältnisse und der Naturproducte haben nach einander die Gründung einer Russischen Akademie, den Vorschlag einer asiatischen Akademie, die Vermeh-

rung der Stellen für asiatische Sprachen, die ausgedehnten Untersuchungen über Klimatologie veranlasst und der Vorschlag für die vergleichende Sprachkunde der Völker des Reiches, eine oder zwei Stellen zu begründen, ist offenbar nur ein Glied in dieser Umgestaltung der Akademie nach den wissenschaftlichen Aufgaben des Russischen Reiches.

Da ich die bezeichnete Umgestaltung durchaus für zweckmässig und nothwendig halte, so kann ich nicht umhin, mich auch für die erwähnte Proposition zu erklären. Es wäre nicht nöthig gewesen, meine Meinung hierüber schriftlich abzugeben, wenn ich mich nicht veranlasst fühlte, zu dem Vorschlage der Herrn Frachn und Graefe noch ein Paar Bemerkungen hinzuzufügen.

Die Herrn von der historisch-philologischen Klasse haben nur die philologische Seite der Ethnographie Russlands hervorgehoben. Allein diese hat noch eine rein-anthropologische oder wenn man will, physische. Es ist allgemein bekannt, dass die durch Blumenbach begonnene Vergleichung der Menschenstämme und ihrer Verzweigungen in neuerer Zeit eine allgemeine Theilnahme gefunden und vielfach bearbeitet worden ist. Diese allgemeine Theilnahme hat aber auch Uebertreibungen und Einseitigkeiten mancher Art erzeugt. Die Franzosen namentlich, welche die Zahl der Menschenstämme zu vermehren so sehr geneigt sind, gründen auf einzelne Schädel, Bildnisse oder andere auf Reisen aufgegriffene Materialien die kühnsten Zusammenstellungen über Verwandtschaft, Abstammung und Wanderungsverhältnisse der Völker. Es scheint daher die Vorfrage, in wie weit die physischen Unterschiede constant genug bleiben, um auf sie zu bauen einer gründlichen Untersuchung zu bedürfen. Diese Untersuchung kann aber ohne ein reichhaltiges Material nicht angestellt werden. Ich gestehe, dass es bei meiner Versetzung nach St. Petersburg zu meinen Wünschen gehörte, eine solche Untersuchung in Bezug auf die Völker Russlands anzustellen. Ich fand aber zu meiner Verwunderung fast gar kein Material vor.

Dass ein solches Material sich hier nicht angehäuft hat, beruht aber zum Theil darauf, dass in neuerer Zeit das Studium der Sprachen der verschiedenen Völker nicht die Theilnahme gefunden hat, welche ihr in andern Gegenden geschenkt worden ist. Die Kenntniss der Sprachen muss wenigstens in allgemeineren Grundzügen schon gewonnen sein, um mit einiger Sicherheit zu der Vergleichung der physischen Verhältnisse überzugehen. Es hat daher auch die Anhäufung des physischen Materials für die Ethnographie wenig Interesse, wenn nicht auch das linguistische gesammelt wird. Im Jahre 1828 fand ich in Berlin den Dr. Rehmann im Begriffe der dortigen Universität eine sehr ansehnliche Sammlung von Schädeln russischer Völker zu verkaufen. Auf meine Vorstellung, wie es so unpatriotisch sein könne, diese nicht zuvörderst in St. Petersburg anzubieten, gab er mir zur Antwort: In St. Petersburg bekümmert man sich nicht um die Ethnographie. Diese Sammlung befindet sich jetzt in der That in Berlin, und ich habe im vorigen Jahre einen Herrn Tillner, der die Schädel verschiedener Völker der russischen Staaten vergleichen wollte, nach Berlin verweisen müssen. Ein solches Verhältniss würde sich ändern, wenn hier Jemand zur Sammlung des ethnographischen Materials angewiesen wäre.

Der Bericht der historisch-philologischen Klasse hat der Arbeiten der Engländer, Franzosen und Deutschen für vergleichende Linguistik erwähnt. Man erlaube mir einen noch näher liegenden Vergleichungspunct zu wählen — den Amerikanischen Freistaat. Ausser dem Britischen Reiche mit seinen Kolonien ist er der einzige Staat von wissenschaftlicher Bildung, welcher in Bezug auf Mannigfaltigkeit des Klimas und der Bevölkerung mit dem Russischen Reiche verglichen werden kann. Beide Reiche haben daher dieselben Aufforderungen zu wissenschaftlichen Untersuchungen. In Bezug auf die Naturverhältnisse ist der Amerikanische Freistaat hinter dem Russischen sehr zurückgeblieben. Was aber die einheimische Ethnographie anlangt, so ist diese seit einer Reihe von Jahren eine wesentliche Beschäfti-

gung der dortigen gelehrten Gesellschaften und es giebt daselbst wissenschaftliche Vereine, die nur dieser Aufgabe gewidmet sind. Sie haben so viel Erfolg gehabt, dass schon im Jahre 1836 Herr Galatin, die Arbeiten der Herrn Heckewelden, Pickering, Duponceau und anderer benutzend, und von der Regierung unterstützt, ein Werk herausgeben konnte, in welchem er die Eingebornen Nordamerika's, mit Einschluss der Englischen und Russischen Besitzungen, in 27 Familien gruppirt und 81 Völker unterscheidet, von welchen allen wenigstens Sprachproben, oft aber auch ausführliche grammatische Untersuchungen mitgetheilt werden. Herr Galatin hat aber auch eine Karte über Verbreitung aller dieser Völker gegeben. Nur in Bezug auf die Westküste waren diese Nachrichten auffallend unvollständig. Ueber diese Gegenden sind seit jener Zeit neue Forschungen angestellt, so wie auch die physische Untersuchung reichhaltiges Material in dem grossen Werke von Morton (Crania Americana) erhalten hat. Da wir jetzt den Repräsentanten der vaterländischen Geographie unter unsern Mitgliedern zählen, so muss ich diesem verehrten Herrn Collegen die Entscheidung überlassen, ob wir schon Material genug in Russland besitzen, um eine Völkerkarte des Reiches zu entwerfen? Hat doch Herr Sjögren vor nicht gar langer Zeit im St. Petersburger Gouvernement ungekannte Verzweigungen des Finnischen Stammes gefunden. Jedenfalls scheint das Material seit den grossen Reisen nicht in dem Maasse sich gehäuft zu haben, als man hätte erwarten können.

An sich kann also die Ethnographie des Russischen Ländergebiets wohl kaum als eine überflüssige Beschäftigung betrachtet werden. Es ist aber in der vorigen Gesamtsitzung der Akademie die Bemerkung gemacht worden, dass das vergleichende Studium des Slavischen Volks-Stammes für uns noch wichtiger ist. Dieser Bemerkung pflichte ich vollkommen bei, und ich fühle mich gedrungen, bei dieser Gelegenheit die Ueberzeugung auszusprechen, dass die politische Stellung Russlands als des einzigen selbstständig und gross dastehenden Slavischen Staates, es

sehr wünschenswerth macht, dass von den West-Slaven wenigstens ein gründlicher Linguist bei unserer Akademie eine Anstellung finde, auch wenn dieser Zweig der Forschung bei uns vollständig repräsentirt sein sollte, worüber ich natürlich gar kein Urtheil habe. Ich glaube nur, dass die Aussicht für die westlichen Slaven, dass wenigstens Einer von ihnen in Russland eine sorgenfreie Existenz und einen passenden Wirkungskreis für seine wissenschaftliche Untersuchungen finden kann, nicht nur für das wissenschaftliche Studium des Slavismus sondern auch für Anerkennung der Stellung, welche dem Russischen Reiche in dieser Beziehung gebührt, sehr wirksam sein würde.

Мнѣніе Бара вызвано было слѣдующимъ предложеніемъ академикомъ Френа и Грефе объ учрежденіи мѣста академика для изученія языковъ и народовъ неславянскаго племени, обитающихъ въ Россіи:

Какъ другія наука, такъ и языкоученіе въ новѣйшее время приняло совершенно измѣнившійся видъ и направленіе. Оставляя въ сторонѣ прежнія, изъ другихъ ученыхъ системъ проистекшія, одностороннія мнѣнія о началѣ и происхожденіи народовъ и языковъ, нынѣ изучаютъ ихъ болѣе ради ихъ самихъ, и вникая съ одной стороны съ величайшимъ тщаніемъ въ индивидуальность отдѣльныхъ языковъ для распространенія тѣмъ по возможности матеріальной области языковѣдѣнія, стараются, съ другой стороны, добытыя симъ путемъ и болѣе и болѣе размножающіяся данности подводить подъ общія точки зрѣнія. Здѣсь главное дѣло состоитъ въ сравнительномъ языкоученіи, т. е. въ безпристрастномъ и добросовѣстномъ сличеніи между собою языковъ, — сличеніи, которое уже не останавливается, какъ-то прежде было, на одной оболочкѣ, — на словахъ, въ словарѣ содержащихся и ихъ произвольномъ разложеніи, но болѣе старается проникнуть въ самое существо и духъ языковъ, и въ законы, ими управляющіе, чтобы изъ нихъ извлечь сходства, которыя могли бы служить руководствующею нитью при изслѣдованіи отдѣльныхъ языковъ и сличеніи ихъ между собою и тѣмъ навести на общіе первообра-

зы, по которымъ языки могутъ быть распредѣлены на семейства и разряды, дабы чрезъ то самое вѣрнѣе дознаться взаимнаго сродства и происхожденія языковъ и народовъ. Къ такому существенному преобразованію общаго сравнительнаго языкоученія преимущественно содѣйствовали англичане, хотя менѣе своими произведеніями въ области сравнительнаго языковѣднія, сколько тѣмъ, что они раскрыли ученому свѣту множество особыхъ азійскихъ языковъ и народовъ во всей ихъ индивидуальности. Каждый изъ языковъ, каждое изъ племенъ, съ которымъ англичане вошли въ ближайшее соприкосновеніе, нашли одного или болѣе изслѣдователей и представителей, и политическія торжества и побѣды всегда влекли за собою и ученыхя. Движимые хотя и не столь обширными политическими побужденіями, какъ англичане, и французы ревностно соперничествовали съ своими сосѣдями въ споспѣшествованіи изученія особенно азійскихъ народовъ и языковъ для расширенія предѣловъ науки и образованности, и правительство издавна содержитъ ученыхъ, которые занимаются не только арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ, но по долгу своему также армянскимъ, зендскимъ, санскритскимъ, индостанскимъ и китайскимъ языками. Въ сравненіи съ англичанами и французами, нѣмцы, уже по географическому положенію своего отечества, должны были ограничиваться только чисто ученою частію этнографіи и языкознанія, но именно за эту часть принялись они съ свойственною имъ живостью и пламеннымъ усердіемъ и, щедро подкрѣпляемые своими правительствами, дѣйствительно воздѣлали ее съ отличнѣйшимъ успѣхомъ, подвергая взгроможденные англичанами и французами матеріалы тщательному разбору, приводя въ порядокъ неустроенныя массы, и направляя ихъ къ высшимъ общимъ результатамъ; а тѣмъ самымъ возвели эти ученые отрасли на ту высоту, на которой мы видимъ ихъ въ настоящее время. Обращаясь наконецъ къ Россіи, мы находимъ, что это могущественное государство, относительно къ политическому и географическому своему положенію, не только равняется съ гордою Англіею, но даже далеко превосходитъ ее

по внѣшнимъ отношеніямъ и зависящей отъ того значимости. Ибо, хотя владѣнія Россіи и не объемлютъ столько разныхъ частей свѣта какъ англійскія, но они уже сами по себѣ образуютъ связанное цѣлое, которое именно потому гораздо болѣе сжато и сосредоточено, и, что особенно важно въ нашемъ сравненіи, вещественные матеріалы для познанія языковъ и народовъ въ Россіи гораздо обильнѣе и разнообразнѣе. Сколько многоразличныхъ племенъ и нарѣчій не заключаетъ въ себѣ уже одна Европейская часть Россіи! А если къ тому присовокупить еще Кавказъ и Сибирь, то мы найдемъ и по нынѣ въ Россіи эту *officina gentium*, эту *vagina nationum*, эти *multas et diversas nationes* и эту *turba diversarum gentium*, которую уже Иорданъ приписывалъ Скандіи, вѣрно не имѣя въ виду одной дѣйствительной Скандинавіи, какъ многіе полагали и еще понынѣ полагаютъ по недоразумѣнію.

Изъ сихъ указаній явствуется само собою, какое необъятное поле для изслѣдованія языковъ и народовъ представляетъ именно наша Россія, и какихъ важныхъ поясненій даже всеобщая исторія человѣчества можетъ еще ожидать, именно въ самыхъ темнѣйшихъ своихъ частяхъ, если однажды вышеозначенное изобиліе матеріаловъ будетъ расчищено и обработано надлежащимъ образомъ. Мы говоримъ, если это будетъ нѣкогда исполнено; ибо что до сихъ поръ сдѣлано по этой части, къ сожалѣнію, ограничивается столь малымъ, что Россія въ этомъ отношеніи никакъ не можстъ войти въ сравненіе съ прочими главными государствами Европы, хотя, по своему собственному богатству матеріаловъ и послѣ примѣра успѣшныхъ усилій другихъ народовъ, уже давно имѣетъ преимущественное къ тому призваніе. Это чувствовала уже великая императрица Екатерина II, обративъ, между прочимъ, свое вниманіе также на этнографическія и лингвистическія отношенія подвластныхъ ей скипетру народовъ, и повелѣвъ, на первый разъ, изготовить хотя короткіе, но хорошо расположенные образчики нарѣчій и сборники словъ. Хотя первое выполненіе дѣла и отстало далеко отъ высокой идеи, служившей тому основаніемъ, но по крайней мѣрѣ было положено прекрасное начало,

и свыше дано было побужденіе, которое въ то время съ радостію привѣтствовалъ весь ученый міръ, а внутри имперіи это самое подало поводъ къ появленію первыхъ печатныхъ опытовъ грамматикъ разныхъ чуждыхъ нарѣчій, составленныхъ между прочимъ самими русскими и на русскомъ языкѣ, — грамматикъ, которыя, не взирая на всѣ ихъ недостатки, и понынѣ еще остаются лучшими у насъ по своей части. Конечно и такихъ опытовъ явилось у насъ очень не много, потому что изученіе туземныхъ языковъ и народовъ со времени Екатерины II, къ сожалѣнію, опять пришло почти въ совершенное пренебреженіе, и это имѣло печальнымъ послѣдствіемъ то, что именно въ Сибири цѣлыя отдѣльныя племена, которыхъ имена по крайней мѣрѣ были уже вызваны изъ мрака неизвѣстности великою Екатериною, совершенно вымерли, и тѣмъ невозвратно погибли для науки. Нѣкоторыя другія, и въ числѣ ихъ даже европейскія, вблизи насъ обитающія, какъ то: Ливъ въ Лифляндіи и Курляндіи, кажется, идутъ на встрѣчу той же участи. И такъ, чтобы по возможности предотвратить на будущее время оцутительныя для науки потери, могущія произойти отъ такихъ событій, и приличнымъ образомъ соотвѣтствовать справедливимъ ожиданіямъ, какія образованная Европа имѣетъ отъ Россіи по ея всемірному положенію, весьма необходимо, чтобы также языки и этнографическія отношенія такихъ племенъ и народовъ, которые стоятъ на низшей степени образованности, и, слѣдовательно, не имѣютъ своихъ письменъ и литературы, были сдѣланы предметомъ особыхъ изслѣдованій при нашей академіи, а посему мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность предложить, въ пользахъ науки и для чести Россіи, чтобы *изученіе языковъ и народовъ въ специальномъ отношеніи къ Россіи*, и именно къ *не-славянскому* ея народонаселенію, за изытіемъ тѣхъ частей онаго, которыхъ литература уже имѣетъ особыхъ представителей въ академіи (какъ то мугамеданская, монгольская и грузино-армянская), были впредь представляемы по крайней мѣрѣ двумя особыми членами, однимъ ординарнымъ академикомъ и однимъ адъюнктомъ. Для изслѣдованія славянскихъ нарѣ-

чій и славяно-русской филологіи вообще въ недавнемъ времени приобщены къ намъ 20 новыхъ членовъ; и такъ, кажется, справедливость требуетъ, чтобы и для чрезвычайнаго множества прочихъ, еще находящихся внутри Россіи, не-славянскихъ нарѣчій, доселѣ не имѣвшихъ у насъ представителей, были присоединены къ намъ по крайней мѣрѣ двое новыхъ членовъ, въ дополнение уже прежде существовавшаго у насъ третьяго отдѣленія историческихъ наукъ и филологіи, тѣмъ болѣе, что Его Императорскому Величеству высочайше благоугодно было повелѣть, чтобы при нынѣшнемъ преобразованіи нашей академіи избытокъ прежней штатной и экономической суммы россійской академіи былъ употребленъ въ особенности на усиленіе способовъ 3-го, т. е. историко-филологическаго отдѣленія. . . .

11) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Проектъ устава академіи наукъ:

ГЛАВА I.

О составѣ Академіи, ея обязанности и преимуществахъ.

Статья 1-я.

Санктпетербургская Императорская Академія Наукъ, полагая во основаніе главное назначеніе всѣхъ ученыхъ обществъ: распространять предѣлы человѣческихъ знаній откровеніями, присоединяетъ къ тому особенную, и ей свойственную обязанность — прилагать ихъ непосредственно къ государственной пользѣ: испытывать естественныя произведенія во всемъ пространствѣ Россіи, и неослабными попеченіями назидать собственную ученость, чтобы она обратилась наконецъ въ природное произведеніе отечества.

Статья 2-я.

На сихъ началахъ учрежденная академія наукъ состоитъ изъ дѣйствительныхъ членовъ, то есть: *академиковъ* и *адъюнк-*

товъ, изъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ внутри и внѣ государства; и имѣеть подъ собственнымъ надзоромъ училище, коего воспитанники будутъ готовиться поступать въ ея сословіе.

Статья 3-я.

Она имѣеть *Президента, Вице-Президента, Секретаря и Комитетъ* для хозяйственныхъ ея распоряженій. Должности каждаго и всѣхъ вообще опредѣляются въ слѣдующихъ главахъ и статьяхъ.

Статья 4-я.

Академія наукъ издаетъ ежегодно въ трудахъ своихъ подъ именемъ *Актовъ* или *Комментаріевъ* на латинскомъ или французскомъ языкѣ тѣ ученія сочиненія членовъ своихъ, которыя признаеть она способствующими къ распространенію наукъ: сочиненія, основывающія славу ея въ Европѣ. Но вѣрна правиламъ своимъ — распространять знанія въ отечествѣ, столь же постоянно издаетъ на одномъ російскомъ языкѣ, подъ приличнымъ заглавіемъ, сочиненія о предметахъ, къ наукамъ принадлежащихъ, и которыхъ приложеніе наиболѣе ощутительно, образомъ и слогомъ, примѣненнымъ къ общему понятію, и отдаляя всѣ тѣ подробности, которыхъ разумѣніе требуетъ неотмѣнно предварительнаго ученія.

Статья 5-я.

Академія, въ одно изъ первыхъ собраній каждаго года предлагаетъ двѣ *ученыя задачи*, избирая преимущественно такія, которыхъ разрѣшеніе полезно для Россіи. Одна изъ оныхъ должна имѣть предметомъ изысканіе умозрительной истины, а другая относиться къ усовершенію домоводства или промысла. Отечество наше, по малоизвѣстности обширнаго его состава, по вліянію, которое будутъ имѣть предполагаемыя въ немъ открытія на человечество вообще, конечно представитъ избытокъ вопросовъ, достойныхъ упражнять умы и другихъ народовъ. За разрѣшеніе каждой таковой задачи назначается золотая медаль въ триста рублей или другое равноцѣнное воздаяніе.

Статья 6-я.

Академія препровождаетъ также золотыя медали въ знакъ одобренія своего тѣмъ изъ російскихъ подданныхъ, почетныхъ членовъ, корреспондентовъ и другихъ лицъ, какого бы состоянія они ни были, которые отличатся въ теченіе года доставленіемъ къ ней полезнѣйшихъ ученыхъ сочиненій или извѣстій о своихъ изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ. Оныя могутъ быть обнародываемы помѣщеніемъ въ упомянутыя въ 4-ой статьи сочиненія, или и въ пользу сочинителя другими, по расположенію академіи, способами.

Статья 7-я.

Академическое училище требуетъ тщательнѣйшаго вниманія академіи, яко учрежденіе необходимое, чтобы обезпечить на предбудущее время составленіе ея большею частью изъ природныхъ россіянъ.

Статья 8-я.

Для познанія государства посредствомъ наукъ, будутъ Нами открыты способы по ея представленію. Но сверхъ того уполномочивается она имѣть по сему предмету сношенія со всѣми государственными мѣстами, и обязуется она по временамъ и обстоятельствамъ посылать членовъ своихъ для мѣстнаго обозрѣнія различныхъ областей и предѣловъ.

Статья 9-я.

Наипаче обязана она имѣть непрерывное сношеніе со всѣми учеными и училищными учрежденіями, существующими въ Росіи, дабы, зная успѣхи народнаго воспитанія и просвѣщенія, могла располагать по тому и свое содѣйствіе.

Статья 10-я.

Академія, состоя со всѣмъ, принадлежащимъ къ ней, въ непосредственномъ нашемъ покровительствѣ, изъемлетса отъ всякой другой зависимости кромѣ правительствующаго сената, которому она подчинена на ряду со всѣми государственными учрежде-

ніями. Она всегда имѣеть право непосредственно представлять Намъ о своихъ нуждахъ.

Статья 11-я.

Внутренній порядокъ и благочиніе предоставляются ея собственному наблюденію. Никакое присутственное мѣсто не можетъ входить въ дѣла ея и ея членовъ безъ предварительнаго отношенія къ ней на законномъ основаніи, и по законнымъ, въ томъ отношеніи обнаруженнымъ, причинамъ.

Статья 12-я.

Академія однимъ избраніемъ своимъ возводитъ въ достоинство особы, составляющія ея сословіе, и тѣхъ, которымъ избраніемъ поручаетъ она должности, можетъ увольнять по своему произволенію.

Статья 13-я.

Всякій дѣйствительный членъ, съ предъявленіемъ академическаго диплома, имѣеть право получить отъ герольдіи патентъ на чинъ, оному соотвѣтствующій, поелику онъ, непосредственно по совершеніи избранія академію, вступаетъ во всѣ гражданскія преимущества, званію его присвоенныя.

Статья 14-я.

По выбытіи одного изъ членовъ, академія не обязывается немедленно наполнять его мѣсто, но употребляетъ должное время и вниманіе, чтобы замѣнить его достойно. При равномъ достоинствѣ російскій подданный предпочтется иностранному. На сей конецъ о всякомъ упразднившемся мѣстѣ будетъ предварительно обнародовано въ російскихъ вѣдомостяхъ, дабы почитающіе себя способными могли прислать сочиненія и лично предстать къ испытанію академіи.

Статья 15-я.

Академія имѣеть право требовать отъ училищъ и другихъ мѣстъ всей имперіи людей, которыхъ способности ей сдѣлаются

извѣстны, и съ согласія ихъ принимать къ себѣ по должномъ испытаніи въ *воспитанники* академикомъ или и адъюнкты.

Статья 16-я.

Членамъ академіи, которые по болѣзнямъ или старости пожелаютъ быть уволены, производить въ пенсіонъ полное ихъ жалованье, ежели они служили тридцать, а половинное, ежели служили двадцать лѣтъ со вступленія въ званіе дѣйствительныхъ членовъ. Дѣти умершихъ членовъ, выслужившихъ десять лѣтъ, или ихъ вдовы, получаютъ треть послѣдняго жалованья ихъ отцовъ или мужей, первые по совершеннолѣтіе, а послѣдніе по смерти или по вступленіе въ новый бракъ. Въ послѣднемъ случаѣ, или по смерти ихъ, дѣти до совершеннолѣтія своего раздѣляютъ между собою сію третью долю. Вдовы же членовъ, десяти лѣтъ не выслужившихъ, или ихъ дѣти, получаютъ одновременно полное годовое жалованье ихъ мужей или отцовъ. Прочіе чины и служители, къ академіи принадлежащіе, имѣютъ получать половинный пенсіонъ за тридцати-пяти-лѣтнюю безпорочную службу.

Статья 17-я.

Питомцамъ академическаго училища по окончаніи наукъ, которое доказывается полученнымъ ими свидѣтельствомъ, предоставляется полная воля избирать всякій родъ жизни, приличный ихъ воспитанію.

Статья 18-я.

Корреспонденція академіи имѣетъ быть уважаема всѣми государственными мѣстами, внутренняя освобождается отъ платежа почтовыхъ сборовъ, разумѣя въ семь числѣ и все, отправляемое на ея имя.

Статья 19-я.

Исключая святѣйшій правительствующій синодъ и правительствующій сенатъ, всѣ высшія и нижшія мѣста сносятся съ академіею *сообщеніями*. На ея же отношенія; во всякихъ случаяхъ, опредѣленныхъ настоящимъ уставомъ или въ немъ не пред-

видѣнныхъ, но непротивныхъ законамъ, отвѣтствуютъ удовлетвореніемъ ея запросовъ и неукоснительнымъ вспоможеніемъ, гдѣ оно востребовано будетъ.

Статья 20-я.

Сумма на содержаніе академіи, ежегодно изъ государственныхъ казначействъ отпускаемая, равно какъ и другія, ей присвоенныя суммы, подлежатъ собственному ея распоряженію. Она не обязывается къ другимъ въ нихъ отчетамъ, кромѣ перечневаго по окончаніи каждаго года Намъ донесенія о ихъ употребленіи и наличности и таковогожъ въ правительствующій сенатъ.

ГЛАВА П.

О Президентѣ Академіи.

Статья 21-я.

Президентъ Академіи Наукъ назначается Нами изъ особъ первыхъ государственныхъ классовъ.

Статья 22-я.

Онъ есть главный исполнитель сего устава, внѣшній защитникъ правъ академіи и внутренній блюститель ея обязанностей. Не изображая подробно правилъ, составляющихъ его должность, Мы надѣемся, что особа, носящая на себѣ въ такой степени Наше и общества довѣріе, бывъ руководителя сколько любовію къ отечеству, столько истиннымъ просвѣщеніемъ и ревностію, усмотритъ ихъ въ цѣли и расположеніи сего устава. Намъ пріятно думать, что слава академіи и отечества неразлучна будетъ въ глазахъ его съ честію предсѣдательствовать въ первомъ сословіи россійскихъ ученыхъ; что единое достоинство, несомнительный залогъ общественной пользы, будетъ имъ ободрено и приближено къ награждѣ.

Статья 23-я.

Президентъ лично докладываетъ Намъ о дѣлахъ академіи отъ ея имени. Доноситъ о важнѣйшихъ въ ней происшествіяхъ,

какъ то: объ учиненныхъ открытіяхъ или отличнѣйшихъ произведеніяхъ ея членовъ, о избраніи и приобщеніи ихъ самихъ, о предполагаемыхъ путешествіяхъ и положеніяхъ академіи, по сомнительности или важности своей требующихъ непосредственнаго нашего разрѣшенія.

Статья 24-я.

Онъ представляетъ Намъ къ должному награжденію членовъ, отличившихся своими трудами, прописавъ случай заслуги, и указавъ на ту изъ статей сего устава, къ которой она относится.

Статья 25-я.

Навѣдываясь съ уваженіемъ, приличнымъ наукамъ и званію академиковъ, въ какомъ степени прилежанія исполняется должность каждаго, онъ представляетъ Намъ свои замѣчанія и о тѣхъ, которые уклонятся будутъ отъ исполненія почтенной своей обязанности. Какъ въ семъ, такъ и въ случаѣ предидущей статьи, донесенія его всеконечно отъ гласу общества и доводовъ въ дѣлахъ самой академіи будутъ заимствовать вышшую свою силу.

Статья 26-я.

О прочихъ чиновникахъ академіи къ обоимъ означенныхъ случаямъ представляетъ президентъ правительствующему сенату на основаніи общихъ узаконеній. Онъ же, сообразно съ статьею 163-ю, представляетъ людей достойныхъ къ наполненію мѣстъ, независящихъ отъ избранія академіи.

Статья 27-я.

Какъ президентъ есть блюститель порядка и внутреннаго благочинія академіи, то въ случаѣ нарушенія оныхъ въ какой либо части, ему отъ Насъ предоставляется брать мѣры, сообразныя съ законами и важностію особъ или обстоятельствъ.

Статья 28-я.

Въ дѣлахъ, до хозяйственнаго управленія академіи касающихся, одинъ президентъ имѣетъ право предлагать собранію

академіи что за нужное почтеть; въ небытность же свою, поручаетъ сіе вице-президенту или его сочлену въ комитетѣ. Членъ, имѣющій въ виду подобное предложеніе, относится къ президенту; въ случаѣ непринятія онаго, имѣетъ право требовать, чтобъ мнѣніе его приложено было къ протоколу засѣданія.

Статья 29-я.

Президентъ по ученымъ предметамъ не входитъ въ разсужденія членовъ; но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ собраніи академіи встрѣтится равенство противныхъ голосовъ, яко первенствующая особа, рѣшитъ своимъ мнѣніемъ.

ГЛАВА III.

О вице-Президентѣ.

Статья 30-я.

Академія въ послѣднее собраніе каждаго третьяго года избираетъ по большинству голосовъ изъ числа всѣхъ дѣйствительныхъ академиковъ своего вице-президента. Она можетъ и на слѣдующее трехлѣтіе подтвердить его въ семъ званіи.

Статья 31-я.

Вице-президентъ есть ближайшій помощникъ президенту въ отправленіи ввѣренной ему должности. Онъ въ собраніяхъ и хозяйственномъ комитетѣ занимаетъ мѣсто непосредственно по немъ, а въ отсутствіи имѣетъ его права и голосъ, который бывъ данъ единожды, не можетъ быть уже отмѣненъ и президентомъ.

Статья 32-я.

Въ присутствіи президента въ собраніяхъ академіи, вице-президентъ даетъ свое мнѣніе просто какъ академикъ; ибо избраніемъ въ сію должность не перестаетъ быть членомъ.

Статья 33-я.

Вице-президенту наипаче ввѣрено надзираніе надъ академи-

ческимъ училищемъ. По окончаніи каждаго курса вносить онъ въ собраніе академіи записку о успѣхѣ учащихся, о усмотрѣнныхъ имъ недостаткахъ и средствахъ, какъ исправить оныя по его мнѣнію.

Статья 34-я.

Онъ не обязывается къ доставленію сочиненій во время отпущенія его должности, но соединеніе съ оною обыкновенныхъ трудовъ академика вѣнено ему будетъ въ особенную заслугу.

Статья 35-я.

Ежели мѣсто вице-президента упразднится до истеченія третьяго года, то президентъ немедленно созываетъ чрезвычайное собраніе, которое и поручаетъ должность его академику, слѣдовавшему за нимъ въ большинствѣ голосовъ, не производя уже новаго выбора.

Статья 36-я.

Вице-президентъ, если не имѣетъ высшаго чина, числится за урядъ въ пятомъ классѣ, доколѣ въ должности пребываетъ; по пробытіи же двухъ трелѣтій удерживаетъ онъ чинъ, сему классу соответствующій.

ГЛАВА IV.

О непремѣнномъ Секретарѣ Академіи.

Статья 37-я.

Особа, которая печется о перепискѣ академіи, о приведеніи въ порядокъ и изданіи, какъ ея собственныхъ, такъ и вступающихъ въ нея сочиненій, не можетъ быть иная, какъ токмо академикъ, который и избирается на неопредѣленное время.

Статья 38-я.

Немедленно по упраздненіи секретарскаго мѣста, президентъ созываетъ чрезвычайное собраніе академиковъ. Всякій имѣетъ

право предложить своего кандидата, и избраніе рѣшится большинствомъ голосовъ.

Статья 39-я.

Академія таковымъ же образомъ избираетъ *помощника* своему секретарю изъ адъюнктовъ, взирая въ выборѣ семъ на искусство въ російскомъ словѣ, *архиварія*, *переводчика* и *писца*, знающаго языка, изъ студентовъ академіи. Они состоятъ подъ начальствомъ секретаря.

Статья 40-я.

Секретарь ведетъ *протоколъ засѣданій* академіи; составляетъ ея исторію; подъ вѣдѣніемъ имѣетъ изданіе всѣхъ ея сочиненій; представляетъ письма, на ея имя полученныя, и отвѣтствуетъ по ея заключенію, со внесеніемъ отвѣтовъ въ протоколъ; вообще исполняетъ онъ, съ подчинеными ему, всѣ до его званія принадлежащія порученія, какія ему академіею или въ слѣдствіе ея положеній президентомъ даны будутъ.

Статья 41-я.

Архиварій, имѣющій попеченіе о порядкѣ и храненіи бумагъ академіи, сданныхъ ему секретаремъ, и переводчикъ, имъ употребляемый, состоятъ въ девятомъ классѣ, если выше того чина не имѣютъ. Отъ академіи зависитъ прибавить послѣдному жалованья и сверхъ штата по мѣрѣ его трудовъ или придавать ему на время помощниковъ изъ студентовъ.

ГЛАВА V.

О дѣйствительныхъ членахъ Академіи и избраніи ихъ.

Статья 42-я.

Не подвергаясь неизбѣжному затрудненію при раздѣленіи наукъ по примѣру нѣкоторыхъ академій на классы, но видя напротивъ того въ упражненіяхъ академиковъ, сколько они по различію предметовъ ни различествуютъ, единую общую цѣль, пола-

гаемъ, что академики и адъюнкты или помощники ихъ будутъ принадлежать къ одному нераздѣльному и классами неразличенному сословію.

Статья 43-я.

Оно имѣетъ состоять, при введеніи сего устава, изъ слѣдующаго числа академиковъ для разныхъ наукъ, а именно: изъ двухъ для математики, старшаго и младшаго; двухъ для астрономіи; двухъ для химіи; по одному для физики, для механики, минералогіи, ботаники, зоологіи, анатоміи, для умственной и дѣятельной философіи, для политической экономіи, коммерціи и технологіи, и для исторіи и статистики, придавая къ каждому изъ оныхъ, кромѣ тѣхъ наукъ, въ которыхъ положено два академика, по одному адъюнкту, съ таковымъ наблюденіемъ, чтобъ послѣдніе три адъюнкта, кромѣ главной науки, имѣли совершенное знаніе какъ древней словесности греческой и латинской, такъ и въ письменахъ російскихъ.

Статья 44-я.

По сему число академиковъ ограничено *пятнадцатю* особами; однако ежели академія разсудитъ приобщить къ нимъ мужа искуснаго въ одномъ изъ полезнѣйшихъ познаній, которыя здѣсь не именованы, находя въ томъ истинную пользу для государства, равно, ежели представится ей случай приобрести въ свое сословіе какого либо славнаго мужа, хотя и въ такой части, которая въ семъ уставѣ находится уже въ виду (назначая въ обоихъ обстоятельствахъ содержаніе изъ собственныхъ суммъ), то сіе не токмо не возбраняется, но намъ въ особенности пріятно будетъ.

Статья 45-я.

Равнымъ образомъ, можетъ академія сверхъ наименованныхъ девяти адъюнктовъ принять на счетъ собственныхъ своихъ доходовъ еще трехъ или болѣе, по мѣрѣ какъ представляться ей будутъ природные россияне съ отличными способностями и такими

свѣдѣніями, которыя бы давали право на сіе званіе. Къ сему можетъ она употребить способъ, въ статьѣ 15-й начертанный.

Статья 46-я.

Должность академикомъ опредѣляется самымъ назначеніемъ академіи. Они обязаны руководствовать усовершеніемъ наукъ въ государствѣ, каждый по своей части, и въ ученыхъ своихъ трудахъ вспомошествоются своими товарищами, неимѣющіе ихъ — адъюнктами.

Статья 47-я.

Адъюнкты засѣдаютъ ниже академикомъ, участвуютъ въ общихъ трудахъ и разсужденіяхъ, но при избраніи членомъ не имѣютъ ни мѣста, ни голоса.

Статья 48-я.

Академія въ первые свои члены или академики обязана избирать таковыхъ токмо ученыхъ, кои снискали уже славу сочиненіями или полезными и отличными изобрѣтеніями въ одной изъ наукъ, составляющихъ предметъ академіи. Желающіе заступитъ мѣста адъюнктовъ, если они прежде того неизвѣстны сочиненіемъ, принятымъ съ похвалою, или курсомъ какой либо науки, должны представить академіи одно или два сочиненія, которыя бы доказывали основательныя и глубокія познанія; по одобреніи жъ явиться лично для испытанія. И тѣ и другіе должны быть люди непорицаемой нравственности.

Статья 49-я.

Каждый старшій академикъ, получивъ своего *воспитанника* образомъ, постановленномъ въ главѣ VIII-й, имѣетъ его въ ближайшемъ своемъ вѣдѣніи, и чрезъ наставленія и руководство приуготовляя его быть современемъ членомъ академіи, даетъ ежегодно собранію отчетъ о его успѣхахъ. Онъ можетъ его употребить для перевода своихъ сочиненій, назначенныхъ ко внесенію въ російскія академическія изданія.

Статья 50-я.

Коль скоро таковой воспитанник получить достоинство адъюнкта, то академикъ, наставлявшій его, получаетъ право на особенную награду нашу, и президентъ обязанъ донести о семъ безъ замедленія.

Статья 51-я.

Всѣ младшіе академики и адъюнкты той науки, гдѣ младшихъ академиковъ не положено, входятъ въ составъ академическаго училища, образомъ опредѣленнымъ въ главѣ VIII. Старшіе академики къ сему не обязываются; но буде захотятъ участвовать, то сіе вѣнится имъ въ заслугу.

Статья 52-я.

Академикъ въ теченіе года представляетъ собранію по крайней мѣрѣ два *сочиненія*: одно, достойное для помѣщенія въ акты, а другое — въ изданіе академическихъ трудовъ на російскомъ языкѣ. Адъюнктъ же ежегодно обязанъ представить по крайней мѣрѣ одно сочиненіе, которое, по разсужденію академиковъ, помѣстится въ то или другое академическое изданіе.

Статья 53-я.

Каждое трехлѣтіе назначается награжденіе пятьсотъ рублей изъ академической суммы тому академику, котораго сочиненіе произвело въ ученомъ свѣтѣ ощущеніе, соединенное съ пользою для имперіи; въ чемъ и позволяется тому академику представить письменныя доказательства.

Статья 54-я.

Всякій членъ академіи, ставя себѣ за честь порученіе своего собранія, въ чемъ бы оно ни состояло, не можетъ отрицаться отъ исполненія его безъ особливыхъ и важныхъ причинъ. Таковыя причины обязанъ онъ немедленно представить на усмотрѣніе президента и академіи.

Статья 55-я.

Но съ другой стороны, членамъ академіи позволяется имѣть соотвѣтственныя ихъ знаніямъ постороннія упражненія, съ тѣмъ только, чтобъ они не отвлекали ихъ отъ академическихъ.

Статья 56-я.

Членъ, желающій оставить академію, долженъ предизвѣстить президента о намѣреніи своемъ, по крайней мѣрѣ за шесть мѣсяцевъ.

Статья 57-я.

По выбытіи одного изъ академиковъ или адъюнктовъ, президентъ, возвѣстивъ собранію, дастъ время не менѣ шести мѣсяцевъ на предложеніе кандидатовъ, и въ тоже время, на основаніи статьи 14-й, велитъ обнародовать въ вѣдомостяхъ.

Статья 58-я.

Три академика совмѣстно должны представить объ одной, двухъ или трехъ особахъ по своему мнѣнію и внести имена ихъ въ полное собраніе академіи, съ выраженіемъ достоинства ихъ, на основаніи 48-й статьи, и за своимъ подписаніемъ.

Статья 59-я.

Собраніе не далѣе, какъ въ теченіе шести недѣль послѣ предложенія кандидатовъ, приступаетъ къ рѣшительному избранію ихъ по баламъ, одного послѣ другаго. Число дѣйствительно избирающихъ академиковъ должно быть не менѣ двухъ третей полнаго числа, составляющаго академію.

Статья 60-я.

Удостоенный большинствомъ голосовъ утверждается, и президентъ поручаетъ секретарю или одному изъ членовъ вступить съ нимъ въ сношеніе.

Статья 61-я.

Если избранный кандидатъ по какимъ либо причинамъ не

можетъ принять приглашеніе академіи, то секретарь предлагаетъ послѣдующему за нимъ въ большинствѣ голосовъ.

Статья 62-я.

Собраніе по большинству голосовъ можетъ принять, на основаніи статьи 58-й, и новыхъ кандидатовъ, если по полученіи извѣстія, что избранный не принялъ званія академика, произойдетъ разность мѣнѣй или въ продолженіе сего времени откроются новыя достойныя лица.

Статья 63-я.

Если бы кто изъ академиковъ пересталъ заслуживать честь быть въ сословіи академіи, отъ ожиданія чего Мы весьма удалены; то президентъ имѣетъ право предложить полному собранію о представленіи Намъ,

Статья 64-я.

Такое представленіе должно быть основано на положеніи академіи, принятомъ по большинству голосовъ по крайней мѣрѣ двухъ третей всего числа членовъ.

Статья 65-я.

Старшіе академики состоятъ въ шестомъ классѣ, младшіе — въ седьмомъ, а адъюнкты — въ осьмомъ, если выше чиновъ не имѣютъ.

ГЛАВА VI.

О почетныхъ членахъ и корреспондентахъ.

Статья 66-я.

Академія можетъ имѣть внутри и внѣ государства *почетныхъ членовъ*, удостоивая сего имени мужей, прославившихся такими сочиненіями или открытіями, которыя составляютъ предметъ академіи, или свѣту извѣстнымъ особеннымъ ободреніемъ наукъ.

Статья 67-я.

Число ихъ неопредѣлено; они избираются по большинству голосовъ, въ слѣдствіе предложенія президента или трехъ членовъ, которые его о семъ должны предувѣдомить.

Статья 68-я.

Академія не возлагаетъ на почетныхъ своихъ членовъ никакихъ обязанностей, развѣ сами собою пожелаютъ участвовать въ ея трудахъ. Въ послѣднемъ случаѣ доставленныя ими сочиненія могутъ быть помѣщены въ одно изъ академическихъ изданій.

Статья 69-я.

Академія можетъ имѣть внутри и внѣ государства своихъ *корреспондентовъ*. Сіе названіе принадлежать будетъ особамъ, которыя не приобрѣли еще качествъ пристойныхъ членамъ; но изданными въ свѣтъ сочиненіями и любовію къ наукамъ доказываютъ, что союзъ ихъ принесетъ академіи пользу.

Статья 70-я.

Число ихъ также не ограничивается, и академія ихъ избираетъ по предложенію президента или одного изъ членовъ, который обязанъ президента предувѣдомить.

Статья 71-я.

Десяти изъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, избранныхъ какъ внутри, такъ и внѣ государства, по мѣстопробыванію своему и дѣятельности наиболѣе имѣющимъ удобность доставлять свѣдѣнія о предметахъ, занимающихъ академію, производитъ она по двѣсти рублей въ годъ, наблюдая токмо, сколько возможно, чтобъ каждый *пенсіонеръ* принадлежалъ къ особой наукѣ.

Статья 72-я.

Почетные члены и корреспонденты, находясь въ Санктпетербургѣ, могутъ присутствовать въ собраніи академіи, предувѣдо-

мивъ о томъ президента за день, и имѣють голосъ въ ученыхъ по ихъ части разсужденіяхъ.

ГЛАВА VII.

О собраніяхъ Академіи.

Статья 73-я.

Академія имѣеть три рода собраній ея членовъ: *торжественныя, чрезвычайныя частныя и обыкновенныя.*

Статья 74-я.

Торжественное собраніе бываетъ единожды въ годъ. Оно должно быть празднествомъ наукъ и воздаяніемъ общественной благодарности тѣмъ истиннымъ ученымъ, которые обязали отечество своими бдѣніями. Первые дни послѣ празднества святаго Александра Невскаго суть эпохою сего собранія. Академія приглашаетъ къ нему не только присутственныхъ почетныхъ членовъ своихъ и корреспондентовъ, но и всѣхъ любителей просвѣщенія. Ревностны къ возвеличенію онаго, Мы сами за удовольствіе поставимъ присутствовать въ семь случаевъ. Президентъ, вице-президентъ или непремѣнный секретарь открываетъ собраніе рѣчью, въ которой академія отдаеть торжественный отчетъ въ трудахъ того года; представляетъ вліяніе, которое имѣла она въ произведеніи государственной пользы; опредѣляетъ степень общественнаго просвѣщенія и успѣхи наукъ, какъ въѣ, такъ и въ особенности внутри Россіи. Секретарь читаетъ историческія похвалы академиковъ, которыхъ совершенное поприще ознаменовано подвигами. Провозглашаются имена увѣнчанныхъ академіею сочинителей отвѣтовъ на заданные вопросы. Новые академики посвящаютъ вступленіе свое въ академію опытами трудолюбія своего и проникательности. Въ заключеніи собранія президентъ представляетъ Намъ или особѣ, на тотъ случай отъ Насъ наименованной, тѣхъ изъ воспитанниковъ, на которыхъ академія основываетъ надежду свою.

Статья 75-я.

Чрезвычайныя приватныя собранія назначаетъ президентъ, извѣщая о томъ членовъ наканунѣ, вмѣстѣ съ причиною собранія, которою одною сей день исключительно и занимаются.

Статья 76-я.

Обыкновенныя собранія посвящаются чтенію очередныхъ сочиненій академиковъ, сужденій ихъ, разбирательству ученыхъ предметовъ и корреспонденціи съ обществами и учеными. Имъ быть отъ десяти часовъ утра до полудни каждый понедѣльникъ, а если случатся праздники или иныя непредвидимыя нынѣ препятствія, то въ слѣдующій за тѣмъ день по назначенію президента.

Статья 77-я.

Въ обыкновенныя собранія президентъ или занимающій мѣсто его вице-президентъ, послѣ чтенія академическихъ сочиненій и корреспонденціи, могутъ обратить разсужденіе на распоряженія и предметы, отъ нихъ собственно зависящіе.

Статья 78-я.

Тому наипаче, кто предсѣдательствовать будетъ, должно внимать, чтобъ никто не присвоивалъ въ собраніи правъ, принадлежащихъ ему въ силу настоящаго устава. Онъ можетъ вышедшему изъ границъ напомнить порядокъ; въ случаѣ продолжительности преній, прекратить оныя собраніемъ голосовъ или напоследокъ заключить засѣданіе, отложивъ разсужденія до другаго времени.

Статья 79-я.

Впрочемъ мы надѣемся, что никто изъ членовъ академіи не забудетъ пристойности и собственнаго достоинства среди самыхъ преній, тѣмъ паче, что они не могутъ имѣть предметомъ личность, но единую истину и отечественную пользу.

Статья 80-я.

Время отдохновенія отъ собраній продолжается отъ 15 іюля по 15-е августа.

ГЛАВА VIII.

О академическомъ училищѣ.

Статья 81-я.

Академія подъ собственнымъ присмотромъ имѣеть училище, на которое опредѣляется въ ея штатѣ особая сумма, достаточная между прочимъ на содержаніе неимущихъ *ста* питомцовъ.

Статья 82-я.

Такъ какъ академія всѣмъ сословіемъ своимъ не можетъ непосредственно заниматься управленіемъ своего училища, то на сей конецъ учреждается изъ членовъ ея особый комитетъ подъ названіемъ *училищнаго*, который имѣеть состоять изъ президента, вице-президента и одного академика, каковой избирается по большинству голосовъ, но ежегодно можетъ быть подтверждаемъ въ должности.

Статья 83-я.

Впрочемъ каждый членъ академіи имѣеть полное право, поколику время его позволить ему можетъ, входить въ состояніе училища, навѣдываться о благочиніи и о благопріятіи питомцовъ, присутствовать при урокахъ, и потомъ представлять въ собраніе академіи свои замѣчанія и мысли для сообщенія комитету, коль скоро оныя собраніемъ одобрены будутъ.

Статья 84-я.

Въ статьѣ 33-й уже сказано, что вице-президенту ввѣрено надзираніе надъ академическимъ училищемъ. Подъ его вѣдѣніемъ управленіе ввѣряется *ректору*, а хозяйственное распоряженіе—*эконому*, которыхъ опредѣляетъ училищный комитетъ по представленію вице-президента, равно какъ *надзирателей* за благопріятіемъ питомцовъ, и *учителей*. Прочихъ должностныхъ людей опредѣляетъ вице-президентъ, и доносить о томъ комитету въ ближайшее засѣданіе.

Статья 85-я.

Ректоръ избирается изъ людей дознавшой нравственности, соединяющихъ привязанность къ отечеству, съ глубокими свѣдѣніями въ способѣ ученія и воспитанія, каковыя могутъ быть приобрѣтены единымъ опытомъ. Какъ комитетъ, такъ и вице-президентъ, обязаны ему оказывать всякое уваженіе и ободреніе. Онъ состоитъ въ седьмомъ классѣ, если выше того чина не имѣеть.

Статья 86-я.

Онъ имѣеть въ непосредственномъ вѣдѣніи своемъ и начальствѣ, какъ нравственныхъ надзирателей, такъ и учителей. Прилежно посѣщаетъ жилища и училищныя комнаты; выдаетъ экононому отпускаемую на училище сумму; принимаетъ его счета, повѣряетъ ихъ и представляетъ вице-президенту. Комитетъ, при опредѣленіи ректора, даетъ ему подробнѣйшее начертаніе его должности.

Статья 87-я.

Во время болѣзни ректора, должность его во всѣхъ случаяхъ можетъ занимать младшій товарищъ или адъюнктъ члена академіи, избраннаго для училищнаго комитета.

Статья 88-я.

Надзиратели избраны будутъ изъ людей пожилыхъ, имѣющихъ представить неопровергаемыя свидѣтельства добраго поведенія, которые съ обходительностію соединяли бы нужную строгость и неусышность въ надзираніи юношества. Они должны жить въ комнатахъ воспитанниковъ и имѣть общій съ ними столъ. Комитетъ будетъ стараться ободрять и награждать ихъ всѣми способами, а нерадивыхъ, наипачежъ подпавшихъ наималѣйшему порицанію въ нравахъ, отставляеть немедленно.

Статья 89-я.

Надзиратели, неимѣющіе высшихъ чиновъ, числятся въ десятомъ классѣ, пока въ должности пребываютъ. По прошествіи же

шести лѣтъ похвальнаго служенія, утверждаются въ чинѣ, соответствующемъ сему классу. Послѣ десяти лѣтъ получаютъ они въ пенсіонъ половину ихъ жалованья, хотя бы и службу продолжать пожелали; за двадцатилѣтнюю службу при увольненіи получаютъ въ пенсіонъ полное жалованье.

Статья 90-я.

Учители опредѣляются по испытанію комитета, какъ въ самой наукѣ, такъ и въ образѣ ея преподаванія. Они числятся, судя по степенямъ преподаваемого ученія, въ 12-мъ, 11-мъ, 10-мъ, и девятомъ классахъ, пока въ должности пребываютъ.

Статья 91-я.

Учители послѣ извѣстнаго числа лѣтъ безпорочнаго и ревностнаго служенія, а по смерти, ихъ семейства, получаютъ пенсіонъ на томъ же основаніи, какъ въ статьи 16-й о членахъ академіи сказано.

Статья 92-я.

Учители въ преподаваніи слѣдуютъ способу, предначертанному комитетомъ, и вспомошествоются одобренными имъ же книгами. Тѣ изъ нихъ, кои изобрѣтутъ новый полезнѣйшій способъ ученія по своей части или представляютъ классическую книгу, которая бы впослѣдствіи была одобрена и введена, получаютъ награжденіе изъ академическихъ суммъ, по назначенію комитета, отъ ста до двухъ сотъ рублей.

Статья 93-я.

Поприще академическаго ученія раздѣляется на два *отдѣленія*: отдѣленія *питомцовъ* и *студентовъ*. Питомцамъ преподаютъ учителя наставленія въ языкахъ: російскомъ, латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, въ законѣ Божіемъ, въ исторіи и географіи, въ началахъ математики, въ основаніяхъ естественной исторіи и въ рисованіи. По испытаніи переходятъ питомцы въ отдѣленіе студентовъ, въ которомъ слушаютъ лекціи

академиковъ и адъюнктовъ во всѣхъ математическихъ, физическихъ и философическихъ наукахъ, составляющихъ предметъ академiи.

Статья 94-я.

Кромѣ сихъ наукъ, по разсужденiю комитета, могутъ быть введены не токмо нѣкоторыя изящныя художества, но и такія искусства, которыя, служа прiятнымъ разсѣянiемъ, представляютъ навыкъ къ тѣлодвиженiю, по роду жизни ученыхъ людей столько необходимому для сохраненiя ихъ здоровья.

Статья 95-я

Учителей собственно для наукъ, въ 93-й статьи показанныхъ, назначается восемнадцать человѣкъ; и именно для всякаго языка, кромѣ греческаго, по два, изъ которыхъ каждый можетъ занимать три класса или отдѣленiя учениковъ. Сіи учителя могутъ обучать и чистописанiю попеременно каждое отдѣленіе. На такомъ же основанiи будутъ для математики два учителя, для первыхъ основанiй слога, для логики, географiи, исторiи, правоученiя, введенiя въ естественную исторiю и рисованiя по одному.

Статья 96-я.

Подробное расположеніе ученiя, его порядокъ и раздѣленіе времени, зависятъ отъ комитета, и есть дѣло первыхъ его засѣданiй.

Статья 97-я.

Назначенную въ штатѣ на жалованье учителей сумму комитетъ располагаетъ, соображаясь съ способностями и трудами, потребными для каждаго класса. Академики и адъюнкты, читающіе лекціи, получаютъ за свои курсы воздаяніе, въ штатѣ особо опредѣленное.

Статья 98-я.

Желающій быть принятъ въ академическіе питомцы долженъ представить ректору свидѣтельство въ отличныхъ способностяхъ

или другихъ обстоятельствахъ, дѣлающихъ его достойнымъ попеченія академіи, подписанное однимъ изъ ея членовъ. Послѣ того ректоръ, удостовѣрившись чрезъ испытаніе академическаго врача въ его здоровья, представляетъ вице-президенту и получаетъ предписаніе.

Статья 99-я.

Кромѣ сказаннаго въ статьѣ 81-й числа питомцовъ, каждые полгода могутъ быть принимаемы къ слушанію уроковъ отроки двѣнадцати лѣтъ и свѣше, навывнувшіе уже всему тому, что обучаютъ въ обыкновенныхъ народныхъ училищахъ. Ректоръ, удостовѣрившись также въ ихъ здоровья и поведеніи, представляетъ о нихъ президенту, отъ усмотрѣнія котораго единственно и положенія комитета зависитъ число учениковъ.

Статья 100-я.

Ученики вносятъ въ училище за первый годъ по двадцать четыре рубля, за второй—тридцать и такъ далѣе, прибавляя за каждый по шести рублей до вступленія своего въ студенты. Сначала ходятъ они во всѣ классы, но впослѣдствіи вице-президентъ, судя по представляемымъ отъ ректора вѣдомостямъ о успѣхахъ и по склонностямъ ихъ, опредѣляетъ, къ которому познанію они преимущественно должны готовиться.

Статья 101-я.

Сумма, собираемая сказаннымъ въ 100-й статьѣ образомъ, раздѣляется между учителями по соразмѣрности ихъ жалованья. Но комитетъ имѣетъ право исключить отъ сего награжденія тѣхъ, которые дали себя замѣтить со стороны нерадивости.

Статья 102-я.

Питомцы и ученики, признанные неспособными, нерадивыми или злонравными, если по прошествіи двухъ лѣтъ не перемѣнятся, должны быть возвращены ихъ родственникамъ; питомцы неимѣющіе оныхъ, отошлются въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Отроки же развратныхъ нравовъ, въ предупрежденіе заразительнаго примѣра, удалены будутъ немедленно, коль скоро окажется, что они послѣ трикратнаго увѣщанія надзирателей не исправились.

Статья 103-я.

Учащіеся, по мѣрѣ успѣховъ, опредѣляемыхъ *испытаніемъ*, переходятъ въ высшій классъ или отдѣленіе, на послѣдокъ въ званіи студентовъ слушаютъ лекціи у академиковъ и адъюнктовъ.

Статья 104-я.

Учители, въ концѣ каждой недѣли, подаютъ ректору вѣдомость въ прилежаніи каждаго ученика, а надзиратели благонравія о поведеніи питомцевъ. Сіи вѣдомости представляются вице-президенту.

Статья 105-я.

Надзиратели благонравія и учителя руководствуются взаимными наблюденіями и совѣтами. Тѣ и другіе порознь въ назначенные дни, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, собираются къ ректору для разсужденія и сообщенія другъ другу примѣчаній о томъ, что принадлежитъ къ ихъ должности. Изъ сихъ разсужденій будетъ составлена каждый разъ записка и сообщена вице-президенту.

Статья 106-я.

Академическое училище должно быть помѣщено въ пристойномъ зданіи по близости академическихъ. Оно должно имѣть просторные учебные покои, залу для экзаменовъ, и другія залы, также чистый дворъ и садъ для прогулки и гимнастическихъ игръ юношества.

Статья 107-я.

Училище имѣеть собственную библіотеку, составленную изъ учебныхъ книгъ, словарей и классическихъ сочиненій. Она, подъ вѣдѣніемъ инспектора, поручается одному изъ учителей.

Статья 108-я.

Дни испытанія какъ учениковъ, такъ и студентовъ, опредѣляются комитетомъ одни послѣ другихъ. На первыхъ присутствуютъ кромѣ комитета тѣ изъ членовъ академіи, которые того пожелаютъ. Но испытанія студентовъ, прошедшихъ хотя одинъ курсъ, производятся при полномъ собраніи; и въ сихъ случаяхъ академики отлагаютъ всѣ прочія упражненія.

Статья 109-я.

Отличившіеся ученики ободряются къ дальнѣйшимъ успѣхамъ раздачею имъ послѣ испытанія книгъ и серебряныхъ медалей. Студенты же, пріобрѣвшіе особенное вниманіе комитета и академіи, получаютъ золотыя медали, носимыя на лентѣ владимірскаго ордена.

Статья 110-я.

Ученики, по испытаніи удостоенные въ студенты, представляются вице-президентомъ въ полномъ собраніи президенту, который, утверждая ихъ въ семь званіи, даетъ имъ приличное наставленіе.

Статья 111-я.

Студенты, содержимые на счетъ академической суммы, помѣщаются въ отдѣльномъ отъ жилищъ питомцевъ зданіи, подъ непосредственнымъ надзоромъ ректора, который отвѣтствуетъ за ихъ поведеніе, такъ какъ надзиратели за поведеніе питомцевъ.

Статья 112-я.

Студентами могутъ быть и непосредственно приняты тѣ изъ постороннихъ, которые по испытанію найдутся имѣющими потребности къ тому свѣдѣнію.

Статья 113-я.

Двадцать студентовъ, въ дополненіе къ содержанію ихъ столомъ, получаютъ жалованье изъ штатной суммы; остальные за

тѣмъ изъ питомцовъ употреблены будутъ академію въ должности, не отвлекающія отъ наукъ, или содержимы на счетъ собственныхъ суммъ, доколѣ не опредѣлятся въ другія мѣста.

Статья 114-я.

Изъ числа студентовъ, прошедшихъ курсъ тѣхъ наукъ, которыми они себя посвятили, и показавшихъ между тѣмъ способности выше обыкновенныхъ, избираются академію *ея воспитанники*, о которыхъ въ статьяхъ 49-й и 50-й было сказано.

Статья 115-я.

Воспитанники, пробывшіе при академіи три года, и назначаемые къ поступленію въ адъюнкты, могутъ быть отправлены на толикоежъ время или и болѣе въ чужіе края. Въ штатѣ опредѣляется ежегодная сумма на четырехъ таковыхъ путешественниковъ, и комитетъ возьметъ пристойныя мѣры, чтобъ сдѣлать пребываніе ихъ внѣ отечества наиболѣе полезнымъ, и ободрять ихъ, какъ во время путешествія, такъ и по возвращеніи. Они ведутъ переписку съ секретаремъ академіи, а отъ членовъ или и президента получаютъ нужныя рекомендабельныя письма.

Статья 116-я.

Студенты, которые кончили академическое ученіе и получили одобрительныя въ успѣхахъ своихъ свидѣтельства, состоятъ и въ службу принимаются въ 14-мъ классѣ. Удостоенные выборомъ въ воспитанники—въ 12-мъ; пробывшіе при академикахъ три года и одобренные академію—въ 10-мъ; одобренные же послѣ упомянутыхъ въ статьѣ 115-й путешествій—въ 9-мъ классѣ. Хотя бы таковые (студенты) по болѣзни или другимъ причинамъ не могли принять никакой опредѣленной должности, а оставили бы академію по полученіи отъ нея одобрительныхъ свидѣтельствъ, то и тогда Мы, въ надеждѣ, что они тѣмъ или другимъ образомъ принесутъ обществу пользу, оставляемъ имъ прежнее ихъ граждан-

ское значеніе и его преимущества. Въ семь случаевъ они почтуются наравнѣ съ отставленными отъ службы.

Статья 117-я.

Ближайшее и почтительнѣйшее назначеніе студентовъ есть поступать въ воспитанники, а воспитанниковъ—быть адъюнктами, а потомъ академиками или въ другихъ училищныхъ заведеніяхъ профессорами. При избраніяхъ будутъ они академіею предпочтены прочимъ при равномъ достоинствѣ.

Статья 118-я.

Если, сверхъ чаянія, воспитанникъ, по прошествіи нѣкотораго времени, нерадивостію или неприличнымъ поведеніемъ окажется недостойнъ чести, которую ему академія сдѣлала, назначивъ его кандидатомъ своего сословія, то академикъ его обязанъ донести президенту. Президентъ же, собравъ въ полномъ собраніи голоса, можетъ его исключить и предложить назначеніе другаго на его мѣсто. Воспитанникъ въ семь случаевъ перестаетъ принадлежать академіи, и препровождается въ герольдію.

Статья 119-я.

Такимъ же образомъ, по представленію вице-президента, училищный комитетъ можетъ исключить безъ похвальнаго свидѣтельства студентовъ, впадшихъ въ пороки и пренебреженіе должности.

Статья 120-я.

Академики и адъюнкты, на основаніи 93-й статьи, читающіе лекціи имѣютъ право допускать къ слушанію, кромѣ признанныхъ академіею въ званіи студентовъ, всѣхъ, кого заблагоразсудятъ. Студенты, произведенные изъ академическихъ питомцовъ, однѣ имѣютъ право слушать безусловно. Отъ всѣхъ прочихъ получаютъ преподаватели самое умѣренное воздаяніе, которое полное собраніе академіи каждые три года опредѣляетъ, и возвѣщаетъ предъ начатіемъ курсовъ.

Статья 121-я.

Лекціи раздѣлены будутъ на непрерывные полугодичные курсы, и въ учрежденные дни продолжается каждая не болѣе одного часа, послѣ котораго за роздыхомъ слѣдуетъ другая.

Статья 122-я.

Начало каждаго курса, съ показаніемъ преподавателя и системы, которой слѣдовать будутъ, возвѣстится въ обыкновенныхъ санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ.

Статья 123-я.

Студенты академіи, въ свободные отъ лекцій дни, могутъ, раздѣляясь на общества, подъ руководствомъ адъюнктовъ, дѣлать ботаническія экскурсіи и опыты въ разныхъ частяхъ наукъ, посѣщать фабрики и другія подобныя заведенія, дабы усовершенить практическія и технологическія свои познанія. Академикамъ вмѣнится въ заслугу, если они сами не отрекутся руководствовать студентовъ въ сихъ случаяхъ.

Статья 124-я.

На таковой конецъ всѣ общественныя заведенія, кромѣ тѣхъ, которыя по свойству своему не терпятъ постороннихъ посѣщеній, отверсты для членовъ академіи, ея воспитанниковъ и для студентовъ подъ надлежащимъ руководствомъ.

Статья 125-я.

Впрочемъ училищному комитету предоставляемъ не токмо расположить въ подробности порядокъ ученія и правила, которыя во всѣхъ случаяхъ должны наблюдать преподаватели и студенты; но также изобрѣтать и усовершенять способы къ надежнѣйшему достиженію цѣли.

Статья 126-я.

Никакія званія не могутъ замѣнить недостатка добрыхъ нравовъ: и того ради нравственное воспитаніе учащагося юноше-

ства столько же, или и паче, долженствуетъ привлекать попечительное вниманіе комитета, какъ и совершенство преподаваемаго ученія. Мы возлагаемъ на непосредственный отвѣтъ комитета образованіе будущаго гражданина, воспитывающагося въ академическомъ училищѣ. Выдаваемое имъ одобреніе возвышаетъ всѣ прочія академическія свидѣтельства, а недостатокъ онаго уничтожаетъ ихъ силу.

Статья 127-я.

Обыкновенныя засѣданія училищнаго комитета бываютъ въ послѣобѣденное время, по крайней мѣрѣ единожды въ концѣ каждаго мѣсяца, по извѣщенію президента. Въ оныхъ комитетъ, разсмотрѣвъ внесенныя вице-президентомъ свѣдѣнія о состояніи училища, также представленныя ректоромъ подробнѣйшія вѣдомости, дѣлаетъ на слѣдующій мѣсяцъ свои распоряженія.

ГЛАВА IX-я.

О прочихъ принадлежностяхъ Академіи по ученой части.

Статья 128-я.

Академія имѣетъ собственную *типографію* и *книжную лавку*, *библіотеку*, *физическій кабинетъ* или собраніе физическихъ орудій, *залъ механическихъ моделей*, *астрономическія обсерваторіи*, хранилище естественныхъ и искусственныхъ произведеній или *музей*, *анатомическій театръ*, двѣ *химическія лабораторіи* и *ботанический садъ*. Первые два предмета приносятъ ей доходы, а прочіе, служа къ употребленію ея членовъ, содержатся на означенныхъ въ штатѣ суммахъ.

Статья 129-я.

Типографія и книжная лавка состоятъ подъ вѣдѣніемъ хозяйственнаго комитета, который употребляетъ чиновниковъ къ управленію ихъ, и чрезъ посредство академика въ немъ засѣдающаго

имѣеть наблюдать, чтобъ учрежденія сіи приносили академіи всевозможную пользу.

Статья 130-я.

Сей членъ комитета печется между прочимъ о расходѣ издавній академической типографіи и обмѣнѣ ихъ на изданія лучшихъ, какъ російскихъ, такъ и иностранныхъ типографій. Одинъ экземпляръ послѣднихъ всегда представленъ будетъ академической библіотекѣ.

Статья 131-я.

Каталоги назначаемыхъ къ выпискѣ въ книжную лавку книгъ предварительно должны быть, по представленію надзирающаго надъ оною члена, одобрены полнымъ собраніемъ академіи. Симъ подобныя и другія мѣры должны быть взяты комитетомъ для приведенія академическаго книжнаго торгоу въ самое цвѣтущее состояніе, чтобъ публикѣ, по крайней мѣрѣ со стороны ученыхъ всякаго рода сочиненій, ничего желать не оставалось.

Статья 132-я.

До изданія общаго закона о книготисненіи, запрещается всѣмъ російскимъ типографіямъ перепечатывать книги, выходящія изъ академической, безъ согласія самой академіи; въ противномъ случаѣ изданіе конфисковано будетъ въ ея пользу.

Статья 133-я.

Какъ въ типографіяхъ ученыхъ и учебныхъ учреждений надзоръ за печатаніемъ порученъ единственно самымъ симъ мѣстамъ, то академія на сей конецъ избираетъ изъ членовъ своихъ цензора книготисненія.

Статья 134-я.

Должность цензора книготисненія заключается въ просмотрѣніи приносимыхъ въ академическую типографію для напечатанія постороннихъ рукописей, не находится ли въ оныхъ мыслей, устремленныхъ *явно* противу законовъ и общественнаго порядка.

Статья 135-я.

Неотомко всѣ отдѣленные сочиненія и переводы членовъ академіи, одобренные ею, печатаются на счетъ типографской суммы, но сочинитель или переводчикъ получаетъ третью долю суммы, продажею выручаемой.

Статья 136-я.

Подтверждается исключительное право, какое академія донынѣ имѣла, печатать календари на російскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, также и Санктпетербургскія Вѣдомости.

Статья 137-я.

Всѣ казенныя и частныя типографіи въ имперіи обязаны доставлять въ академическое книгохранилище одинъ экземпляръ каждаго выходящаго изданія, а въ бібліотеку академическаго училища—экземпляръ всякой выходящей учебной книги; за упущенія взыскиваема будетъ съ частныхъ типографій, въ пользу академіи, продажная цѣна двадцати, въ случаѣ же вторичнаго упущенія той же типографіи, — пятидесяти экземпляровъ.

Статья 138-я.

Академическія хранилища книгъ и рѣдкостей состоятъ въ главномъ вѣдѣніи президента, подъ надзираніемъ двухъ членовъ, избранныхъ отъ академіи, одного для хранилища книгъ, а другаго для хранилища естественныхъ произведеній и искусственныхъ рѣдкостей или *музея*. Они получаютъ къ обыкновенному ихъ содержанію прибавленіе, въ штатѣ опредѣленное.

Статья 139-я.

Надзиратели непосредственно отвѣчаютъ за все, что имъ ввѣрено, и не дѣлаютъ сами собою никакихъ важныхъ перемѣнъ. Получивъ прежде одобреніе собранія, представляетъ каждый изъ нихъ президенту о предметахъ, коими бы нужно было хранилище умножить, также и о издержкахъ потребныхъ къ содержанію, умноженію или возобновленію нѣкоторыхъ. Впрочемъ и каждый

членъ академіи имѣеть право, въ собраніи, о томъ же представлять президенту.

Статья 140-я.

Академики—надзиратели имѣютъ каждый по одному *помощнику*, числящемуся, буде выше того чина не имѣеть, въ 10-мъ классѣ, также потребное число нижнихъ служителей. Помощники избираются изъ студентовъ, неимѣющихъ рѣшительныхъ способностей къ продолженію наукъ.

Статья 141-я.

Президентъ и собраніе академіи назначать два дни въ недѣлю, въ которые дозволяется входить въ музей и книгохранилище всѣмъ желающимъ оныя видѣть, и получившимъ билеты отъ президента, вице-президента или надзирателей.

Статья 142-я.

Относительно до дальнѣйшаго позволенія пользоваться книгами и другими учеными принадлежностями академіи, комитетъ сдѣлаеть особое постановленіе, принявъ правило, въ которыхы предѣлами ограничить употребленія оныхъ для тѣхъ, кои не принадлежать къ сословію академіи. Однимъ же академикамъ позволить употребленіе на домахъ.

Статья 143-я.

Обсерваторіи съ ихъ орудіями поручаются въ вѣдѣніе астрономамъ, физическій кабинетъ—физику, зала моделей—механику, ботанической садъ—ботанику и лабораторіи—химикамъ; всѣ они по временамъ получаютъ отъ хозяйственнаго комитета изъ опредѣленныхъ на сіи предметы суммъ, сколько потребно будетъ. Они, по окончаніи года, отдають отчетъ, какъ собранію, съ показаніемъ произведенныхъ ими перемѣтъ, такъ и комитету.

Статья 144-я.

Академикамъ позволяется допускать къ своимъ наблюденіямъ и опытамъ всѣхъ, кого они пожелаютъ.

Статья 145-я.

Ботаникъ обязанъ, между прочимъ, прилежать къ испытанію, какого рода иностранныя, а паче южной и сѣверной Америки, растенія, свойственныя одинакой широтѣ мѣста съ сѣверною Россією, могутъ въ нее быть переселены.

О академическихъ суммахъ.

Статья 146-я.

На содержаніе академіи наукъ отпускаемо быть имѣть изъ государственныхъ суммъ сто одну тысячу рублей на употребленіе, въ прилагаемомъ здѣсь штатѣ росписанное.

Статья 147-я.

Всѣ прочіе расходы производитъ хозяйственный академіи комитетъ изъ ея собственныхъ доходовъ.

Статья 148-я.

Собственные доходы академіи суть: 1) проценты двухъ капиталовъ, въ сумму санктпетербургскаго воспитательнаго дома положенныхъ, всего на семьдесятъ тысячъ рублей. 2) Суммы, поступающія въ типографію и книжную лавку, какъ за разныя изданія академіи, за вѣдомости и календари, также за напечатаніе постороннихъ сочиненій и переводовъ, и чрезъ продажу выписываемыхъ лавкою книгъ. 3) Выручаемое за отдачу въ наемъ академическихъ строеній, академією не занимаемыхъ. 4) Остатки штатныхъ суммъ, происходящіе отъ уменьшенной выдачи тѣмъ изъ членовъ, которые не выслужили лѣтъ, положенныхъ въ штатѣ для полученія полного жалованья, и отъ временнаго упраздненія должностей, до наполненія ихъ новыми чиновниками. 5) Остатки отъ расхода процентовъ съ упомянутаго капитала.

Статья 149-я.

Проценты съ находящагося въ воспитальномъ домѣ капитала

будутъ употребляемы на пенсіоны уволеннымъ членамъ академіи и прочимъ чиновникамъ, также и семействамъ ихъ, на основаніи статьи 16-й; въ случаѣ недостатка, пенсіоны дополняются изъ другихъ суммъ академіи.

Статья 150-я.

Доходъ съ типографіи и книжной лавки и найма академическихъ зданій состоитъ въ полномъ распоряженіи хозяйственного комитета на предметы, выше въ статьяхъ означенные, и другіе, которыхъ существенная польза для академіи будетъ несомнительна, какъ-то: на усовершеніе академическаго училища, выписываніе лучшихъ періодическихъ сочиненій по ученой части. На сіе послѣднее употребленіе позволяется назначать ежегодно до тысячи рублей.

Статья 151-я.

Прочіе избытки за расходомъ академическихъ суммъ будутъ употребляемы или на дополненіе недостатка въ разныхъ случаяхъ или на приращеніе пенсіоннаго капитала.

ГЛАВА XI.

О хозяйственномъ комитетѣ Академіи.

Статья 152-я.

Хозяйственный комитетъ составляютъ: президентъ, вице-президентъ и одинъ изъ академиковъ, ежегодно избираемый по большинству голосовъ въ полномъ собраніи академіи.

Статья 153-я.

Секретарь академіи, открывая пакеты на имя ея подписанные, посылаетъ тѣ изъ нихъ, которые не принадлежать къ ученымъ предметамъ, въ хозяйственный комитетъ.

Статья 154-я.

Комитетъ печется о домашнемъ благоустройствѣ академіи,

о ея собственности, какъ то: о всѣхъ ей присвоенныхъ и въ нее вступающихъ суммахъ, собраніяхъ ея вещей, къ учености принадлежащихъ, ея зданіяхъ, ихъ употребленіи, починкѣ, украшеніи или распространеніи; ея типографіи и хозяйственныхъ распоряженіяхъ ея училища, котораго счеты, вице-президентомъ внесенные, должны быть приобщены къ прочимъ.

Статья 155-я.

Комитетъ въ дѣлахъ, до него принадлежащихъ, сносится со всѣми присутственными мѣстами отъ имени академіи и на тѣхъ же правилахъ. Впрочемъ онъ ни въ какомъ случаѣ не смѣшиваетъ производства своихъ дѣлъ съ дѣлами собранія.

Статья 156-я.

Комитетъ, представляя въ извѣстномъ отношеніи цѣлую академію, не отдаетъ никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, кромѣ Насъ чрезъ посредство президента. Но членъ академіи, избранный для засѣданія въ ономъ, по истеченіи времени своей обязанности, вноситъ въ полное собраніе подписанную имъ копію всѣхъ счетовъ, и выписку изъ журналовъ комитета, дабы академія могла судить о всѣхъ, учиненныхъ комитетомъ ея въ продолженіи года распоряженіяхъ.

Статья 157-я.

Комитетъ собирается еженедѣльно по вторникамъ и пятницамъ, если въ одинъ изъ сихъ дней не назначено президентомъ чрезвычайнаго собранія академіи. Въ противномъ случаѣ имъ же назначается иной день, или, судя по обстоятельствамъ, до слѣдующей недѣли отлагается засѣданіе.

Статья 158-я.

Въ случаѣ отсутствія одного изъ членовъ голось президента имѣетъ перевѣсъ.

Статья 159-я.

Комитетъ имѣетъ собственнаго своего *секретаря* и *прото-*

комиста, который есть и *переводчикъ*. Они назначаются президентомъ изъ академическихъ студентовъ. Имѣеть также и *казначей*, который опредѣляется на основаніи 12-й статьи.

Статья 160-я.

Секретарь и казначей состоятъ въ 9-мъ классѣ, а протоколистъ—въ 10-мъ, если по представленію комитета въ правительствующій сенатъ выше произведены не будутъ.

Статья 161-я.

На содержаніе приказныхъ служителей и другіе по сей части расходы комитетъ имѣеть особую сумму.

Статья 162-я.

Первымъ упражненіемъ комитета, по открытіи его въ силу настоящаго устава, должно быть приведеніе въ ясность всего, принадлежащаго къ хозяйственному распоряженію академіи, какъ то: числа необходимыхъ по разнымъ частямъ служителей и тѣхъ, коихъ уволить должно; назначеніе имъ соразмѣрнаго нынѣшнимъ цѣнамъ жалованья и помѣщенія; также наличности собственныхъ ея суммъ; расположенія какъ ихъ хранить и употреблять, какъ возвратить утраченныя, если таковыя найдутся; употребленія ея зданій, — однимъ словомъ, приведенія въ ясность способовъ извлечь изъ настоящаго положенія академіи всю возможную пользу для предбудущаго времени.

Статья 163-я.

Опредѣленіе въ службу академіи *священника* и его причетъ, *доктора* и *лѣкаря*, *экутатора*, *архитектора*, *механика* и прочихъ необходимыхъ чиновниковъ и художниковъ, также типографскихъ разнаго рода служителей зависитъ отъ комитета. Принимая тѣхъ изъ нихъ, которые чины имѣютъ, обязанъ онъ доносить правительствующему сенату.

Статья 164-я.

Комитетъ опредѣляетъ и отрѣшаетъ также всѣхъ нижнихъ

служителей при академіи, необходимыхъ для содержанія въ ея зданіи стражи, для наблюденія за чистотою и порядкомъ. На сей конецъ можетъ онъ употреблять преимущественно военныхъ инвалидовъ, требуя ихъ отъ государственной военной коллегіи.

Статья 165-я.

Академія и хозяйственный комитетъ сносятся взаимно *выписками* изъ протоколовъ своихъ, за подписаніемъ секретарей; симъ же образомъ комитетъ сообщаетъ будеть свои положенія и порознь членамъ академіи, если что до кого въ особенности касаться будеть. Впрочемъ въ статьѣ 28-й уже сказано, что президентъ или засѣдающій съ нимъ въ комитетѣ могутъ въ полномъ собраніи предлагать изустно по ихъ части.

Статья 166-я.

Всѣ прочія сношенія комитета должны быть строжайше ограничены навсегда принятымъ правиломъ. Онъ не вступаетъ съ присутственными мѣстами и другими начальствами ни въ какую переписку, кромѣ какъ принадлежащую собственно до мѣста, котораго голосъ въ правительственномъ отношеніи онъ представляетъ. Академія же не приемлетъ иныхъ бумагъ, кромѣ имѣющихъ предметомъ ученость.

ГЛАВА XII.

Общія постановленія.

Статья 167-я.

Академія посылаетъ ученые свои акты, непосредственно по изданіи ихъ, не токмо въ тѣ изъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, которыя наблюдать стануть взаимность, но и почетнымъ членамъ, сообщающимъ ей собственныя творенія. Она всѣми образами будеть стараться умножать и распространять свои сношенія внѣ государства.

Статья 168-я.

Печать академіи, представляющая російской гербъ съ пристойными символическими изображеніями и надписью, прикладывается къ грамотамъ ея членовъ и корреспондентовъ, которыя бывають подписаны отъ имени академіи президентомъ и секретаремъ. Печати хранятся у сего послѣдняго.

Статья 169-я.

Академія обнаруживаетъ о ежегодныхъ задачахъ своихъ изданіемъ особенныхъ листовъ, которые сообщаются при обыкновенныхъ вѣдомостяхъ и рассылаются во всѣ ученыя общества и учебныя заведенія, какъ російскія такъ и иностранныя.

Статья 170-я.

Сочиненія на предложенныя задачи будутъ доставлены по крайней мѣрѣ за четыре мѣсяца до торжественнаго собранія академіи. Они могутъ быть писаны на латинскомъ, російскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, и имена сочинителей не могутъ быть открыты и объявлены прежде, какъ въ упомянутомъ собраніи.

Статья 171-я.

Исполняя предписанное въ 8-й статьѣ, академія, сообразивъ по времени замѣчанія, кои въ продолженіе трудовъ своихъ сдѣлать можетъ каждый членъ ея до своей части, наипачежь астрономы, ботаники, зоологи и минералогы, и опредѣливъ тѣ статьи, которыя потребуютъ мѣстнаго изслѣдованія, будетъ составлять *проекты путешествій* по Россіи.

Статья 172-я.

Таковыя проекты имѣютъ быть Намъ поднесены отъ лица собранія академіи, которое вмѣстѣ назначитъ путешественниковъ изъ своего сословія и перечень необходимыхъ издержекъ. Въ слѣдствіе чего Мы, по благоусмотрѣнію нашему, не преминемъ содѣйствовать къ исполненію, всѣми зависящими отъ Насъ пособіями.

Статья 173-я.

Путешествующіе члены академіи имѣютъ право ожидать, по примѣру тѣхъ, которые отправляемы были въ царствованіе августѣйшей бабки нашей, не токмо всякаго ободренія, независимо отъ суммъ академическихъ, но и особенной награды за открытія, кои послужатъ непосредственно къ государственной пользѣ.

Статья 174-я.

Всякое открытіе, сдѣланное путешествующимъ академикомъ, и доставленное въ его сословіе, коль скоро представляетъ въ себѣ непосредственную для государства выгоду или возможность сдѣлать употребленіе въ пользу жителей того края, гдѣ оно учинено, немедленно сообщится отъ академіи начальству, до котораго оно по роду своему принадлежитъ.

Статья 175-я.

Академія и въ прочихъ случаяхъ, если открытіе, сдѣланное членомъ ея или ставшее ей извѣстнымъ, можетъ послужить къ усовершенію въ какой либо части государственныхъ или сельскихъ работъ, также руководѣлій, промысловъ и торговли, безъ замедленія относится съ замѣчаніемъ въ то начальство, которое изъ открытія можетъ сдѣлать ближайшее употребленіе или послужить къ распространенію въ народѣ.

Статья 176-я.

Равнымъ образомъ, всѣ начальства въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ могущественное пособіе наукъ потребно будетъ къ производству или облегченію работъ въ какой либо части, также, гдѣ познанія, снисканныя вѣками, могутъ распространять свѣтъ на предметы или облегчать приложеніе къ нимъ частныхъ свѣдѣній, имѣютъ право относиться къ академіи и просить ея разрѣшенія.

Статья 177-я.

Академія, въ обстоятельствахъ, гдѣ отвѣтъ ея на запросъ го-

сударственного мѣста будетъ недостаточенъ, можетъ послать для объясненія и личнаго обозрѣнія или сужденія одного или нѣсколькихъ изъ членовъ своихъ.

Статья 178-я.

Члены академіи и другіе чиновники, которыхъ должность болѣе требуетъ безотлучнаго присутствія, будутъ со временемъ помѣщены въ академическихъ строеніяхъ, со всѣми, слѣдующими имъ по ихъ званію и семействамъ выгодами. Но въ такомъ случаѣ хозяйственный комитетъ будетъ вычитать изъ суммы, назначенной на содержаніе каждаго, по двѣсти рублей. Предварительно же помѣстятся тѣ, которымъ въ штатѣ назначены жилища.

Статья 179-я.

Вообще, содержаніе членовъ академіи и издержки, относительныя къ ея цѣли, неограничиваются штатными суммами. Но отъ хозяйственнаго комитета зависятъ, по требованіямъ собранія, доставлять первымъ выгоды, а къ послѣднимъ дѣлать прибавленія, каковыя найдетъ возможными на счетъ собственныхъ доходовъ академіи.

Михайло Муравьевъ.

Графъ Севѣринъ Потоцкій.

Николай Фусъ.

Федоръ Баузе.

12) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ первый. Царствованіе императора Александра I. Изданіе второе 1875. Регламентъ академіи наукъ, стр. 89—116.

13) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Прилагаемый проэктъ, по всей вѣроятности, представленъ барономъ Николаемъ. Въ находящемся въ архивѣ министерства реэстрѣ бумагъ, препровожденныхъ къ Новосильцову, обозначено: «Привилегія и регламентъ академіи наукъ, сочиненный барономъ Николаемъ». Всѣ бумаги, названныя въ реэстрѣ, сохранились въ архивѣ до настоящаго времени; всѣ под-

писаны ихъ составителями за исключеніемъ приводимаго устава и проекта, писаннаго рукою Фусса. Сходство послѣдняго проекта съ утвержденнымъ уставомъ заставляетъ предполагать, что рукопись Фусса есть тотъ самый документъ, который въ архивномъ реестрѣ названъ «проектомъ устава академіи наукъ, представленнымъ президентомъ оной Николаемъ Новосильцовымъ». Указаніе же реестра — «привилегія и регламентъ академіи» можетъ относиться только къ приводимому уставу. Онъ составленъ во время президентства Николаи, какъ видно изъ помѣтки на немъ: $1\frac{16}{1}803$. Но неизвѣстно, до какой степени участвовалъ въ его составленіи Николаи. Содержаніе устава обнаруживаетъ сильное участіе Озерецковскаго, собственноручныя замѣчанія котораго непосредственно слѣдуютъ за уставомъ.

Уставъ Академіи Наукъ.

§ 1. Академія Наукъ состоитъ подъ единственнымъ нашимъ покровительствомъ и вѣдѣніемъ, а попечителемъ себѣ имѣетъ одного только министра народнаго просвѣщенія, который собственно Нами опредѣляется.

§ 2. Ее составляютъ мужи, искусные въ разныхъ наукахъ, которые и должны пецися о славѣ и чести академіи, обращая труды свои въ пользу нашего государства.

§ 3. Мужи оные должны быть искусны въ математикѣ по всей ея обширности, въ опытной физикѣ, въ химіи, въ естественной исторіи, то есть въ зоологіи, въ ботаникѣ и минералогіи, наконецъ въ анатоміи и физиологіи.

§ 4. По томъ въ академіи должно быть: 1) математику, 2) астроному, 3) физику, 4) механику, 5) зоологу, 6) ботанику, 7) минералогу, 8) химику, 9) анатомику и вмѣстѣ физиологу.

§ 5. Поелику для многоразличныхъ изслѣдованій въ природѣ могутъ понадобится академики для посылокъ въ отдаленныя области нашей имперіи, то дабы академія никогда не оставалась безъ ученыхъ людей, нужнымъ находимъ, чтобы при академіи въ нѣкоторыхъ наукахъ было по два, а въ другихъ по три члена.

§ 6. Изъ нихъ ни одинъ не долженъ вступать въ академію прямо академикомъ, кромѣ великихъ Бургавовъ, Альбиновъ, Линнеевъ, и проч., а всякій другой вступаетъ только адъюнктомъ по балотированію, въ которомъ если бы одинъ шаръ случился неизбирательный, то академія приступаетъ къ испытанію кандидата въ его знаніяхъ, которыя если удостоенный въ адъюнкты докажетъ еще шестью сочиненіями или диссертациями, достойными актовъ академіи, то министръ и собраніе производятъ его въ академики, оставляя на адъюнктскомъ жалованьи, которое можетъ онъ увеличить, преподавая наставленія въ университетѣ.

§ 7. Въ собраніяхъ академіи, академики, равно какъ и адъюнкты, читаютъ свои сочиненія, которыя помѣщаются въ актахъ академіи; такимъ образомъ адъюнкты тоже дѣлаютъ, что и академики; слѣдовательно они суть настоящіе члены академіи и во всѣхъ сужденіяхъ имѣютъ голосъ съ академиками.

§ 8. Польза нашего государства и слава академіи требуютъ, чтобы она состояла изъ собственныхъ нашихъ подданныхъ, и такъ надлежитъ быть при ней училищу, въ которомъ бы обучались и приготавлиемы были воспитанники въ званіе адъюнктовъ, а потому и возлагаемъ на министра народнаго просвѣщенія возстановить академическую гимназію и университетъ и содержать оныя въ томъ точно порядкѣ, какой предписанъ регламентомъ прабабы нашей императрицы Елисаветы I.

§ 9. Гимназія и университетъ состоять должны въ полномъ вѣдѣніи и надзираніи цѣлой академіи, то есть: всѣхъ ея членовъ безъ исключенія, дабы каждый членъ по своей наукѣ успѣхи воспитанниковъ видѣть и способнѣйшихъ могъ назначать къ отправленію въ иностранные университеты для усовершенствованія ихъ въ званіе адъюнктовъ. Самая же академія, съ вѣдома министра или своего попечителя, ежегодно избирать будетъ троихъ старѣйшихъ изъ российскихъ своихъ членовъ, которые составятъ комитетъ, и за всѣми по академіи экономическими дѣлами рачительно смотрѣть и министра увѣдомлять должны. Особенному ихъ смо-

трѣнью препоручается типографія и книжная лавка, отъ которыхъ академія имѣетъ свои доходы.

§ 10. Разныя науки различныхъ требуютъ пособій; потому возлагаемъ на министра, чтобъ астрономы имѣли порядочную обсерваторію, физики—физическій кабинетъ, химики—лабораторію, зоологи и минералоги—собранія естественныхъ произведеній, ботаники—обильный растеніями садъ, механики—свою мастерскую, и наконецъ анатомики—свой анатомическій театр.

§ 11. Академія будетъ по прежнему продолжать изданіе своихъ сочиненій подъ названіемъ актовъ, на языкахъ латинскомъ и руссійскомъ, не употребляя отнюдь ни французскаго, ни нѣмецкаго языка, какъ и въ прежнему регламентѣ академіи запрещено сіе было; потому что на сихъ языкахъ уже многіе миліоны книгъ написаны и вновь ежегодно прибавляются, а на руссійскомъ языкѣ еще недостаетъ и самыхъ нужныхъ твореній; латинскій же языкъ былъ и будетъ всеобщимъ ученыхъ языкомъ, для взаимнаго ихъ разумѣнія. Сверхъ того академія главнѣйшую пользу трудами своими доставлять должна своему отечеству, потому академики и адъюнкты изъ природныхъ руссіянъ наиболѣе статься должны, чтобъ какъ собственныя свои открытія, такъ и изъ чужестранныхъ сочиненій почерпнутыя изобрѣтенія, сообщать своимъ соотечественникамъ на природномъ ихъ языкѣ.

§ 12. Академіи предоставляется прежнее право задавать на рѣшеніе ученыхъ задачи изъ математическихъ и физическихъ наукъ, взятыхъ во всемъ ихъ пространствѣ, то есть: относя къ первымъ высшую математику, механику, оптику и астрономію; а ко вторымъ—химію, натуральную исторію вообще, анатомію и физиологію; за рѣшеніе таковой задачи назначается сто червонныхъ или равноцѣнная золотая медаль.

§ 13. Академія собственнымъ своимъ избраніемъ удостоиваетъ въ адъюнкты, академики, почетные члены и корреспонденты, также въ ректоры, въ профессора, учителя и надзиратели въ академическіе университетъ и гимназію, предваривъ о томъ своего министра; другихъ же служителей, нужныхъ по академіи, изби-

раетъ комитетъ, состоящій изъ помянутыхъ трехъ старѣйшинъ, съ согласія на то министра.

§ 14. Когда кто изъ членовъ академіи выбудеть, то она не обязывается немедленно принимать другаго на его мѣсто, но употребляетъ должное время и вниманіе, чтобъ замѣнить его достойнымъ. При равномъ достоинствѣ природный россиянинъ предпочитается чужестранцу. Потому о всякомъ упразднившемся мѣстѣ будетъ предварительно обнародовано въ російскихъ вѣдомостяхъ, дабы почитающіе себя способными могли прислать сочиненія и лично предстать къ испытанію академіи.

§ 15. Академія имѣетъ право требовать отъ другихъ училищъ, какъ то: университетовъ, семинарій и пр., такихъ воспитанниковъ, которыхъ способности сдѣлаются ей извѣстны, и съ согласія ихъ начальствъ принимать къ себѣ, по должномъ испытаніи, въ студенты и потомъ въ адъюнкты.

§ 16. Переписку какъ иностранную, такъ и внутреннюю по ученымъ дѣламъ, со всѣми мѣстами и особами, ведетъ ученый секретарь, котораго избираетъ академія изъ своихъ членовъ на неопредѣленное время. Онъ въ собраніяхъ академіи пишетъ протоколы, изъ которыхъ извлекаетъ исторію академіи для ея актовъ, и печется объ исправномъ изданіи оныхъ. Въ вѣдѣніи своемъ имѣетъ онъ архиварія, переводчика и писца. Съ согласія членовъ академіи отвѣтствуетъ на приходящія въ оную письма, и какъ содержаніе ихъ, такъ и отвѣты свои вноситъ въ протоколъ.

§ 17. Мнѣнія, предложенія и разсужденія членовъ, которыя въ протоколѣ помѣстить они заблагоразсудятъ, секретарь долженъ вносить вѣрно и обстоятельно, ничего не умалчивая и не прикладывая; а если бы то и другое сдѣлалъ онъ умышленно, въ такомъ случаѣ собраніе можетъ его отъ секретарской должности отрѣшить, и на мѣсто его выбрать другаго.

§ 18. Академики и адъюнкты должны представлять въ собраніяхъ академіи свои собственныя сочиненія, каждый по своей наукѣ. Не назначается время и очередь къ представленію ихъ со-

чинений; а чѣмъ болѣе кто оныхъ представить, тѣмъ отличнѣе будетъ въ своемъ сообществѣ, и оный, по прошествіи трехъ годовъ, сверхъ своего жалованья, получить въ награжденіе пять сотъ рублей. Изъ нихъ желающіе обучать въ академическомъ университетѣ предпочтены быть должны всѣмъ постороннимъ профессорамъ, и сверхъ своего жалованья получаютъ все то, что по академическому университету за какую науку положено.

§ 19. Извѣстно изъ многихъ опытовъ, что порученные академикамъ воспитанники академической гимназіи и университета, вмѣсто того, чтобъ научиться отъ нихъ одной своей наукѣ въ кратчайшее время, препроводили при нихъ многіе годы, и при всѣхъ своихъ къ наукамъ способностяхъ, не только великихъ, но ниже посредственныхъ успѣховъ не сдѣлали (чему и нынѣ есть въ академіи очевидный примѣръ). Потому академикамъ воспитанниковъ для обученія, какъ донынѣ велось, препоручать болѣе не должно; а несравненно полезнѣе обучившихся въ академическомъ университетѣ и надежныхъ для академіи отправлять въ иностранные университеты, въ которыхъ почти всѣ россійскіе адъюнкты и академики, которые въ здѣшней академіи были и теперь находятся, приобрѣли свои знанія, и удостоились быть членами оныя.

§ 20. Сверхъ того, поелику академія есть такое собраніе ученыхъ людей, которыхъ верховное правительство назначать и употреблять можетъ въ разныя послыжки для наблюдений, изслѣдованій и описаній разнаго рода предметовъ, — чѣмъ главнѣйшую академія приноситъ можетъ пользу; то когда академикъ или адъюнктъ отправляются въ послыжку, можно послать съ ними воспитанника академическаго университета, для его усовершенствованія въ той наукѣ, которая будетъ цѣлью ихъ отправленія.

§ 21. Возстановляя университетъ при академіи, приводя въ лучшее состояніе заведенные въ государствѣ нашемъ университеты и учреждая новые, ласкаемся Мы надеждою, что училища оныя произведутъ такихъ людей, которые познаніямъ своимъ удостоятся быть въ академіи адъюнктами и академиками, ей останется дѣлать изъ нихъ хорошіи только выборъ, въ которомъ фи-

зики первенствуютъ по физическимъ, а математики—по математическимъ наукамъ.

§ 22. Въ выборѣ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ соблюдать должно, чтобъ физиками избираемы были физики, а математиками математики и пр. Почетными членами и корреспондентами могутъ быть какъ россияне, такъ и иностранные. По сочиненіямъ сихъ членовъ и по свидѣніямъ и присылкамъ, отъ корреспондентовъ доставляемымъ, академія безпристрастно должна разсматривать, которымъ изъ нихъ пенсію, въ 200 рубльяхъ состоящую, ежегодно производить будетъ надобно; каковыхъ пенсіонеровъ полагается токмо десять. Всякій почетный членъ и корреспондентъ, какъ российский, такъ и иностранный, въ собраніяхъ академіи присутствовать иначе не можетъ, какъ съ согласія всей академіи.

§ 23. Обыкновенныхъ собраній академія имѣетъ два въ недѣлѣ, по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 10-ти часовъ утра до полудня и далѣе, ежели въ томъ будетъ надобность. Что въ сихъ собраніяхъ происходитъ будетъ въ теченіе года, то сокращенно предложено быть долженствуетъ въ одномъ публичномъ собраніи, для котораго назначаетъ день попечитель академіи. Въ семь собраній академія должна отдавать отчетъ публикѣ въ своихъ упражненіяхъ и обнародовать рѣшенія на задачи, ей присланныя. Отъ сихъ собраній удалена быть должна всякая пышность, какъ неприличная ученымъ обществамъ. Кромѣ обыкновенныхъ собраній можетъ случиться надобность и въ чрезвычайныхъ собраніяхъ, о причинѣ которыхъ напередъ извѣщаетъ секретарь всѣхъ членовъ академіи, и они должны собраться.

§ 24. По примѣру всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, академія отъ дѣлъ своихъ будетъ имѣть отдохновеніе съ 15-го числа іюля по 15-е августа; на сіе время собранія ея останавливаются, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ собираются члены ея, какъ выше сказано.

§ 25. Споспѣшествуя академіи въ распространеніи человѣческихъ познаній, позволяемъ ей сноситься со всѣми начальствами

въ нашемъ государствѣ *сообщеніями*, выключая святѣйшій правительствующій синодъ и правительствующій сенатъ, въ разсужденіи свѣдѣній, какія понадобятся ей по наукамъ, повелѣвая онымъ начальствамъ удовлетворять академіи, сколько могутъ, своими отвѣтами. Отношенія ея къ начальствамъ, внѣ столицы находящимся, освобождаются отъ платежа почтовыхъ сборовъ, равнымъ образомъ и всѣ письма и посылки, въ оную отправляемыя, повелѣваемъ принимать на почтахъ безденежно и за провозъ съ академіи платы не требовать.

§ 26. Отъ пособій начальствъ, во всей нашей имперіи учреждений, будетъ имѣть приращеніе наша кунсткамера, въ которую повелѣваемъ онымъ начальствамъ присылать все рѣдкое изъ трехъ царствъ природы, поручая оную въ смотрѣніе натуралисту. Пособіемъ тѣхъ же начальствъ распространень быть можетъ при академіи ботанической садъ, когда ей присылаемы будутъ сѣмена, отрасли и корни произрастеній, свойственныхъ разнымъ климатамъ нашей имперіи. Надъ садомъ смотрѣніе имѣть долженъ ботаникъ. Съ приумноженіемъ естественныхъ произведеній въ кунсткамерѣ, для помѣщенія ихъ и для преподаванія наставленій въ зоологіи и минералогіи понадобится въ ней болѣе мѣста, потому библіотеку, которая въ одномъ зданіи съ собраніемъ естественныхъ вещей нынѣ находится, повелѣваемъ отъ онаго отдѣлить и помѣстить въ другомъ зданіи, дабы въ пожарномъ случаѣ не всѣ драгоцѣнности вдругъ погибнуть могли. Библіотека поручается одному изъ членовъ академіи, по ея выбору, который долженъ всякія книги выдавать академикамъ и адъюнктамъ подъ росписку.

§ 27. Всѣмъ академикамъ, адъюнктамъ, почетнымъ членамъ и корреспондентамъ давать дипломы за подписаніемъ попечителя и ученаго секретаря, съ приложеніемъ обыкновенной академической печати. Постановляемъ притомъ, чтобъ каждый членъ, со вступленія своего въ академики, а адъюнкты по удостоенію въ сіе званіе, имѣли государственные чины, первые шестаго, а другіе седьмаго класса, и потомъ бы далѣе производимы были на ряду

со всѣми прочими чиновниками, въ статской службѣ находящимися. Воспитанники же излишніе для академіи, по одобренію ея, принимаемы будутъ въ нашу службу съ тѣми оберъ-офицерскими чинами, которыхъ академія свидѣтельствомъ своимъ ихъ удостовѣтъ, а если бы академіи понадобилось кого нибудь изъ воспитанниковъ отправить въ путешествіе по Россіи для какихъ либо изслѣдованій съ академикомъ или адъюнктомъ, въ такомъ случаѣ представляетъ академія попечителю, а онъ Намъ, какимъ кто чиномъ изъ воспитанниковъ ободренъ быть долженъ; но воспитанники, которые отъ академіи отправляемы будутъ въ чужія государства, предназначаются въ адъюнкты, и слѣдовательно, когда академія удостовѣтъ ихъ сего званія, получаютъ чинъ седьмаго класса; въ противномъ же случаѣ выходятъ изъ академіи на основаніи ея воспитанниковъ, о коихъ сказано выше. Освобождаемъ отъ постоевъ собственные дома академиковъ распростирая сіе облегченіе на ихъ вдовъ и сиротъ. Оставляемъ на пенсіи служившимъ при ней въ разныхъ должностяхъ людямъ проценты отъ семидесяти тысячъ рублей, въ санктпетербургскомъ воспитательномъ домѣ находящихся. Оставляемъ академіи всѣ ея доходы отъ типографіи и книжной лавки, отъ продажи вѣдомостей, календарей и пр. на употребленіе въ ея пользу и на ежегодное ободреніе чиновниковъ и служителей за ревностные труды, повелѣвая комитету сноситься въ томъ съ собраніемъ академіи; и наконецъ академикамъ, прослужившимъ двадцать лѣтъ, равно какъ и адъюнктамъ, повелѣваемъ производить въ пенсію полное ихъ жалованье, когда бы они по какимъ либо основательнымъ причинамъ въ академіи служить болѣе не пожелали.

§ 28. Въ награжденіе академиковъ, адъюнктовъ и ими одобренныхъ людей, разныя должности по академіи отправлявшихъ, призираемъ мы и ихъ потомство, опредѣляя умершихъ академиковъ, сколько бы времени при академіи они ни прослужили, вдовамъ половинное мужей ихъ жалованье, до новаго ихъ замужества, если бы когда нибудь сіе случилось; а дѣтямъ мужскаго пола—до опредѣленія къ должности или въ государственное воспитатель-

ное заведеніе, женскаго жъ—до вступленія въ бракъ. Тѣмъ же самымъ ободряемъ и другихъ чиновниковъ, двадцать пять лѣтъ при академіи прослужившихъ, которыхъ потомство академія удостоитъ пенсіи, которую всѣмъ имъ производить изъ статной суммы.

Съ сего времени академія съ своею гимназіею и университетомъ жалованье въ годъ получать будетъ по сту по пятидесяти тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства, откуда выдачу онаго производить ей каждые два мѣсяца.

§ 29. Въ заключеніе сего устава объявляемъ наше желаніе и вмѣстѣ надѣемся, что преемники наши, съ равнымъ къ имперіи нашей доброжелательствомъ, оставятъ академію наукъ при сихъ правахъ и преимуществахъ, которыя мы ей жалуемъ.

14) Историческое обозрѣніе трудовъ академіи наукъ на пользу Россіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1864 года академикомъ К. С. Веселовскимъ. 1865, стр. 40.

15) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 20. Помѣщаемый планъ читанъ въ конференціи 2 ноября 1803 года.

Plan de l'ouvrage périodique que l'Académie se propose de publier conformément à l'article 9^m du nouveau Règlement.

Quand on jette un coup d'oeil sur les collections des mémoires de celles d'entre les académies et sociétés des sciences qui ont pris naissance vers la fin du dixseptième siècle et au commencement du siècle passé, et que de là on tourne son regard vers les progrès si marqués de la culture des sciences et de la propagation des lumières, on ne sçaurait guères y méconnaître l'influence heureuse et réciproque des associations savantes sur l'esprit du temps et de l'esprit du temps sur les associations savantes. Cette action et réaction se manifeste d'un côté dans l'étendue du terrain que les sciences ont gagné et dans le plus grand nombre de ceux qui les cultivent; de l'autre côté dans le choix des objets des recherches scientifiques, et jusque dans la

manière de les voir et de les traiter, qui, depuis que les sciences ne sont plus exclusivement l'occupation des savans de profession, ont subi des modifications sensibles dans le fond et dans la forme, et souffert des changemens amenés par la tendance toujours plus marquée de s'accommoder aux besoins du temps et au desir de s'instruire que témoignait un public cultivé et avide d'instruction.

Dans les premiers temps qui suivirent la fondation de ces institutions savantes et qui favorisèrent particulièrement l'étude des sciences mathématiques et physiques, étude qui, par sa nature, n'est ni à la portée, ni, par conséquent, du goût du grand nombre, cette influence ne pouvait pas, à la vérité, être bien sensible. Fidèles au but primitif de leur institution qui fut le perfectionnement des sciences exactes, et uniquement occupées pendant longtemps à poursuivre les nouvelles routes; ouvertes au génie inventeur, par les nombreuses découvertes qui venaient de changer la face et d'ajouter de nouvelles branches à ces sciences. Les académies ne purent guères alors influer sensiblement sur le grand public; leurs travaux n'étaient connus que des seuls savans de profession qui seuls aussi étaient en état d'en profiter et de les apprécier, tandis que le grand nombre ne vit dans ces occupations que des spéculations stériles de théorie, ignorant combien plusieurs de ces spéculations avaient été susceptibles d'applications heureuses, et combien elles avaient contribué à l'utilité pratique et au perfectionnement des arts mécaniques.

Cette erreur était pardonnable, mais elle ne laissait pas de faire un tort réel aux académies, en retrécissant la sphère de leur activité, par là même que leur utilité était méconnue. Aussi les formes qu'elles observaient dans la publication de leurs mémoires, lesquels, en embrassant toute l'étendue du domaine des sciences, composent des suites nombreuses de gros volumes, contribuèrent à isoler les académies au milieu d'un public non moins disposé à recevoir l'instruction que préparé à la mettre à son profit.

Mais peu-à-peu ces mêmes sociétés savantes s'appliquèrent à

populariser les sciences, en les dépouillant de tout ce qu'elles pouvaient avoir de trop rebutant pour un public mêlé qui n'est pas composé uniquement de savans. On commença à mettre plus à la portée de tout le monde les recherches scientifiques qui en étaient susceptibles; à leur donner plus d'intérêt par des applications fréquentes aux arts et métiers; et à présenter sous différentes formes les résultats fructueux du calcul, de l'observation et de l'expérience, fruits des recherches théorétiques. Almanacs, gazettes, journaux, tout fut mis en usage pour mettre le public dans les intérêts des sciences, pour l'éclairer sur leur utilité réelle et pour les lui rendre chères, en les faisant tourner le plus directement possible au bien général.

C'est depuis ce temps-là que plus instruit sur le véritable bien que les sciences peuvent procurer à l'état où elles fleurissent, et sur le but et l'utilité des académies et sociétés savantes, le public a commencé à leur rendre plus de justice. Mieux en état d'apprécier leurs travaux du moment qu'elles leur ont donné un but et une publicité plus à sa portée, il profite des applications pratiques qu'elles lui offrent, et leur passe les recherches purement spéculatives en faveur de celles qu'il peut convertir immédiatement à son profit.

Or si d'un côté on doit convenir que sans une utilité pratique quelconque les sciences ne seraient qu'un luxe d'esprit, il ne faut pas oublier que de l'autre côté une pratique qui n'est point éclairée par le flambeau de la théorie, ne marche qu'en tâtonnant et conduit à un empirisme qui dans les arts n'est guères plus recommandable que l'empirisme en fait de médecine. Le premier opère quelquesfois des inventions et l'autre des cures, mais ces succès fortuits sont d'ordinaire achetés au prix de mille tentatives manquées. Il faut surtout se garder de taxer légèrement de sterilité les spéculations théorétiques dont on ne voit pas d'abord résulter une application fructueuse. Car combien de fois des recherches analytiques — en apparence les plus oiseuses — telles par exemple que l'inté-

gration d'une formule ou équation différentielle, la rectification ou la quadrature d'une ligne courbe, la sommation ou reversion d'une série, et d'autres, n'ont elles pas frayé la route à la solution des problèmes les plus importans de la mécanique, de l'hydraulique, de la navigation ou de l'astronomie? combien de fois la découverte d'une nouvelle propriété de quelque corps organisé ou non organisé, de quelque fluide aëriforme; celle d'une nouvelle application, direction ou modification des forces motrices, n'a-t-elle pas conduit aux avantages techniques les plus précieux?

Quiconque se met à parcourir l'histoire des progrès des sciences et des arts y trouvera sans peine cent exemples qui prouvent ce qui vient d'être avancé, et conviendra que de pareilles considérations doivent engager les académies à continuer de s'occuper de la double tâche de cultiver les connaissances pratiques qui conduisent au perfectionnement des arts, en même tems que celles qui mènent au perfectionnement des sciences mathématiques et physiques, sans lesquelles la route la plus sûre pour arriver aux premières est fermée et ne laisse libres que de sentiers tortueux difficiles et incertains.

L'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg qui a eu constamment en vue la combinaison de ces deux tâches vient d'y être engagée plus formellement, par le nouveau règlement que Sa Majesté l'Empéreur a daigné trèsgracieusement lui donner. Persuadé de l'utilité des recherches théorétique l'auguste protecteur des sciences ordonne expressément à son académie de continuer à en donner un volume par an; mais Il lui a prescrit en même temps de publier en langue russe un volume de mémoires propres, par leur utilité pratique, à intéresser le public.

Conformément à cette volonté suprême, qui autorise et ennoblit la combinaison de deux tâches mentionnées, l'académie a arrêté le plan suivant pour la publication de ce recueil:

I.

L'ouvrage sera périodique et paraîtra, à des époques fixées ci-dessous, en langue russe, sous le titre:

Journal technologique
ou
Recueil de mémoires
et notices
concernant la technologie
et
l'application des découvertes
faites dans les sciences
à un usage pratique quelconque
ouvrage périodique
publié par l'Académie Impériale
des Sciences.

II.

Le principal but de cet ouvrage étant de répandre la connaissance de toutes les applications utiles de la Mécanique, de l'Hydraulique, de la Physique, de la Chymie, de la Minéralogie, de la Botanique et de la Zoologie, en tant que ces sciences, qui ont été de tout temps l'objet des recherches de l'académie, peuvent contribuer au perfectionnement des fabriques et manufactures, de l'économie rurale et forestière, des mines et fondéries, des arts et métiers: ce recueil sera destiné particulièrement à recevoir des mémoires concernans la Technologie proprement dite, et les mémoires en seront le fonds principal.

III.

Mais comme il peut se présenter quantité de découvertes et d'inventions qui, sans être dans un rapport directe avec la Technologie, peuvent intéresser et instruire un public cultivé, afin d'augmenter l'utilité de cet ouvrage et le rendre instructif pour un plus grand nombre de lecteurs et pour des personnes de tous les états et de toutes les vocations: on y fera entrer aussi d'autres notices et mémoires, relatifs à d'autres objets, lorsqu'ils se-

ront jugés propres à répondre des notions utiles, à éclaircir ou expliquer des faits et des phénomènes curieux.

IV.

Il en paraîtra un cahier de dix à douze feuilles tous les trois mois, de sorte que les quatre numéros de l'année formeront un volume de quarante à quarante huit feuilles grand in 8°.

V.

Les articles de chaque cahier seront divisés en six chefs qui contiendront:

1°) Des mémoires originaux présentés à l'académie par les académiciens et adjoints, par les membres honoraires et les correspondans.

2°) Des mémoires technologiques les plus intéressans pour la Russie, tirés des meilleurs journaux étrangers et traduits en russe.

3°) Des analyses et des extraits des meilleurs ouvrages systématiques qui ont parus sur la Technologie, ou une de ses branches, chez les nations le plus éclairées et les plus industrielles de l'Europe.

4°) Des descriptions courtes, mais claires et précises de nouvelles machines, instrumens, outils, de nouveaux procédés, de manipulations, préparations nouvelles, relatives aux arts et métiers.

5°) Des courtes notices de nouvelles observations, expériences et découvertes dans toutes les sciences en général, en tant qu'elles pouvaient intéresser le public et lui être présentées d'une manière lumineuse.

6°) Des nouvelles littéraires et autres, comme annonce des livres nouveaux les plus importans, des questions proposées, des prix remportés, des établissemens nouveaux et des nouvelles entreprises faites en faveur des sciences et des arts, des ordonnances concernant les fabriques et manufactures, le commerce et l'industrie nationales.

VI.

Chaque cahier sera accompagné des figures gravées nécessaires pour l'explication et l'intelligence des machines, instrumens, outils, appareils et autres objets dont on y donne la description et dont y explique l'usage.

VII.

Chaque cahier sera pourvu aussi d'un table des matières; et à la fin du quatrième numéro suivra, pour la commodité des lecteurs, un registre pour le volume entier.

VIII.

Le prix sera invariable et le même pour chaque numéro, et les cahiers se distribueront, à la fin de chaque trimestre, numérotés et brochés, à tous les amateurs qui ne les demanderont pas expressément en feuilles.

IX.

Le premier numéro destiné pour le premier trimestre de l'année prochaine paraîtra vers la fin du mois de mars 1804.

Afin de mettre dans la publication de ce journal tout l'ordre et l'exactitude possibles, l'académie prendra les arrangemens suivans:

1°) Tous les académiciens sont invités à coopérer à ce journal, en présentant des mémoires, observations, notices et autres articles qui par leur objet répondent au but et au plan de cet ouvrage.

2°) La conférence fera traduire, par son traducteur, les articles qui lui auront été présentés dans cette vue en latin, français ou allemand.

3°) Elle fera circuler parmi les académiciens et adjoints plusieurs ouvrages périodiques et autres relatifs à la technologie. Chacun indiquera à la conférence les articles qui lui auront

paru propres à occuper une place dans le journal de l'académie, et la conférence les fera traduire par son translateur, à moins que l'importance du sujet, les difficultés de le bien traduire sans des connaissances scientifiques suffisantes, ou d'autres considérations ne l'engagent à en charger l'académicien ou l'adjoint qui lui paraîtra le plus propre à remplir cette tâche.

4°) La conférence nommera un académicien pour être le rédacteur de ce journal.

5°) Tous les mémoires originaux, traductions, extraits, notices et autres articles propres à entrer dans ce journal, qui auront été présentés à la conférence, seront remis à ce rédacteur.

6°) Le rédacteur fera choix des pièces qui doivent être insérées dans chaque cahier, et il en présentera la liste à la conférence dans les premiers jours du trimestre à la fin duquel le cahier doit paraître.

7°) Cette liste ayant été approuvé par la conférence, le rédacteur peut en ordonner l'impression et faire graver les planches sans formalité ultérieure.

8°) La presse et les imprimeurs destinés à l'impression du journal, de même que le graveur qui entaillera les figures, ne doivent pas être employés à d'autres ouvrages, tant que dure l'impression d'un cahier, afin qu'il n'y ait jamais de retardement à craindre et que chaque cahier puisse paraître au terme fixé.

9°) Chaque auteur ou traducteur corrigera les premières épreuves, afin de soulager le rédacteur et avoir la facilité d'y faire les changemens, additions et corrections qui lui paraîtront nécessaires. Mais le rédacteur révisera les dernières épreuves, à cause des renvois aux figures et du coup d'oeil de l'ensemble.

16) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 227, № 10. 620. Отношенія Новосильцова къ министру Завадовскому.

17) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы конференціи 1803 года. № 43. Собраніе 14 августа 1803 года.

Мы приведем рѣчь Новосильцова въ томъ видѣ, какъ находится она въ рукописномъ протоколѣ академической конференціи. Тамъ помѣщена она и на русскомъ и на французскомъ языкѣ, *texte en regard*; протоколы конференціи велись тогда на французскомъ языкѣ. Такъ какъ въ протоколѣ не сказано, на какомъ языкѣ Новосильцовъ говорилъ свою рѣчь, то мы приводимъ и французскій текстъ:

Avant de passer à la lecture du journal, permettez moi, honorables collègues, que je vous annonce avec les sentimens de la plus vive joie la grace suprême que sa majesté impériale vient d'accorder à cette académie. L'action glorieuse de notre monarque, dont je m'empresse de vous donner connaissance, en affermissant cet antique et fameux temple érigé aux sciences en Russie sur des fondemens immuables et conformes à sa sublime destination, va vous offrir de nouveaux moyens de devenir utiles à la patrie, de nouvelles voies pour atteindre le plus haut degré de perfection et de gloire et pour temoigner par là même votre reconnaissance d'une manière digne de votre grand reformateur.

Etranger au principe pernicieux qui, à la honte des derniers tems, a préféré un sombre fantôme aux progrès des sciences et des arts, qui a fermé tous les chemins à la propagation des lumières; persuadé que la connaissance des vérités dans leur ordre naturel et dans leur liaison mutuelle, unique objet de toutes les sciences, enrichit et orne l'esprit, élève l'âme, le sentiment et la vertu de l'homme; et qu'éclairé sur ses propres intérêts il est forcé d'obéir aux lois, d'aimer la patrie, d'être sujet fidèle et bon citoyen — persuadé de tout cela notre sage monarque traça ce plan de l'instruction nationale qui sera à jamais mémorable dans l'histoire de l'empire de Russie. Peu de tems après, porté par une impulsion de sa grande âme, il a tourné son attention vers la source principale de cette instruction, vers l'académie impériale des sciences; il a examiné son reglement, mesuré la sphère de son activité, calculé les moyens qui lui étaient accordés, pénétré ses besoins, comparé son état actuel avec les circonstances

du tems, et l'a enfin confirmée, réorganisée, relevée par un acte solennel qui porte l'empreinte de sa générosité sans exemple.

Comblés ainsi des bienfaits du monarque, élançons nous, membres honorables, avec des forces réunis, avec une même âme, un même coeur, dans la carrière qui est devant nous, et efforçons nous de justifier à la face de nos concitoyens et du monde entier l'attente de notre auguste souverain et de la patrie.

18) Собрание актовъ торжественнаго засѣданія императорской санктпетербургской академіи наукъ, бывшаго по случаю празднованія столѣтняго ея существованія 29 декабря 1826 года. 1827. стр. 30.

19) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 231, дѣла № 10.970. Представленіе академиковъ: Озерцовскаго, Шуберта и Фусса, 25 февраля 1815 года.

20) Историческое обозрѣніе трудовъ академіи наукъ на пользу Россіи. К. С. Веселовскаго. 1865. стр. 29—30.

21) Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ, сочиненное А. Шторхомъ и Ф. Аделунгомъ. Часть первая. 1810. Россійская литература, собранная императорской академіи наукъ дѣйствительнымъ академикомъ, ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княженъ наставникомъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Андреемъ Шторхомъ.

22) Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой. Я. К. Грота. Печатано по распоряженію Совѣта русскаго историческаго общества, стр. 3—4.

23) Рукописныя записки собраній російской академіи. Собрание 10 января 1797 года, ст. II.

24) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № I, дѣла № 36.723. Журналы и опредѣленія комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ; № 5, журналъ 27 февраля 1787 года. Приложение. Планъ учрежденію въ Россіи университетовъ. Предварительное разсужденіе о народномъ въ Россіи просвѣщеніи.

25) Вѣстникъ Европы. 1803. № 5, стр. 49—50.

26) Gervinus: Geschichte des XIX Jahrhunderts. 1856. Т. II, стр. 702—704 и др.

27) Вѣстникъ Европы. 1803. № 8. О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей, стр. 317—326.

28) Вѣстникъ Европы. 1803. № 5. стр. 57—58.

29) Трактатъ о политической эстетикѣ и приложеніи оной къ разнымъ общенароднымъ предметамъ. Россійское сочиненіе. 1814.

30) Вѣстникъ Европы. 1803. № 8, стр. 322.

31) Что такое классическая филологія? I. Фр. Авг. Вольфа. Очеркъ науки древности. Переводъ съ нѣмецкаго И. Помяловскаго, 1877. Профессоръ Помяловскій говоритъ: «Многимъ можетъ показаться страннымъ, что мы выбрали сочиненіе, появившееся въ началѣ нынѣшняго вѣка, для отвѣта на вопросъ современности. Но, разсматривая статью Вольфа съ точки зрѣнія современной науки, прилагая къ ней требованія нашего времени, мы съ изумленіемъ видимъ, что въ общемъ она вполне подходитъ подъ первую, и отвѣчаетъ послѣднимъ. Такова сила геніальнаго ума великаго основателя новой филологіи, опередившаго на много свою современность. Значеніе статьи Вольфа, сразу поставившей филологію въ рядъ наукъ, давшей ей опредѣленныя границы, указавшей ея цѣли — неизмѣримо велико. Еще бѣльшимъ должно оно показаться тому, кто хотя нѣсколько знакомъ съ тѣмъ состояніемъ нашей науки, въ которомъ мы находимъ ее на западѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Статья Вольфа произвела въ ней радикальный переворотъ, давши ей совершенно иное направленіе, слѣдуя которому филологія, въ лицѣ великихъ послѣдователей геніальнаго учителя, дошла до настоящаго процвѣтанія. Ознакомить русскихъ читателей съ такимъ произведеніемъ казалось намъ далеко не бесполезнымъ, особенно въ настоящее время».

32) Іоаннъ Дамаскинъ. Графа А. К. Толстаго. М. 1859. стр. 15.



БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ОРЪХОВЕЦКІЙ ДОГОВОРЪ. — ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

Я. К. Грота.

(Съ литографированномъ снимкомъ.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXXI-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1877.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1877 года

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Неизвѣстный до сихъ поръ русскій текстъ Орѣховецкаго договора.

Въ Стокгольмѣ отпечатанъ недавно первый томъ предпринятаго на счетъ правительства важнаго изданія «Договоровъ Швеціи съ иностранными державами» ¹⁾. Въ предисловіи издатель, г. О. С. Рюдбергъ, объясняетъ, что въ шведской литературѣ это—еще первое собраніе подобныхъ документовъ; они расположены въ хронологическомъ порядкѣ и дополнены такими трактатами между другими государствами, которые прямо касаются Швеціи. Г. Рюдбергъ пользовался для этого какъ архивами, такъ и разсѣянными въ другихъ мѣстахъ рукописями и печатными текстами. Съ тою же цѣлію онъ предпринималъ путешествія въ чужіе края, былъ между прочимъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; такимъ образомъ ему удалось собрать много матеріаловъ не только для настоящаго тома, но и для послѣдующихъ, что должно значительно ускорить ходъ изданія. Печатается оно изящно и составляется съ большимъ тщаніемъ; первый томъ содержитъ 637 страницъ; въ концѣ его приложены указатели: 1) хронологическій; 2) по государствамъ, расположеннымъ въ азбучномъ порядкѣ; 3) географическій и 4) личный. Второй изъ этихъ реестровъ повторенъ и на французскомъ языкѣ. Сверхъ

¹⁾ Полное заглавіе книги: «Sverges Traktater med främmande magter jemte andra dithörande handlingar. Utgifne af O. S. Rydberg. Första delen 822—1335. Stockholm 1877». (т. е. Договоры Швеціи съ иностранными державами и другіе относящіяся къ тому акты. Изданы О. С. Рюдбергомъ. Часть первая).

того въ концѣ тома помѣщены два большіе снимка съ подлинныхъ рукописныхъ актовъ, прекрасно исполненные въ Берлигѣ.

Для насъ всего интереснѣе въ этомъ томѣ русскій текстъ *Орѣховецкаго договора*, въ первый разъ открытый и изданный г. Рюдбергомъ, а также изслѣдованіе его о двухъ найденныхъ имъ редакціяхъ этого памятника. Трактатъ, заключенный въ 1323 году между новгородскимъ княземъ Юріемъ и шведскимъ королемъ Магнусомъ, установившій впервые опредѣлительнымъ образомъ границы между обоими государствами и послужившій основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ между ними соглашеній, извѣстенъ былъ до сихъ поръ только въ латинскихъ и шведскихъ текстахъ. Первый, кто упомянулъ о сохранившихся въ шведскомъ государственномъ архивѣ двухъ русскихъ спискахъ орѣховецкаго договора, былъ извѣстный ученый, г. Гильдебрандъ. Прочитавъ его указаніе на то въ Запискахъ стокгольмской академіи исторіи и древностей¹⁾, я еще въ 1850-хъ годахъ отнесся къ государственному архивариусу, бывшему профессору Гельсингфорскаго университета Нордстрему, съ просьбою доставить мнѣ копіи съ этихъ списковъ. Нордстремъ († 1874 г.) тогда же отвѣчалъ мнѣ, что дѣйствительно ихъ видѣли въ тамошнемъ архивѣ, но что потомъ они были заложены, такъ что никто уже не могъ ихъ отыскать. Долгое время они считались потерянными, пока г. Рюдбергу удалось снова найти ихъ. Часть его книги, касающаяся Орѣховецкаго договора, отпечатана также отдѣльно съ нѣкоторыми дополненіями, и притомъ съ приложеніемъ фотолитографированнаго снимка съ русской рукописи (котораго нѣтъ въ полномъ изданіи). Года три тому назадъ шведскій посланникъ въ Петербургѣ г. Дуэ, по просьбѣ г. Рюдберга, сообщалъ мнѣ какъ этотъ снимокъ, такъ и другой со второго списка, для полученія моего отзыва о языкѣ и другихъ особенностяхъ обѣихъ рукописей. Вотъ текстъ главнаго списка :

¹⁾ Въ статьѣ: «Om Nöteborgska Freden och Sveriges gräns mot Ryssland från år 1323 till början af 17-de århundradet» (Kongl. Vitterhets-Historie-och Antiquitets Academiens Handlingar. t. XX, 171—260).

«Се я^а князь великѣи Юрги спосадникомъ Алфоромѣ-
 жемъ и стысяцки^а Аврамо^а съ всѣмъ Новымъ городомъ
 докончали есмъ съ братомъ своимъ съ кнзе^а Свейскы^а
 с Мануше^а Ориковице^а. А приехали о^т Свѣиского
 кнѣзя по^слове Герикъ Дюуровиц^а Геминки Орисло-
 вицъ Петр^а Юнши^а по^пъ Вымундеръ. А ту бы^т
 о^т купецъ съ Готского берега Лодвикъ и Ѳеодоръ,
 и докончали есмы миръ вѣчныи и хрестъ целовали
 и да кнѣ^а великѣи Юрги совсѣмъ Новымъ городомъ по
 любви три погосты Севилакшю, Яскы, Огребу Корѣль-
 скѣи погосты, а розво^а и межа о^т моря река Сестрея
 о^т Сестреѣ мохъ середе мха гора о^ттоле Сая рѣка
 о^т Саѣ Солнычныи каме^а, о^т Солнычнего камени
 на Чермную Щелю, о^т Чермной Щельѣ, на озеро
 Лембо о^ттоле на мохъ на Пехкѣи, о^ттолѣ на озе-
 ро Кангасъ ѣрви, о^ттолѣ на Пурноярви, о^ттоле
 Янтоярви, о^ттолѣ Торжеярви, о^ттолѣ Серги-
 лакши о^ттолѣ Самосало, о^ттолѣ Жйти, о^ттолѣ Корѣ-
 ло^акошки, о^ттолѣ Колѣмакошки о^ттолѣ Патсоѣки
 о^ттоле Каяно море. а что нѣши^а погостовъ
 Новгородскихъ воды и землѣ, и лови^а(^м?) у Ловежи
 половина во всѣмъ Ковкоу кали половина
 Ваткиви половина Соумовиси половина
 Уксипя половина Урбала половина, Кедевя
 шестая часть, Бобровъ Коуноустани шестая
 часть за рубеже^а а то все к Новугороду...
 Гости гостити беспакости изъ всеи нѣмѣдскою зе^а
 млѣ из Любка из Готского берега и Свѣиской землѣ
 по Невѣ в Новгород^а горою и водою а Свѣямъ всѣмъ
 из выбора города гости не переимати, тако же и наше-
 му гостю чистъ путь заморе посемъ миру городомъ
 не ставити ко корѣльской землѣ ни ва^а ни намъ.
 А должникъ и поручникъ и холопъ ни хто лихо
 не учини^т. А побѣгнетъ или ква^а или кна^а выдати

его по исправѣ. А землѣ и воды у новгородской Корѣлы некупити Свеемъ и выборяномъ. Аже имуть за наровцѣ нѣ правити к великому кнѣзю и к новгороду. а Свеемъ имъ не пособляти. а что ся учинитъ в томъ миру обидное или о^т васъ или о^т насъ миру не порушити всему тому ѵсправа учинити, а гдѣ учинится тяжь ту нѣ кончати по Бжиѹ правде а наугороду миръ и пригородомъ всѣмъ и всей вѣлости Ноугородской такоже и всей землѣ Свѣиской а взя ѣ князь великиѹ и миръ и весь Новгоро^а Свееиски^а князе^а и совсею Свѣискою землею и свѣборо^а в пятницу за три дни передъ успеѹемъ Сѣтя Бѣя. А хто измѣни^т хрестеноѹе цѣлованѹе на того Бѣ и Сѣтя Бѣя.

«Орѣховецкѹй миръ (говоритъ издатель), первый договоръ, опредѣлявшѹй отношенія между Швеціей и ея восточнымъ сосѣдомъ, составляетъ безъ сомнѣнѹя одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ памятниковъ нашихъ среднихъ вѣковъ. О значеніи, какое сохранялъ этотъ актъ еще и въ послѣдующія столѣтія, пока тязвинскѹй миръ не утвердилъ взаимныхъ отношеній обоихъ государствъ на новыхъ основаніяхъ, свидѣтельствуютъ не только многіе договоры, которые ссылаются на трактатъ Юрія и Магнуса, но и многочисленные его списки 15-го, 16-го и 17-го вѣковъ, хранящіеся въ шведскомъ государственномъ архивѣ.

«Между тѣмъ этотъ трактатъ, будучи извѣстенъ намъ только въ спискахъ, причинилъ наукѣ большія затрудненія. Эти копія, писанныя на разныхъ языкахъ, по-русски, по-латыни и по-шведски и столь различныя по содержанію, что онѣ никакъ не могутъ быть приурочены къ одному основному тексту, подали поводъ къ весьма разнообразнымъ толкованіямъ. Мои разысканія какъ по этимъ актамъ, такъ и по другимъ документамъ, относящимся ко времени отъ конца 15-го до второй половины 16-го столѣтія, когда разсматриваемый договоръ игралъ важную роль въ дипло-

матическихъ сношеніяхъ между Швеціей и Россіей, привели къ результатамъ, существенно отличающимся отъ тѣхъ, къ которымъ приходили другіе изслѣдователи». Для разъясненія истины г. Рюдбергъ не жалѣлъ трудовъ: какъ мы уже видѣли, онъ посылалъ въ Петербургъ снимки съ обѣихъ найденныхъ имъ въ шведскомъ архивѣ рукописей. Вѣрныя и четко писанныя съ нихъ копіи были сдѣланы для него подъ наблюдениемъ академика А. Ф. Бычкова, а печатный текстъ по фотографическому снимку провѣренъ профессоромъ славянскихъ языковъ въ Копенгагенѣ г. Смитомъ и имъ переведенъ дословно на шведскій языкъ.

Изъ подробнаго изслѣдованія г. Рюдберга, занимающаго 72 страницы большого формата, убористой печати, сообщу здѣсь наиболѣе выдающіяся замѣчанія.

Затерянный подлинникъ Орѣховецкаго договора, какъ мы узнаемъ изъ находящейся въ стокгольмскомъ архивѣ отмѣтки, писанъ былъ по-русски и по-латыни. Относительно судьбы подлинника можно вывести слѣдующія заключенія. Хранился онъ въ Выборгѣ, гдѣ изстари велись переговоры съ Россією. Въ 1537 г. шведскіе уполномоченные объявили русскимъ, что Юрьева грамота о мирѣ пропала; однакожь оказывается, что это увѣреніе было только предлогомъ, придуманнымъ по политическимъ причинамъ, такъ какъ Шведы не хотѣли признавать границъ, определенныхъ трактатомъ 1323 года. Изъ хранящихся въ шведскомъ государственномъ архивѣ реестровъ видно, что еще около исхода 17-го вѣка было цѣло значительное количество старинныхъ трактатовъ, заключенныхъ съ Россією, и всѣ соображенія приводятъ къ убѣжденію, что упоминаемый нами подлинный договоръ со многими другими драгоценными документами погибъ не ранѣе, какъ при пожарѣ выборгскаго замка 7 мая 1697 года.

Любопытно то обстоятельство, что дошедшіе до насъ списки этого договора, — сколько извѣстно, единственнаго, какой былъ заключенъ между Юріемъ и Магнусомъ, — представляютъ по содержанию двѣ различныя редакціи и могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, какъ бы указывающія на двѣ договорныя грамоты. Ру-

копии одной группы носятъ помѣту: пятница предъ успѣніемъ Богоматери—«*sexta feria proxima ante assumptionem beate virginis*»; на спискахъ другой группы читается тó: понедѣльникъ предъ Рождествомъ Богородицы, тó: понедѣльникъ до (или послѣ) Рождества Богородицы—«*feria secunda ante (post) nativitatem beate virginis*». По изслѣдованіямъ г. Рюдберга становится несомнѣннымъ, что первоначальный трактатъ принадлежитъ къ первой изъ этихъ двухъ группъ, хотя относящійся къ ней списокъ и носитьъ литеру В съ отмѣткою: «старая порубежная грамота, которой не должно показывать» (*gambla Rågångzbref som intet skole framþagas*). Это предостереженіе въ той или другой формѣ находится на многихъ старинныхъ спискахъ именно первой изъ означенныхъ группъ разсматриваемаго документа и служитъ только къ подтвержденію мысли о подлинности ея содержанія.

Что касается другого русскаго списка, существенно отличающагося по содержанію отъ приведеннаго, то онъ, по мнѣнію г. Рюдберга, не что иное какъ переводъ съ шведскаго текста позднѣйшаго происхожденія. Этотъ позднѣйшій текстъ сохранился въ нѣсколькихъ шведскихъ и латинскихъ редакціяхъ. Издатель весьма подробно и основательно разсматриваетъ какъ ихъ взаимное отношеніе, такъ и связь ихъ съ первоначальнымъ текстомъ, и приходитъ къ убѣжденію, что позднѣйшія редакціи вовсе не основываются на дѣйствительномъ трактатѣ, что онѣ подложны. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ этого служитъ ему то, что не сохранилось ни латинскаго, ни русскаго текста позднѣйшаго трактата, который конечно былъ бы заключенъ именно на этихъ двухъ языкахъ. Латинскихъ списковъ много, но они по всѣмъ признакамъ составлены по шведскому, съ котораго переведены и единственный русскій списокъ этой редакціи. Другое важное доказательство тó, что при заключеніи тязвинскаго договора между Россіей и Швеціей уполномоченные руководствовались только первоначальнымъ актомъ, а о позднѣйшемъ нѣтъ и помину. Такимъ образомъ послѣдній, явно составленный въ пользу Швеціи, несомнѣнно оказывается подложнымъ и возникъ, по всей

вѣроятности, въ концѣ 15-го или началѣ 16-го вѣка, когда Шведамъ хотѣлось подкрѣпить формальнымъ документомъ тѣ отступленія отъ первоначально опредѣленной пограничной линіи, которыя постепенно совершились частію вслѣдствіе напора съ запада возраставшаго населенія, частію на основаніи добровольныхъ соглашеній между сосѣдними жителями обоеихъ государствъ.

Нельзя не отдать справедливости достоинствамъ изслѣдованія г. Рюдберга, которое отъ начала до конца ведено съ величайшею основательностью и рѣдкимъ безпристрастіемъ.

Кромѣ Орѣховецкаго трактата изданный томъ содержитъ въ себѣ и другіе договоры, состоявшіеся между русскими князьями и Швеціею въ продолженіе времени отъ 1189 до 1326 года.

II.

Происхожденіе императрицы Екатерины I.

Извѣстно, какъ много предположеній высказано о происхожденіи второй супруги Петра Великаго. Объ этомъ вопросѣ составила на иностранныхъ языкахъ, особенно на нѣмецкомъ, цѣлая литература, не лишенная своего интереса. Такъ какъ по-русски нигдѣ еще не было напечатано полнаго свода этихъ догадокъ, то я здѣсь, прежде всего, вкратцѣ исчислю ихъ съ указаніемъ источниковъ:

1) Екатерина была незаконная дочь эстонской крѣпостной крестьянки, родилась въ деревнѣ Рингенъ въ Дерптскомъ округѣ; отецъ ея былъ владѣлецъ этого имѣнія, отставной шведскій подполковникъ фонъ Розенъ. (Свѣдѣніе ганновернаго резидента Вебера, слышавшаго это отъ жившаго въ домѣ Глюка учителя Вурмба) ¹⁾.

2) Она родилась въ Рингенѣ, но отецъ ея былъ сосѣдъ Розе-

¹⁾ Письмо Вебера объ этомъ (донесеніе ганноверскому Geheimratscollegium напеч. въ книгѣ Шмидта Физельдека: *Materialien zu der Russischen Geschichte I, 203—217.* Франц. переводъ этого письма въ *Mémoires du règne de Catherine 605* и слл. Почти тотъ же рассказъ въ *De la Motraye, Travels (III, 128)*, у Mauillon (*Histoire de Pierre I*) и въ *Loisirs du chevalier d' Eon, VI, 18.*

на, баронъ Альбедиль; она впоследствии вышла замужъ за подполковника Тизенгаузена и овдовѣла (Гюбнеръ) ¹⁾.

3) Она родилась въ Рингенѣ, но отецъ ея былъ могильщикъ (Вольтеръ) ²⁾.

4) Она была дочь Альвендаля и его крѣпостной женщины, которую онъ послѣ выдалъ за богатаго крестьянина, прижившаго съ нею еще дочь. (Донесеніе цесарскаго посланника графа Бюсси-Рабютина) ³⁾.

5) Она была лифляндка по мѣсту жительства и происхожденію ея родителей (Гупель) ⁴⁾.

6) Она была дочь шведскаго квартирмейстера Іоанна Рейнгольдсона Рабе и жены его, урожденной Елисаветы Морицъ, на которой онъ женился въ Лифляндіи, когда тамъ стоялъ въ гарнизонѣ въ 1670-хъ годахъ; вернувшись на родину, въ шведскую провинцію Вестготландію, онъ тамъ въ 1682 г. прижилъ Марту (впоследствии Катерину), но черезъ два года умеръ; вдова его поспѣшила уѣхать съ дѣтьми назадъ въ Лифляндію, и по смерти ея дочь эта была взята въ домъ Глюка. Тамъ она сдѣлалась невѣстой, а кто говоритъ и женой молодого драгуна, когда вдругъ Русскіе явились подъ Мариэнбургомъ. (Шведскіе историки Нордбергъ ⁵⁾ и Лагербрингъ) ⁶⁾.

7) Она была дочь рижскаго бюргера Петра Бадендика († 1683 или 1684), который былъ два раза женатъ и имѣлъ отъ перваго брака пятерыхъ, отъ втораго четверыхъ дѣтей. Катерина родилась 5 февраля 1679 г. (Иверсенъ) ⁷⁾.

¹⁾ Hübners Genealogische Tafeln. (Tab. 119). Его же Supplemente, стр. 168. *Milissantes Jetztlebendes Europa I*, 97.

²⁾ *Vie de Charles XII et Histoire de Russie sous Pierre le Grand (1760)*, стр. 225. Нѣмец. изд., стр. 262.

³⁾ Полное его имя было: Graf Ignaz Amadeus v. Bussy-Rabutin. Его донесеніе отъ 28 сент. 1725 напеч. въ *Büschings Magazin XI*, 481 и слѣ.

⁴⁾ *Hupel. Nordische Miscellaneen II*, 219, и V, 283.

⁵⁾ *Nordberg. Carl XII historia II*, 132.

⁶⁾ *Lagerbring. Abriss der Schwedischen Reichshistorie*, стр. 32.

⁷⁾ Въ статьѣ: «Das Mädchen von Marienburg», напеч. въ апрѣльской книжкѣ 1857 г. брауншвейгскаго журнала *Westermanns Illustrierte Monats-*

8) Отецъ ея былъ литовскій уроженецъ Скворонскій, переселившійся въ Дерптъ, гдѣ она и родилась отъ законной жены его. Сперва она крещена была въ католическую вѣру, но потомъ перешла въ лютеранство ¹⁾. (Бюшингъ, Вильбуа, Новая исторія Китайцевъ и Гавень).

Не считаю нужнымъ подробнѣе развѣивать всѣ видоизмѣненія этихъ толковъ и слуховъ, означенныхъ здѣсь только въ общихъ чертахъ. Разнорѣчивыхъ свѣдѣній о дѣтствѣ Екатерины и вообще о жизни ея до сближенія съ Петромъ Великимъ я вовсе не касаюсь. Замячу только, что обзоръ предположеній о происхожденіи и первоначальной судьбѣ этой загадочной женщины можно найти: 1) въ названной выше (см. прим. 1) книгѣ Шмидта Физельдека; 2) въ уномянутой статьѣ Бюлау; 3) въ статьѣ Иверсена, и 4) въ шведской книгѣ Густава д'Альбедея (*Gustaf D'Albedyhll*) «*Skrifter af blandadt, dock måst politiskt och historiskt innehåll*». (Nyköping) I, (1799), стр. 198, и II (1810), стр. 76—135. («Статья смѣшаннаго, особенно же политическаго и историческаго содержания»).

Статья, напечатанная въ послѣдней изъ этихъ книгъ, подъ заглавіемъ: «*Handlingar till ytterligare upplysning af Kejsarinnan Catharina I-s härkomst*» («Матеріалы для дальнѣйшаго поясненія вопроса о происхожденіи Екатерины I»), особенно любо-

всchrift. Здѣсь любопытны дополнителныя свѣдѣнія о пасторѣ Глюкѣ. Объ этой статьѣ см. Bülaup, *Geheime Geschichten u. räthselhafte Menschen*. Leipzig 1857. VIII, 502. Также *Das Inland* 1858, № 51. Благодаря обязательному сообщенію Ю. Б. Иверсена, я имѣлъ случай прочесть не только самую печатную статью покойнаго отца его (*das Mädchen von Marienburg*), но и рукописную болѣе полную редакцію ея. Не могу однакожь скрыть, что доводы г. Иверсена не убѣдили меня въ справедливости его убѣжденія, будто Екатерина I была сестра г-жи Бергъ, урожденной Бадендикъ: онъ самъ сознается, что убѣреніе названной дамы объ этомъ родствѣ не подтверждается ни церковными книгами, ни какими-либо другими документами.

¹⁾ Büschings Magazin (III, 190). Его же *Gelehrte Abhandlungen u. Nachrichten aus u. von Russland*. I, 231. — *Mémoires secrets du sieur Villebois*. Bruxelles 1853 (Адмиралъ Вильбуа былъ женатъ на дочери пастора Глюка). *Neuere Geschichte der Chinesen, Japaner etc.* (съ француз. соч. Richer) XVII, 118 и сл. Ср. *Mémoires du règne de Catherine I.—Havens Efterraetningar om det Russiske Rige*, I. 403.

пытна тѣмъ, что въ ней мы находимъ родъ полемики между потомками двухъ лицъ, которымъ преданіе приписывало и отчасти до сихъ поръ приписываетъ рожденіе Екатерины I, именно между д'Альбедилемъ, издателемъ книги, и шведскимъ учителемъ Рабе. Д'Альбедиль (род. 1758, ум. 1819) назначенъ былъ въ 1775 г. секретаремъ шведскаго посольства въ Петербургъ, а въ 1789 былъ посломъ Густава III въ Копенгагенъ. Онъ отказывается отъ всякаго притязанія на поддержаніе слуха относительно своего предка и объясняетъ его тѣмъ, что послѣ возвышенія Екатерины были при дворѣ толки о ея происхожденіи, и естественно ее стали выводить изъ дворянскаго рода. Внукъ пастора Глюка, сынъ женатаго на третьей его дочери барона *Коскуля*¹⁾, держался, относительно происхожденія Екатерины, мнѣнія Вебера, и написалъ объ этомъ, въ началѣ 1780-хъ годовъ, замѣтку, въ которой между прочимъ говорилъ, что «сироту хотѣли представить не недостойною руки и скипетра царя и потому придумали, что она была законная дочь Альбедилья и сдѣлалась невѣстою подполковника Тизенгаузена». Д'Альбедиль, напечатавъ письмо Коскуля по этому предмету, какъ видно, согласился съ этимъ взглядомъ. Что касается фамиліи *Альвендаль* (Alvental), упоминаемой кесарскимъ посланникомъ Рабутиномъ, то онъ же, издатель названной книги, замѣчаетъ, что такого имени никогда не бывало, а что если оно иногда слышалось въ разговорномъ языкѣ сперва въ Лифляндіи, а потомъ и въ Швеціи, то это было только искаженіемъ настоящей его формы: Альбедиль.

Гораздо упорнѣе въ поддержаніи толковъ о своемъ предкѣ былъ Кастень Рабе, учитель въ городѣ Фелькенбергѣ²⁾; прочитавъ въ первой части изданія Альбедилья письмо Коскуля, ничего не упомянувшаго объ этихъ толкахъ, онъ вошелъ въ переписку

¹⁾ Изъ трехъ дочерей Глюка старшая вышла за генералъ-фельдцейхмейстера Вильбуа, вторая за остзейскаго барона Фитингофа, а третья за полковника Коскуля.

²⁾ Небольшой приморскій городъ въ югозападной Швеціи.

съ Альбедилемъ и старался доказать правдоподобіе преданія о шведскомъ происхожденіи Екатерины.

Въ исторіи С. М. Соловьева указанъ документъ, который весьма положительнымъ образомъ подтверждаетъ показанія Вильбуа, Бюшинга и Гавена о томъ, что Екатерина I была дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скворонскаго. Этотъ документъ — письмо къ ней Петра Бестужева отъ 25 іюня 1715 г. изъ Риги о томъ, что онъ по ея приказанію искалъ въ Крейдцбургѣ фамиліи Веселевскихъ и между прочимъ развѣдалъ, что Сквородскій (sic) былъ женатъ на курляндкѣ Доротеѣ Ганъ и имѣлъ съ нею двухъ сыновей и четырехъ дочерей, изъ которыхъ третья, Катерина, жила въ Крайдцбургѣ у тетки своей (сестры матери) Маріи Анны Веселевской, а 12-ти лѣтъ отъ роду взята была въ шведскую Лифляндію къ маріэнбургскому пастору. Историкъ нашъ прибавляетъ, что Екатерина родилась въ 1683 году, ибо 5 апрѣля 1724 года ей минулъ сорокъ одинъ годъ, по донесенію голландскаго резидента ¹⁾). Вѣроятно, тотъ же документъ разумѣетъ Н. И. Костомаровъ, когда въ своей обширной статьѣ «Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица» ²⁾ говоритъ: «Изъ дѣлъ государственнаго архива узнаемъ только, что Екатерина была дочь крестьянина Скворонскаго». Г. Соловьевъ былъ осторожнѣе, сказавъ только что отецъ Екатерины былъ «обыватель Лифляндіи» ³⁾. Къ сожалѣнію, г. Костомаровъ, по обыкновенію своему, не указалъ точнѣе на источникъ, который служилъ ему основаніемъ. Вѣроятно, это то самое письмо Бестужева, на которое сослался г. Соловьевъ. Какъ бы ни было, вопросъ о происхожденіи Екатерины можно считать рѣшеннымъ, и не было бы пожалуй надобности говорить болѣе о шведскомъ преданіи, какъ и прочихъ вышеисчис-

¹⁾ Исторія Россіи, XVIII, прим. 210. Въ напечатанномъ тамъ письмѣ Бестужева эпитетъ «шведскій» неправильно отнесенъ къ маріэнбургскому пастору въ подлинникѣ онъ относится къ слову Лифляндія. Эта страна тогда раздѣлялась на польскую и шведскую. Вслѣдъ за настоящею статьею помѣщается еще записка, приложенная къ письму Бестужева.

²⁾ Древняя и Новая Россія 1877 г., кн. I.

³⁾ Ист. Россіи, XVI, 70.

ленныхъ догадкахъ, еслибъ это преданіе не держалось до сихъ поръ съ прежнею настойчивостью въ Швеціи и не возобновлялось отъ времени до времени въ тамошней литературѣ. Еще недавно, во время моего пребыванія въ Стокгольмѣ, газета Aftonbladet перепечатала, какъ новость, касающійся этого документъ. Онъ же лѣтъ двадцать тому назадъ явился въ диссертациі о происхожденіи Екатерины I, написанной при лундскомъ университетѣ ¹⁾. Въ первый разъ этотъ документъ былъ напечатанъ въ названной мною выше книгѣ Альбиделя: Skrifteſ og проч., а потому я къ ней и возвращаюсь.

Что же это за документъ? Это не что иное какъ «выписка изъ судебной книги Осскаго округа (Åhs härad) селенія Вебу (Wäby), за 15 сентября 1758 г.». Сохранившаяся подъ этимъ заглавіемъ бумага заключаетъ въ себѣ извлеченіе изъ описанія рода Рабе, составленнаго самими лицами этой фамиліи. Родоначальникомъ ея названъ капитанъ эльфсборгскаго пѣхотнаго полка Рейнгольдъ Иоансонъ Рабе, дворянинъ изъ мекленбургскаго города Ростока, прибывшій въ молодости въ Швецію и убитый подъ Фридрихсгалломъ въ Норвегіи, въ 1660 году. Жена его Катерина была дочь пастора Равингуса, изъ Ронгедальи. У нихъ было два сына и три дочери. За тѣмъ исчислены всѣ эти дѣти съ ихъ потомствомъ.

Для насъ нужно только то, что сказано о второмъ сынѣ, квартирмейстерѣ эльфсборгскаго полка Иоаннѣ Рейнгольдсонѣ Рабе: «Жена его была Елисавета Морицъ, прежде бывшая замужемъ за секретаремъ въ Ригѣ; она съ нимъ не имѣла дѣтей, но отъ второго мужа родила сына Свена Рейнгольда и дочь Катерину. Отецъ умеръ въ 1684 году въ Гермундередѣ ²⁾ и похороненъ въ семейномъ склепѣ, въ церкви Тоарпа за алтаремъ, гдѣ

¹⁾ «Om Kejsarinnan Catharina 1-a af Ryssland härkomst, af G. B. Nedström». Malmö 1856.

²⁾ Этотъ-то хуторъ Гермундередъ, верстахъ въ 15-ти отъ города Бороса (Borås) въ провинціи Вестготландіи, и считается у Шведовъ мѣстомъ рожденія Екатерины I. Боросъ — городокъ, лежащій къ западу отъ южной оконечности озера Веттера, на полупути оттуда къ Готенбургу.

хранится и шпага его, въ знакъ храбрости оказанной имъ въ сраженіяхъ; тотчасъ послѣ его смерти вдова его Елисавета Морицъ, съ двумя малолѣтними дѣтьми, уѣхала въ Лифляндію; впоследствии сынъ ея Свенъ Рейнгольдъ служилъ въ шведской арміи и былъ убитъ въ Польшѣ, а дочь Катерина избрана была Всевышнимъ для великаго счастья: она сдѣлалась супругою Царя и Императора Петра и владѣтельною Государынею въ Россіи, и покинула земную жизнь въ 1727 году; а потомки и наслѣдники ея, по благоговѣнію подданныхъ, не осмѣлились заявить себя ея родственниками, но они честные и почтенные люди, которыхъ хвалятъ всѣ ихъ знающіе».

Потомъ исчислены такимъ же образомъ дѣти и потомки другихъ сыновей капитана Рейнгольда Рабе. Кончается бумага слѣдующими строками: «И поелику вышепрописанный документъ былъ публично прочитанъ и надлежащимъ порядкомъ рассмотрѣнъ, то и было засвидѣтельствовано какъ присяжными (pāpnnd), такъ и подсудимыми, что онъ во всѣхъ частяхъ своихъ справедливъ, что и служить удостовѣреніемъ и о чемъ выдана, по предъявленному требованію, выписка изъ протокола. За членовъ уѣзднаго суда подписалъ: Петръ Іоаннъ Монтанъ».

Такимъ образомъ этотъ такъ называемый документъ, писанный въ 1758 г., т. е. черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ по смерти Екатерины I и составленный только по слухамъ, въ сущности не есть даже документъ; ниже мы увидимъ, что онъ ничего важнаго не прибавляетъ къ имѣвшимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на доводы учителя Рабе, который употребилъ особенныя старанія, чтобы достать приведенную бумагу, и приложилъ къ ней подробную родословную таблицу всей своей фамиліи, добытую имъ съ большимъ трудомъ у одного пастора. По его словамъ, запросы о происхожденіи Екатерины изъ Вестготландіи дѣлались оттуда уже съ 1725 года, т. е. съ восшествія супруги Петра В. на престолъ, и между членами рода есть преданіе о какомъ-то нѣкогда полученномъ ими значительномъ пожалованіи и о принадлежавшемъ

имъ, но къ сожалѣнію утраченномъ письмѣ сильной руки, которыми требовались свѣдѣнія о фамили Рабе. Весьма вѣроятно говоритъ Фалькенбергскій учитель, что именно это письмо послужило поводомъ къ составленію бывшей у него въ рукахъ родословной таблицы, на которой была надпись, что эта табель должна быть сообщена для провѣрки всѣмъ родственникамъ и потомъ, исправленная и раскрашенная, отослана въ Россію. Далѣе учитель Рабе передаетъ рассказы мѣстныхъ пасторовъ и другихъ стариковъ о томъ, что они знали семейство, изъ котораго вышла Екатерина; одинъ крестьянинъ утверждалъ даже, что носилъ ее на рукахъ, когда съ охоты ходилъ къ ея отцу. Кромѣ того, жители околотка слышали, что предки ихъ получали изъ Россіи превосходный зерновой хлѣбъ и муку самага тонкаго размола въ кожаныхъ мѣшкахъ.

На это Алобедиль возражаетъ, что если бы дѣйствительно какая-нибудь особенная милость была оказана роду Рабе или мѣстности, гдѣ жили его члены, то конечно сохранились бы оціанальныя тому доказательства; но ему извѣстно, что по крайней мѣрѣ графъ Панинъ, прибывшій въ Швецію въ 1748 г. русскимъ посломъ и отозванный въ 1759 г., не имѣлъ никакого подобнаго порученія, а съ другой стороны какой-то ландратъ Вольфеншильдъ, изъ Лифляндіи, въ царствованіе Елисаветы Петровны, по приказанію ея, долженъ былъ отыскать родственниковъ Екатерины и что со всѣми ими обошлись особенно благосклонно¹⁾. «Очень жалѣю, прибавляетъ Альбедиль, что во время моего пребыванія при русскомъ дворѣ (1778—1784 г.) г. Рабе не обратился ко мнѣ; можетъ-быть, я бы могъ добиться истины по этому вопросу. Мнѣ же отъ собственнаго своего имени открыто дѣлать о томъ разысканія мѣшало то обстоятельство, что мое имя играло роль въ догадкахъ о происхожденіи Екатерины, и потому можно бы было подозрѣвать меня въ своекорыстныхъ видахъ. Теперь же, какъ я опасуюсь, г-ну Рабе трудно было бы попастьъ на достовѣрные

¹⁾ Hupel. Nordische Miscellaneen, St. 2, стр. 228.

слѣды. Въ Петербургѣ, по моему мнѣнію, было бы тщетно, даже опасно, наводить справки, развѣ у какого-нибудь любителя исторіи и притомъ только въ интересахъ науки, не показывая никакого личнаго интереса».

Возражая на предположеніе ректора Рабе, Альбедиль справедливо замѣчаетъ, что если самъ Императорскій домъ, начиная уже отъ Екатерины I, принялъ въ свое родство, какъ брата ея, графа Скворонскаго и, какъ сестеръ, графинь Гендрикову и Ефимовскую, то трудно не признавать этихъ отношеній, да и съ какою цѣлью Екатерина усвоила бы себѣ мнимыхъ сестеръ, лицъ, отъ которыхъ она не могла ожидать для себя ни чести, ни пользы, тѣмъ болѣе, что имъ никогда не приписывалось высокаго происхожденія, и Екатерина совершенно открыто возвела брата въ графы, а впоследствии пожаловано было то же достоинство мужьямъ ея сестеръ. Прибавлю съ своей стороны, что по родословной Рабе, у Екатерины былъ только одинъ братъ, убитый на войнѣ въ Польшѣ. Зачѣмъ же бы она признала своимъ роднымъ братомъ и сестрами совершенно чуждыхъ ей лицъ?

Разсуждая о возможности происхожденія Екатерины отъ Рабе, Альбедиль разсматриваетъ имя Скворонскій и спрашиваетъ: не передаетъ ли середина его *ворон* нѣмецкаго имени Rahe (воронъ) ¹⁾. Учитель Рабе съ благодарностью принялъ это указаніе и увидѣлъ въ немъ новый доводъ для своихъ предположеній. Вѣроятно однакожъ, Альбедиль не пришелъ бы на мысль такой вопросъ, еслибъ онъ зналъ, что *skōwtōn* есть польское слово, значащее «жаворонокъ».

Далѣе Альбедиль обращаетъ еще вниманіе на отчество Екатерины: *Алексеона* и желаетъ знать, на какомъ основаніи она была такъ названа. Намъ извѣстно теперь изъ журнала Гордона, что это отчество дано было ей, при переходѣ ея въ православіе, по имени ея воспріемника царевича Алексѣя.

Одинъ изъ главныхъ доводовъ, на которые любятъ опираться

¹⁾ Это предположеніе еще прежде высказалъ Nupel: см. Nordische Miscellaneen II, 224.

последователи предположенія о фамилии Рабе, заключается въ томъ, будто сама Екатерина признавала себя шведскою уроженкой. Историкъ Карла XII, Нердбергъ, сообщаетъ рассказъ, слышанный отъ какого-то русскаго во время его пребывания въ Стокгольмѣ въ 1722 г., что послѣ заключенія за годъ передъ тѣмъ Ништадскаго договора Царь въ шутку спросилъ у своей супруги: какъ она думаетъ, чтó съ нею теперь будетъ? по договору онъ де обязанъ возвратить всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, а такъ какъ и она въ томъ числѣ, то онъ ужъ не можетъ держать ее у себя. На это государыня будто бы поцѣловала у него руку и отвѣчала, что она его подданная и должна повиноваться всякому его рѣшенію, но что едва ли у него станетъ духу отослать ее, когда ей хотѣлось бы остаться. Тогда будто бы царь сказалъ: Я отпущу всѣхъ другихъ, а въ разсужденіи тебя посмотрю, нельзя ли будетъ войти въ соглашеніе съ шведскимъ королемъ ¹⁾.

Такимъ же образомъ учитель Рабе приводитъ мѣсто изъ разговора Екатерины I съ будущимъ ее зятемъ, герцогомъ Карломъ Гольштинскимъ, о которомъ она выразилась, что сдѣлалась бы его подданною, еслибъ счастье не измѣнило Швеціи и еслибъ Швеція не измѣнила присягѣ, которую принесла дому великаго Густава ²⁾. Но приводившіе это свидѣтельство забывали, что къ Швеціи принадлежала и Лифляндія, гдѣ Екатерина несомнѣнно провела свою первую молодость: на это обратилъ вниманіе еще Гусель ³⁾.

Наконецъ, въ защиту своего мнѣнія, учитель Рабе такъ разсуждаетъ: «Если предположеніе нашихъ историковъ невѣрно, то трудно понять, какъ имъ могло прійти въ голову включить имя *Рабе* въ число спорныхъ предковъ императрицы. Розень, Альбедиль находились по близости; Бюшинговъ Самуилъ, Вольтеровъ могильщикъ или кто бы ни былъ изъ остальныхъ—также. Но *Рабе*—этотъ неизвѣстный звукъ, это далеко за моремъ въ захоlustьѣ существо-

¹⁾ Konung Karl XII historia, II, 132.

²⁾ Büschings Magazin, IX, 338, въ «Eclaircissements» Бассевича.

³⁾ Nordische Miscellaneen II, 222.

вавшее имя, какъ ему довелось быть произносимымъ въ Петербургѣ? Фактъ, что шведскій офицеръ нѣсколько лѣтъ стоялъ въ рижскомъ гарнизонѣ, конечно не могъ дать повода къ догадкамъ на его счетъ 20-ю годами позже. Отчего бы стали указывать именно на него, а не на другихъ временныхъ чиновниковъ, *еслибы не было на то причины*. . . . Но много можно бы придумать причинъ, почему именно это имя не признается. Кромѣ того, нельзя не замѣтить той особенности, что важнѣйшіе писатели, которые на моей сторонѣ, различно произносятъ имя: это доказываетъ, что они не повторяли другъ друга, а имѣли каждый свои основанія. Адлерфельтъ называетъ ее *Rabin*, Лагербрингъ *Raab*, Нордбергъ *Rabe*.—На это слѣдуетъ возразить, что первый слухъ о происхожденіи Екатерины отъ Рабе возникъ конечно не въ Петербургѣ, а вѣроятно привезенъ былъ тоже изъ Швеціи или изъ Лифляндіи, гдѣ могли быть люди, интересовавшіеся судьбою выселившейся изъ Швеціи вдовы съ дочерью. Мы видѣли, что по свидѣтельству учителя Рабе, изъ Вестготландіи уже съ 1725 года наводились объ этомъ справки. Нордбергъ, сообщая толки о происхожденіи Екатерины изъ Швеціи, говоритъ, что слышалъ это тамъ отъ стараго, честнаго и благонадежнаго человѣка; онъ прибавляетъ, что эту исторію подвергали изслѣдованію, и что она еще и нынче подтверждается какъ церковными книгами, такъ и многими живыми лицами» (тутъ разумѣется то обстоятельство, что квартирмейстеръ Рабе женился въ Лифляндіи, что по смерти его на родинѣ, жена съ дѣтьми воротилась въ остзейскій край, гдѣ ихъ потеряли изъ виду, пока образовалось извѣстное преданіе). Какъ же оно образовалось? Первымъ поводомъ къ нему могла быть неизвѣстность участи, постигшей вдову Рабе послѣ ея отъѣзда въ Лифляндію, изъ чего могли возникнуть на родинѣ ея разныя догадки о томъ, что сдѣлалось съ нею и съ ея дочерью. Съ другой стороны, послѣ возвышенія Екатерины Сковоронской, разумѣется, пошли повсюду толки о томъ, кто она такая. Самое имя ея естественно наводило родныхъ фамиліи Рабе въ Швеціи на мысль, не это ли потерянная ими изъ виду Ка-

терина; между тѣмъ въ разсказахъ о вознесенной судьбою сиротѣ являлись и другія имена, служившія къ подкрѣпленію предположеній: родиной Катерины Алексѣевны называли *Руненз* (собственно Рингенъ въ Лифляндіи), а бабушка шведской Екатерины родилась въ Ронгедалѣ; наконецъ, и тогда уже могли найтись досужіе этимологи, которые, видя въ серединѣ имени Сковоронской слово *воронз*, подобно Гупелю и Альбедялю, открыли въ немъ связь съ именемъ *Rabe*. Возможно даже и то, что это имя пошло въ ходъ вслѣдствіе смѣшенія его со словомъ *раба*, *рабыня*, которое могло прилагаться къ Екатеринѣ не только по ея предполагаемому происхожденію изъ крѣпостнаго состоянія, но и потому что она была военно-плѣнной (плѣнные тогда признавались рабами). Не даромъ же имя Рабе придавали то родителямъ Екатерины, то первому ея, дѣйствительному или мнимому, мужу. Бюлау, въ упомянутой выше статьѣ, замѣчаетъ, что и этого перваго мужа вездѣ, гдѣ о немъ рѣчь идетъ, называютъ Іоанномъ; какъ прозвище его мы встрѣчали фамилію *Рабинз*, и Екатерину также, въ первое время послѣ ея замужства, звали *die Rabin* ¹⁾, а такъ какъ не многіе знали объ этомъ скоро разстроившемся бракѣ, то могло возникнуть мнѣніе, что она урожденная Рабе». Нельзя не сказать, что это довольно остроумная догадка, но для насъ она важна только какъ подтвержденіе сейчасть высказанной мысли: *Rabin* вовсе не звучитъ нѣмецкимъ именемъ; скорѣе всего и въ немъ слышится еще болѣе ясный отголосокъ толковъ о томъ состоянія крѣпостной дѣвушки, изъ котораго, по господствовавшему преданію, вышла Екатерина.

Молодой авторъ приведеннаго выше шведскаго разсужденія (Недбергъ) ²⁾ причисляетъ Вебера къ послѣдователямъ мнѣнія о происхожденіи Екатерины отъ Рабе, но онъ ошибается: Веберъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи *Das Veränderte Russland*,

¹⁾ ВМав. Geheime Geschichten. VI, 289.

²⁾ Разумѣю лундскую диссертацию о происхожденіи Екатерины I. Г. Недбергу извѣстна была только первая часть сочиненія д' Альбедилля; о существованіи второй, гдѣ помѣщена разсмотрѣнная мною статья, онъ не зналъ.

напротивъ выражаетъ свое недовѣріе къ этому слуху. Рассказывая о празднованіи съ обычнымъ обрядомъ дня крещенія въ началѣ 1727 г. и замѣтивъ, что въ этой церемоніи на тотъ разъ не участвовалъ великій князь Петръ Алексѣевичъ и сестра его, Веберъ продолжаетъ: « Это устраненіе произвело въ народѣ тайный ропотъ, тѣмъ болѣе что въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ близкій родственникъ императрицы съ двумя дочерьми и тремя сыновьями, которому тотчасъ отведенъ былъ домъ съ приличною мебелью и одеждой. Это были графъ и графиня Сковоронскіе; императрица взяла старшую дочь Софью ко двору въ качествѣ *damе d'honneur*, а прочія дѣти, оставаясь у отца, получали содержаніе сообразное съ ихъ званіемъ. Пріѣздъ этихъ гостей подалъ поводъ къ разнымъ толкамъ, и нѣкоторые осмѣлились даже умничать на счетъ происхожденія императрицы и между прочюю неприлично болтовней распускать молву, будто ея отецъ былъ квартирмейстеромъ Эльфсборскаго полка, а мать дочерью рижскаго городского секретаря; что отецъ ея, по имени Іоаннъ Рабе, съ женою своею прижилъ эту дочь Екатерину въ 1682 году въ шведскомъ кирхшпилѣ Вара Эльфсборгской губерніи; что послѣ его смерти вдова съ ребенкомъ удалилась въ Ригу къ своимъ роднымъ и что когда она также умерла, то пробствъ Глюкъ взялъ эту сироту къ себѣ на воспитаніе. Эти и подобныя, почтительнымъ подданнымъ не подобающія разглагольствія подали поводъ къ изданію печатнаго, столь же необходимаго, какъ и справедливаго указа, чтобы никто, подъ страхомъ смертной казни, не осмѣливался о покойномъ Государѣ и царствующей Государынѣ произносить неподобающія рѣчи, съ тѣмъ, чтобы нарушители, хотя бы они оправдывались своимъ неразуміемъ или нетрезвымъ состояніемъ, все таки были безъ пощады наказываемы». (*Das Veränd. Russl. III, 77*).

Упоминаемый здѣсь указъ помѣщается ниже въ приложеніяхъ. Поводомъ къ такой строгой мѣрѣ надо считать не столько приводимую Веберомъ молву, сколько другіе болѣе унизительные слухи, изъ коихъ нѣкоторые дошли до насъ и исчислены въ началѣ настоящей замѣтки; вѣроятно къ нимъ присоединялись еще и толки

о переѣнахъ, происходившихъ въ положеніи Екатерины въ промежутокъ времени между взятіемъ Маріенбурга и приближеніемъ ея къ царю. Что касается извѣстія Вебера о приѣздѣ въ Петербургъ въ началѣ 1727 года Сковоронскаго съ семействомъ и объ отношеніяхъ этой фамилии къ государынѣ, то всѣ сомнѣнія о кровномъ между ними родствѣ устраняются найденными мною въ послѣднее время документами.

Изъ этихъ документовъ видно, что во время пребыванія государыни, въ 1721 г., въ Ригѣ, къ ней явилась Христина Гендрикова (рожденная Сковоронская) и показала, что она сестра ея величества, и что ея, Христины, родной братъ съ женою во время войны взятъ былъ въ Россію; Екатерина оказала къ ней милость и отпустила ее ¹⁾.

Вѣроятно, вслѣдствіе этого императрица дала одному изъ самыхъ близкихъ къ супругу ея лицъ, кабинетъ-министру А. В. Макарову, указъ отъ 28 февраля 1722 г. объ отысканіи лифляндца Дириха Самуилева сына *Сковороцкаго*, который былъ взятъ въ плѣнъ, когда фельдмаршалъ Шереметевъ ходилъ въ Лифляндію.

Въ мартѣ 1723 г. Оедоръ Чекинъ увѣдомилъ Макарова изъ Вологды, что онъ по всей Галицкой провинціи разослалъ съ этою цѣлю нарочныхъ; около того же времени писано было о томъ изъ малороссійской коллегіи въ Гадячъ, откуда полковникъ Михайлъ Милорадовичъ въ октябрѣ отвѣчалъ, что искомага лица нигдѣ не оказалось.

Успѣшнѣе была переписка Макарова съ рижскимъ генералъ-губернаторомъ, знаменитымъ княземъ Аникитой Ивановичемъ Репнинымъ. 7-го апрѣля 1723 года этотъ послѣдній писалъ кабинетъ-секретарю, что посланный имъ нарочный отыскалъ жену лифляндскаго обывателя Карлуса Самуилева сына Сковоронскаго въ деревнѣ Догабенъ ²⁾, принадлежавшей шляхтичу Лауренцкому,

¹⁾ Родословная таблица фамилии Сковоронскихъ — въ *Büschings Magazin* III, 191. См. также *Русскую Родосл. книгу*, Спб. 1873, стр. 190.

²⁾ «Отъ мѣстечка Вишки озера въ полумили», прибавлено въ подлинникѣ, Ср. то же свѣдѣніе по бумагамъ Кабинета въ Исторіи Соловьева, т. XVI, прил. 86.

и ее всячески уговаривалъ ѣхать къ мужу, но она не хотѣла, «понеже знаетъ состояніе мужа своего, что онъ и отъ нея не отъ малой причины ушелъ».

Въ письмѣ, писанномъ мѣсяца черезъ два позже, именно 13-го іюня, Репнинъ ссылается на указъ ея величества объ извѣстной женщинѣ съ мужемъ ея и дѣтьми, «я по тому указу, говоритъ онъ, буду чинить, и гдѣ пожелаетъ жить, въ домѣ или другомъ гдѣ мѣстѣ, содержать ее подъ присмотромъ чтобъ куда не отѣхали и довольствоваться буду. Только прошу васъ, моего государя, въ какомъ ее довольствѣ съ мужемъ и дѣтьми содержать, и писать ко мнѣ подлинно».

Очевидно, это относится къ той женщинѣ, о которой говорилось выше и которая въ 1721 году открылась императрицѣ. 4-го іюня 1725 года Репнинъ извѣстилъ Макарова, что наканунѣ эта самая женщина явилась къ нему и «подала суплику на польскомъ языкѣ, которую при семъ посылаю, и сказывала мнѣ словесно, будто она Ея Величества сестра, что и въ письмѣ ея написано, и братъ де ея родной и съ женою взять въ Русь, а она въ прошломъ 1721 году, въ бытность блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества и Ея Величества Государыни Императрицы здѣсь въ Ригѣ, та женка у Ея Величества была, и тогда Ея Величество пожаловала ей двадцать червонныхъ, и отпущена паки въ домъ, и нынѣ она съ мужемъ и съ дѣтьми живетъ въ Лифляндіи недалеко отъ Риги, и я прошу васъ, моего государя, въ благополучное время донести Ея Величеству какъ мнѣ съ нею поступить, и прислать ко мнѣ о томъ немедленно резолюцію, дабы не разгласилось. А до полученія о томъ резолюціи буду ее съ мужемъ и съ дѣтьми содержать въ домѣ ея подъ карауломъ. Паки васъ, моего государя, прошу о скорой резолюціи, чего ради сіе письмо посылаю чрезъ нарочной штафетъ».

Іюня 4 дня
1725 г.
Рига»

Вамъ, моему государю,
всегдашній слуга
Князь А. Репнинъ».

Въ поданной Репнину просьбѣ Христина Гендрикова писала: «Припадая къ ногамъ вашей ясновельможности, осмѣливаюсь просить васъ обратить милостивое вниманіе на меня бѣдную сироту, оставленную Богомъ: я была въ плѣну въ войскѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ вашимъ (perwsza że byłem w niewoli w woysku Jasniewielmożności waszej) во время войны, которая разсѣяла народъ нашъ; Всевышній, по особенной милости Своей, возвелъ сестру мою въ Императорской санъ; мы же двѣ остались въ крайней бѣдности. Ея Величество, сестра наша, уже извѣщена о нашей участи, какъ равно о мужѣ и дѣтяхъ моихъ, пожаловала на содержаніе семейства моего жалованье и повелѣла ожидать благоприятнаго случая; вслѣдствіе чего я теперь прибѣгаю къ вашей ясновельможности, прося милостиваго состраданія вашего ко мнѣ, ибо я нынѣ живу въ бѣдномъ весьма положеніи въ деревнѣ Кегему на землѣ, принадлежащей г. майору Гульдынашульду (Вульфеншильду), который обращается со мной какъ съ крестьянкою и обижаетъ меня. Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ бѣдной въ совѣтѣ вашемъ, какимъ бы образомъ мнѣ можно было поклониться Ея Величеству Императрицѣ, ибо я вовсе не знаю, какъ и въ чемъ мнѣ къ ней пріѣхать. Я совершенно увѣрена, что она не отречется меня; бѣдная же сирота за оказанную ей вами милость не перестанетъ никогда молить Всемогущаго Бога о сохраненіи вашего здоровья и продолженіи счастливаго господства вашего».

Императрица повелѣла «содержать эту женщину и довольствовать, чтобъ жили безъ нужды». Репнинъ, спрашивая о размѣрѣ этого довольства, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, что она живетъ у здѣшняго дворянина у Лифляндца майора Вульфеншильда въ подданствѣ и съ мужемъ во крестьянѣхъ и всякую работу работаетъ и оброкъ платятъ, какъ и прочіе. И нынѣ отъ работы ее и съ мужемъ приказалъ уволить. Такожъ и оброкъ за нихъ прикажу платить изъ казны. А какъ слышалъ я, что они уже многимъ о себѣ разгласили и оба люди глупые и пьяные, и мнѣ мнит-ся удобнѣе бѣ было ихъ отсюда куда въ другое мѣсто взять дабы

отъ нихъ большаи вракъ не было, чего ради прошу васъ, моего государя, въ благополучное время донести о семь Государынѣ Императрицѣ, и какой Ея Величества о томъ указъ состоится, ко мнѣ написать».

Макаровъ отъ 29-го іюня отвѣчалъ:

«О извѣстной женской персонѣ, о которой прислана сюды челобитная Ея Величеству, паки я доносилъ, на что изволила сказать, чтобъ ихъ содержать въ скромномъ (*т. е. сокровенномъ*) мѣстѣ, гдѣ ваше сіятельство за способіе разсудите, и дать имъ нарочитое пропитаніе и одежду, а отъ того шляхтича, гдѣ они прежде жили и разгласили о себѣ, взять ихъ подъ видомъ жестокаго караула и тому шляхтичу дать знать, что оныя за нѣкоторыя непристойныя слова взяты за карауль, или тайно взять, ничего ему не говоря объ нихъ, что Ея Величество изволила больше отдать на ваше разсужденіе, а когда взяты будутъ, то приставить къ нимъ повѣренную персону, которая бы ото вранья ихъ могла удерживать».

7 іюля Репнинъ писалъ:

«А нынѣ паки доношу какъ и прежде, что оная женщина въ прошломъ 1721 году взята была ко двору и спрашивана и паки отпущена, и надѣюся, о томъ здѣсь въ народѣ не безызвѣстны, также и она, уповаю, не молчать. И того для весьма удобіе бы было отсюда ихъ взять въ Русь и содержать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ про нихъ не знаютъ.»

Макаровъ отвѣчалъ 17-го іюля:

«Государь мой милостивый, князь Анникитъ Ивановичъ! Письмо вашего сіятельства отъ 7-го дня іюля я исправно получилъ, въ которомъ изволите писать о извѣстной женской персонѣ, что съ нею чинить, и о томъ я Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ доносилъ и Ея Величество указала взять ее со всею ея фамиліею сюды, и для того придется по нее вскорѣ въ Ригу нарочной курьеръ, а между тѣмъ, пока тотъ курьеръ пріѣдетъ, изволите приказать изготовить ей потребное въ дорогу: коляску и прочее».

Репнинъ писалъ 21 іюля:

«Г-дръ мой. Ваше письмо сего іюля отъ 17 дня я получилъ и

извѣстную женщину въ посылку изготовлю, и какъ отъ васъ присланъ будетъ курьеръ, то оную не ускорѣя отправлю. А нынѣ извѣстился я отъ посланнаго своего офицера въ польскіе Лифлянды, что тамъ находится помянутой извѣстной женщины большая сестра родная и съ мужемъ своимъ и съ дѣтьми, и также о себѣ безопасно гласить, отъ чего тамошніе обыватели много врутъ, и нынѣ посылаю того офицера, оную женщину и съ мужемъ и съ дѣтьми подговоря, привезти и о вышесказанномъ прошу васъ, моего гдря, ежели потребно, донесши Ея Величеству прислать ко мнѣ указъ».

Это письмо, какъ и слѣдующая за нимъ переписка, подтверждаютъ свидѣтельство Бюшинга, что онъ имѣлъ въ рукахъ дневникъ офицера, посланнаго въ Литву для отысканія другой сестры Карла Скворонскаго, Анны Ефимовской ¹⁾).

Бюшингъ сообщаетъ изъ этого дневника слѣдующее извлеченіе.

«2-го февраля 1725 онъ (т. е. посланный офицеръ) отправленъ былъ по высочайшему повелѣнію изъ Петербурга въ Ригу, чтобы получить отъ тамошняго генераль-губернатора кн. Репнина наставленія, какъ отыскать въ Великой Литвѣ одну изъ сестеръ императрицы Екатерины. Князь Репнинъ въ первый разъ отправилъ его 20 марта. Онъ поѣхалъ въ Биржи и съ собранными тамъ свѣдѣніями возвратился въ Ригу. 25-го мая онъ поѣхалъ вторично, и именно въ Дубно, въ польскую Лифляндію, а оттуда въ Каменецъ. Здѣсь онъ разспросилъ одного священника, по имени Силицкаго, о фамиліи Ефимовскихъ и узналъ, что они принадлежатъ вдовѣ старосты Ростовскаго. Онъ познакомился съ этой женщиной, увидѣлся также и разговаривалъ съ Ефимовскимъ и его женой. Онъ всячески старался скрыть цѣль своего путешествія и выдавалъ себя за саксонскаго офицера. Но старостиня заподозрила его, велѣла напоить его слугу и вывѣдать, не рускій ли офицеръ — хозяинъ его. Догадываясь, что онъ хочетъ увезти семейство Ефимовскихъ, она приказала четыремъ изъ сво-

¹⁾ Büschings Magazin III, 190.

ихъ людей напасть на него, когда онъ будетъ уѣзжать 21 мая, и умертвить его. Однакожь онъ отдѣлался пятью ударами и ранами въ лѣвую руку (которою уже никогда не могъ владѣть) и возвратился въ Ригу 7-го іюля. 3-го августа отправился онъ въ третій разъ, чтобы втайнѣ увезти семейство Ефимовскихъ, что однакожь и тогда не удалось, такъ какъ у него было не довольно денегъ. 17-го сентября онъ поѣхалъ изъ Риги въ послѣдній разъ, имѣлъ достаточно денегъ, и 12-го сентября привезъ Ефимовскихъ благополучно въ Ригу. Онъ держалъ ихъ тамъ до 23 ноября, когда передалъ ихъ майору Б., привезшему ихъ въ Петербургъ. Въ это самое время и вторая сестра императрицы, Христина, была перевезена съ мужемъ своимъ Гендриковымъ изъ Великой Литвы въ Петербургъ. Это семейство было въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ и Ефимовскіе. Мы скоро увидимъ, что главное показаніе этого извѣстія, именно о времени доставленія Ефимовскихъ въ Ригу, совершенно совпадаетъ съ извлекаемымъ изъ нашей переписки свѣдѣніемъ.

25 августа Репнинъ, напоминая Макарову «объ извѣстной женщинѣ съ мужемъ ея и фамиліею, которые за непристойныя слова содержатся здѣсь подъ карауломъ», жалуется, что ожидаемый «для взятія ихъ курьеръ до сего времени не бывалъ, а они понынѣ содержатся подъ карауломъ; такожь помянутой посланной мой изъ польскихъ Лифляндъ возвратился и словесно доносилъ и письмо отъ нихъ подалъ, въ которомъ пишутъ, что объ нихъ при дворѣ Ея Императорскаго Величества извѣстно, ибо въ прошлыхъ годехъ присыланъ былъ нарочной и взялъ жену родного брата ея, которой въ Россіи, а ихъ тамъ оставилъ, и нынѣ они въ Россію ѣхать желаютъ, токмо на росплату долговъ и чѣмъ подняться, просятъ денегъ ста рублей, а я на прежнее мое объ нихъ письмо отвѣту отъ васъ не имѣю и денегъ послать къ нимъ не смѣю. Понеже, какъ выше упомянуто, что при дворѣ объ нихъ уже извѣстно, чего ради прошу васъ, моего гдря, дабы о помянутомъ прислана была ко мнѣ резолюція».

На это письмо Макаровъ 11 сентября отвѣчалъ, что курьеръ

еще не отправленъ оттого, что онъ боленъ «и по се время не выдоровѣлъ, а иногo я на то дѣло послать не могу» и пр.

13 октября 1725 г. Репнинъ сообщалъ Макарову изъ Риги:

«Минувшаго сентября 11 дня писали вы ко мнѣ Ея Императорскаго Величества указомъ о извѣстной женщиѣ: ежели она подлинно должна и не болѣе какъ рублей до ста, то ея долги указала Ея И. В. искусно оплатить, и по тому васъ, моего государя, письму посылаю нарочнаго въ польскіе Лифлянды и съ нимъ денегъ сто ефимковъ, и оная женщина и съ мужемъ ея и четверо дѣтей мужеска полу 15, 13, 10 и 5 лѣтъ сюда привезены ¹⁾ и деньги оплачены, и содержатся, какъ и первые, подъ карауломъ, въ довольномъ пропитаніи; только вельми сомнѣваются, что они содержатся многое время подъ карауломъ».

14 ноября Репнинъ опять напоминаетъ, что «люди, которые содержатся подъ карауломъ и которые также взяты изъ Литвы», все еще содержатся подъ карауломъ и въ немаломъ о томъ сумлѣніи состоятъ и жалобу приносятъ, а особливо тѣ, которые изъ Литвы привезены, нарекаютъ, что оставя домъ свой, сюда поѣхали», а потому онъ повторяетъ свою просьбу, «дабы о помянутыхъ арестантахъ получилъ какой указъ, ибо опасенъ я на себя отъ нихъ жалобы, которую уже и нынѣ производятъ».

6 января 1726 г. Репнинъ, благодаря Макарова за поздравленіе съ новымъ годомъ и самъ поздравляя его, посылаетъ «вѣдомость, коликое число на извѣстныхъ персонъ, которыя содержатся подъ арестомъ, въ расходъ употребилъ денегъ:

«На расплату долговъ, которые изъ польскихъ Лифляндъ привезены: 100 ефимковъ..

«Давсѣ, которые были въ Лифляндіи и въ польскихъ Лифляндахъ, на пищу и на платья и на обувь 70 ефимковъ, да російскихъ 190 рублей».

¹⁾ Вѣроятно это случилось именно наканунѣ, т. е. 12 октября, согласно съ показаніемъ Бюшинга, и Репнинъ успѣвши донести о томъ въ Петербургъ. Время отправки туда обоихъ семействъ Бюшингъ показываетъ, невѣрно; понятно, что въ этомъ показаніи офицеръ, на котораго онъ ссылается, легко могъ ошибиться.

«А російскими деньгами, считаячи ефимокъ по 95 коп., всего въ расходѣ 351 рубль 50 копѣекъ»».

18 января Макаровъ пишетъ: «Для извѣстной женщины, о которой ваше сіятельство писали, курьеръ отсель наряженъ и вскорѣ къ вашему сіятельству отправится. Того для извольте ей съ дѣтьми приготовить въ путь сани и шубы. Я надѣюсь, что отсюда одни сани нарочитые съ курьеромъ отправлю».

23 января Репнинъ отвѣчаетъ: «Ваше письмо отъ 18 сего генваря я вчерась получилъ, по которому для покупки, по указу Ея Императорскаго Величества, лошадей пошлю нарочнаго съ деньгами и прикажу искать, чтобъ были лошади чистыя и легкія, а не тяжелыя и не фризованныя, и что учинится, о томъ къ вамъ писать буду».

«Что же изволили ко мнѣ писать о извѣстной женщинѣ, что вскорѣ присланъ будетъ по нее нарочной курьеръ и чтобъ приготовить сани и шубы, и по тому вашему письму учиню, токмо вамъ, моему государю, изъ прежнихъ моихъ писемъ извѣстно, что помянутая женщина съ мужемъ и съ дѣтьми не одна, но съ нею есть братъ ея родной, съ женою и дѣтьми, которые съ нею здѣсь въ Лифлянді въ одной деревнѣ жили, да изъ польскихъ Лифляндъ привезены помянутой женщины большая родная сестра съ мужемъ и съ дѣтьми, всего нынѣ содержатся здѣсь 3 семьи, которыми при семъ посылаю роспись. Прошу васъ, моего государя, какъ прибудетъ помянутой курьеръ, всѣхъ ли мнѣ отправлять или токмо помянутую одну женщину съ дѣтьми, и что съ достальными дѣлать».

«Роспись:

«Женщина Крестина Скворощанка съ мужемъ ¹⁾. У нихъ дѣтей два сына: одинъ 12-ти, другой 6-ти лѣтъ, да двѣ дочери: одна 9-ти, другая 2-хъ лѣтъ, и того самъ шестъ».

«Оной же Крестины Скворощанки братъ родной Фридрихъ Скворонскій съ женою Катериною. У него двѣ падчерицы: одна

¹⁾ Гендриховымъ.

12-ти, другая 7-ми лѣтъ, и того самъ четверть (которые жили въ Лифляндіи въ одной мызѣ во крестьянствѣ).

«Да изъ польскихъ Лифляндъ привезены:

«Оной же Крестины Скворощанки сестра родная большая Анна съ мужемъ Михаиломъ Якимовичемъ (которые жили въ польскихъ Лифляндахъ въ одномъ мѣстечкѣ). У нихъ три сына: одинъ 15-ти, другой 13-ти, третій 7-ми лѣтъ. Итого самъ пять.

«Всего 15 персонъ».

Въ тотъ же день, когда было послано письмо съ этою росписью, т. е. 23 января 1726 года, и Макаровъ писалъ къ Репнину:

«Для извѣстной женщины съ ея фамиліею посланъ отсюда сержантъ гвардіи Левъ Микулинъ, и когда онъ въ Ригу приѣдетъ, то изволите его отправить въ польскіе Пруссы къ Друѣ и придать ему для конвоя нѣсколько человѣкъ солдатъ. А какъ онъ оттуда съ съ нѣкоторыми персонами возвратится, то вышеупомянутую женщину со всею ея фамиліею изволите отправить сюды; съ нимъ Микулинымъ послано отсюда двои сани, такожъ три мѣха лисьихъ и пять косяковъ камокъ, изъ которыхъ ваше сіятельство изволите приказать сдѣлать имъ платье теплое. Ежели же чего не достанетъ, то изволите приказать купить, и что потребно будетъ къ дорогѣ, то по предложенію помянутаго Микулина изволите приказать исправить, чтобъ безъ нужды сюды могли доѣхать».

Микулинъ отправился наканунѣ по слѣдующему указу, данному изъ Кабинета въ Ямскую канцелярію:

«1). По указу Ея Императорскаго Величества посылается для нѣкотораго важнаго дѣла въ Ригу курьеръ Левъ Микулинъ. Того для изъ Ямской Канцеляріи дать ему со обрѣтающимся при немъ человѣкомъ до Риги подорожную на 4 почтовыхъ подводы за указные прогоны.

«Алексѣй Макаровъ».

«Въ С.-Петербургѣ.

«Генваря въ 22 день 1726.

Послано того же числа»

Письмо Репнина, 30 янв. 1726 г.

«Государь мой. Ваше письмо изъ С.-Петербурга, отъ 23-го генваря писанное, чрезъ присланаго сержанта Микулина я вчерась получилъ, по которому онаго сержанта Микулина отъ Риги къ Друѣ, придавъ ему конвой, отправлю; также, когда и оттуда возвратится, потомужъ его Микулина и съ нимъ извѣстную женщину со всею ея фамиліею отправлю, удовольствовавъ по вашему письму; при томъ же отправлю другихъ той же фамиліи, о которыхъ вамъ уже извѣстно изъ прежнихъ моихъ писемъ, которымъ паки при семъ прилагаю роспись, сколько ихъ персонъ, а платье камчатое, о которомъ вы изволили ко мнѣ писать, приказалъ сдѣлать на однѣ женскія персоны, а на мужскія велѣно подѣлать суконныя». (Получ. 4 февр. 1726).

21 февраля Репнинъ извѣщаетъ: «Сего числа тѣ персоны отправились съ сержантомъ Микулинымъ (кромя одной Латышки, жены Фридриха Сковоронскаго съ ея дѣтьми и его падчерицами, которые сами слезно просили, дабы ихъ здѣсь оставить, да и къ посылкѣ оныя весьма непотребны, къ томужъ и мужъ ее отпустилъ), и дано подъ нихъ 17 подставныхъ подводъ и прогонныхъ денегъ 56 р. 10 коп., да въ пути на кормъ 50 рублей, и подѣлано на нихъ платье и обувь, такожъ въ дорогу сдѣланы сани. А сколько всего и въ бытность ихъ въ Ригѣ издержано, о томъ вѣдомости къ вамъ пришлю вскорѣ».

13 марта Репнинъ послалъ въ Петербургъ обѣщанную вѣдомость, прося написать, «на какой счетъ оныя деньги записать, или присланы будутъ отъ Кабинета». Вотъ эта вѣдомость:

	КФМ.	ГРОШ.	РУБЛ.	КОП.
«Когда извѣстная женщина явилась и про- сила, что имѣетъ нужду, дано ей . . .	—	—	5	—
Да по указамъ на расплату долговъ, кото- рые взяты изъ польскихъ Лифляндъ.	100	—	—	—
На пропитаніе въ Ригѣ всѣхъ	50	—	154	7½
На дѣло имъ платья, обувь и постель	—	—	268	48½

	КФМ.	ГРОШ.	РУБЛ.	КОП.
Которая женщина Латышка оставлена и отпущена въ мызу, въ награжденіе	—	—	10	—
На посылку саней	—	—	20	—
На прогоны до С.-Петербурга и на пропиа- таніе въ пути	—	—	106	10
За наемъ двора, на которомъ оныя персоны стояли	13	18	—	—
Итого . . .	163	18.	563	66.

Марта 13 1726».

Что исчисленные тутъ деньги вскорѣ уплачены были Репнину видно изъ слѣдующаго письма его къ Макарову отъ 10 апрѣля 1726 года:

«Государь мой. Ваше, моего государя, письмо, отъ 2 сего апрѣля писанное, и съ приложеннымъ векселемъ на 726 р. на 66 коп., которые въ расходъ употреблены на извѣстныхъ персонъ, я получилъ и помянутыя деньги въ рижскую рентерею принять приказалъ. Что же меня изволили увѣдомить о пришествіи сюда Ея Императорскаго Величества, и за оное вамъ, моему государю, попремногу благодарствую и съ сердечнымъ моимъ желаніемъ такихъ дорогихъ гостей съ радостію ожидаю».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка, сохранившаяся при письмѣ Петра Бестужева къ императрицѣ Екатериинѣ Алексѣевнѣ отъ 25 іюля 1715 года.

Фамилія вдовы Веселевской и мѣщанина Дукляса.

Вдова Катерина Лиза Веселевска жила въ Крѣпостѣ вдовою лѣтъ съ пять, которая была за сыномъ Веселевскимъ и имѣла съ нимъ двухъ сыновъ, и оба умерли.

Отецъ ея Мерхертъ Ганъ жилъ въ польскихъ Лифляндтахъ въ Калкунѣ мызѣ у маіора Фелькерзама. Оная Катерина Лиза дѣвицею жила барона Унгера у его жены въ мызѣ Унгарѣ и оттоль вышла замужъ въ Крыжборхъ за Яна Веселевскаго. У ней было три сестры, да братъ Вильгельмъ Ганъ, которой и нынѣ живъ въ Якуштатѣ на Курляндской сторонѣ; сестры: одна Дорота была за католикомъ Скворотскимъ, имѣла съ нимъ 4 дочери; одна жила у меньшей Веселевской въ Крыжборхѣ и взяли Шведы; другія померли. Вторая сестра Софія за Генденбергомъ. У ней два сына въ Курляндіи въ Субочѣ у Сакина и нынѣ живы. Третья сестра была за сыномъ мужа ея за Яномъ же Веселевскимъ. У нихъ остался сынъ Андрей Веселевской и нынѣ живеть въ Якуштатѣ.

Первая старшая сестра вдова Катерина Лиза послѣ Веселевскаго изъ Крыжборга перешла чрезъ рѣку на Курляндскую сторону въ Якуштатъ и взяла мужа мѣщанина Лаврина Дукляса и родила съ нимъ 6 сыновъ и дочь; всѣ померли; одинъ Симонъ Дуклясъ, сынъ ея, и нынѣ живъ въ Якуштатѣ.

Лаврина же Дукляса первой жены дочь нынѣ жива въ Якуштатѣ за ранцемъ (?) Яковымъ Залескимъ.

II.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской. Объявляется во всепародное извѣстіе.¹⁾

Понеже въ разныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ являлись многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскаго Величества. Также и нынѣ благополучно владѣющей Ея Императорскаго Величества и ихъ высокой фамиліи. А въ Преображенской канцеляріи съ розысковъ

¹⁾ См. II. С. З. VII, № 5004. Воспроизвожу однакоже этотъ указъ во всей точности не по полному Собранію Законовъ, а по тексту современнаго печатнаго сборника указовъ Екатерины I и Петра II.

показывали яко бы они тѣ непристойныя слова говорили собою съ проста, а иныя съ пьяна, за что онымъ по указомъ ихъ Величества чинена смертная казнь и политическая смерть, а прочимъ по милосердымъ Ихъ Величества указомъ чинено жъ наказанье и ссыланы въ каторжную работу. А потомъ и нынѣ такія жъ злодѣи, невзирая на оное Ихъ Величества милосердіе къ подданнымъ своимъ, забывъ страхъ Божій и присяжную свою должность, являются въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ. Того ради Ея Императорское Величество указала, ежели съ сего указу впредь кто бъ какого званія ни былъ, явится въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ про Его блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорское Величество, также и противъ Персоны Ея Императорскаго Величества и Ихъ Величества Высокой Фамиліи, а по извѣтомъ и по доказательству оныя въ томъ будутъ обличены, и хотя стануть показывать отговоркою, якобы они тѣ непристойныя и противныя слова говорили съ проста или съ пьяна, и таковымъ злодѣямъ за тѣ ихъ вины, не смотря на такія ихъ отговорки, учинена будетъ смертная казнь безъ пощады.

Сей указъ состоялся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, генваря 30 дня.

Печатанъ февраля 4 дня 1727 году.

є 9 князь
ієма и (те)
докончили єси
Славуша
Князь по ро
виць Пей
ѿ пупецк
и докончили
и да кня
Лодзи Гои

по князь и нозоро
Квездора города
ну Говес Пей
настожили кон
Адорники и
не урни. А по
єсо по истраді
Корблз неупил
Авемиле Вано
и нозоро
урили влома
и ли Гнак на
урили, а забур
Вои праче о
бвжз и псе
и псе вемлѿ
и мирз и псе
Сбимос Вемлѿ
торед упенје
Хрестеноје и

2. Городъ и каѳосъ а свѣдѣнъ п(вн)ъ
 Готти наперемати Лапора и на шк
 - пулѣ Загоре по свѣдѣнъ миру Городе
 орбитомъ вѣдѣнъ ни пѣннѣнъ.
 порушникъ и хоронъ ни хѣо Лихо
 Гнѣнъ или хѣа или ннѣнъ вѣдѣнъ
 б. а свѣдѣнъ и по дѣу у ноуе городномъ
 и свѣдѣнъ на хѣо бораномъ.
 роуцѣ нѣ прѣчили вѣдѣнъ кнѣзю
 а свѣдѣнъ и нѣ на поборѣнъ. а свѣдѣнъ
 вѣ мирѣ свѣдѣнъ или вѣдѣнъ
 ру нѣ порушилъ пѣнъ лому и прѣч
 и нѣнъ Гнѣнъ лунѣионѣнъ по:
 вѣнъ у городу миру и при городомъ
 вѣ по роути ноуе городномъ Лапора
 свѣдѣнъ а свѣдѣнъ вѣ кнѣзю пѣннѣнъ
 ноуе городе свѣдѣнъ кнѣзю и свѣдѣнъ
 с кнѣзю роути пѣннѣнъ у Запрѣннѣ
 и вѣ свѣдѣнъ дѣнъ. а свѣдѣнъ и нѣннѣнъ
 по дѣннѣ на лоуѣ дѣнъ и свѣдѣнъ дѣнъ

ЧЕШСКІЯ ГЛОССЫ

ВЪ

MATER VERBORUM.



РАЗВОРЪ

А. О. Патеры

И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМЪЧАНІЯ

И. И. Срезневскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXXI-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ
№ 4.

—
—
—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1878.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
Н. Глазунова, въ С. П. Б. Эггерса и Копп., въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б. Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цена 60 к.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, Іюнь 1878 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ЧЕШСКІЯ ГЛОССЫ ВЪ «MATER VERBORUM».

Рукопись XIII вѣка въ библіотекѣ чешскаго музея въ Прагѣ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Изъ числа латинскихъ словарей въ средніе вѣка былъ особенно распространенъ и считался однимъ изъ лучшихъ словарь, извѣстный въ рукописяхъ подъ именами «Mater verborum» и «Glossae Salomonis». Это обширное энциклопедическое произведение, въ которомъ по алфавитному порядку объясняются не только латинскія, но и греческія и еврейскія слова. Въ немъ же мы находимъ въ краткомъ, сжатомъ видѣ и объясненія предметовъ и понятій изъ всѣхъ областей тогдашнихъ наукъ. Этою ученою энциклопедіею всего тогдашняго научнаго матеріала пользовались въ средніе вѣка какъ пособіемъ при чтеніи латинскихъ писателей не только церковныхъ но и римскихъ классиковъ. Такъ какъ этотъ научный словарь въ рукописяхъ обыкновенно называется «Vocabularius Salomonis» или «Glossae a Salomone collectae», то многіе полагали, что онъ былъ написанъ Саломономъ III, констанцкимъ епископомъ и аббатомъ монастыря св. Галла въ Швейцаріи. Но познакомившись ближе съ его жизнею, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы онъ одинъ могъ написать такое громадное сочиненіе. Вотъ вкратцѣ главныя черты его біографіи:

Еще въ дѣтствѣ потерявъ своихъ родителей, которые принадлежали къ числу самыхъ богатыхъ аристократовъ сент-галскаго кантона, онъ отданъ былъ Саломономъ I, епископомъ констанцкимъ († 871) на воспитаніе въ монастырь св. Галла, гдѣ главнымъ его учителемъ былъ знаменитый ученый Изо. Въ 878 г. онъ взятъ былъ изъ этого монастыря, епископомъ констанцкимъ Саломономъ II, дядею своимъ (по матери), и чрезъ нѣсколько времени сдѣлался придворнымъ капелланомъ и канцлеромъ короля Людовика нѣмецкаго. Но въ послѣдствіи опять возвратился въ сент-галскій монастырь и въ 889 г. принялъ монашеское постриженіе, что не прекратило однако его хорошихъ отношеній къ королевскому двору, гдѣ его весьма цѣнили за его дарованія и способности, такъ что онъ вскорѣ снова приглашенъ былъ занять свои прежнія придворныя должности. Въ непродолжительномъ времени Бернардъ, тогдашній аббать монастыря св. Галла, за участіе въ попыткѣ къ возмущенію въ іюнѣ мѣсяцѣ 890 года былъ смѣщенъ и на его мѣсто назначенъ Саломонъ. Въ этомъ случаѣ ему помогъ особенно Гаттонъ, архіепископъ майнцкій, пользовавшійся при дворѣ особенною благосклонностью и уваженіемъ. Въ то же время умеръ Саломонъ II и на его мѣсто епископомъ констанцкимъ назначенъ Саломонъ III, аббать сент-галскій. Его дѣятельность какъ аббата и епископа была весьма обширна. Онъ предпринималъ частыя и далекія путешествія. Въ 904 г. былъ, между прочимъ, въ Римѣ, гдѣ папа принялъ его весьма благосклонно. Сент-галскій монастырь въ его время часто посѣщали знатныя особы и самъ король Конрадъ I изъ особеннаго расположенія къ Саломону однажды пріѣзжалъ въ монастырь, пробылъ здѣсь нѣсколько дней и богато одарилъ многими помѣстьями не только монастырь, но и самого Саломона за его придворную службу; Саломонъ же съ дозволенія короля уступилъ подаренныя ему помѣстья монастырю. Вообще главною заботою Саломона было увеличить монастырское имущество и доходы, что ему и удавалось какъ любимцу королевскаго двора: монастырь прибрѣталъ все болѣе имѣній по различнымъ завѣщаніямъ.

Школа и монастырская библіотека, которыя начали процвѣтать уже при аббатѣ Гримольдѣ (въ 841 — 872 гг.) поставлены были Саломономъ еще въ лучшія условія: весьма образованный и проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ и искусству Саломонъ всѣми мѣрами старался и въ этомъ отношеніи увеличить славу сент-гальскаго монастыря, въ которомъ въ его время научная жизнь была весьма оживлена. Мы думаемъ, что именно усиленнымъ трудамъ и обширной учености тогдашнихъ сент-гальскихъ монаховъ мы обязаны той энциклопедіей, которая, будучи приведена къ окончанію вѣроятно въ концѣ IX столѣтія благодаря неуспыннымъ поощреніямъ со стороны Саломона и ему посвященная, доселѣ извѣстна подъ именемъ «Glossae Salomonis». Въ справедливости этого предположенія убѣждаютъ насъ и нѣкоторыя рукописи: Эйзидельская рукопись начинается такъ: «Incipiunt glossae jussu Salomonis Constantiensis episcopi de diversis auctorabilibus libris defloratae et in unum volumen dilucide studioseque digestae feliciter»; Оксенгаузская слѣдующимъ образомъ: «Incipiunt glossae jussu Salomonis Constantiensis episcopi de diversis libris in unum volumen sub brevitate collectae». Въ числѣ ученыхъ сент-гальскихъ монаховъ, потрудившихся надъ этимъ произведеніемъ, упоминаются: учитель Саломона Изо († 871), который вѣроятно и положилъ оному начало, потомъ Ратпергъ († 897), Ноткеръ Бальбулусъ († 912) и Тутило († 912), которые по всей вѣроятности окончили его. Относительно же самаго Саломона, достовѣрно извѣстно только то, что онъ написалъ два большія стихотворенія, посланные имъ вердэнскому епископу Дадо и по содержанію и по формѣ справедливо считающіяся одними изъ лучшихъ того времени. Прослуживъ монастырю 30 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ Саломонъ умеръ 5 января 920 г.

Оригиналъ Саломонова словаря монахи безъ сомнѣнія вскорѣ начали переписывать и по немногу приписали въ него между строками то, что имъ представлялось достопримѣчательнымъ и что прежде не было въ немъ помѣщено. Многія выраженія иногда объясняли выносками (словами) на вѣмецкомъ языкѣ. При даль-

нѣйшей перепискѣ все то, что было написано на поляхъ и между строками, переписчики включили въ самый текстъ и иногда безъ всякаго порядка и обсуждения, такъ что это ученое и въ первоначальномъ своемъ видѣ строго опредѣленное произведение сдѣлалось какою-то смѣсью, гдѣ нѣтъ не только строгаго азбучнаго порядка, но иногда и самыя слова страдаютъ совершеннымъ отсутствіемъ орфографіи. Доселѣ извѣстно 16 рукописей, изъ которыхъ большинство съ нѣмецкими глоссами, а именно:

- 1) Самая старшая извѣстная намъ рукопись X вѣка находится въ библиотекѣ сент-гальскаго монастыря. Въ ней еще нѣтъ нѣмецкихъ глоссъ.
- 2) Бонгарсіанская рукопись X вѣка въ f^o 159 л., не полная, только съ А до Е.
- 3) Парижская рукопись въ двухъ частяхъ, въ библиотекѣ св. Германа. См. Dufresne, Glossarium, Praef. § XLII.
- 4) Констанцкая рукопись. См. Bibliotheca Gesnero-Frisio-Simleriniana (Tiguri 1564) pag 741.
- 5) Вейнгартенская рукопись XI вѣка въ двухъ частяхъ. См. Zapf, Reisen in einigen Klöster Schwabens etc. (1786) стр. 15.
- 6) Оксенгаузская рукопись XII вѣка въ 4^o.
- 7) Рукопись приуфлинскаго монастыря близъ Регенсбурга, теперь въ Мюнхенѣ, 1158 года.
- 8) Виндбергская рукопись, теперь въ Мюнхенѣ, XII вѣка.
- 9) Мюнхенская рукопись 1175 года, которая находилась прежде въ Аугсбургѣ.
- 10) Мюнхенскій отрывокъ in folio XII вѣка.
- 11) Рукопись изъ Малаго Шейрена, 1241 г., теперь въ Мюнхенѣ.
- 12) Рукопись подъ № 222 въ Эйвизделнѣ, XII или XIII ст., не полная, оканчивается буквою N.
- 13) Зветленская рукопись, съ которой отпечатаны нѣмецкія глоссы въ «Gerbert, Iter alemannicum». Приложение стр. 109—135.
- 14) Рукопись музея королевства чешскаго въ Прагѣ, XIII ст.

- 15) Вѣнская рукопись подъ № 2276, XIV или XV ст. Нѣмецкихъ глоссъ въ ней очень мало. См. Hoffman, Wiener Handschriften pag. 372.
- 16) Ватиканская рукопись извѣстна по «Dufresne, Glossarium. Praef. § XLII.

Глоссы Саломона напечатаны были въ Аугсбургѣ въ типографіи монастыря св. Ульриха и Афры въ 1472—1474 гг. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Salomonis ecclesiae Constantiensis episcopi glossae ex illustrissimis collectae auctoribus». Мѣсто и годъ изданія не обозначены. Напечатаны на 287 листахъ, на каждой страницѣ два столбца по 55 строкъ, безъ кустодъ и обозначенія числа листовъ. Одинъ экземпляръ печатныхъ глоссъ находится въ пражской университетской библиотекѣ подъ сигнатурой XLIV. В. 30.

Очевидно, что въ средніе вѣка ученые постоянно пользовались этими глоссами какъ пособіемъ при чтеніи и пониманіи латинскихъ языческихъ и христіанскихъ писателей и что онѣ были въ большомъ ходу даже до XVI столѣтія *).

*) Подробнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ словарѣ и его нѣмецкихъ глоссахъ равно какъ и о Саломонѣ можно найти помимо руководства къ нѣмецкой литературѣ, еще въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

- 1) Dufresne, Glossarium mediae et infimae latinitatis T. I, pag. XLI et XLII.
- 2) von Arx Ildefons, Geschichten des Kantons St. Gallen. Bd. I (1810) pag. 88—126.
- 3) Hoffmann A. H., Althochdeutsche Glossen. Erste Sammlung (1826) pag. XX—XXVI.
- 4) Graff, Diutiska. Denkmäler deutscher Sprache und Literatur etc. Bd. III (1829) pag. 411 — 421.
- 5) Graff, Althochdeutscher Sprachschatz. 6 Thele (Berlin 1834—1842). Къ этому принадлежитъ: Massmann, Vollständiger alph. Index zu dem althochd. Sprachschatze. Berlin 1846. Въ I томѣ (1834) въ предисловіи стр. LXII говорится о рукописяхъ глоссъ Саломоновыхъ.
- 6) Stälin, Württembergische Geschichte Theil I (1841) pag. 610—615.
- 7) Ranmer, Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache (1845) pag. 128 — 130.
- 8) Weidmann, Geschichte der Bibliothek von St. Gallen seit ihrer Gründung um d. Jahr 880 bis auf 1841 (1846) p. 14—15.
- 9) Dümmler, St. Gallische Denkmäler aus der Karolingischen Zeit (1859) pag. 229—247, 261—255.
- 10) Ersch und Gruber, Allgemeine Encyklopaedie, Erste Section. Theil 70 (1860) pag. 215 — 216.

Рукопись «*Mater verborum*» или Глоссъ Саломоновыхъ въ Музеѣ королевства чешскаго — толстый и большой фолиантъ. Переплетъ старый: толстыя дубовыя доски обтянуты бѣлой кожей, въ срединѣ сшитой. Оковка на доскахъ осталась, только застежки оторваны. На передней доскѣ двѣ старыя сигнатуры прежнихъ библиотекъ, въ которыхъ рукопись находилась, а именно «X. VI» (написано красными чернилами) и М. XX» (черными). Бумага прикрывавшая внутреннія стороны досокъ, содрана, но, какъ можно еще видѣть на передней доскѣ, это были листы изъ какой нибудь латинской рукописи. На чистой первой страницѣ перваго листа написано: «*Ex bibliotheca arcis Brzeznicensis*». Во всю другую страницу этого же листа извѣстная миньютюра (рисунокъ) буквы *A*, описаніе которой, равно какъ и остальныхъ миньютюръ, достаточно извѣстно и оцѣнено гг. проф. И. И. Срезневскимъ, Воцелемъ, Буслаевымъ, Баумомъ и др.

Вышина пергамена 49 см. 7 мм., ширина 34 см.; вышина столбца 38 см. 1 мм., ширина столбца 7 см. 2 мм., а вышина строчки 5 мм. На большихъ поляхъ листы проткнуты циркулемъ, — для правильнаго направленія линій, которыя слегка проведены чернилами, и именно верхнія три, среднія три и нижнія три всегда съ одного раза во всю ширину страницы, остальные обведены вертикальными линіями, которыя по краямъ столбцевъ ведены во всю вышину страницы съ верху до низу.

Рукопись начинается такъ: *ABBA. NŌN̄. EST. ET. SIGNIFICAT. IN. LATINVM. PATER. Ab alto celo. uel mari. id est profundo.* Слово *ABBA* находится еще на первомъ листѣ въ нижней части миньютюры. На каждой сторонѣ рукописи три столбца по 51 строчкѣ. Оканчивается рукопись на 242 л. 1 стр. 1 столб. 27 строч. и именно такъ: *Tibia. uel crura. uel sura. Amen. Explicit liber Mater verborum. Christus scriptorem saluet per matris amore.* Тетради пергамена (всѣхъ ихъ 31; каждая изъ нихъ означена часто на первой и всегда на послѣдней страницѣ цифрой) состоятъ изъ 8 листовъ, только послѣдняя изъ 6-ти, и

въ 18-й и 20-й тетради недостаетъ (вырвано) по два листа и именно 137, 143 и 155, 161 л. Первоначально слѣдовательно было 246 л., тогда какъ теперь мы имѣемъ только 242 л. Если сравнить нашу рукопись съ печатною университетскою инкунабулою (XLIV. В. 30), то станетъ ясно, что листы эти были вырваны уже по написаніи рукописи, гдѣ мы и находимъ пробѣлъ.

Пергамень прекрасно выдѣланъ, хотя довольно толстъ, и во многихъ мѣстахъ дырявый и нѣсколько разъ былъ спшиваемъ то желтымъ, то другого цвѣта шелкомъ. Верхній край пергамена въ задней части рукописи много потерпѣлъ отъ сырости, особенно послѣдніе пять листовъ, изъ которыхъ крайніе два такъ были размочены, что верхняя часть ихъ значительно распалась. Слова, которыхъ теперь уже нельзя прочесть или которыя уничтожены и съ пергаменомъ, вписаны на верхнемъ или на нижнемъ краѣ листа мелкимъ письмомъ въ первой половинѣ XV вѣка; по этому рукопись по всей вѣроятности потерпѣла отъ сырости уже въ XIV вѣкѣ.

Рукопись состоитъ собственно изъ двухъ словарей съ полною латинскою азбукой (А — Z) и изъ начала третьяго. Первый изъ нихъ — это собственно Саломоновъ словарь: онъ начинается на 2-й стр. 1-го л., и оканчивается на 2-й стр. 193 листа 1-мъ столбцомъ, хотя по своимъ позднѣйшимъ прибавленіямъ уже разнится отъ подлинной или древнѣйшей сент-гальской рукописи. Другой словарь — короче перваго и позднѣйшаго происхожденія, — находится въ нашей рукописи на 193 л. 2 стр. 1 столб. — 241 л. 2 стр. 3 столб. Онъ присоединенъ былъ какъ прибавленіе къ первому словарю въ позднѣйшее время и не состоитъ съ нимъ въ связи, ибо не только часто повторяетъ то, что было уже въ первомъ, но иногда и противорѣчить тому, чему училъ первый словарь. Что касается научной стороны, то онъ во многомъ уступаетъ первому. Третій словарикъ, — весьма незначительный, содержащій въ себѣ только имена, относящіяся къ душѣ и частямъ тѣла, — находится на 241 л. 2 стр. 3 столб. — 242 л. 1 стр. 1 столб. 27 строч. (слѣдовательно занимаетъ только 34 строчки) Каждая начальная

буква прекрасно разрисована и при многихъ заглавныхъ буквахъ помѣщены миниатюрные рисунки, по времени изящныя. Почеркъ четкій и очень красивый; очевидно рукопись писана рукою опытною, безъ сомнѣнія монахомъ, или нѣсколькими монахами, назначившимися въ монастыряхъ собственно для переписки рукописей. Такъ какъ для этого употреблялись обыкновенно монахи менѣе даровитые, то по этому въ ихъ копіяхъ мы часто находимъ много ошибокъ: очевидно, что они многихъ словъ хорошо не понимали; — и это бросается въ глаза во многихъ мѣстахъ и въ нашей рукописи. Рукопись Саломонова словаря съ нѣмецкими глоссами попала въ Чехію по всей вѣроятности въ XII стол. изъ сосѣдней нѣмецкой земли (можетъ быть изъ Баваріи) и здѣсь въ Чехіи въ какомъ либо изъ монастырей чешскіе монахи снабдили ее и чешскими глоссами, которыя позднѣе, хотя и въ скромномъ числѣ, вошли въ самый текстъ, какъ это и прежде уже случалось и какъ тогда же вѣроятно, поступлено было съ нѣмецкими глоссами, которыхъ въ текстѣ довольно много. Что касается времени написанія, то наша рукопись написана была не раньше XIII ст. ибо годъ, выставленный съ именами переписчика и живописца на 230 л. 1 стр. (или по новому счету на стр. 457) въ начальной буквѣ П (P) по зрѣломъ обсужденіи и тщательномъ сравненіи мы считаемъ за новѣйшую поддѣлку. Если на листѣ 70 стр. 1 въ буквѣ Н по сторонамъ миньютюры помѣщенныя имена «Lucas(?)» и «Detricus prior» *), которые должны означать имена лицъ изображенныхъ въ миньютюрѣ стоящими на колѣняхъ, писаны рубрикатономъ рукописи, въ такомъ случаѣ намъ можно по крайней мѣрѣ догадываться о времени и мѣстѣ написанія.

Вскорѣ по написаніи нашей рукописи монахъ, который исправлялъ ошибки и вписывалъ, что выпущено было изъ латинскаго текста, началъ — и при томъ между строками — вписывать также и чешскія и нѣмецкія глоссы. Не долго за тѣмъ другой чи-

*) Въ «Erben, Regesta. Pars I, стр. 356 и 460 находится слѣдующее: *Dytricus, prior Praedicatorum Olomuc.*» (1230 и 1240 гг.).

татель вписывалъ при чтеніи нашей рукописи чешскія и нѣмецкія значенія четкимъ мелкимъ письмомъ. Наконецъ находимъ здѣсь глоссы между строками, которыя вписаны были уже въ новѣйшее время и именно въ нашемъ столѣтіи, а также и нѣкоторые глоссы въ самомъ текстѣ, которыя при помощи разныхъ поправокъ и подчистокъ поддѣланы по большей части изъ латинскихъ словъ. Доказательства представимъ въ критическомъ разборѣ чешскихъ глоссъ.

Въ какомъ именно чешскомъ монастырѣ наша рукопись находилась, прежде чѣмъ попала въ брезницкую библиотеку, положительно ничего нельзя сказать. Графъ Іосифъ Коловратъ-Краковскій подарилъ Музею, вскорѣ по его основаніи, вмѣстѣ со многими другими рукописями и инкунабулами и эту драгоценную рукопись.

Прежде всѣхъ писалъ о ней вообще и о ея чешскихъ глоссахъ В. Ганка и именно въ «Časopise společnosti vlastenského Museum v Čechách» (годъ I [1827], кн. 4, стр. 69 и 71). На стр. 69 онъ говоритъ слѣдующее: «Dne 14 července b. r. přišel do museum p. D. E. G. Graff, rada při řízení a professor z Královce, s poručením od kustoda vídeňské dvorské bibliotéky p. Kopitara, bych mu o nejstarších pražských rukopisech známostí dal, a k takovým přístup spůsobil, poněvadž se glossářem nejstarší němčiny zanáší. Slibiv, pokudž mi možná, naplniti žádost jeho dovedením jej do kapitulní, strahovské a klementínské bibliotéky, předložil jsem mu Mater verborum mimo dva rukopisné slovare Uguicii Pisani bibliotéky naší, neboť jsem v první hned při zapisování v katalog některá staroněmecká slova byl nalezl». И далѣе на стр. 70 пишетъ: «Pan prof. Graff vytáhna papíry své požádal mne, abych s ním některá slova srovnal, a srovnavše něbolik — přišli jsme na české — jak mne to obradovalo, a s jakou dychtivostí jsem dále hledal, vysloviti možná není». Вслѣдъ за статьей Ганки въ той же книжкѣ «Časopisa» стр. 71—76 пишетъ о важности этихъ глоссъ тогдашній его редакторъ Ф. Палацкій и представляетъ краткую выписку, начиная латинскими въ алфавитномъ

порядкѣ. Проф. же Граффъ такъ пишетъ объ этомъ открытіи (Diutiska III, стр. 413 и 414): «Ich erkannte ihn sogleich für das Salomonische Glossar und fand darin nicht nur deutsche, sondern auch böhmische Glossen, theils im Context, theils übergeschrieben. . . . Diese schon ihres Alters wegen interessanten slavischen Glossen sind noch besonders durch ihre Uebersetzung der römischen Götternamen für die Geschichte des slavischen Götzendienstes merkwürdig. — Herr Hanka, Direktor des Museums, oder Hr. Dobrovský, den Hr. Hanka mit der Nachricht von diesem Funde sogleich erfreute, wird diese Glossen herausgeben». Далѣе тамъ же (Diutiska III, стр. 416—421), Граффъ печатаетъ нѣмецкія глоссы десяти ему извѣстныхъ рукописей, между прочимъ и музейной рукописи, глоссы, которыя потомъ опять были перепечатаны въ его «Althochdeutscher Sprachschatz» (1834—1842, 6 томовъ).

Ганка издалъ чешскія глоссы «Mater verborum» въ 1833 г. въ своей «Zbírce nejdávnejších slovniků latinsko-českých» въ алфавитномъ порядкѣ, поставивъ напередъ латинскія слова, а возлѣ чешскія значенія оныхъ, на стр. 1—24. Во введеніи (стр. V—IX) сообщены краткія свѣдѣнія о самой рукописи. I. Юнгманъ помѣстилъ почти всѣ эти глоссы въ своемъ чешско-нѣмецкомъ словарѣ (5 томовъ, 1835—1839).

Прежде всѣхъ высказался противъ подлинности чешскихъ глоссъ, находящихся въ «Mater verborum», В. Копитаръ (Cosmas Luden) и именно въ Герсдорфовомъ «Repertorium der gesammten deutschen Literatur Band XIV (1837)» стр. 183 въ своей рецензіи на сочиненія «Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae studio et opera A. Voczek T. I (1836)» и «Geschichte von Böhmen von Fr. Palacký Bd. I (1836)». Эти свои сомнѣнія Копитаръ потомъ повторилъ еще въ своемъ сочиненіи «Hesychii Glosso-graphi discipulus» (1840) стр. 58, но ни тамъ ни здѣсь не представилъ доказательствъ и причинъ этихъ сомнѣній.

Научное изданіе глоссъ «Mater verborum» явилось только въ 1840 г. въ сочиненіи «Die ältesten Denkmäler der böhmi-

schen Sprache kritisch beleuchtet von Paul Joseph Šafařík und Franz Palacký» (Abhandlungen der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften V. Folge. Band I), а именно на стр. 203—233. Между тѣмъ какъ до сихъ поръ Ганка, Палацкій и Граффъ относили нашу рукопись къ 1102 г., въ этомъ сочиненіи издателя относятся ее уже къ 1202 г., такъ какъ въ первый разъ обращалось вниманіе на знакъ сокращенія надъ G въ лѣтосчисленіи (въ буквѣ P, листъ 230 стр. 1).

Въ томъ же 1840 г. краткія извѣстія о «Mater verborum» напечаталъ проф. Прейсъ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія т. XXIX, отд. IV, стр. 49). На основаніи «Aelteste Denkmäler» и чтеній проф. И. И. Срезневскаго издалъ въ 1853 г. въ С.-Петербургѣ Константинъ Скворцевъ «Глоссы Mater verborum, памятникъ чешской литературы XIII столѣтія, съ объясненіями и примѣчаніями (in 8^o стр. 135. 2) На стр. 1—30 находится литературное и филологическое введеніе, а на 31—135 стр. разбираются въ алфавитномъ порядкѣ (церковно-славянскомъ) самыя глоссы съ ихъ латинскими значеніями и по возможности съ филологическими объясненіями по словарю Юнгмана. Вообще трудъ этотъ составленъ съ большею тщательностію. Въ 1859 г. въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества» томъ I, столб. 1—6, напечатана была статья о нашей рукописи и ея первой заглавной буквѣ знаменитаго слависта и археолога проф. И. И. Срезневскаго. Статья написана съ большимъ знаніемъ дѣла.

Краткое свѣдѣніе «über zwei böhmische Interlinear-Glossen der Mater verborum (Sitzungsberichte I. K. böhm. Gesell. der Wiss. 1861. II pag. 78 Dec.) сообщилъ г. Вртятко. Въ тѣхъ же «Sitzungsberichte» 1895. I, стр. 48—56 (6 Februar) I. J. Ганушъ писалъ о чешскихъ глоссахъ, находящихся въ текстѣ, и о времени ихъ написанія, и старался доказать, что наша рукопись была написана въ началѣ XIV вѣка. Эту статью онъ потомъ дополнилъ и напечаталъ въ журналѣ «Кюк», годъ II (1867), стр. 46—51, 105—109. Краткую статью о «Mater verborum» написалъ

также и г. В. Небескій въ Научномъ словарѣ (Slovník naučný), томъ V (1866), стр. 161—162. (См. также Юнгмана Исторію чешской литературы, 2-е изданіе (1849), стр. 17 № 11, Гануша «Dodatky», I (1869), стр. 3 № 11, равно и труды Сабинны и Шемберы по исторіи чешской литературы и др.).

О миньятюрахъ въ «Mater verborum» писалъ I. Э. Воцель въ своихъ «Gründzüge der böhmischen Alterthumskunde» (1845), стр. 131 и 132, но только вкратцѣ, откуда большею частію заимствовались потомъ свѣдѣнія въ различныя статьи и руководства къ исторіи искусства вообще. Краткія свѣдѣнія о тѣхъ же миньятюрахъ сообщаетъ тоже А. Н. Поповъ въ своей статьѣ «О древней чешской живописи». О миньятюрахъ въ нашей рукописи писалъ I. Ф. Ваагенъ въ «Deutsches Kunstblatt». Red. von Eggers. 1850. № 17 (29 Apr.). Подробнѣе писалъ о миньятюрахъ «Mater verborum» I. Э. Воцель въ «Archäologische Blätter» I (1848) и потомъ въ статьѣ «Vyvinování křesťanského umění a nejstarší památky jeho, zvláště v Čechách (Časopis českého musea 1852 sv. 2, str. 24—31), въ «Památkách archaeologických a místopisných» (томъ I [1854], стр. 186—188) и въ «Mittheilungen der K. K. Centralcommission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale». Jahrg. V (1860) № 2, стр. 33—39. Изъ русскихъ о живописи въ «Mater verborum» кромѣ И. И. Срезневскаго, писалъ еще проф. Буслаевъ, въ Москвѣ, въ своей статьѣ «Замѣтки изъ исторіи чешской живописи (Русскій Вѣстникъ, т. XLIX, стр. 557—560)». Въ послѣднее время о миньятюрахъ въ «Mater verborum» писалъ г. А. Баумъ (Časopis musea 1877 sv. I, str. 130—149).

II.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЧЕШСКИХЪ ГЛОССЪ.

А. Глоссы древнія.

Какъ уже было мною замѣчено въ литературномъ введеніи, въ рукописи М. V. чешскаго музея, мы встрѣчаемъ три вида древнихъ чешскихъ глоссъ, а именно:

1) Глоссы, находящіяся въ самомъ текстѣ (въ строкѣ) и писанныя большою минускулой, суть одного и того же красиваго почерка чтó и самый текстъ. Таковыхъ глоссъ весьма мало, число ихъ доходитъ лишь до 12-ти; вотъ онѣ: brěza, káně (128^a)*, klětce, lútka, okrin, síto, skrivanec, slad (36^b), sviňař, ščemel, vlchvec (255^b) и vzhod. Остальныя глоссы въ текстѣ поддѣланы и объ нихъ мы поговоримъ послѣ.

2) Глоссы, находящіяся между строкъ, приписаны другимъ писцомъ, по всей вѣроятности монахомъ, который, исправляя ошибки, въ тоже время прибавлялъ то, что было опущено. Эти глоссы писаны толстымъ и не столь красивымъ почеркомъ, какъ выше упомянутыя. Ихъ всего 42, а именно: blien (161^a), boch, brdo, cievka, člunek (458^b), diěžka (448^c), dre, drn, hloh, hnoj, hrách, klas, klí, lana, lov, lúč (273^c), luk, lýtky, meze (53^a), mól, myto, najat, niř, obojek, ocel (39^a), oř, pánev (471^b), perie, plch, přésada (458^a), rys (178^c), skorně, slad (262^b), smola, stan, strava, stúpa, ščetiny (315^b), šídlo, tále, talov, tdl.

3) Остальныя древнія глоссы, составляющія громадное большинство (285), писаны мелкимъ, красивымъ почеркомъ, свидѣтельствующимъ о навыкѣ писца, также вскорѣ послѣ написанія рукописи, ибо походятъ почеркомъ на латинскія приписки на поляхъ рукописи, приписки, которыя были сдѣланы писцомъ для

*) Цифра обозначаетъ страницу, а буквы a, b, c—столбецъ. Страницу мы обозначаемъ лишь при тѣхъ глоссахъ, которыя встрѣчаются въ рукописи нѣсколько разъ.

рубрикатора съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ онъ, разрисовавъ инициалки, вписалъ ихъ различными красками. Писецъ этотъ зналъ тоже хорошо по нѣмецки, потому что большая часть нѣмецкихъ, междустрочныхъ глоссъ, писана тѣмъ же самымъ почеркомъ.

Правопись глоссъ древнихъ представляетъ намъ уже переходную степень отъ перваго періода, когда однородные звуки передавались одинаковыми, простыми буквами, ко второму періоду, періоду совокупленія двухъ или нѣсколькихъ знаковъ для передачи звуковъ чешскаго языка. Но такъ какъ нѣкоторые звуки во всѣхъ древнихъ глоссахъ пишутся одинаково, то намъ не нужно просматривать всѣхъ звуковъ и слѣдить за ихъ правописью, а потому мы представимъ только способъ написанія тѣхъ звуковъ, которые въ глоссахъ, точно такъ же, какъ и въ другихъ древнихъ чешскихъ рукописяхъ, не пишутся одинаково—и, чтобы облегчить ихъ обзорѣніе, приводимъ ихъ въ азбучномъ порядкѣ:

1. **с** (: ц) пишется:

а) только черезъ *с*: *bradavice, sevv, sevka, cistec, hirdlice, iatrvnenici, gilce, clenice, cletce, kremenice, kirtice, kilavec* (2) *), *kreplice, kurencom, lisice, macobice, nehetcı* (3), *nunvice, ocel* (2), *pleci, police, poludnice, prezlice* (3), *suerepice, suinice, tirlice, wlastovice, vlichvec, vratce, zrcadlo, sitnice*.

б) *sz*: *skriuanecz*.

в) *ss*: *mrauenec, squarec, wilchuec, zaiecc* (2).

2. **č** (: ч) означается:

а) простымъ *с*: *cechel* (2), *cerezla, cesrano, cesrati, cistec, clunek, clunec, cirtadlo, katirce, mzdicka, namezecnik, paucini* (2), *svircek* (2).

б) *ch*: *chubr*.

в) *cs*: *klokocs*.

г) *cst*: *colacst*.

*) Цифра обозначаетъ, сколько разъ встрѣчается глосса, писанная такимъ правописаніемъ.

- д) *cc*: lucc (2), ozladicc, tlucc.
- е) *s*: slunek.
3. **ѣ, ie** пишется всегда простымъ *e* только разъ *ie*: sanie.
4. **ch** (: *x*) пишется всегда черезъ *ch*, только два раза черезъ *h*: hrah, pilh.
5. **ј** отдѣльно и въ дифтонгѣ *ia, ie, iu* пишется:
- а) простымъ *i*: iatrvenicí, iuh, naiat, oboiek, steseie (2), zaiecc.
- б) только разъ въ концѣ слова черезъ *j*: clij.
- в) *y*: hnoy, ýavor, yezero, yèss, oye, podvoý.
- г) *g*: gill, gilce, giszskra.
6. **к** пишется:
- а) простымъ *c*: sanie, clenice, clesce, clij, klubco (2), cobila, colacst, сомаар, соре, cozz, cosa, crabosca, krocvi, cruchta, suchine, kucol, macobice, postolca, prica, scorne, wrabicowe.
- б) черезъ *k*: banki, blizkota, cevka, clunek, slunek, deska (2), hrebatko, hrebik, giszskra, kadidlo, kalisce, kamen, kane, kassel, katirce, kauka, kdule, kemin, klazz, kli, klo-kocs, klubco (2), kokotowi, koll, korab, krada, kremen, kremenice, krepelice, krocvi, kirtice, kirzno, kucol, kurencom, kuzz, kilavec (2), lelek, luk, lutka (2), litki, matki (2), motika, mirkev, mzdicka, namezecnik, oboiek, obrok, okrin, opazek, ozika, paulaka, postelka, rak, ribnik, sennik, skob, skriuanecz, zlavik, zmirk, ztraka, zukno, zumrak, svinak, svircek (2), taska, tlaki, triak, treslka, trpaslek, trozka, vborek, vtek, vetrnik, zaklad, zapadka, sseratek, slutek; а разъ *kk*: bukk.
- в) *q*: quazz, quasu, squarecc.
- г) *ch*: puscha, vborech.
- д) *kc*: kclada.
- е) *ck*: clunec.
- 7) Въмѣсто новочешскаго самогласнаго **l** (: *л*) находимъ:
- а) *il* и *li*: pilh, wilchuecc, blizkota, vlichvec.

- б) *l*: puscedlne, treslka.
 в) *el* и *le*: plet и т. д.
8. Въмѣсто новочешскаго самогласнаго **г** (: р) находимъ:
 а) *ir*: birdo, cirtadlo, dirn, dirne, hirdlice, chirt, katirce, kirtice, kirzno, mirkev, zmirk, zwirbi, swircek (2), tirlice, wirse.
 б) *r*: chubr, iatrvenci, trpaslek, vetrnik, zrcadlo.
9. **ř** (: р^в) означается всегда простымъ *r* или *rr*.
10. **s** (: с) пишется:
 а) черезъ *s*: kosa, lisice, necesta, porusne, postaua, postele, postelka, postolca, pstruh, sabe, sennik, scorne, skriuaneecz, squarecc, stan, stblo, steseie (2), stupa, suerepice, svest, svinak, svinar, suinice, svircek (2), trest, treslka, trpaslek.
 б) черезъ *sz*: blizkota, ceresla, letoz, lichoplezi, opazek, ozladicc, ozika, poztaua (2), prezada (3), prezlice (3), prozo, prozpi, ritezne, rozochi, rriz, riz, zani, zaze, zlad (2), zlavik, zleme, zlez (2), zlezena, zmola, zmirk, zochor, zozna, ztraka, ztraua, ztruhar, zukno, zumrak, zwezt, zvrab, zwirbi, trezt, trozka, vvezlo (2), wlaztovice, zemzki.
 в) *sz*: szito.
 г) *szs*: giszskra.
 д) *sz*: klazz, cozz, kuzz, quazz, ruzzi, zzled, zzochor.
11. **š** (: ш) означается:
 а) простымъ *s*: cesrano, cesrati, crabosca, quasu, letose, lista, olse (2), puscha, sidlo, tasca, wirse.
 б) *ss*: kassel, prassi, ropussi (2), wess, vssati.
12. **šč** (: щ) пишется *sc*: chmelisce, kalisce, puscedlne, scetini (2), scemel.
13. **ш** (: у) пишется обыкновенно черезъ *u*, только въ началѣ слѣдующихъ словъ *v*: vborech, vborek, vhli, vhone, vtek, vssati.
14. **v** (: в) пишется:
 а) *u*: hriua, jauor, kauka, quazz, quasu, kilauec, mrauenec,

neusta, paneu, paulaka, plauat, postaua, poztaua, (2), rozhneuane, skriuanecz, squorecc, ztraua, suerepice, suinice, wilchuecc, zeuati.

б) *v*: cevka, dratva, hlavne, iatrvenci, kilavec, mirkev, nevod, nunvice, panev (2), podvoý, zlavik, svest, svinak, svinar, zvrab, svircek (2), talov, tvoridlo, vapenni, vapno, vetrnik, wlaztovice, vlichvec, vole, vratce, serav.

в) *uv*, *w*: cevv, kokotowi, krocwi, lovv, zwezt, zwirbi, vvezlo, wezlo, wess, wlaztovice, wilchuecc, wozhri, wrabicowe, wradittlo, wreteno, wirse, wrub, wirr, wiza, wzchod.

16. **у** (: **ы**) означается всегда простымъ *i*.

16. **z** (: **з**) пишется всегда черезъ *z*.

17. **ž** (: **ж**) пишется:

а) простымъ *s*: basant, deska (2), steseie (2), sahadlo, selud, serav, serucha, sitnice, slazi, slutek.

б) *ss*: ýess, rossen (2), sserutek, sseracha.

18. **žd** (: **жд**²) означается *sc*: hlemmisc.

Древній **z** передается обыкновенно черезъ *e*, исключая слово *stblo*, написанное безъ гласнаго звука.

Смягченіе вообще, исключая «*sanie*», не обозначается, на пр *labut*, *nit* и т. д. и т. д.

Удвоеніе гласныхъ, для выраженія долготы ихъ, встрѣчается лишь одинъ разъ въ словѣ: *sohaag*.

Удвоеніе же согласныхъ встрѣчается чаще: *berr*, *bukk*, *dlann* (2), *hlemmisc*, *gill*, *koll*, *llabut*, *lanna*, *latti* (2), *lepp* (2), *nohh* (2), *orr*, *perre*, *rrepa*, *rriz*, *sennik*, *talle*, *topoll*, *tull*, *till*, *varenni*, *wradittlo*, *wirr* (*uv* смотри выше).

Различное правописаніе одного и того же слова встрѣчаемъ въ слѣдующихъ словахъ: *clunek*, *slunek* и *clunec*, *kilavec* и *ki-lauec*, *labut* и *llabut*, *panev* и *paneu*, *postaua* и *poztaua*, *rriz* и *riz*, *zochor* и *zochor*, *svest* и *zwezt*, *topol* и *topoll*, *trest* и *trezt*, *serucha* и *sserucha*.

Описки встрѣчаемъ только въ словахъ: ztrahaг вм. ztruhaг и wraditllo вм. wratidllo.

Сокращенія употребляются **лишь въ двухъ видахъ**:

\bar{p} = pre : p̄zada (2), p̄zlice.

\bar{p} = pro : p̄zo, p̄zri.

Въ *грамматическомъ* отношеніи имѣютъ для насъ интересъ слѣдующія слова: čerěsla, češrati, makovice, rougaz, vtabíkové, grosri kurencom и н. д. Перегласованіе проведено въ глоссахъ почти повсемѣстно, напр.: bradavice, hrdlice, klenice, kreme-nice и т. д.

Перейдемъ къ перебору самыхъ глоссъ *).

Б.

baňky pušce dlné (banki puscedlne), guua, que a latinis a similitudine cucurbita a suspirio uentosa vocatur. 137^b 46.

Jung: baňky lazební neb lazebnické, kterýmiž se krev (zvláště v lázni) pouští, puštadla, Schröpfung. Рожки.

bažant (basant), fasianus. 112^b 9. Фазанъ.

bér (Berr), panicium, fenich. 238^b 30. Jung.: bér setaria (panicum Linn). Feuchgras. Miklosich: възр. m. milii genus.

Боръ, черное птичье просо.

blien (blen), ioscianus vel iusquiamus a grecis dicta, a latinis herba calicularis. 161^a 21. (blen) iusquiamum, bilse 441^b

24. Blin. Блѣна.

*) Въ скобкахъ правописаніе подлинника, гдѣ і всегда безъ точки, только семь разъ съ черточкою на верху(i). При глоссахъ означаетъ первая цифра страницу рукописи, а, b, c, столбцы, а цифра на третьемъ мѣстѣ—строку столбца. Сокращенія, употребляемые мною при объясненіяхъ глоссъ: Jung. = Jungmannův Slovník. — Miklosich = Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vind. 1862—1865. — Hanka Zb. = Hanka, Zbirka nejdávnějších slovníků latinsko-českých. V Pr. 1833. — Dalimil = Dalimilova chronika (1874). — Výchor = Výchor z literatury české, díl I (1845). — Rosbor = Rosbor staročeské literatury 2 č. (V Pr. 1842—1845). — Даль = Даль, Толковый словарь. 4 части (Москва, 1863—1866).

- bliskota, blskota (blizkota), fulgetra, lux, que apparet ante tonitrum.** 123^b 29. Блискáвка, блескавица.
- boch (boch), penna, quod rustici fiosa appellant.** 250^b 5. Hanka Zb. стр. 34, 43 (Bohemarius 260, 499), 89 (Rozkochaný 532), 143 (Welessini lexicon), 169 (Nomenclator), 184 (Vocabula). Окорокъ.
- bradavice (bradavice), emorrodia, warra vel morruta.** 94^b 50. (Въ печатн. изд.: warza). Бородавка.
- brána (Brana), serra dicitur lignum multos habens dentes. quod boues trahunt.** 315^x 7. Нов. чеш.: brány. Борона.
- brdo (birdo), licie, harlofa, quibus stamina telarum ligantur quasi ligia.** 176^c 6. Jung.: brdo tkadlcovské = nástroj z mnoha tisíc ve dvojmo přeložených, velmi pevných, jak nahoře tak dole ke čtyřem činkám připojených nití, z nichž se opět nití, z kterých osnova sestává, shromažďují, a skrze ně protahují, die Kammlitzen, Weberfaden. Miklosich: брддо, licium. Нити въ ткани.
- brěza (breza), bedulla, bircha** 31^b 50. Miklosich: брѣза, betula. Береза.
- brod (brod), vadum, inferius ymum, vurt.** 359^a 10 и 29. Miklosich: бродъ m. πόρος vadum. Бродъ.
- buk (buk), fagus, búcha.** 110^a 51. Miklosich: бокъ f. fagus. Букъ.

C.

- cěv (cevv), trama, spula.** 351^a 43. Цѣвье.
- cievka (cevka), panus, spul** 458^a 44. Цѣвка.

C.

- cechel (cechel), sudarium, sveiztuch.** 331^a 41 и 476^a 31. Miklosich: чехла, velamen. Убрусъ.
- čerěsla (cerezla), inguinem, partes corporis justa pudenda.** 153^a 36. Miklosich: чрѣсла n. pl όσφύες. lumbi. τρῶθα = slabizna v těle. Чересла, чресла.
- češrano (cesrano), carminato.** 346^a 12. Češrám = взбиваю.

cešrati (cesrati), carminare. (Carmen uocatur quicquid pedibus continetur, cui datum nomen existimant seu propter uesaniam, quod carptim pronuntiaretur: unde hodie lanam, quam purgantes scerpunt, carminare dicimus). 43^a 49. Трепать, взбивать.

cistec (cistec), stagnum, cin, 474^b 48. Miklosich: чистаца, κασιτέρος stannum. Hanka Zb. стр. 30 (Behemarius 142), 56 (Roskochaný 91), 150 (Welessini lexicon), 171 (Nomenclator). Олово.

člunek (slunek), cimba, nauis, veļ nauicula, 65^o 6. — (clunek), lembus, parua scapha, cimba. 173^a 43—(cluneck), panulie dicte, quod ex eis panni texantur. 458^b 21. Jung.: člunek tkadlcovský, náradí člunku podobné, mající v sobě na cívku navíjené niti, které se jeho pomocí na outek mezi podloužnou přízí, roztáhnutou na návojích, prohazují, a s ní se míchají, tkají. Miklosich: члунъ m. cymba. Челнокъ.

črtadlo (cirtadlo), ligones, fossaria eo, quod terram leuant quasi leuones, sech. 177^b 3. Чертало, ср. кал. косульный или сошной отрэзь (Даль).

czybr (chubr), satureia, tumus 471^o 15. — Hanka Zb. стр. 74 (Roskochaný 408: putria czybr.). Miklosich: чыцърз satureia. Чабёръ m. растение.

D.

diežka (deska), mulctra, melcvaz 210^a 34 и 448^o 51. Дежка = кадка, въ которой заквашиваютъ тѣсто (Об. сл.).

dlab (dlab), incastratura, compaginatio lignorum, nŕot 148^o 5. Долбокъ.

dlaň (dlann), ir, medietas palme, tenir. 162^a 18.—(dlann), vola, media pars palme 374^a 28. Miklosich: длань f. παλάμη palma manus. Длань, долонь, ладонь.

doch (doch), culmus, arista stramen spicarum 65^b 10. — (doch), glos, glossis, quod de stipula factum est; совр. 134^o 26. Пучекъ соломы на крышѣ.

- dratva (dratva), drudis, drat. 85° 39. Дратва.
 dre (dre), glumit, excoriat. 134° 39. Miklosich: др̄ dilacerat.
 Дереть.
 drn (dirn), cespes. 134^b 29 и 410° 47. Miklosich: др̄нъ m.
 caespes. Дернъ.
 drnie (dirne), cespites fecundi 113^b 49. Дернѣнье.
 drozň (drozn), turdela, quasi maior turdus, star. 356^b 46 и 356° 5.
 Hanka Zb. стр. 58 (Rozkochaný 299: merula drozn), 159
 (Nomenclator тоже). Нов. чеш. drozd, drozen (Клат.) Дроздъ.

H.

- hlavně (hlavne), ticio. 345° 13. Miklosich: главанѣ, δαλός, titio.
 Головня.
 hlemýžď (hlemmisc), ostreum 166° 2. Улѣтка.
 hloh (hloch) rubus, arbuscula, ferens rubicunda roma 296° 21.
 Miklosich: глогъ crataegus. Боярышникъ.
 hnoj (hnoy), rudis, mist, 296° 37. Miklosich: гноѣ m. σῆψις,
 putrefactio. Навозъ.
 hrách (hrah), pisa. 257^b 15. Miklosich: грахъ m. κύαμος faba.
 Горохъ.
 hrdlice (hirdlice), turtur. 357° 5. Miklosich: грдлица f. τρυγίον
 turtur. Горлица.
 hrěben (hreiben), tracular, wollecambe. 350° 27.—hrěben ko-
 kotový (hreiben kokotowi), heraclea, hanincamp. 139° 37—
 Miklosich: грѣбена m. pecten. Гребень для чесанія шерсти—
 Пѣтушій гребень.
 hrěbík (hrebik), cariofilum. 62° 28. Гвоздика.
 hrěblo (hreblo), tiburgna, ovinkruss. 345° 4. Miklosich: грѣбло
 remus. Кочерга.
 hriebátko (hreatko), pultrinus, vůlin. 277° 3. Miklosich: жрѣ-
 блъ n. πῶλος pulus. Жеребенокъ.
 hrímota (hrimota), tonitruum. 348° 17. Miklosich: грѣмѣтникъ
 n. βρόντημα tonitru. Гремѣнье.

hríva (hríua), iuba, coma. 163^b 38. Miklosich: γρῖα f. χρίτη
iuba. Грива.

hruda (hruda), gleba 134^b 28. Miklosich: γρουδα f. βῶλαξ gleba.
Глыба земля.

humno (humno), area dicitur proprie locus uacuus, ubi trituran-
tur annone. 399^b 45. Miklosich: γουμνο p. ἄλων area.
Гумно.

Ch.

chmelišče (chmelisce), humularium, hopgart. 144^a 9. Хмель-
никъ.

chrĕn (chren), garphanum grecum nos radicem uocamus 282^b 5.
Miklosich: χρῆνз m. cochlearia armoracia. Хрѣнъ.

chrt (chirt), uelter, vvint. 361^b 32. Miklosich: χρῑтз m. verta-
gus. Хортъ, борзая собака (Даль).

J.

jatrvēnici (iatrvēnici), ianitrices, duorum fratrum inter se uxo-
res uocantur, quasi eandem ianuam tenentes vel per eandem
ianuam iter habentes 145^o 5. Hanka Zb. стр. 88 (Rozko-
chaný 468: fratripola yatrussye), 129 (Welessini lexicon:
fratripola, yatrusse). Miklosich: ѣтръкѣ, σύννυμφος alias
ἐνάτηρ fratris sive uxor fratris mariti. Ятровицы, невѣстки.

javor (jáuor), platanus. 46^o 227. Miklosich: ѣкорз m. platanus.
Яворъ, чинаръ.

jezero (ýezero), stagnum 474^o 1. Miklosich: ѣзеро p. λίμνη
lacus. Озеро.

jež (ýess), irinacis. 162^a 1. Miklosich: ѣжа m. ἐχίνος, erinaceus.
Ежь.

jíl (gill), creta, leim. 63^a 2. Miklosich: ѣлаз m. lutum. Илъ.

jilce (gilce), garpulum, helca. 127^b 50. Рукоятка.

jiskra (giszskra), scintilla, 307^b 38. Miklosich: ѣскра f. σπινθήρ
scintilla. Искра.

juh (juh), fabonius uentus, qui grece zephirus vocatur. 109^a 27.
Miklosich: юга m. νότος auster. Югъ, южный вѣтеръ.

К.

- kadidlo** (kadidlo), thus, 357^a 18. Miklosich: *καδιλο* n. *θυμίαμα* suffitio. Ладанъ.
- kališče** (kalisce), uolutabra dicuntur, ubi apri porci que se uolunt. 374^c 9. Miklosich: *καλισυτε* n. locus coenosus. Болото, калъ.
- kámen vápenný** (vapenni kamen), tofus est lapis edificiis inutilis, tubstein. 347^b 19, 20. Miklosich: *καμενα βαπανα* m. lapis calcis. Туфъ.
- káně** (kane), gauium, larum. 128^a 23. — (canie) larus 170^b 23. Чаѣка.
- kašel** (kassel), tussis. 357^a 27. Miklosich: *кашала* m. tussis. Камель.
- katrče** (katirce), gurgustia, cellula modica vel domus pauperis. 137^b 33. Хижина, хата, катрага (Даль).
- kavka** (kauka), monetula, auis. 208^a 24. Miklosich: *чавзка* f. monedula. Галка.
- kdule** (kdule), matiana, genus pomi. 196^b 39. Квитовое яблоко.
- kemfn, kmín** (kemin), ciminum, virtutem habet calidam et desiccatam. 413^a 23. Тминь, каминъ.
- kláda** (kclada), cippus, stoch. 49^c 30, Jung.: *kláda*, vydlabaný peň, do něhož u vězení za nohy sázejí. Miklosich: *κλαδα* f. *δοχος* trabs. Колода, колодка.
- klas** (klazz), spica 315^b 44. Miklosich: *κλας* m. *στάχυς* spica. Колось.
- klenice** (clenica), cornus, churnbovm. 61^a 44. Miklosich: *κλεμε* m. acer. Кленъ чинаровидный, деревъ.
- klětce** (cletce), aniarium, uogelhus. 26^a 18. Miklosich: *κλετца*, *κελλιον*, cellula. Клѣтка.
- klí** (kli), gluten, kleib. 134^c 41. Miklosich: *κλεη*. m. *κόλλα* gluten. Клей.
- klij** (clij), obex, lun. 224^a 51.
- klokoč** (klokocs), bulla dicitur, quia in aqua uenti intus spiritu

- sustentatur. 229^a 14. Klokot. Miklosich: κλοκοττa m. τὸ κοχλάζειν bullire. Клокотъ.
- klubko (klubco), glomus, spera florum. 134^c 4. — (klubco), klewe, glomus. 134^c 12. Клубокъ.
- kobyła (cobila), equa, merha. 98^b 12. Miklosich: κοβυλλα f. ἵππος equa. Кобыла.
- kokotoný, см. hrěben.
- kol (koll), palus, stekko. 237^a 48. Kól. Miklosich: κολα m. πάσσαλος palus. Колъ.
- koláč (colacst), crustula panis in medio cauus et tortus 64^c 22. Miklosich: колачa m. libum, recte circus. Колачъ, пирогъ.
- komár (comaar), culex. 65^a 41. Miklosich: комара m. χώνωψ culex. Комаръ.
- kopie (cope), sparus, sper. 473^b 28. Miklosich: копикъ n. δόρυ hasta. Копье.
- koráb (korab), trieris, nauis magna. 352^c 18. Miklosich: κοραβη m. πλοῖον, navis. Корабль.
- kos (cozz); merula antiquitus vocabatur modula. 202^b 5. Miklosich: κοσa m. ψίττακος psittacus: recte merula. Скворецъ.
- kosa (cosa), falcastrum, ruthsegen. 110^b 33. Miklosich: κοσα f. falx. Коса.
- kraboška (crabosca), larua, schem. 170^b 19. Dalimil 47 v. 35: krabošky sobě zčínichu. Маска.
- krada (krada), ignitabulum, luchta. 146^c 33. Miklosich: κραδα, f. πυρά rofus; κάμινος fornax. Жаровня.
- kremeň (kremen), piritis vulgaris. 257^a 34. Miklosich: κρεμzι-μενε m. silex. Кремень.
- kremenice (kremenice), focacem petram vulgus vocat, qui ferro percussus scintillam emittit 118^c 6. Кремнистая почва.
- krepelice (krepelice), quaquara 280^b 34 (Изъ k вновь сдѣлано p). Miklosich: κρηπελα m. coturnix. Перепелъ.
- krokvy (krocvi), tigillum, kavo, habitaculum vel tectum, trabes. 345^c 16. Стропила.
- krtice (kirtice), talpa dicta, quod sit dampnata perpetua cecitate,

- est enim absque oculis, semper terram fodit et humum egerit,
et radices subter frugibus comedit, quod greci aspal vocant.
337^b 47. Miklosich: κρυττα m. ἀσπάλαξ talpa. Кротъ (самка).
kruchta (cruchta), cripta, spelunca, grufda. 64^a 28. Яма, могила.
krzno (kirzno), mastruga, vestis germanica ex pelliculis ferarum.
196^a 38. Крал. Рук.: oružie vsě krzny zahalichu (Vyb. 30,
12). Miklosich: κρζνο n. vestis pellicea. Кожухъ.
kuchyně (cuchine), coquina, cūchne. 60^a 16. Кухня.
kúkol (kucol), git herba, lolium, brotwrz. 134^a 31. Miklosich:
κζκολα m. nigella. Куколь.
kurencom, см. prospī.
kus (kuzz), frustum, stucke. 123^a 12. — (kuzz) offam. 228^b 47.
Miklosich: κζςζ, κογςζ m. frustum. Кусъ, кусокъ.
kvas (quazz), frigidaria, sulza. 122^b 11. Miklosich: κβαςζ m.
ζυμη fermentum. Квасъ.
kvašu (quasu), couiuo, manduco. 59^o 7. (Miklosich: κβашζ fer-
mento). Пярую.
kýlavec (kilavec), herniosus, ponderosus. 139^o 20. — (kilavec),
herniosus. 141^b 7. Miklosich: κζλαα κήλη hernia: Килячъ,
килунъ, киялякъ.

L.

- labut̄ (labut), holor, avis, quam greci cignum appellant. 142^b 28.
—(llabut) olor. 229^a 48.—(labut) cignus. 412^b 25. Miklo-
sich: λβεδα m. κύκνος cygnus. Лебедь.
lana (lanna), numellus, genus uinculi, quo quadrupedes diligan-
tur. 452^o 11. Вережка.
lati (latti), tignum. 345^o 17.—(latti), ambrices, tegule. 393^o 23.
Лата, жердина (Даль).
lelek (lelek), nocticorax, noctua dicitur, que et nocturnus coruus
appellatur. 218^o 33. Кваква.
lěp (lepp) uiscum. 360^o 28; 370^o 28. Miklosich: λβπα m. ἰζός
viscum. Клей.

- lětos** (letoz), orno, huiro. 233^b41. Miklosich: **ἄτοςα** adv. hoc anno. **Лѣтосъ**.
- lětošie** (letose), ornetinus, langer. 233^b39. Miklosich: **ἄτοςαμα** adj. huius anni. **Лѣтошній**.
- lichoplěsy** (lichoplezi), sirenas tres fuisse fingunt, ex parte virgines et ex parte volucres habentes alas et ungulas, quarum una uoce, altera tibiis, tertia lira canebant, que illectos nauigatione in naufragia trahebant. 322^a 32. Ochechule.
- lípa** (lipa), tilia, linda. 346^a 13. Miklosich: **λίπα** f. tilia. **Липа**.
- lisice** (lisice), trulla, nomen factum eo, quod trudit et detrudit, id est includit calce vel luto lapides, chella. 354^c 42. Rozbor II, стр. 38: **lissiczy**. **Прессъ**.
- lišta** (lista), limbus est, quam nos ornaturam dicimus, fasciola est, que ambit extremitatem vestium aut ex filis aut ex auro contexta assutaque extrinsecus in extrema parte uestimenti vel clamidis. 177^a 36. **Нѣм**. **Leiste**. **Obruba**. **Бахрома**.
- lov** (lovv), penatus, iaith. 361^c 10. Miklosich: **λοκъ** m. **ἄγρα**, **ἄγρα** venatio. **Охота**, **ловля**.
- lúč** (lucc), pro tede, facule de ligno pino 273^a 36.—(lucc), teda. 338^b 26. Miklosich: **λοῦча** m. **ιυχ**. **Лучина**.
- lúh** (luh), nautea, aqua corio fetída, in qua coria macerantur, 215^a 5. **Щелокъ**.
- luk** (luk) arceolus, satelboge. 18^c 10. Miklosich: **λκκъ** m. **τόξος** arcus. **Лукъ**.
- lútka** (lutka) puppa, toche 467^a 29. (Два раза, разъ въ строкѣ, разъ въ томъ же мѣстѣ надъ строкой). Miklosich: **λοῦτκα** m. **μῦμος** histrio. **Кукла**.
- lytky** (litki), suras. 227^b 28. Miklosich: **λκικτъ** m. **κνημῖς** tibia. **Лытки** (Даль).

М.

- makobice** (macobice), conus. 56^c 23. Miklosich: **маковица** f. **fastigium**: recte **sepus papaveris**. **Маковice**. **Маковица**, **маковка**.

- matky (matki)**, planta. 257° 32.—(matki), plante sunt rapte de arboribus. 462° 1. **Матки**.
- meze (meze)**, collimito, reino. 53° 23,—(meze) limitem. 177° 46 и 47 (два раза).—(meze), porca autem est inter duos sulcos terra eminens. 440° 6. Miklosich: межда f. μέσον medium **Межа**.
- mol (mol)**, roscidum, humidum, gore madidum. 295° 38. **Mol mokrý na glavě ve vlasech, prašivina**. Парши.
- motyka (motika)**, verriculum, huova. 364° 31. Miklosich: мотыка f. σκαφεύτρια ligo. **Мотыка**.
- mravenec (mrauenec)**, formica, 137° 25. Miklosich: мравкий f. μύρμηξ formica. **Муравей**.
- mráz (mraz)**, gelu, bruma. 129° 20. Miklosich: мразъ m. χρύος, ψῦχος frigus. **Морозъ**.
- mrkev (mirkev)**, pastinaca silvestris. 242° 14. **Морковь**.
- mýdlo (midlo)**, sapona, seiph. 139° 41. (Miklosich: мзило n. ποιά herba). **Мыло**.
- mýto (mito)**, theloneum. 338° 5. Miklosich: мзито n. μισθός merces. **Мыто**.
- mzdička (mzdicka)**, mercedula, lonelin. 291° 1. Miklosich: мзда f. μισθός merces premium. **Небольшое возмездие**.

N.

- najat (naiat)**, conductus, gemieterer. 55° 44. Miklosich: накмънъ adj. conductus. **Нанять**.
- nálěp (Nalep)**, toxicata sagitta, gelupte, ut veloces sint et preuolent. 300° 32. Dalimil (1851), стр. 209: V srdce kniezi střelu s nálepem vstřeli dospielu. **Налѣпъ, налѣпка**.
- námezečník (namezecnik)**, hermafroditus, neque vir neque mulier. 139° 27. **Человѣкъ, стоящій между мужчиною и женщиною**.
- nebozez (nebozež)**, terebellus, nevveger. 340° 39. **Буравъ**.
- nehetci (nehetci)**, eliotropium, ringel. 93° 8 и 18 (дважды). — (nehetci) solsequia herba. 324° 31. **Ноготки**.

- nevěsta, svěšt (neuesta, svest), fratria vel fratrisa, fratris uxor vel uxoris soror 121° 4. Miklosich: νεῦστα f. νύμφη sponsa, nurus. Невѣстка.
- nevod (nevod), tragum, genus est piscatorie retis. 351° 26. Miklosich: νεβωδъ σαγήνη sagena. Неводъ.
- nit' (nit) filum 430° 20. Miklosich: нитъ f. funiculus. Нить.
- noh (nohh), grifa, grif, genus draconis, genus pennatum. 137° 32 и 33 (дважды). Miklosich: ногъ m. γρούψ groups. Грифъ.
- nunvice (nunvice), sanctimonialis, nunne. 301° 47. Jung.: Ob similitudinem quamdam soni «Nonne» appellatae sunt per contemptum moniales virgines nunvice. Dalimil 45 v. 27: nunvicemi kněze osu. Монахиня.

О.

- obojek (oboiek), millus, collare canum uenatoticorum, factum ex corio. 447° 11. Ошейникъ.
- obraz (obraz), moneta, münza. 208° 43. Dalimil 95 v. 3: Zatrati v zemi rozličné ohrazy a dobrý peniez zarazi (Miklosich: образъ m. μορφή forma, imago). Монета.
- obrok (obrok), prebenda. 262° 10. Miklosich: оброкъ m. promissio, stipendium. Оброкъ, жалованье.
- ocel (ocel), calibem, ferrum. 39° 40.—(ocel) kalibs ipsa materia 165° 14. Miklosich: оцѣлъ f. στέμονα robur aciei. Сталь.
- odrěti (odreti), glubere, cutem detrahere. 134° 38. Miklosich: одрати vb. ἐκδείρειν, confringere, ἀποστᾶν detrahere. Содрать, сдирать.
- oje (oje), temo, longitudo aratri vel plaustri, dissil. 339° 16. Дышло.
- okrin (okrin), cantar, naph. Miklosich: окринъ, λεχάνη, pelvis. Блюдо (деревянное).
- olše (olse), alnus. 233° 36 и 392° 40. Miklosich: олъха f. alnus. Олъха.
- opasek (opazek), crumena, sacculi genus. 422° 40. Поясъ, кушакъ.

- oř (orr), equus emissarius, qui mittitur ad jumenta. 100^a 11. Miklosich: орѣ м. equus. Конь.
- orěch zemský (orech zemski), tuber terre prodit. 355^b 23. Kaštan zemský. Miklosich: орѣхъ земландская пух terrae. Земляной орѣхъ.
- osladič (ozladicc), polipodion. 465^a 48. Солодка малая (раст.), сладкій корень.
- osten (osten), stimulus. 328^c 50. Miklosich: останъ σκόλοψ stimulus. Ость.
- osyka (ozika), tremulus, aspa. 351^c 18. Miklosich: осина f. populus nigra. Осина.
- otruby (otrubi), furfures tritici. 41^a 41. Отруби.

P.

- panev (panev) frixoria, phanna. 122^b 17.—(panev) padella 236^a 29. — (panev) sarhago. 471^b 44. Miklosich: панъкица f. pelvis. Сковорода.
- paučini (paucini), casses, araneorum tela, retia araneorum. 44^a 27 и 148^c 2. Miklosich: паучина f. ἀράχνη tela aranea. Паутина.
- pavlaka (paulaka), zomentum, zicha. 383^b 1. Miklosich: павлака tectum, involucrum. Паволока, наволочка.
- perie (perre) stipule sunt folia vel pagine, quibus culmus ambitur vel fulcitur, ne pondere frugis curuetur, que ambiunt culmum et dicta stipula quasi usta et ustipula. 329^a 14. Miklosich: перик п. птера pennaе. Перья.
- pila (pila) lima. 177^a 23. Miklosich: пила f. πρίων serra. Пила.
- plachta (plachta), sagum. 80^b 10. — (plachta) linna, saga 178^c 31. Miklosich: платъ м. ῥάκος pannus detritus. Плахта.
- plavat (plauat), glaucus dicitur viridis, est autem color inter album et nigrum .i. plavar. 134^b 28. Miklosich: плакъ λευκός albus. Изжелта-бѣловатый, бѣложелтый.
- pleci (pleci), humerum, achsila. 144^a 8. Miklosich: плещте п. ὤμος humerus. Плеча.

- plet, plť (plet), rates proprie sunt connexe inuicem trabes. 468° 50.—(plet), rates, classes, naues, nauigia. 470^b 40. Miklosich: плетъ f. φραγμός sepes. Плотъ.
- plch (pilh), gliris animal in arboribus simile muri. 134^b 38. Miklosich: пазухъ glis. Соя (Даль).
- podvoj (podvoj) postes, ipse tabule ostii. 261° 13. Miklosich: подзкой, подзкой m. σταθμός postis. — Dalimil 52 v. 21: neslušie mezi dřví a podvoj prsta vložití. Березя.
- police (police), armatria, schafrůta. 20° 46. Miklosich: полиця f. asser in ecclesia, theca repositoria. Полка.
- poludnice (poludnice), driades, deae siluarum. 85° 26, 27. Hanka Zb. стр. 61 (Rozkochaný 520: satirus poludnyczye), 147 (Wellessini lex. тоже), 165 (Nomenclator тоже). Дрияды.
- porusné sukno, см. sukno.
- postava (postaua), licinium vocatum, quod textura ejus ligata sit in totum. 176° 15.—(poztaua), stamen (in stamine linum). 178° 35. — (poztaua), stamen, fila stantia, warf. 475° 5. Miklosich: поставка, depositum. — Výbor I, стол. 665: z jednoho postavce zšité rúcho. Поставъ, основа пряжи.
- postele (postele), lectisternium, betguant. 172° 5. Miklosich: постеля f. στρωμνή lectus, stratum. Постеля.
- postelka (postelka), pancales. 238° 11. Постилка (Даль).
- postolka (postolca), cauan, wihil. 45° 13. Rada zvířat (1814), стр. 120: Postolka i také jiné káně. Постелька (Даль).
- povraz (povraz), funis. 124^b 48. Miklosich: повразъ m. λοβός lobus. Веревка.
- práh (prah), limen. 177^b 45. Miklosich: прага m. φλίά limen. Порогъ.
- praši (prassi), glabrio, grint. 134° 36. — Jung.: Prachy (praši), neduh osuté kůže, velmi nakažlivy u koní i u jiného živočicha, jinak prašivina. Hanka Zb. стр. 41: (Bohemarius 432: prachi, tabes). Парши.
- prěsada (přada) plantaria, que ex seminibus nata sunt. 257° 32.

- (p̄zada) plante, rangi. 458^a28. — (prezada), plantaria. 462^c 2. Высадокъ, разсадное растеніе.
- pr̄eslice (p̄zlice) in colo. 125^b25. — (prezlice) colum. 420^a27. — (prezlice), colus. 435^a 4. Miklosich: пряслица f. fusus. Пряслица, прялка.
- pr̄ika, pr̄ka (pr̄ica), declinuum, descensum. 69^b 31. Срав. чеш. uprk. Крутизна.
- pr̄im̄erie (pr̄imere), treuga, pax generalis terre. 480^a 10. Miklosich: примиреніе n. reconciliatio. Перемирие.
- pr̄oso (pzo), milium. 204^a 44. Miklosich: просо κέρχρος milium. Просо.
- prospi kurencom (pzpi kurencom), obsira pullis escam. 440^b 45. Miklosich: проскрати vb. ἐκχεῖν effundere (проскрати); коура n. pullus (коуратѣмъ). Просыпь цыпленкамъ.
- pstruh (pstruh), trutta, piscis. 480^a 9. Срав. пестръ adj. ποικίλος varius. Пеструшка, форель (Даль).
- pušcedlné, см. bańky.
- puška (puscha), pixis, pixidis, quam nos corrupte buxidem uocamus. 257^b 50. Miklosich: пушка sclopetum, πυξίς bñse; срав. пушка. Жестянка.

R.

- rak (rak), cancer, animal maritimum, exiguum. 165^c 50. Miklosich: ракъ m. cancer. Ракъ.
- remdih (Remdih), claua, kolbo (въ печатанной M. V. stanga). 417^a 16. Hanka Zb. стр. 48 (Bohemarius: rzemdyh manipulus), 120 (Welessini lex.: claua rzemdyh), 170 (Nomenclator тоже). Ěremdih=zbroy starých Čechů, palice (Jung). Срав. литовское ramtis = Stab. Боевая булава, палица, ослопъ.
- r̄era (r̄era), rapa a rapiendo, id est comprehendo dicta, est autem a radice amplior rapa, sapore dulcior et folio tenui. 282^c 30. Miklosich: р̄па rapa. Р̄па.
- rítězně (ritezne), nates, conglobatio natium, caro sedendi officio

facta, ne premente corporis mole ossa dolerent. 214^b 15.

Ягодичный мышцы (Даль).

rohoze (rohoze), vlua, palns et herba palustris. 372^c 20. Mi-

klosich: ρογοζα πάπυρος papyrus. Рогоза, рогозь, ситникъ.

ropuši (ropussi), stiria enim grecum est, id est gutta. 137^b 38.—

(ropussi), stiria, pendens glacies vel spine. 329^a 19. Ropuch,
ramrouch. Ледяная сосулька, ропака, ропакъ (Даль).

rozhněváníe (rozhneuan), offensio. 228^b 49. Miklosich: ραζ-

γνῆκάνικη π. irritatio. Разгнѣвльене, разгнѣванье.

rozsochy (rozochi), stiva, pars aratri, quam manu tenet arator,

rister. 329^a 30. Miklosich: ρασοχα f. furca. Разсоха. Руко-
ять у плуга.

rožen (rossen), ueribus, uirgultis ferreis. 364^b 14. — (rossen),

veru, spizz. 365^b 15. Miklosich: Ραζανζ m. σκόλοψ stimu-
lus. Роженъ, вертель.

rtut (rtut), uivum argentum, quecsilber. 372^a 35.

rusi (ruzzi), trace genus, rúzen. 480^a 7. Miklosich: ρουσσινζ rus-

sus. Русские.

rybník (ribnik), viuarium. 372^a 22. Miklosich: ρυβανικζ m.

piscarius, ρυβανιца f. nom. propr. loci. Прудъ, садокъ.

rys (rriz), lincis dictus, quia in luporum genere numeratur, bestia

ab illis distincta, ut pardus per terga siue similis lupo, unde
et ille licos, iste lincis. 178^a 7. — (riz) linx, animal. 178^c
48. Miklosich: ρυικζ m. πάρδαλις pardalis. Рысь.

S.

sabě (sabe), dolones sunt uagine lignee, intra quas latet pugio

sub baculi specie. 84^b 17. Hanka Zb. стр. 99 (Rozkochany
137: sicca sabye), 148 (Welessini lex.: siccia zabie) (Mi-
klosich: сабага f. ζίφος ensis). Ножны.

sáni (zani), traha, flito (въ печатанномъ экз.: schlit). 351^a 52.

Сани.

saze (zaze), fuligo, nigredo. 124^a 22. Miklosich: сажда f. ἀσβόλη

fuligo. Сажа.

- sěnník (sennik), fenile, locus, ubi fenum ponitur. 114^a 38. СѢННИКЪ, СѢНОВАЛЪ.
- síto (szito), sedacium, harsip. 311^a 25. Miklossich: сито n. cribrum. Сито.
- skob (skob), flemen. 117^c 41. (Miklosich: σκοα f. sensus ignotus).
- skorně, škorně (scorne), ocreas, tŷbialia, que suras tegunt. 227^b 28. Сапоги, чеботы.
- skrivanec (skriuanecz), caradrion, leracha. 42^b 18. Жаворонокъ.
- skvorec (squarecc), psitacus, auis indie littoribus gignitur colore uiridi torque puniceo, grandi lingua et ceteris auibus latiore, unde et articulata uerba exprimit. 275^c 5. Miklosich: σκοραца ψάρ sturnus, alauda. Скворецъ.
- slad (zlad), braxa, malz. 36^b 49. — (zlad), prazium. 262^b 11. Miklosich: сладъ m. hordeum tostum. Солодъ.
- slavík (zlavik), luscinia, acredula. 185^c 1. Miklosich: славий m. ἀηδών luscinia. Соловей.
- slěd (zzled), indago, spor, ordo. 150^b 4. Miklosich: слѣдъ ἔχνος vestigium. Слѣдъ.
- slémě (zleme), tolum, culmen tecti. Tolum est summa pars tecti, unde et contignatio procedit. 347^c 49. Miklosich: слѣма δοχος trabs. Маковка, верхушка крыши.
- sléz (zlez), malua, malvis. 191^c 11 и 238^c 39. Miklosich: слѣзъ m. malva. Мальва, просвириякъ.
- slezena (zlezena), splen, milze. 473^b 47. Miklosich: слезена f. σπλήν splen. Селезенка.
- smola (zmola), pex, inquinamen, hara. 252^c 4. Miklosich: смола f. ἀσφαλτος bitumen. Смола.
- smrk (zmirk), pinum greci peucen uocant. 256^b 26. Miklosich: смръча m. κέδρος cedrus. Пихта.
- sochor (zochor), trabeum, dreml. 350^c 4. — (zochor) motoria, uaga, discursio vel paruum instrumentum, quod opifices utuntur ad mouendos lapides: 209^c 8. Рычагъ, шестъ.
- sosna (zozna), picea. 253^a 10. Miklosich: сосна f. ἐλάτη abies. сосна πίτυς pinus. Сосна.

- stan (stan), tugurium, casula. 355° 7. Miklosich: *станъ* m. *firmi-
tas, castra*. Хижина.
- stblo (stblo) culmus. 329° 15. Miklosich: *стблo* n. *καυλός* *caulis*.
Стебель.
- stěžeje (steseie), cardo, extrema pars ualue. 42° 9. — (steseie),
cardo, locus, in quo ostium mittitur. 42° 13. Miklosich:
стежежъ m. *cardo*, *срав. настезъ*. Крюкъ.
- straka (ztraka), pica. 252° 50. Сорока.
- strava (ztraua), sumptus. 332° 18 (Miklosich: *страка* f: *epulum
funebre apud Hunnos etc.*). Расходъ.
- struhař (ztrahar), tornarius, drehsel. 479° 20. Токарь.
- stúpa (stupa), tipsanarium, stamp. 346° 12. Ступа.
- sukno porusné, porúšné (porusne zukno), linostrina, vestis
est ex lana linoque contexta. 178° 33. (Miklosich: *парусъ*
m. *velum*; *соукно* n. *ἔρις, ἔριον* *vestes laneae*. Парусное сукно.
- súmrak (zumrak), crepusculum, hoc est inter lucem et tenebras,
dubia lux, zwißenlichteu. 63^b 5. Miklosich: *сумракъ* m. *te-
nebrae*. Сумракъ, сумерки.
- sverěpice (suerepice), equaricia, stúth. 98^b 11. Výbor I, стр.
131: *Kdež sveřepice nejmařú na obci obory, ty kobyly móž
vdáti*. Miklosich: *свѣрѣница* f. *ervum* gr. *ὄροφος* *Кобыла*.
- svěst' (zwezt), glos, gloris, soros mariti. 134° 28. — (svest,
neuesta), fratria vel fratrisa, fratris uxor vel uxoris soror.
121° 4. Miklosich: *свѣста* *soror uxoris*. Hanka Zb. стр. 88
(Rozkochaný 441: *socra swyest*), 183 (*socrus swyest*).
Свесть, своячина, невѣстка.
- sviňák (svinak), porcarius. 259° 41. Свиnúхъ, свинопасъ.
- sviňař (svinar) porcarius. 259° 41. *а* вновь какъ то исправлено.
Свинарь.
- svinice (suinice), usua, uermis porci. 376^b 2. Свиной червь.
- svrab (zvrab), prurigo, scalpatio. 274^b 14. Miklosich: *сврабъ* m.
pruritas. Свербъ, свербежъ, зудъ.
- svrbí (zwirbi), prurit, quasi perurit, iuchit. 274^b 14. Miklosich:
сврѣтити. Свербить.

svrček (svircek), cicades ex cuculorum nascuntur sputo, hec nascuntur in ytaliam, nam ibi dulciter canunt, quarum cantibus estu medio arbusta rumpuntur, eo quod magis canore meridianis caloribus resonans. 49^b 41.—(svircek), grillus nomen a sono vocis halet. 137^a 23. Miklosich: СВРЪЧАКЪ т. ἀττακῆς attacus. Сверчокъ.

Š.

ščemel, ščmel (scemel), atticus, humbel. 25^a 5. Шмель.
ščetiny (scetini), porcorum pilos setas uocamus. 259^a 50 и 315^b 41. Щетины.
šidlo (sidlo), subula, ala. 331^a 13. Miklosich: шило n. subula. Шило.

T.

tále, tálie (talle), obsides dicuntur, qui dari solent cum honore custodiendi. 225^c 26. Miklosich: ТАЛА obses. — Лѣтопись по Ипатскому списку (Сп. 1871), стр. 88: поимте къ себѣ тали наша—стр. 89: и поемше талия своя. Vibor I, ст. 234: dávajíť svóji život v táli. Таль, заложникъ.
talov (talov), sanies, pus, tabo, sanguis corruptus, eitir. 301^c 45. Гной, сукровица.
taška (taska), fundam, sistarciam. 124^b 20. Ташка, сумка.
tlaky (tlaki), pubes uirilia. 277^c 47. Hanka Zb. стр. 167 (Nomenclator: tlaky pubes). (Miklosich: длака χρόα cutis). Признаки совершеннолѣтія — волосы около половыхъ членовъ.
tluč (tlucc), cantabrum; huntaz. 41^a 41. Толча, толченый ячменный или вообще толченый хлѣбъ.
topol (topol), populus. 259^a 31.—(topoll), populus, arbor. 278^b 2. Miklosich: тополъ f. λεύκη populus alba. Тополь.
trest, trst (trest), harundo, canna vel sagitta. 138^a 39.—(trest), arundo. 400^c 33. Miklosich: трастъ f. κάλαμος arundo. Трость, тростникъ.
trěslka (treslka), typhi sunt frigide febris. 357^c 27. Miklosich: трасла febris. Тряся, трясушка, лихорадка.

- trlice (tirlice), scalparis, tessila: 305^a 24. Jung.: Trlice jest nástroj, na němž se len neb konopě trou. Трепало, трепло.
- troska (trozka), scoria, purgamenta et sordes sunt que igne excoquantur et dicta scoria quod de ferro excutitur, id est sinter. 308^c 15. Miklosich: троска f. κεραυνός fulmen. Шлакъ (Даль).
- trpaslek (trpaslek), nani, quos greci pigmeos vocant. 260^b 20. Карликъ, карло.
- trud (trud), fumes est astula, que ab arboribus excutitur, excisione autem astule, ambuste aut ligna cauata, a fungis nomine accepto, quod ita capiat ignem. 119^a 16. Miklosich: трудъ m. Трутъ.
- tryák, dryák (triak), tyriaca est antidotum serpentinum, quo uenena pelluntur, ut pestis peste soluantur. 346^c 29. Miklosich: тѣриакъ m. theriacum. Териакъ (Даль).
- túl (tull) pharetra, teca sagittarum. 252^c 18. Miklosich: туалъ фарѣтра, pharetra. Туль, колчанъ.
- tvoridlo (tvoridlo), tenucla, kesewazercar. 479^a 27. Jung.: nádoba, v níž neb již se něco tvoří, zvláště forma na sýru. Творило, сосудъ.
- týl (till), occipicium est pars capitis posterior. 227^b 8. Miklosich: тѣлаъ m. τένων cervix. Тылъ.

U.

- úborek (vborech), calatus, sumber. 38^c 18. — (vborek), ruska, russa, vel russeola, rubra. 296^c 45. Miklosich: жборзика modii genns. Серб.: уборак. Корзинка.
- uhli (vhli), procetes (capita trahium, que eminent extra parietes, procetes dicuntur), 269^a 43. Miklosich: жглыъ m. angulus. Уголь.
- úhoně (vhone), globos, vertigines vel ex solido rotundus, pila, rotunditas. Огоньки (Даль).
- ušatý zajíec, см. zajíec.
- útek v(tek), trama. 178^c 36. Jung.: útek u tkadlce přize, která

člunkem se do osnovy vetkáná, vetkání. Miklosich: χτῆκκα
 m. στῆρων stamen. Утокъ.

V.

vápenný kámen, см. kámen.

vápno (varpno), calcis, calch. 38° 18. Miklosich: καπανο calx.
 Вапно, известьъ.

veslo (vvezlo), remus dicitur lorum, quod continet tubam. 289°
 2. — (wezlo), remex ruder. 469^b 35. Miklosich: κεσλο п.
 κώπη remus. Весло.

veš (wess), pediculus. 245° 5. Miklosich: κεσι κ f. φθειρ pedicu-
 lus. Вошь.

větrník (vetrnik), vela greci armena dicunt, proinde quod aere
 mouentur, aput latinos autem vela a volatu dicta. 361° 30.
 Парусъ.

vlastovice (wlastovice), hirundo. 141^b 31. Miklosich: ластовица
 f. χελιδών hirundo. Ласточка.

vlichvec (vlichvec), phitones (v печат. экз.: vuissagon). 255^b 37. —
 (wilchuecc), grincas, taxos; grina locus oraculi appolinis fuit
 in smirneorum finibus. 137° 30. Miklosich: κλαχεκ μάντις
 vates μάγος magus. Волхвъ.

vole (vole), struma, croph. 329° 51. Зобъ.

vozhri (vozhri), muccus, roz. 210° 2. Miklosich: κозρη κ f. mucus.
 Возгря.

wrabikové (wrabicowe), passerer. 241° 26. Miklosich: κραβικῆ
 στρουθός passer. Воробья.

wrátce (vratce), posticium, latens ostium. 261° 19. Ворота.

wratidlo (wradittlo), liciatorium, mittil. 176° 1. Miklosich: κρα-
 τιλο, ἀντίον liciatorium. Jung.: válec při stavu tkadlcovském,
 na kterém osnova jest navinutá. Вратило (Даль).

wreteno (wreteno), in fuso, spinl. 125^b 25. Miklosich: κρετενο
 п. ἀτρακτος fusus. Веретено.

wrše (wirse), gurgustium, gaturem. 137^b 30. (Въ печат. экз.:
 Gurgustium cellula modica vel domus pauperis). Výbor I.

(Alexandreis), ст. 1098, стр. 15 — 17: Když pastýř před vlkem srší, toho se stádo rozprší, ten jest nehodný své vrší.

Лачуга.

vrub (wrub), tessara, krinna. 341° 20. Jung.: pamětné dřevo, na němž se něco nařezuje. Кустокъ дерева, на которомъ дѣлались разныя замѣтки, нѣчто въ родѣ нашихъ памятныхъ книжекъ.

výr (virr), bubo. 218° 35. Филинъ.

vyza (wiza), echinus, uropus, huso. 87° 36.—Hanka Zb. стр. 64 (Rozkochaný 698: ezox wyzen). Бѣлуга.

vzchod (wzchod), burra, stiega. 37° 22, 23. Miklosich: възходъ ἀνάβασις ascensus. Востокъ.

Z.

zajiec (zaiecc), lepus. 173° 50. — zajiec ušatý (zaiecc vssati).

lepores auritos. 173° 51. Miklosich: заяцъ м. λαγώς, lepus; оушакъ м. auritus. Заяць, заяць ухатый.

základ (zaklad), uadimonium, fidei uissio, sponsio. 359° 23. Miklosich: закладъ м. pignus. Закладъ, залогъ.

záradka (zaradka), pessulum, sloz, 252° 4. Задвижка, заворка. zemský, см. orěch.

zezhule (zezhule), cuculos aues a uoce propria nominantur. 49° 46. Кукушка.

zievati (zeuati), hippitare, oscitare, crebre hiare. 141° 31. Miklosich: зѣвати oscitare. Зѣвать.

zrcadlo (zrcadlo), speculum, spiegel. 473° 47. Miklosich: зръцало п. εἰσοπτρον speculum. Зеркало.

Z.

žahadlo (sahadlo), cauterio, polz, ferro. 46° 12. Жегло, жегало (Даль).

želud (selud), glans. 434° 7. Miklosich: жєлѣдъ βάλανος glans. Желудь.

žerátek (sseratek), cicendela, genus muscarum, quod in nocte

- lucet, glimo. 412^a 33. Hanka Zb. стр. 32 (Bohemarius 196: zerzatek nocticula), 68 (Rozkochaný 1012 тоже). (Miklosich: жєратѣкъ ἀνδραχιά carbonum congeries). Свѣтлякъ.
- žerav (serav), grues nomen de propria voce sumpserunt. 137^a 41. Miklosich: жєракъ m. γέρανος grus. Нов. чеш. jeřáb. Журавль.
- žerucha (sserucha), nasturicium vocatur sapor, quod accimonia sui nasum torquet. 214^a 48. — (serucha), nasturcium, sardonion. 303^b 17. Нов. чеш. řericha. Жєруха.
- žitnice (sitnice), granarium kornhus. 136^a 39. Miklosich: житница ἀποθήκη horreum. Житница.
- žlázy (slazi), glandulus, drůslut. 134^b 12. Miklosich: жлѣза f. glandula. Жєлѣза.
- žlútek (slutek), vitellum. 371^b 21. Жєлтокъ.

Нижеслѣдующія глоссы, находящіяся въ «Älteste Denkmäler (1840)» между чешскими, считаемъ не чешскими:

- duran, simia cum sauda. 319^a 10 (въ текстѣ). У Конрада фонъ Мегенбергъ «Buch der Natur» (изд. Пфейферомъ въ Стуттгартѣ 1861), читаемъ на стр. 133, стр. 15 и сл.: «Duran ist ain tier grimme und scharpf und snel und gar starch». Это слово нѣмецкое, хотя тожѣ заимствованное.
- fenikl (написано въ рукописи senikl), pentafilem. 247^a 7. Вѣроятнѣе всего здѣсь нѣмецкая глосса «fenihil, fenchel, uenickil, uenikel» (см. «Graff, Alth. Sprachschatz» III. ст. 525).
- gitich, gula, gulosa (въ печатанномъ экземпл.: geitige. 137^a 6. irch, pellis fracta. 245^c 8. Нѣмецкая глосса (см. «Graff, Alth. Spr.» I, ст. 461). Отъ этого произошло чешское «jircha» (срав. лат. hircus). Ирха, замша.
- krusina, mastruga. 196^a 38. Средневѣковое латинское слово: crusna, crosna, crusina, crosina; срав. чешское krzno, срав. нѣм. kursen, kürsen (eine Art Gewand aus Pelzwerk).
- lampreda, murena. 211^b 35. Средневѣковое латинское слово.

mirtil, mirtus. 205^b 10. Нѣмецкая глосса: *mirtil, mirtel, mirtal* (см. Graff, «Alt. Spr.» II, ст. 856).

ni ni, eia, militum proferantium clamor. 90^b 49. Хотя это вообще можно принять и за чешскую глоссу, но на этомъ мѣстѣ въ М. V. нельзя.

ser, justicium, luctus publicus. 165^a 19. Ср. нѣмецкая глосса: *sêr, dolor, supplicium*; гот. *sair* (см. Graff, «Alt. Spr.» VI, ст. 267 — 269).

taha, cetauca. 410^b 12 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса (см. Graff, «Alth. Spr.» V, ст. 364).

vana, wannus. 359^a 45. Нѣмецкая глосса (см. Graff, «Alt. Spr.» I, ст. 885).

zizala, culix. 65^b 12 (въ текстѣ). Хотя въ чешскомъ языкѣ есть слово «*žizala*» (Miklosich: жоужелица f. insectum, жужель), но все таки въ этомъ мѣстѣ М. V. нельзя его считать чешскимъ.

zubar, reuter. 289^a 45. Нѣмецкая глосса: *zubar, zuber, tina gerula, amphora* (см. «Graff, Alt. Spr. III, ст. 149).

Глоссы: *gitich, taha, ni ni, zizala* и *zabar* находятся тоже въ печатномъ экземплярѣ, который, какъ мы уже упомянули, былъ напечатанъ въ Аугсбургѣ и содержитъ, при латинскомъ текстѣ, только нѣмецкія глоссы.

Господинъ Скворцовъ (въ своемъ сочиненіи «Глоссы Mater verborum» (Сп. 1853) на стр. 6) замѣтя, что по его мнѣнію Шафарикъ (въ *Älteste Denkmäler* pag. 231), нѣкоторыя слова несправедливо считаетъ иностранными и исключаетъ изъ своего списка, старается (стр. 7 — 9) доказать, что они чешскія. Такъ какъ г. Скворцовъ совершенно ошибается и напрасно упрекаетъ Шафарика въ несправедливости, то считаемъ излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ глоссахъ. Вотъ они:

tessara coste. XL. 479^a 51 (въ текстѣ). Уже возлѣ находящаяся цифра XL доказываетъ, что это греческое слово *τεσσαράχουτα*. И въ печатномъ экземплярѣ находится это слово.

gelca, succula. 331^a 41 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса (см. Graff, Alt. Spr. 1838, стр. 198. Въ печатномъ экз.: succula galsza. gellita, calicula. 39^b 21 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса gelde, gelte, бочонокъ (и въ печ. экз.).

chlira, rinola. 293^a 2 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса klippe, въ печатномъ экз. clira, а въ рукописи подъ словомъ clira уже вновь приписано *h*.

leua, sinistra, sceua. 321^a 43 (въ текстѣ). Изъ контекста совершенно ясно, что это латинское слово, какъ это доказываетъ и печатный экземпляръ.

ovin funam. 125^a 41 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса ofen. Въ сто «funam» здѣсь нужно читать funam, потому что это слово въ алфавитѣ находится подъ *fug* (въ рукописи пропущенъ знакъ сокращенія надъ *u* (*ü*). Это слово есть и въ печатномъ экземплярѣ.

sidalala thorale. 341^c 42 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса = Siedel. Въ печат. экз.: sidilla.

smirt, subridens. 475^c 27. Неясная глосса, но нельзя никакъ предполагать, чтобы это было вмѣсто smich.

zagā, oriens. 383^c 22 и 480^b 24. Еврейское слово, какъ и видно изъ печатнаго экземпляра.

Въ слѣдствіе того, что нѣкоторыя изъ глоссъ были частью вновь наведены чернилами, частью намочены, онѣ кажутся какъ бы вновь написанными; однако, присматриваясь внимательно къ почерку, коимъ онѣ писаны, и сравнивая ихъ съ настоящими глоссами древними, ихъ отнюдь нельзя причислить къ поддѣльнымъ. Глоссы эти именно слѣдующія: brod, čistec, jež, juh, kosa, krepelice, křzno, lelek, lichoplěsy, matky (257^c), opasek, podvoj, přesada (257^c), proso, ritezň, slěd, sviňar, úhoně, veslo (469^b), vrátce, vůg.

Обозрѣвъ такимъ образомъ глоссы, мы приходимъ къ выводу, что глоссаторы, относительно лексикальнаго матеріала сообщаютъ намъ слова, по большей части изъ области естественныхъ наукъ, домашняго обихода и ручныхъ мастерствъ. Изъ ремеслъ

глоссатору, который приписывалъ глоссы мелкимъ письмомъ, наиболѣе было извѣстно тканіе; со словами, выражающими отвлеченныя понятія, встрѣчаемся чрезвычайно рѣдко, а по этому предполагаемъ, что наибольшая часть словъ записана со словъ простаго люда.

Б. Поддѣльныя и вновь вписанныя глоссы.

Хотя уже и съ точки зрѣнія филологической и мнѳологической мы имѣемъ важныя причины сомнѣваться въ подлинности многихъ чешскихъ глоссъ въ М. V., но палеографическая сторона въ этомъ случаѣ для насъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Правда, мы очень хорошо понимаемъ, какъ трудно рѣшать вопросъ о подлинности или неподлинности многихъ глоссъ съ палеографической только точки зрѣнія, но долготѣннымъ изученіемъ рукописей можно достигъ опредѣленныхъ результатовъ и при помощи одной палеографіи *). Глазь, отъ постояннаго и продолжительнаго чтенія привыкшій къ древнему письму, сейчасъ же видитъ отступленіе отъ обыкновеннаго древняго письма при поддѣльныхъ и вновь вписанныхъ глоссахъ. Поддѣльныя глоссы болышею частію сфабрикованы изъ латинскихъ словъ. При нихъ мы видимъ почистки, но обыкновенно небрежныя, такъ что при тщательномъ разсматриваніи этихъ глоссъ, сейчасъ же довольно явно можно видѣть отгѣнки и остатки подчищенныхъ буквъ. Чернила вновь вписанныхъ буквъ значительно разнятся отъ чернилъ оригинала и самыя буквы несоразмѣрны съ буквами оригинала. Почеркъ

*) Рукопись М. V. я внимательно просмотрѣлъ еще въ 1866 г. и выписалъ всѣ чешскія глоссы, и тогда уже убѣдился, что нѣкоторыя глоссы поддѣланы, а болышинство вписано вновь, но не рѣшился опубликовать этого, опасаясь, какъ бы не пересолить въ своихъ сужденіяхъ. Результатъ своихъ изслѣдованій я сообщалъ тогда только нѣкоторымъ своимъ друзьямъ. Съ того времени занимаюсь почти постоянно старочешскими и латинскими рукописями, теперь я могу уже опредѣленнѣе высказать свое мнѣніе о чешскихъ глоссахъ въ М. V. и пришелъ къ полному убѣжденію, что 11 лѣтъ тому назадъ я не ошибался.

вновь вписанныхъ глоссъ неоднаковъ, притомъ писецъ часто забывался, и мѣшалъ въ одной глоссѣ буквы по начертанію различныхъ періодовъ. Иногда рука фальсификатора какъ будто дрожала, по этому почеркъ часто неопредѣленный и неровный. Многія буквы часто ему не удавались, какъ напр.: *c*, *r* и *s* (*r* онъ писалъ съ какимъ-то хвостикомъ наверху, *p* съ горбомъ, а *c* ужъ слишкомъ округлялъ. Чернила этихъ глоссъ разныя: то очень черныя, то опять разбавленны въ сильной дозѣ красной краскою. Многія глоссы вписаны какою-то смѣсью красокъ, которая, если посмотрѣть на нее со стороны, блеститъ и лежитъ на пергаментѣ густымъ и толстымъ слоемъ. Если же внимательно посмотрѣть на эти глоссы въ увеличительное стекло, то чернила ихъ или смѣсь, которою онѣ писаны, оказываются очень жидкими.

На многихъ мѣстахъ видны почистки и явно, что тамъ фальсификаторъ вписывалъ чешскія глоссы, но такъ какъ онѣ ему совершенно не удавались, то онъ ихъ выскабливалъ и писалъ опять подъ тѣми же словами, надъ которыми ему не удавалось сдѣлать эти глоссы, или же на другомъ, подходящемъ или неподходящемъ мѣстѣ. Для перваго случая беремъ въ примѣръ глоссу: *měna* (51°), для другою: *chrámu* (111°). Глоссы, находящіяся въ нашей рукописи подъ соответствующими имъ латинскими словами, всѣ до одной вновь вписаны. Если на тѣхъ страницахъ, гдѣ фальсификаторъ вписывалъ новыя глоссы, уже находились древнія чешскія или латинскія и нѣмецкія глоссы, то онъ эти слова отчасти или вполне наводилъ своими чернилами или просто смачивалъ, чтобы его поддѣлки слишкомъ не разнились отъ настоящихъ древнихъ глоссъ. Такъ на пр. онъ поступилъ съ чешскими древними глоссами: *blizkota*, *deska* (210°), *dirne*, *hreiben kokotowi*, *hruda*, *iuh*, *craboska*, *kilavec* (139°), *krepelice*, *matki* (257°), *podvoúy*, *prezada* (257°) и *vratce*; съ латинскими на пр.: *heretice* (43°), *fecitrage* (109°), *ceruum* (237°), *ingitur* (304^b) и т. д.; съ нѣмецкими *farn* (116°), *melcvaz* (210°), *merisnekko* (211°), *suht* (251°), *drischl* (352°); при словѣ *slauen* (297^b въ текстѣ) вновь вписано *l* надъ словомъ и т. д. Отъ этого произошло то, что

нѣкоторыя глоссы, которыя можетъ быть древни, кажутся какъ бы вновь вписанными, потому что были наведены вполне новыми чернилами. Изъ вновь вписанныхъ глоссъ латинскихъ и нѣмецкихъ приведемъ въ примѣръ слѣдующія: *anserēs* (25^a), *vin-schafa* (203^a), *basa* (344^e), *drischin* (353^o) и т. д. Многія вновь вписанныя глоссы вписаны неровно и частію переходятъ за линіи, между которыми находится текстъ, чего при древнихъ глоссахъ мы не встрѣчаемъ. На страницахъ, гдѣ находится нѣсколько древнихъ глоссъ, фальсификаторъ уже рѣдко отваживался вписывать свои глоссы, такъ на пр. на стр. 137, 139, 177, 178, 252 и т. д. Многія глоссы вписаны очень ловко, такъ что ихъ выдаютъ только чернила, но многія за то вписаны очень неискусно и неудачно. Вообще видно, что вновь вписанныя глоссы были вписываемы не въ одно время, но черезъ болѣе или менѣе продолжительныя промежутки, можетъ быть, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то съ большимъ, то съ меньшимъ искусствомъ и ловкостью. Поддѣльныя глоссы въ текстѣ, числомъ двѣнадцать, суть слѣдующія: *blaži*, *cebole*, *dennice* (26^o 29), *hosté*, *jun*, *němec*, *okurka*, *pastýř*, *plš* (116^b 42), *rak* (40^b 27), *svantovit* (20^a 1), *srbi* (303^o 3), *svěl* (56^o 40), *váha* (169^o 23), *varle*, *věnes* (61^b 26), *vlchvice*, *živa* (68^o 28 и 83^a 32); между строчками поддѣлано только одно слово *kramář*. Мы приведемъ ихъ ниже въ алфавитномъ порядкѣ вмѣстѣ съ остальными вновь приписанными глоссами и при этомъ постараемся, по возможности, при помощи печатнаго экземпляра всегда указывать латинскія и отчасти нѣмецкія слова, изъ которыхъ сфабрикованы были чешскія. Фальсификаторъ глоссъ бралъ слова не только изъ чешскаго, но и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, если для того или другаго латинскаго слова ему казались несоотвѣтствующими слова въ древнемъ и въ новомъ чешскомъ языкѣ.

В.

báje (*baie*), *mitos*, *fabulas a fando poete nominauerunt*. 109^a 51
и 206^b 8. Миѣнь.

- bělboh (belboh), beel, baal, ydolum. 32° 9 и 128° 44. Бѣлбогъ.
 bělmo (belmo), glauconia, albugo. 434° 10. Бѣльмо.
 běsy (bessi), demonibus. 188° 10. Демонами.
 bezeslavie (bezezlaue), ignominia. 147° 31. Вѣроятно взято изъ
 русскаго. Безславіе.
 bezsvětný (bezzuetni), temerarius. 338° 41. Безразсудный.
 biřuc (biruc), preso. 263° 42. Бирючь, глашатай.
 bitec (bitec), gladiator, 108° 44. Глadiatorь, мечебитецъ.
 blahodobie (blahodobe), eufemia. 99° 38. Хорошее предзнаме-
 нованіе.
 blahorodie (blahorode), eugenia, eugenies. 99° 19 и 99° 20.
 Благородіе.
 blahoslovie (blahozloue), eulogium. 100° 9. Благословеніе.
 blahovolie (blahouole), eudochia. 99° 13. Благоволеніе.
 blahozvučie (blahozuuce), eufonia. 99° 38. Благозвучіе.
 blána (blana), membrana. 199° 35. Плева.
 blažu (blasu), beo . . . rechlo (въ печатномъ экземплярѣ: beo,
 beatum reddo). 31° 41. Изъ «beatum» поддѣлано такимъ
 образомъ: изъ *e* сдѣлано *l*, изъ *t*—*s* и надъ *u* выскоблена по-
 перечная черточка (знакъ сокращенія *u*). Ублажаю, про-
 славляю.
 blekotný (blesotni), loquax. 181° 25. Болтливый.
 blenie (blene), balatus, vox ovium. 29° 7. Въ чешскомъ не упо-
 треляется. Блеяніе.
 blědý (bledi), delirus, exors. 71° 41 и 107° 50. Въ этомъ зна-
 ченіи не употребляется.—blědí (bledi), religni, stulti. 245°
 38. Умалишенный.
 blíženci (blisenci), gemini. 129° 23. Близнецы.
 bobr (bobr), fiber, biber. 115° 32. Бобръ.
 bodec (bodecc), clunabulum. 417° 45. Остень.
 bodr (bodr), promus, promptus. 271° 48. Бодрый.
 bóh (boh), Deus. 424° 44. Богъ.
 borec (borecc), agonista. 8° 20. Въ чешскомъ не употребляется.
 Съ русскаго. Борецъ.

- bóžě (bose), genium. 433^a 31. Гений.
- braska (bracka), sistrum. 322^o 8. Въ чешскомъ не употребляется.—(brahcka), singoz, tintinabulum. 346^b 51. Брякушка, гремушка.
- brada, см. kozie brada.
- bratr rodny (bratr rodni), germanus frater. 132^b 21. Братъ родной.
- brav (brau), grex. 137^a 20. Стадо.
- brázda (brazda), sulcus. 331^b 42. Борозда.
- breskev (breskev), persicum. 251^a 12. Персикъ.
- brézen (brezen), marcium mensem. 195^o 44. Мартъ.
- briemě (breme), opus. 230^o 28. Бремя.
- britva (britua), nouacula. 221^b 11. Бритва.
- broc (brohcs), rubea. 295^o 29. Крапъ, растение брускъ.
- broň (bron), candidus (equus). 98^o 21. Бѣлая, сивая лошадь.
- brvy (birui), supercilia. 332^b 37. Брови.
- bydlitel (bidlitel), incola. 149^a 48. Житель.

С.

- sebole (sebolle), сере (въ печатномъ экземплярѣ: сере louh vocata). 48^o 28. Уже на простой глазъ видно, что здѣсь выскоблено что-то и вмѣсто подлиннаго вписано неловко сеb, какъ это доказываетъ и цвѣтъ чернилъ. Лукъ.
- sebulář (sebular), serapius, ortulanus. 409^a 3. Огородникъ разводящій или продающій лукъ.
- sědu (sedu), excolo, purgo. 107^o 46. Не употребляется. Чыщу.
- sena (sena), apretium, wert. 17^b 2. Цѣна.
- серу (seri), tribula, drischil. 352^a 6. Цѣпы.
- ceta (ceta), pecunia. 244^b 24.—cety (ceti), nummi, nv (?) 223^a 50. Деньги.
- sketa, sketa (sketa), ineptus. 151^b 17. 18. Трусъ.
- svyk (czuik, cwik), exercitatio. 108^o 24 и 434^a 4. Упражнение.

Č.

- čár (char), ibis. 145^o 30. Аистъ.

- čárě* (chape), *ardea anis*. 19° 17. Молодой аистъ.
čaroději (charodegi), *magi*. 188^b 2. Чародѣи.
čas (csaz), *tempus*. 157^b 51. Время.
čeledě (celed), *familia*. 428° 20. — *vsě čeledě* (wse celed), *omnis familia*. 229° 19. Челядь, вся челядь.
čerеп (cerеп), *ostra, testa*. 235° 20. Взято изъ русскаго. Черепъ.
čeridlo (ceridlo), *hanula, parva delubra*. 434° 51. Изъ словенскаго *čuridlo, čeridlo*.
čerpadlo (cerpadlo), *antlia kurba*. 15° 31. Черпало, ковшъ.
čest' (cest), *honor*. 143° 50. Честь.
četa (ceta), *turma XXX^a milites habet*. 356° 17. Рота.
čieše (cese), *posula*. 464° 33. Чаша.
čieška (cesca), *patella*. 242^b 7. Чашка.
čistá (cista), *casta*. 407° 33. Чистая.
člověčstvie (chlonecstue), *humanitas*. 435° 43. Гуманность, челоуѣчность.
črnidlo (cirnidlo), *atramentum, tinte*. 24° 25. Чернило.
črnobýl (cirnobil), *artemesia*. 21° 24. Чернобыльникъ.
črnoknižník (cirnoknisnik), *nigromanticus*. 215° 31. — *črnoknižníci* (cirnoknisnici), *nigromantici*. 188^b 15 и 452° 4. Черно книжникъ.
črv (cirw), *coccum grece, nos rubrum vel uermiculum dicimus*. 418^b 33. Червь.
ctěna (cstena), *littera*. 179^b 23. Буква.
čupruny (chuprini), *caprone, equorum iube in frontem deueхе*. 406° 16. Холки (у лошадей).

D.

- daň* (dan), *tributum*. 352^b 22. Дань, податьъ.
daněk (danek), *tragelaphus*. 350° 38. Лань.
ďas (das), *genius*. 130° 16. Демонъ.
ďásně (dasne), *gingiue*. 134° 12. Дѣсны.
dci, см. *děvana*.

- dědina (dedina), allodium, territorium. 10^b 44 и 340^c 26. Родовое имѣніе, вотчина.
- dehet (dehet), pix. 257^b 46. Деготь.
- děloha (deloha), matrix, lehir. 196^c 5. Матка.
- den (den), dies. 425^a 31. День.
- dennice (denice): Aurora est clarescentis dici initium et primus splendor denice, qui grece dicitur ethos (въ печатномъ экземпляръ: ... splendor aeris, qui...). 26^c 29. Изъ aeris поддѣлано denice такимъ образомъ: изъ *a* сдѣлано *d*, изъ *r*—*n*, а на мѣсто выскобленнаго, но все таки еще замѣтнаго, *s* написано *se*. Утренняя звѣзда.
- dennice (denice), aurora. 96^b 29. Утренняя звѣзда.
- desietníci (dezzetníci), decuriones. 426^a 46. Десятники.
- dětel (detel), pragma, causa. 262^b 15. Въ чешскомъ не встрѣчается этого слова нигдѣ. Дѣтель, причина дѣйствующая.
- děvana letničina i perunova dci (deuana letničina ú perunova dci), Diana, latone et iouis filia. 76^c 5 (подъ текстомъ). Діана, Латоны и Перуна дочь.
- děveř (deuer), lenir, mariti frater. 174^c 18 и 443^a 41. Деверь. Съ русскаго.
- děvice (denice), parthenos grece, virgo. 241^a 40. Дѣвица.
- děvosnub (devoznub). procah. 269^a 9. Изъ польскаго: dziewosłąb. Въ чешскомъ нѣтъ такого слова. Свать.
- diel (del), partem. 241^a 36. Удѣль, часть.
- diera (dera), cauerna. 45^c 44. Дыра,
- divizna (diuizna), verbascum. 363^c 7. Коровякъ, вербишникъ (раст.).
- dlaň (dlann), palma. 237^b 47. Ладонь.
- dilh (dilh), debitum. 68^c 47. Долгъ.
- dobytče (dobitce), pecus. 244^b 50. Скоть.
- dobytek (dobitec), pecudes. 244^c 3. Скоть.
- domněnie (domene), opiniones. 231^b 16. Мнѣніе.
- domovitý (domoviti), inquilinus, qui eundem colit focum. 440^b 25. Съ русскаго. Домовитый.

- drážní (drazni), incitat. 149^a 24. Дразнить.
- drebne (drebne), riget, stat rigidus. 292^a 46. Въ чешскомъ не встрѣчается.
- drkolie, drkole (dircole), fustis. 432^a 21. Палка, дубина.
- drn (dirn), cespes, 134^b 28. Дёрнь.
- drob (drob), exta. 428^a 30. Дробь.
- drsná (dirzna), raucida, rauca. 283^a 2. Хриплый.
- družec (drusehc), proximus, affinis. 273^a 44. Дружокъ, пріятель.
- drzý (dirzi), audax. 25^a 41. Дерзкій, смѣлый.
- dúbrava (dubrava), silva iouis quercum significat. 318^a 14. Дубрава.
- duha (duha), iris, arcus celestis. 162^a 11 и 380^b 15. Радуга.
- dúška (dusca), thimus, binsuga. 345^a 41. Душица.
- dvětělec (duetelec), bicorpor, zvene lichaṁ. 34^a 9. Двутѣлый.
- dvorenín (dworenin), aulicus, houelinc. 26^a 50. Дворянинъ.
- dýbri, débri (dibri), valles. 359^b 26. Дебри.

Н.

- hace (hace), brace vel succinctoria. 250^a 15. Фартукъ, подштанники.
- hacník (hacnik), lumbale, bracas modicas сохаге. 183^a 13. Бандажистъ.
- hadači (hadaci), sortilogi. 188^a 40. Гадатели.
- hasapezdník (hazapezdnik), simplege sunt calige ex pellibus facte. 319^b 25. Полусапогъ.
- hlad (hlad), fames. 111^a 15. Голодь.
- hlahol (hlahol), sonus. 375^a 43. Звукъ, глаголъ.
- hlava (hlava), nex, occisio. 451^a 24. Голова.
- hlemýžď (hlemizd), mugex, 211^a 10. Слизень, улитка.
- hlezo (hlezo), talus, anchala. 337^a 6. Лодыга.
- hluchý (hluchi), surdus. 333^a 20. Глухой.
- hodina (hodina), hora. 143^b 21. Часъ.
- hodiny (hodini), horologium. 143^b 48. Часы.

- holemý (holemi), grandis, magnificus. 136° 43. Великий, величественный.
- holeni (holeni), tybie. 345^b 23. Голени.
- horčice (horcice), sinapis. 320^b 30. Горчица.
- hosté (hoste), hospitales... perduelles (въ печатномъ экземплярѣ: hospitales hostes perduelles). 435° 31. Поддѣльная глосса; первоначально было hostes, з выскоблено, но слѣды его еще видны. Гости.
- hrab (hrab), carpenus, hagenbuche. 43° 13. Грабина.
- hrábě (hrabe), rastros, lingones. 468° 42. Грабли.
- hrabivý (hrabini), garax. 401° 35. Жадный, хищный.
- hrád (hrad), grando. 136^b 1, 218^b 36 и 434^b 18. Съ русскаго. Градъ.
- hrad ostrožný (hrad oztrosni), arx, altum edificium. 400° 45. Въ чешскомъ не встрѣчается. Крѣпость.
- hradby (hradbi), menia et munitiones. 200^b 22 и 207° 34. Стѣны, бастіоны.
- hrále (hrale), lancea. 442^b 33. Копье.
- hranice (hranice), rogi, foci. 294^b 29. Костеръ.
- hranostaj (hranostay), mustela. 212° 2. Горностай.
- hrěbí (hřebi), cleros grece, sors. 417^b 7 и 417^b 9. Жребій.
- hrědy (hredi), trabes. 350^b 47. Насѣсть.
- hrěz (hrez), lutum. 186° 9. Miklosich: грѣза, f. coenum, Не чешское слово, съ русскаго. Грязь.
- hriesti (hrestí), sepelire est condere corpus. 312° 32. Съ русскаго грести.
- hrivna (hrivna), torques, ornamentum colli. 349° 40. Браслетъ, запястіе.
- hrma (hirna), pubes. 276° 20. Лобковая кость.
- hrot (hrot), sacumen. 37° 31. Дротъ.
- hróza (hroza), horror, pavor. 143° 46. Ужась.
- hrozný (hrozni), horrendus. 143^b 30. Ужасный.
- hrst̃ (hirst), manipulum. 193° 47. Горсть.
- bruška (hrusca), pirus. 257° 50. Груша.

- hůba (huba), fungus, svam. 124° 11. Грибъ.
 hubený (hubeni), miser. 205^b 44. Худой.
 hudba (hudba), musica. 212^b 40. Музыка.
 hudci (hudci), musici. 212^b 40. Музыканты.
 hůně (hune), gaunaca, causara, tislach. 128° 23. Толстое покры-
 вало.
 hurva (hurua), meretrix. 202° 12. Курва.
 hus (huzz), anser, ganzo. 15^b 20. Гусь.
 hůsenice (huzenice), eruca, grasewtm. 102° 48. Гусеница.
 hůsle (huzle), fides. 116° 6. Скрипка.
 hýriti (hiriti), delinquere. 424^b 33. Гулять, распутничать.

Ch.

- chlast (chlast), conubii experts, celebs. 408° 27. Miklosich:
 χλαστηз caelebs. Не чешское слово. Холостой.
 chlěb (chleb), panis. 238° 44. Хлѣбъ.
 chlůpa (chlůpa), Salacia, dea paganorum quasi maritima. 300° 40.
 chrabrosť (chrabrost), fortitudo mentis. 120^b 12. Храбрость.
 chrůmy (chrami), fana, templa. 111° 48, 339° 48 и 428° 33.
 Храмы.
 chr̃bet (chirbet), dorsum. 425^b 40. Хребетъ.
 chriepě (chrepe), nares. 214° 26, 27. Ноздри.
 chrtán (chirtan), fauces. 113° 24. Горгань.
 chvůla (chuala), laus. 171^b 38. Хвала.
 chvorý (chuori), inbecillis. 438° 23. Съ русскаго. Хворый.
 chvosty (chvosti), caude. 407^b 42. Хвосты.
 chyše (chise), casa. 407° 14. Хижина.

I.

- i, см. děvana.
 iho (iho), iugum seruitutis. 164^b 22. Иго.
 ihra (ihra), ludus. 183^b 3. Игра.
 ihrišče (ihrisce), gymnasium. 133° 28. Игрище.
 imě (ime), nomen. 219° 22. Имя.

izok (izok), Majum mensem. 190° 33. — (ýzok), Siban, maius.
316^b 37. Май мѣсяць.

J.

jablo (iablo), malum. 191° 43. Яблоко.

jahoda (iahoda), fragmen. 121^b 8. Ягода. — jahody (iahodi),
genas, ea pars vultus, que inter auriculus et malus est. 129^b
40. Щеки.

jalovec (ialouecc), iuniperus. 164^b 51. Можжевельникъ.

jáma (iama), fouea. 121^a 22. Яма.

jarobud (iarobud), Demetrius. 76^a 49.

jarý (iari), uehemens. 114° 14. Ярый.

jasni, см. jeseň.

javor (iauor), acer. 3^a 7. Яворъ: клень.

ječmý (iesmi), hordeum. 143^b 24. Ячень.

jed (ied), uenenum. 361° 37. Ядъ.

jehlice (iehlice), tremulus, contortus micans. 351° 21. Иголка.

jelen (ielen), ceruus. 409° 46. Олень.

jesen (iezzen), fraxinus, asch. 121° 14. Ясень.

jeseň, jasni (ýassni, ýesen), Isis lingua egiptiorum terra dicitur.
162^b 2.

jesetr (iezzetr), accipenser, genus piscis. 3^b 27. Осетръ.

ječcer (iescer, ýescer), lacertus, ydra, draco. 168° 14, 380^a 47
и 442^a 26. Ящерица.

ječut (iezzut), inania. 148^b 18. Пустое.

ječutný (ýesutni), vanus. 359° 40. Пустой.

jezero (iezero), lacus. 169^a 18. Озеро.

jinie (gine), pruina. 274^a 40. Иней.

jircha (gyrcha), aluta, loskhut. 11^a 15. Ирха, оторочка (Даль).

jun (iun), puber... (въ печатномъ экз.: puber iunger). 466° 35.

Видно, что первоначально было «iunger», но *g* и знакъ со-
кращения надъ *g* «er» выскоблено, слѣды чего еще остались.

Возмужалый.

junošē (iunose), adolescens. 387^a 22. Юнона.

jutro (intro), inger est quantum par boum potest in die arare.
164^b 3. Десятинна.

К.

kadere (cadere), crines. 63^b 33. Кудри.

kamy (cami), lapis. 169^o 45. Камень.

karnáček (carnacek), sindonem greci et latini vocant amictorium
leneum femiuarum, quo humeri operiuntur, idem et anale.
320^o 11.

kečice (kecsice), cesaries. 410^a 24. Полосы длинныя впереди.

ker (kepp), uulua. 433^o 9.

klešče (clesce), forceps, zanga. 118^o 11. Клѣщи.

kleveta (cleueta), kalumpnia. 165^o 20. Сплетни.

kluka, kliuka (cluca), aduncus, hako. 6^b 6. — (cluca), vncus,
curuus. 373^b 19. Крюкъ.

kněz (snez), princeps. 267^o 3. Князь.—kněži (snezi), principes.
86^a 29. Князья.

kniha (sniha), liber. 175^o 17. Книга.

knihari (snihari), librarii. 175^b 14. Писцы.

knižný (knisni), scitus. 308^b 38. Изъ русскаго принято; въ чешскомъ нѣтъ этого слова. Книжный.

koberec (soberehc), mantilia. 193^b 23. — (soberec), tapetum,
tebich. 337^b 45. Коверъ.

koláč (colach), numera, dona. 211^a 4. Калачъ.

koleno (coleno), genu. 131^b 43. Колѣно.

kolesa (colezza), uehiculum, currus. 361^a 19. Коляска.

komoh (comon), equus. 426^o 48. Конь.

komonničí, см. starosta.

komonníku (komonniku), equiti. 426^o 40. Всадникъ.

koň (kon), equus. 426^o 48. Конь.

konec (conec), finis. 430^b 28. Конецъ.

kony (coni), cantarus, ubi aqua mittitur. 406^b 27. Конобъ, ко-
новка.

korie (core), lancea. 169^b 32. Копье.

- korřiva** (corřiva), cliben. i. urřica. 417^b 34. Крапива.
koráb (corab), liburnus, maior navis. 176^b 28. Корабль.
korábník (corabnik), faber naualis. 109^a 9. Корабельникъ.
korec (corehc), modius. 207^a 14. Корець (Даль).
korist (corist), opima, spolia, preda. 231^a 47 и 263^c 7. Корысть.
kory (cori), radix. 468^c 30. Корень.
kotel (cotel), cacabus, tympanum. 37^c 15 и 346^b 9. Котель.
koty (coti), anchora, senkfl. 373^b 20. Якорь, котва.
kov (covv), metallum. 203^a 10. Металъ.
kozie brada (cozebrada), sterillum, boceis bart. 328^c 35. Козья
 бородка.
koslec (cozlec), tragos. 351^a 19. Козель.
krahuji (crahuji), accipitres. 3^b 29. Ястребы.
kramář (kramar), institor, negotiator uel mercator. 157^a 29.
 Поддѣлано изъ крамер, вмѣсто выскобленнаго е написано
 а. Лавочникъ, торгошъ.
kramola (cramola), seditio est dissentio ciuium. 356^a 12. Послѣ
 слова kramola находится еще *ta*, или это начало новаго
 недописаннаго слова, или это мѣстоимѣніе?! Крамола.
krastavost (crastauost), ruditas, novitas. 470^a 26. Шерохова-
 тость.
krčma (kirčma), sorona, taberna. 422^a 6. Корчма.
krčmář (kirčmar), caupo. 167^b 51. Корчмарь.
krěha (creha), fictile, fragilitas carnis. 430^a 35. Дряхлость.
krídlatec (crídlatec), pegasus, equus neptuni. 245^a 23. Крыла-
 тый конь.
krín (crin), liliun. 177^b 14. Кринъ, лялія.
kroky (croki), sparum est rusticum telum in modum pedis resu-
 rium. 325^c 24. Кроквы (Даль).
krtón vnuk, см. radihost.
kruh (cruh), circulus, gyrus. 414^a 42. Кругъ.
kruři (crussi), fragmenta. 121^a 51. Крушья, ломти (Даль).
kruřina (crusina), gamnus est genus rubi. 282^b 51. Собственно

средневѣковое латинское слово, но фальсификаторъ считалъ его чешскимъ. Кожухъ.

kružidla (crusidla), circines. 413° 51. Циркули.

kry (cri), sanguis. 301^b 48. Кровь.

krzno (kirzno), clamis, pallium. 416^b 28. Кожухъ.

kúdel (cudel), stupra sanabi. 330^a 2. Кудель.

kuchař (suchar), cocum. 418^b 47. Поваръ.

kúkol (socol), lolium, zizania. 181^b 17. Куколь, плевель.

kupecstvie (cupecstvie), mercatus. 201^b 48. Торговля.

kúpiti (cupiti), emere. 94^a 4. Купить.

kurie noha (curenoha), gallicrus, hanvoz. 127^a 24. Курья нога.

kurorěnie (curopene), gallicinium, galli cantus. 127^a 17 и 432^b 38. пѣніе пѣтуховъ.

kuroptva (curoptua), perdix. 248^a 43. Куропатка.

kúzni (kuzni), machinas, cogitationes malas. 187^b 6. Съ рускаго. Козни.

kvar (quar), pluma. 463° 20. Пухъ, пушокъ.

květen (queten), florilia, tempus florum. 431^a 18. Май мѣсяць.

kyčle (kicle), femora, diech. 114^a 10. Бедра.

kývač (kiwacz), secundus (digitus) salutaris. 79^a 17. Указательный палець.

L.

lada (lada), uenus, dea libidinis, cytherea. 363^b 14 и 423° 5. Лада.

lada (lada), rura, veteres incultos agros dicebant. 296° 23. Поля.

ladný (ladni), nitens, serenum. 218^b 8. Ладный, хороший.

láhvice (lahuice), lagena, vas vinarium. 169^a 31. Бутылка.

lajno (laino), sacca, stercus. 37° 15. Пометь.

led (led), glacies. 218^b 36. Ледъ.

leden (leden), ianuaris. 436^b 8. Январь.

ledvina (leduina), ren. 289^a 23. Почка.

lěk (lekk), medicina. 197° 51. Лѣкарство.

lěkař (lesar), medicus. 198° 2. Врачъ.

- lěkarstvie (lecarstue), medicina est sciencia curationum. 197°
49. Врачебное искусство.
- lektánie (lectane), titillatio. 347° 30. Щекотание.
- lemeš (lemes), dentale est aratri prima pars, vomer. 73^b 39 и
374° 19. Лемешъ, сошникъ (Даль).
- leň (len), ignavia, pigricia, inercia. 146° 7 и 151^b 29. Лѣнь.
- lepse (lepse), sorbit. 473° 51. Лакаетъ.
- lěpota (lepota), pulcritudo. 277° 22. Красота, глѣпота.
- letnice (letnice), latone. 171° 10.
- letničina, см. děvana.
- lětopisec (letopizsec), historiographus. 142° 31. Лѣтописецъ.
- lětorosl (letorozl), ramale, uirga. 282^b 25. Вѣтвь.
- liceměrníci (licemernici), simulators, uroscite. 382^b 15. Лице-
мѣры.
- lichoplěsy (lichoplezi), syrene. 336° 17. Сирены.
- lichota (lichota), malignitas. 19^b 25. Коварство.
- lichotný (lichotni), maliciosus. 191^b 37 и 191^b 39. Коварный.
- lichý (lichi), malignus. 191^b 30. Лихой, злой.
- lis (lizz), torcular. 349^b 38. Прессъ.
- liesky (lezki), auellane, haselnuzze. 25^b 5. Лѣсной орѣхъ.
- liubí (lubi), amat. 407° 9. Любитьъ.
- liuby (lubi), dilectio. 79^b 24. Любовь.
- liutice (lutice), furia, dea infernalis. 125° 19 и 125° 35.—(lu-
tice), Eumenides. 96^b 44 и 427° 7.
- liutý (luti), ferox. 114° 14. Лютый.
- loket (loket), ulna. 372^b 40. Локоть.
- lom (lom), lapicedia. 169° 33. Каменоломня.
- lóno (lono), sinus. 321° 14. Лоно.
- lorata (lorata), pala, scufela. 236° 43. Лопата.
- lovec (lovehc), venator. 361° 2. Ловець, охотникъ.
- lože (lose), thalamum. 342° 38. Ложе.
- ložesný (losezni), clinicus. 417^b 49. Нѣтъ въ чешскомъ. Въ по-
стели лежащій, больной.
- ložnice (losnice), cubiculum. 65° 4. Спальня.

luh (luh), lucus. 183^a 12.—luhy (luhi), lucos, немога. 182^b 45.
Лугъ, луга.

luk (Luc), serpillus, herba. 314^a 27. (Краснымъ черниломъ написано). Лукъ.

lukavá (lukava), falsa sub prodicione. 110^a 34. Съ русскаго.
Лукавая.

lúpež (lupes), rapina. 283^a 1. Грабежь.

lúpežník (lupesnik), pirata. 108^a 43. Разбойникъ, грабитель.

lúže (luse), lacuna, collectio aquarum. 169^a 13. Лужа.

lýkŕ (lico), liber est corticis pars interior, dictus a liberato cortice. 175^a 13. Лыко.

lyžice (lisice), coclear. 418^a 50. Лжица.

lživý (lsini), mendax. 200^b 3. Лживый.

М.

masecha (masecha), pouerca. 221^b 24. Мачиха.

majčenie (maicene), priapismus est pudendorum extensio. 267^a 49. Не чешское слово.

malek (malekk), quintus (digitus) auricularis. 79^a 23. Мизинецъ.

malí (mali), minuit. 204^a 42. Уменьшаетъ.

máta (mata), menta. 201^a 50. Мята.

matera (matera), matrona. 196^a 22. Мать, пожилая, почтенная женщина.

matuřeju (matureiu), senescunt. 311^b 41. Нѣтъ въ чешскомъ.
Старѣють.

mazanec (Mazanec), placenta. 257^a 12. (Краснымъ черниломъ написано). Калачъ.

meč (mech), gladius. 134^b 1. Мечъ.—ostrie меče, см. ostrie.

med (med), mel. 199^b 38. Медъ.

měď (med), aes. 389^a 48. Мѣдь.

medovina (medouina), mulsum a melle dictum. 210^b 2. Медовина.

medvědice (medvedice), ursa. 376^a 9. Медвѣдица.

meh (meh), muscus. 212^a 27. Мохъ.

- měna (mena), concambium, wehsel. 51° 35. (Написано подь тек-
стомъ). Мѣна.
- měřu (meru), metior. 203° 28. Мѣрю.
- měsiec (mezzec), mensis. 200° 12. Мѣсяць.
- mest (mest), mustum. 212° 12. Местъ.
- meze (meze), mese, media. 202^b 18. Межа.—(meze), fines. 430^b
23. Межи.
- mezinec (mezinehc), quartus (digitus) anularis. 79° 20. Безъ-
именный палець.
- mhla (mhla), nebula. 215^b 19. Мгла.
- mieč (mech), pila, rotunditas. 255° 17. Мячь.
- milosrdie (milozzirde), misericordia. 205° 23. Милосердіе.
- miera (mera), mensura. 201° 30. Мѣра.
- mlat (mlat), malleus. 191^b 20. Молотъ.
- mlěčnice (mlecnice), lacteus cīrculus. 168° 43. Млечный путь.
- mléko (mleco), lac. 168^b 25. Молоко.
- mlň (miln), fulgur. 123^b 34. Молнія.
- mol (mol) tineas. 346^b 34. Моль.
- mor (mor, morr), pestis. 251° 16 и 251° 46. Моръ.
- morana (morana), Escate, triunia vel uoticula, Proserpina. 87°
49 и 138° 17. Прозерпина.
- more (more), mare, pontus. 194° 2. Море.—rudé more (rude
more), rubrum mare. 195° 3. Красное море.
- morúsi (moruzzi), pilosi a grecis panites, a latinis incubi vocan-
tur. 149° 43 и 256° 11. Мары, кикиморы (Даль).
- mosazny (mozazni), de auricalco, von messinge. 68° 35. Изъ
жолтой мѣди.
- motýl (motil) papilio. 458^b 42. Мотыль.
- mozh (mozh), medulla. 199° 16. Мозгъ. — v mozzě (w mozze),
in cerebro. 227° 47. Въ мозгу.
- mračice (mracice), rubus, genus ligni spinosi. 296° 18. Въ чеш-
скомъ вѣтъ въ другомъ мѣстѣ этого слова. Морощка.
- mrchy (mirchi), cadauera. 405° 12. Трупы.
- mršciny (mirscini), rugas, collectiones vestimenti in unum. 296°

45. Въ другомъ мѣстѣ не встрѣчаемъ нигдѣ этого слова.

Съ русскаго. Морщины.

mrtvé (mirtue), sc. more, mortuum (mare). 195^a 14. Мертвое (море).

múdrost' (mudrost), sapiencia. 302^a 16. Мудрость.

murín (murin), maurus, мор. 197^a 45. Въ чешскомъ только «múřenin». Съ русскаго. Муринь.

mysl (mizl), mens. 200^b 50. Мысль.

myšky (miski), musculi, capita nervorum. 212^a 17. Мышки.

mýtař (mitar), thelonearius. 343^b 39. Мытарь, таможенный чиновникъ.

mýto (mito), thelinium. 343^b 37. Мыто.

mžik (msikk), momentum. 207^c 24. Мгновение.

N.

naděliboh (nadeliboh), auitarium. 402^b 14. Дари Богъ.

nadobná (nadobna), eleganti forma et corpore pulcra. 277^a 30.

Красивая.

nadut (nadut), inflatus. 152^c 5. Надуть.

nach (nach), purpura. 278^b 38. Пурпуръ, червленъ.

náchodem (nachodem), incessu, gressu. 148^c 50. Находимъ, нашествіемъ.

nález (nalez), senatus consultus. 220^c 17. Рѣшеніе.

nápast' (napast), erumpna. 102^b 23. Напастъ.

nápor (napor), pulsus. 277^b 41. Напоръ.

nástroj (nastroi), instrumentum. 157^a 50. Орудіе.

navazač (nauazach), haruspex. 138^a 46. Гадатель по внутренностямъ животныхъ.—navazači (nauazaci), aguspices. 106^c 23 и 188^b 46. Гадатели.

nebe (nebe), ether, himil. 103^a 37. Небо.

nebožec (nebosec), misellus, miser. 205^c 36. Бѣдняга.

nečestie (neceste), improbitas. 155^c 3. Въ чешскомъ не встрѣчается. Нечестіе.

něha (neha), teneritas. 479^a 24. Нѣга (не встрѣчается въ чешскомъ).

nehoda (nehoda), intemperies. 157^b 43. Невзгода, непогода.

něhovati (nehovati), mulcere, molire. 210^a 24. Нѣжить (въ чешскомъ нѣтъ въ другомъ мѣстѣ этого слова).

nejesyť (neiezzit), pelicanus. 245^c 18. Съ русскаго. Неясъть. нѣмец (nemes), barbarus, tardus, truculentus... immitis (въ печатномъ экземплярѣ: barbarus... truculentus, атрох, immitis). 30^a 51. Поддѣлано изъ атрох: изъ *at* сдѣлано *n*, изъ *r* — *e*, изъ *ox* — *me*, а *c* вновь приписано, и все остальное, что мѣшало, выскоблено. Самая неудачная поддѣлка. Нѣмецъ.

nemluvně (nemluune), infans. 151^c 24. Ребенокъ.

neposedá (nepozeda), turbidus. 356^b 14. Безпокойный, непосѣда.

nestýda (nestida), tercius (digitus) imprudicus. 79^a 19. Среднїй палець. Безстыдникъ.

neti (neti), filiola. 116^b 1. Племянница.

netopýri (netopiri). vespertiliones, ydolorum cultores. 365^c 22. Нетопыри.

neučeny (neuceni), indoctus. 151^a 9. Неученый.

nehodie (nehode), indignatio. 150^c 49. Невзгодье, негодованїе.

nevod (neuod), sagena. 300^b 14. Неводъ.

niť (nit), fila. 116^a 36. Нить.

niva (niua), locus arua. 181^a 31. Нива. — nivu (niui), nouales agri. 221^a 51. Нивы.

noha, см. kurie noha.

pora (pora), spesus, 473^c 2. Въ чешскомъ нигдѣ не встрѣчаемъ этого слова. Съ русскаго. Нора.

novinka (nouinca), nouella, nouiter plantata. 221^b 19. Новина, новь.

nozdry (nozdrí), nares. 214^a 26, 27. Ноздри.

npravu (nraui), mores. 209^a 37 и 209^a 39. Правы.

núze (nuze), inopia. 154° 26. Нужда.
 nušpule (nizpule), mospila. 202^b 32. Кизиль.

О.

obec (obecc), rem publicam. 288° 36. Община. — (obec), con-
 pasctus ager. 421^b 16. Общинная запашка.
 obedraný (obedrani), lacer, lacertus. 168° 3. Ободранный.
 oběť (obet), sacrificium. 299^a 10. Жертва.
 obezrěnem (obezrenem), ohtutu. 453° 30. Обзоръніемъ.
 obih (obih), abundantia. 384° 50. Обиліе.
 oboz (oboz), castrenses res. 44^b 44. Нѣтъ въ чешскомъ этого
 слова. Обозъ.
 obraz (obraz), idolum. 146^a 15. Образъ. — obrazy (obrazi),
 nummi, nv (?). 223^a 50. Монеты.
 obrědi (obredi), cerimonia. 409^b 16. Обряды.
 obruč (obruch), armilla rotunda, bov. 20^b 27. Обручъ.
 obušie (obuse), auricule. 44^a 12. Обушіе.
 obuzce (obuzce), calumpniator, rapula falsi criminis. 39° 32.
 Клеветникъ.
 odr (odr), pulpitum, lectum. 466° 44. Въ этомъ смыслѣ не встрѣ-
 чаемъ этого слова нигдѣ. Одръ.
 ohar (ohar), fuscum nigrum, aquilum. 125^b 14. Въ чешскомъ
 нѣтъ этого слова. Вѣроятно съ русскаго. Огаръ, смуглый.
 ohnišćenín (ohniscenin), libertus, cui post serviciū accedit li-
 bertas. 176^a 2. Не чешское слово. Огнищанинъ.
 okar (ocar), compluvium, trooph. 54^a 18. Капель.
 okop (ocop), uallum, dicitur ipsa munitio. 359^b 47. Окопъ.
 okrasy (ocrazi), ornamenta. 456^b 38. Украшенія.
 okurka (ocurka), cucumer... h^o cucumeris (въ печатномъ экзем-
 плярѣ: cucumis et cucumer dicitur hujus cucumeris ut
 vomis et vomer). 65. Поддѣльная глосса изъ cucumis (?)
 dicitur: *d* (частью) и *tur* выскоблено. Огурецъ.
 olij (olij), oleum. 229° 23. Масло.
 olše (olse), alnus, erlin. 10^b 42. Олъха.

- opálka (opalca), capisterium, multer. 41° 17. Вѣяло, вѣяльное рѣшето.
- opasek (opazek), marsupium, sacculum pessunie. 195^b 43. Поясъ, кушакъ.
- орес, opice (ores, opice), simia. 319^a 9 и 319^a 23. «Орес» не употребляется въ чешскомъ. Обезьяна.
- oplečie (oplece), armillas ex auro. 400^b 12. Оплеchie.
- орока (orosa), saha. 471° 21. Опока.
- orěchy (orechi), nucis. 222^b 10. Орѣхи.
- osěnie (ozene), segetes, sata. 303° 22. Посѣвъ.
- oslopy (ozlopi), vectes dicti, quod manibus pectentur. 360° 31.
Въ чешскомъ не встрѣчаемъ этого слова, вѣроятно съ русскаго. Ослопъ, ослопина.
- ost (ozt), mucro, ferrum. 209° 38. Острие.
- ostrabi (oztrabi), restauravit. 291^b 33. Ободрилъ, возстановилъ.
- ostrice, ustrice (ostrice), ostrea. 235^a 38. Устрица.
- ostrie meče (oztre mece), mucro ensis. 209° 43. Острие меча.
- ostropest (ostropezd), carduus. 42° 23. Остропѣстръ.
- ostrov (ostrow), insula. 157^b 11. Островъ.
- ostrožný, см. hrad.
- osud (osud, ozud), fatum. 113^a 2 и 113^a 5. Судьба.
- osudie (ozude), lebetas, urnas aureas. 171° 25.—(ozude), urna, sepulchrum. 375° 45. Сосудъ, урна.
- osudný (osudni), fatifer, letifer. 112° 31. Роковой.
- osvěta (ozueta), claritas. 416° 8. Просвѣщеніе.
- osy (ozi), vespas, animal exiguum volatile. 365^b 44. Осы.
- oščery (ošcepi), jacula, missilia tela. 145^b 9 и 236^a 48. Копья.
- oškrditi (ozkirditi), pastinare, colere, plantare. 242^a 25. Обкапывать.
- otne, см. riť.
- otravú (otraun), veneno. 361° 24. Отравою.
- ovady (ouadi), abbasos, synomia. 22° 49. Оводы.
- ovce (ouce), ovis. 235^b 50. Овца.
- ovčín (oucín), caule, ouile opium. 407° 9. Овчарня.

oves (ouez), avena. 25^a 50. Овесъ.
 ožeh (oseh), tiburgna, ovincrucc. 345^o 4. Ожегъ, кочерга.
 oženky (osenki), primicie, frugum inicia. 267^b 31. — (osenki),
 cerealia arma, instrumenta pistoria vel frumentalia. 409^a
 28. Ожинки.

Р.

palcec (palecc), pollex primus. 79^a 15. Палець большой.
 paličnici (palicnici), lictores dicuntur, quod fasces uirgarum
 ligatos ferunt. 443^b 14. Ликторы.
 paměť, см. riť.
 paprať (paprat), filicem. 116^a 51. Папоротникъ.
 parize (parize), parizomata, vestis antiquissima hominum fuit.
 240^o 34. Въ чешскомъ не встрѣчается. Платье.
 pásek (pazec), cestus. 410^b 4. Поясокъ.
 pastorek (pastorek), filiaster, stifsun. 116^a 50. — (pastorek),
 priuignus. 268^b 6. Пасынокъ.
 pastýř (pastýr), hulcus... (въ печатномъ экземплярѣ: hulcus,
 pastor). 143^o 50. Сдѣлано изъ pastor и именно: о выско-
 блено и вновь вписано ŷ.
 pav (pavv), paou. 243^o 32. Павлинь.
 paz (paz), iunctura tabularum. 441^a 51. Съ русскаго. Пазъ.
 pazderie (pazdere), acus palce. 385^o 29. Шелуха льна.
 pažit (pasit), cespis. 181^o 32. Пажить, пажа.
 pešera (pescera), antrum, spesium. 16^a 48. Не чешское слово. Съ
 русскаго. Пещера.
 pekař (pesar), pistorem. 418^b 47. Пекаръ.
 peklo (peclo), infernus, tartarus. 152^b 4. Адъ.
 pelest (pelest), varius (equus). 98^o 26. Не чешское слово. Пе-
 лесый. — pelestý (pelesti), discolor, mutabilis. 360^a 14.
 Пелесый, пестрый.
 pelyn (pelin), absinthium, wermuthe. 2^a 38. Полянъ.
 peň (pen), truncus. 354^o 49. Пень, стволъ.
 pěníe (pene), modulatio. 207^a 24. Пěníе.

- peniez (penez), denarius. 73^b 3. Монета.
- peňkava (pencaua, penkaua), fringellus, fringilla, vinco. 122^b 27
и 431^c 15, 16. Зябликъ.
- perina (perina), plumatium, vederbette. 463^c 17. Перина.
- perla (perla), margarita. 195^a 36. Жемчужина.
- péro (pero), penna. 246^b 3. Перо.
- perun (perun), iupiter. 441^b 43. Перунъ.
- perunova (perunoua), iouis sororem. 441^b 24. Перунова.—ре-
рунова, см. děvana.
- pěsň (pesn), melos, dulcis cantilene cantus. 199^c 18. Пѣснь.
- pěšci (pesci), pedites in ludis circensibus. 244^c 37. Пѣшцы.
- pěšina (pesina), trames. 351^a 46. Тропинка.
- pěvci (peuci), lirici, poete dicti. 179^a 46. Поэты, пѣвцы.
- píce (pice), rabulum. 235^c 51. Пища, кормъ.
- pícnik (picnik), rabulator. 235^c 49. Фуражиръ.
- pěst̃ (pest), pignus. 237^b 49 и 277^a 2. Кулакъ.
- pij, см. руж.
- pijavice (piyauice), sanguisuga. 301^c 33. Пиявица.
- pišcel (piscel), psalterion, sambucus grece, latine organum. 275^b
16. Пащаль.
- pivo (pivo), cereuisia. 409^c 30. Пиво.
- pivoně (pivone), peonia. 247^b 43. Пионія.
- pláč (plach), fetus, lactime. 431^a 10. Плачь.
- pláče sě (place se), flet. 289^c 51. Плачеть.
- plakati sě (placati se), flere. 117^c 46. Плакать.
- plamenník (plamennik), flammiger. 117^c 13. Въ чешскомъ не
встрѣчается это слово. Пламенникъ.
- plasy (plazi), tenie, infule. 340^b 29. Не чешское слово. Полосы,
ленты.
- plášček (plasek), pretexta. 266^c 28. Плащъ.
- plavý (plauí), flauus. 431^a 5. Темножелтый, плавый.
- plaz (plaz), reptile, serpens. 289^c 46. Пресмыкающееся жи-
вотное.

plecnici (plecnici), genones sunt uelamina humerum et pectoris.

289° 33. Въ чешскомъ не встрѣчается это слово.

plěn (plen), exspolia, exuuię. 106° 36 и 107° 37. Добыча.

plěnik (plenik), mansers. 445° 47. Не встрѣчается въ чешскомъ. Плѣнникъ.

pletu (pletu), flecto, vlichto. 117° 31. Плету.

plěsanie (plesane), ovatio, minor triumphus. 235^b 42. Овація, торжество.

plnolunie (pilnolune), quarta plena figura lune. 184° 27. Полнолуніе.

plot (plot), serpes. 312° 40. Заборъ.

plst̃ (pilzt), centon... (въ печатномъ экземплярѣ: filz). 48^b 39.

Поддѣльная глосса изъ vilz: изъ *v* сдѣлаво *p* и приписано *t* надъ *z*.—(pilst), filtrum, vilz. 116^b 42. Войлокъ, полсть.

plúh (pluh), aratrum. 18° 24. Плугъ.

plzný (pilzni), frugalis. 431° 26. Полезный, пользу приносящій.

ročítári (rocitari), mathematici. 188° 26. Счеты ведущіе, математики.

podlomek (podlomek), gemursa sub minimo digito pedis tuberculum. 433^b 4. Трещина.

podplamenice (podplamenice), colirida, subcinericius panis. 419° 25. Хлѣбная лепѣшка.

podražec (podrasec), titimallum. 347° 47. Молочай, кирказанъ.

podvaly (poduali), bases. 30° 26. Подножія, подвалья.

podvazky (poduazki), fasceoli. 112° 30. Подвязки.

podvod (poduod), impostura, fraus. 148° 41. Обманъ.

rohoda (rohoda), sudum, serenum. 333° 50 и 476° 36. Ясная, хорошая погода.

roklad (roclad), erarium, gazophilatium. 100° 50 и 128^b 9. Кладъ.

poluču (polucsu), nanciscor, adipiscor. 213° 10. Съ русскаго. Получу.

roměč (romech), pedica, qua pedes ligantur. 245° 6. Птицеловная сѣть, тайникъ.

- pomezie (pomezze), confinium, gereine. 55° 38. Граница.
 pomiluj (pomilui), miserere. 205^b 49. Помилуй.
 ponebie (ponebe), palatus, gumo. 236° 13. Поднёбье.
 porvata (poruata), proserpina. 463° 33 и 466° 26. Прозерпина.
 posah (pozah), dotalicium. 85^b 18. Съ польскаго «posag». При-
 даное.
 poselnice (posselnice), pedissequa, ancilla. 244° 49. — (pozzel-
 nice), serua. 315^a 26. Служанка (на посылкахъ).
 poskočníci (pozkosníci), saltatores. 142^a 43. — (poscosníci),
 salisatores. 188° 45. Въ чешскомъ не употреблялось и не
 употребляется. Плясуны.
 postať (postat), positura. 261^b 14. Станъ.
 postržiny (postrisiny), tonsure. 348^a 36. Постриженіе, постриги.
 pótka (potka), pugna, certamen. 276° 31 и 409^b 49. Сраженіе.
 potopa (potopa), diluuium. 79^b 40. Потопъ.
 potupa (potupa), cauillum, cauillatio. 407° 8. Позоръ, презрѣніе.
 pověšť (pouest), fama. 111^a 1 и 428° 7. Молва.
 prach (prach), pulvis. 277° 29. Прахъ.
 prak (prak), funda. 124^b 1. Праца.
 přáslo (prazlo), sepes. 312° 40. Прясло.
 praščeď (prasced), progenies. 270° 26. — (prasced), prorago,
 soboles. 271^a 48. Потомство, поколѣніе.
 praši (prasi), allopicia, grint. 10° 2. Короста, кора.
 pravda (prauda), fas, lex diuina est. 112^a 25. Правда.
 pravice (prauice), dextra manus. 75° 48. Десница.
 pravidlo (prauidlo), examussis, rigestar. 107^a 47. — (prauidlo),
 norma, thema. 219° 9 и 343^b 46. Правило.
 právo (prauo), jus. 112^a 25. Право.
 pravoslavný (prauozlauni), orthodoxus. 233° 2. Православный.
 pražma (prasma), primicie de mele et frumento. 267^b 36. Пряжмо.
 pře (pre), lis, rixa. 179^b 7. Споръ, тяжба, пря.
 přěměna (premena), metonomia. 203^a 35. Метонимія.
 přěnos (prenozz, prenoz), metaphora. 202° 27 и 203^a 4. Ме-
 тафора.

- prepelice (prepelice), coturnix. 422^b 5. Въ чешскомъ нѣтъ, а
 • есть křepelice, křepelka. Перепелъ.
 přerěvec (preuehc), precentor, qui uocem premitit. 263^a 23.
 Запѣвадо.
 přetvora (pretvora), vnschafa, metamorphosis. 203^a 12. Пре-
 вращеніе.
 prije (prije), affrodis grece, latine uenus. 8^a 20, 101^c 25 и 362
 14. Венера.
 příjemné (prijemne), amenum. 394^a 22. Приятное.
 připíjeti (pripjeti), libare. 175^a 37. Подъ текстомъ. Пить за
 кого нибудь.
 příslovie (prizloue), proverbialia. 273^b 43. (přloue), adagia. 385^c
 44. Пословицы.
 přišera (presera), portentum est, quod subito apparet et ali-
 quid pretendit. 466^a 20. Чудище.
 přišlec (prislec), extraneus, ab alia terra. 428^a 34. Пришлецъ.
 přítel (prietel), fabisor, fautor. 109^a 17 и 113^a 43. Приятель.
 příuzný (prijuzni), cognatus, agnatus. 391^a 35 и 419^a 21. Род-
 ственный, родной.
 převal (preual), procella. 269^a 21. Ливень.
 prok (proc), residuus. 290^c 11. Подъ текстомъ. Нѣтъ въ чеш-
 скомъ этого слова. Прочій.
 prorok (prok), propheta. 272^b 24. Пророкъ.
 prstenu (pirsteni), sigilla. 318^a 8. Перстни.
 pruhu (pruhi), stigmata ignea, uulnerum signa. 478^a 8. Рубцы.
 prvenec (piruenehc), primogenitus. 267^b 43. Первенецъ.
 prvospie (piruozpe), conticinium. 58^c 9. Первый сонъ.
 přýze (prize), imbrex, ziegal. 147^c 6. Черепица.
 psanec (pzanehc), pulsus, exul. 277^b 38. Изгнанникъ.
 ptakopravce (ptacoprawce), augur. 402^a 40. — (ptacoprauci),
 augures. 188^c 2. — (ptacoprauce), augures. 234^b 45. Аугуры.
 ptence (ptence), pullos, filios auium. 277^a 32. Птенцы.
 pudí (pudi), repudiat. 289^c 46. Гонить.
 puchýř (puchir), pus, sanies. 278^c 10. Нарывъ.

púšč (pusc), desertum. 74^b 18. Пустыня.
 púta (puta), compedes. 421^a 6. Оковы, путы.
 руј (ру"), penes. 246^b 49. Мужскій членъ.
 рур (pir), fauilla est cibus ignis. 113^a 42. Горячая зола.

R.

radihost' vnuk krtóv (radihost wnukk kirtow), mercurius a
 mercibus est dictus. 447^a 45.
 ráj (raj), paradus. 239^a 47 и 458^o 27. Рай.
 rak (rac), cancer... forcers (въ печатномъ экземплярь: Cancèr,
 паса, forcers). 40^b 27. Поддѣльная глосса изъ паса: изъ
 n сдѣлано r, a же выскоблено. Ракъ.
 raqu (raki), tumba, sepulchra. 355^o 27. Въ чешскомъ нѣтъ. Раки,
 гробы.
 ranúšek (ranusec), manius, pronomen dictum ab eo, quod mane
 quis initio natus sit. 445^b 36. Раннее дитя, недоносокъ.
 řasno (razno), fimbrium. 116^b 46. Бахрома.
 řasy (razzi), cilia sunt tegmina oculorum. 412^o 6. Рѣсныцы.
 rebri (rebri), scale. 305^a 15. Лѣстница.
 řečník (recnikk), retor, orator. 291^o 47. Ораторъ.
 řešeto (reseto), cribrum. 63^o 2. Рѣшето.
 riť: v riti otnie raměť (writi otnie pamet), pubes, virilia (но
 относится къ древней глоссѣ: tlaky). 275^o 47. Г. Вртятко
 старался объяснить это мѣсто въ Sitzungberichte d. k. böhm.
 Gess. d. W. 1861. II, p. 78.
 riza (riza), uestis, replum. 366^b 25. Риза.
 robenec (robenec), puer. 276^b 35. Мальчикъ.
 rodná, см. sestra.
 rodný, см. братъ.
 roháč (rohach), mergus. 202^a 22. Гагара.
 roj (roj), examen, zvarem. 107^b 3. Рой.
 rovy (roui), cloace. 417^o 41. Рвы.
 rozhlási (rozhlassi), increbescit, fama frequentas. 149^o 25.
 Разгласить.

- r ozhranie** (rozhrane), trinium. 353° 31. Распутіе.
roz k ol (roscol), scisma, divisio. 308° 3. Расколъ.
ros koš (rozcos), libido. 176° 28. Удовольствіе.
rozščěr (roscep), scisma, divisio. 308° 3. Расколъ.
rtu (rti), labia. 168° 15. Губы.
ručitel (rucitel), satisdator, fideiussor. burgo. 116° 4. Поручи-
 тель.
rudé more, см. more.
řujen (ruien), october mensis. 227^b 34 и 454° 20. Октябрь мѣ-
 сяць.
rukojeť (rucioet), manubrium, hilza. 193^b 47 и 445° 27. Ру-
 коятка.
rúno (runo), vellus. 361^b 32. Руно.
ryd (rid), singultus, suspiriis uiscerum pulsus. 321° 31. Нѣтъ
 въ чешскомъ. Рыданіе.
ryh (rih), singultus, ex stomacho fil vel ex frigido bibendo.
 321° 35. Рыганіе.
ryk (rik), rugitus ferarum: 296° 50. Ревъ, рыкъ, рычаніе.
rýn (rin), genus fluuius. 289^b 11. Рейнь.
rysk (risc), cursus equestris. 66^b 39. Съ русскаго. Рыскъ.
ržáti (rsati), hinnire, stridere. 141° 28. Ржать.

S.

- sádra** (zadra), gipsum. 134° 18. Гипсъ.
salaše (salase), mappulia, casa pastoralis, gurgustium. 193° 24
 и 437° 7. Лачуга, шалашъ.
sames, см. straka.
samice, см. straka.
saň (san), hydris, serpens, draco. 144° 30 и 437° 51. — (san),
 cerberum pagani aiunt infernorum canem tria capita haben-
 tem. 409° 22. — sani (sani), tiphones, dracones. 345° 15.
 Драконъ.
sekýra (zekira), asciola. 401° 8. Топоръ.
sen (zen), soror. 473° 47. Сонъ.

- sesti (zesti), soror. 473^b 8. Нѣтъ въ чешскомъ такого слова.
Сестра.
- sestra rodná (zeztra rodna), germana. 132^b 24.
- sík (sik), ficus. 115^c 13. Въ чешскомъ только фикъ, по этому вѣ-
роятно ошибочно написано *s* вмѣсто *f*. Смоковница.
- sikolec (zicolesc), pedo, baculum est curium. 245^a 20. Пасту-
шій посохъ.
- sirotci (zirotci), orphani. 233^a 14. Сироты.
- sieti (zeti), recia. 257^c 16. Сѣти.
- siv (ziu), glaucus. 134^b 19. Сивый.—sivé (ziue), glauci (oculi).
134^b 22. Сивыя (очи).
- skládání (scladane), poema. 464^b 22. Стихотвореніе.
- skop (scop), spado, eunuchus, castratus. 325^c 23. Въ этомъ смы-
слѣ не употребляется. Съ русскаго. Скопецъ.
- skora (scora), birsa, corium, cutis. 37^c 3.—(zcora), pellis. 245^c
45. Въ чешскомъ не употребляется. Сора.
- skoták (scotac), bubulcus. 36^c 49. Скотникъ, пастухъ.
- skoty (scoti), iumenta. 164^b 34. Скоты.
- skranec (zcranec) sertum, согона. 315^a 15. Въ чешскомъ не
употребляется. Вѣнецъ.
- skraně (scrane), tympera, loca uicina oculis, circumtimpera. 346^b
20 и 415^b 24. Скрапи.
- skravaď (scrauad), sarthago. 471^b 44. Въ чешскомъ не употре-
бляется. Сковорода.
- skrehet (screhet), stridor. 329^c 6. Въ чешскомъ обыкновенно
skřehot. Скрежетъ.
- skret (scret), demon. 72^c 38. Домашній божокъ, Домовой. —
skreti (scretti), dii penates, dii domestici. 79^a 49.—(screti),
penates intimi et secretales. 170^a 32 и 246^b 23. Домовые.
- skríně (scrine), cistella, scrinium. 415^c 29 и 471^c 39. Шкапъ.
- skruši (scrusi), conquassavit, confregit. 54^a 48. Сокрушилъ.
- skrýše (scrise), latebra. 170^c 8. Скрытое мѣсто, убѣжище.
- skula (scula), rima, crepido, scissura. 470^a 10. Щель, скважина.
- skvrna (skwirna), macula. 187^b 47. Пятно.

- slavnost' (zlaunost), sollempnitas. 324^a 10. Торжество.
- slěp (slep), cecus. 408^a 3. Слѣпъ.
- slon (zlon), elephas. 92^b 5. Слонь.
- slonovina (zlonovina), ebur. 87^a 45. Слоновая кость.
- slonový (zlonoui), eburneum. 87^a 21. Изъ слоновой кости.
- slovanská země, см. země
- slověnin (zlouenin), Wandalus, Wint. 378^a 42. — slověně (zlowene), auarie, winede; wandali iuxta wandalicum amnem, qui ab extremis gallie erumpit, inhabitasse et extraxisse nomen perhibentur. 25^a 17 и 359^o 24. Славянинъ.
- sluhá (zluha), minister, famulus. 204^o 8. Слуга.
- sluch (zluch), famella. 428^o 18. Слухъ.
- sluka (zluka), ficedulla, snepho. 115^b 48. Куликъ, бекасъ.
- slzy (zilzi), lacrimas. 168^o 39. Слезы.
- smutná (zmutna), tragedia. 350^o 48. Трагедія.
- snahú (znahu), conatu, conamine. 218^b 7. Усилиемъ.
- snacha (snacha), pronuba. 272^a 30. Въ чешскомъ не употребляется. Сваха.
- sněm (znem), conuentus. 421^o 37. Сеймъ.
- snieh (sneh), nix. 218^b 35. Снѣгъ.
- sotu (zotu), pulsum, percussionem. 277^o 2. Ударъ.
- sova (zoua), strix. 329^o 23. Сова.
- spolek (zpolek), consortium, gnozschap. 57^a 28. Общество.
- sponka (sponca), monile, ornatus mulierum. 448^b 18. Запонка.
- srače (srace), tunica, uestis antiquissima. 356^a 35. Въ чешскомъ нѣтъ такого слова. Сорочка.
- srači (sraasi), iuges, auspicius est, cum uinctum iumentum ster-
cus fecit. 441^a 41. Испражняющійся.
- sram (zram), verecundia, pudor. 364^a 21. Съ русскаго. Срамъ.
- srbi (zirbi), Sarabaite, proprie currentes vel sibi uiuentes. 302^b
31. — (Sirbi). 303^o 3. Въ печатномъ экземплярь: Sarmentum
a serendo dictum id est quasi sirimentum. Хорошо видно,
что эта глосса «Sirbi» сдѣлана изъ «Sarimentum»: а частью
выскоблено, а чтобы между S и a не оставалось пробѣла,

нижняя часть *S* утолщена, изъ *m* сдѣлано *bi*, при чемъ, разумѣется, нельзя было обойтись безъ почистокъ и онѣ видны, *en* выскоблено, а *ti* оставлено, такъ какъ фальсификаторъ избѣгалъ пробѣловъ, которые бы могли возбудить подозрѣнiе читателя. Изъ «dictum» сдѣлано *dicti* и изъ *sirimentum* *sirbntm*.—(*zirbi*), *Sarmathe populi*. 471^a 40. Сербы. •

- srocenie* (*srocene*), *factio*, *conjuratio*. 110^a 29. Заговоръ, бунтъ.
srp (*zirp*), *falx*, *seca*, *segensa*. 110^o 51. Серпъ.
stáda (*stada*), *greges*. 434^b 40. Стада.
stan (*stan*), *tentorium*. 340^b 34. Палатка.
starosta (*ztarosta*), *prefectus*. 264^b 39. Староста. — *starosta komonničí* (*ztarosta comonnichi*), *prefectus equitum*. 264^a 45. Комонничи въ чешскомъ не употребляется. Префектъ кавалерійскій.
stěhu (*stehu*), *figo*, *stechu*. 116^a 26 и 430^b 8. Стегаю.
stěnice, *ščenice* (*scennice*), *sumex*, *wantlus*. 67^a 18. Кюльгъ.
stezky (*stezki*), *tramites*. 351^a 50. Тропинки. Въ чешскомъ не употребляется.
sti (*sti*), *fau* *dicti sunt a favendo*. 429^a 31. Соты.
stoh (*stoh*), *nubilar*, *scoph*. 452^b 47. Стогъ.
stolec (*stolecc*), *sedes*, *solium*. 311^a 33. Стулъ.
stonožka (*stonoska*), *centupeda*, *genus animalis*. 408^o 32. Стоножка, стоногъ.
stračec sytivratov syn (*ztraccc sitiuratonv zin*), *picus saturni filius*. 253^b 11.
straka samec, *-ce* (*ztraka zamec, ce*), *picus*. 253^b 16. Сорока.
strana (*strana*), *tractus*, *plaga*. 350^o 20. Страна.
strážň (*strazn*), *passio*. 241^o 40. Страданіе.
strěček (*strecek*), *oestus*, *animal armorum aculeis permolestum*. 228^b 34. Оводъ.
strědozemie (*stredozeme*), *meditullium dicitur non medium terre, sed procul a mari*. 446^o 13. Средиземное.
strěla (*strela*), *sagitta*. 300^b 26. Стрѣла. — *strěl že vrženie*

- (strel se virseně), radiorum autem ictus. 227° 26. Стрѣль
же бросаніе.
- strnutie (stirnutē), spasmos, tenores. 325° 26. Остолбленіе,
изумленіе.
- strojce (stroice), instructor, auctor. 157° 47. Зачинщикъ.
- struha (struha), incilla, fossa. 438° 42. Ровъ.
- struna (struna), fida, chorda in cythara. 430° 38. Струна.
- strýna (strina), tua, amita, basa, soror matris. 344° 10 и 357°
19. Стрыня.
- stúpa (stupa), tasinarium, stamph. 338° 42. Ступа.
- stvor, skvor (zcuor), osiros rex fuit egipho et interpretatur pau-
per. 456° 4. Тварь (?).
- súdce (zudce), pretor. 266° 45. Судья.
- sudlice (zudlice). quiris, spizstange. 467° 25. Острый колъ,
копье, сулица.
- súdnice (zudnice), pretorium. 266° 49. Судилище.
- súpeř (zuper), adversans. 6° 27. Противникъ.
- súvrat (zuvrat), limen siue margis. 351° 46. Поворотъ плуга.
- svatovit (suatouytt), Ares bellum... (въ печатномъ экземплярѣ:
Ares bellum nuncupatur). 20° 1. Поддѣльная глосса изъ
nuncupatur: то, что мѣшало, выскоблено, изъ nup сдѣ-
лано suat, а изъ cupatur—ouytt. — (suatouit, zuatouit),
Mavors, mavortem poete dicunt martem. 197° 24 и 446° 2.
Святovitъ, Марсъ.
- svekry (zvecri), socrus et socer ita distinguuntur, socerum virum
dicimus, socrum feminam. 323° 6. — (suecri), socrus, socra.
472° 46. Свекровь, теща.
- svěšt (zwezt), glos, uiri soror. 434° 16. Свояченица.
- svět (suet), mundus. 210° 10. Міръ.
- svět (suet), consilium... t consulit (въ печатномъ экземплярѣ:
Consilium querit, consulit). 56° 40. Поддѣльная глосса изъ
querit: q частью выскоблено и сдѣлано изъ него s, изъ r—
t, i выскоблено и t осталось. — (swet), consilium. 421° 32.
Совѣтъ.

- světice (suetice), numenide, dee, sancte. 223^a 38. Святѣя.
- světloноše (zuetlonose), lucifer. 96^b 29, 30.—(suetlonose), lucifer, iubar. 182^b 11. Люциферъ. Утренняя звѣзда.
- světluše (zuetluse), lucina, dea. 76^c 10. — (suetluse), lucina. 182^b 27. Луцина.
- svoba (zuoba), feronia, dea paganorum. 429^c 34. Феронія.
- svog (zuog), zodiacus, circulus. 383^a 44. Въ чешскомъ не встрѣчается въ этомъ значеніи. Зодіакъ.
- svogy (zuori), poplites, genuum flexura. 258^c 43. Подколѣнья.
- syn, см. strašec.
- sytivrat (sýtiwrat), Saturnum pagani illum esse aiunt, qui primus ab olimpo penit, arma iouis fugiens. 304^b 4. Въ чешскомъ нигдѣ не встрѣчается. Сатурнъ.
- sytivratóv syn, см. strašec.

Š.

- šamrha (samirha), trocheus, genus rote ad lusum. 354^b 7. Кубарь.
- ščedně (scedne), parce, honeste, moderate. 240^a 41. Въ чешскомъ нѣтъ такого слова. Вѣроятно съ польскаго: szcędno. Бережливо.
- ščepari (scepari), insitores, pelser, qui inserunt arbores. 156^c 25. Прививальщики.
- ščerk (scerk), glarea, lapilli parui harenae maris mixti vel gleba, scrupo. 434^a 7 и 471^c 47. Крупный песокъ, хрящъ.
- ščevel (sceuel), rumex, ruf. 470^a 31. Щавель.
- ščirý (sciri), sincerus. 320^b 44. Искренній.
- ščit (scit), scetra, scutum. 306^c 22. Щитъ.
- šelma (selma), pestis. 460^a 29. Моръ, чума.
- šemránie (semrane), crepitus. 63^a 21. Шумъ.
- šetek (setekk), genius, stedegot. 433^b 13. Домовой.
- špína (zpina), squalor, sordes. 154^a 12. Грязь.

Т.

taže (tase), ducit, trahit. 86° 17. Тявѣтъ, тащитъ.

témě (teme), sinciput. 320^b 50. Темя.

teneta (teneta), plage proprie dicuntur funes illi, quibus tenduntur recia circa ymam et summam partem. 257° 14. Охотничьи тенета.

teplíce (teplíce), therme, calida loca .i. balnea, thermarium. 340° 40 и 344^b 19. Теплицы.

testĭ (test), socer est, qui filiam dedit. 323^b 5. Тестъ.

těsto (testo), basa, teik, massa. 30° 15. Тѣсто.

tešč (tesc), uasua. 359° 7. Въ чешскомъ не встрѣчается. Тошій.

tětívy (tetiui), nerui. 217^b 16 и 451^b 32. Тетивы.

těšké (teske), graue. 434^b 30. Тяжкое.

tieže (tese), moles, aseruus. 207^b 10. Тяжесть.

tis (tiss), taxus, uenenosa arbor. 338^b 9. Тисъ.

tká sě (tcase), pervagatur, peragrat. 251^b 27. Тчется.

tma (tma), falanx, multitudo militum. 110^b 13. Тма.

točénice (tocenice), vitta. 371° 45. Повязка.

topeš (topess), topsus, topstein. 349^b 23. Въ чешскомъ не встрѣчается. Туфъ.

trěba (treba), sacrificium est uictima, et quescunque in ara concremantur, seu proponuntur. 299° 3. Въ чешскомъ не встрѣчается. Треба, жертва.

trěnovci (trenouci), molares dentes. 207° 46. Въ чешскомъ не употребляется. Коренные зубы.

trénožka (trenoska), tripodes. 353° 46. Треногъ.

trepíce (trepice), scamula, hahala. 62° 31. Въ чешскомъ не употребляется. Трепалка.

trétačka (tretačka), trideus h. e. tertia febris. 353° 6. Трехдневная лихорадка.

trézubec (trezubec), tridens. 352° 15. Трезубецъ.

trh (tirh), forum, forum publicum. 120° 27 и 431^b 41. Базаръ, торговая площадь.

tríhlav (trihlavv), triceps, qui habet capita tria capree. 352^b 40.

Треглавый.

trn (tirn), ramnus, spinarum genus. 282^b 45. Тернь.

trnie (tirne), spine. 326^b 7. Терние.

tryzna (trizna), inferie, placatio inferorum, sacrificia. 152^a 4 и
439^b 20. Тризна.

túha (tuha), tedium est angor mentis. 338^b 29. Туга.

tur (tur), taurus, ur, uris, bubalus. 338^a 48 и 375^o 42. Турь.

tvoridlo (tuoridlo), formula, leest. 119^o 46. Сырная форма.

tvrď (tvird), firmamentum, celum. 116^o 16 и 116^o 19. Въ чешскомъ не употребляется. Твердь.

týn (tin), serem, munimentum. 312^o 37. Тынь, плетень.

U.

učeny' (vceni), doctus. 308^b 38. Ученый.

udatstvo (udatstvo), fortitudo, virtus. 120^b 7. Удаљство.

údy (vdi), artus. 430^a 7. Члены.

udice (vdice), hamus. 138^a 17. Удочка.

uhry (vhri), pornigo, vicium porcorum, gulla. 259^b 24. Угри.

úkol (vcoll), thesis, positio. 344^b 50. Задача.

ukrutník (vcrutnik, ukrutnik), grassator, latro. 136^b 18 и 136^b
20. Неистовый, жестокий человекъ.

uloženie (vlosene), depositum. 73^o 45. Уложение, сохранение.

úmluva (vmluua), fedus est pax. 113^o 22 и 429^b 3. Соглашение,
договоръ.

umývadlo (vmiuadlo), scifus, in quo manus lavamus. 307^a 38.

Умывальникъ.

únor (vpor), februarius mensis. 113^b 25 и 429^a 34. Февраль
мѣсяць.

úp (vr), gemitus, ululatus. 129^b 39. Стонъ, плачевный крикъ.

úplavice (vplauice), proluvies ventris. 362^a 51. Чревное течение.

úřědník (vřednik), municeps dictus, eo quod munia cariat. 211^a
25. Чиновникъ.

usnie (vzne), corius ab antiquis masculino genere dicebatur. 422^a

22. Усма, обработанная кожа.

úsvit (usuit), diluculum. 79^o 12. Разсвѣтъ.

útroba (vtroba), precordia sunt loca cordi vicina. 263^b 48 и
466^b 3. Сердце.

úval (vuall), conualis. 421^o 32. Долина.

úvratĭ (vwrat), versura, anevvante. 365^a 15. Поворотъ плуга.

uzel (vzel), nodus, nexus. 218^a 43. Узель.

užasne (usasne), obstupescit. 226^a 26. Ужаснеть.

úžestĭ (vsest), angor. 395^b 51. Ужась.

V.

v, см. v mozzě, v riti.

vadí sě (uadise), litigat. 180^b 39. Бранится.

váha (waha), lanx, statera. 169^o 23. Поддѣльная глосса изъ
waga: *g* частью выскоблено и вписано *h*, при чемъ нужно
замѣтить, что *h* соединено здѣсь съ слѣдующей буквой свер-
ху, чего не могло бы быть, если бы это *h* не было поддѣла-
но. Вѣсы.

vánie (vane), flatns, winde. 117^b 18. Вѣяніе.

varle (varlle), ventriculus. 362^o 7. Поддѣльная глосса изъ «vag-
be»; хорошо видно, какъ изъ *b* сдѣланы два *ll*.

vatra (vatra), fulmen, dictum a fuluore flame. 123^o 4 и 431^o 46.

Съ сербскаго. Въ чешскомъ нѣтъ такого слова. Молнія,
огонь.

vaz (vaz), ulmus. 372^b 36 и 372^b 39. Вязь.

vded (wded), urupa. 375^b 41. Въ чешскомъ нѣтъ. Удодъ.

vdruží sě (wdrusi ze), inserit se. 156^b 31. Вмѣшается.

věc (vehc), res. 290^b 25. Вещь.

věce (vecse), locus conuentui, forum. 120^o 27. Вече.

věděnie (vedene), sciencia. 307^a 7. Свѣдѣніе.

věhlas (vehlass, vhlaz), prudencia. 254^b 3 и 274^a 3. Мудрость.

věhlasný (vehlazni), prudens. 273^o 49. Мудрый.

vějief (veyer), uentilabrum. 362^a 24. Вѣеръ.

- věk (wek), aetas. 390^a 35. Вѣкъ.
- velblúd (velblud), camelis cam nomen dedit. 406^a 42. Вер-
блюдь.
- veles (veless), pan, ymago hircina. 237^c 20 и 238^a 17. Велесь.
- věnes (wenes), corona. . . m^o (въ печатномъ экземплярѣ: coroná-
mus vela mus). 61^b 26. Поддѣльная глосса изъ «coroná-
uelam^o»: corona осталось, изъ m^o сдѣлано w, e же приписа-
но, и изъ la, которое частью выскоблено, сдѣлано c, m^o оста-
лось и только перечеркнуто. — (venes), dyadema, sertum,
corona. 76^b 17 и 315^a 15. Вѣнецъ.
- věno (veno), dos. 85^b 18. Вѣно, приданое.
- věreje (vereie), janue, ualue. 436^a 39. Верей.
- ves (vez), vicus. 367^c 36. Село.
- veslár (vezlar), remex dictus, quod remum gerit. 288^c 3. Гре-
бець.
- veslo (vezlo), remus, rudir. 288^c 46. Весло.
- vesmír (vezmir), mundus est universitas omnis, que constat in
celo et in terra. 210^c 4. Весь мѣръ.
- vesna (vezna), ver. 339^c 22.—(vezzna), ver. 363^b 34. Весна.
- věščby (vescbi), uaticinia, poetarum carmina. 360^b 32. Предска-
занія.
- věštec (vestec), vates, propheta diuinus. 360^b 26. Пророкъ,
знахарь.
- věty (veti), ramis, frondentibus. 282^b 37. Вѣтви.
- věže (vese), turres. 356^c 38. Башни.
- vítěz (vitez), heros, fortis, victor. 140^a 8 и 367^b 45. Витязь.
- vlchvice (vilchvice), sagapeta (въ печатномъ экземплярѣ: saga-
peta vilcfulla). 300^b 7, 8. Поддѣльная глосса изъ «vilcful-
la»: vile осталось и изъ fulla (vulla) сдѣлано hvice. Вол-
шебница.
- vlk (wilk), lupus. 185^b 33. Волкъ.
- vlkodlak (vilcodlac), faunus, pici filius. 113^b 6. — vlkodlaci
(vilkodlaci, vlicodlaci), pilosi, qui grece panites, latine in-
cubi appellantur. 149^c 47 и 256^a 18. Оборотень.

- vlna (uilna), lana. 169^b 25. Шерсть.
 vloha (wloha), indolis. 151^a 14. Способность, талантъ.
 vnuk (vnuk), nepos. 217^a 6. Внукъ.—vnuk κτήν, см. radihosť.
 vodovod (vodo pod), aqueductus. 66^b 40. Водоводъ, водопроводъ.
 vojevoda (voieuoda), dux. 267^o 9. Воевода. — vojevody (voie-
 uodi), duces. 86^a 29. Воеводы.
 vól vraný (wraní vol), furium bouem. 432^a 19, 20. Волъ во-
 роной.
 vozataj (vozataj), aureax, auriga. 402^b 28. Извозчикъ.
 vrah (wrah), diabolus. 76^b 3. Врагъ.
 vran (wran), coruus. 61^o 43. Воронъ.
 vran (wran), mauron (equus), niger. 98^o 36. Вороная лошадь.
 vraný vól, см. vól.
 wrece (wrece), cilicium est uestimentum ex pilis carpatum con-
 fectum. 412^o 35. Платье изъ козьеи шерсти.
 vrchy (virchi), cacumina, uertices. 165^b 28. Верхи, вершины.
 vršiti (viršiti), triturare, conculcare, drischin. 353^o 25. Моло-
 тить, но въ этомъ значеніи никогда въ чешскомъ его не
 встрѣчаемъ.
 vrv (virvv), resticula, restis. 291^b 28. Не чешское слово. Веревка.
 vrženie, см. strél.
 vsě čeledĭ, см. čeledĭ.
 vstavač (wstauach), satyrion, natervorz. 304^o 33. Кукушкины
 слезы.
 všedně (wsedne), indies. 150^o 19. Ежедневно.
 výboj (viboi), excussio). 108^a 49. Нападеніе.
 výbojník (viboinik), excussor, sicarius, 108^a 44. Грабитель.
 výkal (vical), spermen, semen. 326^a 43. — výkalem (vicalem),
 spermate, semine, 473^o 6. Сѣмя.
 výr (wir), bubo. 36^o 39.—(vir), bubo. 329^o 26. Филинъ.
 výti (uiti), gannire. 127^b 46. Быть.
 vzkriešenie (wzcresene), resurrectio. 291^b 46. Воскресеніе.
 vzpěši (vzpesi), triptes, species, demonum a uerbo tripo .i. ludo,
 quia deludunt dormientes. 353^b 9.

Z.

- záchod (zachod), occasus. 453° 43. Закатъ, западъ.
 zákona datel' (zakona datel), legislator. 173° 26. Законодатель.
 — zákony (zaconi), leges. 172° 1. Законы.
 zapuzenie (zapuzene), repudium. 290° 2. Отверженіе.
 zárúj (zarui), september mensis. 313° 15. Сентябрь мѣсяць.
 závoj (zauoi), velamen. 361° 41. Завѣса.
 závary (zauori), repagula, hostia. 289° 18. Запоры.
 zběh (zbeh), perfuga, fluchtiger. 248° 36 и 459° 15. Бѣглець.
 zduvaju (zduuau), conflo, zesament blaso. 56° 19. Сдуваю.
 zelva (zelua), nurus, uxor filii. 223° 42. Золовка, невѣстка.
 země (zeme), telluris, dea terre. 338° 33. Земля. — země slo-
 vanská (zlouanska zeme), Illirie regio. 154° 14. Земля сла-
 вянская.
 zeř (zerr), mania, ab insania et furore uocata. 445° 21. Бѣшен-
 ство, ярость.
 zeř (zet), gener, qui (filiam) duxit. 323° 5. Зять.
 zmij (zmiy), serpens. 314° 14. Змѣя.
 znamenie (znamene), omen, augurium. 229° 42. — (znamene),
 homina, auguria, auspicia. 142° 46. Знаменіе, предзнаме-
 нованіе.
 znoj (znoy), aestus, calor. 390° 26. Жаръ, зной.
 zvyčaj (suicsai), usus. 376° 35. Обычай, привычка.

Ž.

- žabka (sabca), falcis est, qua arbores amputantur. 110° 47. Са-
 довничій ножъ.
 žabra (sabra), brancia. 36° 45. Жабры.
 žáby (sabi), rane. 282° 7. Лягушка.
 žale (sale), nenia, carmina mortuorum, klagesac. 216° 20. Пе-
 чальные пѣсни, заплачки.
 žarovišče (sarovisce), piram, rogam .i. lignorum constructionem,
 in quo mortui comburuntur. 460° 44. Костеръ.

žas (sazz), exthasis. 106^b 19. Ужась.

že, см. střel.

želv (selv, selw), testudo. 341^o 44 и 342^a 2. Желвь, черепаха.

žestok (sestoc), furiosus. 125^a 31. — žestoký (seztoki), crudelis, seuus. 64^b 42. Изъ русскаго, въ чешскомъ нѣтъ этого слова. Жестокий.

žezi (zezi), sitis. 322^o 28. Жажда.

ziva (siua). Dea frumenti ceres, sed hoc pagani siua (въ печатномъ экземплярѣ: ... sed hoc pagani aiunt). 68^o 28. Поддѣльная глосса изъ aiunt: *a* частью выскоблено и сдѣлано изъ него *s*, знакъ сокращенія *n* выскоблено, изъ *t* сдѣлано *a*. — (siua). Diua. dea. siua. imperatrix (въ печатномъ экземплярѣ: Diua. dea siue imperatrix). 83^a 32. Видно, что изъ siue сдѣлано siua. — (siua), ceres. 409^b 9. И надпись въ начальной буквѣ *A* на первомъ листѣ: ESTAS . SIVA, безъ сомнѣнія, вновь приписана.

živok (siuok), animal. 144^o 2. Животное.

žizň (sizn), ubertas, habundantia, fecunditas. 360^o 1. Плодовитость, изобиліе.

žlč (slich), fel, uirus. 113^o 30. Желчь.

žrtva (sirtua), holocaustum, victima. 142^b 19, 142^b 23 и 367^b 35.—žrtvy (sirtui), sacrificia. 211^a 5. Жертва, жертвы.

Слѣдующихъ глоссъ не находимъ въ «Älteste Denkmäler»: dvorenín, ledvina, pěnkava (431^o 15, 16), pohoda (333^a 50), saň (437^a 51), starosta (264^a 39), věnec (61^b 26 въ текстѣ), zběh (248^o 36).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

И. И. Срезневскаго.

Словарь *Mater verborum* Чешскаго музея въ томъ положеніи, въ какомъ стали имъ пользоваться, какъ памятникомъ древности, представляетъ собою новое доказательство необходимости самого внимательнаго палеографическаго разбора всякаго сколько нибудь важнаго памятника прежде чѣмъ его начать употреблять въ дѣло при рѣшеніи или разъясненіи научныхъ задачъ. Чешскими прибавками, находящимися въ этой драгоценной рукописи, пользовались почти всѣ писатели, имѣвшіе нужду въ ихъ показаніяхъ, какъ вѣрныхъ откликахъ то XI—XII, то XII—XIII вѣка въ продолженіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ: ими воспользовался и Юнгманъ въ своемъ превосходномъ Словарѣ Чешскомъ и въ Исторіи Чешской литературы, воспользовался и Шафарикъ въ Славянскихъ древностяхъ и другихъ изслѣдованіяхъ, и Палацкій въ Чешской Исторіи, и Воцель въ Правѣхъ земли Чешской, и Гиречекъ въ своей обработкѣ Чешско-Моравскихъ древностей Славянскаго права, и Шембера въ своемъ трудѣ по Исторіи Чешской литературы, и Ербенъ въ изслѣдованіяхъ по Славянскому язычеству, и т. д. и т. д. Пользовались Чешскими глоссами словаря *Mater verborum* не только Чешскіе писатели, но и многіе другіе западно-Славянскіе, и Русскіе—или непосредственно, или при посредствѣ показаній и объясненій Чешскихъ изслѣдователей, пользовались

и такіе вожди европейской науки, каковъ былъ Я. Гриммъ. Всѣ пользовались съ полнымъ довѣріемъ—прежде чѣмъ самъ памятникъ былъ рассмотрѣнъ палеографически. Правда, что сомнѣніе въ отношеніи къ неподдѣльности Чешскихъ глоссъ въ *Mater verborum* и даже рѣшительное признаніе ихъ поддѣльности, по временамъ давали о себѣ знать очень звучнымъ голосомъ; но то и другое было такъ голословно, такъ отзывалось личною неприязнію къ Чешскимъ ученымъ дѣятелямъ, что нисколько не могло само по себѣ ослабить общее уваженіе къ памятнику, защищаемому безусловно между прочимъ и такими дѣятелями, которыхъ нельзя было заподозрить ни въ слабости ума и беспристрастія, ни въ слабости знаній и научной осторожности. Такими знатоками считаемы были всѣми безъ исключенія Шафарикъ и Палацкій: ихъ изданіе Чешскихъ глоссъ, выбранныхъ ими самими изъ *Mater verborum*, независимо отъ прежняго изданія Ганки, не могло не утвердить за этими глоссами безусловнаго уваженія и довѣренности. Того, что голословно же, безъ всякихъ доказательствъ, говорили о древности Чешскихъ глоссъ въ *Mater verborum* всѣ, которые ими занимались, никто не замѣчалъ. Можно сказать даже болѣе: считалось совершенно достаточнымъ простое довѣріе къ нимъ, какъ къ несомнѣннымъ. Такъ было до сихъ поръ. Такъ уже не можетъ остаться послѣ того, какъ внимательный и подробный переборъ этихъ глоссъ, сдѣланный А. О. Патерою, станетъ въ рядъ необходимыхъ пособій для ихъ изученія. Будь исполненъ такой трудъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ этимъ, и ни одинъ изъ писателей, пользовавшихся Чешскими глоссами въ *Mater verborum*, ни самъ бы не впалъ, ни другихъ бы не ввелъ въ тѣ жалкія ошибки, которыми не только наполнились многія и многія замѣчательныя произведенія ума и знанія, но овладѣло уже и научное преданіе, перешедшее изъ ученыхъ книгъ въ учебники, въ училища, въ общечитаемыя книги, книжки и листки, всюду, гдѣ не доискиваются прямыхъ источниковъ, питающихъ преданія.

По изслѣдованіямъ А. О. Патеры вышло, что изъ общаго

числа Чешскихъ словъ вписанныхъ въ *Mater verborum*, только съ небольшимъ четвертую долю, 339, можно считать подлинно древними, а всѣ другія, 950, должны быть разсматриваемы какъ новыя поддѣлки.

Многія изъ этихъ поддѣлокъ можно считать напрасными. Таковы на пр.: *dlh* длгъ, *dlaf* длань, *drzú* дрзьи, *dúbrava* дѣбрава, *hodina* година въ значеніи *hora* часъ, *hrst* грѣсть, *huba* гѣба въ значеніи *fungus*, грибъ, *hús* гѣсъ и т. д. Ихъ присутствіе въ такомъ древнемъ памятникѣ ничего не можетъ ни доказать, ни выказать. Многія другія напротивъ, должны были повести и могли бы и далѣе вести къ выясненіямъ того, что безъ нихъ останется неяснымъ, и къ доказательствамъ того, что нуждается въ доказательствахъ.

Не лишнимъ будетъ припомнить, чѣмъ именно обрадовали новонайденныя Чешскія глоссы, когда онѣ вскрылись въ 1827 г. Палацкій высказался при этомъ такъ:

«Народный языкъ есть такъ сказать хранилище народныхъ мыслей; всякое слово есть выраженіе понятія или знанія. Состояніе языка показываетъ слѣдовательно состояніе народной образованности. Вся духовная жизнь народа открывается историку въ словахъ языка, и домысль изслѣдователя вникаетъ въ незамѣтныя черты, въ которыхъ, какъ подъ покровомъ, сохранилось воспоминаніе о событіяхъ и перемѣнахъ, нигдѣ незаписанное.

«Всего важнѣе въ этомъ Словарѣ (*Mater Verborum*) кажутся намъ въ означенномъ отношеніи слова мифологическія, переводъ именъ боговъ Греческихъ и Римскихъ именами боговъ Славянскихъ. Хотя и замѣтно, что значительное число этихъ именъ прибрано самимъ переводчикомъ, тѣмъ не менѣе этотъ сборникъ все таки доказываетъ, какія божества представляемы были Славянами подъ именами Живы, Велеса, Перуна, Радигоста, Святовида и т. д.

«Важно также знать, какъ именно уже тогда выражаемы были по Чешски разныя отвлеченныя понятія. . .

«Изслѣдователи Славянскаго языка добудутъ изъ этого Сло-

варя новыя доказательства, что Славянскія нарѣчія въ древности были родственнѣе и ближе одно къ другому, чѣмъ въ наше время, не только въ формѣ, но и въ матеріи. Адмиралъ Шишковъ замѣтилъ, что Краледворская рукопись Русскимъ понятна болѣе, чѣмъ древніе памятники ихъ собственной письменности. Здѣсь тоже находимъ древнія Чешскія слова, какъ на пр.: *mhla, watra, žestoký, ssčiry*, которыя, будучи давно уже забыты Чехами, доселѣ еще употребляются въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ».

Поддѣльщикъ долженъ былъ понимать все это, чтобы удовлетворить предположеннымъ вопросамъ изслѣдователей. Можно думать, что онъ представлялъ себѣ ихъ любознательность и нужды даже яснѣе, чѣмъ это высказано Палацкимъ.

Такъ между прочимъ онъ внесъ много словъ, относящихся къ Славянскому язычеству.

Вотъ названія боговъ: *Vělboh*: Бѣльбогъ — *beel, baal*, — *Děvana Letničina i Perunova dci*: Дѣвана *Diana Latone et Jovis filia*, — *Chlipa*: Хлипа — *Salacia dea paganorum quasi maritima*, — *Jesen, jasni*: Иесень, Ясви — *Isis lingua egyptiorum terra dicitur*, — *Krt*: Крътъ: см. *Radihost*, — *Lada*: Лада — *Venus, dea libidinis, cytherea*, — *Letnice*: Лѣтница — *Latone*: см. *Děvana*, — *Liutice*: Лютица — *Furia, dea infernalis*, — *Liučice*: Лютицы — *Eumenides*, — *Morana*: Морана — *Ecate, trivium vel nocticula, Proserpina*, — *Perun*: Перунъ — *Jupiter*, — *Perunova*: Перунова — *Jovis*, см. *Děvana*, — *Porvata*: Порвата — *Proserpina*, — *Prije*: Приѣ — *Affrodis, Venus*, — *Radihost vnuk Krtov*: Радигость внукъ Крътовъ — *Mercurius a mercibus*: см. *Krt*, — *Stvor, Skvor*: Створъ, Скворъ — *Osyros rex fuit Egipti*, — *Svatovit*: Сватовить — *Ares*, *Mavors*: *Mavortem poete dicunt martem*, — *Světlusě*: Свѣтлуша — *Lucina dea*, — *Svoba*: Своба — *Feronia, dea paganorum*, — *Sytivrat*: Сытиврать — *Saturnus: Saturnum pagani illum esse ajunt qui primus ab Olimpo uenit arma Jovis fugiens*, — *Stračec Sytivratov syn* — *picus Saturni filius*, — *Tríhlav*: Триглавъ — *Triceps, qui habet capita tria capree*, — *Veles*: Велесъ — *Pan*,

umago hircina, — Živa: Жива — dea frumenti Ceres, — Diva Estas.

Вотъ и еще нѣсколько названій мѣологическаго свойства: Běsi: Бѣси — Demones (běsy — demonibus), — Воже: Божя — genium, — D'as: Дѣсъ — genius, — Lichoplěsy: Лихоплѣсы — Syrene (есть это слово и въ числѣ засчитанныхъ въ неподложно древнѣя: Lichoplěsy — Sirenas tres fuisse fingunt и пр.), — Morúsi: Морѣси — Pilesi a Grecis panites, a Latinis incubi vocantur, — Priešera: Прѣшера — portentum est, quod subito apparet et aliquid pretendit, — Saň: Сань — hydris, serpens draco, — cerberum pagani aiunt inferorum canem, — Sani: Сани — tiphones, dracones, — Skret: Скрѣтъ — demon, — Skreti: Скрѣти — penates, — Stračes: Срачѣць — Picus saturni filius, — Světice: Свѣтица — eumenide, dee, sanctae, — Světloноша — Lucifer, jubar, — Šetek: Шетѣкъ — genius, — Vlkodlak: Влѣкодлакъ — faunus, picus filius, — Vlkodlaci: Влѣкодлаци — pilosi, panites, incubi, — Vzpěši: Вѣспѣси (? отъ Вѣспѣхъ) — triptes, species demonum, qui deludunt dormientes.

Къ тому же кругу выраженій языческихъ представленій относятся слѣдующія названія лицъ: — Črnoknižnik — si: Чрънокнижникъ — ци — nigromanticus — si, — Nadači: Гадачи — sortilogi, — Navazač — si: Навѣзачъ — ци — haruspex — ices, — Pтакоравci: Пѣтакоравѣци — augures, — Věštes: Вѣщѣць — vates, propheta divinus, — Vlchvice: Влѣхѣвица — sagapeta.

Къ ряду обозначеній дѣйствій языческой обрядности, относятся: Obět: обѣтъ — sacrificium, — obrě di: обрѣди — cerimonia, — Postriziny: Пострижины — tonsurae, — Treba: Трѣба — sacrificium est uictima, — Třyzna: Трѣзна — inferie, placatio inferorum, sacrificia, — Věščby: Вѣщѣбы — uaticinia, poetarum carmina, — Žarovišče: Жаровище — piram, rogam in quo mortui comburuntur, — Žrtva: Жрътва — holocaustum, victima.

Не даромъ заняли свое мѣсто, какое случилось, и нѣкоторыя слова изображающія черты миросозерцанія, таковы: — Mlečnice:

Млѣчьница—*lacteus circulus*,—*Nebe*: Небо—*ether, himil*,—*Рекло*: Пькло—*infernus, tartarus*,—*Raj*: Рай—*paradisus*,—*Svor*: Своръ — *zodiacus*, — *Tvrđ*: Тврдь — *firmamentum celum*, — *Vesmir*: Вьсьмиръ — *mundus est universitas omnis, que constat in celo et in terra*, и пр.

Число словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій очень значительно. Не менѣе значительно и число словъ, относящихся къ народному быту, домашнему и общественному. Всѣми такими словами можно было обрадовать изслѣдователей древностей Славянскихъ.

И нѣкоторыми изъ этихъ и другими можно было не менѣе обрадовать и изслѣдователей языка. Такъ на пр. извѣстны слова *мати* и *дѣщи*, въ именительномъ падежѣ которыхъ скрывается *p* (*матер, дѣщер*), и остается вопросомъ: не было ли когда нибудь и другихъ подобныхъ? Были — отвѣчаютъ глоссы: *neti*: *нети*—*filiola*,—*sesti*: *сести* — *sozog*, извѣстное пока только въ формѣ *sestra*: *сестра* съ такимъ же окончаніемъ, какъ Чеш. *dsera* (*дочь*). Извѣстны слова *любы*, *цркъы* и др., въ именительномъ падежѣ которыхъ скрывается *o* (*любв. . . , цркъв. . .*): не было ли такихъ словъ и въ древнемъ Чешскомъ? Были — отвѣчаютъ глоссы: *konу*: *коны* — *santarus ubi aqua mittitur*, — *koty*: *коты*—*anchora*,—*kroky*: *крокы*—*sparum est rusticum telum in modum pedis recurvum*,—*kry*: *кры*—*sanguis*,—*liuby*: *любы* — *dilectio*,—*gaky*: *ракы*—*tumbe*,—*svekry*: *свекры* — *svescus, socra*. Что въ окончаніи именительнаго падежа *ы* могъ скрываться и н въ древнемъ Чешскомъ, глоссы дали доказательства словами: *jeŝту*: *ѣчьмы* — *hordeum*, — *каму*: *камты* — *lapis*, — *когу*: *коры* — *radix*, и т. д.

Вмѣстѣ съ такими замѣтками дано мѣсто и множеству словъ, любопытныхъ по рѣдкости, или же понимавшихся не совершенно ясно, или наконецъ не встрѣчавшихся въ другихъ Чешскихъ памятникахъ и могшихъ служить доказательствами то богатства древняго Чешскаго языка, то связи Чеховъ съ другими Славянами и т. д.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія вообще на приготовленность поддѣльщика—не только знаніемъ того, что могло быть особенно занимательнымъ для изслѣдователей, но и знаніемъ особенностей древняго Чешскаго языка и правописанія и умѣньемъ пользоваться своими знаніями, которое должно было быть подкрѣпляемо увѣренностію въ достаточность силъ своихъ, чтобы вся рукопись вмѣстѣ съ приписками считалась памятникомъ начала XII вѣка (какъ въ то время полагали).

Кто же бы могъ быть знатокомъ дѣла, приписавшимъ поддѣланныя глоссы въ *Mater verborum*? Не могу положительно отвѣчать на этотъ вопросъ, и считаю его сколько нибудь важнымъ не безотносительно, а только въ отношеніи къ опредѣленію времени, когда жилъ и работалъ этотъ замѣчательный поддѣльщикъ, и когда слѣдовательно была возможность сдѣлаться такимъ знатокомъ древностей быта и языка.

Рукопись *Mater verborum* поступила въ Чешскій музей вмѣстѣ со многими другими изъ бібліотеки графа Коловрата позже 1818 года: Добровскій не зналъ ее, когда печаталъ новое изданіе своей Исторіи Чешскаго языка и литературы въ 1817 году. Когда же за рукопись взялся Е. Граффъ, въ надеждѣ найти въ ней Нѣмецкія глоссы, 1827 г., и когда вмѣстѣ съ нимъ занялись ею Ганка и Палацкій, то Чешскія глоссы, оказывающіяся теперь поддѣланными, въ ней уже были, какъ видно изъ извѣстій о нихъ, помѣщенныхъ въ IV книжкѣ Часописа Чешскаго музея, гдѣ въ доказательство важности этого памятника, значительное число глоссъ приведено Палацкимъ—изъ всей рукописи. Палацкій остановился только на 130 словахъ, но не потому, что только ихъ и нашелъ, а потому, что имѣлъ въ виду указать образцы того, что представляютъ глоссы, оговоривъ при этомъ, что полнымъ пересмотромъ рукописи въ отношеніи къ Чешскимъ глоссамъ уже занялся Ганка. Въ образцовыхъ выпискахъ Палацкаго находимъ между прочимъ и такія глоссы, которыя не просто приписаны, а сдѣланы Чешскими при помощи разныхъ подчистокъ и переправокъ того, что было прежде написано, каковы: *Saga-*

baite zirbi, Seditio cramolá, Ceres síua, Consilium suet. Въ 1833 году Ганка издалъ полный списокъ Чешскихъ глоссъ—такъ полный, что въ послѣдствіи, при новомъ ихъ изданіи Шафарикомъ и Палацкимъ въ 1840 г. и при послѣднемъ переборѣ всей рукописи А. О. Патерою, пришлось прибавить сравнительно очень немногое. Изъ этихъ припоминаній можно вывести, что подложныя глоссы внесены до 1827 года, и развѣ только дополнены могли быть въ 1827—1832 гг. Что онѣ не дополнены въ 1827—1832 гг. когда рукописью занимался Ганка, можетъ казаться достаточно доказывать то, что по занимательности рукописи для многихъ, между прочимъ для Добровскаго, Юнгмана, Палацкаго, Челяковскаго и другихъ, и по общительности и бережливости Ганки, она не могла ни быть скрываема, ни быть не особенно оберегаема. Остается слѣдовательно вопросомъ: вписаны ли поддѣльныя глоссы въ 1818—1827 г., когда рукопись была уже въ Музей или же равнѣе 1818 г., когда она была еще въ библіотекѣ графа Коловрата? Могли быть онѣ вписаны и послѣ 1818 года, и легче чѣмъ прежде, потому что и въ Исторіи Чешскаго языка и литературы Добровскаго и въ первыхъ книжкахъ *Starobylých Skládání* Ганки, были сдѣланы указанія особенностей древняго языка и правописанія, могшія облегчить трудъ поддѣльщика; тѣмъ не менѣе умѣнье поддѣлываться подъ древній языкъ и правописаніе показалось ранѣе. Такъ листокъ съ пѣснію о Вышеградѣ (*Na ty naše slunce Vyšehrade tvrd*), которая оказалась въ послѣдствіи подложною, былъ извѣстенъ Добровскому и Ганкѣ уже до 1818 года, и Ганка внесъ эту пѣсню уже въ первую книжку *Starobylých Skládání* въ 1817 г. *). Какъ написана была до 1818 года поддѣльная пѣсня о Вышеградѣ, такъ до 1818 года могли явиться и поддѣльныя глоссы въ *Mater verborum*. Если бы впрочемъ и распространить время поддѣлки еще на девять лѣтъ, то все же не многимъ увеличится тотъ давно прошедшій періодъ первыхъ из-

*) Книжка эта была издана уже въ 1818 г. и позже книги Добровскаго, потому что въ ней есть ссылки на печатное изданіе книги Добровскаго.

слѣдованій по древнему Чешскому языку, когда все могло скорѣе мѣшаться, чѣмъ помогать ихъ успѣшному ходу.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на тѣ выводы, которые дѣлаемы были о древнемъ Чешскомъ языкѣ около 1818 г. Лучшій сводъ этихъ выводовъ сдѣланъ былъ Ганкою въ Введеніи къ 1-й книжкѣ *Starobylych skládání*. Ганка пользовался въ немъ тѣмъ, что было подъ рукою и у Добровскаго, и кое-чѣмъ съ бѣльшимъ вниманіемъ. Оба они извлекали данныя для выводовъ изъ слѣдующихъ памятниковъ: изъ Подлажицкаго синодика 900—1230 гг., изъ двухъ грамотъ XI в. (1057 и 1088 гг.), изъ одной грамоты XII в. (1130 г.), изъ двухъ XIII в. (1225 и 1227 гг.), изъ Легенды о св. Апостолахъ, отнесенной къ XIII в., изъ лѣтописи Козьмы Пражскаго и т. д. Во Введеніи ко 2-й книжкѣ тѣхъ же *skládání*, вышедшей такъ же въ 1818 г., при пособіи нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, количество замѣтокъ увеличено. И вотъ что добыто изъ нихъ Ганкою о древнемъ Чешскомъ языкѣ:

— Относительно гласныхъ: — новое ou (au) въ древности было u: (súd: soud, mú milú: mou milou, s krasnú rannú: s krásnou rannou, berú: berou; — новое ej (eu) въ древности было aj: stajný: stejný, najmilejší — nejmilejší, daj: daj, krajčt; — новое i въ древ. было u: liut: lut, cuzi: cizi, piju: piji, tisuc, liutoztivý, jutrní, pisniu, chcu, mocju, kazuce, davajuc, kněziu; — новое e въ древ. было a: Mža: Mže; Lubusa: Libuše, vzpomanu, hladaš, cakati; — новое í въ древ. было ie: vice: více, viera: víra, viem: vím, spieše: spíše; — новое e въ древ. было ě: cělo, vsě, súsěd, o bozě, slovcě, blaznicě.

— Относительно согласныхъ: — до XIII в. не находимъ еще нигдѣ h вмѣсто g: Dragomir, Praga; — когда явилось у Чеховъ и Поляковъ шепелявое ř (что Поляки пишутъ до селъ rz), трудно отгадать; — вмѣсто нов. str въ древ. было čr: črevice; — вмѣсто нов. št' въ древ. было šč: ščasten, opúšceti, pušč, hušč.

— Въ склоненіи: — употреблялось въ древности двойственное число: chlapy chlapú chlapoma, slově slovú slovoma, ghráče ghráčju ghráčema, pole polju polema, rybě rybú rybama, kosti kostju

kostma, *zemi zemju zemjema*, *sbožie sbožju sbožjema*; прилаг.: *pravá pravú pravýma*, *právě* и т. д. *božie božju božiema*; прич.: *bila*, *bita*, *dána*, — ж.: *bile*, *bitě*, *dáně*; мѣстоим.: на *naju náma*, *va vaju vama*; — во множ. ч. имен. муж. на *ové*, *i*, *ie*, *e*: *židové*; *roci*, *udi*, *soci*, *kolači*; *židie*, *liudie*, *črtie*; *panošē*; родит. на *ev*: *grošev*, *zlodějev*, *kolačev*; дат. на *em* и *óm*: *zlodějem*, *panošem*, *bratcóm*, *němcóm*.

— Въ спряженіи: настоящее вр. изъявит. 1-го лица един. ч. оканчивалось или на *ju*, или на *iem*: *biju*, *hlediu*, *honiu*, *volaju*, *shañju*, *rijem*, *viem*, *hlediem* (и др. при инфин. на *ěti*; гдѣ 3-е лицо множ. было на *ia*, а позже на *ie*: *hledia*: *hledie* *); въ глаг. *wěděti* 1-е лице един. наст. было *wědě*: *jaz wědě*; — прошедшее: *bich* *bichom* *biste* *bichu*, *hnuch* *hnuchom* *hnuste*, *seděch* *seděchom* *seděste* *seděchu*, *honich* *honichom*, *hledach* *hledachom* *hledaste* *hledachu*; — во 2-мъ и 3-мъ лицѣ ед. *vzlomi*, *ukroti*, *poruči*, *skoči*, *požehna*, *káza*, *skona*, *pozva*, *osta*, *vze*, *pade*, *jide*, *dospě*; — еще было въ тѣхъ же лицахъ прошедшаго окончание *iše*, *eše*, *ieše*, *aše*: *biše*, *seděše*, *honieše*, *staše*; — двойств. число въ муж. родѣ имѣло окончание *va* и *ta*, а въ жен. и сред. *vě* и *tě*, не всегда впрочемъ строго отличались эти родовыя окончанія: *jsva* — *ě*, *jsta* — *ě*, *biva* — *ě*, *bita* — *ě*, *neseva* — *ě*, *neseta* — *ě*, *hneva* — *ě*, *hnetata* — *ě*, *hledieva* — *ě*, *hledieta* — *ě*, *honiva* — *ě*, *honita* — *ě*, *budeva* — *ě*, *budeta* — *ě*, *bichva* — *ě*, *bista* — *ě*; — *supinum* (что по Востокову достигабельное) строго отличалось отъ инфинитива: *jdi* *brat* *jidel*, *šli* *žat*, *brali* *jsú* *past* *stád*, *prijde* *súdit* *živých* и *mrtvych*, *šli* *smý* *se* *tulat*; — *transitiv* (дѣеприч.), въ наст. врем. на *juc*, *juce*: *vstavajuc*, *prodavajuc*, *zpievajuce*.

Добровскій въ своей *Geschichte* не далъ такихъ подробностей; но за то отмѣчалъ свои наблюденія изъ каждаго памятника отдѣльно и былъ внимателенъ къ правописанію такъ, что приводилъ всѣ выписки почти всегда буквально вѣрно по подлинникамъ.

*) По Добровскому вмѣсто нов. *i* или *im*, было всегда *iu*: *musiu* (чит. *mušiu*), *chcziu* (чит. *chciu*), *viersiu*, *praviu*, *zbaviu* (108).

Въ памятникахъ XI в. (1057 и 1088 гг.) онъ замѣтилъ: $c = \check{c}$ (otrocě, grnecne, cis, casnici) и k (dussnicoma), $g = h$ (bogu, Bogucea, gostine, grnecne, glava, Bogdan, Bogumil, на Касигоре, Lubgost, zagradnego), $gh = h$ (Modlibogh), $h = ch$ (Wlah, komuthe, othodue, w Hvalach), $r = \check{r}$ (breza, kacigore), $gr = r$ между согласными (grnecne, grrdost), $s = \check{z}$ (sitne, knasa, cis), $ss = s$ (plosskovicih, doleass, ssvatemu, sse dvema dussnicoma, sswod), $sc = \check{s}$, нов. št' (Scepanu), $z = z$ (Zlaton, Rozroy) и s (wezi).

Въ памятникахъ XII в. (1130, 1175, 1176 и 1179 гг.) Добровскій отмѣтилъ: $c = \check{c}$ (Ciec), $c = k$ (Camenci), $c = c$ (Lutomerich, Sedlcih, Gradci, jalonica и пр.), $cs = \check{c}$ (Salc'i, Орос'нае, Csazlavi, Csta), $ch = ch$ (Chrenoni), $g = h$ (Wisegrad, Gradci, Dlygomil, Dulgomil, Glupen, Blego), $h = ch$ (Lutomerich, Sedlcih, Hrudimi, Oldrih), $ir = r$ между согласными, $il: yl: lu: ul = l$ между согласными (Wirsevicih, Pilzni, Dlygomil: Dulgomil), $r = \check{r}$ (Lutomerich, Kurimi, Predbor, Pribizlaus), $s = s$ (Prosince, Sedlcih), $s = \check{s}$ (Zawisa, Wirsevicih), $s = \check{z}$ (Satc'i), $ss = \check{s}$ (Sussina), ss вм. $sc = \check{s}$ (Boisse), $u = v$ (Jalouica), $z = z$ (Pilani, Zawisa), $z = s$ (Bolezlavi, Zezema, Zobizlaus, Zlawon, Boguzlaw, Sdezlaus), $zz = s$ (Scazzlaw).

Въ памятникахъ XIII в. (1225 и 1227 гг.) Добровскій отмѣтилъ: $c = c$ (Gradec, Nucleh, Pohonce, Помосне), $g = j$ (Stoghnev), $g = h$ (Gradec), $h = h$ (Hroznata, Bohuse, Holac, de Zahornic), $ir = r$ между двумя согласными (Hirdost), $r = \check{r}$ (narez), $s = s$ (Stoghnev, Nestoyte), $s = \check{s}$ (Bohuse), $s = \check{z}$ (Suppani), $z = z$ (Zahornic, Hroznata), $z = s$ (zok, zwod, zlubni zud), $w = v$ (Powod, wiboy, wrez), $y = j$ (Nestoyte).

Другіе памятники XIII в., могшіе быть на виду и у другихъ такъ же какъ и у Добровскаго, отличаются отъ прежде имъ разсмотрѣнныхъ такими признаками выговора, что объ нихъ можно здѣсь упомянуть развѣ только потому, что поддѣльщикъ глоссъ въ Mater verborum хорошо понималъ ихъ отличія, и не позволилъ себѣ ими пользоваться. Самое важное отклоненіе отъ утраченнхъ требованій древняго языка выразилось въ правописаніи

прибавкою s послѣ г, выговариваемаго мягко (*rseczi, zwiersi, ne prsimiersi, matersi, rozrsiezaty, wiersiu* и пр.).

Нельзя при этомъ не припомнить, что вся рукопись *Mater verborum* значительно долго считалась памятникомъ начала XII в. (1102 г.), а не началомъ XIII в. (1202 г.), какъ открылось послѣ. Поддѣльщикъ долженъ бы былъ слѣдовательно держаться тѣхъ данныхъ, которыя были на виду о языкѣ и правописаніи объ XI, много что о XII в.; но онъ ихъ не строго держался, а напротивъ отъ кое-какихъ положительно удалился. Такъ на пр. онъ могъ знать, что въ XI—XII и даже XIII в. употребляли *g*, а не *h*, а *h* писали въ значеніи *ch* (Рус. х), и однако не употребилъ ни разу *g*, а всегда *h* вмѣсто *g*, а звукъ *ch* (Рус. х) выражалъ посредствомъ *ch*, и разъ только написалъ *h* вм. *ch* (*meh: mѣхъ*). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ знать, что хотя въ XI—XII в. и даже частію въ XIII вѣкѣ не употреблялось шепелявое г, но зналъ такъ же, что въ XIII в. оно уже выдѣлялось особеннымъ написаніемъ, — и однако ни разу не рѣшился выразить его посредствомъ *gs* или *gz*. Могъ онъ такъ же знать, что въ XI—XII в. и даже въ XIII в. мягкія согласныя не требовали за собою измѣненія первоначальнаго а въ е (*duše* вм. *duša*), и однако писалъ е, а не а, какъ было болѣе къ стати въ памятникѣ XIII в., не меняя однако *и* на *і* въ соотвѣтственныхъ случаяхъ.

Чутье удивительное. Онъ могъ принять въ руководство для надежнаго управленія своимъ чутьемъ только одно средство: изучить правописаніе тѣхъ Чешскихъ глоссъ въ *Mater verborum*, которыя были въ рукописи прежде чѣмъ онъ принялся за свое дѣло; но этихъ глоссъ было очень немного, не говоря уже о томъ, что немалого труда должно было стоить—отыскать ихъ въ огромной рукописи. Къ тому же и ихъ онъ не держался исключительно: кое-чѣмъ не пользуясь, онъ употреблялъ и такіе приемы правописанія, которымъ образца не было въ тѣхъ глоссахъ.

Чтобы доказать все это яснѣе, считаю нелишнимъ представить обзоръ приемовъ написанія, употребленныхъ въ поддѣланныхъ глоссахъ сравнительно съ правописаніемъ памятниковъ из-

слѣдованныхъ Добровскимъ и Гандюю до 1818 г. и тѣхъ глоссъ въ *Mater verborum*, которыя А. О. Патера призналъ неподдѣльными *).

- с (Рус. ц) — с. *bites, cena, seri, swik* и пр. XI: *Casnici*. XII. *Samenci*. XIII. *Gradec*. M. V. *bradavice* и пр.
 — сс. *bodecc, borecc, ialouecc, obecc, palecc, zico-*
lecc, stolecc, M. V. mrauenecc и пр. (на концѣ, 5 р.).
 — сs. *vecze* (вѣче).
 — cz. *czwik* (1). M. V. *skriuanecc* (1).
 — hc. *drusehc, coberehc, corehc, lovehc, mazanehc,*
mezinehc, prepeuehc, piruenehc, pzanehc, zcra-
nehc, vehc.
- č (Рус. ч) — с. *celed, cerer, cest, iecmi, kircma, recnik, rucitel*
 и пр. XI. *cis*, XII. *ciec*. M. V. *cechel, ceresla* и пр.
 — ch. *chap, charodegi, chlouecstue, chuprini, colach,*
mech, nauazach, obruch, plach, pomech, wstauach.
 M. V. *chubr* (1).
 — сs. *brohcs, czas, cstena, kecsice, palicsnici, polucsu,*
suiczai. XII. *csazlaui*. M. V. *klokocs* (1).
 — cz. *kiwacz*.
- е (Сл. а въ мягк. слогахъ) — e. *denice, horcice, iehlice, mlecnice,*
kocsice, obuzce, piyauice, posselnice, scennice, to-
cenice, trepice, ostre mece, — cebulle, — zeme, —
hune, — curenoha, — chise, luse, tese, iunose, wse
celed, — priye, — nuze. M. V. *sabe, — bradavice,*
hirdlice, gilce, katirce, clenice, kremenice, krepe-
lice, kirtice, lisice, macobice, nunvice, police, po-
ludnice, prezlice, suinice, tirlice, wlaztouice, sitni-
ce, — poste, vole, zezhule. — kane, cuchine, —
olse, wirse, — nuze, pohoze, zaze.

*) Указанія памятниковъ отмѣчаю цифрами столѣтій, а глоссы неподдѣльныя буквами M. V. Цифра въ скобкахъ означаетъ количество случаевъ употребленія разсматриваемаго случая правописанія.

- h** (Рус. г) — h. dehet, duha (XI g: boga, gh: Modlibogh XIII. Gradec). XII. Hroznata. M. V. hlavne, hnoy, hrah, hriua, noh, prah, ztruhar и пр.
- ch** (Рус. х) — h. meh. XI. Wlah. XII. Sedlcih. M. V. hrah, pilh и только.
— ch. hluchy, chlast, chleb, cuchar и пр. XI. uvalach, chrenoni. M. V. chmelisce, chren, chirt, kruchta, orech и пр.
- j** (Сл. ѣ) — i. baie, iablo, laino, vereie, voievoda, viboi, zarui, zauoi и пр. M. V. iatrvenici и пр. (7).
— j. olij, pij. XII. jalouica. M. V. clij (1).
— y. hranostay, yassni, yessen, yesutni, ray, roy, znoy и пр. XIII. nestoyte, wiboy. M. V. hnoy, yavor (6).
— g. charodegi, gine, gyrcha, crahugi. XIII. stoghnev. M. V. gilce (3).
- k** (Рус. к) — c. dobitec, dusca, cleueta, cucol, lecar, pazzec, scotac, screhet и пр. XI. dussnicoma. XII. Camenci. M. V. Canie, cletce и пр.
— k. hacnik, rik, sik, komon, kramar и пр. M. V. banki, blizkota и пр.
— kk. lekk, malekk, msikk, wnukk, recnikk, setekkk, wnukk (все на концѣ). M. V. bukk (1).
— q. quar, queten (передъ u), quazz (3: все передъ u).
- 'l'** (Сл. лъ, ль) — il. dilh, miln, pilnolune, pilzt, wilk, vilchvice и пр. XII. Pilzni. M. V. pilh, wilchuecc.
— li. vlicodlaci, slich (XII. ly: Dlygomil). M. V. blizkota, vlichvec.
- l'** (л') — ll. cebolle, varlle. M. V. topoll (gill, tull, till, koll, llabut—въ твердыхъ слогахъ).
- ñ** (н') — nn. dlann, scennice. M. V. dlann.
- 'r'** (Сл. ръ, рь) — ir. birui, cirnidlo, cirnobil, cirw, dirn, kircma, zirp и пр. XIII. hirdost. M. V. birdo, tirlice и пр.
- ř** (р') — r. hrebi, hredi, hresti, hrivna, kadere. XI. gore.

- XII. pribislaus. XIII. narez. M. V. breza, hreben, hriva, kremenice и пр.
- гр. zerr (morr?) (M. V. orr, perre, rrepa (rriz — въ тверд. слогѣ).
- s (Рус. с) — s. breskev, hoste, yesen, nestida, salase, san, slep, stada и пр. XI. Casnici. XII. Sedlcih. XIII. nestoyte. M. V. kosa, lisice, svest и пр.
- ss. bessi, yassni, posselnice, tiss, vehlass и пр. XI. ssvatemi (M. V. нѣтъ).
- z. letorozl, lichoplezi, mozazni, ozlop, ozt, ozud, ozueta и пр. XI. wezi. XII. csazlavi. XIII. zok, zud. M. V. letoz, opazek и пр.
- zz. dezzetnici, huzz, iezzen, letopizzec, mezzec и пр. XII. scazzlav. M. V. klazz, ruzzi, zzled, zzochor (7).
- š (Рус. ш) — s. dusca, hrusca, iunose, krusina, reseto и пр. XII. Wisegrad, Zawisa. XIII. Bohuse. M. V. quasu, sidlo, olse (12).
- ss. crussi, topess. XI. dussnicoma. XII. sussina. M. V. kassel, prassi, vssati (6).
- šč (: št', Сл. ш) — sce. ihrisce, iescer, piscel, sarouisce и пр. XI. scepanu. M. V. chmelisce, kalisce, scetini (6).
- u (Рус. у) — u. udatstuo, usasne. XI. bogu. M. V. bukk, hruda, iuh, cruchta и пр.
- v. lvc, vceni, vdi и пр. M. V. vborech, vhli, vtek и пр.
- v (Рус. в) — u. brau, diuizna, chuala, leduina, lecarstue, nemluune. XII. jalouica. M. V. hriuа, yauor, neuesta, postaua и пр.
- v. chvosti, medvedice, zveczi, tvird и пр. XI. glava, hvalach. XII. csaslavi. XIII. stoghnev. M. V. dra-tva, hlavne, nevod, vapno и пр.
- vv. breskev, covv, pavv и пр. въ концѣ слова. M. V. cev, lov, krocvi, vvezlo.
- w. dworenin, kiwacz, wnukk, zwest, swet, waha и

пр. XI. wlah, w Hvalach. XII. Wisegrad, zawisa.
XIII. powod. M. V. zwezt, zwirbi, wezlo, wrabi-
cowe и пр.

' (Сл. 4) — i. dibri, lisice.

— ' lsiui. M. V. pstruh, stblo.

у (Сл. 21) — i. bledi, bidlitel, hradbi, hiriti. XIII. wiboy. M. V.
kilavec, litki, motika. mito и пр.

— y. pastyr, sytiwrat.

z (Рус. з) — z. brezen, izok, knez, trezubec и пр. XI. zlaton,
XII. zawisa. XIII. narez. M. V. zaiecc, zaklad,
zrcadlo и пр.

ž (Рус. ж) — s. blasu, bose, chise, lose и пр. XI. cis. XII. selud,
serav и пр.

žd' (Сл. жд') — zd. hlemizd (M. V. hlemisc).

Кромѣ означенныхъ удвоеній буквъ еще есть:

— pp. kepp, okapp. M. V. lepp.

— tt. scretti, suatouytt. M. V. latti, wradittlo (см.
wrattidlo).

Изъ означенныхъ данныхъ видно, что въ поддѣланныхъ глос-
сахъ, кромѣ такихъ способовъ написанія, которые употреблены
и въ другихъ вышеозначенныхъ памятникахъ, взяты въ дѣло:
hc какъ простое c (: Рус. ц), cz какъ č (: Рус. ч), i въ значеніи
Слав. 4 и при другихъ согласныхъ, какъ при l (л) и г (р), у въ
значеніи Слав. 21. Все это однако не нововведеніе, а не рѣдко
встрѣчается въ памятникахъ не только конца XIII в. и болѣе
позднихъ, которые могли быть извѣстны поддѣльщику, но и въ
древнѣйшихъ, одновременныхъ съ Mater verborum и болѣе ран-
нихъ. Такъ:

— hc = c. 1115 г. Cehckouici, Cohcber, Nechamihc, Go-
tесеuihc, Hochouihc; въ другихъ Satehc.

— cz = č. 1086 г. Raczen, 1220, 1222. Czasta, 1228,
Czernogedii, Czernowans, Czaslavv, 1238. Czaslaus,
Czaztolaus, 1249. Cziecz, Czakanow laz и пр.

— i = Сл. 4. 1052. Blatinice, Mistislaw, 1071. Zidezlavv, 1088. Gruzine wisi, Visemila, 1131. Nemitci, 1176. Misa, 1210. Liztimir, 1223. Miztidruh, 1236. Wissieborius, 1248. Wasiliko и пр.

— y = Сл. 41. 1052. Dyga, Lyssa, 1126—1247. Kygiow: Куо, 1159. Lediny, 1160. Kyselenici, 1205. Bysov, 1215—1222. Bystricie, 1234. Lyssek и пр.

Поддѣлыватель не нашелъ нужнымъ взять изъ *Mater verborum* слѣдующихъ способовъ написанія:

для ě (Рус. ч) — *cs*: kolacst, — *cc*: lucc, osladicc, tlucc, — *s*: slunek.

для k — *ch*: puscha, vborech, — *kc*: kclada, — *ck*: clunek.

для лъ — *lu*: clunek, clunek, slunek.

для ръ — *r*: iatrvenici, trpaslek, vetrnik, zrcadlo.

для s (Рус. с) — *sz*: szito, — *szs*: giszskra.

для ž (Рус. ж) — *ss*: sseratek, sserucha, rossen, yess.

Не лишнимъ будетъ означить тѣ слова, которыя записаны въ *Mater verborum* и въ старыхъ глоссахъ и въ поддѣланныхъ.

dirn (drn) cespes (2 раза) = dirn cespes.

hlemmisc (hlemýžd') ostreum = hlemizd murex.

yauor (javor) platanus = iavor acer.

jezero (jezero) stagnum = iezero lacus.

kamen vapenni (kamen vapenný) tofus = cami lapis.

colacst (kolač) crustula panis = colach munera, dona.

korab (koráb) trieris, nauis magna = corab liburnus, maior navis (corabnik faber naualis).

krocvi (krokvi) tigillum, kavo, habitaculum vel tectum, trābes = croki sparum est rusticum telum.

kirzno (krzno) mastruga = kirzno clamis, pallium.

kucol (kúkol) git herba, lolium = cucol lolium, zizania.

lichoplezi (lichoplesi) sirenas tres fuisse fingunt = lichoplezi syrene.

lovv (lov) venatus = (lovehc venator).

meze (meze) collimito, — limitem (2 p.), — porca = meze media. — fines.

- mol (mol) roscidum = mol tinea.
 mito (myto) theloneum = mito thelinium (mitar thelonearius).
 nevod (nevod) tragum = neuod sagena.
 nit (niť) filum = nit fila.
 obraz (obraz) moneta = obraz idolum, obrazi nummi.
 olse (olše) alnus (2 p.) = olse alnus.
 opazek (opasek) crumena, sacculi genus = opazek marsupium,
 sacculum pecunie.
 orech zemzki (orěch) tuber = orechi nuces.
 perre (perie) stipule sunt folia vel pagine... = pero penna.
 pleci (pleci) humerum = (plecnici renones sunt uelamina humerum
 et pectoris).
 rak (rak) cancer = rac cancer.
 stan (stan) tugurium = stan tentorium.
 ztraka (straca) pica = ztraka picus.
 stupa (stúpa) tipsanarium = stupa tasinarium.
 zwest (svěst') glos, soror mariti = zwest glos, uiri soror.
 vvezlo (veslo) remus = vezlo remus (vezlar remex).
 vlichvec (vlchvec) phitones, wilchuecc grincas, taxos = (vilchvice
 sagapeta).
 wirr (výr) bubo = wir bubo.
 zemzki (zemský) orech tuber = (zeme telluris, — regio).

Изъ сравненія написанія глоссъ неподдѣльныхъ съ тѣми, которыя признаны поддѣльными, какъ и изъ всего другого, видно что тотъ, кто писалъ эти поддѣльныя глоссы, не рабски слѣдовалъ какому бы то ни было случайному образцу, а свободно владелъ навѣкомъ древняго правописанія, и при томъ не навѣкомъ того давняго времени, къ которому относили и до 1827 г. и долго послѣ рукопись *Mater verborum*, т. ѓ. не конца XI или начала XII вѣка, а болѣе поздняго, когда уже писали h вмѣсто g и e вмѣсто a въ мягкихъ слогахъ.

Ошибками его можно бы считать развѣ только *seger* — *ostra*, *testa*, вмѣсто *срег*, и *treповсі molares dentes* вмѣсто *среповсі*, гдѣ въ обоихъ случаяхъ подъ *с* должно разумѣть *ѣ*: *ѣрег*, *ѣреповсі*.

сі; но и эти ошибки могутъ быть хоть нѣсколько объяснены. Съ написаніемъ сегер нельзя не сравнить въ подлинныхъ глоссахъ написанія *segzla* вмѣсто *gesla*, т. е. *česla*. Если въ этихъ глоссахъ, признанныхъ неподдѣльными, возможно было лишнее е между с и г, то почему же между такими же с и г невозможно было написать такое же е и послѣ? Въ томъ и другомъ случаѣ буква е могла быть вставлена какъ знакъ мягкости всего слога. Такъ можетъ быть и въ грамотѣ 1232 года написано *segen* вм. *сеген*, т. е. *čgen* *). Въ нынѣшнемъ Чешскомъ слова эти выговариваются *črěn* = *střen*, *črep* = *střep*, *česlo* = *tříslo*, съ шепелявымъ ř. Нельзя произнести *stříslo*, но можно — *třen* вм. *střen*, равно какъ *střída* и *třída*, *střecha* и *třecha*, *střemcha* и *třemcha*, *střevi* и *třevi*, *střevo* и *třevo*, *střen* и *třenový* или *třenovní zub*, иначе *třenovec* (въ Пражскомъ музеѣ хранятся *dua skamenělé třenovce slona u Lisu nalezené*), во множ. *třenovci*. Не могу объяснить себѣ, явилось ли *t* и *st* вмѣсто *č*, когда уже *г* стали выговаривать шепеляво или же ранѣе, и потому не смѣю рѣшить, по ошибкѣ ли или неопибочно написано *třenovci* вмѣсто *среновци*, тѣмъ не менѣе не могу не вспомнить, что въ Словенскомъ, гдѣ нѣтъ шепеляваго ř, можетъ быть произнесено и *trevica* вмѣсто *črevica* (Deuter. XXV: 9) и *trenové zubi* вмѣсто *črenové zubi* (Joel. I: 6).

Что касается грамматическихъ формъ склоненія и спряженія, то ихъ въ разсматриваемыхъ глоссахъ очень мало, кромѣ именительнаго падежа един. числа. Изъ словъ въ этомъ видѣ замѣчательны только тѣ, которыя отличаются особенными окончаніями: *ти* — *тер* (*neti* = *нети*, *sesti* = *сести*), *ы*: *ъв* (*coni*: *ковы*, *coti*: *коты*, *croki*: *крокы*, *cri*: *кры*, *lubi*: *любы*, *zvekti*: *свекры*, *veti*: *вѣты*), *ы*: *ен* (*jesni*: *ѣчмы*, *sami*: *камы*, *cori*: *коры*). Это тѣмъ

*) Въ грамотахъ XII — XIII в. нерѣдко употреблено *e* вмѣсто *Sl. ь* тамъ гдѣ оно невыговаривалось и давало знать о выговорѣ смежныхъ согласныхъ: *Certomas. 1223, Derban. 1224 — 1225, Legota = Helgota. 1233 — 1239, Perchyn. 1182, Reueniz. 1253, Serdow. 1251, Tergouo. 1115, Werhozlaus. 1221 — 1249, Zedeslav = Sedeslav. 1172—1197, Zerbec. 1131* и пр. Отмѣтить можно, что и въ Словарѣ Юнгмана занесено нѣсколько словъ гдѣ *Sl. рѣ* передается какъ *ege* и между прочими *čerevo* = *střevo*, *čerešně* = *střešne*, *čerenový* = *čřenový* = *třenovní*.

болѣе замѣчательно, что въ подлинныхъ глоссахъ видимъ окончанія *ev* (*mirkev*: мръкъвъ) и *en* (*kaupen*: камень, *krupen*: кремень).—Въ винительномъ единственнаго числа есть *ramet*; въ родительномъ *mesce* и *zasopa*; въ мѣстномъ и *mozze* (: въ моззѣ: въ мозгу), и *riti*; въ дательномъ *komonniku*; въ творительномъ *pachodem*, *obezropem*, *vicalem*, *otravu* (: отравѣ), *znahu* (: снагѣ).

Именительный множественнаго числа представляется въ разныхъ видахъ. Общее окончаніе муж. рода *i* (*seri*, *hudci*, *chrani*, *obrazi*, *poduali*, *uhri*, *zasoni* и пр.), съ переменною *k* на *s* (*blisenci*, *cirnoknisnici*, *dezzetnici*, *licemernici*, *ptasoprawci*, *zirotci*, и пр.), *ch* на *š* (*vzpesi*). Это послѣднее измѣненіе какъ будто не выдержано въ словѣ *ogech* — *ogechi*, но слово орѣхъ какъ названіе неодушевленнаго предмета если не должно было, то по крайней мѣрѣ могло имѣть въ именительномъ множественнаго женское окончаніе: орѣхы. Другое окончаніе — *e* (*hoste*, *slovene*). Окончаніе *e* (: *а*) взято и для именъ муж. рода жен. окончанія на *e* вм. *a* (*ptasoprawce*). Окончаній именительнаго падежа множ. числа въ женскомъ родѣ принято два: одно *i* для словъ на *a* при согласн. твердой (*i* = *ы*) и на Славян. *ь* (*i* = *и*), другое *e* (= *а*) для словъ на *a* при согласной мягкой (*chuprini*, *hodini*, *hradbi*, *lichoplezi*, *ocrazi*, *poduazki*, *pruhi*, *ztezky* и пр. — *birui*, *dibri*, *holeni*, *krussi*, *sani*, *zeti*, — *hase*, *hranice*, *huzle*, *chrepe*, *cadere*, *meze*, *parize*, *suetice*, *teplice*, *vereie*, *sale*, *deuice* и пр.). Окончаній того же падежа средняго рода такъ же два: въ твердыхъ окончаніяхъ *a* (*crnidla*, *stada*, *teneta*, *kolesa*), въ мягкихъ *e* (вмѣсто *a*: *prizloue*).—Въ винительномъ множественнаго муж. рода на *i* (вм. *ы*: *lubi*) и на *e* (вм. *а*: *ptence*, *baje*), женскаго рода на *i* (вм. *ы* и *и*: *mirscini*, *miski*, *zilzi*, *kuzni*) и на *e* (вм. *а*: *deuice*), сред. рода на *e* (вм. *а* послѣ *j*: *ozude*). Для родительнаго падежа множественнаго числа только одинъ случай женскаго рода (*strel se virsene* = стрѣлъ же врыженьк). Для творительнаго множествен. тоже только одинъ случай мужескаго рода на *i* (= *ы* *bessi*).

Двойственное число оказалось только въ именительномъ на *e* (= *ѣ*: *siue*, *dasne*, *chrepe*, *klesce*, *scrane*, — *dvetelec*).

Глаголы встрѣтились въ неопредѣленномъ накл. (hresti, hiriti, cupiti, nehovati, ozkirditi, placati se, pripiyeti, rsati, virsiti, uiti); въ 1-мъ лицѣ един. настоящаго времени на u (= ж и ѣж: blazu, cedu, meru, pletu, polucsu, stehu, zduuau); въ 3-мъ лицѣ един. наст. на e (drebne, lepce, placese, tase), на i (drazni, lubi, mali, pudi, rozlassi, wdruſi se) и на a (tka se); въ 3-мъ лицѣ множеств. на iu (matureiu); въ 3-мъ лицѣ единств. числа прошедшаго вр. (ostrabi, skrusi, otne = отъна: отъа); во 2-мъ лицѣ един. числа повелительнаго на i (pomilui, nadelii boh).

- Всего этого вмѣстѣ очень немного; но и въ этомъ немногомъ видно знаніе древняго Чешскаго языка, мѣшавшее поддѣльщику дѣлать ошибки—даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда древніе памятники, которые могли быть у него подъ руками, не давали ему ни какихъ указаній, какъ видно изъ вышеприведенныхъ наблюденій Добровскаго и Ганки. Позволяю себѣ думать, что для полнаго избѣжанія ошибокъ поддѣльщику мало было знать древній Чешскій языкъ болѣе, чѣмъ могли знать его тѣ, у которыхъ подъ руками были тогда доступные памятники, но и вообще древній складъ Славянскаго языка. Кто бы ни былъ поддѣльщикъ, а онъ не могъ не быть превосходнымъ знатокомъ древняго Славянскаго языка, какимъ былъ на пр. Добровскій, едва ли даже не смышленѣе его.

Поддѣльщикъ глоссъ выказалъ свое знаніе и въ выборѣ словъ, которыми переводилъ слова Латинскія. Въ выборѣ словъ его руководило не простодушное самомнѣніе, а именно знаніе, покойное, вѣрное самому себѣ и времени, котораго отголоскомъ должно было быть все имъ припоминаемое. Этимъ знаніемъ только и можно было вовлечь въ довѣренность такихъ знатоковъ, какимъ потомъ пришлось работать надъ *Mater verborum*. Увѣренный въ этомъ, считаю не лишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ словахъ, обращавшихъ или теперѣ обратившихъ на себя вниманіе.

А. О. Патера отмѣтилъ не малое количество словъ, какъ

не принадлежащихъ Чешскому языку и занятыхъ изъ Русскаго и изъ другихъ Славянскихъ нарѣчій. Сдѣлать это, конечно, было такъ легко, что можно даже удивляться умѣренности поддѣльщика; ограничившагося только 70-ю словъ, тогда какъ съ помощью словарей Латинско-Русскихъ, Латинско-Польскихъ и т. д., онъ могъ бы выбрать не 70, а 700, если не 7000. Невольно приходится сомнѣваться, что онъ бралъ въ помощь словари другихъ нарѣчій, и задать вопросъ: Не было ли у него свѣдѣній и о тѣхъ Чешскихъ словахъ, которыя могли быть въ ходу въ древнее время и потомъ были забыты такъ, что ихъ стало можно считать не-Чешскими?

Позволяя себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, представляю нѣкоторыя данныя, наведшія меня на возможность такого отвѣта. При этомъ не лишнимъ будетъ оговориться, что, какъ мнѣ кажется, на каждый памятникъ древняго Чешскаго языка, надо смотрѣть не какъ на памятникъ мѣстнаго Чешскаго нарѣчія, а какъ на явленіе языка общаго Чехо-Славянскаго и что притомъ не надобно забывать, что какъ этотъ языкъ имѣлъ вліяніе на церковный Славянскій, такъ и наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ словному составу.

— *bezslavie ignominia*. Слова *slava* и другія того же корня принадлежатъ Чешскому языку такъ же какъ и другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, съ тѣми же значеніями. Словъ образованныхъ съ помощью предлога *bez* = безъ такъ же множество. Теперь слово *bezslaví* вообще не употребительно; но ручаться, что его никогда не было такъ же нельзя, какъ ручаться что и теперь никто изъ Чехо-Славянъ его не употребляетъ и употребить не можетъ.

— *bledý delirus, bledí peligni, stulti*. Корень этого слова очевидно *bled*: блад: блѣд, который далъ Чешскому языку глаголъ *bledu blesti*. Прилагат. *bledý* могло быть образовано такъ же, какъ образовалось *blědý*: блѣдыи, *rudý*: рѣдыи и пр.

— *blenie balatus* — отъ *bleti*: *bleiu*, какъ *pěnie* — отъ *pěti* *peiu*.

— borec agonista. Ср. bořič destructor: bořitel, bořiti se conguere, labi, borba. Слово borec: борць образовалось такъ же какъ hudec: гждьць, honec: гонць, ловес: ловць и пр.

— брачка sistrum отъ корня брак (по ст. Слав. было бы брачка), какъ отъ вѣкъ—вѣкъ=внѣшка. Выговоръ а вмѣсто а былъ и остается не только за другими мягкими согласными, но и за р, какъ на пр. pǎadlo, pǎslo, tǎas.

— cĕdu excolo, purgo—отъ корня цѣд, могшаго дать и первообразный глаголь cĕsti=цѣсти, какъ далъ производный cediti. Ср. слова cedák, cedník, ceditlo и пр.

— čerep ostrá, testa. См. выше.

— čeridlo hamula. Если это то же, что Словенское čeridlo: čuridlo, то едва ли есть о чемъ и задумываться. Кажется впрочемъ, что это одно изъ тѣхъ словъ, надъ которыми стоило бы поработать. Ганка объяснялъ это слово посредствомъ čridlo (Sb. Sl. 371).

— dětel pragma, causa. Срав. metel' = Рус. метель, mejtel: mytel: мытель — баня (J. Koube Podřečí sever. Čech. Čas. Čes. mus. XXXVIII: 55).

— děver levir было въ древ. Чешскомъ: sw. Cecilia pozcie swemu dewerzowi modli hyzdití. Pass. 598 (Sbir. Slow. 320); leuir dewyerz стоять и у Роскоханого (Sb. Sl. 88), и въ Богемаріи (Sb. Sl. 42). Есть и въ новомъ, по крайней мѣрѣ Словенскомъ (G. Palkowitsch Wörterbuch; Šemb. Zakl. Dialekt. 74. Čas. Čes. mus. XXII: I: 206).

— dévosnub просах. Срав. snúbiti, usnúbiti, zasnubiti; posnubye sponsalia у Роскоханого (Sb. Sl. 103), snubacz paranympus (Anon. Sb. Sl. 182), snubak procus (у Велеш. Sb. Sl. 146), posnubenie sponsalia (т. ж. 150) и т. д. и děvokradce, děvonasilnik. Какъ dévosnub образованы были въ Чешскомъ многія слова. Выбираю нѣсколько изъ древнихъ словарей: pannicida sukno-kray (B. 50),—arthanthus konystrass (R. 60), sicarpus konypass (R. 60), meriga drozylap (R. 60), lapparius makolusc (R. 61), ipomanus konypaz (R. 65), teredo drzyewotocz (R. 68), dactitella

kolowrat (R. 74), pesgaliara matonoh (R. 74), degulius passoryt (R. 79), trapedicus hladynoh (R. 80), colericus suchopel (W. 117), girocellum kolowrat (W. 130), liga motowuz (W. 135), lucitra kratochwil (W. 136) и пр.

— drebne riget. Глаг. drebnuíti: Ст. Сл. драбнѣтя.

— hrad grando. Удержалось въ Словенскомъ (Палк. W.). Было и въ древ. Чешскомъ: Hrozna jako hradowe (: hradowa). Pass. 446 (Sb. Sl. 303).

— hrez lutum=гразь. Этого слова еще не отмѣтили ни въ Чешскомъ, ни въ Словенскомъ; но отвергнуть, что оно было, нельзя, имѣя въ виду глаголы hreznuti, uhreznuti, hříziti, rohříziti, hrúziti и пр.

— hriesti sepelire было въ древ. Чешскомъ: kupichu jedno pole pútnikom hřiesti nesmějiec jich u boží chrám nesti. Pass. 535. Star. Sklad. III. 53; Pole na němž by pútnísky hřebli za nia kúpichu. lus. 421, стр. 148; pohriesti: zda jich pohřesti měji. Spor duše. Vyb. I. 364; zahřiesti: kazachu živu zahriesti. Alex. 448. St. Skl. II. 172. (См. еще Sb. Sl. 214 и 434).

— chlast celebs. Правда, что ни въ одномъ изъ доселѣ прочитанныхъ памятниковъ не найдено это слово въ такомъ значеніи; но это еще не порука, что оно не найдется; а между тѣмъ оно есть въ древнѣйшихъ памятникахъ Старославянскихъ....

— chvorý imbecillis было въ древ. Чешскомъ: strastnye bydlíw chwor sie wratyl. Pass. 474. (Sb. Sl. 319); gegye drzewnye krassa biesse sie w chworu postawu promenyla. Pass. 544 (т. ж. 314): въ печатн. тутъ вмѣсто chworu стоитъ dwornu — вѣроятно по опечаткѣ вм. chwornu; člowieček jsem v tělo chvorý. Živ. Jan. Egypt. (Vyb. I. 1167—8).

— knižný scitus: срав. črnoknižnik.

— komonničí starosta prefectus equestris: ср. komoň, komonstvo, komonník.

— ložesný clinicus: срав. tělesný.

— lukavá falsa sub prodicione: въ древнемъ Славянскомъ было въ ходу и лжка какъ δόλος, и лжкавѣй, какъ видимъ въ са-

мыхъ древнихъ памятникахъ: отвергнуть его умѣстность въ древнемъ Чешскомъ такъ же трудно, какъ доказать, что слова *chutný*, *falešny* и т. п. замѣняющія теперь слово *řukavý* въ Чешскомъ, замѣняли его и въ древности.

— *majčenie priarismus...?*

— *matuřeju senescunt*; срав. *matorný* — *maturus*: о *matorným člověku*. Глав. 24 Альберта Вел.

— *mračice rubus*. Въ нов. Чешскомъ обыкновенная малина называется *ostružina*, а черная глухая — *kurina* или *černá malina*; та и другая называется еще *černice*. Отвергать, что гдѣ нибудь, можетъ быть, и доселѣ она называется и *mračice* едва ли можно. Не къ стати будетъ припомнить, что въ древн. названіяхъ мѣстностей есть и *Vrch Malinného* (1215 г.), и *Černice* (1249 г.), и *Mračnice* (1186 г. и сл. XIII в. грамоты 993 г.). Ганка предполагалъ, что *mračice* надобно бы читать *mračice* и сравнивалъ съ Русс. моротка (Sb. Sl. 390): это было слишкомъ смѣло.

— *mrščinu—rugas, collectiones vestimenti in unum*. Срав. *mrštiti*—на скоро бросать, набрасывать—отъ корня *mr*ск.

— *murin murcus*: такъ и въ Польскомъ и въ Словинскомъ Хорутанскомъ. Что было это слово и въ древ. Чешскомъ, свидѣтельствуютъ слова, употребленныя въ древ. переводѣ книгъ Ветх. Завѣта: *Pokrm lindem murzinowum*. Пс. LXIII. 13; *stanowice murzinska*. Abbak. III. 7; *murzinstwo*. Пс. LXVII. 32.

— *nečestie improbitas*: срав. *nečest dedecus, nectný improbus, nečestný* (стар.) *inhonestus*.

— *něha teneritas, něhovati mulcere, molire*: срав. древ. имена *Neg* (1052 г.), *Negan* (1130 г.), *Mironega* (въ Подлаж. синодикѣ X—XII в.).

— *noga specus*: срав. *nořiti—mergere, noře=hlubina* (obs. Палк. Wört.); въ древ. Чешскомъ *unoriti*: *ne jedná svých slez unoři v svej žalosti i v svém hoři*. Aleks. 1891 (St. Skl. II. 238); *neb se had k dětem ne vnořil*. т. ж. 878 (т. ж. 192); имена мѣстностей: *Norica* (900, 948, 1184 гг.), *Norichovice* (1248 г.).

— *oboz castrenses res.* Въ лѣтописяхъ Гайка и Пелцеля въ подобномъ значеніи употреблено слово *obwoz* (см. въ *Slow.* Юнгмана).

— *odr lectum*; въ нов. Чешскомъ слово это въ ходу съ призвукомъ *v*: *vodgr, vodry* въ значеніи *patro* — намость въ гумнѣ (*Šemb. Zakl. dialek. Č. Sl.* 18).

— *ohar fuscum, nigrum*: то же что Рус. загаръ при глаг. загарать, загорѣть — *oharati, ohořeti*.

— *ohniščenin libertus* — отъ *ohnišče* (*fvscus ohnyscze. Nomencl. Sb. Sl.* 169): *ohnisko focus, foyer*, Heerd: срав. Лат. *foculare*, отъ куда *focularius*, владѣтель огнища, дома.

— *орес, orise simia*: окончаніе жен. *ice* (: *ica*: *ипа*) прибавлено къ корню *ор*; такъ же могло быть прибавлено и окончаніе муж. *ес* (: *ьцъ*); въ Латин. употреблялось то же не только *simia*, но и *simius*; въ Нѣмец. др. *affo*, какъ и нов. *affe* — муж. же рода.

— *oslopy (?) oslopi (?) vectes dicti quod manibus vectentur*: въ Оравѣ есть гора *Prislop*, въ другомъ мѣстѣ *prislopy* (м. б. = *strminy. Čas. Čes. Mus.* XXII: II: 321); въ Сербской землѣ есть такъ же Прѣслопе (на пр. въ одной грамотѣ Стеф. Душана, ок. 1348 г., граница Архангельскаго Призренскаго монастыря проведена между прочимъ «како излазии мегю двѣ главѣ на дѣль. и тѣмъзи дѣломъ на Качиноу главоу на прѣслопъ како се камы вали оу Лѣшевь доль оу лоупежь...» Хрисов. ц. Стеф. Душ. 1862, 22; другія мѣста см. въ Рјечнику Ю. Даничића. II: 502). Отдѣля предлогъ *при* или *прѣ* получимъ слопъ, созвучіе стоящее вниманія и разбора.

— *raz iunctura tabularum*: ср. *razucha, razouch, raže* — между прочимъ и въ томъ значеніи какъ *раз* (*Slow.* Юнг.).

— *resera antrum, spesum*: срав. *рес* (: *пещь*), *реска, ресина, rescen* и *пр.*

— *pelest, pelestý varius, discolor, mutabilis*: ср. *pelesta: pelestka* — божія коровка, пеструшка.

— *plamennik flammiger*. Слово *plame: plamen* дало въ

Чешскомъ много производныхъ: между ними легко могло стать и *plamennik*. Юнгманъ отмѣтилъ это слово въ Новогодницѣ проф. Хмелы (Nowogósenka. 1824 г.) въ значеніи факела; въ Словенскомъ *plamenik* значить хлѣбець, спеченый на огнѣ.

— *plasy tenie, infule*. Въ Чешской землѣ есть мѣстность *Plasy*, гдѣ былъ монастырь *monasterium Plasense*; данныя о немъ начинаются съ XII в. (Reg. Boh. et Mor. I. 768).

— *plešnici repones, velamina humerum et pectoris*. Въ М. V. есть слово *oplečie* какъ переводъ слова *armilla*; въ томъ же значеніи принялъ его и *Bohemarius* (Sb. Sl. 44) и Велешинъ (т. ж. 110); а Роскоханый перевелъ *armilla* словомъ *opleczek* (т. ж. 92). Почему же еще одному глоссатору не перевести было *reпо* словомъ *plešnik*? Ср. др. Рус. оплечикъ, Серб. оплеће, оплећак.

— *pleník мансепс*. Срав. *plen, pleniti, plenení* и пр.; *plenuenye vastatio* употреблялъ Роскоханый (Sb. Sl. 83); *plen* въ значеніи *praeda, spolia* есть у *Θом. Штит.* (Ob. Věc. 168).

— *poluču nanciscor, adipiscor*: въ древ. Чешскомъ есть гл. *polučiti se: kak polučí se svatý ze zlého. Dalimil. 32; kak sě polučí ty děti. Th. Štit. Nauk. Křest. I. 14.*

— *rosah dotalicium*. Въ Земскомъ Устроении (*Zrizení Zem.*) 1530 г. слово это въ такомъ же значеніи употреблено нѣсколько разъ (Юнгм. Slow.). Выговоръ этого слова въ Польскомъ *rosag, вм. rosieг*, можетъ наводить на домысль, что въ Польскій оно перешло изъ Чехо-Словенскаго, а не на оборотъ: могло оно быть дома съ а вм. а только тамъ, гдѣ обособленный выговоръ а какъ а соединился еще и съ несмягчаемымъ выговоромъ s: c; срав. *sáhati, sáhnúti, sáhání, sáh.*

— *poskočnici saltatores*: срав. *skok, poskok—saltus, skočec saltator, skakati, poskakovati salire* и пр.

— *prok residuus* было въ древ. Чешскомъ, какъ показываютъ производныя: *prokný, proknie: služba proknie skona. Živ. s. Kat. 1253.*

— *ryd singultus*: срав. *rydati, rydaní* и пр.; въ знач. *prchlivost* (*Rozb. S. Lit. I. 149*).

— *gysk cursus equestris*: справ. *ryšiti*—*rychle hnáti*, *rychlý* — скорый; — *ryčnú* и *ryčnost*: *žádné nohy ani křídla nemá k ryčnosti=k hbitosti* (Rozb. St. lit. 184).

— *skop spado*, *eunuchus*: справ. *skopit*: *škopit'* (въ Слов.), *agnos castrare*; *skopik agnus vervecinus*, *skopec vervech*.

— *skora corium*, *pellis*: справ. *skorně* (кож. обувь) въ поэмѣ о *Ševcích* ст. 20—36 (St. Skl. II. 118—119).

— *skranec sertum*, *corona*. Не то ли же это слово, что и Нѣм. *Kranz*. Въ древ. Чешскомъ оно употреблялось безъ *s*: *kranec*: *sertum kranecz*. Voc. *Rozkoch*. (Sb. Sl. 92), *sertum kranecz*, *kranetzl*. Lex. *Weles*. (т. 148).

— *skravad' sarthago*: справ. *skrovadnice* — *cymbalum*: *w skrowadnycech*. Пс. CL. 5 (Sb. Sl. 254. Rozb. St. Lit. I. 120).

— *snaha prouba*. Слово *snaha* и по Чешски значить то же, что Сл. *снѣха*=Рус. *сноха*; а *prouba* есть Рус. *свах*, *сватья*; въ Чешскомъ жен. отъ *svat* есть *svatka* и значить то же *snaha*.

— *srače tunica*=Рус. *сорочка*; Словен.-Хор. *srajsca*: *sračsa*: древ. Слав. *срачца*: древ. Сканд. *serkr*—слово трудное и для этимологовъ.

— *gram veresundia*, *rudor*: въ Словен. говорахъ слышно и это существительное и глаголъ *gramiti*, *gramitisa*, какъ въ Русскихъ *соромъ* и *соромиться*; Колларъ употреблялъ слово *gramota*.

— *stezky tramites*: въ Чехо-Словенскомъ есть и *stezka*, и *stezička*, и *stezinka*, и *stežník* (*Šemb. Zakl. dial.* 28); было и въ древнемъ: *semita stezka* (*Nom. Sb. Sl.* 171).

— *svor zodiacus*, *circulus*: справ. *svor*, *svorný*, *svornost*.

— *šcedně parce*, *honeste*, *moderate*: справ. въ *Lex. Weless*. *stednost* (такъ у Юнгм.): *stedrost* (такъ въ *Sb. Sl.* 438); *oščádat' se* по Ганацки *skrbiti s něčím* (*Šemb. Zakl. dialekt.* 49).

— *tešc vacua*: справ. *tštice* (: *tštica*) *vacuitas*. (*Sb. Sl.* 426); *čtice srdce*, *v čtici byti* (*Thom. Štit. Nauč Křest.* 76, 103); *tšcivy inanis*. (*Rozb. St. Lit.* I. 120); *štiroba*=*čtitroba stomachus jejunis*, *пустой желудокъ*, *доселѣ въ народѣ*.

— *topeš topsus, topstein*: сред. Латин. *tufus: tophus: tofus*: *топу*, *туфъ*.

— *treba sacrificium*. Почти у всехъ Славянъ удержалось значеніе слова *трѣба*: *треба*, выражающееея въ Русскихъ словахъ *потреба*, *потребность* и т. п. Только въ церковномъ языкѣ доселѣ сохраняется древній смыслъ слова *трѣба*, нѣсколько расширенный. Отрицать, что этотъ смыслъ слова былъ чуждъ какимъ нибудь Славянамъ въ древности едва ли было бы возможно, такъ же какъ и отрицать умѣстность домысла Воцеля, видѣвшаго отголосокъ древнихъ *требъ* въ разныхъ названіяхъ Чехо-Словенскихъ мѣстностей (*Pravěk. Z. Č. 376*).

— *trepice scamula, hahala*: срав. *třepiti, třepky: třapky, střapiti, střapkati*.

— *tvrd' firmamentum*: срав. *tvrdost' firmamentum: vidiš a ne možeš jieti ob tvrdosti jeho vzkružie. Živ. s. Kat. 1378*.

— *vatra fulmen*: въ Словен. *vatra: vatral* значить *пламя*, а *vatrit' oheň*—раздувать *пламя* (такъ отмѣчено въ моемъ сборномъ словарѣ; срав. *Čas. Čes. Mus. XXII: II: 333*).

— *vršiti triturare, conculcare*. Въ древ. Слав. памятникахъ рѣдко встрѣчается слово *врѣж* *врѣщи* въ значеніи *triturare*; второобразный же глаголъ *врѣж* *врѣшити* былъ употребляемъ только въ значеніи *perficere*, какъ и доселѣ въ Русскомъ. Только въ Хорватскомъ и то не вездѣ, вмѣстѣ съ *mlatiti* говорить *veršiti=varšiti*, такъ же какъ въ Сербскомъ *врѣху* *вријећи*: *mlatiti* можно только *цепами*, а *veršiti* не *цепами*, а *конскими копытами* или же *ногами*, *conculcare*. Гдѣ оставлялся этотъ приемъ *молоченья*, тамъ и самое слово должно было выпадать изъ употребленія; такъ оно могло или, правильнѣе сказать, должно было исчезнуть и въ Чешскомъ.

— *vrv*—*resticula, restis*: срав. *obrv: obrvv*—*funiculus* въ Пс. CIV. 11 (*Rozb. St. Lit. I. 120, Sb. Sl. 235*) и *vrv zona* (*Rozb. т. ж.*).

— *žestok furiosus, crudelis, seuus*: срав. названія мѣстностей: *Žestoky: Seztocch, Sestocch* (1115, 1167, 1186 гг.).

Предлагая эти замѣчанія вниманію знатоковъ, позволяю себѣ остаться при увѣренности, что каждый изъ нихъ можетъ только увеличить ихъ своими прибавленіями по источникамъ не только мнѣ неизвѣстнымъ, но и извѣстнымъ.

Если же каждое изъ приведенныхъ выше замѣчаній на сколько нибудь годно для доказательства, что слово, къ которому оно относится, не можетъ быть разсматриваемо какъ невозможное въ древнемъ Чешскомъ языкѣ; если допустить при этомъ возможность найти эти слова не только въ древнихъ и старинныхъ памятникахъ еще никѣмъ нечитанныхъ, но и въ читанныхъ и даже изданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотя нѣкоторыя и въ живомъ говорѣ народномъ; то надобно допустить и умѣстность общаго вывода — такого: — Кто бы ни былъ составитель глоссъ, оказывающихся поддѣльными, онъ составлялъ ихъ не зря, не съ надеждою, что его незнаніе и легкомысліе никогда не обнаружатся, а вооруженный полнымъ знаніемъ и чутьемъ своего родного языка, немогшими его допустить до ошибокъ, легко подмѣчаемыхъ. Какъ поддѣльщикъ, упрекаемый въ поддѣлкѣ, онъ бы могъ сознательно оправдывать себя передъ обвинителями между прочимъ и такимъ возраженіемъ: — Если вы считаете эти глоссы поддѣланными мною потому, что въ нихъ видите отголоски языка Русскаго, Польскаго, Церковнославянскаго, то считайте же поддѣланными и всѣ другіе древніе памятники Чешской письменности; въ каждомъ изъ нихъ мы можемъ найти такіе же поводы къ такимъ же сомнѣніямъ въ ихъ подлинности. Такой поддѣльщикъ долженъ былъ понимать и чувствовать, что онъ трудится не для одного часа, не для прельщенія людей малознающихъ, а для долгаго будущаго и для работы судей опасныхъ силою знанія и критическаго размышленія. Теперь, имѣя въ виду выводы подробной и строгой палеографической работы А. О. Патеры, можно отвергать эти глоссы, какъ выдумки поддѣльщика, негодныя для изслѣдователя, такъ же смѣло, какъ прежде принимали ихъ за цѣнныя открытія и строили на нихъ разныя археологическіе выводы. Не будь сдѣлано что сдѣлано А. О. Патерою, не

было бы и теперь возможности отстраняться от данныхъ, даваемыхъ этими глоссами. Именно потому и не было возможности ими не пользоваться, что ничто въ нихъ не навлекало тѣни подозрѣнія.

Таковы эти глоссы не только въ отношеніи къ словамъ, которыя могутъ показаться занятыми изъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, но и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ отношеніи къ вѣрованіямъ и обрядамъ язычества, на сколько тѣ и другія могли отразиться въ переводахъ Латинскихъ словъ этого рода Чешскими. И тутъ этого глоссатора уличить въ поддѣлкѣ очень трудно.

Что онъ какъ поддѣльщикъ могъ имѣть въ виду? Конечно, хоть отъ части, нужду объяснить не ясное и дать новыя свѣдѣнія о томъ, что желали бы узнать и чего не знали. Помочь себѣ онъ могъ, даже долженъ былъ своимъ воображеніемъ, но не теряя изъ виду или, лучше сказать, внимательно всматриваясь въ тѣ данныя, которыя были у людей ученыхъ, занимавшихся Славянскою мѣологіей, и въ тѣ выводы, къ которымъ они пришли разрабатывая эти данныя, оцѣняя ихъ строго-критически, чтобы какъ нибудь не впасть въ какую нибудь непоправимую ошибку.

Работа была не легкая. Много было подобрано данныхъ и изъ древнихъ сказаній, и изъ народнаго преданія, много было сдѣлано различныхъ толкованій чуть не каждаго изъ этихъ данныхъ; много было надѣлано различныхъ сводныхъ изображеній Славянскаго многобожія. Такъ изъ древнихъ лѣтописцевъ Германскихъ знали:—Витикинда Корбейскаго по изданіямъ Фрехта въ 1532, Рейнекція въ 1577, Мейбомія въ 1621, Лейбница въ 1707 и другимъ, — Дитмара по изданіямъ Рейнекція въ 1580 и 1600, Мадера въ 1667, Лейбница въ 1707,—Адама Бременскаго по изданіямъ Веллея въ 1579, Линденброга въ 1595, 1609 и 1630, Мадера въ 1670,—Гельмольда по изданіямъ Шоркеля въ 1556 и 1573, Рейнекція въ 1581, Бангерта въ 1659, Лейбница въ 1709,—Жизнеописанія Оттона Бамбергскаго по изданіямъ Кани-

зія въ 1602, Гретсера въ 1611, Сурія въ 1608, Іашія въ 1681, Лудвига въ 1718 и др.,—Саксона грамматика по изданіямъ Петра въ 1514, Стефанія въ 1614 и нѣсколькимъ другимъ; изъ собственно Славянскихъ лѣтописцевъ знали Козму Пражскаго по изданіямъ Фрегера въ 1602 и 1607, Менкена въ 1728, Добровскаго въ 1783,—хронику Гайка по изданію 1540, по Нѣмецкому переводу Санделя изд. въ 1596, 1697, 1718, и по Латинскому переводу Добнера изд. въ 1761, — Мартына Галла и Кадлубка, по изданіямъ Лентниха въ 1749 г. Мицлера въ 1769, а одного Кадлубка по изданіямъ Гербурта въ 1612 и Гюйсена въ 1712; исторію Длугоша по изданіямъ Гербурта въ 1615 и Гюйсена въ 1711; Русскую древнюю лѣтопись знали по извлеченіямъ Герберштейна въ изданіяхъ 1549, 1556, 1557, 1567, 1600, а въ подлинникѣ по изданіямъ Академіи Наукъ, по Нѣмецкому переводу Шерера въ 1774 г. и Шледера въ 1802 — 9 г. и друг. Къ такимъ источникамъ по Славянскому язычеству причисляли долго и Живописную Хронику Ботона (*Cronicken der Saasen*), изд. въ 1492 и потомъ Лейбницемъ въ 1711, а въ Нѣмецкомъ переводѣ въ 1589 и 1596, и Прусскія хроники Христіана, Грунау, Дусбурга, и т. д. Невозможнымъ казалось не заглянуть въ Хронику Ботона, потому что тамъ помѣщены не только описанія, но даже изображенія нѣкоторыхъ боговъ Славянскихъ: имъ довѣряли и потому ихъ перерисовывали и переиздавали, какъ сдѣлалъ и ученый Бангертъ въ своемъ изданіи Хроники Гельмольда (1702 г.), снабженномъ многими объясненіями. Въ Прусскихъ хроникахъ находили обильную жатву данныхъ о божествахъ Литовскихъ, которыя казалось нужнымъ не только сравнивать, но и уравнивать со Славянскими и которыми могло быть очень роскошно увеличено незначительное число отмѣченныхъ именами божествъ Славянскихъ... Могли не быть опускаемы изъ виду и такія произведенія, какъ *Cronica Polonorum Mathiae de Mechovia*, изданныя уже въ 1521 г., *A. Guagnini Rerum Polonicarum tomii tres*, изд. въ 1585 г., *Respublica Wojema à M. P. Stransky*, извѣстная съ 1583 г., *Sacra Moraviae historia à J. G. Stre-*

dowsky, изданная въ 1710 г. и другія подобныя. Всякій, кто пользовался такими разными источниками, по мѣрѣ силъ прибавлялъ къ даннымъ изъ нихъ извлеченнымъ свои поясненія и добавлялъ изъ того, что узнавалъ о народныхъ суевѣрїяхъ, или что вычиталъ въ словаряхъ Славянскихъ языковъ, все, что казалось годнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многоначитанные люди не могли оставить въ покоѣ и разныхъ своихъ знаній по язычеству другихъ народовъ разныхъ временъ, какъ пособій для уясненія своихъ взглядовъ на явленія Славянскаго язычества.

Какъ давно начались эти работы, можно удостовѣриться изъ того, что когда многоученые славянофилы XVII—XVIII вѣка братья Мих. и Авр. Френцели занялись своими диссертациями одинъ *de idolis Slavorum*, а другой *de diis Soraborum aliorumque Slavorum* для второго тома *Regum Lusaticarum*, изданныхъ въ 1719 г., то они могли уже имѣть подъ руками значительное количество книгъ, годныхъ какъ пособіе для этой работы, напечатанныхъ между прочимъ и такими людьми, съ которыми можно было входить въ научное состязаніе, не унижая своей ученой важности. Современные сочинители разысканій по Славянской мѣологіи, разсматривавшіе произведенія Френцелей, замѣтили вѣроятно, что это не краснорѣчивыя разглагольствованія на нѣсколькихъ страничкахъ, а сухія и вмѣстѣ съ тѣмъ объемистыя изслѣдованія, занявшія болѣе 160 страницъ въ листъ, т. е. болѣе 300 страницъ обыкновеннаго набора въ 8-у. Особенно замѣчательнъ трудъ Авр. Френцеля (стр. 85 — 236), воспользовавшагося не только источниками и изслѣдованіями по Славянской и Литовской мѣологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по Греко-римской, но и своими филолого-богословскими знаніями ветхозавѣтной древности. Начавъ общимъ изображеніемъ язычества и языческаго богослуженія Славянъ, онъ перешелъ къ частному перебору каждаго изъ божествъ, — и вотъ какіе у него боги выдѣлились каждый особенною личностью:—Swantevit какъ *deus supremus* и богъ солнца (стр. 100 — 121), Radegast какъ другой *supremus deus*, исполнявшій у Славянъ должность Марса (121—

132), Vith: Rugiaevith какъ богъ мести (132 — 137), Porevith какъ богъ добычѣ и военныхъ нападеній (137 — 139), Provo какъ богъ суда (139 — 149), Sivva: Zywie какъ богъ жизни (149—156), Pogenut какъ богъ зачатій (157—158), Slota baba какъ богиня повиванья (159—162), Ciza какъ богиня кормленья (162—164), Potrimp какъ богъ довольства въ пищѣ и одеждѣ (164—168), Ossoripn какъ богъ молніи (169—170), Percun какъ богъ грома и молніи (170—175), Perdoit какъ богъ вѣтра (176—177), Pogoda: Podaga какъ богъ погоды (177—178), Jutrobog какъ богъ зари утренней (178—180), Schvvaixtix: Zvicz какъ богъ свѣта и огня (180 — 184), Vorskait и Schvveitbrat какъ боги скотіи (184—187), Dzievvanna: Dzievonia какъ богиня лѣсовъ и лѣсныхъ звѣрей (187—189), Antump какъ богъ озеръ, рѣкъ и источниковъ (189 — 191), Pilvit какъ богъ богатствъ (191—192), Pergubgi какъ богъ жатвъ (192 — 298), Churcho какъ богъ надѣленія (198—201), Hennil какъ богъ хранитель (202), Trigla какъ богъ неба, земли и ада (203 — 205), Pusceith какъ богъ священныхъ лѣсовъ (206—209), Suitibor: Zutiber тоже какъ богъ священныхъ лѣсовъ (209—211), Püstric какъ богъ мститель-хранитель богослуженія (211 — 220), Ausschveit какъ богъ больныхъ и здоровыхъ (220—221), Marzaana: Marzana какъ богиня смерти (222—225), Флинсъ какъ богъ воскрешеній (225—229), Czernebog какъ дьяволъ (229—232), Picollo какъ богъ ада (232—234), Varstucci и Marcorpeti какъ духи покровители (234—235), Coltki какъ кобольды (235—236), духъ полудня (236). Изъ этого перечня очевидно, что Френцель, хотя и далъ мѣсто Золотой бабѣ, какъ божеству, имѣвшему право на мѣсто между Славянами, и упомянулъ еще о Новгородскомъ Перуцѣ (89), не воспользовался данными о божествахъ Русскихъ Славянъ, отмѣченными въ древней Русской лѣтописи, и вмѣстѣ съ тѣмъ внесъ въ рядъ Славянскихъ довольно многія, обогатившія Литовскую миеологию. Нельзя упрекнуть Френцеля ни въ томъ ни въ другомъ. Русскихъ боговъ времени Владимира онъ могъ узнать только по именамъ, а ему нужны

были не одни имена, Литовскіе же боги были описываемы и подробно и многократно, и имѣли право стоять между Славянскими не только тогда, но и слишкомъ столѣтіе позже. Какъ бы то ни было, произведеніе Френцеля не могло не быть принято съ особеннымъ уваженіемъ, какъ плодъ огромной начитанности и обширныхъ соображеній, не только современниками, но и послѣдовавшими изслѣдователями — тѣмъ болѣе, что оно подробно указало на множество источниковъ и ученыхъ работъ — по каждому вопросу отдѣльно.

Въ ряду источниковъ, которыми не пользовались братья Френцели, былъ и тотъ, который могъ легко быть образованъ посредствомъ источниковъ, бывшихъ или могшихъ быть у нихъ подъ руками, но въ то время, когда они работали, скрывался гдѣ то въ Нейбранденбургѣ, и открылся ученому свѣту съ началъ только въ извѣщеніяхъ (*Altonaischer Mercurius*. 1768, № 34—44; *Nützliche Beiträge zu den Intelligenzen*. Neustrelitz. 1768. № 20—23; *Gemeinnützliche Aufsätze*. Rostock. 1769. № 8—12, 16—17, 18, 21—23, 42—43), а за тѣмъ и въ обширной и роскошно изданной книгѣ, вышедшей со множествомъ изображеній, рѣзанныхъ на мѣди, подъ названіемъ *Die gottesdienstlichen Alterthümer der Obotriten aus dem Tempel zu Rethra* (Berlin. 1771), книгѣ прославившей суперинтендента А. Г. Маша не менѣе чѣмъ и бывшаго владѣльца Машемъ описанныхъ древностей, пастора Ф. Спонгольца. Славянскимъ миссионарамъ было чему поучиться въ этой книгѣ — не только очень ученой, но и давшей самыя изображенія боговъ, съ руническими надписями на нихъ ихъ именъ, *singulis nominibus insculptis* — какъ о Славянскихъ идолахъ Ретры сказалъ Титмаръ почти за 700 лѣтъ передъ тѣмъ. Изъ этой книги удостовѣрились, что Славянами чтимы были не только Swantewit, Radegast, Podaga, Perkun: Perkunust, Sieba, Schuaixtix, Zernebocg, но еще и Vodha, Nemisa, Zislbog, Irabog, Zibog, Asri, Opora, Siegsa, Kudii, Zirnitra, Лель и Полеть (Lelus und Poletus). Неосторожный Варленскій пасторъ Зензе вздумалъ было усумниться въ подлин-

ности этого открытія и печатно заявить, почему онъ сомнѣвается; но господа Таделль и Генцмеръ его укротили (ссылки выше), а суперинтендентъ Машъ окончательно усыпилъ, и надолго, всякую мысль о возможности сомнѣнія. Съ тѣхъ поръ не пользовались книгой Маша развѣ только тѣ, которые не имѣли возможности добыть ее, слѣдовательно во всякомъ случаѣ люди отсталые. Невозможнымъ счелъ не пользоваться ею умный и добродушный д-ръ Антонъ въ своихъ *Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnsisse* (Leipz. 1783); а сурово-самостоятельный Гебгарди въ своей классической *Geschichte alter Wendisch-Slawischen Staaten* (Halle. 1790 — 1793: 2 т. 4^o) счелъ даже нужнымъ голословно предпочесть сокровища Спонгольца тому, чѣмъ воспользовался А. Френцель и другіе изъ свѣдѣній о Прусскихъ божествахъ, не замѣтя, что и на этомъ сокровищѣ налегли слѣды этихъ и подобныхъ свѣдѣній. Приводить имена писателей, которые съ семидесятыхъ лѣтъ прошлаго вѣка до недавно-прошедшихъ лѣтъ нашего вѣка пользовались древностями Маша, бесполезно: ихъ число легіонъ. Довольно вспомнить, что Добровский и Карамзинъ не отвергали ихъ подлинности (о чемъ послѣ), что и Шафарикъ и Лелевель искали и находили въ нихъ доказательства своихъ воззрѣній, а потому и ссылались на нихъ (Шафарикъ на пр. въ изслѣдованіи о *podobizně Černoboha w Vamberku Čas. Čes. Mus. XI: 37* и слѣд.; Лелевель между прочимъ въ книгѣ *Narody na ziemiach Słowiańskich*. 1853: стр. 755 и слѣд. *Wałwochwalstwo Słowiańskie*). Что касается смѣшенія миѳологии Славянской съ Прусскою и вообще Литовскою и при томъ безъ всякой критики источниковъ, изъ которыхъ добывались и добываются данныя о Литовскихъ богахъ, то голословное предостереженіе Гебгарди ни сколько не помогло: къ божествамъ отмѣченнымъ Гарткнохомъ прибавились еще въ большемъ количествѣ тѣ, которыя внесъ Ласицкій въ свою книжку *de diis Samogitarum*. Не только въ прошломъ вѣкѣ, но и въ нынѣшнемъ нерѣдко дѣлались эти смѣшенія, какъ видно между прочимъ и изъ

сводовъ Нарушевича (*Historya naroda Polsk.* 1824. I: II: стр. 313—496, *Mithyologia Słowiańska*) и Ант. Юнгмана (*Krok. we-regnú spis wsénaučny* II: III: 339 — 392: *Obsáh naboženstw pohanského u Slowanů zwašťě u Čěchů*).

Имѣя въ виду объяснить языческія «древности» Ретры, Машъ принялъ на себя и другую еще болѣе тяжелую и болѣе важную обязанность—выяснить Славянское многобожіе вообще и между прочимъ такимъ путемъ, котораго вѣрность нельзя было отвергать ни тогда, ни послѣ, путемъ отдѣленія божествъ по народамъ и областямъ. Не ему первому пришла эта мысль; но онъ первый высказалъ ее рѣзко и опредѣлительно. Ставя внѣ областныхъ отличій признаваніе всѣми Славянами того великаго бога, о которомъ говорилъ еще Прокопій, бога боговъ, какъ называлъ его Гельмольдъ, и принявъ, что и Гельмольду извѣстно было его имя Бѣлбога, какъ бога добра въ противоположность съ богомъ зла Чернобогомъ, Машъ нашелъ нужнымъ раздѣлить всѣхъ другихъ боговъ на четыре разряда: 1) главные боги, храмовые, 2) второстепенные боги, 3) домашніе боги, 4) полубоги. У Прусскихъ Славянъ къ главнымъ отнесены имъ: Percunust, Picollo, Potrimpi; къ второстепеннымъ: Curcho, Werzkait, Ischwambrat; къ домашнимъ: Oscopirrus, Schweix-tix, Ayschweitus, Antrimpus, Potrympus, Perdoytus, Pergurbius, Pilvitus, Percunus, Pecullus, Puschkaitus; къ полубогамъ: Berstuen, Marcopesen и Coltki — все по Гарткноху. У Сербовъ Лужицкихъ главными признаны Swantovit и Rade-gast—по Френцелю; второстепенныхъ и полубоговъ не нашлось; домашнимъ показался Swantibold — по соображенію (§ 38: стр. 31). У Мораванъ въ число главныхъ вошли Peron: Perun, Rad-gost: Radedast, Witslaw и Krasorani—по Стредовскому (*Sacra Morav. hist.* 1810); а остальные, упомянутые Стредовскимъ (стр. 53—56), никуда не отнесены, можетъ быть, по одинаковости съ Чешскими. У Чеховъ какъ главные выдѣлены Peron и Swantewit; второстепенными—небесные: Chasen, Ladon, Zizlila, Marzena, Ziviena, Chrvorz, Zelun, Pohoda, Moksla, Pochwist:

Nehoda, земные: Zel в.м. Lel, Poleb в.м. Polel, Shetek: Siurzitek в.м. Sskrżitek, Diblik, подземные: Merot, Rademas, Niera в.м. Nipwa, Tasani в.м. Tassani, Sudice, Wily, Trzibeck: Trzibog; домашними Climba, Dyrza, Crasatina, Kyhala и Crosina, — все по Странскому (Respublica Wojema. 1634). Къ чтимымъ Поляками главнымъ отнёсены по Гванини (Descriptio Sarm. 1581) Swantewit: Солнце, Мѣсяць, Pogwied, Jessa Jupiter, Lacton Pluto, Nia Ceres, Marzana Venus, Zievonian Diana, Lelus и Poletus Castor и Polux, а по Длугошу (Historia Polon.) Liada Mars, Dzi-dzielia Venus, Pogoda; къ второстепеннымъ, домашнимъ и полу-богамъ — ни одного.

Взглядъ, принятый Машемъ, не могъ не быть усвоенъ: такъ онъ былъ простъ и пригоденъ. Усвоили его и д-ръ Антонъ, и Гебгарди, и другіе, только каждый видоизмѣняя подробности перечета боговъ. Должны были явиться въ ряду другихъ Славянскихъ божествъ и Русскіе. И вотъ на пр. въ какомъ видѣ явились Русскіе боги въ книгѣ Антона: Perun, Wolos, Poswisd oder Wichor, Lado мать des Lelo und Polelo, Kupalo, Koleda, Osljad, Chorschba, Daschba, Striba, Simargl, Makosch (стр. 49 — 50). Источникомъ былъ Anhang къ Нѣмецкому переводу des Nestors (Шерепа Des heil. Nestor's älteste Jahrbücher. 1774). Изъ того же источника, только выдѣливъ божества, упомянутыя въ Лѣтописи отъ прибавленныхъ, почерпнулъ и Гебгарди свой отчетъ о Русскомъ язычествѣ (стр. 28). Ни одному изъ такихъ изслѣдователей не могло придти въ голову, что слова Chorschba, Daschba, Striba были въ Лѣтописи въ род. падежѣ Хръса отъ Хърсь, Дажба отъ Дажбогъ, Стриба отъ Стрибогъ, что Osljad явился изъ оусъ златъ, что Simargl составилъ изъ двухъ словъ, поставленныхъ въ Лѣтописи въ род. падежѣ: Сима, Ръгла, и т. д. Принимаемъ былъ какъ свидѣтельство цѣнное Герберштейновъ переводъ мѣста изъ лѣтописи: Volodimerus multa idola Kioviae instituit: primum idolum Perun dictum capite argenteo, caetera lignea erant; alia, Uslad, Corsa, Dasva, Striba, Simaergla, Macosch vocabantur = Володимеръ... постави кумиръ на холму внѣ двора

теремнаго. Перуна древяна. а главу его сребрену. а оусть златъ. Хърса Дажьбѣ и Стрибѣ. и Симарьгла. и Мокошь.

Въ 1804 году Русскій штабсъ-капитанъ А. Кайсаровъ, по Нѣмецки Andrey von Kaussarov, заявилъ себя какъ представитель знанія Славянской мѣологии въ книгѣ, имъ изданной въ Геттингенѣ: Versuch einer Slavischen Mythologie in' alphabet. Ordnung (по Русски его книга вышла въ 1807 г.). Самъ онъ не хотѣлъ величаться, напротивъ того во введеніи еще богѣе, чѣмъ въ первомъ словѣ названія книги, онъ выразилъ свои малыя притязанія; но какъ Русскій Славянинъ не могъ не быть встрѣченъ любителями съ подобающимъ уваженіемъ. Съ уваженіемъ отнесся о немъ и самъ аббатъ Добровскій, не даромъ считавшійся въ то время лучшимъ знатокомъ Славянства, Славянскихъ древностей и вообще очень ученымъ человѣкомъ (Slavin. Bothschaft aus Böhmen. 1811, по 2-му изд. стр. 263 — 275). То, что высказано Добровскимъ по поводу книги Кайсарова, важнѣе самой книги. Остались у Кайсарова Korsha и Striba, хотя и съ оговоренными Chors и Stribog; остался—Semargl а рядомъ съ нимъ и Simzerla, не пропалъ Oslad: Uslad, не забыты Koliada, Kupalo, Trizna. Добровскій отвергъ изъ сонма боговъ Коляду, Купало и Тризну, сказавъ что это не боги, а торжества; но не отвергнулъ ни Simzerla, ни Услава. Изъ западно-Славянскихъ божествъ получили мѣсто у Кайсарова сравнительно немногія: Bielbog, Czernobog, Crodo, Didilia, Flintz, Jutrabog, Marzana, Nia, Prove: Prono, Posvist, Pogoda, Porenut, Porevit, Radegast, Rugevit, Sevana, Siva, Svetibor, Svetovid, Triglava, Voda — и то не всѣ съ увѣренностью, что были признаваемы Славянами за божества; а одно божество, Crodo, попало по ошибкѣ изъ Саксонскихъ, какъ не забылъ замѣтить Добровскій. За то въ изобилии явились Русскіе: Czudo morsкое, Czur, Dedinec, Did, Domovye duchi, Dubynia, Gorynia, Jagababa, Kasczei: Kosczei, Kikimora, Lado, Leschie, Polkan, Rusalki, Volchov, Voloty, Tzar morskoj. Сообщенныя Кайсаровымъ данныя объ этихъ новозаявленныхъ Нѣмецкимъ ученымъ членахъ Славяно - Русскаго многобожія Добров-

скій принялъ къ свѣдѣнію, давъ даже отъ себя кое-какія добавочныя припоминанія. Онъ замѣтилъ еще, что ни Чеш. Zmek, ни Далмат. Vila, ни общіе Славян. Бѣсы не должны бы отсутствовать. Не такимъ добродушнымъ миеологомъ Добровскій показалъ себя въ отношеніи къ божествамъ, которыя были прежде извѣстны: Дажбогъ показался ему не богомъ, а восклицаніемъ къ богу: *gebe Gott*; *Jutrabog* призналъ онъ только именемъ города; *Prgovo* или *Prgopo*, хотя и указанный Гельмольдомъ, могъ, по его мнѣнію, быть не Славянскимъ; *Poreput* и *Porevit* считалъ онъ именами одного божества, и первое — за ошибку писца; *Rugevit* считалъ Витомъ Ругіи острова; на Золотую бабу смотрѣлъ какъ не на Славянскую; *Svetibor* зналъ изъ Дитмара какъ святой боръ; *Svetovit* казался ему такимъ же Витомъ, какъ *Porevit* и *Rugevit*.

Критическая статья Добровскаго о книгѣ Кайсарова въ ходѣ воззрѣній на Славянское многобожіе была немаловажнымъ шагомъ: утвердивъ своимъ словомъ многія изъ ея показаній и отвергнувъ кое-что, прежде прославившееся неопровержимымъ, или иначе понявъ кое-что, не такъ понимавшееся, Добровскій содѣйствовалъ хотя вѣскольکو — не осмысленію Славянскаго многобожія, а употребленію осмысленныхъ приемовъ разсмотрѣнія свѣдѣній. Замѣчательно, что, стараясь держаться древнѣйшихъ источниковъ вмѣстѣ съ народными преданіями, онъ не зналъ что дѣлать съ указаніями той древней Русской лѣтописи, которую тогда единодушно и единогласно считали Несторовою, и не разъ задавъ вопросъ: да сказалъ ли это Несторъ? Не прибавка ли это переписчика? Не высказался онъ съ полною довѣренностью и къ такимъ лѣтонисцамъ, каковы Гельмольдъ и Саксонъ Грамматикъ; а темныя мѣста сказанія Дитмара оставилъ въ сторонѣ.

Если такой многосторонній ученый и критикъ, какъ Добровскій, могъ считать цѣнными ни на чемъ прочно не основанныя и неправильныя показанія Кайсарова и въ то же время сомнѣваться въ показаніяхъ древнѣйшихъ сказаній, то чего же не могли допускать другіе? И вотъ на пр., не напрасно уважавшійся за большую любознательность и начитанность, митр. Станиславъ

Сестренцевичъ - Богушъ въ третьемъ томѣ своихъ *Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves* (S. P. B. 1812: 582 — 613) не считъ неудобнымъ чуть не повторить книгу Кайсарова только съ примѣскою изъ книги Гр. Глинки (Древ. религія Славянъ. Мит. 1804) и кое-чего подобнаго—тоже въ порядкѣ словаря. Остались тутъ Коляда съ Купалою, и Кродо, и Макошь, и Осладъ: Усладъ, и Тризна, и многое другое подобное; явилось для западныхъ изслѣдователей и кое-что новое, какъ на пр. Радомыслъ, который будто бы исполнялъ у Балтійскихъ Славянъ должность Греческой Паллады. Очевидно, Сестренцевичъ не читалъ статьи Добровскаго, какъ не читалъ и многого другого, съ чѣмъ бы ему не мѣшало познакомиться для его *Recherches*.

Нельзя, конечно, винить его за это: такъ дѣлали и другіе, вѣрнѣе сказать, всѣ. И всякій изъ этихъ всѣхъ невольно повторялъ старыя ошибки, а иной прибавлялъ и свои собственныя. Избѣгнуть ошибокъ, которыхъ и не считали ошибками, было невозможно. Легче было безошибочное показаніе или соображеніе принять за ошибку.

Оставляя въ сторонѣ другихъ писателей, занимавшихся Славянскою міеологіей и повторявшихъ съ видоизмѣненіями прежде извѣстное, нельзя миновать Карамзина. Тѣмъ, которые могли читать его первый томъ по Русски, былъ онъ доступенъ съ 1816 г.; а читателямъ Нѣмецкимъ съ 1819 г. Его ученая приготовленность и критическая осторожность были скоро поняты; между прочимъ и страницы его расказа, касающіяся міеологіи Славянской и Русской должны были быть приняты съ уваженіемъ. Карамзинъ повторилъ то, что повторено было много разъ о богѣ боговъ — Бѣлбогѣ, и за тѣмъ остановился на отдѣльныхъ божествахъ, особенно чтимыхъ Балтійскими Славянами. Отмѣчены на Рюгенѣ Святovidъ, Рюгевитъ: Ругевичъ, Поревитъ и Поренуть; въ Раддубургѣ Сива можетъ быть Жива, богиня жизни, та, которая называлась въ Далмаціи Фрихія (Фрея); въ Ретрѣ Радегастъ богъ гостепріимства и разные другіе: — Числобогъ можетъ

быть богъ мѣсяца, Ишабогъ богъ звѣриной ловли, Зибогъ или Зембогъ, котораго обожали въ Богеміи какъ духа земли, Немиза богъ вѣтровъ и воздуха, и кромѣ того принятыя—изъ Скандинавіи (Воданъ), изъ Литвы (Перкунъ богъ молніи, Парстуки или Берстуки), изъ Греціи (богъ любви, брачный геній и Осень); въ Юлинѣ Триглавъ; Припекала м. б. богъ любострастія; въ Гавельбергѣ и Волгастѣ Геровитъ или Яровитъ богъ войны; въ Вагріи Прово богъ правосудія и Подага: Погода богъ звѣроловства или же ясныхъ дней; въ Мерзебургѣ Гениль какъ покровитель собственности. Сказанія о богахъ Польскихъ Славянъ, думаль Карамзинъ, основываются на преданіяхъ и догадкахъ, и въ немногихъ словахъ повторилъ еще разъ повторявшееся прежде. Говоря о Русскихъ богахъ онъ далъ первое мѣсто мироправителю Перуну, за нимъ упомянулъ о Хорсѣ, Дажебогѣ, Стрибогѣ — м. б. богѣ вѣтровъ, Самараглѣ, Мокошѣ, Волосѣ б. скотоводства. Изъ извѣстныхъ по позднимъ сказаніямъ указанъ Ладо, какъ богъ веселія и любви; зачислены въ рядъ боговъ Купало какъ богъ земныхъ плодовъ и Коляда какъ богъ торжества и мира; вспомнута еще Лѣшіе, Русалки, Домовые и Кикиморы.

Труда Карамзина по Славянскому язычеству нельзя назвать ученымъ изслѣдованіемъ; но упрекнуть его въ незнаніи источниковъ и по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ прежнихъ обработокъ было также нельзя. Онъ долженъ былъ быть уваженъ, — и дѣйствительно приобрѣлъ уваженіе. Это доказалъ и появившійся въ 1820 году первый томъ довольно обширнаго и замѣчательнаго по содержанію труда Игн. Раковецкаго: *Prawda Ruska czyli prawa w. x. Jarosława, tudzież Traktaty z cesarzami Greckimi y z Rygą zawarte, których texta poprzedza Rys historyczny zwyczajów, religiy, praw y języka dawnych Słowiańskich y Słowiańsko-Ruskich narodów.* Этотъ томъ весь посвященъ Русу historycznému zwyczajów и пр., а 2-я глава первой обще-Славянской части — очерку Славянскаго язычества. Раковецкій былъ знакомъ съ нѣкоторыми важнѣйшими источниками, съ нѣкоторыми изъ болѣе выдававшихся пособій; но глав-

нымъ не только пособіемъ, а даже источникомъ была Исторія Карамзина. Раковецкій впрочемъ пользовался Карамзиннымъ самостоятельно. Всего болѣе замѣчательно, что онъ ограничилъ списокъ боговъ очень немногими именами. Обозначены у него только Перунъ: Перкунъ; Бѣлый богъ и Черный богъ, Святовидъ, Радегастъ, Прове, Ладо, Ко-Лядо, Купало — и только. Трудъ Раковецкаго внушалъ къ себѣ уваженіе; но такая умѣренность едва ли кому могла понравиться.

Въ 1824 году вышелъ первый томъ *Historji Naroda Polskiego* А. Нарушевича уже по смерти сочинителя, начавшаго лично изданіе своего труда со второго тома — съ тѣмъ чтобы выдѣлкой начала заняться послѣ, и оставившаго послѣ себя это начало въ двухъ рукописяхъ, нѣсколько отличныхъ одна отъ другой и нѣсколько разъ поправленныхъ. Издатели выбрали изъ обѣихъ рукописей все нужное для пополненія. Значительную долю 3 й части этого тома заняла *Mithiologia Słowiańska* взятая изъ Пулавской рукописи (стр. 313 — 496). Имя писателя, уже прославившагося своимъ трудомъ, подававшего надежду на уясненіе неяснаго, и обширность его работы прямо по источникамъ внушили съ перваго раза довѣренность къ этой части его посмертнаго изданія. Всмотрѣвшись въ трудъ можно было увидѣть и обиліе и разнообразіе запаса. Многіе вѣроятно и не желали ничего больше и даже порадовались, что Нарушевичъ далъ не систематическое изложеніе Славянской мифологіи, а обширный объяснительный словарь боговъ, число которыхъ тутъ дошло чуть не до полутораста. Не понравиться могло развѣ то, что списокъ боговъ, уже прежде отмѣченныхъ, все таки былъ неполонъ: такъ нѣтъ въ немъ именъ Ретрскихъ боговъ, описанныхъ Машемъ, и, какъ кажется, только потому, что книги Маша не было у Нарушевича подъ рукою; но недостатокъ этотъ замѣненъ обширнымъ числомъ Литовскихъ, взятыхъ изъ Ласицкаго, и еще нѣсколькими, какъ Фортуна, *Lwagazik*, *Święci na Słupach*. При томъ въ словарѣ Нарушевича явились и такія ссылки и выписки, которыя ускользали отъ вниманія прежнихъ собирателей, какъ на пр. изъ Хро-

ники Енгельгузена, изданной въ Script. rer. Braunsw. Лейбница и изъ другихъ, тамъ же изданныхъ, изъ Космографій и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ все подчинилось болѣе или менѣе рѣшительному объясненію.

Какъ уважительно могъ быть принятъ миеологическій словарь Нарушевича, ясно изъ труда, вышедшаго нѣсколько лѣтъ позже изъ подъ рукъ челоуѣка, заслужившаго въ свое время общее уваженіе, Ант. Юнгмана, подъ названіемъ *Kratký obsah náboženstwí pohanského u Slovanů zvláště u Čechů* (Krok. II: III: стр. 339—392). Это тоже миеологическій словарь—и въ основу его взяты словарь Нарушевича: нѣтъ многихъ подробностей, тамъ помѣщенныхъ, и нѣкоторыхъ описокъ, туда вкравшихся; но имена взяты почти всѣ (кромѣ семи). Есть подробности, на пр. изъ *Respublica Vojeana Странскаго*, которыхъ нѣтъ у Нарушевича; есть и многія имена, взятые изъ другихъ источниковъ, къ сожалѣнію вообще почти нигдѣ не указанныхъ. Для наблюдателя хода разработки Славянской миеологіи важнѣе всего въ этомъ трудѣ дѣятельное желаніе объяснить и имена божествъ и ихъ значеніе. Отъ этого рода работы одинъ шагъ оставался до домысловъ Колара и другихъ поэтовъ-миеологовъ.

Почти все выше означенное могло быть подъ руками того, кто бы вздумалъ участвовать въ работѣ миеологовъ поддѣлкою Чешскихъ глоссъ въ *Mater verborum*—до Карамзина, если бы онъ работалъ до 1818 г., до Юнгмана, если бы работалъ до 1827 г., съ Юнгманомъ, если бы работалъ до 1832 г. Чѣмъ бы меньше было у него пособій, тѣмъ бы онъ больше могъ бояться надѣлать промаховъ; а чѣмъ больше, тѣмъ бы болѣе онъ растерялся въ разнообразіи данныхъ и ихъ объясненій. Не могли не явиться ему вопросы: употреблять ли въ дѣло Прусскія божества, отмѣченныя Гарткнохомъ и принятые многими и многими въ число Славянскихъ? какъ быть съ Ретрскими идолами, будто бы стоявшими вмѣстѣ съ Радегастомъ? Что дѣлать съ Моравскими божествами Стредовскаго и съ Чешскими Странскаго или съ тѣми особенными, о которыхъ говоритъ Гаекъ въ своей Хроникѣ Чешской?

Что дѣлать съ показаніями Польскихъ хроникъ и Русскихъ толкователей? Какой смыслъ дать тѣмъ, которые объяснены были различно? Каждый невѣрный отвѣтъ долженъ былъ повести къ болѣе или менѣе рѣзкой ошибкѣ, которую могутъ съ начала не замѣтить и даже довольно долго не замѣчать, и которая все таки должна наконецъ вскрыться. Какъ стать выше возможности ошибиться? Отвернуться отъ всего, что даетъ наука, тоже нельзя: черезъ это можно впасть въ ошибку еще легче.

И все таки заподозрѣнные глоссы *Mater Verborum* показываютъ, что чародѣй смогъ изловчиться такъ, какъ не могъ бы изловчиться ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣологовъ его времени.

Нѣтъ въ этихъ глоссахъ ни слѣда Ретрскихъ сокровищъ, ни Прусскихъ и Литовскихъ, ни Русскихъ боговъ, ни многихъ изъ Чешскихъ, замѣченныхъ Странскимъ и другими. И есть то, что въ поддѣльщикѣ предполагаетъ не только художественное умѣнье выдѣлать достойное вѣры, но и знаніе времени, подъ которое надобно было поддѣлываться, знаніе приемовъ, употреблявшихся глоссаторами среднихъ вѣковъ, приемовъ и теперь еще не вполне объясненныхъ.

Одинъ изъ этихъ приемовъ, болѣе другихъ распространенный, наставлялъ переводить иноязычныя слова словами своего языка — если можно употребляемыми, если нельзя, то новоскованными, въ томъ и другомъ случаѣ или прямо или объяснительно, не отвергая впрочемъ и употребленія чужихъ словъ, уже вошедшихъ въ употребленіе, въ какомъ нибудь пригодномъ, хотя бы и произвольномъ значеніи. Для примѣра привожу изъ *Vocabulari-я* Клена Роскоханого:

littera cztena, — grammatica slowocztena, — color obraza, — loyka rzeczyna, — dyialectica dyworzyeczyna, — retorica mluwokrassa, — harmonia zwuczba, — musica wodohlass, — sophistria chytrna, — aritmetica poczeterna, — geometria zyemomerna, — astronomia hwyezdartzstwo, — teoloya bohomluwa, — teorica

przyhledna, — metaphysica nahrzyerzecz, — phizonomia przyro(do)znaма, — phizologia mudrona, — mathematica wtypownera и пр. (Sb. Sl. 83).

Еще примѣръ изъ Bohemari-я для учениковъ въ стихахъ:

Materia sit matera, scita wyed, formaque twarnost.
 Figura zposoba, ymagoque obraz...
 Dic fore wyetr ventus, sed zywel fore elementum,
 Aer sit powyetrzye, flatus duch, vapor para.
 Spiramen dychanye, cometa sit tibi zazrak...
 Gnarus sit trzpasslek, sed pigmeus pyedzumuzyk,
 Acepbalus bezhlaw, virago samycze sit,
 Sed dices homines psyhlawy caniculares (Sb. Sl. 27, 39).

Чтобы видѣть, какъ это дѣлалось въ приложеніи къ словамъ, относящимся къ язычеству, привожу небольшой выборъ изъ древнихъ словарей и глоссъ, не боящихся никакихъ сомнѣній въ непринадлежности своему времени, и даю этому выбору азбучный порядокъ (главный источникъ Sbirka nejdaawnějŝich slowníkov *).

- asmodeus sskarzedecz. R. 55.
- belial zmek. R. 55, B. 27, N. 165.
- belzebob obzdecz. R. 55.
- casadaemon dehna. R. 54, B. 27, N. 165. dehnaweyk. N. 157.
- chimera chyra. R. 61.
- cyclopes hromnyerzy. R. 61.
- daemon czirt, czrt N. 157, biess. PS. 223.
- dea modla Th. Stit.
- diabolus dyabel. B. 97, N. 157.
- diana luna. R. 54, B. 27; denicze. N. 157.
- draco draksan. PS. 223; gesczer. PS. 238.

*), B—Bohemarius, C—Catolicon, N—Nomenclator, Pas—Passional, Ps—Psalterz, R—Rozkochany, W—Weleslawin.

- draconius odraczek. R. 69.
 gnanus trzpaslik. R. 61, N. 65.
 gog, magog pozyra, opystal. R. 61.
 grillus dyblyk. R. 55, B. 27, N. 157.
 jupiter kralemoc. R. 54, HL. 194.
 leviathan dyess. R. 55, B. 27, W. 135, N. 165.
 lucifer dennyczye. R. 54, B. 27; swierzednicze. N 157.
 Aleksdr (V. I. 1140).
 mamon bozie. W. 136; vbozie. R. 55, N. 165.
 mars smrtonoss. R. 54; smrt. HL. 94.
 mercurius dobropan. R. 54, N. 165.
 minerva kniehyrada, mudrost. W. 135.
 miro dywak. R. 61.
 musa wodna. R. 55.
 nereides morzup. R. 65.
 phantasma przyelud. R. 55, B. 27, N. 157, C. 175; prsie-
 luda dyablowa. Leg. S. Prok.
 pigmeus pyedymuzik. R. 61, W. 143.
 satan nekossnyk. R. 54, N. 165.
 satyrus poludnyczye. R. 61, W, 147, N. 165.
 saturnus hladolet. R. 54, N. 165, HL. 194: starec.
 sphinx dwvra. R. 61.
 suga mora. W. 149.
 syrene ochochule. R. 65, W. 48; chochlul. R. 68.
 temeantum wal. W. 151.
 titinillus sskrzyetek. R. 55, B. 27, N. 157.
 venus chtytel. R. 54, N. 165.
 vesperus zwyerzyednicze. R. 54, B. 27, W. 153: zwie-
 rzedlice.
 vesta weyda. Pas. 265.
 — augur ptacosnecz. R. 80.
 aurispex ptakoledyeneecz. R. 80.
 demoniacus dyabelnyk. R. 80.
 divinatio kuzdelnost. R. 83; vědmo. Th. Štit.

- divinator kuzdlec. R. 79.
 dura kuzedlnycze. R. 80.
 idolum modla. W. 131.
 incantationes bobonky, čary, kuzla. Th. Štit.
 incantator swabenyk. R. 80.
 incantatrix sswabyczka. R. 80.
 magus ucznan. R. 79; czarodienik, mudrzecz. W. 186.
 maga wieda. Alksdr. (Wyb. I. 1084).
 nigromanticus czrnoknyr. R. 79.
 nigromantia czrnoknyha. R. 85.
 phytones czarodyeniczy. R. 79.
 phytonissa pohadczyenka. R. 80; czarodyenicze. W. 127.
 prestigiatrix mecza. R. 80.
 prodigium zazrak. R. 61, W. 146.
 saga typu. R. 80.
 sortilegus czarodyeynyk. R. 80.
 sortilegium czarowanye. R. 83, W. 149.
 superstitio nastorna. C. 177; superstitiones bobony. Th. Štit.
 venefica travenka. R. 80.

Не къ стати было бы опустить изъ виду тѣ, хотя и немногія, глоссы въ Mater Verborum, которыя остались внѣ подозрѣнія въ поддѣлкѣ:

- driades — poludnice.
 grypha — noh.
 hermaphroditus — námezečnik.
 nanus — trpaslek.
 phyto — vlchvec.
 sirenae — lichoplesy.

Нельзя положительно отвѣтить, какъ давно въ Чешской письменности начался обычай переводить такимъ образомъ слова иноязычныя; но одинаково трудень и отвѣтъ на вопросъ, когда начали по Чешски переводить какія бы то ни было произведенія иноязыч-

ной письменности. На трудности такихъ отвѣтовъ нельзя опираться предположенія, что попытокъ такого рода во все не было въ первые вѣка развитія Чешской письменности, на пр. въ X, XI, XII вѣкѣ. Скорѣе напротивъ изъ того, что знаемъ о XIII, XIV, XV вѣкѣ, можно заключить, что и изъ произведеній этихъ вѣковъ будутъ добыты со временемъ еще другія данныя въ томъ же родѣ, и что въ произведеніяхъ прежняго времени нашлись бы такія же, если бы только открылись самыя произведенія. Во всякомъ случаѣ въ XIII вѣкѣ означенный приемъ перевода уже употреблялся.

Кто хотѣлъ бы поддѣлывать что бы то ни было въ кругѣ письменности среднихъ вѣковъ, долженъ былъ проникнуться чуждымъ означеннаго приема подставленія словъ чужихъ своими. И составитель поддѣльныхъ глоссъ въ *Mater verborum* это не только зналъ, но и умѣлъ примѣнить къ дѣлу. Даже и въ самомъ трудномъ изъ отдѣловъ словъ, касающемся язычества, эти глоссы показываютъ знаніе и умѣнье составителя, не даромъ дававшее ему право быть считаемымъ современникомъ другого, древняго глоссатора *Mater verborum*. Представляю переборъ ихъ въ порядкѣ Латинскомъ.

— *Ares bellum suatouvyt*. Свидѣтельства разныхъ сказаній XII вѣка достаточно доказываютъ, что язычники Славяне и тогда и раньше обожали Святовита. Глосса только показываетъ, что глоссаторъ понималъ языческое значеніе Святовита иначе, чѣмъ бы можно было ожидать отъ принимавшихся во вниманіе сказаній Гельмольда и Саксона Грамматика и отъ узнаваемаго всѣмъ послѣдовавшимъ толкованія ученыхъ мифологовъ.

— *Aphrodis graece, latine venus griue*. Очевидно, глоссаторъ принялъ слово *прига* въ томъ же значеніи, какое давалось Германской *freia, freya*, имя которой дано было и дню пятницу, *Freitag dies Veneris*. Въ первый разъ явилось здѣсь это слово, какъ будто взятое отъ того же корня какъ и

слово пригати пригаж (Чеш. *přáti přěji*), пригатель (Чеш. *přítel*) и т. д. которыхъ отдѣльность отъ словъ приятныи *přijemnu* и т. д., нужно было объяснять еще очень недавно. Теперь оказалось яснѣе, чѣмъ было послѣ соображеній Гримма (*Deut. Mythol.* гл. X и XIII), что Фрея и Прига одно и то же слово, только различно произнесенное, происходящее со многими другими разныхъ Индоевропейскихъ языковъ отъ одного и того же корня (*Fick. Vergl. Wört.* I: 680, II: 410 — 411).

— *agusprex* — *pa paz a ch*, *agusprices* — *pa paz a si*. Глоссаторъ или не понималъ или не хотѣлъ понимать подлиннаго значенія Лат. слова *agusprex*: *hagusprex*, переводя его по Чешски словомъ *pa vazač*, очевидно, не могшимъ означать гадателя по внутренностямъ. Главное созвучіе этого слова есть *w'az*: *ваз*: жз, и оно напоминаетъ о другого рода волхвованіи, о наузахъ, наузникахъ. Этотъ способъ волхвованія былъ извѣстенъ древнимъ Чехамъ, какъ видно изъ выраженія Оомы Штитнаго: *jedna mimo druhú mistruje svá kúzla, aneb své čary, a vědma jakás a pavázu* (*Обес. věc.* Изд. Ерб. 93). Вѣроятно въ такомъ же смыслѣ употреблялъ и Гаекъ слово *pavázovani*: *wselikteraka kuzla zaklinanij czarowanij pa wazowanij*. (I. XVI: об.). У Гайка есть и слово *pa vazač*: *wssecky kauzedlniky a czarodiegnyky, hadače y zaklinače, pa wazače, ptakorawce y wiesstce z cšeske zemie wupleniti* (I. CXXXVII).

— *augur* *pa cora wce*, *augures* *pa cora uci*. На древнее употребленіе этого слова нѣтъ указанія, сколько мнѣ извѣстно; но уже Гаекъ употреблялъ его; нельзя не предполагать, что оно употреблялось и раньше его.

— *beel*, *baal* *udolum* *belboh*. Славянскаго Бѣлбога вмѣстѣ съ Чернобогомъ безъ сомнѣнія зналъ Гельмольдъ. Правда, что въ Хроникѣ его есть теперь только второе имя; но это могло сдѣлаться по ошибкѣ переписчика. Никто не отвергалъ и того, что слово Бѣлбогъ было дѣйствительнымъ

названіемъ Славянскаго божества; а въ подтвержденіе этого можно привести нѣсколько Славянскихъ названій мѣстностей (Čas. Čes. M. XXXVII: 28). Ничего этого впрочемъ и не нужно, если глоссаторъ понималъ отдѣльно слова *bel* и *boh*, и не думая о Бѣлбогѣ думалъ только осмыслить чужое имя *Beel: Baal*.

- *cerberum pagani aiunt infernorum sanem tria capita habentem — san; hydris serpens draco san; tiphones dracones sani*. Слово *сань* употреблялось и въ Старославянскомъ, было и до селѣ остается у Чехо-Славянъ съ разными отбѣнками мѣстнаго значенія.
- *Ceres fruges, frumentum, vel dea frumenti siua; diua dea siua; estas siua*: одно изъ немногихъ названій божествъ, которыя извѣстны и по древнимъ памятникамъ не Чешскимъ. Найденное прежде всего въ Хроникѣ Гельмольда а потомъ отмѣченное и въ другихъ памятникахъ, оно было понимаемо, а потому и читаемо различно: даже Чешскіе ученые читали слово *siva, sieva* и какъ *živa: živena* и какъ *siva*, и какъ *siba*.
- *cytherea, см. venus*.
- *demon scret; dii penates, dii domestici scretti; penates intimi et secretales*. Въ древнихъ словаряхъ словомъ *sckrzyetek* переведено *titinillus*. И теперь еще въ воображеніи народа живетъ *škřítek*, въ Словен. землѣ называемый еще и *škrat, škrátek*. Для *škratka* хозяйки кое гдѣ бросаютъ въ огонь куски кушанья во время его приготовленія (Čas. Čes. Mus. XXII: II: 327).
- *dēmones: demonibus bessi*. По замѣчанію I. Иречка у Чеховъ было въ обычаѣ называть дьявола бѣсомъ до XIV в., а уже позже стали предпочитать названіе черта, явившагося уже со времени Далимила. I. Иречекъ привелъ значительное количество указаній на употребленіе слова *bēs* и *běsi* изъ разныхъ древнихъ памятниковъ: изъ Псалтыря, Евангелія, Александриды, Легенды о св. Прокопѣ и пр. (Čas.

Čes. Mus. XXXVII: 20—21). Изъ памятниковъ Старославянскихъ и Русскихъ можно вывести подобное же заключеніе.

- *diabolus wraah*. Глоссаторъ могъ имѣть въ виду и простое значеніе слова *διάβολος*, и только выразить его по Чешски; могъ имѣть въ виду и особенное христіанское значеніе слова, и тогда онъ могъ желать выразить въ своемъ переводѣ то богословское представленіе дьявола, которое изображало его невидимымъ врагомъ душъ, врагомъ всей вселенной, врагомъ рода человѣческаго, воплощеннымъ зломъ, человѣко-ненавидцемъ.
- *Diana Latonae et Jouis filia deuana letnicina u regunowa dci*. Чтобы сдѣлать Дѣвана изъ Diana нужна ли была глоссатору помощь Стрыйковскаго и его повторителей, создавшихъ *ziewonia*, или же Стрыйковскому помощь подобнаго глоссатора? это легко можетъ рѣшить соображеніе каждаго размышляющаго человѣка. См. еще *Jupiter* и *Latone*.
- *Diva*, см. *ceges*.
- (*H)escate triuia vel nocticula, proserpina morana*. Геката могла явиться по Славянски въ звукахъ Мораны или Моряны по связи понятій о Гекатѣ и о смерти. Старинныя извѣстія, начиная съ тѣхъ, которымъ далъ мѣсто Длугошь въ своей *Historia Polonica*, о божествѣ, носившемъ это имя, не сходятся ни въ произношеніи имени, ни въ его значеніи: по однимъ *Magzana* или *Morzana* то же что Церера, по другимъ это Венера, по третьимъ это *Magzana*, *Mogzawa* или *Magzena* и значить то же что *Mors* или *Nex*; позже писали это слово и *Maglawa*. А между тѣмъ въ народѣ сохранялось и до селѣ сохраняется преданіе о Моренѣ съ обрядомъ. Такъ въ Хрудимскомъ краѣ въ Чешской землѣ передъ началомъ лѣта въ такъ наз. *smrtnu nedeli* (5-е воскр. вел. поста) дѣвушки выносятъ смерть и приносятъ новое лѣто: одѣваютъ соломенное чучело въ женскую одежду, и взявши подъ руки или поднявши на жерди выносятъ изъ

деревни, а потомъ гдѣ нибудь у воды или у оврага раздѣвъ бросаютъ въ воду; затѣмъ ворочаются назадъ съ еловымъ деревцомъ, пестро украшеннымъ лентами и привѣсками, называемымъ маемъ или лѣтомъ, и ходятъ отъ двора къ двору съ пѣснью:

Mořena! Mořena!
 Kam si kliče děla?
 Děla jsem je, děla
 svatýmu Jiří,
 aby nam otevřel
 do ráje dveři. . . .

или же съ какою нибудь другою, для этого предназначенною, и за это получаютъ отъ хозяевъ подарки (K. J. Erben. Prostonar. Čes. písně a říkadla. 1864: 57—59). Съ такимъ же или подобнымъ обрядомъ во всей Моравіи поютъ разныя обрядныя пѣсни, поминая въ нихъ Mařenu. Неся ее поютъ:

Nesemy Mařenu,
 voleji smaženu,
 u vrchu červenou,
 u spodku zelenou,
 pěknou pěknou pobělenou;

а когда принесутъ и разорвутъ:

Už Mařena leží
 a zubami škeři.
 Ma milá Mařeno,
 pro koho s umřela....

Вмѣсто Mařenu или Mořenu поминаютъ и smrt', smrtnici smrtelníčku и т. п. (F. Sušil Mŕavské nár. písně. 1860: стр. 768—773). Съ такимъ же обрядомъ въ Липтовѣ Словенскія дѣвушки поютъ вынося чучело:

Muriena naša,
kde s prebývala!
V dědinskom dome,
v novej stodole;

или же:

Mamuriena dievka,
kde si prebývala!
Na vyšnom konci,
za Hrnčiarovci;

а ворочаясь:

Vyniesli sme Murienu zo vsi,
priniesli sme máj nový do vsi;

или же какуюнибудь другую, изъ назначенныхъ (J. Kollága Narodní Zpiewanky Slowáků w Uhrích. 1834. I: 4. Sborník Slov. nář. piesni povestí и пр. 1870. I: 186 — 188). Что Словаки произносятъ или по крайней мѣрѣ произносили не только Muriena но и Morigena свидетельствуетъ Чапловичъ (Gemälde von Ungern. 1829. II: 255: Diese Maske nennen sie Morigena и пр.), рассказывая этотъ обрядъ, какъ онъ производится въ Тренчанскомъ краѣ. О томъ же обычаѣ въ Тренчанскомъ же краѣ сообщилъ еще ранѣе этого Б. Таблица (Poezye. Wasow. 1806. I: стр. IX) приведя пѣсню:

Morigena, Morigena!
Za koho sy umriela?
Ne za nas, ne za nas,
než za ty nevolné kriešt'any.

Нельзя опустить здѣсь свидетельства Длугоша, который, хотя и объяснялъ Magzapp-у какъ Цереру, тѣмъ не менѣе отмѣтилъ такъ же обычай выноса ея и поверженія. Рассказавъ, что Мечиславъ, по принятіи христіанства, назначилъ 7-е марта ad confringendum abolendumque ea (simu-

lascra) in universis Polonorum regionibus, — и что это было исполнено, прибавилъ: quae deorum et deorum idolorumque confractio et immersio, tunc facta apud nonnullas Polonorum villas, simulachris Dziewannae et Marzannae in longo ligno extollentibus et in paludes in dominica quadragesima laetare projicientibus et demergentibus, representatur, renovatur in hunc diem, nec hujus consuetudinis vetustissimo effectus usque modo apud Polonos defluxit (Hist. II: a, 965: p. 91). За Длугошемъ это свидѣтельство было повторено и другими Польскими историками. Объ обрядѣ Марены въ Силезіи сообщено было довольно обстоятельное свѣдѣніе въ Patriotisches Tageblatt, 1803 г. (Tablyc, Poezyc. I: VII—VIII). О самомъ обрядѣ выноса смерти, безъ упоминанія Морены или Мораны, есть такъ же довольно давнія упоминанія. Гаекъ въ Хроникѣ Чешской подъ 965 г. кажется повторилъ сказаніе Длугоша. Дрессеръ (De festis, 1607 г., стр. 62) замѣтилъ, что въ Мейсенѣ дѣвушки совершали такой обрядъ съ пѣснями, и т. д. О такомъ обрядѣ погребенія смерти у Лужицкихъ Сербовъ, Чеховъ и т. д. сообщены разныя подобранныя свѣдѣнія др. Антономъ (Erste Linien e. Versuches. 70—76).

- Eumenides lutice; Furia dea infernalis lutice. Словомъ лютица просто переведено слово furia. Переводчику оставалось только знать, что фурии назывались и еменидами.
- Faunus, pici filius vilcodlac; pilosi qui grece panites latine incubi appellantur vilcodlaci. О Славянскихъ волколакахъ: волколакахъ свѣдѣній древнихъ не сохранилось; но преданія, до селѣ живущія въ народѣ въ разныхъ краяхъ, свидѣтельствуютъ сами собою о древности ихъ. Сохраняются эти преданія и кое-гдѣ въ народѣ Чехо-Славянскомъ. У Словаковъ сохранилась и пѣсня о волколакѣ:

Matka moja matka, nevola je taká:

chcelas mi dat muža, dalas wlkodlaka и пр.

(Čas. Čes. Mus. VI: 388; Národní Zpiewanky. I: 11).

- *feronia dea paganorum zioba*: чит. *svoba*: свобода, отъ того же корня, какъ свобода и свобѣство. Изъ словаря *li Mater verborum*, или изъ другого подобнаго сборника, или же наконецъ прямо изъ такого источника, какъ Титъ Ливій, глоссаторъ зналъ, что Феронія почиталась покровительницей освобождаемыхъ, и далъ ей въ Чешскомъ переводѣ приличное перенаименованіе.
- *genium uocabant deum, qui uim obtineret rerum omnium gerendarum bose*. Слово *bose*, вѣроятно, надобно читать божъ (сред. рода).
- *genius das*: читай *d'as*: *d'es*. Подъ этимъ названіемъ понимается у всѣхъ Чехо-Славянъ что-то похожее на бѣса; иначе *d'asel*: *дъсьль*, *d'aslík*, *d'ásek*: *дъськъ*. Въ древнихъ словаряхъ словомъ этимъ переведено сл. *leviathan (serpens tortuosus, per quem diabolus significatur)*.
- *genius stedegot setekk*: читай *šetek*: шѣтъкъ? По Странскому *ssetek lar*, по Стредовскому *ssetek vel sskřžitek lar*, *genius domesticus*. Теперь выговаривается *šotek*, что означаетъ добраго духа. Слово это производятъ отъ *šet=šit*—старикъ (*Čas. Čes. Mus. XXXVII: 263*).
- *haruspex*, см. *aruspex*.
- *hydris serpens san*, см. *cerberus*.
- *holocaustum victima sirtua, — sacrificia sirtui*: жрътва, жрътвы: древнее обще-Славянское слово, перешедшее изъ язычества въ христіанство.
- *homina*, см. *omen*.
- *incubi*, см. *faunus*.
- *inferie placatio inferorum vel obsequie, vel infernalium deorum sacrificia, mortuorum sepulture debite trizna; inferie sacrificia que diis manibus inferebant trizna*. Слово *trizna*: *trizna* употреблялось въ подобномъ значеніи и въ древней Руси, какъ свидѣтельствуемъ Повѣсть времен. лѣтъ въ разсказѣ о древнихъ обычаяхъ Русскихъ Славянъ и потомъ подъ гг. 6453, 6454, 6477; но позже вышло изъ употре-

бленія безслѣдно. Въ Чехо-Славянскомъ не сохранилось такого древняго свидѣтельства о тризнѣ; но за то живутъ слова *truzniti*, *truznitise*, *truznovati* и т. д., и въ древности слова *truzn* и *otruzn* (*Passion.* 226, 427, *Sb. Sl.* 271 и 300). Нельзя отчаяваться, что можетъ встрѣтиться въ какомъ нибудь древнемъ памятникѣ и слово *trizna* или *truzna* именно въ томъ значеніи, какъ употреблялъ глоссаторъ.

- *infernus tartarus* *reclō*: читай *reklo*: пекло. Слово древнее и до сихъ поръ обычное не у однихъ Чеховъ, но и у другихъ Славянъ. Относится ли оно къ временамъ язычества, это особый вопросъ, здѣсь не идущій къ дѣлу, какъ вѣроятно не бывшій на умѣ и у глоссатора.
- *Isis lingua egiptiorum terra dicitur yessen, yassni*. Читать надобно, вѣроятно *jesen*, *jasny*. Отгадать, что глоссаторъ хотѣлъ выразить этою глоссою, не легко; но, кажется, ему не было надобности въ показаніи, которое повторено у Дугоша въ выраженіи: *appellabant autem (Poloni) Jovem Jessem lingua sua*, у Странскаго въ выраженіи *jasen notat, nisi fallor, solem*, что у Стредовскаго передѣлалось въ *Chason sive Jassen Sol, Phoebus*. И это показаніе само по себѣ едва ли можетъ быть разумно истолковано.
- *Jupiter Perun*. Что Перунъ былъ богочитаемъ Славянами-язычниками, и именно какъ Юпитерь-громовержець, это едва ли кто захочетъ и сможетъ отрицать. Въ томъ, что глоссаторъ выбралъ для Славянскаго перевода имени *Jupiter* именно это слово, а не *Jesse* или *Jessen*, не *Kralomoc*, и не *Perkun*, *Perkunust*, *Peron* и т. д., можно видѣть только его умную догадливость или же, пожалуй, и незнаніе другого пригоднаго названія. См. *Діана*.
- *Latona letnice* = лѣтница? Составитель глоссы могъ только осмыслить по своему чужое имя, какъ на пр. Роскоханый словомъ *chuga* хотѣлъ осмыслить слово *chimega*. Это было ему, можетъ быть, тѣмъ легче, что слово *letnice* = лѣтницы было издревле употребляемо какъ прозваніе пятидесятицы:

«welika nocz sit tibi pascha, equinoctium wanocze, letnicze pente que coste (Boh. 497. Sb. Sl. 43). См. Diana.

- lucifer zuetlonose, lucifer jubar suetlonose: въ обѣихъ случаяхъ свѣтлоноша. Не чего, думаю, останавливаться, на томъ, что Чешское слово есть простой переводъ Латинскаго—въ томъ же родѣ какъ на пр. logica rzeczyna, sophistria chytrna, geometria zuemomerna и т. д.
- Lucina zuetluse, lucina dea suetluse: очевидно свѣтлуша. И это такой же переводъ слова lucina, какъ свѣтлоноша— слова lucifer.
- magi charodegi: читай čaroději: чародѣи. Это древнее Славянское слово, не придуманное, а не совсѣмъ хорошо употребленное Роскоханымъ (sortilegus czarodyeunyk. Sb. Sl. 80) и Велешинымъ (fitones czarodyeniczy, fitonissa czarodyenice, Sb. Sl. 127), хотя Велешинъ зналъ и подлинное значеніе слова (magus czarodienik mudrzecz. Sb. Sl. 136). Слово это было употребляемо Чехами, вѣроятно, и въ живой рѣчи. Такъ на пр. употребилъ его переводчикъ Марка Паола: (Chinbiš. . . přikaže čaroděníkóm a hvězdařóm svým, aby pověděli uhodnuce kterakej by konec boj měl vzieti (Wyb. z lit. II: 51). Правда, что всѣ приведенные Чешскіе примѣры относятся къ слову чародѣйникъ, а не къ слову чародѣи; но первое есть только послѣдствіе второго, и въ Ст. Слав. явилось позже. Что было у Чеховъ въ обычай и слово čaroděj свидѣтельствуешь еще производное слово čarodějnu, не говоря уже о первообразныхъ čar, čara, čary.
- Mercurius a mercibus est dictus. Radihost wpukk kirtow. Извѣстія Адама Бременскаго, Гельмольда и нѣкоторыхъ другихъ не даютъ возможности сомнѣваться, что Радигость (: Redigost, Radigast и т. п.) было названіемъ бога, поклоняемаго не только въ Ретрѣ и другихъ городахъ Балтійскихъ Славянъ, но и южнѣе у Сербовъ Саксонскихъ. Чтимъ ли былъ онъ у Чеховъ и Мораванъ и далѣе на востокъ, изъ древнихъ свидѣтельствъ этого не знаемъ; но имена собствен-

ныя мѣстностей, въ которыхъ и теперь еще звучитъ это имя, наводятъ на возможность не отрицать этого: такъ въ Таборскомъ краѣ есть Radhošť, въ Прахинскомъ — Radhostice и Radošť, въ Морави гора Radhost, Radošť и пр. (W. S. Sumlork Staročes. pověsti. II. 1847: 535). Имѣние Radgosc (: Radgošč: Radhošť) упомянуто въ грам. 1226 г., Redgosc въ грам. 1203, 1226 и др., въ земскихъ доскахъ 1410 г., Radhošťowice въ записи 1389 г. и др. (Regesta Bohem. et Morav. I: 213, 328, Archiv česk. F. Palackého. II: 322). Къ переводу Меркурія именемъ Славянскаго бога Радигоста глоссаторъ прибавилъ еще выраженіе: vnuk Kirtow, и заставилъ призадумываться Славянскихъ миеологовъ новаго времени. По древнимъ сказаніямъ Меркурій былъ внукомъ Сатурна, сыномъ Юпитера Пика: это зналъ глоссаторъ изъ другого мѣста словаря, гдѣ говорится о Пикѣ (см. Pícus), и слѣдовательно не совершенно невѣдомо для себя уравнилъ внука Сатурна съ внукомъ Kirtow-ымъ, если только не ошибся какъ нибудь въ написаніи слова kirt вм. krop (κρόνος). Если не сдѣлалъ онъ этой ошибки, то могъ подъ словомъ Kirt понимать то же, что понимали Саксоны подъ именемъ kredo, (какъ далъ знать Гриммъ (Deut. Myth. гл. XII въ кон.), или затаилъ въ немъ слово cirt (: чертъ), или... или... (См. еще ниже подъ словомъ Saturnus). Въ древнихъ названіяхъ Чешскихъ мѣстностей часто попадаетъ созвучіе krt (Krrti: 1227, Chirti: 1251, Kirtina: 1237, Cretes: Cretez: 1228, 1233, 1239, Podekcretni: 1249, Kretkov: 1175 и пр. (Regesta Boh. et Mor. 155, 332, 337, 380, 430, 453, 575, 592)... Остановиться можно на вопросѣ: какъ это вздумалъ глоссаторъ дать знать о дѣдѣ внука, или о внукѣ своего дѣда? Не трудно это было тому, кто по неволѣ знакомился съ генеалогіей боговъ, кто легко могъ знать о дѣдахъ и внукахъ библейскихъ, кто къ тому по логикѣ своего языка, выразившейся въ словахъ dědina,

dědinnik и пр., могъ даже чувствовать пристрастіе къ дѣдамъ сравнительно съ отцами.

— *nenia carmina mortuorum zale: читай žale.* Хотѣлъ ли глоссаторъ употребить здѣсь слово *жали* какъ обусловленное обычаемъ названіе особеннаго рода пѣснопѣній? На этотъ вопросъ отвѣтъ кажется невозможнымъ за недостаткомъ данныхъ. Могъ ли онъ употребить это слово какъ опытъ осмысленнаго перевода Латинскаго слова? Отвѣтъ, кажется долженъ быть несомнѣнно положительный: да, могъ; въ этомъ удостовѣряетъ и существительное *жалъ*, издревле употреблявшееся какъ синонимъ словъ *скорбь*, *горе*, и т. д., и глаголъ *жалѣти*, *жалити*, *жалостити* и пр. *).

— *nigromanticus cirnoknisnik, nigromantici cirnoknisnici, nigromantici cirnocnisnici.* Въ средніе вѣка на западѣ *libri necromantici* назывались и *libri nigri, sacra nigredine colorati*, какъ заявилъ уже Марціанъ Капелла, по древне-Нѣмецки *swarze buochen (daz wir die glöse suochen in den swarzen buochen. W. Wackernagel. A. deut. Leseb. 443, Trist. 18)*, по древне-Чешски *czernoknyha* (см. выше). Самые *necromantici* назывались *nigromantici*, что по Чешски такъ же издревле было переведено въ томъ же духѣ: записанное у Роскоханого *czrnoknyh* вѣроятно явилось какъ нибудь по опискѣ вмѣсто *czrnoknyz* или *czrnoknyznyk*. Глоссаторъ, задумавъ дать Чешское объясненіе слову *nigromanticus*, могъ перевести его только посредствомъ *cirnoknisnik*.

*) Не какъ настоящая *nenia*, но все-таки какъ пѣснь скорби объ утратѣ милаго человѣка, можетъ быть разсматриваема Словацкая пѣсенка (Sb. Sl. п. р. II: I: 29):

Zaspievaj kohútku na zelenom prutku,
 žiaden človek ne vie o mojom zármatku.
 Žiaden človek ne vie, ani ne uhádne,
 za kým moje srdce dobre ne uvadne.
 Poduj ty vetričku, poduj že na skale;
 a zdaj že odduješ z mojho srdca žiale.

- *pumenide dee sancte suetice*. Словомъ *suetice*: сватица глосаторъ просто перевелъ Латинское *sanctae*.
- *omen augurium znamenē, nomina auguria znamenē*. Глосаторъ или сознательно, или бессознательно понималъ христіанское значеніе слова *σημείον*, *signum*, и потому только могъ употребить слово *znamenie* (: знаменіе) для объясненія слова *omen* (срав. на пр. Ст. Слав. бѣдѣть знаменіемъ (*σημεία*) въ снѣци и лоунѣ съ Чеш. *budú znamení na slunci a na měsíci*. Лук. XXI: 25).
- *rap umago hircina veless, rap primus calamo cera coniungere plures instituit, rap curat oves ovium que magister veless*. Невольно вспоминается Велесъ богъ скотии древней Русской лѣтописи и Велесовъ внукъ Слова о полку Игоря. Прямого свидѣтельства, что Чехи чтили своего Велеса какъ скотія бога, нѣтъ; но что Велесъ у язычниковъ Чеховъ что-то значилъ, на это есть доказательства—и въ поговоркѣ *někam k welesu za moře zaletěti*, и въ восклицаніи *Tkadlečka XIV vřka: jaký t' jest čert aneb kú weles aneb kú zmek tě proti mne zbudil* (II: 3).
- *pegasus equus Neptuni qui fama interpretatur cridlatec*. Глосаторъ зналъ, что пегасъ былъ крылатый конь и далъ объ этомъ знать по Чешски.
- *penates, см demon*.
- *picus saturni filius ztraces sitiuratonv zin*. Простой переводъ съ Латинскаго, сдѣланный челевѣкомъ, который находилъ возможнымъ Сатурна подставить Сытивратомъ.
- *pilosi a grecis panites a latinis incubi uocantur, quorum forma ab humana effigie incipit sed bestiali extremitate terminatur moguzzi*. Если не въ народномъ суевѣрїи, то по крайней мѣрѣ въ сказкахъ Чехо-Славянъ доселѣ живетъ *mogous*: *mogous*, съ тѣми же свойствами, какъ у другихъ Славянъ упырь. Есть и пословицы: *sužuje lidi jako morous, chodi jako morous* (*Čelakovski Mudrosloví nar. Slov. ve příslovích*, 495; *J. Jiříček Studia. Čas. Čes. M. 1863: 15*). Чтò появи-

- мали Чехи въ XVI вѣкѣ подъ морусомъ объяснилъ отъ части I. Штельцаръ въ предисловіи къ своей книгѣ O stvoření světa, гдѣ, припоминая разные невѣжественные поступки священниковъ, поставилъ въ ихъ ряду тѣхъ, которые наставляли народъ, какъ избавлять дитя, чтобы изъ него не сдѣлался mógous (Wyb. z. lit. Čes. II: 1643). Срав. Чеш. и Поль. moga: mûga, Англо-Сак. moere, Англ. nightmare, Франц. sauchemare, Рус. кикимора, шишимора, и пр.
- *piram, gogam in quo mortui comburruntur sarovicse*: читай *žarovišče*: жаровище. Повторю замѣчаніе А. А. Котляревскаго: «Глоссаторъ къ готовому Латинскому тексту только прибавилъ описательное Чешское выраженіе, которое столь же мало указываетъ на языческую древность, какъ и церк. Слав. сл. жаратькъ, жератькъ» (Погреб. обыч. Слав. 22). Срав. Чеш. нов. *žeřaví, žeřavý*, Рус. жаровня и т. д.
- *portentum est quod subito apparet et aliquid pretendit presaga*: чит. *prěšera*: прѣшера, по новому выговору *prěšera*. Слово это вмѣстѣ съ понятіемъ (*lesur*) было въ ходу въ древнее время и доселѣ сохранилось въ народѣ.
- *proserpina rogata*: чит. *porvatá*: порвата. Глоссаторъ зналъ сказку о Прозерпинѣ и перевелъ по Чешски ея Латинское прозваніе *rapta*.
- *sacrificia*, см. *holocaustum*.
- *sacrificium est uictima et quescunque in ara concremantur seu proronuntur treba*. Какъ мало знали Чехи о значеніи слова *treba*: трѣба, здѣсь опредѣленномъ, до сороковыхъ годовъ, можно удостовѣриться изъ Словаря Юнгмана. Тогда еще не знали древнихъ церк. Слав. памятниковъ, гдѣ слову этому дано именно это значеніе; а немногіе отмѣченные случаи его употребленія въ православныхъ церковныхъ книгахъ не обращали на себя вниманія. Тѣмъ яснѣе можно было ожидать вниманія къ поводамъ, по которымъ въ Чешской землѣ и сосѣднихъ изъ давна многимъ мѣстностямъ давали имена, напоминающія это слово, каковы: *Třebaní* (до 1003),

- Trebenici (съ 1055), Trebesici (съ 1057), Trebina (съ 1061), Trebouane (съ 1086), Trebnussy (съ 1143), Trebecs (съ 1160), Trebaua (съ 1167) и пр. Многя изъ этихъ названій сохранились и доселѣ (Срав. Юнгмана *Slovník IV. 625. Vowel, Pravek země Čes. 376, Sumlorck Staročes. pověsti II: 132*).
- *sagareta vilchvice*. Въ древнихъ Старослав. памятникахъ, какъ отмѣтилъ уже только Востоковъ въ своемъ словарѣ, встрѣчается слово влѣхва; возможны и слова влѣхвѣць и влѣхвица. Первое изъ этихъ двухъ словъ есть въ незаподозрѣнныхъ глоссахъ въ *Mater verborum: wilchues: vlichves*; такъ же естественно можно было ожидать и *vilchvice*.
- *Salacia dea paganorum quasi maritima chlipa*. Глоссаторъ понималъ слово *salacia* какъ однозначашее со словомъ *salacitas*, т. е. какъ синонимъ словъ *libido, voluptas* и т. п. и слову *chlipa* далъ болѣе частное значеніе, чѣмъ бы можно было, судя по его употребленію въ древности, именно такое, какое Велешинъ далъ слову *chlipnost (effrenata libidinis znikla chlipnost. Sb. Sl. 124)* и какое выразилось въ глаголѣ *chlipati (malý had najvíce sírá a chlapě najvíce chlipá. Aleksdr. Vyb. I: 1097)*. Срав. *chlipa* въ слѣд. выраженіяхъ: *Had sie rozhněvav u svej chlipě pusti sie (Basn. XIV v. Čas. Čes. M. III: III: 58); krajci, hudci a pištci své řemeslo ku přielišné chlipě obracují (Th. Štit. Obec. věc. VII)*.
- *Saturnum pagani illum esse aiunt qui primus ab Olimpo cepit arma jouis fोगiens syti wrat*. Глоссаторъ предпочелъ особенный переводъ Латинскаго названія бога, такой же своеобразный, каковъ и другой древній *hladolet*; и это — то же сложное слово, къ сожалѣнію не поддающееся вразумительному разложенію; но глоссаторъ, вѣрно, ему сочувствовалъ, употребивъ его два раза, и въ первый разъ въ формѣ прилагательнаго: *picus Saturni filius — sytiuratonv zin ztraces*.

Что теперь въ Чешскомъ языкѣ этого слова нѣтъ, это равно ничего не значить: нѣтъ теперь и слова *hladolet*, и слова *starec* въ значеніи Сатурна. Думаю, что не могло быть ихъ и въ древности какъ общаго народнаго достоянія, и все-таки это не могло помѣшать явиться имъ въ книгахъ. Считаю не лишнимъ помѣстить здѣсь остроумную догадку А. Н. Веселовскаго, отъ чего могло явиться слово *sytiŕrat*: слово *saturnus* могло быть понято глоссаторомъ какъ *saturnus*: *sat-turnus* и переведено такимъ же сложнымъ — *syti—ŕrat*. Отъ себя прибавлю вопросъ: не повторилась ли та же мысль о вращеніи и въ другомъ названіи, данномъ Сатурну глоссаторомъ, въ словѣ *kirt*? Не взялъ ли онъ это слово отъ того же корня какъ и глаголы *kratati*, *krъjati*: *krъtiжti* и пр.

- *sortilogi hadaci*. Слово *hadač*: гадачь имѣеть полное право на уваженіе по древности, по частому его употребленію многими древними писателями (см. въ *Slovníku* Юнгмана) и по уцѣлѣнію его въ нѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ.
- *syrene lichopleši*. Въ незаподозрѣнныхъ глоссахъ М. V. употреблено въ такомъ же значеніи это слово *lichopleši*: *лихопласы*.
- *tiphones*, см. *cerberus*.
- *triceps qui habet capita tria capree trihlavv*. Нужно ли было глоссатору имѣть какое нибудь понятіе о Славянскомъ божествѣ Триглавѣ чтобы перевести его прозвищемъ Латинское слово *triceps*, можетъ рѣшить каждый читатель.
- *triptes species demonum a verbo tripō .i. ludo, quia deludunt dormientes v̄zpesi*. Ганка не зналъ, какъ читать это слово въ един. числѣ: *uspěch* или *uspřěs*; Юнгманъ читалъ *uspřěch*; Шафарикъ съ Палацкимъ опять усумнились, и задали вопросъ, не надобно ли читать *uspřěi* съ предположеніемъ, не взято ли это слово отъ глагола *sprati*; Патера принялъ ихъ чтеніе какъ вѣрное, безъ оговорокъ; но, вѣроятно, не наложилъ запрета на стараніе продолжать догадки. Можетъ

быть, комунибудь удастся напасть и на болѣе счастливое объясненіе слова.

- *vates propheta diuinus vestes*: чит. *věšt'ec*: вѣщъць. Слово древнее, употреблявшееся изъ давна и въ Старославянскомъ, и въ Чешскомъ.
- *uaticinia poetarum carmina vescri*: чит. *veščbu*: вѣщбы. И это слово такое же древнее, какъ *věšt'ec*: вѣщъць и *věštica*: вѣщица.
- *uenus dea libidinis cytherea lada*. Слово *lada* изъ давна извѣстно Чехамъ въ значеніи красавицы, какъ видно изъ выраженія Далимила: *najkrášju ladu vsadichu na kladu* (XIII: 8—9); а въ простонародномъ языкѣ значило и значить то же, что наше красотка не въ похвальномъ смыслѣ. Въ другихъ Слав. нарѣчійхъ это слово или употреблялось или еще и осталось такъ же съ образомъ красоты, возбужденія любви. Древніе источники, изъ которыхъ бы видно было, что Славяне язычники чтили богиню Ладу, похожую на Венеру, мнѣ неизвѣстны; но извѣстія М. Мѣховиты исправлявшаго показанія Длугоша или вообще хронографовъ, какъ онъ выразился, не можетъ быть заподозрѣно, а онъ записалъ: *Adorabant Ledam matrem Castoris et Pollucis... quod auditur in hodiernam diem a cantantibus uetustissima carmina: Lada Lada Peli Peli Poleli cum plausu et crepitu manuum, Ladam (ut ausim ex uinae uocis oraculo dicere) Ledam vocantes, non Martem, Castorem Leli, Pollucem Poleli* (II: 2). Такого же рода пригѣвы долго оставались, какъ извѣстно, и у Русскихъ. У Сербовъ доселѣ дѣвушки въ Юрьевъ день ладаютъ (см. Рѣчникъ Караджича). Нельзя, кажется оспаривать, что подобныя ладанья могли быть и у Чеховъ; а пословица, замѣченная Челяковскимъ «*Ach Lado Lado, srdce srdci bývá gado*» только подтверждаетъ эту возможность (Mudrosł. Slov. 494).

Приводя все отмѣченное къ общему итогу, вижу, что глос-

саторъ былъ очень скупъ на имена боговъ изъ язычества Славянскаго, не щедръ на имена мнѳическихъ существъ, живущихъ въ суевѳріи Славянскомъ, сравнительно щедръ на переводы именъ боговъ не-Славянскихъ Чешскими именами, богатъ подборомъ словъ для выраженій суевѳрныхъ дѳійствій и дѳійствующихъ лицъ; держался вообще одного и того же средневѳковаго приѳема осмысленія чужого своимъ, но тѳмъ менѳе, чѳмъ менѳе встрѳчалъ надобности пользоваться навыкомъ свободнаго осмысленія звуками своего языка того, что было чуждо его народу.

Изъ единичныхъ боговъ Славянскаго язычества, кромѳ слова богъ въ *Velboh*, что можно читать и *Бѳлбогъ* и *Белъ богъ*, у него явились только

Велесъ — какъ Панъ,
 Лада — какъ Венера-Цитерея,
 Морана — какъ Геката,
 Перунъ — какъ Юпитеръ,
 Прія — какъ Венера-Аеродита,
 Радигость — какъ Меркурій,
 Siva — какъ Церера, *diva, aestas*,
 Сватовитъ — какъ Марсъ.

Нельзя отрицать, что Славянскія имена божествъ выбраны вѳрно; вмѳстѳ съ тѳмъ нельзя отрицать, что по крайней мѳрѳ нѳкоторыя изъ нихъ взяты для объясненія Латинскихъ боговъ произвольно. Такъ на пр. для объясненія значенія Меркурія взято имя Радигоста, для объясненія Марса—имя Сватовита...

Изъ мнѳическихъ существъ, живущихъ или жившихъ въ суевѳріи Славянскомъ, припомнаны

Бѳсы — какъ *demones*,
 Влько(д)лаци — какъ *pilosi*,
 Дяси — какъ *genii*,
 Моруси — какъ *pilosi*,
 Прѳшера — какъ *portentum*,

Сани — какъ *tiphones, dracones*,
 Скрети — какъ *dii penates*,
 Шетьци — какъ *genii*.

Замѣченное выше о Славянскихъ подстановкахъ единичныхъ божествъ Латинскихъ можетъ быть повторено и объ этихъ подстановкахъ, хотя, вообще говоря, эти подстановки болѣе удачны.

Нѣкоторыми изъ этихъ именъ глоссаторъ воспользовался и болѣе свободно, сравнивая ихъ значеніе съ частными представленіями древняго міра: такъ вѣждлакъ пригодился ему для обозначенія Фавна, сань для обозначенія Цербера и пр.

Какъ совершенно свободный осмыслитель языческихъ представленій древняго міра, онъ выказалъ себя въ слѣдующихъ словахъ:

Божа = *genius, deus*,
 Врагъ = *diabolus*,
 Дѣвана = *Diana*,
 Крыдатель = *pegasus*,
 Лихопасы = *syrenae*,
 Лѣтница = *Latona*,
 Лютица = *Furia*,
 Порвата = *Proserpina*,
 Своба = *Feronia*,
 Свѣтлоноша = *Lucifer*,
 Свѣтлуша = *Lucina*,
 Сватица = *numenidae deae, sanctae*,
 Страчьць = *Picus*,
 Сыттивратъ = *Saturnus*,
 Триглавъ = *Triceps*,
 Хлипа = *Salacia*,
 Uzpesi = *triptes*.

Куда отнести названія *Kirt* (*Radihost wnukk Kirtow*) и *Yassni Yesen Isis*, не знаю.

Изъ языческихъ дѣйствій обозначены:

вѣщбы — vaticinia,
жали — pena,
жрътва. — holocaustum, sacrificia,
знаменик — omen, augurium,
трѣба — sacrificium,
тризна — inferiae.

Изъ лицъ, принимавшихъ такъ или иначе участіе въ такихъ дѣйствіяхъ, обозначены:

вгъхвица — sagareta,
вѣщць — vates,
гадачи — sortilogi,
навазачъ — haruspex,
птакоправьца — augur,
чародѣи — magus,
чрьнокнижьникъ — nigromanticus.

Какіе изъ тѣхъ и другихъ словъ не принадлежали къ кругу понятій и обычаевъ народныхъ, видно изъ того, что прежде было отмѣчено.

Весь подборъ словъ невеликъ; но и въ такомъ небольшомъ подборѣ поддѣльщикъ не только неумѣлый, но и мало-мальски неосторожный, неглубоко проникнувшій въ духъ времени, подъ которое поддѣльвался, легко могъ надѣлать много ошибокъ, особенно довѣряясь всѣми уважаемымъ изслѣдователямъ ему современнымъ и прежнимъ, или даже и такимъ произведеніямъ давняго времени, которыя могли быть почитаемы источниками.

Въ этомъ подборѣ словъ чувствуешь знаніе глоссаторомъ того, что могло быть въ XII—XIII в. въ повѣрїи народномъ и въ записяхъ людей знавшихъ Чешское язычество, и чего быть не могло. У него повторилось кое-что и то, что узнали изъ книгъ и изъ народнаго языка, но только кое-что изъ очень многаго, внесеннаго

въ книги и сочтеннаго вѣрнымъ, а потому и переносившагося изъ однихъ книгъ въ другія.

И въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, глядя на заподозрѣнныя глоссы *Mater verborum* какъ на поддѣлку первой трети XIX вѣка, приходится только удивляться уму, знанію, чутью поддѣльщика, а вмѣстѣ съ тѣмъ удивляться и возможности владѣть такимъ знаніемъ и чутьемъ въ землѣ Чешской въ то время, когда и самые почтенные люди, вожатаи науки и къ нимъ близкіе ими не владѣли.

Тѣмъ не менѣе—если поддѣлка сдѣлана, то значить — была возможность достигнуть въ ней кому нибудь того, что по силамъ другихъ было невозможно.

Если же усумниться въ возможности достигнуть какому то неизвѣстному знанія и чутья древности, недоступныхъ самымъ уваженнымъ знатокамъ, то придется и на поддѣлку взглянуть иначе, чѣмъ требуетъ палеографическое изслѣдованіе глоссъ, сдѣланное А. О. Патерою.

Заподозрѣнныя глоссы написаны иначе чѣмъ незаподозрѣнныя и при томъ нѣкоторыя сдѣланы изъ словъ, прежде написанныхъ, подчисткою, передѣлкою буквъ, припискою новыхъ буквъ, и т. п. Это дознано наблюденіями, и должно быть признаваемо вѣрнымъ.

Вѣрно ли въ такой же степени и то, что всѣ глоссы, написанныя иначе, чѣмъ незаподозрѣнныя, написаны въ недавнее время? Это еще вопросъ. Говорить объ этихъ глоссахъ, какъ о написанныхъ въ XIX вѣкѣ, не наблюденіе, а предположеніе, явившееся только какъ послѣдствіе подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернила и т. п. Нельзя не желать, чтобы такое предположеніе было обставлено неопровержимыми доказательствами. Съ нимъ соединяется, кажется очень естественно другое предположеніе: если поддѣльщикъ взялъ на себя трудъ надѣлать глоссъ въ рукописи *Mater verborum*, то едва ли могъ удержаться отъ вожденія надѣлать разныхъ приписокъ и въ другихъ рукописяхъ, — и потому слѣдуетъ рассмотреть рукописи

Чешскаго музея, ища въ нихъ такихъ же поддѣлокъ. Если ихъ нигдѣ не окажется; то убудетъ одно изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ новой поддѣлки. Тѣмъ внимательнѣе надобно будетъ добиваться другихъ доказательствъ.

До тѣхъ же поръ, пока ихъ на лицо нѣтъ, позволительнымъ считаю вопросъ: Не приписаны ли заподозрѣнные глоссы такъ же въ древнее время, но послѣ первыхъ, незаподозриваемыхъ, тогда еще, когда не было надобности ни въ какихъ особенныхъ знаніяхъ, ни въ какой осторожности?

Если даже и доказано будетъ, что глоссы приписаны въ XIX вѣкѣ, то все еще останется вопросъ: Не списаны ли они съ какого нибудь утраченнаго или скрывающагося древняго памятника — такъ, что вписывавшій ихъ только переписывалъ, и если мудрствовалъ лукаво, то только въ подчисткахъ и въ подправкахъ?

Во всякомъ случаѣ нельзя не быть признательнымъ А. О. Патерѣ за его превосходное изслѣдованіе. Къ чему бы наконецъ ни привели разысканія о Чешскихъ глоссахъ въ М. V., на нихъ уже не будутъ смотрѣть, какъ смотрѣли. Если онѣ и окажутся не недавно сочиненными, а болѣе или менѣе древними, то все-таки годны будутъ не столько для объясненія неяснаго и дополненія неполнаго въ другихъ свѣдѣніяхъ о миросозерпаніи, вѣроученіи и религіозныхъ обрядахъ Чеховъ язычниковъ. сколько для объясненія нѣкоторыхъ знаній и литературныхъ пріемовъ Чешскихъ писателей того древняго времени. Если же онѣ окажутся сочиненными недавно, т. е. не менѣе какъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, то вскроется не менѣе — если даже не болѣе — важное обстоятельство: ясное, неопровержимое указаніе, что одновременно съ Добровскимъ былъ у Чеховъ такой ученый знатокъ древности Чешской и вообще Славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности зналъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самого Добровскаго. Нисколько не унижая достоинства заслугъ знаменитаго слависта, всюду и всѣми одинаково чтимыхъ, надобно будетъ по-

мнить, что одновременно съ силой его учености дѣйствовали въ народѣ Чешскомъ и другія такія же силы, хотя и не такъ стѣснительно направленныя, но не могшія оставаться безъ всякаго добраго вліянія на другихъ дѣятелей, силы болѣе или менѣе самобытныя, неподчинявшіяся современнымъ увлеченіямъ, могшія оцѣнить ихъ по достоинству строгою критикою ума и знанія, богатая знаніемъ и того, что всякому другому оставалось недоступнымъ.



